МЕЖДУНАРОДНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

20–23 апреля 2026 г.

Том I

HOMO RES SACRA

ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԻ ԴԱՇՆՈՒԹՅԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԲԱՐՁՐԱԳՈՒՅՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ, ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ, ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ԵՎ ՍՊՈՐՏԻ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ՏԱՐԵԿԱՆ ՈՒՍԱՆՈՂԱԿԱՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ

Ապրիլի 20–26 2026թ.

ՄԱՍ I.

ԵՐԵՎԱՆ–2026

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И СПОРТА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МЕЖДУНАРОДНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

20–26 апреля 2026г.

ТОМ I

ЕРЕВАН–2026

УДК 378:001(082)
ББК 74.48+72я43
М 431

Печатается по решению Ученого совета и Редакционно-Издательского совета РАУ

Редакционная коллегия

Э.М. Сандоян (председатель), П.С. Аветисян (заместитель председателя), М.Г. Хачатрян, Э.М. Казарян, Е.Г. Маргарян, Ж.Б. Арамян, М.А. Калашян, К.В. Мар-карян, Р.В. Захарян, А.К. Агаронян, Г.С. Асатрян, Н.И. Таткало, Р.Г. Арамян, С.С. Саргсян, Г.Г. Тоноян, Д.Б. Айрапетян, Э.Р. Сиволенко, В.Ш. Меликян, Г.Г. Да-нагулян, А.М. Григорян, А.А. Аракелян, А.А. Оганесян, М.А. Восканян, И.Б. Петросян, Р.А. Коджоян, А.А. Тавадян, А.В. Агаджанян, Б.В. Маилян, А.С. Берберян, К.С. Акопян, Г.Э. Галикян, Л.С. Меликсетян, А.А. Си-монян, Г.Г. Геворгян, Н.В. Геворгян, О.Л. Саркисян, В.А. Оганесян, К.Г. Сардарян, Н.Ю. Зограбян, А.С. Гам-барян, М.В. Алекян, Н.И. Кеворкова, В.Р. Кеворков, А.Л. Григорян.

М 431 **Международная студенческая годичная научная конференция.** 20–26 апреля.– Ер.: Издательство РАУ, 2026. Том I. – 831с.

Сборник печатается по материалам Международной Студенческой Годичной научной конференции, проведенной в Российско-Армянском университете. Статьи публикуются в алфавитном порядке и под авторскую ответственность. Публикация сборника осуществлена в соответствии с требованиями ВАК РА к сборникам научных трудов.

УДК 378:001(082)
ББК 74.48+72я43

ISBN 978-9939-67-421-6

© Издательство РАУ, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕМАТИКА

Митоян А. Математическое моделирование задачи сверхзвукового Флаттера в температурном поле 12

ИНФОРМАТИКА

Елизарова С.А., Бабенко А.А. Анализ алгоритмов выявления аномалий в поведении пользователей информационных систем 18

Кириллова А.Э., Сомов А.Г. Разработка модели на основе ии для управления рисками в критичной логистической инфраструктуре....23

Сирунян В.Т. Повышение точности алгоритма отождествления данных применением динамического стробирования....30

Сурменелян К.С., Арамян А.Ж., Сардарян А.С., Ованнисян О.А, Смбатян М.М., Погосян В.Т., Маладжян А.А. Алгоритм генерации синтетических данных для задач дистанционного зондирования на основе Unreal Engine 5....34

ФИЗИКА

Касян А.А., Сиволенко Э.Р. Проектирование волоконно-оптической магистрали на основе технологий XG-PON И XGS-PON для обеспечения мультисервисного доступа 41

Тимошина Д.А., Караулов Д.А., Винниченко М.Я., Айрапетян Д.Б. Исследование модуляции пропускания терагерцового излучения в InSb n-типа в сильных электрических полях....51

БИОЛОГИЯ, ХИМИЯ

Асатрян Г.А., Григорян А.М., Нерсисян Г.Г., Алхазян М.М. Получение венотонизирующих препаратов на основе конского каштана (Aesculus hippocastanum L) 57

Гольцверт Г.С., Напреенко М.Г. Опыт классификации сукцессионных стадий растительности на нарушенных торфяниках в целях климатических проектов (на примере карбонового полигона «росянка» в Калининградской области) 61

Еремян Р.А., Микаелян А.Р. Перспективы применения методов Atra и Atrc в синтезе лактон-лактамных соединений....64

Zhukova I., Arakelyan A. Comparative Transcriptomic Analysis of Differential Gene Expression in clear cell Renal Cell Carcinoma and Autoimmune Glomerular Diseases....69

Навасардян Р. Сравнительное исследование антиоксидантных свойств этилацетатных экстрактов свежих и высушенных плодов Маклюры Оранжевой (Maclura Pomifera) 74

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Հալուլյան Ա. Հանցանք կատարած անձին տուժողի հետ հաշտության հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատման գործերում պրակտիկ խնդիրները 83

Բարսեղյան Ա.Հ. Դատավորի հատուկ կարծիքը՝ որպես ներդատական դիմադրության դրսեվորում 100

Варданян Э.Т., Гукасян А.П. Личность современного преступника как криминологическая проблема 108

Խաչանյան Ռ.Դ. Քրեական պատասխանատվությունից ազատելը տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում հի նոր քրեական օրենսգրքի լույսի ներքո 118

Мириджанян К.К., Мнацаканян Л.А. Ювенальная юстиция: сравнительно-правовой анализ зарубежных моделей и проблемы их адаптации в Республике Армения 126

Никогосян Н.Т. Возможности использования криминалистических знаний в разных видах юридической деятельности (за пределами уголовно-правовой сферы) 141

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Айрапетян Г.В. Конфликт квалификаций в международном частном праве в контексте исковой давности 146

Кубышкина Е.Ю. Стратегия «теневых библиотек» и пределы добросовестного использования: анализ авторского урегулирования в деле Bartz V. Anthropic PBC 157

Саакян М.С., Давтян А.Г. Обеспечение доказательств в нотариальной практике РФ и РА 168

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Абрамян А.Р. Проблема реализации санкционных режимов совета безопасности ООН в современных международных отношениях 175

Авагян Н.А. Международно-правовая защита прав детей во время вооруженного конфликта.....183

Барсегян А.О., Оганесян В.А. Соотношение юрисдикционной комплементарности Международного уголовного суда и принципа невмешательство во внутренние дела государства.....192

Григорян В.К., Оганесян В.А. Правовая позиция международного суда ООН по принципу самоопределения народов.....201

Епремян С.М. Проблема эффективности защиты нематериального культурного наследия коренных народов.....213

Карташян С.Р., Матинян М.М. Правовой статус апатридов и международные механизмы их защиты в системе Организации Объединенных Наций.....225

Կիկոյան Ռ.Վ. Վետոյի իրավունքը միավորված ազգերի կազմակերպության բարեփոխումների ենթատեքստում.....232

Мхоян Д.А. Правовое регулирование гуманитарных коридоров в современных вооруженных конфликтах на примере Сирии.....241

Никогосян С.А. Теоретико-правовые основы защиты гражданского населения в вооруженных конфликтах.....250

ТЕОРИЯ ПРАВА И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Աբգարյան Գ.Ա. Սիամական (սերտաճած) երկվորյակների իրավական կարգավիճակը հանրային իրավունքում.....259

Դավթյան Տ.Գ., Մուրադյան Հ.Ա. Իրավունքի և կրոնի փոխհարաբերությունը նորաշխարհակարգի համատեքստում.....272

Мкртчян Л.Ю. Правовое регулирование квантовых технологий.....285

Фокина Е.Д. Конституционно-правовые критерии допустимости использования искусственного интеллекта при отправлении правосудия в Российской Федерации и Республике Армения.....293

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Антипов Д.А., Напольский А.И. Многоуровневая безопасность на Южном Кавказе: армяно-российский альянс в условиях региональной турбулентности.....300

Григорян Т.А. Трансформация роли Ирана в Сирии после смены режима: от стратегического союзника к ограниченному актору.....308

Данилов И.С. Особенности работы армянских общин с общественным мнением и политическими кругами принимающих стран в интересах Армении.....318

Дорванян Н.А. Проблема трансформации международной среды безопасности и НАТО 322

Качалов Н.К. Гибридный разворот в публичной дипломатии и медиастратегии России и Армении в современных геополитических условиях 327

Малахова А.Ю., Мартиросян С.А. Медиатор в системе национальной безопасности: механизмы предупреждения и управления конфликтами 335

Менчинский И.К. Дискурс «исторической ответственности» и его кризис в евро-атлантическом пространстве 342

Минасян Т.В. Геополитическое соперничество Китайской Народной Республики и США в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна 355

Сукиасян Л.В. Трансформация высшего образования китая: от национальной модернизации к глобальной конкурентоспособности 364

ПОЛИТОЛОГИЯ

Давтян Н.А., Дунамалян Н.А. Стратегические документы западных держав в условиях трансформации международного порядка: реалистический поворот и вызовы для Армении 373

Капустян А.А. Стратегическая культура как фактор формирования национальной безопасности 385

Սեդրակյան Մ.Կ. Սեվ փիառ-ի կիրառումը քաղաքական գործնթացներում. տեսա-մեթոդաբանական հիմքերը 392

ИСТОРИЯ

Ասլանյան Ա.Ա. Եկեղեցի-սփյուռք հարաբերությունները Գևորգ Զ Չորեքչյան Ամենայն Հայոց կաթողիկոսի հովվապետության տարիներին 404

Բոյաջյան Է.Գ. Զինված պայքարի հայեցակարգը «Արմէնիա» պարբերականի էջերում (1886–1889թթ.) 415

Кипелкина М.С. Реставрация Боголюбской иконы Божией Матери: история длиною в век (1918–2024) 425

Костюк Э.О. К вопросу о проведении коллективизации на Кубани 437

Логвиненко А.А., Воронина П.А. Чудотворная икона Спаса Нерукотворного в Свято-Троицком соборе Саратова: реставрация, чудеса и исторические свидетельства 444

Сатаева А.М., Перетокина М.Р. Связь эпох: понимание и реализация социальной ответственности на примере двух выдающихся деятелей Саратова 454

Խաչատրյան Լ. Նաղիր-շահի ռազմական և քաղաքական գործունեությունը և արեվելյան հայաստանը 460

Шафигуллин Э.М., Перескоко Я.А. Реалии и перспективы использования технологий Искусственного Интеллекта в архивоведении и документоведении 471

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Воробьева В.А. Арабский язык в работе востоковеда: современные тенденции и рост интереса в XXI веке 478

Джумамурадова И.О. Неосуфизм и политический ислам в современной Турции 485

Нефедов М.А. Путь в университет: восприятие высшего образования как ценности на примере современного студенчества Китая и России.....492

Серопян Э.А., Целиковская В.М. Как китайцы православие принимали: женский вопрос в стратегиях и повседневности российской духовной миссии 506

Согомонян А.Г. От иранской сакральной идеологии к армянской христианской традиции: эволюция понцепции Фарна 514

ФИЛОСОФИЯ

Առաքելյան Ա., Կարապետյան Ա. Հոգեվոր վերածնունդը որպես ինքնաճանաչման ուղի. օգոստինոս երանելու «խոստովանություններ»-ում հիշողության և շնորհի դինամիկան 522

Բաբաջանյան Ա. Հաղթանակի զբոսայգու պարադեքսը. հանրային տարածքի սոցիոլոգիական վերլուծություն Երևանի քաղաքային միջավայրում 531

Сакеян М., Агабабян Л. Гераклит и философия изменения: актуальность концепта в эпоху неопределенности 536

Фоменко Н.Л., Покрышко В.В. Аддиктивные риски как проблема социальной работы 542

ПСИХОЛОГИЯ

Авагян М.А., Григорян М.Ш. Психосоматика и тревожные расстройства: взаимосвязь психики и тела.....547

Авакян М.Э., Оганнисян А.А. Влияние ценностей на уровень самооценки у представителей разных поколений жителей Армении 554

Բալասանյան Ա.Մ. Ինքնությունը որպես «միջանցք». լիմինալությունը և տրանսնացիոնալ գործակալությունը հայ-վրացական համատեքստում 560

Берберян А.С., Абаджян К.А. Взаимосвязь учебной мотивации и копинг-стратегий у студенческой молодежи.....564

Берберян А.С., Авагян А.С. Эмоциональный интеллект и романтическая привязанность у молодежи: эмпирическое исследование.....574

Берберян А.С., Варданян Г.К. Взаимосвязь внимания, тревожности и интеллектуальных способностей у младших школьников.....582

Берберян А.С., Григорян А.К. Психологическое благополучие и адаптация как факторы самоактуализации ЛГБТ-молодежи.....587

Берберян А.С., Марданян С.С. Особенности самореализации и способностей к саморазвитию в студенческом возрасте.....596

Берберян А.С., Марданян С.А. Стрессоустойчивость и отношение к своему здоровью у студентов, совмещающих работу и учебу 604

Берберян А.С., Никогосян М.А. Взаимосвязь смысложизненных ориентаций и установок на альтруизм и эгоизм у студенческой молодежи.....613

Берберян А.С., Орлова Г.М. Понятие о методах обучения и их классификация 619

Берберян А.С., Павлюк С.Г. Ключевые компетенции современного гуманистического педагога 627

Богатырева А.В. Шорина А.В. Оганиссян Е.В. Метод ассоциативных карт (МАК) в исследовании имплицитной сферы личности: теоретико-методологический анализ.....632

Будагян А.С., Кургинян А.А. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и ведущего поведения в конфликтной ситуции среди студентов психологии 638

Будагян А.С., Погосян Т.К. Исследование влияния гендерного фактора на взаимосвязь между уровнем агрессии и личностной тревожностью в юношеском возрасте 644

Вартанян М.С., Меликсетян И.Р. Влияние цифровизации на качество образования и развития навыки самостоятельного обучения у студентов: эмпирическое исследование 653

Гегамян Э.Б., Саргсян А.С. Особенности взаимосвязи эмоционального интеллекта и уровня эмпатии в личностной коммуникации юношеского возраста 661

Маклакова Д.Р., Грачева О.Г. Особенности аддиктивного поведения у сотрудников в медицинских организациях.....668

Малоян З.А., Варданян К.Г. Психологическое исследование взаимосвязи экстраверсии – интроверсии и уровня эмпатии среди молодежи.....675

Мкртумян Л.Ю., Патваканян И.Г. Роль военно-патриотического воспитания в подготовке к службе 682

Мурадян А.Р., Арутюнян Л.А. Психологические факторы возникновения виктимного поведения у подростков 687

Мурадян А.Р., Атанесян Д.Г. Влияние семьи и стиля семейного воспитания на формирование девиантного поведения подростков 697

Торосян И.К. Мурадян А.Р. Влияние экзаменационного стресса на учебную мотивацию студентов 706

Николаева И.Н., Раднаева Л.А. Природа – угроза или защита человека и этическое отношение к окружающей природной среде 714

Папоян В.Р., Айрумян М.М. Эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности: эмпирическое исследование взаимосвязи с личностными особенностями и психологическим состоянием специалистов 721

Папоян В.Р., Шекоян В.А. Копинг-стратегии, жизнестойкость и учебная мотивация студентов: взаимосвязь и гендерные особенности 728

Саргсян И.А., Саргсян М.Т. Осознанность как фактор субъективного ощущения одиночества и благополучия личности у студентов 735

Силкина Р.В., Грачева О.В. Гендерные особенности в выборе профессии741

Сорокина Н.В., Усова О.Д. Социальная интеграция граждан старшего поколения в социальной работе 746

Шакарян С.Г., Даниелян И.Г. Взаимосвязь мотивации достижения успеха и уровня прокрастинации в учебной деятельности студентов 750

Шакарян С.Г., Долгов Г.С. Взаимосвязь стрессоустойчивости и стилей поведения в конфликте 758

Առաքելյան Ա.Դ., Մելիքբեկյան Մ.Գ. Վերահսկողության ուղղվածության տիպով պայմանավորված պատանիների դրդապատճառային ոլորտի առանձնահատկությունները 766

Ղանաղյան Ա.Կ., Ոսկանյան Տ.Ա. Ուսանողների ակադեմիական մոտիվացիայի ուսումնասիրությունը անձնային արժեքների և համոզմունքների համատեքստում.....776

ЛИНГВИСТИКА

Дадаян Л.Д., Асатрян Л.А. Ложные друзья переводчика, интерференция, и как один язык может влиять на другой 791

Ivanova M., Pervakova D. Developing ai literacy in ELT.....799

Կասեան Ա.Ա. Սանասար եւ Բաղդասար դիւցազնապատումը. Լեզուաբանական, դիցաբանական եւ պատմամշակութային դիտարկումներ.....811

Mkrtchian O., Simonyan A. The impact of stress level and types of neurodynamics on the process of teaching foreign languages at a university 821

МАТЕМАТИКА

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЗАДАЧИ СВЕРХЗВУКОВОГО ФЛАТТЕРА В ТЕМПЕРАТУРНОМ ПОЛЕ

А. Митоян

Российско-Армянский университет
ani.mitoyan@student.rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрена устойчивость гибкой пластинки под действием тепловой нагрузки и погруженной в сверхзвуковом потоке газа. Исследование произведено с использованием двух форм вычисления температурного поля. Выведены критические значения температурного поля и скорости обтекания.
Ключевые слова: флаттер, температурное поле, критическая скорость.

Введение

Исследование аэроупругих явлений, возникающих при взаимодействии тонких конструкций с высокоскоростными газовыми потоками, является важной задачей современной механики. Одной из наиболее опасных форм динамической неустойчивости является флаттер, то есть самовозбуждающиеся колебания, возникающие вследствие взаимодействия аэродинамических, инерционных и упругих сил. Наличие стационарного температурного поля, и учет его неоднородности по толщине пластинки, как показано академиком Г.Е. Багдасаряном и его учениками, приводит к возникновению предварительных напряжений и выпучиванию конструкции, что существенно влияет на ее устойчивость и критические параметры флаттера. В литературе известен второй подход решения указанного явления, когда температура вычисляется по формуле Отта-Андерсона. *Целью настоящей работы* является изучение влияния температурного поля, вычисляемой указанной формулой на поведение панели и сравнение результатов с ранее полученными результатами. Показано, что при использовании данной зависимости стационарный температурный прогиб панели обращается в ноль

Формулировка задачи и математическое моделирование

Рассмотрим тонкую изотропную прямоугольную пластинку постоянной толщины h, находящуюся в стационарном температурном поле T . Введем

декартовую систему координат $\left(x_1, x_2, x_3,\right)$ так, чтобы срединная плоскость пластинки совпала с координатной плоскостью $\left(x_1, x_2\right)$. Пусть, пластинка обтекается с одной стороны сверхзвуковым потоком газа с невозмущенной скоростью U, направленной вдоль оси $0x_1$. Исследуются вопросы устойчивости рассматриваемой аэротермоупругой системы. В основу исследования принимаются следующие известные предположения:

а) гипотеза Кирхгофа о недеформируемых нормалях [5];

б) основные предположения теории гибких пластин, считая, что нормальные перемещения сравнимы с толщиной пластинки [5];

в) «закон плоских сечений»при определении аэродинамического давления [2–4]:

$$p = p_\infty \left(1 + \frac{æ - 1}{2} \frac{v_3}{a_\infty}\right)^{\frac{2æ}{æ-1}}, \tag{1}$$

где p – давление газа на поверхности пластинки, $a_\infty = æ p_\infty \rho_\infty^{-1}$ – скорость звука для невозмущенного газа, p_∞ и ρ_∞ – давление и плотность газа в невозмущенном состоянии, $æ$ – показатель политропы, v_3 – нормальная составляющая скорости точек поверхности пластинки;

г) линейный закон изменения температурного поля $T\left(x_1, x_2, x_3,\right)$ по толщине пластинки [1]:

$$T = T_0\left(x_1, x_2\right) + x_3 \Theta\left(x_1, x_2\right); \tag{2}$$

д) формуле Отта-Андерсона изменения температуры:

$$T^* = T_e F[1.28 + 0.023 {M_e}^2 + 0.58(\frac{T_w}{T_e})],$$

$$F = 7.494 {M_e}^{-0.067} (T_e + T_w)^{-0.281} \tag{3}$$

где T_e – температура на внешней границе пограничного слоя
T_w – температура поверхности (стенки) пластины.

На основе принятых предположений и теории термоупругости изотропного тела получается следующая нелинейная система дифференциальных уравнений движения пластинки [1]:

$$\frac{\partial T_{11}}{\partial x_1}+\frac{\partial T_{12}}{\partial x_2}=0,$$
$$\frac{\partial T_{12}}{\partial x_1}+\frac{\partial T_{22}}{\partial x_2}=0; \qquad (4)$$

и согласно обобщенному закону Гука связаны с компонентами деформаций ε_{ij} срединной плоскости пластинки формулами:

$$T_{11}=\frac{Eh}{1-\mu^2}\left[\varepsilon_{11}+\mu\varepsilon_{22}-\alpha(1+\mu)T\right],\ T_{22}=\frac{Eh}{1-\mu^2}\left[\varepsilon_{22}+\mu\varepsilon_{11}-\alpha(1+\mu)T\right],$$
$$T_{12}=\frac{Eh}{2(1+\mu)}\varepsilon_{12}, \qquad (5)$$
$$\varepsilon_{11}=\frac{\partial u_1}{\partial x_1}+\frac{1}{2}\left(\frac{\partial w}{\partial x_1}\right)^2,\ \varepsilon_{22}=\frac{\partial u_2}{\partial x_2}+\frac{1}{2}\left(\frac{\partial w}{\partial x_2}\right)^2,\ \varepsilon_{12}=\frac{\partial u_1}{\partial x_2}+\frac{\partial u_2}{\partial x_1}+\frac{\partial w}{\partial x_1}\frac{\partial w}{\partial x_2}$$

где $u_1(x_1,x_2,t)$ и $u_2(x_1,x_2,t)$ – тангенциальные перемещения точек срединной плоскости пластинки.

Под действием стационарного температурного поля происходит выпучивание пластинки (с прогибом $w_T(x_1)$ и $u_T(x_1)$) и вследствии этого появляется аэроупругое давление, которое, согласно предположению (в), определяется формулой (1).

Определение характеристик невозмущенного состояния

На основе принятых предположений, из основных уравнений, соотношений и граничных условий теории термоупругости тонких пластин имеем следующие соотношения:

$$u_0^{(3)}=w(x_1)$$
$$u_0^{(1)}=u_T(x_1)-x_3\frac{dw_T}{dx_1} \qquad (6)$$

согласно гипотезам Кирхгоффа;
следующие уравнения, относительно u_T и w_T:

$$\frac{d^2u_T}{dx_1^2}=0 \qquad (7)$$

$$D\frac{d^4 w_T}{dx_1^4} + æ\, p_\infty M \frac{dw_T}{dx_1} = 0 \tag{8}$$

согласно теории тонких пластин;
следующее выражение для напряжения σ_{11}^0 невозмущенного состояния

$$\sigma_{11}^0 = \frac{E}{1-\mu^2}\left[\frac{du_T}{dx_1} - x_3\frac{d^2 w_T}{dx_1^2} - \alpha(1+\mu)T\right] \tag{9}$$

согласно обобщенному закону Гука.

В силу (9) для осевого усилия T_{11}^0 и изгибающего момента M_{11}^0 имеем:

$$T_{11}^0 = \int_{-h/2}^{h/2} \sigma_{11}^0 dx_3, \qquad M_{11}^0 = \int_{-h/2}^{h/2} x_3\sigma_{11}^0 dx_3, \tag{10}$$

Решения уравнений (7) и (8) должны удовлетворить условиям закрепления краев пластинки $x_1 = 0$ и $x_1 = a$. Будут рассмотрены краевые условия следующих двух типов:

- края шарнирно оперты и свободно перемещаются вдоль оси $0x_1$

$$w_T = 0, \quad M_{11}^0 = 0, \quad при \quad x_1 = 0, x_1 = a, \tag{11}$$

$$T_{11}^0 = 0, \quad при \quad x_1 = 0, x_1 = a, \tag{12}$$

- края шарнирно оперты и неподвижны

$$w_T = 0, \quad M_{11}^0 = 0, \quad при \quad x_1 = 0, x_1 = a, \tag{13}$$

$$u_T = 0, \quad при \quad x_1 = 0, x_1 = a. \tag{14}$$

Определение температурного поля и прогиба пластинки

На основе принятых предположений задача определения стационарного температурного поля в пластинке, согласно формуле (2) сводится к решению уравнения теплопроводности с соответствующими поверхностными условиями [1], которое имеет следующее решение:

$$\begin{aligned} &T = T_0(x_1) + x_3\Theta(x_1), \\ &T_0 = \frac{T^+ + T^-}{2}, \quad \Theta = \frac{k(T^+ + T^-)}{kh - 2\lambda} \end{aligned} \tag{15}$$

Здесь λ – коэффициент теплопроводности, k – коэффициент теплоотдачи. Итак, краевые задачи для определения u_T и w_T, согласно уравнениям (7) и (8)

и краевым условиям (11)–(14), разделяются. Для определения w_T методом Галеркина получается следующее выражение [1]:

$$w_T(x_1) = -R\Theta\left\{\frac{1}{2}x_1(x_1-a) + \frac{a^2 K\nu}{36+K^2\nu^2}\left[\frac{3}{8\pi}K\nu\sin\frac{\pi x_1}{a} + \frac{9}{16\pi}\sin\frac{2\pi x_1}{a}\right]\right\}. \qquad (16)$$

Сформулированная краевая задача определения прогиба пластинки решена также используя формулу (3) и получена, что

$$w_T(x_1) = 0. \qquad (24)$$

Таким образом, при использовании формулы Отта-Андерсона прогибом можно пренебречь. Естественно возникает вопрос – полученная разница как влияет на критические параметры сформулированной аэро-термо-упругой задачи.

Численные результаты

Не вдаваясь в подробности, на основе формулы Отта-Андерсона здесь будут вычислены критические значения температуры и скорости обтекания (числа Маха). Расчеты проведены для алюминиевой пластинки, длш которого используются параметры, принятые в литературе:

$$\alpha = 23.8\cdot 10^{-6}\ {}^{\circ}C^{-1},\ k = 1200\frac{\text{Вт}}{m^2\cdot{}^{\circ}c},\ \lambda = 210\frac{\text{Вт}}{m\cdot{}^{\circ}c},\ \mu=0.34,\ a=1m,\ \frac{h}{a}=\frac{1}{100},$$
$$E = 7\cdot 10^{10}\,Pa,\ \rho = 2700\,kg/m^3$$

Относительно приведенных физикомеханических параметров, получили следующие значения:

$$D = \frac{Eh^3}{12\left(1-\mu^2\right)} = \frac{7\cdot 10^{10}\cdot 10^{-6}}{12\left(1-0.34^2\right)} \approx 6595.8$$

$$N_1^T = -D\left(\frac{\pi}{a}\right)^2 = -6595.8\pi^2 \approx -65097.9$$

$$N_1^T = -\frac{Eh\alpha T^*}{1-\mu}$$

Отсюда получим значение критической температуры:

$$T^* = -\frac{N_1^T(1-\mu)}{Eh\alpha} = -\frac{-65097.9\cdot(1-0.34)}{7\cdot 10^{10}\cdot 10^{-2}\cdot 23.8\cdot 10^{-6}} \approx 2578\,^{o}C = 275.728K$$

Отсюда, из формулы Отта-Андерсона, выведем критическое значение для числа *Maxa* для фиксированных значений T_e и T_w:

Критические значения числа Маха				
T_e	150	150	150	150
T_w	100	120	125	130
T^*	295.78	295.78	295.78	295.78
M_{crit}	1.2796	1.324	1.3254	1.3462

ЛИТЕРАТУРА

1. *Baghdasaryan G., Mikilyan M.* Effects of Magnetoelastic Interactions in Conductive Plates and Shells. Springer, ISBN 978-3-319-19161-4, 2016, 289p.
2. *Bolotin V.* Thermal buckling of plates and shallow shells in supersonic flow. Sat Calculations of strength, M. Mashgiz, 1060, issue 6.
3. *Hoff N.* Thermal buckling of supersonic wing panels // Journ. "Aeronaut. Sci.", v. 23, № 11, 1956.
4. *Novatskiy V.* Issues of thermoelasticity. Acad. of Sci. USSR, 1962.
5. *Volmir A.* Nonlinear dynamics of plates and shells. M.: "Nauka", 1972, 432p.

MATHEMATICAL MODELING OF THE SUPERSONIC FLUTTER PROBLEM IN A THERMAL FIELD

A. Mitoyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The stability of a flexible plate subjected to thermal loading and immersed in a supersonic gas flow is studied. The analysis is carried out using two methods for computing the temperature field. Critical values of the temperature field and flow velocity are derived.

Keywords: flutter, thermal field, critical velocity.

ИНФОРМАТИКА

АНАЛИЗ АЛГОРИТМОВ ВЫЯВЛЕНИЯ АНОМАЛИЙ В ПОВЕДЕНИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

С.А. Елизарова, А.А. Бабенко

Волгоградский государственный университет
lana.elizarova2003@mail.ru, ba_benko@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлен сравнительный анализ современных алгоритмов выявления аномалий в поведении пользователей информационных систем: статистические, машинного обучения и анализ последовательностей. Для систематического сравнения алгоритмов предложена модель их оценки по пяти критериям: точность, сложность реализации, адаптивность, время обучения и полнота анализа. На основе Евклидова расстояния проведена количественная оценка эффективности алгоритмов относительно «идеального» алгоритма. Результаты показывают, что гибридные алгоритмы, сочетающие несколько подходов, демонстрируют наибольший потенциал для противодействия сложным и адаптивным угрозам в условиях динамично меняющегося поведения легитимных пользователей и действий внутренних нарушителей.
Ключевые слова: информационная безопасность, аномальное поведение пользователя, машинное обучение, анализ поведения, внутренние угрозы.

Введение

Проблема обеспечения безопасности информационных систем от внутренних угроз и целевых атак остается чрезвычайно актуальной. Согласно аналитическим отчетам компании InfoWatch, до 66% инцидентов информационной безопасности связаны с действиями сотрудников, причем в России доля умышленных утечек данных внутренними нарушителями значительно превышает среднемировые показатели [1]. Традиционные системы защиты, основанные на сигнатурах и правилах, часто неэффективны против атак нулевого дня, целенаправленных действий и злонамеренной активности инсайдеров, маскирующейся под нормальную работу легитимных пользователей.

В этом контексте анализ поведения пользователей (UBA) становится критически важным компонентом информационной безопасности информацион-

ных систем (ИС). Его целью является выявление отклонений от установленных или изученных «нормальных» поведенческих паттернов, что служит индикатором потенциально опасных действий: компрометации учетных записей, хищения данных или превышения полномочий [2].

Материал и методы

В качестве «материала» для анализа выступили основные классы алгоритмов обнаружения аномалий, описанные в научной литературе и применяемые в коммерческих UEBA-решениях. Ключевые источники данных для таких алгоритмов включают журналы событий (логи безопасности, системные, приложений), данные аутентификации, метаданные файлов и информацию о сетевой активности [3].

Существуют следующие классы алгоритмов выявления аномалий в поведении пользователей информационных систем:

1. Статистические – построение базовой модели нормального поведения и выявление значительных отклонений.

2. Алгоритмы машинного обучения с учителем – обучение классификаторов на размеченных наборах данных для различения «нормального» и «аномального» поведения.

3. Алгоритмы машинного обучения без учителя – обнаружение редких паттернов или выбросов без предварительной разметки.

4. Гибридные – комбинация нескольких алгоритмов, например, статистический фильтр для первичного отбора событий с последующим анализом методом машинного обучения для повышения общей надежности и точности.

5. Анализ последовательностей событий – моделирование цепочек действий пользователя с использованием марковских моделей или анализа правил для выявления подозрительных сценариев.

Для сравнительного анализа была разработана модель оценки на основе пяти критериев (К1-К5), каждому из которых присвоены числовые значения, отражающие уровень эффективности алгоритма (Табл. 1).

Таблица 1. Критерии сравнительного анализа.

Критерий	**Обозначение**	**Описание**	**Шкала оценки (числовое значение)**
Точность	К1	Способность правильно идентифицировать аномалии, минимизируя ложные срабатывания.	Высокая (0), Средняя (0,5), Низкая (1)

Критерий	Обозначение	Описание	Шкала оценки (числовое значение)
Сложность реализации	К2	Трудоемкость внедрения и интеграции в существующую ИТ-инфраструктуру.	Низкая (0), Высокая (1)
Адаптивность	К3	Способность адаптироваться к изменениям в поведении пользователей и новым типам угроз.	Высокая (0), Средняя (0,5), Низкая (1)
Время обучения	К4	Время, необходимое для настройки и первоначального обучения модели.	Низкое (0), Среднее (0,5), Высокое (1)
Полнота анализа	К5	Способность учитывать многомерные и контекстные аспекты поведения.	Высокая (0), Средняя (0,5), Низкая (1)

Для количественного сравнения использовался метод Евклидова расстояния до идеального профиля (все критерии равны 0), где меньшее расстояние указывает на большую совокупную эффективность (формула 1).

$$\sqrt{(1-К1)^2+(1-К2)^2+(1-К3)^2+(1-К4)^2+(1-К5)^2} \qquad (1)$$

Проведенная оценка по установленным критериям для каждого класса алгоритмов представлена в Табл. 2. Статистические методы получили низкие оценки по адаптивности и полноте, но высокие – по простоте реализации. Методы машинного обучения с учителем показали высокую точность на известных угрозах, но низкую адаптивность к новым аномалиям и требуют больших затрат на подготовку данных. Методы машинного обучения без учителя, напротив, получили высокие оценки по адаптивности, но более низкие по точности и сложности реализации.

Таблица 2. Результаты оценки алгоритмов и расчет расстояния до идеала.

Класс алгоритмов	К1	К2	К3	К4	К5	Суммы расстояний
Статистические	1	0	1	0	1	2,24
Машинное обучение с учителем	0	1	1	1	0	2,45
Машинное обучение без учителя	0,5	1	0	0,5	0,5	1,58
Гибридные	0	1	0	0,5	0	1,50
Анализ последовательностей	0,5	1	0,5	1	0,5	1,87

Расчет евклидова расстояния показал, что наименьшее отклонение от идеального профиля демонстрируют гибридные системы (расстояние = 1,50) и методы машинного обучения без учителя (расстояние = 1,58). Это указывает на их сбалансированную эффективность по совокупности ключевых критериев. Гибридные подходы, комбинирующие, например, быстрый статистический анализ для отсева заведомо нормальных событий и глубокий анализ оставшихся данных автоэнкодером, позволяют достичь высокой точности при сохранении адаптивности к новым угрозам.

Эффективность алгоритмов напрямую зависит от качества и релевантности входных данных. Так, для детектирования подбора паролей наиболее информативны журналы безопасности (Event ID 4625), а для выявления установки неразрешенного ПО – журналы установки и системные логи. Внедрение политики безопасности, задающей пороговые значения для детектирования, например, число неудачных попыток входа за час, является необходимым организационным дополнением к техническим алгоритмам.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в условиях современных киберугроз, характеризующихся высокой адаптивностью и использованием методов социальной инженерии, наиболее перспективными являются алгоритмы, не требующие жесткой предварительной настройки на известные шаблоны. Гибридные системы и методы машинного обучения без учителя демонстрируют наилучший баланс между точностью, адаптивностью и практической реализуемостью. Их внедрение в сочетании с качественной агрегацией данных из различных источников, таких как журналы событий, сетевой трафик, данные EDR и четкой политикой безопасности позволяет существенно повысить уровень защиты информационных систем от сложных внутренних и целевых угроз.

ЛИТЕРАТУРА

1. InfoWatch. Аналитический отчет: Утечки данных вследствие действий внутренних нарушителей. «Мир-Россия», 2022–2025гг.
2. *Chandola V., Banerjee A., Kumar V.* Anomaly detection: A survey // “ACM Computing Surveys”. Vol. 41, № 3, 2009. PP. 1–58.
3. *Смирнов А.А., Комлев Р.Р., Лопатин В.Л.* Системы анализа поведения пользователей в информационных системах // «Вестник ИжГТУ», 2015, № 6 (90). СС. 9–14.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
5. ГОСТ Р 50922-2006. Защита информации. Основные термины и определения.

ANALYSIS OF ALGORITHMS FOR DETECTING ANOMALIES IN USER BEHAVIOR IN INFORMATION SYSTEMS

S. Elizarova, A. Babenko
Volgograd State University

ABSTRACT

A comparative analysis of modern algorithms for detecting anomalies in user behavior in information systems (IS) is presented in the article. Key classes of methods are considered: statistical, machine learning, and sequence analysis. An evaluation model based on five criteria is proposed for systematic comparison: accuracy, implementation complexity, adaptability, training time, and analysis completeness. A quantitative assessment of the effectiveness of algorithms relative to an ideal profile was conducted using the Euclidean distance method. The results show that hybrid methods, combining several approaches, demonstrate the greatest potential for countering complex and adaptive threats under conditions of dynamically changing behavior of legitimate users and actions of internal attackers.

Keywords: information security, anomalous user behavior, machine learning, behavior analysis, internal threats.

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ НА ОСНОВЕ ИИ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ В КРИТИЧНОЙ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ

А.Э. Кириллова, А.Г. Сомов

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
akirillova824@gmail.com, somovspb@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается разработка модели на основе искусственного интеллекта для управления рисками в критичной логистической инфраструктуре. Проведен анализ современных научных подходов, включающих методы машинного обучения для прогнозирования спроса (Ю.В. Забайкин, Д.В. Лютягин), технологии глубокого обучения для обнаружения аномалий в IoT (Д.А. Гайфулина, И.В. Котенко), модели управления цепями поставок (Е.А. Смирнова, А.В. Зуев), пространственно-временные нейронные сети для прогнозирования транспортных потоков (И.Н. Пугачев, В.С. Тормозов, С.С. Евтюков и др.), а также большие языковые модели для поддержки принятия решений (В.И. Волощук, Т.Э. Гаджиев, А.Б. Боваев). На основе синтеза указанных подходов предложена концепция интегрированной интеллектуальной системы, обеспечивающей прогнозирование, мониторинг и минимизацию рисков в логистических системах. Показано, что комплексное применение ИИ позволяет повысить устойчивость, надежность и адаптивность логистической инфраструктуры в условиях высокой неопределенности и роста внешних угроз.

Ключевые слова: искусственный интеллект, управление рисками, логистическая инфраструктура, машинное обучение, цепи поставок.

Введение

Сейчас в науке активно изучают, как использовать искусственный интеллект в логистике. Все чаще для этого применяют машинное и глубокое обучение – это помогает сделать работу транспортных и складских систем более надежной и эффективной. На основе таких разработок можно создавать способы, которые помогут управлять рисками в важных логистических объектах.

Искусственный интеллект – машинное и глубокое обучение, графовые нейросети, большие языковые модели – позволяет управлять рисками в режиме реального времени. Но пока что научные работы охватывают только отдельные задачи: прогнозирование спроса, поиск аномалий, настройку цепочек

поставок или работу с текстами. Целостной модели, которая учитывала бы одновременно и физические, и цифровые риски, в исследованиях еще нет.

Цель нашей работы – собрать и обобщить современные научные подходы, чтобы предложить концепцию умной системы управления рисками для критически важных логистических объектов. Такая система должна включать в себя блоки прогнозирования, выявления угроз и поддержки принятия решений.

Материалы и методы

В одной работе авторы Ю.В. Забайкин и Д.В. Лютягин рассказали, как с помощью машинного обучения предсказывать спрос на стройматериалы и налаживать поставки. Они отмечают: если точно знать, сколько товара понадобится, можно реже сталкиваться с нехваткой, меньше тратить на хранение и делать всю систему логистики более устойчивой. Это важно для управления рисками: когда спрос предсказан точно, снижается вероятность сбоев и нехватки ресурсов.

Другое исследование, авторов Д.А. Гайфулиной и И.В. Котенко, посвящено тому, как находить сбои и угрозы в интернете вещей с помощью нейросетей. Оказалось, что такие методы хорошо выявляют подозрительные действия в сети. В логистике их можно применить, чтобы отслеживать цифровые системы и вовремя замечать киберугрозы – это помогает избежать сбоев в управлении.

В работе Е.А. Смирновой и А.В. Зуева рассматриваются подходы к управлению цепочками поставок. Авторы сравнивают классические и новые методы организации потоков товаров, включая способы оптимизации и работы с запасами. Они подчеркивают: чтобы управлять цепочками поставок было эффективно, нужно учитывать много факторов неопределенности и внешние риски. Эти идеи можно использовать как основу для создания таких моделей управления рисками, где искусственный интеллект помогает системе быстрее подстраиваться под изменения и работать без сбоев.

Исследование И.Н. Пугачева, В.С. Тормозова, С.С. Евтюкова и соавторов посвящено применению многовидовых пространственно-временных сверточных нейронных сетей для прогнозирования транспортных потоков [4]. Авторы показывают, что учет пространственно-временных зависимостей существенно повышает точность прогнозирования. Для задач управления рисками в логистической инфраструктуре это имеет ключевое значение, поскольку позволяет предсказывать перегрузки, задержки и потенциальные аварийные ситуации в транспортных узлах.

В работе В.И. Волощука, Т.Э. Гаджиева и А.Б. Боваева рассматривается интеграция больших языковых моделей в логистические процессы [5]. Авторы отмечают, что такие модели способны автоматизировать обработку информации, поддерживать принятие решений и повышать эффективность взаимодействия между участниками логистической системы. В контексте управления рисками большие языковые модели могут использоваться для анализа неструктурированных данных, выявления потенциальных угроз и формирования рекомендаций по их минимизации.

Таким образом, современные исследования охватывают ключевые аспекты, необходимые для разработки модели управления рисками в критичной логистической инфраструктуре: прогнозирование спроса и потоков, обнаружение аномалий, оптимизация цепей поставок и использование интеллектуальных систем поддержки принятия решений. Однако остается актуальной задача интеграции этих подходов в единую интеллектуальную модель, способную учитывать как физические, так и цифровые риски, обеспечивая комплексное управление устойчивостью логистических систем.

Табл. 1 представляет сравнительную характеристику моделей искусственного интеллекта для управления рисками в логистике: от градиентного бустинга и обнаружения аномалий до графовых нейросетей и больших языковых моделей с указанием их задач, принципов работы, применения, преимуществ, ограничений и типов данных.

Таблица 1. Описание ИИ моделей для управления рисками в критичной логистической инфраструктуре.

Модель	**Тип задачи**	**Принцип работы**	**Применение в логистике**	**Преимущества**	**Ограничения**	**Тип данных**
Градиентный бустинг	Классификация, регрессия	Последовательное обучение ансамбля слабых моделей (обычно деревьев), минимизация ошибки через градиентный спуск	Прогнозирование задержек, оценка вероятности сбоев, скоринг риска поставщиков	Высокая точность, интерпретируемость (через feature importance), устойчивость к шуму	Требует тщательной настройки, плохо работает с временной зависимостью без доп. обработки	Табличные данные

Модель	Тип задачи	Принцип работы	Применение в логистике	Преимущества	Ограничения	Тип данных
Обнаружение аномалий	Детекция выбросов	Выявление отклонений от нормального поведения (статистические методы, автоэнкодеры, Isolation Forest)	Выявление необычных маршрутов, подозрительных операций, кибератак	Не требует размеченных данных, полезно для редких событий	Высокий уровень ложных срабатываний, сложность валидации	Потоковые, сенсорные, транзакционные
Временные модели	Прогнозирование временных рядов	Анализ зависимостей во времени (ARIMA, LSTM, Transformer-based модели)	Прогноз спроса, загрузки узлов, рисков задержек	Учитывают сезонность и тренды, хороши для динамических систем	Требуют длинных историй данных, чувствительны к шуму	Временные ряды
Графовые нейронные сети	Анализ графов	Обработка данных в виде узлов и связей с передачей сообщений между ними	Анализ цепочек поставок, выявление критических узлов и каскадных сбоев	Учитывают структуру сети, выявляют скрытые зависимости	Сложность реализации, высокая вычислительная стоимость	Графовые данные
Большая языковая модель (LLM)	NLP, генерация, анализ текста	Обучение на больших корпусах текста с использованием трансформеров	Анализ отчетов, новостей, контрактов; прогноз рисков на основе текстов	Универсальность, работа с неструктурированными данными	Возможны галлюцинации, требует контроля и дообучения	Текстовые данные

Результаты

Работы Забайкина и Лютягина посвящены тому, как с помощью машинного обучения прогнозировать спрос и управлять запасами. Это помогает избежать двух крайностей – когда товара не хватает или когда его слишком много. Такая задача особенно важна на фоне роста онлайн-торговли: в 2025г. объем рынка электронной коммерции в России достиг 11,5 трлн рублей, увеличившись на 28% по сравнению с прошлым годом. Исследования Гайфулиной и Котенко позволяют создать систему для отслеживания рисков на основе

глубокого обучения. Она способна обнаруживать аномалии в интернете вещей, то есть вовремя распознавать киберугрозы в цифровой инфраструктуре. Актуальность этого подтверждает статистика: в 2025г. 76% кибератак были направлены именно на разрушение инфраструктуры компаний. Смирнова и Зуев предложили управленческую модель с элементами ИИ, которая учитывает неопределенности в цепочках поставок. Это помогает оптимизировать логистику в непростой ситуации: в 2025г. был зафиксирован рекордный ввод складских площадей класса А – около 7,8 млн кв. м, но при этом в регионах России по-прежнему ощущается нехватка качественных объектов. Блок, связанный с анализом транспортных рисков, разработан Пугачевым и его соавторами с применением пространственно-временных сверточных нейросетей. С его помощью можно предсказывать задержки и сбои в перевозках. Потребность в таких инструментах высока: в 2025г. доля авиарейсов с опозданием более трех часов выросла вдвое и составила 4% от общего числа. Интеграция больших языковых моделей, выполненная Волощуком и коллегами, добавляет в общую модель управления рисками интеллектуальный уровень. Она позволяет анализировать неструктурированные данные и координировать процессы. Внедрение таких решений уже носит массовый характер: более 70% российских компаний, включая логистический сектор, использовали в 2025г. технологии на основе генеративного ИИ.

Рисунок 1. Комбинированный рабочий процесс ML для прогнозирования логистических рисков.

На Рис. 1 показано, как устроена комбинированная система на основе машинного обучения. Она шаг за шагом преобразует разнородные потоки информации в точные прогнозы и способы снижения рисков, объединяя в едином аналитическом центре градиентный бустинг, нейросети и языковые модели.

Выводы

Анализ взаимосвязи научных подходов, показывает, что разработка модели на основе ИИ для управления рисками в критичной логистической инфраструктуре должна носить комплексный и многоуровневый характер. Ключевые элементы такой модели включают прогнозирование спроса и потоков, оптимизацию цепей поставок, мониторинг транспортной ситуации, выявление аномалий в цифровой среде и интеллектуальную поддержку принятия решений. При этом наибольшая эффективность достигается за счет интеграции данных подходов в единую систему, обеспечивающую непрерывный анализ, раннее выявление рисков и адаптивное реагирование на изменения внешней и внутренней среды, что в совокупности повышает устойчивость и надежность логистической инфраструктуры.

Если объединить разные методы искусственного интеллекта в одну систему для работы с рисками, можно одновременно отслеживать обстановку, предвидеть угрозы и гибко на них реагировать. Такой подход делает важные логистические объекты более надежными и устойчивыми, даже когда ситуация нестабильна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Забайкин Ю.В.* Применение машинного обучения для прогнозирования спроса на строительные материалы и оптимизации цепочек поставок / Ю.В. Забайкин, Д. В. Лютягин // «Инновации и инвестиции», № 5. 2024, EDN JUAYOQ. СС. 499–503.
2. *Гайфулина Д.А.* Анализ моделей глубокого обучения для задач обнаружения сетевых аномалий интернета вещей / Д.А. Гайфулина, И.В. Котенко // «Информационно-управляющие системы», № 1 (110), 2021, СС. 28–37. DOI 10.31799/1684-8853-2021-1-28-37. – EDN DTPPJY.
3. *Смирнова Е.А.* Модели и методы управления цепями поставок / Е.А. Смирнова, А.В. Зуев // «Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика», № 2, 2022. СС. 95–100. DOI 10.24143/2073-5537-2022-2-95-100. EDN IPCWGQ.
4. Многовидовая пространственно-временная свертка для повышения точности прогнозирования транспортных потоков / И.Н. Пугачев, В.С. Тормозов, С.С. Евтюков [и др.] // «T-Comm: Телекоммуникации и транспорт». Т. 19, № 2. 2025. СС. 31–37. DOI 10.36724/2072-8735-2025-19-2-31-37. EDN PCYBUW.
5. *Волощук В.И.* Интеграция больших языковых моделей в логистические процессы / В.И. Волощук, Т.Э. Гаджиев, А.Б. Боваев // Перспективные системы и задачи управ-

ления: Сборник трудов XX Юбилейной Всероссийской научно-практической конференции и XVI молодежной школы-семинара, п. Домбай, 07–11 апреля 2025 года. Таганрог: ДиректСайнс (ИП Шкуркин Д.В.), 2025. СС. 324–326. – EDN DLHDGB.

DEVELOPING AN AI-BASED MODEL FOR RISK MANAGEMENT IN CRITICAL LOGISTICS INFRASTRUCTURE

A. Kirillova, A. Somov
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ABSTRACT

The article discusses the development of an artificial intelligence-based model for risk management in critical logistics infrastructure. The analysis of modern scientific approaches, including machine learning methods for forecasting demand (Y.V. Zabaykin, D.V. Lyutyagin), deep learning technologies for detecting anomalies in the IoT (D.A. Gaifulina, I.V. Kotenko), supply chain management models is carried out. (E.A. Smirnova, A.V. Zuev), spatial-temporal neural networks for predicting traffic flows (I.N. Pugachev, V.S. Tormozov, S.S. Yevtyukov et al.), as well as large language models for decision support (V.I. Voloshchuk, T.E. Gadzhiev, A.B. Bovaev). Based on the synthesis of these approaches, the concept of an integrated intelligent system is proposed that provides forecasting, monitoring and risk minimization in logistics systems. It is shown that the integrated application of AI makes it possible to increase the stability, reliability and adaptability of the logistics infrastructure in conditions of high uncertainty and the growth of external threats.

Keywords: artificial intelligence; risk management; logistics infrastructure; machine learning; supply chains.

ПОВЫШЕНИЕ ТОЧНОСТИ АЛГОРИТМА ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ДАННЫХ ПРИМЕНЕНИЕМ ДИНАМИЧЕСКОГО СТРОБИРОВАНИЯ

В.Т. Сирунян

Российско-Армянский университет
vahagnsirunyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Одной из основных задач траекторной обработки является задача отождествления данных, заключающаяся в присвоении каждой поступившей на очередном такте обзора отметки той или иной траектории. Алгоритмы ее решения состоят из двух основных шагов: стробирования и выбора среди отметок, попавших в строб, оптимальной. Строб может выставляться вокруг последней точки траектории или вокруг точки, экстраполированной на момент очередного измерения. Точность алгоритма отождествления в высокой мере зависит от способа построения строба. Данная работа посвящена применению линейной экстраполяции на интервале переменной длины и динамическому вычислению размера строба, выставляемого вокруг экстраполированной точки.

Ключевые слова: радиолокация, траекторная обработка, отождествление данных, стробирование.

Введение

Решение задачи отождествления данных, заключающейся в принятии решения о соответствии каждой поступившей на очередном такте обзора отметки той или иной траектории, играет ключевую роль в построении системы траекторной обработки [1]. Данная задача осложнена наличием ложных отметок и ненулевой вероятностью пропуска отметки от реальной цели. Алгоритмы ее решения состоят, как правило, из двух основных шагов: для каждой траектории вычисляется область пространства (строб) с наибольшей вероятностью нахождения очередной отметки, и из отметок, попавших в строб, выбирается оптимальная для данной траектории.

Точность алгоритмов отождествления данных в значительной степени зависит от способа построения строба. Существует множество алгоритмов отождествления данных [2, 3] с различным выбором строба [4–6], однако, окончательного решения данная задача пока не имеет.

Способы стробирования

Проще всего выставлять строб вокруг последней отметки, отождествленной с данной траекторией. В этом случае размеры строба должны учитывать максимальное возможное изменение параметров цели (перемещение, ускорение) за промежуток времени между предыдущей и новой отметками, а также погрешности измерения. Увеличение строба повышает вероятность неверных отождествлений, поэтому часто строб строится вокруг положения цели, экстраполированного на момент очередного измерения. В этом случае размер строба зависит только от погрешностей измерения и экстраполяции и может быть значительно меньше, чем в первом случае. Однако, применимость такого метода зависит от точности экстраполяции.

В данной работе рассматривается применение линейной экстраполяции на интервале переменной длины и динамическое вычисление размера строба в процедуре отождествления данных. Улучшение алгоритма экстраполяции и стробирования может повысить точность алгоритма отождествления.

Вычисление длины интервала экстраполяции и размера строба

Значение, полученное в результате линейной экстраполяции движения цели на следующий такт, зависит от количества точек (длины интервала), используемых для экстраполяции. Предлагается оценивать качество экстраполяции среднеквадратическим отклонением (СКО) измерений, используемых для экстраполяции, от значений полученной линейной аппроксимации: если на взятом интервале приближенные значения близки к измеренным, то и экстраполированное значение с большей вероятностью будет близко к положению цели. Далее можно регулировать длину интервала исходя из СКО: ввести наибольшую и наименьшую длину интервала Lmin и Lmax, провести аппроксимацию на интервале Lmax, вычислить СКО σ и сравнить с максимальным допустимым СКО Σ. Если $\sigma<=\Sigma$, провести линейную экстраполяцию на данном интервале. Иначе – уменьшить длину интервала на единицу и снова сравнить СКО с максимальным допустимым, продолжать пока не будет получено допустимое СКО или пока длина интервала не достигнет Lmin. Если при достижении длины интервала Lmin СКО по-прежнему превышает допустимое, экстраполяция проводится на интервале с наименьшим СКО из полученных. Такой подход позволяет использовать для экстраполяции наибольшее количество измерений, при котором траектория на интервале остается достаточно близкой к линейной. Размер строба предлагается вычислять по формуле $R=\Delta+\delta$, где Δ – наибольшее отклонение на интервале, а δ – дополнительное

слагаемое, учитывающее возможность совершения маневра или увеличения погрешности.

Алгоритм динамического стробирования вокруг экстраполированной точки

В системе траекторной обработки траектория представляет собой список отметок, полученных в процессе наблюдения: по одной отметке на каждом такте (в каждый момент наблюдения за целью). Под отметкой понимается набор доступной информации о цели: расстояние до измеряющего прибора, азимут относительно измеряющего прибора, радиальная или полная скорость и т.д.

Ниже приведена формальная запись описанного алгоритма стробирования. Функция approx() принимает список точек и возвращает коэффициенты k и b прямой x(t)=kt+b, аппроксимирующей данные точки.

Входные данные: траектория trj, последняя отметка trj[t-1], которой получено на такте t-1, нижняя и верхняя границы длины интервала интерполяции Lmin и Lmax, максимальное допустимое СКО Σ, добавка к размеру строба δ.

Выходные данные: центр xt и радиус R строба.

l := Lmax, lmin := Lmax, σmin := inf;
(k,b) := approx(trj[t-1-l:t-1]);
x[τ] := k * τ + b, τ=t-1-l:t-1;
σ := СКО(x, trj[t-l-1:t-1]);
Если σ<σmin, то lmin := l, σmin := σ;
Если σ>Σ и l > Lmin, то l := l - 1, вернуться к шагу 2;
(k,b) := approx(trj[t-1-lmin:t-1]);
x[τ] := k * τ + b, τ=t-1-l:t;
Δ := max(|trj[τ] - x[τ]|), τ=t-1-l:t-1;
xt := x[t], R=Δ+δ.

Вывод

Описанный подход позволяет уменьшить влияние погрешностей на результат экстраполяции, сохраняя при этом адекватность линейного приближения, что дает возможность строить маленький строб, снижая вероятность ложных отождествлений, сохраняя высокой вероятность правдивого отождествления. Алгоритм на основе описанного метода применен в системе траекторной обработки радара [2] и показал более высокую эффективность по сравнению с экстраполяцией на интервале фиксированной длины с фиксированным размером строба.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коновалов А.А.* Основы траекторной обработки радиолокационной информации часть 1. СПб: Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2013.
2. *Кузьмин С.З.* Цифровая радиолокация. Введение в теорию. Киев: КВИЦ, 2000.
3. *Канащенков А.И., Меркулов В.И.* Защита радиолокационных систем от помех. Состояние и тенденции развития. М.: «Радиотехника», 2003.
4. *Коновалов А.А*. Расчет размера и формы строба захвата при завязке траектории радиолокационной цели // XVIII Междунар. науч.-техн. конф. «Радиолокация, навигация, связь», 2012. Т. 3. СС. 1445–1452.
5. *Татузов А.Л.* Нейронные сети в задачах радиолокации. М.: «Радиотехника», 2009.
6. *Leung H., Hu Z., Blanchette M.* Evaluation of multiple target initiation techniques in real radar tracking environments // “IEE Proc. on Radar, Sonar Navigation”, 1996, № 4. PP. 246–254.
7. Boo Vision: https://www.boo-vision.com.

IMPROVING THE ACCURACY OF A DATA ASSOCIATION ALGORITHM USING DYNAMIC GATING

V. Sirunyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

One of the main tasks of track processing is the problem of data association, which consists in assigning each measurement received at the current scan step to a particular track. Algorithms for solving this problem consist of two main steps: gating and selecting the optimal measurement among those that fall within the gate. The gate can be formed either around the last point of the track or around a point extrapolated to the time of the current measurement. The accuracy of the data association algorithm largely depends on the method used to construct the gate. This work is devoted to the application of linear extrapolation over a variable-length interval and the dynamic computation of the gate size formed around the extrapolated point.

Keywords: Radiolocation, Trajectory association, Data association, Gating.

АЛГОРИТМ ГЕНЕРАЦИИ СИНТЕТИЧЕСКИХ ДАННЫХ ДЛЯ ЗАДАЧ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ НА ОСНОВЕ UNREAL ENGINE 5

К.С. Сурменелян, А.Ж. Арамян, А.С. Сардарян, О.А. Ованнисян, М.М. Смбатян, В.Т. Погосян, А.А. Маладжян

Российско-Армянский университет
karolina.surmenelyan@student.rau.am, aramyan.arpine@student.rau.am, armen.sardaryan@rau.am, olga.hovhannisyan@ispras.ru, meri.smbatyan@student.rau.am, vik.poghosyan01@gmail.com, malajyanartur@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлен алгоритм генерации синтетических данных для задач дистанционного зондирования, реализованный в среде Unreal Engine 5. Подход основан на процедурном моделировании городской среды, стохастическом размещении объектов с геометрическими и семантическими ограничениями и моделировании параметров виртуальной камеры. Аннотации формируются автоматически из трехмерной сцены и включают ограничивающие рамки и семантические маски. Предложенный алгоритм обеспечивает согласованность между изображениями и разметкой и позволяет масштабируемо генерировать обучающие данные для задач компьютерного зрения в дистанционном зондировании.
Ключевые слова: синтетические данные, “Unreal Engine 5”, дистанционное зондирование, автоматическая разметка, компьютерное зрение.

Введение

Одной из ключевых проблем компьютерного зрения в дистанционном зондировании является ограниченная доступность и несовершенное качество размеченных данных (Рис. 1), что снижает обобщающую способность моделей.

Для уменьшения зависимости от ручной разметки применяются методы самообучения и полуконтролируемого обучения [4, 5], однако они по-прежнему зависят от данных целевой области и чувствительны к шуму. Генеративные модели, включая диффузионные [6, 7], позволяют синтезировать реалистичные изображения, но обеспечивают ограниченный контроль над геометрией сцены и параметрами съемки, а также не гарантируют получение точной и согласованной разметки. В отличие от них, 3D-симуляции позволяют явно управлять сценой и автоматически получать согласованную разметку [8, 9].

Целью данной работы является описание алгоритма генерации синтетических данных для задач дистанционного зондирования на базе “Unreal Engine

5” [1], позволяющего создавать реалистичные сцены и автоматически извлекать точные аннотации из виртуальной среды. В отличие от существующих подходов, предлагаемый алгоритм обеспечивает управление геометрией сцены, параметрами съемки и аннотацией, формируя согласованные пары изображений и разметки, что повышает качество предобучения при ограниченном объеме реальных данных.

В качестве демонстрации применимости предложенного подхода были рассмотрены две типичные задачи дистанционного зондирования: “Change Detection” и “Small Object Detection”.

Задача Change Detection заключается в выявлении изменений между изображениями одной и той же территории, полученными в разные моменты времени, например при строительстве зданий или изменении инфраструктуры (Рис. 2).

Задача “Small Object Detection” направлена на обнаружение малых объектов на аэрокосмических изображениях, таких как транспортные средства, которые занимают небольшое количество пикселей и располагаются в плотной городской среде (Рис. 3).

Предлагаемый алгоритм состоит из трех основных этапов:

1. Моделирование виртуальной среды
2. Генерация синтетических данных
2. Автоматическая аннотация.

Общая схема метода ориентирована на формирование пар, состоящих из синтезированного изображения и соответствующего ему набора аннотаций.

1. Моделирование среды

Городские сцены формируются в “Unreal Engine 5” с использованием процедурной генерации, данных OpenStreetMap [3] и инструмента “CityBLD” [2] для создания городской планировки. Такой подход позволяет генерировать топологически правдоподобные структуры застройки и варьировать параметры окружения, включая геометрию зданий, дорожную сеть и элементы городской инфраструктуры. Дополнительно настраиваются освещение, атмосферные эффекты и параметры рендеринга, что обеспечивает реалистичность сцены и полный контроль над ее составом при генерации синтетических данных.

2. Генерация синтетических данных

Этап генерации данных включает размещение объектов в сцене, настройку виртуальной камеры и формирование изображений.

2.1. Логика размещения объектов и ограничения

Размещение объектов выполняется путем определения их положения и ориентации в пространстве для каждого объекта сцены.

Класс объекта выбирается стохастически из множества классов L с использованием взвешенного распределения, что позволяет контролировать соотношение классов в генерируемом наборе данных.

Позиция объекта определяется проекцией луча из виртуальной камеры в сцену, а ориентация согласуется с поверхностью размещения и, при необходимости, с направлением дорожной траектории.

Для предотвращения некорректных конфигураций выполняется проверка пересечений между объектами и геометрией сцены.

Такой подход позволяет формировать правдоподобные сцены с контролируемым составом и распределением объектов.

2. 2. Моделирование виртуальной камеры

Камера моделируется как параметризуемый виртуальный сенсор с настраиваемыми внутренними (тип проекции, разрешение, FOV и т.д.) и внешними параметрами (положение и ориентация). Параметры камеры задают наблюдаемую область сцены и позволяют управлять характеристиками генерируемых изображений.

3. Автоматическая аннотация

Одно из преимуществ “Unreal Engine 5” – получение точных аннотации благодаря полной информации о геометрии элементов сцены (Рис. 3). Объекты делятся на отслеживаемые и неотслеживаемые, при этом в разметку включаются только целевые классы. Алгоритм автоматически формирует ограничивающие рамки и семантические маски, согласованные с изображением и лишенные ошибок ручного аннотирования.

Результаты

Для оценки эффективности предложенного алгоритма были проведены эксперименты на двух задачах дистанционного зондирования: “Change Detection и Small Object Detection”. В обоих случаях использовалась схема обучения, при которой модель предварительно обучалась на синтетических данных, после чего выполнялось дообучение на небольшом объеме реальных размеченных данных.

Рис. 1. *Сравнение масок Change Detection: SYSU-CD (верх) и синтетические данные (низ).*

Изображение до *Изображение после* *Семантическая маска*

Рис.2. *Пример синтетически сгенерированной пары изображений и маски изменений для задачи Change Detection.*

Синтезированное изображение *Синтезированное изображение с bounding boxes* *Семантическая маска*

Рис.3. *Пример синтетического изображения и автоматически сгенерированных аннотаций для задачи Small Object Detection.*

Результаты экспериментов в задачах “Change Detection” и “Small Object Detection” подтверждают эффективность предложенного подхода. Согласно Табл. 1, использование модели CDLamba [14] с добавлением синтетических данных (Syn + 10% real) стабильно улучшает метрики на всех датасетах. На LEVIR-CD [10] показатель F1 вырос с 0.861 до 0.882, а IoU – с 0.756 до 0.788. Аналогичный рост зафиксирован на WHU-CD [11] (F1 с 0.833 до 0.848) и SYSU-CD [12] (F1 с 0.785 до 0.806), что доказывает высокую обобщающую способность моделей, предобученных на синтетических данных, при дефиците реальных аннотаций.

В задаче “Small Object Detection” (Табл. 2) на датасете UAVDT [13] предобучение на синтетических данных обеспечило существенный скачок точности. Для модели ESOD [15] значение mAP@0.5 увеличилось с 0.548 до 0.660, а Recall – с 0.583 до 0.687. Для YOLOv12 [16] + SAHI [17] Precision поднялся с 0.756 до 0.816, а итоговый показатель mAP@0.5:0.95 достиг 0.420, что превосходит результат обучения на полном наборе реальных данных (0.378). Таким образом, пайплайн на базе “Unreal Engine 5” позволяет эффективно компенсировать нехватку дорогостоящей ручной разметки в дистанционном зондировании.

Таблица 1. Результаты “Change Detection” на LEVIR-CD, WHU-CD и SYSU-CD на модели CDLamba.

Dataset	**Training**	**F1**	**IoU**
LEVIR-CD	100% real	0.899	0.8166
LEVIR-CD	10% real	0.861	0.756
LEVIR-CD	Syn + 10% real	**0.882**	**0.788**

Dataset	Training	F1	IoU
WHU-CD	100% real	0.9172	0.8470
WHU-CD	10% real	0.833	0.715
WHU-CD	Syn + 10% real	**0.848**	**0.736**
SYSU-CD	100% real	0.8242	0.7009
SYSU-CD	10% real	0.785	0.646
SYSU-CD	Syn + 10% real	**0.806**	**0.675**

Таблица 2. Результаты "Small Object Detection" на UAVDT.

Model	Training	Precision	Recall	mAP@0.5	mAP@0.5:0.95
ESOD	100% real	0.733	0.604	0.563	0.254
ESOD	10% real	0.719	0.583	0.548	0.240
ESOD	Syn + 10% real	**0.736**	**0.687**	**0.660**	**0.270**
YOLOv12 + SAHI	100% real	0.777	0.598	0.682	0.378
YOLOv12 + SAHI	10% real	0.756	0.592	0.665	0.375
YOLOv12 + SAHI	Syn + 10% real	**0.816**	**0.621**	**0.707**	**0.420**

Заключение

В работе представлен алгоритм генерации синтетических данных для задач дистанционного зондирования на базе "Unreal Engine 5". Предложенный подход позволяет автоматически создавать реалистичные сцены и получать точные аннотации, согласованные с изображением на пиксельном уровне.

Эксперименты показывают, что использование синтетических данных для предварительного обучения повышает качество моделей в задачах "Change Detection" и "Small Object Detection" при ограниченном объеме реальных аннотаций. Это подтверждает эффективность синтетической генерации как инструмента подготовки обучающих данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Epic Games.* Unreal Engine 5. https://www.unrealengine.com/
2. *WorldBLD.* CityBLD. https://worldbld.com/
3. *OpenStreetMap contributors*. OpenStreetMap. https://www.openstreetmap.org/
4. *Chen Y. et al.* Semi-supervised and unsupervised deep visual learning: A survey // "IEEE transactions on pattern analysis and machine intelligence". Vol. 46, №. 3. 2022. PP. 1327–1347.

5. *Zhang W. et al.* Semi-supervised change detection with data augmentation and adaptive thresholding for high-resolution remote sensing images // "Remote Sensing". Vol. 17, № 2. 2025. P. 178.
6. *Ho J., Jain A., Abbeel P.* Denoising Diffusion Probabilistic ModelsAdvances in Neural Information Processing Systems. Curran Associates, 2020.
7. *Khanna S. et al.* Diffusionsat: A generative foundation model for satellite imagery //arXiv preprint arXiv:2312.03606, 2023.
8. *Kong F. et al.* The Synthinel-1 dataset: A collection of high resolution synthetic overhead imagery for building segmentation // Proceedings of the IEEE/CVF winter conference on applications of computer vision, 2020. PP. 1814–1823.
9. *Song J. et al.* SynRS3D: A synthetic dataset for global 3D semantic understanding from monocular remote sensing imagery // "Advances in Neural Information Processing Systems". Vol. 37. 2024. PP. 117388–117425.
10. *Chen H., Shi Z.* A spatial-temporal attention-based method and a new dataset for remote sensing image change detection // "Remote sensing", T. 12, № 10. 2020. PP. 1662.
11. *Ji S., Wei S., Lu M.* Fully convolutional networks for multisource building extraction from an open aerial and satellite imagery data set // "IEEE Transactions on geoscience and remote sensing". Vol. 57, № 1. 2018. PP. 574–586.
12. *Shi Q. et al.* A deeply supervised attention metric-based network and an open aerial image dataset for remote sensing change detection // "IEEE transactions on geoscience and remote sensing". Vol. 60. 2021. PP. 1–16.
13. *Du D. et al.* The unmanned aerial vehicle benchmark: Object detection and tracking //Proceedings of the European conference on computer vision (ECCV), 2018. PP. 370–386.
14. *Wu Z. et al.* CD-lamba: Boosting remote sensing change detection via a cross-temporal locally adaptive state space model // "IEEE Journal of Selected Topics in Applied Earth Observations and Remote Sensing". Vol. 19. 2026. PP. 4028–4044.
15. *Liu K. et al.* ESOD: Efficient small object detection on high-resolution images // "IEEE Transactions on Image Processing". Vol. 34. 2024. PP. 183–195.
16. *Tian Y., Ye Q.* Doermann D. Yolov12: Attention-centric real-time object detectors //arXiv preprint arXiv:2502.12524, 2025.
17. *Akyon F. C., Altinuc S., Temizel A.* Slicing aided hyper inference and fine-tuning for small object detection //2022 IEEE international conference on image processing (ICIP). IEEE, 2022. PP. 966–970.

SYNTHETIC DATA GENERATION PIPELINE FOR REMOTE SENSING TASKS BASED ON UNREAL ENGINE 5

K. Surmenelyan, A. Aramyan, A. Sardaryan, O. Hovhannisyan, M. Smbatyan, V. Poghosyan, A. Malajyan
Russian - Armenian University

ABSTRACT

This paper presents a synthetic data generation pipeline for remote sensing tasks implemented in Unreal Engine 5. The approach is based on procedural modeling of urban environments, stochastic object placement with geometric and semantic constraints, and simulation of virtual camera parameters. Annotations are generated automatically from the 3D scene and include 2D bounding boxes and semantic

masks. The proposed pipeline ensures consistency between rendered images and annotations and enables scalable generation of training data for computer vision tasks in remote sensing.
Keywords: synthetic data, Unreal Engine, data annotation, remote sensing.

ФИЗИКА

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ВОЛОКОННО-ОПТИЧЕСКОЙ МАГИСТРАЛИ НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИЙ XG-PON И XGS-PON ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МУЛЬТИСЕРВИСНОГО ДОСТУПА

***А.А. Касян*[1], *Э.Р. Сиволенко*[2]**

[1,2]*Российско-Армянский университет*
andranik.kasian@gmail.com, eduard.sivolenko@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуются вопросы проектирования волоконно-оптической линии связи (ВОЛС) для организации мультисервисного широкополосного доступа с использованием технологий XG-PON и XGS-PON. Выполнен сравнительный анализ современных архитектур сетей доступа, включая активные и пассивные топологии, с обоснованием выбора пассивной оптической сети (PON), реализующей принцип «точка-многоточка» на основе оптического распределения мощности (ODN).

Проведен детализированный расчет ключевых параметров сети, включающий определение энергетического бюджета (optical link budget) с учетом затухания в волокне, потерь в разветвителях, соединениях и сварках, а также анализ допустимых уровней оптической мощности на интерфейсах OLT/ONT. Дополнительно выполнена оценка пропускной способности и коэффициента разделения (split ratio) с учетом требований к качеству обслуживания (QoS) и мультисервисной нагрузке (данные, голос, видео).

Показано, что технология XGS-PON, обеспечивающая симметричную скорость передачи до 10 Гбит/с в нисходящем и восходящем направлениях, обладает повышенной спектральной эффективностью и поддерживает гибкие механизмы распределения полосы пропускания (DBA), что делает ее предпочтительным решением для построения сетей доступа следующего поколения (NGAN) с высокой плотностью абонентов и требованиями к гарантированной полосе.

Ключевые слова: ВОЛС, пассивные оптические сети (PON), XG-PON, XGS-PON, ODN, DBA, мультисервисный доступ, NGAN, оптический бюджет.

1. Введение

Современные инфокоммуникационные системы характеризуются экспоненциальным ростом объемов передаваемого трафика и ужесточением требо-

ваний к параметрам качества обслуживания (QoS/QoE), включая задержку, вариацию задержки (jitter), потери пакетов и доступность сервисов [6]. Широкое внедрение потокового мультимедиа высокой четкости (HD/UHD), облачных вычислений, IP-телефонии, а также массовое подключение устройств интернета вещей (IoT) формируют необходимость построения высокоскоростных, масштабируемых и отказоустойчивых сетей доступа с гарантированной полосой пропускания [4].

Волоконно-оптические линии связи (ВОЛС) являются базовой транспортной средой для таких сетей благодаря их высокой пропускной способности (до десятков Тбит/с при использовании WDM-технологий), низкому коэффициенту затухания (≈0,2 дБ/км в окне 1550 нм), широкому динамическому диапазону и устойчивости к электромагнитным воздействиям [3]. Дополнительным преимуществом является возможность эффективной модернизации за счет спектрального уплотнения и перехода на более высокоскоростные стандарты без замены физической инфраструктуры.

Одним из ключевых направлений развития сетей доступа являются пассивные оптические сети (Passive Optical Network, PON), реализующие архитектуру «точка–многоточка» с использованием оптической распределительной сети (ODN), включающей пассивные разветвители (splitters). Отсутствие активных элементов на распределительном участке позволяет существенно снизить капитальные и эксплуатационные затраты (CAPEX/OPEX), повысить надежность системы и упростить техническое обслуживание [7].

Целью данной работы является разработка проекта волоконно-оптической магистрали доступа на основе технологий XG-PON и XGS-PON с учетом требований к мультисервисной нагрузке, включая анализ архитектурных решений, расчет энергетического бюджета линии, выбор коэффициента деления и оценку пропускной способности сети.

2. Методы и подходы к проектированию

2.1 Анализ архитектур сетей доступа

В современных сетях доступа применяются различные архитектурные подходы, отличающиеся принципами организации передачи данных, уровнем масштабируемости, надежности и экономической эффективности.

Топология «точка-точка» (P2P) предусматривает организацию выделенного оптического канала между центральным узлом и каждым абонентом, что обеспечивает максимальную пропускную способность, высокий уровень информацион-

ной безопасности и отсутствие конкуренции за полосу пропускания, однако сопровождается значительными капитальными затратами, обусловленными необходимостью прокладки отдельного волокна для каждого пользователя.

Кольцевая топология характеризуется повышенной отказоустойчивостью за счет реализации механизмов резервирования и самовосстановления, однако ее применение в сетях доступа ограничено ввиду избыточности и сложности реализации по сравнению с другими архитектурными решениями.

Древовидная структура с активными узлами предполагает использование промежуточного активного оборудования, обеспечивающего коммутацию и управление трафиком, что повышает гибкость сети, но требует организации электропитания и технического обслуживания на распределительном уровне, увеличивая эксплуатационные затраты и снижая общую надежность системы.

Пассивная древовидная структура, реализованная в виде пассивной оптической сети (PON), основана на принципе «точка-многоточка» и использует оптическую распределительную сеть (ODN), включающую пассивные разветвители, что позволяет одному оптическому линейному терминалу (OLT) обслуживать группу абонентских устройств (ONT).

Наиболее эффективной для построения современных сетей широкополосного доступа является архитектура PON, обеспечивающая рациональное использование волоконно-оптических ресурсов, снижение капитальных и эксплуатационных затрат, а также высокую надежность за счет отсутствия активных элементов в распределительной сети, при этом применение механизмов динамического распределения полосы пропускания позволяет эффективно поддерживать мультисервисную нагрузку и гарантировать требуемые показатели качества обслуживания.

2.2 Сравнение технологий XG-PON и XGS-PON

Сравнительный анализ пропускной способности технологий пассивных оптических сетей представлен в таблице:

Технология	**Downstream**	**Upstream**
GPON	2,5 Гбит/с	1,25 Гбит/с
XG-PON	10 Гбит/с	2,5 Гбит/с
XGS-PON	10 Гбит/с	10 Гбит/с

Технология GPON является широко распространенным решением для построения сетей доступа, однако ее асимметричная пропускная способность ограничивает эффективность при работе с современными интерактивными сервисами.

Технология XG-PON обеспечивает увеличение скорости в нисходящем направлении до 10 Гбит/с, что позволяет удовлетворить растущие требования к загрузке контента, однако сохраняет асимметрию каналов передачи.

Наиболее перспективной является технология XGS-PON, обеспечивающая симметричную скорость передачи данных до 10 Гбит/с как в нисходящем, так и в восходящем направлениях, что является ключевым преимуществом при реализации современных сервисов, включая облачные вычисления, видеоконференцсвязь, системы удаленной работы и приложения интернета вещей, требующие высокой скорости передачи в обоих направлениях и минимальных задержек [8], [9].

2.3 Структура проектируемой сети

Проектируемая волоконно-оптическая сеть доступа реализуется на основе архитектуры пассивной оптической сети и включает ключевые функциональные элементы.

Оптический линейный терминал OLT представляет собой центральный узел сети, обеспечивающий агрегацию трафика, управление абонентскими устройствами и взаимодействие с транспортной сетью оператора.

Оптическая распределительная сеть ODN формирует пассивную инфраструктуру передачи, включающую волоконно-оптические линии, муфты, кроссы и другие элементы, обеспечивающие доставку сигнала от OLT к абонентам.

Оптические разветвители (splitters) реализуют деление оптической мощности по схеме 1×N и являются ключевыми компонентами топологии «точка-многоточка», обеспечивая подключение группы абонентов к одному порту OLT.

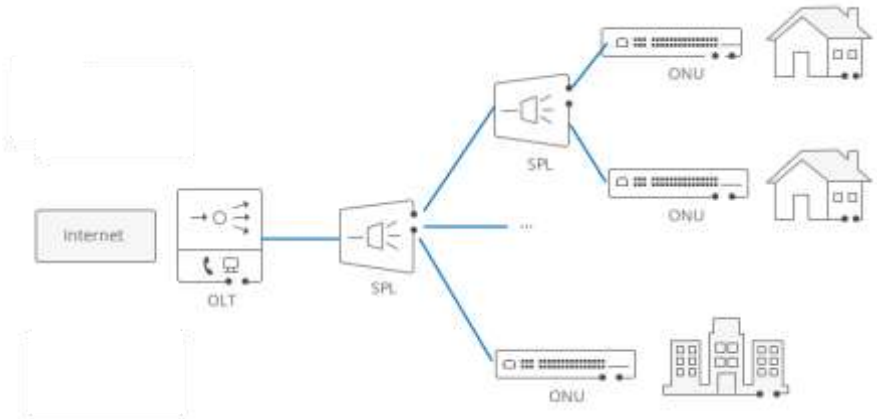

Рисунок 1. Структурная схема проектируемой сети XGS-PON.

Абонентские устройства ONU/ONT выполняют преобразование оптического сигнала в электрический, а также обеспечивают предоставление пользовательских сервисов на стороне клиента.

Передача данных в сети осуществляется с использованием комбинированных методов мультиплексирования.

Технология WDM обеспечивает разделение сигналов по длинам волн, позволяя организовать одновременную передачу данных в нисходящем и восходящем направлениях по одному оптическому волокну, а также реализовать сосуществование различных стандартов PON в одной инфраструктуре [4].

Технология TDMA применяется для организации множественного доступа в восходящем канале, обеспечивая временное разделение ресурсов между абонентскими устройствами и предотвращая коллизии при передаче данных [4].

2.4 Расчет энергетического бюджета

Энергетический бюджет оптической линии является одним из определяющих параметров при проектировании пассивной оптической сети, поскольку именно он характеризует допустимый диапазон суммарных потерь между передающей стороной OLT и приемной стороной ONT. Значение энергетического бюджета определяется как разность между уровнем мощности оптического передатчика и минимально допустимой чувствительностью приемника с учетом эксплуатационного запаса.

В составе суммарного затухания линии учитываются потери в оптическом волокне, потери на сварных соединениях и разъемных соединителях, а также вносимые потери пассивных оптических разветвителей [3],[5].

Для проектируемой сети суммарные потери могут быть оценены следующим образом. Потери в линейном волокне при коэффициенте затухания порядка 0,35 дБ/км составляют около 2 дБ. Дополнительные потери на сварках, коннекторах и кроссовых соединениях находятся в пределах 2–3 дБ. Наибольший вклад в энергетический бюджет вносят оптические сплиттеры, для которых суммарные потери при выбранном коэффициенте деления составляют порядка 24–25 дБ.

Таким образом, расчетное суммарное затухание в тракте составляет около 29 дБ, что укладывается в пределы энергетического бюджета оборудования класса C+ и подтверждает возможность устойчивого функционирования проектируемой сети в заданной конфигурации. Полученный результат свидетельствует о корректности выбора архитектуры распределительной сети, коэффи-

циента деления и протяженности оптического тракта, а также о наличии технической возможности для предоставления мультисервисного доступа на базе технологий XG-PON и XGS-PON.

3. Результаты проектирования

В результате проектирования получена магистральная сеть со следующими параметрами:

- технология: XGS-PON;
- максимальная скорость: до 10 Гбит/с (симметрично);
- коэффициент деления: до 1:32;
- максимальная дальность: до 20 км;
- количество абонентов: ~250–300.

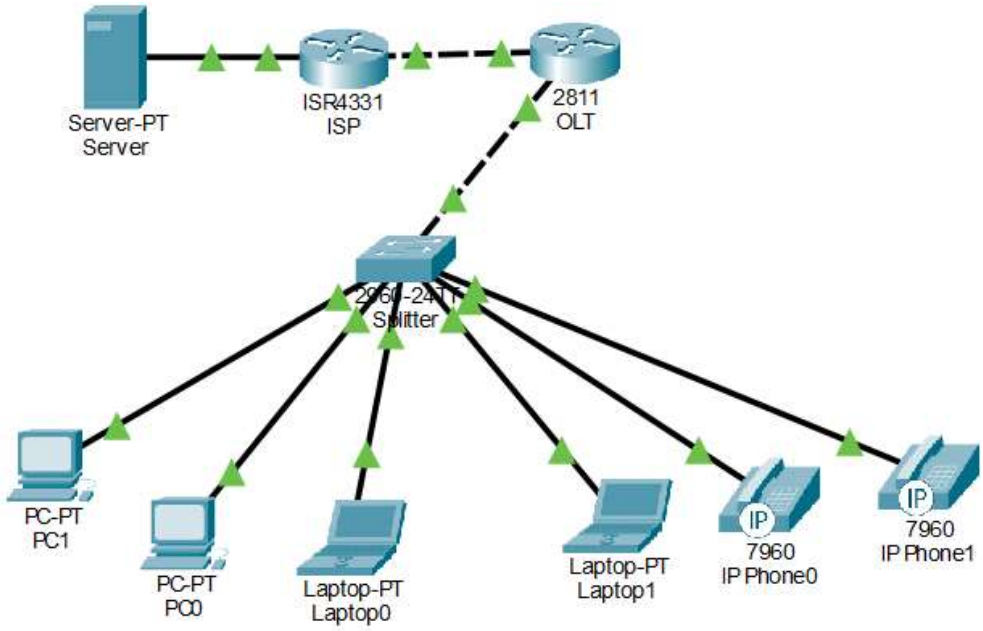

Рисунок 2. Модель проектируемой сети в среде Packet Tracer.

Сеть обеспечивает поддержку следующих сервисов:

- широкополосный доступ в Интернет;
- IPTV;
- VoIP;
- облачные сервисы.

IP Addressing Plan
WAN
ISP: 10.0.0.1/30
OLT: 10.0.0.2/30
Server Network
Network: 192.168.100.0/24
Server: 192.168.100.2
Gateway: 192.168.100.1
DATA VLAN (VLAN 10)
Network: 192.168.1.0/24
Gateway: 192.168.1.1
VOICE VLAN (VLAN 20)
Network: 192.168.20.0/24
Gateway: 192.168.20.1

ISP Router Configuration
enable
conf t
interface g0/0
ip address 192.168.100.1 255.255.255.0
no shutdown
interface g0/1
ip address 10.0.0.1 255.255.255.252
no shutdown
ip route 192.168.1.0 255.255.255.0 10.0.0.2
ip route 192.168.20.0 255.255.255.0 10.0.0.2
end
write

OLT Router Configuration
enable
conf t
interface g0/0
ip address 10.0.0.2 255.255.255.252
no shutdown
interface g0/1
no ip address
no shutdown
interface g0/1.10
encapsulation dot1Q 10
ip address 192.168.1.1 255.255.255.0
interface g0/1.20
encapsulation dot1Q 20
ip address 192.168.20.1 255.255.255.0
ip route 0.0.0.0 0.0.0.0 10.0.0.1

DHCP Configuration (OLT)
ip dhcp excluded-address 192.168.1.1
ip dhcp excluded-address 192.168.20.1
ip dhcp pool DATA
network 192.168.1.0 255.255.255.0
default-router 192.168.1.1
dns-server 8.8.8.8
ip dhcp pool VOICE
network 192.168.20.0 255.255.255.0
default-router 192.168.20.1
option 150 ip 192.168.20.1

CME (IP телефония)
telephony-service
max-ephones 5
max-dn 5
ip source-address 192.168.20.1 port 2000
auto assign 1 to 5
ephone-dn 1
number 1001
ephone-dn 2
number 1002

Switch Configuration
enable
conf t
vlan 10
name DATA
vlan 20
name VOICE
interface fa0/24
switchport mode trunk
interface range fa0/2 - 10
switchport mode access
switchport access vlan 10
spanning-tree portfast
interface fa0/1
switchport mode access
switchport access vlan 10
switchport voice vlan 20
spanning-tree portfast
ip default-gateway 192.168.1.1
end
write

Server Configuration
IP: 192.168.100.2
Mask: 255.255.255.0
Gateway: 192.168.100.1

PC / Laptop
IP: DHCP

В рамках моделирования была реализована динамическая маршрутизация сети, что добавляет модели гибкости и масштабируемости, а также реализация автоматической выдачи IP адресов через DHCP. Также в рамках модели была настроена IP телефония с использованием технологии CME.

4. Обсуждение: Оценка эффективности применения технологий XG-PON и XGS-PON

Проведенный анализ показывает, что внедрение технологий XG-PON и XGS-PON позволяет существенно повысить эффективность функционирования сетей широкополосного доступа за счет увеличения пропускной способности, оптимизации использования волоконно-оптической инфраструктуры и обеспечения поддержки современных мультисервисных нагрузок [1],[2].

К основным преимуществам данных технологий относится высокая пропускная способность, достигающая 10 Гбит/с в нисходящем направлении, а для XGS-PON – симметричная скорость передачи, что особенно важно для сервисов с интенсивным восходящим трафиком. Существенным фактором является масштабируемость сети, обеспечиваемая возможностью увеличения коэффициента деления и модернизации оборудования без изменения физической инфраструктуры. Использование пассивной распределительной сети позволяет снизить капитальные и эксплуатационные затраты за счет отсутствия активных элементов на распределительном уровне. Дополнительно обеспечивается эффективная поддержка мультисервисных сценариев, включая передачу данных, голоса и видео с гарантированными параметрами качества обслуживания.

К ограничениям рассматриваемых технологий следует отнести относительно высокую стоимость активного оборудования, в частности, оптических линейных терминалов и абонентских устройств. Существенное значение имеет необходимость проведения точного расчета параметров сети, включая энергетический бюджет и коэффициент деления, поскольку превышение допустимых потерь может привести к деградации качества связи. Также следует учитывать ограничение по количеству абонентов, обслуживаемых одним портом OLT, что обусловлено как физическими характеристиками линии, так и требованиями к пропускной способности.

В целом технология XGS-PON является более перспективным решением по сравнению с XG-PON, поскольку обеспечивает симметричную передачу данных со скоростью до 10 Гбит/с, что соответствует современным требованиям к сетям доступа и делает ее предпочтительной для внедрения в условиях роста облачных сервисов, видеокоммуникаций и распределенных приложений.

Заключение

В рамках работы выполнено проектирование волоконно-оптической магистрали доступа с использованием технологий XG-PON и XGS-PON с учетом

современных требований к пропускной способности, надежности и поддержке мультисервисных приложений.

Проведенный анализ показал, что архитектура пассивной оптической сети является наиболее рациональным решением для построения сетей доступа, обеспечивая эффективное использование волоконно-оптической инфраструктуры и снижение эксплуатационных затрат.

Установлено, что технология XGS-PON обладает наилучшими эксплуатационными характеристиками за счет симметричной скорости передачи данных, что делает ее предпочтительной для реализации современных сервисов с высокой долей восходящего трафика.

Результаты расчета энергетического бюджета подтверждают техническую реализуемость проектируемой сети и соответствие выбранных параметров требованиям оборудования класса C+.

Предложенное решение характеризуется высокой масштабируемостью, возможностью дальнейшей модернизации и соответствует тенденциям развития сетей доступа следующего поколения, что подтверждает его перспективность для практического внедрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. ITU-T G.987 – 10-Gigabit-capable passive optical networks (XG-PON).
2. ITU-T G.9807.1 – 10-Gigabit-capable symmetric passive optical network (XGS-PON).
3. *Кузнецов А.А.* Волоконно-оптические линии связи. М.: «Горячая линия–Телеком», 2019.
4. *Agrawal G.P.* Fiber-Optic Communication Systems. “Wiley”, 2012.
5. *Keiser G.* Optical Fiber Communications. “McGraw-Hill”, 2010.
6. *Stallings W.* Data and Computer Communications. “Pearson”, 2013.
7. Cisco Systems – Passive Optical Networks Overview.
8. FS.com – XGS-PON Technology Overview.
9. Huawei – Next-Generation PON Solutions White Paper.

DESIGN OF A FIBER-OPTIC BACKBONE BASED ON XG-PON AND XGS-PON TECHNOLOGIES FOR PROVIDING MULTISERVICE ACCESS

***A. Kasian*[1], *E. Sivolenko*[2]**
[1,2]*Russian-Armenian University*

ABSTRACT

This paper examines the issues of designing a fiber-optic communication line (FOCL) for providing multiservice broadband access using XG-PON and XGS-PON technologies. A comparative analysis of modern access network architectures, including active and passive topologies, is carried out, with justification for selecting a passive optical

network (PON) implementing a point-to-multipoint principle based on an optical distribution network (ODN).
A detailed calculation of key network parameters is performed, including the determination of the optical link budget, taking into account fiber attenuation, losses in splitters, connectors, and splices, as well as the analysis of permissible optical power levels at OLT/ONT interfaces. Additionally, an assessment of bandwidth capacity and split ratio is conducted, considering quality of service (QoS) requirements and multiservice traffic (data, voice, video).
It is shown that XGS-PON technology, which provides symmetric transmission speeds of up to 10 Gbps in both downstream and upstream directions, offers higher spectral efficiency and supports flexible bandwidth allocation mechanisms (DBA). This makes it a preferable solution for building next-generation access networks (NGAN) with high subscriber density and guaranteed bandwidth requirements.
Keywords: FOCL, passive optical networks (PON), XG-PON, XGS-PON, ODN, DBA, multiservice access, NGAN, optical budget.

ИССЛЕДОВАНИЕ МОДУЛЯЦИИ ПРОПУСКАНИЯ ТЕРАГЕРЦОВОГО ИЗЛУЧЕНИЯ В INSB N-ТИПА В СИЛЬНЫХ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ ПОЛЯХ

Д.А. Тимошина[1], Д.А. Караулов[1], М.Я. Винниченко[1], Д.Б. Айрапетян[2]

[1]Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
[2]Российско-Армянский университет
timoshina.da@edu.spbstu.ru, donil793@yandex.ru, mvin@spbstu.ru, david.hayrapetyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что на основе решения уравнения Френеля и кинетического уравнения Больцмана проведен расчет показателя преломления и коэффициента поглощения терагерцового излучения на длине волны 118.8 мкм в электронном антимониде индия в электрическом поле до 200 В/см. Предполагаемые зависимости проверены экспериментально. Показано, что изменение оптических характеристик в электрическом поле связано с разогревом и дрейфом свободных электронов. Анизотропия функции распределения электронов по состояниям в импульсном пространстве, возникающая в электрическом поле, приводит к анизотропии преломления и поглощения: индуцированное электрическим полем. Величина эффекта позволяет использовать его для малоинерционной модуляции излучения терагерцового диапазона спектра.

Ключевые слова: анизотропия функции распределения, разогрев электронов, дрейф электронов, поглощение излучения, преломление излучения.

Исследование анизотропии оптических параметров полупроводников в условиях электрических полей – одно из перспективных направлений современной физики полупроводников. В полупроводниковых соединениях с непараболичным законом дисперсии возможно наблюдение анизотропии оптических свойств, связанную с разогревом и дрейфом носителей заряда в электрическом поле, которое может быть использована для создания различных устройств оптоэлектроники. Проявление этого эффекта наиболее ярко выражено в полупроводниках с высокой подвижностью, например в антимониде индия.

Непараболичный закон дисперсии зоны проводимости в InSb с хорошей точностью описывается в рамках модели Кейна [1]. Дальнейшие расчеты были проведены для InSb с концентрацией донорной примеси $N_д = 3 \cdot 10^{15}$ см$^{-3}$, подвижностью электронов (при комнатной температуре) $\mu = 1{,}6 \cdot 10^5$ см^2/(В·с).

Для InSb в условиях электрического поля мы использовали следующий вид функции распределения:

$$f(\vec{k}, t) = f_s(\vec{k}) + f_\omega(\vec{k}) e^{i\omega t}, \quad (1)$$

где $f_s(\vec{k})$ – стационарная часть, а $f_\omega(\vec{k}) e^{i\omega t}$ – высокочастотная. Функция распределения (1) является решением кинетического уравнения Больцмана в приближении времени релаксации τ [2]. Приближенно можно представить стационарную часть функции распределения $f_s(\vec{k})$ в виде распределения Ферми-Дирака с электронной температурой T_e (отличной от температуры решетки), сдвинутого в пространстве волновых векторов [3].

Для установления связи между оптическими и электрическими параметрами воспользуемся уравнением Френеля для комплексного показателя преломления:

$$(n + iK)^2 = \varepsilon_L \cdot \hat{1} + i\frac{4\pi}{\omega}\hat{\sigma} = \hat{\varepsilon}, \quad (2)$$

где n – показатель преломления, K – коэффициент экстинкции (показатель поглощения), ε_L – диэлектрическая проницаемость решетки, $\hat{\sigma}$ – тензор высокочастотной Друдевской проводимости, $\hat{\varepsilon}$ – тензор комплексной диэлектрической проницаемости. Общее выражение для элементов тензора высокочастотной проводимости можно представить в следующем виде:

$$\sigma_{ii} = i\frac{e^2}{(\omega + i\tau^{-1})} \int \frac{1}{\hbar^2} \frac{\partial^2 \varepsilon}{\partial \vec{k}_i^2} f_s(\vec{k}) \frac{2d\vec{k}}{(2\pi)^3}. \quad (3)$$

Для изотропного случая $\sigma_{xx} = \sigma_{yy} = \sigma_{zz} = \sigma$. Интеграл в выражении (3) есть средняя обратная эффективная масса электрона проводимости в InSb, получаемая путем усреднения со стационарной частью функции распределения. Таким образом, анизотропия преломления и поглощения в InSb определяется анизотропией функции распределения в сильных электрических полях и непараболичностью зоны проводимости. С использованием выражения высокочастотной проводимости, уравнений Френеля, а также стационарной части неравновесной функции распределения, возможно вычислить показатели преломления и поглощения в InSb для заданной величины приложенного электрического поля.

На Рис. 1 (а) приведена зависимость показателей преломления для света с поляризацией вдоль направления поля и перпендикулярной ему, от величины приложенного электрического поля (для длины волны излучения λ = 118,8 мкм).

На Рис. 1 (б) представлены зависимости коэффициента поглощения в InSb для случаев параллельной и перпендикулярной ориентации поляризаций света.

Разогрев электронов в сильных электрических полях приводит к уменьшению коэффициента поглощения и увеличению показателя преломления в InSb. Анизотропия преломления и поглощения связана с дрейфом электронов в электрическом поле и растет по абсолютной величине с увеличение электрического поля.

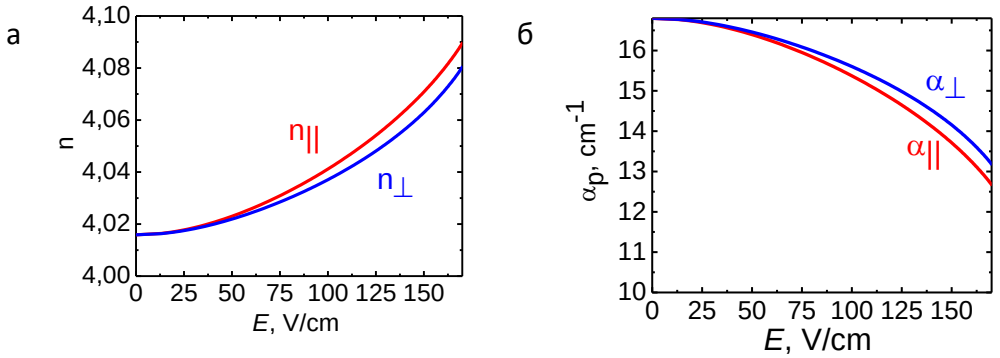

Рисунок 1. (а) Зависимость показателя преломления в InSb от величины приложенного электрического поля для двух поляризации света; (б) Зависимость коэффициента поглощения от величины электрического поля двух поляризаций света.

Изменение преломления и поглощения ТГц излучения в n-InSb в сильных электрических полях также наблюдалась в эксперименте. В качестве источника излучения использовался газовый ТГц лазер, с длиной волны 118.8 мкм. Лазерное излучение модулировалось механическим модулятором и при помощи системы параболических зеркал фокусировалось на образце в криостате, в котором достигалась температура 78 К. К образцам прикладывалось переменное электрическое поле с короткими импульсами длительностью около 2.5 мкс в момент засветки образца лазерным излучением. Сигнал модуляции пропускания измерялся при помощи примесного детектора на основе дырочного Ge. Временная зависимость сигнала модуляции пропускания отображалась на осциллографе.

На Рис. 2 представлены результаты измерения модуляции сигнала пропускания, снятого в момент максимума электрического поля, для двух образцов, отличающихся толщиной и профилем сечения. На Рис. 3 представлена геометрия исследуемых образцов в плоскости сечения.

Пропускание света в плоскопараллельных структурах с учетом многократных внутренних отражений и интерференция (Рис. 3 (а)), описывается формулами Эйри.

$$T = \frac{(1-R(E))^2 e^{-\alpha(E)d}}{1-2R(E)e^{-\alpha(E)d}\cos(\delta(E))+R(E)^2 e^{-2\alpha(E)d}}, \quad (4)$$

где $k(E)$ – коэффициент экстинкции, $n(E)$ – коэффициент преломления, $R(E) = \frac{(n(E)-1)^2+k(E)^2}{(n(E)+1)^2+k(E)^2}$ – коэффициент отражения, $\delta(E) = \frac{4\pi n(E)d}{\lambda}$ – набег фазы электромагнитной волны, $\alpha(E)$ – коэффициент поглощения.

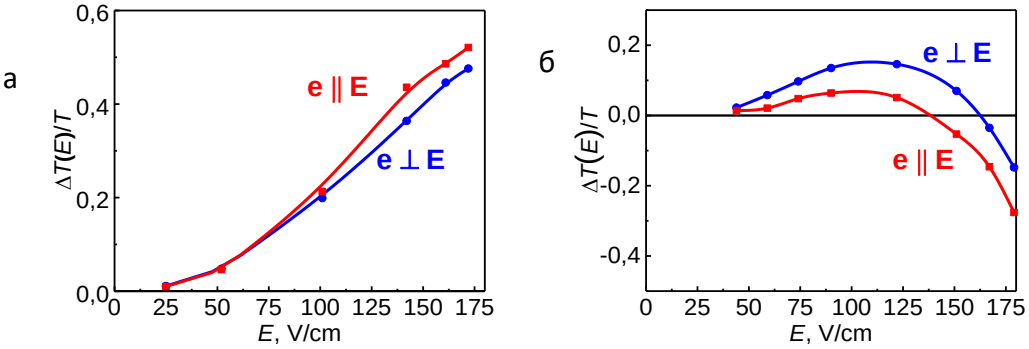

Рисунок 2. Сигнал модуляции пропускания для двух образцов разной толщины.
Образец 1, d = 699 мкм (а). Образец 2, d = 610 мкм (б).

Нарушение плоскопараллельности в образце 1 приводит к гашению интерференции, что приводит к упрощению формулы (4):

$$T = (1 - R(E))^2 e^{-\alpha(E)}. \quad (5)$$

Таким образом, по экспериментальным кривым зависимости модуляции пропускания от величины приложенного электрического поля были получены зависимости коэффициента поглощения и показателя преломления от величины приложенного электрического поля для света, поляризованного вдоль направления поля, и для света, поляризованного перпендикулярно направлению приложения поля (Рис. 3).

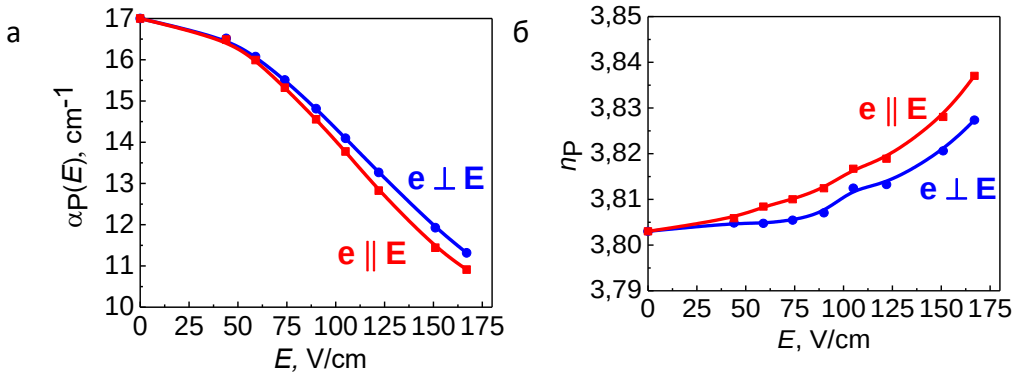

Рисунок 3. Изменения коэффициента поглощения (а) и показателя преломления (б) в InSb n-типа для света с длиной волны 118.8 мкм, поляризованного по полю и против поля.

В ходе данной работы были проведены теоретические и экспериментальные исследования влияния эффектов разогрева и дрейфа свободных электронов в InSb в электрических полях на преломление и поглощение ТГц излучения. Приложение внешнего электрического поля приводит к анизотропии функции распределения, которая определяет изменение величины коэффициента преломления и показателя преломления. Разогрев электронов приводит к уменьшению коэффициента поглощения и увеличению показателя преломления. Дрейф электронов приводит к возникновению анизотропии оптических параметров, которая увеличивается по абсолютной величине с ростом электрического поля. Экспериментальные результаты находятся в качественном согласии с теорией. Таким образом, была показана необходимость учета эффектов разогрева дрейфа носителей заряда, а также возможность их применения в оптоэлектронных устройствах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kane E.* Band structure of indium antimonide // “Journal of Physics and Chemistry of Solids”. Vol. 1, № 4, 1957. PP. 249–261.
2. *Воробьев Л.Е., Стафеев В.И., Фирсов Д.А.* Влияние разогрева и дрейфа электронов на показатель преломления n-InSb с учетом межзонных переходов // «Физика и техника полупроводников», Т. 18, № 10, 1984. СС. 513–518.
3. *Hammar C., Veissclas P.* Hot Electron Polar Scattering in InSb // “Physica status solidi”, № 24, 1967. PP. 531–534.

INVESTIGATION OF THE MODULATION OF TERAHERTZ RADIATION TRANSMISSION IN N-TYPE INSB IN HIGH ELECTRIC FIELDS

***D. Timoshina*[1], *D. Karaulov*[1], *M. Vinnichenko*[1], *D. Hayrapetyan*[2]**
[1]*Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University*
[2]*Russian-Armenian University*

ABSTRACT

Based on the solution of the Fresnel equation and the kinetic Boltzmann equation, the refractive index and absorption coefficient of terahertz radiation at a wavelength of 118.8 microns in electronic indium antimonide in an electric field of up to 200 V/cm are calculated. The obtained dependencies have been tested experimentally. It is shown that the change in optical characteristics in an electric field is associated with the heating and drift of free electrons. The anisotropy of the electron distribution function over states in impulse space, which occurs in an electric field, leads to anisotropy of refraction and absorption: induced by an electric field. The magnitude of the effect allows it to be used for low-inertia modulation of radiation in the terahertz range of the spectrum.

Keywords: anisotropy of the distribution function, electron heating, electron drift, radiation absorption, radiation refraction.

БИОЛОГИЯ, ХИМИЯ

ПОЛУЧЕНИЕ ВЕНОТОНИЗИРУЮЩИХ ПРЕПАРАТОВ НА ОСНОВЕ КОНСКОГО КАШТАНА (AESCULUS HIPPOCASTANUM L.)

Г.А. Асатрян, А.М. Григорян, Г.Г. Нерсисян, М.М. Алхазян

Российско-Армянский университет
grisha-asatryan0@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной работе нами был изучен конский каштан (Aesculus hippocastanum L.) и изготовлены два абсолютно новых препарата на основе плодов и их кожуры, которые обладают отличным венотонизирующим действием.
Ключевые слова: конский каштан, венотонизирующее, экстракт, эсцин.

Введение

Хронические заболевания венозной системы являются одной из наиболее значимых проблем современного здравоохранения. Так по всему миру более 30% людей страдают от хронических венозных заболеваний. На этом фоне внимание исследователей привлекает конский каштан (Aesculus hippocastanum L.) – источник кумаринов, полифенольных соединений и тритерпеновых сапонинов [1]. Самой значимой фракцией в составе конского каштана является смесь тритерпеновых сапонинов под названием «эсцин». Эсцин стабилизирует эндотелиальные клетки и уменьшает активность гиалуронидазы, он повышает тонус венозной стенки, также обладает доказанным противоэкссудативным и сосудоукрепляющим действием [2]. Сам эсцин представляет из себя смесь α-, β- и криптоэсцина, структурно связанных с агликоном протеоэсцигенином (Рис.1).

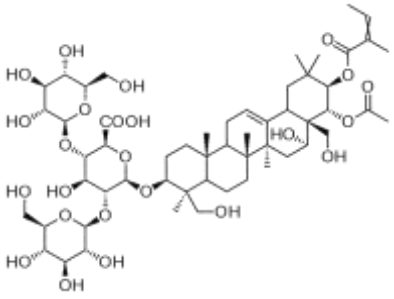

Рисунок 1. Структурная формула эсцина.

Материалы и методы

1. Мы решили изготовить мазь на основе пудры конского каштана для чего поместили в огнеупорную посуду 38 г пудры конского каштана, к которой добавили 24,8 г масла косточек винограда и 17 г чистого облепихового масла. К полученной смеси было добавлено 40 г вазелина.

Далее смесь была нагрета для наилучшей гомогенизации. После нагревания в течение 3 минут, смесь убрали с огня и, дав ей немного остыть, добавили 9 г какао масла. В результате получили смесь ярко-оранжевого цвета (Рис. 2).

Далее к полученной смеси необходимо было добавить прополис. Для этого взяли 15 грамм сухого прополиса и растворили в 80 граммах нерафинированного оливкового масла, тем самым получив экстракт прополиса. И добавляем 25 грамм полученного экстракта прополиса к ранее полученной смеси (Таб. 1).

Рисунок 2. Готовая мазь.

Таблица 1. Процентное содержание компонентов препарата «Пропэсцин».

Пудра конского каштана	Экстракт прополиса	Масло косточек винограда	Вазелин	Какао масло	Облепиховое масло
24,7%	16,25%	16,12%	26%	5,85%	11,08%

2. Для лечение хронических венозных заболеваний отлично подойдет экстракт конского каштана. Чтобы его получить мы использовали 100 г кожуры плодов и 200 г самих плодов в измельченном виде. К сырью добавили 500 мл 70% спирта, экстрагировали 10 дней в теплой воде. После 10-дневной экстракции, полученный экстракт профильтровали, получили чистый 60%-ый экстракт конского каштана (Рис. 3).

Рисунок 3. Фильтрация готового экстракта конского каштана.

Также мы приготовили 20%-ый экстракт гвоздики, для которого 20 г сухой гвоздики залили 100 мл спирта (70%) и оставили также на 10 дней. Для приготовления самого лечебного препарата взяли 100 мл готового экстракта конского каштана (60%), к нему добавили 20 мл диметилсульфоксида и 20 мл экстракта прополиса (20%), также добавили 20 мл экстракта гвоздики (20%) (Табл. 2).

Таблица 2. Процентное содержание компонентов препарата на основе экстракта конского каштана.

Экстракт конского каштана	Экстракт прополиса	Экстракт гвоздики	Димексид
62,5%	12,5%	12,5%	12,5%

Результаты

1. Полученная нами мазь обладает венототонизирующим, антибактериальным и антисептическим действиями. Она особенно эффективна при трофических язвах голени. Из-за высокого содержания кумаринов мазь очень эффективна при лечении посттравматических ссадин, синяков. Помогает рассасываться затвердеваниям из-за чего может использоваться при лечении мастопатии. Так при использовании данной мази в течение двух недель каждый день по 2 раза, утром и вечером, у пациента наблюдались значительные изменения (Рис. 4).

Рисунок 4. Эффект мази

2. Полученный экстракт обладает венотонизирующим действием, удаляет венозные боли, помогает при тяжести в ногах, а также эффективен при посттравматических ссадинах, ушибах и болях. Нельзя применять при трофических язвах из-за сильной боли.

Мазать на нужный участок тела и оставлять до высыхания по 2–3 раза в день.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Муравьева Д.А.* Фармакогнозия. М.: «Медицина», 1978, 656с.
2. *Курченко В.П., Сушинская Н.В., Майорова К.И., Тарун Е.И., Бондарук А.М., Цыганков В.Г., Фатыхова С.А., Шабуня П.С.* Состав биологически активных веществ каштана конского (Aesculus hippocastanum L.) // «Экобиотех», 2021. Т. 4, № 1. СС. 33–39. DOI: 10.31163/2618-964X-2021-4-1-33-39

OBTAINING VENOTONIC PREPARATIONS BASED ON HORSE CHESTNUT (AESCULUS HIPPOCASTANUM L.)

G. Asatryan, A. Grigoryan, G. Nersisyan, M. Alkhazyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

In this study, horse chestnut (Aesculus hippocastanum L.) was investigated, and two completely new preparations based on the fruits and their peels were developed, which exhibit pronounced venotonic activity.

Keywords: horse chestnut, venotonic, extract, escin.

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ СУКЦЕССИОННЫХ СТАДИЙ РАСТИТЕЛЬНОСТИ НА НАРУШЕННЫХ ТОРФЯНИКАХ В ЦЕЛЯХ КЛИМАТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ КАРБОНОВОГО ПОЛИГОНА «РОСЯНКА» В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Г.С. Гольцверт, М.Г. Напреенко

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
german.goltcvert@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идео том, что в результате предварительного обследования и картографирования растительности центральной части торфяника Виттгирренского было выявлено 11 типологических участков. Растительность данной части торфяника, за исключением особой растительности мелиоративных канав, относится к типу «древесная растительность торфяных пустошей».
Ключевые слова: торфяник Виттгирренский, эмиссия парниковых газов, классификация растительности, почвенно-растительный покров, болотные микроландшафты, сукцессия.

Введение

В Калининградской области в 2021г. с целью изучения и контроля эмиссии парниковых газов создан карбоновый полигон «Росянка», сухопутной площадкой которого является торфяник Виттгирренский, нарушенный фрезерной добычей торфа. Важной составляющей исследований по выявлению углеродного баланса на таких модельных территориях является классификация наземного покрова. Такие классификации, соединенные с картографическим материалом, становятся основой для подразделения территории торфяников на участки по типам выбросов парниковых газов [1, 2]. Как показал опыт наших исследований, нарушенные торфяники при кажущейся физиономической однородности могут иметь очень различные по структуре участки почвенно-растительного покрова, и как следствие, сильно дифференцированное по территории распределение потоков парниковых газов.

Цель работы состояла в выявлении структурных особенностей и классификации почвенно-растительного покрова нарушенного торфоразработкой и впоследствии заброшенного торфяника на уровне болотных микроландшафтов.

Материалы и методы

Исследования проводились в течение полевых сезонов 2022–2024 годов в центральной части торфяника Виттгирренского, где сохранилась остаточная торфяная залежь и возникли спонтанно развившиеся растительные сообщества, представляющие сукцессионные стадии зарастания торфяных полей. Для первичного знакомства с территорией и предварительного выделения участков растительного покрова использовались спутниковые снимки, размещенные в открытом доступе в сети интернет, а также снимки, полученные с использованием беспилотных летательных аппаратов на карбоновом полигоне.

Для дальнейших исследований была проведена работа по заверке на местности выделенных участков растительности. Эта работа сопровождалась заложением пробных площадей для проведения геоботанических описаний в каждой из выделенных категорий растительности. Из-за особенностей изучаемой экосистемы (высокой степени комплексности, большого разнообразия элементов микрорельефа) пробные площадки закладывались размером 100 м^2 на открытой местности и 400 м^2 на участках с древостоем или порослью древесных пород.

В результате предварительного обследования и картографирования растительности центральной части торфяника Виттгирренского было выявлено 11 типологических участков, которые на карте растительности торфяника получили условный ранг «категория растительного покрова». Растительность данной части торфяника, за исключением особой растительности мелиоративных канав, относится к типу «древесная растительность торфяных пустошей» [1]. Она представлена различными типами березовой поросли с разной высотой, сомкнутостью и диаметром ствола, а также с отличиями в составе сопутствующих видов:

- березовая поросль разреженная низкорослая с пушицей на торфяных пустошах;
- березовая поросль разреженная с вереском на торфяных пустошах;
- березовая поросль густая высокая с вереском на торфяных пустошах;
- березовая поросль послепожарная;
- березовая поросль плотная с тростником;
- березовая поросль разреженная, обводненная с пушицей и тростником;
- березовая поросль с вереском и тростником на торфяных пустошах;
- гидрофильная растительность мелиоративных канав с доминированием пушицы;
- гидрофильная растительность мелиоративных канав с доминированием сфагновых мхов;

- травяные топи открытые с ситником;
- травяные топи с березовой порослью.

Данные единицы можно рассматривать в качестве болотных фаций – участков, однородных на всем своем протяжении по характеру растительности, торфяной залежи, микрорельефа, водного режима.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Напреенко М.Г., Гольцверт Г.С., Напреенко-Дорохова Т.В.* Структура растительных сообществ сукцессионных стадий на торфяниках, нарушенных фрезерной добычей торфа (на примере карбонового полигона «Росянка» в Калининградской области) // «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки», № 4. 2023. СС. 64–80. doi: 10.5922/ gikbfu-2023-4-5
2. Carbon flux inventories on disturbed peatlands as part of the Carbon Supersite Programme in the Baltic Region / M. Napreenko, A. Kileso, T. Napreenko Dorokhova, O. Antsiferova, L. Bashirova, G. Goltsvert // “International Journal of Environmental Science and Technology”, 2024. PP. 1–8.

VEGETATION SUCCESSION STAGES ON DISTURBED PEATLANDS: TOWARDS THE INTEGRATION OF CARBON RESEARCH AND LAND COVER CLASSIFICATIONS (A CASE STUDY FROM THE ROSSYANKA CARBON SUPERSITE, KALININGRAD, RUSSIA)

G. Goltcvert, M. Napreenko
Immanuel Kant Baltic Federal University

ABSTRACT

A preliminary survey and mapping of the vegetation in the central part of the Vittgirren peat bog identified 11 typological areas. The vegetation in this part of the peat bog, with the exception of the specific vegetation of the drainage ditches, belongs to the “woody vegetation of peat heaths” type.
Keywords: Vittgirren peat bog, greenhouse gas emissions, vegetation classification, bog microlandscapes, succession.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ATRA И ATRC В СИНТЕЗЕ ЛАКТОН-ЛАКТАМНЫХ СОЕДИНЕНИЙ

***Р.А. Еремян*[1], *А.Р. Микаелян*[1,2]**

[1]Российско-Армянский университет
[2]Национальный аграрный университет Армении
roziyeremyan@gmail.com, aramrmik@yahoo.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются перспективы применения методов радикального присоединения с переносом атома (ATRA) и радикальной циклизации с переносом атома (ATRC) для получения биологически активных лактонов и лактамов. Обоснована актуальность разработки доступных и экологически безопасных методов синтеза этих ключевых фармакофоров. Теоретически обоснована и предложена новая эффективная каталитическая система медь(I)-галогенид/вторичный амин/ДМСО, в которой диметилсульфоксид (ДМСО) выступает в роли бидентатного ко-лиганда. Это повышает активность каталитического комплекса меди, что приводит к снижению температурного режима и минимизации побочных процессов.

Предложены альтернативные схемы синтеза модельного функционализированного γ-лактона на основе реакции ATRA при взаимодействии трихлоруксусной кислоты или ее этилового эфира со стиролом. Показано, что при умеренных температурных условиях (60–70°C) наблюдается полная конверсия исходного субстрата в течение 1–2 часов.

Ключевые слова: лактоны, лактамы, ATRA, ATRC, диметилсульфоксид.

1. Введение

В дизайне современных лекарственных средств лактонные и лактамные циклы выполняют роль ключевых структурных элементов (фармакофоров). Интерес к лактонсодержащим препаратам непрерывно растет. В клинической практике активно применяются такие высокоэффективные соединения, как противомалярийное средство артемизинин, противоопухолевый и иммуномодулирующий препарат арглабин, гиполипидемическое средство ловастатин, а также макролидные антибиотики (например, эритромицин) и противогрибковые агенты (амфотерицин B)[1].

В связи с этим целью представленной работы является разработка доступной методологии получения подобных гетероциклических структур, характеризующейся высоким экономическим эффектом и минимальным количеством отходов.

Исторические корни изучения реакций радикального присоединения с переносом атома (ATRA) ведут к фундаментальным исследованиям научной школы академика Ш. Баданяна в Институте органической химии НАН РА. В лаборатории синтеза природных низкомолекулярных регуляторов учеными были впервые систематически изучены процессы ATRA с участием сопряженных систем – алкадиенов и енинов[2,3]. Были выявлены ключевые закономерности региоселективности присоединения телогенов в зависимости от природы заместителей (1,4– и 1,2–присоединение), а также показано, что взаимодействие производных трихлоруксусной кислоты с определенными диенами приводит к формированию функционально замещенных γ-лактонов в условиях реакции ATRA.

Настоящая работа является продолжением, развитием и усовершенствованием этих идей и подходов.

2. Методы исследования

Начиная с 2000-х годов, благодаря работам Эндрю Кларка, метод ATRA/ATRC начал активно применяться для синтеза лактонных и лактамных гетероциклов различного размера – от 4- до 18-членных[4]. Например, циклизация трихлорацетамидных производных в присутствии CuCl при температуре 140°C приводит к γ-лактамам за 1–2 часа[5]. В случае сложных эфиров аналогичным образом были синтезированы соответствующие γ-лактоны[6]. Синтез γ-лактонов из трихлорацетатов характеризуется высокой диастереоселективностью.

Несмотря на очевидные преимущества, классические варианты ATRC имели существенные недостатки: необходимость поддержания высоких температур и использования значительных концентраций катализатора приводила к нежелательным побочным процессам (дегидрохлорированию, полимеризации), вызывая осмоление исходных непредельных субстратов и разложение термолабильных продуктов. Для преодоления этих ограничений в настоящей работе, опираясь на принципы «зеленой химии», была поставлена задача оптимизации условий катализа с использованием апротонных полярных растворителей в качестве ко-лигандов каталитической системы, в частности диметилсульфоксида (ДМСО).

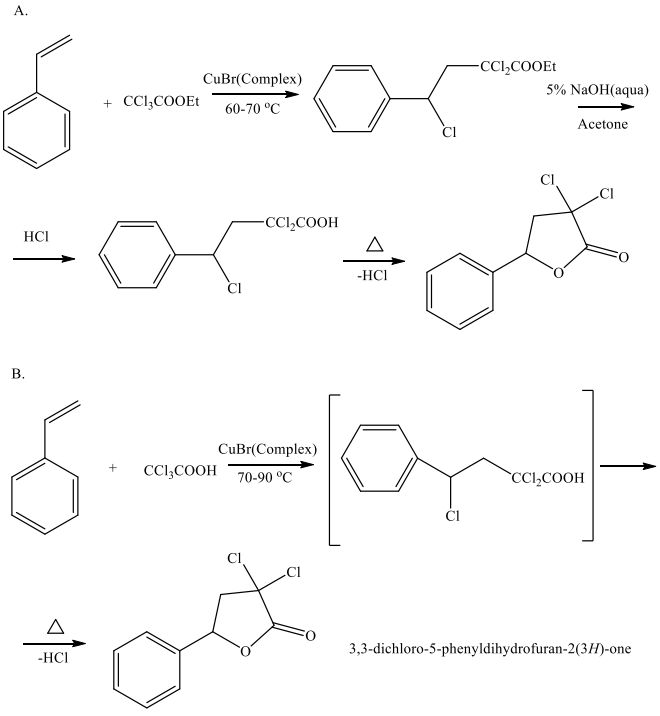
3. Результаты и их обсуждение

Ключевым методологическим решением стало применение ДМСО не просто как растворителя, а в качестве амбидентного ко-лиганда, способного координироваться с медным каталитическим центром и формировать ста-

бильные высокоактивные комплексы. Предварительные эксперименты показали, что введение 5–7-кратного мольного избытка ДМСО по отношению к катализатору вызывает резкую активацию системы.

В ходе исследования был обнаружен уникальный синергетический эффект при совместном использовании ДМСО и аминов, обусловленный их избирательным воздействием на поведение редокс-катализатора на разных стадиях каталитического цикла:

- **Стадия окисления ($Cu^{+}\rightarrow Cu^{2+}$)**: ДМСО выступает как доминирующая среда. Происходит эффективная сольватация и стабилизация ионов двухвалентной меди Cu(II) через не поделенную электронную пару атома кислорода, выполняющего роль донора при комплекс образовании. Это приводит к снижению окислительного потенциала, существенно облегчает генерацию радикалов и резко ускоряет активацию процесса.
- **Стадия восстановления ($Cu^{2+}\rightarrow Cu^{+}$)**: ключевое значение приобретают координационные свойства лигандов – атома азота вторичных аминов и/или атома серы ДМСО. На данном этапе реализуется перенос одного электрона (SET) и стерически контролируемое завершение реакции согласно принципам координационного катализа, что облегчает регенерацию катализатора.

В соответствии с концепцией жестких и мягких кислот и оснований (принцип ЖМКО Пирсона), одновалентная медь (Cu^+), являющаяся мягкой кислотой, предпочтительно стабилизируется посредством координации с мягкими основаниями – атомом серы ДМСО или атомом азота аминов. Напротив, окисленная форма меди (Cu^{2+}), представляющая собой более жесткую кислоту, селективно связывается с более жестким донорным центром – атомом кислорода ДМСО[7].

Для апробации предложенного подхода нами были изучены альтернативные пути синтеза модельного α, α-дихлор-γ-фенил-γ-бутиролактона на основе ATRA-присоединения этилового эфира трихлоруксусной кислоты к стиролу (путь А) и взаимодействия трихлоруксусной кислоты со стиролом (путь В).

В реакциях использовалась каталитическая система медь(I)-галогенид/вторичный амин/ДМСО. При этом доля катализатора составляла не более 5 мол. % от реакционной смеси, а ДМСО вводился в семикратном молярном избытке по отношению к катализатору (35 мол. % в составе смеси).

В ходе реакции была зафиксирована полная конверсия стирола в течение 2 часов. Благодаря оптимизированной системе удалось полностью предотвратить полимеризацию субстрата; побочные процессы осмоления оказались минимальными и не превысили 5%. В настоящее время проводятся детальные физико-химические исследования для окончательной идентификации состава и пространственного строения полученных продуктов.

4. Заключение

Предложенная новая методология синтеза функционализированных γ-лактонов с применением каталитической системы медь(I)-галогенид/амин/ДМСО обладает комплексом важных преимуществ:

- эффективность: сочетание медного катализатора и ДМСО значительно повышает выходы целевых продуктов, одновременно сокращая время протекания процессов;
- мягкие условия: снижение температуры реакционной среды предотвращает термическую деструкцию и минимизирует образование побочных продуктов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Patel K.* Bioactive lactones and lactams as key pharmacophores in modern medicinal chemistry: A review / K. Patel, M. Shah // “European Journal of Medicinal Chemistry”, 2018. Vol. 150. PP. 412–435.

2. *Баданян Ш.О.* Реакции радикального присоединения, катализируемые комплексами переходных металлов. Сообщение 1. Региоселективность ATRA-присоединения галогенпроизводных к сопряженным алкадиенам / Ш.О. Баданян, А. Н. Саркисян // «Армянский химический журнал», 1989. Т. 42, № 8. СС. 495–502.
3. *Badanyan, Sh. O.* Copper-catalyzed atom transfer radical addition (ATRA) of trichloroacetic acid derivatives to conjugated enynes and dienes / Sh.O. Badanyan, G.G. Melikyan, A.A. Gevorkyan // "Tetrahedron Letters", 1992. Vol. 33, № 21. PP. 2989–2992.
4. *Clark A.* Atom transfer radical cyclisation reactions mediated by copper complexes / A.J. Clark // "Chemical Society Reviews", 2002. Vol. 31, № 1. PP. 1–11.
5. *Clark A.* Transition metal-catalyzed radical cyclizations: a process for the cyclization of N-allyltrichloroacetamides to trichlorinated γ-lactams / A.J. Clark, J.V. Geden, S. Thom // "The Journal of Organic Chemistry", 2006. Vol. 71, № 4. PP. 1471–1479.
6. *Clark A.* Copper-catalyzed atom transfer radical cyclization reactions / A.J. Clark // "European Journal of Organic Chemistry", 2016. Vol. 2016, № 13. PP. 2231–2243.
7. *Пирсон Р.Г.* Жесткие и мягкие кислоты и основания / Р.Г. Пирсон // «Успехи химии», 1971. Т. 40, № 7. СС. 1259–1282.

PROSPECTS OF USING ATRA AND ATRC METHODS IN THE SYNTHESIS OF LACTONE AND LACTAM COMPOUNDS

***R. Yeremyan*[1], *A. R. Mikaelyan*[1,2]**
[1]*Russian-Armenian University*
[2]*National Agrarian University of Armenia*

ABSTRACT

The work examines the prospects of applying atom transfer radical addition (ATRA) and atom transfer radical cyclization (ATRC) methods for the preparation of biologically active lactones and lactams. The relevance of developing accessible and environmentally safer methods for the synthesis of these key pharmacophores is substantiated. A new effective copper(I)-halide/secondary amine/DMSO catalytic system is theoretically justified and proposed, in which dimethyl sulfoxide (DMSO) acts as a co-ligand, increasing the activity of the copper catalytic complex. This coordination leads to a decrease in the reaction temperature and minimization of side processes.

Alternative synthesis schemes for a model functionalized – γ lactone based on the ATRA reaction involving the interaction of trichloroacetic acid or ethyl trichloroacetate with styrene have been proposed. It is demonstrated that under moderate temperature conditions of 60–70 °C, complete conversion of the starting substrate is achieved within 1–2 hours.

Keywords: lactones, lactams, ATRA, ATRC, dimethyl sulfoxide.

COMPARATIVE TRANSCRIPTOMIC ANALYSIS OF DIFFERENTIAL GENE EXPRESSION IN CLEAR CELL RENAL CELL CARCINOMA AND AUTOIMMUNE GLOMERULAR DISEASES

***I. Zhukova*[1], *A. Arakelyan*[1,2]**

[1] *Russian-Armenian University*
[2] *Institute of Molecular Biology NAS RA*
irina.zhukova@student.rau.am, arsen.arakelyan@rau.am

ABSTRACT

In this study, we performed a comparative transcriptomic analysis of clear cell renal cell carcinoma (ccRCC), IgA nephropathy (IgAN), and membranous nephropathy (MN) using bulk RNA sequencing data. We identified 2,508 differentially expressed genes in ccRCC, 420 in IgAN, and 1,334 in MN, with 62 shared genes across all diseases. Over-representation analysis revealed common activation of immune-related processes, including leukocyte chemotaxis, activation, and phagocytosis. In contrast, downregulated biological processes were mostly disease-specific. Overall, ccRCC and autoimmune glomerular diseases show shared immune activation signatures but distinct downregulated pathways, highlighting both common and disease-specific mechanisms of kidney pathology.

Keywords: bulk RNA-Seq, clear cell renal cell carcinoma, IgA nephropathy, membranous nephropathy.

Introduction

Oncology is one of the significant issues of modern healthcare. In 2022, kidney cancer ranked 14th in incidence (435,000 cases) and 16th in mortality (156,000 cases) [1]. More than 90% of all malignant kidney tumors are renal cell carcinoma (RCC), the most common histological subtype of which is clear cell renal cell carcinoma (ccRCC) [2]. ccRCC is known as one of the most immune-infiltrated cancer types and is characterized by a high immune infiltration of T cells, myeloid cells, and natural killer cells.

Chronic kidney disease (CKD) is also a significant medical and social problem. CKD is characterized by a progressive decline in kidney function that can lead to end-stage kidney failure. CKD affected more than 673 million people in 2021 and caused approximately 1,5 million deaths annually [3]. Glomerular diseases such as IgA nephropathy (IgAN) and membranous nephropathy (MN) are causes of CKD. In IgAN, IgA-containing immune complexes deposit in glomeruli, whereas in MN, autoantibodies targeting podocyte antigens activate the complement system and damage the glomerular basement membrane [4]. Although their mechanisms differ,

but both diseases affect the glomeruli, which makes them useful models for studying immune-related changes in kidney disease.

The aim of this study was to compare transcriptomic patterns in ccRCC, IgAN, and MN, with a focus on immune-related pathways.

Materials and methods

Bulk RNA sequencing datasets were obtained from the Gene Expression Omnibus repository (ccRCC: GSE76207, GSE151419; IgAN: GSE175759; MN: GSE197307) and the Cancer Genome Atlas Project (TCGA-KIRC). Data analysis was performed using the R programming language (v.4.5.2) in the RStudio environment (v.2025.05.0). Differential gene expression analysis was performed using the DESeq2 R package. Genes with $|\log_2 \text{fold change}| \geq 1$ and adjusted p-value < 0.05 were considered statistically significant. Functional enrichment was performed using over-representation analysis (ORA) with the clusterProfiler package, with Gene Ontology (GO) terms used for functional annotation.

Results and discussion

Across all ccRCC datasets, we identified 2508 differentially expressed genes (DEGs). Also, we detected 420 DEGs in IgAN and 1334 DEGs in MN. Among these, 62 DEGs (1.7%) were common across all three diseases (Figure 1).

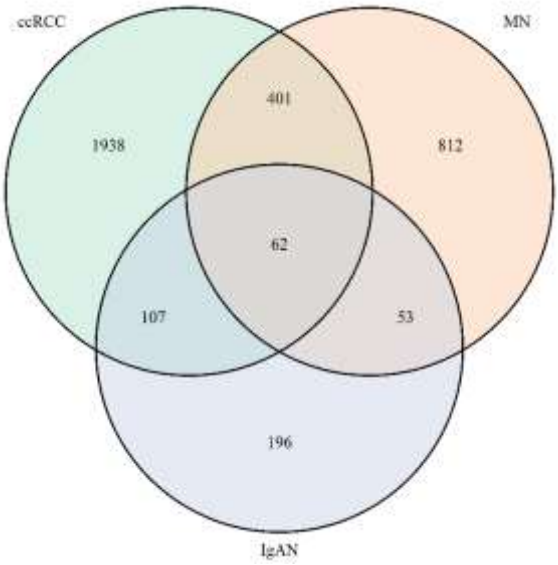

Figure 1. Intersection of Differentially Expressed Genes (DEGs) between ccRCC, IgAN, and MN visualized by Venn diagram.

The ORA revealed that all three diseases showed strong activation of genes involved in leukocyte chemotaxis, proliferation, activation, and phagocytosis (Figure 2).

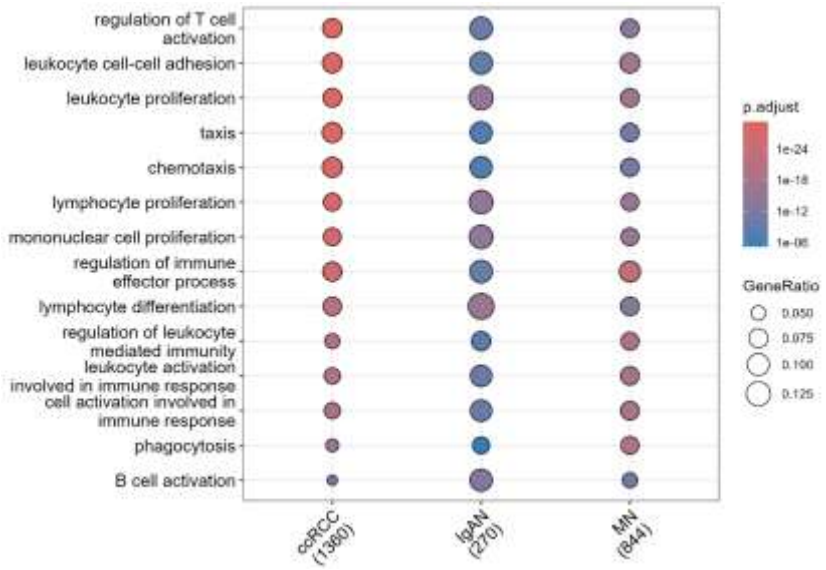

Figure 2. Dot plot of the top 10 GO terms in ORA for upregulated DEGs in ccRCC, IgAN, and MN.

In contrast, pathways with decreased expression were disease-specific, and only the response to metal ions was common to all three pathologies. While ccRCC was characterized by amino acid catabolism, IgAN and MN were characterized by decreased expression of genes associated with cellular response to copper ions and detoxification of inorganic compounds (Figure 3).

An analysis of the shared set of 62 genes reflects two key aspects of kidney injury: structural damage of podocytes and proximal tubule cells (*PDGFRA, RHCG, DDN, ALB, FGA*) and high immune cell infiltration, immune activation, and an inflammatory response (*PTPRC, CD180, BTK, RGS1, CXCL2*). Noticeably, *E2F2* reaches its highest expression in MN, which may reflect specific regulation of the podocyte cell cycle, distinct from tumor proliferation in ccRCC. Thus, the combination of suppression of normal renal function and activation of immune processes is observed.

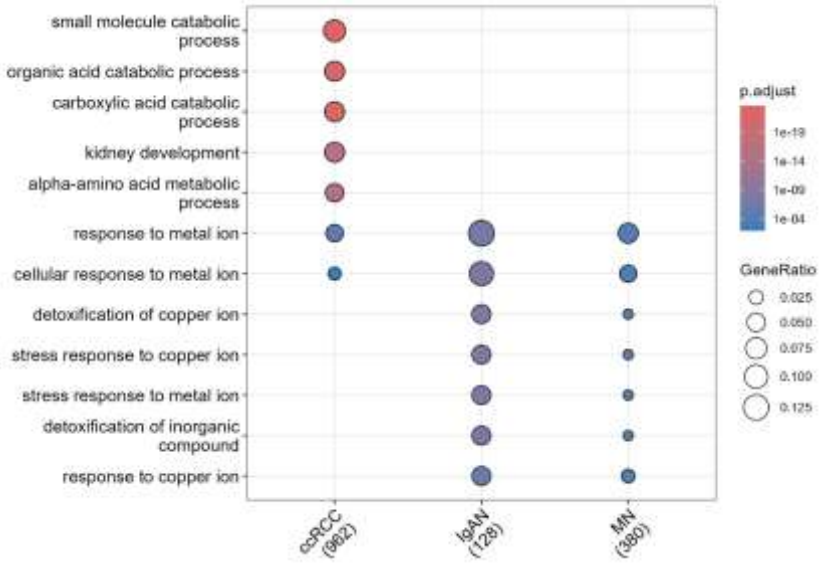

Figure 3. Dot plot of the top10 GO terms in ORA for downregulated DEGs in ccRCC, IgAN, and MN.

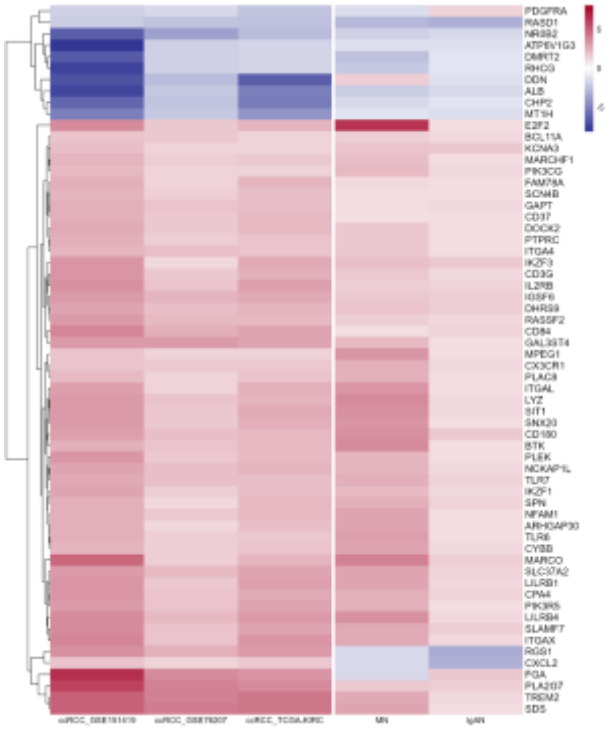

Figure 4. Heatmap of the 62 Core Signature Genes.

The results show that, despite their different origins, ccRCC and autoimmune glomerular diseases (IgAN and MN) share common upregulated immune-response transcriptomic patterns, but have mostly different downregulated signatures.

In future studies, we will focus on deconvolution analysis to determine the cellular composition of the tumor and kidney immune microenvironments.

REFERENCES

1. *Pandey J., Syed W.* Renal Cancer // StatPearls [El. resource]. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing, 2026. Available at: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK558975/
2. *Sung H., Ferlay J., Siegel R.* [et al.] Global Cancer Statistics 2020: GLOBOCAN Estimates of Incidence and Mortality Worldwide for 36 Cancers in 185 Countries // "CA Cancer J. Clin.", 2021. V. 71, № 3. PP. 209–249. doi: 10.3322/caac.21660.
3. *Vaglio A., Gattorno M., McAdoo S.* [et al.] Editorial: The kidney in auto-immune and auto-inflammatory processes: Definitions, mechanisms, and biomarkers // "Front Med" (Lausanne), 2023. V. 9, art. 1129021. doi: 10.3389/fmed.2022.1129021
4. *Wang L., He Y., Han C.* [et al.] Global burden of chronic kidney disease and risk factors, 1990–2021: an update from the global burden of disease study 2021 // "Front Public Health", 2025. V. 13, art. 1542329. doi: 10.3389/fpubh.2025.1542329

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ТРАНСКРИПТОМНЫЙ АНАЛИЗ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ЭКСПРЕССИИ ГЕНОВ ПРИ СВЕТЛОКЛЕТОЧНОМ ПОЧЕЧНО-КЛЕТОЧНОМ РАКЕ И АУТОИММУННЫХ ГЛОМЕРУЛЯРНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ

***И.В. Жукова*[1], *А.А. Аракелян*[1,2]**

[1]*Российско-Армянский университет*

[2]*Институт молекулярной биологии НАН РА*

АННОТАЦИЯ

В данной статье проведен сравнительный транскриптомный анализ светлоклеточного почечно-клеточного рака (сПКР), IgA-нефропатии и мембранозной нефропатии с использованием данных массового РНК секвенирования. Анализ дифференциальной экспрессии выявил 2508 дифференциально экспрессирующихся генов (ДЭГ) при сПКР, 420 при IgA-нефропатии и 1334 при мембранозной нефропатии, при этом 62 гена были общими для всех заболеваний. Анализ избыточной представленности показал общую активацию иммунных процессов, включая хемотаксис лейкоцитов, их активацию и фагоцитоз. Напротив, подавленные биологические процессы в основном были специфичны для отдельных заболеваний. В целом, сПКР и аутоиммунные гломерулярные заболевания демонстрируют общие признаки активации иммунной системы, но различные профили подавления, что подчеркивает как общие, так и специфические для каждого заболевания механизмы патологии почек.

Ключевые слова: массовое РНК секвенирование, светлоклеточный почечно-клеточный рак, IgA-нефропатия, мембранозная нефропатия.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АНТИОКСИДАНТНЫХ СВОЙСТВ ЭТИЛАЦЕТАТНЫХ ЭКСТРАКТОВ СВЕЖИХ И ВЫСУШЕННЫХ ПЛОДОВ МАКЛЮРЫ ОРАНЖЕВОЙ (MACLURA POMIFERA)

Р. Навасардян

Горисский государственный университет
ruzi.navasardian@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Проведено сравнительное исследование антиоксидантных свойств этилацетатных экстрактов свежих (СПМО) и высушенных (ВПМО) плодов маклюры оранжевой (Maclura pomifera) кинетическим методом на примере модельной реакции инициированного окисления кумола. Установлено, что оба экстракта содержат антиоксидантные вещества, проявляющие выраженную способность обрывать цепные реакции окисления. Эффективное содержание антиоксидантов в экстракте свежих плодов при температуре 348 К составляет $1{,}05\cdot10^{-3}$ моль/(л·мг), что вдвое превышает аналогичный показатель для экстракта высушенных плодов – $5{,}5\cdot10^{-4}$ моль/(л·мг). Высокое значение для СПМО обусловлено синергизмом ингибирования: помифирин регенерируется в присутствии осайина и витамина Е. Показано, что эффективное содержание антиоксидантов в ВПМО возрастает с понижением температуры вследствие уменьшения дополнительного инициирования цепного процесса легкоокисляющимися компонентами экстракта. Установлено, что для сохранения антиоксидантного потенциала экстракты МО необходимо хранить при пониженных температурах в отсутствие кислорода.

Ключевые слова: Maclura pomifera, маклюра оранжевая, антиоксиданты, антиоксидантная активность, этилацетатный экстракт, кинетический метод, окисление кумола, синергизм ингибирования.

Введение

Свободные радикалы – активные формы кислорода (АФК), постоянно образующиеся в организме в ходе метаболических процессов, – при избыточном накоплении вызывают окислительный стресс, лежащий в основе развития сердечно-сосудистых заболеваний, онкологических процессов и преждевременного старения [1]. Для нейтрализации АФК живые организмы располагают ферментативными и неферментативными антиоксидантными системами, однако их возможности ограничены, что обусловливает необходимость поступления экзогенных антиоксидантов из природных источников [2].

Растения являются богатейшим источником природных антиоксидантов – флавоноидов, фенольных кислот, кумаринов и каротиноидов. Флавоноиды, в частности, проявляют высокую антирадикальную активность благодаря наличию гидроксильных групп, способных донировать атом водорода свободным радикалам и стабилизировать образующиеся феноксильные радикалы [2]. Для количественной оценки антиоксидантных свойств растительных экстрактов используются различные методы, среди которых кинетический метод, основанный на изучении ингибированного окисления углеводородов, признается наиболее информативным, поскольку позволяет определить не только содержание антиоксидантных веществ, но и их реакционную способность – константу скорости реакции обрыва цепи [3].

Одним из перспективных объектов фитохимических исследований является маклюра оранжевая (*Maclura pomifera* (Raf.) Schneid.) – дерево семейства тутовых (Moraceae), широко распространенное в странах Европы, Средней Азии и Закавказья, в том числе в Армении. Плоды маклюры оранжевой содержат более 135 биологически активных соединений, среди которых особое место занимают пренилированные изофлавоноиды – осайин и помифирин [4]. Экстракты плодов маклюры оранжевой демонстрируют широкий спектр биологической активности: антиоксидантную, противовоспалительную, антимикробную и противоопухолевую [5].

Антиоксидантные свойства экстрактов и индивидуальных изофлавоноидов *M. pomifera* исследованы рядом авторов. Показано, что этилацетатный экстракт, содержащий 25,7% осайина и 36,2% – помифирина, обладает высокой антиоксидантной активностью в модельных системах FRAP и β-CLAMS [6]. Установлено, что экстракт плодов маклюры превосходит по антиоксидантной активности коммерческие природные антиоксиданты – экстракт розмарина и смешанные токоферолы [5]. Кроме того, показан значительный потенциал экстрактов *M. pomifera* в области косметологии и дерматологии: этанольный и ацетоновый экстракты плодов продемонстрировали выраженную антиоксидантную активность и безопасность при местном применении [7]. Метанольный экстракт плодов проявил антивозрастные свойства, ингибируя ферменты гиалуронидазу, коллагеназу и эластазу [8].

Вместе с тем влияние способа подготовки сырья (использование свежих или высушенных плодов) на антиоксидантные характеристики получаемых экстрактов остается недостаточно изученным. Высушивание растительного сырья может приводить к частичному расходованию антиоксидантных веществ вследствие их автоокисления, что существенно сказывается на биологической активности экстрактов.

Целью настоящей работы является сравнительное исследование антиоксидантных свойств этилацетатных экстрактов свежих (СПМО) и высушенных (ВПМО) плодов маклюры оранжевой кинетическим методом на примере модельной реакции инициированного окисления кумола, определение эффективного содержания АО-веществ при различных температурах.

Экспериментальная часть

Объектом исследования служили плоды маклюры оранжевой (*Maclura pomifera*), собранные 12 ноября 2024г. в окрестностях п. Воротан (Республика Армения). Экстракты получали из двух видов сырья: свежих невысушенных плодов (СПМО) и предварительно высушенных плодов (ВПМО).

Подготовку сырья осуществляли следующим образом. Свежие плоды нарезали на фрагменты размером около 0,5 см, тогда как высушенное сырье измельчали в керамической ступке до порошкообразного состояния с размером частиц не более 1 мм и просеивали через соответствующее сито. Экстракцию проводили перегнанным этилацетатом при комнатной температуре из расчета 20 мл растворителя на 1 г сырья. Выбор этилацетата в качестве экстрагента обусловлен его высокой эффективностью при извлечении антиоксидантных соединений из растительного материала по сравнению с другими растворителями – хлороформом, диэтиловым эфиром, этанолом, бензолом и ацетоном [10]. По истечении 24 ч настаивания смесь фильтровали через бумажный фильтр, а полученный фильтрат упаривали до постоянной массы в вакуумном сушильном шкафу при температуре 313 К.

Антиоксидантные свойства полученных экстрактов исследовали кинетическим методом на модельной реакции инициированного окисления кумола. Эксперименты проводили на манометрической установке с автоматической регуляцией давления. В качестве инициатора радикальных цепей использовали азо-бис-изобутиронитрил (АИБН), в качестве растворителя – хлорбензол. Концентрация кумола в реакционной смеси составляла 2,87 моль/л, объем смеси – 5 мл во всех опытах. Для установления температурной зависимости антиоксидантной активности (АОА) измерения проводили в диапазоне температур 328–348 К. Очистку реагентов (кумола, хлорбензола, АИБН и этилацетата) осуществляли по стандартным методикам [10].

Эффективное содержание антиоксидантных веществ ($f[\mathrm{InH}]_0$) в экстрактах определяли по периодам индукции (τ), регистрируемым на кинетических кривых поглощения кислорода, с использованием уравнения [11]:

$$\tau = \frac{f \cdot [InH]_0}{V_i}, \qquad (1)$$

где V_i – скорость инициирования, f – стехиометрический коэффициент ингибирования. Поскольку исследуемые экстракты представляют собой многокомпонентные смеси антиоксидантов, величина f не поддается прямому измерению, поэтому в расчетах использовали эффективное, а не абсолютное содержание АО-веществ.

Результаты и их обсуждение

При добавлении этилацетатных экстрактов плодов МО в реакционную смесь на кинетических кривых поглощения кислорода в ходе окисления кумола фиксировались четко выраженные индукционные периоды (Рис. 1), что однозначно свидетельствует о присутствии антиоксидантных веществ в исследованных экстрактах.

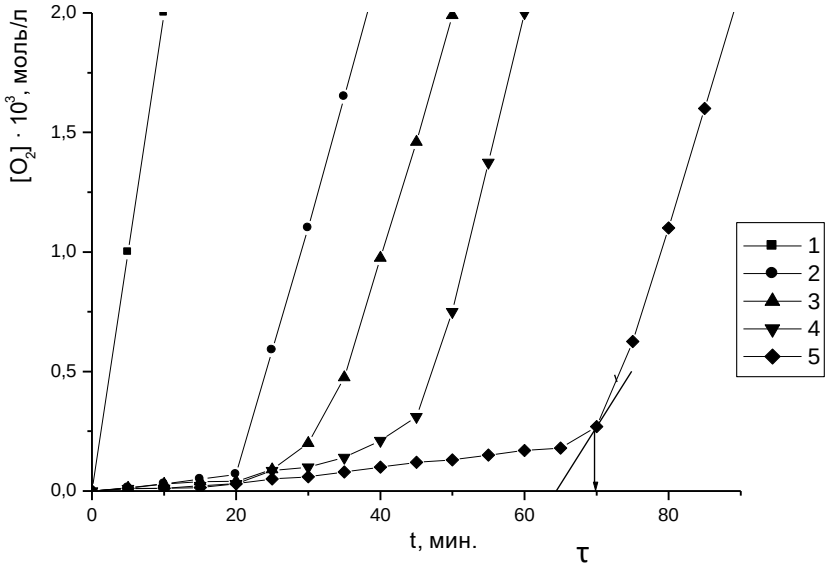

Рисунок 1. Кинетические кривые поглощения кислорода при окислении кумола в отсутствие (1) и в присутствии экстрактов: 0.253 мг СПМ (2), 0.25 мг ВПМ (3), 0.62мг ВПМ (4) и 0.503мг СПМ (5). $V_i = 1.25 \cdot 10^{-7}$ *моль/л·с, T=348K.*

Линейная зависимость периодов индукции от навески экстракта, описываемая уравнением (1), позволила рассчитать эффективное содержание АО (f[InH]$_0$) в каждом образце. Результаты представлены в Табл. 1.

Таблица 1. Содержание АО экстрактов плодов МО.

Сырье	T^0, К	$V_i \cdot 10^7$ моль/л·с	Содержание экстракта, m, мг	τ, мин	$f \cdot [InH]^a \cdot 10^4$ моль/л	$V \cdot 10^6$ моль/л·с
Свежие плоды МО (СПМО)	348	1,25	0	0	0	3,00
		1,25	0,755	101	10,03	1,14
		1,25	0,508	68	10,13	1,57
		1,25	0,305	45	11,06	1,80
		1,25	0,153	23	10,80	2,18
		2,25	0,305	23	10,18	3,10
		0,63	0,305	90	11,15	1,08
	339	0,783	0	0	0	2,00
		0,783	0,305	62	9,55	1,22
		0,783	0,153	31	9,54	1,56
		0,783	0,155	25	10,21	1,63
	328	0,344	0	0	0	1,00
		0,344	0,204	95	9,61	0,67
		0,344	0,102	45	9,11	0,82
		0,344	0,051	23	9,31	0,9
Высушенные плоды МО (ВПМО)	348	1,25	1,24	89	5,38	1,81
		1,25	0,62	44	5,32	2,30
		1,25	0,31	22	5,32	2,58
		1,25	0,15	12	6,00	2,79
	339	0,783	0,414	69	7,83	1,57
		0,783	0,207	34	7,75	1,37
		0,783	0,104	18	8,12	1,89
	328	0,344	0,207	110	10,00	0,86
		0,344	0,104	56	11,11	0,92
		0,344	0,052	28	11,10	0,96

Анализ полученных данных показывает, что наибольшим содержанием антиоксидантных веществ характеризуется экстракт свежих плодов МО (СПМО): при температуре 348 К величина $f[InH]_0$ достигает $1{,}05 \cdot 10^{-3}$ моль/(л·мг). Для сравнения, в работе [10] при исследовании экстрактов более чем 200 видов лекарственных растений установлено, что эффективное содержание АО варьируется в диапазоне от $0{,}01 \cdot 10^{-4}$ моль/(л·мг) (цветки чесночницы черешковой) до $2{,}9 \cdot 10^{-4}$ моль/(л·мг) (кора дуба черешчатого, плоды жостера слабительного). Таким образом, плоды МО по содержанию биоантиоксидантов существенно превосходят большинство известных видов растительного сырья.

Следует отметить, что измеренное значение $f[InH]_0 = 1{,}05 \cdot 10^{-3}$ моль/(л·мг) является эффективным, а не абсолютным. Это подтверждается следующим

расчетом: если выразить $f[\mathrm{InH}]_0$ в массовых процентах, принимая в качестве основного АО-компонента помифирин ($C_{25}H_{24}O_6$, $M_r = 420$) [8], получим:

$$\omega_{f\cdot[InH]_0} = \frac{V \cdot C \cdot Mr}{m} \cdot 100\% = 220{,}5\%,$$

где V – объем реакционной смеси (5 мл), C – измеряемая концентрация АО в данной навеске (m), Mr – молярная масса помифирина (420), содержащегося в исследованном экстракте. Столь аномально высокое значение объясняется синергизмом ингибирования: наряду с помифирином экстракт содержит осайин и витамин Е, которые в ходе реакции обрыва цепи обеспечивают регенерацию молекул помифирина, многократно усиливая суммарный антиоксидантный эффект.

Экстракт высушенных плодов МО (ВПМО) при той же температуре 348 К демонстрирует примерно вдвое меньшее эффективное содержание АО – $5{,}5\cdot10^{-4}$ моль/(л·мг). Снижение объясняется частичным расходованием антиоксидантных веществ в процессе высушивания (313 К, 48 ч) вследствие их автоокисления. Показательно, что аналогичная закономерность наблюдается и при хранении готового экстракта: измерения при 339 К и 328 К, проведенные соответственно через одни и двое суток после приготовления раствора из СПМО, зафиксировали снижение $f[\mathrm{InH}]_0$ до $9{,}77\cdot10^{-4}$ и $9{,}34\cdot10^{-4}$ моль/л. Это указывает на необходимость хранения экстрактов МО при пониженных температурах в отсутствие кислорода либо приготовления рабочих растворов непосредственно перед использованием.

Принципиально иная температурная зависимость наблюдается для экстракта ВПМО: при понижении температуры на 20 К (от 348 до 328 К) эффективное содержание АО возрастает в среднем вдвое – от $5{,}34\cdot10^{-4}$ до $10{,}74\cdot10^{-4}$ моль/л. Данный эффект связан с присутствием в экстракте легкоокисляющихся соединений, которые при более высоких температурах вносят дополнительный вклад в инициирование (V_{i0}) цепного процесса расходования антиоксидантов. Поскольку в уравнении (1) величина V_{i0} не учитывается, снижение температуры уменьшает ее вклад, что и проявляется в росте измеряемого эффективного содержания АО. Экстраполяция экспериментальных данных в координатах $\lg(f[\mathrm{InH}]_0)$ от $1/T$ дает следующее выражение для ВПМО:

$$f \cdot [InH]_0 = 5{,}63 \cdot 10^{-9} \cdot \exp\left(\frac{7917}{RT}\right).$$

Отсюда при комнатной температуре эффективное содержание АО в экстракте ВПМО составляет $f[\mathrm{InH}]_0 = 3{,}29\cdot10^{-3}$ моль/л.

Заключение

Проведенное сравнительное исследование антиоксидантных свойств этилацетатных экстрактов свежих и высушенных плодов маклюры оранжевой (*Maclura pomifera*) кинетическим методом позволило установить следующее.

Оба исследованных экстракта содержат антиоксидантные вещества, о чем свидетельствует появление четко выраженных индукционных периодов на кинетических кривых поглощения кислорода при окислении кумола. По содержанию биоантиоксидантов плоды МО значительно превосходят большинство видов лекарственного растительного сырья.

Установлено, что эффективное содержание АО в экстракте свежих плодов (СПМО) при 348 К вдвое превышает аналогичный показатель для экстракта высушенных плодов (ВПМО) – $1{,}05 \cdot 10^{-3}$ против $5{,}5 \cdot 10^{-4}$ моль/(л·мг). Столь высокое значение для СПМО обусловлено эффектом синергизма ингибирования: помифирин, являющийся основным антиоксидантным компонентом плодов МО, регенерируется в присутствии других биоактивных соединений – осайина и витамина Е. Снижение содержания АО при высушивании объясняется частичным расходованием антиоксидантных веществ вследствие автоокисления в процессе термической обработки сырья.

Показано, что эффективное содержание АО в СПМО уменьшается по мере хранения экстракта при комнатной температуре, тогда как в ВПМО оно возрастает с понижением температуры – от $5{,}34 \cdot 10^{-4}$ до $10{,}74 \cdot 10^{-4}$ моль/л при изменении температуры от 348 до 328 К. Последнее связано с уменьшением вклада дополнительного инициирования цепного процесса, обусловленного автоокислением легкоокисляющихся компонентов экстракта.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для максимального сохранения антиоксидантного потенциала плодов МО предпочтительно использование свежего сырья, а готовые экстракты следует хранить при пониженных температурах в условиях ограниченного доступа кислорода либо готовить непосредственно перед применением.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Chaudhary P., Janmeda P., Docea A. et al.* Oxidative stress, free radicals and antioxidants: potential crosstalk in the pathophysiology of human diseases // “Front. Chem.”, 2023, vol. 11, art. 1158198. DOI: 10.3389/fchem.2023.1158198
2. *Tumilaar S., Fatimawali F., Niode N. et al.* A Comprehensive Review of Free Radicals, Oxidative Stress, and Antioxidants: Overview, Clinical Applications, Global Perspectives, Future Directions, and Mechanisms of Antioxidant Activity of Flavonoid Compounds // J. “Chem.”, 2024, art. 5594386. DOI: 10.1155/2024/5594386

3. *Suhag R., Dhiman A., Sharma A. et al.* From Quantity to Reactivity: Advancing Kinetic-Based Antioxidant Testing Methods for Natural Compounds and Food Applications // "Compr. Rev. Food Sci. Food Saf.", 2025. DOI: 10.1111/1541-4337.70229
4. *Bailly C.* Pharmacological properties of extracts and prenylated isoflavonoids from the fruits of Osage orange (Maclura pomifera (Raf.) C.K. Schneid.) // "Fitoterapia". Vol. 177, 2024. art. 106112. DOI: 10.1016/j.fitote.2024.106112
5. *Morales-Soto A., García-Salas P., Rodríguez-Pérez C. et al.* Biological Application of the Allopathic Characteristics of the Genus Maclura: A Review // "Plants". Vol. 12, No. 19, art. 3480.2023.DOI: 10.3390/plants12193480
6. *Tsao R., Yang R., Young J.* Antioxidant isoflavones in Osage orange, Maclura pomifera (Raf.) Schneid // J. "Agric. Food Chem.". Vol. 51, No. 22. 2003. PP. 6445–6451. DOI: 10.1021/jf0342369
7. *Gajić I., Dinić A., Stanojević L.,* et al. Osage orange (Maclura pomifera (Raf.) Schneid) fruit extracts: UHPLC-DAD-ESI-MS/MS analysis, antioxidant activity and in vivo skin tests // "Nat. Prod. Res.". Vol. 38, No. 17. 2024. PP. 3080–3085. DOI: 10.1080/14786419.2023.2208361
8. *Barak T., Kurt Celep I., Şentürk T. et al.* In Vitro Anti-Aging Potential Evaluation of Maclura pomifera (Rafin.) Schneider 80% Methanol Extract with Quantitative HPTLC Analysis // "Turk. J. Pharm. Sci.". Vol. 19, No. 4. 2022. PP. 400–407. DOI: 10.4274/tjps.galenos.2021.65087
9. *Abou-Zeid S., Abdel-Daim M., El-Bialy B. et al.* Pomiferin Induces Antiproliferative and Pro-Death Effects in High-Risk Neuroblastoma Cells by Modulating Multiple Cell Death Pathways // "Int. J. Mol. Sci.". Vol. 26, No. 8, 2025. art. 3600. DOI: 10.3390/ijms26083600
10. *Варданян Л.Р.* Антиоксидантные свойства биоантиоксидантов лекарственных растений. Кинетика и механизм. Дисс. доктора хим. наук. Ер., 2017, 246с.
11. *Эмануель Н.М., Денисов Е.Т., Майзус З.К.* Цепные реакции окисления углеводородов в жидкой фазе. М.: «Наука», 1965, 375с.

COMPARATIVE STUDY OF ANTIOXIDANT PROPERTIES OF ETHYL ACETATE EXTRACTS OF FRESH AND DRIED FRUITS OF OSAGE ORANGE (MACLURA POMIFERA)

R. Navasardyan
Goris State Universit

ABSTRACT

A comparative study of the antioxidant properties of ethyl acetate extracts of fresh (FOMF) and dried (DOMF) fruits of Osage orange (*Maclura pomifera*) was carried out using a kinetic method based on the model reaction of initiated cumene oxidation. Both extracts were found to contain antioxidant substances capable of effectively terminating chain oxidation reactions. The effective antioxidant content of the fresh fruit extract at 348 K was $1.05 \cdot 10^{-3}$ mol/(L·mg), which is twice that of the dried fruit extract, equal to $5.5 \cdot 10^{-4}$ mol/(L·mg). The high value for FOMF is attributed to inhibition synergism: pomiferin is regenerated in the presence of osajin and vitamin E. It was shown that the effective antioxidant content of DOMF increases with decreasing temperature due to a reduction in the additional initiation of chain

processes by easily oxidizable extract components. The results indicate that extracts of *M. pomifera* should be stored at low temperatures in the absence of oxygen to preserve their antioxidant potential.
Keywords: *Maclura pomifera*, Osage orange, antioxidants, antioxidant activity, ethyl acetate extract, kinetic method, cumene oxidation, inhibition synergism.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ՀԱՆՑԱՆՔ ԿԱՏԱՐԱԾ ԱՆՁԻՆ ՏՈՒԺՈՂԻ ՀԵՏ ՀԱՇՏՈՒԹՅԱՆ ՀԻՄՔՈՎ ՔՐԵԱԿԱՆ ՊԱՏԱՍԽԱՆԱՏՎՈՒԹՅՈՒՆԻՑ ԱԶԱՏՄԱՆ ԳՈՐԾԵՐՈՒՄ ՊՐԱԿՏԻԿ ԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Մ. Հալուլյան

Ռուս-հայկական համալսարան
advocatehalulyan@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Տուժողի հետ հաշտության հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատման ինստիտուտը ՀՀ քրեական իրավունքում ներկայացնում է յուրահատուկ իրավական մեխանիզմ, որը ապահովում է նյութաիրավական և քրեադատավարական կառուցակարգերի փոխկապակցվածություն: «Առաջին անգամ հանցանք կատարած անձի» հասկացության ճշգրտումը հանդիսանում է պատասխանատվությունից ազատման կիրառման հիմնական նախապայման՝ հաշվի առնելով հանցանքի բնույթը, կատարման հանգամանքները, անձի հատկանիշներն ու տուժողի իրավունքները:

Ընտանեկան բռնության հատկանիշներով կատարված հանցանքների պարագայում պահանջվում է զգայուն և իրավականապես հիմնավորված մոտեցում՝ ապահովելով տուժողի ազատության, անվտանգության և բարեկեցության իրավունքների պաշտպանությունը: Հանցանքների համակցությամբ կամ երկօբյեկտ հանցակազմերով դեպքերում անհրաժեշտ է կոնկրետ դեպքի վերլուծություն՝ նորմերի և տուժողի իրավունքների համարժեք գնահատմամբ:

Հոդվածի կիարռման կրկնության արգելքը և այլ սահմանափակումները ընդգծում են ինստիտուտի առանձնահատուկ իրավական կարգավիճակը: Վարույթն իրականացնող մարմինները պետք է օրենքի պահանջների և նախադեպային որոշումների համադրմամբ ապահովեն իրավական հետևողականություն: Այս ինստիտուտի ճիշտ և հետևողական կիրառումը նպաստում է քրեական արդարության, հասարակա-

կան և անհատի իրավունքների պաշտպանությանը՝ պահպանելով պատասխանատվության և բարոյականության հավասարակշռությունը:
Հիմնաբառեր՝ հոդված, որոշում, դատարան, իրավունք, օրենսդրություն, կիրառում, քրեական դատավարություն:

Ներածություն

Տուժողի հետ հաշտության հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատման ինստիտուտը հանդիսանում է ՀՀ քրեական իրավունքի առանձնահատուկ, բազմաշերտ և զարգացող կառույց, որը հիմնված է անձի իրավունքների, հանրային շահի և քրեական դատավարության արդյունավետության հավասարակշռված սկզբունքների վրա: Այս ինստիտուտը միաժամանակ ընդգրկում է նյութաիրավական և քրեադատավարական կարգավորումներ, որոնք ենթադրում են ինչպես հանցանք կատարած անձի, այնպես էլ տուժողի իրավունքների համաչափ պաշտպանության մեխանիզմներ:

Նախաբանի շրջանակներում առանձին ուշադրության են արժանի «առաջին անգամ հանցանք կատարած անձի» կարգավիճակը, ընտանեկան բռնության հատկանիշներով կատարված հանցանքների դեպքում հաշտության ինստիտուտի կիրառման առանձնահատկությունները, տուժողի առանձնահատկությունները որպես քրեական պատասխանատվությունից ազատման խոչընդոտ, ինչպես նաև մեկից ավելի հանցանքների կամ երկօբյեկտ հանցակազմերի պարագայում ինստիտուտի կիրառման առանձնահատկությունները:

Ուսումնասիրությունը ներառում է ՀՀ նախկին և գործող քրեական օրենսգրքի, քրեական դատավարության օրենսգրքի և դատարանների նախադեպային պրակտիկայի համակցված վերլուծություն՝ նպատակ ունենալով բացահայտել իրավական անորոշությունները, կիրառման հայեցողական մոտեցումները և կազուսային խնդիրների լուծման մեխանիզմները: Այս ուսումնասիրությունը նպատակ ունի առաջարկել հստակ իրավաբանական մոտեցումներ՝ հաշտության ինստիտուտի արդյունավետ կիրառման ապահովման համար, պահպանելով իրավական զարգացման շարունակականության սկզբունքը, և ապահովել օրենսդրության, դատական պրակտիկայի և գիտական վերլուծության համաչափ զարգացում:

Նյութը և մեթոդներ

Ուսումնասիրության մեթոդը վերաբերելի իրավանորմերի, և պրակտիկայի վերլուծությունն է, և դրանց համակցությամբ արձանագրված արդյունքները։

Արդյունքներ

Հոդվածի հետազոտությունն արդյունավետ կարող է լինել գործնականում հոդվածի կիրառմանն առնչություն ունեցող մասնագետների համար, քանի որ թեմայում վեր են հանվել օրենսդրությանն առնչվող նախկինում կիրառված նորմերի մեկնաբանությունները, որը կարող է գործող օրենսդրությանն առնչություն ունեցող պրակտիկ մասնագետների և տեսաբանների համար տեղեկատվական նշանակություն ունենալ։

1.1. «Առաջին անգամ հանցանք կատարած անձ» հասկացության մեկնաբանման խնդիրները

Հանցանք կատարած անձին տուժողի հետ հաշտվելու հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատելու դատական գործընթացները չեն անցնում հարթ, և կան հարցեր, որոնց վերաբերյալ կողմերն ունեն հակասող, ոչ միանշանակ դիրքորոշումներ։ Պրակտիկայում առավել հաճախ հանդիպող խնդրահարույց իրավիճակները արտահայտվում են հետևյալ դեպքերում, երբ քննարկման առարկա է դառնում նորմի բաղադրիչ մասը, և մեկնաբանվում ոչ միատեսակ կերպով։

Տարածված խնդրահարույց իրավիճակը ստեղվծում է «Առաջին անգամ հանցանք կատարած անձ» (տե՛ս ՀՀ քրեական օրենսգիրք, հոդ. 3, մաս 1, կետ 2) հասկացության մեկնաբանման շրջանում։ Նշված հասկացությունը հանդիսանում է ՀՀ քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածով նախատեսված հաշտության հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատման հիմնական պայմաններից մեկը։ ՀՀ գործող քրեական օրենսգիրքը որոշակիորեն տվել է այս և մի շարք այլ հասկացությունների բացատրությունը՝ օրենսգրքում օգտագործվող հիմնական հասկացությունների հոդվածում։ Նորմի մեկնաբանությամբ՝ «Առաջին անգամ հանցանք կատարած անձ» է համարվում այն անձը, որը նախկինում հանցանք չի կատարել կամ կատարել է, սակայն ազատվել է քրեական պատասխանատվությունից, կամ որի դատվածությունը սույն օրենսգրքով սահմանված կարգով մարվել կամ վերացվել է։

Նշված պայմաններից հետևում է, որ «առաջին անգամ հանցանք կատարած անձ» լինելու համար բավարար է, որ անձը համապատասխանի

առնվազն մեկին՝ նախկինում հանցանք կատարած չլինի, հանցանք կատարած լինելու դեպքում ազատված լինի քրեական պատասխանատվությունից, դատվածությունը մարված կամ վերացվել լինի: Պրակտիկայի ուսումնասիրման արդյունքում կարող ենք պնդել, որ առաջին անգամ հանցանք կատարած անձանց նկատմամբ քրեական արդարադատությունն ավելի մեղմ է, քան այն անձի նկատմամբ, ով հանցանքների կատարումը դարձրել է պարբերաբար: Պրակտիկայի ձևավորվամն արդյունքում ՀՀ գործող քրեական օրենսգրքում որոշակի «արտոնություններ» են տրվել «առաջին անգամ հանցանք կատարած անձանց»: Բացի այն, որ վերջիններս հնարավորություն ունեն քրեական պատասխանատվությունից ազատվելու՝ որոշակի պայմանների առկայության դեպքում, նաև առաջին անգամ ոչ մեծ ծանրության հանցագործություն կատարած անձը չի կարող դատապարտվել ազատազրկման (տե՛ս ՀՀ քրեական օրենսգիրք, հոդ. 67, մաս 5): Ինչ վերաբերում է անձի կողմից նախկինում հանցանք կատարած չլինելուն, ապա այն ինքնաբերաբար բավարարում է «առաջին անգամ հանցանք կատարած անձ» հասկացության պահանջին: Արդյունքում, անձը, առաջին անգամ հանցանք կատարելու դեպքում համարվելու է «առաջին անգամ հանցանք կատարած անձ»: Մյուս կետը, որի դեպքում անձը համարվելու է առաջին անգամ հանցանք կատարած անձ, դա հանցանք կատարելն է այն անձի կողմից, ով նախկինում ազատվել է քրեական պատասխանատվությունից: Ի դեպ, օրենսդիրը չի սահմանափակում, թե անձը քրեական պատասխանատվությունից ո՞ր հիմքով է ազատվել: Ցանկացած հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատված անձի կողմից նոր հանցանք կատարելու ժամանակ վերջինս համարվելու է առաջին անգամ հանցանք կատարած անձ: Այսպիսով, հանցանք կատարած անձը կարող է նախկինում քրեական պատասխանատվությունից ազատված լինել՝ գործուն զղջալու, քրեական պատասխանատվության վաղեմության ժամկետներն անցնելու կամ հանցագործությունից կամովին հրաժարվելու դեպքում: Սակայն, եթե վերջինս նախկինում ազատվել է քրեական պատասխանատվությունից տուժողի հետ հաշտվելու հիմքով՝ ՀՀ քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածով, ապա նոր կատարած հանցանքի դեպքում նույն հիմքով կրկին ազատվել չի կարող: Այն անձը, ով նոր հանցանք է կատարել, սակայն նախկինում ունեցած դատվածությունը հանված կամ մարված է, ապա նա նույնպես համարվելու է առաջին անգամ հանցանք կատարած անձ: Օրենքի իմաստով՝ անձը դատվածություն ունեցող է համարվում մեղադրական դատավճիռն օրինական ուժի մեջ մտնելու օրվանից մինչև դատվածության մարման կամ

վերացման պահը: Դատվածության վերացման համար հիմք են համաներման մասին օրենքը, ինչպես նաև արարքի ապաքրեականացումը (տե՛ս ՀՀ քրեական օրենսգիրք, հոդ. 93): Արդյունքում, «առաջին անգամ հանցանք կատարած անձ» հասկացության կոնկրետ կիրառումը պահանջում է անհատական մոտեցում՝ հիմնված ինչպես փաստական հանգամանքների, այնպես էլ քրեական դատավարության ընթացքի վրա: Ամփոփելով նշված վիճահարույց իրավիճակը՝ փաստենք, որ դատական պրակտիկան նշված իրավիճակի վերաբերյալ ունի մի շարք որոշումներ, որոնց մի մասով ներկայացրել եմ մեղադրյալների շահերի պաշտպանությունը:

1.2. Կատարված հանցանքում ընտանիքում բռնության հատկանիշների մեկնաբանությունը՝ տուժողի և հանցանք կատարած անձի հաշտության համատեքստում

Ինչպես արդեն նշվեց, պրակտիկայում առաջանում են իրավիճակներ, երբ նորմը կիրառվում է ոչ միատեսակ: Նման իրավիճակների քանակի աճը կարող է վնասել արդարադատությանը, ինչպես նաև տեղիք են տալիս հասարակության կողմից ձևավորելու բացասական վերաբերմունք՝ դատական համակարգի նկատմամբ:

Խնդրահարույց իրավիճակը ստեղծվում է, երբ դատավարության մասնակիցների համար միանշանակ չի թվում ընտանեկան բռնության հատկանիշների մեկնաբանումը: Խոսքն այն մասին է, որ օրենքի իմաստով ընտանիքում բռնություն է համարվում օրենքով սահմանված ֆիզիկական, սեռական, հոգեբանական կամ տնտեսական բնույթի բռնի արարքը, ինչպես նաև անտեսումը, որը կատարվել է ընտանիքի անդամների միջև: Այլ կերպ ասած, ընտանիքում բռնություն նշանակում է ընտանիքի մի անդամի կողմից երկրորդի նկատմամբ սահմանադրական իրավունքների և ազատությունների խախտում՝ ֆիզիկական, հոգեբանական, տնտեսական, սեքսուալ բռնությամբ կամ հարկադրաբար (տե՛ս «Ընտանիքում բռնության կանխարգելման, ընտանիքում բռնության ենթարկված անձանց պաշտպանության և ընտանիքում համերաշխության վերականգնման մասին» ՀՀ օրենք, հոդ. 3, մաս 1): Ի թիվս այլ տեսակ բռնությունների՝ սեռական բռնությունը դատական պրակտիկայում վիճահարույց իրավիճակների մի մասն է: Ինչպես նշվեց, ընտանիքում բռնության տեսակ է նաև սեռական բռնությունը: Դատական պրակտիկայում մեղադրանքի կողմը ներկայացնող հանրային մեղադրողները հաճախ առարկություններ են ներկայացնում այն գործերով, որոնց փաստական հանգամանքների համաձայն՝ 18 տարին լրացած անձը սեռական հարաբերություն է ունեցել 16 տարին չլրացած անձի հետ (տե՛ս ՀՀ քրեական

օրենսգիրք, հոդ. 200)։ Հանրային մեղադրողների դիրքորոշումն այն էր, որ «Ընտանիքում բռնության կանխարգելման, ընտանիքում բռնության ենթարկված անձանց պաշտպանության և ընտանիքում համերաշխության վերականգնման մասին» ՀՀ օրենքի 3-րդ հոդվածի համաձայն՝ սեռական բռնություն է համարվում ՀՀ քրեական օրենսգրքով նախատեսված՝ սեռական անձեռնմխելիության և սեռական ազատության դեմ ուղղված հանցագործությունները։ Նշված պատճառաբանությամբ դատարանի կողմից կայացված որոշումները՝ տուժողի և հանցանք կատարած անձի հաշտության հիմքով անձին քրեական պատասխանատվությունից ազատելու և քրեական հետապնդումը դադարեցնելու մասին հաճախ բողոքարկվում են վերադաս դատարաններ։

ՀՀ քրեական օրենսգրքի իմաստով «բռնություն» հասկացությունը մեկնաբանվում է որպես այլ մարդու նկատմամբ նրա կամքին հակառակ կամ կամքն անտեսելով, դիտավորյալ ֆիզիկական ներգործություն գործադրելը կամ այդ եղանակով նրան ֆիզիկական վնաս պատճառելը (տե՛ս ՀՀ քրեական օրենսգիրք, հոդ. 3, մաս 1, կետ 9)։ Օրենքի և ՀՀ քրեական օրենսգրքիք վերլուծության արդյունքում հանգում ենք հետևության, որ չի կարող «ընտանիքում բռնություն» կոչված երևույթը կատարվել առանց ուղղակի բռնության։ Այսինքն, օրինակ՝ եթե կնոջ 16 տարին լրացած չէ, իսկ ամուսնու 18 տարին լրացած է, ապա համատեղ ապրելու, ընտանիք կազմած լինելու դեպքերում սեռական հարաբերություն ունենալը չի կարող համարվել ընտանիքում բռնություն, եթե սեռական հարաբերությունը կատարվել է կնոջ համաձայնությամբ՝ անկախ կնոջ տարիքից։

Բացի այդ, ՀՀ քրեական օրենսգրքում տրված է բռնության հասկացության մեկնաբանումը, և ըստ դրա վերլուծության՝ որպեսզի հանցանքը համարվի ընտանեկան բռնությամբ կատարված, անհրաժեշտ է, որ սեռական բռնությունը դրսևորվի բռնությամբ կամ սպառնալիքով սեռական կապ հաստատելով, կամ զոհի անզորությունից օգտվելու սեռական կամ սեքսուալ բնույթի այլ ձևի գործողություն կատարելով։ Նշված հոդվածով Հայաստանի Հանրապետությունում ներկա պահին հիմնականում մեղադրվում են ազգությամբ եզդի տղամարդիկ, որոնց ավանդույթը թույլ է տալիս վաղ տարիքում ամուսնանալ, և օրինակ՝ մինչև 16 տարեկան կին ունենալու և վերջինիս հետ սեռական հարաբերություն ունենալու համար ենթարկվում են քրեական հետապնդման։ Այնուամենայնիվ, գտնում ենք, որ «Ընտանիքում բռնության կանխարգելման, ընտանիքում բռնության ենթարկված անձանց պաշտպանության և ընտանիքում համերաշխության վերականգնման մասին» օրենքի մեկնաբանությունն ակնհայտ է, և

չի կարող մի գործողությունը համարվել «ընտանեկան բռնություն», սակայն բռնությամբ չկատարվել, որը բխում է նաև ՀՀ քրեական օրենսգրքի «բռնություն» հասկացության մեկնաբանումից: Ամփոփելով նշված վիճահարույց իրավիճակը՝ փաստենք, որ դատական պրակտիկան նշված իրավիճակի վերաբերյալ ունի մի շարք որոշումներ, որոնց մի մասով ներկայացրել եմ մեղադրյալների շահերի պաշտպանությունը:

1.3. Տուժողին վերաբերելի առանձնահատկությունները, որպես հանցանք կատարած անձին քրեական պատասխանատվությունից ազատելու խոչընդոտ

Չնայած ՀՀ քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածով նախատեսված հստակ սահմանափակումներին և բացառություններին, դրանց կիրառումը իրավակիրառ պրակտիկայում միշտ չէ, որ իրականացվում է միատեսակ: Թեև հաջորդ՝ երրորդ պայմանը մեզ հայտնի աղբյուրներից ստացված տեղեկատվության համաձայն դեռևս պրակտիկայում խնդիրներ չի առաջացրել, այնուամենայնիվ անհրաժեշտ է քննարկել տեսական խնդիրը: Այսպես. եթե հանցագործությունից տուժողը 14 տարին չլրացած անձ է, կամ հոգեկան առողջության խնդիրների կամ մտավոր զարգացման մեջ հետ մնալու հետևանքով լրիվ կամ մասնակիորեն զրկված է իր դեմ ուղղված հանցագործության բնույթն ու հետևանքները գիտակցելու կամ իր վարքագիծը ղեկավարելու հնարավորությունից, ապա հանցանք կատարած անձը չի կարող ազատվել քրեական պատասխանատվությունից՝ տուժողի հետ հաշտության հիմքով: Նշված իրավիճակում հանցանք կատարած անձը սահմանափակված է ՀՀ քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածի կիրառությանը, որը պայմանավորված է տուժողի տարիքային, հոգեկան առողջության կամ վարքագծային որոշակի առանձնահատկություններով: Թեև սահմանափակումն ակնհայտ է, սակայն կա մեկնաբանման հարց: Մասնավորապես, վիճահարույց է այն, թե տուժողի տարիքային շեմը (14 տարին չլրացած լինելու հանգամանքը) որ պահի դրությամբ պետք է գնահատվի՝ վերջինիս նկատմամբ կատարված հանցանքի կատարման, թե հաշտության հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատելու վերաբերյալ միջնորդության ներկայացման պահին: Գտնում ենք, որ իրավակիրառ տեսանկյունից նպատակահարմար է տուժողի տարիքը հաշվարկել ոչ թե հանցանքի կատարման պահին, այլ հաշտության հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատելու վերաբերյալ միջնորդության ներկայացման պահին: Այս մոտեցումը պայմանավորված է այն հանգամանքով, որ քրեական վարույթը կարող է տևել երկար ժամանակ, որի ընթացքում տուժողի տարիքը կարող է 14

տարին լրացած լինել, որի դեպքում անձը կարող է ձեռք բերել սեփական իրավունքների իրացման բավարար կարողություն։ Այդ պարագայում տուժողը պետք է հնարավորություն ունենա ինքնուրույն արտահայտելու իր կամարտահայտությունը՝ հաշտվելու կամ չհաշտվելու վերաբերյալ, իսկ հանցանք կատարած անձը՝ օգտվելու ՀՀ քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածով նախատեսված հնարավորությունից, եթե բավարարում է հաշտության համար նախատեսված մնացած պայմաններին։ Հակառակ դեպքում ստեղծվում է իրավիճակ, երբ տարիներ անց, փոխհարաբերությունների փոփոխության արդյունքում, տուժողը չցանկանում, որ իր նկատմամբ հանցանք կատարած անձը ենթարկվի քրեական պատասխանատվության, սակայն օրենքի ձևական պահանջի դեպքում զրկված կլինի հաշտության հիմքով քրեական հետապնդման դադարեցման մասին միջնորդության վերաբերյալ չառարկելու հնարավորությունից՝ փաստացի պարտադրելով քրեական հետապնդման շարունակումը։ Միևնույն ժամանակ հնարավոր է առաջանա նաև գործնական խնդիր, երբ մեղադրյալի կողմից դատավարական գործընթացը միտումնավոր ձգձգվում է՝ նպատակ ունենալով սպասել տուժողի 14 տարին լրանալուն։ Սակայն նույնիսկ նման դեպքերում տուժողը պարտադրված չի լինում հաշտության, քանի որ վերջինիս կամարտահայտությունը պետք է լինի ազատ և ինքնուրույն։ Հետևաբար նշված ռիսկերը հնարավոր է չեզոքացնել՝ պատշաճ դատավարական վերահսկողության և տուժողի կամարտահայտության իրական ազատության ապահովման միջոցով։

Գտնում ենք, որ տուժողի տարիքը անհրաժեշտ է հաշվարկել ոչ թե ենթադրյալ հանցանքի կատարման պահին, այլ հանցանք կատարած անձի (պաշտպանական կողմի) կողմից ներկայացված՝ տուժողի և հանցանք կատարած անձի հաշտության հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատելու մասին միջնորդության ներկայացման պահին։ Այսինքն, եթե հանցանքի կատարման պահին տուժողը եղել է 14 տարին չլրացած, օրինակ՝ 12 տարեկան, սակայն քրեական գործի քննությունը տևել է տարիներ, ապա 14 տարին լրացած լինելուն պես տուժողը պետք է հնարավորություն ունենա մեղադրյալի հետ հաշտվելու, և մեղադրյալը պետք է իրավունք ունենա նշված հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատվելու, եթե առկա են ՀՀ քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածի պայմանները։ Ինչումն է խնդիրը. ստացվում է իրավիճակ, երբ տուժողը մինչև 14 տարին լրանալը տուժել է որևէ հանցանքի կատարման պատճառով, սակայն տարիներ անց հանցանք կատարած անձի և տուժողի միջև առաջացած փոխհարաբերության արդյունքում տուժողը չի ցանկանում, որպեսզի իր նկատմամբ հանցանք կատարած անձը ենթարկվի քրեական

պատասխանատվության։ Հակառակ դեպքում օրենքը նույնպես չպետք է տուժողի համար պարտադրանք սահմանի։ Տուժողն ինքը պետք է հնարավորություն ունենա հաշտվելու, կամ չհաշտվելու, նշված հիմքով հանցանք կատարած անձին քրեական պատասխանատվությունից ազատելու վերաբերյալ միջնորդության վերաբերյալ տուժողն անձամբ կամ ներկայացուցչի միջոցով պետք է արտահայտի իր դիրքորոշումը։ Այնուամենայնիվ, կարող է պրակտիկ հարց առաջանալ. ի՞նչ անել այն դեպքում, երբ տուժողը 14 տարին լրացած չէ, իսկ մեղադրյալի կողմից դատական գործընթացի անհարկի ձգձգումներ են տեղի ունենում, այնքան, մինչև տուժողի 14 տարին լրանա։ Սակայն նշված իրավիճակում տուժողը ստիպված չի լինելու, այլ իր ազատ կամարտահայտությունը պետք է հայտնի՝ հաշտության համաձայնությանը, կամ չհայտնի։ Ուստի գտնում ենք, որ հնարավոր ռիսկները հնարավոր է չեզոքացնել։

Ինչ վերաբերում է հոգեկան առողջության խնդիրներ ունեցող կամ մտավոր զարգացման մեջ որոշակի անկարողություններով պայմանավորված տուժողի հետ հաշտվելով՝ հանցանք կատարած անձին քրեական պատասխանատվությունից ազատելուն, ապա սույն դեպքում նույնպես անհրաժեշտ է հաշվի առնել համապատասխան հարցի քննարկման պահին տուժողի հոգեկան առողջությունը, մտավոր, մտավոր զարգացման խնդիրների առկայությունը կամ բացակայությունը, որոնք առկա էին հանցանքի կատարման պահին։ Այլ կերպ՝ եթե տուժողը հանցանքի կատարման պահին եղել է 14 տարին չլրացած, կամ ունեցել է որոշակի առողջական խնդիրներ կամ առանձնահատկություններ, որոնք գործող օրենսդրությամբ սահմանված են ՀՀ քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածի 4-րդ մասով, կարող են խոչընդոտ չհանդիսանալ, եթե հանցանք կատարած անձին տուժողի հետ հաշտության հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատման հարցի քննարկման պահին տուժողի 14 տարին լրացել է, կամ առողջական խնդիրները կամ առանձնահատկությունները վերացվել են։ Գտնում ենք, որ նման իրավիճակներում առաջնահերթ պետք է ապահովել տուժողի իրավական կարգավիճակի առավել կարևոր լինելը, և հնարավորություն տալ՝ առավել ակտիվ և որոշիչ կերպով իրացնել իր իրավունքները, այդ թվում՝ արտահայտել իր կամարտահայտությունը հաշտվելու կամ չհաշտվելու վերաբերյալ։

1.4. Հաշտության հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատման կրկնության արգելքին առնչվող խնդիրները

Ինչպես վերը նշվել է՝ անձը չի կարող կրկին ազատվել քրեական պատասխանատվությունից՝ տուժողի հետ հաշտության հիմքով, եթե նախկինում «սույն հիմքով» ազատվել է քրեական պատասխանատվությունից: Տվյալ սահմանափակումը օրենսդրորեն ամրագրված է որպես կրկնակի կիրառման արգելք, որի նպատակն է կանխել հաշտության ինստիտուտի չարաշահումը: Այստեղ խոսքն ուղղակիորեն կապվում է հոդվածում նախատեսված «սույն» բառի հետ: Խնդիրն այն է, որ ՀՀ գործող քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածի 5-րդ մասը սահմանում է հետևյալը. «Նախկինում սույն հոդվածով նախատեսված հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատված անձը չի կարող նույն հիմքով կրկին ազատվել քրեական պատասխանատվությունից»: Այսինքն՝ օրենքի արգելքը վերաբերելի է միայն քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածի կիրառմանը: Այլ կերպ՝ եթե անձն ազատվել է քրեական պատասխանատվությունից մինչև ՀՀ գործող քրեական օրենսգրքի ընդունումը կատարված հանցանքի քննության ընթացքում՝ տուժողի հետ հաշտվելու հիմքով (2003թ. ընդունված ՀՀ քրեական օրենսգիրք, հոդ. 73), ապա դա չի կարող համարվել խոչընդոտ՝ անձին կրկին տուժողի հետ հաշտության հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատելու համար, եթե վերջին հանցանքը կատարվել է գործող քրեական օրենսգրքի գործողության ժամանակ: Գտնում ենք, որ նշված խնդիրը պրակտիկայում ակտուալ է, և դատարաններն իրենք են կայացնում որոշումներ, որոնք միգուցե տարբերվեն և չապահովեն օրենքի միատեսակ կիրառությունը: Բանն այն է, որ իրավական տեսանկյունից նման մեկնաբանումը ամբողջապես հիմնավորված է: Նորմատիվ իրավական ակտի նորմի մեկնաբանությունը պետք է իրականացվի՝ հաշվի առնելով նորմատիվ իրավական ակտն ընդունելիս այն ընդունող մարմնի նպատակը, տվյալ նորմում օգտագործված բառերի և արտահայտությունների տառացի նշանակությունը, ինչպես նաև ամբողջ հոդվածի, գլխի և բաժնի կարգավորման համատեքստը: (տե՛ս «Նորմատիվ իրավական ակտերի մասին» ՀՀ օրենք, հոդ. 41, մաս 1): Ստացվում է երկակի մեկնաբանության արդյունքում անձը կարող է կրկին ազատվել քրեական պատասխանատվությունից՝ տուժողի հետ հաշտության հիմքով, եթե օրինակ՝ նախկինում քրեական պատասխանատվությունից ազատվել է մինչև 2022 թվականի հուլիսի 1-ը, այսինքն՝մինչև գործող քրեական օրենսգրքի գործողության մեջ դրվելը: Այս դիրքորոշումը բխում է ՀՀ քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածի տառացի մեկնաբանությունից, որը արտահայտվում է հոդվածում կիրառված «նախկինում

սույն հոդվածով նախատեսված հիմքով» ձևակերպմամբ: Հոդվածում հստակ է, որ օրենսդիրը սահմանափակումը տարածել է բացառապես նույն՝ 2022 թվականի հուլիսի 1-ից գործող ՀՀ քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածով նախատեսված հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատման դեպքերի վրա: Բացիայդ, եթե անձը հանցանք կամ հանցանքներ է կատարել մինչև 2022 թվականի հուլիսի 1-ը, ապա կարող է քրեական պատասխանատվությունից ազատվել տուժողի/տուժողների հետ հաշտության հիմքով՝ հանցանքը կատարելու պահին գործող, այսինքն՝ 2003 թվականին ընդունված ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածի հիմքով: Նշվածը բխում է գործող քրեական օրենսգրքի 8-րդ հոդվածի առաջին մասից, որը սահմանում է, որ արարքի հանցավորությունը, պատժելիությունը և քրեաիրավական այլ հետևանքները որոշվում են դա կատարելու ժամանակ գործող քրեական օրենքով:

1.5. Հանցանքների համակցությամբ հանցանք կատարած անձին քրեական պատասխանատվությունից ազատելը՝ տուժողի հետ հաշտության հիմքով

Արդյոք հանցանք կատարած անձը կարող է ազատվել քրեական պատասխանատվությունից տուժողի հետ հաշտվելու հիմքով, եթե կատարել է մեկից ավելի հանցանքներ, որոնք քննվում են նույն կամ առանձին վարույթներով: ՀՀ գործող քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածը սահմանում է, որ հանցանք կատարած անձը կարող է ազատվել քրեական պատասխանատվությունից միայն այն դեպքերում, երբ առկա են հոդվածում նախատեսված բոլոր պայմանները և բացակայում են բացառությունները: Գտնում ենք, որ եթե անձը կատարել է մեկից ավելի հանցանքներ, ապա հաշտության հիմքով ազատումը կիրառվում է յուրաքանչյուր հանցանքի նկատմամբ առանձին՝ հաշվի առնելով յուրաքանչյուր հանցանքի առանձնահատկությունները, տուժողի դիրքորոշումն ու հանցանքի ծանրության աստիճանը: Պրակտիկայում հաճախ հանդիպում են դեպքեր, երբ վարույթում կողմերի դիրքորոշումները տարբերվում են՝ իրավական նորմի մեկնաբանության տեսանկյունից: Մասնավորապես, որոշ դատախազներ գտնում են, որ հանցանք կատարած անձը կարող է ազատվել քրեական պատասխանատվությունից տուժողի հետ հաշտվելու հիմքով միայն առաջին անգամ կատարած հանցանքի համար, ենթադրելով, որ առաջինից հետո կատարված երկրորդ, երրորդ, ... հանցանքների դեպքում արդեն անձը չի համարվում «առաջին անգամ հանցանք կատարած անձ»: Այս դիրքորոշումը հիմնված է այն հանգամանքի վրա, որ հոդվածում օգտագործվում է «առաջին անգամ հանցանք կատարած անձ» հասկացությունը,

ինչը, ըստ նրանց, սահմանափակում է քրեական պատասխանատվությունից ազատման հիմքի կիրառումը՝ առաջին հանցանքից հետո կատարված հանցանքների դեպքում, նույնիսկ եթե դրանք քննվում են մեկ քրեական վարույթում:

Մյուս կողմից, գտնում ենք, որ քանի դեռ առկա չեն քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածում սահմանված բացառությունները, ուրեմն օրենքի մեկնաբանությունը անհրաժեշտ է կատարել հօգուտ մեղադրյալի, այլ ոչ՝ հակառակը: Այս դիրքորոշումը հիմնավորված է նաև այն տեսակետով, որ օրենքը չի սահմանում հատուկ արգելք՝ բազմակի հանցանքների դեպքում հաշտության հիմքով ազատման համար, և իրավաբանորեն հնարավոր է գնահատել յուրաքանչյուր հանցանք առանձին՝ պայմանների առկայության դեպքում: Բացի այդ, հանցագործության համար մեղադրվողը համարվում է անմեղ, քանի դեռ նրա մեղավորությունն ապացուցված չէ սույն օրենսգրքով սահմանված կարգով՝ դատարանի՝ օրինական ուժի մեջ մտած դատավճռով (տե՛ս ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգիրք, հոդ. 17, մաս 1):

Մարդու իրավունքների կոմիտեն նշել է, որ անմեղության կանխավարկածը ենթադրում է նաև իրավունք՝ արժանանալու այդ սկզբունքին համապատասխան վերաբերմունքի: Հետևաբար, այն պարտականություն է հանրային իշխանության բոլոր ներկայացուցիչների համար՝ ձեռնպահ մնալու վարույթի արդյունքը կանխորոշելուց: Այսինքն՝ եթե հանցանք կատարած անձին ներկայացված է մեղադրանք, օրինակ՝ երեք դրվագ միջին ծանրության հանցագործության կատարման համար, անձը որևէ արգելք չունի երեք դրվագներով տուժողների հետ հաշտվելու դեպքում ազատվել քրեական պատասխանատվությունից, եթե պահպանված են հաշտության վերաբերյալ բոլոր պայմանները: Այլ կերպ՝ անձը համարվում է անմեղ՝ նշված օրինակում երեք դրվագ հանցանքների կատարման մեջ: Ուստի, քանի դեռ նրա նկատմամբ չկա կայացված դատավճիռ՝ համարվում է անմեղ: Ավելին, եթե մեկ վարույթի շրջանակներում անձն ազատվել է քրեական պատասխանատվությունից՝ տուժողի հետ հաշտության հիմքով՝ միայն մեկ դրվագ հանցանքի կատարման համար, դա խոչընդոտ չէ, որպեսզի անձը մյուս դրվագների մասով նույնպես ազատվի քրեական պատասխանատվությունից, եթե մինչ «քրեական հետապնդումը դադարեցնելու մասին» դատարանի որոշման ուժի մեջ մտնելը ներկայացվում է միջնորդություն՝ գործով մյուս տուժողների հետ հաշտության հիմքով հանցանք կատարած անձին քրեական պատասխանատվությունից ազատման մասին:

Բացի այդ, վիճելի է նաև այն իրավիճակը, երբ անձը հանցանք կատարելու պահին չունի նախկին դատվածություն և նախկինում չի ազատվել քրեական պատասխանատվությունից՝ տուժողի հետ հաշտության հիմքով: Սակայն կարճ ժամանակային տարբերությամբ կատարում է միջին ծանրության երկու տեսակի հանցանքներ. առաջին հանցանքի մասին գործը ուղարկվում է դատարան մեղադրական եզրակացությամբ, իսկ երկրորդ հանցանքի վերաբերյալ անձը նախաքննության ընթացքում ազատվում է քրեական պատասխանատվությունից՝ տուժողի հետ հաշտության հիմքով: Այս իրավիճակում հիմնավորվ անձին ազատել քրեական պատասխանատվությունից, եթե առկա են ՀՀ քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածի պայմանները: Սույն դեպքում գտնում ենք, որ կիրառելի չէ հոդվածի արգելքի շրջանցում, քանի որ տվյալ հանցանքի կատարման պահին անձը համարվում է նախկինում հաշտության հիմքով քրեական պատասխանատվությունից չազատված և դատվածություն չունեցող անձ:

Ամփոփելով նշված վիճահարույց իրավիճակը՝ փաստենք, որ դատական պրակտիկան նշված իրավիճակի վերաբերյալ ունի մի շարք որոշումներ, որոնց մի մասով ներկայացրել եմ մեղադրյալների շահերի պաշտպանությունը:

1.6. Երկօբյեկտ հանցակազմերով հանցանք կատարած անձին տուժողի հետ հաշտության հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատելը

Անձի կողմից կատարված հանցանքը, եթե այն համարվում է երկօբյեկտ հանցագործություն, պրակտիկայում առաջացրել է իրավական կազուս: Վիճելին այն է, որ երկօբյեկտ հանցանքներում հիմնական տուժողը և լրացուցիչ տուժողը ակնհայտ չեն: Նախ, տուժողը քրեադատավարական կարգավիճակ է (տե՛ս ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգիրք, հոդ. 6, մաս 1, կետ 26): Քրեական օրենսգրքում բազմաթիվ հոդվածներ ունեն երկօբյեկտ հանցակազմեր: Սա նշանակում է, որ հանցանքի կատարման արդյունքում վնաս է պատճառվել կամ կարող էր պատճառվել հիմնական և անմիջական օբյեկտին, և երկրորդ՝ որպես լրացուցիչ հանդես եկող օբյեկտին: Այսինքն՝ մեկ արարքի կատարմամբ վնաս է հասցվել երկու օբյեկտի: Գործող պրակտիկայում խնդրահարույց իրավիճակները բազմաթիվ են, և դատարան մեկնաբանությունը միատեսակ չէ: Միգուցե ՀՀ վերաքննիչ քրեական դատարանը փորձում է ստեղծել միատեսակ պրակտիկա, սակայն նույնիսկ որոշ երկօբյեկտ հանցանքների գործերով դատարանի կազմի երեք դատավորներից մեկը հայտնում է հատուկ կարծիք: Սա այն մասին է, որ իրավակիրառ պրակտիկան կայացած չէ:

Օրինակ, երբ անձը կատարի սուտ մատնություն, արդյո՞ք պետք է ազատվի քրեական պատասխանատվությունից՝ տուժողի հետ հաշտության հիմքով: Խնդիրն այն է, որ սուտ մատնությունն առաջին հերթին ուղղված է հենց արդարադատության դեմ, այլ կերպ՝ սուտ մատնության հիմնական անմիջական օբյեկտը արդարադատության բնականոն իրականացմանն ուղղված հասարակական հարաբերություններն են, իսկ լրացուցիչ անմիջական օբյեկտը՝ անձանց իրավունքներն ու օրինական շահերը: Այսինքն՝ նշված հանցակազմով նախատեսված հանցագործությունը երկօբյեկտ է: Սույն օրինակը մեկն է այն բազմաթիվ իրավիճակների, երբ երկօբյեկտ հանցագործության պայմաններում դատարանները որոշում են կայացնում անձին քրեական պատասխանատվությունից ազատելու մասին՝ տուժողի հետ հաշտության հիմքով, կամ մերժում են միջնորդությունը՝ տուժողի հետ հաշտության հիմքով հանցանք կատարած անձին քրեական պատասխանատվությունից ազատելու վերաբերյալ: Դատական պրակտիկայի ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ Առաջին ատյանի ընդհանուր իրավասության դատարանների մեծ մասը հակված է հաշտության հիմքով անձին ազատել քրեական պատասխանատվությունից՝ նույնիսկ երկօբյեկտ հանցանքների դեպքում: Հակառակն է պրակտիկան՝ Վերաքննիչ քրեական դատարանում. այն գործերով որոշումները, որոնցով Առաջին ատյանի ընդհանուր իրավասության դատարանը որոշում է կայացրել տուժողի հետ հաշտության հիմքով հանցանք կատարած անձին քրեական պատասխանատվությունից ազատելու մասին՝ Վերաքննիչ քրեական դատարանի կողմից բեկանվում են, և ուղարկվում ստորադաս դատարան՝ նոր քննության: Ակնհայտ է, որ վերադաս դատարանները չեն կիսում Առաջին ատյանի դատարանի մեկնաբանությունը՝ երկօբյեկտ հանցագործության և ՀՀ քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածի կիրառման համատեքստում: Այն կարծիքին ենք, որ եթե ՀՀ քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածի բացառություններում և կիրառման արգելքներում նախատեսված չէ որևէ հանգամանք, ապա դա չպետք է խոչընդոտի հոդվածի կիրառմանը՝ անկախ դրա լրացուցիչ մեկնաբանումից: Հակառակ դեպքում կարող է խաթարվել արդար դատաքննության իրավունքը:

Եզրակացություն

Տուժողի հետ հաշտության հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատման ինստիտուտը ՀՀ քրեական իրավունքում հանդիսանում է իրավական հարաբերությունների յուրահատուկ կարգավորման մեխանիզմ, որը հիմնված է ինչպես նյութաիրավական, այնպես էլ քրեադատավարական կառուցակարգերի փոխկապակցվածության վրա:

Առաջին հերթին, «առաջին անգամ հանցանք կատարած անձ» հասկացության իրավաբանական մեկնաբանությունը հանդիսանում է հաշտության հիմքով պատասխանատվությունից ազատման կիրառման առաջնային նախապայման: Հասկացության սահմանման ճշգրտությունը և դրա գործնական կիրառումը կարիք ունեն համաչափ գնահատման՝ հաշվի առնելով հանցանքի բնույթը, կատարման հանգամանքները, անձի հատկանիշները և տուժողի իրավունքների պաշտպանությունը:

Ընտանեկան բռնության հատկանիշներով կատարված հանցանքների պարագայում հաշտության հիմքով պատասխանատվությունից ազատման իրավունքը պահանջում է բացառիկ զգայուն և իրավականապես հիմնավորված մոտեցում. անհրաժեշտ է համարժեք գնահատել հանցանքի դրսևորման առանձնահատկությունները, տուժողի իրավունքների պաշտպանությունը և հասարակական շահերի պաշտպանության սկզբունքը: Այս համատեքստում տուժողի առանձնահատկությունները ստանում են իրավական նշանակություն, քանի որ նրա ազատության, անվտանգության և բարեկեցության իրավունքների պաշտպանությունը կարող է հանդիսանալ հաշտության գործընթացը սահմանափակելու կամ թույլատրելիությունը որոշող հանգամանք:

Հանցանքների համակցությամբ կամ երկօբյեկտ հանցակազմերով կատարված հանցանքների դեպքում անհրաժեշտ է իրավաբանական հաշվետվողական և կոնկրետ դեպքի վերլուծություն՝ նորմի յուրաքանչյուր հատկանիշի և տուժողի իրավունքների համարժեք գնահատմամբ:

Կրկնության արգելքը և հաշտության հիմքով պատասխանատվությունից ազատման այլ սահմանափակումներ ընդգծում են ինստիտուտի առանձնահատուկ իրավական կարգավիճակը: Դատարանները պարտավոր են կիրառել այս ինստիտուտը օրենքի պահանջների և նախադեպային որոշումների համադրման հիման վրա՝ բացառելով անորոշություն և ապահովելով իրավական հետևողականություն:

Ընդհանուր առմամբ, տուժողի և հանցանք կատարած անձի միջև հաշտության հիմքով պատասխանատվությունից ազատման ինստիտուտը շարունակում է մնալ ՀՀ քրեական իրավունքի հիմնարար և բազմաշերտ կառույցներից մեկը, որի արդյունավետ կիրառումը հիմնված է օրենսդրության, նախադեպային դատական պրակտիկայի և իրավագիտական վերլուծության համադրության վրա: Այս ինստիտուտի ճիշտ կիրառումը ապահովում է ոչ միայն քրեական արդարության արդյունավետ իրականացումը, այլ նաև հասարակական, ընտանեկան և անհատի իրավունքների պաշտպանությունը՝ պատասխանատվության և բարոյականության հավասարակշռությունը պահպանելով:

Ընդհանուր ամփոփման գալով նշենք, որ հանցանք կատարած անձին տուժողի հետ հաշտության հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատելու նորմը պրակտիկայում խնդրահարույց է: Թեև հոդվածում նշված են հստակ պայմաններ, այնուամենայնիվ դրանց վերաբերյալ պրակտիկայում կայացվում են ոչ միատեսակ որոշումներ, որոնց դեռևս կանդրադառնանք:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

Օրենսդրություն և դատական պրակտիկա

1. https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=102510,
2. ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգիրք, ընդունված՝ 01.07.1998թ, հասանելի է՝ https://www.arlis.am/hy/acts/68011,
3. ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգիրք, ընդունված՝ 30.06.2025թ, հասանելի է՝ https://www.arlis.am/hy/acts/154763/latest,
4. ՀՀ քրեական օրենսգիրք, ընդունված՝ 18.04.2003թ, հասանելի է՝ https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=69646,
5. ՀՀ քրեական օրենսգիրք, ընդունված՝ 05.05.2021թ, հասանելի է՝ https://www.arlis.am

Առցանց աղբյուրներ

1. https://www.arlis.am
2. www.datalex.am
3. www.irtek.am

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ ПОТЕРПЕВШЕГО С ВИНОВНЫМ

А. Алулян
Российко-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что институт освобождения от уголовной ответственности на основании примирения с потерпевшим в уголовном праве РА представляет собой особый правовой механизм, обеспечивающий взаимосвязь материально-правовых и процессуальных норм. Понятие «совершивший преступление впервые» является ключевым условием применения освобождения, учитывая характер преступления, обстоятельства его совершения, особенности личности и права потерпевшего.

В случае преступлений с признаками домашнего насилия требуется особенно внимательный и юридически обоснованный подход, чтобы защитить права потерпевшего на свободу, безопасность и благополучие. При совершении преступлений по совокупности или с двойным объектом необходимо конкретное исследование дела с оценкой норм и прав потерпевшего.

Запрет на повторность и другие ограничения подчеркивают особый правовой статус института. Суды должны применять институт с учетом закона и прецедентной практики, обеспечивая правовую последовательность. Эффективное применение института способствует реализации уголовной справедливости и защите общественных и индивидуальных прав.
Ключевые слова: статья, решение, суд, право/закон, законодательство, норма, применение.

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY BASED ON RECONCILIATION BETWEEN THE VICTIM AND THE PERPETRATOR

A. Halulyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The institute of exemption from criminal liability based on reconciliation with the victim in the criminal law of RA represents a unique legal mechanism, ensuring the integration of substantive and procedural norms. The concept of “first-time offender” is a key prerequisite for applying exemption, considering the nature of the offense, circumstances of commission, individual characteristics, and the victim’s rights.

In cases involving domestic violence, a careful and legally grounded approach is required to protect the victim’s rights to freedom, safety, and well-being. For crimes committed in combination or with multiple objects, a case-specific analysis is necessary, assessing the relevant norms and the victim’s rights.

The prohibition on recidivism and other limitations emphasize the special legal status of the institute. Courts must apply it consistently with the law and precedent, ensuring legal certainty. Proper application of this mechanism promotes criminal justice, protects societal and individual rights, and maintains a balance between accountability and moral responsibility.
Keywords: article, decision, court, right/law, legislation, norm, application.

ԴԱՏԱՎՈՐԻ ՀԱՏՈՒԿ ԿԱՐԾԻՔԸ՝ ՈՐՊԵՍ ՆԵՐԴԱՏԱԿԱՆ ԴԻՄԱԴՐՈՒԹՅԱՆ ԴՐՍԵՎՈՐՈՒՄ

Ա.Հ. Բարսեղյան

Ռուս-հայկական համալսարան
albert_barseghyan04@mail.ru

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Գիտական հոդվածը նվիրված է դատավորի հատուկ կարծիքի ինստիտուտի վերլուծությանը՝ որպես «ներդատական դիմադրության» (intra-judicial resistance) յուրօրինակ և ինքնատիպ դրսևորում: Հետազոտության շրջանակներում հատուկ կարծիքը դիտարկվում է ոչ միայն որպես դատավարական գործիք, այլ որպես դատավորի անհատական իրավագիտակցության և մասնագիտական անկախության պաշտպանության մեխանիզմ՝ ուղղված դատական համակարգի ներսում գերիշխող, սակայն վիճարկելի դոկտրինների դեմ: Աշխատանքում հիմնավորվում է այն թեզը, որ ներդատական դիմադրությունը, արտահայտվելով հատուկ կարծիքի միջոցով, հանդիսանում է իրավական երկխոսության «փափուկ ուժ», որը նպաստում է դատական իշխանության լեգիտիմության բարձրացմանը և կանխում իրավական լճացումը: Առանձնահատուկ ուշադրության է արժանի դիտարկումը, համաձայն որի՝ դատավորի հատուկ կարծիքը հանդես է գալիս ոչ միայն որպես իրավունքի զարգացմանն ուղղված դատավարական գործիք, այլև որպես դատական դիմադրության ինքնատիպ և ամբողջական դրսևորում: Այս համատեքստում հատուկ կարծիքը դիտարկվում է որպես իրավական դիմադրության կառուցողական ձև, որը թույլ է տալիս դատավորին՝ հավատարիմ մնալով իրավունքի գերակայությանը, հակադրվել համակարգային կարծրացած մոտեցումներին և նպաստել արդարադատության որակական վերափոխմանը:

Հիմնաբառեր՝ դատական դիմադրություն, ներդատական դիմադրություն, դատավորի հատուկ կարծիք, դատական իշխանություն:

Ներածություն

Արդի իրավական դոկտրինում դատավորի հատուկ կարծիքի ինստիտուտը ենթարկվում է հաստատուն տրանսֆորմացիայի՝ դուրս գալով մեծամասնության դիրքորոշման հետ սոսկ դատավարական անհամաձայնության շրջանակներից: Սույն հետազոտությունը դիտարկում է հատուկ

կարծիքը որպես «ներդատական դիմադրության» (intra-judicial resistance) յուրօրինակ ձև, որը հանդես է գալիս որպես դատավորի անհատական իրավագիտակցության և մասնագիտական անկախության պաշտպանության գործուն մեխանիզմ:

Համակարգային մարտահրավերների պայմաններում հատուկ կարծիքը վերածվում է ինտելեկտուալ գործիքի, որն ուղղված է դատավորի ընկալմամբ՝ ոչ իրավաչափ մեկնաբանությունների և գործնականում առկա հիմնախնդիրների դեմ: Հիմնվելով դոկտրինալ փաստարկների և ակադեմիական ռեսուրսների վրա՝ դատավորն օժտվում է «իմաստային հեղինակությամբ»՝ ձգտելով կանխել իրավունքի լճացումը: Այսպիսով, ներդատական դիմադրությունը՝ հատուկ կարծիքի պրիզմայով, վերլուծվում է ոչ թե որպես իրավական ժխտողականության դրսևորում, այլ որպես լեգիտիմ «փափուկ ուժ», որն ապահովում է կառուցողական երկխոսություն դատական իշխանության ներսում և նպաստում իրավակարգի զարգացման՝ սահմանադրական արժեքների և միջազգային ստանդարտների հիման վրա:

Նյութը և մեթոդաբանությունը

Դատարանների և դատավորների ակտիվ կամահայտնությունը և գործողություններն իրավաբանական գրականության մեջ բնորոշվում են **«դատական դիմադրություն»** (judicial resistance) եզրույթով [1, էջ 667]: Անգլոսաքսոնական դատական պրակտիկայում ձևավորվել են հատուկ կարծիքների երկու հիմնական կատեգորիաներ: Համընկնող հատուկ կարծիքը (անգլ.՝ concurring opinion, concurrence) կիրառվում է այն դեպքերում, երբ դատավորը, համաձայն լինելով մեծամասնության կայացրած վերջնական որոշմանը, լրացուցիչ նկատառումներ կամ այլընտրանքային հիմնավորումներ է ներկայացնում որոշման պատճառաբանական մասի վերաբերյալ: Ի հակադրություն սրան՝ չհամընկնող հատուկ կարծիքը (անգլ.՝ dissenting opinion, dissent) հանդիսանում է կոլեգիալ մարմնի դատավորի անհամաձայնությունը մեծամասնության կայացրած վերջնական որոշմանը: Վերջինս աչքի է ընկնում արտահայտչականության առավել բարձր աստիճանով, ինչը, ըստ Լ.Ն. Շևիրդյանայի, պայմանավորված է հեղինակի անհամաձայնության ներքին վիճակով, որն անխուսափելիորեն արտացոլվում է տեքստում՝ դրսևորվելով մեծամասնության դիրքորոշման հիմնավորվածության շուրջ էմոցիոնալ հագեցվածությամբ քննադատական վերլուծությամբ [2, էջ 25]:

Դատավորի հատուկ կարծիքը ևս կարելի է դիտարկել որպես դիմադրության յուրատեսակ ձև (ներդատական դիմադրություն)՝ ուղղված դատավորների մեծամասնության կողմից տրված առավել վիճելի կամ պահպանողական իրավական մեկնաբանության դեմ: Եթե ավանդական ընկալմամբ հատուկ կարծիքը դիտարկվում է լոկ որպես անհամաձայնություն մեծամասնության դիրքորոշմանը, ապա ժամանակակից իրավական մարտահրավերների պայմաններում այն վերածվում է իրավունքի զարգացման և սահմանադրական արժեքների պաշտպանության հզոր զենքի: Ընդլայնելով այս հայեցակարգը դատական դիմադրության տեսության պրիզմայով՝ հարկ է նկատել, որ հատուկ կարծիքը հանդես է գալիս որպես ինստիտուցիոնալ երկխոսություն՝ ուղղված ոչ միայն կողմերին, այլև ապագա սերունդների իրավակիրառողներին: Այն իրավական փոխակերպման յուրօրինակ լծակ է, որն ապահովում է իրավական մտքի բազմակարծությունը՝ երաշխավորելով, որպեսզի հասարակական հարաբերությունների փեխակերպման պայմաններում արդարադատության համակարգն ունենա արդեն իսկ ձևավորված այլընտրանքային գիտական պարադիգմ:

Այս առումով ցուցանշական է միջազգային արդարադատության, մասնավորապես՝ Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանի (ՄԻԵԴ) պրակտիկան, որն ի ցույց է դնում մեծամասնության պահպանողական մոտեցման և փոքրամասնության ակտիվ դիմադրության մեթոդաբանական տարբերությունները: Էմպիրիկ հետազոտությունները վկայում են, որ դատարանի մեծամասնությունն իր վճիռներում խիստ հազվադեպ է կիրառում գիտական աղբյուրներ կամ դոկտրինալ վերլուծություններ: Որպես կանոն, մեծամասնությունը հետևողականորեն խուսափում է Կոնվենցիայի մեկնաբանման նպատակով գիտական գրականության վկայակոչումից: Այս ինստիտուցիոնալ «լռությունը» մասամբ պայմանավորված է դատական կոնսենսուսի պահպանման, ինչպես նաև դատական խիստ դոգմատիկական ավելորդ ակադեմիական բանավեճերից զերծ պահելու ձգտմամբ: Ինչպես վկայում են միջազգային դատարանների ինստիտուցիոնալ վարքագծի վերլուծությունները, մեծամասնության լեգիտիմությունը բխում է հենց պետությունների կոնսենսուսից և իրավական ակտի տառից, ուստի գիտական հիմնավորումների ավելորդ կիրառումը կարող է խոցելի դարձնել կայացված ակտի անբեկանելիությունը: Ի հակադրություն սրան՝ հատուկ (չհամընկնող կամ մասնակի համընկնող) կարծիք ներկայացնող փոքրամասնության դատավորները շատ ավելի հաճախ և խիստ բազմազան նպատակներով են դիմում իրավաբանական գիտությանը: Այս երևույթն ունի հստակ դիմադրողական դրդապատճառ. երբ

դատավորը գիտակցում է, որ իր մոտեցումը մերժվել է խորհրդակցական սենյակում, նա դոկտրինալ աղբյուրների միջոցով իր հատուկ կարծիքը վերածում է գիտականորեն հիմնավորված համոզման գործիքի՝ դրանով իսկ կոմպենսացնելով քվեարկության արդյունքում առաջացած ինստիտուցիոնալ պակասորդը բարձրագույն ակադեմիական ծանրակշռությամբ:

Հատկանշական է, որ ներդատական դիմադրության պայմաններում գիտության և ակադեմիական շրջանակների կարծիքի օգտագործումը թույլ է տալիս դատավորին ձեռք բերել յուրատեսակ «իմաստային հեղինակություն» (semantic authority)՝ հավակնելով փոխել միջազգային և ներպետական իրավական դիսկուրսի ուղղությունը: Ավելին, խիստ կարևոր է այն հանգամանքը, որ հատուկ կարծիքում վկայակոչված դոկտրինալ փաստարկը հանդես է գալիս որպես անփոխարինելի գործիք իրավունքի պաշտպանության հնարավոր հետադիմական շեղումները կամ անկումները (walking back dissents) բարձրաձայնելու և դրանց դեմ պայքարելու գործում: Դատավորն այսպիսով դոկտրինի միջոցով ահազանգում է, որ դատարանի զսպվածությունը տվյալ պարագայում վնասում է արդարադատության բուն էությանը [3, էջ 711–746]:

Զարգացնելով այս պնդումը իրավունքի բազմամակարդակ (multilevel) պաշտպանության և քրեական արդարադատության արդի հայեցակարգերի լույսի ներքո՝ պետք է արձանագրել, որ նմանատիպ դոկտրինալ ահազանգերը ձևավորում են յուրատեսակ «իրավական պահուստ» (legal reservoir) ազգային դատարանների համար: Ներդատական դիմադրությունը վաղվա մեծամասնության ձայնն է՝ գեներացված այսօր: Երբ միջազգային կամ բարձրագույն դատական ատյանում փոքրամասնությունը, հենվելով հեղինակավոր գիտական աշխատությունների վրա, փաստարկում է արդար դատաքննության սկզբունքների կամ մարդու այլ հիմնարար իրավունքների առավել լայն և արդյունավետ մեկնաբանման անհրաժեշտությունը, նա անուղղակիորեն գործիքակազմ է տրամադրում ազգային դատավորներին՝ վերահիմաստավորելու քարացած պրակտիկաները: Արդյունքում, հատուկ կարծիքը դադարում է լինել զուտ դատարանի ներսում առկա տարաձայնության վավերագրում և վերածվում է իրավունքի միասնականացմանն ու շարունակական կատարելագործմանը միտված ինստիտուցիոնալ երաշխիքի:

Զարգացնելով դատական դիմադրության և հատուկ կարծիքի ինստիտուցիոնալ նշանակության հիմնախնդիրը՝ անհրաժեշտ է անդրադառնալ դատարանի՝ որպես կոլեգիալ մարմնի և դատավորի՝ որպես անկախ ան-

հատի (սուբյեկտի) բարդ փոխհարաբերությանը։ Իրավական պրակտիկայում հատուկ կարծիքը հանդես է գալիս որպես ինդիվիդուալիզմի և ինստիտուցիոնալիզմի բախման կիզակետ։ Ինչպես իրավաբանական գրականության մեջ արդարացիորեն նկատում է Ա. Վ. Կոնոնովը, սեփական դիրքորոշման արտահայտումն ու պաշտպանումը հոգեբանորեն չափազանց բարդ առաքելություն է և լուրջ ներքին կոնֆլիկտ, քանի որ դատավորը ստիպված է հաղթահարել կասկածները և խուսափել հեղինակությունների ազդեցությունից՝ մնալով փոքրամասնության մեջ բարձրագույն որակավորում ունեցող իր գործընկերների շրջապատում [4, էջ 134–138]։ Այս տեսանկյունից ներդատական դիմադրությունը դառնում է դատավորի սուվերենության և սեփական կամքի ազատության դրսևորման բարձրագույն ակտ, որն ուղղված է արդարադատության բուն նպատակին՝ օբյեկտիվ ճշմարտության բացահայտմանը և որոշման ընդունման բազմակողմանիության ապահովմանը։

Ավելին, հատուկ կարծիքի ինստիտուտը կոչված է քանդելու դատարանի բացարձակ միաձայնության (մոնոլիտության) պատրանքը։ Ըստ Գ.Ա. Գաջիևի՝ դիպուկ բնորոշման՝ հրապարակային անհամաձայնությունը քայքայում է «միաձայն դատարանի» կերպարը՝ դրանով իսկ նպաստելով դատական համակարգի ժողովրդավարացմանը և գործելով որպես դատական բարեփոխումների յուրատեսակ «կամերտոն» [5, էջ 27–30]։ Հատուկ կարծիքի անհատականացնող բնույթը, ըստ էության, մասնատում է դատարանի ինստիտուցիոնալ մարմինը՝ կենսունակություն հաղորդելով այլընտրանքային իրավական դիրքորոշումներին և թույլ չտալով, որ մեծամասնության մոտեցումը վերածվի սահմանադրական նորմերի կամ օրենքի մեկնաբանման ավտորիտար մենաշնորհի։ Դատական իշխանության անկախության երաշխավորման այս գործիքը ձևավորում է նոր իրավական պոզիցիայի հիմքեր, որոնք հետագայում կարող են արժանանալ դատարանի նոր կազմի կամ բարձրագույն ատյանի մեծամասնության աջակցությանը։

Այս համատեքստում խիստ վիճահարույց է և ժամանակակից մրցակցային արդարադատության պահանջներին չհամապատասխանող այն մոտեցումը, ըստ որի՝ հատուկ կարծիքը պետք է սահմանափակվի խորհրդակցական սենյակի գաղտնիքի ռեժիմով կամ թաքցվի լայն հանրությունից։ Ինչպես ընդգծում է Գ. Ա. Ժիլինը, հատուկ կարծիքն իրենից ներ-

կայացնում է ոչ թե դատավորի նախնական դատողություն, այլ վերջնական ու հիմնավորված եզրահանգում[1]: Թեև այն չի հանդիսանում ինքնուրույն դատավարական ակտ և ուղղակիորեն չի փոփոխում որոշման իրավաբանական ուժը, այնուամենայնիվ, այն անփոխարինելի նշանակություն ունի վերադաս ատյանների կողմից գործի վերանայման գործընթացում: Հետևաբար, դատավորի հատուկ կարծիքն ապագային ուղղված դոկտրինալ ուղերձ լինելուց զատ, հանդիսանում է նաև կոնկրետ գործով իրավական վեճի թաքնված շարժառիթները և դրա բարդության ու վիճելիության իրական աստիճանը վերհանելու հզոր գործիք, որն օգնում է խուսափել միակողմանի պրակտիկայի ձևավորումից:

Ամփոփելով սույն գիտական հետազոտության արդյունքները և վերլուծելով ներկայացված հայեցակարգային մոտեցումները՝ կարող ենք արձանագրել, որ արդի իրավական դոկտրինում դատավորի հատուկ կարծիքի ինստիտուտը ենթարկվել է խորքային և պարադիգմային վերաիմաստավորման: Եթե ավանդական իրավաբանական մտածողության շրջանակներում այն ընկալվում էր սոսկ որպես դատավարական ընթացակարգով նախատեսված անհամաձայնություն մեծամասնության դիրքորոշմանը, ապա ներկայումս այն ձեռք է բերել արդարադատության համակարգի ներքին կենսունակությունն ապահովող կառուցողական «ներդատական դիմադրության» կարգավիճակ: Հատուկ կարծիքն այն բացառիկ հարթակն է, որտեղ ինդիվիդուալիզմն ու ինստիտուցիոնալիզմը բախվում են միմյանց՝ վերջարդյունքում ստեղծելով այնպիսի ներդաշնակություն, որտեղ դատավորի սուվերեն կամքը և գիտական համոզմունքը ծառայում են օբյեկտիվ ճշմարտության բացահայտմանը:

Հետևաբար, գիտական այս ուսումնասիրությունը թույլ է տալիս հանգել այն հիմնարար եզրակացության, որ հատուկ կարծիքով դրսևորվող ներդատական դիմադրությունը հանդիսանում է իրավունքի շարունակական զարգացման, կատարելագործման և միասնականացման ինստիտուցիոնալ գլխավոր երաշխիքներից մեկը: Այն ապացուցում է, որ իրավունքի գերակայության սկզբունքի գործնական իրացման պայմաններում դատավորը սոսկ օրենքը կիրառող մեխանիկական սուբյեկտ չէ, այլ արդարադատության որակական վերափոխման համար գիտակցված պայքար մղող

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав ст. 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Жилина: Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012г. № 174-О-О.

ինտելեկտուալ գործիչ, որը գիտական միտքն օգտագործում է որպես համակարգային վահան: Այս տեսանկյունից հատուկ կարծիքի ինստիտուտի անկաշկանդ գործարկումը հանդիսանում է ժամանակակից իրավական պետության և մրցակցային արդարադատության անկյունաքարը, որն ապահովում է իրավական մտքի անընդհատ էվոլյուցիան և դատական համակարգի պատասխանատվությունը ապագա իրավակարգի ձևավորման գործում:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Bojarski Ł.* Judicial resistance: missing part of judicial independence? The case of Poland and beyond. Oñati Socio-Legal Series, 15 (2), 2025. https://doi.org/10.35295/osls.iisl.1893 (հասանելի է 09.03.2026)
2. *Шевырдяева Л.Н.* Язык современного американского судебного дискурса (на материале решений Верховного суда США): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.Н. Шевырдяева М., 2009. СС. 25.
3. *Dzehtsiarou K., Ridi N.* The Use of Scholarship by the European Court of Human Rights // "International and Comparative Law Quarterly". Vol. 73, Iss. 32024. PP. 711–746.
4. *Кононов А.Л.* Право на особое мнение / А.Л. Кононов // «Закон», № 11, 2006. СС. 134–138.
5. *Гаджиев Г.А.* Публикация особого мнения судьи, или история нормы, которая является камертоном судебной реформы в России // «Законодательство и практика массмедиа», № 12, 2005. СС. 27–30.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВНУТРИСУДЕБНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

А.О. Барсегян
Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

Данная научная статья посвящена анализу института особого мнения судьи как уникального и самобытного проявления внутрисудебного сопротивления (intra-judicial resistance). В рамках исследования особое мнение рассматривается не только как процессуальный инструментарий, но и как механизм защиты индивидуального правосознания и профессиональной независимости судьи, направленный против доминирующих, но спорных доктрин внутри судебной системы.

В работе обосновывается тезис о том, что внутрисудебное сопротивление, выраженное через особое мнение, является «мягкой силой» правового диалога, которая способствует повышению легитимности судебной власти и предотвращает правовой застой. Особого внимания заслуживает утверждение, согласно которому особое мнение судьи выступает не только процессуальным средством развития права, но и специфической, целостной формой судебного противодействия. В данном контексте особое мнение

рассматривается как конструктивный вид правового сопротивления, позволяющий судье, сохраняя верность принципу верховенства права, противостоять системным стагнационным подходам и содействовать качественной трансформации правосудия.
Ключевые слова: судебное сопротивление, внутрисудебное сопротивление, особое мнение судьи, судебная власть.

JUDICIAL DISSENT AS A MANIFESTATION OF INTRA-JUDICIAL RESISTANCE

A. Barseghyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article is devoted to the analysis of the institute of judicial dissent (special opinion) as a unique and original manifestation of intra-judicial resistance. Within the framework of the research, the dissenting opinion is viewed not merely as a procedural tool, but as a mechanism for protecting the judge's individual legal consciousness and professional independence, aimed against dominant yet debatable doctrines within the judicial system.

The paper substantiates the thesis that intra-judicial resistance, expressed through a dissenting opinion, serves as a “soft power” of legal dialogue. This dialogue enhances the legitimacy of the judiciary and prevents legal stagnation. Particular attention is paid to the observation that a judge’s special opinion acts not only as a procedural instrument for the development of law but also as a distinctive and integral manifestation of judicial resistance. In this context, judicial dissent is regarded as a constructive form of legal resistance that allows a judge – while remaining loyal to the Rule of Law – to oppose rigid systemic approaches and contribute to the qualitative transformation of justice.
Keywords: judicial resistance, intra-judicial resistance, judicial dissent, judicial power.

ЛИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПРЕСТУПНИКА КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Э.Т. Варданян, А.П. Гукасян

Российско-Армянский университет
elenn.v05@gmail.com, gukarm@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В современных реалиях проблема преступности поэтапно приобретает новые формы, которые требуют осуществления углубленного исследования и реформации традиционных подходов, существующих в криминологической науке. *Актуальность данной темы* заключается в том, что личность преступника, как объект исследования, пресекается с различными науками, а именно с психологией, социологией, правом и именно поэтому требуется комплексное изучение данного вопроса.

В работе рассматриваются особенности формирования личности преступника в связи с быстрыми изменениями и развитием социальных, цифровых и ценностных ориентиров. Особое внимание при исследовании уделяется тому, как современное общество и иные факторы влияют на формирования умысла и желания совершать преступления, и какие механизмы, особенно психологические, являются фундаментом для противоправного поведения.

В исследовании проводится анализ психологических процессов по принятию решения совершения преступления, роль общества в формировании девиантного и противоправного поведения и факторы, которые допускают криминализировать личность данного лица в современных условиях. Рассматриваются и сопоставляются как традиционные типы правонарушителей, так и современные, а также характерные различия, возникшие в связи с развитием информационного общества.

Основная задача исследования заключается в возможности использования результатов для разработки более совершенствованной методики профилактики преступлений, новых и более эффективных программ для работы с осужденными, а также повышение возможности установления более точного криминологического прогноза.

Ключевые слова: личность преступника, криминологическая типология, современная преступность, профилактика преступлений.

Введение

Вопрос о том, кто и по каким причинам совершает преступления, волновал мыслителей задолго до появления криминологии как самостоятельной науки. Тем не менее, по-настоящему системный, научно выверенный подход к изучению личности преступника сложился лишь в XIX–XXвв. – и с тех пор

не утратил своей остроты. Напротив, в условиях постиндустриального общества эта проблема приобрела новое измерение: современный преступник все чаще действует не в подворотне, а в цифровом пространстве, не из нужды, а из расчета, не в одиночку, а в составе разветвленных сетевых структур.

В криминологической науке под личностью преступника принято понимать не просто человека, привлеченного к уголовной ответственности, а носителя определенной совокупности черт – социальных, психологических, нравственных, – которые в своем взаимодействии обусловили преступное поведение. Важно подчеркнуть: речь идет не о некоем «прирожденном злодее» в духе ломброзианских концепций [1], давно и справедливо отвергнутых наукой, а о человеке, чья личность деформировалась под воздействием вполне конкретных жизненных обстоятельств.

Чем обусловлен устойчивый интерес исследователей к данной теме? Прежде всего, тем, что без понимания личности преступника невозможно ни объяснить природу преступности как массового явления, ни выстроить эффективную систему ее предупреждения. Статистика фиксирует динамику правонарушений, социология описывает среду, порождающую девиации, – но лишь криминологический анализ конкретной личности позволяет ответить на вопрос, почему один человек в схожих условиях переступает черту закона, а другой – нет.

Актуальность настоящей статьи определяется не только теоретическим, но и сугубо практическим запросом. За последнее десятилетие криминальный портрет существенно изменился: выросла доля образованных правонарушителей, расширилась возрастная палитра, появились принципиально новые типы преступной мотивации, связанные с информационным обществом и глобализацией. Все это требует переосмысления классических типологий и выработки обновленных подходов к изучению личности преступника – подходов, адекватных реалиям XXI века. Также актуальность заключается в взаимосвязи данной проблемы с другими науками: психологией, социологией, правом. Следовательно, необходимо осуществить многостороннее изучение этого вопроса, для выявления более конкретных и проблематичных аспектов и выработка подходов и методов профилактики, соответствующих с нашими реалиями.

Основной целью данной статьи является разработка подходов и методов для установления более точного криминологического прогноза, разработка программ работ с осужденными для их исправления и минимизировать возможности дальнейшего проявления девиантного поведения и разработка новых и более современных подходов профилактики преступлений.

Материал и методы

Преступное поведение и его социально-психологические признаки являются сложным явлением для понимания. Для того, чтобы понять эти явления, необходимо рассмотреть их в контексте иных наук, в которых последние имеют свое отражение. Во-первых, необходимо указать, что совокупность социальных и иных явлений ярко отражаются в ***культуре***. Данное понятие имеет достаточно большой объем и включает в себя различные явления. Ученые и мыслители предлагают рассматривать культуру, как своеобразный конкретно-исторический способ возникновения и существования тех или иных явлений, которые в дальнейшем позволяют внести некую конкретику. Есть различные классификации и разделений культуры, но наиболее большим и принятым является разделение, которое относит все общественные явления к материальным и идеальным (духовным). Однако остается очень сложным вопросом установление того факта, какое разделение является первичным, фундаментальным, а какое производным, вспомогательным.

Культура, как и остальные сферы жизнедеятельности, подвергается поэтапным изменениям и становится соответствующим к нынешним реалиям. Современная культура подразделяется на взаимосвязанные области. В рамках изучения необходимо обратится к одним из областей последнего, а именно, к правовой культуре.

Под ***правовой культурой*** следует понимать уровень правосознания, существующая правоприменительная практика, ее эффективность и результаты. То есть, это совокупность культурных элементов, которые обхватываются рамками права и восприятием людей. Правовая культура находится в взаимосвязи с остальными областями культуры, даже можно сказать, что находится в зависимости. Четкая формулировку насчет данной зависимости была выдвинута К. Марксом, относящаяся к праву, которое «никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [2].

Изучая и анализируя историю права и сложившихся современных правовых систем, можно утверждать, что социально-культурное развитие и цифровизация имеют огромное влияние на реформирование права и всех его компонентов.

Все вышесказанное сводится к тому, что все меняется со временем в связи с изменениями культурных и ценностных ориентиров, а также с развитием различных сфер общественной жизни. Не остается на своем месте также и правосознание человека.

Вообще, сознание – это неразделимая и идентичная часть каждого человека. Каждый из нас имеет свои идеи и мысли, которые отражаются в сознании и могут как стать общеизвестными, так и остаться в тайне от всех. А ***правосознание*** – это внутреннее восприятие и понимание правовой системы, мерка, определяющая тонкую грань между допустимым и запрещенным. Если закон – это скелет общества, то правосознание- компонент, оживляющий данный скелет: проявление определенного поведения, непосредственно относящаяся к закону. Именно в правосознание каждого человека образуется своеобразное понимание справедливости и действий, нарушающих ее, принятие общество и ненавистное отношение к ней.

Проявление отклоненного, антиобщественного поведение в многих случаях связано с применением психологической давки на лица, что и является основной причиной проявлении такого поведения. Многие относят данное поведение к своего рода психическим расстройствам, дабы нормальные и здоровые люди не совершат таких аморальных и антиобщественных действий.

Существует устаревшая концепция, которая не имеет научного обоснования, но к нему обращались мыслители XIX века. Эта концепция “moral insanity” («моральное помешательство»), которое была введена английским психиатром Джеймсом Коулом Причардсом в 1835 году [3]. Под данным термином понималось поражение интеллекта, проявление болезненного безумия и искажение естественных чувств, то есть дефект сознания. В прошлом некоторые ученые связывали это с личностью преступника. Например, Г. Модсли связывал нравственное помешательство с причиной совершения преступления и предлагал заключение или лечение таких правонарушителей в психиатрической больнице [4].

Данная концепция в дальнейшем не получило поддержку и не применялось, потому что нельзя исключительно во всех случаях совершения преступления указать на наличия у лица психического расстройства или же нравственного помешательства.

Совершения любого преступления тесно взаимосвязано с личностью преступника. ***Личность преступника*** – это личность человека, который, из-за свойственных ему психологических особенностей, негативных взглядов и ориентиров, совершил преступление [5]. В традиционной криминологии структура личности преступника включает в себя четыре основных и широко применяемых блока: первый – социально-демографические признаки; второй – нравственно-психологические особенности; третий – уголовно-правовые характеристики и наконец четвертый – социально-ролевые характеристики [6].

Зарубежные криминологи предлагают совсем иной подход по определению структуры преступной личности. Э. Сазерленда утверждает, что лицо начинает проявлять преступное поведение в момент общение с лицом, который является носителем криминальной субкультуры [7].

Традиционные подходы насчет определения ***типологии преступной личности*** кардинально отличаются от зарубежных подходов.

В отечественной криминологии широкое распространение получила классификация, которая была выдвинута Ю.М. Антоняном, в основу которого лежит взаимодействия между личностью и ситуацией. Выделяются: случайные преступники (нарушение закона обусловлена обстоятельствами, в которых отсутствовало устойчивые антисоциальные компоненты); ситуативные преступники (слабый криминальный умысел, вызванный провоцирующими обстоятельствами); неустойчивые преступники (одновременное наличие и сочетание просоциальных и антисоциальных взглядов с преобладанием последнего в определенных криминогенных ситуациях); злостные преступники (уже сформированные антисоциальные ориентиры, систематичные нарушения закона) и особо злостные преступники (рецидивисты с устойчивой преступной идентичностью) [8].

Конечно же, классификация, предложенная Антоняном, не является единственным. Например, А.И. Долгова предлагает дополнительное разграничение корыстных, насильственных и иных типов с учетом возникшей мотивацией и ее характером. Мотивационная классификация является не мало значимым, так как она дает нам возможность понимать потребности, которые лежат в основе преступного поведения: материальные, идеологические, агрессивные или иные [9].

Зарубежные типологические модели имеют отличия. М. Готтфредсон и Т. Хирши предложили дать объяснение преступному поведению человека из-за низкого самоконтроля [10]. А Р. Агню уделяет внимание негативным обстоятельствам, которые возникают между социумом и преступлением. Иными словами, это источник побуждения гнева, разочарования и даже тревоги, которые могут склонять к проявлению противоправного поведения [11].

Принятие решения о совершении преступления и ее реализация является сложным ***психическим процессом***. Как показывают психологические исследования, в данном процессе задействованы как сознательные, так и бессознательные компоненты, а окончательное решение формируется под влиянием существующих потребностей, эмоциональных состояний и ценностной системы личности.[12]

В рамках теории социального научения А. Бандура показал, что ключевым в преступном поведении является самоэффективность, то есть способность лица успешно реализовать и довести задуманное до конца, и моральное отстранение: механизмы, позволяющие оправдать антисоциальное поведение и исключить самоосуждения [13].

Кроме этого, одним из значимых механизмов является нейтрализация. Под нейтрализацией следует понимать такие явления, как отрицание содеянного и ответственности, осуждение осуждающих и акцентирование высших ценностей. Это тоже один из важнейших психологических механизмов, так как лицо принимает свое содеянное как за должное и сохраняет позитивный образ самого себя, исключая вероятность возникновения чувства угрызения совести.

Современные факторы имеют свою значимую роль в криминализации личности. В условиях нарастающего экономического неравенства, возникла проблема усиления криминогенного механизма, то есть возникает разрыв между традиционно и культурно предписанными целями и способами их достижения легальным путем. Это усиливает субъективное ощущение неравенства и несправедливости и создает риски проявления девиантного поведения.

Иным фактором является искажение и утрата традиционных институтов социализации: семьи, школы, религиозных организаций. Это ведет к выходу из осуществляемого теневого социального контроля. Утрата способности контроля ведет к ее передачи альтернативным институтам социализации, таких как круг сверстников, интернет-сообществ, которые очень часто ведут в криминогенном направлении.

Виктимизация и психологическая травма тоже являются факторами проявления отклоненного поведения. Чаще всего данная практика наблюдается в детском или подростковом возрасте. После становления жертвой какого-либо преступления, категории ранее указанных лиц нередко начинают проявлять криминальную активность.

В условиях цифровизации и развития информационного общества порождаются ***новые типы преступников*** – киберправонарушителей, деятельность которых категорично отличается от традиционных моделей. Киберпреступники бывают нескольких видов: хакеры (взлом систем безопасности с различными формами и мотивами), кибермошенники (осуществление сетевого обмана различными способами), распространители вредоносного контента и организованные киберпреступные группы, действующие на транснациональном масштабе. Личность киберпреступника обладает такими особенными характеристиками, кото-

рые отличают их от «классических» преступников. Во-первых, они обладают высоким уровнем технической грамотности и интеллектуальных способностей. Во-вторых, очень часто они находятся в изолировании от социума и в дальнейшем возникают трудности при установлении коммуникации и межличностных отношений в очном формате. В-третьих, они имеют специфическое и своеобразное восприятия жертвы: дистанционный и виртуальный характер дает возможность психологически облегчить моральное отстранение, так как причиняемый вред не принимается как «реальный» [14].

Условия для криминализации лица создает цифровая среда, поскольку есть возможность действовать скрытно и анонимно, доступ к инструментам противоправной деятельности более доступен и чаще всего некоторые формы киберпреступности подвергаются геймификации (процесс делают «похожим на игру», чтобы повысить мотивацию и вовлеченность).

Наряду с киберпреступниками необходимо выделить и иные типы, порожденные с изменениями и развитием социальной среды: экстремисты, которые для вербовки и распространения радикальных идеологий используют социальные сети; преступники, незаконно занимающиеся в сфере оборота наркотиков, с использованием даркнета.

Наиболее важным является институт ***профилактики*** и ***коррекции поведения***. Взаимосвязь с типом личности преступника заключается в том, что только при точной диагностике типа личности правонарушителя возможно осуществление индивидуальных мер профилактики и коррекционных работ с осужденными.

Для случайных и ситуативных преступников эффективным является кратковременное вмешательство – такое, как проведение развивающих работ по самоконтролю, навыкам управления конфликтными ситуациями и принятию соразмерного и праведного решения.

Для борьбы с киберпреступностью необходимо провести развивающие работы с мотивационной сферой: программы по повышению цифровой и медиа этики в системе образования; создание порталов для реализации технических способностей; развитие международного сотрудничества с учетом транснационального характера угрозы.

Проведенное исследование позволяет сформулировать комплекс ***выводов***, которые имеют как теоретическое, так и практическое значимость.

Личность преступника из себя представляет достаточно сложную и многомерную систему социальных и психологических характеристик. Ее формирование связано с взаимодействием индивидуальных особенностей лица с социальной средой на протяжении всего жизни.

Сравнительный анализ отечественных и зарубежных типологий выявил их взаимодополняющий характер. Также необходимо подчеркнуть, что традиционная типология сохраняют свою объяснительную ценность, но все же нуждаются в дополнении так как время не стоит на месте и социальная среда подвергается различным изменениям и развитию, обнаруживаются новые специфические черты, не укладывающиеся в классические схемы.

Изучение психологических механизмов принятия решения о совершении преступления раскрыло роль техник нейтрализации и механизма морального отстранения в формирования преступного поведения. Понимание этих механизмов важно для разработки коррекционных работ осужденных, которая предполагает не только изменение внешних условий жизнедеятельности, но и преодоление существующих сознательных искажений, которые позволяли лицу оправдать свое девиантное и противоправное поведение. Без учета данных механизмов, реабилитационные программы рискуют оказаться не эффективными.

Изучение новых типов правонарушителей, в условиях развивающейся цифровизации, становится ясно, что киберпреступники обладают специфическими чертами, которые остаются не изученными и новыми в типологии преступников. Эти новые категории требуют как создание обновленных мер профилактики, так и разработка специализированных программ для исправительных работ с осужденными данной категории.

Обобщив, можно сказать, что, во-первых, полученные сведения о типологической многообразии личности преступника, механизмы ее формирования и воздействующие факторы, создают научную основу для разработки более дифференцированной и совершенствованной профилактической методики, которая бы обеспечило индивидуальный подход к каждому типу. Во-вторых, понимание психологических механизмов преступного поведения позволяет проектировать новые и более эффективные реабилитирующие программы для осужденных, направленные на реконструкцию мотивационно-ценностной системы личности. В-третьих, выявленные ранние криминализирующие факторы и типологические особенности формируют базу для повышения точности индивидуализированного криминологического прогноза, что обеспечивает переход от реактивных к проактивным стратегиям противодействия преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ломброзо Ч.* Преступный человек / Пер. с итал. М.: «Эксмо», 2005, 876с.
2. *Маркс К.* Критика Готской программы. М.: «Политиздат», 1989, 47с.

3. Prichard J. A Treatise on Insanity and Other Disorders Affecting the Mind. London: "Henry S. King & Co". 1835, 483p.
4. *Maudsley H.* Responsibility in Mental Disease. London: Henry S. King & Co. 1874, 334p.
5. *Антонян Ю.М., Эминов В.Е.* Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. М.: «Норма: ИНФРА-М», 2010, 368с.
6. *Иншаков С.М.* Указ. соч. С. 44–63.
7. *Sutherland E*. Principles of Criminology. 4th ed. Chicago.: "University of Chicago Press", 1990, 297p.
8. *Антонян Ю.М.* Почему люди совершают преступления. Причины преступности. М.: «Камерон», 2006, 304с. СС. 87–108.
9. *Долгова А.И.* (ред.) Криминология: учебник для вузов. М.: «Норма», 2005, 912с.
10. *Gottfredson M., Hirschi T.* A General Theory of Crime. Stanford: "Stanford University Press", 1990, 297p.
11. *Agnew R.* Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency // "Criminology". Vol. 30, № 1, 1992. PP. 47–87.
12. *Антонян Ю.М. Эминов В.Е.* Указ. соч. СС. 120–145.
13. *Bandura A.* Social Learning Theory. Englewood Cliffs: "Prentice Hall", 1977, 247p.
14. *Wall D.* Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. Cambridge: "Polity Press", 2007, 258p.

THE PERSONALITY OF THE MODERN OFFENDER AS A CRIMINOLOGICAL PROBLEM

E. Vardanyan, A. Ghukasyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

In contemporary realities, the problem of crime is gradually acquiring new forms that require in-depth research and the reform of traditional approaches existing in criminological science. The relevance of this topic lies in the fact that the personality of the offender, as an object of study, intersects with various disciplines, namely psychology, sociology, and law, which necessitates a comprehensive examination of this issue.

The paper examines the features of the formation of an offender's personality in the context of rapid changes and the development of social, digital, and value orientations. Particular attention is paid to how modern society and other factors influence the formation of intent and the desire to commit crimes, as well as which mechanisms – especially psychological ones – serve as the foundation for unlawful behavior.

The study analyzes psychological decision-making processes related to committing crimes, the role of society in shaping deviant and unlawful behavior, and the factors that contribute to the criminalization of an individual under modern conditions. Both traditional types of offenders and modern ones are examined and compared, along with the characteristic differences that have emerged due to the development of the information society.

The main objective of the study is to explore the possibility of using the results to develop more advanced methods of crime prevention, new and more effective programs for working with convicted individuals, as well as to enhance the accuracy of criminological forecasting.
Keywords: personality of the offender, criminological typology, modern crime, crime prevention.

ՔՐԵԱԿԱՆ ՊԱՏԱՍԽԱՆԱՏՎՈՒԹՅՈՒՆԻՑ ԱԶԱՏԵԼԸ ՏՈՒԺՈՂԻ ՀԵՏ ՀԱՇՏՎԵԼՈՒ ԴԵՊՔՈՒՄ ՀՀ ՆՈՐ ՔՐԵԱԿԱՆ ՕՐԵՆՍԳՐՔԻ ԼՈՒՅՍԻ ՆԵՐՔՈ

Ռ. Դ. Իսախանյան[1]

Ռուս-հայկական համալսարան
ruzannaisakhanyan10@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հետազոտությունը նվիրված է ՀՀ նոր քրեական օրենսգրքում տուժողի հետ հաշտվելու հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատման ինստիտուտի համալիր վերլուծությանը: Դիտարկվում են օրենսդրական փոփոխությունները, որոնք միտված են քրեական պատասխանատվության իրականացման արդյունավետության բարձրացմանը և պետական պատժողական քաղաքականության մեղմացմանը: Հոդվածում վեր են հանվում հաշտեցման գործընթացի իրավական կարգավորման առանձնահատկությունները և դրանց ազդեցությունը հանցագործությամբ պատճառված վնասի հատուցման երաշխիքների վրա: Աշխատանքում տեղ են գտել հեղինակային առաջարկներ՝ միտված օրենսդրական բացերի հաղթահարմանը և իրավակարգավորումների հստակեցմանը:

Հիմնաբառեր՝ քրեական պատասխանատվությունից ազատում, տուժողի հետ հաշտեցում, իրավական խրախուսման մեխանիզմներ, քրեական քաղաքականության հումանիզացում, ՀՀ քրեական օրենսդրություն:

Ներածություն

Հայաստանի Հանրապետության իրավական համակարգում ընթացող արմատական բարեփոխումների համատեքստում 2021 թվականի մայիսի 5-ին ընդունված և 2022 թվականի հուլիսի 1-ից ուժի մեջ մտած նոր քրեական օրենսգիրքը հանդիսանում է իրավական մտքի զարգացման նոր հանգրվան: Հաշտեցման ինստիտուտի կատարելագործումը քրեական օրենսդրության հումանիզացման և պետական պատժողական քաղաքականության մեղմացման առանցքային ուղղություններից մեկն է: Այս ինստիտուտի արդիականությունը պայմանավորված է քրեական արդարադատության ոլորտում «վերականգնողական արդարադատության» (restorative justice) գաղափարախոսության ներդրմամբ, որի կենտրոնում ոչ

[1] Ղեկավար՝ ի.գ.թ. Ա.Ա. Սարգսյան:

թե սոսկ հանցագործին պատժելն է, այլ հանցագործությամբ խաթարված սոցիալական համերաշխության վերականգնումը և տուժողի իրավունքների իրական պաշտպանությունը: ՀՀ նոր քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածը որակական նոր մակարդակի է բարձրացրել հաշտեցման գործընթացը՝ ընդլայնելով դրա կիրառման շրջանակները և հստակեցնելով վնասի հատուցման երաշխիքները: Նախկինում գործող 2003թ. քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածը սահմանում էր հաշտվելու դեպքում պատասխանատվությունից ազատման բավականին սահմանափակ հիմքեր՝ կենտրոնանալով միայն ոչ մեծ ծանրության հանցանքների վրա: Սակայն արդի իրավական զարգացումները և միջազգային փորձը, մասնավորապես Ռուսաստանի Դաշնության և անգլո-սաքսոնական երկրների օրենսդրական մոտեցումները, ցույց են տալիս, որ հաշտեցումը կարող է արդյունավետորեն կիրառվել նաև միջին ծանրության հանցանքների պարագայում: Սա թույլ է տալիս ոչ միայն նվազեցնել դատարանների ծանրաբեռնվածությունը, այլև ստեղծել իրավական խրախուսման մեխանիզմներ: Կիսելով հեղինակի տեսակետը՝ գտնում ենք, որ հաշտեցման ինստիտուտը ծառայում է որպես պետության կողմից առաջադրված դրական խրախուսանք, որը հանցանք կատարած անձին դրդում է ակտիվ հետհանցագործ վարքագծի՝ վնասի հատուցման և զղջման միջոցով[2]: Նոր օրենսգրքի 82-րդ հոդվածի 1-ին մասի վերլուծությունից հետևում է, որ օրենսդիրը սահմանել է չորս պայմաններ (առաջին անգամ հանցանք կատարել, ոչ մեծ կամ միջին ծանրության հանցանք կատարել, տուժողի և հանցանք կատարած անձի հաշտություն, ընտանիքում բռնության հատկանիշների բացակայություն), որոնք իրենց էությամբ նույնաբովանդակ չեն,և քրեական պատասխանատվությունից ազատելու հարցը լուծելիս յուրաքանչյուրն ունի իր իրավական արժեքը: Ավելին՝ նշված հիմքով անձին քրեական պատասխանատվությունից ազատելու համար անհրաժեշտ է չորս պայմանների միաժամանակյա առկայությունը: Վճռաբեկ դատարանը, անդրադառնալով տուժողի հետ հաշտվելու հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատման իրավական բնույթին, Ա. Բաբայանի վերաբերյալ որոշմամբ (թիվ ԵԱՔԴ/0157/01/10) արձանագրել է. «...քրեական պատասխանատվությունից ազատելը պայմանավորված է չորս պարտադիր պայմանների միաժամանակյա առկայությամբ՝ կատարված հանցանքի համապատասխան ծանրությամբ, տուժողի հետ հաշտվելով և պատճառված վնասի հարթմամբ[3]: Սույն պայմաններից որևէ մեկի բացակայությունը բացառում է

[2] *Сабитова С.А.* Теоретические основы освобождения от уголовной ответственности. М., 2020, 245с.

[3] ՀՀ Վճռաբեկ դատարանի որոշում թիվ ԵԱՔԴ/0157/01/10 (Ա. Բաբայանի գործով).

նշված հիմքով անձին պատասխանատվությունից ազատելը»: Հետևյալը հիմնավորում է օրենքում նշված պայմաններից բոլորի պարտադիր առկայությունը, որպեսզի անձն ազատվի քրեական պատասխանատվությունից:

Առաջին պայմանը, որին պետք է ուշադրություն դարձնել, դա, համենայն դեպս, հանցանք կատարած անձի և տուժողի հաշտությունն է: Ի տարբերություն նախկին քրեական օրենսգրքի՝ նոր քրեական օրենսգրքում, օրենսդիրը չի սահմանափակվում միայն հաշտության հասկացության ամրագրումով, այլ որոշակի չափով փորձում է բնորոշել այն՝ նշելով, որ հաշտությունը պետք է լինի որպես ինքնուրույն, ազատ կամահայտության վրա հիմնված փոխադարձ համաձայնություն:

Թեմայի արդիականությունը շեշտվում է նաև նոր օրենսգրքում տեղ գտած սահմանափակումներով, որոնք միտված են խոցելի խմբերի պաշտպանությանը: Օրենսդիրը բացարձակ արգելք է սահմանել հաշտեցման կիրառման համար այնպիսի դեպքերում, երբ տուժողը մինչև 14 տարեկան անձ է կամ ունի հոգեկան առողջության խնդիրներ, ինչպես նաև ընտանեկան բռնության որոշակի դրսևորումների պարագայում: Այս կարգավորումները պահանջում են խորը գիտական վերլուծություն՝ հասկանալու համար դրանց համապատասխանությունը մարդու իրավունքների պաշտպանության միջազգային չափանիշներին: Շարունակելով միտքը, անդրադառնանք Տ. Առաքելյանի գործով (ԵԱՔԴ/0217/01/14) Վճռաբեկ դատարանի դիրքորոշմանը ազատ կամահայտնության վերաբերյալ: Առաջինը, որը շեշտեց Վճռաբեկ դատարանը, դա այն է, որ դատարանները չպետք է սահմանափակվեն միայն տուժողի կողմից գրված «դիմումով»[4]: Դատարանը պարտավոր է պարզել՝ արդյո՞ք տուժողի կամքը ձևավորվել է ազատորեն:Եթե կա հիմնավոր կասկած, որ տուժողը հաշտվել է վախից, ճնշման տակ կամ կախվածության մեջ լինելով, հաշտեցումը չի կարող կայանալ: Սրան զուգահեռ պետք է անդադառնալ մի բացառության, երբ անձը, պայմանների առկայության դեպքում, չի ազատվում քրեական պատասխանատվությունից:Դա այն դեպքն է, երբ կատարված հանցանքում առկա են ընտանիքում բռնության հատկանիշներ: Հարց է առաջանում՝ ինչո՞վ է պայմանավորված այս արգելքը: Առաջին հայացքից կարող

13.07.2011թ.:

[4] ՀՀ Վճռաբեկ դատարանի որոշում թիվ ԵԱՔԴ/0217/01/14 (Տ. Առաքելյանի գործով). 30.03.2016թ.:

է թվալ, թե սա հակասում է «ընտանիքում համերաշխության վերականգնման» գաղափարին, սակայն իրականում այն ունի խորը իրավական և հոգեբանական հիմնավորումներ:

Ընտանեկան բռնության դեպքում տուժողը հաճախ գտնվում է հանցագործից նյութական, հոգեբանական կամ բնակարանային կախվածության մեջ: «Հաշտությունը» նման պայմաններում հաճախ լինում է ոչ թե կամավոր, այլ պարտադրված՝ վախի կամ նոր բռնության սպառնալիքի տակ: Այս պարագայում Քրեական օրենսգիրքը և «Ընտանիքում բռնության կանխարգելման մասին» օրենքը[5] դիտարկվում են որպես այս հարցի կարգավորման մեկ միասնական համակարգ: Անդրադառնանք նրան, որ օրենքի վերնագրում նշված «համերաշխության վերականգնումը» չպետք է շփոթել հանցագործին ներելու հետ: Օրենքը նախատեսում է պաշտպանական որոշումներ և նախազգուշացումներ, բայց երբ գործը հասնում է քրեական հանցակազմին, պետությունը վերցնում է պաշտպանության ֆունկցիան՝ համարելով, որ բռնությունը դուրս է ընտանիքի ներքին գործը լինելուց և դառնում է հանրային վտանգավոր արարք: Վերոգրյալի մասին մասնագետները նշում են, որ ընտանեկան բռնությունը հակված է կրկնվելու, ուստի, եթե պետությունը թույլ տա հաշտվել առաջին թեթև դեպքի ժամանակ, դա կարող է անպատժելիության զգացում առաջացնել և հանգեցնել ավելի ծանր հետևանքների: Նպատակի իրականացման համար Հայաստանը, միանալով միջազգային կոնվենցիաներին (օրինակ՝ Ստամբուլյան կոնվենցիայի տրամաբանությունը), պարտավորվել է արդյունավետ մեխանիզմներով պաշտպանել բռնության զոհերին, որտեղ հաշտեցումը չպետք է դառնա պատասխանատվությունից խուսափելու միջոց: Հաջորդիվ ընգծենք այն՝ եթե նախկինում տեսականորեն հնարավոր էր բազմիցս հաշտվել ու ազատվել պատասխանատվությունից, ապա նոր Քրեական օրենսգիրքը դրել է հստակ արգելք: Նախկինում 82-րդ հոդվածով նախատեսված հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատված անձը չի կարող նույն հիմքով կրկին ազատվել քրեական պատասխանատվությունից: Հանգում ենք այն մտքին, որ սա արդարացված խստացում է: Ուստի հաշտեցման հիմքով պատասխանատվությունից ազատվելու հնարավորությունը մեկ անգամով սահմանափակելը կանխում է հաշտեցման ինստիտուտի չարաշահումը հանցագործների կողմից և շեշտում է, որ պետության կողմից ընձեռնված ներողամտությունը բացառիկ հնարավորություն է, այլ ոչ թե օրինաչափություն: Այս համատեքստում

[5] ՀՀ օրենքը «Ընտանիքում բռնության կանխարգելման, ընտանիքում բռնության ենթարկված անձանց պաշտպանության և ընտանիքում համերաշխության վերականգնման մասին»:

հարկ է ուշադրություն դարձնել այն փաստին, որ ի տարբերություն նախկին իրավակարգավորումների, որտեղ տուժողի հետ հաշտվելու հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատումը կրում էր հայեցողական բնույթ (ֆակուլտատիվ), նոր Քրեական օրենսգիրքը որդեգրել է իմպերատիվ (պարտադիր) մոտեցում: Սա նշանակում է, որ օրենքով նախատեսված բոլոր նախապայմանների առկայության դեպքում իրավասու մարմինը պարտավոր է անձին ազատել քրեական պատասխանատվությունից: ՀՀ նոր Քրեական օրենսգրքի պայմաններում հաշտեցման ինստիտուտի կիրառման պարտադիր բնույթը վերջնականապես ամրագրվեց Մ. Բեգլարյանի և այլոց վերաբերյալ 2025թ. հունվարի 17-ի որոշմամբ (թիվ ՏԴ/0023/01/22): Դատարանն արձանագրեց, որ օրենսդրական փոփոխությունների արդյունքում հաշտեցման հիմքով պատասխանատվությունից ազատումը դադարել է լինել դատարանի հայեցողական լիազորությունը[6]: «Եթե առկա են օրենքով սահմանված նախապայմանները, դատարանը պարտավոր է կայացնել քրեական պատասխանատվությունից ազատման մասին որոշում՝ ապահովելով անձի իրավական սպասելիքի իրացումը»: Մեր խորին համոզմամբ այս նորամուծությունը հանդիսանում է քրեական իրավունքի արդիականացման կարևոր քայլ: Ըստ Հ. Ղուկասյանի՝ իմպերատիվ բնույթի անցումը նվազեցնում է դատական կամայականության ռիսկը և ապահովում է անձի իրավական որոշակիությունը՝ հստակեցնելով պատասխանատվությունից ազատվելու երաշխիքները[7]:

Քրեական պատասխանատվության ազատման ինստիտուտը տուժողի հետ հաշտվելու հիմքով խորապես ուսումնասիրության առնելիս հարց է առաջացանում՝ արդյո՞ք հնարավոր է հաշտվել հասարակության կամ պետության հետ, որտեղ անմիջական օբյեկտը ոչ թե ֆիզիկական անձը և նրա շահերն են, այլ պետությունը կամ հասարակությունը: Մեր համոզմամբ՝ տուժողի հետ հաշտվելու հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատումը կիրառելի է բացառապես այն հանցագործությունների պարագայում, որոնք ունեն անհատականացված տուժող: Պետական կամ հասարակական շահերի դեմ ուղղված հանցագործությունների դեպքում հաշտեցման ինստիտուտը չի կարող գործել, քանի որ հանրային շահը չի կարող հանդիսանալ մասնավոր համաձայնության առարկա: Նման դեպքերում պետությունը կիրառում է գործուն զղջալու ինստիտուտը, որն ունի այլ իրավական բնույթ և նպատակներ: Ամփոփելով վերոգրյալը կարելի է

[6] ՀՀ Վճռաբեկ դատարանի որոշում թիվ ՏԴ/0023/01/22 (Մ. Բեգլարյանի և այլոց գործով). 17.01.2025թ.:

[7] *Ղուկասյան Հ.* Քրեական դատավարության հիմնախնդիրները. Եր., 2023, 310 էջ:

հաստատակամորեն պնդել՝ քրեական պատասխանատվությունից ազատումը տուժողի հետ հաշտվելու հիմքով քրեաիրավական կոնֆլիկտների լուծման, սոցիալական արդարության վերականգնման, հանցանք կատարած անձի դրական վարքագծի խթանման, ինչպես նաև քննչական և իրավակիրառ մարմինների ծանրաբեռնվածության թեթևացման արդյունավետ այլընտրանքային գործիքներից մեկն է[8]:

Արդյունքներ և քննարկում

ՀՀ նոր քրեական օրենսգրքի 82-րդ հոդվածի ներդրմամբ օրենսդիրը հրաժարվեց հաշտեցման մեխանիկական ընկալումից՝ անցում կատարելով վերականգնողական արդարադատության հայեցակարգին: Հետազոտության արդյունքները ցույց են տալիս, որ միջին ծանրության հանցանքների ներառումը հաշտեցման հնարավոր հիմքերի մեջ զգալիորեն ընդլայնել է իրավական խրախուսման դաշտը:

Մյուս առանցքային հարցերից է տուժողի «ազատ կամարտահայտությունը»: Հանգում ենք այն մտքին,որ միայն գրավոր դիմումը բավարար չէ երաշխավորելու համար, որ տուժողի վրա չի գործադրվել հոգեբանական կամ նյութական ճնշում: Հետևաբար, ինչպես բազմիցս նշվել է, նորամուծությունների հետ առաջանում են դրանց կարգավորման այլ խնդիրներ, ուստի, հիմնվելով արդյունքների վրա, օրենսդրական բացերի հաղթահարման հետևյալ ուղիներն են առաջարկվում՝

1. Մեդիացիայի ինստիտուտի ինտեգրում. Նախքան հաշտեցման հիմքով վարույթը կարճելը, ներդնել պարտադիր մեդիացիայի փուլ: Մեդիացիայի ինտեգրումը քրեաիրավական հարթակում պետք է դիտարկել որպես ինստիտուցիոնալ երաշխիք, որն ուղղված է տուժողի իրավունքների պաշտպանությանը և հաշտեցման ինստիտուտի չարաշահումների կանխմանը: Այն թույլ է տալիս տեղափոխել հաշտեցման գործընթացը զուտ քննչական տիրույթից դեպի մասնագիտացված հոգեբանական-իրավաբանական հարթակ՝ ապահովելով կողմերի **կամահայտնության իսկությունը** և վնասի հատուցման **իրական բնույթը**:

2. Վնասի հատուցման ապացուցողական շեմ. Օրենսդրորեն սահմանել, որ հաշտեցումը հնարավոր է միայն վնասի փաստացի հարթման նյութական ապացույցների առկայության դեպքում:

---

[8] *Саргсян А.А.* Концептуальные изменения в институте освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по новому Уголовному кодексу Республики Армения // «Пробелы в российском законодательстве», № 2, 2025. СС. 73–78.

Եզրակացություն

Հետազոտության արդյունքում հիմնավորվեց, որ ներկայիս իրավակարգավորումները դեռևս ունեն «իրավաբանական վերիֆիկացիայի» խնդիր, քանի որ բացակայում են տուժողի կամահայտնության իսկությունը և վնասի հատուցման իրական բնույթը ստուգող իմպերատիվ մեխանիզմները: Այս բացը հաղթահարելու համար առաջնահերթություն է դառնում քրեական վարույթում մասնագիտացված մեդիացիայի (հաշտարարության) ինտեգրումը, որը թույլ կտա հաշտեցման գործընթացը դարձնել առավել թափանցիկ և զերծ հնարավոր չարաշահումներից: Ամփոփելով՝ նշենք, որ օրենսդրական նորամուծությունների տեսական հաջողվածությունը պետք է ամրապնդվի գործնական երաշխիքներով, ինչը կապահովի քրեական արդարադատության արդյունավետությունն ու հանրային վստահությունը իրավական համակարգի նկատմամբ:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգիրք. ընդունված 18.04.2003թ., ուժը կորցրել է 01.07.2022թ.:
2. Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգիրք. ընդունված 05.05.2021թ., ուժի մեջ է մտել 01.07.2022թ.:
3. ՀՀ օրենքը «Ընտանիքում բռնության կանխարգելման, ընտանիքում բռնության ենթարկված անձանց պաշտպանության և ընտանիքում համերաշխության վերականգնման մասին». 13.12.2017թ.:
4. ՀՀ Վճռաբեկ դատարանի որոշում թիվ ԵԱՔԴ/0157/01/10 (Ա. Բաբայանի գործով). 13.07.2011թ.:
5. ՀՀ Վճռաբեկ դատարանի որոշում թիվ ԵԱՔԴ/0217/01/14 (Տ. Առաքելյանի գործով). 30.03.2016թ.:
6. ՀՀ Վճռաբեկ դատարանի որոշում թիվ ՏԴ/0023/01/22 (Մ. Բեգլարյանի և այլոց գործով). 17.01.2025թ.:
7. *Ղուկասյան Հ.* Քրեական դատավարության հիմնախնդիրները. Եր., 2023. 310էջ:
8. *Сабитова С.А.* Теоретические основы освобождения от уголовной ответственности. М., 2020, 245с.
9. *Саргсян А.А.* Концептуальные изменения в институте освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по новому Уголовному кодексу Республики Армения // «Пробелы в российском законодательстве», № 2, 2025. СС. 73–78.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ПРИМИРЕНИИ С ПОТЕРПЕВШИМ В СВЕТЕ НОВОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РА

Р.Д. Исаханян
Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена комплексному анализу института освобождения от уголовной ответственности на основании примирения с потерпевшим в новом Уголовном кодексе РА. Рассматриваются законодательные изменения, направленные на повышение эффективности реализации уголовной ответственности и гуманизацию государственной карательной политики. В исследовании выявляются особенности правового регулирования процесса примирения и их влияние на гарантии возмещения вреда, причиненного преступлением. В работе представлены авторские предложения, направленные на преодоление законодательных пробелов и уточнение правовых регулирований.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, примирение с потерпевшим, механизмы правового поощрения, гуманизация уголовной политики, уголовное законодательство РА.

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY UPON RECONCILIATION WITH THE VICTIM IN THE LIGHT OF THE NEW CRIMINAL CODE OF THE RA

R. Isakhanyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The study is devoted to a comprehensive analysis of the institute of exemption from criminal liability based on reconciliation with the victim in the new Criminal Code of the RA. Legislative changes aimed at increasing the efficiency of criminal liability implementation and the humanization of state punitive policy are considered. The article reveals the features of legal regulation of the reconciliation process and their impact on the guarantees of compensation for damage caused by crime. The work presents author's proposals aimed at overcoming legislative gaps and clarifying legal regulations.

Keywords: exemption from criminal liability, reconciliation with the victim, legal incentive mechanisms, humanization of criminal policy, criminal legislation of the RA.

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ МОДЕЛЕЙ И ПРОБЛЕМЫ ИХ АДАПТАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

К.К. Мириджанян, Л.А. Мнацаканян

Российско-Армянский университет
miridzhanyan04@inbox.ru, liana.mnatsakanian@icloud.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию института ювенальной юстиции в контексте современных тенденций развития правосудия в отношении несовершеннолетних. В работе рассматриваются основные теоретические подходы к пониманию ювенальной юстиции, ее цели, принципы и место в системе защиты прав ребенка. Особое внимание уделяется анализу зарубежного опыта организации специализированного правосудия по делам несовершеннолетних, а также выявлению общих закономерностей и проблем, возникающих при функционировании таких моделей.
В результате исследования обосновывается необходимость комплексного подхода к формированию и развитию механизмов ювенальной юстиции, основанного на принципах гуманизации, приоритета интересов несовершеннолетнего и обеспечения процессуальных гарантий.

Материалы и методы

Проблема преступности несовершеннолетних продолжает занимать важное место как в криминологической науке, так и в уголовно-правовой доктрине, поскольку связана не только с исследованием причин и условий подростковой преступности, но и с разработкой эффективных правовых механизмов реагирования на противоправное поведение несовершеннолетних. Несовершеннолетние составляют особую категорию правонарушителей, для которой характерны специфические причины и формы противоправного поведения. Их преступления нередко имеют социальную и психологическую природу, включая влияние неблагополучной семейной среды, недостаток воспитания и внимания, негативное воздействие сверстников и ограниченные социальные ресурсы.

Актуальность изучения данного вопроса обусловлена необходимостью разработки эффективных превентивных и реабилитационных мер, способных не только реагировать на уже совершенные правонарушения, но и предупреждать их возникновение.

Важность формирования особой системы правосудия в отношении несовершеннолетних подчеркивается и в международных правовых актах. Так, в п. 1.4 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) отмечается, что «правосудие в отношении несовершеннолетних должно являться составной частью процесса национального развития каждой страны в рамках всестороннего обеспечения социальной справедливости для всех несовершеннолетних, одновременно содействуя защите молодежи и поддержанию мирного порядка в обществе». Данное положение отражает международный подход, согласно которому система ювенальной юстиции рассматривается не только как механизм реагирования на правонарушения, но и как важный элемент государственной политики, направленной на защиту прав ребенка и предупреждение преступности среди молодежи[1].

Ювенальная юстиция является специализированным институтом правовой системы, направленным на защиту прав и интересов несовершеннолетних, предотвращение их противоправного поведения и обеспечение условий для социальной адаптации. Слово «ювенальный» (от англ. “juvenile”), согласно Кембриджскому словарю, означает: относящийся к молодым людям, которые еще не достигли возраста, когда их считают взрослыми в правовом смысле, то есть к тем, кто юридически считается несовершеннолетним[2].

Сущность ювенальной юстиции заключается в признании особого правового и социального статуса несовершеннолетних. Применение стандартных карательных мер, разработанных для взрослых, в таких условиях не всегда способствует исправлению поведения и профилактике правонарушений. Ювенальная юстиция ориентирована на комплексный подход, который сочетает правовые меры воздействия с образовательными, социальными и психологическими инструментами. Такой подход позволяет не только реагировать на нарушения закона, но и предотвращать их возникновение, выявляя причины девиантного поведения и создавая условия для гармоничного развития и социальной интеграции ребенка.

---

[1] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985г. // Официальные документы ООН.

[2] Cambridge University Press. Juvenile. Cambridge Dictionary. Available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/juvenile

Как отмечает А.С. Автономов, ювенальная юстиция может рассматриваться с позиции системного подхода, которая позволяет более полно раскрыть ее структуру и особенности функционирования. Такой подход позволяет рассматривать ювенальную юстицию не как совокупность отдельных институтов, а как комплексную систему, основанную на взаимодействии различных государственных и общественных структур.

Структура ювенальной юстиции включает ряд взаимосвязанных элементов, среди которых можно выделить: *судебные органы*, *правоохранительные структуры*, *органы опеки и попечительства*, *социальные службы*, *образовательные учреждения* и иные организации, деятельность которых направлена на защиту прав несовершеннолетних и профилактику правонарушений. Каждый из этих элементов выполняет определенные функции, однако эффективность системы обеспечивается именно их совместной деятельностью[3]. Международные стандарты в сфере осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних представляют собой совокупность принципов и норм международного права, регулирующих деятельность государств при рассмотрении дел с участием детей.

В различных государствах формируются разные модели ювенальной юстиции, отражающие особенности национальных правовых систем и уровень развития социальных институтов, в связи с чем, представляется целесообразным рассмотреть зарубежный опыт организации ювенальной юстиции, в особенности Франции и США, где данный институт имеет устойчивые традиции и развитую правоприменительную практику.

Французская система ювенальной юстиции является одной из наиболее развитых моделей правосудия в отношении несовершеннолетних. Ее формирование происходило постепенно, в процессе длительного исторического развития французского уголовного законодательства и изменения взглядов на правовой статус ребенка. Если в более ранние исторические периоды несовершеннолетние рассматривались в уголовном праве практически наравне со взрослыми правонарушителями, то уже в конце XIX – начале XX века во французской правовой доктрине начинает утверждаться идея о необходимости особого подхода к несовершеннолетним, учитывающего особенности их психического развития, социального положения и воспитательной среды.

Французская система ювенальной юстиции отличается четко выстроенной институциональной структурой. Центральное место в ней занимает судья

[3] *Автономов А.С.* Ювенальная юстиция. Учебное пособие. М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН), 2009, 186с.

по делам несовершеннолетних (“juge des enfants”). Этот судья обладает значительными полномочиями и играет ключевую роль не только в рассмотрении уголовных дел, но и в решении вопросов социальной защиты детей. Его деятельность выходит далеко за рамки традиционной судебной функции и предполагает тесное взаимодействие с социальными службами, педагогами и психологами. При рассмотрении дел судья уделяет особое внимание изучению личности несовершеннолетнего, условиям его жизни, семейному окружению, а также причинам, которые могли способствовать совершению правонарушения[4].

Согласно Ордонансу № 45-174 от 2 февраля 1945г. о несовершеннолетних правонарушителях выделяется три группы несовершеннолетних, а именно: 1) лица в возрасте до 13 лет; 2) лица от 13 до 16 лет; 3) лица от 16 до 18 лет». Несовершеннолетние первой группы не подлежат уголовной ответственности. Суд может применить по отношению к ним только «меры защиты, помощи, надзора и воспитания», не являющиеся наказанием. Лица, относящиеся ко второй группе несовершеннолетних, могут подлежать уголовной ответственности в порядке исключения: «если обстоятельства дела и личность правонарушителя этого требуют». При этом закон предусматривает наказание для данной категории в сокращенном виде. Например, вместо пожизненного лишения свободы такой подросток может быть приговорен к лишению свободы на срок не свыше 20 лет. Для третьей группы несовершеннолетних их возраст служит лишь факультативным смягчающим обстоятельством[5].

Во Франции система ювенальной юстиции строится на взаимодействии нескольких специализированных органов: судьи по делам несовершеннолетних, трибунала по делам несовершеннолетних и суда присяжных по делам несовершеннолетних. На первоначальном этапе ключевую роль играет судья, который изучает материалы дела, личность несовершеннолетнего, а также условия его жизни и окружение. При необходимости он может принять меры, направленные на защиту и воспитание ребенка, включая изъятие из семьи или помещение в специальное учреждение. Одновременно, проводится социальное исследование, позволяющее оценить обстановку, в которой воспитывается подросток.

---

[4] *Андреева И.А.* Ювенальная юстиция Франции: история и современность // «Труды Академии управления МВД России», № 4 (68), 2023. СС. 25–36.

[5] *Луничев Е.М.* Уголовно-правовой статус несовершеннолетнего в зарубежном законодательстве // «Актуальные проблемы российского права», 2011. С. 334.

При этом судья по делам несовершеннолетних не уполномочен назначать уголовное наказание. В его компетенцию входит применение мер воспитательного и защитного характера, прекращение уголовного преследования либо передача дела на дальнейшее рассмотрение в трибунал по делам несовершеннолетних. В трибунале осуществляется более детальное разбирательство с участием всех заинтересованных лиц, при активной роли прокурора, который поддерживает обвинение. Окончательное решение о возможности и целесообразности применения уголовного наказания принимается уже судом присяжных по делам несовершеннолетних.

Процедура судебного разбирательства строится с учетом необходимости защиты интересов ребенка:

- заседания, как правило, проходят в закрытом режиме;
- обеспечивается обязательное участие адвоката, а также присутствие родителей или законных представителей.

Основы системы ювенальной юстиции во Франции регулируются Законом о правонарушениях несовершеннолетних 1945г. Исходя из анализа французского законодательства, следует отметить преобладание воспитательных мер над карательными, широкий социальный компонент в работе с несовершеннолетними правонарушителями, специализацию судей, которые занимаются исключительно делами несовершеннолетних. Судья может применить: кураторство (надзор) за несовершеннолетним в семье; направление в учреждения для несовершеннолетних; помещение в тюрьму[6].

Особенностью французской ювенальной юстиции является широкий спектр воспитательных мер, применяемых к несовершеннолетним правонарушителям. К таким мерам относятся передача подростка под надзор родителей или опекунов, помещение под наблюдение социальных служб, направление в специализированные воспитательные учреждения, а также различные формы социальной и психологической помощи.[7] Уголовная ответственность во Франции наступает при достижении 13 лет. Только с данного возраста, допускается применение уголовного наказания. Лица моложе тринадцати не могут являться преступниками, к ним применяются лишь воспитательные меры[8].

---

[6] *Томіленко В.П.* Зарубіжне законодавство про ювенальну юстицію: порівняльно-правовой аспект // «Порівняльно-аналітичне право», № 2, 2013. СС. 340–342.

[7] *Андреева И.А.* Ювенальная юстиция Франции: история и современность // «Труды Академии управления МВД России», № 4 (68), 2023. СС. 25–36.

[8] *Козочкин И.Д.* Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб.законодательных материалов. М.: «Зерцало», 2001. СС.187–190.

Французский ювенальный судья Э. Робинсон выделяет ряд принципов, на которых строится ювенальная юстиция Франции. Первый: принцип предпочтительности воспитательных мер перед наказательными (карательными). Ориентирование системы правосудия над несовершеннолетними на воспитательную составляющую способствует защите прав и интересов несовершеннолетнего, его ресоциализации, а значит и соответствует целям специальной превенции. Второй принцип: это глубокое знакомство с психологией, с личностью несовершеннолетнего правонарушителя. Судья выносит вердикт только при условии глубокого, тщательного, досконального изучения личности несовершеннолетнего преступника, при этом, обязательным условием является проведение «социального исследования» с составлением специального досье. Причем такое исследование судья может проводить сам, но большей частью поручает его чиновникам службы пробации, которые используют помощь психологов, психиатров, специалистов в области образования[9].

Результатом совершенствования французского законодательства стало принятие Кодекса уголовной ювенальной юстиции, который систематизировал нормы, регулирующие производство по делам несовершеннолетних, и закрепил современные стандарты защиты их прав в уголовном процессе[10].

В свою очередь, система ювенальной юстиции в Соединенных Штатах Америки применяется как самостоятельная подсистема правосудия, действующая параллельно с системой уголовного правосудия для взрослых. Центральное место в этой системе занимают ювенальные суды, которые функционируют в большинстве штатов и рассматривают дела о правонарушениях, совершенных лицами, не достигшими совершеннолетия.

Практическое применение института ювенальной юстиции в США предполагает использование широкого спектра мер реагирования на правонарушения несовершеннолетних. В большинстве случаев суды стремятся применять меры, направленные на исправление подростка и предупреждение повторных правонарушений. К числу таких мер относятся: судебный надзор за поведением несовершеннолетнего, направление его в специальные образовательные или реабилитационные программы, участие в программах психологической помощи, а также выполнение общественно полезных работ. Подобные меры

---

[9] *Лещева Р.В.* Англосаксонские и континентальные модели действующего ювенального судопроизводства // Актуальные проблемы международного ювенального права: материалы всерос.науч.-практ.конф. (г. Волгоград,15 марта 2006г.); редкол.: М.И. Фетюхин (отв.ред.). Волгоград: ВолГУ, 2006. С.107.

[10] Ordonnance n 2019–950 du 11 septembre 2019 portant partie législative du code de la justice pénale des mineurs. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000039085102

ориентированы на формирование у него ответственности за собственные действия. Следует также отметить, что в современной практике ювенальной юстиции США значительное внимание уделяется программам альтернативного правосудия. К таким программам относятся различные формы примирения несовершеннолетнего правонарушителя с потерпевшим, участие подростков в общественных или образовательных программах, а также иные меры, направленные на восстановление социальной справедливости без применения традиционных уголовных санкций. Использование подобных механизмов позволяет снизить уровень повторной преступности среди несовершеннолетних и способствует их более успешной социальной реабилитации[11].

Важное место занимают социальные службы и специальные программы реабилитации несовершеннолетних правонарушителей. После рассмотрения дела суд может направить подростка под контроль соответствующих социальных органов, которые осуществляют наблюдение за его поведением, оказывают помощь в образовательной и социальной сфере, а также взаимодействуют с семьей несовершеннолетнего. Наряду с воспитательными и социальными мерами, законодательство США предусматривает возможность применения более строгих форм ответственности в отношении несовершеннолетних, совершивших тяжкие преступления. В подобных случаях допускается передача дела из ювенального суда в суд общей юрисдикции, где оно рассматривается по правилам уголовного судопроизводства, применяемым к взрослым лицам. Решение о передаче дела принимается с учетом возраста несовершеннолетнего, характера совершенного преступления, степени его общественной опасности, а также наличия предыдущих правонарушений[12].

В целом, ценность обеих моделей проявляется в их различных акцентах. Во Франции центральную роль играет судья по делам несовершеннолетних с широкими полномочиями, акцент делается на воспитательные меры и социальную поддержку. В США действует отдельная подсистема ювенальных судов с упором на исправление, реабилитацию и программы альтернативного правосудия, при этом возможна передача тяжких дел во взрослое судопроизводство. Обе модели стремятся сочетать защиту ребенка с эффективным реагированием на правонарушения.

В рамках англо-американской модели ювенальной юстиции особый интерес представляет система, сформировавшаяся в Англии. Характерной чертой

[11] *Беженцев А.А*. Ювенальная юстиция: зарубежный опыт и перспективы его использования в России // «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России», № 1 (77), 2018. СС. 58–64.

[12] Там же.

данной модели является относительно низкий возраст уголовной ответственности, который составляет 10 лет. Это один из самых ранних порогов привлечения к уголовной ответственности среди развитых государств. Дела о правонарушениях несовершеннолетних рассматриваются специализированными судами - судами по делам молодежи (“Youth Courts”), которые функционируют в системе магистратских судов. Указанные суды ориентированы на упрощенную процедуру разбирательства и учитывают возрастные и психологические особенности подростков. При этом для английской модели характерно сочетание уголовно-правовых и воспитательных мер воздействия. В отношении несовершеннолетних широко применяются альтернативные санкции, такие как пробация, обязательство посещения специальных центров, ограничения поведения и иные меры, направленные прежде всего на ресоциализацию подростка, а не на его наказание[13].

В Англии законы об уголовной ответственности зафиксированы в Законе «О правосудии по делам молодежи и уголовных доказательствах» (1999г.). Судя по данному законодательству, несовершеннолетние граждане делятся всего на три категории: дети от 10 до 13 лет, подростки от 14 до 15 лет и молодые люди от 16 до 17 лет. И в результате совершения преступления лиц первой вышеупомянутой категории суд вправе принять одно из следующих решений по делу:

- родители обязываются следить за ребенком во избежание следующих правонарушений в установленный судом срок (до трех лет), а также взыскать с них штраф в размере до одной тысячи фунтов;
- можно обязать лицо совершившее преступление, не совершать определенных действий в течение установленного срока (до трех лет) и обязать его выплатить штраф до двухсот пятидесяти фунтов;
- вовсе освободить данного ребенка от ответственности и наказания за совершенное деяние;
- освободить от уголовной ответственности условным сроком с применением испытательного срока (до трех лет);
- обязать выплатить штраф родителей или опекунов ребенка до 250 фунтов стерлингов;
- перевести ребенка под надзор специалиста (до трех лет);

[13] Там же.

- обязать преступника присутствовать в специальном исправительном центре (не более 24 часов)[14].

Уголовное законодательство Швейцарии содержит в себе деление несовершеннолетних на следующие возрастные группы:

- несовершеннолетние в возрасте до 10 лет, не подлежащие уголовной ответственности;
- дети в возрасте от 10 до 15 лет, к которым могут применяться воспитательные меры в виде помощи в воспитании, помещении в подходящую семью или воспитательное учреждение, особое наблюдение либо дисциплинарные наказания в виде приговора, школьного ареста или возложения обязанности выполнить какую-либо работу;
- подростки от 15 до 18 лет, к которым могут быть применены аналогичные воспитательные меры, а также заключение под стражу на 14 дней, штраф;
- молодежь в возрасте от 18 до 25 лет. В связи с тем, что эти лица являются совершеннолетними, в отношении их применяются общие положения УК Швейцарии. Все меры, применяемые к несовершеннолетним, могут быть подразделены на воспитательные и меры, носящие характер наказаний[15].

Система ювенальной юстиции Новой Зеландии часто рассматривается как один из наиболее последовательных и интересных примеров перехода от карательной модели к восстановительному правосудию. Ее современный облик во многом сформировался после принятия в 1989 году закона «О детях, молодежи и их семьях», который радикально изменил подход государства к несовершеннолетним правонарушителям. В центре этой системы оказался не суд как главный инструмент реагирования на преступление, а сообщество, семья и сам подросток[16].

Ключевая идея новозеландской модели состоит в том, что правонарушение несовершеннолетнего – не только нарушение закона, но и социальный конфликт, затрагивающий конкретных людей: жертву, самого подростка и его

---

[14] Уголовное право зарубежных стран. Общая и особенная части: учебник / Н.А. Голованова [и др.]; под ред. И.Д. Козочкина. М.: «Волтерс Клувер», 2010, 1034с.

[15] *Сыздыкова А.Т.* Сравнительно-правовой анализ опыта ювенальной юстиции в зарубежных странах // «Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан» № 2 (18), 2010. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-opyta-yuvenalnoy-yustitsii-v-zarubezhnyh-stranah (дата обращения: 23.03.2026).

[16] *Макэлри Ф.* Новозеландская модель семейных конференций // «Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России», № 2, 2000. СС. 40–71.

окружение. Поэтому основной акцент делается не на наказании, а на восстановлении нарушенных отношений, осознании ответственности и предотвращении повторных правонарушений[17].

Наиболее ярким инструментом реализации этой философии стали так называемые семейные конференции (“Family Group Conferences”). Это особая процедура, в рамках которой за одним столом собираются сам несовершеннолетний, его семья, жертва, представители полиции и иногда социальные работники. Их задача – совместно выработать решение, которое будет учитывать интересы всех сторон. Как правило, речь идет о таких мерах, как извинения перед потерпевшим, возмещение ущерба, выполнение общественно полезных работ или участие в программах реабилитации. Важно, что в большинстве случаев именно результаты такой конференции становятся основой окончательного решения по делу. Суд, если он вообще подключается, как правило, лишь утверждает достигнутые договоренности. Более того, значительная часть дел вообще не доходит до суда: значительный процент правонарушений несовершеннолетних разрешается на уровне полиции и альтернативных процедур[18].

Такая модель принципиально меняет баланс сил в системе правосудия. Если в традиционных системах доминирует государство, то в Новой Зеландии значительная часть ответственности передается семье и местному сообществу. Это отражает, в том числе, влияние культуры маори, где большое значение придается коллективной ответственности и восстановлению социальной гармонии. Практические результаты этой реформы оказались весьма заметными. После введения новой системы существенно сократилось количество несовершеннолетних, привлекаемых к суду и лишению свободы, при этом уровень подростковой преступности не продемонстрировал пропорционального роста. Это позволяет говорить о том, что отказ от жестко карательного подхода способен способствовать более эффективной ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей[19].

При этом новозеландская модель не является лишенной проблем. В научной литературе отмечается, что эффективность семейных конференций во

---

[17] *Дородонова Н.В.* Предупреждение преступности несовершеннолетних: опыт США и Новой Зеландии / Н.В. Дородонова, Е..В. Евстифеева, Е.В. Ильгова // «Всероссийский криминологический журнал». Т. 12, № 4, 2018. СС. 601–608.

[18] *Максвелл Г., Моррис А.* Семейные конференции и повторное совершение правонарушений.

[19] *Макэлри Ф.* Новозеландская модель семейных конференций // «Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России», № 2, 2000. СС. 40–71.

многом зависит от качества их проведения, степени вовлеченности участников и социальных условий жизни подростка. Кроме того, проблема рецидива остается комплексной и обусловлена широким кругом факторов – от семейной среды до образовательных возможностей[20].

Тем не менее, опыт Новой Зеландии представляет значительный интерес для сравнительного правоведения. Он демонстрирует, что система ювенальной юстиции может быть выстроена не вокруг наказания, а вокруг восстановления, ответственности и социальной поддержки, и при этом сохранять свою эффективность.

Далее, анализируя систему ювенальной юстиции, следует отметить ряд ее существенных преимуществ. Прежде всего, она способствует снижению репрессивности и карательной направленности уголовно-правовой системы, смещая акцент в сторону воспитательного и восстановительного воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя.

Одним из ключевых достоинств является ориентация на принципы восстановительного правосудия, предполагающие не столько наказание, сколько восстановление нарушенных общественных отношений, возмещение причиненного вреда и социальную реабилитацию подростка. Такой подход позволяет учитывать личность несовершеннолетнего, причины совершения им правонарушения и способствует его успешной ресоциализации. Кроме того, система ювенальной юстиции обеспечивает индивидуализацию мер воздействия. При рассмотрении дел учитываются возрастные, психологические и социальные особенности подростка, что позволяет выбирать наиболее эффективные меры – от воспитательных до ограничительных, избегая чрезмерно строгих санкций.

Важным преимуществом является также профилактическая направленность данной системы. Комплексное взаимодействие суда, социальных служб, образовательных учреждений и семьи способствует раннему выявлению девиантного поведения и предупреждению повторных правонарушений.

Следовательно, можем сказать, что ювенальная юстиция ориентирована не только на реагирование на уже совершенное правонарушение, но и на долгосрочное снижение подростковой преступности за счет воспитательного, реабилитационного и профилактического воздействия.

В Республике Армения институт ювенальной юстиции на данный момент отсутствует, что создает пробел в системе защиты прав несовершеннолетних

[20] *Максвелл Г., Моррис А.* Семейные конференции и повторное совершение правонарушений: https://disk.yandex.ru/i/mEK85AZ-Z_HiAw

и профилактики их правонарушений. Введение такого института позволит переходить от исключительно карательной модели реагирования к комплексной системе, включающей правовую, социальную и образовательную поддержку подростков. Это важно для выявления факторов, способствующих противоправному поведению, их устранения и создания условий для полноценного развития несовершеннолетних, что соответствует современным международным стандартам защиты прав детей.

Отныне все несовершеннолетние в возрасте до восемнадцати лет, обвиняемые в совершении уголовного преступления, будут переданы только в суды по делам несовершеннолетних. Они могут быть предметом защитных мер, мер образовательного характера, но не подлежат уголовной ответственности, кроме как в исключительных случаях и по мотивированному решению суда. Перед ювенальной юстицией поставлены две функции: защитная (защита права на образование; защита безопасности несовершеннолетнего) и карательная (за проступок, правонарушение и преступление).

Эффективная организация работы с несовершеннолетними правонарушителями предполагает реализацию комплексного подхода, основанного на сочетании правовых, педагогических и психологических средств воздействия. Ограничение исключительно нормами права не позволяет в полной мере воздействовать на причины противоправного поведения, поскольку они во многом обусловлены особенностями социальной среды, воспитания и индивидуально-личностного развития подростка.

В этой связи существенное значение имеет учет достижений педагогики и психологии. Педагогический подход направлен на формирование правосознания, социальных установок и навыков правомерного поведения, тогда как психологический – на выявление причин девиантного поведения и их последующую коррекцию. Комплексное применение указанных механизмов позволяет обеспечить не только адекватное реагирование на совершенное правонарушение, но и достижение целей исправления несовершеннолетнего, а также предупреждение рецидивной преступности.

Перспективы внедрения института ювенальной юстиции в Республике Армения на текущий момент требуют взвешенной оценки с учетом экономических, кадровых и институциональных ресурсов. Создание специализированных судов и подготовка судей по делам несовершеннолетних предполагает значительные финансовые затраты и долгосрочные инвестиции в профессиональное обучение, поскольку эффективная ювенальная юстиция требует глубоких знаний в области права, психологии и педагогики. Дополнительно необ-

ходимы ресурсы для развития социальных и психологических служб, образовательных программ и межведомственного взаимодействия между органами правопорядка, социальной защиты и образования. Однако подобные затраты будут оправданы, поскольку внедрение ювенальной юстиции способствует снижению преступности среди несовершеннолетних, их социальной и психологической реабилитации, а также формированию ответственных граждан, которые являются ядром общества и формируют будущее государства.

Но с учетом ограниченности бюджета и нехватки профессиональных кадров в области ювенальной юстиции, внедрение полноценной системы в короткие сроки представляется сложным. Реалистичной перспективой может стать поэтапное внедрение института: сначала через создание пилотных программ при существующих судах и социальных службах, подготовку узкой группы специалистов, а затем расширение системы на национальный уровень. Такой подход позволит выявить эффективные модели работы и постепенно увеличивать финансовые и кадровые возможности для полноценного функционирования ювенальной юстиции в стране.

Ключевым элементом системы также может стать комиссия, включающая представителей судебной системы, правоохранительных органов, социальных служб, образовательных учреждений, психологов и педагогов, которая функция которой будет заключаться в рассмотрении каждого дела подростка с точки зрения комплексной оценки: анализируются семейная ситуация, образовательный уровень, социальное окружение, наличие психологических проблем и причины, способствовавшие нарушению закона. На основании такой оценки будут разрабатываться индивидуальные программы воздействия, которые могут включать сочетание юридических, воспитательных и социальных мер.

Для обеспечения системности и контроля эффективности предлагается создать национальный центр ювенальной юстиции, который будет заниматься стандартизацией процедур, мониторингом работы судов и комиссии, сбором статистики и методическим сопровождением специалистов. Кроме того, следует предусмотреть постоянное повышение квалификации сотрудников через тренинги, семинары и международные программы обмена опытом.

Долгосрочным этапом развития может стать формирование специализированного ювенального суда. Такой подход обеспечит не только индивидуализированное реагирование на нарушения, но и системное предотвращение правонарушений, поддержку гармоничного развития и социальной интеграции несовершеннолетних.

Введение института ювенальной юстиции в Республике Армения позволит перейти от исключительно карательного подхода к комплексной системе работы с несовершеннолетними правонарушителями. Такая система будет сочетать юридические меры с воспитательной, социальной и психологической поддержкой, обеспечивая индивидуальный подход к каждому подростку. Создание специализированных судов, подготовка квалифицированных кадров и активное взаимодействие между судебными органами, социальными службами и образовательными учреждениями позволит не только реагировать на уже совершенные нарушения, но и предупреждать их возникновение. В долгосрочной перспективе это способствует снижению преступности среди несовершеннолетних, их успешной ресоциализации и формированию ответственных, социально зрелых граждан, что в целом укрепляет стабильность и развитие общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Автономов А.С.* Ювенальная юстиция: учебное пособие. М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН), 2009, 186с.
2. *Сыздыкова А.Т.* Сравнительно-правовой анализ опыта ювенальной юстиции в зарубежных странах // «Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан», № 2 (18), 2010. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-opyta-yuvenalnoy-yustitsii-v-zarubezhnyh-stranah (дата обращения: 23.03.2026).
3. *Андреева И.А.* Ювенальная юстиция во Франции: история и современность // «Труды Академии управления МВД России», № 4 (68), 2023.
4. *Беженцев А.А.* Ювенальная юстиция: зарубежный опыт и перспективы его использования в России // «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России», № 1 (77), 2018.
5. *Дородонова Н.В., Евстифеева Е.В., Ильгова Е.В.* Предупреждение преступности несовершеннолетних: опыт США и Новой Зеландии // «Всероссийский криминологический журнал». Т. 12, № 4, 2018.
6. Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989г.
7. *Козочкин И.Д.* Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сборник законодательных материалов. М.: «Зерцало», 2001.
8. *Лещева Р.В.* Англосаксонские и континентальные модели действующего ювенального судопроизводства // Актуальные проблемы международного ювенального права: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Волгоград, 15 марта 2006г.) / отв. ред. М.И. Фетюхин. Волгоград: ВолГУ, 2006.
9. *Луничев Е.М.* Уголовно-правовой статус несовершеннолетнего в зарубежном законодательстве // «Актуальные проблемы российского права», 2011.
10. *Максвелл Г., Моррис А.* Семейные конференции и повторное совершение правонарушений: https://disk.yandex.ru/i/mEK85AZ-Z_HiAw
11. *Макэлри Ф.* Новозеландская модель семейных конференций // «Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России», № 2, 2000.

12. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985г. // Официальные документы ООН.
13. Ordonnance n° 2019-950 du 11 septembre 2019 portant partie législative du Code de la justice pénale des mineurs.
14. Уголовное право зарубежных стран. Общая и особенная части: учебник / Н.А. Голованова [и др.]; под ред. И.Д. Козочкина. М.: «Волтерс Клувер», 2010
15. Scottish Government. The Children's Hearings System in Scotland. Training Resource Manual. Vol. 1: Legislation and Procedure. Edinburgh: “APS Group Scotland”, 2013.
16. *Томіленко В.П.* Зарубіжне законодавство про ювенальну юстицію: порівняльно-правовий аспект // «Порівняльно-аналітичне право», № 2, 2013.
17. Cambridge Dictionary. Juvenile. “Cambridge University Press”.

JUVENILE JUSTICE: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF FOREIGN MODELS AND THE CHALLENGES OF THEIR ADAPTATION IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

K. Mirijanyan, L. Mnacakanyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article is devoted to the study of the institution of juvenile justice in the context of contemporary trends in the development of justice for minors. The paper examines the main theoretical approaches to understanding juvenile justice, its objectives, principles, and role within the system of child rights protection. Particular attention is paid to the analysis of foreign experience in organizing specialized justice for juveniles, as well as to identifying common patterns and challenges arising in the functioning of such models.

The research substantiates the necessity of a comprehensive approach to the formation and development of juvenile justice mechanisms based on the principles of humanization, the priority of the best interests of the child, and the provision of procedural guarantees.

Keywords: juvenile justice, minors, child rights protection, legal system.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РАЗНЫХ ВИДАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ЗА ПРЕДЕЛАМИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЫ)

Н.Т. Никогосян

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в Ереване
nelli.nikogosyan2004@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются возможности применения криминалистических знаний в различных видах юридической деятельности, не связанных с уголовным процессом. Анализируются теоретические основы использования криминалистики в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве, а также приводятся практические примеры внедрения криминалистических методов (судебная экспертиза, работа с вещественными доказательствами, тактика опроса, цифровая криминалистика). Обосновывается универсальный характер криминалистики как инструмента доказывания. Делается вывод о необходимости дальнейшей интеграции криминалистических знаний в другие отрасли права для повышения качества правосудия.
Ключевые слова: криминалистика, специальные знания, доказывание, межотраслевые связи, иные виды судопроизводства.

Введение

В современный период все более очевидной становится возможность применения криминалистических знаний и технологий за пределами уголовно-правовой сферы – в иных видах юридической деятельности. Общие закономерности процесса доказывания, присущие различным отраслям правоприменения, обусловливают перенос методов и приемов криминалистики в другие судебные процессы и юридические процедуры. Сбор, исследование и оценка доказательственной информации необходимы не только при расследовании преступлений, но и при рассмотрении гражданских и административных дел, где требуется установление фактических обстоятельств.

Актуальность расширения сферы применения криминалистики подтверждается позицией ведущих ученых. Так, Н.П. Яблоков отмечает, что криминалистические методы столь же значимы для других видов юридической деятельности, как и для уголовной, но из-за недостаточной осведомленности они редко используются вне расследования преступлений [9]. Е.Р. Россинская прямо указывает, что одной из главных задач современной криминалистики

стала разработка криминалистического обеспечения доказывания в различных процессах, включая административное, гражданское и арбитражное судопроизводство [6]. Вместе с тем, существуют и скептические взгляды: например, А.С. Подшибякин считал тенденцию расширения предмета криминалистики за пределы уголовно-правовой сферы нежелательной, полагая, что это размывает ее основы [4]. Однако представляется обоснованным признать универсальный характер криминалистики, позволяющий адаптировать ее методы к специфике разных отраслей права.

Цель работы – показать возможности применения криминалистических знаний в различных видах юридической деятельности вне уголовного процесса. Для этого рассмотрены теоретические основы использования специальных знаний и проанализированы примеры внедрения криминалистических методов в иной среде.

Материалы и методы

Исследование проведено на основе анализа научной литературы по криминалистике, процессуальному праву, а также изучения практики применения криминалистических методов в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Использованы общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение) и специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Отдельно рассмотрены зарубежный опыт (США, Великобритания) и пример из практики Армении (дело о подлинности хачкара).

Результаты

Теоретические основы использования криминалистики вне уголовно-правовой сферы. Юридическая наука исходит из того, что различные виды судопроизводства имеют свои отраслевые особенности, но подчиняются единым методологическим принципам установления истины. Поэтому предмет криминалистики в значительной мере носит надотраслевой характер. Разработанные криминалистикой средства и методы могут быть адаптированы и применены в любом другом доказательственном процессе. Эта идея имеет глубокие корни: еще в 1973г. А.И. Винберг определил криминалистику как науку, разрабатывающую приемы и методы собирания, исследования и оценки судебных доказательств, применяемые не только в уголовном, но и в гражданском процессе [1]. В советский период накопился опыт проведения экспертиз по гражданским делам (диссертации Ю.М. Жукова [3], В.Б. Федосеевой [8]), а В.Г. Тихиня исследовал возможности применения данных криминалистической тактики при работе с вещественными доказательствами по гражданским делам [7]. В постсоветский период А.Ю. Рожков

посвятил диссертацию криминалистическому обеспечению гражданского и арбитражного процессов [5]. Современные исследователи, такие как М.В. Жижина, обосновывают необходимость разработки частной теории криминалистического обеспечения цивилистического процесса [2]. Таким образом, идея интеграции криминалистических знаний в другие отрасли юридической практики имеет прочную научную базу.

Практические примеры внедрения криминалистики в разные виды юридической деятельности.

1. Гражданское и арбитражное судопроизводство. Судьи все чаще обращаются к специальным знаниям, почерпнутым из криминалистики, для анализа доказательств. ГПК РФ и АПК РФ предусматривают привлечение экспертов и специалистов (ст. 79, 188 ГПК; ст. 82 АПК). Кроме того, имеет место непроцессуальная форма использования специальных знаний – непосредственно судом при оценке доказательств. Здесь актуальны знания криминалистической идентификации и диагностики, методики работы с вещественными и письменными доказательствами (например, выявление признаков подделки документов). Элементы криминалистической тактики применяются при допросе свидетелей и объяснениях сторон в судебном заседании.

2. Производство по делам об административных правонарушениях. Административное расследование, особенно в таможенной, налоговой сферах, сближается по сложности с расследованием преступлений. Криминалистические методы идентификации, технические средства (фото-видеофиксация, приборы для исследования документов) активно используются. Возрастает роль судебных экспертиз, хотя КоАП РФ менее детально регламентирует их назначение (ч. 1 ст. 168 КАС). Представляется целесообразным внести изменения в КоАП, установив случаи обязательного назначения экспертизы по отдельным категориям дел для более объективного выяснения обстоятельств.

3. *Зарубежный опыт*. В странах англосаксонской правовой семьи (США, Великобритания) широко применяется цифровая криминалистика (“Digital Forensics”) в гражданском и арбитражном процессе: анализ метаданных, восстановление удаленной информации, использование ИИ для выстраивания цифровой цепи событий. Развиваются инструменты криминалистической психологии для оценки нематериального вреда, что позволяет объективно верифицировать заявления о моральных страданиях.

4. *Пример из практики Армении*. В споре о подлинности хачкара (армянский крест-камень) суд назначил комплексную экспертизу: трасологический анализ выявил следы современного инструмента, химико-минералогическая

экспертиза (рентгенофлуоресцентный анализ, хроматография) установила искусственное происхождение патины, люминесцентный анализ подтвердил современный возраст обработки. Это позволило защитить права добросовестного приобретателя и пресечь оборот поддельных культурных ценностей.

Полученные результаты подтверждают, что криминалистические знания уже сегодня находят практическое применение в самых разных областях юридической деятельности: от работы судьи с доказательствами по гражданским делам до деятельности контролирующих органов при расследовании административных правонарушений. В каждом случае происходит адаптация криминалистических рекомендаций к отраслевым условиям, что подтверждает универсальность криминалистики как инструмента познания фактов. Вместе с тем сохраняются ограничения, связанные с особенностями процессуальной формы и необходимостью соблюдения прав участников. Дальнейшая интеграция криминалистики в другие отрасли права будет способствовать формированию научно обеспеченной системы доказательств и повышению качества правосудия.

Заключение

Потенциал криминалистических знаний не ограничивается уголовно-правовой сферой. Их применение обосновано теоретически и признано необходимым для повышения качества правосудия. Рассмотренные примеры демонстрируют эффективность криминалистических методов в гражданском, арбитражном и административном процессах. Дальнейшее развитие этого направления требует совершенствования законодательства, разработки частных криминалистических теорий для цивилистического процесса и более широкого внедрения цифровых технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винберг А.И.* Криминалистика. Ч. 1. М., 1973, 215с.
2. *Жижина М.В.* Частная теория криминалистического обеспечения цивилистического процесса // «Российский судья», № 6, 2015. СС. 18–22.
3. *Жуков Ю.М.* Судебная экспертиза в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967.
4. *Подшибякин А.С.* О предмете криминалистики // «Криминалистика: актуальные вопросы». Саратов, 2008. СС. 20–25.
5. *Рожков А.Ю.* Криминалистическое обеспечение гражданского и арбитражного процессов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
6. *Россинская Е.*Р. Современная криминалистика: проблемы и перспективы // «Вестник криминалистики», № 1, 2010. СС. 5–12.
7. *Тихиня В.Г.* Применение данных криминалистической тактики в гражданском судопроизводстве. Минск, 1976, 150с.

8. *Федосеева В.Б.* Криминалистическое исследование документов в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968.
9. Яблоков Н.П. Криминалистика: природа и система. М.: «Юристъ», 2005, 174с.

POSSIBILITIES OF USING FORENSIC KNOWLEDGE IN DIFFERENT TYPES OF LEGAL ACTIVITIES (OUTSIDE THE CRIMINAL LAW SPHERE)

N. Nikogosyan
Lomonosov Moscow State University, Yerevan Branch

ABSTRACT

The article discusses the possibilities of applying forensic knowledge in various types of legal activities not related to criminal proceedings. The theoretical foundations of using forensic science in civil, arbitration and administrative proceedings are analyzed, and practical examples of the implementation of forensic methods (forensic examination, work with physical evidence, interrogation tactics, digital forensics) are given. The universal nature of forensic science as a tool of proof is substantiated. It is concluded that further integration of forensic knowledge into other branches of law is necessary to improve the quality of justice.
Keywords: forensic science, special knowledge, proof, cross-sectoral links, other types of legal proceedings.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

КОНФЛИКТ КВАЛИФИКАЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ В КОНТЕКСТЕ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

Г.В. Айрапетян

Санкт-Петербургский государственный университет
st073512@student.spbu.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется проблема конфликта квалификаций в международном частном праве на примере института исковой давности. Фундаментальное расхождение в отраслевой принадлежности данного института (материальное право в континентальной традиции ***vs*** процессуальное право в англосаксонской) порождает существенные коллизионные сложности: от ответа на вопрос, подчиняется ли давность статуту существа отношения (*lex causae*) или закону суда (*lex fori*), напрямую зависит исход спора. Цель работы – проследить эволюцию доктринальных и законодательных подходов к разрешению данной коллизии в различных правовых системах. В исследовании использованы сравнительно-правовой и историко-правовой методы, проанализированы судебные прецеденты США, Великобритании и Германии XIX–XXвв., а также положения современного российского законодательства. В результате установлено, что, несмотря на длительное господство процессуальной квалификации в общем праве, в ходе реформ второй половины XX века (под влиянием континентальной доктрины и международных унификационных процессов) возобладал материально-правовой подход. Сделан вывод о том, что исковая давность в современном международном частном праве должна определяться по праву, применимому к существу спора (*lex causae*), что нашло отражение в российском ГК РФ и судебной практике.

Ключевые слова: исковая давность, конфликт квалификаций, международное частное право, *lex causae*, *lex fori*, сравнительное правоведение.

В современной доктрине частного права одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем остается конфликт квалификаций – ситуация, при которой сходные по социальной функции правовые институты получают принципиально различную отраслевую принадлежность в разных правопорядках.

Актуальность темы исследования обусловлена практическими последствиями указанного расхождения. От ответа на вопрос, подчиняется ли исковая давность статуту существа отношения (*lex causae*) или закону суда (*lex fori*), напрямую зависит исход трансграничного спора. Процессуальная квалификация создает риск «шопинга юрисдикции», позволяя истцу выбирать суд исключительно исходя из более длительных сроков давности по месту рассмотрения дела.

Анализ научной литературы последних лет свидетельствует о возрастающем интересе к данной проблематике.

Цель настоящей статьи заключается в сравнительно-правовом анализе доктринальных и нормативных подходов к разрешению конфликта квалификаций в контексте исковой давности и обосновании материально-правовой природы данного института как доминирующего тренда современного права. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить сущность конфликта квалификаций применительно к исковой давности;
- проанализировать эволюцию подходов в странах общего права (США, Великобритания);
- исследовать германский путь преодоления процессуальной квалификации;
- рассмотреть российскую модель регулирования, закрепленную в ст. 1187 и 1208 ГК РФ.

В научном сообществе отсутствует единый подход к определению юридической сущности института исковой давности. Ряд ученых придерживается мнения о его смешанном характере, утверждая, что он органично объединяет черты как материально-правового, так и процессуально-правового регулирования[1]. В континентальных правовых системах, таких как российская, исковая давность относится к материальному праву. В англосаксонских правовых системах она классифицируется как институт процессуального права[2].

В отечественной и зарубежной юридической литературе представлена позиция, согласно которой исковую давность следует понимать как сложный

[1] *Грибков Д.А.* Исковая давность и сроки обращения в суд в гражданском судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 189.

[2] *Лунц Л.А.* Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров // «Сов. ежегодник междунар. права», 1976. С. 119.

(комплексный) правовой феномен. Сторонники этого взгляда утверждают, что ее нельзя однозначно отнести ни к материальному, ни к процессуальному праву, поскольку она обладает признаками обеих отраслей и занимает между ними пограничное (интермедиарное) положение[3].

Хотя вопрос об отраслевой принадлежности исковой давности носит в первую очередь теоретический характер, его практическая значимость чрезвычайно высока. Тесное переплетение материальных и процессуальных начал в этом институте порождает реальные правовые последствия. Особенно наглядно это проявляется в сфере международного частного права при разрешении коллизионных вопросов.

Если суд квалифицирует исковую давность как процессуальную норму, он будет применять собственное национальное законодательство (*lex fori*), игнорируя материально-правовые предписания иностранного государства. Именно во избежание подобных ситуаций, когда сторона может выбрать подсудность, руководствуясь лишь выгодным сроком давности по месту рассмотрения спора, в документах международной унификации частного права давность последовательно определяется как институт материального, а не процессуального права.

Суть конфликта квалификаций заключается в том, что правовые институты, выполняющие сходную социальную функцию в разных правовых системах, нередко обладают в них принципиально различной отраслевой принадлежностью. Возникает своеобразный диалог, а зачастую и столкновение двух правопорядков: права суда (*lex fori*) и того иностранного права, к которому отсылает отечественная коллизионная норма для материального регулирования спорного отношения (*lex causae*)[4].

Возникает сложнейший и тонкий юридический вопрос: должна ли коллизионная отсылка, по сути, «следовать за предметом регулирования» в иностранном праве, даже если он находится там в иной отраслевой «ячейке»? Или же она ограничена рамками, заданными отечественной систематикой?

Представьте правовые системы как разные библиотеки с уникальными каталогами. Российский «каталог» размещает институт исковой давности в раз-

---

[3] *Bělohlávek A.* Rome convention. Rome I regulation commentary: New EU conflict-of-laws rules for contractual obligations: New York, 2010. P. 1665, 1670, 1675–1676, 2212; Орлов Л., Розенберг М. Указ. соч. С. 7; Mastino I. Op. cit. P. 129; *Эрделевский А.М.* Сделки. Исковая давность. М., 2008. С. 101; *Карнаух Б.П.* Позовна давність у практиці Європейського суду з прав людими // «Проблеми законності», № 134, 2016. С. 25.

[4] *Тариканов Д.В*. История становления и эволюция решения конфликта квалификаций в отношении исковой давности в международном частном праве стран англо-американского права и Германии // «Вестник гражданского права», № 6, 2022.

деле «Материальное гражданское право». Американский – в разделе «Гражданский процесс». Когда российский суд, руководствуясь коллизионной нормой, решает применить к спору «американское гражданское право» (материальное), он рискует не найти там искомого регулирования о давности, так как оно у «американцев» отнесено к процессу. Это классический пример конфликта квалификаций: один и тот же правовой инструмент получает принципиально разную отраслевую «прописку».

Поскольку коллизионная норма подразумевает отсылку именно к материальному праву иностранного государства, возникает дилемма: должен ли суд, следуя буквальной логике отсылки, искать норму только в тех разделах, которые соответствуют отечественному пониманию «материального права»?

Структура наших коллизионных норм, построенная по категориям национального материального права, вступает в конфликт с внутренней логикой и классификацией того иностранного правопорядка, к которому эти нормы адресуют. Это не просто техническое несоответствие терминов – это фундаментальное столкновение двух правовых культур в понимании самой природы одного и того же правового института (конфликт квалификаций)[5].

Яснее всего суть этого противоречия демонстрирует сравнение подходов российского и американского законодательства. В правовой системе России исковая давность признается институтом материального права, в то время как в США она традиционно квалифицируется как норма процессуального права. Это и есть классическое проявление конфликта квалификаций[6].

Аналогичным образом, Верховный суд США на протяжении более чем столетия неуклонно следует доктрине, в рамках которой сроки исковой давности однозначно определяются как **процессуальные нормы**, полностью подчиненные закону страны, где ведется судопроизводство (*lex fori*).

Эта правовая позиция, заложенная еще в прецедентах XIX века, остается краеугольным камнем американской практики. Так, в решении по делу **Bank of the United States v. Donnally** (1834г.) суд постановил, что если материальные условия договора регулируются иностранным правом, то все процессуальные вопросы, включая допустимые сроки для иска, определяются исключительно законодательством штата, где спор рассматривается.

---

[5] *Тариканов Д.В*. История становления и эволюция решения конфликта квалификаций в отношении исковой давности в международном частном праве стран англо-американского права и Германии // «Вестник гражданского права», № 6, 2022.

[6] *Kegel G*. Die Grenze von Qualifikation und Renvoi im internationalen Verjahrungsrecht. Koln: “Westdeutscher Verlag”, 1962 (далее цитируется по тексту: Kegel). P. 31.

Данный принцип был подтвержден и развит в деле McElmoyle v. Cohen (1839г.), где суд указал, что соблюдение процессуальных сроков, установленных судом, является общепризнанным правилом международной судебной практики. Эта линия была продолжена и в XX веке, в частности в решении по делу Wells v. Simonds Abrasive Co. (1953г.), где Верховный суд вновь классифицировал исковую давность как процессуальный институт, применяемый по закону суда[7].

Важным этапом в эволюции данной доктрины стало знаковое решение Верховного суда США по делу Sun Oil Company v. Wortman (1988г.). В нем Суд не только подтвердил конституционность традиционного подхода, согласно которому исковая давность квалифицируется как процессуальная норма, но и защитил сложившуюся за столетия коллизионную практику от попыток ее радикального пересмотра. Этим решением Суд отверг претензии некоторых современных теоретиков, называвших такой подход устаревшим и не соответствующим реалиям, и тем самым укрепил принцип процессуальной квалификации давности как действующего правового стандарта[8].

Некоторые ученые обращают внимание на формирование в США своеобразной гибридной модели. Несмотря на формальное сохранение классической доктрины, относящей давность к процессуальному праву (*lex fori*), в современной судебной практике все заметнее тенденция к учету ее материально-правовой сущности[9]. Таким образом, происходит определенная эволюция: правоприменительная логика постепенно смещается в сторону признания комплексной природы этого института[10].

В английском общем праве также возобладал процессуальный подход к исковой давности, основанный на классическом различении, закрепленном еще в деле Huber v. Steiner (1835): материальные вопросы (*ad litis decisionem*) решаются по иностранному праву, процессуальные (*ad litis ordinationem*) – по закону суда (*lex fori*)[11]. К последним была отнесена и давность. Эта доктрина, подтвержденная Палатой лордов в деле Donn v. Lippmann и развитая в целой серии прецедентов (например, Harris and Adams v. Quine, 1869; Black-Clawson

[7] Bank of United States v. Donnally (1834), 33 United States Reports (8 Peters) 361 = 8 Lawyers' Edition 974, McElmoyle v. Cohen (1839), 38 United States Reports (13 Peters) 312, Wells v Simonds Abrasive Co. (1953), 345 United States Reports 514 = 73 United States Supreme Court Reporter 856 = 97 Lawyers' Edition 1211.

[8] Supreme Court of New Hampshire United States Court of Appeals for the First Circuit, Keeton v. Hustler Magazine Inc. (1988), 131 New Hampshire Reports 6, 13 = 549 Atlantic Reporter 1187.

[9] Hay/Borchers/Symeonides/Whytock. P. 137, § 3.12.

[10] Fauvarque-Cosson. P. 247.

[11] Bingham's New Cases 202 = 2 Scott's Reports Common Pleas 304 = 132 English Reports 80.

International Ltd., 1975)[12], стала образцом для других юрисдикций общего права – Шотландии, Канады и Австралии, где высшие суды также стали применять к вопросам давности *lex fori*[13].

В решении по делу Harris and Adams v. Quine (1869) суд постановил, что истечение давностного срока не аннулирует само обязательство, а лишь дает должнику процессуальное право возразить против иска в конкретном суде. Обязательство сохраняет силу, но теряет возможность принудительного исполнения в данном процессе. Поскольку такой отказ в иске не обладает силой окончательного судебного решения (*res judicata*), кредитор может повторно предъявить то же требование в другой юрисдикции, где срок давности еще не истек. Суд признал, что такой подход порождает правовую неопределенность, позволяя обойти последствия пропуска срока путем выбора суда, и допустим лишь потому, что исковая давность квалифицируется как процессуальная, а не материальная норма[14].

Данный вопрос стал особенно острым для Великобритании при подготовке к присоединению к Римской конвенции 1980г. Перед законодателем встала сложная дилемма: принятие конвенции привело бы к правовому дуализму. В договорных спорах давность стала бы регулироваться применимым материальным правом, а в деликтных – по-прежнему законом суда (lex fori). Такой раскол для одного института в зависимости от основания иска был признан недопустимым с точки зрения системности права[15]. Для устранения этого противоречия был принят Акт об иностранных сроках исковой давности 1984 года (Foreign Limitation Periods Act). Он унифицировал подход, подчинив все вопросы давности – независимо от природы обязательства – праву, регулирующему существо спора. Позднее данная позиция была окончательно закреплена в Законе о международном частном праве 1995 года (п. «b» ч. 3 ст. 14)[16]

[12] Clark and Finelly's House of Lords Cases 1 = 7 English Reports 303, Harris and Adams v. Quine (1869), Law Reports Queen's Bench 1869, 653; Alliance Bank of Simla v. Carey (1880), Common Pleas Division 1880, 429; in Re Lorillard (1922), Chancery Division 1922, 638; Societe Anonyme Metallurgique de Prayon, Trooz, Belgium v. Koppel (1933), The Solicitors' Journal 1933, 800; Black-Clawson International Ltd. v. Papierwerke Waldhof-Aschaffenburg AG (1975), The Law Reports, Appeal Cases 591, 630 = 1 All England Law Reports 810 = 2 Lloyd's Law Reports 11

[13] House of Lords, Fergusson v. Fyffe (1841), 8 Clark and Finelly's House of Lords Cases 121, 140, Supreme Court of Canada, Rutledge v. United States Savings & Loan Co. (1906), 38 Supreme Court Reports 103, High Court of Australia, Pedersen v. Young (1964), 110 Commonwealth Law Reports (Australia) 162, 166.

[14] RG 18.05.1889. Rep. I 104/89 - RGZ 24, 383, 392.

[15] *Rabels Z.* 1985. 49. Jahrg. S. 371, Panagopoulos G. Substance and Procedure in Private International Law // "Journal of Private International Law". Vol. 1, 2005. PP. 69–92.

[16] Revue critique de droit international prive (RCDIP). 2016. PP. 657–667, 658.

и воспринята и другими ведущими юрисдикциями общего права, такими как Австралия[17] и Канада[18].

В рамках континентально-европейской (романо-германской) правовой традиции утвердился принципиально иной подход, последовательно относящий исковую давность к сфере материального права. Эта единая позиция континентальных систем стала основой и движущей силой для выработки универсальных международных стандартов, целью которых является гармонизация коллизионно-правового регулирования исковой давности и преодоление описанных противоречий.

В итоге современная правовая доктрина пришла к консенсусу, однозначно квалифицируя исковую давность как институт материального права. Этот вывод нашел свое подтверждение как в масштабных законодательных реформах, так и в устойчивой эволюции судебной практики стран общего права.

Таким образом, методологический спор об отраслевой принадлежности данного института можно считать разрешенным в пользу его материально-правовой природы.

Немецкая правовая мысль изначально придерживалась процессуальной квалификации давности[19]. Перелом наступил благодаря Фридриху Карлу фон Савиньи, который в 1849 году обосновал ее материально-правовую природу, указав на риски злоупотреблений при процессуальном подходе[20]. В 1874г. Высший торговый суд Германской империи официально принял эту теорию, постановив, что давность влияет на само субъективное право и должна регулироваться правом, применимым к существу обязательства[21].

В российском законодательстве (ст. 1187 и 1208 ГК РФ) закреплен взвешенный подход к разрешению коллизий квалификаций. Он основывается на

---

[17] Choice of Law (Limitation Periods Act N 94, Tilbury M., Davis G., Opeskin B. Conflict of Laws in Australia. Melbourne: “Oxford University Press”, 2002. P. 342.

[18] Supreme Court of Canada, Tolofson v. Jensen; Lucas (Litigation Guardian of) v. Gagnon (1994), 3 Supreme Court Reports 1022, 1071 и сл. Ср.: Supreme Court of Canada, Castillo v Castillo (2005), 3 Supreme Court Reports 870

[19] Mansel, Prescription. P. 1370. *Vangerow C.* Leitfaden fur Pandekten-Vorlesungen. Bd. 1.1. 1. Buch: Allgemeine Lehren. 2. Aufl. Marburg; Leipzig: Elwert, 1841. P. 52.

[20] *Savigny F.* System des heutigen romischen Rechts. Bd. 8. Berlin: Veit und Comp., 1849. P. 273, § 374.

[21] Reichsoberhandelsgericht 17.10.1874, Rep. 757/74, Gess v. Schmidt, Entscheidungen des Reichs-Oberhandelsgerichts 1875, 258, 259, Nr. 82 = Seuffert's Archiv 1875 (XIV), 323, 324, Nr. 221, Reichsgericht 10.12.1879 Rep. I 191/79 Die Entscheidungen des Reichsgerichts in Zivilsachen, *Тариканов Д.В.* История становления и эволюция решения конфликта квалификаций в отношении исковой давности в международном частном праве стран англо-американского права и Германии // «Вестник гражданского права», № 6, 2022. СПС «Консультант Плюс», 2022. С. 39.

систематике закона суда (lex fori): юридические понятия в коллизионных нормах толкуются по российскому праву, даже если отсылка ведет к иностранному правопорядку.

Ключевое решение в отношении исковой давности состоит в том, что ее сроки определяются по праву, применимому к существу спора (*lex causae*), – независимо от того, квалифицирует ли эта иностранная система давность как материальную или процессуальную норму. Эта позиция, подтвержденная Верховным Судом РФ (п. 7 Постановления Пленума № 24 от 09.07.2019), демонстрирует доминирование *lex fori* на стадии квалификации.

Таким образом, законодатель исходит из императивной материально-правовой природы исковой давности. Коллизионная отсылка означает поиск норм о давности в материальном массиве иностранного права, вне зависимости от его внутренней систематики.

Для преодоления описанного конфликта квалификаций в доктрине и практике международного частного права выработан комплексный подход, сочетающий методологические и нормативные инструменты.

На доктринальном уровне ключевое значение имеет преодоление узкоотраслевого понимания исковой давности и признание ее сложной, комплексной природы, тяготеющей, однако, к материально-правовому ядру. Как показано в работе, решающий вклад в обоснование материально-правовой природы давности внес Ф.К. фон Савиньи (1849), указавший на риски злоупотреблений при процессуальном подходе. Современная доктрина исходит из того, что давность непосредственно влияет на существование субъективного права, а не только на процедуру его защиты, что и обусловливает необходимость ее подчинения статуту существа отношения (*lex causae*).

На законодательном уровне наиболее эффективным способом решения проблемы признана унификация коллизионного регулирования. Ключевым инструментом здесь выступает закрепление в национальном законодательстве нормы, прямо предписывающей применение к исковой давности права, регулирующего существо спора. Именно такой путь избрал российский законодатель в ст. 1208 ГК РФ. Аналогичное решение реализовано в Великобритании в Foreign Limitation Periods Act 1984г., который окончательно преодолел процессуальную квалификацию давности в английском праве.

На правоприменительном уровне важнейшим инструментом разрешения конфликта квалификаций выступает правило, закрепленное в ст. 1187 ГК РФ: при определении права, подлежащего применению, юридические понятия квалифицируются по российскому праву, если иное не предусмотрено зако-

ном. Это означает, что российский суд, столкнувшись с отсылкой к иностранному праву, должен искать нормы об исковой давности в том массиве иностранного законодательства, который соответствует российскому пониманию материального права, вне зависимости от внутренней систематики иностранного правопорядка.

Таким образом, конфликт квалификаций в отношении исковой давности разрешается путем последовательной имплементации материально-правового подхода на трех уровнях: доктринальном, законодательном и правоприменительном. Российская модель, предписывающая поиск норм о давности в материальном массиве иностранного права независимо от его внутренней систематики, полностью соответствует современным тенденциям развития международного частного права и обеспечивает эффективное преодоление конфликта квалификаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грибков Д.А.* Исковая давность и сроки обращения в суд в гражданском судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009, 189с.
2. *Лунц Л.А.* Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров // «Советский ежегодник международного права», 1976. СС. 119–129.
3. *Карнаух Б.П.* Позовна давність у практиці Європейського суду з прав людими // «Проблеми законності», № 134, 2016. СС. 25–35.
4. *Орлов Л., Розенберг М.* Исковая давность в международном коммерческом обороте // «Хозяйство и право», 1994. Приложение к № 10. СС. 7–15.
5. *Тариканов Д.В.* История становления и эволюция решения конфликта квалификаций в отношении исковой давности в международном частном праве стран англо-американского права и Германии // «Вестник гражданского права», № 6, 2022. СПС «Консультант Плюс», 2022. СС. 39–72.
6. *Эрделевский А.М.* Сделки. Исковая давность. М.: «Статут», 2008, 201с.
7. *Bělohlávek A.* Rome convention. Rome I regulation commentary: New EU conflict-of-laws rules for contractual obligations. New York: “Juris Publishing”, 2010, 2800p.
8. *Fauvarque-Cosson B.* Comparative Law and Limitation Periods // “European Review of Private Law”. Vol. 13, 2005. PP. 247–256.
9. *Hay P., Borchers P., Symeonides S., Whytock C.* Conflict of Laws. 6th ed. St. Paul: “West Academic Publishing”, 2018, 1408p.
10. *Kegel G.* Die Grenze von Qualifikation und Renvoi im internationalen Verjahrungsrecht. Koln: “Westdeutscher Verlag”, 1962, 31s.
11. *Mansel H.-P. Prescription // Basedow J., Hopt K., Zimmermann R. (eds.).* The Max Planck Encyclopedia of European Private Law. Oxford: “Oxford University Press”, 2012. PP. 1370–1374.
12. *Mastino I.* The Concept of Prescription in European Private Law // “European Review of Private Law”. Vol. 16, 2008. PP. 129–146.
13. *Panagopoulos G.* Substance and Procedure in Private International Law // “Journal of Private International Law”. Vol. 1, 2005. PP. 69–92.
14. *Savigny F.* System des heutigen romischen Rechts. Bd. 8. Berlin: “Veit und Comp.”, 1849, 368p.

15. *Tilbury M., Davis G., Opeskin B.* Conflict of Laws in Australia. Melbourne: "Oxford University Press", 2002, 950p.
16. *Vangerow C.* Leitfaden fur Pandekten-Vorlesungen. Bd. 1.1. 1. Buch: Allgemeine Lehren. 2. Aufl. Marburg; Leipzig: Elwert, 1841, 152p.
17. Bank of United States v. Donnally, 33 U.S. (8 Pet.) 361 (1834).
18. McElmoyle v. Cohen, 38 U.S. (13 Pet.) 312 (1839).
19. Wells v. Simonds Abrasive Co., 345 U.S. 514 (1953).
20. Keeton v. Hustler Magazine, Inc., 465 U.S. 770 (1984); on remand, 131 N.H. 6, 549 A.2d 1187 (1988).
21. Huber v. Steiner, (1835) 2 Scott 304, 132 Eng. Rep. 80 (C.P.).
22. Harris and Adams v. Quine, (1869) L.R. 4 Q.B. 653.
23. Black-Clawson International Ltd. v. Papierwerke Waldhof-Aschaffenburg AG, [1975] A.C. 591 (H.L.).
24. Entscheidungen des Reichs-Oberhandelsgerichts. Bd. 14. N 82 (Gess v. Schmidt, 17.10.1874). PP. 258–259.
25. Entscheidungen des Reichsgerichts in Zivilsachen. Bd. 24. S. 383 (RG, 18.05.1889).
26. Tolofson v. Jensen; Lucas (Litigation Guardian of) v. Gagnon, [1994] 3 S.C.R. 1022.
27. Castillo v. Castillo, [2005] 3 S.C.R. 870.
28. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 03.12.2001, № 49. Ст. 4552.
29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019, № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 9, 2019.
30. Foreign Limitation Periods Act 1984 (UK).
31. Private International Law (Miscellaneous Provisions) Act 1995 (UK).

CONFLICT OF QUALIFICATIONS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF STATUTE OF LIMITATIONS

G. Airapetian
St. Petersburg State University

ABSTRACT

The article examines the problem of the conflict of qualification in private international law, using the statute of limitations as a case study. The fundamental divergence in the legal nature of this institution (substantive law in the continental tradition vs. procedural law in the Anglo-Saxon system) creates significant conflict-of-laws difficulties: the outcome of a dispute directly depends on whether limitation periods are governed by the *lex causae* or the *lex fori*. This paper aims to trace the evolution of doctrinal and legislative approaches to resolving this conflict across different legal systems. The research employs comparative legal and historical-legal methods, analyzing court precedents from the USA, UK, and Germany from the 19th and 20th centuries, as well as provisions of modern Russian legislation. The findings reveal that, despite the long-standing dominance of the procedural qualifica-

tion in common law, the substantive approach prevailed during the reforms of the second half of the 20th century, influenced by continental doctrine and international unification processes. The article concludes that in modern private international law, limitation periods should be governed by the law applicable to the substance of the dispute (*lex causae*), a principle reflected in the Russian Civil Code and judicial practice.

Keywords: statute of limitations, limitation of actions, conflict of qualification, private international law, *lex causae*, *lex fori*, comparative law.

СТРАТЕГИЯ «ТЕНЕВЫХ БИБЛИОТЕК» И ПРЕДЕЛЫ ДОБРОСОВЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ: АНАЛИЗ АВТОРСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В ДЕЛЕ BARTZ V. ANTHROPIC PBC

Е.Ю. Кубышкина

Балтийский федеральный университет имени им. Канта
eykubyshkina1@kantiana.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что Развитие технологий Искусственного интеллекта (ИИ) и эволюция института авторского права в условиях цифровизации и требуют переосмысления традиционных подходов к регулированию и поиску компромиссов интересов. Настоящая статья посвящена анализу правовых проблем, связанных с использованием «теневых библиотек» (*shadow libraries*) для обучения систем искусственного интеллекта. В статье проводится анализ двойственной природы данного феномена, с одной стороны, как инструмента обеспечения доступа к научному знанию, а с другой – угрозы экономическим интересам правообладателей. Особое внимание уделяется прецедентному делу Bartz et al. v. Anthropic PBC, в рамках которого суд разделил ответственность за использование легально приобретенных книг и произведений, полученных из заведомо нелегальных источников. Анализируются последующие судебные акты, формирующие новый подход к оценке происхождения данных при обучении ИИ. Отдельно рассматривается российское правовое регулирование: в отличие от США, в РФ отсутствует доктрина добросовестного использования, а закрытый перечень случаев свободного использования (ст. 1273–1280 ГК РФ) не допускает коммерческого применения охраняемых произведений для обучения ИИ без согласия правообладателя. Вывод данного исследования обозначил проблему правового положения отечественных разработчиков ввиду отсутствия гибкой доктрины добросовестного использования в Российским праве.

Ключевые слова: авторское право, искусственный интеллект, «теневые библиотеки», интеллектуальная собственность, добросовестное использование.

1. Введение

В современном мире ввиду развития технологий искусственного интеллекта (ИИ) для правового регулирования авторского права возникает все больше и больше технических вызовов, в особенности, происходит обострение ранее неурегулированных процессов, что особенно осложняется из-за гло-

бализации и свободного доступа к интернет-ресурсам. В данной статье рассмотрим подробно проблематику существования «теневых библиотек» (*shadow libraries*), которые прошли путь исторического, политического и технологического развития и представляют собой сложный и многогранный вызов для современной системы интеллектуальной собственности. В истории России, которая имеет богатую историю самиздата, восходящую к советской эпохе, где существовала строгая государственная цензура и контроль над печатными материалами, что породило диссидентскую деятельность по копированию и распространению цензурированных или подпольных работ, теневые библиотеки также берут свое начало.

В настоящее время под термином «теневая библиотека» понимаются нелегальные онлайн-репозитории, осуществляющие массовое копирование и распространение охраняемых авторским правом произведений без согласия правообладателей. Наиболее репрезентативными примерами таких ресурсов выступают “Library Genesis” (LibGen) и “Pirate Library Mirror” (PiLiMi), которые аккумулируют миллионы книг и научных статей, предоставляя к ним свободный доступ в нарушение действующего законодательства.

Социальное и технологическое значение данного феномена носит двойственный характер. С одной стороны, теневые библиотеки рассматриваются исследовательским сообществом как инструмент преодоления барьеров в доступе к научному знанию, особенно в странах с ограниченными возможностями для приобретения лицензионных академических ресурсов. С другой стороны, для индустрии контента и правообладателей они представляют собой угрозу экономическим интересам, масштаб которой приобрел качественно новое измерение в эпоху развития технологий искусственного интеллекта. Официальная статистика демонстрирует, что обучение больших языковых моделей требует беспрецедентных объемов текстовых данных. Так, в рамках подготовки корпуса для обучения модели “Claude” компанией “Anthropic” было загружено не менее пяти миллионов копий книг из “LibGen” в июне 2021г. и дополнительно не менее двух миллионов копий из PiLiMi в июле 2022г.[1] Таким образом, технологические компании превратились в крупнейших потребителей контента из нелегальных источников, что перевело проблему теневых библиотек из плоскости академической дискуссии о доступности знаний в плоскость многомиллиардных коммерческих споров.

[1] Согласно материалам дела Bartz et al. v. Anthropic PBC (№ 3:24-cv-05417, N.D. Cal.)

2. Анализ судебного разбирательства Bartz et al. v. Anthropic PBC

Судебное разбирательство по делу Bartz et al. v. Anthropic PBC (№ 3:24-cv-05417, N.D. Cal.) представляет собой поворотный момент в формировании правовых подходов к регулированию генеративного ИИ [2]. Иск был подан в августе 2024г. группой авторов, включая Андреа Бартц, Чарльза Гребера и Кирка Уоллеса Джонсона, которые обнаружили свои охраняемые произведения в тренировочных данных модели Claude. Ключевой особенностью дела стало рассмотрение двух различных способов получения компанией Anthropic литературных произведений:

- легальное приобретение печатных книг с последующим сканированием и уничтожением бумажных носителей (*destructive digitization*);
- массовое копирование контента из заведомо нелегальных теневых библиотек LibGen и PiLiMi.

В иске авторы говорили: “It is not consistent with core human values or the public benefit to download hundreds of thousands of books from a known illegal source. Anthropic has attempted to steal the fire of Prometheus. It is no exaggeration to say that Anthropic’s model seeks to profit from strip-mining the human expression and ingenuity behind each one of those works”[2].

Кульминацией процесса стало решение по суммарному судопроизводству, вынесенное 23 июня 2025г. судьей Уильямом Алсупом (William Alsup). Судья Алсуп предложил новаторскую конструкцию, разделившую действия ответчика на две категории с различной юридической судьбой. В отношении легально приобретенных книг суд применил доктрину fair use, то есть обозначив добросовестное использование произведения. Согласно 17 U.S. Code § 107 – Limitations on exclusive rights: Fair use для определения добросовестного использования произведения следует учитывать следующие факторы:

- цель и характер использования, включая то, носит ли такое использование коммерческий характер или предназначено для некоммерческих образовательных целей;
- характер произведения, защищенного авторским правом;
- объем и существенность использованной части по отношению к произведению, защищенному авторским правом, в целом;

[2] Пер. с англ.: Загрузка сотен тысяч книг из заведомо нелегального источника противоречит основным человеческим ценностям и не приносит пользы обществу. Компания “Anthropic” попыталась украсть «огонь» Прометея. Без преувеличения можно сказать, что модель “Anthropic” стремится извлечь выгоду из эксплуатации человеческого самовыражения и изобретательности, стоящих за каждым из этих произведений.

- влияние использования на потенциальный рынок или ценность произведения, защищенного авторским правом.

В том числе: «Тот факт, что произведение не было опубликовано, сам по себе не является препятствием для признания использования добросовестным, если такое признание сделано с учетом всех вышеуказанных факторов».

Судья охарактеризовал технологию обучения как: “among the most transformative we will see in our lifetimes”, то есть как одну из наиболее трансформативных, которые когда-либо видела судебная практика поскольку модель извлекает статистические закономерности языка, а не воспроизводит экспрессивное содержание оригиналов. Таким образом, судья провел прямую аналогию с обучением человека: «Все читают тексты, а затем пишут новые. Им может потребоваться заплатить за то, чтобы получить текст в руки. Но заставлять кого-либо платить конкретно за использование книги каждый раз, когда он ее читает, каждый раз, когда он вспоминает ее по памяти, каждый раз, когда он позже обращается к ней при написании новых вещей новыми способами, было бы немыслимо. На протяжении веков мы читали и перечитывали книги. Мы восхищались, запоминали и усваивали их всеобъемлющие темы, их содержательные моменты и их стилистические решения повторяющихся проблем письма».

В том числе с ссылкой на текст статьи 107 Закона США об авторском праве (17 USC § 102(b)), судья подвел итог: «Но если бы кто-то прочитал все современные классические произведения из-за их исключительной выразительности, запомнил бы их наизусть, а затем подражал бы сочетанию их лучших черт стиля, нарушило бы это закон об авторском праве? Конечно, нет. Авторское право не распространяется на «методы действия, концепции или принципы», «иллюстрированные или воплощенные в произведении»».

Однако принципиально иной вывод был сделан в отношении произведений, полученных из теневых библиотек. Судья Алсуп отверг применение доктрины fair use к факту создания и поддержания постоянного цифрового репозитория пиратских книг, квалифицировав такое поведение как “inherently, irredeemably infringing” («неотъемлемо, непоправимо нарушающее авторские права»). Критическое значение имело то обстоятельство, что компания хранила миллионы пиратских копий бессрочно, вне зависимости от того, были ли они фактически использованы для обучения конкретных моделей. Суд особо отметил, что ответчик отказывался прояснить, какие именно из скачанных книг действительно применялись в тренировочном процессе, что свидетельствовало о создании «постоянной универсальной библиотеки», а не о технологически необходимом промежуточном копировании.

- Последующая судебная практика

Судья Алсуп в деле Bartz v. Anthropic в контексте применения ст. 107 Закона США об авторском праве (17 U.S.C. § 107), последовательно провел анализ четырех факторов, которые были приведены ранее, но его анализ обрел особую значимость в свете двух сопутствующих решений, сформировавших новый подход к правовому регулированию «теневых библиотек».

В деле Kadrey v. Meta Platforms[3] (N.D. Cal., 25 июня 2025г.) судья Винс Чабрия (Vince Chhabria), также признав обучение ИИ трансформативным использованием, уделил особое внимание четвертому фактору – влиянию на рынок оригинальных произведений [5]. Судья Чабрия поставил несколько вопросов, связанных с текстом, созданным LLM-программой, например: “Third, what impact does this competition actually have on sales of the books it competes with? Does it drown out those books entirely? Does it just chisel at their sales at the margins?”[4] В дальнейшем он ввел концепцию «рыночной конкуренции» (*market competition theory*), указав, что контент, генерируемый ИИ, может нарушать авторские права просто путем конкуренции с охраняемыми произведениями, даже без прямого замещения. Хотя в данном деле суд удовлетворил требования Meta из-за недостаточности доказательств рыночного ущерба, он подчеркнул, что «размывание рынка» (*market dilution*) в будущем может стать решающим фактором в пользу правообладателей.

В противоположность этому, дело “Thomson Reuters v. ROSS Intelligence” (D. Del., февраль 2025г.) продемонстрировало границы fair use: судья Стефанос Бибас (Stephanos Bibas) отказал в защите ответчику, поскольку его использование было направлено на создание конкурирующего продукта для того же рынка юридических исследований, что исключало трансформативный характер копирования [4].

На этом фоне решение судьи Алсупа по делу “Anthropic” приобрело особое доктринальное значение. Суд установил водораздел: сама по себе технология обучения признается трансформативной, но способ получения исходных материалов (*provenance of data*) имеет самостоятельное юридическое значение. “…does a possible benefit to the public save Ross. Yes, there is a public

[3] «Организация признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ»

[4] Пер. с англ.: в-третьих, какое реальное влияние оказывает эта конкуренция на продажи книг, с которыми она конкурирует? Она полностью заглушает эти книги? Или же она лишь незначительно влияет на их продажи?

interest in accessing the law. But legal opinions are freely available, and "the public's interestin the subject matter" alone is not enough"[5]. Чистота цепочки поставок данных стала критическим фактором, способным нейтрализовать даже самый сильный аргумент о трансформативности использования.

Кульминацией разбирательства стало мировое соглашение, объявленное в августе 2025г. и предварительно утвержденное судьей Алсупом 25 сентября 2025г. "Anthropic" обязалась выплатить минимально 1,5 млрд долларов США за использование пиратских книг, что составляет приблизительно 3 000 долларов за каждое из примерно 500 000 охраняемых произведений, загруженных из "LibGen" или "PiLiMi" и подпадающих под юрисдикцию США. Данная сумма в четыре раза превышает минимальный размер установленных законом убытков (750 долларов) и в 100 раз превышает среднюю стоимость легально приобретенной печатной книги, что создает мощный экономический стимул для перехода к лицензионным моделям. Принципиально важным условием соглашения является его узкая направленность: оно распространяется только на прошлые нарушения и не освобождает Anthropic от ответственности за будущее использование произведений или за потенциально нарушающий авторские права вывод модели.

Правовое регулирование «теневых библиотек» в Российской Федерации

Российская правовая система демонстрирует принципиально иной подход к регулированию отношений в сфере интеллектуальной собственности, что делает экстраполяция выводов из дела "Bartz v. Anthropic" невозможной без учета фундаментальных различий. В Российском законодательстве отсутствует аналогичная американской доктрина добросовестного использования.

Глава 70 Гражданского кодекса РФ содержит закрытый перечень случаев свободного использования произведений (ст. 1273–1280 ГК РФ). Эти нормы сформулированы исчерпывающим образом и не подлежат расширительному толкованию. В настоящее время ни одна из статей ГК РФ прямо не допускает использование охраняемых произведений для обучения систем искусственного интеллекта без согласия правообладателя. Наиболее релевантной представляется статья 1275 ГК РФ, регулирующая свободное воспроизведение

[5] Пер. с англ.: спасает ли Росса потенциальная польза для общества? Да, существует общественный интерес в доступе к закону. Но юридические заключения находятся в свободном доступе, и одного лишь «общественного интереса к предмету» недостаточно.

библиотеками, архивами и образовательными организациями, однако ее применение строго ограничено некоммерческими целями и восстановлением, заменой утраченных экземпляров или предоставлением доступа в образовательных целях. В том числе регламентируется: «При этом экземпляры произведений в электронной форме могут предоставляться во временное безвозмездное пользование только в помещении библиотеки или архива при условии исключения возможности дальнейшего создания копий произведений в электронной форме». Коммерческое использование результатов интеллектуальной деятельности для создания технологического продукта (LLM) под указанные исключения не подпадает.

В рамках российского судебного процесса правовая оценка неизбежно разделилась бы на несколько самостоятельных вопросов.

1. Загрузка произведений из теневых библиотек образует состав нарушения исключительного права, предусмотренный статьей 1270 ГК РФ, как воспроизведение произведения.
2. Создание постоянной цифровой копии (репозитория) квалифицируется как хранение электронной формы произведения, что также является правомочием, принадлежащим исключительно правообладателю.
3. Процесс обучения, связанный с многократным копированием и преобразованием текстов в токены, представляет собой воспроизведение или переработку произведения.

Российское законодательство, в отличие от американского, не предусматривает возможность «спасения» неправомерно полученной копии последующим трансформативным использованием. Нарушение на стадии приобретения контента не может быть компенсировано легитимностью конечной цели. Нарушение исключительного права на произведение, предусмотренного статьей 1270 ГК РФ (использование объекта авторских прав без согласия правообладателя), влечет комплекс юридических последствий, установленных действующим законодательством. Ответственность дифференцируется в зависимости от характера правонарушения и субъектного состава:

1. *Гражданско-правовая ответственность*

В соответствии со статьей 1252 ГК РФ защита исключительных прав осуществляется, в частности, путем предъявления требований:

- о признании права – к лицу, отрицающему или иным образом не признающему право;
- о пресечении действий, нарушающих право – к лицу, совершающему такие действия или осуществляющему подготовку к ним;

- о возмещении убытков – к нарушителю. Убытки определяются по правилам статей 15 и 393 ГК РФ;
- об изъятии материальных носителей – оборудование, устройства и материалы, используемые или предназначенные для нарушения, по решению суда подлежат изъятию из оборота и уничтожению (пункт 4 статьи 1252 ГК РФ);
- о выплате компенсации – вместо возмещения убытков. Согласно статье 1301 ГК РФ компенсация может составлять:
  - ✓ от 10 000 до 5 000 000 рублей (определяется по усмотрению суда);
  - ✓ двукратный размер стоимости контрафактных экземпляров произведения;
  - ✓ двукратный размер стоимости права использования произведения, определяемой на основании цены, обычно взимаемой за правомерное использование.

2. *Административная ответственность*

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает ответственность по статье 7.12:

- за ввоз, продажу, сдачу в прокат или иное незаконное использование экземпляров произведений в целях извлечения дохода, если они являются контрафактными;
- на граждан – штраф от 1 500 до 2 000 рублей с конфискацией контрафакта;
- на должностных лиц – штраф от 10 000 до 20 000 рублей с конфискацией;
- на юридических лиц – штраф от 30 000 до 40 000 рублей с конфискацией.

3. *Уголовная ответственность*

Уголовный кодекс РФ в статье 146 предусматривает наказание за:

- присвоение авторства (плагиат) – штраф до 200 000 рублей или обязательные работы;
- незаконное использование объектов авторского права, а равно приобретение, хранение, перевозка контрафакта в крупном или особо крупном размере – штраф до 500 000 рублей, либо принудительные работы, либо лишение свободы на срок до шести лет (в зависимости от тяжести, группы лиц и размера ущерба).

Таким образом, в российской правовой реальности ответчик, подобный Anthropic, столкнулся бы с квалификацией своих действий как длящегося нарушения исключительного права. При этом применение положений статьи

1253.1 ГК РФ об информационных посредниках не освободило бы разработчика от ответственности, поскольку он выступает не просто как технологический провайдер, а как лицо, инициирующее и контролирующее процесс создания и использования контента. Сходство с американским подходом прослеживается лишь в негативной оценке использования пиратских источников, однако различия заключаются в невозможности легализации такого поведения через доктрину *fair use* и в отсутствии механизма трансформативного использования как самостоятельного основания для освобождения от ответственности.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд концептуальных выводов, имеющих значение для понимания векторов развития авторского права в эпоху генеративного ИИ. Стратегия «теневых библиотек», реализованная истцами в деле Bartz v. Anthropic, продемонстрировала высокую эффективность: смещение фокуса с анализа выходных данных на проверку чистоты входных данных позволило обойти мощный аргумент о трансформативности обучения и добиться крупнейшего в истории авторского урегулирования. Мировое соглашение на сумму 1,5 млрд долларов создало прецедент оценки ущерба и сформировало рыночный сигнал: цена одного неправомерно использованного файла составляет приблизительно 3 000 долларов, что в 100 раз превышает стоимость его легального приобретения.

Для российской правовой системы данный прецедент ценен в компаративном аспекте, демонстрируя риски, связанные с использованием нелегальных источников контента. В отсутствие гибкой доктрины *fair use* российские разработчики ИИ находятся в зоне повышенного правового риска. Любое коммерческое использование охраняемых произведений для обучения моделей требует получения разрешения от правообладателя, а загрузка контента из теневых библиотек образует самостоятельный состав нарушения, ответственность за которое не поглощается последующим технологическим процессом. Верификация происхождения данных из технической проблемы трансформируется в фундаментальное юридическое требование, определяющее саму возможность легального функционирования бизнеса в сфере искусственного интеллекта как в США, так и в России, хотя и в рамках различных доктринальных конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. [Текст]: эл. // justia.com: [сайт]. URL: https://docs.justia.com/cases/federal/district-courts/california/candce/3:2024cv05417/434709/296

2. [Текст]: эл. // lexology.com: [сайт]. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=97adbab8-b5f4-4e95-b721-9b3939cf9028
3. [Текст]: эл. // law.cornell.edu: [сайт]. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/107
4. [Текст]: эл. // ded.uscourts.gov: [сайт]. URL: https://www.ded.uscourts.gov/sites/ded/files/opinions/20-613_
5. [Текст]: эл. // govinfo.gov: [сайт]. URL: https://www.govinfo.gov/app/details/USCOURTS-cand-3_23-cv-03417/context
6. [Текст]: эл. // courtlistener.com: [сайт]. URL: https://www.courtlistener.com/docket/69058235/bartz-v-anthropic-pbc/?page=1
7. *Шухов Ф.Г.* Значение изучения зарубежной судебной практики в сфере претензий к Искусственному интеллекту для Российской Федерации // «Аграрное и земельное право», 2025 / Ф.Г. Шухов. Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-izucheniya-zarubezhnoy-sudebnoy-praktiki-v-sfere-pretenziy-k-iskusstvennomu-intellektu-dlya-rossiyskoy-federatsii
8. *Артемова А.Н.* Использование объектов авторского права в машинном обучении: в поисках баланса интересов правообладателей и общества // “Respublica Literaria”, 2024 / А.Н. Артемова. [Текст]: эл. // cyberleninka.ru: [сайт]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-obektov-avtorskogo-prava-v-mashinnom-obuchenii-v-poiskah-balansa-interesov-pravoobladateley-i-obschestva
9. *Давтян А.М., Абраамян А.А.* (Не)искусственный интеллект: вопросы права интеллектуальной собственности в контексте взаимодействия с ИИ // «Семнадцатая Годичная научная конференция. Сер.: Социально-гуманитарные науки». Часть II. 2024. [Текст]: эл. // cyberleninka.ru: [сайт]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ne-iskusstvennyy-intellekt-voprosy-prava-intellektualnoy-sobstvennosti-v-kontekste-vzaimodeystviya-s-ii

THE “SHADOW LIBRARIES” STRATEGY AND THE LIMITS OF FAIR USE: AN ANALYSIS OF COPYRIGHT ADJUDICATION IN THE BARTZ V. ANTHROPIC PBC CASE

E. Kubyshkina
Immanuel Kant Baltic Federal University

ABSTRACT

The development of artificial intelligence (AI) technologies and the evolution of the institution of copyright in the context of digitalization necessitate a rethinking of traditional approaches to regulation and the search for a compromise of interests. This article is devoted to the analysis of legal problems associated with the use of “shadow libraries” for training artificial intelligence systems. The article analyzes the dual nature of this phenomenon, viewing it, on one hand, as a tool for providing access to scientific knowledge, and on the other, as a threat to the economic interests of copyright holders. Special attention is paid to the precedent-setting case Bartz et al. v. Anthropic PBC, in which the court distinguished liability for the use of legally purchased books versus works obtained from knowingly illegal sources. Subsequent judicial acts that are shaping a new approach to assessing the provenance of data in AI training are analyzed. Russian legal regulation is examined

separately: unlike the USA, the Russian Federation does not have a fair use doctrine, and the closed list of cases of free use (Articles 1273–1280 of the Civil Code of the Russian Federation) does not permit the commercial use of protected works for AI training without the consent of the copyright holder. The conclusion of this study highlights the problematic legal position of domestic developers due to the absence of a flexible fair use doctrine in Russian law.
Keywords: copyright, artificial intelligence, shadow libraries, intellectual property, fair use.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В НОТАРИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ РФ И РА

М.С. Саакян, А.Г. Давтян

Российско-Армянский университет
sahakianmeri@gmail.com, drdavtyan@yahoo.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится сравнительно-правовой анализ института обеспечения доказательств в нотариальной деятельности Российской Федерации (РФ) и Республики Армения (РА). На основе анализа законодательств и правоприменительной практики рассматриваются полномочия нотариусов по фиксации фактических данных, процедурные особенности совершения действий и специфика работы с электронными доказательствами. Выявлены ключевые сходства и различия в подходах двух стран к обеспечению доказательств, находящихся в судебном производстве. Автором представлены законодательные предложения, направленные на совершенствование института обеспечения доказательств.

Ключевые слова: нотариат, обеспечение доказательств, письменные доказательства, гражданский процесс, протокол осмотра.

Введение

В условиях глобальной цифровизации и усложнения гражданского оборота роль нотариата, как института превентивного правосудия, неуклонно растет. Одним из наиболее востребованных нотариальных действий является обеспечение доказательств, направленное на оперативную фиксацию информации, которая в будущем может стать недоступной или труднопредставимой.

Сравнительно-правовой анализ показывает резкий контраст в востребованности данного инструмента в рассматриваемых юрисдикциях. В РФ наблюдается устойчивая положительная динамика: количество обращений возросло почти в 6 раз за последнее десятилетие, превысив в 2024 году 45.000 действий. В РА, напротив, интенсивность применения данного института остается на критически низком уровне: согласно официальной статистике, за три квартала 2025 года совершено всего 79 подобных актов [1].

Столь существенная разница обусловлена концептуальными различиями в процессуальном законодательстве. Ключевым барьером в РА является императивная норма ст. 79 Закона «О нотариате», устанавливающая строгий запрет на обеспечение доказательств по делам, уже находящимся в производстве

суда. В правовой системе РФ данное ограничение было устранено, что позволило нотариусу выступать в качестве полноценного субъекта содействия правосудию на любой стадии спора, способствуя разгрузке судебной системы [2].

Актуальность исследования усиливается тем, что до 85% общего объема действий в РФ сегодня приходится на электронные доказательства в сети Интернет, характеризующиеся рисками мгновенного удаления [3].

Институт нотариата способствует осуществлению правосудия судами и арбитражными судами посредством обеспечения доказательств, тем самым содействуя снижению нагрузки на судебную систему. Наряду с этим, нотариат, обеспечивая доказательства, оказывает содействие административным органам при осуществлении ими своих полномочий [4].

Обеспечение доказательств нотариусами представляет собой процедуру оперативной фиксации фактических данных, осуществляемая в установленном законом порядке и в предусмотренной законодательством форме, по заявлению заинтересованных лиц, с целью их последующего представления в суд или административный орган. Значение данного нотариального действия заключается в возможности своевременного закрепления доказательственной информации, что позволяет предотвратить ее утрату или искажение.

В соответствии со ст. 102 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» и ст. 79 Закона Республики Армения «О нотариате», нотариус по обращению заинтересованных лиц осуществляет обеспечение доказательств в случаях, когда имеются основания полагать, что их последующее представление может оказаться невозможным либо затруднительным. При этом российское законодательство предусматривает использование обеспеченных доказательств при рассмотрении дела в суде или административном органе, тогда как Закон РА связывает их необходимость с возможностью возбуждения дела в суде, либо в правоохранительных органах. Необходимо также указать, что нотариус сам решает вопросы необходимости обеспечения доказательств, учитывая конкретные обстоятельства, которые должны быть мотивированы заявителем [5, с 223].

Например, необходимость обеспечения доказательств возникает в случае необходимости незамедлительного представления в суд вещественных доказательств, которые быстро портятся и могут утратить свой внешний вид и свойства, необходимые для их представления в качестве доказательства в суде. Также такая необходимость возникает, когда свидетель, способный дать важные и значимые для дела показания в суде, страдает тяжелым заболеванием [11, с 135].

Существенным различием в правовом регулировании является возможность обеспечения доказательств в случаях, когда дело уже находится на рассмотрении суда. В российском законодательстве до 2014 года существовало ограничение, не допускавшее совершение нотариусом данного действия по делам, находящимся в судебном производстве. В настоящее время нотариус наделен правом обеспечивать доказательства как до возникновения судебного спора, так и в период его рассмотрения судом. Такое регулирование представляет собой определенное исключение от принципа непосредственности исследования доказательств судом и направлено на оптимизацию судебной нагрузки.

Законодательство РА устанавливает императивный запрет на осуществление нотариального обеспечения доказательств по спорам, уже находящимся в производстве суда. Данное ограничение закреплено в части 2 ст. 79 Закона РА «О нотариате» [2].

Законодательство РФ и РА предусматривают схожий перечень действий: допрос свидетелей, осмотр письменных и вещественных доказательств, назначение экспертизы. В РФ перечень видов обеспечения доказательств не является исчерпывающим, что позволяет нотариусам фиксировать информацию способом, прямо не указанным в законе, например, содержание аудио- и видеозаписей. В РА нотариусы также наделены правом совершать иные действия, предусмотренные Гражданским процессуальным кодексом РА для обеспечения доказательств.

Нововведением в законодательстве РФ стала часть вторая ст. 103, которая гласит, что возможно обеспечение доказательства удаленно. Законодательство допускает возможность дистанционного обеспечения доказательств в качестве альтернативы традиционному порядку обращения к нотариусу при личном присутствии. При этом в удаленном формате допускается лишь совершение нотариального действия по осмотру доказательств, размещенных в сети Интернет. Совершенное нотариальное действие подлежит обязательной регистрации в соответствующих реестрах Единой информационной системы нотариата.

Общим правилом для обеих стран является обязанность нотариуса известить стороны и заинтересованных лиц о времени и месте обеспечения доказательств. Однако в РФ законодательно закреплена возможность совершения действия без извещения в случаях, не терпящих отлагательства, или когда нельзя определить, кто впоследствии будет участвовать в деле [12]. К таким случаям в РФ относят осмотр информации в сети Интернет, так как она может

быть удалена в любой момент [6]. В РА неявка извещенных лиц также не является препятствием для совершения действия. Судебная практика РФ показывает, что недобросовестное сокрытие заявителем информации о наличии судебного спора может привести к признанию нотариального протокола недопустимым доказательством.

В современной практике РФ осмотр информации в сети Интернет занимает около 85% от общего объема действий по обеспечению доказательств. Нотариусы РФ проводят детальную техническую проверку: проверку hosts-файла, установление IP-адреса, трассировку маршрута для подтверждения подлинности ресурса. Протокол осмотра включает скриншоты, описание программного обеспечения и антивирусной защиты.

В РА ст. 77 Закона о нотариате прямо допускает принятие на хранение документов на электронных носителях. Несмотря на техническую сложность, в обеих странах нотариус не является экспертом в IT-сфере и фиксирует информацию, воспринимаемую с монитора как достоверную, при необходимости назначая экспертизу.

Исследование показало, что нотариальное обеспечение доказательств в РФ эффективно разгружает суды. Однако в РФ выявлена теоретическая проблема: допрос свидетеля нотариусом фактически превращает устное доказательство в письменное (протокол), что может ограничивать принципы состязательности и непосредственности, так как стороны лишены возможности задать уточняющие вопросы в суде. Ученые предлагают рассматривать такие показания именно как письменные документы. В вопросах обеспечения интернет-доказательств РФ демонстрирует более детальную регламентацию через Методические рекомендации ФНП [7].

Согласно статистическому отчету о социально-экономическом положении РА за январь-сентябрь 2025 года, интенсивность обеспечения доказательств в Армении крайне низка по сравнению с РФ. В Армении за первые 9 месяцев 2025 года было совершено всего 79 действий по обеспечению доказательств (из них 31 – в третьем квартале) [8]. Для сравнения: в РФ в 2024 году зафиксировано свыше 45 000 обращений.

Такая огромная разница объясняется законодательным запретом в РА на совершение этого действия, если дело уже находится в суде. Это означает, что нотариусы в Республике Армения имеют законное право обеспечивать доказательства в сети Интернет, используя общие полномочия по работе с электронными данными и осмотру документов.

Во время совершения нотариального действия по обеспечению доказательств нотариус не решает вопрос относимости доказательств, то есть не имеет

право оценивать доказательства, комментировать, а лишь фиксирует факт, так как это – компетенция суда либо иного административного органа [8].

Так как в российском законодательстве отсутствует запрет на проведение осмотра аудио- и видеозаписей, но в то же время нет прямого указания в законе о совершении такого действия, с точки зрения оценки оспоримости подобного протокола осмотра, нотариусу не следует осматривать аудио- и видеозаписи в чистом виде. Но если такого рода информация содержится в интернет-сайте вместе с другой информацией, то можно предположить, что нотариус имеет право осуществить осмотр, что подтверждается Постановлением Федерального Арбитражного суда Московского округа от 11.05 года номер КГ-А40/3891-10 по делу А-40-8975/08-51-773 (нотариус вправе осматривать аудио- и видеозаписи, размещенные в Интернете поскольку в законодательстве отсутствует прямой запрет на возможность такого осмотра) [9].

Что касается переписок по электронной почте (email),. либо в Skype, нотариус закрепляет доказательства, которые необходимы заинтересованным лицам для защиты чести, достоинства и деловой репутации, а еще для подтверждения других обстоятельств, которые по мотивировке заявителя имеют значение для дела. Осмотр нотариусом осуществляется по заявлению добросовестного владельца электронной почты или учетной записи в Skype, письменно подтверждающего принадлежность к нему права пользования данным ресурсом [10, с. 125]. Данный вид осмотра может совершаться как в помещении нотариальной конторы так и удаленно с компьютера нотариуса используя специальную программу удаленного доступа “AnyDesk”.

Что касается «Вконтакте», «Одноклассники», “Facebook”, “Instagram” и многих других, то там существуют сообщества, доступ к материалам которых закрыт, либо доступны только участникам данного сообщества, то есть это – закрытые группы, и чтобы иметь возможность быть в этих сообществах необходимо подать заявку на вступлению в группу и подождать, когда администратор группы одобрит его. Данный осмотр можно осуществить только с аккаунта заявителя. Нотариус, зарегистрировавшись в группе, не имеет права обеспечивать доказательства, поскольку он входит от своего имени, а, согласно ст. 47, нотариус не вправе совершать действия от своего имени.

Проведенное сопоставительное исследование институтов обеспечения доказательств в РФ и РА позволяет сформулировать следующие итоговые положения. Нотариальное обеспечение доказательств доказало свою состоятельность как эффективный механизм превентивного правосудия, позволяющий существенно разгрузить судебную систему за счет фиксации бесспорных

фактов до начала или в ходе разбирательства. В Российской Федерации данный институт демонстрирует взрывной рост (почти в 6 раз за 10 лет), что подтверждает его высокую востребованность в условиях цифровизации.

Ключевой причиной низкой интенсивности применения данного инструмента в Республике Армения является императивный запрет, установленный ст. 79 Закона РА «О нотариате», на обеспечение доказательств по делам, уже находящимся в производстве суда. В связи с этим предлагается изложить соответствующую норму в следующей редакции: по просьбе заинтересованных лиц нотариус обеспечивает доказательства, необходимые в случае возникновения дела в суде или правоохранительных органах, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным. В то время, как опыт РФ, отменившей подобное ограничение в 2014 году, показывает, что возможность обращения к нотариусу на любой стадии процесса значительно повышает уровень защиты гражданских прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистический комитет Республики Армения // URL: https://armstat.am/ru/ (дата обращения: 15.03.2026).
2. Закон Республики Армения о нотариате от 04.12.2001 № ЗР-274 // ARLIS.
3. *Бегичев А.В.* Обеспечение электронных доказательств в нотариальной практике // «Нотаріальный вѣстникъ», № 07. 2019. С. 6.
4. *Корсик К.А.* Комментарий к основам законодательства Российской Федерации о нотариате. 2-е изд. М.: Фонд развития правовой культуры, 2023, 768с.
5. *Бегичев А.В.* Нотариат: учебник для бакалавров. М.: «Проспект», 2025, 288с.
6. «Определение высшего арбитражного суда российской федерации» от 17 июля 2007г. № 8313/07 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Методические рекомендации по обеспечению доказательств нотариусами от 26.06.2023, № 10/23 // СПС «Консультант плюс»
8. *Бегичев А.В.* Основные положения обеспечения нотариусами доказательств // «Образование и право», № 3–4. 2014. С. 121.
9. Постановление ФАС Московского округа от 11.05.2010 № КГ-А40/3891-10 по делу А40 89751/08-51-773 // «Российская газета».
10. *Бегичев А.В.* Нотариат в XXI веке: традиции и цифровые технологии: монография. М.: Проспект, 2025, 160с.
11. *Давтян А.Г.* Гражданский процесс. актуальные проблемы и пути развития. Ер.: Изд-во РАУ, 2024, 212с.
12. Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» от 11.02.1993 № 4462-1 с изм. и допол. в ред. от 20.02.2026г.

PRESERVATION OF EVIDENCE IN THE NOTARIAL PRACTICE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF ARMENIA

M. Sahakyan, A. Davtyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article provides a comparative legal analysis of the institution of evidence preservation (perpetuation of evidence) in the notarial activities of the Russian Federation (RF) and the Republic of Armenia (RA). Based on an analysis of legislation and law enforcement practice, the authors examine the powers of notaries to record factual data, the procedural features of performing these actions, and the specifics of handling electronic evidence. The study identifies key similarities and differences in the approaches of the two countries toward the preservation of evidence that is already subject to ongoing judicial proceedings. The author presents legislative proposals aimed at improving the institution of securing evidence.

Keywords: notary, preservation of evidence, written evidence, civil process, inspection protocol.

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ САНКЦИОННЫХ РЕЖИМОВ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А.Р Абрамян

Российско-Армянский университет
asmik.abramyan@student.rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуются проблемы реализации санкционных режимов Совета Безопасности ООН в современных международных отношениях. *Актуальность темы* обусловлена возрастанием роли санкций как инструмента поддержания международного мира и безопасности на фоне усиления геополитической напряженности. *Целью исследования* является выявление ключевых факторов, снижающих эффективность санкционных механизмов. Методологическую основу работы составляют анализ, синтез, сравнительно-правовой метод и кейс-анализ. В ходе исследования установлено, что основными проблемами реализации санкций являются их политизация, неравномерность исполнения государствами, ограниченность механизмов контроля, развитие способов обхода санкций, а также противоречия с гуманитарными принципами. На основе анализа практических кейсов (Иран, КНДР, Ливия) предложена авторская классификация проблем, включающая политические, институциональные и практические факторы.
Сделан вывод о снижении эффективности санкционных режимов ООН в условиях трансформации международной системы и усиления роли односторонних мер. Обоснована необходимость совершенствования механизмов реализации санкций и их адаптации к современным условиям.
Ключевые слова: санкции ООН, Совет Безопасности, международные отношения, санкционные режимы, эффективность.

Введение

В современных международных отношениях санкции Совета Безопасности ООН выступают одним из ключевых инструментов поддержания международного мира и безопасности. В нынешних условиях санкционные режимы приобретают особую значимость на фоне усиления геополитической напря-

женности, роста числа конфликтов и трансформации международной системы. Усиление конкуренции между государствами, а также развитие альтернативных экономических и финансовых механизмов существенно влияют на эффективность санкций. Их правовая основа закреплена в Главе VII Устава ООН, которая предоставляет Совету Безопасности полномочия принимать меры в случае угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии. В отличие от иных международных механизмов принуждения, санкции СБ ООН обладают обязательным характером для всех государств-членов Организации Объединенных Наций, что придает им уникальный статус в системе международного права.

Исторически санкционные режимы претерпели значительную эволюцию. Если в период холодной войны санкции носили преимущественно всеобъемлющий характер (например, эмбарго против Ирака в 1990-х годах), то с конца XX века наблюдается переход к концепции «умных санкций» (“smart sanctions”), направленных на конкретных лиц, организации или сектора экономики. Такой подход был обусловлен стремлением минимизировать гуманитарные последствия и повысить точность санкционного воздействия. Однако, несмотря на эти изменения, эффективность санкционных режимов остается предметом научной и практической дискуссии.

В современных условиях эффективность санкций все чаще определяется не их формальным принятием, а практической реализацией государствами. Анализ научной литературы показывает, что при значительном внимании к правовой природе санкций и их классификации, вопросы имплементации остаются недостаточно разработанными. Особую значимость приобретают проблемы политизации санкционных решений, различий в их национальной интерпретации и ограниченности механизмов контроля со стороны международных институтов.

Целью данного исследования является выявление ключевых проблем реализации санкционных режимов Совета Безопасности ООН и анализ факторов, влияющих на их снижение эффективности в современных международных отношениях.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы, включая анализ, синтез, системный и сравнительно-правовой подходы. Особое значение имеет кейс-анализ, в рамках которого рассматриваются санкционные режимы в отношении Ирана, КНДР и Ливии как

наиболее показательные примеры различных типов санкционного воздействия и их последствий.

Проведенный анализ показывает, что одной из фундаментальных проблем является политизация санкционных решений. Постоянные члены Совета Безопасности обладают правом вето, что приводит к тому, что санкционные режимы нередко становятся результатом компромисса, отражающего политические интересы, а не исключительно правовую необходимость. Это снижает их последовательность и эффективность, а также ограничивает возможность принятия более жестких мер.

Существенной проблемой является неравномерность имплементации санкций государствами-членами ООН. Несмотря на обязательный характер резолюций Совета Безопасности, их выполнение зависит от национальных правовых систем, политических приоритетов и экономических интересов государств. Наиболее ярко это проявляется на примере санкционного режима против Ирана, где различия в интерпретации ограничений приводили к неоднородности их применения, особенно в сфере финансовых транзакций и торговли энергоресурсами. В частности, несмотря на ограничения, введенные в рамках санкционного режима, ряд государств продолжал использовать альтернативные финансовые механизмы и посреднические схемы, что снижало эффективность ограничений в энергетическом секторе.

Отдельного внимания заслуживает санкционный режим в отношении КНДР. Несмотря на масштабный характер ограничений, практика показывает наличие систематических нарушений, включая нелегальные поставки нефти, использование «теневого флота» и сложных финансовых схем обхода санкций. Это свидетельствует о недостаточной эффективности международного мониторинга и ограниченных возможностях принуждения. Особую роль в современных условиях играет цифровизация экономики, которая облегчает использование альтернативных финансовых инструментов, включая криптовалюты, что усложняет контроль за соблюдением санкций.

Санкции в отношении Ливии демонстрируют иную проблему – гуманитарные последствия ограничительных мер. В условиях слабых государственных институтов санкции сопровождались снижением уровня экономической стабильности, что косвенно отражалось на уровне жизни населения. Несмотря на их целевой характер, экономические и институциональные последствия санкций оказывают косвенное воздействие на гражданское население, что вызывает критику со стороны международных организаций и ставит под вопрос баланс между безопасностью и гуманитарными принципами.

Существенным фактором снижения эффективности санкций является развитие механизмов их обхода. В условиях глобализированной экономики государства и негосударственные акторы используют альтернативные финансовые системы, посреднические юрисдикции, криптовалютные инструменты и сложные торговые цепочки для минимизации воздействия ограничений. Это особенно актуально в условиях цифровизации мировой экономики, которая снижает прозрачность международных финансовых потоков.

Дополнительно необходимо отметить растущее расхождение между универсальными санкциями Совета Безопасности ООН и односторонними санкционными режимами, применяемыми отдельными государствами и региональными объединениями, такими как США и Европейский союз. Универсальные санкции обладают высокой легитимностью, однако ограничены в оперативности и гибкости. В свою очередь, односторонние меры характеризуются высокой скоростью принятия и адаптивностью, но их международно-правовая легитимность часто оспаривается. Данная тенденция свидетельствует о формировании параллельных санкционных систем в международных отношениях.

На основе проведенного анализа предложена авторская классификация проблем реализации санкционных режимов, включающая три взаимосвязанные группы: политические, институциональные и практические. Политические проблемы связаны с использованием санкций как инструмента внешнеполитического давления. Институциональные – с ограниченностью механизмов мониторинга и координации. Практические – с развитием устойчивых механизмов обхода санкций и неравномерностью их имплементации. Для систематизации выявленных проблем представим их авторскую классификацию в обобщенном порядке в виде Таблицы.

Таблица 1. Авторская классификация проблем реализации санкционных режимов Совета Безопасности ООН.

Группа проблем	**Содержание**	**Механизм проявления**	**Влияние на эффективность санкций**
Политические	Противоречия между государствами, использование санкций как инструмента внешней политики	Право вето, компромиссный характер решений, избирательное соблюдение	Снижение согласованности и универсальности санкций

Группа проблем	Содержание	Механизм проявления	Влияние на эффективность санкций
Институциональные	Ограниченность механизмов контроля и координации	Недостаточная эффективность санкционных комитетов, отсутствие механизмов принуждения	Формальное соблюдение санкций без реального воздействия
Практические	Обход санкций и проблемы имплементации	Теневые схемы, использование третьих стран, альтернативные финансовые инструменты	Существенное снижение фактической результативности санкций

Для обобщения результатов исследования представим сравнительный анализ реализации санкционных режимов Совета Безопасности ООН в табличной форме.

Таблица 2. Анализ реализации санкционных режимов Совета Безопасности ООН.

Кейс	Основание введения санкций	Содержание санкций	Факторы неэффективной реализации	Итоговая оценка эффективности
Иран	Ядерная программа и риск распространения ядерного оружия	Ограничения на экспорт нефти, финансовые операции, доступ к международной банковской системе	Различия в интерпретации санкций государствами, экономические интересы отдельных стран, частичное соблюдение ограничений	Частичная эффективность, снижение давления из-за неоднородного исполнения

Кейс	Основание введения санкций	Содержание санкций	Факторы неэффективной реализации	Итоговая оценка эффективности
КНДР	Разработка ядерного оружия и баллистических ракет	Эмбарго на поставки ресурсов, ограничения на торговлю, финансовые санкции	Системный обход санкций через третьи страны, теневые схемы поставок, слабый международный контроль	Низкая эффективность, устойчивое сохранение санкционного обхода
Ливия	Угроза международной безопасности и внутренний конфликт	Заморозка активов, ограничения на поставки вооружений, санкции против политических элит	Косвенное влияние на гражданское население, слабость госуд. институтов, ограниченная управляемость санкционного режима	Ограниченная эффективность, значительные гуманитарные последствия

Представленные данные подтверждают вывод о том, что ключевые проблемы реализации санкционных режимов носят системный характер и проявляются независимо от конкретного кейса и взаимно усиливают друг друга, формируя устойчивое снижение эффективности санкционных режимов в целом.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что санкционные режимы Совета Безопасности ООН сталкиваются с системным кризисом эффективности. Их реализация зависит от политической воли государств, что подрывает универсальность данного инструмента. В условиях трансформации международной системы наблюдается фрагментация санкционной практики и ослабление централизованного механизма регулирования.

Выдвигаемая позиция заключается в том, что современная система санкций находится в стадии глубокой трансформации, характеризующейся снижением эффективности универсальных механизмов и ростом роли альтернативных санкционных практик. Это отражает более широкий кризис модели коллективной безопасности, основанной на центральной роли Совета Безопасности ООН.

Таким образом, дальнейшее развитие санкционных режимов требует институциональной модернизации, усиления механизмов мониторинга, повышения координации между государствами, а также выработки более сбалансированного подхода между эффективностью санкций и минимизацией гуманитарных последствий.

В качестве ключевого направления повышения эффективности санкционных режимов представляется целесообразным усиление международного механизма мониторинга их реализации. В настоящее время санкционные комитеты Совета Безопасности ООН обладают ограниченными полномочиями и в значительной степени зависят от информации, предоставляемой государствами, что снижает объективность и оперативность контроля.

Мы можем рассмотреть возможность институционального усиления мониторинговых структур, включая расширение их полномочий по сбору и анализу данных, а также развитие механизмов международного обмена информацией. Это позволило бы повысить прозрачность исполнения санкций и сократить возможности их обхода.

Реализация данного подхода способствовала бы повышению согласованности действий государств и усилению фактического воздействия санкционных режимов, сохраняя при этом их международно-правовую легитимность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устав Организации Объединенных Наций // ООН. 1945.
2. *Барановский В.Г.* Международные организации и кризис глобального управления. М.: «Аспект Пресс», 2020, 320с.
3. Кузнецов А.В. Санкции в международном праве: теория и практика применения. М.: «Норма», 2019, 256с.
4. *Лукьянов Ф.А.* Современные международные отношения: трансформация мирового порядка. М.: Россия в глобальной политике, 2021, 288с.
5. *Кортунов А.В.* Международные режимы и глобальное управление. М.: РСМД, 2022, 220с.
6. Доклады Группы экспертов Совета Безопасности ООН по санкционным режимам (КНДР, Иран, Ливия) // Официальные материалы ООН.
7. *Иванов И.С.* Эффективность санкций Совета Безопасности ООН в современных международных отношениях // «Международные процессы». Т. 19, № 3, 2021. СС. 45–60.
8. *Петров А.В.* Санкционные режимы ООН: правовые основы и практика применения // «Московский журнал международного права», № 2. 2020. СС. 78–92.
9. *Сидорова Е.Н.* Проблемы реализации санкций Совета Безопасности ООН // «Вестник МГИМО-Университета», № 4, 2022. СС. 112–128.
10. *Кузнецов Д.В.* Международно-правовые аспекты санкций в системе ООН // «Российский юридический журнал», № 5, 2019. СС. 33–47.
11. *Федоров М.А.* «Умные санкции» в практике Совета Безопасности ООН // «Журнал международного права и международных отношений», № 3, 2020. СС. 15–29.

12. *Зонова Т.В.* Международные санкции и трансформация мировой системы // «Мировая экономика и международные отношения», Т. 66, № 7, 2022. СС. 5–18.
13. *Drezner D.* Sanctions sometimes smart: targeted sanctions in theory and practice // "International Organization". Vol. 65 (1), 2011. PP. 1–25.
14. *Early B.* Busted sanctions: explaining why economic sanctions fail // "Journal of Peace Research". Vol. 52(1), 2015. PP. 95–108.
15. *Chesterman S., Pouligny B.* Are Sanctions Meant to Work? The Politics of Creating and Implementing Sanctions through the UN // "Global Governance". Vol. 9, 2003. PP. 503–518.
16. *Hufbauer G., Schott J., Elliott K., Oegg B.* Economic Sanctions Reconsidered. 3rd ed. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007.
17. *Biersteker T., Eckert S., Tourinho M.* Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action. Cambridge: "Cambridge University Press", 2016.
18. *Portela C.* European Union Sanctions and Foreign Policy. London: "Routledge", 2010.
19. *Eriksson M.* Targeting Peace: Understanding UN and EU Targeted Sanctions. Farnham: "Ashgate Publishing", 2011.

THE PROBLEM OF IMPLEMENTING THE UNITED NATIONS SECURITY COUNCIL SANCTIONS REGIMES IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

A. Abramyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the challenges of implementing United Nations Security Council sanctions regimes in contemporary international relations. The relevance of the topic is обусловлена the increasing role of sanctions as a tool for maintaining international peace and security amid growing geopolitical tensions. The aim of the study is to identify key factors that reduce the effectiveness of sanctions mechanisms.
The methodological framework includes analysis, synthesis, comparative legal method, and case study approach. The study reveals that the main implementation problems include politicization of sanctions, uneven compliance by states, limited monitoring and enforcement mechanisms, development of sanctions evasion practices, and contradictions with humanitarian principles. Based on the analysis of case studies (Iran, DPRK, Libya), the author proposes a classification of implementation problems into political, institutional, and practical categories.
The article concludes that the effectiveness of UN sanctions regimes is declining in the context of the transformation of the international system and the growing role of unilateral measures. The need to improve implementation mechanisms and adapt sanctions regimes to modern conditions is substantiated.
Keywords: UN sanctions, Security Council, international relations, sanctions regimes, effectiveness.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Н.А. Авагян

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ереване
norayravagyan05@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена комплексному анализу международно-правовых механизмов, направленных на обеспечение безопасности и защиту прав несовершеннолетних в условиях вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера. В статье рассматривается эволюция правовых норм, начиная от Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к ним до Конвенции ООН «О правах ребенка» и ее Факультативных протоколов. Особое внимание уделяется проблеме «детей-солдат», вопросам насильственного перемещения, а также доступу к гуманитарной помощи и образованию в зонах боевых действий.
Ключевые слова: Международное гуманитарное право, защита прав детей, вооруженный конфликт, психологическое насилие, дети-комбатанты

Введение

Вооруженные конфликты в современном мире неизбежно сопровождаются многочисленными нарушениями прав человека, и наиболее уязвимой категорией пострадавших становятся дети. В условиях современной войны, характеризующейся урбанизацией боевых действий и стиранием границ между комбатантами и гражданским населением, дети сталкиваются с беспрецедентными вызовами. Помимо физического вреда, который традиционно находится в центре внимания гуманитарных миссий, несовершеннолетние в зонах конфликтов подвергаются тяжелейшим формам психологического насилия. Они становятся невольными свидетелями разрушений, теряют родителей, переживают вынужденное перемещение и социальную изоляцию.

Актуальность данной темы продиктована тем, что психологические травмы войны зачастую остаются «невидимыми» для правосудия, в то время как их последствия подрывают демографический и социальный потенциал целых регионов на десятилетия вперед. Международное сообщество выработало значительный массив норм, направленных на физическую защиту детей, однако механизмы привлечения к ответственности за причинение психологического вреда и системная реабилитация жертв все еще требуют доктринальной проработки и совершенствования на практике.

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере международно-правового обеспечения прав детей в период вооруженных конфликтов.

Предметом исследования выступают нормы международного гуманитарного права, международные договоры, судебная практика и доктринальные подходы к защите детей от психологического насилия и травматизации.

Цель работы заключается в комплексном анализе правовых и практических мер, направленных на минимизацию психологического ущерба, наносимого детям в ходе военных действий, и оценке эффективности существующих механизмов их защиты.

Задачи данной статьи

- Проследить эволюцию международно-правовых стандартов защиты детей;
- Раскрыть содержание понятия «психологическое насилие» применительно к субъектам международного права;
- Проанализировать деятельность международных институтов (ООН, МУС, МККК) в данной сфере;
- Изучить современные методы психологической реабилитации и превентивные технологические решения;
- Выявить пробелы в законодательстве и предложить пути усиления ответственности за преступления против психического здоровья детей.

Состояние проблщемы

На сегодняшний день проблема защиты прав детей в условиях вооруженных конфликтов остается одной из самых острых в международном гуманитарном праве. Несмотря на существование развитой нормативно-правовой базы, включающей Женевские конвенции 1949 года [1] и Конвенцию ООН «О правах ребенка» 1989 года [2], современная практика свидетельствует о сохранении глубокого разрыва между провозглашенными принципами и их реальной реализацией. Основная сложность заключается в изменении характера самих конфликтов: переход к асимметричным и городским войнам привел к тому, что гражданское население, и в первую очередь дети, оказывается в эпицентре боевых действий.

Особое место в структуре проблемы занимает вопрос «невидимых жертв». Традиционно международные институты фокусировались на физической безопасности и материальной помощи, в то время как психологическое насилие и долгосрочные ментальные травмы (такие, как ПТСР) долгое время

оставались на периферии правового регулирования. Современные исследования показывают, что психологическое воздействие – свидетельство насилия, потеря семьи, жизнь в условиях постоянного страха – наносит вред, сопоставимый с физическими увечьями, однако механизмы привлечения к ответственности за нанесение именно психологического ущерба в международном уголовном праве развиты недостаточно.

Критическим аспектом остается проблема детей-комбатантов. Практика вербовки несовершеннолетних вооруженными группами в регионах Африки, Азии и Ближнего Востока не только продолжается, но и трансформируется. Дети используются не только как непосредственные участники боевых действий, но и в качестве живых щитов, разведчиков или носителей взрывных устройств. Процессы их последующей демобилизации и ресоциализации сталкиваются с нехваткой ресурсов и отсутствием специализированных программ, учитывающих культурную и социальную специфику пострадавших регионов.

Кроме того, состояние проблемы осложняется цифровизацией конфликтов. С одной стороны, новые технологии (Интернет, социальные сети) используются для дезинформации и запугивания детей, с другой – международное сообщество только начинает осваивать технологический потенциал (VR-терапия, системы GPS-мониторинга) для защиты прав несовершеннолетних. Текущая ситуация требует перехода от реактивной модели (помощь по факту нарушения) к превентивной и комплексной системе, объединяющей жесткие юридические санкции с инновационными методами психологической реабилитации.

Материлы и методы

Правовые и институциональные методы. Основой системы защиты остается механизм привлечения к ответственности через международные судебные органы. Деятельность Международного уголовного суда (МУС) по преследованию лиц, виновных в вербовке детей-солдат и совершении военных преступлений против несовершеннолетних, служит методом правового сдерживания. Параллельно с этим, осуществляется институциональный мониторинг под эгидой ООН и ЮНИСЕФ. Важным инструментом является механизм мониторинга и отчетности (ММО), который позволяет оперативно фиксировать факты атак на школы и больницы, а также случаи похищения детей, создавая базу для последующего наложения международных санкций на виновные стороны.

Технологические методы и инновации. В последние годы на первый план выходят цифровые инструменты защиты. Программные решения – такие, как приложение “ChildAlert”, используют технологии GPS-трекинга для обеспечения

безопасности детей и координации действий поисковых групп в зонах активных боевых действий. В сфере психологической помощи активно внедряются методы телемедицины. Платформа “e-Psi” в Йемене наглядно демонстрирует эффективность дистанционных консультаций, обеспечивая доступ к квалифицированным психологам в условиях физической блокады территорий. Особое значение приобретает метод VR-терапии (например, проект “Brave Minds”), позволяющий в контролируемой виртуальной среде проводить десенсибилизацию и лечение посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

Социально-реабилитационные и культурные методы. Важнейшим этапом защиты является ресоциализация детей, вышедших из зоны конфликта или демобилизованных из вооруженных групп. Программа “Right To Play” успешно применяет спортивно-игровой метод для восстановления когнитивных функций и социальной адаптации. Арт-терапевтические проекты – такие, как «Театр памяти» в Колумбии или «Голоса Руанды», позволяют трансформировать травматический опыт через творчество и сохранение исторической памяти. Эти методы направлены на долгосрочную перспективу – предотвращение маргинализации детей и их повторного вовлечения в насилие.

Результаты

Установлено, что деятельность Международного уголовного суда и специальных трибуналов создала устойчивый правовой барьер против наиболее тяжких преступлений. Важнейшим результатом стало закрепление в международной практике прецедентов (в частности, по делу Томаса Лубанги) [3], признающих вербовку детей военным преступлением, не имеющим срока давности. Благодаря работе механизмов мониторинга ООН и ЮНИСЕФ [4], с 1998 года удалось добиться демобилизации более 100 000 несовершеннолетних. Статистика программ ресоциализации в Сьерра-Леоне и Либерии подтверждает, что системное юридическое сопровождение в сочетании с общинной поддержкой снижает риск повторного вовлечения бывших детей-солдат в насилие почти вдвое. Практический анализ показал, что цифровизация защиты прав ребенка дает измеримые плоды. Применение мобильных систем с GPS-трекингом (например, “ChildAlert”) позволило на 30% ускорить процесс обнаружения и эвакуации детей из зон боевых столкновений. В сфере психологической реабилитации использование технологий виртуальной реальности (проект “Brave Minds”) [5] продемонстрировало высокую эффективность: у 75% обследованных детей наблюдалось значительное снижение симптомов ПТСР после краткосрочного курса терапии. Дистанционные платформы – такие как “e-Psi” в Йемене, обеспечили охват квалифицирован-

ной помощью до 60% нуждающихся в условиях, когда очный визит к специалисту невозможен из-за блокады или разрушения инфраструктуры. Опыт реализации программ “Right To Play” [6] в Ливане и «Театр памяти» [7] в Колумбии подтверждает, что использование игровых и арт-терапевтических методов является ключевым для долгосрочного восстановления психики. Результаты показывают, что дети, вовлеченные в подобные проекты, значительно быстрее восстанавливают когнитивные способности и демонстрируют более низкий уровень социальной агрессии. Переход от статуса «жертвы» к статусу активного участника культурной жизни общины становится фундаментом для предотвращения маргинализации и успешного возвращения ребенка к мирному существованию.

Международные институты и механизмы – такие, как Детский фонд ООН (UNICEF) и Специальный представитель Генерального секретаря ООН 58 по вопросам детей и вооруженных конфликтов, активно отслеживают ситуации, где происходят нарушения прав детей. Практика включает:

- Ведение «Списка позора» (list of shame)[8] – перечня вооруженных формирований и государств, совершающих тяжелые преступления в отношении детей.
- Направления миссий по сбору фактов и оказанию помощи.
- Инициирование санкций 59 и подачи материалов в Международный уголовный суд.
- Направление экспертов ООН в регионы с высоким риском эскалации до начала открытого конфликта. Например, превентивные миссии в Буркина-Фасо в 2022 году.
- Спецпредставитель ООН добивается от негосударственных групп письменных обязательств прекратить нарушения прав детей. В 2021 году 10 групп в Мьянме и Судане подписали такие планы.

Некоторые государства, пережившие внутренние конфликты, разрабатывают программы реабилитации детей-жертв. Например, в Колумбии действует программа, направленная на социальную реинтеграцию бывших детей-комбатантов, с акцентом на психосоциальную поддержку. В Южном Судане и Центральноафриканской Республике при поддержке ООН действуют мобильные психологические клиники и школы для восстановления чувства безопасности у детей. Также существует практика уголовного преследования 62 лиц, причастных к психологическому насилию. Допустим, в рамках дел, рассматриваемых Международным уголовным судом (дело против Доминика Онгвена из Уганды), рассматривались не только факты физического, но и морального страдания детей.

В Ливане нашли хороший метод для снятия агрессии. Организация “ Right To Play” использует футбол и игры для восстановления сирийских детей-беженцев. В итоге, у больше половины участников снизился уровень тревожности и агрессии. Чтобы выразить свою травму и донести до мира боль, в Колумбии проект «Театр памяти» помогает в этом: устраивают перфомансы. Участие приняли более тысячи детей. Без экономической поддержки, конечно же, невозможно осуществить восстановление травм. Многие семьи получают регулярные выплаты при условии, что дети посещают школу и психологические консультации. В Йемене программа Всемирного банка «Экономическая поддержка для уязвимых семей» предоставляет 50 долларов в месяц 500,000 семьям. Почти у всех детей наблюдалось снижение уровня стресса. Выделяются также средства на оплату психотерапии, лекарств или специализированных программ. В Украине фонд «Повернись живим» финансирует курсы арттерапии для детей прифронтовых зон.

Особое внимание надо уделять к насилию против девочек. Они чаще становятся жертвами сексуального насилия, принудительных браков и эксплуатации. В Нигерии группа “ Boko Haram” похищала школьниц, используя психологическое давление для обращения в рабство [9]. Мальчиков чаще насильно вербуют в боевые группы, подвергая «промыванию мозгов» и принуждая к насилию. В Южном Судане почти все дети-комбатанты – мальчики [10]. Международное сообщество обязано увеличить способы воздействия на предотвращение этих преступлений.

Детей надо вовлекать в планирование гуманитарной помощи, например, в лагерях беженцев Рохинджа. Дети лучше взрослых знают, что им нужно. Серия картин, выставленных в ООН в 2022 году, была организованна с целью привлечения внимания мировой общественности. Необходимо увеличить адвокацию и правовое давление на руководителей преступлений против детей. “Amnesty International”, “Human Rights” ведут кампании за привлечение командиров к ответственности. Такие усилия повлияли на аресты в Уганде, ЦАР и Мьянме. Но также стоит отметить, что преступления, совершенные детьми, не остаются бесследными. Дети-солдаты, подозреваемые в участии в конфликтах, направляются не в тюрьмы, а в центры психологической реабилитации. Судебные органы применяют практику условного наказания при наличии признаков вербовки. Правоохранителям важно научиться методам безопасного обращения с детьми-свидетелями и детьми-жертвами. Создаются отделения ювенальной юстиции в местах временного содержания, где работают психологи и социальные педагоги.

В современных гуманитарных миссиях, а именно: UNHCR, IFRC, МККК 73, наряду с продуктами и медикаментами, формируется минимальный набор психосоциальной поддержки в зонах бедствий:

- Горячая линия.
- Мобильные психологи.
- Листовки с рекомендациями.
- Контакты и меры самопомощи для детей.

Во время гуманитарной миссии в Секторе Газа в 2023 году, в рамках партнерства UNICEF и “Palestine Red Crescent” была открыта линия срочной поддержки детей, переживших разрушение жилья и потерю родственников. ООН и МККК разрабатывают карты риска с использованием Искусственного интеллекта, чтобы предсказать, где и когда может произойти эскалация насилия с вовлечением детей. Это позволяет гуманитарным службам заранее разворачивать ресурсы, в том числе психологическую помощь и эвакуацию. К примеру, Мали уже более 10 лет находится в состоянии конфликта между правительственными и вооруженными группировками. В 2022–2024гг. участились нападения на школы, случаи вербовки детей и угрозы насилия со стороны радикальных исламистских формирований.

Совместный проект ЮНИСЕФ, Европейской Комиссии и НПО REACH “Initiative” внедрил систему раннего предупреждения 76 в северных и центральных регионах страны, что способствует:

- сбору данных;
- использованию спутникового мониторинга;
- сигналам о перемещении населения;
- сообщениям от учителей;
- сообщениям работникам НПО и родителям.

При повышении индекса угрозы активировались мобильные группы по защите детей: их временно переводили в безопасные зоны и устанавливались контактные пункты для экстренной психологической помощи поддержки. В течение 2023 года, благодаря раннему реагированию, удалось предупредить не менее 11 нападений на школы и эвакуировать 1200 детей из зон риска. Кроме того, после внедрения системы наблюдалось снижение уровня ПТСР у детей, поскольку паника и внезапность событий заменялись контролируемыми действиями по защите. Анализ практики противодействия психологическому насилию в отношении детей в условиях вооруженных конфликтов свидетельствует о постепенном, но устойчивом развитии механизмов защиты и реабилитации. Международное сообщество, государства, неправитель-

ственные организации и гуманитарные миссии вырабатывают и внедряют разнообразные подходы – от экстренной психологической помощи и программ ресоциализации до комплексных стратегий раннего предупреждения и реабилитации через творчество и образование.

Тем не менее, несмотря на значительное количество успешных кейсов, проблемы остаются острыми. Во многих регионах отсутствуют устойчивые механизмы правовой ответственности за совершенные преступления, наблюдается недостаток ресурсов, специалистов и координаций усилий. Необходима дальнейшая интеграция усилий международных и локальных структур, усиление мониторинга, расширение правозащитных инициатив и привлечения внимания к постконфликтной поддержке детей как одного из приоритетных направлений гуманитарной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Женевские конвенции 1949 года.
2. Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 года.
3. Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo (Case No. ICC-01/04-01/06). Judgment pursuant to Article 74 of the Statute, 14 March 2012. (Это – ключевое дело о вербовке детей в МУС).
4. UNICEF (2023). Humanitarian Action for Children: Overview. New York: United Nations Children's Fund. (Общие данные по гуманитарным миссиям).
5. Проект “Brave Minds” (VR-терапия).
6. Right To Play International. (2024). Our Programs in Lebanon: Healing through Play. Available at: www.righttoplay.org (Accessed: 19 March 2026). (Для метода футбола и игр).
7. Программа «Театр памяти» / “Teatro de la Memoria” (Колумбия).
8. Ежегодный доклад Генерального секретаря ООН «Дети и вооруженный конфликт» (например, за 2024–2025гг.).
9. Официальный доклад Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (CEDAW). сентябрь 2025.
10. UNICEF South Sudan (2020). Stolen childhoods: Children in armed groups in South Sudan.

INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS DURING ARMED CONFLICT

N. Avagyan
Branch of Lomonosov Moscow State University in Yerevan

ABSTRACT

This work is devoted to a comprehensive analysis of international legal mechanisms aimed at ensuring the safety and protection of the rights of minors in situations of international and non-international armed conflicts. The article examines the evolution of legal norms, from the Geneva Conventions of 1949 and their Additional Protocols to the UN Convention on the Rights of the Child and its Optional Protocols. Special attention is paid to the issue of "child soldiers," the problems of

forced displacement, as well as access to humanitarian aid and education in war zones.
Keywords: International Humanitarian Law, protection of children's rights, armed conflict, psychological violence, child combatants.

СООТНОШЕНИЕ ЮРИСДИКЦИОННОЙ КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И ПРИНЦИПА НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ГОСУДАРСТВА

А.О. Барсегян, В.А. Оганесян

Российско-Армянский университет
albert_barseghyan04@mail.ru, volodya.hovhannisyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится системный юридический анализ взаимодействия принципа комплементарности, закрепленного в Римском статуте Международного уголовного суда, и фундаментального принципа международного права –невмешательства во внутренние дела государств (non-intervention). Автор исследует правовую природу статьи 17 Римского статута Международного уголовного суда сквозь призму императивных норм jus cogens, уделяя особое внимание вопросу о том, является ли оценка Международного уголовного суда способности или желания национальных судов осуществлять правосудие посягательством на «зарезервированную сферу» (“domaine réservé”) государственного суверенитета. В работе анализируется трансформация концепции невмешательства в условиях глобализации уголовного правосудия в международной арене и обосновывается тезис о том, что преступления, подпадающие под специальную юрисдикцию (“sui generis”) Международного уголовного суда, утрачивают статус «сугубо внутренних дел» в силу их характера как обязательств “erga omnes”. Вместе с тем подчеркивается, что процессуальные риски субъективного толкования критериев «неспособности» или «нежелания» государства требуют четкой правовой регламентации для предотвращения политизированного давления на национальный суверенитет.

Ключевые слова: международный уголовный суд, комплементарность, невмешательство, jus cogens, международное уголовное право.

Введение

Современная архитектура международного правопорядка переживает период острой трансформации, вызванной столкновением классической доктрины государственного суверенитета и развивающегося института международной уголовной ответственности. Центральное место в этой дискуссии занимает принцип юрисдикционной комплементарности Международного уголовного суда, который бросает вызов фундаментальному принципу невмешательства во внутренние дела государства (“non-intervention”). Традиционно

уголовная политика и отправление правосудия рассматривались как исключительная компетенция (“domaine réservé”) суверена, уходящая корнями в Вестфальскую систему и закрепленная в п. 7 ст. 2 Устава ООН. Однако Римский статут вводит иную логику, где национальный суверенитет перестает быть абсолютным в случае совершения преступлений, затрагивающих интересы всего международного сообщества. В этой связи возникает острая необходимость юридического анализа ст. 17 Статута, определяющей критерии «нежелания» или «неспособности» государства осуществлять правосудие. Мы исходим из тезиса о том, что легитимность Международного уголовного суда зиждется исключительно на договорной основе и принципе “pacta sunt servanda”, что требует строгого ограничения международного вмешательства. В рамках данной работы исследуется природа этого хрупкого баланса, где комплементарность должна выступать не как надзорный механизм, а как форма уважительного диалога с сувереном. *Целью статьи* является обоснование презумпции дееспособности национальной юстиции как гаранта стабильности международных отношений.

Материал и методы

Государства располагают неотъемлемыми компетенциями и внутренними органами, которые являются опорой их существования и образуют естественную жизнедеятельность всего общества. Одними из таких важных компонентов являются конституционные органы, которые “ex officio” осуществляют правосудие от имени данного государства – суды. Европейская конвенция по правам человека и основным свободам (далее – ЕКПЧ) раскрывает важнейшее положение прав лиц на справедливое судебное разбирательство, отмечая, что суд должен быть создан на основании закона [1], тем самым устанавливая, помимо конституционной подоплеки судебной власти, еще и международные стандарты. Судейская система является единственным конституционно-правовым инструментом любого государства для осуществления им функций правосудия. Еще одним немаловажным признаком государства является его внутренний суверенитет, по которому государство является единственным актором в лице своих компетентных на то органов, устанавливающих культурные, политические, образовательные, здравоохранительные и, что самое важное, юридические правила. Внутренний суверенитет тесно связан с доктринальным понятием «исключительных компетенций», которое, в свою очередь, объясняется тем, что любое государство имеет право устанавливать вышеперечисленные регулятивы в том плане и объеме, в котором ис-

ходит его политика. Тем самым государства открыты во всех вопросах, касающихся судоустройства и судопроизводства, то есть могут свободно устанавливать их индивидуальную конструкцию, исходя из конкретно введенной политики, а также определенного исторического пласта, который за время существования государства является устойчивым для него. Уголовная политика государства соотносится с общей политикой ведения дел государства как часть и целое, тем самым являясь неотъемлемой частью общей политики государства, которая, в свою очередь, является исключительной компетенцией (*domaine réservé*) данного государства. Исходя из вышеперечисленного, можно утверждать, что судебная система и видение уголовной политики являются неотъемлемой частью внутреннего суверенитета любого государства, тем самым, являясь его исключительной компетенцией.

Встает обоснованный вопрос, как же соотносятся вышеуказанные правовые феномены со специальной юрисдикцией Международного уголовного суда и, в частности, с его способностью оценивать уровень способности либо желания суверенного государства на осуществление им через свои компетентные органы (суды) уголовного правосудия.

Касательно первого тезиса справедливо раскрыть суть принципа комплементарности, который отнюдь не является «статутным» понятием, а вытекает из буквы и духа положений, закрепленных в статье 1 Римского статута Международного уголовного суда: «Он является постоянным органом, ... и **дополняет** национальные системы уголовного правосудия», а также регуляторах, установленных частью 1 ст. 17 Римского статута Международного уголовного суда, которая, в свою очередь, ссылается на статью 1 того же акта [2, ст. 4 и 13].

Акцессорный, то есть дополнительный, характер юрисдикции Международного уголовного суда, априори не может являться отклонением от фундаментального *jus cogens*-принципа невмешательства во внутренние дела [3, ст. 46–54], ибо ответом служит ч. 1 ст. 12 Римского статута Международного уголовного суда, в котором говорится: «Государство, которое становится участником настоящего Статута, признает тем самым юрисдикцию Суда в отношении преступлений, указанных в статье 5». В силу данного положения в арену входит другая норма, являющиеся по своему характеру нормой *jus cogens* – *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) [4]. Объясняется это тем, что, с юридической точки зрения, Римский статут – это классический многосторонний международный договор, и государства становятся участниками Международного уголовного суда только через соответствующую процедуру, которая представляет собой выражение доброй воли на взятие на себя обязанностей по добросовестному соблюдению упомянутых в Римском статуте

предписаний. Международный уголовный суд по вышеуказанным соображениям не является надгосударственным образованием, обладающим универсальной властью; его легитимность и юрисдикция носят строго договорный характер. Римский статут, будучи международным договором, функционирует на основе принципа *pacta sunt servanda*, что исключает квалификацию его деятельности как хоть какого-либо вмешательства во внутренние дела, поскольку рамки этой деятельности заранее очерчены и акцептованы самим сувереном передачей определенных полномочий в сфере уголовно-правовой юстиции и в данном случае осуществление Международным уголовным судом своих полномочий в рамках Римского статута со стороны подписавшего государства является исполнением своих обязательств.

В конечном счете, как в любом договоре, так и в Римском статуте предусмотрен универсальный правовой механизм денонсации данного международного договора ст. 127, которая гласит: «Любое государство-участник может выйти из настоящего Статута, направив Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций соответствующее письменное уведомление. Выход вступает в силу через год после даты получения такого уведомления, если в уведомлении не указывается более поздний срок». Системное толкование норм международного права позволяет утверждать, что уголовно-правовая юрисдикция Международного уголовного суда является абсолютно правомерной, основанной на инструментах международного правотворчества – договорных.

Что касается второго тезиса о правовом механизме Международного уголовного суда оценки способности либо желания национального государства через свои компетентные органы осуществлять правосудие и конфликта этого механизма с фундаментальным принципом невмешательства во внутренние дела, справедливо отметить: если в первом случае касательно принципа комплементарности имелась мнимая коллизия между самим принципом внутреннего суверенитета государств, то в данном случае в конфликт вступают механизм оценки вышеуказанных критериев с принципом невмешательства во внутренние дела государства.

Уголовная юстиция, привлечение лиц к уголовной ответственности, а также назначение наказания, безусловно, являются прерогативой национального государства – их внутренней компетенцией и частью суверенитета. Этим же объясняется, что в некоторых странах одно деяние образует состав преступления, то есть криминализирована; в другом государстве такое явлением выступает административным правонарушением, а в третьем – вовсе право-

мерным поведением. Такое, в частности, объясняется историческими особенностями, а также общественными требованиями в криминализации либо декриминализации каких-либо деяний.

Ч. 1 ст. 5 Римского статута Международного уголовного суда дает исчерпывающий перечень (“numerus clausus”) тех преступлений, которые подпадают под юрисдикцию Суда, но **являются ли эти преступления сугубо внутренними делами государства?** Ответ на этот вопрос дан именно в процитированной части, где имеется формулировка: «Юрисдикция Суда ограничивается **самыми серьезными преступлениями**, вызывающими озабоченность **всего международного сообщества**». Закрепленные в ст. 5 Римского статута Международного уголовного суда преступления представляют международный интерес, для решения которого нужна не только взаимопомощь и унификация норм материального права, но и единый механизм привлечения лиц, совершивших данные преступления, к уголовно-правовой ответственности. Преступления, подпадающие под юрисдикцию Международного уголовного суда, утрачивают *ipso facto* (в силу факта) статус «внутренних дел» в силу их характера как обязательств *erga omnes* (обязательства перед всем международным сообществом). Сам Статут дает первоначальное (суверенное) право государству через свои национальные механизмы привлекать лиц к уголовно-правовой ответственности, предусматривая при этом исключения в порядке **нежелания** или **неспособности** (unwilling or inability). При этом судебная практика Международного уголовного суда апеллирует, что неприемлемым в Суд, национальное государство должно доказать, что оно расследует действия тех же самых лиц (in personam) в отношении тех же самых деяний (in rem), которые расследует Прокурор Международного уголовного суда [5]. Общих расследований ситуации в стране недостаточно для критерии неприемлемости в Международном уголовном суде.

Переходя к концептуальному анализу положений, закрепленных в частях 2 и 3 статьи 17 Римского статута, необходимо подчеркнуть, что данные нормы представляют собой уникальный для международного права инструмент – механизм верификации государственной добросовестности. Здесь правовая природа комплементарности раскрывается в двух плоскостях: через субъективную оценку волевого компонента (unwillingness) и объективную констатацию институционального кризиса (inability).

В вопросе установления «нежелания» государства осуществлять правосудие, международный законодатель выделяет феномен процессуального прикрытия. Согласно пункту «а» части 2 ст. 17, признание дела приемлемым для МУС становится возможным, если национальное производство имело целью

не установление истины, а создание **«юридического щита»** для ограждения лица от ответственности. В данном контексте Суд наделяется прерогативой анализировать не только формальное соблюдение процедур, но и подлинную направленность воли суверена. Аналогичным образом, критерии **необоснованной задержки** и **отсутствия беспристрастности** (пункты «b» и «c») переводят вопрос о качестве национального судопроизводства из плоскости исключительного внутреннего усмотрения в сферу международной стандартизации. Здесь автономия судебной власти государства сталкивается с требованием универсальной транспарентности: если национальный процесс лишен атрибутов независимости, он де-юре утрачивает статус легитимного препятствия для вмешательства Международного уголовного суда.

Иной характер носит критерий «неспособности», закрепленный в части 3 ст. 17. Здесь мы имеем дело не с дефектом воли, а с функциональной дезинтеграцией государственного аппарата. Системное толкование этой нормы позволяет утверждать, что Международный уголовный суд констатирует неспособность государства лишь в условиях фактического паралича его институтов – полного или существенного развала судебной системы. В ситуации, когда суверен «физически» не способен обеспечить явку обвиняемого или сбор доказательной базы, его исключительная компетенция переходит в состояние временного анабиоза. Таким образом, в данном случае вмешательство Суда не является экспансией, оно лишь заполняет возникший правовой вакуум, восполняя утраченную способность государства реализовать свою основную функцию – отправление правосудия.

Завершая анализ механизмов ст. 17 Римского статута Международного уголовного суда, необходимо зафиксировать фундаментальный процессуальный принцип, без которого вся конструкция комплементарности рискует превратиться в инструмент правовой экспансии. Речь идет о **презумпции дееспособности национальной юрисдикции**. Поскольку, как было доказано выше, уголовная политика является исключительной компетенцией суверена *(domaine réservé)*, бремя доказывания «нежелания» или «неспособности» государства должно в полном объеме лежать на международных институтах. Суверенитет не требует подтверждения – он предполагается. Следовательно, любое сомнение в эффективности национальной правовой системы должно трактоваться в пользу государства, а не в пользу международной юрисдикции.

Однако именно здесь кроется наиболее уязвимая точка: критерии «нежелания» (“unwillingness”) по самой своей природе тяготеют к субъективизму. Если констатация «неспособности» базируется на осязаемом институциональ-

ном крахе, то оценка «нежелания» неизбежно превращает судей Международного уголовного суда в ревизоров национального политического процесса. Существует реальная опасность того, что правовой анализ будет подменен идеологическим цензом, когда национальная уголовная политика, не вписывающаяся в определенные внешние стандарты, будет априори квалифицирована как «**щит для преступника**». Таким образом, подлинный смысл комплементарности заключается не в надзоре, а в уважительном диалоге. Ст. 17 Римского статута должна рассматриваться как «красная линия», которую Суд не вправе пересекать до тех пор, пока национальная правовая система сохраняет признаки жизни и воли. В противном случае, из дополнительного инструмента правосудия МУС рискует превратиться в политический арбитр, что фатально подорвет его договорную легитимность и вступит в неразрешимое противоречие с принципами “jus cogens”.

Подводя итог проведенному анализу, необходимо констатировать, что диалектика соотношения государственного суверенитета и юрисдикции Международного уголовного суда лежит не в плоскости иерархического подчинения, а в пространстве добровольного делегирования полномочий и строгой процессуальной дисциплины. Исследование подтверждает, что уголовная политика и функционирование судебной системы составляют незыблемое ядро внутреннего суверенитета государства, его “domaine réservé”, а, следовательно, любое внешнее вмешательство в данную сферу вне рамок предварительного и явного согласия суверена было бы актом разрушения основ международного правопорядка. В этой связи легитимность деятельности Суда носит сугубо договорный характер: она не обладает свойством универсальности, а всецело производна от воли государства, выраженной в акте ратификации Римского статута, что через призму принципа “pacta sunt servanda” трансформирует международные обязательства в органичный элемент национальной правовой стратегии.

Принцип комплементарности, раскрываемый через критерии ст. 17, в такой системе координат выступает не инструментом демонтажа национального правосудия, а уникальным предохранительным механизмом, который актуализируется исключительно в ситуациях отклонений суверенной власти – при ее фактическом институциональном коллапсе или намеренном превращении правовых процедур в фиктивный щит для виновных лиц. Ключевым выводом работы является утверждение о необходимости соблюдения презумпции дееспособности национальной юрисдикции, согласно которой бремя опровержения эффективности национального суда должно в полном объеме лежать на

международных институтах, а любые неустранимые сомнения – трактоваться в пользу исключительной компетенции государства.

В конечном счете, Международный уголовный суд юридически оправдан лишь в качестве субсидиарного института, восполняющего правовой вакуум в тех точках, где национальное правосудие объективно не может или заведомо не желает состояться. Только при таком ограничительном и уважительном к суверенитету толковании своих полномочий Суд способен сохранить свою договорную легитимность и избежать трансформации в инструмент политического арбитража, что является критически важным для сохранения стабильности современной архитектуры международного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms – Strasbourg: Council of Europe, 1950. URL: https://rm.coe.int/1680063765 (дата обращения 06.03.2026г.).
2. Римский статут Международного уголовного суда // Документ ООН A/CONF.183/9 от 17 июля 1998г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf (дата обращения 06.03.2026г.). Ст. 4 и 13.
3. *Богуш Г.И.* Есть ли пределы у Международного уголовного права? Решение Палаты предварительного производства II Международного уголовного суда от 31 марта 2010г. о санкционировании в соответствии со статьей 15 Римского статута расследования ситуации в Республике Кения // «Международное правосудие», № 1, 2011. Ст. 46–54.
4. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945г.) [Эл. ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 07.03.2026).
5. The Prosecutor v. William Samoei Ruto, Henry Kiprono Kosgey and Joshua Arap Sang, Decision on the Application by the Government of Kenya Challenging the Admissibility of the Case, Case No. ICC-01/09-01/11 OA, 30 August 2011. [Эл. ресурс] URL: https://www.icc-cpi.int/court-record/icc-01/09-01/11-307 (дата обращения: 07.03.2026).

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE JURISDICTIONAL COMPLEMENTARITY OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT AND THE PRINCIPLE OF NON-INTERVENTION IN THE INTERNAL AFFAIRS OF STATES

A. Barseghyan, V. Hovhannisyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This research paper provides a systematic legal analysis of the interplay between the principle of complementarity, enshrined in the Rome Statute of the International Criminal Court, and the fundamental principle of international law–non-intervention in the internal affairs of States. The author examines the legal nature of Article 17 of the Rome

Statute of the International Criminal Court through the prism of peremptory norms of jus cogens, paying special attention to the question of whether the International Criminal Court's assessment of the ability or willingness of national courts to administer justice constitutes an encroachment upon the “reserved domain” (domaine réservé) of State sovereignty. The paper analyzes the transformation of the concept of non-intervention in the context of the globalization of criminal justice in the international arena and substantiates the thesis that crimes falling under the special (sui generis) jurisdiction of the International Criminal Court lose the status of “strictly internal affairs” by virtue of their character as obligations erga omnes. At the same time, it is emphasized that the procedural risks of a subjective interpretation of the criteria of a State's “inability” or “unwillingness” require precise legal regulation to prevent politicized pressure on national sovereignty.
Keywords: International Criminal Court, complementarity, non-intervention, jus cogens, international criminal law.

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН ПО ПРИНЦИПУ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В.К. Григорян, В.А. Оганесян[1]

Российско-Армянский университет
Vigen71@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья рассматривает проблему права народов на самоопределение в контексте решений Международного Суда ООН. В основу исследования легла практика Международного Суда ООН с момента его деятельности, в частности, решения, в которых Суд обращался к вопросу самоопределения отдельных народов. Исследование направлено на изучение развития позиций Суда по данному праву, а также на выявление основных этапов эволюции его подхода к содержанию и юридической природе права на самоопределение. Особое внимание уделяется тому, как Суд постепенно переходил от рассмотрения данного права преимущественно в рамках деколонизации к признанию его в качестве одного из основополагающих принципов современного международного права.

Ключевые слова: Международный Суд ООН, право народов на самоопределение, международное публичное право.

Введение

Сущность права народов на самоопределение остается одним из наиболее дискуссионных вопросов современного международного права. *Актуальность темы* обусловлена развитием практики Международного Суда ООН, в которой были по-новому поставлены вопросы о содержании данного права, его пределах, а также о его связи с обязательствами “erga omnes” и нормами “jus cogens”. *Целью работы* является анализ эволюции позиции Международного Суда ООН по вопросу права народов на самоопределение. В научной литературе право на самоопределение традиционно рассматривалось преимущественно в рамках деколонизации. Однако новейшая практика Международного Суда ООН показывает расширение подхода к данному праву. Задачей исследования является анализ основных решений и консультативных заключений Международного Суда ООН, выявление этапов развития его подхода к праву на самоопределение и определение нерешенных вопросов по данному праву. В работе используются формально-юридический, историко-правовой,

[1] Научный руководитель: д.ю.н., профессор.

сравнительно-правовой и системный методы, позволяющие исследовать практику Международного Суда ООН и определить особенности современного понимания права народов на самоопределение.

Принцип самоопределения народов является одним из основных принципов международного права. В Уставе Организации Объединенных Наций среди целей организации говорится о развитии дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов (п.2 ст.1) [1]. В общей статье пактах, посвященным правам человека – Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, данный принцип также нашел свое отражение. В частности там говорится: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие» [2], [3]. Также в 1960 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята Резолюция 1514, которая признавала право самоопределения народов как главный способ прекращения колониализма для «подопечных и несамоуправляющихся территориях» [4].

В декларации о принципах международного права 1970 года, принцип самоопределения народов был упомянут в числе основных принципов международного права.[5]. В декларации содержание данного принципа было изложено следующим образом «все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава». Способами осуществления данного права были 1) создание суверенного и независимого государства; 2) присоединение к независимому государству; 3) объединение с независимым государством.

Международный Суд ООН, являясь главным органом ООН по осуществлению правосудия, за годы своей практики неоднократно применял данный принцип и развивал его границы применения. Одним из первых случаев, в которых Суд прямо обратился к праву самоопределения – **дело Намибии** (Юго-Западная Африка). Суд в своем консультативном заключении установил, что дальнейшее присутствие ЮАР в Намибии является незаконным и влечет обязанность немедленного вывода. Суд отметил, что «последующее развитие международного права в отношении несамоуправляющихся территорий, закрепленное в Уставе Организации Объединенных Наций, сделало принцип самоопределения применимым ко всем ним. Таким образом, он явно охватывал территории, находящиеся под колониальным режимом» [6]. Суд указал, что в

силу развития международного права цель «священного долга цивилизации» (“sacred trust”), закрепленная в Уставе Лиги Наций, в отношении мандатных территорий заключается в обязанности содействовать осуществлению народами права на самоопределение и достижению независимости. Суд, ссылаясь на Устав ООН и Резолюцию 1514, показал развитие данного права и тем самым подтвердил не только политический, но и его юридический характер. В данном контексте также важно рассмотреть особое мнение судьи Аммуна. Подход судьи был более жестким по вопросу сущности права на самоопределение. Судья подчеркивал универсальность и обязательный характер права на самоопределение, рассматривая его не только как цель мандатной системы, но и как право, получившее развитие и подтверждение в результате освободительных движений народов Азии и Африки [7].

По делу **Западной Сахары** Суд в своем консультативном заключении вновь обратился к праву народов на самоопределение. Подтвердив свою прежнюю позицию по делу Намибии, Суд установил, что право народов на самоопределение является основополагающим принципом завершения процесса деколонизации. Он установил, что не существовало таких юридических связей территориального суверенитета между Марокко и Западной Сахарой, которые могли бы повлиять на применение принципа самоопределения [8]. Судья Диллард в своем особом мнении, ссылаясь на позицию Суда, отмечает, что в практике международного права сформировалась норма, которая применима к несамоуправляющимся территориям, которые находятся под эгидой ООН. Также он высказал одну из самых известных фраз, касающихся деколонизации и реализации права народов на самоопределение – «Судьбу территории должен определять сам народ, а не территория – судьбу народа»[9].

Одну из своих главных позиций по праву на самоопределение Суд сформировал по делу **Восточного Тимора**. Спор возник после того, как Португалия начала деколонизацию Восточного Тимора, признанного Генеральной Ассамблеей как несамоуправляющаяся территория – в соответствии с главой XI Устава ООН [10]. После внутренних потрясений в августе 1975 года португальская администрация фактически ушла с территории; 7 декабря 1975 года Индонезия ввела войска на территорию Восточного Тимора, а позднее аннексировала данную территорию. В ответ Совет Безопасности ООН в резолюциях 384 (1975) и 389 (1976) призвал все государства уважать территориальную целостность Восточного Тимора, признал неотъемлемое право его народа на самоопределение и подчеркнул обязанность Индонезии вывести силы [11], [12]. Тем не менее в 1978 году Австралия de facto признала аннексию, а в 1989 году

– de jure, заключив с Индонезией договор о «зоне сотрудничества» для совместной разработки ресурсов континентального шельфа Восточного Тимора. Именно заключение этого договора Португалия обжаловала в Суд, утверждая, что Австралия, заключив договор с Индонезией, нарушила право народа Восточного Тимора на самоопределение, территориальную целостность и суверенитет над природными ресурсами, а также права и обязанности Португалии как управляющей державы. Австралия, напротив, настаивала, что дело в действительности касается прав и статуса Индонезии, которая не является стороной спора, и следовательно суд не имеет юрисдикции по данному делу, так как затрагиваются права третьего государства. Суд в своем решении, согласившись с доводами Австралии, отметил, что не обладает юрисдикцией по данному делу и отказался рассматривать данный иск по существу. Несмотря на это, в мотивировочной части своего решения Суд по вопросу права народов на самоопределение изложил, что данное право имеет характер обязательства **erga omnes**, то есть распространяется на все государства и охраняется не только в интересах конкретного народа, но и в интересах международного сообщества в целом. Суд также подчеркнул, что право на самоопределение является одним из основополагающих принципов современного международного права [13].

Одновременно, Суд специально подчеркнул, что даже erga omnes-характер права на самоопределение не отменяет необходимости согласия государства, не являющегося стороной дела, на юрисдикцию Суда. С одной стороны Суд впервые в своем решении прямо подчеркнул право на самоопределение как обязательство erga omnes и признал такое право за народом Восточного Тимора, но, с другой, – ограничил свою юрисдикцию, ссылаясь на обязательность участия третьего государства, права которого могут быть затронуты при рассмотрении дела. Особым мнением выступил судья Вирамантри, который подчеркнул erga omnes характер права на самоопределение, также связь между этим правом и постоянным суверенитетом тиморского народа над природными ресурсами своей территории. Также судья высказался за рассмотрение дела по существу, не согласившись с доводами Суда о том, что erga omnes характер нормы не отменяет требования согласия на юрисдикцию и не позволяет обойти правовое препятствие, связанное с отсутствием Индонезии в деле. Он отметил, что такой подход препятствует практическому применению доктрины erga omnes [14].

В 2004 году по делу «Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории" Суд вновь обратился к праву народов на самоопределение. Ссылаясь на свои прежние решения и заключения,

он еще раз подчеркнул характер этого права как обязательство “erga omnes” и, вследствие этого, заявил об обязанности Израиля и третьих государств воздержаться от действий, нарушающих права палестинского народа» [15].

Следующее дело – консультативное заключение международного Суда ООН о «Соответствие международному праву одностороннего провозглашения независимости временными органами самоуправления **Косова»**. 17 февраля 2008 года Косовский парламент односторонне провозгласил независимость Косово. Сербия обратилась к Генеральной Ассамблее ООН с просьбой оценить соответствие этого акта международному праву. Генеральная Ассамблея, в свою очередь, обратилась в Суд с просьбой дать консультативное заключение по данному вопросу. Суд в своем заключении затронул несколько вопросов, связанных с осуществлением права самоопределения. Во-первых, Суд с самого начала установил рамки предмета своего заключения: Суд ответил на вопрос, нарушает ли принятие декларации независимости международное право, а вопросы, связанные с тем, имеются ли в международном праве правовые основания для территориальных единиц в одностороннем порядке отделиться от государств, он не рассмотрел. Отвечая на поставленный Генеральной Ассамблеей вопрос, Суд указал, что декларация «О независимости» не нарушила нормы международного права. В мотивировочной части своего заключения Суд, в ответ той позиции, согласно которой запрет на одностороннее принятие декларации «О независимости» прямо (“implicit”) исходит из принципа территориальной целостности государства, заявил, что сфера действия данного принципа ограничивается межгосударственными отношениями. Также Суд, исследовав прежние резолюции Совета Безопасности ООН, осуждающие принятие отдельных деклараций независимости (Северный Кипр, Республика Сербская, Южная Родезия), установил, что Совет осудил принятие данных документов не по причине их одностороннего характера, а из-за того, что «они были или могли быть связаны с незаконным применением силы или другими вопиющими нарушениями норм общего международного права, в частности, норм императивного характера (“jus cogens”)» [17]. Перед Судом также был поднят вопрос о праве самоопределения народа Косова и праве этого народа на ремедиальную сецессию. Ремедиальная сецессия – это доктрина, согласно которой народ, в отношении которого были совершены грубые нарушения прав человека, и которому отказано в реализации права на внутренне самоопределение, имеет право на создание нового государства [16]. В консультативном заключении было указано, что право народов на самоопределение претерпело развитие, но не был рассмотрен вопрос о возможности его применения вне контекста деколонизации [17]. Судья Корома в своем

особом мнении высказался против заключения Суда. По его мнению, право народов на самоопределение действует только в контексте деколонизации, а расширение его применения может служить опасным прецедентом для других «диссидентских» групп, которые при определенных условиях смогут в одностороннем порядке заявить о своей независимости. Ссылаясь на декларацию 1970г., в преамбуле которой говорится: «… любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности государства или страны или их политической независимости, несовместима с целями и принципами Устава», судья Корома пришел к выводу, что даже право народов на самоопределение не допускает выход из государства без его согласия [18]. Судья Юсуф, будучи согласным с выводами Суда, в своем отдельном мнении подвергнул критике подход Суда по некоторым вопросам. В частности, он отметил, что Суд упустил возможность дать толкование праву на самоопределение в постколониальном мире, чтобы предотвратить злоупотребление разными этническими группами данного права. По его мнению, международные право стремится защитить государства от фрагментации, внешней агрессии и вмешательства извне. Также он отмечает, что в центре внимания международного права находятся соблюдение прав человека в государстве, недопущение дискриминации и преступлений против человечества. Следовательно, суверенитет государства в данных вопросах международное право ограничивает, давая права отдельным лицам, социальным и этническим группам для защиты от таких ситуаций, а также налагает на государства определенные обязательства. Согласно судье Юсуфу, право на самоопределение, особенно в постколониальном мире, является одним из таких прав. Он справедливо отмечает, что право на самоопределение не изжило себя после ликвидации колоний: **оно существует до сих пор**. Однако судья Юсуф находит, что в международном праве нет такой позитивной нормы, которая дает всем народам и этническим группам право на внешнее самоопределение (создание собственного государства), как у групп, находящимся в колониях и под иностранным господством. Такое положение, по мнению судьи, привело бы к многочисленным формированиям собственных государств разными народами в одностороннем порядке, что могло бы серьезно подорвать принципы территориальной целостности и суверенитета государств. Однако судья говорит об **исключительных случаях,** когда у народов возникает возможность на создание собственного государства. Такими исключительными случаями могут быть дискриминация в отношении народа, его преследование по расовым или этническим признакам, а также отказ в предоставлении автономных политических структур и доступа к управлению

делами государства. Решение Совета Безопасности о вмешательстве также может служить дополнительным критерием оценки. Но даже при наличии таких обстоятельств, у народа автоматически не возникает право на внешнее самоопределение: необходимо исчерпание всех возможностей внутреннего самоопределения в пределах суверенитета и территориальной целостности уже существующего государства [19].

Если сравнить мнения двух судей, приведенных выше, то сразу видно категорическое отличие в их видениях о роли права на самоопределение в современном международном праве. Корома между правом на самоопределение и принципом территориальной целостности дает предпочтение второму, устанавливая границы самоопределения только в контексте деколонизации. Однако судья Корома не учитывает ситуации, когда отдельные этнические или социальные группы в составе государства подвергаются дискриминационной политике, в отношении них совершаются преступления против человечности, и единственным средством обеспечения их дальнейшей безопасности – создание собственного государства. В этом контексте позиция судьи Юсуфа более приемлема, так как в ней подчеркивается важность и принципа территориальной целостности и права на самоопределения как возможность для отдельных народов бороться с угнетающими их права государствами.

В дальнейшем Суд обращался к праву на самоопределение в консультативном заключении по делу «о правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикии в 1965 году». После формирования Организации Объединенных Наций Маврикия рассматривалась как несамоуправляющаяся территория под контролем Великобритании, которая в будущем, согласно Уставу ООН, должна была воспользоваться своим правом на самоопределение и решить свою политическую судьбу. Из-за геополитических процессов в 1965 году британское правительство и представители маврикийской стороны заключили соглашение, согласно которому архипелаг Чагос за определенную сумму передавался Соединенному Королевству, на котором формировалась новая колония – «Британская территория в Индийском океане» [20]. Маврикия без архипелага Чагос приобрела независимость в 1968 году. Также следует обратить внимание, что Британия на архипелаге осуществила политику по принужденному выселению населения островов и запрета их обратного въезда [20]. В 2017 году в Суд обратилась Генеральная Ассамблея ООН в том числе с вопросом: «был ли завершен процесс деколонизации Маврикии, когда она получила независимость…?» [21]. Суд установил, что процесс реализации права маврикийского народа на самоопределение не реализован полностью по

причине того, что Британия, отделив архипелаг Чагос, нарушила территориальную целостность несамоуправляющейся территории Маврикия. Свое заключение Суд обосновал ссылкой на резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, которые запрещали действия, направленные на полное или частичное нарушение территориальной целостности колоний, несовместимые с целями Устава ООН. Также Суд отметил, что во время заключения соглашения 1965 года по передаче архипелага Британии, представители маврикийской стороны находились под влиянием британской стороны и их действия не основывались на свободном волеизъявлении маврикийского народа. Суд подчеркнул, что право на самоопределение, как фундаментальное право человека, **имеет широкую сферу применения**, однако по данному заключению Суд ограничился анализом права на самоопределение в контексте деколонизации. Вновь подтвердив характер “erga omnes” обязательств по праву на самоопределение, Суд указал, что все государства-члены ООН в рамках работ Генеральной Ассамблеи ООН обязаны сотрудничать в целях завершить процесс деколонизации Маврикии [22].

Существенное развитие позиции Международного Суда ООН по вопросу права на самоопределение было внесено консультативным заключением «**Правовые последствия политики и практики Израиля на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим» 2024 года**. Суд, во-первых, снова подтвердил право палестинского народа на самоопределение, ссылаясь на консультативное заключение о «стене» 2004 года. Суд, аналогично своим прежним позициям, определил право на самоопределение как «одно из ключевых принципов современного международного права», а также подтвердил, что обязательство уважать право народа на самоопределение имеет характер “erga omnes”. Суд также указал, какие действия Израиля посягают на право палестинского народа на самоопределение.

территориальная фрагментация: строительство поселений и разветвленной сети инфраструктуры, которая привела к расчленению Западного берега на изолированные анклавы. Это подрывает территориальную целостность Палестины, которая является важной составляющей для реализации права на самоопределение.

действия, направленные на изменения **демографического состава**: дискриминационное законодательство, аннексия территорий, ограничения передвижений на этих территориях способствовали отъезду палестинского населения, что подрывает целостность палестинского народа, и, в свою очередь, создает препятствия для свободного осуществления права на самоопределение.

эксплуатация природных ресурсов: Израиль осуществляет постоянный контроль над природными ресурсами палестинского народа, что создает дополнительные преграды для палестинского народа.

возможность народа свободно **определять свой политический статус** и осуществлять экономическое, социальное и культурное развитие. Политика Израиля препятствует осуществлению фундаментальных прав человека, в частности права на самоопределение [23].

Суд впервые в своей практике прямо указал, что в случаях иностранной оккупации, подобных рассматриваемому, право народов на самоопределение представляет собой **императивную норму** международного права (“jus cogens”).

Проведенный анализ практики Международного Суда ООН позволяет сделать вывод о том, что подход Суда к праву народов на самоопределение претерпел существенную эволюцию: от относительно осторожного признания данного права в рамках деколонизации до его утверждения в качестве одного из основополагающих принципов современного международного права, обладающего характером обязательства “erga omnes” и, в определенных ситуациях, статусом императивной нормы общего международного права (“jus cogens”). Вместе с тем современная практика Суда не устранила все теоретические и практические вопросы, связанные с содержанием и пределами данного права. Для достижения более полного и последовательного понимания права на самоопределение Суду необходимо ответить на ряд принципиальных вопросов, связанных с границами применения данного права, в частности в ситуациях иностранной оккупации, внешнего господства, а также в условиях систематического нарушения прав человека и проводимой дискриминационной политики в отношении народа. Не менее важным является вопрос о соотношении права на самоопределение с принципом территориальной целостности государств. Суду также предстоит уточнить, включает ли право на самоопределение возможность одностороннего отделения в исключительных обстоятельствах, о которых говорилось в исследовании. Кроме того, дальнейшего разъяснения требует вопрос о критериях, по которым может быть установлено нарушение данного права, включая пределы допустимого внешнего контроля над территорией, ресурсами, демографическими процессами и политическими институтами соответствующего народа. Наконец, для окончательного установления юридической природы данного права необходимо выработать конкретные международно-правовые последствия при его нарушении и какие меры международное сообщество должно предпринять для устранения таких нарушений. Тем самым, дальнейшее развитие практики Международного

Суда ООН будет иметь решающее значение не только для уточнения содержания права народов на самоопределение, но и для определения его места в общей системе современного международного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устав ООН. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text
2. Международный пакт о гражданских и политических правах, Принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года, ст. 1. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года, ст. 1. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml
4. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 года
5. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года
6. «Юридические последствия для государств, вытекающие из продолжающегося присутствия Южной Африки в Намибии (Юго-Западной Африке), несмотря на резолюцию Совета Безопасности 276 (1970)», Консультативное заключение Международного Суда ООН от 21 июня 1971 года, п. 52. URL: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/53/053-19710621-ADV-01-00-EN.pdf
7. Особое мнение вице-президента Аммуна. URL: https://www.icj-cij.org/index.php/node/141764
8. "Западная Сахара" Консультативное Заключение Суда ООН от 16 октября 1975 года. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/61/061-19751016-ADV-01-00-EN.pdf
9. Особое мнение судьи Дилларда, 7с. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/61/061-19751016-ADV-01-07-EN.pdf
10. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1542(XV), п.1. URL: https://docs.un.org/ru/a/res/1541(xv)
11. Резолюция 384 (1975) от 22 декабря 1975 года Совета Безопасности ООН. URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/384(1975)
12. Резолюция 389 (1976) от от 22 апреля 1976 года Совета Безопасности ООН. URL: file:///Users/vigen/Downloads/S_RES_389(1976)-RU.pdf
13. Дело «Восточного Тимора» (Португалия против Австралии), решение от 30 июня 1995 года. URL:https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/84/084-19950630-JUD-01-00-EN.pdf
14. Особое мнение судьи Вирамантри. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/84/084-19950630-JUD-01-05-EN.pdf
15. Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории. Консультативное заключение от 9 июля 2004 года Международного Суда ООН. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/131/131-20040709-ADV-01-00-EN.pdf

16. Алексанян С.Р. 2017. К вопросу о теории ремедиальной сецессии в современном международном праве, стр. 6. Московский журнал международного права. № 4. СС. 141–150. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-141-150
17. «Соответствие международному праву одностороннего провозглашения независимости Косова» Консультативное заключение Международного Суда ООН.
18. Особое мнение судьи Коромы. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/141/141-20100722-ADV-01-02-EN.pdf
19. Особое мнение судьи Юсуфа. URL: https://icj-cij.org/sites/default/files/case-related/141/141-20100722-ADV-01-09-EN.pdf
20. *Марусин И.С.* Признаки субъекта права на самоопределение: Консультативное заключение Международного Суда ООН по архипелагу Чагос // «Вестник СПбГУ. Серия 14. Право», №1, 2025. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-subekta-prava-na-samoopredelenie-konsultativnoe-zaklyuchenie-mezhdunarodnogo-suda-oon-po-arhipelagu-chagos (дата обращения: 19.04.2026).
21. Запрос на консультативное заключение 23 июня 2017 г. URL:https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/169/169-20170623-REQ-01-00-EN.pdf
22. «Правовые последствия отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965г.» Консультативное заключение Международного Суда Организации Объединенных Наций (МС ООН) 2019г. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/169/169-20190225-ADV-01-00-EN.pdf
23. «Правовые последствия политики и практики Израиля на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим» Консультативное заключение Международного Суда Организации Объединенных Наций 2024г. URL:https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/186/186-20240719-jud-01-00-en.pdf

REFERENCES
THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE'S APPROACH TO THE PRINCIPLE OF PEOPLES' SELF-DETERMINATION

V. Grigoryan, V. Hovhannisyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The paper examines the issue of the right of peoples to self-determination in the context of the case law of the International Court of Justice. The study is based on the practice of the International Court of Justice from the beginning of its activity, in particular on the decisions in which the Court addressed the question of the self-determination of particular peoples. The research aims to examine the development of the Court's position on this right, as well as to identify the main stages in the evolution of its approach to the content and legal nature of the right to self-determination. Special attention is paid to the way in which the Court gradually moved from considering this right primarily within the framework of decolonization to recognizing it as one of the fundamental principles of contemporary international law.

Keywords: International Court of Justice, right of peoples to self-determination, public international law.

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАЩИТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

С.М. Епремян

Российско-Армянский университет
sona.yepremyan@student.rau.am

АННОТАЦИЯ

Данная статья оценивает международно-правовые механизмы охраны нематериального культурного наследия коренных народов. По материалам Конвенции ЮНЕСКО 2003г., Декларации ООН 2007 г., soft law и прецедентов выявляются пробелы: отсутствие коллективных прав на НКН (нематериальное культурное наследие), неопределенность FPIC (Free, Prior and Informed Consent), коллизии суверенитета и прав коренных. Предлагаются пути усиления статуса коренных народов как носителей и распорядителей НКН.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, коренные народы, UNESCO-конвенция 2003, Декларация ООН о правах коренных народов, коллективная интеллектуальная собственность, добровольное согласие, юридические пробелы.

Нематериальное культурное наследие коренных народов формирует основу их идентичности и системы знаний, однако сегодня оно находится в зоне устойчивого риска. Процессы глобализации, коммерциализации и технологической стандартизации приводят к сокращению сферы использования родных языков, трансформации или утрате обрядов, исчезновению устных традиций и обесцениванию связанных с ними практик, которые все чаще рассматриваются не как живое культурное пространство, а как ресурс туристической и рыночной индустрий. На этом фоне международные организации декларируют приоритет защиты НКН и прав коренных народов, формируя обширный массив норм и рекомендаций. Тем не менее, наличие нормативных рамок не гарантирует их фактическую действенность, что вновь актуализирует проблему эффективности международно-правовых инструментов в условиях меняющейся социальной и экономической среды.

В связи с этим анализ сосредотачивается на определении реального уровня защиты, который предоставляют действующие международно-правовые механизмы, и на выявлении нормативных пробелов, влияющих на их практическую реализацию.

Поскольку эффективность любой модели охраны напрямую зависит от того, как определяется объект защиты, дальнейший анализ обращается к тому, каким образом международное право формирует понятие нематериального культурного наследия коренных народов. Исходное нормативное определение НКН в международном праве формируется, прежде всего, в Конвенции ЮНЕСКО об охране НКН 2003г. [5] В соответствии со ст. 2 под НКН, понимаются «практики, выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты и культурные пространства, признаваемые сообществами частью их культурного наследия». Конвенция подчеркивает «живой» характер такого наследия и его роль в обеспечении идентичности и преемственности, а обязанности государств формулируются как меры по охране и обеспечению жизнеспособности НКН (идентификация, документирование, передача), но не как признание за общинами исключительных прав на соответствующие элементы.

Этот подход пересекается с категориями традиционных знаний и традиционных культурных выражений, используемыми в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности. Межправительственный комитет ВОИС по интеллектуальной собственности, генетическим ресурсам, традиционным знаниям и фольклору описывает TCEs как формы выражения, передаваемые из поколения в поколение и составляющие часть культурной идентичности коренных и местных общин [14], а традиционные знания – как укорененные в обычаях знания и практики, в том числе связанные с природной средой [15].

В доктрине отмечается, что традиционные знания (ТК), традиционные культурные выражения (TCEs) и связанные с ними обычаи и практики коренных народов образуют взаимосвязанный и неделимый комплекс культурного наследия, передаваемый из поколения в поколение. Несмотря на различия в терминологии, все эти элементы рассматриваются как части единой системы традиционного знания и культурной идентичности, уязвимой к утрате вследствие преимущественно устной формы передачи и разрушения носителей, а также к неправомерному использованию и присвоению со стороны внешних акторов (Kuruk 2007, PP. 67–69).

Специфика нематериального наследия коренных народов требует четкого определения носителей. Поскольку Конвенция ЮНЕСКО 2003г. понятия «коренные народы» не содержит, на практике применяются критерии, выработанные в смежных источниках: докладе Мартинеса-Кобо, Конвенции МОТ № 169 [10] и Декларации ООН о правах коренных народов [2]. Эти документы закрепляют сочетание объективных признаков (историческая преемственность, устойчивая связь с территорией, собственные социальные институты) и субъективного элемента самоидентификации. Последовательная практика органов

ООН и региональных судов подтверждает, что статус коренного народа определяется через сочетание исторической связи с территорией, культурной преемственности и самоидентификации. Комитет по правам человека [7] (*Ángela Poma Poma, Lubicon Lake Band*), КЭСКП (Общий комментарий № 21) [8] и специальные процедуры ООН применяют эти критерии одинаково; тот же подход последовательно используется Межамериканским судом (*Saramaka, Yakye Axa*) [9] и Африканской комиссией (*Endorois*) [13]. Такая согласованность формирует устойчивый обычный стандарт, релевантный и для толкования Конвенции ЮНЕСКО 2003г. [5]

Правовая природа НКН коренных народов формируется на пересечении культурных и правозащитных норм. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (ст. 15) и Общее замечание № 21 КЭСКП [8] закрепляют коллективное право коренных народов на сохранение и развитие своих традиций и форм культурного выражения. Ст. 27 МПГПП [4] и Комментарий № 23 Комитета по правам человека [1] трактуют традиционный образ жизни, обряды и связь с землей как элементы защищаемой культуры. Межамериканский суд в делах о землях и ресурсах (*Yakye Axa, Sarayaku*) [9] последовательно связывает вмешательство в территорию с подрывом культурной идентичности и нематериального наследия. Декларация ООН о правах коренных народов [3] дополняет этот режим правом на сохранение, контроль и развитие культурного наследия и традиционных знаний, придавая НКН статус объекта особой защиты.

Такое положение дел делает принципиально важным обращение к тому, как в международных актах конструируется понятие НКН и задаются его правовые параметры. Правовая природа НКН коренных народов определяется совокупностью культурных и правозащитных норм, которые придают НКН статус охраняемого коллективного ресурса. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (ст. 15) [6] признает право общин участвовать в культурной жизни и сохранять традиционные формы выражения, а Общее замечание № 21 Комитета по ЭСКП [8] уточняет, что такие формы включают практики и знания, передаваемые из поколения в поколение. В этом контексте НКН рассматривается как элемент коллективной идентичности, обладающий самостоятельной ценностью и требующий государственной защиты.

Аналогичный подход следует из ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах [4]. Комитет по правам человека [7] указывает,

что культура для коренных народов включает традиционный образ жизни, ритуальные практики и устойчивую связь с природной средой. Нарушение этих элементов трактуется как вмешательство в защищаемое право культуры.

Декларация ООН о правах коренных народов [3] дополняет эту систему, формулируя право общин на сохранение, контроль и развитие своего культурного наследия, включая традиционные знания и культурные выражения. Хотя Декларация юридически не обязательна, она все же оказывает устойчивое влияние на международную практику и фактически используется как ориентир при толковании договорных прав коренных народов. Это подтверждается, во-первых, практикой международных органов: Межамериканский суд по правам человека в деле *Sarayaku* прямо отнесся к Декларации как к релевантному источнику при обосновании права на культурную идентичность, подчеркнув ее значимость, наряду с Конвенцией МОТ № 169. [11], [12], во-вторых, на национальном уровне ряд государств институционализировал Декларацию как рамку для толкования и применения внутреннего права: Федеральный закон Канады о внедрении UNDRIP прямо закрепляет ее в качестве международного правозащитного инструмента, призванного направлять интерпретацию канадского законодательства и обеспечивать его соответствие установленным в ней стандартам. [16]

В совокупности, эти нормы формируют автономный режим охраны, рассматривающий НКН не только как культурную ценность, но и как элемент коллективных прав коренных народов. Это превращает ее защиту в обязанность государств создавать условия для сохранения, развития и устойчивой передачи традиционных практик.

Однако, несмотря на формирование указанного режима охраны, его эффективность существенно ограничивается рядом структурных дефицитов. Рассмотрим основные правовые проблемы, которые препятствуют полноценной реализации международных обязательств.

Ключевые правовые проблемы и пробелы в защите НКН коренных народов проявляются, прежде всего, в отсутствии международно признанного режима коллективных прав на такие элементы. Современная система интеллектуальной собственности исходит из того, что у произведения есть конкретный индивидуальный автор, объект должен быть зафиксирован в материальной форме, а охрана действует только ограниченный срок [26]. Эти принципы плохо подходят для нематериального наследия коренных народов, которое является коллективным, передается из поколения в поколение и часто не имеет определенного автора. Конвенция ЮНЕСКО 2003г. [5] не формирует для общин исключительных или вещных прав на элементы НКН, а закрепляет лишь

обязанности государств по их охране и обеспечению жизнеспособности. Разрабатываемые во Всемирной организации интеллектуальной собственности вопросы защиты традиционных знаний (ТК) и традиционных культурных выражений (TCEs) остаются на стадии международных переговоров: в рамках Межправительственного комитета ВОИС на протяжении ряда лет обсуждается проект международного правового инструмента, однако обязательного международного соглашения до настоящего времени не принято [20] *Von Lewinski S. Indigenous Heritage and Intellectual Property. Kluwer Law International*. Как показывает анализ международных инициатив по охране фольклора и традиционных культурных выражений, национальное регулирование остается фрагментарным: Model Provisions 1982г. были имплементированы лишь ограниченным числом государств, их практическое применение вызывает сомнения, а значительная часть традиционных культурных выражений продолжает рассматриваться как часть публичного достояния, что позволяет третьим лицам использовать их без согласия общин и без распределения выгод с ними [19].

Второй блок проблем связан с неопределенностью стандарта свободного, предварительного и информированного согласия (FPIC). Декларация ООН о правах коренных народов закрепляет обязанность государств добросовестно консультироваться и стремиться к получению согласия коренных народов перед утверждением проектов, затрагивающих их земли, территории и ресурсы (ст. 19, 32), а Конвенция МОТ № 169 [11] устанавливает обязательность консультаций и участия коренных народов в принятии решений, влияющих на их развитие. Однако ни один из этих актов не оформляет FPIC как абсолютное право вето. Государства сохраняют возможность трактовать его как процедурное обязательство, ограничиваясь уведомлением и формальными консультациями. Более содержательные стандарты FPIC разработаны Межамериканским судом по правам человека в делах *Saramaka v. Suriname* и *Pueblo Kichwa de Sarayaku v. Ecuador* [27], где согласие было прямо увязано с защитой культурной идентичности, традиционного образа жизни и нематериальных практик. Однако эта практика ограничена рамками межамериканской системы и не создала универсального правового стандарта. На практике это приводит к тому, что деятельность, влияющая на сакральные пространства, ритуальные практики или традиционное природопользование, нередко осуществляется без реального учета позиции общин [25], [22].

Третья проблемная зона связана с коллизией между государственным суверенитетом как принципом международного права и признанием коллективных прав коренных народов в области культурного наследия. Конвенция

ЮНЕСКО 2003г. [5], несмотря на риторику участия общин, институционально закрепляет ключевую роль за государством, оставляя за ним контроль над идентификацией, оценкой и представлением элементов НКН. В условиях отсутствия нормы, устанавливающей приоритет культурного самосохранения над проектами государственного развития, пределы охраны нематериального наследия остаются производными от политического усмотрения национальных органов власти.

Проблема коммерциализации НКН выявляет более глубокий нормативный разрыв между признанием культурной ценности НКН и отсутствием действенных механизмов правовой защиты носителей традиций. ЮНЕСКО в Конвенции 2003г. фокусируется преимущественно на политике сохранения, не затрагивая вопросы правоприменения в сфере неправомерного использования элементов НКН. При этом документы ВОИС и совместные модельные положения ЮНЕСКО-ВОИС обладают рекомендательным характером и не формируют обязательств государств по защите общин от эксплуатационного присвоения. В современных условиях НКН широко вовлекается в глобальные рынки культуры, моды и туризма при отсутствии согласия со стороны общин и механизмов компенсации [21]. Интеллектуальная собственность защищает индивидуальных авторов, а не общины, поэтому коллективные культурные практики остаются слабо защищенными. Иллюстрацией данной тенденции служат, так, например, включение маорийских татуировочных элементов в европейскую индустрию моды дизайнером *Jean-Paul Gaultier* [23] без согласия соответствующих общин. Аналогичные нарушения зафиксированы, где коммерческая эксплуатация осуществляется без участия и контроля коренных народов.

Хотя международные акты формируют общие стандарты охраны НКН, их реальное содержание определяется тем, как эти нормы применяются в конкретных правопорядках. Именно региональные и национальные механизмы позволяют оценить, превращаются ли общие рекомендации в действенные гарантии. Поэтому далее анализ обращается к судебной и законодательной практике разных регионов.

Региональные и национальные правоприменительные подходы свидетельствуют, что реальная степень защищенности НКН коренных народов определяется не только текстом международных актов, но, прежде всего, тем, как суды и государственные органы наполняют эти нормы конкретным содержанием. В юрисдикциях, где договорные и soft law-стандарты получают устойчивое и последовательное толкование, удается компенсировать значительную часть нормативных пробелов. Там же, где такая интерпретативная практика носит эпизодический или несистемный характер, НКН фактически

остается на уровне деклараций, не обеспечивая общинам действенных механизмов защиты.

Наиболее последовательный подход сформировался в Межамериканской системе прав человека. В деле *Пуэбло индхена кичва де Сараяку против Эквадора* [18] Межамериканский суд по правам человека признал, что разрешение нефтяных работ на территории коренного народа без его свободного, предварительного и информированного согласия нарушило не только право на общинную собственность, но и право на культурную идентичность, поскольку доступ к сакральным местам и традиционный образ жизни являются элементами нематериального наследия народа. Суд прямо связал стандарт FPIC, разработанный в Конвенции МОТ № 169 и Декларации ООН о правах коренных народов, с содержанием обязательств по Американской конвенции, придав ему характер юридически значимого критерия допустимости вмешательства в права коренных общин. Аналогичный подход был развит ранее в деле *Saramaka v. Suriname* [27], где Суд указал, что любые проекты, способные затронуть выживание и культурную идентичность народа, требуют не только консультаций, но и согласия и справедливого распределения выгод.

Другим показательным примером является дело *Maya Kaqchikel Indigenous Peoples of Sumpango v. Guatemala* [29], в котором Межамериканский суд оценивал ограничения на деятельность общинных радиостанций. Суд указал, что запрет и конфискация оборудования нарушили не только свободу выражения, но и право коренных народов на участие в культурной жизни и сохранение собственной нематериальной культуры, поскольку общинное радиовещание на родном языке является формой передачи традиций и элементом НКН

Вместе с тем, даже в рамках Межамериканской системы сохраняются ограничения: защита осуществляется ретроспективно (суд вмешивается только после того, как нарушение уже произошло, рассматривая конкретное дело и вынося решение по факту допущенного вмешательства), по результатам индивидуальных дел; она зависит от активной правовой мобилизации общин и поддержки правозащитных организаций; исполнение решений остается проблемой, о чем свидетельствуют затянутая имплементация приговора по делу *Sarayaku* [28] и необходимость постоянного мониторинга исполнения Судом и Комиссией. Это подчеркивает, что судебная «достройка» стандарта не заменяет отсутствия четко оформленных договорных гарантий коллективных прав на НКН.

На национальном уровне наиболее развитые модели регулирования нематериального наследия коренных народов формируются в отдельных юрисдикциях Австралии и Новой Зеландии. В штате Виктория *Aboriginal Heritage Act 2006* [30] и последующие поправки ввели категорию «аборигенного нематериального наследия», включающего знания и выражения традиции (устные предания, обряды, песни, экологические знания и др.), и механизм его регистрации в специальном реестре. Регистрация дает возможность заключать соглашения об использовании такого наследия, предусматривающие условия доступа и распределение выгод, а также позволяет запрещать несанкционированное коммерческое использование. Важным является то, что ключевые полномочия по инициированию регистрации и согласованию использования принадлежат самим традиционным владельцам, а доступ к информации в реестре ограничен с учетом чувствительности данных. Эта модель, по сути, реализует на национальном уровне те *sui generis*-подходы к коллективной охране НКН, о необходимости которых говорится в документах ВОИС, и частично компенсирует отсутствие международного договора о коллективной интеллектуальной собственности.

Новая Зеландия, хотя и не создала комплексного нормативного режима, сопоставимого с викторианской моделью, постепенно выстраивает элементы особой системы охраны *mātauranga Māori* и связанных с ней *taonga works*. Ключевую роль в этом сыграло решение Трибунала Вайтанги по делу WAI 262 [24], после которого были инициированы реформы в сфере интеллектуальной собственности, включая учреждение консультативных органов при патентных и торговых ведомствах. Эти структуры призваны обеспечивать учет позиции *Māori* в процедурах регистрации прав, затрагивающих традиционные знания, символику и иные элементы культурного наследия.

Эти примеры показывают, что там, где национальный законодатель прямо закрепляет категорию «нематериального наследия коренных народов» и создает процедуры регистрации и согласия, общий уровень правовой защищенности НКН существенно возрастает. Однако территориальный охват таких моделей крайне узок: даже в Австралии подобные решения реализованы не на федеральном, а на уровне отдельных штатов, а в Новой Зеландии значительная часть предложений трибунала имеет программный характер и зависит от политической воли правительства.

Ситуация в арктических государствах – таких, как Канада, США и Россия, показывает, что наличие программ поддержки коренных народов не всегда обеспечивает эффективную охрану НКН. В Канаде, несмотря на имплементацию Декларации ООН и поддержку культурных практик, приоритет часто отдается

национальным интересам и инфраструктурным проектам. В США защита НКН осуществляется косвенно через земельные, экологические и административные механизмы, без единого специального режима. В России законодательство в основном направлено на поддержку традиционного природопользования и социальное развитие, тогда как нематериальное наследие рассматривается преимущественно как объект культурной политики. В результате во всех трех странах сохранение НКН во многом зависит от решений по вопросам земли и ресурсов, а не от самостоятельных механизмов его правовой защиты.

Сравнительный анализ показывает три основные тенденции. В регионах с развитой судебной защитой прав человека, как в Межамериканской системе, наиболее эффективные стандарты охраны НКН формируются судами. В юрисдикциях, использующих *sui generis*-механизмы (Виктория, частично – Новая Зеландия), общины получают больше возможностей контролировать использование НКН. Напротив, правопорядки, ориентированные на государственный суверенитет и ресурсное развитие, обеспечивают минимальную защиту НКН.

Эти различия свидетельствуют о том, что эффективность международной охраны НКН зависит от наличия действенных региональных и национальных механизмов. При отсутствии единых обязательных норм и процедур уровень защиты по-прежнему определяется особенностями отдельных правовых систем, а не общими международными стандартами.

Подводя итоги исследования, можно отметить, что существующий международный режим охраны нематериального культурного наследия (НКН) коренных народов остается недостаточно полным. Международные акты закрепляют общие принципы защиты, однако не обеспечивают НКН статус коллективного объекта охраны, что приводит к разрыву между нормативными положениями и реальной защитой.

Частично компенсировать этот недостаток позволяет правоприменительная практика, которая включает участие общин в управлении НКН, учет культурных последствий вмешательств и признание коллективного характера культурных практик. Однако такие меры не устраняют существующие структурные проблемы.

Для повышения эффективности защиты необходимо международно-правовое закрепление коллективного статуса НКН, установление правил доступа и использования культурного наследия, а также обязательного учета мнения общин при принятии значимых решений. Важным направлением также является расширение функций профильных органов ЮНЕСКО и ВОИС, развитие механизмов мониторинга и участие представителей коренных народов в консультативных процессах.

Действующий международный режим не обеспечивает достаточной правовой определенности и единообразия защиты НКН. Формирование согласованных международных стандартов и механизмов контроля является необходимым условием для обеспечения реальной, а не декларативной охраны культурного наследия коренных народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генеральный комментарий №23 по праву на труд [Эл. ресурс]. URL: https://www.ohchr.org/ru/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-23-2016-right-just-and-favourable (дата обращения: 01.06.2026).
2. Декларация ООН о правах коренных народов [Эл. ресурс]. URL: https://www.un.org/development/desa/Indigenouspeoples/wp-content/uploads/sites/19/2018/11/UNDRIP_E_web.pdf (дата обращения: 01.06.2026).
3. Декларация ООН о правах коренных народов [Эл. ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 01.06.2026).
4. Конвенция о гражданских и политических правах [Эл. ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 01.06.2026).
5. Конвенция о охране культурного наследия [Эл. ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 01.06.2026).
6. Конвенция о праве экономических, социальных и культурных прав [Эл. ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 01.06.2026).
7. Комитет ООН по гражданским и политическим правам [Эл. ресурс]. URL: https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/ccpr (дата обращения: 01.06.2026).
8. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Общие комментарии [Эл. ресурс]. URL: https://www.refworld.org/ru/legal/general/cescr/2009/ru/83710 (дата обращения: 01.06.2026).
9. Межамериканская комиссия по правам человека [Эл. ресурс]. URL: https://pcacpa.org/ru/services/other/iachr/ (дата обращения: 01.06.2026).
10. Международная организация труда. Конвенция №169 о коренных и племенных народах [Эл. ресурс]. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C169 (дата обращения: 01.06.2026).
11. Международная организация труда. Конвенция №169 о коренных народах [Эл. ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения: 01.06.2026).
12. Отчет HRCAK [Эл. ресурс]. URL: https://hrcak.srce.hr/file/356160 (дата обращения: 01.06.2026).
13. РудН.ру. Статья о международной защите культурного наследия [Эл.ресурс]. URL: https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/131863/ (дата обращения: 01.06.2026).
14. Всемирная организация интеллектуальной собственности. Традиционные культурные выражения [Эл ресурс]. URL: https://www.wipo.int/en/web/traditional-knowledge/traditional-cultural-expressions/index (дата обращения: 01.06.2026).
15. Всемирная организация интеллектуальной собственности. Традиционные знания [Эл. ресурс]. URL: https://www.wipo.int/en/web/traditional-knowledge/tk/index (дата обращения: 01.06.2026).

16. Министерство юстиции Канады. Legislation and Regulations – Department of Justice Canada [Эл. ресурс]. URL: https://www.justice.gc.ca/eng/declaration/legislation.html (дата обращения: 04.06.2026).
17. ABC News. Outrage over Nike's use of cultural icon [Эл. ресурс]. URL: https://www.abc.net.au/news/ (дата обращения: 01.06.2026).
18. Amazon Watch. Historic Legal Victory by Kichwa Indigenous People of Sarayaku [Эл. ресурс]. URL: https://amazonwatch.org/ru/news/2024/0118-historic-legal-victory-achieved-by-the-kichwa-indigenous-people-of-sarayaku (дата обращения: 01.06.2026).
19. Cambridge Core. Traditional Cultural Expressions and International Intellectual Property Law [Эл. ресурс]. – URL: https://www.cambridge.org/core/journals/international-journal-of-legal-information/article/traditional-cultural-expressions-and-international-intellectual-property-law/FB2753FCCB69B560BBBCA30CD221739C (дата обращения: 01.06.2026).
20. CPLewinski. Siberian Indigenous Studies [Эл. ресурс]. URL: https://dh-north.org/siberian_studies/publications/cplewinski.pdf (дата обращения: 01.06.2026).
21. Duke University Press. The Cultural Life of Intellectual Properties [Эл. ресурс]. URL: https://www.dukeupress.edu/the-cultural-life-of-intellectual-properties (дата обращения: 01.06.2026).
22. Rights and Resources Initiative. Indigenous Peoples and Extractive Sector [Эл. ресурс]. URL: https://rightsandresources.org/wp-content/uploads/IPs-and-the-Extractive-Sector-Towards-a-Rights-Respecting-Engagement.pdf (дата обращения: 01.06.2026).
23. The Spinoff. You can’t copyright culture [Эл. ресурс]. URL: https://thespinoff.co.nz/atea/20-03-2018/you-cant-copyright-culture-but-damn-i-wish-you-could (дата обращения: 01.06.2026).
24. UN CERD. New Zealand Report [Эл. ресурс]. URL: https://docs.un.org/ru/CERD/C/NZL/CO/21-22 (дата обращения: 01.06.2026).
25. UN Human Rights Council Report A/HRC/39/17 [Эл. ресурс]. URL: https://docs.un.org/ru/A/HRC/39/17 (дата обращения: 01.06.2026).
26. Vanderbilt Law Scholarship. Traditional Knowledge and Intellectual Property [Эл. ресурс]. URL: https://scholarship.law.vanderbilt.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1723&context=faculty-publications (дата обращения: 01.06.2026).
27. Inter-American Court of Human Rights. Case Serie C No. 172 [Эл. ресурс]. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_172_ing.pdf (дата обращения: 01.06.2026).
28. Inter-American Court of Human Rights. Case Serie C No. 245 [Эл. ресурс]. URL: https://corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_245_ing.pdf (дата обращения: 01.06.2026).
29. Inter-American Court of Human Rights. Case Serie C No. 457 [Эл. ресурс]. – URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_457_ing.pdf (дата обращения: 01.06.2026).
30. Victorian Legislation. Aboriginal Heritage Act 2006 [Эл. ресурс]. URL: https://legislation.vic.gov.au/in-force/acts/aboriginal-heritage-act-2006 (дата обращения: 01.06.2026).

THE PROBLEM OF THE EFFECTIVENESS OF PROTECTING THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF INDIGENOUS PEOPLES

S. Yepremyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article evaluates international legal mechanisms for the protection of the intangible cultural heritage of Indigenous peoples. Based on the analysis of the 2003 UNESCO Convention, the 2007 United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, soft law instruments, and relevant case studies, the paper identifies several key gaps, including the absence of collective rights to intangible cultural heritage (ICH), the ambiguity of the principle of Free, Prior and Informed Consent (FPIC), and conflicts between state sovereignty and the rights of Indigenous peoples. The article proposes measures to strengthen the legal status of Indigenous peoples as custodians and decision-makers regarding their intangible cultural heritage.

Keywords: intangible cultural heritage; Indigenous peoples; 2003 UNESCO Convention; United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples; collective intellectual property; Free, Prior and Informed Consent (FPIC); legal gaps.

ПРАВОВОЙ СТАТУС АПАТРИДОВ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИХ ЗАЩИТЫ В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

С.Р. Карташян*[1], *М.М. Матинян

[1]*Российско-Армянский университет*
stepan.Kartashyan@rau.am, melanya0176@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что институт гражданства играет ключевую роль как в национальной, так и в международной правовой системе. Подлинная и эффективная связь между человеком и государством дает чувство безопасности и защищенности, но, независимо от того, является ли человек гражданином или нет, он имеет право на достойную жизнь и правовую защиту. Международное сообщество и ООН обращают внимание на данный вопрос, но многие проблемы до сих пор остаются нерешенными.
Ключевые слова: апатрид, гражданство, защита, ООН, права.

Апатридизм, или безгражданство, является одной из самых серьезных проблем современного мира.

Гражданство, по определению Международного суда ООН, представляет собой «подлинную и эффективную связь между человеком и государством». Оно должно отражать реальную социальную привязанность – такую, как длительное проживание, семейные связи и экономические интересы [13].

Согласно официальным данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, который обладает мандатом по обеспечению международной защиты беженцев, апатридов и внутренне перемещенных лиц [5], насчитывается около 4,2 млн зарегистрированных апатридов, однако, по некоторым источникам, их фактическое количество многократно превышает данную цифру и достигает 10–12 млн человек.

Гражданство представляет собой устойчивую связь между лицом и государством, посредством которой стороны принимают на себя взаимные права и обязанности. Если у физического лица отсутствует гражданство, государство не несет перед ним ответственности в той степени, в которой ответственно перед своими гражданами, что создает для апатрида неблагоприятные условия.

В рамках данной статьи рассмотрим содержание понятий «апатрид» и «беженец», механизмы защиты прав апатридов, актуальные проблемы и предложим варианты их решения.

Согласно ст. 1 Конвенции о статусе апатридов 1954 года апатрид – это лицо, «которое не рассматривается гражданином каким-либо государством в силу действия его закона» [1]. Данное определение является наиболее широко применяемым и распространенным. Согласно ему, физическое лицо, независимо от факта рождения на определенной территории и от наличия или отсутствия документов, удостоверяющих личность, не является гражданином государства, если законы данного государства не признают его таковым. В значении Конвенции апатридами признаются только de jure апатриды; de facto апатриды в данное определение не входят. De facto апатриды – лица, которые, несмотря на формальное наличие гражданства определенного государства, фактически, по тем или иным причинам, не получают или не могут получить правовую защиту со стороны государства. В отличие от de jure апатридов, права которых защищаются Конвенцией о статусе апатридов 1954 года, права de facto апатридов защищаются посредством применения международного права прав человека, права беженцев и национального законодательства государств. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев активно занимается вопросом правовой защиты de facto апатридов.

Рассмотрим, каким образом возникает безгражданство.

После рождения ребенка гражданство предоставляется ему по одному из двух распространенных принципов – принципу почвы либо принципу крови. Согласно принципу почвы, факт рождения ребенка на территории данной страны уже достаточен для предоставления ему гражданства этого государства. Согласно принципу крови, ребенок становится гражданином того государства, гражданами которого являются оба его родителя, либо один из них. В случае несовпадения данных принципов ребенок остается без гражданства. Особенно остро этот вопрос ощущается в случае детей, рожденных с помощью суррогатного материнства.

Проблема состоит в том, что бывают случаи, когда государство, гражданами которого являются родители ребенка, ссылаясь на запрет услуг суррогатного материнства в своем национальном законодательстве, отказывается предоставить гражданство по принципу крови ребенку, рожденному на территории другого государства. Ситуация становится еще более тяжелой, когда государство, где рожден ребенок, предоставляет гражданство только по принципу крови или не является участником Конвенции о сокращении безгражданства [19]. В таких ситуациях ребенок фактически становится апатридом.

Для детального изучения данного вопроса рассмотрим судебное дело Ле Рош против Франции. Супруги Ле Рош были гражданами Франции; в Украине

они обратились к услугам суррогатной матери, в результате чего у них родились близнецы. Когда супруги обратились к властям Франции за предоставлением детям французского гражданства, им было отказано со ссылкой на то, что во Франции суррогатное материнство запрещено. Украинские власти также отказались автоматически предоставить детям украинское гражданство, поскольку в Украине действует принцип гражданства по крови. Дети оказались в Украине и не могли покинуть ее без паспортов. Господин Ле Рош был задержан вместе со своим отцом при попытке пересечь украинскую границу с детьми; его действия были квалифицированы как похищение детей [14].

Следующее дело, которое мы рассмотрим, – дело «Малышка Манджи Ямада». Господин и госпожа Ямада, супружеская пара из Японии, приехали в Индию, чтобы воспользоваться услугами суррогатной матери, но развелись до рождения ребенка, и госпожа Ямада отказалась от него. Господин Ямада, однако, не собирался отказываться от своего ребенка и намеревался воспитывать его самостоятельно. В этом деле возникла иная проблема, связанная с гражданством: в Японии гражданство предоставляется по гражданству матери, и поэтому ребенок господина Ямада не мог получить японское гражданство. Индийские власти также отказались предоставить гражданство, поскольку графа «мать» в свидетельстве о рождении была пустой. В конечном итоге, после обращения отца в Верховный суд Индии, Япония по гуманным соображениям, учитывая родство между отцом и ребенком, предоставила ребенку визу и позволила переехать из Индии в Японию [15].

Согласно ст. 7 Конвенции «О правах ребенка» каждый ребе нок имеет право на регистрацию имени и приобретение гражданства [4]. Ст. 1 Конвенции «О сокращении безгражданства» устанавливает, что, если ребенок родился и остался без гражданства, гражданство должно быть предоставлено государством, на территории которого он был рожден; данная норма обязательна только для государств – участников Конвенции [2]. Если ребенок остается без гражданства, ему присваивается статус апатрида, и на него распространяются нормы Конвенции «О статусе апатридов».

Другой распространенной причиной безгражданства является распад государства и отсутствие правопреемства. С проблемой безгражданства столкнулись многие люди после распада СССР; некоторые из них до сих пор остаются апатридами.

Также можно указать в качестве причины дискриминационные законы, запрещающие передачу гражданства по материнской линии, – вопрос особенно актуален в ряде мусульманских стран (что делать, если у ребенка нет

отца). И, конечно, немаловажную роль играет отсутствие соответствующих административных органов для регистрации факта рождения ребенка: по данным ЮНИСЕФ, ежегодно около 166 миллионов детей остаются без регистрации рождения.

Перед тем как перейти к обсуждению основных международно-правовых источников защиты прав апатридов, зафиксируем, что понятия «апатрид» и «беженец» имеют различное содержание. Согласно ст. 1 Конвенции «О статусе беженцев» беженцем является лицо, которое в результате событий, происшедших до 1 января 1951 года (это временное ограничение впоследствии было снято), и в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может или не желает пользоваться защитой этой страны вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного места жительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений [3]. Беженцем может являться как гражданин, так и лицо без гражданства (апатрид), однако для приобретения статуса апатрида территориальное перемещение не является обязательным условием.

Перейдем к обсуждению основных источников защиты прав апатридов; первым из них является Конвенция о статусе апатридов.

Конвенция «О статусе апатридов» была принята под эгидой ООН 28 сентября 1954 года, но вступила в силу только в 1960 году, после того как необходимое число государств ее ратифицировало. Процесс ратификации затянулся из-за того, что государства первоначально проявляли заниженный интерес к данному документу, избегая дополнительной ответственности; кроме того, в центре внимания находились не апатриды, а беженцы. Конвенция занимает центральное место в сфере защиты прав апатридов, являясь первым договором, посвященным исключительно их защите.

Конвенция устанавливает минимальный стандарт обращения с апатридами. Если сравнить ее с Конвенцией о статусе беженцев, то обе конвенции обеспечивают схожие права; отличие состоит в том, что Конвенция о статусе беженцев устанавливает данные права для беженцев, а Конвенция о статусе апатридов – для апатридов.

Среди гарантированных Конвенцией прав можно перечислить право на личные документы (ст. 27), право на проездной документ (ст. 28), доступ к образованию наравне с гражданами (ст. 22), право на труд (ст. 17–19), доступ

к судам (ст. 16), а также запрет на взимание с апатридов сборов, не взимаемых с иностранцев (ст. 29)[1].

Необходимо также обратить внимание на статью 31, закрепляющую запрет высылки апатридов иначе как по соображениям национальной безопасности или общественного порядка и только в порядке, предусмотренном законом [1].

В 1961 году была принята Конвенция о сокращении безгражданства, цель которой – не защита прав уже существующих апатридов, а предотвращение появления новых. Важное значение имеет ст. 8, запрещающая лишение гражданства, если оно влечет за собой безгражданство.

Среди механизмов защиты прав апатридов ключевую роль играет Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ). УВКБ обеспечивает защиту лиц без гражданства и прилагает усилия по предотвращению и сокращению безгражданства [10]. Первоначально УВКБ не обладало мандатом в сфере защиты прав лиц без гражданства, однако в 1995 году Генеральная Ассамблея ООН резолюцией 50/152 расширила полномочия УВКБ, наделив его прямым мандатом в отношении апатридов по Конвенции 1954 года.

В своем заключении Исполнительный комитет подчеркнул следующее:

- Исполнительный комитет признает уже возложенные на Верховного комиссара обязанности в отношении беженцев-апатридов и сокращения безгражданства и призывает УВКБ продолжать деятельность в интересах апатридов в рамках своей уставной функции по предоставлению международной защиты и содействию превентивным действиям, а также возложенной на него Генеральной Ассамблеей обязанности выполнять функции, предусмотренные статьей 11 Конвенции 1961 года «О сокращении безгражданства»;
- Просит УВКБ активно содействовать присоединению государств к Конвенции 1954 года «О статусе апатридов» и Конвенции 1961 года «О сокращении безгражданства» ввиду ограниченного числа государств-участников этих документов, а также оказывать заинтересованным государствам соответствующие технические и консультативные услуги в подготовке и осуществлении законодательства о гражданстве [7].

С 2014 года в результате деятельности УВКБ гражданство приобрели более 500 000 человек.

Среди договорных органов ООН особое место в сфере защиты прав апатридов занимают Комитет по правам человека и Комитет по правам ребенка.

Первый следит за соблюдением Международного пакта о гражданских и политических правах и периодически рекомендует государствам совершенствовать свое законодательство, а второй уделяет пристальное внимание тому, чтобы дети не оставались без гражданства и не нарушались ст. 7 и 8 Конвенции «О правах ребенка», согласно которым ребенок регистрируется немедленно после рождения и с момента рождения имеет право на имя и на приобретение гражданства, а также, насколько это возможно, право знать своих родителей и право на их заботу; государства-участники обязуются уважать право ребенка на сохранение своей индивидуальности, включая гражданство, имя и семейные связи, как предусмотрено законом, не допуская противозаконного вмешательства. Если ребенок незаконно лишается части или всех элементов своей индивидуальности, государства-участники обеспечивают ему необходимую помощь и защиту для скорейшего восстановления этой индивидуальности [4].

Универсальные периодические обзоры, проводимые раз в 4,5 года, фиксируют степень соблюдения прав человека в государствах. Несмотря на то, что несоблюдение рекомендаций УПО не влечет юридических последствий для государств, политические последствия все же наступают.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно заключить, что, несмотря на наличие законодательной базы и механизмов защиты, апатриды остаются одной из самых острых проблем современного мира, особенно когда вопрос касается детей.

Для решения вышеуказанных проблем предлагается обеспечить внедрение единых национальных процедур определения статуса апатридов, реформирование дискриминационных законодательств о гражданстве (особенно в ряде мусульманских стран), а также, на наш взгляд, положительный эффект может дать создание специального органа, главной целью которого станет мониторинг соблюдения прав апатридов и борьба с безгражданством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о статусе апатридов. Принята Конференцией полномочных представителей ООН 28 сентября 1954 года. Вступила в силу 6 июня 1960 года // “United Nations Treaty Series”, Vol. 360. P. 117.
2. Конвенция о сокращении безгражданства. Принята Конференцией полномочных представителей ООН 30 августа 1961 года. Вступила в силу 13 декабря 1975 года // “United Nations Treaty Series”. Vol. 989. P. 175.
3. Конвенция о статусе беженцев. Принята Конференцией полномочных представителей ООН 28 июля 1951 года // “United Nations Treaty Series”. Vol. 189. P. 137.
4. Конвенция о правах ребнка от 20 ноября 1989 года // “United Nations Treaty Series”. Vol. 1577. P. 3.
5. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 428 (V) от 14 декабря 1950 года.

6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 50/152 «Деятельность Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев» от 21 декабря 1995 года // UN Doc. A/RES/50/152.
7. Заключение Исполнительного комитета УВКБ ООН № 78 (XLVI) – 1995 год: Предупреждение и сокращение безгражданства и защита апатридов, 20 октября 1995 года.
8. УВКБ ООН. Руководящие принципы по вопросу об апатридности. Женева: УВКБ ООН, 2012–2020. № 1–11.
9. УВКБ ООН. Глобальная акция по решению проблемы апатридности на 2014–2024 годы (#IBelong). Женева: УВКБ ООН, 2014.
10. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев // Организация Объединенных Наций и верховенство закона.
11. Комитет по правам человека ООН. Замечание общего порядка № 17. Права ребенка (ст. 24 МПГПП). 1989.
12. Комитет по правам ребенка ООН. Замечание общего порядка № 7. Осуществление прав ребенка в раннем детстве. 2005.
13. Nottebohm Case (Liechtenstein v. Guatemala), Judgment of 6 April 1955 // I.C.J. Reports 1955. P. 4.
14. Постановление ЕСПЧ по делу Le Roch v. France от 30.06.2015. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70662
15. Постановление Верховного суда Индии по делу Baby Manji Yamada v. Union of India & Anr. от 29.09.2008. URL: https://indiankanoon.org/doc/854968/
16. *Adjami M., Harrington J.* The Scope and Content of Article 15 of the Universal Declaration of Human Rights // “Refugee Survey Quarterly”. Vol. 27. № 3. 2008. PP. 93–109.
17. *Edwards A., van Waas L.* (eds.). Nationality and Statelessness under International Law. Cambridge: “Cambridge University Press”, 2014.
18. Waas L. van. Statelessness: A 21st Century Challenge for Europe. Brussels: “Belgian Red Cross”, 2020.
19. *Матинян М.М.* Правовые аспекты регулирования проблем института суррогатного материнства: курсовая работа / Российско-Армянский университет, Институт права и политики, кафедра гражданского права и гражданско-процессуального права. Ер.

LEGAL STATUS OF STATELESS PERSONS AND INTERNATIONAL MECHANISMS FOR THEIR PROTECTION WITHIN THE UNITED NATIONS SYSTEM

S. Kartashyan*[1]*, M. Matinyan
[1]*Russian-Armenian University*

ABSTRACT

The institution of citizenship plays a key role in both national and international legal systems. A genuine and effective connection between an individual and a state provides a sense of security and protection, but regardless of whether an individual is a citizen or not, they have the right to a dignified life and legal protection. The international community and the United Nations have been addressing this issue, but many questions remain unresolved.

Keywords: statelessness, citizenship, protection, United Nations, rights.

ՎԵՏՈՅԻ ԻՐԱՎՈՒՆՔԸ ՄԻԱՎՈՐՎԱԾ ԱԶԳԵՐԻ ԿԱԶՄԱԿԵՐՊՈՒԹՅԱՆ ԲԱՐԵՓՈԽՈՒՄՆԵՐԻ ԵՆԹԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Ռ.Վ. Կիկոյան

Ռուս-հայկական համալսարան
kikoyanrafaela@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հետազոտական աշխատանքում քննարկվում է Միավորված ազգերի կազմակերպության Անվտանգության խորհրդի մշտական անդամների վետոյի իրավունքի համալիր վերլուծություն՝ ներկայիս միջազգային անվտանգության իրավունքի ճգնաժամի համատեքստում: Հետազոտական աշխատանքի շրջանակներում հիմնավորվում է այն տեսակետը, որ վետոյի իրավունքը քաղաքական տարր պարունակող գործիք է, որը խարխլում է միջազգային իրավունքի գործառնական նշանակությունը: Նաև քննարկվում է վետոյի իրավունքի էվոլյուցիան՝ «բացարձակ միասնականություն»-ից մինչև «մշտական անդամների համընկնող ձայներ»: Առանցքում վետոյի ինստիտուտի ֆունկցիոնալ փոխակերպումն է, ինչպես նաև ՄԱԿ-ի Կանոնադրության 27-րդ հոդվածի 3-րդ կետի մեկնաբանման հայեցակարգային խնդիրները, մասնավորապես՝ «վեճ» և «իրավիճակ» իրավական կատեգորիաների տարբերակման միջոցով nemo judex in causa sua (ոչ ոք չի կարող դատավոր լինել սեփական գործում) հիմնարար սկզբունքի խախտումը: Մասնավորապես, Իրանի՝ ՄԱԿ-ի ԱԽ 2231(2015) բանաձևով և Լիբիայի՝ ՄԱԿ-ի ԱԽ 1973(2011) բանաձևով հեղինակը ապացուցում է ֆունկցիոնալ ճգնաժամի առկայությունը և գործառնական անգործությունը: Այսպիսով, վերածվելով պատասխանատվության գործիքի (ինչն էլ հենց դրա ստեղծման բուն նպատակն է)՝ վետոյի իրավունքը կվերադառնա միջազգային իրավունքի իր ակունքներին՝ վերահաստատելով համընդհանուր անվտանգության և մարդասիրության բարձրագույն արժեքները:

Հիմնաբառեր՝ Վետոյի իրավունք, Անվտանգության Խորհուրդ, բանաձև:

Նախաբան

Միջազգային անվտանգության ժամանակակից համակարգի ճգնաժամը ստիպում է վերանայել այն հիմնարար սկզբունքները, որոնց վրա կառուցված է Միավորված ազգերի կազմակերպությունը: Մինչև ՄԱԿ-ը

գոյություն ուներ Ազգերի լիգան, որտեղ գործում էր բացարձակ միաձայնության սկզբունքը: Ցանկացած երկիր կարող էր արգելափակել կամ կասեցնել որոշման ընդունումը: Սա հանգեցրեց նրան, որ կազմակերպությունը կաթվածահար եղավ և չկարողացավ կանխել Երկրորդ համաշխարհային պատերազմը: Հետագայում՝ ՄԱԿ-ի ստեղծման ժամանակ եկան այն եզրահանգմանը, որ բոլոր անդամների միաձայնությամբ հնարավոր չէ, բայց մեծ տերությունների միաձայնությունը պարտադիր է: Դամբարթոն-Օքսի խորհրդակցությունների ժամանակ առաջին անգամ ի հայտ եկավ վետոյի գաղափարը: Հիմնական հարցն էր՝ ինչպե՞ս պահել մեծ տերություններին մեկ սեղանի շուրջ, և այս հարցի լուծումն էր տալ նրանց հատուկ կարգավիճակ, որպեսզի նրանք վստահ լինեն, որ ՄԱԿ-ը երբեք չի ընդունի որոշում, որը կսպառնա իրենց ազգային շահերին: Հենց Յալթայի կոնֆերանսում որոշվեց որ վետոն պետք է լիներ զսպումների և հակակշիռների մեխանիզմ: ՄԱԿ-ի կառուցվածքում վետոյի իրավունքը միջազգային իրավունքի ամենաազդեցիկ, բայց նաև ամենավիճահարույց գործիքներից է: Այն սահմանված է ՄԱԿ-ի Կանոնադրության 27-րդ հոդվածով, որտեղից ենթադրվում է որ Անվտանգության խորհրդի բոլոր ոչ ընթացակարգային որոշումներն ընդունվում են մշտական հինգ անդամների (ԱՄՆ, Ռուսաստան, Չինաստան, Ֆրանսիա, Մեծ Բրիտանիա) միաձայնության դեպքում: Ի սկզբանե վետոն ստեղծվել է որպես իրավական երաշխիք: Նպատակն էր կանխել այնպիսի որոշումների և բանաձևերի ընդունումը, որոնք կարող էին հանգեցնել լարվածության և/կամ ռազմական բախման մեծ տերությունների միջև: Վետոն երաշխավորում էր, որ ՄԱԿ-ը չի վերածվի մի գործիքի, որով մեծ տերությունների մի խումբը կարող է ճնշել մյուսին՝ այդպիսով փլուզելով համաշխարհային հավասարակշռությունը:

Հետագա զարգացումը

Երբ մշտական անդամը քվեարկում է դեմ, նա իրականացնում է իրավական ակտ, որն ուղղակիորեն արգելափակում է բանաձևի ընդունումը: Այս դեպքում կարևոր չէ, թե քանի այլ պետություն է կողմ քվեարկել կամ որքանով է հրատապ լուծում պահանջող հարցը. մեկ բացասական ձայնը զրկում է փաստաթուղթը որևէ իրավական ուժից: Սա վետոյի ամենաթափանցիկ ձևն է, քանի որ այն պաշտոնապես արձանագրվում է և դառնում հանրային քննարկման առարկա: Վետոյի իրավունքի՝ իր նախնական նպատակին չծառայելու փաստը հաստատվում է Անվտանգության խորհրդի քվեարկությունների դինամիկայի վերլուծությամբ: [4] Եթե ՄԱԿ-ի

հիմնադրման առաջին տասնամյակներում վետոն կիրառվում էր հիմնականում նոր անդամների ընդունելության կամ ընթացակարգային հարցերի շուրջ, ապա վերջին երկու տասնամյակում այն դարձել է բացառապես «իրավական արգելափակման» գործիք՝ մարդասիրական ճգնաժամերի պայմաններում: Կոնկրետ փաստերը վկայում են, որ վետոն այլևս չի ծառայում կոնսենսուսի ձևավորմանը, այլ օգտագործվում է պատասխանատվության շրջանցման համար: Օրինակ՝ 2011 թվականից ի վեր Սիրիայի հարցով Անվտանգության խորհրդում Վետոյի իրավունքը գործածվել է շուրջ 18 անգամ [2]: Դրանցից շատերն ուղղակիորեն առնչվում էին քիմիական զենքի կիրառման հետաքննությանը (օրինակ՝ 2017թ. նոյեմբերին JIM մեխանիզմի երկարաձգման տապալումը) և մարդասիրական օգնության տրամադրմանը (2020թ. և 2023թ. սահմանային անցակետերի փակումը): Իրավական տեսանկյունից սա նշանակում է, որ վետոյի միջոցով կասեցվել են ՄԱԿ-ի այնպիսի գործառույթներ, որոնք ունեն բացարձակ մարդասիրական բնույթ և չպետք է կապված լինեն քաղաքական շահերի հետ: Ինչպես նաև վետոյի իրավունքի իրացման գործընթացում նկատելի է որոշակի հայեցակարգային երկակիություն: Մասնավորապես, երբ հարցը որակվում է որպես «իրավիճակ» և ոչ թե «վեճ», ստեղծվում է մի իրավական միջավայր, որտեղ մշտական անդամները հնարավորություն են ստանում մասնակցել այնպիսի որոշումների կայացմանը, որոնք առնչվում են իրենց իսկ քաղաքական շահերին: Սա որոշակիորեն հակասում է ոչ ոք չի կարող դատավոր լինել սեփական գործում առաջացնելով գործառնական բարդություններ միջազգային իրավունքի կիրառման հարցում Ուկրաինական համատեքստում վիճակագրությունը ցույց է տալիս, որ Անվտանգության խորհուրդը դարձել է ֆունկցիոնալ առումով անգործունակ: [6] 2022–2024 թվականների ընթացքում Ուկրաինայի տարածքային ամբողջականությանը և մարդասիրական ճգնաժամին վերաբերող բոլոր առանցքային բանաձևերը վետոյի են ենթարկվել մշտական անդամի կողմից, ով ինքն է հանդիսանում հակամարտության կողմ [5]: Այս փաստն ամրապնդում է այն թեզը, որ վետոն վերածվել է ինքնապաշտպանական մեխանիզմի, ինչը այս մեխանիզմի ստեղծման նպատակներում իհարկե չի եղել [3]: Սա թույլ է տալիս եզրակացնել, որ ձևավորվել է խորը անդունդ Անվտանգության խորհրդի իրավական պարտավորությունների և նրա գործնական հնարավորությունների միջև: Համակարգը, որը թույլ է տալիս մեկ պետությանը կասեցնել մարդասիրական օգնությունը կամ քիմիական հարձակման հետաքննությունը, այլևս չի կարող համարվել միջազգային խաղաղության երաշխավոր:

«Snapback» մեխանիզմը որպես իրավական անխուսափելիության մոդել. Պետության նախաձեռնողական լիազորությունը որպես վետոյի հաղթահարման գործիք

«Snapback» մեխանիզմի իրավական հաջողությունը սերտորեն կապված է Անվտանգության խորհրդի գործառնական էվոլյուցիայի հետ, քանի որ այն հանդիսանում է իրավական պատասխան վետոյի կիրառման ավանդական մոդելի ձախողումներին: Ի տարբերություն ստանդարտ ընթացակարգերի, որտեղ պատժամիջոցների սահմանումը պահանջում է դրական կոնսենսուս, «snapback»-ը ներդրեց այսպես ասված հակադարձ քվեարկության կոնցեպտը, ինչը միջազգային իրավունքի տեսանկյունից որակական նոր փուլ է [7]: Այս մեխանիզմի հաջողված նախադեպը հիմնված է ՄԱԿ-ի ԱԽ 2231 բանաձևի վրա, որն իրավականորեն ամրագրեց, որ պատժամիջոցների վերականգնումը չի պահանջում նոր քաղաքական որոշում, այլ հանդիսանում է նախապես համաձայնեցված իրավական հետևանք: Սա սկզբունքային փոփոխություն էր, քանի որ այն վերացրեց մշտական անդամների հայեցողական միջամտության հնարավորությունը: Այն ցույց տվեց, որ վետոյի իրավունքը սկսում է ծառայել պատժամիջոցների կիրառմանը, այլ ոչ թե դրանց շրջանցմանը: Այս նախադեպի իրավական արժեքը կայանում է նրանում, որ այն հստակորեն սահմանափակում է իրավական անորոշությունը: Պետությունները նախապես տալիս են իրենց համաձայնությունը պատժամիջոցների ավտոմատ վերականգնմանը, ինչը բացառում է հետագա աշխարհաքաղաքական սակարկությունները: Սա հենց այն գործիքն է, որի բացակայությունն այսօր զգացվում է ուկրաինական կամ սիրիական ճգնաժամերի պայմաններում, որտեղ պատասխանատվության յուրաքանչյուր քայլ բախվում է վետոյի անհաղթահարելի պատնեշին: 2011 թվականին, երբ Լիբիայում ներքաղաքական ճգնաժամը վերածվեց զինված բախման, ՄԱԿ-ի Անվտանգության խորհուրդն ընդունեց 1973 բանաձևը: Իրավագիտորեն սա աննախադեպ քայլ էր, քանի որ այն հիմնված էր «Պաշտպանելու պարտականություն» հայեցակարգի վրա, որը թույլ էր տալիս միջազգային միջամտություն՝ սեփական ժողովրդի դեմ իրականացվող բռնությունները կանխելու նպատակով: [8] Այդ պահին Ռուսաստանը և Չինաստանը, ցուցաբերելով կոնստրուկտիվ ձեռնպահություն, չօգտվեցին վետոյի իրենց իրավունքից՝ վստահելով բանաձևում ամրագրված հումանիտար նպատակներին: Սակայն հենց այստեղ ի հայտ եկավ գլխավոր իրավական խնդիրը՝ մանդատի անորոշությունը: Բանաձևում օգտագործված «բոլոր անհրաժեշտ միջոցները» [ՄԱԿ-ի Անվտանգության խորհրդի

1973 (2011) բանաձև [1] ձևակերպումը միջազգային իրավունքում հանդիսանում է առավելագույնս լայն լիազորություն, որը չէր սահմանափակում միջամտության շրջանակները: Թեև բանաձևն արգելում էր օկուպացիոն ցամաքային զորքերի մուտքը, ՆԱՏՕ-ի կողմից իրականացվող օդային հարվածներն արագորեն դուրս եկան քաղաքացիական անձանց պաշտպանելու շրջանակներից: Իրավական տեսանկյունից տեղի ունեցավ մանդատի ինքնակամ ընդլայնում, որի արդյունքում ռազմական գործողությունները ծառայեցին քաղաքական վարչակարգի փոփոխությանը: Այս իրադրությունն առաջացրեց վստահության խորը ճգնաժամ մշտական անդամների միջև: Ռուսաստանի և Չինաստանի համար Լիբիայի փորձը դարձավ ապացույց, որ առանց վետոյի թողնված բանաձևը կարող է օգտագործվել որպես գործիք՝ աշխարհաքաղաքական շահերն առաջ մղելու համար՝ քողարկվելով մարդասիրական կարգախոսներով: Հենց սա է պատճառը, որ միջազգային իրավագիտության մեջ սկսեց շրջանառվել «Լիբիայի սինդրոմ» տերմինը, որը կաթվածահար արեց Անվտանգության խորհրդի հետագա գործունեությունը, մասնավորապես՝ սիրիական ճգնաժամի ժամանակ: Լիբիայի նախադեպը տրամաբանորեն հիմնավորում է, թե ինչու է անհրաժեշտ անցում կատարել դեպի այնպիսի մեխանիզմներ, ինչպիսին է “snapback”-ը: Եթե Լիբիայի դեպքում մանդատը «բաց» էր և թույլ էր տալիս կամայական մեկնաբանություններ, ապա «snapback»-ը ստեղծում է խիստ իրավական շրջանակ, որտեղ գործողությունները կանխորոշված են և ավտոմատացված: Սա թույլ է տալիս պետություններին վստահ լինել, որ իրավական գործընթացը չի վերածվի քաղաքական գործիքի, և որ յուրաքանչյուր քայլ կլինի վերահսկելի ու կանխատեսելի: Այսպիսով, Լիբիայի ձախողումը դարձավ այն իրավական դասը, որն ընդգծեց վետոյի իրավունքի և մանդատների հստակեցման անհրաժեշտությունը: Այն ապացուցեց, որ միջազգային անվտանգության համակարգում վստահությունը կարող է վերականգնվել միայն այն դեպքում, երբ քաղաքական հայեցողությունը փոխարինվում է իրավական ճշգրտությամբ, ինչը և հանդիսանում է քո առաջարկած բարեփոխումների առանցքը: Հետևելով ներկայիս իրադությանը կարելի է եզրակացնել, որ «snapback»-ի կրառումը արդիական լուծում է, քանի որ գործընթացը սկսվում է ոչ թե ճգնաժամի պահին, այլ նախապես: Անվտանգության խորհուրդն ընդունում է շրջանակային բանաձև, որին կողմ է քվեարկում նաև մշտական: Այս բանաձևում հստակ սահմանվում են կարմիր գծերը, օրինակ՝ մարդասիրական միջանցքի արգելափակումը կամ քիմիական զենքի կիրառումը, և նախապես սահմանված պատժամիջոցները: Իրավական տեսանկյունից սա նշանակում է, որ պետությունը կամավոր

ստորագրում է մի փաստաթղթի տակ, որտեղ համաձայնում է ավտոմատ հետևանքների հետ: Երբ տեղի է ունենում խախտումը, «snapback»-ը չի պահանջում ԱԽ նոր քվեարկություն՝ պատժամիջոցներ սահմանելու համար: Բավական է միայն անկախ տեխնիկական մարմնի զեկույցը, օրինակ՝ ՄԱԿ-ի քարտուղարության կամ հատուկ հանձնաժողովի, որը հաստատում է փաստը [9]: Օրինակ՝ եթե Ռուսաստանը ցանկանա կանգնեցնել «snapback»-ը, նա պետք է Անվտանգության խորհուրդ ներկայացնի նոր բանաձև, որը կոչված կլինի երկարաձգել պատժամիջոցների կասեցումը: Սակայն, քանի որ սա նոր բանաձև է, ցանկացած այլ մշտական անդամ, օրինակ՝ Ֆրանսիան կամ ԱՄՆ-ն կարող է վետո դնել Ռուսաստանի այդ առաջարկի վրա: Հետևաբար ստացվում է, որ մշտական անդամը չի կարող վետո դնել իր դեմ ուղղված որոշումներիին:

Եզրակացություն

Հետազոտության ընթացքում իրականացված իրավական վերլուծությունը թույլ է տալիս ձևակերպել միջազգային իրավունքի ներկա ճգնաժամի առանցքային հանգույցը, որտեղ բախվում են պետականակենտրոն շահերը և համամարդկային արժեքները: ՄԱԿ-ի Անվտանգության խորհուրդը և վետոյի իրավունքը ստեղծվել են որպես միջազգային կայունության երաշխավոր՝ հիմնված մեծ տերությունների կոնսենսուսի վրա: Իրավական տեսանկյունից սա նշանակում էր, որ ուժի կիրառումն ու պատժամիջոցները պետք է լինեին բացառիկ և համաձայնեցված գործիքներ՝ ուղղված ընդհանուր խաղաղությանը: Սակայն միջազգային հարաբերությունների ներկա դինամիկան և վերջին տարիների փորձը, ինչպես նաև Լիբիայի և Իրանի հակադիր նախադեպերը ցույց են տալիս, որ դասական վետոյի կիրառումը հաճախ հանգեցնում է իրավական պատնեշների առաջացմանը: Սա կարող է սահմանափակել կոնսենսուսի ձեռքբերման հնարավորությունները՝ որոշակի իրավիճակներում կաթվածահար անելով մարդասիրական միջամտությունների և պատասխանատվության մեխանիզմները: Այս երկընտրանքի պայմաններում մարդասիրական հրամայականը կարող է դառնալ այն իրավական հիմքը, որը թույլ կտա կատարելագործել գոյություն ունեցող համակարգը: Հոդվածում առաջ քաշված հիմնավորումները ցույց են տալիս, որ միջազգային իրավական ընթացակարգերը պետք է ձգտեն նվազեցնել քաղաքական հայեցողության ազդեցությունը, երբ խնդիրը վերաբերում է մարդկային կյանքերի պաշտպանությանը: «Snapback» մեխանիզմի կիրառման փորձը կարող է դիտարկվել որպես իրավական արդյունավետ ուղիներից մեկը: Այս մեխա-

նիզմի հայեցակարգային արդիականացումը հնարավորություն կտա որոշակի պատժամիջոցներ դարձնել ավելի կանխատեսելի և ինքնագործարկվող՝ հավասարակշռելով վետոյի ավանդական տրամաբանությունը: Այս մոդելում վետոյի իրավունքը կդադարի դիտարկվել որպես ընթացակարգային արգելք և կվերածվի գործիքի, որն առաջնահերթորեն ծառայում է մարդասիրական նպատակների պահպանմանը: Վերջնարդյունքում, միջազգային պատժամիջոցների համակարգի լեգիտիմությունը կարող է ամրապնդվել այն դեպքում, երբ իրավական նորմի կայունությունը գերակայի քաղաքական նպատակահարմարությանը: Իրավական տարբեր փակուղիների վերլուծությունը հաստատում է, որ ապագան պատկանում է այնպիսի մեխանիզմներին, որոնք զերծ են ընթացակարգային կաթվածից և առաջնորդվում են մարդասիրական առաջնահերթությամբ: Սակայն նման փոփխության նպատակը ոչ թե սոսկ քաղքական էլեմենտի վերացումը կամ ճնշումն է, այլ միջազգային իրավունքի վերադարձն իր ակունքներին՝ որպես արդարության և մարդու պաշտպանության գերակա համակարգ:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. UN Security Council. Resolution 1973 (2011) on the protection of civilians and the establishment of a no-fly zone in Libya // “Official Documents of the United Nations”, S/RES/1973. 17 March 2011. PP. 1–8.
2. UN Security Council. Resolution 2231 (2015) on the Iran nuclear program // “Official Documents of the United Nations”, S/RES/2231. 20 July 2015. PP. 1–103.
3. UN Security Council. Draft resolution on the cessation of aggression against Ukraine // “Official Documents of the United Nations”, S/2022/155. 25 February 2022. PP. 1–2.
4. Schlesinger S.C. Act of Creation: The Founding of the United Nations // “Westview Press”, 2003. PP. 34–63, 193–242.
5. *Akande D.* The war in Ukraine and legal limitations on Russian vetoes // “Journal of Conflict and Security Law”, № 2, 2023. PP. 102–125.
6. Security Council Report. In Hindsight: Living with the Veto // [El. resource]. URL: https://www.securitycouncilreport.org (accessed: 05.06.2026).
7. *Caron D.* The Security Council Resolution on the Iran Deal–A Way around the “Reverse Veto” // “Opinio Juris”, 2015.
8. *Hehir A.* (2013) The Permanence of Inconsistency: Libya, the Security Council, and the Responsibility to Protect // “International Security”, 38 (1). PP. 137–159.
9. *Schwartz S.* The Iran Nuclear Deal’s Snapback Provision: Legal Implications for the Security Council // “American Journal of International Law”, № 114, 2020. PP. 245–252.

ПРАВО ВЕТО В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Р.В. Кикоян
Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлен комплексный анализ права вето постоянных членов Совета Безопасности ООН в контексте современного кризиса международного права безопасности. В рамках исследования обосновывается тезис о том, что право вето является инструментом, содержащим политические элементы, которые подрывают функциональное значение международного права. Рассматривается эволюция права вето: от «абсолютного единогласия» до «совпадающих голосов постоянных членов». В центре внимания находится функциональная трансформация института вето, а также концептуальные проблемы интерпретации пункта 3 ст. 27 Устава ООН, в частности, нарушение основополагающего принципа *nemo judex in causa sua* (никто не может быть судьей в собственном деле) через разграничение юридических категорий «спор» и «ситуация». На примерах резолюций СБ ООН 2231 (2015) по Ирану и 1973 (2011) по Ливии автор доказывает наличие функционального кризиса и операционного бездействия. Таким образом, превратившись в инструмент ответственности (что и является истинной целью его создания), право вето вернется к своим истокам в международном праве, вновь утверждая высшие ценности всеобщей безопасности и гуманизма
Ключевые слова: право вето, Совет Безопасности, резолюция.

THE VETO POWER IN THE CONTEXT OF UNITED NATIONS REFORMS

R. Kikoyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This research provides a comprehensive analysis of the veto power held by the permanent members of the United Nations Security Council within the context of the current crisis in international security law. The study substantiates the view that the right of veto is a tool containing inherent political elements that undermine the functional significance of international law. The evolution of the veto is examined, tracing its trajectory from “absolute unanimity” to “concurring votes of permanent members”. At the core of the study is the functional transformation of the veto institution and the conceptual challenges in interpreting Article 27(3) of the UN Charter, specifically the violation of the fundamental principle *nemo judex in causa sua* (no one should be a judge in their own cause) through the differentiation of the legal categories of “dispute” and “situation”. By analyzing the cases of Iran

(UNSC Resolution 2231) and Libya (UNSC Resolution 1973), the author demonstrates the presence of a functional crisis and operational deadlock. Thus, by transforming into an instrument of responsibility (which is the very purpose of its creation), the right of veto will return to its origins within international law, reaffirming the supreme values of universal security and humanity.
Keywords: veto power, Security Council, resolution.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ КОРИДОРОВ В СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ НА ПРИМЕРЕ СИРИИ

Д.А. Мхоян

Российско-Армянский университет
dianamkhoyan2121@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что, кесмотря на широкое использование гуманитарных коридоров в современных вооруженных конфликтах, их правовой статус остается неопределенным, а практическая реализация – противоречивой. В исследовании на примере Сирии показано, что данные механизмы нередко отклоняются от гуманитарных целей и используются в военно-политических интересах. Обосновывается, что эффективность гуманитарных коридоров напрямую зависит от согласия сторон, гарантий безопасности и международного контроля, при отсутствии которых они утрачивают защитную функцию

Ключевые слова: гуманитарные коридоры; международное гуманитарное право; защита гражданского населения; осада; гуманитарный доступ.

В международном гуманитарном праве нет закрепленного четкого определения «гуманитарного коридора». Так, МККК поясняет: «**гуманитарные коридоры**» или **«безопасные проходы»** – это соглашения между сторонами в вооруженном конфликте о предоставлении возможности безопасного прохода в течение ограниченного времени в определенной местности, позволяющие гражданским лицам покинуть территорию, обеспечить подвоз гуманитарной помощи или эвакуацию раненых, больных и останков умерших [7]; и «**гуманитарные паузы»** – это временные прекращения военных действий в исключительно гуманитарных целях, согласованные между сторонами конфликта. Обычно «пауза» объявляется в конкретном месте и на конкретное время [1].

При этом МККК подчеркивает, что ни «**пауза**», ни «**коридор**» не являются правовыми терминами МГП: «В МГП нет определения собственно «безопасных проходов», но оно четко указывает, что гражданским лицам должна обеспечиваться защита… а беспристрастные гуманитарные организации имеют право оказывать помощь нуждающимся» [1].

Правовая основа гуманитарных коридоров связана с Женевскими конвенциями, закрепляющими защиту гражданских лиц и доступ к помощи. Так, Женевская конвенция 1949г. предусматривают свободу провоза гуманитарных

грузов. Например, IV Конвенция (о защите гражданских лиц) в ст. 23 обязывает каждую договаривающуюся сторону обеспечивать «свободный пропуск» медицинских и санитарных поставок, а также предметов, необходимых для выживания гражданского населения (еды и одежды) [6]. Статья 59 этой Конвенции требует, чтобы оккупирующая держава соглашалась на мероприятия по оказанию помощи населению оккупированной территории в случае нехватки продовольствия [6]. Подобные нормы заложены и в других Конвенциях (например, ст. 50 Конвенции III о военнопленных обязывает допускать конвои с помощью для пленных). Все эти положения отражают обязанность сторон конфликта *облегчать и не препятствовать* доставке беспристрастной помощи гражданским.

Дополнительный протокол I (1977) расширил эти гарантии. В ст. 70 он прямо устанавливает право на проведение гуманитарных операций по согласованию сторон («операций по оказанию помощи гражданскому населению … исключительно гуманного и беспристрастного характера») [23]. При этом протокол требует, чтобы стороны «допускали быстрый и беспрепятственный провоз всех поставок, оборудования и персонала, предоставляемых с целью оказания помощи» и «содействовали ему». [23] **Статья 71** дополняет это требованием согласования сторон перемещения гуманитарного персонала на территорию конфликта. **Протокол II (1977)** применим к внутринациональным конфликтам и в **ст. 18** содержит аналогичные положения: если гражданское население испытывает «чрезмерные лишения» из-за нехватки продовольствия или медицинских материалов, то «с согласия заинтересованной высоко договаривающейся стороны проводятся операции по оказанию помощи», исключительно гуманного и беспристрастного характера [24].

Однако кроме договорных норм существует и ряд **норм обычного международного права**. Так, МККК определяет **правило 55**: стороны конфликта обязаны разрешать и облегчать быстрый и беспрепятственный проход гуманитарной помощи для нуждающегося гражданского населения.[11] Аналогично, обычаи запрещают осаду с доведением населения до голода и требование немедленного допуска продовольствия (правило 54).

Резолюции Совета Безопасности ООН по Сирии также касаются этой проблемы. Резолюция 2139 (февраль 2014) прямо требует немедленно прекратить осаду населенных пунктов и обеспечить доставку помощи. Она особо подчеркивает «необходимость соглашений о гуманитарных паузах, локальных перемириях и т.д. для обеспечения безопасного и беспрепятственного доступа гуманитарных организаций ко всем затронутым районам» [21]. В частности, резолюция 2139 призывает стороны обеспечить «быстрый, безопасный

и беспрепятственный выезд всех гражданских лиц, которые желают покинуть» осажденные районы. Позднее резолюция 2165 (декабрь 2014) подглавой VII санкционировала доставку помощи в Сирию **транзитом через пограничные пункты** (из Турции, Иордании, Ирака) без формального согласия Сирии (при простом уведомлении властей).[22] Она уполномочила ООН использовать дополнительные КПП (Баб эль-Салам, Баб эль-Хава, Аль-Рамта и др.) для «быстрой и беспрепятственной» доставки помощи по самым прямым маршрутам. Далее Совет Безопасности (резолюция 2165) потребовал «немедленно и без препятствий» обеспечить доставку помощи по всей Сирии силами ООН и ее партнеров.

Сирийский опыт гуманитарных коридоров

Сирия представляет собой типичный пример сложного вооруженного конфликта с активным внешним вмешательством. После обретения независимости от Франция в 1949 году Сирия оказалась в состоянии хронической политической нестабильности. В предшествующий 2011 году период страна пережила череду военных переворотов, вооруженных столкновений с соседними государствами, внешнее вмешательство западных стран, рост активности радикальных группировок, а также столкнулась с последствиями природных и климатических кризисов. Так, гражданская война в Сирия началась в 2011 году на фоне «Арабской весны», когда массовые антиправительственные протесты против режима Башар Асад были жестко подавлены, что привело к быстрой эскалации насилия. Уже к 2012 году противостояние переросло в полномасштабную гражданскую войну [3].

Оппозиционные силы изначально представляли собой разрозненные вооруженные группы, которые позднее объединились в Национальную коалицию сирийских революционных и оппозиционных сил и ее военное крыло – Свободную сирийскую армию. Несмотря на международную поддержку, эти структуры сталкивались с внутренними разногласиями. Параллельно усиливались исламистские группировки, включая Аль-Каида и Исламское государство Ирака и Леванта, которые быстро расширяли свое влияние [10].

В 2014 году ИГИЛ провозгласило «халифат», что привело к притоку иностранных боевиков и дальнейшей эскалации конфликта с участием множества акторов, включая курдские силы и международную коалицию во главе с США. Вскоре последовало и военное вмешательство России в поддержку сирийского правительства [14].

Вовлечение внешних государств существенно изменило баланс сил, позволив правительственным войскам вернуть контроль над значительной частью территории. В результате соглашений при участии России и Турции сформировалась зона деэскалации в районе Идлиб, где доминирует группировка Хайят Тахрир аш-Шам [26].

Гуманитраные коридоры в Алеппо

Алеппо – один из крупнейших городов Сирии, обладающий значительным историческим и демографическим значением, в 2016 году стал эпицентром одного из наиболее показательных кейсов применения гуманитарных коридоров в условиях вооруженного конфликта.

С 2012 года Алеппо был разделен между правительственными силами и оппозицией. К 2016 году при военной поддержке России, Ирана и связанных с ними формирований правительственные войска установили контроль над ключевыми районами и окружили восточную часть города, что привело к осаде [12]. Систематические удары по гражданской инфраструктуре, включая медицинские учреждения, резко ухудшили гуманитарную ситуацию. В этих условиях 28 июля 2016 года Сирия и Россия объявили о создании гуманитарных коридоров, число которых позднее было увеличено [19].

Однако фактическая реализация данных механизмов вызвала серьезные сомнения. По сообщениям из осажденных районов, коридоры либо не функционировали, либо представляли повышенную опасность из-за продолжающихся боевых действий, в связи с чем получили в местной среде обозначение «коридоры смерти» [1].

Международная реакция носила критический характер. Несмотря на первоначальное признание необходимости гуманитарных коридоров, ООН впоследствии охарактеризовала предложенный механизм как «существенно недостаточный» и отказалась от участия без гарантий безопасности и соблюдения принципов нейтральности [18]. Дополнительно, коалиция из 39 международных и сирийских НПО выразила обеспокоенность тем, что подобные коридоры могут способствовать принудительному перемещению населения и повышению рисков для гражданских лиц, остающихся в зоне боевых действий [25]. К моменту установления блокады восточного Алеппо гуманитарная ситуация достигла критического уровня: сотни тысяч мирных жителей испытывали острую нехватку продовольствия, воды, медикаментов и топлива, при этом доступные ресурсы покрывали лишь около трети потребностей населения, а их стоимость резко возросла [2].

Разрушение инфраструктуры, включая больницы и системы водоснабжения, а также дефицит медицинского персонала дополнительно усугубили кризис. Несмотря на заявления о функционировании гуманитарных коридоров и доставке помощи, фактические данные указывают на их крайне ограниченную эффективность. По оценкам ООН, доступ гуманитарной помощи в осажденные районы практически отсутствовал, а безопасность маршрутов не могла быть гарантирована [16]. Более того, отсутствие согласия со стороны оппозиции и недоверие гражданского населения, рассматривавшего коридоры как инструмент принудительного перемещения, существенно ограничили их использование.

Коридор Баб-эль-Хава

Пограничный переход Баб-эль-Хава длительное время являлся ключевым и, фактически, единственным устойчивым каналом доставки гуманитарной помощи в северо-западную часть Сирия, прежде всего в провинцию Идлиб – основной оплот оппозиционных и джихадистских группировок [15].

Создание механизма было связано с систематическим отказом сирийского правительства допускать гуманитарную помощь в районы, контролируемые оппозицией. В ответ Совет Безопасности ООН принял резолюцию 2165 (2014), разрешив агентствам ООН осуществлять трансграничную доставку помощи без согласия принимающего государства, но при международном мониторинге [17]. Тем самым был создан исключительный механизм, отступающий от общего правила о необходимости согласия государства.

Первоначально механизм вводился на 180 дней и затем регулярно продлевался. Однако с 2018 года в Совете Безопасности усилились разногласия, прежде всего, из-за позиции России и Китая, указывавших на нарушение суверенитета Сирии. В результате, число разрешенных переходов постепенно сокращалось, и к 2020 году система, фактически, была сведена к одному коридору – Баб-эль-Хава (резолюции 2504 и 2533).

Несмотря на политические ограничения и риски безопасности, коридор обеспечивал основной объем гуманитарной помощи: до 85% всех поставок в Сирию осуществлялось через него, а в отдельные периоды через него проходили тысячи гуманитарных конвоев, обеспечивая продовольствие, медикаменты и вакцины для миллионов людей [1].

В июле 2023 года продление механизма оказалось заблокировано вследствие разногласий в Совете Безопасности, что привело к его формальному

прекращению [1]. В дальнейшем функционирование перехода было восстановлено лишь временно на основе согласия сирийского правительства после землетрясения 2023 года и продлевалось на ограниченные сроки [4].

Провинция Идлиб

Идлиб остается ключевым регионом доставки гуманитарной помощи через переход Баб-эль-Хава, который долгое время являлся единственным прямым маршрутом в контролируемые оппозицией территории.

С начала конфликта население региона значительно увеличилось за счет внутренне перемещенных лиц: в провинции проживает около 3,4 млн человек, из которых до 2 млн составляют ВПЛ. При этом около 90% населения находится за чертой бедности [9]. Гуманитарная ситуация осложняется регулярными боевыми действиями, включая удары со стороны правительственных и российских сил, а также столкновения между вооруженными группировками.

Восточная Гута

В Восточная Гута (пригород Дамаска) в начале 2018 года гуманитарные коридоры были реализованы в условиях завершающей стадии осады, проводимой правительственными силами Сирия при поддержке России. В рамках данных операций были открыты несколько «гуманитарных коридоров», предназначенных для эвакуации гражданского населения и выхода вооруженных формирований из окруженных районов [20].

Несмотря на формальное гуманитарное назначение, функционирование данных коридоров сопровождалось существенными рисками: сохраняющиеся боевые действия, обстрелы и нестабильная безопасность маршрутов ставили под угрозу жизнь гражданских лиц. По имеющимся данным, эвакуация носила ограниченный и частично принудительный характер, поскольку оставшееся население фактически оказывалось перед выбором между эвакуацией и продолжением пребывания в условиях осады [5].

Параллельно МККК осуществлял точечные медицинские эвакуации и доставку гуманитарной помощи, однако их масштаб был недостаточен для покрытия потребностей населения [8].

В заключение становится ясно, что, хотя МГП и обязывает стороны конфликта защищать гражданское население и обеспечивать гуманитарный доступ, сирийская практика показала ограниченность этих гарантий. Гуманитарный коридор сам по себе не обеспечивает безопасность, ведь без согласия сторон, нейтрального контроля и гарантий он может превратиться из средства защиты в инструмент давления. Опыт Алеппо и Восточной Гуты подтвердил,

что коридоры нередко использовались как часть стратегии осады и вынужденной эвакуации населения. Напротив, механизм Баб-эль-Хава показал большую эффективность, но и он зависел от политической воли Совета Безопасности ООН. Как итог, гуманитарные коридоры имеют ценность только тогда, когда сохраняют гуманитарный, а не все же военно-политический характер. Их правомерность и эффективность определяются не фактом открытия, а тем, что обеспечивают ли они реальную, добровольную и безопасную защиту гражданского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Aljazeera*. (2016) ‘Confusion over ‘humanitarian routes’ in Syria’s Aleppo’, Aljazeera,30 July. URL: https://www.aljazeera.com/news/2016/7/30/confusion-over-humanitarian-routes-in-syrias-aleppo (дата обращения: 19.04.2026).
2. Amnesty International. ‘Syria: “It breaks the human” – Torture, disease and starvation in Syria’s prisons’. 2016. URL: https://www.amnesty.org/en/documents/mde24/4508/2016/en/ (дата обращения: 19.04.2026).
3. *Blakemore E*. What caused the Syrian Civil War? // “National Geographic”, 2019. URL: https://www.nationalgeographic.com/culture/article/arab-spring-cause (дата обращения: 19.04.2026).
4. France 24. (2023) ‘Syria is opening a key aid corridor to rebel-held areas’, France 24, 14 July. URL: https://www.france24.com/en/middle-east/20230713-syria-is-opening-a-key-aid-corridor-to-rebel-held-areas (дата обращения: 19.04.2026).
5. Human Rights Watch. White Helmets Evacuation Shows What Can Be Accomplished in Syria, 23 July 2018. URL: https://www.hrw.org/news/2018/07/23/white-helmets-evacuation-shows-what-can-be-accomplished-syria (дата обращения: 19.04.2026).
6. International Committee of the Red Cross. Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War. Geneva, 12 August 1949. URL: https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/gciv-1949 (дата обращения: 19.04.2026).
7. International Committee of the Red Cross. How humanitarian corridors work to help people in conflict zones. 2022. URL: https://www.icrc.org/en/document/how-humanitarian-corridors-work (дата обращения: 19.04.2026).
8. International Committee of the Red Cross. Syria: Suffering in Eastern Ghouta reaches “critical point”, 18 December 2017. URL: https://www.icrc.org/en/document/syria-suffering-eastern-ghouta-reaches-critical-point (дата обращения: 19.04.2026).
9. *Karasapan O.* (2021) ‘The coming crisis in Idlib’, Brookings. URL: https://www.brookings.edu/articles/the-coming-crisis-in-idlib/ (дата обращения: 19.04.2026).
10. *Laub Z.* (2023) ‘Syria’s civil war: The descent into horror’, Council on Foreign Relations. Available at: https://www.cfr.org/article/syrias-civil-war (дата обращения: 19.04.2026).
11. Lieber Institute for Law and Land Warfare. Grignon J. Why the Term “Humanitarian Corridor” is a Misleading Expression. 2025. URL: https://lieber.westpoint.edu/why-term-humanitarian-corridor-is-misleading-expression/ (дата обращения: 19.04.2026).
12. *Loveluck L.* (2016) ‘The battle for Aleppo, explained’, The Washington Post, 24 November. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/11/24/the-battle-for-aleppo-explained/ (дата обращения: 19.04.2026).

13. *Yacoubian M.* Syria Timeline: Since the Uprising Against Assad // United States Institute of Peace. 2021. URL: https://www.usip.org/publications/2021/03/syria-timeline-uprising-against-assad (дата обращения: 19.04.2026).
14. *Rodgers L. et al*. (2016) 'Syria: The story of the conflict', BBC. // URL:https://www.bbc.com/news/world-middle-east-26116868 (дата обращения: 19.04.2026).
15. *Santos I.* (2022) 'Bab al-Hawa humanitarian aid corridor', European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-9-2022002526_EN.html (дата обращения: 19.04.2026).
16. *Schlein L.* (2016) 'Russia Considers Extending Humanitarian Pause in Aleppo', VOA, 11 August. URL: https://www.voanews.com/a/report-russia-breaks-aleppo-cease-fire-promise-on-first-day/3459974.html (дата обращения: 19.04.2026).
17. *Sengupta S.* (2014) 'U.N. Finds Humanitarian Aid Still Blocked in Syria, Despite Resolution', The New York Times, 24 April. URL: https://www.nytimes.com/2014/04/25/world/middleeast/un-finds-humanitarian-aid-still-blocked-in-syria-despite-resolution.html (дата обращения: 19.04.2026).
18. Syria/Russia: Safe Corridors Don't End Duty to Avoid Civilian Loss // Human Rights Watch. 28 July 2016. URL: https://www.hrw.org/news/2016/07/28/syria/russia-safe-corridors-dont-end-duty-avoid-civilian-loss (дата обращения: 19.04.2026).
19. The War in Syria: Lessons for the West – Riga: Centre for East European Policy Studies, University of Latvia Press, 2016. URL: https://appc.lv/wp-content/uploads/2024/09-/War_in_Syria-new_epp.pdf (дата обращения: 19.04.2026).
20. United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. Syria: Humanitarian aid reaches besieged Eastern Ghouta, 27 September 2017. URL: https://www.unocha.org-/publications/report/syrian-arab-republic/syria-humanitarian-aid-reaches-besieged-eastern-ghouta (дата обращения: 19.04.2026).
21. United Nations Security Council. Resolution 2139 (2014) on the humanitarian situation in the Syrian Arab Republic. 22 February 2014. URL: https://www.refworld.org/ru/legal/resolution/unsc/2014/ru/97309 (дата обращения: 19.04.2026).
22. United Nations Security Council. Resolution 2165 (2014) on the humanitarian situation in the Syrian Arab Republic and the establishment of a monitoring mechanism. 14 July 2014. URL: https://www.refworld.org/ru/legal/resolution/unsc/2014/ru/100570 (дата обращения: 19.04.2026).
23. United Nations. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977. United Nations Treaty Series, Vol. 1125, No. 17512. URL: https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%201125/volume-1125-i-17512-english.pdf (дата обращения: 19.04.2026).
24. United Nations. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of Non-International Armed Conflicts (Protocol II), 8 June 1977. United Nations Treaty Series, Vol. 1125, No. 17513. URL: https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%201125/volume-1125-i-17513-english.pdf (дата обращения: 19.04.2026).
25. World Vision International et al. Syria: Joint NGO Statement on Aleppo Humanitarian Corridors. 2016. URL: https://www.wvi.org/sites/default/files/2023-03/SY12%20report%-20March_0.pdf (дата обращения: 19.04.2026).
26. *Zeidan A.* (2024) Syrian Civil War. URL: https://www.britannica.com/event/Syrian-Civil-War (дата обращения: 19.04.2026).

LEGAL REGULATION OF HUMANITARIAN CORRIDORS IN CONTEMPORARY ARMED CONFLICTS: THE CASE OF SYRIA

D. Mkhoyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

Despite the widespread use of humanitarian corridors in contemporary armed conflicts, their legal status remains uncertain, and their practical implementation is often contradictory. Using Syria as a case study, the article demonstrates that these mechanisms frequently deviate from their humanitarian purpose and are employed for military and political objectives. It is argued that the effectiveness of humanitarian corridors depends on the consent of the parties, security guarantees, and international oversight, in the absence of which they lose their protective function.

Keywords: humanitarian corridors; international humanitarian law; protection of civilians; siege; humanitarian access.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

С.А. Никогосян

Российско-Армянский университет
syuzanna_nikogosyan@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы теоретико-правовых основ защиты гражданского населения в вооруженных конфликтах в контексте современного международного гуманитарного права. В исследовании рассматриваются вопросы правового статуса гражданского населения, закрепленного в нормах договорного и обычного международного права, а также выявляются особенности правового регулирования в условиях международных и немеждународных вооруженных конфликтов. Особого внимания требуют: принцип разграничения, принцип соразмерности и принцип предосторожности как фундаментальных начал защиты гражданских лиц. Статья основывается на ключевых источниках международного гуманитарного права, прежде всего, Положениях Женевских конвенций 1949г. и Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1977г., а также нормах обычного международного гуманитарного права. Раскрывается значение системной взаимосвязи международного гуманитарного права и международного права прав человека для обеспечения комплексной защиты гражданского населения. Приводятся основные характеристики универсальных и специальных механизмов реализации защиты гражданского населения, включая деятельность Организации Объединенных Наций, Международного Комитета Красного Креста, а также специальных механизмов, применяемых в рамках конкретных конфликтов, и эффективности их применения. Рассматривается их практическая роль в предотвращении нарушений и обеспечении гуманитарной защиты гражданских лиц. Сформулированы некоторые выводы о необходимости укрепления механизмов соблюдения норм международного гуманитарного права и развития международного сотрудничества в целях повышения эффективности защиты гражданского населения в условиях современных вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: гражданское население; международное гуманитарное право; Женевские конвенции; обычное международное право; вооруженные конфликты

Введение

Проблема защиты гражданского населения во время вооруженных конфликтов остается актуальной по сей день. Это обусловлено тем, что очаги вооруженных конфликтов продолжают периодически возникать по всему миру, что требует постоянного применения и совершенствования норм международного гуманитарного права в целях обеспечения эффективной защиты гражданского населения. *Целью* этой статьи является рассмотрение теоретико-правовых основ защиты гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов, а также эффективности существующих международно-правовых механизмов в данной сфере. С этой целью рассматриваются следующие задачи: 1) теоретико-правовые основы защиты гражданского населения в международном гуманитарном праве; 2) источники международного гуманитарного права; 3) универсальные механизмы и специальные механизмы защиты с точки зрения эффективности. Проблема защиты гражданского населения в вооруженных конфликтах является достаточно глубоко изученной в международно-правовой науке. Сформирована нормативная база международного гуманитарного права, включающая Женевские конвенции. Особое значение имеют деятельность таких институтов, как Организация Объединенных Наций и Международный комитет Красного Креста. В то же время, несмотря на высокий уровень теоретической разработанности и наличие развитых правовых механизмов, их практическая эффективность остается недостаточной. Современные вооруженные конфликты показывают, что нормы международного гуманитарного права часто нарушаются, а существующие механизмы защиты требуют дальнейшего совершенствования и усиления их реального применения. В работе использована научная литература, как работа Жана Пикте «Развитие и принципы международного гуманитарного права», где излагаются базовые идеи и принципы МГП; учебник О.И. Тиунова «Международное гуманитарное право» дает общее системное представление о нормах и правилах этой отрасли; курс Нильса Мельцера «Международное гуманитарное право» рассматривает, как эти нормы применяются на практике и какую роль играют международные организации; также использована работа Эмили Кроуфорд и Элисон Перт “International Humanitarian Law”, где рассматриваются современные подходы порегулированию вооруженных конфликтов и защите гражданских лиц. Для достижения цели статьи использованы системный и сравнительно-правовой методы исследования.

Основная часть

Международное гуманитарное право представляет собой совокупность норм, цель которых заключается в ограничении действий и смягчении последствий вооруженных конфликтов в гуманитарной области. Его также нередко именуют правом в вооруженных конфликтах или “jus in bello” (право в войне). МГП представляет собой: 1) ограничение средств и методов ведения войны (Гаагское право), 2) смягчение последствий вооруженных конфликтов и обеспечение защиты лиц, которые не участвуют, либо перестали участвовать в боевых действиях (Женевское право). Иными словами, МГП объединяет нормы международного права, устанавливающие минимально допустимые стандарты гуманности, подлежащие соблюдению при любых обстоятельствах вооруженного конфликта.

К числу основных принципов МГП относят, прежде всего, принцип различения (“distinction”), в соответствии с которым стороны конфликта обязаны всегда различать комбатантов и гражданских лиц, а также военные и гражданские объекты, осуществляя атаки исключительно против военных целей. В тесной связи с ним действует принцип соразмерности (“proportionality”), запрещающий атаки, при которых предполагаемый ущерб гражданскому населению будет чрезмерным по сравнению с ожидаемым военным преимуществом. Существенное значение имеет также принцип военной необходимости (“military necessity”), допускающий применение силы лишь в той мере, в какой это требуется для достижения законной военной цели – при одновременном запрете излишних разрушений. Принцип гуманности (“humanity”) запрещает причинение избыточных страданий, жестокое обращение и иные формы бесчеловечного обращения с лицами, не принимающими участия в боевых действиях. [1, сс. 165–175]. Принцип проведения различия влечет также за собой обязанность избегать, или в любом случае сводить к минимуму, причинение случайной смерти, ранений или разрушений лицам и объектам, находящимся под защитой от прямых нападений. Это правило распространяется как на нападающую сторону, которая обязана принимать все возможные меры для предотвращения случайного ущерба (меры предосторожности при нападении), так и на обороняющуюся сторону, которая должна, насколько это практически возможно, защищать гражданское население под своим контролем от последствий вражеских атак (меры предосторожности от последствий нападения).

В рамках данных принципов МГП устанавливает защиту ряда конкретных категорий лиц. К числу таких категорий, прежде всего, относятся раненые и больные военнослужащие сухопутных вооруженных сил, защита которых

предусмотрена I Женевской конвенцией. Эти лица, независимо от их принадлежности к стороне конфликта, подлежат уважению, защите и гуманному обращению; им должна своевременно оказываться медицинская помощь без какой-либо дискриминации. Аналогичный режим распространяется и на раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, что закреплено во II Женевской конвенции. Они также не могут подвергаться нападениям и должны быть спасены и обеспечены необходимой помощью. Отдельную категорию составляют военнопленные, правовой статус которых подробно регулируется III Женевской конвенцией. К ним относятся захваченные комбатанты, которые находятся во власти противника, но не лишаются своей правосубъектности. Военнопленные имеют право на гуманное обращение, защиту от насилия, запугивания и оскорблений, а также на соблюдение установленных условий содержания, включая питание, медицинскую помощь и связь с внешним миром.

Наиболее широкую категорию защищаемых лиц формирует IV Женевская конвенция: это – гражданское население, включая так называемых «защищаемых лиц», находящихся во власти стороны конфликта или оккупирующей державы, гражданами которой они не являются. К этой категории относятся: мирные жители, лица на оккупированных территориях, интернированные гражданские лица, а также другие лица, не принимающие участия в боевых действиях. Им гарантируется уважение их жизни, чести, семейных прав, религиозных убеждений и обычаев. Запрещаются насилие, коллективные наказания, депортации и взятие заложников. Особое внимание уделяется положению гражданского населения в условиях оккупации, где на оккупирующую державу возлагаются обязанности по обеспечению общественного порядка, безопасности и нормальных условий жизни.

Говоря о понятии «гражданское население» в МГП, следует отметить, что в Конвенции отмечается, что это – лица, которые не принадлежат ни к одной из категорий участников вооруженного конфликта и непосредственно не принимают участия в военных действиях. Согласно нормам МГП, стороны вооруженного конфликта обязаны предпринимать все возможные меры для защиты гражданского населения и гражданских объектов, которые ни при каких обстоятельствах не должны становиться целью нападения. Однако на практике, особенно в современных конфликтах, именно гражданские лица несут наибольшие потери, причем их число нередко превышает потери среди военнослужащих. Ситуация осложняется тем, что борьба между сторонами часто включает стремление к контролю над населением, в результате чего граждан-

ские лица порой становятся непосредственными объектами атак. Это обусловлено рядом факторов – таких, как усиление религиозной и этнической вражды, ослабление государственных институтов, конкуренция за природные ресурсы, широкое распространение оружия, развитие терроризма, а также рост числа асимметричных конфликтов, в которых стороны обладают неравными военными возможностями. При этом недостаточная защита гражданского населения чаще связана не с пробелами в нормах международного гуманитарного права, а с их несоблюдением участниками конфликтов, а также слабостью механизмов привлечения к ответственности в международном праве [2, сс. 29–30].

Гражданское население в международном гуманитарном праве обладает особым правовым статусом. Следует обратить внимание на то, что правовой статус гражданского населения в МГП определяется комплексом норм, направленных на защиту лиц, которые не принимают или прекратили непосредственное участие в военных действиях. Основные положения закреплены в Женевских конвенциях 1949 года, прежде всего, в IV Конвенции «О защите гражданского населения», а также в Дополнительном протоколе I и II 1977 года. В основе этого статуса лежит принцип защиты, согласно которому стороны конфликта обязаны при любых обстоятельствах обеспечивать безопасность гражданского населения, независимо от военной необходимости, применяемых средств ведения войны и иных факторов. Данный принцип носит императивный характер и подлежит безусловному соблюдению. Одним из ключевых элементов правового статуса является запрет на нападения на гражданское население: ни гражданское население в целом, ни отдельные гражданские лица не могут являться объектами атак. Это распространяется как на неизбирательные нападения, не направленные на конкретные военные цели, так и на использование таких методов и средств ведения войны, которые не позволяют соблюдать требования международного гуманитарного права. В этой связи важнейшее значение имеет принцип различения, обязывающий стороны конфликта четко разграничивать гражданских лиц и комбатантов, а также гражданские и военные объекты, допуская нанесение ударов исключительно по военным целям. Дополнительно, МГП устанавливает запрет на использование гражданского населения в качестве «живого щита», а также на применение к нему любых форм физического или морального давления с целью получения информации. Существенным элементом правового статуса являются и ограничения на ведение боевых действий, направленные на предотвращение излишних жертв среди гражданского населения. В частности, запре-

щаются действия, которые могут привести к чрезмерным потерям среди гражданских лиц, а также разрушение объектов, имеющих жизненно важное значение для выживания населения – таких, как гидротехнические сооружения или энергетическая инфраструктура. Важным принципом является недискриминация: гражданскому населению должны предоставляться защита и основные права без какого-либо различия по признакам расы, национальности, религии или политических убеждений. При этом специальные категории обладают статусом гражданских лиц, например, журналисты, находящиеся в опасных профессиональных командировках в районах вооруженного конфликта, что прямо закреплено в Дополнительном протоколе I 1977 года. Нарушение норм международного гуманитарного права в отношении гражданского населения влечет юридическую ответственность, включая уголовную, что подчеркивает обязательный характер этих норм и необходимость их строгого соблюдения всеми сторонами конфликта. [3, с.158]

Таким образом, можно выделить следующие источники международного гуманитарного права, которые регулируют защиту гражданского населения. К ним относятся: IV Женевская конвенция, I и II Дополнительные протоколы 1977г., международное обычное право, международные договоры по правам человека (например, Международный пакт о гражданских и политических правах), международная судебная практика, например, Международного суда ООН и Международный уголовный суд, акты международных организаций – таких, как Резолюции Совета Безопасности ООН. Все источники представляют собой систему защиты прав мирного населения в условиях вооруженных конфликтов. Международное обычное право формируется через практику государств и признание ее юридической обязательности, и потому распространяется даже на не участвующие в договорах государства. Например, обычной нормой считается принцип различения, запрещающий намеренные атаки на гражданских лиц. Важным дополнением выступают международные договоры по правам человека, прежде всего, Международный пакт о гражданских и политических правах, который продолжает действовать в условиях конфликта и закрепляет естественные права человека – такие, как право на жизнь и запрет пыток, усиливая гуманитарные гарантии. Что касается судебной практики, они конкретизируют содержание норм, например, признавая умышленные нападения на гражданское население военными преступлениями (МУС). Акты международных организаций, прежде всего, резолюции Совета Безопасности ООН, формируют обязательные или политически значимые стандарты поведения государств, требуя защиты гражданских лиц, обеспечения гуманитарного доступа и привлечения виновных к ответственности,

что, в совокупности, обеспечивает комплексную и универсальную систему защиты прав человека в условиях вооруженных конфликтов. Однако важной проблемой является то, что на практике нормы международного гуманитарного права не всегда соблюдаются. Государства во время вооруженных конфликтов нередко игнорируют правила относительно защиты прав человека, отсутствует также четкая система санкций за их нарушение. Хотя существуют органы – такие, как Международный уголовный суд и Совет Безопасности ООН, которые могут привлекать к ответственности; на деле это не всегда происходит и зависит от политической конъектуры. В результате, многие нарушения остаются безнаказанными, а сами нормы недостаточно эффективными [4].

Исходя из этого, можно перейти к универсальным и специальным механизмам реализации защиты гражданского населения во время вооруженных конфликтов. К универсальным механизмам относятся нормы и институты, которые действуют повсеместно в рамках МГП, ООН, и направлены на обеспечение защиты гражданского населения. К универсальным механизмам относятся: деятельность Международного Комитета Красного Креста, ООН и международных судов. ООН выполняет ключевую политико-правовую функцию. Через Совет Безопасности она принимает обязательные резолюции, направленные на защиту гражданского населения, вводит санкции и проводит миротворческие операции. Такие миссии, например, в Демократической Республике Конго или Южном Судане, имеют мандат на защиту мирных жителей, создание безопасных зон и предотвращение насилия. Кроме того, структуры ООН занимаются мониторингом нарушений, сбором доказательств и гуманитарной поддержкой пострадавших. Международный комитет Красного Креста действует как нейтральная и независимая гуманитарная организация, обладающая особым мандатом в рамках Женевских конвенций. Его деятельность включает посещение военнопленных, контроль условий содержания, содействие обмену пленными, а также оказание медицинской и гуманитарной помощи гражданскому населению. Например, в ходе конфликта в Сирии МККК обеспечивал доступ к воде, продовольствию и медицинской помощи, а также выступал посредником при эвакуации мирных жителей из зон боевых действий. Международные суды, прежде всего, Международный уголовный суд, играют важную роль в обеспечении ответственности за серьезные нарушения. Суд рассматривает дела о военных преступлениях, преступлениях против человечности, даже геноциде. Практика международных трибуналов, включая трибунал по бывшей Югославии, показала, что лица, совершившие

преступления против гражданского населения, могут быть привлечены к ответственности, независимо от их должности. Это усиливает защиту гражданских лиц, поскольку закрепляет принцип неотвратимости наказания.

Специальные механизмы – это те механизмы, которые применяются в рамках конкретных конфликтов. Они не носят универсального характера, а разрабатываются под конкретную ситуацию и направлены на защиту отдельных групп населения или решение конкретных гуманитарных проблем. К таким механизмам относятся, например, создание гуманитарных коридоров для эвакуации мирных жителей и введение безопасных зон. Отметим, что специальные механизмы часто оказываются недостаточно эффективными. Формально, те же гуманитарные коридоры создаются для защиты гражданского населения, но их работа напрямую зависит от воли сторон конфликта. Если одна из сторон не заинтересована в их функционировании или использует их в политических целях, такие механизмы фактически перестают работать. На примере ситуации вокруг Лачинского коридора после Второй Карабахской войны видно, что даже при наличии соглашений доступ может ограничиваться, а гуманитарные потребности населения могут игнорироваться [5, с. 85–102].

Таким образом, в данной работе рассматриваются теоретико-правовые основы защиты гражданского населения в вооруженных конфликтах и представлены основные международно-правовые механизмы в данной сфере. Существующая система защиты гражданского населения требует дальнейшего совершенствования. Ключевыми направлениями являются: укрепление механизмов контроля и ответственности, развитие инструментов принуждения к соблюдению норм международного гуманитарного права, а также углубление сотрудничества между государствами и международными организациями. Только при комплексном развитии как универсальных, так и специальных механизмов возможно повышение эффективности защиты гражданского населения в условиях современных вооруженных конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Crawford E., Pert A.* International Humanitarian Law. “Cambridge University Press”, 2016.
2. *Международный Комитет Красного Креста (МККК).* Международное гуманитарное право / Межпарламентский союз (МПС), 2016.
3. *Тиунов О.И.* Международное гуманитарное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: «Норма»: ИНФРА-М, 2023.
4. *Мельцер Н.* Международное гуманитарное право: общий курс / Н. Мельцер; координатор проекта Э. Кустер. М.: «Юрайт», 2020.
5. *Пикте Ж.* Развитие и принципы международного гуманитарного права. М.: Международный комитет Красного Креста, 1994.

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE PROTECTION OF CIVILIAN POPULATION IN ARMED CONFLICTS

S. Nikoghosyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines certain issues related to the theoretical and legal foundations of the protection of the civilian population in armed conflicts within the context of contemporary international humanitarian law. It addresses questions concerning the legal status of civilians as закреnеd in treaty law and customary international law, as well as identifying the specific features of legal regulation in situations of both international and non-international armed conflicts. Particular attention is given to the principles of distinction, proportionality, and precaution as fundamental bases for the protection of civilians. The article is based on key sources of international humanitarian law, primarily the provisions of the Geneva Conventions of 1949 and the Additional Protocols of 1977, as well as norms of customary international humanitarian law. It highlights the significance of the systemic interrelationship between international humanitarian law and international human rights law in ensuring comprehensive protection of the civilian population. The main characteristics of universal and specialized mechanisms for implementing civilian protection are outlined, including the activities of the United Nations, the International Committee of the Red Cross, and specific mechanisms applied within particular conflicts, along with an assessment of their effectiveness. The article also considers their practical role in preventing violations and ensuring humanitarian protection of civilians. Finally, it formulates several conclusions regarding the need to strengthen compliance mechanisms within international humanitarian law and to develop international cooperation in order to enhance the effectiveness of civilian protection in modern armed conflicts.

Keywords: civilian population; international humanitarian law; Geneva Conventions; customary international law; armed conflicts.

ТЕОРИЯ ПРАВА И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

ՍԻԱՄԱԿԱՆ (ՍԵՐՏԱՃԱԾ) ԵՐԿՎՈՐՅԱԿՆԵՐԻ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ԿԱՐԳԱՎԻՃԱԿԸ ՀԱՆՐԱՅԻՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔՈՒՄ

Գ.Ա. Աբգարյան

Հայաստանում ֆրանսիական համալսարան
nara.abgaryan80@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննության է առնվում սիամական (սերտաճած) երկվորյակների իրավական կարգավիճակը հանրային իրավունքի տեսանկյունից, մասնավորապես՝ ներկայացվում են սիամական երկվորյակների իրավասուբյեկտության հիմնախնդիրները, դրանց լուծման պատմական փորձը, վերլուծվում են նրանց սահմանադրական իրավունքների իրացման առանձնահատկությունները, քրեական և վարչական պատասխանատվության ենթարկելու խնդիրները, առանձնահատուկ ուշադրություն է դարձվում սիամական երկվորյակների բաժանման վիրահատությունների հետ կապված իրավական և էթիկական երկընտրանքներին: Հենվելով միջազգային փորձի, դատական նախադեպերի և գիտական աղբյուրների ուսումնասիրության վրա՝ հետազոտողը բարձրացնում է սիամական երկվորյակների իրավական կարգավիճակի հստակեցման և իրավական նորմերի ճկուն մեկնաբանման անհրաժեշտության հարցը:

Հիմնաբառեր՝ սիամական (սերտաճած) երկվորյակներ, իրավասուբյեկտություն, սահմանադրական իրավունքներ, քրեական պատասխանատվություն, իրավունքների բախում:

Ներածություն

Սիամական (սերտաճած) երկվորյակները միաձվանի (մոնոզիգոտ) երկվորյակների հազվագյուտ տեսակ են, որոնք սաղմնային զարգացման վաղ փուլում ամբողջությամբ չեն տարանջատվում և ծնվում են մարմնի տարբեր մասերով միացած՝ հաճախ ունենալով ընդհանուր օրգաններ, օրգան-համակարգեր [17, էջ 37; 20, էջ 444]:

Կախված միացման վայրից և աստիճանից՝ բժշկական գրականության մեջ առանձնացվում են սիամական երկվորյակների մի քանի հիմնական տեսակներ՝ թորակոպագուսներ (միացած են կրծքավանդակի շրջանում, հաճախ ունենում են ընդհանուր սիրտ), օմֆալոպագուսներ (միացած են որովայնի ստորին հատվածում, կարող են ունենալ ընդհանուր լյարդ կամ աղեստամոքսային համակարգի մասեր), կրանիոպագուսներ (միացած են գանգի շրջանում, կարող են ունենալ ուղեղի ընդհանուր կառույցներ) [17, էջ 38-41][1]: Սերտաճած երկվորյակները միշտ նույն սեռի են և ունեն նույնական ԴՆԹ [17, էջ 37][2]:

Սերտաճած երկվորյակներ ծնվում են 1:50 000-ից 1:200 000 հաճախականությամբ Եվրոպայում և Հյուսիսային Ամերիկայում, 1:14.000 հաճախականությամբ՝ Հարավարևելյան Ասիայում և Աֆրիկայի որոշ շրջաններում [6, էջ 145]: Արտամարմնային բեղմնավորման մեթոդների կիրառման դեպքում սիամական երկվորյակների ծնվելու հավանականությունը որոշակիորեն մեծանում է և կազմում մոտ 1% [18, էջ 373]:

Հատկանշական է, որ սերտաճած երկվորյակների մասին ամենավաղ գրավոր հիշատակությունը վերաբերում է **945 թվականին Հայաստանում** ծնված սերտաճած եղբայրներին [20, էջ 455]: Հայաստանում նման երկվորյակների ծննդյան դեպք գրանցվել է նաև 2003 թվականին Երևանում. երկվորյակները միացած են եղել լյարդով և աղիներով, սակայն, ցավոք, նրանց կյանքը փրկել չի հաջողվել [5; 11]:

Ժամանակակից բժշկության նվաճումների շնորհիվ սերտաճած երկվորյակների կյանքի տևողությունը զգալիորեն ընդլայնվել է, և նրանցից շատերը վարում են ակտիվ սոցիալական կյանք, ինչն իրավական համակարգի առաջ դնում է բազմաթիվ հարցեր, որոնք երկար ժամանակ մնացել են չկարգավորված: Նման պայմաններում առավել քան ակնհայտ է դառնում, որ *ավելի նպատակահարմար է նախօրոք ունենալ խնդրի լուծման մշակված մեխանիզմներ, քան հետագայում, արդեն իսկ առերեսվելով դրան, շտապողաբար լուծումներ որոնել:*

Հոդվածում կիրառվել են պատմական և համեմատական-իրավական վերլուծության մեթոդները: Վերլուծվել և համեմատվել են սիամական

[1] Առանձին խումբ են կազմում **ասիմետրիկ երկվորյակները,** երբ երկվորյակներից մեկը թերզարգացած է (պարազիտ) և լիովին կախված է մյուսից՝ առուտոզիտից, հաճախ չունի մարմնի վերին կամ ստորին հատված, չունի սեփական գիտակցություն, չի խոսում, սակայն կարող է կատարել որոշ ռեֆլեքսային շարժումներ, օրինակ՝ շարժել շուրթերը կամ թարթել աչքերը [16, էջ 56]:

[2] Հայտնի են նաև սերտաճած եռյակների և քառյակների դեպքեր, որոնք, սակայն, ծայրահեղ հազվադեպ են և, որպես կանոն, կենսունակ չեն [17, էջ 41; 20, էջ 444]:

երկվորյակների իրավական կարգավիճակի վերաբերյալ տարբեր մոտեցումներն ու փաստարկները, որոնք առաջարկվել են ինչպես գիտական աղբյուրներում, այնպես էլ դատական պրակտիկայում:

1. Միամական երկվորյակների իրավաուբյեկտությունը

Իրավաուբյեկտությունը, որպես իրավունքի նորմերով կարգավորվող հարաբերությունների մասնակից լինելու ունակություն, մարդու իրավական կարգավիճակի հիմնաքարն է: Սիամական երկվորյակների ֆիզիկական միասնությունը, սակայն, վերահիմաստավորում է իրավաուբյեկտության, իրավունքների և պարտականությունների մասին ավանդական պատկերացումները:

Պատմական տարբեր ժամանակաշրջաններում սերտաճած երկվորյակների իրավական կարգավիճակը որոշվել է տարբեր ձևերով: Հին Հռոմում և վաղ միջնադարում նրանց հաճախ դիտարկել են որպես **«հրեշներ» (monstrum)** և ենթակարկել ոչնչացման: Միջնադարում, Արիստոտելի ուսմունքի ազդեցությամբ, չափանիշը դարձավ սրտերի քանակը. եթե երկվորյակներն ունեին մեկ սիրտ, նրանց մեկ անձ էին համարում [20, էջ 445–447]:

Քրիստոնեության տարածման հետ կենտրոնական նշանակություն ձեռք բերեց մկրտության հարցը, քանի որ միայն մկրտված անձինք էին համարվում լիարժեք սուբյեկտներ: Պարզելու համար, թե ընդհանուր մարմնում քանի հոգի է բնակվում, իսպանացի աստվածաբան Խուան դե Ուլոան մշակել էր երեք չափանիշներ. զգայական հակումների համընկնումը (օրինակ՝ միաժամանակ քնելը, արթնանալը, ուտելը), ֆիզիկական շարժումների նկատմամբ կամային վերահսկողությունը (մեկի կամքով մյուսի վերջույթները շարժելը) և զգացողությունների ընդհանրությունը (մեկին հասցված ցավը զգալը մյուսի կողմից) վկայում էին մեկ հոգու առկայության մասին [13, էջ. 39; 20, էջ 447]:

Ժամանակակից իրավունքում գերիշխում է այն մոտեցումը, որ յուրաքանչյուր երկվորյակ ունի իր անհատականությունը, կամքը և պետք է ճանաչվի որպես իրավունքի ինքնուրույն սուբյեկտ: Ինչպես նշում է ռուս իրավաբան Մ.Ն. Մալեինան, այս մոտեցումը հիմնված է այն փաստի վրա, որ ժամանակակից օրենսդրությունը, հետևելով բժշկական չափանիշներին, մարդու կյանքի սկիզբը և ավարտը կապում է ուղեղի գործունեության հետ: Այսինքն՝ **երկու գործող ուղեղների, գիտակցության առկայությունը վկայում է երկու առանձին կյանքերի, հետևաբար երկու առանձին սուբյեկտների գոյության մասին**: Գործնականում այս մոտեցումն արտահայտվում է նրանով, որ պետությունները սերտաճած երկվորյակներին

տրամադրում են առանձին ծննդյան վկայականներ, անձնագրեր, կրթության փաստաթղթեր, հաշմանդամության տեղեկանքներ և բժշկական քարտեր [16, էջ 55]:

Այնուամենայնիվ, լինում են բացառիկ դեպքեր, երբ իրավասուբյեկտության հարցի լուծումը բարդանում է՝ կախված երկվորյակների սերտաճման տեսակից: Օրինակ՝ կրանիոպագների որոշ տեսակների մոտ կարող է առկա լինել ուղեղի որոշ հատվածների միաձուլում[3]: Նման դեպքերում դժվար է միանշանակ որոշել, թե արդյոք գիտակցությունը լիովին տարանջատված է, կասկածելի է դառնում յուրաքանչյուր անհատի՝ շրջապատող աշխարհի մասին ինքնուրույն և լիարժեք զգայական պատկեր ունենալու կարողությունը, ինչը բարդացնում է նրանց՝ որպես երկու լիովին առանձին և ինքնավար սուբյեկտներ դիտարկելը: Ուստի *իրավասուբյեկտության որոշումը պահանջում է անհատական մոտեցում և մանրակրկիտ բժշկական փորձաքննություն* [2, էջ. 19; 20, էջ 447]:

Իրավասուբյեկտության համատեքստում առանձնահատուկ ուշադրության են արժանի **պարազիտ երկվորյակները**: Հարց է առաջանում՝ արդյոք նման էակը կարող է դիտարկվել որպես իրավունքի ինքնուրույն սուբյեկտ: Այս հարցը ևս միանշանակ լուծում չունի: 2005 թվականին Եգիպտոսում տասը ամսական Մանար Մագեդի գլխին սերտաճած երկրորդ գլուխ-պարազիտի հեռացումը չի որակվել որպես սպանություն, քանի որ պարազիտը չուներ սեփական գիտակցություն և չի դիտարկվել որպես ինքնուրույն սուբյեկտ: Ի հակադրություն դրա, 1992 թվականին ԱՄՆ-ում **Բեյբի Քեյ գործով** դատարանը թույլ չտվեց անջատել արհեստական շնչառությունից անենցեֆալիայով (գլխուղեղի կեղևի բացակայություն) ծնված աղջկան՝ պատճառաբանելով, որ նույնիսկ գիտակցություն չունեցող անձը կյանքի իրավունք ունի [20, էջ 448]:

Այս երկու օրինակները ցույց են տալիս, որ նույնիսկ գիտակցություն չունեցող էակների իրավասուբյեկտության հարցը միանշանակ լուծում չունի և տարբեր իրավական համակարգերում կարող է լուծվել տարբեր կերպ:

[3] Այսպես, 2006 թվականին Վանկուվերում ծնված Թաթյանա և Քրիստա Հոգան քույրերը միացած են գլխի շրջանում, ունեն ընդհանուր արյունամատակարարում դեպի ուղեղ, իսկ նրանց ուղեղի որոշ հատվածներ, մասնավորապես թալամուսը, որը պատասխանատու է զգայական ազդակների առաջնային մշակման, ուշադրության, հիշողության և զգացմունքների կարգավորման համար, ընդհանուր է:

2. Սահմանադրական իրավունքների իրացման առանձնահատկությունները

Չնայած ժամանակակից իրավունքում հիմնականում ընդունված է, որ սերտաճած երկվորյակները երկու առանձին սուբյեկտներ են, նրանց ֆիզիկական միասնությունը ծնում է բազմաթիվ խնդիրներ, որոնք դրսևորվում են հիմնարար իրավունքների իրացման ընթացքում: Ինչպես նշվում է իրավաբանական գրականությունում՝ *իրավունքը և էթիկան զարգացել են ֆիզիկապես առանձնացված, մրցակցող կարիքներ և շահեր ունեցող անհատական մարդկանց մոդելի հիման վրա, և հենց անհատն է հաճախ հանդիսանում բազային միավորը էթիկական և իրավական հարցերը դիտարկելիս* [9, էջ 91]: **Սերտաճած երկվորյակները կասկածի տակ են դնում այս մոդելը. նրանց հիմնարար իրավունքների իրացումը բախվում է բազմաթիվ խնդիրների, որոնք դրսևորվում են կյանքի գրեթե բոլոր ոլորտներում և պահանջում են իրավական նորմերի ճկուն մեկնաբանում:**

Ընտրական իրավունքի իրացումը սերտաճած երկվորյակների համար առանձնահատուկ բարդություններ է առաջացնում: Ակտիվ ընտրական իրավունքի պարագայում հիմնական խնդիրը **քվեարկության գաղտնիության սկզբունքի** պահպանումն է, քանի որ երկու ընտրողներ ֆիզիկապես միասին են գտնվում քվեարկության խցիկում: Հնդկաստանում, օրինակ, 2022 թվականին Փենջաբ նահանգում բնակվող Սոհնա և Մոհան Սինգհ երկվորյակների ընտրության գաղտնիությունը պահպանելու համար նրանցից յուրաքանչյուրին տրամադրվել է հատուկ ակնոց [4]: *Սակայն ակնհայտ է, որ նման կարգավորումը վերահսկելի չէ, բացի այդ՝ չի կարող կիրառվել սերտաճած երկվորյակների բոլոր տեսակների նկատմամբ: Փաստորեն, անհրաժեշտություն է առաջանում բացառություն սահմանել քվեարկության գաղտնիության սահմանադրական սկզբունքից:*

Պասիվ ընտրական իրավունքի իրացումն առավել բարդ խնդիրներ է առաջացնում: Եթե երկվորյակներից մեկը ցանկանում է առաջադրվել որպես պատգամավորի թեկնածու, հարց է առաջանում մյուսի կարգավիճակի վերաբերյալ: Նա չի կարող անտեսվել, քանի որ ֆիզիկապես ներկա է գտնվելու բոլոր քաղաքական գործընթացներին: Բացի այդ, պատգամավորական լիազորություններն իրականացնելիս հաճախ անհրաժեշտ է ծանոթություն պետական գաղտնիք պարունակող տեղեկություններին, ինչը ենթադրում է, որ երկու երկվորյակներն էլ ստիպված են լինելու պատասխանատվություն կրել գաղտնիության պահպանման համար, նույնիսկ եթե նրանցից մեկը պաշտոնապես մանդատ չունի:

Ազատ տեղաշարժվելու իրավունքը սերտաճած երկվորյակների համար դառնում է համատեղ իրացվող իրավունք [20, էջ 449]: Նրանցից մեկը

չի կարող շարժվել առանց մյուսի, ինչը սահմանափակում է անհատական ընտրության ազատությունը: Նույնը վերաբերում է **հավաքների ազատության իրավունքի** իրացմանը. եթե երկվորյակներից մեկը ցանկանում է մասնակցել հանրահավաքի կամ քաղաքական երթի, իսկ մյուսը դեմ է, նրանք ստիպված են փոխզիջման գնալ: **Մասնավոր կյանքի անձեռնմխելիության իրավունքը** էապես սահմանափակված է. երկվորյակներից յուրաքանչյուրը մյուսի կյանքի մշտական մասնակիցն է, ինչը գործնականում անհնարին է դարձնում անձնական տարածքի և գաղտնիության պահպանումը [16, էջ 59–60]: Բարդ է նաև **առողջության պահպանման իրավունքի** իրացումը. մեկի առողջական վիճակն անխուսափելիորեն ազդում է մյուսի վրա: Հարց է առաջացնում՝ արդյոք մի երկվորյակը կարող է դատական կարգով պահանջել մյուսից ձեռնպահ մնալ, օրինակ, ալկոհոլի կամ թմրանյութերի չարաշահումից, ինքնավնասումից, որոնք վնասում են նաև իր առողջությանը [16, էջ 59]: Ինքնասպանության փորձը մեկի կողմից, փաստորեն, կարող է որակվել նաև որպես մյուսի նկատմամբ սպանության փորձ [20, էջ 455]: **Կրոնի ազատության** իրավունքը կարող է հանգեցնել ներքին կոնֆլիկտների, եթե երկվորյակները դավանում են տարբեր կրոններ կամ ունեն տարբեր կրոնական համոզմունքներ: Կարող են խնդիրներ առաջանալ սննդի ընդունման, կրոնական ծեսերի կատարման, կրոնական խորհրդանիշներ կրելու հետ կապված:

Սեփականության իրավունքի իրացումը ևս առանձնահատուկ է: Սերտաճած երկվորյակները հաճախ համատեղ են աշխատում և համատեղ ձեռք բերում գույք, և երբեմն հնարավոր չէ միանշանակ որոշել, թե կոնկրետ իրը ում է պատկանում, հատկապես երբ խոսքը վերաբերում է կենցաղային իրերին կամ համատեղ օգտագործման առարկաներին: Գիտական գրականության մեջ առաջարկվել է սերտաճած երկվորյակների նկատմամբ կիրառել **համատեղ սեփականության ռեժիմը**, սակայն այս մոտեցումը ևս խնդրահարույց է [15, էջ. 85; 20, էջ 452]: Նախ, երկվորյակները կարող են ունենալ եկամտի տարբեր աղբյուրներ: Բացի այդ, նրանցից մեկը կարող է ամուսնացած լինել, ինչը ենթադրում է առանձին գույքային շահեր և ընտանեկան գույքի ձևավորում: Ավելին, համատեղ սեփականության ռեժիմը հիմնված է կամքի միասնության վրա, մինչդեռ սերտաճած երկվորյակները հաճախ ունենում են տարբեր ցանկություններ և կարող են տարբեր կերպ տնօրինել իրենց ունեցվածքը, հետևաբար ընդհանուր սեփականության ռեժիմի ավտոմատ կիրառումն անհիմն է. յուրաքանչյուր դեպքում անհրաժեշտ է անհատական մոտեցում [16, էջ. 58–59]:

3. Կյանքի իրավունքը և բաժանման վիրահատությունները

Բժշկության զարգացումը հնարավորություն է ընձեռել սերտաճած երկվորյակների վիրահատական բաժանման համար [20, էջ 455]: Սակայն այս վիրահատությունները ծնում են խոր իրավական և էթիկական երկընտրանքներ, հատկապես այն դեպքերում, երբ բաժանումը կարող է փրկել միայն մեկ երկվորյակի կյանքը մյուսի մահվան գնով:

Այս խնդրի առավել հայտնի օրինակներից է 2000 թվականին Մեծ Բրիտանիայում տեղի ունեցած **Re A (Children)** գործը, որը վերաբերում էր կոնքի շրջանում միացած և ընդհանուր արտա ունեցող Ջոդի և Մերի Աթարդ քույրերին: Մերին չուներ գործող սիրտ և թոքեր, և նրա կյանքը լիովին կախված էր Ջոդիի սրտից: Բժիշկները գտնում էին, որ առանց վիրահատության երկուսն էլ կմահանային մի քանի ամսվա ընթացքում: Ծնողները հրաժարվում էին վիրահատությունից՝ հայտարարելով, որ չեն կարող սպանել իրենց դուստրերից մեկին՝ մյուսին փրկելու համար: Հիվանդանոցը, սակայն, դիմեց դատարան՝ խնդրելով թույլտվություն վիրահատության համար [10]:

Վերաքննիչ դատարանը երեք դատավորների կազմով միաձայն որոշեց թույլատրել վիրահատությունը՝ ներկայացնելով երեք տարբեր հիմնավորումներ: **Դատավոր Ուորդը** նշեց, որ թեև Մերիի կյանքը անփոխարինելի արժեք ունի, նրա գոյությունը լիովին կախված է Ջոդիից: Դատավորը վիրահատությունն արդարացրեց *անհրաժեշտ պաշտպանության տեսությամբ*՝ Մերիին դիտարկելով որպես սպառնալիք Ջոդիի կյանքի համար: **Դատավոր Բրուքը** հիմնվեց *ծայրահեղ անհրաժեշտության դոկտրինի* վրա՝ գտնելով, որ վիրահատությունը փոքրագույն չարիքն է երկու անխուսափելի մահերի միջև: **Դատավոր Ռոբերտ Ուոքերը** կիրառեց ***«կրկնակի ազդեցության»*** *դոկտրինը*, համաձայն որի՝ **չարիքը կարող է թույլատրվել, եթե այն ուղղակիորեն չի մտադրվել, այլ անուղղակի հետևանք է, և կա համաչափ պատճառ:** Դատավորը գտնում էր, որ բժիշկները չունեին մարդասպանական մտադրություն, քանի որ Մերիի մահը վիրահատության նպատակը չէր, այլ անխուսափելի հետևանք, և որ վիրահատության նպատակը Մերիին ֆիզիկական անձեռնմխելիության իրավունք տրամադրելն էր [8, էջ. 594; 9, էջ. 89; 10; 20, էջ. 458–459]:

Այս որոշումը ենթարկվել է լուրջ քննադատության իրավաբանական գրականությունում: Մասնավորապես, ընգծվել է, որ դատարանը կանգնած է եղել երկընտրանքի առջև. կա՛մ երկվորյակներին դիտարկել որպես առանձին սուբյեկտներ, կա՛մ սուբյեկտ ճանաչել միայն ավելի ուժեղ երկվորյակին: Դատարանն ընտրել է առաջին տարբերակը, ինչը,

սակայն, հանգեցրել է երկու անհամադրելի շահերի բախման: Չկարողանալով լուծել այդ բախումը՝ դատարանը, փաստորեն, դիմել է *ուտիլիտարիստական* տրամաբանության՝ նախապատվությունը տալով այն երկվորյակի կյանքին, ում փրկության հավանականությունը ավելի մեծ էր՝ ելնելով այն դատողությունից, որ ավելի լավ է փրկել մեկին, քան կորցնել երկուսին էլ, և վիրահատությունը որակել է *«փոքրագույն չարիք»* [7]: Սակայն այս տրամաբանությունը միանշանակ չէ. եթե համեմատության ելակետը փոխվի, և դիտարկվեն ոչ թե փրկված և կորցրած կյանքերի թիվը, այլ բնական մահը և մահը ակտիվ ներգործության հետևանքով, խնդրի ընկալումը ամբողջությամբ կփոխվի [20, էջ 459]:

Անհրաժեշտ պաշտպանության փաստարկը իր հերթին քննադատվել է առնվազն երկու հիմնական պատճառով: **Նախ**, Մերին չէր կարող դիտարկվել որպես «հարձակվող», քանի որ նա ոչ մի դիտավորություն չուներ վնասելու Ջոդիին, այլ պարզապես ծնվել էր նրա հետ միացած վիճակում և գոյատևում էր նրա հաշվին, իսկ անհրաժեշտ պաշտպանության ինստիտուտը նախատեսված է *դիտավորյալ, ապօրինի ոտնձգությունների* դեպքերի համար: **Երկրորդ**, նույնիսկ եթե ընդունենք, որ Մերին որևէ սպառնալիք էր ներկայացնում, անհրաժեշտ պաշտպանությունը ենթադրում է համաչափություն, այսինքն՝ պաշտպանության միջոցը պետք է համապատասխանի սպառնալիքի աստիճանին: Մերիի «սպառնալիքը» պասիվ էր և ոչ մահացու անմիջապես, մինչդեռ վիրահատությունը նախապես ծրագրված, ակտիվ գործողություն էր, որն անխուսափելիորեն հանգեցնում էր մահվան [3, էջ. 68–69; 8, էջ 597]:

Քննադատվել է նաև կրկնակի ազդեցության դոկտրինը: Քննադատների կարծիքով՝ **«ֆիզիկական անձեռնմխելիության իրավունքի»** փաստարկը պատրանքային է, քանի որ Մերին կմահանար նախքան այդ իրավունքը վայելելու հնարավորություն ունենալը [7; էջ 468]: Ավելին, այս դոկտրինի կիրառումը երկու առանձին անձանց դեպքում նորություն էր և արժանացավ լայն քննադատության՝ որպես դրա էության խեղաթյուրում, քանի որ այն ավանդաբար կիրառվում էր այն դեպքերում, երբ գործողությունն ուղղված էր մեկ անձի օգտին, իսկ բացասական հետևանքը վերաբերում էր հենց նույն անձին (օրինակ՝ անբուժելի հիվանդներին ուժեղ ցավազրկողներ տալը, որոնք, մեղմացնելով նրանց տառապանքը, միաժամանակ կարող են անուղղակիորեն կրճատել կյանքի տևողությունը) [8, էջ. 594; 20, էջ 459]:

Ուշադրության է արժանի նաև Ավստրալիայի Քվինսլենդ նահանգում 2001 թվականին քննված գործը **(State of Queensland v. Nolan)**: Գլուխներով միացած երկվորյակներից մեկի վիճակը կտրուկ վատացել էր և սպառնում

էր մյուսի կյանքին: Դատարանը թույլատրեց բաժանել երկվորյակներին՝ պատճառաբանելով, որ բժիշկները պարտավոր են ձեռնարկել բոլոր հնարավոր միջոցները երեխայի կյանքը փրկելու համար, և այդ պարտականությունը կատարելիս նրանք ազատվում են պատասխանատվությունից [12]: Սակայն քննադատները նշում են, որ այս հիմնավորումը հաշվի չի առնում այն հանգամանքը, որ *բժիշկները հավասարապես պարտավոր էին հոգ տանել երկու երկվորյակների կյանքի մասին, և վիրահատությունը, որը փրկում էր մեկին, միաժամանակ սպանում էր մյուսի*ն [3; 20, էջ 459–460]:

Փաստորեն, *նույնիսկ այն դեպքերում, երբ դատարանները թույլատրում են բաժանումը, հիմնավորումները հաճախ հակասական են և արտացոլում են կոնկրետ իրավական համակարգի առանձնահատկությունները, այլ ոչ թե խնդրի միասնական լուծումը:*

Անչափահաս երկվորյակների դեպքում վիրահատության համաձայնությունը տալիս են ծնողները կամ օրինական ներկայացուցիչները: Մեծահասակների դեպքում, սակայն, վիրահատությունը հնարավոր է միայն երկու երկվորյակների համատեղ և գիտակցված համաձայնությամբ. եթե նրանցից մեկը դեմ է, բժիշկներն իրավունք չունեն այն իրականացնելու [16, էջ 56, 58]: Հարկ է նշել նաև, որ ոչ բոլոր սերտաճած երկվորյակներն են ձգտում բաժանվել: Շատերը, գնահատելով վիրահատության ռիսկերը և իրենց կյանքի որակը միացած վիճակում, նախընտրում են չդիմել վիրահատական միջամտության: [1, էջ. 601–602]: *Այսպիսով, վիրահատական միջամտության հնարավորությունն ինքնին չի վերացնում խնդրի կարգավորման անհրաժեշտությունը:*

4. Քրեական և վարչական պատասխանատվության առանձնահատկությունները

Սերտաճած երկվորյակների քրեական պատասխանատվության հարցը թերևս ամենաբարդ և անորոշ ոլորտներից է: Քրեական պատասխանատվության հիմքում ընկած է **մեղքի սկզբունքը**. յուրաքանչյուրն անձամբ է պատասխանատու միայն իր արարքի համար: Սերտաճած երկվորյակների դեպքում հիմնական խնդիրն այն է, որ անհնար է պատժել միայն մեկին՝ առանց մյուսի վրա բացասաբար ազդելու, քանի որ նրանք ֆիզիկապես միասնական են [20, էջ 454]:

Պատմությանը հայտնի են բազմաթիվ դեպքեր, երբ սերտաճած երկվորյակները խուսափել են պատասխանատվությունից, քանի որ դատավորները նախընտրել են ազատ արձակել մեղավորին, քան պատժել

անմեղին [14, էջ 178; 20, էջ 454]: Ժամանակակից պրակտիկայում սերտաճած երկվորյակների կողմից հանցագործություն կատարելու դեպքեր չեն գրանցվել, և միասնական իրավական կարգավորում գոյություն չունի [14, էջ 178–179]:

Այս խնդրի լուծման համար գիտական գրականության մեջ առաջարկվել են մի քանի տեսական մոտեցումներ: **Առաջին մոտեցումն** առաջարկում է պատժել երկուսին էլ՝ մյուսին համարելով **հանցակից**: Սակայն այս մոտեցումը խիստ խնդրահարույց է, քանի որ երկվորյակներից մեկի՝ հանցագործության վայրում անխուսափելիորեն ներկա գտնվելը բավարար չէ հանցակից ճանաչելու համար [2, էջ. 18–23; 20, էջ 455]: Բացի այդ, կան հանցագործություններ, որոնք կարող են կատարվել առանց մյուս երկվորյակի ներգրավվածության, հաճախ անգամ առանց վերջինիս իմացության (կիբերհանցագործություններ, վիրավորանք, զրպարտություն, հեղինակային իրավունքի խախտում, պետական գաղտնիքի հրապարակումը, հարկերից խուսափելը, խարդախություն, կաշառք և այլն) [16, էջ 61]:

Ըստ երկրորդ մոտեցման՝ առաջարկվում է ընդհանրապես պատիժ չկիրառել՝ հարգելով անմեղի իրավունքները, սակայն դա էլ իր հերթին հանգեցնում է հանցագործի անպատիժ մնալուն և չի իրականացնում պատժի նպատակները՝ վերականգնել արդարությունը, ուղղել հանցագործին և կանխարգելել նոր հանցագործությունները [16, էջ 61]: **Երրորդ մոտեցումն** առաջարկում է մեղմացնել պատիժը՝ հաշվի առնելով երկվորյակի գոյությունը որպես մեղմացնող հանգամանք [19, էջ 250]: ***Առավել հիմնավոր է այն մոտեցումը, որն առաջարկում է մեղավորի նկատմամբ կիրառել այնպիսի պատժատեսակներ, որոնք նվազագույնն են ազդում անմեղի վրա*** (օրինակ՝ տուգանք, որոշակի պաշտոններ զբաղեցնելու և որոշակի գործունեությամբ զբաղվելու արգելք), ***թեկուզ դրանք ուղղակիորեն նախատեսված չլինեն կոնկրետ հանցակազմի սանկցիայով*** [16, էջ 61–62; 19, էջ 250–252]:

Քրեադատավարական տեսանկյունից սերտաճած երկվորյակների մասնակցությամբ գործերով քննությունը բախվում է մի շարք խնդիրների, մասնավորապես **խափանման միջոցների կիրառումը և քննչական գործողությունների իրականացումը մեկի նկատմամբ անխուսափելիորեն սահմանափակում են նաև մյուսի իրավունքները** [20, էջ 454]:

Նույնատիպ խնդիրներ առաջանում են նաև **վարչական պատասխանատվության** ոլորտում, որտեղ ևս հնարավոր չէ պատասխանատվության ենթարկել միայն մեկ երկվորյակին՝ առանց մյուսին վնասելու: Այս առումով ուշագրավ է տրանսպորտային միջոց վարելու իրավունքի

հարցը: Հենսել քույրերը, որոնք ունեն մեկ իրան, ստիպված են եղել վարորդական քննությունը հանձնել երկու անգամ՝ երկու վարորդական իրավունք ստանալու համար, քանի որ յուրաքանչյուրը վերահսկում է մարմնի իր կողմը, և նրանք կարող են վարել միայն միասին [20, էջ 453]: Երթևեկության կանոնների խախտման դեպքում, սակայն, պարզ չէ, թե նրանցից ով պետք է կրի պատասխանատվությունը: Որպես այս բացը լրացնելու տարբերակ՝ գրականության մեջ առաջարկվել է սերտաճած երկվորյակներին ներառել այն հիվանդությունների ցանկում, որոնց առկայության դեպքում տրանսպորտային միջոց վարելն արգելվում է [16, էջ 59]:

Եզրակացություն

Սերտաճած երկվորյակների իրավական կարգավիճակի վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ ժամանակակից իրավական համակարգերը, որոնք ձևավորվել են առանձին, ինքնավար անհատի մոդելի հիման վրա, դժվարությամբ են հարմարվում նրանց ֆիզիկական միասնությունից բխող յուրահատուկ իրավիճակներին: Իրավունքի տարբեր ճյուղերի ինստիտուտների վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ սերտաճած երկվորյակների ֆիզիկական վիճակը ստեղծում է համակարգային անհամապատասխանություն իրավական նորմերի մեծ մասի հետ: Սերտաճած երկվորյակների միացման տեսակների, կարողությունների, կամքի արտահայտման ձևերի բազմազանությունը էլ ավելի է բարդացնում միասնական իրավական կարգավորման սահմանումը:

Այնուամենայնիվ, չնայած երևույթի հազվադեպությանը, նրանք առաջին հերթին մարդիկ են, ովքեր ունեն արժանապատիվ կյանքի և իրավական պաշտպանության իրավունք: Սերտաճած երկվորյակների իրավական կարգավիճակի հստակեցումը կապահովի, որ նրանք դառնան ոչ միայն իրավունքի ֆորմալ, այլև փաստացի լիարժեք սուբյեկտներ՝ օժտված բոլոր հիմնարար իրավունքներով և դրանց իրացման իրական երաշխիքներով:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Barilan Y.* Head-Counting vs. Heart-Counting: An Examination of the Recent Case of the Conjoined Twins from Malta // “Perspectives in Biology and Medicine”. Vol. 45, № 4, 2002. PP. 593–603.
2. *Davis C.* Complicity, Crime and Conjoined Twins // “Alternative Law Journal”. Vol. 42. Issue 1. 2017. DOI: 10.1177/1037969x17694787.
3. *Davis. C.* Criminal Law Implications for Doctors Who Perform Sacrificial Separation Surgery on Conjoined Twins in England and Australia // “Victoria University Law and Justice Journal”. Vol. 4, Issue 1, 2014. PP. 61–76. DOI:10.15209/vulj.v4i1.44.

4. https://indianexpress.com/elections/punjab-assembly-elections-2022-conjoined-twins-sohna-mohna-amritsar-vote-7781940/lite/
5. https://regnum.ru/news/179509
6. *Merkel R.* An den Grenzen von Medizin, Ethik und Strafrecht: Die Chirurgische Trennung Sogenannter Siamesischer Zwillinge // Medizinstrafrecht. 2 Auf. Richard Boorberg Verlag. 2001. PP. 145–174.
7. *Munro V.* Square Pegs in Round Holes: The Dilemma of Conjoined Twins and Individual Rights // "Social & Legal Studies". Vol. 10(4), 2001. PP. 459–482.
8. *Paris J., Elias-Jones A.* Do we murder Mary to save Jodie? An ethical analysis of the separation of the Manchester conjoined twins // "Postgraduate Medical Journal". Vol. 77, 2001. PP. 593–598.
9. *Qutieshat E.* The Legal Personality of Conjoined Twins // "European Journal of Business and Management". Vol. 9, № 5, 2017. PP. 88–95.
10. *Re A (Children)* (Conjoined Twins: Surgical Separation) [2000] 4 All ER 961.
11. https://am.sputniknews.ru/20171104/siamskie-bliznecy-i-skhvatka-so-smertyu-budni-detskoj-reanimacii-v-erevane-9324030.html
12. *State of Queensland v. Nolan & Anor* [2002] 1 Qd R 454.
13. *Вдовина Г.В.* Бог, ангелы и сиамские близнецы: теологические и антропологические приложения постсредневековой схоластической психологии // «История философии». Т. 23, № 1, 2018. СС. 29–41.
14. *Корнелюк О.В., Лифанова М.В.* Особенности привлечения к уголовной ответственности сиамских (соединенных) близнецов: медицинский аспект, исторический опыт и современные реалии // «Аграрное и земельное право», № 6 (222), 2023. СС. 177–179.
15. *Криворучко Я.А.* Некоторые аспекты нетрадиционной правосубъектности. Сиамские близнецы // «Актуальные научные исследования в современном мире», № 7 (63), ч. 6, 2020. СС. 81–86.
16. *Малеина М.Н.* Правовой статус сиамских близнецов // "Lex russica". Т. 79, № 1, 2026. СС. 53–64.
17. *Мусатова Е.В., Колобов А.В.* Сиамские близнецы – история и сегодняшний день // «Медицина. XXI век», № 3, 2008. СС. 36–45.
18. *Синюгина А.И., Пюрвеев С.С.* Сиамские близнецы // Материалы всероссийского научного форума студентов с международным участием «Студенческая наука–2019». Т. 2. С. 374.
19. *Тушева А.И.* Уголовная ответственность сиамских близнецов: российский и зарубежный опыт // Правовая система и вызовы современности: сборник материалов XVIII Международной научной конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. Ч. 2. СС. 248–252.
20. *Худолей К.М., Худолей Д.М.* Правосубъектность сиамских близнецов: история и современность // «Вестник Пермского университета. Юридические науки». Вып. 45, 2019. СС. 442–466.

ПРАВОВОЙ СТАТУС СИАМСКИХ (СЛИВШИХСЯ) БЛИЗНЕЦОВ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

Г.А. Абгарян
Французский университет в Армении

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается правовой статус сиамских (слившихся) близнецов с точки зрения публичного права, в частности – представлены проблемы правосубъектности сиамских близнецов, исторический опыт их разрешения, анализируются особенности реализации их конституционных прав, проблемы привлечения к уголовной и административной ответственности, особое внимание уделяется правовым и этическим дилеммам, связанным с операциями по разделению сиамских близнецов. Опираясь на изучение международного опыта, судебных прецедентов и научных источников, исследователь ставит вопрос о необходимости уточнения правового статуса сиамских близнецов и гибкого толкования правовых норм.

Ключевые слова: сиамские (слившиеся) близнецы, правосубъектность, конституционные права, уголовная ответственность, коллизия прав.

THE LEGAL STATUS OF SIAMESE (CONJOINED) TWINS IN PUBLIC LAW

G. Abgaryan
French University of Armenia

ABSTRACT

The article examines the legal status of Siamese (conjoined) twins from the perspective of public law, in particular: it presents the issues of the legal personality of Siamese twins, the historical experience of their resolution, analyses the peculiarities of the exercise of their constitutional rights, the problems of criminal and administrative liability, and pays special attention to the legal and ethical dilemmas associated with separation surgeries of Siamese twins. Based on the study of international experience, judicial precedents and scientific sources, the researcher raises the issue of the need to clarify the legal status of Siamese twins and to interpret legal norms flexibly.

Keywords: Siamese (conjoined) twins, legal personality, constitutional rights, criminal liability, conflict of rights.

ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ԵՎ ԿՐՈՆԻ ՓՈԽՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ՆՈՐ ԱՇԽԱՐՀԱԿԱՐԳԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Տ.Գ. Դավթյան[1], Հ.Ա. Մուրադյան[2]

[1,2] Շիրակի պետական համալսարան
tigrandavtyan999@gmail.com, muradyanadvocat@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում անդրադարձ է կ0ատարվում իրավունքի և կրոնի փոխազդեցությանը, դրանց համակեցության հնարավորությանը նոր աշխարհակարգի համատեքստում: Հետազոտության իրականացման համար հիմք են հանդիսացել հիմնականում ռուսական գիտական շրջանակներում կատարված ուսումնասիրությունները (Զաքիև, Ուսենկով):

Հիմնաբառեր՝ կրոն, իրավունք, նոր աշխարհակարգ, իրավական և հոգևոր կրթություն, բարոյական կատարելագործում:

Ներածություն

Թեմայի արդիականությունը պայմանավորվում է ժամանակակից աշխարհաքաղաքական իրողությունների համատեքստում ազգային, հոգևոր-կրոնական արժեքների և կառույցների դերի նվազեցման և դրանց գործունեության սահմանափակման հանգամանքով, որի ազդեցությունը տարածվում է նաև իրավական համակարգում:

Հետազոտության նպատակն է բացահայտել իրավունքի և կրոնի փոխհարաբերության հնարավորությունը նոր աշխարհակարգի պայմաններում:

Առաջադրված խնդիրներն են՝ 1) վերլուծել իրավունքի և կրոնի միջև փոխհարաբերությունների պատմական էվոլյուցիան, 2) պարզել իրավունքի կրոնական բնույթը, 3) բացահայտել իրավունքըև կրոնը որպես մարդու բարոյական կատարելագործման գործոն, 4) վերլուծել իրավունքի և կրոնի փոխազդեցության առանձնահատկությունները նոր աշխարհակարգի համատեքստում:

Առաջադրված խնդիրները լուծելու համար կիրառվել են վերլուծության, համեմատության, համադրման և հակադրման գիտական մեթոդները:

Ուսումնասիրելով թեման կարելի է հանգել հետևյալ եզրահանգումներին.

1. Կրոնական նորմերը ապահովում են հասարակության բարոյականությունը, ինչն ազդում է հասարակության մեջ մարդկային վարքագծի վրա և հանգեցնում իրավական նորմերի լավագույնս պահպանմանը:

2. Քրիստոնյա երկրներում և հասարակարգերում (ինչպես օրինակ՝ ՀՀ-ում) նոր աշխարհակարգի ձևավորման և հաստատման համատեքստում կրոնի և իրավունքի փոխլրացնող և արդյունավետ համագործակցության, ինչպես նաևազգային անվտանգության, ազգային և հոգևոր արժեքների պահպանման, պետական և հասարակական կյանքի լիարժեք կազմակերպման համար անհրաժեշտ և արդիական է դառնում իրավական և հոգևոր կրթության դերը, որով էլ պայմանավորված՝ Արարչաստեղծ և Արարչակենտրոն աշխարհակարգի հիմունքների իմացությունը և կիրառումը:

Նյութեր և մեթոդներ

Իրավունքի և կրոնի միջև փոխհարաբերությունների պատմական էվոլյուցիան: Իրավունքի և կրոնի միջև փոխհարաբերությունները միջառարկայական թեմա են, որոնք գրավում են իրավաբանների, կրոնագետների, սոցիոլոգների, մշակութաբանների և քաղաքագետների ուշադրությունը:

Իրավունքը և կրոնն ունեն բարդ և խորը փոխհարաբերություններ, քանի որ իրավական շատ նորմեր արմատավորված են կրոնական և բարոյական սկզբունքներում (գողության, զրպարտության, սպանության արգելքներ և այլն) [4]:

Իրավունքի և կրոնի միջև փոխհարաբերությունները հասարակության զարգացման հիմնարար հարց են. պատմականորեն դրանք հետապնդել են հասարակության մեջ մարդու կատարելագործման նպատակը՝ երբեմն գործելով լիակատար ներդաշնակության մեջ, երբեմն՝ հակամարտության՝ օգտագործելով տարբեր մեթոդներ և գործիքներ [4, 5]:

Տարբեր պատմական ժամանակաշրջաններում կարելի է նկատել իրավական և կրոնական նորմերի միջև որոշակի նմանություններ: Ինչպես օրենքները, այնպես էլ կրոնը և տարբեր պաշտամունքները կապված էին տվյալ պետության քաղաքական կառուցվածքի հետ: Էական գործոն է եղել կրոնական հաստատությունների ազդեցությունն ու հեղինակությունը տվյալ պատմական հանգրվանում, ինչպես նաև դրանց դերը որպես իշխող էլիտայի աջակցության աղբյուր: Սա որոշել է կրոնի նկատմամբ պետական քաղաքականությունը և դրա հարաբերությունները իրավունքի հետ [3, 5]:

Աշխարհում ամեն ինչ փոխկապակցված է, և ժամանակակից հասարակությունում կրոնն ու իրավունքը ևս ակտիվորեն փոխազդում են: Իրավունքի և կրոնի միջև հակադրությունը խորապես սխալ է թվում: Մարդու՝ որպես անհատի, հիմնական իրավունքներից մեկը խղճի ազատությունն է, այսինքն՝ աշխարհայացքի ազատությունը՝ որպես անձի ինքնորոշման իրավունք: Օրենքները գոյություն ունեն՝ ապահովելու համար, որ ինքնորոշված անհատները չխանգարեն միմյանց, և հենց սա է նրանց հիմնական նպատակը: Մասնավորապես, օրենքը ստեղծում է երաշխիքների անփոփոխ համակարգ, որպեսզի յուրաքանչյուր քաղաքացի և սոցիալական խումբ կամավոր կերպով դավանի իր ընտրած կրոնական կամ աթեիստական հայացքների և արժեքների համակարգը՝ առանց որևէ արտաքին թելադրանքի [4]:

Իրավունքն ու կրոնը պետք է ուսումնասիրվեն միասին և յուրաքանչյուրը առանձին: Այս երկու հասկացությունները պետք է լրացնեն միմյանց և այդպիսով ապահովեն դրանց առավել համապատասխան կիրառումը: Իրավունքի և կրոնի միջև փոխհարաբերությունը, սովորաբար դիտարկվում է երկու հիմնական մոտեցումների համատեքստում՝ 1) իրավունքը և կրոնը գործում են որպես անկախ կարգավորող և պաշտպանիչ համակարգեր, 2) կրոնը ներկայացնում է իրավունքի հիմքը և հիմնարար արժեքը [4, 6]:

Զարգացման վաղ փուլերում իրավական նորմերը չէին առանձնացվում կրոնական նորմերից և սերտորեն կապված էին դրանց հետ, քանի որ ամենահին իրավական նորմերը նույնպես կրոնական օրենքներ էին: Իրավական նորմերի առանձնացումը կրոնական նորմերից տեղի ունեցավ, երբ տարբերակում դրվեց «հանցագործության» և «մեղքի» միջև: Այս տարբերակումը զարգացավ ավելի ուշ՝ հռոմեական իրավունքում [3]:

Իրավունքի և կրոնի միջև սերտ կապը բնորոշ է աշխարհի գրեթե բոլոր իրավական համակարգերին: Չկա հին գրավոր իրավունքի որևէ համակարգ, որը չներառեր կրոնական պատվիրաններ և ծիսական կանոններ [3]:

Ավանդական իրավական համակարգերը (հինդուիստական, մուսուլմանական) օրգանապես ներծծված են կրոնական սկզբունքներով:

Այժմ արևմտյան մի շարք երկրների իրավական համակարգերը գնալով ավելի են հեռանում կրոնական սկզբունքներից, դրանք երբեմն հակասության մեջ են, և որոշ իրավական նորմեր բարոյական աջակցություն չեն գտնում կրոնի մեջ [3]:

Էթիկական նորմերը կոդիֆիկացնելու ցանկությունը արտացոլում է մոռացության եզրին գտնվող ժամանակակից աշխարհի կարևոր բնութագիրը՝ խմբային համերաշխության և էթնիկ պատկանելության, կրոնի,

ընդհանուր արժեքային համակարգի և գեղագիտական հայացքների վրա հիմնված հարաբերությունների որոնումը [2]:

Արագ փոփոխվող աշխարհում սեփական արժեքները բնութագրող և «սեփական»-ի ու «օտար»-ի միջև տարբերակվող և թույլատրելի սահմանները ոչ միայն պահպանում են սեփական դիրքերը, այլև վճռորոշ ազդեցություն են ունենում պետական քաղաքականության, միջպետական բլոկների և դաշինքների ձևավորման, ինչպես նաև տեղական և գլոբալ հակամարտությունների կառավարման վրա: Խնդիրը ավելի է սրվում այն փաստով, որ կրոնի, արժեքների և պատմության մեկնաբանության հարցերը դառնում են մանիպուլյացիաների առարկա՝ տարբեր ապակառուցողական ուժերի կողմից գլոբալ անկայունությունը սրելու, մշակույթները բաժանելու, ազգերին, ինչպես նաև համաշխարհային կրոնների հետևորդներին միմյանց նկատմամբ հրահրելու փորձերը լայնորեն օգտագործվում են «բաժանիր և տիրիր» քաղաքականության իրականացման գործում [2]:

Մի շարք տեսաբանների կարծիքով, պետության, իրավունքի և կրոնի միջև փոխհարաբերությունների ժամանակակից հասկացությունները ենթարկվում են մեկ գաղափարի՝ հետսեկուլյար հասարակության գաղափարին: Ժամանակակից աշխարհը ենթադրում է կրոն-պետություն հարաբերությունների տարբեր և հակադիր համակարգերի միջև դիալեկտիկական պայքար [2]:

Արևմտյան աշխարհում նոր, հետսեկուլյար հասարակության ի հայտ գալու գաղափարը պաշտպանող տեսաբանների շրջանում այս երևույթի ըմբռնման, դրա գործունեության և զարգացման հեռանկարների վերաբերյալ կոնսենսուս չկա [2]:

Ակադեմիական գրականությունը լայնորեն տարբեր մոտեցումներ է առաջարկում հանրային և հոգևոր իշխանությունների փոխազդեցության վերաբերյալ: Որոշ հեղինակներ իրավացիորեն պնդում են, որ առանց ավանդական կրոնների աջակցության հանրային իշխանությունները չեն կարող բավարար կերպով ապահովել ազգային անվտանգությունը: Նույնքան տարածված կարծիք է, որ պետությունն անկարող է, և, հետևաբար, չպետք է իր ազդեցությունը գործադրի հոգևոր կրթության և տարբեր կրոնական ավանդույթների պահպանման վրա: Մյուս կողմից, որոշ երկրների պատմականորեն բազմադավանական և բազմազգ բնույթը հանգեցրել է նրան, որ կրոնը դարձել է արմատականության, աղանդավորության և ծայրահեղականության պոտենցիալ թիրախ, ինչն իր հերթին, լուրջ սպառնալիք է ներկայացնումազգային անվտանգության համար [2]:

Բազմադավան միջավայրում կրոնական հակամարտությունները հաճախ դառնում են հեղափոխական փոփոխությունների խթան: Ազգային անվտանգությունը անմիջականորեն կախված է հոգևոր-կրոնական արժեքների՝ թե՛ գերիշխող, թե՛ տեղական, յուրահատկության և բազմազանության պահպանությունից: Հետևաբար, դրա փոխազդեցությունը կրոնական ոլորտում հասարակական հարաբերությունների հետ որոշվում է գործնական անհրաժեշտությամբ [2]:

Իրավունքի կրոնական բնույթը: Եթե դիտարկենք իրավունքը[1] բառարանային սահմանմամբ՝ այն դիտարկելով միայն որպես քաղաքական իշխանության կողմից սահմանված կառուցվածք կամ կանոնների ամբողջություն, և նմանապես, եթե կրոնը[2] դիտարկենք որպես պարզապես գերբնականի հետ կապված համոզմունքների և ծեսերի համակարգ, ապա իրավունքն ու կրոնըմիայն հեռավոր կապ կունենան: Սակայն օրենքը միայն կանոնների ամբողջություն չէ. այն իրավունքների և պարտականությունների բաշխման, և հակամարտությունների լուծման կենդանի գործիք է՝ համագործակցության և փոխըմբռնման հասնելու նպատակով: Եվ եթե հոգևոր սկզբունքը, այդ թվում՝ անհատի ներսում, ավելի կարևոր է, ապա անձի՝ որպես իրավունքի սուբյեկտի նյութական բնութագրերը մղվում են երկրորդ պլան, և մարդկային արժանապատվությունը (Աստծո պատկերն ու նմանությունը), որը չի կարող նյութապես չափվել, կենտրոնական տեղ է գրավում: Հենց այս մոտեցմամբ է առաջանում բոլոր մարդկանց իրավական հավասարության գաղափարը: Դա հնարավոր է, եթե բավարար թվով մարդիկ հավատան բարոյական արժեքների գերակայությանը բիրտ ուժի նկատմամբ և հավատան տարրական արդարադատության հնարավորությանը: Եթե բիրտ ուժը հաղթանակ է տանում ինքնուրույն՝ անմիջականորեն և «բնականաբար», ապա բարոյական արժեքները կարող են գերակշռել միայն բարոյական արժեքների համապատասխան համակարգի դեպքում, որը մասամբ պաշտպանված է օրենքով: Նման

[1] 1) Արդար սեփականություն, օրինավորված պահանջ, կարողություն, 2) արդարություն, օրենք, 3) իշխանություն, 4) իրավասություն, 5) հանգամանք, 6) պահանջ, տե՛ս http: //www.nayiri.com/search?dt=HY_HY&r=0&l=hy_LB&query=%D5%AB%D6%80%D5%A1%D6%82%D5%B8%D6%82%D5%B6%D6%84(15.03.2026):

[2] 1) Դավանանք, պաշտամունք, գերբնական էակի հանդեպ հավատալիքների ամբողջություն, 2) կարգ, կանոն, 3) վարք, կենցաղավարություն, 4) ծես, արարողություն, 5) աստվածպաշտության կարգ, 6) մարդու հավատը դէպի Աստուած, և այն ծեսը, որով արտահայտվել է այդ հավատը զանազան ազգերի մոտ, 7) որևէ կրոնի դավանանքը, կրոնի վարդապետություն, 8) դեն, աղանդ, 9) փիլիսոփայական յկզբունք, վարդապետություն, 10) միանձնական կրոնավորական կյանք, տե՛ս http://www.nayiri.com/search?dt=HY_HY&query=%D5%AF%D6%80%D6%85%D5%B6&l=hy_LB(15.03.2026):

համակարգի հիմքում ընկած է մարդկային անհատի արժանապատվության և նրա իրավունքների նկատմամբ հարգանքը,որով էլ ցուցաբերվում են կոլեկտիվ հետաքրքրություն կյանքի բարձրագույն իմաստի և նպատակի հանդեպ: Եթե իրավունքը օգնում է հասարակությանը ստեղծել ներքին միասնությունը պահպանելու համար անհրաժեշտ կառուցվածք և պայքարում է անարխիայի դեմ, ապա կրոնը օգնում է հասարակությանը ձեռք բերել այն հավատը, որն անհրաժեշտ է ապագային նայելու համար. կրոնը պայքարում է անկման դեմ [5]:

Իրավունքը՝ կայունության նկատմամբ իր կողմնորոշմամբ, որոշակիորեն հեռանում է ապագայից և ավելի շատ կենտրոնանում ներկային, մինչդեռ կրոնը՝ սրբության իր զգացումով, հնարավորություն է ընձեռում չսահմանափակվել միայն ներկայով և գոյություն ունեցող բոլոր կաղապարներով [5]:

Նույնիսկ այն հասարակություններում, որտեղ կա էական տարբերություն օրենքի և կրոնի միջև, դրանք միմյանց կարիքն ունեն. օրենքը կրոնին տալիս է սոցիալական չափում, իսկ կրոնը հոգեղենացնում է օրենքը՝ այդպիսով ներշնչելով դրա նկատմամբ հարգանք: Երբ կրոնն ու օրենքը միմյանցից առանձնացված են, վերջինս հակված է վերածվել «օրինականության», իսկ կրոնը՝ «կրոնականության»:

Սոցիալական մարդաբանության ոլորտում հետազոտությունները ցույց են տալիս, որ բոլոր մշակույթներում օրենքն ու կրոնն ունեն չորս ընդհանուր տարր՝ ծես, ավանդույթ, հեղինակություն և համընդհանրություն: Եթե օրենքը ընկալենք որպես ակտիվ մարդկային գործունեության կենդանի գործընթաց, կարող ենք տեսնել, որ այն,ինչպես կրոնը, ներառում է ամբողջ մարդուն, ներառյալ նրա երազանքները, զգացմունքները և բարձրագույն շահերը: Այս չորս տարրերը առկա են աշխարհի բոլոր իրավական համակարգերում և բոլոր կրոններում:Ե՛վ իրավունքում, և՛ կրոնում նման դրսևորումը անհրաժեշտ է, որպեսզի ճանաչվի դրանց օգտակարությունը հասարակության համար, բայց ամենակարևորը՝ դրանց մեջ սերմանվի հուզական հավատ՝ որպես կյանքի բարձրագույն իմաստի, առանց որի դրանք գոյություն և իմաստ չունեն [5]:

Օրենքին հավատարմության կամ նվիրվածության մասին խոսելը չպետք է լինի չափազանցություն, այն ըստ էության, պետք է լինի նույն արձագանքը սրբազան արժեքներին, որը բնութագրում է կրոնական հավատքը [5]:

Ինչպես կրոնը, իրավունքը նույնպես առաջանում և գործում է հաղթանակի և արդարության մթնոլորտում և կորցնում է իր ուժը, երբ դրանք անհետանում են: Ինչպես կրոնը, իրավունքը նույնպես հատուկ շեշտադրում է կատարում իշխանության վրա [5]:

Օրենքը չի կարող կամայական լինել, բայց այն նաև հավերժական բան չէ, այլ պետք է փոփոխվի՝ հիմնվելով նախկինում եղածի և ժամանակակից իրողությունների վրա:Միևնույն ժամանակ, իրավունքը, ինչպես կրոնը, սպառնում է ոչ միայն ծեսի կամ ավանդույթի, այլև իշխանության չարաշահման վտանգով: Այս վտանգը բխում է այն փաստից, որ բարձրագույն արժեքներին նվիրվածություն արտահայտող խորհրդանիշները կարող են իրենք դառնալ երկրպագության առարկաներ, «իրենց մեջ իրեր», այլ ոչ թե «ներքին և անտեսանելի շնորհի արտաքին և տեսանելի նշաններ»: Կրոնական ոլորտում սովորաբար սա անվանում են կախարդանք և կռապաշտություն, մինչդեռ իրավաբանության մեջ՝ ընթացակարգային ֆորմալիզմ[5]:

Իրավական ոլորտում բարոյականության նկատմամբ զուտ մտավոր մոտեցումը անխուսափելիորեն հանգեցնում է առաքինությունների նկատմամբ դրական վերաբերմունքի և ըմբռնման քայքայմանը, քանի որմիտքը բավարարվում է, բայց զգացմունքները, առանց որոնց վճռական գործողությունները անհնար են, մղվում են երկրորդ պլան: Հետևաբար, անհրաժեշտություն է առաջանում, որ ոչ միայն ճանաչվեն մտքի կողմից հռչակված իրավական արժեքները, այլև լինի իրական համաձայնություն դրանց հետ: Եվ շատ հաճախ իրավական իդեալներին և սկզբունքներին համընդհանրություն հաղորդելու համար է, որ մարդիկ դիմում են կրոնական զգացմունքներին և հավատքի ջանքերին: Մարդիկ պետք է հավատան, որ օրենքը խոչընդոտ չէ իրենց նպատակներին հասնելու համար, այլ խթան՝ պատվով կատարելու իրենց բարոյական պարտականությունը: Սա մեծ պատասխանատվություն է դնում հատկապես իշխանության մեջ գտնվող անձանց վրա, ովքեր պարտավոր են օրինակ ծառայել մյուսներին օրինապահության համար: Իրավական ակտերը պետք է արձագանքեն քաղաքացիների կարիքներին և չհակասեն արդարադատությանու առողջ բանականությանը: Եվ իհարկե, կարևոր է, որ արդարության սկզբունքին հետևելը, ինչպես նաև կյանքի լիարժեքությունը, հոգևոր իմաստ ու բովանդակություն ունենա: Եվ հենց այս սկզբունքն է, որ հանրային գիտակցությունը պետք է տեսնի իրավունքի մեջ [5]:

Կրոնական հիմքերի ոչնչացումը օգուտ չի բերում իրավունքին և իրավական համակարգին, քանի որ, օրենքն ու կրոնը կոչված են ամրապնդե-

լու և հաստատելու բարոյական արժեքները, որն է և նրանց փոխազդեցության արմատը։Կրոնը ապահովում է խիստ տարբերակված արժեքների համակարգ և փոխում է մարդու աշխարհայացքը։ Իրավական գիտակցության բավարար մակարդակ ունեցող անձը կարող է հետևել օրենքներին՝ իր շահերից ելնելով, վստահ լինելով, որ կխուսափի պատժից, իսկ կրոնական անձը դա այլ կերպ է դիտարկում. օրենքները, պատվիրանները և բարոյական սկզբունքները խախտելով՝ նա վնասում է իր հոգուն և զրկում իրեն հոգևոր շնորհից [4, 5]։

Իրավունքը և կրոնը մարդու բարոյական կատարելագործման գործում: Քաղաքակրթության կրոնական և փիլիսոփայական հիմքերը ազդում են իրավական սկզբունքների, սոցիալական նորմերի և մշակույթի վրա։ Ժամանակակից հասարակությունում կրոնական նորմերը նախատեսված են ծառայելու որպես մարդկանց կյանքի բարոյական հիմք՝ կոչ անելով հանդուրժողականության և կարեկցանքի։

Հոգևոր և բարոյական նորմերի ներառումը կրթության և օրենսդրության մեջ: Կրոնը, որպես կենսական նորմատիվ և էթիկական համակարգ, անսպառ աղբյուր է իրավունքի զարգացման համար։ Բայց միշտ չէ, որ որևէ կրոնական համայնքին պատկանող անձինք միշտ գիտեն և հասկանում են տվյալ կրոնի հիմնական դրույթները և պարբերաբար կարդում ու ճիշտ մեկնաբանում են դրանք։

Ժամանակակից մարտահրավերները ընդգծում են ինչպես մասնագիտացված հոգևոր կրթության դերը, այնպես էլ հանրային կրթության կարևորությունը։ Հատուկ ուշադրության է արժանի իրավական վարքագծի և կրոնական համոզմունքների փոխհարաբերության շուրջ բանավեճը։ Արդյո՞ք կրոնական գիտակցության բարձր մակարդակը ենթադրում է տվյալ հասարակությունում իրավական պահանջների բարձր մակարդակ, և կարո՞ղ է արդյոք ակնկալվել իրավական նորմերի պահպանման բարձր պատասխանատվություն։ Եթե այո, ապա պետական ապարատը պետք է հատուկ ուշադրություն դարձնի բնակչության հոգևոր կրթությանը և շեշտը դնի դրա վրա պետական քաղաքականության հիմքերը մշակելիս [5]։

Առանձին համատեքստում կարելի է նաև դիտարկել պետա-խոստովանական հարաբերությունները, որը համատեղ աշխատանքի և պատասխանատվության արդյունք է, ինչի շնորհիվ բժշկական հաստատություններում, զորամասերում և քրեակատարողական հիմնարկներում գտնվող անձանց հոգևոր կարիքների բավարարման նպատակով հոգևորականն իրավունք ունի կրոնական ծեսեր ու արարողություններ անցկացնել՝ մուտքի իրավունք ունենալով տվյալ կառույցներ [5]։

Ընտանեկան հարաբերությունների կարգավորման ոլորտում օրենսդրության արժեքահեն մոտեցման անհրաժեշտությունը:

Համաշխարհային գիտության մեջ արժեքների հետազոտությունները ցույց են տալիս, որ արևմտյան լրատվամիջոցներում քաղաքականապես մոտիվացված պնդումներին հակառակ, ընտանիքի և ազգային ինքնության վերաբերյալ արժեքային նորմերի կայունությունը դեռևս պահպանվում է, որը արդիականացնում է ինքնաճանաչման և ինքնության հարցերի կարևորությունը, որոնք անհնար է պատկերացնել առանց սեփական ժողովրդի, երկրի, պատմության և մշակույթի հետ կապի: Ավանդական կրոնական նորմերը հիմք են հանդիսանում օրենքների (էվթանազիա և վերարտադրողական տեխնոլոգիաներ) գործնական մեկնաբանման և կիրառման համար [5]:

Կրոնի և օրենքի փոխազդեցությունը սահմանող բազմաթիվ հարցերի շարքում ընտանիքի, մայրության և երեխաների մանկությանը վերաբերող խնդիրների կարգավորումը գլխավորն է, և ոչ պատահական: Նորմերը, արժեքները և վարքագծի ձևերը սովորում են սոցիալականացման միջոցով, և այս գործընթացը սկսվում է ընտանիքի ներսում: Այն համատեքստում, երբ ավանդական ընտանիքը որպես ինստիտուտ շատ երկրներում հսկայական ճնշման է ենթարկվում, դեֆորմացվում և քայքայվում, հանրային քննարկումների և իրավաբանորեն անթերի ձևակերպված օրենսդրական որոշումների կարևորությունը այնպիսի հարցերի վերաբերյալ, ինչպիսիք են ծնողական անձեռնմխելիության կանխավարկածը, ընտանիքի իրավական կարողությունը և անհատների իրավունքները պտղի զարգացման ընթացքում, շատ երկրների համար առաջնային նշանակություն ունեն [5]:

Թվայնացման բարոյական սահմանները:

Ընդգծելով հասարակական կյանքի կրոնական և իրավական կարգավորման խորը, պատմականորեն պայմանավորված փոխկապակցվածությունը, պետք է նշել, որ թվային հաղորդակցության ակտիվացումը և թվային հասարակության ի հայտ գալը բազմաթիվ վիճելի հարցեր են առաջացրել, որոնք պահանջում են առավելագույն ուշադրություն [5]:

Չնայած հասարակությունների հիմնարար վերաբերմունքի վերաբերյալ լավատեսական եզրակացություններին, տեղեկատվական տեխնոլոգիաների զարգացման վտանգավոր և ժամանակակից միտումներից մեկը ագրեսիվ և միջնորդավորված տեղեկատվական տարածքի ձևավո-

րումն է՝ ստեղծելով անհատներ, որոնք ունեն մշուշոտ սոցիալական և քաղաքական ինքնություն՝ թե՛ իրական կյանքում, թե՛ վիրտուալ իրականությունում: Նման անհատները հեշտությամբ դառնում են մանիպուլյատիվ և զեղծարար տեխնոլոգիաների զոհ, որոնք հաճախ ստանում են ծայրահեղական երանգներ:

Թվային գործիքների ներդրումը ստեղծում է քաղաքացիների խոցելիության խնդիրներ կիբերհանցագործությունների նկատմամբ և կառավարական հաստատությունների կողմից քաղաքացիական հիմնարար իրավունքների և ազատությունների խախտումներին արձագանքման ուշացումներ: Թվային տեխնոլոգիաների զարգացումը նաև հնարավորություններ է բացում խաղամոլության, թմրամոլության և այլ արատավոր երևույթների արագ տարածման համար: Ավելին, ինտերնետային հաղորդակցությունների, էլեկտրոնային բիզնեսի և կրթության իրավական կարգավորման ոլորտում նշանակալի աշխատանքը չի կարող փոխհատուցել արժեքային համակարգերի բացակայությունը [5]:

Իրավունքի և կրոնի փոխազդեցության առանձնահատկությունները նոր աշխարհակարգի պայմաններում: Թեև ճիշտ է, այն պնդումը, որ կրոնը համաշխարհային կարգի աղբյուր է, սակայն ժամանակակից աշխարհում այն նաև գլոբալ հակամարտության աղբյուր է, ինչպես իրավունքը: Այնուամենայնիվ, իրավունքն ու կրոնը կարևոր դեր ունեն ժամանակակից իրողությունների համատեքստում՝ ստեղծելով իրավունքների և պարտականությունների բաշխման գործընթաց, արժեքների ընդհանուր տեսլական և դրանց նկատմամբ նվիրվածություն ու հավատ: Համաշխարհային հասարակությունը բաղկացած է բազմազան համայնքներից և շահերից, որոնք հաճախ թշնամաբար են տրամադրված միմյանց նկատմամբ: Ժամանակակից աշխարհում հակասություն կա իրավական և բարոյական/կրոնական նորմերի միջև: Այս հակասությունները տարաձայնություններ են առաջացնում արևելյան և արևմտյան մշակույթների միջև, ինչի մասին վկայում են ազգային և կրոնական երանգներ ունեցող զինված հակամարտությունները [4]:

Եվ այստեղ իրավունքն ու կրոնը՝ թե՛ առանձին, թե՛ միասին, կենսական դեր են խաղում: Եվ սա չի պահանջում գոյություն ունեցող իրավական համակարգերի համադրում կամ համընդհանուր կրոնի ստեղծում: Աշխարհը կա և պետք է մնա բազմազան՝ ռասաների, ազգերի, հավատքների և սոցիալական համակարգերի զանազանությամբ: Այնուամենայնիվ, որոշակի հարցերի շուրջ այն պետք է լինի նաև միասնական: Ի վերջո, համաշխարհայնացման պայմաններում շատ կարևոր է պահպանել կրոնական և մշակութային ինքնությունը [4]:

Կրոնի և իրավունքի դերակատրման վերլուծությունը օգնում է հասկանալ, թե ինչպես կարող են ժամանակի ընթացքում կարգավորվել և լուծվել նոր աշխարհակարգի բաղադրիչ տարրերի միջև առկա հակամարտությունները, ինչն իրենից ներկայացնում է իրավունքի գործառույթը, և հիմնարար հայացքների շարունակական փորձառության, վերջնական նպատակի և իմաստի, իսկ ժամանակի ընթացքում՝ պատմության վերջնական նպատակի և իմաստի փնտրտուքները, ինչն էլ իրենից ներկայացնում է կրոնի գործառույթը [4]:

Իրավունքի և կրոնիժամանակակից փոխազդեցությունից բխող որոշ խնդիրներ: Պատմության ընթացքում կրոնի և իրավունքի փոխազդեցությունից բխող խնդիրները բազմաթիվ են եղել և հաճախ գլոբալ բնույթի:

Երբեմն լինում են դեպքեր, երբ անհատ քաղաքացիները խուսափում են օրենքներից և այլ կերպ կատարում իրենց քաղաքացիական պարտականությունները: Նման գործողությունները հիմնված են կրոնական տեքստերի իրենց կողմից յուրահատուկ մեկնաբանման վրա: Սա որոշ հավատքի հետևորդների դրդում է հրաժարվել իրենց կամ իրենց երեխաների համար պատշաճ կրթությունից և բժշկական օգնությունից: Օրինակ՝ «Եհովայի վկաներ»-ի (որը որոշ երկրներում, օրինակ՝ ՌԴ-ում, ճանաչվում է որպես ծայրահեղական) անդամների բազմաթիվ դեպքեր, որոնք հրաժարվել են արյան փոխներարկումից, նույնիսկ երբ նրանց կյանքը այդ պահին վտանգի տակ էր: Նման խնդիրները լուծելու համար անհրաժեշտ է օրենսդրորեն ամրագրել, որ կյանքին սպառնացող դեպքերում վերջնական որոշումը պետք է կայացնի բժիշկը, և ծնողները չպետք է հրաժարվեն առաջարկվող բուժումից, եթե դա կանխում է ամենաանբարենպաստ հետևանքները, այդ թվում՝ իրենց երեխայի մահը [1, էջ 269]:

Դատական և իրավապահ պրակտիկայում հաճախ հանդիպող մեկ այլ խնդիր է կրոնական համայնքի անդամ քաղաքացիների բողոքները իրենց անհատական հարկ վճարողի հաշվառման համարների և նույնականացման քարտերի տրամադրման վերաբերյալ, որոնք, նրանց կարծիքով, թաքցնում են «գազանի թիվը»: Նմանատիպ փաստարկները արդիական են դարձել նաև էլեկտրոնային աշխատանքային գրքույկների ներդրման, ինչպես նաև վճարումների թվայնացման հետ կապված: Այս տեսակի խնդիրը լուծելու համար, օրենսդրության ուսումնասիրությունից բացի, անհրաժեշտ պայման է հաշվի առնել հոգևոր-կրոնական կառույցների և գործիչների կարծիքը [1, էջ 270]:

Մեկ այլ, և բավականին տարածված խնդիր է կրոնի և դպրոցի փոխազդեցությունը: Դպրոցականների և ուսանողների մոտ կրոնների և ժողո-

վուրդների մասին տարրական գիտելիքների պակասը, լրատվամիջոցների կողմից պարտադրված կարծրատիպերը և կրոնական տարբերությունների խնդրի թերագնահատումը կարող են հանգեցնել նրան, որ երիտասարդները հեշտությամբ դառնան ծայրահեղական մտածողությամբ անհատների կամ նման մտածելակերպ ունեցողների զոհ: Այս խնդրի լուծումը, որոշ մասնագետների կարծիքով, դպրոցներում կրոնական առարկաներ դասավանդելն է՝ պահպանելով պետական կրթական չափորոշիչները: Որով անհրաժեշտ է երիտասարդ սերնդին բացատրել սեփական և համաշխարհային կրոնների առանձնահատկությունները և խթանել հանդուրժողական աշխարհայացք [1, էջ 270]:

Կրոնական բնույթի ամենավտանգավոր դրսևորումը կրոնական ծայրահեղականությունն է, որի ազդեցությունն այժմ նկատելի է աշխարհում: Այն սպառնալիք է ներկայացնում նաև առանձին երկրների ազգային անվտանգության (զինվորական ծառայությունից խուսափում և այլն)համար [1, էջ 271]:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Закиев Д.Р.* Проблемы взаимодействия права и религии / Д.Р. Закиев. [Текст]: непосредственный // «Молодой ученый», № 18 (413), 2022. СС. 269–271. URL: https://moluch.ru/archive/413/91022 (09.03.2026).
2. *Усенков И.А.* Основные концепции соотношения государства, права и религии в современном мире и их практическая реализация // Научно-методический эл. журнал «Концепт», № 11 (ноябрь), 2017. 0,4 п. л.-иН1: http://e-koncept. т/2017/173017.htm (10.03.2026).
3. Право и религия, https://student-servis.ru/spravochnik/pravo-i-religiya/(12.03.2026).
4. Право и религия: https://works.doklad.ru/view/qnZQ23muc7s.html(14.03.2026).
5. Религия и право в деле нравственного совершенствования человека: конкуренция или сотрудничество? Экспертное заключение подготовлено по итогам сессии ПМЮФ-2025 «Религия и право»: https://roscongress.org/materials/religiya-i-pravo-v-dele-nravstvennogo-sovershenstvovaniya-cheloveka-konkurentsiya-ili-sotrudnichestv/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F(13.03.2026).
6. Соотношение права и религии: https://studfile.net/preview/6208612/page:37/ (15.03.2026).

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВА И РЕЛИГИИ В КОНТЕКСТЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Т.Г. Давтян[1], Г.А. Мурадян[2]

[1,2]Ширакский государственный университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается взаимодействие права и религии, возможность их сосуществования в контексте нового мирового порядка. Основой для проведения исследования послужили

преимущественно исследования, проведенные в российских научных кругах (Закиев, Усенков).
Ключевые слова: религия, право, новый мировой порядок, правовое и духовное образование, нравственное совершенствование.

THE RELATIONSHIP BETWEEN LAW AND RELIGION IN THE CONTEXT OF THE NEW WORLD ORDER

***T. Davtyan*[1], *H. Muradyan*[2]**
[1,2]*Shirak State University*

ABSTRACT

The article deals with the interaction of law and religion, the possibility of their coexistence in the context of the new world order. The study was based primarily on research conducted within Russian academic circles (Zakiev, Usenkov).
Keywords: religion, law, new world order, legal and spiritual education, moral improvement.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КВАНТОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Л.Ю. Мкртчян

Тульский государственный университет
liana.mkrtchyan.0207@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье проведен сравнительный анализ правового регулирования квантовых технологий в России и Армении. Рассмотрены: российская Концепция регулирования квантовых коммуникаций до 2030 года и национальные стандарты, а также армянские законы в сфере связи и защиты данных. Выявлены пробелы в армянском законодательстве: отсутствие стратегии и криптографического закона, в отличие от России, где правовая база уже формируется. На основе опыта РФ, США и ЕС предложены поправки в законе РА «Об электронной связи».

Ключевые слова: квантовые технологии, правовое регулирование, кибербезопасность, “Q-Day”, квантовые коммуникации.

Введение

Квантовые технологии перестали быть просто научной теорией. На сегодняшний день они активно развиваются в трех основных направлениях: квантовые сенсоры, квантовые вычисления и квантовые коммуникации. Каждое из них может дать огромный прорыв в медицине, экономике и связи. Однако вместе с новыми возможностями возникают и серьезные правовые риски. Законодательство часто не успевает за такими быстрыми технологическими изменениями, что может создать проблемы в будущем [10, с. 53].

Цель данной работы – провести сравнительный анализ правового регулирования квантовых технологий в России и Армении, выявить ключевые пробелы в законодательстве и предложить пути его совершенствования с учетом международного опыта.

Основная часть

Главные правовые риски связаны с безопасностью данных. Например, квантовые сенсоры могут получать очень точную медицинскую информацию. Это требует новых правил для защиты таких персональных данных. Но самая большая угроза исходит от квантовых компьютеров. Они при желании способны взломать современные системы шифрования, которые защищают Интернет, банковские операции и государственные тайны: данный момент называют “Q-Day”. Опасно и то, что уже сейчас злоумышленники могут накапли-

вать зашифрованные данные с тем, чтобы расшифровать их позже, когда появятся квантовые компьютеры. Поэтому вопрос безопасности становится актуальным уже сегодня.

Одним из решений данной проблемы являются квантовые коммуникации, а именно: технология квантового распределения ключей [11, с. 87]. Ее принцип основан на законах физики: перехватить ключ, не оставив следов, невозможно. Однако эта технология лишь безопасно передает ключ, но не шифрует данные. Поэтому для полной защиты необходимо сочетать ее с новыми, стойкими к квантовым атакам алгоритмами шифрования.

Ведущие страны мира уже активно работают в этом направлении. Китай, Евросоюз и США развивают свои квантовые сети [13, с. 60]. При этом США через Национальный институт стандартов и технологий выбирают новые стандарты шифрования, которые могут стать общими для всего мира. Это ставит другие страны перед выбором: принять иностранные стандарты или создавать свои, чтобы обеспечить технологическую независимость и цифровой суверенитет.

Россия также строит свою систему правового регулирования, особенно в сфере квантовых коммуникаций. Основой для этого стала «Концепция регулирования отрасли квантовых коммуникаций в Российской Федерации до 2030 года», утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 11 июля 2023г. № 1856-р [2]. Этот документ обязывает государственные органы следовать единой политике в этой области. Цели Концепции – развивать рынок, поддерживать российских производителей и обеспечивать информационную безопасность. При этом для смежных направлений – квантовых вычислений и сенсорики – подобная комплексная стратегия на уровне правительства пока отсутствует. В связи с этим представляется логичным предложить расширить действие упомянутого распоряжения или разработать аналогичный программный документ, охватывающий все ключевые квантовые технологии. Это позволило бы выстроить скоординированную государственную политику, гармонизировать правовые режимы и обеспечить сбалансированное развитие всей отрасли.

Для реализации этих целей принимаются конкретные меры. Деятельность в сфере шифрования регулируется специальными документами, например, приказом ФСБ России, утверждающим Положение о разработке, производстве, реализации и эксплуатации шифровальных средств защиты информации [3]. Для систем, не связанных с государственной тайной, действуют «Временные требования к квантовым криптографическим системам выработки и распределения ключей».

Также были приняты первые национальные стандарты: ПНСТ 832-2023 «Квантовые коммуникации. Термины и определения» [4] и ПНСТ 829-2023 «Квантовые коммуникации. Общие положения» [5], которые устанавливают основные понятия и правила для этой отрасли. Государство поддерживает разработчиков посредством грантов, льгот и аккредитаций в качестве ИТ-компаний. Эта работа ведется в рамках общей «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017г. № 203 [1]. Кроме того, важно совершенствовать законы об ответственности за ущерб, причиненный при использовании этих новых технологий.

На этом фоне особого внимания заслуживает ситуация в Армении. Как отмечает кандидат технических наук А. Мурадян, несмотря на сильную математическую школу и лидирующие позиции сферы ИКТ в экономике (7,4% ВВП), государственная стратегия в области квантовых технологий в стране отсутствует [13]. Основные усилия сосредоточены в исследовательской группе “Gate42”, созданной по инициативе физиков и программистов, которая при ограниченных ресурсах добилась участия в международных проектах и получила грант на разработку библиотек с открытым исходным кодом для квантовых вычислений. Однако патентная активность Армении в квантовой сфере практически отсутствует, а подготовка кадров ведется отдельными энтузиастами без встроенности в государственные образовательные программы. Более того, в Армении до сих пор отсутствует специальный закон о крипографической деятельности, что создает дополнительные препятствия для внедрения квантово-устойчивых алгоритмов. В отличие от России, где система регулирования криптографии исторически строилась на ведомственных актах ФСБ и постепенно адаптировалась к новым вызовам, в Армении эта сфера остается практически неурегулированной [12, с. 212].

При этом в Армении сформирована базовая законодательная основа, которая так или иначе соприкасается с регулированием отношений в сфере квантовых коммуникаций. Закон «Об электронной связи» [7] регулирует передачу сигналов по сетям, включая оптические и электромагнитные средства, что формально охватывает и квантовые каналы, однако разрабатывался задолго до появления таких технологий и не содержит понятий «квантовое распределение ключей», «квантовая

сеть» или требований к сертификации соответствующего оборудования. Закон «О защите личных данных» [9] устанавливает принципы обработки биометрической и иной чувствительной информации, но не учитывает риски ретроспективных атак, когда перехваченные сегодня зашифрованные массивы могут быть расшифрованы после наступления “Q-Day”. Закон «Об электронном документе и электронной подписи» [8] основывается на асимметричных криптографических алгоритмах, уязвимых для квантовых компьютеров, и не предусматривает возможность использования постквантовой криптографии или квантовых ключей. Закон «О свободе информации» [6] закрепляет право доступа к сведениям и ограничения, связанные с тайной, но не содержит механизмов превентивной защиты данных, требующих долговременной конфиденциальности.

Таким образом, при наличии отдельных законодательных норм, которые потенциально могут быть распространены на квантовые технологии, целостная система правового регулирования в Армении отсутствует, а действующие акты не учитывают их специфику, что делает невозможным легальное развертывание квантовых сетей и внедрение квантово-устойчивых решений в государственных информационных системах без комплексной и системной модернизации законодательства.

Такое расхождение в подходах напрямую отражается и на состоянии правового регулирования. Россия уже сегодня формирует юридическую инфраструктуру для квантовых технологий: утверждены концепция и стандарты, определены требования к оборудованию, разрабатываются механизмы ответственности. Это позволяет правовой системе постепенно адаптироваться к новым реалиям. Перед российским правом теперь стоит задача расширить сложившиеся подходы на сферу квантовых вычислений и сенсорики – установить правовой статус «квантовых данных», критерии их допустимости в качестве доказательств, а также требования к сертификации и лицензированию. В Армении же при наличии научных компетенций отсутствует какая-либо правовая основа для внедрения квантовых технологий: не определены уполномоченные органы, не разработаны стандарты, не урегулирован оборот технологий двойного назначения [16]. Для армянской юриспруденции ключевым вызовом становится необходимость проектировать правовые институты практически с нуля в условиях, когда технология уже существует, а законодательство еще не готово к ее применению.

Исходя из проведенного анализа, для России приоритетом является расширение регулирования на сферу квантовых вычислений и сенсорики, а для Армении – формирование правовой базы с нуля, включая определение уполномоченного органа, утверждение национальной концепции и внесение изменений в профильное законодательство.

При этом Армении целесообразно учесть лучшие практики стран СНГ. В частности, в некоторых государствах уже приняты цифровые кодексы, комплексно регулирующие отношения в информационной сфере (например, в Казахстане и Узбекистане), а в России действует разветвленная система законодательства об информации, информационных технологиях и защите данных. Использование этих подходов позволило бы Армении выстроить современную и непротиворечивую правовую систему.

Вместе с тем, ориентируясь исключительно на постсоветское пространство, Армения рискует упустить глобальный контекст, особенно учитывая ее внешнеполитический курс на евроинтеграцию и партнерство с США. В этой связи показателен опыт западных стран, которые уже сформировали собственное стратегическое и нормативное видение квантового будущего. В декабре 2022 года в США был принят “Quantum Computing Cybersecurity Preparedness Act” (Закон о подготовке к квантовым вычислениям в сфере кибербезопасности) [14]. Этот закон обязывает федеральные агентства провести инвентаризацию всех информационных систем, уязвимых для квантовой дешифровки, и предписывает миграцию на постквантовую криптографию после утверждения соответствующих стандартов NIST. Закон прямо указывает на угрозу стратегии «собери сейчас, расшифруй позже», что делает его ценным ориентиром для армянского законодателя при разработке механизмов защиты данных с длительным сроком хранения.

В свою очередь, Европейский Союз в марте 2024 года пошел по пути межуниверсальной координации, подписав «Квантовый пакт» (“European Quantum Pact”) [15]. Данный политический документ, подписанный 20 странами, призван превратить Европу в «мировую квантовую долину». Он фокусируется не только на финансировании исследований, но и на создании единой европейской квантовой инфраструктуры, подготовке кадров и выработке общих стандартов. Для Армении, имеющей соглашение о расширенном партнерстве с ЕС, этот пакт за-

дает вектор развития, к которому можно и нужно адаптировать национальное законодательство, чтобы обеспечить совместимость будущих квантовых сетей и технологий с европейскими.

В краткосрочной перспективе наиболее реалистичным и эффективным представляется внесение точечных изменений в действующие законы. Оптимальной площадкой для первичного закрепления норм о квантовых технологиях является Закон РА «Об электронной связи», поскольку он непосредственно регулирует передачу данных по сетям. Предлагается дополнить:

- статью 2 (Основные понятия) новыми определениями: «квантовая сеть», «квантовое распределение ключей (QKD)», «квантово-устойчивые (постквантовые) криптографические алгоритмы»;
- статью 4 (Функции компетентного органа) положением о разработке и утверждении требований к квантовым сетям и оборудованию;
- главу 3 (Лицензирование) нормами о лицензировании деятельности по развертыванию и эксплуатации квантовых сетей связи.

Впоследствии потребуется корректировка иных законов. В Закон «Об электронном документе и электронной подписи» необходимо внести изменения, закрепляющие юридическую значимость ключей, сгенерированных с использованием QKD, и возможность применения постквантовых алгоритмов создания подписи. В Закон «О защите личных данных» следует включить положения об обязанности операторов использовать квантово-устойчивые алгоритмы при обработке данных, требующих долговременной защиты.

Таким образом, квантовые технологии ставят перед правом принципиально новую задачу: регулировать то, что еще не до конца создано, но последствия чего уже сегодня требуют правовых решений. Россия сделала важный шаг, утвердив концепцию и стандарты в сфере квантовых коммуникаций, однако без расширения регулирования на вычисления и сенсорику эта система останется неполной. Армения обладает сильной научной школой, но отсутствие государственной стратегии и правовой базы не позволяет реализовать этот потенциал. Общей для обеих стран необходимостью становится не только внутреннее правотворчество, но и координация подходов на международном уровне. Успех в этой области будет зависеть от того, насколько быстро и гибко законодательство сможет создавать понятные и безопасные правила для технологий завтрашнего дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 9 мая 2017г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». [Эл. ресурс] Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 20.03.2024).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 июля 2023г. № 1856-р «Об утверждении Концепции регулирования отрасли квантовых коммуникаций в Российской Федерации до 2030 года» [Эл. ресурс]. Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 20.03.2024).
3. Положение о разработке, производстве, реализации и эксплуатации шифровальных (криптографических) средств защиты информации (Положение ПКЗ-2005) [Эл. ресурс]. Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 20.03.2024).
4. Предварительный национальный стандарт ПНСТ 832-2023 «Квантовый интернет вещей. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 11 июля 2023г. № 25-пнст) [Эл. ресурс]. Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 20.03.2024).
5. ПНСТ 829-2023 «Квантовые коммуникации. Общие положения» [Эл. ресурс]. Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 20.03.2024).
6. Закон Республики Армения от 23 сентября 2003 года «О свободе информации» [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.arlis.am/hy/acts/63688 (дата обращения: 11.02.2026).
7. Закон Республики Армения от 8 июля 2005 года «Об электронной связи». [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.arlis.am/hy/acts/82221 (дата обращения: 11.02.2026).
8. Закон Республики Армения «Об электронном документе и электронной подписи» [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.arlis.am/hy/acts/61118 (дата обращения: 11.02.2026).
9. Закон Республики Армения от 18 мая 2015 года «О защите личных данных» [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.arlis.am/hy/acts/114851 (дата обращения: 11.02.2026).
10. *Евсиков К.С.* Информационная безопасность цифрового государства в квантовую эпоху / К.С. Евсиков // «Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 4 (92). 2022. СС. 46–58.
11. *Евсиков К.С.* К вопросу о правовом регулировании квантовых технологий / К.С. Евсиков // Право и информация: вопросы теории и практики: сборник материалов международной научно-практической конференции / науч. ред. Н.А. Шевелева. СПб.: «Президентская библиотека», 2023. СС. 81–89. (Сер.: «Электронное законодательство»; вып. 12).
12. *Минбалеев А.В., Евсиков К.С.* Регулирование криптографической деятельности в России: проблемы и перспективы развития // «Вестн. Томск. гос. ун-та», № 518, 2025. С. 212.
13. *Мишальченко Ю.В.* Международные правовые и экономические аспекты обеспечения информационной безопасности в условиях санкций / Ю.В. Мишальченко, Д.М. Гусейнова // Право и информация: вопросы теории и практики: сборник материалов международной научно-практической конференции / науч. ред. Н.А. Шевелева. СПб.: «Президентская библиотека», 2023. СС. 57–66 (Сер.: «Электронное законодательство»; вып. 12).

Электронные ресурсы

14. Quantum Computing Cybersecurity Preparedness Act, H.R.7535, 117th Cong. (2022) [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/7535/text (дата обращения: 15.02.2026).
15. ЕС подписал «Квантовый пакт»: Европу сделают мировым центром квантовых вычислений // 3DNews. 26 марта 2024 [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://3dnews.ru/1102244/lideri-es-reshili-sdelat-evropu-globalnoy-mirovoy-kvantovoy-dolinoy (дата обращения: 15.02.2026).
16. Армянский потенциал квантовых технологий/Armenpress/ Дзен [Эл. ресурс]. Режим доступа: www.dzen.ru (дата обращения 11.02.2026).

LEGAL REGULATION OF QUANTUM TECHNOLOGIES

L. Mkrtchyan
Tula State University

ABSTRACT

The article presents a comparative analysis of the legal regulation of quantum technologies in Russia and Armenia. It examines Russia's Concept for the Regulation of Quantum Communications through 2030 and relevant national standards, as well as Armenian legislation regarding telecommunications and data protection. Gaps in Armenian legislation are identified–- specifically the absence of a strategy and a law on cryptography, in contrast to Russia, where a legal framework is already taking shape. Amendments to the Republic of Armenia's Law "On Electronic Communications" are proposed, drawing on the experience of the Russian Federation, the United States, and the European Union.

Keywords: quantum technologies, legal regulation, cybersecurity, "Q-Day", quantum communications, digital sovereignty.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Е.Д. Фокина

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева
ekaterinafokina2006@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена конституционно-правовым критериям допустимости использования Искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации и Республики Армения. На основе сравнительно-правового анализа выявляются четыре ключевых критерия: сохранение судейского усмотрения, прозрачность алгоритма, невозможность передачи юридической ответственности ИИ и право на «человеческое рассмотрение» дела. Анализируются конституционные нормы зарубежных стран, международный опыт и доктринальные подходы. Делается вывод о необходимости законодательного закрепления выработанных критериев. Делается вывод, что ИИ является только инструментом и помощником в судебной деятельности и не более.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, конституционные критерии, Российская Федерация, Республика Армения, судейское усмотрение.

Введение

Стремительное внедрение технологий Искусственного интеллекта (ИИ) в судебные системы различных государств ставят перед юридической наукой провокационный вопрос: как сохранить конституционные гарантии правосудия в эпоху трансформации? Россия и Армения, связанные общими правовыми традициями и членством в ЕАЭС, находятся на разных этапах цифровизации судопроизводства, однако сталкиваются со схожей конституционной проблемой – недопустимостью передачи полномочий по отправлению правосудия «роботу», не способного к состраданию и сочувствию.

Как отмечает профессор И.В. Понкин, «Искусственные интеллекты не имеют души, из чего следует, что они не могут претендовать на конституционные правы личностей, независимо от убедительности этого аргумента» [Понкин, 2018, с. 96]. Однако это не означает, что ИИ не может использоваться в судебной деятельности вообще. Ключевая задача – определить конституционно-правовые критерии, отделяющие допустимую помощь алгоритмов от недопустимой подмены судьи.

Цель настоящего исследования – выявить, систематизировать и обосновать такие критерии на основе сравнительного анализа российского и армянского конституционного законодательства, доктринальных позиций и международных стандартов.

Материалы и методы

Исследование основано на комплексе общенаучных и частнонаучных методов. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить конституционные подходы Российской Федерации и Республики Армения. Формально-юридический метод применен для анализа конституционных норм. Герменевтический метод использован для толкования принципов независимости суда и справедливого правосудия в контексте цифровой трансформации.

Теоретическую базу исследования составили Конституция РФ и Конституция РА, а также работы ученых-правоведов.

Результаты

Конституция Российской Федерации в ст. 118 устанавливает, что «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом», а судебная система устанавливается Конституцией и федеральным конституционным законом, при этом создание чрезвычайных судов не допускается [Конституция РФ, ст. 118].

Конституция Республики Армения в ст. 63 закрепляет право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом, а ст. 164 устанавливает, что при отправлении правосудия судья независим и беспристрастен и действует только в соответствии с Конституцией и законами [Конституция РА, ст. 63, 164].

Ни одна из конституций не содержит прямых запретов на использование ИИ, однако из названных норм следует фундаментальное ограничение: судья не может делегировать свои полномочия алгоритму. Как отмечает Е.С. Сторожева: «Процесс принятий решений судьями также обуславливается различными социально-психологическими факторами, свойственными юридической сфере… Внутреннее убеждение судьи представляет собой результат рационального познания обстоятельств дела, ценностного к ним подхода, их соотношения с нормами права и морали, чувственного переживания полученных результатов познания, сделанных на основе таковых выводов» [Сторожева, 2017, с. 45]. Следовательно, конституционный запрет на передачу правосудия – это не техническая, а сущностная характеристика судебной власти. Она

означает, что решение по делу должно быть результатом интеллектуально-волевого акта судьи, включающего правосознание, эмпатию и учет конкретных обстоятельств.

Критерий № 1: Сохранение судейского усмотрения (дискреции)

Первый и ключевой критерий – сохранение судейского усмотрения как конституционной гарантии. ИИ может предоставлять рекомендации, подбирать аналогичную судебную практику, автоматизировать технические процедуры, но не может юридически связывать судью. Недопустима ситуация, при которой отклонение от рекомендации алгоритма влечет автоматические негативные последствия для судьи или сторон.

Как подчеркивает В.А. Середнев, «никакая виртуальная реальность никогда не заменит настоящую действительность» [Середнев, 2021, с. 43].

Это значит, что нарушение данного критерия ведет к конституционно значимому последствию – подмене правосудия административной процедурой, что ставит под сомнение законность и справедливость судебного акта.

Критерий № 2: Прозрачность и объяснимость алгоритма

Второй критерий вытекает из права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 ЕКПЧ, ст. 46 Конституции РФ, ст. 63 Конституции РА). Если судья использует ИИ для анализа доказательств или прогнозирования исхода дела, сторона должна иметь возможность понять, на каком основании алгоритм сделал тот или иной вывод. Недопустимо использование «черных ящиков» – алгоритмов, внутренняя логика которых недоступна для проверки, так как в каждом основном законе страны и в международных стандартах сказано, что гражданин имеет право на судебную защиту, справедливое и публичное разбирательство.

Е.С. Папышева обоснованно утверждает, что «оценка обстоятельств дела на основании заложенных алгоритмов создает угрозу правам человека… «Непрозрачность» принятия решения усугубляет эту ситуацию. Но в приговоре должны быть изложены причины, по которым суд приходит к определенным выводам и принимает соответствующее решение, ИИ должен быть объяснимым» [Папышева, 2023, с. 388]. Следовательно, внедрение ИИ в правосудие возможно лишь при условии обеспечения его полной прозрачности, что позволяет сторонам оспаривать алгоритмические выводы и сохраняет принцип равноправия и состязательности сторон. Без этого ИИ не может рассматриваться как допустимый инструмент при принятии решений и осуществлению правосудия, затрагивающих основные права и свободы личности.

Конституционный Суд Республики Армения в своем Постановлении от 2 апреля 2019 года отметил, что «право на справедливое судебное разбирательство предполагает, в частности, публичное судебное разбирательство и обязательное опубликование судебного акта» [Постановление КС РА № ПКС-1452, 2019]. Данная правовая позиция может быть перенесена и на требование прозрачности алгоритмических инструментов, используемых в судопроизводстве.

Критерий № 3: Невозможность передачи юридической ответственности ИИ

Третий критерий связан с институтом юридической ответственности. Искусственный интеллект не обладает правосубъектностью и не может нести ни уголовную, ни гражданскую, ни дисциплинарную ответственность. Следовательно, применение ИИ в правосудии не должно создавать ситуацию, при которой судья мог бы уклониться от ответственности, ссылаясь на «ошибку алгоритма».

Как справедливо отмечает А.В. Нечкин, «правосубъектность Искусственного интеллекта, в отличие от правосубъектности человека, нецелесообразно разделять на правоспособность и дееспособность. По своей правовой природе она должна быть чрезвычайно близка к правосубъектности органов и организаций, возникающей с момента их учреждения» [Нечкин, 2020, с. 118]. Следовательно, ИИ нельзя приравнивать к человеку с точки зрения правового статуса, поскольку он все равно не станет субъектом права, т.к. даже в процессе развития он не обретет дееспособность. Вместо этого его участие в правоотношениях логично закреплять с момента запуска или регистрации. Такой подход позволит избежать правовых коллизий, сохранив ответственность за действия ИИ у реальных лиц, а сам статус ИИ при этом носит технически обусловленный, а не автономный характер.

Критерий № 4: Право на «человеческое рассмотрение»

Четвертый критерий гарантирует, что, хотя бы один критический этап рассмотрения дела – оценка доказательств, вынесение мотивированного решения, рассмотрение апелляционной жалобы – проходит с участием человека. Полностью автоматизированное решение по существу спора или обвинения недопустимо.

Конституционная основа этого критерия – право на суд (судебную защиту и судью), а не на алгоритм (ст. 47 Конституции РФ, ст. 61 Конституции РА).

Обсуждение

Самое главное: нужно инициировать согласование подходов РФ и РА в рамках ЕАЭС для совместимых стандартов защиты прав человека.

Полагаем, что выработанные критерии согласуются с международными стандартами, в частности, с Европейской этической хартией использования Искусственного интеллекта в судебных системах. Венецианская комиссия разрабатывает и продвигает европейские правовые стандарты в области функционирования демократических институтов, защиты прав человека. Ее заключения, хотя и относятся к «мягкому праву», формируются с опорой на сравнительное правоведение и учитывают культурные, политические и правовые традиции различных обществ.

Однако остаются нерешенными следующие проблемы:

- во-первых, низкая цифровая грамотность значительной части судейского корпуса, что создает риск некритичного восприятия алгоритмических рекомендаций;
- во-вторых, отсутствие единых стандартов валидации и аудита судебных алгоритмов;
- в-третьих, различная степень защиты прав граждан в уголовном и гражданском процессе: в уголовном судопроизводстве риски ошибочного решения ИИ несопоставимо выше.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Использование Искусственного интеллекта при отправлении правосудия допустимо, но только при строгом соблюдении конституционно-правовых критериев, ограничивающих его применение.

2. Такими критериями являются:

а) сохранение судейского усмотрения – ИИ не может юридически связывать и обременять судью;

б) прозрачность и объяснимость алгоритма – недопустимость использования «черных ящиков»;

в) невозможность передачи юридической ответственности ИИ – ответственность всегда остается за судьей и государством;

г) право на «человеческое рассмотрение» дела – суд – это про справедливость, гуманизм и человечность.

3. В Российской Федерации и Республике Армения необходима законодательная конкретизация критериев допустимости использования ИИ в судопроизводстве, требований к прозрачности алгоритмов и механизмов контроля за их применением. Чтобы решить данные проблемы и восстановить пробелы, по нашему мнению, необходимо:

1) создать межведомственные рабочие группы (судьи, гос. служащие, юристы, студенты, IT-специалисты);

2) провести пилотные проекты в отдельных судах, начиная с мировых судов;

3) оценить результаты пилотов и скорректировать подходы;

4) масштабировать успешные решения на всю судебную систему;

5) регулярно обновлять нормативные акты с учетом развития технологий;

6) учитывать международные стандарты при дальнейшей гармонизации подходов к регулированию ИИ в правосудии в рамках ЕАЭС.

Только комплексный подход, сочетающий конституционные принципы, законодательное регулирование, судебный контроль и повышение цифровой квалификации судей, позволит сохранить достоинство правосудия в условиях цифровой трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации. // СПС «Гарант». URL: https://constitution.garant.ru/ (дата обращения: 03.06.2026).
2. Конституция Республики Армения. // URL: https://www.president.am/ru/constitution-2015 (дата обращения: 03.06.2026).
3. Конституционный Суд Республики Армения. Постановление от 2 апреля 2019 года № ПКС-1452. URL: https://concourt.am/, https://www.concourt.am/decision/full_text/2019-ru-sdv-1452.pdf (дата обращения: 03.06.2026).
4. *Нечкин А.В.* Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее // “Lex russica”. Т. 73, № 8, 2020. СС. 78–85. DOI: 10.17803/17295920.2020.165.8.078-085.
5. *Папышева Е.С.* Пределы допустимости участия искусственного интеллекта в постановлении приговора // «Пробелы в российском законодательстве». Т. 16, № 5, 2023. СС. 386–391. EDN: XZFKWI
6. *Понкин И.В.* Искусственный интеллект с точки зрения права / И.В. Понкин, А.И. Редькина // «Вестник РУДН. Юридические науки». Т. 22, № 1, 2018. СС. 91–109. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109.
7. *Сторожева Е.С.* Внутреннее убеждение при принятии судебных решений // «Отечественная юриспруденция», № 5 (19), 2017. СС. 45–48.
8. *Середнев В.А.* К вопросу судебной этики и человеческой сущности фактора судьи, в контексте цифровизации уголовного судопроизводства // «Вестник Юридического факультета Южного федерального университета». Т. 8, № 3, 2021. СС. 40–46. Б01: 10.18522/2313-6138-2021-8-3-6.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL CRITERIA FOR THE PERMISSIBLE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF ARMENIA

E. Fokina
V.F. Yakovlev Ural State Law University

ABSTRACT

This article examines the constitutional and legal criteria governing the permissible use of artificial intelligence (AI) in the judicial systems of the Russian Federation and the Republic of Armenia. Based on a comparative legal analysis, the study identifies four key criteria: the preservation of judicial discretion, the transparency of algorithmic decision-making, the impossibility of transferring legal responsibility to AI, and the right to human review of judicial decisions. The article analyzes constitutional provisions of foreign states, international experience, and doctrinal approaches to the regulation of AI in the administration of justice. It concludes that these criteria should be formally enshrined in legislation. The study further emphasizes that artificial intelligence should serve solely as a supporting tool and assistant in judicial activities, rather than as an independent decision-maker.

Keywords: artificial intelligence, constitutional criteria, Russian Federation, Republic of Armenia, judicial discretion.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

МНОГОУРОВНЕВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: АРМЯНО-РОССИЙСКИЙ АЛЬЯНС В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Д.А. Антипов, А.И. Напольский

Южный федеральный университет
ddimaokda@mail.ru, arseniy.napolskiy@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу системы многоуровневой безопасности на Южном Кавказе через призму армяно-российского военно-политического альянса. Рассматривается роль России как одного из ключевых внешних акторов в обеспечении безопасности Армении, а также влияние региональных конфликтов и изменения баланса сил на трансформацию союзнических отношений. Исследование основано на реалистском подходе к международным отношениям, который позволяет рассматривать Южный Кавказ как подсистему международной политики с выраженной конкуренцией держав и асимметрией возможностей. Делается вывод, что армяно-российский альянс остается важным элементом региональной безопасности, однако его эффективность и устойчивость подвергаются испытанию в условиях геополитической турбулентности.

Ключевые слова: Южный Кавказ, многоуровневая безопасность, региональная турбулентность, армяно-российский альянс.

Введение

Южный Кавказ представляет собой один из наиболее сложных и конфликтогенных регионов постсоветского пространства. Его стратегическое значение определяется географическим положением между Европой, Ближним Востоком и Азией, а также наличием транспортных и энергетических коридоров. Исследователи отмечают, что региональная безопасность формируется здесь внутренними конфликтами и внешним балансированием. После распада СССР Южный Кавказ превратился в отдельную подсистему международных отношений с высокой степенью внешнего вмешательства и конфликтности.

После распада СССР на Южном Кавказе началось формирование новых систем безопасности в условиях этнополитических конфликтов, ограниченных ресурсов и высокой внешнеполитической уязвимости. В 1990-е гг. госу-

дарства региона выстраивали модели обеспечения безопасности через сочетание внутренних механизмов и союзов с внешними акторами. В этом контексте, Армения сделала ставку на стратегический союз с Россией, который в последующие годы был институционализирован через двусторонние соглашения, участие в ОДКБ и экономическую интеграцию в рамках ЕАЭС [2].

На современном этапе региональная система безопасности переживает глубокую трансформацию. События 2020–2023гг., изменение баланса сил в пользу Азербайджана, усиление роли Турции, а также кризис доверия к прежним механизмам союзнических гарантий показали, что прежняя модель обеспечения безопасности на Южном Кавказе в прежнем виде уже не действует. Это означает, что безопасность региона сегодня формируется не на одном, а на нескольких взаимосвязанных уровнях.

В данном исследовании под «многоуровневой безопасностью» понимается система, включающая национальный уровень, связанный с политикой и военными возможностями отдельных государств, региональный уровень, отражающий баланс сил и конфликты на Южном Кавказе, и международный уровень, на котором действуют внешние акторы и международные структуры. В этой связи необходимо проанализировать специфику армяно-российского альянса как элемента многоуровневой системы безопасности Южного Кавказа и определить его роль в условиях региональной турбулентности.

В этом аспекте необходимо рассмотреть российско-армянский альянс как элемент многоуровневой системы безопасности Южного Кавказа, разобраться в его структуре и оценить влияние на его трансформацию региональных конфликтов и изменений баланса сил. *Методологической основой* выступает реалистская теория международных отношений, рассматривающая государства как ключевых акторов, стремящихся к обеспечению собственной безопасности в условиях анархии международной системы.

Основная часть

Южный Кавказ после распада СССР стал регионом с высокой степенью нестабильности и зоной пересечения интересов нескольких центров силы – России, Турции, Ирана, Европейского союза и США. Формирование независимых государств сопровождалось этнополитическими конфликтами, экономическим кризисом и поиском внешних союзников. В этих условиях в регионе сложилась система безопасности, включающая национальные стратегии государств, двусторонние альянсы, региональные конфликты, а также внешние гарантии безопасности и миротворческие механизмы. Существенное влияние на трансформацию этой системы оказал нагорнокарабахский конфликт,

последствия которого затронули региональный баланс сил и характер союзнических отношений.

Российская Федерация традиционно рассматривается как один из главных внешних акторов в сфере безопасности Южного Кавказа. Она сохраняет военное присутствие и политическое влияние, выступает посредником в конфликтах и участвует в региональных интеграционных структурах. В то же время усиливается влияние Турции и Запада, что делает регион ареной геополитического соперничества. В этих условиях малые государства вынуждены искать союзников и формировать стратегии балансирования.

С точки зрения региональных исследований, Южный Кавказ можно рассматривать как отдельную подсистему международных отношений, где взаимодействуют локальные и глобальные акторы. Для региона характерны отсутствие устойчивых механизмов коллективной безопасности и высокая зависимость от внешнеполитической конъюнктуры.

Система безопасности региона включает несколько взаимосвязанных уровней: локальный, связанный с военными возможностями государств; региональный, отражающий баланс сил между Арменией, Азербайджаном и Грузией; и международный, на котором проявляется участие внешних акторов.

Региональная безопасность здесь формируется под влиянием внутренних конфликтов и внешнего балансирования: государства Южного Кавказа стремятся компенсировать уязвимость через союзы с крупными державами. В этом контексте армяно-российский союз долгое время выступал одним из ключевых элементов региональной структуры безопасности, обеспечивая военное присутствие России и участие Армении в институтах постсоветской интеграции – ОДКБ и ЕАЭС [7,10].

Однако региональная подсистема остается асимметричной. Азербайджан опирается на поддержку Турции и развивает самостоятельный военный потенциал, Грузия ориентируется на евроатлантические структуры, а Армения традиционно сохраняла тесные связи с Россией. Такое распределение внешнеполитических ориентаций формирует сложную систему взаимного сдерживания и усиливает фрагментацию региона [9].

Современная ситуация на Южном Кавказе характеризуется ростом нестабильности, связанным с изменением баланса сил после Второй Карабахской войны 2020 года, снижением доверия Армении к российским гарантиям безопасности, усилением роли Турции, Европейского союза и других внешних акторов, а также попытками государств региона диверсифицировать внешнеполитические связи.

Это ведет к трансформации региональной подсистемы из относительно стабильной постсоветской конструкции в более открытое пространство внешнеполитической конкуренции. В частности, ухудшение отношений между Арменией и Россией после 2020 года и обсуждение выхода Еревана из ОДКБ свидетельствуют о пересмотре прежней «архитектуры» безопасности.

Армяно-российский альянс исторически занимал важное место в системе безопасности Армении и Южного Кавказа. Он начал формироваться после распада СССР и в дальнейшем получил развитие через двусторонние соглашения о военном сотрудничестве, участие Армении в ОДКБ и ЕАЭС, а также присутствие российской военной базы в Гюмри. В течение длительного времени Россия активно участвовала в обеспечении безопасности Армении, что определяло особую роль Союза в региональной конфигурации сил. Его значение определялось не только двусторонними обязательствами, но и тем, что через данный альянс Армения была встроена в более широкие механизмы военного, политического и экономического взаимодействия с Россией [1, 4].

В последующие годы, особенно после Второй Карабахской войны 2020 года и событий 2023 года, содержание этого альянса стало меняться. Произошло снижение доверия Армении к российской поддержке, что повлияло на ее внешнеполитическое поведение и усилило стремление к балансированию за счет расширения контактов с другими партнерами. В результате, Армения активизировала взаимодействие с Францией, Индией, США и Европейским союзом, а также с рядом других внешних центров силы, в том числе в военно-технической и дипломатической сферах.

Такая трансформация затрагивает не только двусторонние отношения Армении и России, но и функционирование прежних механизмов региональной безопасности. В условиях снижения доверия к традиционным союзническим форматам возрастает значение внешнеполитического маневрирования, что делает обстановку на Южном Кавказе менее устойчивой и более зависимой от действий внешних акторов.

На этом фоне союз с Россией сохраняется формально и институционально, однако его прежний статус в региональной системе безопасности заметно ослаб. Тем самым трансформация армяно-российского альянса затрагивает не только двусторонний уровень, но и всю конфигурацию безопасности на Южном Кавказе. Это отражает более широкую трансформацию обстановки в регионе, где изменение союзнических связей Армении влияет на общий баланс сил, усиливает нестабильность и создает условия для соперничества между Россией, США, Европейским союзом и Турцией.

Система безопасности на Южном Кавказе носит многоуровневый характер, поскольку формируется под влиянием, одновременно, внутренних, региональных и глобальных акторов. Ключевой особенностью региона является наличие затяжных этнополитических конфликтов, конкуренция внешних акторов и слабая институционализация региональных механизмов коллективной безопасности. В результате, безопасность государств Южного Кавказа определяется не только их собственными возможностями, но и взаимодействием с крупными державами и международными организациями [2, 8].

Одним из основных факторов нестабильности на Южном Кавказе остаются нерешенные территориальные конфликты. Наиболее значительным из них является армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха, который на протяжении десятилетий выступал ключевым источником военно-политической напряженности в регионе. Он привел к милитаризации отношений между Арменией и Азербайджаном, и к формированию устойчивых внешнеполитических союзов. Армения опиралась на союз с Россией и участие в ОДКБ, тогда как Азербайджан развивал стратегическое партнерство с Турцией и укреплял собственный военный потенциал. Военные действия 2020 года существенно изменили баланс сил в регионе, усилив позиции Турции и Азербайджана и, одновременно, поставив перед Арменией новые вызовы в сфере национальной безопасности [3, 9].

События 2020 года и последующие кризисы (например, признание Нагорного Карабаха частью Азербайджана) продемонстрировали, что региональная система безопасности остается нестабильной. Изменение баланса сил в пользу Азербайджана и усиление турецкого влияния в регионе привели к переоценке союзов и роли внешних гарантий безопасности. По оценкам аналитиков, война 2020 года стала поворотным моментом для всей «архитектуры» безопасности Южного Кавказа и поставила под вопрос эффективность существующих союзов и механизмов коллективной обороны.

Российское миротворческое присутствие в регионе после 2020 года стало важным элементом многоуровневой безопасности, однако последующие события показали ограниченность этих возможностей. Это усилило дискуссии в Армении о диверсификации внешней политики и необходимости пересмотра роли традиционного союзника.

В то же время Россия сохраняет значительное влияние в регионе через военное присутствие, экономические связи и дипломатическое посредничество. Это делает армяно-российский альянс ключевым элементом многоуровневой системы безопасности, даже несмотря на его трансформацию после 2020-х годов.

Наряду с карабахским конфликтом региональная безопасность осложняется и другими кризисами, в частности, конфликтами в Абхазии и Южной Осетии, а также общим уровнем геополитического соперничества между внешними акторами. Эти конфликты формируют систему взаимосвязанных угроз, при которой локальные кризисы могут оказывать влияние на общую архитектуру безопасности Южного Кавказа. В этой связи исследователи отмечают, что устойчивость региональной системы безопасности напрямую зависит от способности государств региона и внешних партнеров предотвращать эскалацию конфликтов и развивать механизмы политического диалога [4].

В условиях региональной турбулентности изменения в армяно-российском союзе проявились в снижении доверия к прежним механизмам взаимодействия, что, в частности, выразилось в отказе Еревана подписывать итоговые документы ОДКБ и в более сдержанном отношении к прежнему формату союзнических обязательств [5,7].

Существенное влияние на это оказал карабахский кризис, последствия которого заметно повлияли на восприятие в Армении роли тех государств и структур, которые ранее рассматривались как важные элементы системы безопасности. Одновременно усилилась переориентация военно-технического и дипломатического сотрудничества Армении, что выразилось в расширении контактов с Францией, Индией, США и Европейским союзом [8,10].

Трансформация армяно-российского союза проявилась, прежде всего, в кризисе доверия к механизмам союзнических гарантий. После обострений на армяно-азербайджанской границе армянское руководство неоднократно выражало неудовлетворенность реакцией ОДКБ и России на происходящие события. Важным политическим сигналом стал отказ Еревана в ноябре 2022 года подписать итоговые документы саммита ОДКБ, а также последующие заявления армянского руководства о пересмотре участия в организации [7].

Вторым фактором трансформации стал карабахский кризис. Потеря Нагорного Карабаха в 2023 году на фоне присутствия российских миротворческих сил серьезно повлияла на восприятие России как гаранта постконфликтной стабильности. Это усилило внутриполитические и экспертные дискуссии в Армении о необходимости корректировки внешнеполитического курса и диверсификации партнерств.

Третьим направлением изменений стала постепенная переориентация военно-технического и дипломатического взаимодействия Армении. Ереван активизировал контакты с новыми внешними партнерами, стремясь уменьшить критическую зависимость от российской поддержки.

На сегодняшний день союз сохраняет институциональное значение, однако его содержание, уровень доверия и практическая эффективность уже не соответствуют той модели, которая сложилась в 1990-е и 2000-е гг.

Заключение

Таким образом, система безопасности на Южном Кавказе сохраняет многоуровневый и нестабильный характер, поскольку формируется под воздействием параллельно внутренних конфликтов, регионального соперничества и внешнего вмешательства крупных держав. В этой системе армяно-российский альянс на протяжении длительного времени выступал одним из ключевых механизмов обеспечения безопасности Армении и поддержания определенного баланса сил в регионе.

Однако события после 2020г. показали, что прежняя модель союзнических отношений переживает глубокую трансформацию. Кризис доверия к российским гарантиям безопасности, изменение военно-политического баланса в пользу Азербайджана, усиление роли Турции и стремление Армении к диверсификации внешнеполитических связей существенно изменили практическое содержание армяно-российского союза.

Вместе с тем, преждевременно говорить о полном исчезновении его значения. Несмотря на ослабление политического доверия и пересмотр внешнеполитических ориентиров Еревана, Россия сохраняет заметное военное, экономическое и дипломатическое присутствие в регионе [1]. Это позволяет сделать вывод о том, что армяно-российский альянс уже не может рассматриваться как единственная и безусловная основа безопасности Армении, однако по-прежнему остается значимым элементом региональной архитектуры безопасности.

Перспективы устойчивости Южного Кавказа во многом будут зависеть от способности государств региона и внешних акторов снизить уровень конфронтации, выработать более предсказуемые механизмы взаимодействия и не допустить дальнейшей фрагментации системы безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркедонов С.М.* Россия и Закавказье: особенности современных отношений // «Россия в глобальной политике». Т. 18, № 4, 2020. СС. 102–118.
2. *Галоян Н.Г.* Региональная безопасность на Южном Кавказе в 1991–2017 годах (на примере Армении и Грузии). М.: РУДН. [Эл. ресурс] (https://repository.rudn.ru/ru/records/dissertation/record/82833/).
3. Региональная безопасность на Южном Кавказе: энергетическая составляющая // Электронный научный архив РУДН. [Эл. ресурс] (https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/90624/).

4. Задачи отражения угроз и рисков региональной безопасности на Южном Кавказе // Научное издание NamDU. [Эл. ресурс] (https://namdu.uz/media/Books/pdf/2024/05/3-1/NamDU-ARM-2668-Год_планеты.pdf)
5. Армения отказалась подписывать бюджет ОДКБ на 2024 год // «Ведомости», 2025. – 31 марта. [Эл. ресурс] (https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/03/31/1101275-armeniya-otkazalas).
6. *Бахтуридзе З.З.* Региональный потенциал обеспечения безопасности Южного Кавказа // «Геополитика и безопасность», № 4, 2017. СС. 54–61.
7. *Ибрахим А.Э.* Военные взаимоотношения России и Армении в рамках ОДКБ в контексте безопасности на Южном Кавказе // «Постсоветские исследования». Т. 5, № 3, 2022. СС. 257–262.
8. *Сутырин В.В.* Политика Евросоюза в сфере содействия международному развитию на постсоветском пространстве: геополитические факторы // «Современная Европа», № 5, 2022. СС. 5–18. [Эл. ресурс] (https://doi.org/10/31857/S0201708322050011).
9. *Hovsepyan L., Tonoyan A.* From alliance to ‘soft conquest’: the anatomy of the Turkish-Azerbaijani military alliance before and after the 2020 Nagorno-Karabakh war // “Small Wars & Insurgencies”. Vol. 35, № 4, 2024. PP. 622–655.
10. *Пылин А.Г.* Проблемы и перспективы торгово-экономического сотрудничества Армении и России в современных условиях // «Инновации и инвестиции», № 6, 2021. СС. 13–17. [Эл. ресурс] (https://doi.org/10.24412/2307-180X-2021-6-13-17).

MULTI-LEVEL SECURITY IN THE SOUTH CAUCASUS: THE ARMENIAN-RUSSIAN ALLIANCE UNDER REGIONAL TURBULENCE

D. Antipov, A. Napolskiy
Southern Federal University

ABSTRACT

The article is devoted to an analysis of the multi-level security system in the South Caucasus through the lens of the Armenian-Russian military-political alliance. It examines Russia’s role as one of the key external actors in ensuring Armenia’s security, as well as the impact of regional conflicts and shifts in the balance of power on the transformation of allied relations. The study is based on a realist approach to international relations, which makes it possible to view the South Caucasus as a subsystem of international politics characterized by pronounced great-power competition and asymmetry of capabilities. It concludes that the Armenian-Russian alliance remains an important element of regional security; however, its effectiveness and resilience are being tested under conditions of geopolitical turbulence.

Keywords: South Caucasus, multi-level security, regional turbulence, the Armenian-Russian alliance.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ИРАНА В СИРИИ ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА: ОТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОЮЗНИКА К ОГРАНИЧЕННОМУ АКТОРУ

Т.А. Григорян

Российско-Армянский университет
delatarongrigoryan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируется трансформация роли Ирана в Сирии после смены политического режима в 2024 году. Исследование направлено на выявление изменений в стратегических позициях Тегерана, ранее выступавшего одним из ключевых союзников сирийского правительства и опиравшегося на военное присутствие и сеть союзных вооруженных формирований. Рассматриваются основные инструменты иранского влияния и их трансформация в новых условиях. Особое внимание уделяется факторам, обусловившим сокращение иранского присутствия, включая изменение внутренней политической конфигурации Сирии, усиление роли Турции и трансформацию регионального баланса сил. В работе показано, что в новых условиях Иран сталкивается с институциональными и политическими ограничениями, препятствующими сохранению прежнего уровня вовлеченности. Делается вывод о переходе Ирана от статуса стратегического союзника к более ограниченному актору, вынужденному адаптировать свою политику к изменяющейся геополитической среде.

Ключевые слова: Иран, Сирия, смена режима, региональная безопасность.

Введение

Сирийский конфликт, начавшийся в 2011 году в контексте «Арабской весны», стал одним из наиболее сложных и многоуровневых региональных противостояний XXI века. Среди внешних участников конфликта Иран занимал особое место: на протяжении более чем десяти лет Тегеран являлся главным союзником режима Башара Асада и возглавляемой им партии «Баас», обеспечивая военную, финансовую и политическую поддержку сирийскому правительству. Сирия занимала центральное место в иранской региональной стратегии, известной как «ось сопротивления» – неформальной сети союзников и прокси-структур, ориентированных против американского и израильского присутствия на Ближнем Востоке [1].

Декабрь 2024 года ознаменовался радикальным переломом: в результате стремительного наступления вооруженной оппозиции, прежде всего, движе-

ния «Хайят Тахрир аль-Шам» (ХТШ), режим Асада был свергнут за двенадцать дней. Это событие повлекло за собой глубокую трансформацию стратегического положения Ирана в регионе: страна лишилась ключевого союзника, утратила военную инфраструктуру, созданную за годы присутствия, и столкнулась с существенными ограничениями своей способности влиять на сирийское урегулирование.

Актуальность изучения данной трансформации определяется несколькими факторами. Во-первых, смена власти в Сирии обнажила структурные уязвимости иранской региональной стратегии и поставила под сомнение эффективность концепции

«оси сопротивления» как инструмента проецирования силы. Во-вторых, события в Сирии ускорили переформатирование всей системы региональных отношений, затронув интересы России, Турции, Израиля, монархий Персидского залива и западных держав. В-третьих, поведение Ирана в постасадовской Сирии предоставляет ценный аналитический материал для изучения адаптивных возможностей государств, утративших стратегические позиции в результате резких геополитических изменений.

Цель настоящей статьи – теоретически осмыслить трансформацию роли Ирана в Сирии после смены режима, выявив ключевые факторы, механизмы и ограничения этого процесса. В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи: охарактеризовать место Сирии в иранской региональной стратегии; проанализировать факторы «эрозии» иранского влияния, предшествовавшие падению Асада; оценить последствия смены режима для стратегических позиций Тегерана; рассмотреть попытки Ирана адаптироваться к новым реалиям; определить последствия для астанинского формата и системы региональных отношений.

Методологическую основу исследования составляет сочетание концепции «передовой обороны» применительно к иранской стратегии, теории прокси-войн, включая модель «принципал-агент», и подхода к изучению адаптивного поведения государств в условиях стратегического поражения. Теоретическая ориентация статьи обусловлена новизной рассматриваемых событий: исследовательская дистанция, необходимая для полноценного эмпирического анализа, пока недостаточна, тогда как концептуальное осмысление происходящего представляется как вполне своевременным, так и востребованным.

Теоретическая основа: «передовая оборона», прокси-война и модель «принципал-агент»

Иранская региональная стратегия традиционно описывается в литературе через концепцию «передовой», или «форвардной обороны» (“forward defense”): Тегеран стремится перенести потенциальные угрозы как можно дальше от своих границ, используя для этого сеть союзников, прокси-структур и плацдармов влияния [2]. В этой логике Сирия выполняла функцию не просто дружественного государства, но и стратегического узла, обеспечивающего связность иранской системы влияния от Тегерана до Средиземноморья.

Концепция «оси сопротивления», как уже говорилось, представляет собой неформальную сеть государственных и негосударственных акторов, объединенных общей антиизраильской и антиамериканской повесткой и пользующихся финансовой, военной и политической поддержкой Ирана. Помимо Сирии, в нее входят ливанская

«Хезболла», хуситы в Йемене, различные иракские шиитские формирования, а также ряд палестинских группировок. Сирия занимала в этой архитектуре исключительное место: будучи единственным государственным членом «оси», она обеспечивала наземный коридор между Ираном, Ираком и Ливаном, по которому осуществлялась переброска вооружений, прежде всего, в адрес «Хезболлы» [3].

Иранская модель операционализирует концепцию прокси-войн через ранее упомянутый механизм «принципал-агент»: Тегеран (принципал) обеспечивает стимулы для прокси-формирований (агентов), добиваясь от них предпочтительных для себя решений. Однако данная модель порождает устойчивую дилемму контроля: агенты, развивая собственные интересы и связи, нередко действуют вопреки предпочтениям принципала, что порождает стратегические просчеты и неожиданные издержки.

Иранское присутствие в Сирии действовало в следующем формате: КСИР и силы «Кудс» действовали через местные и иностранные формирования, что позволяло Тегерану влиять на ход конфликта, не принимая на себя полной политической ответственности за прямую военную интервенцию. Принципиальная уязвимость этой модели состоит в том, что при потере союзника-государства (в данном случае – Сирии при Асаде) весь механизм «передовой обороны» претерпевает системный сбой.

Иран как стратегический союзник Асада: истоки, механизмы и издержки вмешательства

Ирано-сирийский альянс уходит корнями в 1979 год, когда Сирия стала одной из первых стран, признавших Исламскую Республику. Уже в годы

Ирано-иракской войны (1980–1988) Дамаск обеспечивал Тегеран вооружениями советского производства и предоставлял транзитный коридор для снабжения, тогда как большинство арабских государств поддержали Багдад. С 1980-х гг. Сирия последовательно выполняла роль транзитного узла для иранских военных поставок в Ливан, а Дамаск превратился в штаб-квартиру для ряда палестинских и ливанских группировок из «оси».

Когда в 2011г. в Сирии вспыхнуло восстание, Иран немедленно встал на сторону Асада. Стратегические соображения имели безусловный приоритет над идеологическими: потеря Сирии означала бы разрыв «наземного моста» к «Хезболле» и резкое ослабление региональных позиций Тегерана [4]. Генерал Касем Сулеймани, командующий силами «Кудс», лично выезжал в Дамаск и Бейрут для координации вмешательства, добившись от аятоллы Хаменеи санкции на масштабную операцию, первоначально встретившую сопротивление внутри иранского истеблишмента ввиду ее огромной стоимости.

Масштаб иранского вмешательства был беспрецедентным для послереволюционной внешней политики Ирана. Согласно различным оценкам, Тегеран потратил на поддержку Асада от 30 до 50 млрд долларов в виде финансовых кредитов, нефтяных поставок и прямых военных расходов [5]. КСИР создал в Сирии свыше 80 боевых формирований общей численностью до 70 тыс. человек [6]. Особую роль сыграли иностранные шиитские добровольцы: афганская бригада «Фатимиюн» и пакистанская «Зайнабиюн», завербованные среди афганских и пакистанских шиитских общин, насчитывали в разное время от 10 до 20 тыс. бойцов. Мотивация бойцов сочетала религиозные (защита шиитских святынь), материальные (жалованье и иранское гражданство) и идеологические (антиизраильский нарратив) компоненты.

«Хезболла» перебросила в Сирию тысячи опытных бойцов, сыгравших ключевую роль в переломных сражениях под Алеппо, Хомсом и Дамаском. Параллельно Иран выстраивал политическую, медийную и религиозную инфраструктуру своего присутствия – финансировал строительство мечетей, шиитских культурных центров и религиозных школ, стремясь закрепить долгосрочное влияние на части сирийского общества [6]. Это «мягкосиловое» измерение вмешательства нередко вступало в прямое противоречие с интересами самого Асада, который видел в нем угрозу светскому характеру сирийского государства.

Военные усилия Ирана были в 2015 году существенно поддержаны российским вмешательством. Россия обеспечила воздушную мощь, которой Тегеран не располагал, тогда как Иран – наземное присутствие и прокси-сети. Тем не менее, данный альянс носил ситуативный характер: интересы Москвы

и Тегерана в Сирии совпадали в одном – сохранении Асада, – но расходились по вопросам политического урегулирования, курдской проблемы и постконфликтного устройства страны [7].

Астанинский формат и место Ирана в многостороннем управлении конфликтом

Запуск астанинского процесса в январе 2017 года по инициативе России при участии Турции и Ирана стал попыткой институционализировать взаимодействие трех держав, ставших де-факто определяющими внешними акторами сирийского конфликта. С теоретической точки зрения, Астана представляла собой форму «ситуативного сотрудничества» конкурирующих держав: три государства с принципиально различными интересами и поддерживавшие противоборствующие стороны конфликта (Иран и Россия – Асада, Турция – вооруженную оппозицию) нашли формат, позволявший управлять противоречиями, не устраняя их.

Однако внутренние противоречия между тремя гарантами нарастали по мере приближения к 2024г. Россия была раздражена систематическим нарушением Асадом договоренностей об Идлибе и его нежеланием идти на политическое урегулирование. Иран, в свою очередь, обнаружил, что его влияние на Дамаск неуклонно ослабевает. Турция, поддерживавшая ХТШ и Сирийскую национальную армию (СНА), де-факто готовила инфраструктуру для финального наступления. Встреча в рамках астанинского формата в Дохе 7 декабря 2024 года – за сутки до падения Дамаска – наглядно обнажила исчерпанность этого механизма: иранские и российские представители фактически признали, что «битва за Сирию» проиграна Турции. Иран лишился не только военного присутствия в Сирии, но и дипломатического плацдарма, позволявшего участвовать в управлении конфликтом на равных с другими великими державами. В новых условиях Тегеран оказывается в положении внешнего наблюдателя, а не соавтора сирийского урегулирования.

Факторы эрозии иранского влияния до смены режима

Еще до декабря 2024 года иранское присутствие в Сирии подвергалось нарастающему давлению, которое понемногу подтачивало его эффективность. Аналитически целесообразно выделить три группы факторов – внешние (израильские удары), внутренние (противоречия с Асадом) и системные (ослабление «оси сопротивления» в целом).

Первая группа – систематические израильские удары по иранской инфраструктуре. Начиная с 2013 года, Израиль провел в Сирии тысячи авиационных

операций в рамках кампании “Campaign Between the Wars”, целенаправленно уничтожая склады вооружений, позиции и командные пункты КСИР и «Хезболлы». Проанализировав статью Института исследований национальной безопасности (INSS), можно выдвинуть идею о том, что израильские удары по иранскому персоналу в Сирии на протяжении многих лет не позволяли Ирану закрепить стратегические завоевания сирийской гражданской войны [2]. Эти потери существенно дезорганизовали иранские оперативные сети и нарушили механизмы координации между Тегераном и его сирийскими союзниками.

Вторая группа – нарастание противоречий между Тегераном и Асадом. Сирийский президент все более тяготился иранской опекой: он ограничивал свободу передвижения сотрудников КСИР, отказался предоставить Голанские высоты в качестве плацдарма против Израиля и последовательно сдерживал попытки Тегерана расширить шиитское религиозное присутствие в стране. Утечки, раскрывавшие маршруты перемещения иранских офицеров и ставшие, по всей видимости, источником для израильских спецопераций, усиливали подозрения в отношении Дамаска.

Третья группа – системное ослабление «оси сопротивления» под воздействием событий, последовавших за нападением ХАМАС 7 октября 2023 года. Израильская военная операция в секторе Газа повлекла за собой тяжелые потери для ХАМАС, а конфликт в Ливане осенью 2024 года нанес «Хезболле» катастрофический урон: была уничтожена значительная часть командного состава, включая генерального секретаря Хасана Насраллу, разрушена военная инфраструктура [4]. «Хезболла» была вынуждена выводить бойцов из Сирии для восполнения потерь на ливанском фронте, что в критический момент лишило сирийское правительство незаменимой силовой поддержки.

Совокупность этих факторов привела к тому, что к ноябрю 2024 года Иран находился в состоянии стратегической перегрузки: его ресурсы были распределены между несколькими конфликтными театрами одновременно – Газой, Ливаном, Йеменом, Ираком и Сирией, – причем ни на одном из них ситуация не развивалась в пользу Тегерана. Именно в этой уже ослабленной конфигурации его застало наступление ХТШ.

Смена режима и ее немедленные последствия для Ирана

Ноябрьско-декабрьское наступление ХТШ в 2024 году поставило Иран и Россию перед свершившимся фактом. Уже в ходе хомсских боев стало очевидно, что сирийская армия, лишенная боеспособности и воли к сопротивлению, неспособна удержать позиции. Показательно, что Асад в последние часы режима убеждал военное руководство, что поддержка со стороны России

«уже в пути», – что свидетельствует о полном разрыве коммуникации между союзниками.

В военном отношении Иран лишился разветвленной инфраструктуры: баз хранения вооружений, тренировочных лагерей, командных пунктов, создававшихся на протяжении тринадцати лет. Прекращение функционирования «наземного коридора» Иран – Ирак – Сирия – Ливан нанесло критический удар по логистике снабжения «Хезболлы». Новые власти Сирии заблокировали въезд иранским гражданам и неоднократно перехватывали оружие, предназначенное для «Хезболлы».

В политическом отношении новые сирийские власти во главе с Ахмадом аш-Шараа заняли по отношению к Тегерану демонстративно дистанцированную позицию. Примечательна оценка самого аш-Шараа, данная в декабре 2024 года: «Сирийская оппозиция отбросила иранский проект в регионе на 40 лет назад» [2]. Первоначальное заявление аятоллы Хаменеи с призывом к сирийцам «подняться» против новых властей было воспринято как попытка вмешательства и лишь ухудшило дипломатическое положение Тегерана [5].

В экономическом отношении Иран утратил многолетние инвестиции, оцениваемые в десятки млрд долларов. На внутриполитическом уровне потеря Сирии усилила позиции тех иранских элит, которые призывают к пересмотру ядерной доктрины и переходу к вооруженному сдерживанию напрямую – без опоры на прокси-инструменты [4].

Иран как «ограниченный актор»: структурные ограничения и адаптивные стратегии

Структурные ограничения носят комплексный характер. Во-первых, институциональное отчуждение: новые сирийские власти не только не заинтересованы в иранском присутствии, но активно противодействуют ему. В отличие от периода Асада, когда Иран пользовался защитой официального Дамаска, теперь любые попытки восстановить сети встречают противодействие как со стороны новых властей, так и со стороны Турции и Израиля, которые имеют собственные стимулы не допустить иранского возвращения.

Во-вторых, военно-логистические ограничения: без наземного коридора через Сирию переброска тяжелых вооружений в Ливан становится делом принципиально более сложным и рискованным. Морские маршруты легко отслеживаются и перехватываются, воздушные – уязвимы перед израильской авиацией.

В-третьих, экономические ограничения: многолетние санкции США и ЕС, подорвавшие нефтяные доходы Ирана, сужают финансовую базу иранского патроната. Потеря сирийских активов лишает Тегеран также ряда механизмов обхода санкций, которые использовали аффилированные с КСИР структуры.

Тем не менее, Иран демонстрирует признаки попыток адаптации. Во-первых, по имеющимся данным, Тегеран «уже работает над созданием новых прокси- и партнерских формирований в Сирии», на этот раз опираясь не только на шиитские, но и на отдельные суннитские сети – что свидетельствует об идеологической гибкости, продиктованной стратегической необходимостью [8]. Во-вторых, Иран переориентирует ресурсы: западные СМИ сообщали в апреле 2025 года о переброске новых баллистических и крылатых ракет большей дальности иракским шиитским формированиям, что компенсирует утраченный сирийский плацдарм расширенным потенциалом удара в других звеньях «оси» [8].

Примечательна и дипломатическая двойственность Тегерана. Президент Пезешкиан публично признал право сирийского народа самостоятельно определять свое будущее, а МИД Ирана выразил готовность к диалогу с новыми властями [4]. Аш-Шараа, в свою очередь, заявил в интервью государственному телевидению: «Иран оставил глубокую рану у сирийцев. Но мы не говорим, что разрыв отношений между нами и Ираном будет постоянным. Если мы достигнем стадии, при которой Сирия будет уважаема, нет вмешательства во внутренние дела и не разжигается межконфессиональная напряженность, – отношения будут установлены» [5]. Подобное поведение характерно для держав «среднего ранга», оказавшихся в ситуации «стратегического вытеснения», и свидетельствует об отсутствии консенсуса относительно дальнейшего курса.

Заключение

Трансформация роли Ирана в Сирии после смены режима представляет собой один из наиболее значимых геополитических сдвигов на Ближнем Востоке со времен «Арабской весны».

Иран перешел от позиции незаменимого стратегического союзника, инвестировавшего в Сирию более десяти лет усилий и десятки млрд долларов, к роли актора с существенно ограниченными возможностями влияния на сирийский процесс.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, трансформация иранской роли носила постепенный и многофактор-

ный характер: ее предпосылки – систематические израильские удары, нарастание противоречий с Асадом, ослабление «Хезболлы» и системный кризис «оси сопротивления» – складывались задолго до декабря 2024 года.

Во-вторых, потеря Сирии обнажила структурные уязвимости иранской модели «передовой обороны» и принципиальные ограничения стратегии прокси-войн. Чрезмерная зависимость от единственного государственного члена «оси» создавала системный риск: при разрушении этого звена весь механизм «стратегической глубины» давал сбой.

В-третьих, Иран не является устраненным актором: у него сохраняются рычаги влияния через иракские прокси, дипломатические контакты и потенциал дестабилизации. Параллельно Тегеран предпринимает попытки создать новые сети внутри Сирии.

В-четвертых, трансформация иранской роли существенно меняет конфигурацию астанинского формата: Иран утрачивает статус полноправного гаранта сирийского урегулирования, а его место в региональной архитектуре оказывается занято Турцией, укрепившей свои позиции как ключевой внешний покровитель новой Сирии.

Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на эмпирической верификации адаптивных стратегий Тегерана по мере накопления данных, а также на сравнительном анализе иранских и российских потерь в Сирии как двух держав, оказавшихся в схожем положении «вытесненных» акторов в постасадовской реальности. Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, насколько опыт Сирии способен изменить иранскую ядерную политику – и не станет ли «ограниченный актор» в конвенциональном измерении более решительным актором в измерении ядерном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Britannica. Axis of Resistance // Encyclopedia Britannica. 2025. URL: https://www.britannica.com/topic/Axis-of-Resistance (дата обращения: 07.04.2026).
2. Fracturing the Axis: Degrading and Disrupting Iran's Proxy Network // Institute for National Security Studies (INSS) and the Israel Policy Forum (IPF). 2025. URL: https://www.inss.org.il/publication/fracturing-the-axis/ (дата обращения: 07.04.2026).
3. House of Commons Library. Syria after Assad: Consequences and interim authorities 2025 // UK Parliament Research Briefing. CBP-10161. 2025. URL: https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-10161/ (дата обращения: 07.04.2026).
4. *Nada G., Glantz M.* Iran and Russia Are the Biggest Regional Losers of Assad's Fall // United States Institute of Peace. 12.12.2024. URL: https://web.archive.org/web/20251103124135/https://www.usip.org/publications/2024/12/iran-and-russia-are-biggest-regional-losers-assads-fall (дата обращения: 07.04.2026).
5. *Jazaeri I., Sharifi K.* One Year After Assad's Fall: Iran's Strategic Collapse in Syria // Radio Free Europe / Radio Liberty. 08.12.2025. URL: https://www.rferl.org/a/iran-syria-anniversary-assad-fall-sharaa-hts/33616352.html (дата обращения: 07.04.2026).

6. *Cafarella J., Casagrande G.* The Quds Force in Syria: Combatants, Units, and Actions // CTC Sentinel. June 2023. URL: https://ctc.westpoint.edu/the-quds-force-in-syria-combatants-units-and-actions/ (дата обращения: 07.04.2026).
7. *Восканян В.В.* Иран обсуждает сценарии после падения власти Асада // Sputnik Армения. 13.12.2024. URL: https://am.sputniknews.ru/20241213/iran-obsuzhdaet-stsenarii-posle-padeniya-vlasti-asada-voskanyan-o-tom-chto-zhdet-siriyu-83955161.html (дата обращения: 07.04.2026).
8. *Carter B., Carl N.* The State of the Axis of Resistance: Assessing Risks and Opportunities for the United States // "American Enterprise Institute", 2025. URL: https://www.aei.org/research-products/report/the-state-of-the-axis-of-resistance-assessing-risks-and-opportunities-for-the-united-states/ (дата обращения: 07.04.2026).

TRANSFORMATION OF IRAN'S ROLE IN SYRIA AFTER REGIME CHANGE: FROM A STRATEGIC ALLY TO A LIMITED ACTOR

T. Grigoryan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article examines the transformation of Iran's role in Syria following the change of political regime in 2024. The study aims to identify shifts in Tehran's strategic position, which had previously been characterized by its role as one of the key allies of the Syrian government, relying on military presence and a network of affiliated armed groups. The main instruments of Iranian influence and their transformation under new conditions are analyzed. Particular attention is paid to the factors contributing to the reduction of Iran's presence, including changes in Syria's internal political configuration, the growing role of Turkey, and the transformation of the regional balance of power. The study demonstrates that under the new conditions, Iran faces institutional and political constraints that limit its ability to maintain its previous level of engagement. It concludes that Iran is transitioning from the status of a strategic ally to a more constrained actor, forced to adapt its policy to a changing geopolitical environment.
Keywords: Iran, Syria, regime change, regional security.

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ АРМЯНСКИХ ОБЩИН С ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ КРУГАМИ ПРИНИМАЮЩИХ СТРАН В ИНТЕРЕСАХ АРМЕНИИ

И.С. Данилов

Российско-Армянский университет
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Ереване
danivan555@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется специфика политического и общественного влияния армянских общин в России, США и Франции. Проведен сравнительный анализ традиционных методов лоббизма и современных подходов, связанных с сетевой мобилизацией. Доказывается, что на стратегию и тактику диаспоральных общин ключевое влияние оказывает институциональная среда страны пребывания. Если американская модель использует алгоритмизацию массовых политических кампаний, а французская – на элитарную интеграцию и культурную дипломатию, то российская модель опирается на использование медийно-информационных сетей и неформальных контактов. Выявлены ключевые различия в стратегиях взаимодействия диаспоры с принимающими государствами, а также обоснована необходимость консолидации цифровых практик общин для повышения внешнеполитического потенциала Республики Армения.

Ключевые слова: армянская диаспора, цифровые практики, лоббизм, политические круги, мягкая сила.

Введение

В последние годы в политологической и социологической литературе активно исследуется трансформация диаспорального лоббизма под влиянием глобальной цифровизации и развития новых медиа [1–3]. Современные исследователи сходятся во мнении, что классические инструменты кулуарной дипломатии все чаще уступают место открытым сетевым структурам транснациональной мобилизации. Тем не менее, в существующем академическом дискурсе фрагментарно представлен сравнительный анализ того, как эти новые подходы адаптируются одной и той же диаспорой в странах с принципиально различными политическими системами.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью концептуализации новых механизмов продвижения национальных интересов Республики Армения на международной арене. В условиях текущих геополитических вызовов эффективная работа крупнейших зарубежных общин с общественным мнением принимающих стран становится критически важным ресурсом «мягкой силы». *Цель данной работы* – выявить специфику и оценить результативность цифровых и традиционных практик взаимодействия армянских общин с политическими элитами в трех ключевых странах присутствия: России, США и Франции. Исходя из цели, в содержании работы поставлены следующие задачи: проанализировать состояние проблемы адаптации диаспоральных структур к современной информационной среде, определить методы их работы в разных институциональных условиях и систематизировать результаты кампаний по формированию благоприятного имиджа Армении.

Основное содержание работы

Состояние исследуемой проблемы характеризуется высокой диспропорцией между демографическим потенциалом армянской диаспоры и ее реальным политическим весом в ряде стран, что требует поиска новых, асимметричных методов влияния. Постановка задачи данного исследования сводится к поиску ответа на вопрос: какие именно стратегии и цифровые практики демонстрируют наибольшую эффективность в конкретных политических реалиях принимающих государств? Предлагаемый метод решения базируется на сравнительном политологическом анализе и дискурс-анализе цифровых медиа-платформ, используемых армянскими организациями.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют выделить три отличные друг от друга модели работы общин. В Соединенных Штатах Америки, благодаря высокой степени институционализации лоббистской деятельности, армянская община сделала ставку на массовую алгоритмизацию политического участия (grassroots-кампании). Зафиксирован переход от традиционного фандрайзинга к сложным цифровым практикам: использованию автоматизированных систем рассылки обращений конгрессменам, микротаргетингу при работе с избирателями армянского происхождения и краудфандинговым инициативам. Данный метод позволяет оперативно конвертировать общественное недовольство или солидарность в конкретное политическое давление на Капитолийском холме.

Во Франции наблюдается иная картина. Здесь влияние общины исторически базируется на глубокой интеграции армян во французскую культурную и

интеллектуальную элиту. Предлагаемый общиной метод решения политических задач опирается на культурную дипломатию и личные связи с лидерами мнений. В цифровой среде основной акцент делается на медийную мобилизацию в социальных сетях (преимущественно X/Twitter), в которых точечные кампании направлены на привлечение внимания ведущих французских журналистов и политиков к армянской повестке, что обеспечивает быстрый выход проблемы на национальный уровень.

В Российской Федерации, где классические институты лоббизма формализованы иначе, армянская диаспора использует метод интеграции в экономические структуры и медиа-пространство. Установлено, что ключевой цифровой практикой в РФ стало формирование разветвленной сети новостных и аналитических Telegram-каналов. Эти ресурсы выступают не только средством внутриобщинной коммуникации, но и мощнейшим инструментом трансляции проармянских нарративов на широкую русскоязычную аудиторию, формируя общественное мнение в обход традиционных СМИ.

Выводы

Результаты исследования доказывают, что универсальной модели лоббизма не существует: успешность работы армянских общин напрямую зависит от адаптации к политической культуре принимающей страны. Однако объединяющим фактором для России, США и Франции становится форсированное внедрение цифровых практик. Именно цифровизация позволяет диаспоре преодолевать географическую разобщенность и выступать единым фронтом в кризисные моменты. Консолидация этих сетевых инструментов и обмен успешным опытом между общинами разных стран представляет собой перспективный ресурс для усиления внешнеполитических позиций Республики Армения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Снисаренко С.О., Айрапетян Э.М., Хашковский А.В.* Специфика цифровых социальных коммуникаций мигрантов и диаспоры (на примере глобальной армянской общины) // «Социология и право», № 1, 2021. СС. 33–46.
2. *Koinova M.* Diasporas as Cyberwarriors: Infopolitics, Participatory Warfare and the 2020 Karabakh War // “International Affairs”, № 2, 2022. PP. 631–654.
3. *Tölölyan K.* Rethinking Diaspora (s): Stateless Power in the Transnational Moment // “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”, № 1, 1996. PP. 3–36.

PECULIARITIES OF THE WORK OF ARMENIAN COMMUNITIES WITH PUBLIC OPINION AND POLITICAL CIRCLES OF HOST COUNTRIES IN THE INTERESTS OF ARMENIA

I. Danilov
Russian-Armenian University
Branch of Lomonosov Moscow State University in Yerevan

ABSTRACT

The article examines the specifics of the political and social influence of Armenian communities in Russia, the United States, and France. A comparative analysis of traditional lobbying methods and modern approaches related to network mobilization is conducted. It is proven that the institutional environment of the host country exerts a key influence on the strategy and tactics of diaspora communities. While the American model uses the algorithmization of mass political campaigns, and the French model relies on elite integration and cultural diplomacy, the Russian model is based on the use of media-information networks and informal contacts. Key differences in the strategies of the diaspora's interaction with host states are identified, and the necessity of consolidating the digital practices of the communities to enhance the foreign policy potential of the Republic of Armenia is substantiated.
Keywords: Armenian diaspora, digital practices, lobbying, political circles, soft power.

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СРЕДЫ БЕЗОПАСНОСТИ И НАТО

Н.А. Дорванян

Российско-Армянский университет
dorvanyan2004@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрены основные тенденции и изменения в среде международной безопасности, а также постепенная трансформация Североатлантического альянса и приспособление к новым реалиям после завершения «холодной войны», включая приоритизацию уже существующих и проявления качественно новых угроз.

Ключевые слова: НАТО, международная безопасность, среда безопасности, трансформация международной среды.

Введение

Начиная с 1990-х годов по сей день международные отношения трансформируются под воздействием доминирующих в международных отношениях тенденций. Подобным образом трансформируется и среда безопасности. Представляется важным понять – в каких направлениях происходят качественные сдвиги традиционных устоев международной среды безопасности и впоследствии чего. Также в данной статье предстоит понять как Североатлантический союз ответно реформировал свою структуру коллективной обороны.

Объектом исследования в данной статье выступает международная среда безопасности, а *предметом* – трансформация данной среды и адаптация НАТО к ее изменениям. *Целью работы* является показать на примере НАТО, что для поддержания дееспособности организации коллективной обороны необходимо определять приоритетные направления и тенденции международных отношений и среды безопасности и ответно адаптироваться к сложившимся обстоятельствам.

В основе *методологии* был взят исторический подход и системный анализ международных отношений. Были использованы **методы** анализа и изучения документов.

Трансформация международной среды безопасности после распада биполярной системы международных отношений

После распада СССР и окончания «холодной войны» мир начал преобразовываться – блоковому мышлению периода биполярного мироустройства на

замену пришли качественно новые тенденции. Как отмечал бывший генеральный секретарь НАТО М. Вернер: «Распад советского коммунизма оставил нас перед парадоксом: угроз стало меньше, но и мира стало меньше», ведь завершение «Холодной войны» не отменило антагонизма и соперничества между государствами, хоть существенным образом и снизило уровень напряженности в международных отношениях.

Начиная с 1990-х годов, на передний план международной безопасности начали выходить вызовы, которым не уделялось особого внимания в период «холодной войны». В Стратегической концепции НАТО 1999г. выделяются угрозы следующего характера: **международный терроризм**, **организованная преступность**, **распространение ОМП**, а также **массовая** и **неконтролируемая миграция**, из-за кризисных ситуаций и экономической нестабильности. В Концепции утверждается: «Безопасность Альянса по-прежнему подвержена широкому спектру военных и невоенных рисков, которые носят многосторонний характер и часто труднопредсказуемы.»

Несмотря на то, что Североатлантический альянс рассматривает угрозы, перечисленные выше, как дестабилизирующие явления для трансатлантических отношений, подобные угрозы в постбиполярный период можно проецировать на весь мир в целом. Рост взаимозависимости, трансграничных потоков, научно-технологическое развитие и его распространение создали как платформу сотрудничества между акторами мировой политики, так и подготовили новую почву дестабилизации международных отношений. Прозрачность границ, с одной стороны, стимулировала мировую торговлю и развитие, а с другой – такая открытость облегчала распространение международного терроризма. Доказательством этому стали террористические акты на территории США 11 сентября 2001г., совершенные базирующейся на территории Афганистана террористической организацией Аль-Каида – на расстоянии более чем 10.000 км.

В современной среде международной безопасности все большую роль начинают играть негосударственные акторы, к ним относятся: террористические организации, частные военные компании, антиправительственные вооруженные формирования, преступные группировки и другие нетрадиционные акторы в сфере безопасности.

Как отмечают О.А. Спирина и Л.В. Рожкова, в современной международной среде безопасность обеспечивается при помощи соблюдения норм и принципов международного права. Следует отметить, что исходя не только из моральных соображений государства готовы соблюдать нормы международного

права. Как уже было сказано, современные МО характеризуются ростом взаимозависимости, как в политической, так и экономической пространствах, тем самым, любой конфликт становится невыгодным не только посредственно для участников данного конфликта, а имеет потенциал перерасти в глобальный кризис. Тем не менее, государства все еще решительны в применении жесткой силы для защиты своих национальных интересов. Параллельно, важным инструментом международной политики стала, так называемая, «мягкая сила» (Дж. Най).

Подводя итоги, характерными свойствами трансформации международной безопасности: 1) распространение глобализации, с вытекающими из нее как положительных, так и отрицательных явлений; 2) расширение круга акторов, влияющих на среду безопасности, 3) появление проблем глобального характера, такие как: вопросы сохранения окружающей среды, проблема миграции, международного терроризма. 4) комбинация как военного, так и невоенного инструментария в международных отношениях.

НАТО в условиях трансформирующейся среды безопасности

Североатлантический альянс был сформирован в 1949г. с целью противодействия угрозе с «Востока» и, после краха СССР, перед Альянсом возникла проблема переосмысления своих целей и функций. 1990-е годы можно описать как период доминирующего влияния США и НАТО, когда большинство международных конфликтов разрешалось либо исключительно силами НАТО, либо при его активном и определяющем вовлечении. Как отмечал А.Д. Богатуров, «США остались единственной «комплексной» сверхдержавой... США не будут рассматривать себя как рядового члена системы».

Как уже отмечалось выше, в мире после «холодной войны» происходили качественные сдвиги в понимании внешней среды безопасности. Не только военно-политическое превосходство на международной арене, но и тенденция глобализации, сподвигли Альянс на расширение сферы своих компетенций. Угрозы более не исходили исключительно со стороны одного стратегического соперника, но все чаще стали носить ассиметричный характер, как в случае с террористическими актами 11 сентября 2001 года. Как было описано в предыдущей главе, из-за роста трансграничных потоков и прозрачности границ в пост-биполярный период, террористическим организациям стало значительно проще проникать и функционировать внутри государств.

В период «холодной войны», США и СССР не шли открыток использование жесткой военной силы непосредственно друг против друга. Инструментом ведения военных компаний и продвижения своих интересов заграницей

того времени служили, так называемые, прокси-войны. Однако, в пост-биполярный период главным инструментом НАТО для вовлечения и разрешения конфликтов стали гуманитарные интервенции.

В рамках изучения проблемы расширения списка вызовов, угрожающих среде безопасности НАТО правомерно отдельно отметить кибер-угрозы. Кибератаки обрели потенциал угрожать международной безопасности благодаря двум следующим факторам, которые в данной статье упоминались неоднократно: научно-техническое развитие, и ее всеобщее распространение в рамках глобализации. В Стратегической концепции 2010 года Альянса отмечается, что кибер-атаки становятся все более частым явлением и необходимо выработать план сотрудничества НАТО и его союзников в сфере кибер-безопасности. В 2024 году НАТО по итогам Вашингтонского саммита публикует документ под названием «Киберзащита», где киберпространство обозначается как одно из первичных направлений стратегического сдерживания и обороны. В свою очередь кибер-угрозы входят в более содержательную сферу современных угроз – гибридных-угроз. В 2026г. НАТО публикует документ «Противодействие гибридным угрозам». Судить об обеспокоенности НАТО измерением гибридных угроз можно по следующему утверждению из документа, названного выше: «Альянс публично заявляет, что гибридные действия против одного или нескольких союзников могут привести к решению о применении статьи 5 Североатлантического договора». Данное заявление можно интерпретировать, как адаптация Альянса к новым реалиям, где коллективной безопасности может угрожать не только традиционная конвенционная война, но также и другие, качественно новые угрозы исходящие из разных сфер.

Подводя итоги, следует отметить, что с начала пост-биполярного периода Североатлантический альянс трансформировался под воздействием внешней среды безопасности, последовательно реформируя свои стратегии и инструменты реагирования. Принятая в 2022 году Стратегическая концепция закрепила приверженность к адаптации к трансформирующейся среде безопасности, определяя приоритеты Альянса на следующее десятилетие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дериглазова Л.В.* Проблемы обеспечения международной безопасности после окончания «холодной войны» [Эл. ресурс]; URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obespecheniya-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-posle-okonchaniya-holodnoy-voyny/viewer
2. *Спирина О.А., Рожкова Л.В.* Состояние системы международной безопасности на современном этапе [Эл. ресурс]; URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-sistemy-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-na-sovremennom-etape-1/viewer
3. *Торкунов А.В., Мальгина А.В.* Современные международные отношения. М.: «Аспект Пресс», 2012. С. 423.

4. NATO. A short history of NATO; URL: https://www.nato.int/en/about-us/nato-history/a-short-history-of-nato
5. NATO. Countering hybrid threats – 29.01.2026; URL: https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/countering-hybrid-threats
6. NATO. Cyber defence – 30.07.2024; URL: https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/cyber-defence
7. NATO. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization 2010 – 19.11.2010; URL: https://www.nato.int/content/dam/nato/legacy-wcm/media_pdf/pdf_publications/20120214_strategic-concept-2010-eng.pdf
8. NATO. Strategic Concept 2022 – Madrid, 29.06.2022; URL: https://www.nato.int/content/dam/nato/webready/documents/publications-and-reports/strategic-concepts/2022/290622-strategic-concept-ru.pdf

THE PROBLEM OF THE TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL SECURITY ENVIRONMENT AND NATO

N. Dorvanyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This academic article examines the main trends and changes in the international security environment, as well as the gradual transformation of the North Atlantic Alliance and its adaptation to new realities after the end of the Cold War, including the prioritization of existing threats and the emergence of qualitatively new ones.
Keywords: NATO, international security, security environment, transformation of the international security environment.

ГИБРИДНЫЙ РАЗВОРОТ В ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ И МЕДИАСТРАТЕГИИ РОССИИ И АРМЕНИИ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Н.К. Качалов

Институт социологии и регионоведения ЮФУ
nikachalov@sfedu.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются трансформации публичной дипломатии и медиастратегий Российской Федерации и Республики Армения в условиях современных геополитических изменений после 2022 года. Особое внимание уделяется процессу «гибридизации» дипломатических инструментов, предполагающему сочетание традиционных форм межгосударственного взаимодействия с цифровыми коммуникациями, медиаплатформами и механизмами информационного влияния. На основе сравнительного анализа выявляются ключевые особенности медиастратегий двух государств: глобально ориентированный характер российской медиаполитики и сетевой, во многом диаспоральный, подход Армении. Рассматриваются факторы, повлиявшие на трансформацию публичной дипломатии, включая цифровизацию, региональные конфликты и изменения в системе международной безопасности. В результате исследования делается вывод о формировании гибридных моделей дипломатической коммуникации, отражающих адаптацию государств к новым условиям международной политической среды.

Ключевые слова: публичная дипломатия, гибридная политика, Россия, Армения, международные отношения.

Введение

В современных международных отношениях наблюдается существенная трансформация форм и инструментов дипломатической деятельности государств. Традиционная дипломатия, ориентированная преимущественно на межгосударственные переговоры и официальные каналы взаимодействия, постепенно дополняется новыми форматами коммуникации, направленными на более широкую международную аудиторию.

Развитие глобального информационного пространства, цифровых технологий и медиа существенно изменило характер международной политической коммуникации. Современные государства все активнее используют различные медиаплатформы, социальные сети и информационные ресурсы для распространения собственных нарративов и укрепления позиций на международ-

ной арене. В данном контексте особую роль приобретают так называемые гибридные формы дипломатии и медиастратегий, которые сочетают традиционные дипломатические инструменты с элементами информационной политики, медиавлияния и цифровой коммуникации.

Актуальность данного исследования обусловлена современными геополитическими изменениями, которые оказывают значительное влияние на трансформацию внешнеполитических стратегий государств. Усиление информационного противоборства, региональные конфликты и перераспределение политического влияния в различных регионах мира стимулируют государства к активному использованию инструментов публичной дипломатии и медиаполитики. Особенно заметно эти процессы проявляются на постсоветском пространстве и в регионе Южного Кавказа, где информационные и политические стратегии государств формируются под воздействием сложной системы региональных и глобальных факторов. В данном контексте, особый интерес представляет анализ публичной дипломатии и медиастратегий России и Армении. Россия, обладая значительным медиаресурсом и опытом информационного взаимодействия на международной арене, активно использует инструменты публичной дипломатии для продвижения собственной внешнеполитической повестки. В свою очередь, Армения, находясь в сложной региональной среде и сталкиваясь с рядом внешнеполитических вызовов, также развивает собственные механизмы информационного взаимодействия, включая использование цифровых платформ и потенциала армянской диаспоры.

Целью данного исследования является анализ особенностей гибридного разворота в публичной дипломатии и медиастратегии России и Армении в современных геополитических условиях.

Для достижения поставленной цели предполагается решить ряд задач: рассмотреть теоретические основы публичной дипломатии и медиастратегий, определить ключевые геополитические факторы их трансформации, проанализировать особенности медиастратегии России и Армении, а также выявить основные тенденции и перспективы развития информационной дипломатии в современных международных отношениях.

Использованные методы исследования:

- сравнительный политологический анализ;
- анализ медиапространства Республики Армения и Российской Федерации;
- анализ научной литературы и политических документов.

Источниковая база:

- научные статьи;

- аналитические доклады;
- публикации СМИ;
- официальные документы и заявления государственных служащих.

Понятие «публичная дипломатия»

Стоит определиться с тем, что же называют «публичной дипломатией». Данный термин был впервые предложен в 1965 году Эдмундом Галлионом, деканом Школы права и дипломатии при университете Тафтса. Под публичной дипломатией (“public diplomacy”) тогда понимался «процесс, посредством которого субъекты международных отношений достигают внешнеполитических целей, оказывая воздействие на иностранную общественность» [1].

Геополитические факторы трансформации публичной дипломатии

На трансформацию же публичной дипломатии влияют геополитические факторы, связанные с глобализацией, развитием информационных технологий, усилением негосударственных акторов и изменением баланса сил в международных отношениях. Эти процессы приводят к изменениям в информационной политике государств на зарубежную аудиторию, в методах воздействия на нее и в роли публичной дипломатии как инструмента внешней политики [2].

Процесс глобализации является одним из ключевых факторов трансформации медиастратегий государств, а также публичной дипломатии. Отдельные граждане, неправительственные организации и транснациональные корпорации принимают все более активное участие в дискуссии по проблемам международных отношений.

Использование Интернета, социальных сетей и других цифровых платформ для реализации внешней политики – все это сделало возможным обращаться напрямую к целевой аудитории с конкретными сообщениями, налаживать диалог в формате «гражданин-гражданин, человек-человек», оперативно предоставлять информацию, опровергать недостоверные сведения, подтверждать сведения из официальных источников.

При этом цифровая дипломатия не стала заменой традиционной, а лишь дополняет ее инструментарий [3].

Стоит отметить, что если ранее публичная дипломатия рассматривалась как средство воздействия только государства, то в настоящее время все чаще говорят о публичной дипломатии международных организаций и союзов.

Следующим фактором является обострение противоречий между отдельными государствами и коалициями. Это превращает публичную дипломатию в важный инструмент воздействия на международные отношения, на политику, на диалог между сторонами с несовпадающими национальными интересами.

Ослабление системы глобальной безопасности, а именно: деформация и раздробленность которой приводят к нарастающей хаотизации международных отношений. В этих условиях публичная дипломатия может использоваться для воздействия на политическую ситуацию, например, для создания условий для гибридных войн, которые включают информационное противоборство и санкционное давление [4].

При этом на трансформацию публичной дипломатии влияет и высокая степень неопределенности развития политической ситуации, многие из которых целенаправленно создаются и считаются управляемыми. Это влияет на прогнозирование и планирование публичной дипломатии, так как малый толчок может спровоцировать лавину с непредсказуемыми последствиями.

Особенности медиастратегии России

После 2022 года публичная дипломатия России приобрела более выраженный гибридный характер. Одним из ключевых элементов данной стратегии стало активное использование международных медиаплатформ и цифровых каналов коммуникации. Государственные медиапроекты ориентированы на формирование собственной интерпретации международных событий, в противовес западной информационной повестке, при этом критикуя данную повестку. Медиаресурсы распространяют контент на различных языках и ориентированы на аудиторию в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке. Примером можно привести платформу RT (“Russia Today”). Исследования показывают, что медианарративы данной платформы часто направлены на демонстрацию кризисных явлений в западных странах и критику западных политических институтов.

Кроме того, российские медиа активно используют цифровые платформы и мессенджеры для распространения информационных сообщений. В частности, после ограничений на традиционные медиаканалы значительная часть контента стала распространяться через социальные сети и мессенджеры, включая *Telegram*, что позволило сохранить международную аудиторию. Мессенджер *Telegram* является одним из главных, если не самым главным инструментом для распространения основных политических тезисов России,в условиях если (или же когда) иные медиаплатформы будут блокироваться на территории, например, государств Европы.

Одновременно с этим, наблюдается усиление регулирования информационного пространства внутри России. После 2022 года были приняты законодательные нормы, предусматривающие ответственность за распространение

информации, противоречащей официальной позиции государства относительно внешнеполитических конфликтов. Эти меры привели к изменению структуры информационного пространства.

Особенности медиастратегии Армении

Публичная дипломатия Армении после 2022г. также претерпела заметные изменения. Одним из ключевых факторов стала трансформация региональной безопасности после Карабахского конфликта 2023 года и активизация дипломатических переговоров с Азербайджаном. После военной операции Азербайджана в Нагорном Карабахе в сентябре 2023 года Армения начала перестраивать не только внешнюю политику, но и публичную коммуникацию. Этот процесс может рассматриваться как переход от политики безопасности, ориентированной на Россию, к более диверсифицированной дипломатии и активной публичной дипломатии.

7 декабря 2023 года было опубликовано первое в истории двустороннее заявление администраций президента Азербайджана и премьер-министра Армении о настроенности на полное урегулирование отношений и конкретных шагах навстречу друг другу. Армения стала продвигать нарратив о региональной взаимосвязанности и сотрудничестве, что проявилось в инициативе премьер-министра Никола Пашиняна “Crossroads of Peace”, представленной в 2023 году. Она предполагает развитие транспортных и инфраструктурных коридоров между Арменией, Азербайджаном, Турцией и Ираном. В рамках новой внешнеполитической стратегии армянское руководство продвигает концепцию «мирной повестки», предполагающую нормализацию отношений с соседними государствами и укрепление международных партнерств.

Кроме того, важным элементом медиастратегии Армении является использование ресурсов армянской диаспоры. Диаспора активно участвует в формировании международного общественного мнения через общественные организации, медиа и социальные сети. В последние годы усиливается роль цифровой дипломатии, в рамках которой государственные структуры и общественные организации используют онлайн-платформы для распространения информации о региональных конфликтах и гуманитарных проблемах. Некоторые организации армянской диаспоры в России, которые занимаются публичной дипломатией:

- Московская общественная организация «ДИАЛОГ» учреждена в 2017 году, способствует сохранению, укреплению и расширению российско-армянского многостороннего сотрудничества[1];
- Русско-армянское содружество (РАС), способствует развитию российско-армянского диалога через общественные проекты: например, развивает программу «Армения глазами друзей», в рамках которой организуются презентации трудов российских и зарубежных авторов о культуре, истории армянского народа и современной Армении.

Нельзя не упомянуть об еще одной особенности медиастратегии Армении, а именно: о продвижении своих социальных сетей премьер-министром Николом Пашиняном. Политик активно ведет свой блог в сети Instagram, охват составляет 720 тыс. подписчиков. В нем премьер-министр периодически делится отрывками своей жизни, при этом это необязательно могут быть политические аспекты, но и повседневность. Данная особенность придает стратегии Армении «человечности», поскольку очень немногие политики или главы государств готовы показывать свою жизнь на публичное обозрение. Прямое взаимодействие с многочисленной аудиторией демонстрирует готовность руководство Республики Армения к переменам в традиционных дипломатических приемах, с креативом подходя к выстраиванию имиджа государства на международной арене.

Сравнение «гибридизации» в дипломатии России и Армении

Сравнительный анализ показывает, что медиастратегии России и Армении развиваются в рамках общей тенденции гибридизации дипломатических инструментов, однако отличаются масштабами и институциональной структурой.

В контексте исследования пространства России и Армении нельзя не упомянуть конфликт в Нагорном Карабахе, который прямо коснулся двух государств: и Россия, и Армения состоят в Организации Договора о Коллективной безопасности. Произошедшие боевые действия стали объектом для освещения в медиапространстве стран. Появились разногласия в трактовке событий, они последовали в комментариях официальных лиц. 24 сентября 2023 года в послании к согражданам Пашинян заявил, что «системы безопасности и союзники, на которых мы надеялись на протяжении многих лет, поставили перед собой задачу <...> обосновать невозможность армянского народа иметь неза-

[1] Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив [Эл. ресурс]: https://russia-armenia.info/node/97198

висимое государство». В ответ МИД РФ 25 сентября 2023г. заявил, что послание премьер-министра Армении содержит неприемлемые выпады против РФ и демонстрирует попытку снять с себя ответственность за провалы во внутренней и внешней политике, переложив вину на Москву[2].

Россия обладает значительно более развитой системой международных медиаплатформ и ресурсами для формирования глобальной информационной повестки. Российская публичная дипломатия ориентирована на широкую международную аудиторию и включает использование медиаканалов, социальных сетей и культурных программ.

Армения, напротив, использует более сетевую модель публичной дипломатии, основанную на взаимодействии государственных структур, диаспоры и общественных организаций. В условиях ограниченных ресурсов особую роль играют цифровые коммуникации и международные общественные кампании, а также инновационные, с точки зрения традиционной политики, действия первых лиц государства в информационной сфере.

Таким образом, гибридный характер современной дипломатии проявляется в сочетании традиционных дипломатических механизмов с инструментами информационной политики и медиакоммуникации. Развитие цифровых технологий и социальных сетей делает медиапространство одним из ключевых полей геополитической конкуренции.

Заключение

Анализ публичной дипломатии и медиастратегий России и Армении показывает, что после 2022 года государства активно адаптируют свои информационные стратегии к новым условиям международной политики. Усиление информационного противоборства, цифровизация медиа и трансформация региональной безопасности способствуют формированию гибридных моделей дипломатической коммуникации.

Россия использует масштабную систему международных медиаплатформ и цифровых каналов для продвижения собственных политических нарративов на глобальном уровне. Армения, в свою очередь, делает акцент на сетевых формах дипломатии, сотрудничестве с диаспорой и использовании цифровых коммуникаций для формирования международного общественного мнения.

[2] Что известно о разногласиях в российско-армянских отношениях с 2022г. [Эл. ресурс]: URL: https://tass.ru/info/18900413 (дата обращения: 11.03.2026).

В условиях дальнейшей цифровизации международной политики роль публичной дипломатии и медиастратегий будет продолжать возрастать, а медиапространство останется важнейшим инструментом геополитического взаимодействия государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шамугия И.Ш.* Понятие «Публичная дипломатия» в теории международных отношений // «Актуальные проблемы современных международных отношений», № 10, 2017.
2. *Лебедева М.М.* Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? Публичная дипломатия: Теория и практика. М.: «Аспект Пресс», 2017. СС. 8–20.
3. *Гребенкина Е.В.* Трансформация дипломатии в рамках сетевой структуры мира // «Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология», № 3 (35), 2016.
4. *Кривохиж С.В, Теленьга М.П.* Трансформация цифровой дипломатии в условиях новых вызовов: взгляд из Вашингтона и Пекина // «Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения», № 2, 2024.
5. *Ачкасова В.А., Корнеева К.В.* Репутация и имидж власти. Медиастратегии формирования // «Управленческое консультирование», № 1 (97), 2017.

THE HYBRID TURN IN PUBLIC DIPLOMACY AND MEDIA STRATEGY OF RUSSIA AND ARMENIA UNDER CONTEMPORARY GEOPOLITICAL CONDITIONS

N. Kachalov
Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

ABSTRACT

This article examines the transformation of the public diplomacy and media strategies of the Russian Federation and the Republic of Armenia in the context of contemporary geopolitical changes following 2022. Particular attention is devoted to the process of the “hybridization” of diplomatic instruments, which combines traditional forms of interstate interaction with digital communications, media platforms, and mechanisms of information influence. Based on a comparative analysis, the study identifies the key characteristics of the two countries' media strategies: the globally oriented nature of Russia's media policy and Armenia's network-based, largely diaspora-driven approach. The article also explores the factors shaping the transformation of public diplomacy, including digitalization, regional conflicts, and changes in the international security architecture. The study concludes that hybrid models of diplomatic communication are emerging, reflecting both states' adaptation to the evolving conditions of the contemporary international political environment.

Keywords: public diplomacy, hybrid policy, Russia, Armenia, international relations.

МЕДИАТОР В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕХАНИЗМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ

А.Ю. Малахова, С.А. Мартиросян

Южный федеральный университет
alikamaleishans@gmail.com, samartirosyan@sfedu.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается роль медиатора в системе национальной безопасности. Анализируются механизмы предупреждения и управления конфликтами, включая поэтапную медиацию, прямые переговоры и мониторинг социальной напряженности. Показано, что медиация снижает уровень насилия и способствует формированию устойчивых моделей взаимодействия. Обосновывается необходимость интеграции медиации в систему управления рисками.

Ключевые слова: медиация, национальная безопасность, конфликт, посредничество.

Введение

В условиях роста глобальной нестабильности конфликты становятся более сложными и затяжными. По данным международных исследований, свыше 70% современных конфликтов являются внутригосударственными, а их средняя продолжительность за последние десятилетия существенно увеличилась [1]. Это указывает на ограниченность традиционных механизмов управления конфликтами, основанных преимущественно на силовом и административном воздействии.

Особенно уязвимой сферой остаются межнациональные отношения, где конфликт формируется не только на основе объективных противоречий, но и под влиянием культурных различий, стереотипов и дефицита доверия. Даже локальные инциденты в такой среде могут быстро эскалироваться. В этих условиях возрастает значение медиации как инструмента, способного работать не только с последствиями, но и с динамикой конфликта. Вместе с тем медиация по-прежнему часто воспринимается как вспомогательная практика.

Научная проблема заключается в недостаточной разработанности представления о медиаторе как элементе системы национальной безопасности.

Цель исследования – определить, каким образом медиация выступает механизмом предупреждения и управления конфликтами и какую роль медиатор играет в снижении рисков и обеспечении устойчивости системы.

Методы

Исследование носит аналитико-прикладной характер и основано на:

- анализе современной научной литературы (2020–2023гг.);
- сравнительном сопоставлении силовых, административных и медиативных подходов;
- обобщении типовых сценариев (кейс-подход, включая анализ одного из актуальных кейсов).

Сравнивались: прямые и непрямые форматы медиации, поэтапные модели переговоров, а также краткосрочные и долгосрочные эффекты посредничества. Дополнительно учитывались практики раннего предупреждения (мониторинг напряженности, риторики и локальных инцидентов).

Результаты

Анализ позволил уточнить роль медиатора и выявить механизмы влияния медиации на систему национальной безопасности.

1. *Снижение насилия и деэскалация*. При участии посредника вероятность деэскалации возрастает в среднем на 20–30% [2]. Медиатор переводит конфликт в переговорную плоскость и снижает интенсивность противостояния.

2. *Эффективность прямых переговоров*. Около 70% успешных урегулирований связаны с форматом *face-to-face* при участии медиатора [3]. Прямой контакт снижает искажения информации и ускоряет выработку решений.

3. *Значимость поэтапной модели*. Наиболее устойчивые результаты достигаются при последовательности: двусторонние консультации → непрямая медиация → прямые переговоры. Это уменьшает риск срыва переговоров.

4. *Краткосрочный и долгосрочный эффект*. В краткосрочной перспективе медиация снижает насилие; в долгосрочной – формирует устойчивые нормы взаимодействия. Вероятность повторного конфликта снижается примерно в 50 % случаев [4].

5. *Информационно-доверительная функция медиатора*. Медиатор уменьшает информационную асимметрию, корректирует восприятие угроз и создает безопасную рамку диалога – критично для межэтнических конфликтов.

6. *Медиация как раннее предупреждение*. Мониторинг сигналов (рост напряженности, изменение риторики, увеличение локальных инцидентов) позволяет выявлять риски на ранней стадии, интегрируя медиатора в контур риск-менеджмента.

В рамках проведенного исследования было установлено, что эффективность медиации существенно возрастает при ее использовании в многоуровневой модели управления конфликтами, включающей как двусторонние переговоры, так и участие посредников.

Анализ современных практик показал, что медиация применяется более чем в половине случаев международных переговоров и в среднем увеличивает вероятность достижения соглашения на 30–40% по сравнению с ситуациями, где посредничество отсутствует. При этом наибольшая эффективность наблюдается при сочетании прямых переговоров (*face-to-face*) с институциональной поддержкой со стороны международных акторов. Полученные результаты обобщены в Табл. 1.

Таблица 1. Сравнительная эффективность методов управления конфликтами.

Метод	**Краткосрочный эффект**	**Долгосрочный эффект**	**Уровень доверия**	**Риск повторного конфликта**
Силовые меры	Высокий	Низкий	Низкий	Высокий
Административные меры	Средний	Низкий	Средний	Средний
Медиация	Средний-высокий	Высокий	Высокий	Низкий

Как видно из Табл. 1, медиация обеспечивает не только стабилизацию, но и долгосрочное снижение конфликтности за счет формирования доверия и устойчивых моделей взаимодействия.

Таблица 2. Эффективность медиации по ключевым показателям.

Показатель	**Значение**
Рост вероятности деэскалации	+20–30 %
Успешные случаи при прямых переговорах	~70 %
Снижение повторных конфликтов	~50 %
Снижение уровня насилия	до 40 %

Данные Табл. 2 подтверждают значимое влияние медиации на динамику и исход конфликтов, включая снижение вероятности повторной эскалации.

Рисунок 1. Поэтапная модель применения медиации в системе управления конфликтами.

Как показано на Рис. 1, медиация представляет собой последовательный процесс, позволяющий воздействовать не только на последствия, но и на причины конфликта.

Для подтверждения полученных результатов рассмотрим пример мирного процесса в Колумбии, завершившегося подписанием соглашения между правительством и вооруженными группами при активном международном посредничестве. Данный конфликт продолжался более 50 лет и сопровождался высоким уровнем насилия. По оценкам, число погибших превысило 200 тыс. человек, а количество перемещенных лиц составило более 6 млн человек.

Переговорный процесс был организован поэтапно и включал:

- предварительные двусторонние переговоры;
- подключение международных посредников;
- проведение прямых переговоров между сторонами;
- разработку комплексного соглашения.

В результате применения медиативных механизмов было достигнуто соглашение, реализация которого привела к существенным изменениям:

- уровень насилия снизился более чем на 40% в первые годы после соглашения;
- количество вооруженных столкновений значительно сократилось;

- была запущена программа разоружения и реинтеграции участников конфликта.

Анализ данного кейса показывает, что:

- медиация эффективна даже в затяжных конфликтах;
- ключевую роль играет последовательность переговоров (от двусторонних контактов к медиации);
- участие международных посредников повышает доверие сторон;
- достигнутые соглашения оказывают долгосрочное влияние на устойчивость системы.

Данный пример подтверждает, что медиация может рассматриваться как инструмент не только урегулирования конфликта, но и формирования устойчивых институтов безопасности.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют рассматривать медиацию не только как инструмент разрешения конфликтов, но и как элемент системы управления рисками в сфере национальной безопасности. Включение эмпирического кейса межгосударственного уровня показало, что медиативные механизмы способны влиять на процессы глобальной стабильности, включая экономические и гуманитарные аспекты.

Вместе с тем эффективность медиации остается зависимой от ряда факторов. Ключевыми ограничениями являются:

- отсутствие доверия между сторонами;
- асимметрия ресурсов и политического влияния;
- зависимость медиатора от внешних интересов.

Кроме того, в условиях межгосударственных конфликтов особое значение приобретает вопрос легитимности посредника. Если одна из сторон не признает его нейтральность, эффективность процесса существенно снижается.

Тем не менее, современные тенденции свидетельствуют о трансформации медиации. Все более значимыми становятся:

- цифровые инструменты переговоров;
- участие негосударственных акторов;
- комбинированные форматы посредничества.

Это позволяет говорить о формировании новой модели медиации как гибкого и адаптивного механизма управления конфликтами.

Заключение

Проведенное исследование показало, что медиация является эффективным инструментом предупреждения и управления конфликтами как на внутригосударственном, так и на межгосударственном уровне. Анализ теоретических подходов и эмпирических данных, включая рассмотренный кейс, подтверждает, что медиативные механизмы способны снижать уровень насилия, повышать вероятность достижения соглашений и обеспечивать устойчивость достигнутых договоренностей.

Особую значимость имеет то, что медиация влияет не только на исход конкретного конфликта, но и на более широкие процессы – формирование доверия, институциональной устойчивости и снижение системных рисков. Это подтверждается анализом мирного процесса в Колумбии, где применение медиативных механизмов привело к снижению уровня насилия и формированию долгосрочной стабильности. Как итог: медиатор может рассматриваться как элемент системы национальной безопасности, выполняющий функции раннего предупреждения, управления конфликтными рисками и стабилизации социально-политической среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. United Nations. World Social Report 2023: Leaving No One Behind in an Age of Recovery. New York: UN, 2023.
2. *Blair R., Blattman C., Hartman A.* Predicting and Preventing Conflict: Machine Learning and Mediation // “NBER Working Paper”, 2021.
3. *Svensson I.* Mediation and Conflict Resolution: Face-to-Face Negotiations // “Journal of Peace Research”, 2020.
4. *Mueller H., Rauh C.* The Effectiveness of Mediation in Conflict Resolution // “Review of Economics and Statistics”, 2021.
5. Conciliation Resources. Still Time to Talk: Adaptation and Innovation in Peace Mediation. London, 2020.
6. *Crocker C., Hampson F., Aall P.* International Negotiation and Mediation in Violent Conflict. New York: “Routledge”, 2021.
7. Иванова Е.А. Медиация в системе национальной безопасности // «Вестник государственного управления», 2022.
8. United Nations. Colombia Peace Agreement: Progress Report. UN, 2022.

MEDIATOR IN THE NATIONAL SECURITY SYSTEM: MECHANISMS FOR CONFLICT PREVENTION AND MANAGEMENT

A. Malakhova, S. Martirosyan
Southern Federal University

ABSTRACT

The article examines the role of a mediator within the national security system. It analyzes mechanisms for conflict prevention and management, including staged mediation, *face-to-face* negotiations, and monitoring of social tensions. It is shown that mediation reduces the level of violence and contributes to the formation of sustainable interaction models. The necessity of integrating mediation into the risk management system is substantiated.
Keywords: mediation, national security, conflict, mediation process.

ДИСКУРС «ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ» И ЕГО КРИЗИС В ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

И.К. Менчинский

Южный федеральный университет
polishman5@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию дискурса «исторической ответственности» за Холокост, который в современной евро-атлантической системе международных отношений выступает не только как моральная категория, но и как институционализированный нормативный и внешнеполитический ресурс.
Целью работы является описание данного типа политического дискурса и выявление ключевых проявлений его кризиса в период с 2015–2026гг.
Методологическая база исследования опирается на качественный дискурс-анализ, позволяющий рассмотреть основные фреймы, репертуары легитимации и точки конфликтности. В качестве эмпирических материалов привлекаются документы ООН и ЕС, материалы Международного альянса памяти о Холокосте (IHRA), а также аналитические отчеты. Здесь показано, что первоначально дискурс конструировался как универсалистский нормативный ориентир, прошедший стадии послевоенного переосмысления и транснационализации. Однако с середины 2010-х гг. фиксируется системный кризис, проявляющийся в пяти взаимосвязанных процессах: фрагментации европейского режима памяти; юридизации и конфликте между защитой исторической истины и свободой слова; эрозии дискурса из-за роста правопопулизма; конкуренции различных исторических травм и переосмыслении универсализма; а также цифровой трансформации и распространении отрицания. Нами делается вывод, что кризис дискурса одновременно проявляется на внутриполитическом, внутрисоюзном и глобально-цифровом уровнях, в результате чего он утрачивает свою предсказуемость, превращаясь из инструмента «мягкой силы» в катализатор дипломатических и информационных конфликтов.
Ключевые слова: историческая ответственность, политика памяти, Холокост, кризис дискурса, отрицание Холокоста, евро-атлантическое пространство, транснациональная память.

Введение

Память о Холокосте имеет многофункциональный характер, выступая не только в качестве предмета морального осмысления и исторического факта, но и устойчивого элемента политической коммуникации и внешнеполитиче-

ской легитимации. На уровне международных организаций память институционализирована через решения и программы ООН, в том числе через резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, которая закрепила 27 января как Международный день памяти жертв Холокоста[1]. С 2022 года отрицание и искажение Холокоста в официальных документах ООН интерпретируется как подрыв исторической истины и проявление антисемитизма[2].

Актуальность обращения к дискурсу «исторической ответственности» в современных международных отношениях определяется, во-первых, тем, что сама «историческая ответственность» функционирует как нормативный язык для объяснения обязанностей государств и институтов – от компенсационных практик и мемориальной политики до юридических мер против отрицания[3]. Во-вторых, фиксируются признаки кризиса универсалистского режима памяти о Холокосте: возрастает конкуренция нарративов жертвенности, усиливаются «войны памяти» в Европе, а цифровая среда ускоряет распространение искажения и отрицания как дискурсивных практик[4]. В-третьих, рост политической поляризации вокруг тем идентичности и безопасности повышает риск инструментализации памяти и смещения дискуссии из академической плоскости в плоскость текущей борьбы за символические ресурсы[5].

Цель исследования: описать дискурс «исторической ответственности» как особый тип политического дискурса о Холокосте в евро-атлантическом пространстве и выявить ключевые проявления его кризиса в период с 2015–2026гг. *Объект исследования*: политика памяти о Холокосте в системе современных международных отношений, проявляющаяся в институциональных

[1] *Steinmeier F.-W.* Day of Remembrance for the Victims of National Socialism [El. resource] / F.-W. Steinmeier // “Der Bundespräsident”, 2020. https://www.bundespraesident.de-/SharedDocs/Reden/EN/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2020/01/200129-Bundestag-Remembrance.html (accessed: 19.03.2026).

[2] United Nations General Assembly. Resolution adopted by the General Assembly on 1 November 2005: A/RES/60/7: Holocaust Remembrance [El. resource]. URL: https: //docs.un.org/en/a/res/60/7 (accessed: 19.03.2026).

[3] United Nations General Assembly. Resolution adopted by the General Assembly on 20 December 2021: A/RES/76/250: Holocaust Denial [El. resource]. URL: https: //docs.un.org/en/A/RES/76/250 (accessed: 19.03.2026).

[4] *Pakier M., Wawrzyniak J.* Memory and Change in Eastern Europe: How Special? [Electronic resource] / M. Pakier, J. Wawrzyniak // Memory and Change in Eastern Europe / ed. M. Pakier, J. Wawrzyniak. Berghahn Books, 2015. PP. 1–18. URL: https: //www.berghahnbooks.com/downloads/intros/PakierMemory_intro.pdf (accessed: 19.03.2026).

[5] *Gensburger S., Lefranc S.* Competing Historical Narratives: Memory Politics, Identity [El. resource] / S. Gensburger, S. Lefranc // “Social Sciences”. Vol. 12, iss. 7. Article 391.2023. URL: https://www.mdpi.com/2076-0760/12/7/391 (accessed: 19.03.2026).

нормах, публичных высказываниях и практиках мемориализаци[6]. *Предмет исследования*: содержание дискурса «исторической ответственности», его типичные смысловые конструкции и механизмы воздействия на международно-политические действия акторов, а также формы и причины его кризиса в евроатлантическом пространстве[7].

Под «дискурсом» в данном исследовании мы понимаем совокупность устойчивых способов говорить о прошлом, задающих допустимые интерпретации, легитимирующих политические решения и структурирующих поле публичных смыслов.

«Историческая ответственность» предполагает нормативно-идентификационный фрейм, связывающий признание преступлений прошлого с обязанностями настоящего (публичное признание вины, компенсация/возмещение, охрана исторической памяти, противодействие антисемитизму и отрицанию, поддержка определенных внешнеполитических обязательств). Такой фрейм соотносится с тем, что в исследованиях коллективной памяти называется «политикой сожаления/раскаяния» и «пенитентной» (покаянной) позицией государства по отношению к прошлому.

В социологии памяти важным является различение национальных и транснациональных режимов памяти. Даниэль Леви[8] и Натан Шнайдер описывают переход от рамок национальной памяти к «космополитической памяти», где Холокост становится универсальным моральным ориентиром и источником транснациональных норм[9]. По этой логике Холокост в европейском контексте нередко трактуется как «негативный миф основания» Европы – не

[6] United Nations General Assembly. Resolution adopted by the General Assembly on 1 November 2005: A/RES/60/7: Holocaust Remembrance [El. resource]. URL: https://docs.un.org/en/a/res/60/7 (accessed: 19.03.2026).

[7] *Olick J.* The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility [El. resource] / J.K. Olick. Taylor & Francis, 2007. URL: https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780203941478/politics-regret-jeffrey-olick (accessed: 19.03.2026).

[8] European Parliament. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) [El. resource] // EUR-Lex: Access to European Union law // "Publications Office of the European Union", 2019. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX-%3A52019IP0021

[9] *Levy D., Sznaider N.* Memory Unbound: The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory [Electronic resource] / D. Levy, N. Sznaider // "European Journal of Social Theory". Vol. 5, iss. 1. 2002. PP. 87–106. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.-1177/1368431002005001002 (accessed: 19.03.2026).

как предмет гордости, а как основание для норм «не повторится» и для правозащитной идентичности интеграционного проекта[10].

Однако универсализация памяти никогда не является линейной. Память может «плюрализоваться» (встраиваться в многосоставные дискуссии о разных травмах) и одновременно входить в конкуренцию с другими нарративами жертвенности и ответственности. Алейда Ассман показывает, что память о Холокосте проходит стадии трансформации и медиатизации и неизбежно сталкивается с изменением поколений, политических контекстов и «рамок передачи»[11]. Майкл Ротберг[12] вводит понятие «многовекторной памяти», подчеркивая, что артикуляция одной травмы необязательно вытесняет другую, но в публичных конфликтах часто воспринимается как «игра с нулевой суммой».

Методологически исследование опирается на качественный дискурсанализ в сочетании с элементами сравнительного анализа и контекстуальной интерпретации. Метод дискурс-анализа применяется как основной инструмент для выявления:

1) ключевых фреймов «исторической ответственности»;

2) репертуара легитимации;

3) точек конфликтности, где фрейм «ответственности» оспаривается, переопределяется или становится объектом инструментализации.

Эмпирическая база нашего исследования охватывает период с 2015–2026гг. и включает в себя: 1) документы ООН; 2) правовые и политические документы ЕС; 3) материалы и определения Международного альянса памяти о Холокосте по отрицанию и искажению Холокоста; 4) отчеты и исследования о масштабах отрицания/искажения Холокоста в цифровой среде и о дефицитах знания о Холокосте (как индикаторах эрозии универсалистского консенсуса).

---

[10] *Pakier M., Wawrzyniak J.* Memory and Change in Eastern Europe: How Special? [El. resource] / M. Pakier, J. Wawrzyniak // Memory and Change in Eastern Europe / ed. M. Pakier, J. Wawrzyniak. “Berghahn Books”, 2015. PP. 1–18.

[11] *Bayer G., Kobrynskyy O.* Transformations of Holocaust Memory [El. resource] / G. Bayer, O. Kobrynskyy // Holocaust Cinema in the Twenty-First Century / ed. G. Bayer, O. Kobrynskyy. De Gruyter, 2015. PP. 1–22. URL: https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.7312/baye17422-003/html (accessed: 19.03.2026).

[12] *Rothberg M.* Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization [El. resource] / M. Rothberg. Stanford University Press, 2009. URL: https://www.sup.org/books/literary-studies-and-literature/multidirectional-memory (accessed: 19.03.2026).

Генезис и функции дискурса исторической ответственности

Дискурс «исторической ответственности» в евроатлантическом пространстве формируется на пересечении двух процессов: послевоенного переосмысления нацистских преступлений и постепенной транснационализации памяти о Холокосте, закрепляющей ее как универсальный морально-политический ориентир для прав человека и предотвращения геноцидов[13].

Символическая и материальная институционализация память выступает важным «якорем» дискурс. Места памяти: музеи, мемориалы и пр., поддержка сохранения лагерей и создание фондов будущего, как практика ответственности, оформляют связь между прошлым и настоящим. Это хорошо иллюстрируется линией внешнеполитической и компенсационной деятельности германских институтов, где помощь жертвам, финансирование мемориальных проектов и «сохранение исторической записи» описываются как элементы ответственности государства[14].

Транснациональный уровень представлен посредством программ и документов ООН. Резолюция A/RES/60/7 закрепляет связку «память–образование–предотвращение геноцида» и задает институциональную обязанность поддерживать просвещение, охрану мест памяти и международное сотрудничество[15]. Резолюция A/RES/76/250 (2022) показывает следующую стадию: акцент на недопустимости отрицания/искажения Холокоста и признание того, что борьба с отрицанием становится частью глобальной антидискриминационной повестки[16].

Важный механизм дискурса ответственности – формирование общих определений «границ допустимого». Показателен пример IHRA: «рабочее определение отрицания и искажения Холокоста» было принято консенсусом

[13] *Olick J.* The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility [El. resource] / J. K. Olick. Taylor & Francis, 2007. URL: https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780203941478/politics-regret-jeffrey-olick (accessed: 19.03.2026).

[14] Compensation for National Socialist injustice [El. resource] // Federal Foreign Office. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/en/aussenpolitik/themen/compensation-for-national-socialist-injustice-228224 (accessed: 19.03.2026).

[15] United Nations General Assembly. Resolution adopted by the General Assembly on 1 November 2005: A/RES/60/7: Holocaust Remembrance [El. resource]. URL: https://docs.un.org/en/a/res/60/7 (accessed: 19.03.2026).

[16] United Nations General Assembly. Resolution adopted by the General Assembly on 20 December 2021: A/RES/76/250: Holocaust Denial [El. resource]. URL: https://docs.un.org/en/A/RES/76/250 (accessed: 19.03.2026).

государств-членов как практический инструмент распознавания и противодействия[17]. То, что резолюция ООН 2022 года прямо отсылает к этому определению, демонстрирует институциональную «связку» межправительственной экспертной рамки и универсальной нормы на уровне ООН.

В Европейской комиссии и в праве ЕС дискурс ответственности проявляется в том, что противодействие расизму, ксенофобии и формам исторического отрицания закрепляется как уголовно-правовая и политическая задача. Рамочное решение Совета ЕС 2008/913/JHA предусматривает унификацию уголовно-правового подхода к публичному подстрекательству к насилию или ненависти и к публичному одобрению, отрицанию или грубой тривиализации международных преступлений[18]. Европейский парламент в резолюции 2019г. связывает «европейское поминовение» с будущим Европы и подчеркивает политическую значимость интерпретаций прошлого, что отражает институциональный интерес ЕС к периоду конкурирующих исторических нарративов внутри Союза.

Если искать наиболее последовательный пример того, как «историческая ответственность» встраивается в политический язык, это, безусловно, действия Германии. Штайнмайер в своих речах на День памяти жертв национал-социализма постоянно воспроизводит одну и ту же логику: прошлое не отпускает, оно задает рамку для настоящего. Задача сохранения памяти и противодействие антисемитизму сегодня оказываются не просто связанными, а практически неразделимыми – историческая ответственность плавно перетекает в ответственность политическую[19]. В речи федерального канцлера Ангела Меркель в Кнессет[20] «историческая ответственность» прямо названа частью “Staatsräson”, что является примером того, как ответственность за Холокост

[17] International Holocaust Remembrance Alliance. Working Definition of Holocaust Denial and Distortion [El. resource] // IHRA. URL: https://holocaustremembrance.com/resources/working-definition-holocaust-denial-distortion (accessed: 19.03.2026).

[18] European Parliament. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) [El. resource] // EUR-Lex: Access to European Union law // “Publications Office of the European Union”, 2019. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX-%3A52019IP0021

[19] *Steinmeier F.-W.* Day of Remembrance for the Victims of National Socialism [El. resource] / F.-W. Steinmeier // “Der Bundespräsident”. 29 Jan. 2020. URL: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/EN/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2020/01/200129-Bundestag-Remembrance.html (accessed: 19.03.2026).

[20] *Gensburger S., Lefranc S.* Competing Historical Narratives: Memory Politics, Identity ... [Electronic resource] / S. Gensburger, S. Lefranc // “Social Sciences”. Vol. 12, iss. 7. Article 391. 2023. URL: https://www.mdpi.com/2076-0760/12/7/391 (accessed: 19.03.2026).

превращается во внешнеполитический аргумент и институционализируется в речевом акте высокого уровня[21].

Кризис дискурса 2015–2026гг.

Говоря о «кризисе» дискурса исторической ответственности, корректно рассматривать его не как одномоментный «обвал», а как набор процессов, уменьшающих его универсалистскую связность и предсказуемость. Минимум пять процессов прослеживаются как наиболее нагрузочные для евро-атлантического пространства.

Первый процесс – фрагментация европейского режима памяти и рост конкуренции нарративов («войны памяти»). Исследовательские и аналитические тексты фиксируют разрыв между западноевропейской моделью «трудной работы с прошлым» и восточноевропейскими версиями «исторической политики», в которых усиливается самоописание нации как главной жертвы и происходит смещение ответственности «за темные страницы» на внешних акторов[22]. На институциональном уровне ЕС это проявляется в политической значимости резолюций о «европейском поминовении» и в том, что борьба за интерпретацию прошлого становится частью внутрисоюзных дебатов о ценностях и идентичности.

Второй процесс – придание памяти юридического характера и напряжение между противодействием отрицанию или ненависти и либеральными стандартами свободы выражения. С одной стороны, право ЕС задает рамку уголовно-правового реагирования на формы расистского подстрекательства и публичной тривиализации международных преступлений. С другой стороны, национальные «мемориальные законы» и их изменения могут вызывать конфликты вокруг академической свободы и допустимых форм публичного обсуждения ответственности. Показателен кейс Польши[23]: реакция правозащитного сообщества на изме-

[21] *Merkel A.* Speech by Federal Chancellor Angela Merkel to the Knesset [El. resource] / A. Merkel // The Knesset. 18 March. 2008. URL: https://m.knesset.gov.il/EN/activity/Documents/SpeechPdf/merkel.pdf (accessed: 19.03.2026).

[22] *Миллер А.* Враг у ворот истории. Как историческая память стала полем боя [Эл. ресурс] / А. Миллер // “Carnegie Endowment for International Peace”. 5 марта. 2020. URL: https://carnegieendowment.org/ru/posts/2020/03/gaps-and-omissions-in-europes-new-memory-wars (дата обращения: 19.03.2026).

[23] European Parliament. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) [El. resource] // EUR-Lex: Access to European Union law // “Publications Office of the European Union”, 2019. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX%3A52019IP0021

нения закона об Институте национальной памяти в 2018 году отмечала риск криминализации суждений о причастности и ответственности и потенциальное «охлаждающее воздействие» на публичную дискуссию[24].

Третий процесс – внутриполитическая эрозия дискурса ответственности и рост «усталости от памяти» вместе с усилением правопопулистских и ревизионистских риторик. В качестве примера в публичной сфере Германии часто приводится дискуссия вокруг заявлений деятелей праворадикальной партии AfD, призывавших «прекратить каяться» и рассматривавших мемориальный консенсус как навязанный[25].

Четвертый процесс – конкуренция травм и «переопределение универсализма» через колониальное прошлое и дебаты об уникальности Холокоста. В немецкой и европейской публичной сфере 2020–2021гг. обсуждались споры, условно обозначаемые как “Historikerstreit 2.0”, где предметом дискуссии становились: сопоставимость/несопоставимость Холокоста с колониальными преступлениями, границы сравнения геноцидов и политические эффекты тезиса об исторической «сингулярности»[26].

Пятый процесс – цифровая трансформация публичной сферы, рост искажения/отрицания Холокоста и связанный с этим кризис доверия к «общему факту прошлого». Как показывают отчеты ЮНЕСКО[27], социальные медиа стали пространством, где отрицание и искажение ключевых фактов Холокоста достигают масштабов, требующих отдельного разговора. Исследователи указывают на платформы, где доля подобного контента особенно высока. В этих условиях кризис дискурса ответственности приобретает новое измерение: он подрывается не столько политически, сколько эпистемически[28]. Когда

[24]Amnesty International. Poland: The Law on the Institute of National Remembrance – A threat to freedom of expression [El. resource] // “Amnesty International”. 7 February. 2018. URL: https://www.amnesty.org/en/documents/eur37/7858/2018/en (accessed: 19.03.2026).

[25] *Oltermann P.* AfD politician says Germany should stop atoning for Nazi crimes [El. resource] / P. Oltermann // “The Guardian”. 18 January. 2017. URL: https://www.theguardian.com/world/2017/jan/18/afd-politician-says-germany-should-stop-atoning-for-nazi-crimes (accessed: 19.03.2026).

[26] Deutsches Historisches Institut Warschau. Historikerstreit 2.0: Current German Debates on the Holocaust [El. resource] // DHI Warschau. 2022. URL: https://www.dhi.waw.pl/fileadmin/benutzerdaten/dhi-waw-pl/bilder/DHI_Veranstaltungen/Historikerstreit_ulotka.pdf (accessed: 19.03.2026).

[27] UNESCO. UNESCO social media study exposes virulent Holocaust denial and distortion [Electronic resource] // UNESCO. 2023. URL: https://www.unesco.org/en/articles/unesco-social-media-study-exposes-virulent-holocaust-denial-and-distortion (accessed: 19.03.2026).

[28] *Steinmeier F.-W.* Day of Remembrance for the Victims of National Socialism [El. resource] / F.-W. Steinmeier // “Der Bundespräsident”. 29 Jan. 2020. URL: https: //www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/EN/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2020/01/2-00129-Bundestag-Remembrance.html (accessed: 19.03.2026).

коллективно признанный исторический факт перестает быть общим знаменателем, а институциональные гарантии («никогда больше») теряют опору в массовом сознании, нормативный язык ответственности начинает работать на холостом ходу.

Здесь же актуализируется проблема дефицита знания о Холокосте в массовых аудиториях, фиксируемая сравнительными опросами. “Claims Conference”[29] в серии международных исследований подчеркивает, что в разных странах существуют значимые пробелы в базовой осведомленности и представлениях о Холокосте, а также отмечается общественный запрос на образовательные программы. Для дискурса исторической ответственности это означает, что «передача памяти» (не только через институты, но и через школьное образование и медиа) становится структурным условием воспроизводства ответственности – и, одновременно, зоной уязвимости.

Наконец, характерным проявлением кризиса является усиление дискуссий о криминализации отрицания или тривиализации как ответе на цифровое распространение искажения. В Северной Европе обсуждения шли в направлении уточнения уголовно-правовых норм. Академические юристы анализируют реформы как потенциально значимые изменения либо как символические шаги, при этом фиксируя европейский контекст борьбы с разжиганием ненависти и отрицанием международных преступлений. Такой «правовой поворот» можно трактовать двояко: как укрепление дискурса ответственности через санкции и как индикатор того, что прежние (прежде всего, образовательные и мемориальные) механизмы уже не воспринимаются как достаточные в условиях цифровой радикализации.

Заключение

Значение кризиса для международных отношений и политики памяти

Для международных отношений дискурс «исторической ответственности» важен не только как «моральный язык», но и как инструмент внешнеполитической предсказуемости: признание ответственности, режим компенсаций, участие в международных инициативах памяти и противодействия антисемитизму укрепляют доверие, задают рамки «нормальной» принадлежности

[29]Claims Conference. The First-Ever 8-Country Holocaust Knowledge and Awareness Survey [El. resource] // “Claims Conference”. 2020. URL: https://www.claimscon.org/country-survey (accessed: 19.03.2026).

к либеральному порядку и служат элементом публичной дипломатии[30]. В германском случае это прослеживается особенно отчетливо. «Ответственность» встраивается в само понятие политической идентичности, приобретая связь с определенными внешнеполитическими обязательствами.

Кризис дискурса проявляется в том, что «ответственность» становится объектом оспаривания на нескольких уровнях одновременно:

1) внутриполитическом (конкуренция партий и интерпретаций прошлого, устойчивость консенсуса);

2) внутрисоюзном европейском (различные режимы памяти и «исторические политики», приводящие к дипломатическим конфликтам и к взаимным обвинениям в искажении истории);

3) глобально-цифровом («эрозия» общих фактов и рост дезинформации/искажения, что подрывает базу для универсалистских «уроков истории»).

Исходя социологии дискурса, кризис «исторической ответственности» может быть описан как расхождение между тремя логиками:

- логикой космополитической памяти, стремящейся к универсализации Холокоста как источника норм прав человека;
- логикой национальной «реабилитации» и самоописания как жертвы, где ответственность минимизируется или переносится;
- логикой медиатизированной публичной сферы, где конкурируют фрагментированные «припоминания», аналогии и упрощенные нарративы, а отрицание/искажение становится частью информационных конфликтов.

С точки зрения международных отношений мы можем прийти к различным выводам. Дискурсы сами по себе представляют самостоятельный фактор, который способен выступать как в роли элемента мягкой силы, так и напротив становиться катализатором дипломатических кризисов и дезинтеграционных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Amnesty International. Poland: The Law on the Institute of National Remembrance – A threat to freedom of expression [El. resource] // “Amnesty International”, 7 February 2018. URL: https://www.amnesty.org/en/documents/eur37/7858/2018/en (accessed: 19.03.2026).
2. *Berger T.* War, Guilt, and World Politics after World War II [El. resource] / T.U. Berger // “Cambridge University Press”, 2012. URL: https://www.cambridge.org/core/books/war-

[30] *Berger T.* War, Guilt, and World Politics after World War II [El. resource] / T.U. Berger. “Cambridge University Press”, 2012. URL: https://www.cambridge.org/core/books/war-guilt-and-world-politics-after-world-war-ii/6407DC8B2AC1806DC0F3BE104EF59917 (accessed: 19.03.2026).

guilt-and-world-politics-after-world-war-ii/6407DC8B2AC1806DC0F3BE104EF59917 (accessed: 19.03.2026).
3. Claims Conference. The First-Ever 8-Country Holocaust Knowledge and Awareness Survey [El. resource] // "Claims Conference", 2020. URL: https://www.claimscon.org/country-survey (accessed: 19.03.2026).
4. Compensation for National Socialist injustice [El. resource] // Federal Foreign Office. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/en/aussenpolitik/themen/compensation-for-national-socialist-injustice-228224 (accessed: 19.03.2026).
5. Council Framework Decision 2008/913/JHA of 28 November 2008 on combating certain forms and expressions of racism and xenophobia by means of criminal law [El. resource] // "Official Journal of the European Union". L 328. 2008. PP. 55–58. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32008F0913 (accessed: 19.03.2026).
6. Deutsches Historisches Institut Warschau. Historikerstreit 2.0: Current German Debates on the Holocaust [El. resource] // "DHI Warschau". 2022. URL: https://www.dhi.waw.pl/fileadmin/benutzerdaten/dhi-waw-pl/bilder/DHI_Veranstaltungen/Historikerstreit_ulotka.pdf (accessed: 19.03.2026).
7. European Parliament. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) [El. resource] // EUR-Lex: Access to European Union law // "Publications Office of the European Union", 2019. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX-%3A52019IP0021 (accessed: 19.03.2026).
8. *Fairclough N.* Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language [El. resource] / N. Fairclough // "Routledge", 2010. URL: https://www.routledge.com/Critical-Discourse-Analysis-The-Critical-Study-of-Language/Fairclough/p/book/9781405858229 (accessed: 19.03.2026).
9. *Gensburger S., Lefranc S.* Competing Historical Narratives: Memory Politics, Identity and Power [El. resource] / S. Gensburger, S. Lefranc // "Social Sciences". Vol. 12, iss. 7. 2023. Article 391. URL: https://www.mdpi.com/2076-0760/12/7/391 (accessed: 19.03.2026).
10. German-American Holocaust dialogue [El. resource] // "Federal Foreign Office". URL: https://www.auswaertiges-amt.de/en/aussenpolitik/themen/holocaust-dialog-2468076 (accessed: 19.03.2026).
11. International Holocaust Remembrance Alliance. Working Definition of Holocaust Denial and Distortion [El. resource] // IHRA. URL: https://holocaustremembrance.com/resources/working-definition-holocaust-denial-distortion (accessed: 19.03.2026).
12. *Levy D., Sznaider N.* Memory Unbound: The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory [El. resource] / D. Levy, N. Sznaider // "European Journal of Social Theory". Vol. 5, iss. 1, 2002. PP. 87–106. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/13684310020-05001002 (accessed: 19.03.2026).
13. *Lööf L.* Criminalising the denial of serious international crimes in Scandinavia [El. resource] / L. Lööf // "Nordisk Tidsskrift for Kriminalvidenskab". Vol. 110, № 2, 2023. PP. 118–137. URL: https://tidsskrift.dk/NTfK/article/download/160493/202252/356307 (accessed: 19.03.2026).
14. *Merkel A.* Speech by Federal Chancellor Angela Merkel to the Knesset [El. resource] / A. Merkel // "The Knesset", 18 March 2008. URL: https://m.knesset.gov.il/EN/activity/Documents/SpeechPdf/merkel.pdf (accessed: 19.03.2026).

15. *Olick J.* The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility [El. resource] / J.K. Olick // “Taylor & Francis”, 2007. URL: https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780203941478/politics-regret-jeffrey-olick (accessed: 19.03.2026).
16. *Oltermann P.* AfD politician says Germany should stop atoning for Nazi crimes [El. resource] / P. Oltermann // “The Guardian”, 18 January. 2017. URL: https://www.theguardian.com/world/2017/jan/18/afd-politician-says-germany-should-stop-atoning-for-nazi-crimes (accessed: 19.03.2026).
17. *Pakier M., Wawrzyniak J.* Memory and Change in Eastern Europe: How Special? [Electronic resource] / M. Pakier, J. Wawrzyniak // Memory and Change in Eastern Europe / ed. M. Pakier, J. Wawrzyniak // “Berghahn Books”, 2015. PP. 1–18. URL: https://www.berghahnbooks.com/downloads/intros/PakierMemory_intro.pdf (accessed: 19.03.2026).
18. *Rothberg M.* Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization [Electronic resource] / M. Rothberg // “Stanford University Press”, 2009. URL: https://www.sup.org/books/literary-studies-and-literature/multidirectional-memory (accessed: 19.03.2026).
19. *Steinmeier F.-W.* Day of Remembrance for the Victims of National Socialism [El. resource] / F.-W. Steinmeier // “Der Bundespräsident”, 29 Jan. 2020. URL: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/EN/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2020/01/200129-Bundestag-Remembrance.html (accessed: 19.03.2026).
20. UNESCO. UNESCO social media study exposes virulent Holocaust denial and distortion [El. resource] // UNESCO. 2023. URL: https://www.unesco.org/en/articles/unesco-social-media-study-exposes-virulent-holocaust-denial-and-distortion (accessed: 19.03.2026).
21. United Nations General Assembly. Resolution adopted by the General Assembly on 1 November 2005: A/RES/60/7: Holocaust Remembrance [El. resource]. URL: https://docs.un.org/en/a/res/60/7 (accessed: 19.03.2026).
22. United Nations General Assembly. Resolution adopted by the General Assembly on 20 December 2021: A/RES/76/250: Holocaust Denial [El. resource]. URL: https://docs.un.org/en/A/RES/76/250 (accessed: 19.03.2026).
23. *Bayer G., Kobrynskyy O.* Transformations of Holocaust Memory [Electronic resource] / G. Bayer, O. Kobrynskyy // Holocaust Cinema in the Twenty-First Century / ed. G. Bayer, O. Kobrynskyy // “De Gruyter”, 2015. P. 1–22. – URL: https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.7312/baye17422-003/html (accessed: 19.03.2026).
24. *Дементьева В.В.* Европейская «культура памяти» в правовом измерении: специфика мемориального законодательства [Эл. ресурс] / В.В. Дементьева // «Социодинамика», № 6, 2020. СС. 45–58. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-kultura-pamyati-v-pravovom-izmerenii-spetsifika-memorialnogo-zakonodatelstva (дата обращения: 19.03.2026).
25. *Миллер А.* Враг у ворот истории. Как историческая память стала полем боя [Эл. ресурс] / А. Миллер // “Carnegie Endowment for International Peace”, 5 марта. 2020. URL: https://carnegieendowment.org/ru/posts/2020/03/gaps-and-omissions-in-europes-new-memory-wars (дата обращения: 19.03.2026).
26. *Хаванова О.В.* Преодоление прошлого и «политика вины» в Германии [Эл. ресурс] / О.В. Хаванова // «Современная Европа», № 5, 2019. СС. 112–122. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preodolenie-proshlogo-i-politika-viny-v-germanii (дата обращения: 19.03.2026).

THE DISCOURSE OF "HISTORICAL RESPONSIBILITY" AND ITS CRISIS IN THE EURO-ATLANTIC SPACE

I. Menchinsky
Southern Federal University

ABSTRACT

The article examines the discourse of "historical responsibility" for the Holocaust, which in the modern Euro-Atlantic system of international relations acts not only as a moral category but also as an institutionalized normative and foreign policy resource. The aim of the study is to describe this specific type of political discourse and to identify the key manifestations of its crisis between 2015 and 2026. The methodological framework is based on qualitative discourse analysis, allowing for the examination of primary frames, legitimizing repertoires, and points of tension. Empirical materials include UN and EU documents, materials from the International Holocaust Remembrance Alliance (IHRA), and analytical reports. The article demonstrates that the discourse was initially constructed as a universalist normative guideline, passing through stages of post-war reevaluation and transnationalization. However, since the mid-2010s, a systemic crisis has been observed, manifested in five interconnected processes: the fragmentation of the European memory regime; juridification and the conflict between protecting historical truth and freedom of speech; the erosion of the discourse due to the rise of right-wing populism; competition between different historical traumas and the reinterpretation of universalism; and digital transformation leading to the spread of denial. The author concludes that the crisis of the discourse simultaneously manifests at the domestic, intra-union, and global-digital levels, resulting in a loss of predictability, transforming it from a tool of "soft power" into a catalyst for diplomatic and information conflicts.

Keywords: historical responsibility, politics of memory, Holocaust, crisis of discourse, Holocaust denial, Euro-Atlantic space, transnational memory.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И США В РЕГИОНЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРИБСКОГО БАССЕЙНА

Т.В. Минасян

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»
tatevik.minasyan.06@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье было изучено влияние США и Китая на страны Латинской Америки в экономической и военно-политической сферах, экспорт и импорт Китая и США в латиноамериканские страны за период 2014–2024гг. Рассматривалась также реакция США на возрастание присутствия Китая в традиционно важных для США странах-партнерах. Несмотря на активное налаживание связей китайской стороны с латиноамериканской, результаты исследования показали, что США по-прежнему остаются главным торговым и военным партнером региона. Китай же, осваивая новый рынок, тревожит США своим присутствием и выгодными условиями для стран Латинской Америки.
Ключевые слова: Китай, Латинская Америка, соперничество Китая и США, экономическая сфера, военно-политическая сфера.

Введение

Актуальность исследования обусловлена усилением соперничества США и КНР в регионе ЛКА. Китай наращивает свое экономическое и культурное влияние на страны ЛКА – традиционных партнеров США, что вызывает озабоченность с американской стороны. КНР и США, стараясь привлечь как можно больше партнеров из региона ЛКА, предлагают помощь и в военной сфере, а также занимаются торговлей оружием, что способствует росту конкуренции за лидерство в регионе ЛКА. В этих условиях исследование данного вопроса необходимо для понимания динамики отношений между двумя державами и их партнерами.

Цель: выявить и сравнить динамику и эффективность влияния Китая и США на регион ЛКА в экономической и военно-политической сферах.

Задачи: проанализировать динамику экспорта и импорта стран США, Китая и ЛКА; изучить способы влияния США и Китая на военно-политическую сферу ЛКА; определить ответную реакцию ЛКА на воздействие на нее Китая и США.

Методология исследования: в работе были использованы статистический анализ для составления таблиц по импорту и экспорту, поставкам оружия Китая и США в страны ЛКА, позволяющих отследить динамику отношений в военной и экономической сферах; сравнительный метод использовался для сопоставления табличных данных, подготовленных на основе статистического анализа. С его помощью были определены сходства и различия в результатах сотрудничества ЛКА с США и КНР.

Проблема соперничества США и КНР освещена в следующей научной литературе. Военную тематику вопроса затронули в своей научной статье "China's defense cooperation with Latin America and Caribbean: trends and limitations" [13] В.Б. Кашина и Е.Ю. Косевич. Исследователи описали взаимные визиты военных делегаций Китая и стран ЛКА, обмены в рамках программ обучения офицерского состава. А.Н. Пятаков и М.А.-М. Кодзоев пишут в труде «Форпосты» США в Латинской Америке: военно-техническое сотрудничество, военные базы и совместные учения» [14] о военных базах США в странах ЛКА. Авторы затрагивают военный аспект вопроса соперничества и рассматривают используемые США и КНР методы для укрепления связей с ЛКА.

Источниковую базу исследования составили официальные документы Китая и США. Китайская Белая книга по Латинской Америке и Карибскому бассейну 2008 года выделяет Латинскую Америку в качестве важного направления внешней политики, работа в котором планируется вестись во многих сферах [2]. США также подчеркивают стратегическую значимость ЛКА в Стратегии национальной безопасности 2025 года, где описывают свое стремление быть главным партнером региона [3]. Немаловажную роль в работе сыграли статистические данные WITS [8] и "Trading Economics" [7]. С их помощью стало возможным отследить, как через экспорт и импорт США и Китай пытались достичь своей цели в расширении сотрудничества с ЛКА. Удалось также, обратившись к данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI) [5], проанализировать поставки оружия США и Китая в ЛКА. Американский аналитический центр "Council on Foreign Relations" опубликовал в 2022 году и обновил в 2025 отчет [1], из которого была почерпнута информация о конкретных случаях военно-политического сотрудничества Китая с отдельными странами региона ЛКА. О совместных учениях есть статьи, подготовленные аналитическим центром "Katehon" [4], и материалы российского новостного издания "EurAsia Daily" [6].

Основная часть

Китай в рамках своей внешней политики выделил направление партнерства с регионом ЛКА. В 2008 году был опубликован первый программный документ КНР, касающийся региона ЛКА (Белая книга по Латинской Америке и Карибскому бассейну). Согласно нему происходили налаживания экономических связей, культурного и международного сотрудничества и сотрудничества в сфере безопасности [1, с. 125]. Китай активно работал в направлении создания в ЛКА институтов и классов Конфуция для обучения китайскому языку и культуре всех желающих. Это должно было поспособствовать популяризации Китая среди населения Латинской Америки [3, с. 197]. Следуя программному документу 2008 года, Китай наращивал экспорт в страны Латинской Америки и стал конкурентом главного партнера латиноамериканских государств – США. Этому можно найти подтверждение в статистических данных из таблицы 1, которые демонстрируют объемы экспорта Китая и США в страны ЛКА.

Таблица 1. Экспорт Китая и США в страны ЛКА в 2014–2024гг., млрд долл. США и доля ЛКА в экспорте Китая и США.

Год	Китай (млрд долл. США)	США (млрд долл. США)	Доля в экспорте Китая (%)	Доля в экспорте США (%)
2014	135	421,9	5,76	26,05
2015	131,2	385,8	5,77	25,69
2016	113,2	363,6	5,39	25,06
2017	130,1	391,8	5,75	25,35
2018	147,7	427,4	5,94	25,66
2019	151,2	416,9	6,05	25,36
2020	149,8	341,4	5,79	23,87
2021	225,5	449,5	6,8	25,64
2022	251,7	547,8	7	26,56
2023	243,8	521,4	7,21	25,83
2024	275,27	533,16	7,7	25,8

Источник: составлено автором на основе данных Trading Economics и WITS [11;12].

Проанализировав информацию Таблицы, можно сделать вывод, что китайский экспорт рос неравномерно. Тем не менее, динамика роста экспорта у Китая выше, чем у США, несмотря на более низкие значения. За 10 лет объем экспорта у Китая вырос на 140, 27 млрд долл. США, а у США на 111, 26 млрд

долл. США. Что касается доли от общего экспорта стран, то у США она практически не меняется, а у Китая вырастает на 1,94 п. п. Это может свидетельствовать, о том, что Китай активно торгует и расширяет экономические связи на относительно новом для себя рынке. В то же время США, как традиционный торговый партнер региона ЛКА, ведет себя стабильнее, не увеличивая долю ЛКА от общего экспорта.

Импорт из стран ЛКА в Китай и США тоже растет. С 2014 по 2024гг. импорт в Китай вырос на 113, 85 млрд долл. США, что практически вдвое меньше роста импорта в США. Однако за 10 лет доля Китая в экспорте ЛКА выросла на 2,84 п. п., тогда как доля США на 1,75 п. п. Данные Табл. 2 демонстрируют традиционность американского рынка для экспорта ЛКА, но в то же время мы видим расширения китайского рынка в общем объеме всего экспорта Латинской Америки. Это может говорить о взаимной готовности Китая и стран ЛКА открывать свои рынки для товаров друг друга, учитывая, что до этого мы отмечали увеличение доли ЛКА в импорте Китая.

Таблица 2. Импорт в Китай и США из стран ЛКА в 2014–2024 гг., млрд долл. США и доля Китая и США в общем объеме экспортируемой продукции ЛКА

Год	Китай (млрд долл. США)	США (млрд долл. США)	Доля Китая (%)	Доля США (%)
2014	126	452,6	6,43	18,17
2015	102,9	420,2	6,13	18,16
2016	102,4	408,9	6,49	18,2
2017	127,3	436,7	6,9	18,16
2018	157,5	476,5	7,38	18,25
2019	164,7	475,2	7,92	18,51
2020	168,3	424,5	8,13	17,65
2021	220,6	515,4	8,23	17,57
2022	231,5	616,8	8,52	18,29
2023	242,7	632,9	9,49	19,97
2024	239,85	668,79	9,27	19,92

Источник: составлено автором на основе данных Trading Economics и WITS [11;12].

Китай сумел благодаря экономической и культурной политике нарастить свое влияние в регионе ЛКА, став главным соперником традиционного партнера Латинской Америки – США. Помимо экономического влияния Китая, США волнует вопрос национальной безопасности. В Стратегии национальной безопасности США 2025 года указано, что латиноамериканские страны принимают помощь от американских конкурентов из других полушарий света.

США относятся к этому настороженно, потому что считают, что, помимо потери экономического лидерства в регионе, сближение Латинской Америки с другими странами может нанести стратегический ущерб США в будущем. В документе прямо не названы государства, влияние которых в Западном полушарии не устраивает США. Однако если учитывать экономические показатели по экспорту и импорту, культурное влияние, то можно предположить, что речь шла, в том числе, и о КНР. США планируют переломить ситуацию с помощью коммерческой дипломатии, целью которой будет укрепление экономики США и стимулирование стран-партнеров к развитию собственной экономики. Американское правительство таким образом ставит перед собой задачу вновь стать более привлекательным по сравнению с китайским рынком для стран ЛКА. В то же время США нацелены на укрепление партнерства в сфере безопасности посредством продажи оружия, проведения совместных учений и обмена разведданными. В подтверждение вышеперечисленного можно привести цитату из Стратегии: «Мы хотим, чтобы другие страны рассматривали нас как своего наилучшего партнера, и мы будем (различными способами) препятствовать их сотрудничеству с другими странами» [9, с 17]. США решительно настроены на возвращение своего былого влияния в Западном полушарии, в том числе, посредством вмешательства в политику других стран [9, сс. 15–18]. Несмотря на то, что китайское присутствие в регионе Латинской Америки велико, сотрудничество в военной сфере уступает по своим масштабам экономическому и культурному. Для укрепления военных связей Китая и ЛКА импортируется китайское оружие в Латинскую Америку [5, с. 205]. Тем не менее военное сотрудничество Китая и ЛКА несопоставимо с интенсивностью сотрудничества ЛКА и США в этой сфере. Это можно увидеть, обратившись к базе данных о поставках оружия SIPRI. В таблице 3 продемонстрировано количество оружия, экспортируемого за период 2014–2024гг. США и КНР в Латинскую Америку.

Таблица 3. Объем экспорта основных видов вооружений США и Китая в Латинскую Америку в период 2014–2024гг., цифры указаны в млн значений индикаторов тенденций SIPRI (TIV).

Год	США	Китай
2014	150	91
2015	403	132
2016	301	80
2017	223	< 0,5
2018	136	2
2019	87	

Год	США	Китай
2020	71	
2021	131	
2022	125	
2023	61	30
2024	62	

Источник: составлено автором на основе базы данных о поставках оружия SIPRI [10].

Информация Табл. 3 указывает на явный перевес в сторону экспорта США оружия в страны ЛКА. Однако военное сотрудничество Китая и ЛКА не заканчивается поставками оружия. Осуществляются взаимные визиты военных делегаций Китая и стран Латинской Америки. С 2000 по 2022 гг. стороны посетили страны друг друга более 200 раз. Эти визиты были направлены на обсуждение дальнейшего сотрудничества, в том числе, в вопросах совместной подготовки кадров. К началу 2010-х гг., как минимум, 18 стран ЛКА отправляли своих офицеров на учебу в Китай. Две стороны заключили долгосрочное соглашение о сотрудничестве военных китайских и латиноамериканских учебных заведений [5, с. 205–206]. Кроме того, согласно американскому аналитическому центру “Council on Foreign Relations”, Китай укрепляет сотрудничество в сфере разведки с Кубой, которая предоставляет, возможно, Народно-освободительной армии Китая заходить в порты и проходить там обучение, что вызывает обеспокоенность США. Китай также оказывает свою безвозмездную помощь отдельным правительствам латиноамериканских государств. Например, Китай предоставил боливийской полиции снаряжение и военную технику для подавления беспорядков, происходивших во время руководства Эво Моралеса Аймы; полицейские Гайаны, Тринидада и Тобаго получили от Китая транспортные средства в качестве пожертвования; на Гаити проводятся военные учения [8]. Что касается США, то у них более комплексный подход к военному сотрудничеству с ЛКА. Главным отличием от политики Китая является наличие военных баз на территории ЛКА. Согласно докладу “Base Structure Report” 2015 года, от Департамента обороны США известны базы в 5 латиноамериканских государствах: на Кубе, в Гондурасе, Сальвадоре, Перу, Колумбии. [6, с. 530]. Также США, совместно со странами ЛКА, проводят масштабные учения, в том числе мероприятия по противодействию наркоторговле, терроризму [6, с. 528]. Например, с 3 по 15 ноября 2024г. США участвовали в совместных учениях “CRUZEX” в Бразилии. В

них, помимо США и Бразилии, принимали участие ряд других латиноамериканских, европейских и африканских стран [13]. С 16 по 21 ноября 2025г. проходили военные учения по противодействию наркоторговле и миграции вооруженных опасных банд государства Тринидад и Тобаго совместно США. Ранее генеральный прокурор Тринидада и Тобаго заявил о возрастании количества совместных учений с США [14].

Заключение

Китай действительно увеличил экономическое сотрудничество с регионом ЛКА за последние 10 лет и долю стран ЛКА в своей торговле. Китай активно продвигается на рынке Латинской Америки, становясь конкурентом США на традиционно американском рынке. Китайское правительство не пытается заместить США как государство, активно сотрудничающее с Латинской Америкой в военно-политической сфере, действуя аккуратно. В том числе, Китай не закрепляет своего присутствия в странах ЛКА военными базами, ограничившись помощью техникой, оружием и участием в совместных учениях. США же, помимо вышеперечисленного, разворачивают комплекс военных баз на территории разных стран региона. Мы наблюдаем конкуренцию между Китаем и США как результат запланированного углубления китайского присутствия в ЛКА, которое отмечалось в официальных документах Китая. Исследование позволило разобраться в современном положении Латинской Америки как стратегического региона для Китая и США, очертить границы влияния двух стран на латиноамериканские государства и увидеть складывающуюся тенденцию к конкуренции между США и Китаем.

ЛИТЕРАТУРА

1. China’s Growing Influence in Latin America // “Council on Foreign Relations”: [сайт]. URL:https://www.cfr.org/backgrounders/china-influence-latin-america-argentina-brazil-venezuela-security-energy-bri (дата обращения: 31.01.2026).
2. China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean // Embassy of the People's Republic of China in the Democratic Socialist Republic of Sri Lanka: [сайт]. URL: https://lk.china-embassy.gov.cn/eng/zgxw/200811/t20081105_1397994.htm (дата обращения: 31.01.2026).
3. National Security Strategy of the United States of America. November 2025. // “The White House”: [сайт]. URL:https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (дата обращения: 03.02.2026).
4. *Савин Л.* США активируют военное присутствие в Центральной Америке. 10.12.2024. // “Katehon”: [сайт]. URL:https://katehon.com/ru/article/ssha-aktiviruyut-voennoe-prisutstvie-v-centralnoy-amerike (дата обращения: 02.02.2026).
5. Stockholm International Peace Research Institute: [сайт]. URL:https://www.sipri.org/ (дата обращения: 29.01.2026).

6. США проведут военные учения у границ Венесуэлы. 15.11.2024 // “EurAsia Daily”: [сайт]. URL:https://eadaily.com/ru/news/2025/11/15/ssha-provedut-voennye-ucheniya-u-granic-venesuely (дата обращения: 03.02.2026).
7. Trading Economics: [сайт]. URL:https://tradingeconomics.com/china/exports-by-country (дата обращения: 28.01.2026).
8. World Integrated Trade Solution: [сайт]. URL:https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/CHN/Year/2023/TradeFlow/Export (дата обращения: 28.01.2026).
9. *Вандтке А.В., Прудникова А.А.* Китай и страны Латинской Америки: проблемы и перспективы сотрудничества в XXI веке // «Теория и практика общественного развития», № 4, 2024. СС. 124–130.
10. *Евсеенко А.С.* Расширение присутствия КНР и РФ в Латинской Америке как вызов американским интересам // «Вестник Волгоградского государственного университета», № 27 (2), 2022. СС. 163–177.
11. *Емельянов А.И., Навдаева М.Е.* Об основных инструментах цивилизационно-культурного влияния «мягкой силы» Китая в отношении стран Латинской Америки // «Вестник Московского государственного лингвистического университета», № 12, 2021. СС. 189–202.
12. *Зверева В.С.* Китая на просторах Латинской Америки: современные геополитические реалии // «Вестник Московского государственного областного университета», № 2, 2019. СС. 171–183.
13. *Kashin V., Kosevich E.* Yu. China’s defense cooperation with Latin America and Caribbean: trends and limitations // «Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения», № 1, 2024. СС. 203–213.
14. *Пятаков А.Н., Кодзоев М.А.-М.* «Форпосты» США в Латинской Америке: военно-техническое сотрудничество, военные базы и совместные учения // «Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения», № 3, 2023. СС. 518–535.
15. *Яковлев П.П.* Латинская Америка в геостратегическом треугольнике США-ЕС-КНР // «Актуальные проблемы Европы», № 4, 2024. СС. 310–329.

THE GEOPOLITICAL RIVALRY BETWEEN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AND THE UNITED STATES IN LATIN AMERICA AND THE CARIBBEAN

T. Minasyan
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University”

ABSTRACT

This article examined the influence of the United States and China on Latin American countries in the economic and military-political spheres, as well as exports and imports of China and the United States to Latin American countries over the period 2014-2024. The reaction of the United States to the increasing presence of China in partner countries that are traditionally important to the United States was also considered. Despite the active establishment of relations between the Chinese side and Latin America, the results of the study showed that the United States remains the main trade and military partner of the

region. China, by developing a new market, worries the United States with its presence and favorable conditions for Latin American countries.

Keywords: China, Latin America, China-USA rivalry, economic sphere, military-political sphere.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ: ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ К ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Л.В. Сукиасян

Российско-Армянский университет
lily.sukiasyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу основных этапов формирования и развития системы высшего образования Китая. Рассматриваются особенности традиционной конфуцианской образовательной модели, влияние западных реформ в конце XIX – начале XX века, а также трансформация образовательной системы в период существования Китайской Народной Республики. Особое внимание уделяется реформам второй половины XX века и модернизации высшего образования в постмаоистский период.

В исследовании прослеживается взаимосвязь между образовательной политикой, социально-политическими процессами и задачами государственного развития Китая. Отдельно рассматривается влияние современных реформ на повышение международной конкурентоспособности китайских университетов и укрепление позиций Китая в мировом образовательном пространстве.

Сделан вывод о том, что в современных условиях система высшего образования Китая выполняет не только образовательную и научную функции, но и выступает одним из инструментов реализации политики «мягкой силы» и международного влияния государства.

Ключевые слова: высшее образование Китая, образовательные реформы, мягкая сила, международная конкурентоспособность, университеты Китая.

Введение

В современных условиях система высшего образования рассматривается не только как механизм подготовки специалистов, но и как важный инструмент международного влияния государства. Особенно заметно это проявляется в политике Китая, который за последние десятилетия сумел значительно укрепить позиции своих университетов в мировом образовательном пространстве.

Актуальность исследования связана с усилением роли китайских университетов в глобальной академической среде и ростом их значения в реализации политики «мягкой силы». *Цель статьи* заключается в рассмотрении основных этапов формирования системы высшего образования Китая и анализе

факторов, повлиявших на ее превращение в один из инструментов международной конкурентоспособности государства.

В ходе исследования были использованы исторический и сравнительно-аналитический методы, позволяющие проследить трансформацию китайской образовательной системы и определить ее особенности на различных этапах развития.

Обращаясь к истокам зарождения обучения в Китае, самые ранние упоминания первых школ можно встретить еще в хрониках эпохи Ся (около 2070–1600гг. до н.э.). Тем не менее, реальной отправной точкой, подтвержденной не только преданиями, но и археологическими находками, принято считать период династии Шан (около 1600–1046гг. до н.э.). Изначально обучение было доступно преимущественно представителям привилегированных слоев общества и служило подготовке государственных чиновников. Основу образования составляли «шесть искусств»: ритуалы, музыка, стрельба из лука, верховая езда, каллиграфия (включавшая письмо, чтение и знание истории) и математика [1], [2], [3].

Основная часть

Во времена Весны и Осени, а также эпохи Сражающихся царств (770–221гг. до н.э.) значительное влияние на развитие образования оказало конфуцианство. Учение Конфуция сформировало морально-этические нормы и принципы государственного управления, которые на протяжении многих веков определяли содержание китайской образовательной системы.

Образование в императорском Китае сохраняло элитарный характер, тогда как уровень массовой грамотности оставался низким. Основным механизмом отбора чиновников выступала система государственных экзаменов, основанная на знании конфуцианских текстов. Подготовка к ним осуществлялась в частных академиях – Шуюан (书院).

Несмотря на смену династий, на протяжении веков существования императорской власти в Китае, в обществе сохранялась уверенность в исключительности китайской цивилизации – как в культурном, так и в интеллектуальном аспектах. Китайцы считали свою страну центром мира[1], обладающим передовой культурой и технологической традицией, в частности, благодаря так называемым «четырем великим изобретениям» – пороху, компасу, подвижному шрифту и бумаге. Однако поражение в Первой опиумной войне (1840–1842гг.) и последующая уступка Гонконга Великобритании стали для Китая

[1] По китайский их название страны образуется из 2 иероглифов – 中国 （中 – середина, 国 – страна = Китай）

болезненным уроком, вынудившим пересмотреть самоощущение технологического и научного превосходства.

Именно тогда, во второй половине XIX века, в Китае постепенно начали распространяться западные образовательные модели, главным образом через миссионерские школы. Одновременно усиливались идеи модернизации, предполагавшие сохранение конфуцианской основы при заимствовании западных научно-технических знаний. После поражения Китая в войне с Японией в 1895 году необходимость реформ стала особенно очевидной. В этот период получила распространение концепция: «Китайское обучение – для фундамента, западное – для практического использования» (中学为体，西学为用).

В 1905 году система императорских экзаменов была официально упразднена, а в эпоху поздней династии Цин началась реорганизация образовательных учреждений по модели, включающей начальный, средний и высший уровни образования западного образца.

После Синьхайской революции 1911 года и падения династии Цин Китай перешел к республиканской форме правления. К этому времени в стране уже сосуществовали различные образовательные модели, заимствованные из Европы, США и Японии. Первоначально наибольшее влияние оказал японский опыт реформирования образования, чему способствовало обучение китайских специалистов в японских университетах.

В 1920-е годы, на фоне политической нестабильности и периода власти милитаристских группировок, усиливается интерес к американской образовательной модели. Эти изменения происходили в контексте поиска новой национальной идентичности, особенно в условиях «Интеллектуального движения 4 мая», которое стало символом стремления к модернизации и переосмыслению традиционного культурного наследия [4, 16].

Важную роль в развитии китайского образования в первой половине XX века играли политические процессы и идеологические изменения. Значительное влияние на китайскую интеллектуальную среду оказали революционные события в России, что способствовало распространению социалистических идей. В 1921 году была основана Коммунистическая партия Китая (КПК), предложившая собственную модель образования, ориентированную на социалистические ценности и воспитание нового общества.

После прихода в 1927 году к власти Гоминьдана конфликт между националистами и коммунистами усилился. Под давлением репрессий коммунисты были вынуждены покинуть провинцию Цзянси и переместиться в сельские

районы страны. В период так называемого «Яньаньского десятилетия» проводились различные образовательные эксперименты, преимущественно в сфере начального обучения.

В это время все более очевидной становилась необходимость создания системы образования, способной не только обеспечивать технологическое развитие страны, но и сохранять национальные традиции. Одновременно, ставилась задача сделать образование доступным для широких слоев населения, прежде всего, сельского. Одним из примеров подобных инициатив стал Университет самообучения в Хунане, основанный в 1921 году Мао Цзэдуном и его соратниками для предоставления образовательных возможностей малообеспеченным группам населения [5], [6].

Однако развитие подобных проектов было прервано японской агрессией конца 1930-х годов. Активное реформирование образовательной системы возобновилось только после образования Китайской Народной Республики в 1949 году.

После провозглашения КНР в стране начала формироваться новая образовательная модель, во многом основанная на советском опыте. Основное внимание уделялось подготовке технических специалистов и ускоренной модернизации государства. Вместе с тем данная система не учитывала в полной мере особенности китайского общества и масштабы проблемы неграмотности. Если к моменту революции 1917 года в России школьное образование уже охватывало значительную часть детей, то в Китае уровень охвата оставался существенно ниже. Даже к 1956 году менее половины детей школьного возраста регулярно посещали школу [7], [8].

В первые годы существования КНР особое внимание уделялось реформированию высшего образования. В результате масштабной реорганизации сократилось число классических университетов, тогда как сеть специализированных учебных заведений – технических институтов, колледжей и профессиональных школ – значительно расширилась. Параллельно усилился государственный контроль над образовательной сферой: министерство высшего образования получило широкие полномочия по управлению университетами и педагогическими институтами.

Однако к началу 1960-х годов развитие образовательной системы заметно замедлилось. На это повлияли последствия политики «Великого скачка», экономические трудности, природные катастрофы и ухудшение советско-китайских отношений. Дополнительный удар по научной и образовательной среде

нанесла кампания против «правых» 1957г., в результате которой многие представители интеллигенции были отстранены от общественной и научной деятельности.

После ослабления влияния советской модели руководство страны вновь обратилось к поиску сочетания традиционного китайского и западного подходов к образованию. Идея Мао Цзэдуна «идти на двух ногах» (两条腿走路) предполагала развитие двух направлений: профессионально-трудового обучения и системы классического высшего образования. В этот период появилась система «ключевых школ» (重点学校), ориентированных на подготовку наиболее успешных учащихся. Однако подобное разделение усиливало ощущение социального неравенства и вызывало недовольство в обществе.

На фоне растущей политической напряженности образование постепенно стало объектом идеологической борьбы. В мае 1966 года в Пекинском университете был опубликован «дацзыбао» (大字报) – большой иероглифический плакат с критикой университетского руководства. Это событие стало одним из символических начал *Культурной революции* [9],[10].

Вскоре политические конфликты охватили учебные заведения по всей стране. Первоначально власти пытались контролировать ситуацию через специальные рабочие группы, однако уже летом 1966 года Мао Цзэдун распорядился прекратить их деятельность, что фактически поддержало радикально настроенную молодежь и усилило протестное движение среди студентов.

8 августа 1966 года Центральный комитет КПК официально объявил о начале *Великой пролетарской культурной революции*. Система образования была обвинена в распространении «буржуазного влияния», а ее полное переустройство стало одной из ключевых задач нового политического курса.

В последующие годы деятельность университетов оказалась практически парализована из-за борьбы различных политических группировок. Наименее серьезные изменения затронули начальную школу, хотя сроки обучения были сокращены. Учебные программы упростились: значительная часть гуманитарных дисциплин была исключена, а основное внимание уделялось производственному труду и политическому воспитанию. Выпускников школ направляли в сельские районы в рамках кампании «В горы и в деревни» (上山下乡), целью которой было «перевоспитание» молодежи посредством физического труда.

В период Культурной революции была также отменена система «ключевых школ» и упразднены вступительные экзамены в университеты. Прием студентов осуществлялся преимущественно на основе политической лояльности, а преимущество получали выходцы из рабочих, крестьянских и военных

семей. Для обозначения таких обучающихся использовался термин «рабоче-крестьянско-солдатские студенты» (工农兵学员) [11].

Даже выпускники, не соответствовавшие требованиям по социальному происхождению, могли получить возможность поступления в университет после прохождения так называемого «перевоспитания». Для этого молодежь направляли на работу в сельские районы или на промышленные предприятия, где предполагалось формирование «правильного» идеологического и трудового опыта.

Культурная революция нанесла серьезный ущерб образовательной системе Китая. Работа многих учебных заведений была дезорганизована, материальная база пришла в упадок, а содержание обучения существенно упростилось. Вместе с тем, именно в этот период начальное образование стало доступно более широким слоям населения, прежде всего, в сельской местности, где при народных коммунах создавались местные школы.

После прихода к власти Дэн Сяопина и ареста «банды четырех» образовательная политика была пересмотрена. Новые реформы ориентировались на реализацию программы «четырех модернизаций», предусматривавшей развитие промышленности, сельского хозяйства, обороны и науки. Одновременно руководство страны сохраняло приверженность социалистическим принципам и политическому контролю со стороны КПК.

В конце 1970-х гг. начался процесс восстановления и стандартизации системы образования. Была возвращена традиционная структура школьного обучения 6–3–3, а также вновь введена система «ключевых школ», ориентированных на подготовку наиболее успешных учащихся. Параллельно государство расширяло сеть профессионально-технических учебных заведений, что должно было обеспечить экономику квалифицированными кадрами. Параллельно власти ввели обязательное девятилетнее образование, стремясь повысить общий уровень грамотности населения [10].

Реформы сопровождались и определенными социальными трудностями. В сельских районах часть малокомплектных школ была закрыта или объединена, что снизило доступность образования для отдельных категорий населения. Кроме того, экономические преобразования конца 1970-х гг. усилили заинтересованность семей в вовлечении детей в трудовую деятельность, особенно в сельском хозяйстве.

На уровне средней школы постепенно сформировалась дифференцированная система, включавшая общеобразовательные, специализированные технические и профессиональные учебные заведения. Несмотря на растущую потребность страны в технических специалистах, профессиональное образова-

ние долгое время воспринималось как менее престижное по сравнению с академическим направлением. Однако уже к началу 1990-х годов число учащихся технических и профессиональных школ превысило количество обучающихся в общеобразовательных старших школах.

Ключевым этапом модернизации высшего образования стало восстановление в 1977 году общенациональных вступительных экзаменов в университеты. В дальнейшем реформирование системы основывалось на принципах централизации управления, стандартизации подготовки специалистов и постепенного расширения академической автономии вузов. Существенное значение имело принятое в 1985 году «Решение о реформе системы образования», которое стало основой дальнейшей модернизации китайского образования в постмаоистский период и заложило предпосылки для превращения университетов в важный инструмент государственного развития и международной конкурентоспособности [10].

Подобные преобразования свидетельствуют о том, что развитие высшего образования в Китае постепенно стало рассматриваться не только как внутренний инструмент модернизации, но и как элемент долгосрочной стратегии усиления международного влияния государства.

С конца 1990-х гг. система высшего образования Китая вступила в этап масштабного расширения и модернизации. В 1999 году правительство КНР инициировало программу активного развития высшего образования, в рамках которой уровень охвата населения высшим образованием ежегодно увеличивался примерно на 2%. В результате, уже к 2012 году данный показатель достиг около 30% [12].

К тому же увеличивалось как количество высших учебных заведений, так и число студентов. Развитие университетского сектора стало одним из приоритетных направлений государственной политики, ориентированной на повышение качества подготовки кадров и усиление международной конкурентоспособности китайских вузов. Важную роль в этом процессе сыграли программы модернизации университетов, включая инициативу «Двойной первый класс», направленную на формирование университетов мирового уровня [13].

Укрепление позиций китайских университетов стало заметно и в международных академических рейтингах. Ведущие университеты Китая, в частности, Университет Цинхуа и Пекинский университет, сегодня наряду с известными американскими и британскими вузами занимают высокие позиции. Оба университета также входят в элитное объединение «Лига С9», объединяющее наиболее престижные университеты страны.

Заключение

Таким образом, развитие системы высшего образования Китая прошло сложный путь от традиционной конфуцианской модели к современной высококонкурентной университетской системе мирового уровня. На различных исторических этапах образовательные реформы были тесно связаны с политическими и социально-экономическими задачами государства, а в последние десятилетия – также с вопросами международного позиционирования Китая.

Современные китайские университеты выполняют не только образовательную и научную функции, но и становятся важным инструментом реализации политики «мягкой силы». Рост их международного авторитета, увеличение числа иностранных студентов и укрепление позиций в мировых рейтингах свидетельствуют о стремлении Китая использовать высшее образование как механизм расширения глобального влияния в условиях усиливающейся конкуренции с ведущими мировыми державами, прежде всего США.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mishra S.* Education In Ancient China // Educational Administration: “Theory and Practice”, 27 (4), 2021. PP. 1398–1400.
2. Wang Y. Education in ancient China: [Эл/ ресурс]. URL: https://raider.pressbooks.pub/chineseculture/chapter/1-education-in-ancient-china/ (дата обращения: 26.05.2026).
3. *Чэнь С.* Образование аристократии в Древнем Китае: философские, культурные и социальные аспекты // «Вопросы элитологии», № 2, 2025. СС. 109–117.
4. *Pepper S.* China's Education Reform in the 1980s: Policies, Issues and Historical Perspectives. 1990, 196p.
5. *McDonald A.* The Urban Origins of Rural Revolution: Elites and the Masses in Hunan Province, China, 1911–1927. Berkeley: “University of California Press”, 1978. PP. 116– 120.
6. 湖南自修大学：最早培养革命人才的“职业学校”: [Эл. ресурс]. January 12, 2021. URL: https://hnrb.voc.com.cn/hnrb_epaper/html/2021-01/12/content_1497022.htm (дата обращения: 26.05.2026).
7. *Чжан Г.* Влияние теории образования Советского Союза на китайское образование. // «Экономика и социум», № 7 (50), 2018. СС. 208–218.
8. *Шишкина А.М.* Исторические этапы развития цифровой образовательной среды в КНР // «Современные научные исследования и инновации», № 5, 2023. [Эл. ресурс]. URL: https://web.snauka.ru/issues/2023/05/100320 (дата обращения: 26.05.2026).
9. Nie Yuanzi obituary: A key figure in the Cultural Revolution: [Эл. ресурс]. 07.09.2019. URL: https://www.irishtimes.com/life-and-style/people/nie-yuanzi-obituary-a-key-figure-in-the-cultural-revolution-1.4010242 (дата обращения: 26.05.2026).
10. *Surowski D.* History of the Educational System of China: [Эл. ресурс]. URL: https://www.math.ksu.edu/~dbski/writings/history.html (дата обращения: 26.05.2026).
11. 工农兵学员: [Эл. ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/item/工农兵学员/962465 (дата посещения сайта: 26.05.2026).
12. *Everitt R.* A Brief Overview of Chinese Higher Education System: [Эл. ресурс]. 2015. URL: https://www.britishcouncil.in/sites/default/files/higher_education_system_of_china.pdf (дата обращения: 26.05.2026).

13. *Textor C.* Number of colleges and universities in China 2014–2024: [Эл. ресурс]. 06.01.2026. URL: https://www.statista.com/statistics/226982/number-of-universities-in-china/ (дата обращения: 26.05.2026).

TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION IN CHINA: FROM NATIONAL MODERNIZATION TO GLOBAL COMPETITIVENESS

L. Sukiasyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the main stages in the formation and development of China's higher education system. Particular attention is paid to the traditional Confucian educational model, the influence of Western reforms in the late nineteenth and early twentieth centuries, and the transformation of education during the existence of the People's Republic of China. The study also analyzes the modernization of higher education in the post-Mao period.

The research highlights the relationship between educational policy, socio-political processes, and the broader goals of China's state development. Special attention is given to the role of contemporary educational reforms in strengthening the international competitiveness of Chinese universities and enhancing China's position in the global academic environment.

The article concludes that China's higher education system today performs not only educational and scientific functions, but also serves as an important instrument of the country's "soft power" and international influence.

Keywords: China's higher education, educational reforms, soft power, international competitiveness, Chinese universities.

ПОЛИТОЛОГИЯ

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА: РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ АРМЕНИИ

Н.А. Давтян, Н.А. Дунамалян

Российско-Армянский университет
Narekdavtyan2407@gmail.com, norayr.dunamalyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются стратегические документы США, Франции, Великобритании, Швеции, Испании, Дании и Молдовы, принятые в последние годы, с целью выявления ключевых тенденций в трансформации представлений о международной безопасности. На основе сравнительного анализа национальных стратегий безопасности, оборонных обзоров и документов внешнеполитического планирования исследуются изменения в оценке международной среды, характера угроз и инструментов обеспечения безопасности. Особое внимание уделяется усилению реалистических элементов в стратегическом мышлении западных государств, проявляющихся в акценте на баланс сил, сдерживание, экономическую безопасность и технологическую конкуренцию. В работе также анализируется рост милитаризации стратегического планирования, инструментализация экономических механизмов, расширение понимания национальной безопасности и усиление роли союзнических и региональных форматов сотрудничества. Отдельно рассматривается влияние российско-украинского конфликта и американо-китайского соперничества на формирование стратегических приоритетов западных государств. В заключительной части оцениваются последствия указанных тенденций для малых государств, в частности для Армении, и подчеркивается необходимость адаптации ее внешнеполитической и оборонной стратегии к условиям усиливающейся конкуренции великих держав и сокращения пространства для внешнеполитического маневра.

Ключевые слова: национальная безопасность, документы, государство, США, оборона.

Введение

Современная международная система переживает период глубоких структурных изменений, сопровождающийся усилением геополитической конкуренции, ростом роли силовых факторов и постепенной эрозией институтов глобального управления. В последние годы в научной литературе особое внимание уделяется анализу стратегических документов государств как источника, позволяющего выявить институционализированное восприятие угроз, приоритетов безопасности и долгосрочных внешнеполитических установок. В рамках современной научной дискуссии значительное внимание уделяется постепенному отходу от либерально-институционалистской модели международного порядка, сформировавшейся после окончания «Холодной войны», и усилению элементов реалистической парадигмы, основанной на логике баланса сил, стратегического соперничества и приоритета национальных интересов.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что трансформация стратегического мышления ведущих держав напрямую влияет на положение малых государств и регионов, находящихся на периферии глобальной политики. Южный Кавказ относится именно к таким регионам, где изменения в стратегических приоритетах внешних игроков способны существенно повлиять на динамику региональной безопасности.

Целью данной статьи является выявление ключевых тенденций в стратегических документах западных государств и анализ того, каким образом они отражают трансформацию международного порядка.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализируются определения и концептуальные подходы к национальной безопасности в стратегических документах; выявляются основные изменения в интерпретации международной среды и характера угроз; рассматриваются особенности стратегической риторики отдельных государств; а также оцениваются возможные последствия данных тенденций для малых государств, в частности для Армении.

Материалом исследования выступают стратегические документы в сфере национальной безопасности и внешней политики США, Франции, Великобритании, Швеции, Испании, Дании и Молдовы.

Методологическую основу исследования составляет сравнительный анализ стратегических документов. В работе применяется качественный контент-анализ, направленный на выявление ключевых концептов, повторяющихся категорий и основных тенденций в интерпретации международной среды, угроз и инструментов обеспечения безопасности. Дополнительно используется по-

литико-дискурсивный анализ, позволяющий выявить особенности стратегической риторики различных государств и их подходы к легитимации внешнеполитических и оборонных приоритетов.

Основная часть

Стратегические документы в сфере национальной безопасности представляют собой официально утвержденные государственные акты, фиксирующие оценку внешних и внутренних угроз, приоритеты безопасности, цели внешней и оборонной политики, а также инструменты их реализации. К таким документам относятся национальные стратегии безопасности, оборонные стратегии, стратегические обзоры и концепции внешней политики. В них кодифицируются представления политического руководства о характере международной системы, природе угроз, вероятности межгосударственных конфликтов и допустимых инструментах силы. Однако не во всех документах есть конкретное определение понятий «стратегии» и «национальной безопасности». В трех (Великобритания ([3], [8]), Швеция ([1], [7]) и Молдова ([10], [8])) из семи определенных документов есть определение национальной безопасности и одной страны (США) определение «стратегии» ([8], [1]). Это дает четкие рамки интерпретации самой природы безопасности и стратегического планирования.

Сопоставительный анализ всех документов позволяет выявить ряд общих концептуальных элементов. Во-первых, безопасность практически во всех документах связывается с обеспечением существования государства, его суверенитета, независимости и территориальной целостности. Тем самым воспроизводится классическое государственно-центричное понимание безопасности, характерное для реалистической традиции международных отношений, где центральным объектом защиты выступает государство как политическая единица. Во-вторых, в определениях подчеркивается защита демократического строя, конституционного порядка, прав и свобод человека, а также верховенства права. Это расширяет традиционную военную трактовку и переводит безопасность в плоскость охраны ценностно-нормативного порядка. Таким образом, объектом защиты становится не только территория, но и политическая модель государства, что отражает влияние либеральной парадигмы. В-третьих, безопасность нередко интерпретируется как условие общественного благосостояния, устойчивого развития и стабильного функционирования экономики и институтов. В данном контексте она рассматривается как общественное благо, обеспечивающее нормальное функционирование общества и

защиту жизненно важных интересов населения. Это свидетельствует о переходе к комплексному пониманию безопасности, включающему экономические, социальные и институциональные компоненты.

Таким образом, несмотря на различие формулировок, можно сделать вывод, что современные стратегические документы формируют интегрированное понимание национальной безопасности как состояния защищенности государства, его населения и ценностного порядка, обеспечивающего суверенитет, устойчивость и развитие.

Если стратегические документы отражают институционализированное восприятие угроз, то их анализ позволяет выявить изменения в оценке **международного порядка**. Согласно представленным документам, страны характеризуют современную международную среду как период радикальной неопределенности и масштабной трансформации, отмечая самый серьезный кризис безопасности со времен Второй мировой войны. Во всех документах международная среда описывается как нестабильная, конкурентная и долгосрочно напряженная. Исчезает язык «посткризисной стабилизации» – на его месте появляется язык структурного противостояния. Даже там, где сохраняется либеральная риторика, стратегическое планирование строится, исходя из предположения о сохранении конфронтационной среды. Фиксируются переход от парадигмы глобального управления к парадигме структурного противостояния.

Ослабление международного права и институтов занимает важное место в оценках. Констатируется переход от порядка, основанного на правилах и институтах ООН, к порядку, определяемому балансом сил и прямой конкуренцией держав. Глобальные институты (ООН, ВТО) теряют эффективность и оказываются парализованными из-за соперничества великих держав. Анализ документов показывает, что элементы силовой логики все чаще присутствуют в подходах западных держав (США ([8], [9, 10]), Франция ([6], [25]), Великобритания ([3], [6])). Так эти три страны подчеркивают значение силы как фактора международной политики, а также допускают возможность превентивного применения для защиты своих национальных интересов и обеспечения безопасности. Франция идет дальше и расширяет интерпретацию при которой может быть применено ядерное оружие. Так они могут нанести предупредительный удар «если государство-противник, неправильно оценив свои жизненно важные интересы, решится на нападение на Францию» ([6], [34]).

В этом ключе главное место для сдвигов в международном порядке играет **Россия** и **конфликт в Украине**. Для европейских государств война в Украине является системообразующим фактором. Для Великобритании ([3], [11, 29, 31]), Швеции ([1], [5]) и Дании ([2], [7, 29]) конфликт рассматривается как

центральный элемент новой архитектурной безопасности, где Украина воспринимается как передовая линия обороны Европы.

Для Испания конфликт важен, но встроен в более широкий контекст глобальной трансформации ([7], [9, 17, 43]). Для Молдовы конфликт носит экзистенциальный характер, потому что происходит в том регионе, где находится он, поскольку напрямую связан с вопросом государственной устойчивости ([10], [11]). В американских документах Украина занимает значимое место, однако не является центральной осью глобальной стратегии – она встроена в европейское измерение ([8], [25–26]).

Параллельно, мир все чаще воспринимается с точки зрения **дуализма американско-китайского** соперничества, которые ведут долгосрочную борьбу за технологическое и экономическое доминирование. Европейские государства выражают обеспокоенность возможным снижением американского вовлечения в европейскую безопасность, одновременно рассматривая Китай как долгосрочный вызов, с которым возможны ограниченные формы сотрудничества. В этом аспекте многие государства формируют идеологическую рамку противостояния между **либеральными демократиями** и **авторитарными режимами**. Так можно вывести два больших блока: либеральные демократии в лице так называемого «коллективного запада» и так называемых «авторитарных» стран в лице России, Китая, Ирана и Северной Кореи. Подчеркивается риск координации действий этих государств на различных «театрах действия» для снижения влияния Запада. При этом прослеживается различие в дискурсе: европейские государства формулируют противостояние как столкновение демократий с недемократическими режимами, в то время как США ([8], [9]) ориентируются на прагматичный баланс сил, проявляя уважение к различным политическим системам. Этот момент подчеркивает различный способ легитимизации стратегий: Европа использует ценностный дискурс, США – реалистический подход.

Экономическое измерение претерпевает существенную трансформацию. Эпоха безусловной глобализации сменяется периодом экономической безопасности. Экономический либерализм перестает быть автономной ценностью и подчиняется логике национальной устойчивости. Государства отдают приоритет диверсификации цепочек поставок, снижению стратегических зависимостей и контролю над критическими технологиями. Торговля, энергетика, санкционные механизмы и технологические ограничения все чаще используются как инструменты давления. Одним из наиболее заметных сдвигов является **инструментализация экономики**, где экономический либерализм перестает быть автономной ценностью и подчиняется логике национальной

безопасности. Государства отдают приоритет минимизации рисков и контролю цепочек поставок над максимальной прибылью**.**

Угрозы все чаще формулируются в категориях государств, а не абстрактных рисков. Одновременно, фиксируется **подготовка к высокоинтенсивным конфликтам**: рост оборонных расходов, усиление территориальной обороны укрепление кибервозможностей**.** Однако пока что основная угроза формируется в гибридном формате, что **ниже порога открытого конфликта**. Гибридный формат включает кибератаки, дезинформацию и вмешательство в выборы, что делает невозможным четкое разделение внешних и внутренних угроз. В этом формате очень важное место играет технологии, ИИ, киберпространство. Технологии занимают центральное место во всех документах. Искусственный интеллект, квантовые вычисления, космос и цифровая инфраструктура рассматриваются как стратегические ресурсы. В США ([8], [23]), Великобритании ([3], [46-47]) и Франции ([6], [77]) прямо декларируется стремление к лидерству в сфере ИИ. Для европейских государств технологическая автономия становится условием суверенитета и способом снижения зависимости от внешних акторов, прежде всего, Китая. Но характер интерпретации различаются: так в стратегиях Великобритании ([3], [15–16]) и Швеции ([1], [15]) технологии рассматриваются, прежде всего, как поле стратегической конкуренции. В датском документе акцент ставится более конкретно: цифровая сфера рассматривается через призму внешней угрозы, прежде всего, связанной с деятельностью Китая. В стратегии Молдовы технологический аспект концентрируется преимущественно на информационном измерении ([10], [10, 13]). Основное внимание уделяется дезинформации, манипулятивным цифровым кампаниям и воздействию на общественное сознание. А французский подход отличается большей сбалансированностью, где технологии рассматриваются, одновременно, и как источник рисков, и каквозможность укрепления стратегической автономии ([6], [37, 49, 58, 77]).

Во всех документах присутствует понимание того, что коммуникационные технологии стали самостоятельным пространством безопасности и конкуренции. Это означает, что технологии переходят в категорию структурного элемента национальной безопасности, что может привнести к жесткому государственному регулированию. От технологической развитости будет зависеть уровень регулирования, потому что, в отсутствие такового, возможно будет только блокирование каких-то сайтов и приложений. Общая тенденция в нем – это рост секьюритизации технологий и их превращение в один из центральных объектов стратегической конкуренции. Параллельно, во всех европей-

ских документах угроза включает в себя вопрос войны в Украине и метод воздействия через различные технологии. Наблюдается рост затрат на сектор обороны и технологий. Это, в основном, связано с Китаем и тем, что он начинает лидировать в многих технологических секторах.

Следующая тенденция – это переход от модели маленькой, профессиональной армии в сторону более **широкой системы национальной обороны**, предполагающий вовлечение всего общества. Все чаще во всех европейских документах говорится о мобилизации общества. В рамках данной трансформации реализуется программа по увеличению числа рекрутов, формированию структуры территориальной обороны, а также усиливается взаимодействие между военными институтами, государственными структурами и гражданским обществом. В результате, безопасность рассматривается как общенациональный проект. Так, во Франции подчеркивается необходимость более широкого вовлечения общества в вопросы обороны, особенно акцент ставится на на вовлечении молодежи ([6], [38]). В Швеции развивается концепция «тотальной обороны», предполагающая, что каждый гражданин должен иметь волю к защите страны ([1], [5–7, 13, 29]). В Великобритании данная логика проявляется через повышение расходов на оборону до 5% ВВП к 2035 году и проведение ежегодных национальных учений по устойчивости ([3], [5]).

Но, прежде этого, идет активная фаза **расширения зоны обороны Европы**. Оно включает в себя договоры с внеевропейскими странами и усиление роли различных регионов. Европа видит себя окруженной зонами конфликтов – от Украины до Сахеля и Ближнего Востока, что создает постоянные риски нелегальной миграции и терроризма. Подчеркивается, что безопасность Евро-Атлантического региона теперь неразрывно связана с ситуацией в Индо-Тихоокеанском регионе и множеством регионов в соседстве с Европой:

1) Британия ([3], [8, 31, 35]) и Швеция ([1], [16, 19]) выделяют Евроатлантическое пространство;

2) Испания выделяет Северную и Западную Африку, Латинскую Америку ([7], [9, 53, 59]);

3) Франция – Европу, Ближний Восток, Африку и Индо-Тихоокеанский ([6], [57]);

4) США ([8], [5, 19–21]) и Британия ([3], [8, 36, 38]) – Индо-Тихоокеанский регион (важен практически для всех).

Во всех документах заметна тенденция к усилению роли региональных форматов сотрудничества и двусторонних соглашений. Это происходит на фоне ослабления универсальных институтов и отражает понимание того, что

современные угрозы носят комплексный характер и не могут решаться в одиночку. В связи с этим во всех документах фиксируется важность **союзов** как ключевого элемента системы безопасности. При этом подходы различаются. В стратегиях Британии, Швеции и США прослеживается четкое понимание того, что ни одно государство неспособно в одиночку справиться со всеми проблемами, угрозами и возможными противниками. В документах Испании, Дании и Молдовы значительное место занимает координация политики безопасности с ЕС – путем интеграции их политики в политику ЕС. Французский подход имеет иную специфику. Несмотря на признание значимости союзнических форматов, фактически выдвигает на первый план собственную роль как ведущей силы внутри этих объединений. Ее стратегическое видение позиционируется не просто как национальное, а как выражение общеевропейского подхода ([6], [55–59]).

Таким образом, сопоставление стратегических документах в различных государствах позволяет выявить не только различия в национальных приоритетах и подходах к обеспечению безопасности, но и ряд общих тенденций, характеризующих трансформацию современной международной среды. В совокупности проанализированные документы фиксируют:

- фрагментацию международной системы;
- усиление блоковой логики;
- инструментализацию экономики;
- милитаризацию политики;
- идеологизацию противостояния.

Помимо общих стратегических тенденций, анализ позволяет выявить **ряд интересных** и **дискуссионных положений**, отражающих особенности политической риторики отдельных государств. Так, в американском документе прямо указывается стремление к тому, что другие государства рассматривали США как своего ключевого партнера, а также подчеркивается готовность препятствовать развитию альтернативных направлений сотрудничества ([8], [17]). Одновременно, отмечается, что для государства с настолько широким интересами принцип строгого невмешательства фактически неприменим. Это – четкий сигнал всем партнерам Америки, что в случае разворота от них, их могут вернуть назад путем вмешательства.

В Швеции видно четкое идеологическое объяснение вступления страны в НАТО ([1], [5]). Так, вступление рассматривается как «возвращение домой», несмотря на более чем двухвековую традицию нейтралитета. С другой стороны, у Швеции видны противоречия в самом документе: так, с одной стороны, подчеркивается право антидемократических движений на свободу выражения мнений,

с другой, документ предусматривает меры противодействия деятельности, которая может угрожать демократическому строю ([1], [35]). Это отражает характерную для современных демократий дилемму между защитой свобод и необходимостью обеспечения устойчивости политической системы.

Другой пример: это – *Испанская стратегия*, где Испания благодаря языку намерена усилить свое присутствие на Южном Кавказе и Центральной Азии ([7], [9-10, 60]). Однако, с чем связана такая политика к отношению региона, непонятно. Кроме того, Испания ведет феминистскую внешнюю политику, что, конечно, связано с коалиционной партией правительства, но такая основа внешней политики, с учетом реализма международных отношений, крайне сомнительна ([7], [8, 32]). Еще примечательно, что в данном документе есть критика по отношению к себе (ЕС, НАТО), в частности, отмечается, что двойные стандарты и соблюдение международного права подрывают доверие и авторитет западных стран.

Следующий пример: в стратегии Молдовы, где акцент сделан на партнерство с развитыми демократическими государствами ([10], [5]), когда возникает вопрос: не приведет ли такая ориентированность к ограничению возможностей для сотрудничества с Китаем? Интересно, что во всех других анализируемых документах, несмотря на фиксируемую угрозу со стороны Китая, подчеркивается необходимость поддержания с ним определенного уровня сотрудничества.

Анализ стратегических документов ведущих держав позволяет не только выявить общие тенденции, но и подчеркнуть, как национальная риторика и стратегические установки влияют на положение малых государств. В условиях усиления реалистического компонента западных стратегий малые государства –такие, как **Армения**, оказываются более уязвимыми к внешним и региональным угрозам. В проанализированных документах Армения упоминается четыре раза. Армения упоминается в стратегиях США ([8], [8]), Франции ([6], [13, 56]) и Испании ([7], [59–-60]). Во всех документах Армения рассматривается исключительно в контексте конфликта на Южном Кавказе и необходимости его мирного урегулирования или уже урегулированным.

Для Армении это означает, что пространство для маневра в условиях усиления реалистической логики сокращается. Южный Кавказ не входит в число приоритетных регионов большинства западных держав и рассматривается опосредованно – через призму европейской безопасности, российской политики или турецкого фактора.

Усиление реалистического компонента в стратегиях западных государств означает сокращение пространства для маневра малых стран и повышение

значения внутренней устойчивости, институциональной консолидации и гибкого внешнеполитического балансирования. Некоторые схожие оценки рисков есть в годовом докладе внешней разведки Армении. В документе значительное внимание уделяется угрозам гибридного характера ([11], [6, 17]); кроме того, отмечается продолжающая поляризация между ключевыми геополитическими центрами сил ([11], [11]). Подчеркивается, что углубление этой поляризации может усугубить существующие риски для Армении, прежде всего, с точки зрения необходимости балансирования между различными внешнеполитическими и экономическими партнерами. Таким образом, некоторые оценки разведывательной службы коррелируют с тенденциями, зафиксированными в стратегических документах вышеупомянутых государств.

Заключение

Анализ стратегических документов США, Франции, Великобритании, Швеции, Испании, Дании и Молдовы, принятых после 2024 года, позволяет сделать вывод о качественной трансформации восприятия международной среды. Несмотря на различия в масштабе государств, их статусе и географическом положении, прослеживается общая тенденция: переход от либерально-институционалистской логики «постхолодной» эпохи к более выраженной реалистической парадигме. Международный порядок все чаще описывается как фрагментированный, конкурентный и подверженный силовому перераспределению. Концепты «баланса сил», «сдерживания», «стратегической автономии» и «экономической безопасности» занимают центральное место в стратегическом мышлении. Даже те государства, которые традиционно делали ставку на многосторонность и нормативную силу, признают «эрозию» порядка, основанную на правилах, и необходимость адаптации к миру, где решающим фактором вновь становится распределение мощи. Экономика перестает рассматриваться как нейтральное пространство глобального взаимодействия. Торговля, технологии, цепочки поставок и энергетика институционализируются как инструменты геополитического давления. Одновременно, усиливается взаимопроникновение внутренней и внешней безопасности: миграция, радикализация, цифровая среда, иностранное влияние и информационные операции включаются в единый стратегический контур. Это свидетельствует о расширении понятия национальной безопасности и его секьюритизации. Отдельного внимания заслуживает консенсус европейских государств в отношении российской угрозы как центрального фактора военного планирования. При этом различается глубина восприятия: для одних это – стратегиче-

ское соперничество, для других – экзистенциальный вызов государственности. Китай, в свою очередь, воспринимается как системный конкурент, но с различной степенью интенсивности и акцента от технологической конкуренции до идеологического противостояния. Таким образом, можно говорить о формировании нового стратегического контекста, в котором усиливаются блоковая логика, милитаризация мышления и инструментализация экономических инструментов. Реалистический поворот не означает полного отказа от многосторонности или либеральных ценностей, однако они все чаще подчиняются соображениям силы, устойчивости и выживания. Для Армении данная трансформация имеет принципиальное значение. Южный Кавказ не входит в число первоочередных направлений стратегического внимания большинства западных держав и рассматривается преимущественно в рамках более широких региональных контекстов – европейской безопасности, соперничества с Россией или роли Турции. В условиях усиления реалистической логики международной политики пространство для внешнеполитического маневра малых государств сужается, а значение внутренней устойчивости, институциональной консолидации и прагматичного балансирования возрастает. Следовательно, адаптация к новому международному порядку требует от Армении не только корректировки внешнеполитических приоритетов, но и стратегического переосмысления собственной роли в условиях нарастающей конкуренции великих и региональных держав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Government Offices of Sweden Prime Minister's Office, National Security Strategy: https://www.government.se/globalassets/government/national-security-strategy.pdf
2. Intelligence Outlook. An intelligence-based assessment of the external conditions for the security of the Kingdom of Denmark 2025: https://www.fe-ddis.dk/globalassets/fe/dokumenter/2025/-fe-intelligenceoutlook-25-.pdf
3. HM Government National Security Strategy 2025 Security for the British people in a dangerous world: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/685ab0da72588f418862075c/-E03360428_National_Security_Strategy_Accessible.pdf
4. Ministry of Defence, Strategic Defence Review Making Britain Safer: secure at home, strong abroad 2025: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/683d89f181deb72cce2680a5/-The_Strategic_Defence_Review_2025_-_Making_Britain_Safer_-_secure_at_home__strong_abroad.pdf
5. National defense strategy Department of war: https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2-003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.PDF
6. République Française Liberté Egalité Fraternité, National Strategic Review, 2025: https://www.sgdsn.gouv.fr/files/files/Publications/20250713_NP_SGDSN_RNS2025_EN_0.pdf
7. Spain’s Foreign Action Strategy 2025–2028: https://www.exteriores.gob.es/es/PoliticaExterior/Documents/EAE_2025-2028/Estrategia%20Acci%C3%B3n%20Exterior%20Ingl%C3%A9s.pdf

8. US-National Security Strategy 2025: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf
9. Молдова: Стратегия национальной обороны 2024–2034, Парламент: Постановление № 319 от 26-12-2024 «Об утверждении Национальной стратегии обороны Республики Молдова на 2024–2034 годы»: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=146655&lang=ru
10. Республика Молдова. Парламент: Постановление № HP391/2023 от 15.12.2023 «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Республики Молдова»: https://presedinte.md/app/webroot/uploaded/Proiect%20SSN_2023_Ru.pdf
11. Հայաստանի Հանրապետության արտաքին անվտանգոիթյան ռիսկերի վերաբերյալ, տարեկան զեկույց: https://armenpress.am/storage/content/2025/pdf/FISA_Annual_Report_2026_Armenian.pdf

STRATEGIC DOCUMENTS OF WESTERN POWERS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL ORDER TRANSFORMATION: A REALIST TURN AND IMPLICATIONS FOR ARMENIA

N. Davtyan, N. Dunamalyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The analysis of the strategic documents of Western states shows that elements of a realist approach are strengthening in their strategic thinking, which are associated with the growth of geopolitical competition, the militarization of politics, as well as the instrumentalization of economic and technological tools. The international environment is increasingly viewed as unstable and full of conflicts, which is reflected in the revision of security priorities and the growth of the role of alliances and force instruments. For Armenia, this transformation is of fundamental importance. The South Caucasus is not among the strategic priorities of the majority of Western states and is mainly viewed in broader regional contexts: within the framework of European security, competition with Russia, or the role of Turkey. Therefore, adapting to the new international order requires Armenia not only to revise its foreign policy priorities, but also to rethink its own strategic role in the conditions of growing competition between great and regional powers.
Keywords: national security, documents, state, USA, defense.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А.А. Капустян

Российско-Армянский университет
cry.sana.moonchild@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется взаимосвязь стратегической культуры и национальной безопасности, рассматриваемая как ключевой фактор формирования стратегических приоритетов и механизмов реагирования на внешние и внутренние угрозы. Анализируются основные подходы к стратегии безопасности ряда государств, в том числе Республики Армения, с учетом историко-культурных и геополитических факторов, влияющих на восприятие угроз, выбор инструментов защиты национальных интересов и институционализацию политико-стратегических решений.
Ключевые слова: национальная безопасность, стратегия, стратегическая культура, планирование, безопасность.

В современных условиях политика национальной безопасности все в большей степени определяется не только объективными параметрами силы, ресурсным потенциалом или положением государства в международной системе, но и особенностями стратегической культуры, которые задают рамки интерпретации угроз, допустимых средств реагирования и долгосрочных приоритетов развития. Стратегическая культура в этом контексте выступает не фоновым элементом, а одним из ключевых факторов формирования стратегического планирования и практической реализации политики планирования и практической реализации политики безопасности. Как подчеркивают Э.Н. Чижиков и В.Н. Лукин, современные стратегии национальной безопасности включают в себя качественные характеристики инициативы, лидерства и национальной стратегической культуры, что позволяет рассматривать последнюю как самостоятельный инструмент снижения рисков безопасности [1].

Несмотря на развитость концепции стратегической культуры в рамках security studies, сохраняется разрыв между теоретическим осмыслением и практическим применением данного концепта в анализе национальной безопасности. В существующих исследованиях стратегическая культура часто рассматривается как описательная категория, тогда как ее реализация в стратегических документах не получила достаточного распространения. Кроме того, недостаточно изучен вопрос того, как стратегическая культура влияет на различия в формировании стратегических подходов государств, находящихся в

сходных геополитических ограничениях. Также мало внимания в науке получает вопрос того, каким образом малые и средние государства адаптируют стратегическое планирование в условиях ассиметричных угроз и ограниченных ресурсов.

Согласно классическим подходам к исследованию стратегической культуры, стратегическая культура формируется под влиянием совокупности факторов: исторического опыта конфликтов, географического положения, характера внешних угроз, политических институтов и коллективной памяти общества. Так, если государства имеют сходные условия развития – например, длительное пребывание в состоянии внешней угрозы, сложное региональное окружение или опыт борьбы за независимость – это может приводить к формированию близких стратегических установок. На практике это проявляется в сходстве стратегических приоритетов: оборонительном характере военной доктрины, повышенном внимании к вопросам территориальной целостности или сохранении национальной идентичности.

Взаимосвязь стратегической культуры и национальной безопасности проявляется, прежде всего, в том, что культура формирует устойчивые представления о характере угроз, легитимных способах защиты национальных интересов и допустимости применения силы. Именно через стратегическую культуру осуществляется отбор приоритетов безопасности и выстраивается логика стратегического планирования. Это отчетливо проявляется в анализе национальных стратегий безопасности ведущих мировых акторов. Выбор кейсов в данном случае стремится показать на самых очевидных и часто используемых примерах, как государства адаптируют свою стратегическую культуру в разработке документов национальной безопасности. Рассматриваются примеры РФ с акцентом на обороне и суверенитете, США с их экспансионистской ролью «лидера свободного мира», Китая с адаптивной и сдержанной стратегией и ЕС с моделью, основанной на кооперации и предупреждении конфликтов посредством нормативных инструментов.

Так, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2015г. [2] закрепляет не только перечень угроз и приоритетов, но и отражает специфическое понимание суверенитета, ответственности государства и недопустимости навязывания внешних моделей развития, что свидетельствует о глубинной связи стратегических установок с культурно-историческим опытом страны. В документе прослеживается акцент на сохранении «цивилизационной» идентичности и укреплении внутренней консолидации общества как ключевых условий устойчивости государства. Это позволяет рассматривать

стратегию как инструмент нормативного выражения и закрепления ценностных ориентиров и политико-культурных установок, формирующих долгосрочный курс развития страны.

Американская стратегия национальной безопасности, напротив, опирается на иную стратегическую культуру, в основе которой лежит представление о глобальном лидерстве и универсальности американских ценностей. В Стратегии национальной безопасности США 2015г. [3] прямо декларируется готовность «лидировать с позиции силы» и брать на себя ответственность за поддержание международного порядка, что отражает специфическую культурную установку на активное, а в ряде случаев и преэмпивное вмешательство во внешние процессы. Реализация данной стратегической культуры сопровождается использованием инструментов давления, санкций и трансформации политических режимов, что, по мнению авторов, нередко привод не к снижению, а к росту рисков национальной и международной безопасности.

Особый интересов представляет китайская модель, в рамках которой стратегическая культуру проявляется в сдержанном, косвенном и завуалированном дискурсе безопасности. Военная стратегия Китая 2015г. [4] избегает прямого указания на конкретных противников, ограничиваясь формулировками вроде «некоторые иностранные государства» или «антикитайские силы», что отражает традиционное для китайской стратегической культуры стремление к гибкости, недопущению открытой конфронтации и сохранению пространства для маневра. Такой подход позволяет прогнозировать поведение КНР в сфере безопасности и демонстрирует, каким образом культурные установки трансформируются трансформируются в конкретные стратегические решения.

В рамках Европейского союза взаимосвязь стратегической культуры и национальной безопасности выражается в стремлении к формированию общей европейской стратегической культуры, ориентированной на раннее предотвращение конфликтов и комплексное управление рисками. Европейская стратегия безопасности 2003г. [5] прямо ставит задачу развития стратегической культуры, обеспечивающей оперативное и, при необходимости, активное вмешательство в кризисные ситуации. Вместе с тем, практическая реализация данной установки усложняется зависимостью ЕС от стратегической культуры США в рамках НАТО, что ограничивает автономность европейской политики безопасности.

Кроме того, важным является также и рассмотрение стратегии национальной безопасности Республики Армения 2020г. [6]. Переход к анализу этой стратегии Республики Армения обусловлен необходимостью эмпирической

конкретизации теоретических положений и выявления особенностей функционирования стратегической культуры в условиях ограниченных ресурсов и высокой плотности угроз. Армения представляет собой показательный кейс, позволяющий проанализировать, каким образом культурно-исторические установки трансформируются в практики обеспечения национальной безопасности в рамках неблагоприятной среды.

Стратегический документ комплексно рассматривает безопасность государства: безопасность включает политические, военные, экономические, социальные и демографические аспекты. Ключевой целью политики национальной безопасности определяется обеспечение суверенитета, независимости и территориальной целостности Республики Армения, а также создание условий для безопасного и устойчивого развития. Также упоминаются специфические культурно-исторические установки, сформулированные в связи с длительным опытом борьбы за независимость, коллективной памяти о трагедии геноцида и сложного геополитического окружения страны. Так, стратегическая культура Армении проявляется в сочетании оборонительной ориентации, стремления к международной поддержке и попыток консолидации общества. Безопасность государства в стратегии напрямую связывается с сохранением национальной идентичности.

Рассматривая стратегии национальной безопасности различных государств, на ум приходят примеры стран, находящихся в схожих с Арменией условиях. С необходимостью углубления сравнительного анализа за пределы классических великих держав, выявления стратегий адаптации малых и средних государств, требуется найти пример наиболее эффективной трансформации стратегической культуры от преимущественно оборонительной к гибридной модели, которая сочетала бы элементы мягкой и жесткой силы. Такой пример мог бы выступить контрастным и ориентирующим, дабы выявить структурные ограничения и точки роста для Армении.

В данных обстоятельствах считаю важным упомянуть пример Республики Корея, которая тоже, являясь малым государством в окружении государств, с которыми сохраняются сложные военно-политические отношения, в сравнении с Республикой Армения, более успешно применяет свою стратегию национальной безопасности, уделяя внимание не менее важным в современном мире технологическим, информационным и экономическим аспектам. Смотря на историю Южной Кореи последних 100–150 лет, можно утверждать, что многие факты роднят ее стратегическую культуру с армянской. Это и факты борьбы за независимость и сохранения территориальной целостности,

и враждебность внешней среды по отношению к существующей государственности и факты нахождения национальной идентичности под угрозой.

Опираясь на опыт развития Республики Корея последнего десятилетия и аспекты стратегии национальной безопасности 2023г. [7], отчетливее всего заметна глобальная проекция корейской мягкой силы, проявляющейся в внимании, уделенном пунктам информационного пространства страны и глобальной проекции силы сквозь призму культуры. В данном аспекте корейская стратегия национальной безопасности имеет не только оборонительное измерение, но и проактивное внешнее.

Сравнивая опыт обоих государств, заметно, что стратегия национальной безопасности Республики Армения не затрагивает информационную политику и распространение собственной культуры в мире в качестве аспекта безопасности. Данное условие является большим упущением в попытках привернуть внимание международной общественности к военно-политическим проблемам современной Армении.

Безусловно, каждое государство при выборе путей развития ставит для себя особые цели. Однако также часто государства заимствуют некоторые аспекты политических систем других стран, в том числе в вопросах безопасности. В случае, если такие взаимствования имеют место, стратегам все же следует руководствоваться опытом стран с похожим историческим опытом или геополитическими условиями существования.

Э Н. Чижиков и В.Н. Лукин особое внимание уделяют тому, что навязывание одной стратегической культуры другим государствам способно привести к искажению дискурса безопасности и ошибочной интерпретации угроз. В условиях переидентификации формируется новый дискурс, в рамках которого легитимируются политические и правовые решения, зачастую не соответствующие культурно-историческим особенностям конкретного общества. Примером подобных последствий может служить практика «преэмптивных действий», которые Л.Г. Ивашов характеризует как новый тип войны, направленный на смену культурно-цивилизационной сущности народа, а не только на достижение военных целей [8].

Проведенное исследование подтверждает, что стратегическая культура выступает как структурообразующий фактор политики национальной безопасности, влияющий на выбор инструментов, приоритетов и стратегических ориентиров. Сравнительный анализ показал, что даже при сходных внешних угрозах государства формируют различные модели безопасности. Так, стратегическая культура проявляется в селективности восприятия угроз, что влияет на оценку отдельных направлений безопасностных измерений.

Подводя итог, можно утверждать, что стратегическая культура и политика национальной безопасности находятся в отношениях взаимного обусловливания. Стратегическая культура формирует ценностно-смысловые рамки, в которых осмысляются угрозы и разрабатываются стратегии реагирования, тогда как политика национальной безопасности институционализирует эти установки в виде доктрин, стратегий и практик. Игнорирование культурного измерения безопасности приводит к ошибочным решениям и росту рисков, в то время как учет национальной стратегической культуры позволяет выстраивать более устойчивую и предсказуемую модуль обеспечения национальной безопасности. Так, стратегическая культура является медиатором между объективными условиями международной среды и конкретными политическими решениями в сфере безопасности. И хотя сходные геополитические условия не детерминируют идентичные стратегии, что подтверждает недостаточность материалистических объяснений, можно утверждать, что эффективные стратегии национальной безопасности отличаются многоуровневостью, включая культурное, технологическое и информационное измерения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чижиков Э.Н., Лукин В.Н.* Стратегическая культура как инструмент национальной безопасности // «Национальная безопасность и стратегическое планирование», № 2,2016. СС.94–95.
2. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391 (дата обращения 24.12.2025).
3. National Security Strategy – Washington D.C.: The White House, February 2015. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (дата обращения 24.12.2025).
4. Военная стратегия Китая. Май 2015г. Информационное бюро Государственного Совета Китайской Народной Республики URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2015/05/27/content_28147511561083 3.htm (дата обращения 24.12.2025).
5. Безопасная Европа в мире, который должен стать лучше. Европейская стратегия безопасности// Совет Европейского Союза: офиц. сайт. URL: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/83201.pdf (дата обращения: 24.12.2025).
6. Стратегия национальной безопасности Республики Армения. Ер., 2020. URL: https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/%20национальной%20безопасности%20Республики%20Армения%202020_0.pdf (дата обращения: 11.03.2026).
7. National Security Strategy of the Yoon Suk-yeol Administration. Seoul, 2023. URL: https://assets.korearisk.com/uploads/2023/06/Yoon-Suk-yeol-Administrations-National-Security-Strategy-June-2023.pdf (дата обращения: 11.03.2026).
8. Ивашов Л. Г. Геополитика русской цивилизации // Отв. ред. О.А. Платонов. М.: «Институт русской цивилизации», 2015. СС. 743–744.

STRATEGIC CULTURE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF NATIONAL SECURITY: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

A. Kapustian
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the relationship between strategic culture and national security, viewed as a key factor in shaping strategic priorities and mechanisms for responding to external and internal threats. The study analyzes the main approaches to national security strategies of several states, including the Republic of Armenia, taking into account historical, cultural, and geopolitical factors that influence threat perception, the selection of tools for protecting national interests, and the institutionalization of political-strategic decisions.
Keywords: national security, strategy, strategic culture, planning, security.

ՍԵՎ ՓԻԱՌ-Ի ԿԻՐԱՌՈՒՄԸ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԳՈՐԾՆԹԱՑՆԵՐՈՒՄ. ՏԵՍԱ-ՄԵԹՈԴԱԲԱՆԱԿԱՆ ՀԻՄՔԵՐԸ

Մ. Կ. Մեդրակյան

Ռուս-հայկական համալսարան
mariam.sedrakya05@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Տվյալ հոդվածի նպատակն է բացահայտել Սև PR-ի կիրառումը քաղաքական գործընթացներում: Ուշադրություն դարձվում է Սև PR-ի հասկացությանը, գործիքակազմին, մեթոդաբանությանը, էթիկական ու իրավական սահմաններին: Ուսումնասիրությունն իրականացվել է հետազոտական մեթոդների, համեմատական տիպաբանության, բովանդակային վերլուծության և մոտիվացիոն մեթոդների կիրառմամբ: Աշխատանքում նշվում է Սև փիառ-ի մուտքը քաղաքական ասպարեզ՝ որպես քաղաքական տեխնոլոգիա, հետխորհրդային երկրներում ընտրարշավի ընթացքում քաղաքական գործչին կերպար ձևավորելու համար: Աշխատանքում նաև կդիտարկենք նորմատիվ-իրավական սահմանները, որոնք սահմանափակում են տվյալ տեխնոլոգիայի կիառումը: Այսպիսով՝ աշխատանքում վերլուծվում են Սև Փիառ-ի դերը նախընտրական պայքարում, դրա ազդեցությունը հասարակական կարծիքի և դրա կարգավորման անհրաժեշտության վերաբերյալ ժամանակակից քաղաքական տեխնոլոգիաների ու մեթոդների կիառումը:

Հիմնաբառեր՝ Սև Փիառ, քաղաքական տեխնոլոգիա, նախընտրական պայքար, տեղեկատվություն, քաղաքական գործչի կերպար, Սև Փիառի գործիքակազմ, հանրային ելույթ, նորմատիվ իրավական սահմաններ, օրենսդրություն, հասարակական կարծիք:

ՍԵՎ PR-Ի ԷՈՒԹՅՈՒՆԸ, ՀԱՍԿԱՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ՄՈՏԵՑՈՒՄՆԵՐԸ

Մարդկությունն իր պատմության ընթացքում մշակել է տարբեր եղանակներ՝ իշխանություն ստեղծելու և պահպանելու համար: Վառ օրինակներից մեկը ընտրություններն են: Ընտրություններից առաջ իրականացվող նախընտրական պայքարը ուղեկցվում է այսպես կոչված «Սև PR»-ով: «Սև PR»-ը PR-տեխնոլոգիանների համակարգ է, որն ուղղված է հակառակորդի իմիջի, հեղինակության և հանրային վստահության թուլացմանը՝ կիրառելով բացասական տեղեկատվության ազդեցության, մանիպուլացիայի և վարքաբեկման մեթոդներ: «Սև PR»-ը շրջանառության մեջ է դրվել

հետխորհրդային շրջանում և ունի տարբեր իմաստներ, որոնք էլ ժամանակի ընթացքում փոփոխվել են: Ժամանակի հետ «Սև RP» հասկացությունը սկսեց կապվել ընտրարշավների անցկացման հետ և օգտագործվել նախընտրական պայքարում կիրարվող բոլոր ենթակա մեթոդները բնորոշելու համար: Այն նախ և առաջ ենթադրում է ինչպես ճիշտ օգտագործել տեղեկատվական տեխնոլոգիաները՝ կերպար ձևավորելու համար: «Սև PR» սովորաբար անվանում են ընտրարշավների վարման մեթոդների և հնարքների ամբողջություն, որոնք թույլ են տալիս խախտել բարոյական ու էթիկական նորմերը՝ ներառյան կեղծ տեղեկատվության տարածումը: Մի շարք հեղինակներ «Սև PR»-ը դասում են նաև «ընտրական միջոցների ապօրինի օգտագործում», անվանելով այն նախընտրական տեխնոլոգիաների առանձին «բլոկ»: «Սև PR»-ը կարելի է համարել նախընտրական պայքարի մասնակիցների կողմից կատարվող «խախտումների» ամենալայն շրջանակ՝ սկսած քաղաքական մրցակիցների քարոզարշավներից մինչև ֆինանսական հաշվետվությունների կազմման ընթացքում թույլ տրվող խեղաթյուրումները: Նախընտրական «Սև PR»-ը հանդիսանում է լսարանի գիտակցված և կանխամտածված մոլորեցում՝ ընտրարշավի մրցակցի և մրցակիցների որակների և բնութագրերի վերաբերյալ: Տվյալ դեպքում պետք է ոչ միայն հասկանալ լսարանի ընտրողներին, այլ դրանց կազմակերպիչներին և հենց այդ մրցակիցներին: [1]

«Սև PR»-ը նպատակաուղղված բացասական տեղեկատվության տարածումն է որևէ անձի կամ կազմակերպության վերաբերյալ՝ նպատակ ունենալով քայքայել գործարար կապերը և քաղաքական դիրքերը: «Սև PR»-ը կարելի է անվանել տեղեկատվական պատերազմների վարման մեթոդներից մեկ: Շատերը կարծում են, որ այն քաղաքական գործիչների մենաշնորհ է: Հատկանշական է, որ այն ավելի հայտնի է ու տարածված, քան «սպիտակ PR»-ը: Շատերի համար էլ PR-ը մնում է անհասկանալի, ոմանք PR-ը նույնացնում են գովազդի հետ, ոմանք հանրության հետ կապերի: Սակայն «Սև PR»-ը բոլորին հասանելի է, այստեղ մենք գործ ունենք տերմինի ֆենոմենալ ճանաչելիության հետ: «Սև PR»-ը դրսևորվում է այն ժամանակ, երբ դրա նպատակը ստի, զրպարտության և փաստերի խեղաթյուրման տարածումն է: Շատ հաճախ նախաձեռնողները, որոնք կազմակերպում են նման արշավներ, ոչ թե հանդես են գալիս իրենց անունից, այլ մրցակիցների անունից: «Սև PR»- ը միշտ չէ որ սուտ է: Հա-

[1] *Подвинцев О.Б.* «Черный PR» на выборах: мифы, реалии, методы противодействия. 2-е изд. СПб., 2010. СС. 5–10, (Ներբեռնման ամսաթիվ՝ 30.01.2026թ.)

ճախ օգտագործվում են իրական փաստեր, որը դուրս է բարոյական սահմաններից: «Սև PR»-ի հիմնական հատկանիշը ոչ թե սուտ տեղեկատվության տարածումն է, այլ փաստերի խեղաթյուրումն ու բացասական հուզական «ֆոն» ստեղծելը:[2]

«Սև PR» կիրառվում է այն դեպքում, երբ ավանդական ընտրական տեխնոլոգիաներն գործում են արդյունավետ, կան բացեր օրենսդրության մեջ, և ցածր մակարդակի հիման վրա է գտնվում քաղաքական մշակույթը:[3]

«Սև PR» կարելի է դիտարկել հասարակական գիտակցության փոփոխությանը միտված գործողություն, որը ֆինանսավորվում է անօրինական աղբյուրներից: PR տեխնիկան կարող է լինել մաքուր՝ հասարակության օրենքների և բարոյական նորմերին համապատասխանելու առումով, բայց այնուամենայնիվ, կեղտոտ՝ իր ֆինանսավորման աղբյուրի առումով:[4]

«Սև PR» տերմինի վերաբերյալ կան բազմաթիվ սահմանումներ: Սեմ Բլեքը տերմինը սահմանում է որպես արտաքին միջավայրի հետ ներդաշնակության հասնելու արվեստ և գիտություն՝ հիմնված փոխըմբռնման, ճշմարտության և լիարժեք տեղեկացվածության վրա: Էդվարդ Բերնեյսը առաջարկում է մի հայեցակարգ՝ PR-ը անվանելով ջանքերի ամբողջություն, ինչպիսին են կազմակերպությունների գործունեությունը համապատասխանեցնելով հասարակական շահերի հետ: Ա.Ն. Չումիննկովը իր «Հասասրակության հետ կապեր գրքում» ներկայացնում է տերմինը տեղեկատվա-վերլուծական և գործնատեխնոլոգիական համակարգ, ուղղված նախագծերի փոխհարաբերությունների կարգավորմանը: Ըստ Վույմայի՝ սև PR-ը կիրառվում է մրցակցային պայքարի համար, իշխանության վրա ազդեցություն գործադրելու նպատակով, բացասաբար տրամադրված հասարակական խմբին չեզոքացնելու համար և ինքնագովազդի նպատակով:[5]

---

2. *ЧернушенкоА.А., Федерова В.Д.* Черный PR в политике // «Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики», № 27, 2006. СС.210–213. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chernyy-pr-v-politike, (Ներբեռնման ամսաթիվ՝30.01.2026թ.)

3. *Казаков Д.Г., Локтев С.А.* Черный пиар: определение, цели и методы, URL https://na-journal.ru/5-2023-jurnalistika/5486-chernyi-piar-opredelenie-celi-i-metody, (Ներբեռնման ամսաթիվ `31.01. 2026թ.)

4. *Подпятникова Н.М.* Современные технологии «Черного PR» // «Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания», № 5–1, 2011. СС. 61–63. URL:sovremennye-tehnologii-chernogo-pr (3).pdf

5. *Чернова Т.А.* Черный пиар и его психолингвистические методы реализации в СМИ// «Теория и практика современной науки», № 6–2, 2016. СС. 335–339, URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chernyy-piar-i-ego-psiholingvisticheskie-metody-realizatsii-v-smi (Ներբեռնման ամսաթիվ՝ 30.01.2026թ.)

Քաղաքական տեխնոլոգ Ա.Ա Մաքսիմովը «Մաքուր և կեղտոտ ընտրական տեխնոլոգիաներ» գրքում անդրադառնում է «Սև փիառ»-ին: Նա «կեղտոտ տեխնոլոգիաների» հստակ սահմանում չի տալիս, նա «կեղտոտ» է համարում ցանկացած տեխնելոգիա, որը խանգարում է ընտրարշավ կազմակերպել: Նովոսիբիրսկի քաղաքական տեխնոլոգ Ֆ. Գրիգորևը «Սև PR»-ը դիտարկում է բարոյական նորմերի տեսանկյունից: Նա ասում է. «Ցանկացած թեկնածուի վերաբերյալ տեղեկություն, որը նրան դուր չի գալիս կամ զրպարտում է նրան, իրականացվում է «Սև PR»-ի շրջանակներում: Չեռնուշենկոն և Ֆեդորովան նշում են, որ «Սև փիառ»-ը միշտ չէ, որ հիմնված է ստի վրա, երբեմն օգտագործվում են իրական փաստեր, որոնք մեկնաբանվում են անպես, որ անցնում են բարոյականության բոլոր սահմանները: Քաղաքագետ, գիտնական Գ. Սատարովը «Սև փիառը» դիտարկում է որպես բացասական իմիջի ձևավորման տեխնոլոգիա, որը քաղաքականության մեջ դրսևորվում է մրցակցի կերպարի գիտակցված վատթարացում: Սանկտ-Պետերբուրգի ՆԳ գլխավոր վարչության ղեկավար Ա.Վ. Պոնիդելկոն իր «Սև PR–ը իշխանության տիրելու միջոց, կամ ռումբ իմիջմեյքինգի համար» գրքում Սև փիառը ներկայացնում է թեկնածուների գործունեության տեսանկյունից: Այն ուղղված է նախընտրական պայքարում մրցակիցների վերացմանը (բացառությամբ ֆիզիկական վերացման, որը վերաբերում է քրեական իրավունքի ոլորտին և ժողովրդավարական հասարակությունում այսպես կոչված «անօրինությունը»):[6]

Այսպիսով՝ ամփոփելով և ընդհանրացնելով կարող ենք եզրակացնել, որ «Սև փիառ»-ը սյուբեկտիվ տերմին է, և հասկացության էությունը հանելուկ է հասարակության լայն շրջանների համար, որը PR–մասնագետների կողմից մեկնաբանվում է տարբեր ձևերով և բավական ազատ: Այն նպաստում է տարբեր մեթոդների ու նախագծերի ստեղծմանը, որն էլ հետագայում օգնում է քաղաքական գործիչներին գալ իշխանության և հասնելու իրենց նպատակներին:

ՍԵՎ PR-Ի ԳՈՐԾԻՔԱԿԱԶՄԸ ԵՎ ՄԵԹՈԴՆԵՐԸ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՆԵՐՈՒՄ

Իշխանության ձգտող մարդիկ հաճախ կիրառում են տարբեր եղանակներ ու մեթոդներ, իրենց նպատակներին հասնելու համար: «Սև փիառ»-ի և «կեղտոտ տեխնոլոգիաների» միջև էական տարբերություններ

6. *Соколова А*. Черный PR в политике (2008). Эл. версия книги. URL: https://evartist.narod.ru/text16/121.html (Ներբեռնման ամսաթիվ՝ 31.01.2026թ.)

չկան: Այս հասկացությունները նկարագրում են քաղաքական պայքարում ոչ էթիկական և մանիպուլյատիվ մեթոդների կիրառումը: Երկու հասկացությունների տարբերությունն այն է, որ «կեղտոտ» տեխնոլոգիաները սովորաբար ենթադրում են կարճաժամկետ, կետային ազդեցություն, իսկ «Սև փիառ»-ը կարող է հանդես գալ համակարգային և շարունակական ռազմավարություն: Ժամանակակից քաղաքական գործնթացներում «Սև PR»-ի արդյունավետությունը պայմանավորվորված է մեդիադաշտի սահմանափակումներով: Երբ օրենսդրությունը վերահսկում է զանգվածային լրատվական միջոցների գործունեությունը նախընտրական քարոզարշավում, ընտրական տեխնոլոգիաները հաճախ դիտվում են ոչ ֆորմալ, և այդ ժամանակ առավել արդյունավետ է կիրառել «Սև փիառը»: Գիտական աշխատությունների մեջ «Սև PR»-ը դասակարգում են մի քանի խմբի՝ հոգեբանական ճնշման, վարչական ռեսուրսների չարաշահման, սոցալական միջավայրի մանիպուլացիայի և կենսագրական տեղեկատվության շահարկման միջոցով: Այս մեթոդների կիրառումը հնարավորություն է տալիս քննադատել ոչ թե մրցակցի ծրագրերը, այլ խաթարել նրա անձնական, սոցալական և բարոյական կերպարը: [7]

«Սև փիառ»-ի գործիքները գրեթե շատ քիչ են տարբերվում PR-ի գործիքներից: «Սև փիառ»-ը, որն իրականացվում է մրցակիցների կողմից, կարող է լինել հետևյալ ձևերի.

1. Պատվերով հրապարակումներ մեդիայում – դա կարող է լինել հարցազրույցներ, հոդվածներ, նորություններ, մեկնաբանություններ մամուլի հաղորդագրություններ և այլն: Բավական դժվար է ԶԼՄ-ներում կեղծ տեղեկատվության տարածումը: «Սև փիառ»-ի համար բավական է ուշադրություն հրավիրել ոչ հաճելի, բայց իրական փաստերի վրա:

2. Տեղադրում բլոգերների մոտ – լավ համբավ ունեցող ինֆլյուենսերները, մարդուն վերաբերվող տեղեկատվությունը տարածում են համացանցում, և այդ տեղեկատվությունը ճիշտ է ընկալվում բաժանորդների կողմից, և դա տարածվելով ընդգրկում է մի ամբողջ մեծ լսարան:

3. Օգտատերերի կողմից ստեղծված բովանդակություն – ինտերնետում օգտատերերի կարծիքները, խորհուրդները և մեկնաբանությունները բավական են իրականացնելու «Սև փիառ»-ը: Դրանց միջոցով շատ հեշտ է մրցակցի հեղինակությանը բավականի լուրջ վնաս հասցնել: Սակայն «Սև փիառ»-ի համար դժվար է նաև իրականացնել հանրային կապերի հետ կապված որոշ ալիքներ: Օրինակ՝ տարբեր միջոցառումների

[7] *Мчедлидзе Л.Г.* Современные технологии «черного PR» во внутренней и внешней политике // «Молодой ученый», № 26 (212), 2018. СС. 136–140. URL: https://moluch.ru/archive/212/51850, (Ներբեռնման ամսաթիվ՝ 31.01.2026թ.)

մասնակցություն (հանդիպումներ, մամուլի ասուլիսներ, ներկայացումներ), ոլորտային կամ հասարակական միջոցառումներին մասնակցություն՝ (հանրահավաքներ, երթեր, ցուցահանդեսներ), բլոգների և ալիքների վարում և այլն: Այս ալիքներով դժվար է ապահովել տեղեկատվության տարածումը, որի ժամանակ «Սև փիառ»-ի ամենակարևոր սկզբունքը խախտվում է և մրցակցի կողմից իրականացվող բացասական տեղեկատվությունը ապացուցում է, որ մրցակիցը չի վախենում օգտագործել որևէ մեթոդ, որը կօգնի նրան հասնելու իշխանության:

«Սև փիառ»-ը ունի մի շարք հաղորդակցությունների առանձնահատկություններ: Այն դրսևորվում է հատկապես գովազդների շրջանակներում՝ հաշվի առնելով դրա նշանակությունն ու դերը կոնկրետ իրավիճակներում: «Սև փիառ»-ի հաղորդակցությունները միակողմանի չի լինում, այն սահմանափակում է մեթոդների բազմազանությունը: «Սև PR»-ի հիմնական մեթոդներն են՝ 1. Կոմպրոմատի մեթոդ - այս մեթոդը ստեղծում և տարածում է տեղեկատվություն, որը հարձակվող օբյեկտի կոմպետենտության մասին կասկածներ է ստեղծում: Լեզվաբանական տարբեր մեթոդներ են կիրառվում՝ «կոմպլեքսային էկվիվալենտներ» և պատճառահետևանքային կապեր՝ արժեքներ և իրավիճակների համապատասխանությունը ցույց տալու համար:

2. Տգեղ գովազդի մեթոդ – այս մեթոդը միտված է հրապարակային հակառակորդին գովազդելը, որի ժամանակ հասարակության կարծիքը կդառնա բացասական մրցակցի նկատմամբ: Այս ժամանակ օգտագործվում են չափազանց շատ գովազդներ, փաստերով չհաստատված տեղեկություններ և թաքնված բացասական տվյալներ: 3. Բռնակի կամ թակարդի մեթոդ – այս մեթոդը ստեղծում է տեղեկատվական թակարդ, որտեղ օբյեկը ինքն է ստեղծում հաճախակի կոմպրոմատ՝ փորձելով դուրս գալ անհարմար իրավիճակից: Այս ժամանակ օբյեկտը օգտագործում է պարադոքսալ արտահայտություններ և «երկբևեռ կապ» պարադոքսներ, ստեղծելով ոչ-ոքյան իրավիճակ, որը բարդացնում է որոշումների կայացումը:[8] «Սև փիառ»-ի ամենատարածված մեթոդները՝ 1. «Բացասական կարծիքների» հրապարակումն է: Իրականում բացասական մեկնաբանությունների հետ աշխատանքը հիանալի միջոց է ոչ միայն մրցակիցների ինտրիգներին հակազդելու, այլև սեփական հեղինակությունը ձևավորելու

8. *Чернова Т.А.* Черный пиар и его психолингвистические методы реализации в СМИ // «Теория и практика современной науки», № 6–2, 2016. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/chernyy-piar-i-ego-psiholingvisticheskie-metody-realizatsii-v-smi-%20(2).pdf, (Ներբեռնման ամսաթիվ՝ 31.01.2026թ.)

համար: 2. «Կրկնակի լսարանների» մեթոդի դեպքում ազդեցությունն ուղղված չէ անմիջապես թիրախային լսարանին, այլ միջանկյալ խմբին, որը հետագայում կարող է ազդել թիրախային լսարանի վրա: Օրինակ՝ եթե որևէ կազմակերպությունում բացահայտվի որևէ անօրինական փաստ, ապա կարճ ժամանակում դժգոհության ալիքը կհասնի PR արշավի թիրախային լսարանին: 3. «Հեղինակավոր կարծիքի» մեթոդի դեպքում առաջնորդների միջոցով լսարանի վրա ազդելը արդյունավետ և հուսալի է: Օրինակ՝ Կազմակերպությունը գնալով ավելի շատ է վստահում ինֆլուենսերներին, և սրանց միջոցով ավելի հեշտ է ազդել լսարանի վրա: Այս մեթոդը PR մասնագետները ակտիվորեն օգգտագործում են գովազդներում: 4. «Չափազանցում» – լսարանի ոչ էական թերությունները կարելի է այնպես ներկայացնել, որ այն վերածվի լուրջ խնդրի, և այդ տեղեկությունները կայծակնային արագությամբ հասնում է ԶԼՄ-ներին: Օրինակ՝ բոլոր դեղամիջոցներն ունեն օգտագործման հրահանգներ, սակայն դեղին մամուլում ցանկացած կողմնակի ազդեցություն կարելի է ուռճացնել մինչև «սարսափելի մարդասպանի» չափսերի: Նույնիսկ եթե պարզվի, որ ազդեցությունն էլ այդքան էլ վտանգավոր չէ, խոսակցությունները դեռ երկար կշարունակվեն շրջանառվել, որը հասարակական լայն արձագանք կարող է առաջացնել: Այդպիսի պատճառներ կարող են լինել, օրինակ՝ ընտրության մեղքով առաջացած էկոլոգիական աղետը, վնասակար արտադրությունները, պաշտոնյայի ցուցադրական շքեղ կյանքը, աշխատողների չնչին աշխատավարձերը՝ ձեռնարկության ղեկավարության հսկայական եկամուտների ֆոնին: Այս դեպքում երաշխավորված է «Սև PR»-ը: [9] Այսպիսով «Սև փիառ»-ի հաղորդակցական ձևերն ու մեթոդները փոխկապակցված են, սակայն ունեն տարբեր գործառույթներ: Հաղորդակցական ձևերը ապահովում են տեղեկատվության տարածման ալիքները, իսկ մեթոդները՝ ազդեցության կոնկրետ տեխնոլոգիաները: Ժամանակակից քաղաքական և տեղեկատվական պայքարում հատկապես մեծ դեր ունեն սոցալական ցանցերը, ինֆլուենսերները և մեդիան, որոնք հնարավորություն են տալիս արագ ձևավորել հանրային կարծիք և ազդել ընտրողների վարքագծի վրա:

ՍԵՎ PR-Ի ԷԹԻԿԱԿԱՆ ԵՎ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ՍԱՀՄԱՆՆԵՐԸ

PR պրակտիկայում հաճախ հակասություններ են առաջանում մրցակցի նպատակների և դրա իրականացման միջոցների միջև: Եվ դրան հասնելու համար կարևոր է հասարակության վստահության աստիճանը

9. Черный пиар в интернете: методы, плюсы и минусы и способы защиты, URL https://scan-interfax.ru/blog/chernyi-piar-na-primerah-metody-plyusy-minusy-i-sposoby-zashhity/, (Ներբեռնման ամսաթիվ՝ 01.02.2026թ.)

PR մրցակցի և PR կառույցի նկատմամբ: Եվ այդ պատճառով չի կարելի անտեսել էթիկական նորմերը: Նշանավոր հեղինակ Ս. Բլեքը նշում է, որ յուրաքանչյուր քայլ պետք է հիմնված լինի էթիկական նորմերի և դրանց միջոցների հիման վրա: Անհրաժեշտ է ուշադրություն դարձնել էթիկական հարցերի էական տարբերությանը, որոնք անմիջապես զբաղվում են հանրային կապերով: Վստահությունն ու անկեղծ հարաբերությունները չեն հանդուրժում ստի և էթիկական նորմերի անտեսման կիրառումը: PR ոլորտի յուրաքանչյուր մասնագետ ոչ միայն բավարար է հմտություններ, գիտելիքներ և կարողություններ ունենալ, այլ նաև իրականացնել էթիկական չափանիշներ հասարակության հետ վստահելի հարաբերություններ ունենալու համար: PR մասնագետները կիրառում են ոչ էթիկական մեթոդներ, որը բարձրացրել է բարեկեցությունը, սակայն չվաստակելով հասարակության վստահությունը, չի կարող երկար ժամանակ գոյատևել մրցակցային միջավայրում: Այս հարցերը քննարկելիս, կանգնում ենք մի խնդրի առաջ, որը անլուծելի է դառնում հանրային կապերի մասնագետների համար: Հանրային վստահություն ու աջակցություն ձեռք բերելով մասնագետը կանգնում է գայթակղության առաջ՝ աշխատել իր իսկ շահերից ելնելով: Սև փիառի կողմից յուրաքանչյուր արշավներ կազմակերպելիս պետք է գործել գրագետ: Ամենատարածված հնարքը գրագետ տեքստերի ստեղցումն է, որտեղ կիրառվում են խոսքային հատուկ ռազմավարություններ: Նպատակն այն է, որ տեքստում առկա են ուղերձներ, որոնք ազդում են հասարակության ենթագիտակցության վրա: Հաճախ «Սև փիառ»-ում հանդիպում են երևույթներ, ինչպիսին են զրպարտությունները, տեղեկատվական պատերազմները, և այլն դրսևորումներ: Նման մրցակցային պայմաններում նոռմալ են կիրառել անհիմն մեղադրանքներ, մասնավորապես, համապատասխան հոդվածներ, որոնք իրականացվում են «Սև փիառ»-ի մասնագետնեիր կողմից: PR ոլորտի մասնագետները պետք է մշակեն և կազմակերպեն էպատաժային էֆեկտների վրա հիմնված արշավներ: PR մասնագետների համար կտրականապես արգելվում է տարածել իրենց հաճախորդնդերի մասին բացասական կամ պոտենցյալ վտանգավոր տեղեկատվություն: [10] «Սև PR»-ի Էթիկայում նորմատիվ տեսության զարգացումը հիմնվում է երկու հիմնական տեսական պարադիգմնեիր հիման վրա՝ Յուրգեն Համբերմասի և Նիկոլաս Լումանի

[10]. *Литвиненко С.И.* Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ Высшего Профессионального Образования, «Ивановский Государственный университет», реферат по теории и практике связей с общественностью «Профессиональная этика в связях с общественностью», URL, https://Studfile.Net/Preview/2838614/Page:3/, (Ներբեռնման ամսաթիվ՝ 08.02.2026թ.)

հայեցակարգերում: Յուրգեն Համբերմասի դիսկուրսի էթիկան ձևավորվում է հաղորդակցության գործնթացներում համընդհանուր արժեքների և սկզբունքների հիման վրա: Այստեղ կարևորվում է անհատի ակտիվ դերը տվյալ համակարգում: Գործունեության հիմքը ռացիոնալ փոխըմբռնման ձգտումն է: Նրա դեոնտոլոգիական տեսությունը մոտ է Կանտի տեսությանը: Ըստ նրա բարոյական նորմերը համընդհանուր են դառնում, եթե ընդունվում են հավասար իրավունքներով հաղորդակցության մասնակիցների մեծամասնության կողմից: Այս ամենը նա դիտարկում է որպես «Սև փիառ»-ի հաղորդակցության-նորմատիվ պարադիգմ: Այս տեսությունը համարվում է PR-ի ամենաազդեցիկ տեսություններից մեկը: Նիկոլաս Լումանի համակարգային հայեցակարգում հաղորդակցությունը դիտվում է որպես ինքնակազմակերպվող համակարգ, այստեղ չկան ընդհանուր բարոյական սկզբունքներ: Այստեղ միևնույն պահանջներին համապատասխան, մասնակիցները կարող են ներմուծել տարբեր սկզբունքներ: Նրա մոտեցումը մոտ է պոստմեդեռնիստական մոտեցմանը, որտեղ դժվար է հիմնավորել բարոյական նորմերի ռացիոնալ անհրաժեշտությունը: Եթե դիտարկենք ամերիկյան փորձի օրինակով, ապա «Սև փիառ»-ի զարգացումը կարելի է բաժանել 2 փուլի՝ 1-ին փուլ – այն անվանում են տարերային, զարգանում է ազատ, սահմանափակվելով միայն իրավական նորմերով: Համակարգը ինքնակարգավորվում է, որն էլ բերում է ճգնաժամի: 2-րդ փուլ - անվանում են կարգավորված, սրա ժամանակ սկսվում է երկխոսության փուլը մասնակիցների միջև, մշակվում են վարքագծի նորմեր և իրավական ակտեր: Ճգնաժամը հախթահարվում է, բայց հետագայում կուտակվում են նոր հակասություններ: Տեղեկատվության դերը՝ հետինդուստրիալ հասարակությունում, կտրուկ աճել է ներկայիս պայմաններում: Մասնագետները բախվում են բարոյական ընտրության խնդրին, որն էլ բերում է խոսքի նկատմամբ վստահության նվազեցմանը:[11] Արդի շրջանում կան մի շարք նորմատիվ-իրավական ակտեր, որոնք սահմանափակում են «Սև փիառ»-ի որոշ գործընթացներ, այդ նորմերը անրագրված Սահմանադրություններում և հանդես չեն գալիս ուղիղ ձևով: Օրինակ, ՀՀ Սահմանադրության հոդված 31-ում նշվում է, որ յուրաքանչյուր ոք ունի իր պատվի և բարի համբավի պաշտպանության իրավունք: Այս նորմը հանդիսանում է «Սև փիառ»-ի ամենահստակ Սահմանադրական հիմքերից մեկը: Հոդված 42-ում նշվում է, որ

[11] *Авдеева И.А.* Некоторые этические вопросы практики PR// «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия», № 6, 2007. СС. 78–80. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/nekotorye-eticheskie-voprosy-praktiki-pr%20(2).pdf, (Ներբեռնման ամսաթիվ՝09.02.2026թ.)

կան խոսքի ազատության սահմանափակումներ, այն կարող է սահմանափակվել, եթե խախտվում է մի շարք անձանց իրավունքները, և վտանգվում է հասարակական շահը: Այսինքն այս նորմի համաձայն՝ «Սև փիառը»-ը չի կարող արդարացվել խոսքի ազատությամբ:[12] ՌԴ-ի Սահմանադրության 2 գլխի՝ Հոդված 29-ում նշվում է, որ չի թույլատրվում իրականացնել այնպիսի քարոզչություն, որը խթանում է սոցալական ազգային, կրոնական ատելություն, նաև չի թույլատրվում իրականացնել քարոզչություն, որը կխախտի մի շարք անձանց իրավունքներ: [13] ՀՀ ընտրական օրենսգրքի՝ Հոդված 3-5-ում նշվում է, որ յուրաքանչյուր ոք ունի ազատ, հավասար, ուղղակի ընտրության իրավունք: Այս նորմերը հակասում են «Սև փիառ»-ի գործունեությանը, թեև դրա կոնկրետ կարգավորումը իրականացվում է ընտրական օրենսգրքով, այլ ոչ թե հենց Սահմանադրությամբ:[14] Այսպիսով՝ PR ոլորտում մի շարք քաղտեխնոլոգների կողմից իրականացվող «Սև փիառ»-ը կարող է ունենալ և դրական և բացասական ազդեցություն քաղաքական ոլորտում իրենց նպատակներին հասնելու համար: Իրավական տեսանկյունից «Սև փիառ»-ի կիրառումը վտանգավոր երևույթ է, և միաժամանակ հակասում է բարոյական նորմերին և արժեքներին, և ենթակա է իրավական պատասխանատվության: Որպես PR մասնագետների համար առաջնային նպատակ է, իրենց գործունեությունը իրականացնել էթիկորեն և օրենքի սահմաններում, որպեսի պաշտպանեն իրենց և հանրային վստահությունը, և սեփական պրոֆեսիոնալ ռեպուտացիան: Եվ նրանց իրականացրած յուրաքանչյուր գործունեություն և նպատակ արժանանա իրենց տրամաբանական ավարտին:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

Իրավական ակտեր

1. Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրություն, հոդվածներ 31, 42, URL: https://www.arlis.am/hy/acts/102510
2. Հայաստանի Հանրապետության ընտրական օրենսգիրք, հոդվածներ 3–5, URL: https://www.arlis.am/hy/acts/90888
3. Конституция Российской Федерации. Глава 2. Права и свободы человека и гражданина. URL: http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm.

12. Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրություն, Հոդված 31, 42, URL: https://www.arlis.am/hy/acts/102510, (Ներբեռնման ամսաթիվ՝ 09.02.2026թ.)

13. Конституция Российской Федерации. Глава. 2. Права и свободы человека и гражданина. Ст. 29. URL: http://www.constitution.ru/, (Ներբեռնման ամսաթիվ՝ 09.02.2026թ.)

14. Հայաստանի Հանրապետության ընտրական օրենսգիրք, Հոդված 3–5, URL: https://www.arlis.am/hy/acts/107373,(Ներբեռնման ամսաթիվ՝ 09.02.2026թ.)

Գիտական աղբյուրներ

4. *Авдеева И.А.* Некоторые этические вопросы практики PR // «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия», № 6, 2007. СС. 78–80.
5. *Казаков Д.Г., Локтев С.А.* Черный пиар: определение, цели и методы // «Научный аспект», Т. 27, № 5, 2023. СС. 3499–3504.
6. *Мчедлидзе Л.Г.* Современные технологии «черного PR» во внутренней и внешней политике // «Молодой ученый», № 26 (212), 2018. СС. 136–140.
7. *Подвинцев О.Б.* Черный PR на выборах: мифы, реалии, методы противодействия. 2-е изд. СПб., 2010. СС. 5–10.
8. *Подпятникова Н.М.* Современные технологии «черного PR» // «Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания», № 5–1, 2011. СС. 61–63.
9. *Литвиненко И.С.* Профессиональная этика в связях с общественностью: реферат по теории и практике связей с общественностью. Иваново: Ивановский государственный университет, 2013.
10. *Соколова А.* Черный PR в политике. СПб.: «Питер», 2000.
11. *Чернова Т.А.* Черный пиар и его психолингвистические методы реализации в СМИ // «Теория и практика современной науки», № 6–2, 2016. СС. 335–339.
12. *Чернушенко А.А., Федерова В.Д.* Черный PR в политике // «Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики», № 27, 2006. СС. 210–213.

Էլեկտրոնային ռեսուրսներ

13. *Казаков Д.Г., Локтев С.А*. Черный пиар: определение, цели и методы. URL: https://na-journal.ru/5-2023-jurnalistika/5486-chernyi-piar-opredelenie-celi-i-metody
14. *Мчедлидзе Л.Г.* Современные технологии «черного PR» во внутренней и внешней политике. URL https://moluch.ru/archive/212/51850
15. *Литвиненко С.И.* Профессиональная этика в связях с общественностью. URL: https://studfile.net/preview/2838614/
16. *Соколова А.* Черный PR в политике. URL: https://evartist.narod.ru/text16/121.htm
17. *Чернова Т.А*. Черный пиар и его психолингвистические методы реализации в СМИ. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chyornyy-piar-kak-odin-iz-faktorov-vliyayuschih-na-formirovanie-klipovogo-myshleniya
18. *Чернушенко А.А., Федерова В.Д.* Черный PR в политике. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chernyy-pr-v-politike.
19. Черный пиар в интернете: методы, плюсы и минусы и способы защиты. URL https://scan-interfax.ru/blog/chernyi-piar-na-primerah-metody-plyusy-minusy-i-sposoby-zashhity/

ПРИМЕНЕНИЕ ЧЕРНОГО PR В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

М. Седракян
Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи – раскрыть применение черного PR в политических процессах. Особое внимание уделяется понятию черного

PR, его инструментарию, методологии, а также этическим и правовым ограничениям. Исследование проведено с использованием исследовательских методов, сравнительной типологии, контент-анализа и мотивационных методов.
В работе рассматривается проникновение черного PR в политическую сферу как политической технологии, используемой в постсоветских странах в ходе избирательных кампаний для формирования образа политического деятеля. Также анализируются нормативно-правовые рамки, ограничивающие применение данной технологии.
Таким образом, в работе исследуются роль черного PR в предвыборной борьбе, его влияние на общественное мнение, а также необходимость его регулирования в контексте применения современных политических технологий и методов.
Ключевые слова: черный PR, политические технологии, предвыборная борьба, информация, имидж политического деятеля, инструментарий черного PR, публичное выступление, нормативно-правовые ограничения, законодательство, общественное мнение.

THE APPLICATION OF BLACK PR IN POLITICAL PROCESSES: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS

M. Sedrakyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The purpose of this article is to examine the use of black PR in political processes. Particular attention is paid to the concept of black PR, its tools, methodology, and ethical and legal boundaries. The study was conducted using research methods, comparative typology, content analysis, and motivational methods.
The paper discusses the emergence of black PR in the political arena as a political technology used in post-Soviet countries during election campaigns to shape the image of political figures. It also examines the regulatory and legal frameworks that limit the use of this technology.
Thus, the paper analyzes the role of black PR in electoral competition, its influence on public opinion, and the necessity of regulating its use within the context of contemporary political technologies and methods.
Keywords: Black PR (Negative PR), political technology, pre-election struggle (Election campaign), Information, politician's image, black PR toolkit, public speech, regulatory and legal boundaries, legislation, public opinion.

ИСТОРИЯ

ԵԿԵՂԵՑԻ-ՍՓՅՈՒՌՔ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԳԵՎՈՐԳ Զ ՉՈՐԵՔՉՅԱՆ ԱՄԵՆԱՅՆ ՀԱՅՈՑ ԿԱԹՈՂԻԿՈՍԻ ՀՈՎՎԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՏԱՐԻՆԵՐԻՆ

Ա.Ա. Ասլանյան

Գավառի պետական համալսարան
armineaslanyan29@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածի ուսումնասիրության առարկան եկեղեցի-սփյուռք հարաբերություններն են, իսկ օբյեկտը Ամենայն հայոց կաթողիկոս Գևորգ Զ Չորեքչյանի հովվապետության տարիները:

Հոդվածի նպատակն է ուսումնասիրել եկեղեցի-սփյուռք հարաբերությունների առանձնահատկություններն Ամենայն հայոց կաթողիկոս Գևորգ Զ Չորեքչյանի հովվապետության տարիներին՝ բացահայտելով դրանց հիմնական ուղղությունները, գործնականում իրականացման ձևերը և պատմական նշանակությունը:

Հետազոտության արդյունքում հանգել ենք այն եզրակացության, որ Գևորգ Զ Չորեքչյանն իր ողջ գործունեությամբ ոչ միայն կարևոր ներդրում է ունեցել հայրենադարձության կազմակերպման գործում, այլև ամրապնդել է եկեղեցի-պետություն հարաբերությունները, խթանել սփյուռք-հայրենիք կապերը, նպաստել Հայկական հարցի քննարկմանը միջազգային հարթակներում և խորացնել քույր եկեղեցիների միջև համագործակցությունը՝ ստեղծելով այնպիսի բարենպաստ միջավայր, որը հնարավորություն է տվել Ամենայն հայոց կաթողիկոսի պաշտոնում Գևորգ Զ Չորեքչյանին փոխարինած Վազգեն Ա Պալճյանին շարունակելու իր նախորդի որդեգրած եկեղեցի-սփյուռք հարաբերություններում:

Հիմնաբառեր՝ Ամենայն հայոց կաթողիկոս, Գևորգ Զ Չորեքչյան, եկեղեցի-սփյուռք հարաբերություններ, Հայկական հարց, հայրենադարձություն:

Ներածություն

Եկեղեցի–սփյուռք հարաբերությունները հայ ժողովրդի պատմության կարևորագույն հիմնահարցերից է, որը հատկապես մեծ կարևորություն է

ստացել 20-րդ դարի բարդ և շրջադարձային ժամանակաշրջանում՝ հետպատերազմյան տարիներին: Հայ առաքելական եկեղեցին, լինելով ոչ միայն հոգևոր կառույց, այլև ազգային ինքնության պահպանման կարևոր երաշխավոր, մշտապես առանձնահատուկ դեր է խաղացել Սփյուռքում բնակվող հայության համախմբման, ազգային արժեքների պահպանման և հայրենիքի հետ կապերի ամրապնդման գործում: Այս տեսանկյունից խիստ արդիական և հետաքրքրական է Ամենայն հայոց կաթողիկոս Գևորգ Ջ Չորեքչյանի հովվապետության տարիներին խնդրի քննարկումը:

Աշխատանքի **նպատակն է** ուսումնասիրել եկեղեցի–սփյուռք հարաբերությունների առանձնահատկությունները Ամենայն հայոց կաթողիկոս Գևորգ Ջ Չորեքչյանի հայրապետության տարիներին, վերլուծել այդ հարաբերությունների զարգացման հիմնական ուղղությունները, ինչպես նաև գնահատել եկեղեցու դերը սփյուռքահայության ազգային և հոգևոր կյանքի կազմակերպման գործում:

Օգտագործված գրականության տեսություն: Թեմայի համակողմանի ուսումնասիրության համար հիմք է ծառայել Սանդրո Բեհբուդյանի կողմից կազմած «Վավերագրեր հայ եկեղեցու պատմության» մատենաշարի Ջ հատորը՝ նվիրված Ամենայն հայոց կաթողիկոս Գևորգ Ջ Չորեքչյանին, որտեղ ամփոփված են եկեղեցի-սփյուռք փոխհարաբերություններին նվիրված արժեքավոր վավերագրեր, նամակներ և այլ նյութեր: Գևորգ Ջ Չորեքչյանի հոգևոր և հասարակական գործունեությունը գնահատելիս հատկապես արժեքավոր պատմագիտական աղբյուր է հանդիսացել Ստեփան Ստեփանյանցի «Հայ առաքելական եկեղեցին ստալինյան բռնապետության օրոք» աշխատությունը, որը հիմնված է ժամանակաշրջանի վավերագրային և պատմական աղբյուրների վրա: Ուսումնասիրության ընթացքում կարևորվել են հետևյալ «Էջմիածին» ամսագրի, և «Սովետական Հայաստան» թերթերի հրապարկումները:

Ուսումնասիրության մեթոդները: Թեման ուսումնասիրելիս, պատմական աղբյուրները համակարգելիս կարևորվել է պատմավերլուծական, պատմահամեմատական, պատմահամակարգային մեթոդները:

1945թ. Հայրենական Մեծ պատերազմի հաղթական ավարտից հետո ձևավորված նոր աշխարհաքաղաքական իրադրությունը, սփյուռքահայ համայնքների շրջանում Խորհրդային Հայաստանի նկատմամբ հետաքրքրության աճը, ինչպես նաև աշխարհով մեկ սփռված հայ համայնքների ներքին կազմակերպական խնդիրները նոր առանձնահատկություններով պայմանավորեցին Հայ առաքելական եկեղեցու և Սփյուռքի փոխհարաբերությունները:

Խորհրդային իշխանությունը որոշակի արտոնություններ տվեց Հայ առաքելական եկեղեցուն, որը պայմանավորված էր մի շարք գործոններով: Նախ, Հայ Եկեղեցին և հայ ժողովուրդը Հայրենական Մեծ պատերազմի հաղթանակի գործում հսկայական ավանդ էին ունեցել, երկրորդ ԽՍՀՄ ղեկավարությունը գիտակցում էր, որ նոր պայմաններում՝ աշխարհամարտով պայմանավորված Հայական հարցի համատեքստում 1946–1948թթ. նախատեսվող ներգաղթի կազմակերպման և իրականացման գործում եկեղեցին մեծ դերակատարություն կարող է ունենալ և լինել շատ օգտակար՝ նկատի ունենալով այն փաստը, որ Հայ առաքելական եկեղեցին Սփյուռքի բոլոր հայ գաղթօջախներում հեղինակավոր կառույց է և ամենաազդեցիկ դիրքն ունի:

Հայրենական պատերազմով պայմանավորված կարևորվել էր Հայ առաքելական եկեղեցու հեղինակությունը, որը դիտվում էր որպես կարևոր գործոն խորհրդային միության քաղաքական խնդիրների լուծման, այդ թվում՝ Թուրքիայի հետ նոր իրավահարաբերությունների ձևավորման գործընթացում: Մասնավորապես Խորհրդային միությունը բացահայտ պահանջ էր ներկայացնում Թուրքիային՝ վերադարձնելու արևմտահայկական տարածքները Խորհրդային միությանը, և այդ նպատակին հասնելու համար առանձնահատուկ կարևորություն էր տրվում պատմական հայկական հողեր հայ գաղթականների վերադարձին: Այս գործում կարևորվում էր եկեղեցու անմիջական աջակցությունը, որին ի վկայություն 1945թ. ապրիլի 19-ին տեղի ունեցավ ԽՍՀՄ ժողովրդական կոմիսարների խորհրդի նախագահ Իոսիֆ Ստալինի և Ամենայն հայոց կաթողիկոսի տեղապահ Գևորգ Չորեքչյանի բացառիկ հանդիպումը, որտեղ քննարկվեցին Հայ առաքելական եկեղեցու իրավունքների վերականգնման, Ս. Էջմիածնի դերի ամրապնդման, Ամենայն հայոց կաթողիկոսի ընտրության և սփյուռքահայության ներգաղթի կազմակերպման հետ կապված կարևոր հարցեր: Այդ հանդիպման ընթացքում ձեռք բերված բանավոր պայմանավորվածությունները գործի դրվեց 1945թ. հունիսի 16-ին կայացած Հայոց համազգային եկեղեցական ժողովից հետո, երբ Գևորգ Չորեքչյանը ընտրվեց Ամենայն հայոց կաթողիկոս, և անմիջապես տրվեց սփյուռքահայության ներգաղթի մեկնարկը դեպի մայր հայրենիք: Այս գործընթացի արդյունավետ կազմակերպման և իրականացման գործում առանցքային դեր ունեցավ Ամենայն հայոց կաթողիկոս Գևորգ Ջ Չորեքչյանը:

Դեռևս 1940-ական թվականների սկզբին Հայ առաքելական եկեղեցին Սփյուռքում բնակվող իր հավատացյալներից բազմաթիվ նամակներ էր ստացել ներգաղթ կազմակերպելու թույլտվության մասին [7; 373]:

Գևորգ Ջ Չորեքչյանը, հանդես գալով որպես սփյուռքահայության շահերի ներկայացուցիչը ԽՍՀՄ-ում, մեծ ներդրում ունեցավ այս կարևոր խնդրի լուծման հարցում:

1945թ. նոյեմբերի 21-ին ԽՍՀՄ ժողկոմխորհը որոշում ընդունեց սփյուռքահայության զանգվածային հայրենադարձություն թույլ տալու մասին: Փաստաթղթում նշվում էր, որ հաշվի առնելով արտասահմանում բնակվող հայերի դիմումները և ՀԽՍՀ իշխանությունների նախաձեռնությունը, անհրաժեշտ է կազմակերպել հայերի վերադարձը հայրենիք [10; 183]: Ըստ որոշման, ՀԽՍՀ Ժողկոմխորհին վերապահվեց հայրենադարձության գործընթացի կազմակերպումը: Վերադարձողներին նախատեսվում էր տրամադրել պետական վարկ՝ անհատական բնակարանային շինարարության արժեքի մինչև հիսուն տոկոսի չափով, իսկ հայրենիք տեղափոխվող նրանց գույքը ազատվում էր մաքսային տուրքից [10; 183–184]: Նմանատիպ որոշում ընդունվեց նաև 1945թ. դեկտեմբերի 2-ին [9; 1]:

Եկեղեցին մեծ ուրախությամբ ողջունեց ԽՍՀՄ ժողկոմխորհի նիստերում ընդունված այս որոշումները, քանի որ դրանով սփյուռքահայությանը փրկում էր ձուլման վտանգից [7; 374]:

Հայրենադարձության կազմակերպման համար կային բոլոր նախադրյալները, և Ամենայն հայոց կաթողիկոս Գևորգ Ջ Չորեքչյանը, ստանձնելով այս ծանր պարտականությունը, սկսեց կոնդակներով, կոչերով, նամակներով և ելույթներով դիմել սփյուռքահայությանը, թեմակալ առաջնորդներին, կուսակցություններին և բարեգործական միություններին՝ ներգաղթը կազմակերպելու համար:

1946թ. մայիսի 17-ին «ՏԱԱՍ»-ի թղթակցի հետ ունեցած հարցազրույցի ժամանակ Կաթողիկոս Գևորգ Ջ-ն ներկայացնում է հայրենադարձության կազմակերպման համար իրականացվող միջոցառումները և Հայ եկեղեցու դերը այդ գործընթացում: Նա մասնավորապես ընդգծում է, որ Հայ եկեղեցին, ընդառաջելով արտասահմանյան հայերի հայրենիք վերադառնալու ցանկությանը, իր պարտականությունն է համարում աջակցել ներգաղթի կազմակերպմանը: Կաթողիկոսը նշում է, որ եկեղեցին համագործակցում է թեմական առաջնորդների և թեմական խորհուրդների հետ՝ նյութական ու կազմակերպչական աջակցություն տրամադրելու համար և որ նրանց հիմնական նպատակն է նյութապես օգնել հայրենիք վերադարձող կարիքավոր հայերին, դրանով կատարելով իրենց սուրբ պարտականությունը՝ օգնելով նաև Սովետական Հայաստանի կառավարությանը, որն ընդունելու և տեղավորելու էր հարյուր հազարավոր հայեր: Գևորգ Ջ-ն շեշտում է, որ հայ ժողովուրդը, վերադառնալով իր հայրենիքը, կսկսի կառուցել իր պայծառ ու երջանիկ ապագան Սովետական Հայաստանում [2; 17–18]:

1946թ. Գևորգ Զ կաթողիկոսը շրջաբերականով դիմում է արտասահմանի հոգևոր առաջնորդներին՝ կոչ անելով աջակցել հայրենադարձության գործընթացին [1; 351–352]: Շրջաբերականում նա նշում է, որ ներգաղթի կազմակերպման մեջ հայ հոգևորականները պետք է բացատրեն հանրությանը հարցի կարևորությունը և ոգևորեն ժողովրդին: Նա նաև ընդգծում է, որ հայ ինտելիգենցիան, մամուլը, ինչպես նաև բարեգործական կազմակերպություններն ու մեկենասները պետք է աջակցեն այս գործին, իսկ Ս. Էջմիածինը՝ իր միջոցներով պատրաստ է աջակցել ներգաղթին [1; 351-352]:

Գևորգ Զ Չորեքչյանը հայրենադարձության գործընթացը իրականություն դարձնելու նպատակով ներգրավեց բոլոր հայ գործիչներին, ինչպես նաև Խորհրդային Հայաստանի պարբերականները և թերթերը: Կաթողիկոսի յուրաքնչյուր նամակ կամ ելույթ մեծ արձագանք էր գտնում սփյուռքահայ մամուլում [3; 15-16]: Այսպիսով, Հայոց Կաթողիկոսի դիմումներն էլ ավելի մեծացրեցին հայրենադարձ հայության սերը դեպի Մայր հայրենիքը: Նրա նախաձեռնությունները խթան հանդիսացան և մեծապես նպաստեցին Էջմիածնի հեղինակության բարձրացմանը:

1946թ. հոկտեմբերի կեսերին հայրենադարձվեց մոտ 50 հազար մարդ՝ նախատեսված 30-35 հազարի փոխարեն [6; 95]: Հայրենադարձների թիվը բավականին մեծ էր և պետությունը չէր կարող միայնակ հոգալ ներգաղթի ծախսերը: Այս իրավիճակում կաթողիկոսը ձեռնարկեց համապատասխան քայլեր՝ դիմելով սփյուռքահայ բարեգործական միություններին բարերարներին՝ օգնություն տրամադրելու համար [1; 344–345]: Նույնիսկ գաղթականների խնդիրները հոգալու համար Գևորգ Զ Չորեքչյանը կանխիկացրեց եկեղեցու ողջ գումարը, ինչպես նաև վաճառեց եկեղեցու ունեցվածքի մի որոշ մասը [7; 377]:

Ամենայն հայոց կաթողիկոս Գևորգ Զ Չորեքչյանի գործունեությունը չէր սահմանափակվում միայն ներգաղթի հարցում մեծ աջակցություն ցուցաբերելով: Նրա ուշադրության կենտրոնում էր նաև Հայոց պատմական հողերի վերադարձի խնդիրը: Նրա համոզմամբ՝ այդ խնդրի լուծումը հնարավոր էր միայն Երկորդ աշխարհամարտում հաղթած երեք գերտերությունների՝ ԽՍՀՄ-ի, Մեծ Բրիտանիայի և ԱՄՆ-ի աջակցության պայմաններում: Այդ նպատակով 1945թ. հոկտեմբերի 22-ին կաթողիկոսը հատուկ կոնդակով դիմեց ԽՍՀՄ-ի ղեկավար Ի. Ստալինին, ԱՄՆ-ի նախագահ Հ. Տրումենին և Մեծ Բրիտանիայի վարչապետ Կ. Էտլիին: Կոնդակում Կաթողիկոսը խնդրում է, Թուրքիայի կողմից բռնազավթված հայկական տարածքները վերադարձնել Խորհրդային Հայաստանին: Գրությունում արձանագրվում է, որ Հայոց ցեղասպանությունից հետո, ի լրումն հայ

ժողովրդի կրած տառապանքների, 1920թ. թուրքերը ուխտադրուժ կերպով հարձակվեցին Հայաստանի վրա և գրավեցին նրա համար կենսական նշանակություն ունեցող տարածքներ՝ Կարսը Արդահանը և Սուրմալուն: Նշվում է նաև, որ նորաստեղծ Խորհրդային Միությունը կարողացավ ազատագրել հայկական պատմական հողերի սահմանափակ մի հատված, ինչի շնորհիվ կանխվեց այնտեղ բնակվող հայության լիակատար բնաջնջումը: Փաստաթղթում հատուկ ընդգծվում է Հայոց Կաթողիկոսի դիրքորոշումը, ըստ որի՝ հայ ժողովուրդը իր պատմական դառը փորձից գիտի, որ էական տարբերություն չկա ներկա և հին Թուրքիայի միջև, ուստի միակ միջոցը Թուրքահայաստանի ազատագրումն ու միացումն է Խորհրդային Հայստանին [1; 299–302]: Ամենայն հայոց կաթողիկոսի պահանջը տվյալ պատմական փուլում չափազանց լուրջ քայլ էր և իր ձևակերպմամբ ուղղված էր հայկական տարածքների վերադարձին:

Արտասահմանի հայ հասարակական կազմակերպությունները մեծ խանդավառությամբ ընդունեցին կաթողիկոսի այս հայրենասիրական դիրքորոշումը՝ նրան դիտելով ոչ միայն որպես հոգևոր առաջնորդ, այլև որպես ողջ ազգի շահերը պաշտպանող հասարակական և ազգային գործիչ:

Օգտվելով յուրաքանչյուր նպաստավոր առիթից՝ Կաթողիկոսը հետևողականորեն ձգտում էր հիշեցնել միջազգային հանրությանը հայ ժողովրդի իրավունքների և տարածքային պահանջների մասին: Նույնիսկ խորհրդանշական առիթների ժամանակ նա չէր շրջանցում այդ հիմնախնդիրը, մասնավորապես Հայաստանում խորհրդային կարգերի հաստատման 25-րդ տարեդարձին ուղարկված շնորհավորական հեռագրում նա ընդգծում էր. «. . . խորագույն կերպով հավատացած ենք նաև, որ ԽՍՀ Միության կառավարության և մեծ Ստալինի ջանքերով հայ ժողովուրդը իրականացած կտեսնի իր հայրենիքի ամբողջացումը և իր ժողովրդի համախմբումը մայր Հայրենիքում՝ Խորհրդային Հայաստանում» [4; 3]:

1945թ. նոյեմբերի 29-ին Մայր Աթոռ Ս. Էջմիածնում կայացավ մամուլի ասուլիս, որին մասնակցում էին ինչպես Հայաստանի, այնպես էլ կենտրոնական թերթերի մի խումբ թղթակիցներ: Նրանք հատուկ հրավիրվել էին՝ հանրությանը ներկայացնելու և լուսաբանելու պատմական Հայաստանի արևմտյան հողերին վերաբերող խնդիրները: Ասուլիսի ընթացքում Կաթողիկոս Գևորգ Ջ-ն պարզաբանեց թե ինչու է դիմել նման քայլի՝ ընդգծելով, որ արտասահմանում բնակվող հայության ճակատագրի նկատմամբ հոգատարությունն ու նրանց կողմից ստացված բազմաթիվ նամակներն ու հեռագրերը նրան դրդել են դիմելու երեք գերտերությունների ղեկավարներին: Հայոց Հայրապետը ընդգծեց, որ դիմումը նպատակ ուներ վերացնել

պատմական անարդարությունը՝ պահանջելով Թուրքիայից վերադարձնել բռնի կերպով զավթված և այժմ անբնակ տարածքները՝ դրանք միավորելով Խորհրդային Հայաստանի կազմի մեջ: Նա նաև նշեց, որ այդ քայլը արտասահմանի հայությանը թույլ կտա բնակվել իր արյունակից եղբայրների հետ, աշխատել և զարգացնել իրենց ազգային մշակույթը [4; 11]:

1947թ. ապրիլի 20-ին Կաթողիկոս Գևորգ Զ-ն հետպատերազմյան միջազգային իրադրության պայմաններում հանդես եկավ ընդարձակ կոնդակով, որտեղ ևս մեկ անգամ շեշտեց հայոց հողերի վերադարձի և Խորհրդային Հայաստանի հետ միավորման անհրաժեշտությունը [5; 3–7]:

Այս նույն ժամանակահատվածում 1947թ. ապրիլին Նյու Յորքում նախատեսվում էր բացել Հայկական համաշխարհային կոնգրեսը, որը նպատակ ուներ լուծելու հայկական տարածքներում ներգաղթի կազմակերպման և սփյուռք-հայրենիք կապերի ընդլայնմանն առնչվող հարցերը: Ի թիվս այլ պատվիրակությունների կոնգրեսին պետք է մասնակցեին նաև Խորհրդային Հայաստանի պատվիրակները, ինչպես նաև Ամենայն հայոց կաթողիկոսի ներկայացուցիչները, որոնց կազմում էր ՀԽՍՀ արվեստի վաստակավոր գործիչ Տիգրան Հախումյանը: Կոնգրեսում Ամենայն հայոց կաթողիկոս Գևորգ Զ Չորեքչյանին ներկայացնում էր Հայ առաքելական եկեղեցու Հյուսիսային Ամերիկայի արևելյան թեմի հոգևոր առաջնորդ Տիրան եպիսկոպոս Ներսոյանը:

Հայկական համաշխարհային կոնգրեսն իր աշխատանքները սկսեց 1947թ. ապրիլի 30-ին, Նյու Յորքի «Ուալդորֆ Աստորիա» պանդոկում: Կոնդակում ընթերցվեց Կաթողիկոս Գևորգ Զ-ի ողջույնի հեռագիրը և 1947թ. ապրիլի 20-ի կոնդակը: Կոնգրեսի աշխատանքներն ավարտվեցին մայիսի 4-ին: 1947թ. հունիսի 5-ին երեք հոգուց բաղկացած պատվիրակությունը՝ Տիրան եպիսկոպոս Ներսոյանի գլխավորությամբ, ներկայացավ ՄԱԿ-ի քարտուղարություն՝ համաշխարհային կոնգրեսի դիմումը հանձնելու նպատակով: Պատգամավորությունը Հարավսլավիայի դոկտոր Պրոտիչին հանձնեց դիմումը, որտեղ մասնավորապես նշվում էր, որ Հայկական համաշխարհային կոնգրեսը հանուն աշխարհի բոլոր հայերի, խնդրում է գերագույն մարմնին հայոց հողային պահանջները դնել քննարկման Միացյալ Ազգերի օրակարգում:

Հայկական հարցի վերաբացման խնդրով Գևորգ Զ Կաթողիկոսը դիմեց նաև Միացյալ Թագավորության եկեղեցու առաջնորդին: Այդ մասին տեղեկանում են 1947թ. ապրիլի 14-ի ՀԽՍՀ Մինիստրների խորհրդին առընթեր Հայ եկեղեցու գործերի խորհրդի նախագահ Ս. Հովհաննիսյանի ՀԽՍՀ Մինիստրների խորհրդի նախագահ Ս. Կարապետյանին ուղղված

գրությունից: Գրության մեջ նշվում է, որ Կաթողիկոսը խնդրել էր Անգլիայի եկեղեցու առաջնորդին, որպես Անգլիական խորհրդարանի անդամ, բարձրաձայնել հայերի արդարացի պահանջը՝ հայկական հողերը Խորհրդային Հայաստանին միավորելու հարցում: Անգլիական եկեղեցու առաջնորդին նույն բովանդակությամբ հուշագրով դիմել էր նաև Եվրոպայի թեմի առաջնորդ Արտավազդ արք. Սյուրմենյանը: Այդ մասին Գևորգ Զ Չորեքչյանը գրել է. «Արտավազդ արք., այցելության ժամանակ, իր իրավունքների սահմանից դուրս գալով թույլ է տվել իրեն գրավոր հուշագրով դիմել Քենթրբերիի արք. և խնդրել, որ նա Հայկական դատի առթիվ պատշաճ դիմումներ կատարի իրավասու նախարարներին»: Կաթողիկոսը նրա այս քայլը գնահատել է որպես անտեղի, ինչը կարող էր արժանանալ պետության կողմից նկատողության, ուստի որոշեց, որ պետք է զգուշացնել թեմակալներին՝ այդպիսով միաժամանակ հայտարարաելով, որ օտար եկեղեցիների առաջնորդների հետ հանդիպումների ժամանակ պետք է խստորեն պահպանել իրենց լիազորությունների սահմանները և զգուշանալ, որ չանցնեն այդ սահմանները [8; 99]:

Հայոց կաթողիկոսի այս քայլերը փաստում են, որ նրա բոլոր դիվանագիտական քայլերը համաձայնեցված են եղել ԽՍՀՄ-ի իշխանությունների հետ և նա լիովին գիտակցում էր, որ ցանկացած անհամաձայնեցված գործողություն կարող էր բացասաբար ազդել Հայ եկեղեցու վրա Խորհրդային Միության սահմաններում: Այս հանգամանքն ամբողջությամբ բացահայտվում է 1949թ. Ստալինին ուղղված Գևորգ Զ Կաթողիկոսի հույժ գաղտնի նամակում, որտեղ Կաթողիկոսը տեղեկացնում է իր ծրագրերի մասին: Նամակում նշվում է. «Սկսել ենք նյութեր հավաքել ու շուտով նաև կազմել հատուկ հուշագիր ՄԱԿ Գլխավոր համաժողովի Փարիզյան նստաշրջանին ներկայացնելու համար: Հուշագիրը կկազմվի ռուսերեն և հայերեն, կթարգմանվի ֆրանսերեն և անգլերեն ու կտպագրվի նստաշրջանի նախօրեին, կառաքվի ոչ միայն Համաժողովի մասնակիցներին, այլև պարբերական մամուլին, հասարակական կազմակերպությունների, քաղաքական գործիչների, գրողների, եկեղեցիների և այլն: Հուշագիրը ծառայելու է Թուրքահայաստանի վիլայեթները Խորհրդային Հայաստանի հետ վերամիավորելու հայ ժողովրդի պահանջի պատմաքաղաքական և միջազգային իրավական հիմնավորմանը: Բոլոր ձեռնարկվող քայլերը անպայման կհամաձայնեցվեն ԽՍՀՄ կառավարության հետ ինչպես հուշագրի բովանդակության ու ձևի, նույնպես պահի ընտրության և Համագումարին ներկայացնելու կանոնակարգի առումով: Անհրաժեշտ է Ձեր համաձայնությունը, որպեսզի պահպանելով ձեռնարկվելիք քայլերի խորհրդապահությունը…» [1; 553]:

Վերը նշվածը վկայում է, որ Կաթողիկոս Գևորգ Զ-ն հասկացել էր, որ միայն ԽՍՀՄ-ի վերնախավի հետ համատեղ գործելով և համաձայնեցնելով յուրաքանչյուր քայլը, հնարավոր կլինի միջազգային ճանաչում և աջակցություն ստանալ հայոց պատմական պահանջատիրության հարցում:

Այսպիսով, Գևորգ Զ Չորեքչյանը դարձնելով Հայկական հարցի լուծումն իր կյանքի վերջնանպատակը, իր յուրաքանչյուր ելույթում, նամակում մշտապես ընդգծում էր հայոց հողերի վերադարձի կարևորությունն և անհրաժեշտությունը: Ավելին նրա կոնդակներն ու դիմում-նամակներն իրենց հերթին նոր էջ բացեցին հայկական հողերի պահանջատիրության պայքարի պատմության մեջ և մեծապես նպաստեցին Ամենայն հայոց կաթողիկոսի պաշտոնում Գևորգ Զ Չորեքչյանին փոխարինած Վազգեն Ա Պալճյանին շարունակելու իր նախորդի որդեգրած ոչ միայն եկեղեցի-սփյուռք, այլև եկեղեցի-պետություն հարաբերությունների կարգավորմանը միտված գործունեությունը:

Գևորգ Զ Չորեքչյանը մեծ ավանդ ունեցավ հայրենադարձության կազմակերպման գործում՝ ցույց տալով, որ եկեղեցին անցյալի սոսկ պատմական հուշ չէ, այլ կենդանի կառույց, որը ամուր թելերով կապված է իր ժողովրդի հետ և ապրում է նրա հոգսերով: Նպաստելով հայրենադարձությանը՝ Գևորգ Զ Չորեքչյանը նաև իրավաբանական հիմք տվեց ԽՍՀՄ իշխանություններին՝ Թուրքիայից պահանջելու հայոց հողերը, և չնայած Կաթողիկոսը հստակ գիտակցում էր, որ այդ հարցը մեծ տերությունների մասնավորապես ԽՍՀՄ զավթողական քաղաքականության սոսկ մի մասն է, միևնույն է, փորձում էր հաշվի առնելով այդ ամենը՝ հասնել որևէ ազգանպաստ որոշման: Գևորգ Զ Չորեքչյանը նաև կարևոր դերակատարում ունեցավ հայրենիք-սփյուռք հարաբերությունների ամրապնդման գործում՝ վերածվելով դրանք կապող առանցքային օղակի: Նրա գործունեության շնորհիվ Հայկական հարցը վերաիմաստավորվեց եկեղեցի-պետություն հարաբերությունների համատեքստում և աստիճանաբար դարձավ միջազգային քննարկումների առարկա: Միաժամանակ նա նպաստեց քույր եկեղեցիների միջև կապերի խորացմանը՝ ստեղծելով այնպիսի բարենպաստ միջավայր, որը պարարտ հող ստեղծեց հետագա տարիներին շարունակելու նույն գաղափարական և հասարակական ուղղվածությունը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Վավերագրեր հայ եկեղեցու պատմության, գիրք Զ, Գէորգ Զ Չորէքչէան Կաթողիկոս Ամենայն Հայոց (1938–1955թթ.), կազմեց՝ *Բեհբուդյան Ս.* Ոսկան Երևանցի, Եր., 1999, 935էջ:
2. «Էջմիածին», Դ-Ե, 1946:

3. «Էջմիածին», Զ-Է, 1946:
4. «Էջմիածին», ԺԱ-ԺԲ, 1946:
5. «Էջմիածին», Գ-Դ, 1947:
6. Հայոց պատմություն հատոր IV, գիրք երկրորդ, Եր., 2016, 698 էջ:
7. *Հարությունյան Լ.* Ամենայն Հայոց Կաթողիկոս Գևորգ Զ Չորեքչյանի դերակատարությունը 1946–1948թթ. հայրենադարձության կազմակերպմանն գործում, «1946–1948թթ. հայրենադարձությունը և դրա դասերը, հայրենադարձության հիմնախնդիրն այսօր», զեկուցումների ժողովածու, Հայաստան, 2008, էջ. 372–379:
8. *Մելքոնյան Ք.* Հայկական տարածքների պահանջատիրության հարցը և հայ եկեղեցին 1945–1949թթ. Պատմա-բանասիրական հանդես, համար 3, 2010, էջ. 94–101:
9. «Սովետական Հայաստան», թիվ 259, 1945:
10. *Ստեփանյանց Ս.* Հայ առաքելական եկեղեցին ստալինյան բռնապետության օրոք,«Ապոլոն», Եր., 1994, 242էջ:

CHURCH–DIASPORA RELATIONS DURING THE PONTIFICATE OF GEVORG VI CHOREKCHYAN, CATHOLICOS OF ALL ARMENIANS

A. Aslanyan
Gavar State University
armineaslanyan29@gmail.com

ABSTRACT

The subject of the article is church–diaspora relations, while the object is the years of the pontificate of Gevorg VI Chorekchyan, Catholicos of All Armenians.

The aim of the article is to examine the specific features of church–diaspora relations during the pontificate of Gevorg VI Chorekchyan, revealing their main directions, forms of practical implementation, and historical significance.

As a result of the research, we have concluded that Gevorg VI Chorekchyan, through his entire activity, not only made a significant contribution to the organization of repatriation, but also strengthened church–state relations, promoted diaspora–homeland ties, contributed to raising the Armenian Question on international platforms, and deepened cooperation among sister churches, thereby creating a favorable environment that enabled his successor as Catholicos of All Armenians, Vazgen I Palchyan, to continue the course established by his predecessor in the sphere of church–diaspora relations.

Keywords: Catholicos of All Armenians, Gevorg VI Chorekchyan, church–diaspora relations, The Armenian Question, repatriation.

ЦЕРКВНО-ДИАСПОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ГОДЫ ПАСТОРСТВА КАТОЛИКОСА ВСЕХ АРМЯН ГЕВОРГА VI ЧОРЕКЧЯНА

А.А. Асланян
Гаварский государственный университет

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования в данной статье являются церковно-диаспорные отношения, а объектом изучения – годы пасторства Католикоса всех армян Геворга VI Чорекчяна.

Цель данной статьи – изучить особенности церковно-диаспорных отношений в годы пасторства Геворга VI Чорекчяна, выявив их основные направления, формы практической реализации и историческое значение.

В результате исследования мы пришли к выводу, что Геворга VI Чорекчяна своей деятельностью не только внес значительный вклад в организацию репатриации, но и укрепил церковно-государственные отношения, способствовал развитию связей диаспоры с Родиной, содействовал обсуждению Армянского вопроса на международных площадках и углубил сотрудничество между сестринскими церквами, создав благоприятную среду, которая позволила сменившему его на посту Католикоса всех армян Вазгена I Палчяна продолжить курс, заложенный его предшественником в сфере церковно-диаспорных отношений.

Ключевые слова: Католикос всех армян, Геворг VI Чорекчян, церквно-диаспорные отношения, Армянский вопрос, репатриация.

ԶԻՆՎԱԾ ՊԱՅՔԱՐԻ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԸ «ԱՐՄԷՆԻԱ» ՊԱՐԲԵՐԱԿԱՆԻ ԷՋԵՐՈՒՄ (1886–1889 թթ.)[1]

Է. Գ. Բոյաջյան

Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարան

emma.boyajyan04@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն ուսումնասիրությունը նվիրված է 1886–1889թթ. «Արմէնիա» պարբերականում հեղափոխության՝ որպես Հայկական հարցի լուծման հիմնական միջոցի արծարծմանը: Թեմայի արդիականությունը պայմանավորված է «Արմէնիա» պարբերականի հրապարակախոսական ժառանգության վերարժևորմամբ: Հետազոտությունը վերհանում է, թե ինչպես է մամուլն իր տեղեկատվական և քարոզչական գործիքակազմով իրականացրել հայ քաղաքական մտքի շրջադարձը՝ դիվանագիտական սպասումներից դեպի սեփական ուժին ապավինելու գաղափարախոսությունը: Մամուլի այսօրինակ դերակատարման և «օրակարգ սահմանելու» գործառույթի վերլուծությունը կենսական նշանակություն ունի նաև այսօրվա աշխարհաքաղաքական մարտահրավերներին դիմակայելու հարցում:

Աշխատանքի նպատակն է վերլուծել «Արմէնիա» պարբերականի հեղափոխական հայեցակարգը: Այդ նպատակով առաջադրվել են հետևյալ խնդիրները. հիմնավորել հեղափոխության անհրաժեշտությունը՝ որպես դիվանագիտությանը փոխարինող միջոց, վերհանել պայքարի կազմակերպման գործնական մեխանիզմները և արժևորել լրագրի դերը՝ որպես հեղափոխական շարժումների գաղափարական հիմք:

Ուսումնասիրության արդյունքում եկել ենք այն եզրակացության, որ «Արմէնիա»-ն հայ իրականության մեջ առաջինն էր, որ քննարկեց հեղափոխության իրականացման կոնկրետ տարբերակները: Մ. Փորթուգալյանի առաջադրած «քայլ առ քայլ» զարգացման մոդելը, միասնական կենտրոնի ստեղծումը և «պատիվ ու կամք, մահ կամ փառք» նշանաբանը հիմք դարձան ազգային կուսակցությունների և ֆիդայական շարժման ձևավորման համար: Լրագիրը հիմնավորեց, որ ազգի գոյատևման երաշխիքը ոչ թե համակերպվողականությունն է, այլ

[1] Հետազոտությունն իրականացվել է ՀՀ բարձրագույն կրթության և գիտության կոմիտեի ֆինանսական աջակցությամբ (Գիտական ծրագիր № 25RG-6A004):

սեփական ազատության համար զոհողությունների պատրաստ հաստատուն կամքը: Այս հրապարակախոսական ժառանգությունը տեսական հեղափոխությունը վերածեց գործնական-ազատագրական շարժման:
Հիմնաբառեր՝ Հայկական հարց, «Արմէնիա» լրագիր, հեղափոխություն, ազատություն:

Մեր ուսումնասիրության թեման 1886–1889թթ. «Արմէնիա» պարբերականում հեղափոխությունը՝ որպես հայկական հարցի լուծման գաղափարի արծարծումն է: Աշխատանքի նպատակն է վերհանել և վերլուծել «Արմէնիա» պարբերականում տեղ գտած հայեցակարգային դիտարկումներն ու մոտեցումները հեղափոխական պայքարի վերաբերյալ: Նպատակին հասնելու համար առաջադրում ենք հետևյալ խնդիրները՝

1. Վերլուծել «Արմէնիա» լրագրի դիրքորոշումը դիվանագիտական և հեղափոխական պայքարի արդյունավետության վերաբերյալ:

2. Բացահայտել հեղափոխության նախապատրաստման և կազմակերպման վերաբերյալ առաջարկված մոդելները:

3. Ուսումնասիրել հեղափոխական կենտրոնի ստեղծման, գաղտնիության և հանրային քարոզչության համադրման խնդիրները «Արմենիա» պարբերականի էջերում:

Հայկական հարցի շուրջ առկա պատմագիտական հարուստ ուսումնասիրությունների համապատկերում, որտեղ առանցքային են արխիվային վավերագրերն ու հուշագրությունները [1–8], սույն հետազոտությունն առանձնանում է պարբերական մամուլի՝ որպես քաղաքական հայեցակարգերի ձևավորման հիմնական հարթակի դիտարկմամբ: Մեր ուսումնասիրության արդիականությունը պայմանավորված է «Արմէնիա» պարբերականի հրապարակախոսական ժառանգության վերարժևորմամբ: Հետազոտությունը վերհանում է, թե ինչպես է մամուլն իր տեղեկատվական և քարոզչական գործիքակազմով իրականացրել հայ քաղաքական մտքի շրջադարձը՝ դիվանագիտական սպասումներից դեպի սեփական ուժին ապավինելու գաղափարախոսությունը: Մամուլի այսօրինակ դերակատարման և «օրակարգ սահմանելու» գործառույթի վերլուծությունը կենսական նշանակություն ունի նաև այսօրվա աշխարհաքաղաքական մարտահրավերներին դիմակայելու հարցում:

«Հայաստանը եւ նրա յեղափոխութիւնը» հոդվածաշարում «Արմէնիա»-ն հիմնավորում է, որ հայկական խնդրի լուծման ուղին ոչ թե պասիվ դիվանագիտությունն է, այլ սեփական զինված ուժի ցուցադրումը: Ըստ հեղինակի՝ միայն նպատակասլաց պայքարը կարող է եվրոպական տե-

րությունների շահադիտական միջամտությունը վերածել իրական աջակցության՝ հայերին աղերսողից դարձնելով ազատություն պահանջող քաղաքական գործոն: Դա միակ ուղին է ստանալու ոչ թե օտարների ձևական զիջումները, այլ իրական ազատություն ու հարատև խաղաղություն [15]: Հեղափոխության հիմքը համարելով առաջնորդող գաղափարները՝ հեղինակն արծարծում է ուժերի միավորման և ընդհանուր քաղաքական ծրագրի շուրջ համագործակցության անհրաժեշտությունը: Թեև Փորթուգալյանն առաջարկում էր ստեղծել միասնական ընկերակցություն՝ որպես արգելքները հաղթահարող «ամենակարող ուժ», Սամուէլյանը թերահավատ է դրա իրագործման հարցում՝ մատնանշելով հայության ցրվածությունը և կոմիտեի անդամավճարների գործոնը, ինչը կարող է խոչընդոտել զանգվածային ներգրավվածությանը [16]: Հեղինակը կարևորում է հայ վաճառականության նյութական աջակցությունը և երիտասարդության բարոյաֆիզիկական ներուժը՝ կրթության հետ մեկտեղ դրանք համարելով հեղափոխության օժանդակող գործոններ: Եզրափակելով հոդվածաշարը հեղինակը առանձնացնում է հետևյալ կետերը՝

- Միայն հեղափոխությունը, ընդհանուր ժողովրդական ապստամբությունը կարող է վերականգնել Հայաստանի ազատությունը: Հեղափոխության համար պետք են մարդիկ, որ ազդեցիկ խոսքով կարողանան բարձրացնել ժողովրդին և կառավարել նրան:
- Նյութական արգելքը հաղթահարելու համար անհրաժեշտ է վաճառականության օգնությունը:
- Հայաստանի ազատագրության համար երիտասարդության օգնության մասնաբաժինը կազմում է բարոյական և ֆիզիկական օգնությունը:
- Եթե բոլոր այդ պայմանները կատարվեն, հայերը պատրաստ կլինեն հեղափոխության դրոշը պարզելուն և դարավոր շղթաներից ազատվելուն [17]:

Վերլուծելով անգլիական շահը՝ «Արմէնիա»-ն փաստում է, որ Հայկական հարցը Բրիտանիայի համար լոկ միջոց է Թուրքիայի ներքին կայունությունը խաթարելու և Ռուսաստանի դեմ գործելու համար: Լրագիրը բարենորոգումների վերաբերյալ դիվանագիտական հաղորդագրությունները համարում է ձևական ու անարդյունավետ՝ եզրակացնելով, որ ստեղծված իրավիճակից միակ ելքը հեղափոխությունն է: Այն բնորոշվում է որպես հայ ազգի գերագույն արդարություն և միջնադարյան լուծը թոթափելով դեպի իրական ազատություն տանող միակ ուղի [10]:

«Յեղափոխական գործը» հոդվածաշարում Մ. Փորթուգալյանը հեղափոխության նախնական փուլում առաջնային է համարում ազատության

գաղափարի տարածումն ու ժողովրդի մեջ հայրենասիրական ոգու արթնացումը: Միայն այս հիմքն ապահովելուց հետո նա հնարավոր է համարում անցնել բուն նախապատրաստությանը՝ խիստ կարևորելով կազմակերպչական «կենդրոնի» ստեղծումը, որը պետք է համակարգի և կառավարի հայրենասիրական մասնաժողովների գործունեությունը [22]:

Ըստ հեղինակի Կենդրոնը երկու ձևով կարող է կազմավորվել՝

1. Մեկ անձ, ով հայ ազգի մեջ մեծ ազդեցություն ունի և ինքն էլ նյութական միջոցներով կարող է մեծ օգնություն բերել և կգլխավորի հեղափոխական գործը, իսկ հետևորդները կհետևեն նրա հրամաններին:

2. Հայրենասիրական նպատակներին ծառայող խմբեր կազմավորվեն փոքրիշատե հաստատուն վիճակ ստանալուց հետո, կմիանան միմյանց և կենտրոնաժողով կընտրեն իրենց համար:

Հեղինակը, վերլուծելով Կենդրոնի կազմավորման այս երկու տարբերակները, առաջինն անիրատեսական է համարում համախմբող առաջնորդի բացակայության պատճառով, իսկ երկրորդի դեպքում մատնանշում է խմբերի կայուն միավորման դժվարությունը: Որպես լուծում՝ նա առաջարկում է հայրենասիրական խմբերի դաշնակցային մոդելը, որտեղ յուրաքանչյուր միավոր կունենա իր ձայնը ղեկավար մարմնում: Թեև Լոնդոնի և Փարիզի նախաձեռնությունները չունեցան ցանկալի արդյունք, լրագիրը պնդում է, որ գործընթացը պետք է սկսել տեղական մասնաժողովների հզորացումից և գաղափարական քարոզչությունից: Միայն մասնաժողովների կայացումից և փոխադարձ ճանաչումից հետո հնարավոր կլինի ձևավորել իրապես կենսունակ և նյութապես ապահովված հեղափոխական Կենտրոն [23]:

Մ. Փորթուգալյանը հակադարձում է այն տեսակետին, թե լրագրի կոչերն են հայերի հանդեպ ճնշումների պատճառը, և պնդում, որ գաղափարական քարոզչությունը պետք է լինի բացահայտ, իսկ գործնական նախապատրաստությունն ու զինումը՝ խիստ գաղտնի: Այս միջանկյալ մարտավարությամբ նա փորձում է խուսափել թե՛ անգործության մատնող գաղտնիությունից և թե՛ վտանգավոր բացահայտ գործելակերպից [24]: Խուսափելով բացահայտ գործելու և չափազանց գաղտնիության վտանգավոր ծայրահեղություններից՝ Մ. Փորթուգալյանն առաջարկում է «միջին ուղի». գաղափարների տարածումը պետք է լինի հրապարակային, իսկ զինումն ու բուն գործողությունների նախապատրաստումը՝ խիստ գաղտնի [25]:

Լրագիրը շեշտում է, որ արտասահմանյան քաղաքական ձեռնարկները կորցնում են իրենց արժեքը, եթե բուն Հայաստանում իրական ու լուրջ քայլեր չեն ձեռնարկվում: Հեղափոխական միության հաջողության

գրավականը բոլոր անդամների անձնազոհությունն է և ոչ մի ուժ չարհամարհելը, քանի որ յուրաքանչյուրը կարող է որոշիչ դեր խաղալ։

Հեղինակն առաջարկում է ստեղծել միասնական կանոնագիր, որը թույլ կտա տարբեր վայրերի հայրենասիրական ընկերություններին համագործակցել՝ պահպանելով իրենց ներքին ինքնուրույնությունն ու վարչական անկախությունը։ Այս համագործակցությունը համակարգելու համար պետք է ձևավորվի «Կենտրոնական ժողով», որի նպատակը ոչ թե բացարձակ իշխանություն բանեցնելն է, այլ խմբերի միջև կապն ու խորհրդակցությունը հեշտացնելը [18]։

«Արմէնիա»-ն շեշտում է իր առանցքային դերը Հայկական հարցի արծարծման գործում՝ փաստելով, որ լրագրի ջանքերով խնդիրն այժմ ավելի մեծ հնչեղություն ունի, քան 1885 թվականին։ Ըստ հեղինակի՝ հայալեզու մամուլի գլխավոր առաքելությունը պետք է լինի Եվրոպայում միասնական հանրային կարծիքի ձևավորումը և հայերի մեջ ազատության ու հայրենիքի հզորության գաղափարների սերմանումը։ Միևնույն ժամանակ, հորդորում է հեղափոխական աշխատանքներում խուսափել շտապողականությունից՝ նախապատվությունը տալով հիմնավոր և նպատակաուղղված քայլերին [19]։

«Արմէնիա»-ն հակադարձում է հակահեղափոխականներին՝ պնդելով, որ ազատագրության միակ ուղին հեղափոխության նախապատրաստումն ու ժողովրդական զոհողությունն են։ Հեղինակը քննադատում է այն «սուտ հայրենասերներին», ովքեր հույսը դնում են բացառապես եվրոպական տերությունների խաղաղ միջամտության վրա՝ հիշեցնելով, որ օտար պետություններն առանց տվյալ ազգի գործուն պայքարի չեն միջամտի։ Զուգահեռներ անցկացնելով հույների և բուլղարների հետ՝ լրագիրը եզրակացնում է, որ ոչ թե հեղափոխությունն է կործանում ազգը, այլ հանցավոր լռությունն ու համակերպվողականությունը, որոնց պատճառով հայությունը խաղաղ պայմաններում ավելի շատ կորուստներ է կրում, քան զինված պայքարի դեպքում [20]։

«Հայրենասիրական ոգին զորացնելու և բարենորոգումների հարցը խթանելու նպատակով «Արմէնիա»-ն կազմակերպեց հրապարակախոսական մրցույթ՝ սահմանելով դրամական պարգևներ։ Լավագույնն ընտրված «Ա.» և «Պանդուխտ» ծածկանուններով հեղինակների հոդվածները դարձան հեղափոխական պայքարի և ազատագրության գործնական ուղիները նախանշող կարևոր հարթակ [21]։

Առաջին մրցանակակիրը, վերլուծելով Հայկական հարցի ձախողումները, առաջարկում է զինված ինքնապաշտպանության հայեցակարգ՝ հիմնված լեռնային գավառներում պատրաստված մարտական խմբերի

ստեղծման վրա: Ըստ հեղինակի՝ դիվանագիտական դիմումները պետք է փոխարինվեն տեղական ապստամբական օջախներով, որոնք աստիճանաբար կվերածվեն համաժողովրդական շարժման՝ արթնացնելով նաև Եվրոպայի հանրային միտքը: Այս համատեքստում սփյուռքահայության դերը սահմանափակվում է հայրենիքի «փոքր բանակին» նյութական աջակցություն ցուցաբերելով և միջազգային հարթակներում ազգային շահերը ներկայացնելով [9]:

Երկրորդ մրցանակակիր Պանդուխտը, վերլուծելով հայ քաղաքական դաշտի տրամադրությունները, թերահավատորեն է մոտենում սոսկ քարոզչական հեղափոխությանը՝ փաստելով, որ զանգվածային անգրագիտությունն ու օսմանյան գրաքննությունը ձախողում են մամուլի միջոցով ժողովրդին համախմբելու փորձերը: Ըստ հեղինակի՝ «անզեն հեղափոխականի» խոսքն անկարող է էական ազդեցություն ունենալ, ուստի հեղափոխական գաղափարը պետք է մարմնավորվի անձնական զինված օրինակով, որն ավելի զորեղ է բորբոքում ազատագրական պայքարի ոգին, քան տեսական կոչերը [13]:

Հեղինակն առաջ է քաշում կազմակերպված ապստամբության մի նոր մոդել, որը հիմնված է գաղտնի հանձնախմբի կողմից ստեղծված մարտական փոքր խմբերի և «փորձված հայրենասեր ասպատակների» գործողությունների վրա, որոնց մուտքը Հայաստան պետք է դառնա համազգային ընդհանուր ապստամբության կատալիզատորը: Այս ռազմավարության նպատակն է զինված բախումների միջոցով սթափեցնել անտարբեր ժողովրդին և միջազգային հանրության ուշադրությունը հրավիրել հայկական հարցի վրա. երբ տեղական լեռնային օջախներում սկսված պայքարը հանդիպի թուրքական կանոնավոր զորքի դիմադրությանը, հայրենասիրության կենդանի օրինակը կհանգեցնի շղթայական ռեակցիայի, ինչն էլ սփյուռքի ու տեղաբնակների համախմբմամբ կվերածվի համընդհանուր և վերջնական հեղափոխության [14]:

«Արմէնիա» լրագիրը, «Յեղափոխութիւն» հոդվածաշարով հակադարձելով հակահեղափոխականներին, պնդում է, որ սեփական իրավունքների պաշտպանության միակ երաշխիքը զենքի ուժն է: Հեղինակը հորդորում է հրաժարվել օտարամոլությունից և եվրոպական տերությունների խաղաղասիրական կոչերից կամ օգնությունից կախված լինելու պատրանքներից: Եզրահանգումը միանշանակ է. հեղափոխությունն ազատության միակ հնարավոր միջոցն է, ինչը պահանջում է անհապաղ և վճռական նախապատրաստություն [11]: Հեղինակը հեղափոխության հաջողության գրավականն է համարում ժողովրդի մեծամասնության հաստատուն

կամքն ու միասնությունը՝ առաջադրելով «պատիւ և կամք, մա՛հ կամ փա՛ռք» վճռական նշանաբանը [12]։

«Արմէնիա»-ի խմբագիր Մկրտիչ Փորթուգալյանը պնդում է, որ առաջադիմությունը քայլ առ քայլ ընթացող գործընթաց է, ուստի հեղափոխությունը պահանջում է տևական ու համբերատար նախապատրաստություն։ Ըստ հեղինակի՝ ազգերը նախ պետք է սովորեն քայլել ու զորանալ, որպեսզի հետագայում կարողանան հաջողված «ոստյուններ» կամ հեղափոխական շարժումներ իրականացնել։ Նա հորդորում է չհիասթափվել և ամենօրյա աշխատանքով նախապատրաստել այն օրը, երբ ժողովուրդը պատրաստ կլինի վճռական ցատկի [26]։

Եզրակացություն:

Ամփոփելով «Արմէնիա» լրագրի հոդվածաշարերն ու խմբագրական սկզբունքները՝ կարող ենք արձանագրել, որ հայ պարբերական մամուլի պատմության մեջ «Արմէնիա»-ն առաջինն էր, որ համակարգված կերպով քննարկեց և հանրայնացրեց հեղափոխություն կատարելու կոնկրետ տարբերակներն ու միջոցները։ Մկրտիչ Փորթուգալյանի և նրա համախոհների առաջ քաշած թեզերը հայկական հարցը դիվանագիտական անպտուղ փնտրտուքներից վերջնականապես տեղափոխեցին զինված ինքնապաշտպանության և հեղափոխական կազմակերպվածության գործնական հարթություն։

Հոդվածաշարի ուսումնասիրությունը թույլ է տալիս առանձնացնել հայ ազատագրական պայքարի մի քանի հիմնարար սկզբունքներ։ Ըստ «Արմէնիա» լրագրի՝ հայկական հարցի լուծումը կախված է բացառապես սեփական ուժի առաջնայնությունից և ժողովրդի՝ պասիվ սպասողից պատերազմող գործոնի վերածվելուց։ Այս նպատակին հասնելու համար անհրաժեշտ է հետևողական և աստիճանական նախապատրաստություն, որը պետք է սկսվի գաղափարական քարոզչությամբ և հանգի խիստ գաղտնի զինված գործողությունների։ Հաջողության գրավականը հայրենասիրական բոլոր ուժերի համախմբումն է մեկ միասնական կենտրոնի և ընդհանուր քաղաքական ծրագրի շուրջ, որը կմիավորի երիտասարդության ֆիզիկական ներուժն ու վաճառականության նյութական աջակցությունը։

Վերջնարդյունքում կարող ենք եզրակացնել, որ «Արմէնիա»-ն փաստեց, որ ազգի գոյատևման միակ երաշխիքը ոչ թե «հանցավոր լռությունն» ու համակերպվողականությունն են, այլ սեփական ազատության համար զոհողությունների պատրաստ հաստատուն կամքը։ 1886–1889 թվական-

ների այս հրապարակախոսական ժառանգությունը դարձավ այն գաղափարական հիմքը, որի վրա հաջորդող տասնամյակներում զարգացավ հայ հեղափոխական միտքը։

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

Մենագրություններ և գիտական հոդվածներ

1. *Գաբիկեան Խ.* Հայկական հարցը Արեւելեան հարցի մէջ (1860–1880), Պէյրութ, 1962:
2. *Գալոյան Գ.* Արևմտյան Հայաստանի ինքնավարության հարցը Բեռլինի 1878թ. վեհաժողովին նախորդող շրջանում, «Լրաբեր հասարակական գիտությունների», Եր., 1996, թիվ 3, էջ. 3–18:
3. *Կիրակոսյան Ջ.* Բուրժուական դիվանագիտությունը և Հայաստանը (XIX դարի 70-ական թթ.), Եր., 1978:
4. *Կիրակոսյան Ջ.* 1878թ. Սան-Ստեֆանոյի հաշտության պայմանագիրը և անգլիական դիվանագիտությունը, «Բանբեր Երևանի համալսարանի», Եր., 1978, թիվ 1, էջ. 83–106:
5. *Հովհաննիսյան Ռ.* Արևմտահայ ազգային-ազատագրական շարժումները և Կարինի «Պաշտպան հայրենյաց» կազմակերպությունը, Եր., 1965:
6. *Ներսիսյան Մ.* Հայկական հարցի ծագումը և մեծ տերությունները, «Պատմաբանասիրական հանդես», Եր., 1999, թիվ 1, էջ. 101–108:
7. *Պողոսյան Մ.* Հայաստանի ինքնավարության ծրագիրը 1878թ., Եր., 2018:
8. *Սարուխան*, Հայկական խնդիրն եւ Ազգային սահմանադրութիւնը Թիւրքիայում (1860-1910), հ. Ա, Թիֆլիս, 1912:

Մամուլ

9. Ա. Հայրենասիրական մտածումների համար Ա մրցանակի արժանացած յօդուածն, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1888, դեկտեմբեր 22 (դեկտեմբեր 10 հ. տ.), թիւ 24:
10. Յ.Ս.Փ. Հայկական խնդիր կամ մարդկային իրաւունք, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1886, սեպտեմբեր 1 (օգոստ. 20 հ. տ.), թիւ 4:
11. Նետ, Յեղափոխություն, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1889, յունիս 9 (յունիս 7 հ. տ.), թիւ 73:
12. Նետ, Յեղափոխություն, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1889, յունիս 22 (յունիս 10 հ. տ.), թիւ 74:
13. Պանդուխտ, Հայրենասիրական մտածումների համար Բ մրցանակի արժանացած յօդուածն, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1888, դեկտեմբեր 26 (դեկտեմբեր 14 հ. տ.), թիւ 25:
14. Պանդուխտ, Հայրենասիրական մտածումների համար Բ մրցանակի արժանացած յօդուածն, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1888, դեկտեմբեր 29 (դեկտեմբեր 17 հ. տ.), թիւ 26:
15. *Սամուէլեան Յ.* Հայաստանը եւ նրա յեղափոխութիւնը, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1886, յունիս 9 (մայիս 28 հ. տ.), թիւ 84:
16. *Սամուէլեան Յ.* Հայաստանը եւ նրա յեղափոխութիւնը, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1886, յունիս 12 (մայիս 31 հ. տ.), թիւ 85:
17. *Սամուէլեան Յ.* Հայաստանը եւ նրա յեղափոխութիւնը, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1886, յունիս 16 (յունիս 4 հ. տ.), թիւ 86:
18. *Փորթուգալեան Մ.* Ի՞նչպիսի միութիւն է հարկաւոր, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1887, փետրվար 23 (փետրվար 11 հ. տ.), թիւ 53:
19. *Փորթուգալեան Մ.* Կամաց աճապարեցէ՛ք, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1887, ապրիլ 6 (մարտ 25 հ. տ.), թիւ 65:
20. *Փորթուգալեան Մ.* Մեծ կորուստը յեղափոխութեան մէջ չէ, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1888, նոյեմբեր 17 (նոյեմբեր 5 հ. տ.), թիւ 14:

21. Փորթուգալեան Մ. Մրցանակ հայրենասիրական մտածումների համար, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1888, դեկտեմբեր 19 (դեկտեմբեր 7 h. տ.), թիւ 23:
22. *Փորթուգալեան Մ.* Յեղափոխական գործը, Ա, Նախնական վիճակ, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1886, դեկտեմբեր 4 (նոյ. 6 h. տ.), թիւ 31:
23. *Փորթուգալեան Մ.* Յեղափոխական գործը, Բ, Կենդրոն, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1886, դեկտեմբեր 8 (նոյ. 26 h. տ.), թիւ 32:
24. *Փորթուգալեան Մ.* Յեղափոխական գործը, Գ, Յայտնի՛ թէ գաղտնի, I, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1886, դեկտեմբեր 18 (դեկտ. 6 h. տ.), թիւ 35:
25. *Փորթուգալեան Մ.* Յեղափոխական գործը, Գ, Յայտնի՛ թէ գաղտնի, II, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1886, դեկտեմբեր 25 (դեկտ. 13 h. տ.), թիւ 37:
26. *Փորթուգալեան Մ.* Պէտք է քալել, «Արմէնիա», Մարսէյլ, 1889, նոյեմբեր 6 (հոկտեմբեր 25 h. տ.), թիւ 23:

КОНЦЕПЦИЯ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ «АРМЕНИЯ» (1886–1889гг.)

Э.Г. Бояджян
Армянский государственный педагогический университет имени Хачатура Абовяна

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена освещению революции как основного средства решения Армянского вопроса на страницах официального органа «Армения» в 1886–1889гг. *Актуальность темы* обусловлена необходимостью переоценки публицистического наследия первого армянского политического издания. В работе выявляется роль прессы в осуществлении парадигмального сдвига в армянской политической мысли – от дипломатических ожиданий к идеологии опоры на собственные силы – посредством информационного и пропагандистского инструментария. Анализ функции прессы в формировании политической повестки имеет жизненно важное значение в контексте противодействия современным геополитическим вызовам.

Целью работы является анализ революционной концепции первого армянского политического издания. В соответствии с целью выдвинуты следующие задачи: обосновать необходимость революции как альтернативы дипломатии, выявить практические механизмы организации борьбы и оценить роль газеты как идеологического фундамента революционных движений.

В результате исследования сделан вывод о том, что издание «Армения» первым в армянской действительности представило конкретные модели реализации революции. Модель «поэтапного» развития, предложенная М. Португаляном, создание единого центра и девиз «честь и воля, смерть или слава» заложили основу для формирования национальных партий и фидаистского движения. Газета обосновала, что гарантией выживания нации является не конформизм, а непоколебимая воля к самопожертвованию ради свободы. Данное публицистическое наследие трансформировало

теоретическую концепцию революции в практическое национально-освободительное движение.
Ключевые слова: Армянский вопрос, газета «Армения», революция, свобода.

THE CONCEPT OF ARMED STRUGGLE IN THE PAGES OF THE "ARMENIA" PERIODICAL (1886–1889)

E. Boyajyan
Khachatur Abovyan Armenian State Pedagogical University

ABSTRACT

This study examines the discourse on revolution as the primary means for resolving the Armenian Question within the official periodical "Armenia" between 1886 and 1889. The relevance of the topic stems from the imperative to re-evaluate the publicistic legacy of the first Armenian political organ. The research highlights how the press, through its informational and propagandistic tools, facilitated a paradigm shift in Armenian political thought – transitioning from diplomatic expectations toward the ideology of self-reliance. Analyzing this role of the media in "agenda-setting" remains critically important for addressing contemporary geopolitical challenges.

The objective of the work is to analyze the revolutionary conceptual framework of the first Armenian political periodical. To this end, the following tasks are addressed: substantiating the necessity of revolution as a substitute for diplomacy, identifying the practical mechanisms for organizing the struggle, and evaluating the newspaper's role as the ideological foundation for revolutionary movements.

The study concludes that "Armenia" was the first in the Armenian reality to systematically discuss specific options for implementing a revolution. M. Portugalyan's "step-by-step" development model, the establishment of a unified center, and the motto "honor and will, death or glory" served as the basis for the formation of national political parties and the Fedayee movement. The periodical substantiated that the guarantee of national survival lies not in accommodationism, but in a steadfast will prepared for sacrifice in the pursuit of freedom. This publicistic heritage transformed the theoretical notion of revolution into a practical national liberation movement.

Keywords: Armenian Question, "Armenia" newspaper, revolution, freedom.

РЕСТАВРАЦИЯ БОГОЛЮБСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ: ИСТОРИЯ ДЛИНОЮ В ВЕК (1918–2024гг.)

М.С. Кипелкина, А.Д. Аукштыкальните[1]

СГТУ имени Ю.А. Гагарина
mkipelkina@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена истории реставрации Боголюбской иконы Божией Матери (XII в.) – одной из древнейших русских икон домонгольского периода. В работе на основе анализа научной литературы, архивных материалов и интервью с реставраторами рассматриваются ключевые этапы спасения памятника: работа комиссии И.Э. Грабаря в 1918г., катастрофическая реставрация 1946г., раскрытие подлинного лика в 1958–1978гг. под руководством Н.Н. Померанцева, а также современный этап реставрации (2009–2016) под руководством А.А. Горматюка. Особое внимание уделяется методам исследования (3D-сканирование, томография, работа с цветными негативами 1918г.) и преемственности пяти поколений реставраторов. В заключении анализируется значение возвращения иконы на выставке «Новое обретение» (2024) для русской культуры. Результаты исследования могут быть использованы в музейной и образовательной деятельности.
Ключевые слова: Боголюбская икона, древнерусская живопись, реставрация, И.Э. Грабарь, А.А. Горматюк, культурное наследие.

Введение

Боголюбская икона была создана в XII веке по заказу князя Андрея Боголюбского и является одной из древнейших русских икон домонгольского периода [2]. В настоящий момент таких памятников русской иконописи как Боголюбская икона сохранилось всего несколько десятков [3]. Именно такие иконы олицетворяют собой первый этап развития русской станковой живописи в период, когда влияние Византии было довольно сильным, но уже начали проявляться в иконописи и национальные черты [3].

Особую актуальность теме придает то, что работа по спасению иконы, начатая в 1918г. командой реставраторов И.Э. Грабаря, фактически завершилась только в наши дни, так в 2016г. закончилась активная фаза работ под руководством российского реставратора высшей категории ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря А.А. Горматюка [1, 4, 8]. Вклад реставраторов был оценен премией издания «The Art Newspaper Russia» в номинации «Реставрация года» [9]. А в

[1] Научный руководитель: к. ист. н., доцент кафедры «История и философия» СГТУ им. Ю.А. Гагарина.

2024г., после периода наблюдения и создания специальной климатической витрины, икона была вновь явлена публике на выставке «Новое обретение» во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике [3, 6]. Таким образом, мы являемся современниками события, которое по праву можно назвать возвращением национальной святыни.

Материал и методы: работа с источниками информации, анализ научной литературы, искусствоведческое описание.

Объект исследования: Боголюбская икона Божией Матери (XIIв.).

Предмет исследования: история и методы реставрации иконы.

Цель работы: проследить историю реставрации иконы и выявить ее значение для русской культуры.

Задачи:

- изучить историю иконы до начала реставрации;
- проанализировать этапы реставрации иконы с 1918 до 2016;
- охарактеризовать современные методы реставрации, примененные в работе с иконой;
- определить значение отреставрированной иконы для русской культуры в контексте выставки 2024г.

Результаты

История появления Боголюбской иконы Божией матери связана с жизнью А.Ю. Боголюбского, одного из русских князей XIIв. [2].

В 1155г. князь со своим двором переселялся из Вышгорода в Суздальскую землю. В дорогу они взяли чудотворную икону Божией Матери, по преданию, написанную евангелистом Лукою [2]. В семи верстах от Владимира обоз лошадей, которые везли киот с иконой, остановились и отказывались идти дальше. Пробовали впрячь новых, не уставших в дороге лошадей – итог тот же. Князь попросил священника Николая отслужить молебен Богородице. После него А.Ю. Боголюбский пришел в шатер, где продолжил молиться. Здесь с ним произошло чудо – явилась Богородица, заповедуя перенести Ее образ из Вышгорода во Владимир, а на месте ее явления построить храм и святую обитель [2]. Исполняя волю Богородицы, на месте явления Богородицы князь Андрей построил свою резиденцию, монастырь с церковью, а поодаль на заливных лугах – церковь Покрова Богородицы на Нерли. Также он призвал иконописцев изобразить Божию Матерь так, как она ему явилась. После окончания строительства и освещения храма, А.Ю. Боголюбский внес в него обе иконы и установил празднование в честь нового образа в день 18 июня (1 июля по новому стилю) [2]. Монастырь и город, образовавшийся близ обители, князь назвал Боголюбовом, и сам получил прозвище «Боголюбский» [2].

Иконографически изображенный образ Богородицы имеет сходство с известным типом константинопольской иконы «Богоматерь Агиосоритисса» («Просительница», «Заступница») [1, 3]. Богородица представлена во весь рост, без Младенца, в позе моления. В Ее правой руке изображен свиток с текстом молитвы [3]. Стоит отметить, что это было довольно красочное произведение. Богородица изображена одетой в кирпично-красного цвета мафорий и темно-зеленый хитон, фон светло-серебряный. Мафорий был орнаментирован узором и украшен настоящими драгоценностями, вероятно, золотыми или эмалевыми квадрифолиями, укрепленными на голове и плечах Марии [1, 3]. Глаза Марии выполнены голубой краской, вероятно, отсылая наблюдателя к представлениям людей того времени о женских стандартах красоты; помимо этого, румянец на щеках изображен несколько более интенсивно, чем на византийских иконах [1, 3].

В небесном сегменте справа изображается благословляющий Христос, отличающийся по манере письма от центральной фигуры. Само изображение Иисуса обязательно для типа «Агиосоритиссы», но в данной иконе исполнено в непривычной манере [1, 3]. Фигуры в сегменте и фигура «Деисуса» на верхнем поле написаны позднее [1].

Вокруг всех голов святых, изображенных на иконе, блестят металлические венцы [1, 3].

За свою долгую историю икона не раз оказывалась на грани гибели. Был набег рязанского князя Глеба (1178), сорвавшего с нее оклад А.Ю. Боголюбского – вследствие этого на иконе появилось более позднее изображение Деисуса [2]. Потом нашествие Батыя (1239), массовое снятие окладов, разрушение храмов [2]. В 1722г. произошло обрушение собора Рождества Богородицы в Боголюбовском монастыре, из-за неудачной попытки перестройки: по желанию настоятеля монастыря игумена Ипполита растесали окна в соборе, так как ему показалось, что помещение слишком темное [8]. Икона пролежала под обломками несколько месяцев, при этом сохранившись, но получив серьезные повреждения [8].

Особую славу Боголюбская икона снискала как защитница от эпидемий. Наиболее известно чудо 1771г., когда Владимир поразила эпидемия чумы. Городские власти, опасаясь скопления народа, долго не решались внести святыню в город, но, отчаявшись, уступили просьбам духовенства и жителей. 22 октября 1771г. икону торжественно внесли в город, совершили молебен и крестный ход [3].

О судьбе иконы в годы Великой Отечественной войны известно немного: в это время она находилась в запасниках музея, что, вероятно, и спасло ее от уничтожения [2].

За всю историю существования Боголюбской иконы, около 858 лет, ее переписывали и поновляли 26–28 раз, для сравнения: обычно памятники древнерусской живописи поновляют 3–4 раза [8]. Новые слои краски ложились поверх старых, в некоторых местах происходило смещение рисунка, также икону неоднократно пемзовали [8]. К началу XX века авторская живопись XII века оказалась скрыта под многократными поздними записями. К началу реставрации икона находилась в плачевном состоянии, по словам Александра Анисимова, это была «археологическая руина» [1, 8].

Работа реставраторов началась в 1918г., когда И.Э. Грабарь организовал комиссию, занимавшуюся сохранением и раскрытием древнерусских памятников [8]. Удивительно, но в неспокойное революционное время ему удалось совершить почти невозможное: он смог уговорить некоторых членов советского правительства поддержать его, получил мандат от Н.И. Седовой-Троцкой (жена Л.Д. Троцкого, заведующая музейным отделом Наркомпроса в 1918–1928гг.) [8]. И это была невероятная удача: он смог убедить власти в том, что это ценности, которые надо спасать. Кроме того, он заручился письменным благословением Патриарха Тихона, который желал успеха «этому полезному для Святой Церкви начинанию», призывал «благословение Божие на тружеников науки» [8]. Благодаря этому благословению команда реставраторов смогла приступить к работе. Без него группу сначала не пускали в Боголюбский монастырь, несмотря на договоренность с митрополитом Владимирским Сергием (Страгородским) [8], после и вовсе не давали работать с иконой: настоятель вместе с братией утверждали, что икона в окладе и ее сложно вытаскивать и передвигать [8].

В состав комиссии входили выдающиеся специалисты: искусствовед А.И. Анисимов, знаток церковных древностей В.Т. Георгиевский и главный исполнитель работ – потомственный иконописец-реставратор Г.О. Чириков [8]. Когда с иконы сняли тяжелый серебряный оклад, реставраторы увидели «картину ужасного разрушения»: доска была изъедена жучком-шашелем, левкас осыпался в труху, на поверхности обнаружили живые личинки [8]. А.И. Анисимов назвал это состояние «археологической руиной» (Рис. 1) [8].

Рисунок 1. «Икона Богоматерь Боголюбская». После снятия оклада в 1918г. Фотоархив Государственной Третьяковской галереи. Негатив 1760 [8].

И если сначала был план восстановить икону, то после увиденного он изменился: нужно было сохранить то, что есть сейчас. Несколько недель Г.О. Чириков с помощниками укрепляли икону: многократно пропитывали доску клеевым раствором, склеивали рассохшиеся части, заполняли утраты восковой мастикой, обрабатывали от вредителей розовым маслом [8]. Сделали пробные расчистки и уникальные цветные фотографии, которые впоследствии помогали реставраторам XX–XXIвв. [8]. Полноценное раскрытие авторской живописи тогда было невозможно, но главное удалось: икону спасли от гибели. И.Э. Грабарь писал, что памятник, обреченный на уничтожение, «засиял царственной красотой линий и красок» [8]. Работа 1918г. положила начало столетней истории реставрации Боголюбской иконы и стала первым шагом пяти поколений реставраторов, вернувших нам подлинный облик святыни XII века» [8].

Судьба первых реставраторов Боголюбской иконы сложилась трагически. А.И. Анисимов в 1930г. был арестован, прошел Соловки и стройку Беломорканала, а в 1937г. расстрелян [8]. Г.О. Чириков в 1931г. отправлен в ссылку в Архангельск, где работал на строительстве театра. Вернувшись досрочно в 1934г., он успел поработать в Русском музее, но в 1936г. умер [8]. Многие их коллеги по Центральным реставрационным мастерским (ЦГРМ) также были репрессиро-

ваны, а сама организация в 1934г. расформирована [8]. Лишь И.Э. Грабарь, благодаря известности и связям, уцелел и всю жизнь хранил письма арестованных друзей, хлопотал за них и устраивал на работу вернувшихся из ссылок [8]. Его кисти принадлежит последний прижизненный портрет Г.О. Чирикова, написанный в марте 1931г., в дни, когда реставратор ждал ареста [8].

После закрытия Боголюбского монастыря в 1923г. икона находилась в церкви Иоакима и Анны в селе Боголюбово, а в 1940г. поступила во Владимирский областной краеведческий музей и была помещена в Успенский собор, который в то время выполнял функцию антирелигиозного отдела музея [2]. В 1946г., когда икона уже несколько лет находилась в музейном собрании, произошло событие, едва не погубившее памятник окончательно. Реставратор музея Ф.А. Модоров, действуя по самостоятельно выбранной методике, провел «укрепление» красочного слоя вместе с записями методом заливки всей поверхности растопленным воском с добавлением парафина [5]. В то время эта техника считалась прогрессивной, однако результат оказался катастрофическим.

Как позднее зафиксировало заключение ВХНРЦ 1976г., «грунт иконы с красочным слоем имеют минимальную связь с основой, так как заливка горячим воском с добавлением парафина нарушила состав грунта (часть воска проникла сквозь поры внутрь грунта)» [4]. Состояние приобрело необратимый характер: икона требовала особого режима хранения и не переносила резких колебаний температуры и влажности [4].

Именно последствия этой неудачной реставрации обусловили чрезвычайную сложность последующих работ. Когда в 1958–1978гг. икона находилась в мастерских Центра Грабаря под руководством Н.Н. Померанцева, реставраторам пришлось разрабатывать специальную методику для удаления восковых вставок и остатков парафина, чтобы укрепить левкас и спасти то, что осталось от авторской живописи XII века [4]. В разные годы к работам привлекались и другие реставраторы: Н.А. Баранов (в 1956г.) и, с 1963г., М.В. Романова, которой предстояло сыграть ключевую роль в раскрытии подлинной живописи XII века [1, 4].

За эти годы удалось совершить настоящее чудо: впервые за столетия были раскрыты лик Богоматери, части Ее одежд, Деисусный чин на верхнем поле (пять фигур), а также фрагменты первоначальной живописи на поземе (нижнем поле) и на полях [5]. Несмотря на многочисленные утраты, поздние вставки и тонировки, открывшийся лик указал на близость иконы к образцам столичной византийской живописи XII века, что позволило исследователям говорить о возможном авторстве греческого мастера или русского иконописца, в совершенстве владевшего византийской техникой [1, 3, 4].

Успех реставраторов был столь значителен, что в 1974г. икона была представлена публике на выставке в Государственной Третьяковской галерее [2]. Это событие имело большое культурное значение: оно не только демонстрировало достижения советской реставрационной школы, но и возвращало в культурный оборот памятник домонгольского периода, считавшийся утраченным для науки [2].

Работы Н.Н. Померанцева, Н.А. Баранова и М.В. Романовой подготовили почву для завершающего этапа реставрации, который спустя три десятилетия возглавит А.А. Горматюк [4]. Именно тогда, в 1970-е годы, икона впервые за долгое время обрела черты, позволяющие говорить об ее подлинном облике [4].

В 1992г. икона была передана в музейную экспозицию в Успенском соборе Княгинина монастыря (Рис.2).

Рисунок 2. Боголюбская икона в специальной витрине в Успенском соборе Княгинина монастыря [4].

Для сохранности святыню поместили в специальную климатическую капсулу (подобную той, в которой находится Владимирская икона в храме при Третьяковской галерее) [5]. Однако датчики температуры и влажности несколько раз выходили из строя. В 1998г. была закуплена новая витрина у фирмы «ТД ТЕМУЗ», в которой икона находилась до 2009г. [5].

По сообщению «Независимой газеты» от 23 декабря 2009г., состояние иконы к этому моменту стало катастрофическим. Причиной стали некачественные условия хранения: две «кассеты», которые должны были поддерживать климат, не работали (по некоторым данным, одна была продана), икона

стояла просто за стеклом, у витрины ставили букеты живых цветов в воде, а со стены, за которой находилась купель, на икону переползла плесень [5]. Замена белокаменного пола на керамогранитный усугубила ситуацию. В 2009г. икону экстренно отправили на реставрацию [5].

С 2009 по 2016 год исследования и научно-реставрационные работы проводил А.А. Горматюк, художник-реставратор высшей категории ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря [4, 7, 8].

Процесс раскрытия авторской живописи был невероятно сложен. Горматюк отмечал: «Процесс раскрытия осложняли не только многочисленные позднейшие вмешательства, но и своеобразие авторского красочного слоя, особенно его необычайная тонкость на лике» [8]. Многочисленные красочные слои, следы предыдущих несовершенных реставраций специалисты «разгребали» под микроскопом [8].

Для разрешения спорных вопросов привлекались новейшие методы из области высокоточного машиностроения и медицинской диагностики. Икону просвечивали на томографе во Владимирской областной больнице [8]. Было проведено 3D-сканирование для изучения структуры памятника. Особую ценность представляли цветные негативы 1918 года, выполненные по методу Прокудина-Горского – они позволяли видеть икону до начала позднейших изменений [8].

Сам А.А. Горматюк в течение 6 лет ездил во Владимир так часто, что сотрудники местного музея стали считать, что он работает у них. «После того, как я стал реставрировать эту икону, в моей жизни изменилось все! – говорит он. – Представьте, я лицом к лицу общался с иконописцем XII века!» [8].

В 2016г. активная фаза реставрации была завершена. В январе-марте 2016г. в Центре Грабаря прошла выставка «Икона XII века “Богоматерь Боголюбская”. 100 лет исследований – ответы реставрации», где была представлена высококачественная репродукция иконы в натуральную величину [4, 7]. За эту работу А.А. Горматюк получил премию The Art Newspaper Russia в номинации «Реставрация года» [9].

Однако сам подлинник на выставке не экспонировался – иконе требовались минимум два года профилактического наблюдения в специально оборудованном помещении с особым микроклиматом и современными приборами контроля. Доступ к ней в этот период имели лишь двенадцать человек из числа научных сотрудников [4].

В 2016–2024гг. икона находилась на профилактическом наблюдении в реставрационных мастерских Владимиро-Суздальского музея-заповедника. За эти годы была разработана и создана уникальная климатическая витрина-сар-

кофаг, поддерживающая стабильные условия: 50% влажности воздуха и температура 17–18°С [3, 4]. Только убедившись в стабильности состояния памятника, специалисты приступили к подготовке экспозиции.

15 марта 2024г. в Музейном центре «Палаты» Владимиро-Суздальского музея-заповедника открылась экспозиция «Икона XII века “Богоматерь Боголюбская”. Новое обретение», приуроченная к 1000-летию первого письменного упоминания Суздаля [3] (Рис. 3).

Рисунок 3. Выставка «Икона XII века “Богоматерь Боголюбская” Новое обретение» [3].

Экспозиция построена необычно и продуманно. В первом зале на столе размещен экран в размер иконы, на котором показано, как менялся образ с момента обнаружения экспедицией Грабаря до наших дней. Рядом приведена хронология реставрации за век. Во втором зале представлены иконы, создававшиеся по мотивам Боголюбской, что демонстрирует ее огромное значение для иконописной традиции.

Третий зал – место встречи с самим образом. Сюда может заходить одновременно не более 10 человек и не более чем на 10–15 минут. Созданы особые климатические условия (50% влажности, 17–18°С), приглушенный свет, почти храмовая атмосфера [3, 6].

Генеральный директор ВХНРЦ им. Грабаря Д.Л. Сергеев подчеркнул: «Этот путь длиною в столетие был крайне драматичен, труден и парадоксален. Боголюбская икона была первой в ряду тех памятников, которые были изучены, раскрыты и сохранены в бушующие революционные времена. Не-

сколько поколений реставраторов трудились над сохранением великой русской святыни. Но самая сложная и ответственная часть работы была осуществлена в новейшее время, нашими современниками – именно им Богоматерь дала возможность увидеть Ее образ, Ее чудесный лик, запечатленный много веков назад» [4].

Губернатор Владимирской области А.А. Авдеев, приглашая президента В.В. Путина посетить выставку, сказал: «В каком состоянии она была, и сейчас реставраторы сделали, в общем-то, чудо» [3].

Возвращение Боголюбской иконы – это событие величайшей духовной силы. На протяжении столетий все важнейшие события жизни русского народа тесно связаны с почитанием Пресвятой Богородицы [3]. Икона, помнящая князя Андрея Боголюбского, пережившая татаро-монгольское иго, смутное время, революцию, войны, наконец явила свой подлинный лик современному зрителю [2, 3].

Обсуждение результатов

Проведенное исследование, целью которого было проследить историю реставрации Боголюбской иконы и выявить ее значение для русской культуры, позволяет сформулировать следующие выводы.

Анализ этапов реставрации (с 1918 по 2016г.) позволяет говорить об огромной работе, которую проделали несколько поколений реставраторов. Особого внимания заслуживает трагическая судьба первых реставраторов, многие из которых были репрессированы, но их дело не погибло.

Характеризуя современные методы реставрации, мы видим, как изменился подход к спасению памятников. Если в 1918г. реставраторы могли лишь укрепить икону и сделать пробные расчистки, а катастрофа 1946г. с заливкой воском показала опасность непрофессиональных решений, то работы 2009–2016 годов стали образцом соединения традиций и инноваций.

Выставка «Новое обретение» 2024г. явила зрителю подлинный образ, максимально приближенный к авторскому замыслу. Это событие имеет глубокий культурный смысл: оно восстанавливает историческую справедливость, возвращая народу его святыню в первозданном виде. Создание уникальной климатической витрины-саркофага гарантирует сохранность иконы для будущих поколений, а продуманная экспозиция создает неповторимое ощущение у посетителей.

Таким образом, история реставрации Боголюбской иконы предстает не столько как череда технических мероприятий, сколько как духовный и научный подвиг. Слова А.А. Горматюка о том, что он «лицом к лицу общался с

иконописцем XII века», обретают здесь глубокий смысл: через века и поколения мастера передают вместе с технологией, живое чувство причастности к великой культуре. Реставрация Боголюбской иконы – победа не только над физическим разрушением, но и над забвением, пример того, как прошлое становится частью живого настоящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Икона «Богоматерь Боголюбская»: статья. // book33.ru URL: book33.ru/vladimir-art-remeslo-literature/ikona-bogomater-bogolyubskaya.html (дата обращения: 18.03.2026).
2. Боголюбская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. Т. V. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. СС. 459–463.
3. Во Владимире открылась выставка «Икона XII века “Богоматерь Боголюбская”. Новое обретение»: публикация // Владимирская епархия, 15.03.2024. URL: eparh33.ru/2024/03/15/otkrytie-vystavki-bogomater-bogolyubskaya-novoe-obretenie/ (дата обращения: 18.03.2026).
4. Икона XII века «Богоматерь Боголюбская». 100 лет исследований – ответы реставрации: страница выставки // Центр Грабаря, 2016. URL: grabar.ru/data/exhibit/2016/bogomater_bogolyubskaya/ (дата обращения: 18.03.2026).
5. Реставраторы спасут икону Боголюбской Божьей матери XII века: новость // Владимирские СМИ, 11.07.2017. URL: vladimir-smi.ru/item/218184 (дата обращения: 18.03.2026).
6. Российская газета. Во Владимире выставили икону, которую реставрировали 100 лет: статья // РГ, 20.03.2024. URL: rg.ru/2024/03/20/reg-cfo/ikona-s-harakterom.html (дата обращения: 18.03.2026).
7. Союз реставраторов России. Икона XII века «Богоматерь Боголюбская». 100 лет исследований – ответы реставрации: новость // СРР, 2016. URL: restsouz.ru/press-room/news/detail/ikona-xii-veka-bogomater-bogolyubskaya-100-let-issledovaniy-otvety-restovratsii/ (дата обращения: 18.03.2026).
8. Такой ее видел князь Андрей: Боголюбская икона после 100-летней реставрации: статья // Правмир, 01.07.2019. URL: pravmir.ru/creative/takoy-ee-videl-knyaz-andrey-bogolyubskaya-ikona-posle-100-letney-restavratsii/ (дата обращения: 18.03.2026).
9. The Art Newspaper Russia. Богоматерь Боголюбская вновь явилась публике: статья // The Art Newspaper, 19.03.2024. URL: theartnewspaper.ru/posts/20240319-kjfu/ (дата обращения: 18.03.2026).

RESTORATION OF THE BOGOLYUBSKY ICON OF THE MOTHER OF GOD: A CENTURY-LONG HISTORY (1918–2024)

M. Kipelkina, A. Aukshtykalnite
SSTU named after Y.A. Gagarin

ABSTRACT

The article is devoted to the history of the restoration of the Bogolyubsky Icon of the Mother of God (XII century), one of the oldest Russian icons of the pre-Mongol period. Based on the analysis of scientific literature, archival materials and interviews with restorers, the

paper examines the key stages of the monument's rescue: the work of the I.E. Grabar commission in 1918, the catastrophic restoration in 1946, the revelation of the true face in 1958–1978 under the leadership of N.N. Pomerantsev, as well as the current stage of restoration (2009–2016) under the leadership of A.A. Gormatyuk. Special attention is paid to research methods (3D scanning, tomography, working with 1918 color negatives) and the continuity of five generations of restorers. In conclusion, the author analyzes the significance of the icon's return at the exhibition “New Discovery” (2024) for Russian culture. The research results can be used in museum and educational activities.
Keywords: Bogolyubsky icon, ancient Russian painting, restoration, I.E. Grabar, A.A. Gormatyuk, cultural heritage.

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ НА КУБАНИ

Э.О. Костюк, А.Д. Аукштыкальните[1]

Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина
kostukevelina@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены современные позиции некоторых исследователей по вопросу проведения коллективизации на Кубани в 30-е гг. XX века, сопровождавшейся репрессивными мерами в отношении кубанского казачества и крестьянства. В статье проанализированы научные статьи последних лет, автор опирается в своих выводах на архивные материалы. Также был дан анализ фрагментарным историческим исследованиям последних лет, касающимся роли социально-экономических, политических и демографический трансформаций в данном регионе**.**
Ключевые слова: СССР, Кубань, коллективизация.

Введение

Краснодарский край – особо важный для страны сельскохозяйственный регион. Благоприятный климат и чернозем способствовали развитию сельского хозяйства: пашенного земледелия и животноводства, здесь произрастает большое количество плодово-ягодных культур, разбиты виноградники, за горизонт уходят бескрайние поля с пшеницей и подсолнухом. Не зря, Кубань называли и называют «житницей» наравне с Поволжьем и Новороссией.

Рисунок 1. Статья «Краснодарский Край» в газете «Большевик» от 2 октября 1937 года (История Краснодарского Края в документах ГКУ «Центр документации» URL: https://cdnikk.ru/portfolio/5236/)

[1] Научный руководитель: к. ист. н., доцент кафедры «История и философия» СГТУ имени Ю.А. Гагарина.

В начале 1930-х гг. советское правительство взяло курс на «развернутое наступление социализма по всему фронту».

Рисунок 2: Карта Кубанского округа издания Кубанского Окружного Земельного Управления 1930г. (WIKIMEDIA COMMONS

URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Карта_Кубанского_округа,-_1930_г.)

Главной целью стало преобразование СССР в мощную экономическую державу.

Одним из важнейших инструментов этой политики стала политика коллективизации, которая должна была помочь проведению индустриализации. В.М. Молотов поставил жесткие сроки по созданию колхозов на Северном Кавказе: завершить процесс коллективизации планировалось уже к лету 1930г. Важнейшей задачей коллективизации являлось снижение уровня дотационности национальных районов, увеличение их бюджетов за счет роста производительности труда и масштабов произведенной продукции [1,85].

Реализация этой программы сопровождалась острой конкуренцией между регионами. Местные руководители стремились как можно быстрее отчитаться перед центром о выполнении партийных директив. В подтверждение этому, И.А. Хронова указывает на существование тогда социалистических соревнований: «подобные формы работы должны были способствовать укреплению групп бедноты и батрачества, развитию активности широких масс колхозни-

ков, очищению их от классово чуждых элементов и уничтожению капиталистических пережитков внутри колхоза, таких как, например, оплата по паям или средствами производства» [2, 114].

РАССЕКРЕЧЕНО
СЕКРЕТНО
Не для печати

ИНСТРУКЦИЯ
всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, Суда и Прокуратуры

Рисунок 3. Инструкция органам ОГПУ, Суда и Прокуратуры (AfterShock: 8 мая 1933г. ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1, Д. 66а, Л. 22, 22 об. Типографский экземпляр.

URL: https://aftershock.news/?q=node%2F1028664&full=&utm_medium=organic&utm_source=ya ndexsmartcamera)

Для достижения целей использовались различные методы давления на население, включая угрозы и физическое принуждение, что усиливало антиколхозные настроения и вызывало серьезное сопротивление со стороны местного населения (Рис.3).

Результаты такой активной деятельности руководителей не заставили себя ждать: на Кубани к марту 1930 года в колхозы было объединено 77% хозяйств, а в Адыгее этот показатель достиг 93%. Адыгея – регион, полностью окруженный Краснодарским краем, со своими национальными особенностями и устоями, но важно понимать, что и Кубань являлась местом проживания преимущественно кубанских казаков, социальной общности со своими традициями и порядками, характером.

И.И. Ващенко пишет: «в Адыгее первый этап отличается ярко выраженной гендерной окраской, когда против коллективизации активно выступали женщины, …на втором этапе в Адыгее превалировали пассивные формы сопротивления, такие как невыход на работу, бегство в города и пр.» [3,16]. Всплеск протестных настроений крестьянства стал особенно заметным на

фоне выступлений женщин в адыгейских аулах летом 1930г., т.н. «женские бунты». Из-за массовых протестов Кубань была включена в список регионов, где наблюдались серьезные волнения среди населения.

В 1932г. коммунисты, не сумевшие организовать хлебозаготовки на должном уровне или сомневавшиеся в правильности предпринимаемых шагов, изгонялись из партии (исключено было 43% партийцев, пять тысяч человек подверглись аресту). С Кубани было выслано в северные регионы страны 62 тысячи человек (из станиц Урупской, Медведовской и Полтавской – большинство жителей). Против населения использовались воинские части. Для координации их действий в комиссию Кагановича был включен начальник Политического управления Красной Армии Я.Б. Гамарник. Опустевшие дома передавали крестьянам-переселенцам и демобилизованным красноармейцам [4].

Вину за перегибы в проведении коллективизации И.В. Сталин в своей статье «Головокружение от успехов» возложил на местное руководство. И.В. Ефремов указывает: «данная мера на время внесла успокоение в крестьянские массы и позволила большевикам перевести дух, …при этом вождю непрерывно поступали сведения как о злоупотреблениях в отношении крестьянства, допущенных в ходе коллективизации сельского хозяйства, так и об ответных действиях крестьян, выразившихся в вооруженных выступлениях, убийствах сельских активистов, актах саботажа» [5,124]. После выхода статьи на Кубани около 10% казаков и крестьян вышли из колхозов.

И тем не менее нажим на земледельцев продолжался, и в январе 1933г. Пленум ЦК ВКП(б) констатировал перевод крестьянского хозяйства «на рельсы социалистического крупного земледелия».

Широкую практику приобрело «раскулачивание», которое продолжалось в 1930– 1933гг. Кулакам не повезло больше всего, их раскулачивали и выселяли с территорий Кубани. И.Ю Бондарь пишет: «незначительное количество колхозов распалось, а наиболее крепкие хозяйства единоличников были разорены и выселены» [6]. Практика раскулачивания включала в себя высылки на другие территории, особенно в Сибирь и в ряде случаев применялся даже арест, происходило искоренение кулаков как класса.

Ситуация в регионе резко ухудшилась с прибытием на Северный Кавказ в 1932г. специальной комиссии под председательством Л.М. Кагановича. Начались повальные обыски, спрятанный хлеб искали даже на кладбищах. А.П. Скорик справедливо замечает: «22 октября 1932г. высший орган большевистской партии – Политбюро ЦК ВКП(б) – принимает решение, направленное на увеличение темпов хлебозаготовок и «слом кулацкого саботажа», мешавший выполнению планов хлебосдачи урожая 1932г., … а для реализации

поставленных задач в районах Украины и Северного Кавказа создаются чрезвычайные партийно-государственные комиссии» [7,74].

ПРИКАЗ
Коменданта станицы ПОЛТАВСКОЙ Славянского района СКК

Рисунок 4. Приказ Коменданта станицы Полтавской Славянского района (Кубань) о выселении жителей и роспуске совета станицы Полтавской (LiveJornal URL: https://von- hoffmann.livejournal.com/787665.html).

Одним из неблагоприятных последствий таких действий послужило занесение на «черную доску», сведения о которой публиковались в газете «Молот». Около 13 станиц были занесены на «черную доску».

«В отношении станиц, занесенных на черную доску, применялось следующее:

а) немедленное прекращение подвоза товаров и полное прекращение кооперативной и государственной торговли на месте и вывоз из кооперативных лавок всех наличных товаров;

б) полное запрещение колхозной торговли, как для колхозов, колхозников, так и единоличников;

в) прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств;

г) изъятие органами ОГПУ контрреволюционных элементов, организаторов саботажа хлебозаготовок и сева» [9].

После того, как меры, связанные с занесением на черную доску, не помогали – вводилась практика выселения и роспуска совета станицы [6] (Рис.4). Нередки были и массовые аресты «саботажников». Торговлю незамедлительно сворачивали, вывозили из магазинов товары, запрещали ярмарки.

Трагедия массового голода охватила страну уже в зимний период 1932г., достигнув своего пика к весенним месяцам 1933г. Масштабы бедствия были

ужасающими – смертность исчислялась тысячами. Отчаявшиеся люди были вынуждены употреблять в пищу все, что могли найти: домашних животных, включая кошек и собак, а также лягушек, грызунов и даже насекомых. В крайних случаях в ход шли несъедобные природные материалы – желуди и кора деревьев. Говоря о смертности населения в 1933г. (разгаре репрессивных действий), можно процитировать Ф.А. Щербина: «пик бедствий, связанных с голодом, пришелся на январь–апрель 1933г. (из 75 районов Северного Кавказа голод охватил 44 района, а естественная убыль сельского населения на Северном Кавказе составила 227,1 тыс. чел). Потери населения Северного Кавказа составили 291 тыс. чел. В том числе 16 тыс. чел. городского и 275 тыс. чел. – сельского населения» [8].

Цена преобразований оказалась чрезвычайно высокой – тысячи человеческих жизней были принесены в жертву политическим решениям партии. Итоги коллективизации привели к формированию в Советском Союзе новой системы сельскохозяйственного уклада – колхозного. Практику коллективизации можно олицетворить, как «время решительных перемен», с одной стороны, время деспотическое, а с другой, жесткая политика в отношении крестьянства позволила мобилизовать значительные финансовые и трудовые ресурсы, необходимые для ускоренного развития промышленности. Более того, созданная система обеспечила в период Великой Отечественной войны стабильные поставки продовольствия для армии и сырья для промышленных предприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверьянов А.В.* Особенности коллективизации в этнической среде на Дону, Кубани и Ставрополье (конец 1920-х – 1930-е годы): некоторые аспекты // «Научная мысль Кавказа», № 4 (120), 2024. СС. 84–89.
2. *Хронова И.А.* К вопросу становления и организации социалистических соревнований и ударничества в колхозах Юга России в 1930-х гг. (часть 2) // «Общество: философия, история, культура», № 2, 2024. СС.113–118.
3. *Ващенко И.И.* Протестное движение на Северном Кавказе в период коллективизации // «Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология», № 3 (204), 2017. СС.14–19.
4. Платформа для обсуждений «УНИВЕР» URL: https://www.soloby.ru/1207487/проявлялся-саботаж-хлебозаготовок-ожидало-жителей-занесенных/ (дата обращения: 15.03.2026)
5. *Ефремов И.В.* О борьбе с искривлениями социалистической законности в ходе коллективизации и раскулачивания в советской деревне в 1930г. // ПСЭРС, № 2 (48), 2022. СС. 124–127.

6. *Бондарь И.Ю.* Архивные документы о голоде на Кубани 1932–1933гг. ГУ «Центр документации» 2009 г. URL: https://web.archive.org/web/20100407105859/http://kubanarchive.ru/golod/bondar/ (дата обращения: 02.03.2026.
7. *Скорик А.П.* Преодоление последствии работы в конце 1932 года специальной комиссии Л.М. Кагановича на Кубани (на примере передового колхоза) // «Гуманитарные и юридические исследования», № 1, 2020. СС. 74–82.
8. *Конференция* Ф.А. Щербина, казачество и народы Северного Кавказа. История и современность», 2008г., г. Краснодар https://slavakubani.ru/p-service/public- service/?ELEMENT_ID=2638
9. Постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани». 4 ноября 1932г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3377. Л. 84–84 об. Заверенная копия.
10. *Баранов А.В.* Направления экономического и социального развития городов Кубани и Черноморья в 1920–1930-х годах // «Научная мысль Кавказа», № 3, 2025. СС. 68–76.

ON THE QUESTION OF COLLECTIVIZATION IN THE KUBAN REGION

E. Kostyuk, A. Aukshtykalinite
Saratov State Technical University named after Y. Gagarin

ABSTRACT

The article examines the current positions of some researchers on the issue of collectivization in the Kuban region in the 1930s, which was accompanied by repressive measures against the Kuban Cossacks and the peasantry. The article analyzes scientific articles from recent years, including the author's reliance on archival materials in their conclusions. It also provides an analysis of fragmentary historical studies from recent years regarding the role of socio-economic, political, and demographic transformations in the region.
Keywords: USSR, Kuban, collectivization.

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА СПАСА НЕРУКОТВОРНОГО В СВЯТО-ТРОИЦКОМ СОБОРЕ САРАТОВА: РЕСТАВРАЦИЯ, ЧУДЕСА И ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

А.А. Логвиненко, П.А. Воронина

Саратовский государственный университет имени Ю.А. Гагарина
logvinenko_nuta@mail.ru, vvvpolly@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется история чудотворной иконы Спаса Нерукотворного – главной святыни Свято-Троицкого кафедрального собора Саратова. Рассматриваются исторические источники, свидетельствующие о происхождении образа и его почитании жителями города, начиная с конца XVII века. Особое внимание уделяется результатам реставрации 2006–2007гг., позволившей установить, что икона первоначально являлась воинской хоругвью, написанной в стиле «живоподобия» Симона Ушакова. Анализируются новооткрытые исторические источники (мемуары И.У. Палимпсестова и труд протоиерея Г. Чернышевского), раскрывающие ранее неизвестные аспекты почитания образа в XIXв., в том числе чудеса 1780 и 1830 годов. Приводятся материалы беседы со священником Свято-Троицкого собора, дополняющие картину духовного значения иконы для православных верующих.
Ключевые слова: Спас Нерукотворный, Свято-Троицкий собор.

Введение

Образ Спаса Нерукотворного является одним из наиболее значимых и древних иконографических типов в православной традиции. Согласно преданию, первая икона этого типа возникла чудесным образом: царь Эдессы Августарь, страдая от тяжелой болезни, отправил художника с просьбой написать портрет Христа. Когда это не удалось из-за Божественного сияния, Господь омыл лицо водой и отер его убрусом (платом), на котором запечатлелся Его лик. Получив этот образ, Августарь исцелился. Именно поэтому иконографический тип получил название «Нерукотворный» – «созданный не руками человека».

Для Саратова этот образ приобрел особое значение: на протяжении более двух столетий икона Спаса Нерукотворного является главной святыней Свято-Троицкого кафедрального собора – старейшего сохранившегося храма Саратовской области, построенного в 1695–1701гг. Несмотря на то что изображение было предметом народного почитания и источником многочислен-

ных чудотворений, систематическое научное изучение его истории, иконографии и сохранности началось сравнительно недавно – лишь в начале XXI века, когда в 2006–2007гг. была проведена профессиональная реставрация образа.

Актуальность темы обусловлена рядом факторов. Во-первых, в последние годы в научный оборот введены новые исторические источники, в частности, мемуары саратовского уроженца И.У. Палимпсестова и «Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской епархии» протоиерея Г. Чернышевского, содержащие важные сведения о почитании иконы в XIXв., прежде исследователями не учитывавшиеся. Во-вторых, результаты реставрации позволили по-новому взглянуть на происхождение и датировку образа. В-третьих, икона продолжает быть живым центром религиозной жизни города, что делает ее изучение значимым не только в историческом, но и в культурологическом отношении.

Цель статьи – на основании совокупности исторических источников, результатов реставрации и материалов полевого исследования (беседы со священником Свято-Троицкого собора) дать комплексное описание истории чудотворной иконы Спаса Нерукотворного, ее художественных особенностей и духовного значения для православных верующих.

Материалы и методы

В работе применяется комплекс методов историко-церковного и культурологического исследования. Основу источниковой базы составляют: опубликованные мемуары И.У. Палимпсестова (журнал «Русский архив», 1890); «Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской епархии» протоиерея Г.И. Чернышевского, опубликованное в «Саратовских епархиальных ведомостях» (1882); краеведческий труд В.П. Соколова «Саратовский Троицкий (старый) собор» (1904); отчет реставратора Б. Криницына о реставрации иконы (2007); материалы официального сайта Саратовской епархии; статьи священника М. Плякина (2024) и протоиерея М. Беликова о главной святыне собора.

Полевое исследование включало личное посещение Свято-Троицкого собора и интервью со священником, служащим в соборе. В ходе беседы были заданы вопросы об иконографии Спаса Нерукотворного, истории образа и его духовном значении. Метод критического анализа источников применялся для сопоставления различных версий предания о происхождении иконы и чудесах, с ней связанных. Использовался также метод историко-сравнительного анализа для выявления расхождений между версиями сказания, зафиксированными в разное время.

Рисунок 1. Свято-Троицкий кафедральный собор Саратова. Фото авторов статьи, 2026г.

Результаты

Происхождение иконы и ее художественные особенности

Народное предание, зафиксированное В.П. Соколовым, связывает происхождение иконы с московскими стрельцами, будто бы принесшими ее в Саратов при основании города в 1590г. как список с фрески Андрея Рублева в Троицком соборе Сергиевой Лавры. Между тем результаты реставрации 2006–2007гг., осуществленной ведущими московскими специалистами, свидетельствуют о другом.

Исследование показало, что икона выполнена в стиле «живоподобия», введенного в русскую иконопись Симоном Ушаковым во второй половине XVII века, и по манере исполнения близка к его известному «Спасу Нерукотворному». Образ написан на крупнозернистом холсте с тонким слоем гипсового грунта с кальцитом. Связующим в красках является клей – что типично для хоругвей, а не икон. Анализ пигментов показал, что убрус написан «составным голубцом» – берлинской лазурью со свинцовыми белилами, применявшейся с XVIII века, тогда как лик Спасителя является наиболее древней частью образа.

Реставраторы установили, что холст первоначально находился не на нынешней доске, а на другой основе, и лишь в XIXв. был наклеен на доску с выравниванием баритовыми белилами. Совокупность этих данных привела исследователей к выводу: первоначально образ являлся воинской хоругвью или церковным знаменем, написанным в конце XVII – начале XVIIIв.

Рисунок 2. Образ Спаса Нерукотворного до реставрации – икона практически скрыта под слоем потемневшего лака.

Рисунок 3. Саратовский образ Спаса Нерукотворного после реставрации. Фотоархив Троицкого собора.

Реставратор Б. Криницын описывает момент снятия оклада: когда образ оказался под ярким светом, присутствующие наблюдали постепенное исчезновение темного слоя и явление «величественного образа пронзительной силы» с той монументальностью и отрешенностью от земного, которые свойственны классической русской иконе. Саратовский образ, вопреки легенде, не

связан ни с Андреем Рублевым, ни со стрельцами 1590г.: фрески Рублева в Троицком соборе Лавры были безвозвратно утрачены в 1638г., а образ по технике и иконографическому типу относится к иной, более поздней школе.

История почитания: новооткрытые свидетельства

Традиционно принято считать, что особое почитание иконы началось в 1812г., когда в собор пришел приказчик рязанского купца Якова Михайлова. Купец чудесным образом исцелился от опасной болезни и через приказчика просил отыскать образ над южной наружной дверью собора и сделать на него сребропозлащенную ризу, украшенную бриллиантами и драгоценными камнями. С тех пор в храме и в домах горожан стали регулярно служиться молебны.

Однако труд протоиерея Г.И. Чернышевского (1851–1856) содержит принципиально иную версию. Во-первых, он сообщает о более раннем чуде: икона «сделалась уважаемою назад тому лет семьдесят» вследствие исцеления архиепископа Астраханского Антония (Румовского), приезжавшего в Саратов в октябре 1780 – августе 1781г. Это хорошо соотносится с тем, что 17 декабря 1780г. соборный протопоп Георгий Иванов заключил с иконописцами Добрыниным и Кособрюховым договор на написание, помимо икон, «большой хоругви», что вполне могло быть благодарственным даром за исцеление владыки.

Во-вторых, в описании чуда об исцелении Якова Михайлова у Чернышевского Михайлов сам прибыл в Саратов и, положив три земных поклона, непосредственно получил исцеление перед образом. В-третьих, Чернышевский упоминает о чудесах во время холерной эпидемии 1830г., тогда как Соколов фиксирует лишь события 1847г., с которыми связано установление традиции еженедельного (по средам) чтения акафиста Иисусу Сладчайшему перед образом – традиции, не прерывающейся в Свято-Троицком соборе по сей день.

Мемуары И.У. Палимпсестова добавляют важную деталь: во время холеры 1847г. икону в свои дома брали даже «некоторые немцы» – иноверцы (католики или лютеране), что свидетельствует о почитании образа, выходившем за пределы православной общины. Скептическая ирония Н.Г. Чернышевского, в 1848г. указывавшего «ставить свечки Нерукотворенному» как на типичное проявление саратовского благочестия, – лучшее свидетельство того, насколько широко и естественно это почитание было распространено в городе.

Судьба иконы в XX–XXI веках и реставрация

После закрытия Свято-Троицкого собора в 1934г. икона была передана в Саратовский областной краеведческий музей. В октябре 1942г., по ходатайству архиепископа Саратовского Андрея (Комарова), Саратовский горсовет постановил передать верующим здание собора. Вместе со зданием из музея были возвращены святыни, в том числе образ Спаса Нерукотворного. С этого времени икона пребывает в нижнем, Успенском, храме собора, в киоте у правого клироса.

К началу 2000-х годов образ пришел в крайне неудовлетворительное состояние и представлял собой почти полностью почерневшее изображение, однако верующие не прекращали молиться перед ним. В 2006–2007 годах была проведена комплексная реставрация. Ныне образ в заново позолоченном окладе помещен в новый благолепный киот. 29 августа, в праздник Перенесения Нерукотворного Образа из Эдессы в Константинополь, в соборе совершается торжественное богослужение с чтением акафиста и славлением перед иконой.

Рисунок 4. Киот с образом Спаса Нерукотворного в нижнем Успенском храме Свято-Троицкого собора. Фото авторов статьи, 2026г.

Рисунок 5. Образ Спаса Нерукотворного в окладе. Фото авторов статьи, 2026г.

Духовное значение образа: свидетельства верующих и беседа со священником

В рамках полевого исследования авторы посетили Свято-Троицкий собор и побеседовали со священником о почитании образа Спаса Нерукотворного. Священник пояснил, что особое место этого иконографического типа в русском православии объясняется его функцией главного небесного покровителя и защитника: изображение Спаса Нерукотворного помещали на воинских знаменах, над воротами городов и крепостей как символ Божественной защиты. Рассказывая об известных чудотворных списках, собеседник упомянул Вятский образ: первое чудо от него произошло в 1645г. (исцеление слепого Петра Палкина), что побудило царя Алексея Михайловича повелеть перенести икону в Москву в 1647г.; с тех пор Фроловские ворота Кремля стали называться Спасскими.

На вопрос об иконописных канонах священник отметил, что традиционно различают два типа: «Спас на убрусе» (лик на плате) и «Спас на чрепии» (лик на каменном фоне, в память о чудесном отпечатании образа на камне). За века образ претерпевал изменения: строгость и аскетизм византийской традиции сменялись большей мягкостью в русских иконах, а в петровскую эпоху и XIXв. распространился «академический» стиль. В XX–XXI веках благодаря трудам реставраторов происходит возврат к древним канонам.

Живым свидетельством продолжающегося почитания является личный опыт современных верующих. Одна из постоянных прихожанок собора описывает его так: «Я не знаю, как я пережила бы эти три тяжелейших года – когда болели и умирали мои родители, когда нас терзал ковид, а потом началась война, – если

бы не Спас. Перед ним я молилась, каялась, перед ним я чувствовала себя как перед Ним – перед образом как перед Первообразом. И часто мне казалось, что лицо Его оживает, отзываясь на мои мольбы». Эти слова наглядно показывают, что икона остается не историческим экспонатом, а живым центром молитвенного общения.

Рисунок 6. Богослужение в нижнем храме Свято-Троицкого собора. Фотоархив собора.

Рисунок 7. Празднование Перенесения Нерукотворного Образа (29 августа). Икона убрана живыми цветами. Фотоархив собора.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, реставрация 2006–2007гг. радикально изменила представления о происхождении иконы: отвергнув легенду о принесении образа московскими стрельцами в 1590г. и связи его с творчеством Андрея Рублева, специалисты датировали его концом XVII – началом XVIII века и установили, что первоначально он являлся хоругвью. Это делает икону ценным памятником русского военно-церковного искусства эпохи Симона Ушакова.

Во-вторых, сопоставление двух сказаний – Чернышевского (1852–1856) и Соколова (нач. XXв.) – обнаруживает, что более ранний источник содержит сведения о чудесах 1780 и 1830гг., вовсе не упомянутых у Соколова. Это свидетельствует о том, что история почитания образа глубже, чем считалось прежде, и ее начало следует относить ко второй половине XVIIIв.

В-третьих, мемуарное свидетельство Палимпсестова демонстрирует исключительную широту народного почитания иконы в середине XIX века и его межконфессиональный характер. Факт почитания образа инославными немцами во время эпидемии 1847г. указывает на авторитет иконы, выходящий за пределы православного сообщества.

В-четвертых, полевое исследование подтвердило, что икона сохраняет свое значение живого религиозного объекта. Еженедельное совершение акафиста, паломники из других городов, личные свидетельства прихожанок – все эти факторы указывают на непрерывность традиции почитания, пережившей советское закрытие храма и возобновившейся с 1942г.

Выводы

Икона Спаса Нерукотворного из Свято-Троицкого собора Саратова представляет собой уникальный памятник, соединяющий художественную, историческую и духовную ценности. Реставрация 2006–2007 годов установила, что образ создан в конце XVII – начале XVIII века в традиции «живоподобия» Симона Ушакова и изначально являлся хоругвью. Новооткрытые исторические источники свидетельствуют о том, что начало особого почитания иконы относится ко второй половине XVIIIв., а ее прославление охватывало не только православных, но и инославных жителей Саратова. Непрерывная традиция еженедельного акафиста и живые свидетельства прихожан XXIв. подтверждают, что образ остается действующим духовным центром города и митрополии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плякин М., свящ.* Новооткрытые сведения об истории Саратовской чудотворной иконы Нерукотворного Спаса // Материалы научной конференции. Саратов, 2024. СС. 98–107.
2. *Беликов М., прот.* О главной святыне Саратовского Свято-Троицкого кафедрального собора // Раздел IV. История Церкви. СС. 219–232.
3. *Соколов В.П.* Саратовский Троицкий (старый) собор: краткий исторический очерк. Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1904, 138с.
4. *Чернышевский Г., прот.* Церкви, достойные замечания по иконам особенного народного чествования // «Саратовские епархиальные ведомости», № 36, 1882. СС. 249–250.
5. *Палимпсестов И. [У.]* Н.Г. Чернышевский. По воспоминаниям земляка // «Русский архив», № 4, 1890. СС. 553–568.
6. *Криницын Б.* Возрождение Спаса // «Православие и современность», № 4 (20), 2007. СС. 94–99.
7. *Плякин М., свящ.* Главная святыня старого Саратова // «Православное Поволжье: Саратовские епархиальные ведомости». Саратов: Изд-во Саратовской митрополии, 2024. СС. 114–121.
8. *Скопин Г., свящ.* Дневник происшествий // «Саратовский исторический сборник». Т. 1. / Под ред. В.П. Соколова. Саратов: Типография губернского земства, 1891. СС. 18–22.

THE MIRACULOUS ICON OF THE SAVIOR NOT MADE WITH HANDS IN THE HOLY TRINITY CATHEDRAL OF SARATOV: RESTORATION, MIRACLES AND HISTORICAL EVIDENCE

A. Logvinenko, P. Voronina
Saratov State University named after Yuri Gagarin

ABSTRACT

The article explores the history of the miraculous icon of the Savior Not Made with Hands, the main shrine of the Holy Trinity Cathedral in Saratov. The historical sources testifying to the origin of the image and its veneration by the inhabitants of the city, starting from the end of the 17th century, are considered. Special attention is paid to the results of the restoration of 2006–2007, which made it possible to establish that the icon was originally a military banner painted in the style of “pictorial” by Simon Ushakov. The newly discovered historical sources are analyzed (the memoirs of I.U. Palimpsestov and the work of Archpriest G. Chernyshevsky), revealing previously unknown aspects of the veneration of the image in the 19th century, including the miracles of 1780 and 1830. The materials of the conversation with the priest of Holy Trinity Cathedral are presented, complementing the picture of the spiritual significance of the icon for Orthodox believers.
Keywords: Spas Not Made with Hands, Holy Trinity Cathedral, restoration, miraculous icon, Saratov.

СВЯЗЬ ЭПОХ: ПОНИМАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ПРИМЕРЕ ДВУХ ВЫДАЮЩИХСЯ ДЕЯТЕЛЕЙ САРАТОВА

А.М. Сатаева, М.Р. Перетокина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина
annasataeva532@gmail.com, Peretokina07@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной работе нами был исследован феномен социальной ответственности предпринимателей на примере двух выдающихся деятелей Саратова разного времени –купчихи Анны Васильевны Чирихиной (дореволюционный период) и современного бизнесмена Андрея Геннадиевича Табоякова. Была отмечена важная связь между двумя эпохами, которая проявляется в виде общей цели – созидания на благо родного города.

Ключевые слова: социальная ответственность, созидание, историческая память, предприниматель, благотворительность.

Введение

Проблема социальной ответственности предпринимательства в последние годы привлекает все больше внимания. В настоящее время многие начинающие предприниматели сразу сталкиваются с вопросом: «Какую роль будет играть этот бизнес в развитии нашего общества?». Поэтому особо актуальным является обращение к историческому опыту дореволюционного купечества и его сопоставление с практиками современных предпринимателей.

Интерес к данной проблематике раскрывается в книге «Благотворительность и милосердие в России» П.В. Власова. В ней рассматривается историография благотворительной деятельности, уходящей корнями в Древнюю Русь.

Внимания также заслуживает статья «Благотворительность в современном российском обществе: вопросы теории и практики» Н.М. Калиной, в которой рассматриваются особенности функционирования благотворительности в современном российском обществе, ее изменения со временем, и, что является довольно важным, связь бизнеса и благотворительности.

Кроме того, в статье И.Е. Переца «Традиции благотворительности и меценатства в дореволюционной России сквозь призму современности» рассматривается сравнение традиций благотворительности и меценатства в дореволюционной России с современными практиками. Анализ современной научной литературы свидетельствует о росте интереса к данной проблематике.

Саратов – город с богатой историей и традициями купеческой благотворительности и меценатства. Он представляет собой уникальное пространство для изучения преемственности этих практик, их взаимосвязи.

Подтверждением общественного запроса на обращение к историческому опыту является то, что в 2024г. Фондом поддержки культурных и социальных проектов «Волжский путь» был разработан проект «Онлайн-школа благородных купцов», направленный на формирование у молодежи Саратова навыков предпринимательства через изучение традиций российского купечества.

Тем не менее, данная проблема все еще остается актуальной. Работ, в которых раскрывается данная тематика с акцентом на сохранение исторической памяти, не так много.

Цель данной работы заключается в выявлении преемственности в понимании и реализации социальной ответственности на примере саратовских предпринимателей разных эпох – Анны Васильевны Чирихиной (вторая половина XIX – начало XX века) и Андрея Геннадиевича Табоякова (современность).

Для этого были поставлены и решены следующие задачи:

- анализ определения социальной ответственности;
- исследование деятельности А.Г. Табоякова по сохранению исторической памяти и возрождению архитектурного наследия Саратова;
- анализ благотворительной деятельности А.В. Чирихиной как формы реализации общественного долга;
- определение общих черт и взаимосвязи понимания социальной роли предпринимателями двух эпох.

Основная часть

Столица Поволжья – именно так довольно часто называли Саратов с 1870-х до 1920-х годов. И данный титул, пусть неофициальный, был дан не просто так, ведь именно в Саратове в 1873г. братья Никитины основали первый стационарный цирк, а через 12 лет после этого впервые в Российской империи был открыт общедоступный художественный музей им. А.Н. Радищева. В конце XIX века Саратов добился определенных успехов и в экономической сфере: город был одним из крупнейших центров мукомольной промышленности и торговли хлебом [1]. Но самое главное – это то, что Саратов – родина множества выдающихся деятелей: предпринимателей, благотворителей, – тех людей, кто четко соответствует своей социальной роли и понимает, что главной целью его деятельности является не получение прибыли, а нечто более глубокое – общественное созидание.

Согласно определению, социальная ответственность – такой принцип, сутью которого является учет интересов и ценностей общества при принятии решений, затрагивающих тему общественного долга. По нашему мнению, идея социальной ответственности и созидания представляют наибольший интерес в истории предпринимательства, так как даже спустя столетия должна сохраниться нить, неразрывно связывающая деятелей.

Так, в последнее время большую популярность среди жителей города Саратов набирает сеть кофеен «Кофе и шоколад», основателем которого является выдающийся предприниматель, наш земляк А.Г. Табояков. Однако ключевой элемент бизнес-модели Андрея Табоякова – это историческая память. Он превратил историю Саратова в свой главный инструмент. Вместо того, чтобы строить безликие современные здания, Табояков восстанавливает старинные купеческие дома. Это создает уникальность его ресторанов и отелей. Люди приходят с целью не просто поесть или переночевать, а погрузиться в атмосферу дореволюционного города. Использование истории помогает вызывать у людей сильные эмоции и чувство гордости за свой город. Сам Андрей Геннадиевич говорит о себе так: «Я – саратовец, который любит свой город. Могу даже назвать себя фанатом Саратова».

Деятельность Андрея Табоякова сильно влияет на то, как формируется образ Саратова, и это влияние довольно разностороннее. Его проекты помогают сохранять историко-культурное наследие, но при этом создают новые места, которые притягивают и жителей, и приезжих. Эти объекты легко вписываются в экскурсионные маршруты, гиды их используют в своей работе, и они же входят в разные культурные и образовательные программы. Все это направлено на то, чтобы популяризировать местную историю и архитектуру.

Особо стоит отметить, как он использует легенды, художественные образы и разнообразные нестандартные решения в интерьерах. Это усиливает эмоциональное восприятие города, и объекты перестают быть просто зданиями с функцией, они обретают символическое и культурное значение. В итоге такие проекты создают устойчивый интерес к Саратову.

Так, важной частью его деятельности стала реставрация «Дома Блюм» – здания в старой части Саратова, история которого корнями уходит в конец XIXв. Интересно то, что Андрей Табояков знаком с историей каждого здания, облик которого удалось восстановить и сохранить. При этом он делится тем, что люди, старавшиеся развивать Саратов в свое время, вызывают в нем чувство гордости.

Андрей Геннадиевич Табояков – не просто бизнесмен, предприниматель. Это человек, цель деятельности которого заключается в сохранении исторической памяти его родного города Саратов. Именно этот человек стремится к тому,

чтобы жители и туристы города отдыхали с удовольствием и пользой. Культурный отдых – это лучшее решение для каждого, кто устал от суеты и бесконечной работы. Думаем, это также стало одним из пунктов в списке его задач.

Реставрациями и основанием сети кофеен деятельность Табоякова не ограничивается. Каждый месяц он организовывает в кафе у Липок художественные выставки, где можно увидеть работы саратовцев, а также учеников художественных школ Саратова, что оказывает положительное влияние на дальнейшее развитие юных участников в столь творческом направлении.

Деятельность Табоякова полностью соответствует определению социальной ответственности, данному нами выше. Он учитывает ценности нашего общества, а именно – сохранение наследия, культурной идентичности. Важно учесть то, что социальная ответственность бизнеса заключается как раз в развитии и софинансировании объектов социальной сферы, в благотворительной деятельности, что действительно отражается в деятельности Андрея Геннадиевича [2].

Также Табояков четко идентифицирует себя как человек, любящий свою Родину всем сердцем. Это самоопределение и есть ключ к пониманию его роли. Он видит свою миссию в том, чтобы вернуть городу его исторический облик и уникальность. Его роль – быть связующим звеном между прошлым и настоящим, сохранить ту самую нить, что связывает деятелей разных эпох.

Идея созидания в его случае выражается в возрождении и восстановлении архитектуры прошлых столетий, благодаря чему усиливается эмоциональная связь человека с городом и оказывается поддержка будущего поколения творческих людей.

Андрей Табояков реализует идею социальной ответственности как преемственность. Он продолжает дело дореволюционных купцов и благотворителей современными методами. Для него «культурный отдых» и «сохранение исторической памяти» – это не просто слова, а инструменты реального созидания, делающие город привлекательнее для жизни и интереснее для изучения. Он четко соответствует своей социальной роли «хранителя», понимая, что его вклад в общество гораздо глубже, чем просто успешный бизнес.

Продолжая тему, хотелось бы выделить дореволюционного предпринимателя Чирихину Анну Васильевну (1841–1924). Являясь дочерью саратовского предпринимателя Василия Гудкова, Анна унаследовала от своего отца не только дело, но и традиции благотворительности, что, вероятно, очень повлияло на ее самоопределение. Возникшие трудности в личной жизни не сломали Анну. Она выбрала свой путь, свое дело – предпринимательство. Унаследовав завод в одном из районах Саратова от своего первого мужа, она при-

няла решение руководить им. Кроме того, предпринимательницей был учрежден торговый дом «А.В. Чирихина с преемниками». Здесь она смогла расширить ассортимент благодаря импорту из Англии.

Однако важной частью ее жизни стала именно благотворительность. Чирихина Анна принимала участие в решении проблем жителей города, используя все свои ресурсы. Так, в период страшного голода ее мельница смолола немалое количество ржи – 164 тонны. Она был прислана для тех, кто в наибольшей степени нуждался в помощи и поддержке. Уже через год Анна сделала прекрасный подарок попечительству –двухэтажный каменный дом, унаследованный от отца, что позволило училищу для незрячих детей разместиться в собственном здании после серьезной перестройки.

Стоит упомянуть, что главной ценностью для Анны была семья. Решив исполнить волю своего отца, кто, вероятно, во многом повлиял на будущее своей еще подрастающей дочери, в 1900г. ей удается открыть детский приют, а затем – дом дешевых квартир для вдов и одиноких женщин [3].

Купчиха воспринимала благотворительность как долг и смысл жизни. Ее вклад был отмечен благодарностью императрицы и серебряной медалью «За усердие».

Ключевой момент, раскрывающий ее понимание социальной роли, – это работа в попечительстве о бедных в районе Глебучева оврага. Она взяла на себя руководство попечительством в самом бедном районе, где жили десятки тысяч людей. Это выбор сильного человека, которым движет социальная ответственность, определение которого нами было дано выше. Она грамотно учитывала интересы общества и те проблемы, которые стояли перед людьми в то время, поэтому смогла успешно их связать со своей предпринимательской деятельностью.

Заключение

Идея социальной ответственности Анны Чирихиной заключалась в неразрывности личного успеха и общественного блага. Она понимала свою социальную роль как роль благотворителя и помощника. Ее созидательство было активным и абсолютно бескорыстным, основанным на чувстве долга перед памятью семьи и перед людьми, живущими рядом.

Табоякова и Чирихину связывает одно – общественный долг. Это люди, которые нашли свое истинное призвание в заботе о благополучии других людей, живущих рядом, в родном Саратове. У каждого из них своя уникальная история и особенный подход, но даже спустя время сохраняется то, что так крепко связывает, – деятельность на благо общества.

Их выбор и четкое определение и соответствие своей социальной роли приносят как Андрею Табоякову, так и Анне Чирихиной признание и почет в обществе. А самым главным является то, что жители Саратова хранят память о великих делах Анны Чирихиной, с уважением относятся к деятельности Андрея Табоякова.

ЛИТЕРАТУРА

1. История развития мукомольной промышленности в Саратове и его окрестностях. Саратов: типо-лит. Шельгорн, 1909, 32с.
2. *Кожевников О.А. Меценатство и благотворительность* [Эл. ресурс]: учеб. пособие / О.А. Кожевников и др. Эл. дан. и прогр. (5,5 Мб). Саратов: «Вузовское образование», 2017, 99с.
3. *Семенов В.Н., Семенов Н.Н.* Саратов купеческий / В.Н. Семенов, Н.Н. Семенов. Саратов: ООО «Приволжск. изд-во», 2006, 200с.

THE CONNECTION OF THE EPOCHS: UNDERSTANDING AND IMPLEMENTING SOCIAL RESPONSIBILITY USING THE EXAMPLE OF TWO PROMINENT FIGURES IN SARATOV

A. Sataeva, M. Peretokina
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin"

ABSTRACT

In this paper, we have studied the phenomenon of social responsibility of entrepreneurs using the example of two prominent figures of Saratov at different times – the pre-revolutionary merchant Anna Vasilyevna Chirikhina and the modern businessman Andrei Gennadievich Taboyakov. An important connection between the two eras was noted, which manifests itself in the form of a common goal – creation for the benefit of the hometown.
Keywords: social responsibility, creation, historical memory, businessman, charity.

ՆԱԴԻՐ ՇԱՀԻ ՌԱԶՄԱԿԱՆ ԵՎ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ

Լ. Խաչատրյան

Գավառի պետական համալսարան
lenaxachatryan004@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածը նվիրված է Նադիր շահի ռազմական և քաղաքական գործունեության ուսումնասիրությանը Անդրկովկասում, մասնավորապես՝ Արևելյան Հայաստանում: Նադիրը աֆշարական ծագում ունեցող պետական գործիչ էր, ով գահ բարձրացավ քաղաքական և ռազմական խորը ճգնաժամի պայմաններում, երբ Պարսկաստանը թուլացած էր ներքին ապստամբություններից և արտաքին ներխուժումներից:

XVIII դարի սկզբին տեղի ունեցած 1722թ. աֆղանական ապստամբությունը Պարսկաստանում լուրջ հարված հասցրեց պետության կայունությանը. ապստամբ ուժերը գրավեցին մայրաքաղաք Սպահանը՝ վտանգի տակ դնելով պետականության գոյությունը: Այս բարդ իրավիճակում Նադիր շահը կարողացավ վերակազմակերպել ռազմական ուժերը, վերականգնել կենտրոնական իշխանությունը և անցնել հակահարձակման՝ աստիճանաբար վերականգնելով երկրի տարածքային ամբողջականությունը:

Նրա ռազմական հաջողությունները, այդ թվում՝ Եղվարդի ճակատամարտում տարած հաղթանակը, էականորեն փոխեցին տարածաշրջանի ուժային հավասարակշռությունը: Արդյունքում վերահաստատվեց պարսկական գերիշխանությունը Արևելյան Հայաստանում, ինչը որոշ չափով հնարավորություն տվեց տեղական հայկական ուժերին վերակազմակերպել իրենց ռազմական և քաղաքական ներուժը:

Հիմնաբառեր՝ աֆղանական ապստամբություն, Պարսկաստան, Նադիր Շահ, պարսկական տիրապետություն, Արևելյան Հայաստան:

Ներածություն.

Հիմնաբառեր՝ Նադիր շահ, Կովկաս, Արևելյան Հայաստան, Մայր Աթոռ Ս. Էջմիածին:

Թեմայի արդիականություն. Թեմայի արդիականությունը պայմանավորված է ինչպես պատմական, այնպես էլ ժամանակակից աշխարհաքա-

ղաքական գործընթացների փոխկապակցվածությամբ: Նադիր շահի քաղաքական գործունեության ուսումնասիրությունը թույլ է տալիս բացահայտելու այն մեխանիզմները, որոնց միջոցով XVIII դարում տեղի ունեցավ ուժերի հարաբերակցության էական փոփոխություն ողջ Անդրկովկասում: Նրա իրականացրած վարչաքաղաքական և ռազմական քայլերը ոչ միայն վերաձևավորեցին տարածաշրջանի ներքին կառուցվածքը, այլև ազդեցություն ունեցան հարևան տերությունների միջև ազդեցության բախշման վրա: Այս համատեքստում թեման ձեռք էր բերում առանձնակի արդիականություն՝ հաշվի առնելով ներկայիս աշխարհաքաղաքական զարգացումները, որտեղ տարածաշրջանային և գերտերությունների շահերը կրկին բախվում են Անդրկովկասում: Նման պայմաններում պատմական փորձի ուսումնասիրությունը և վերագնահատումը կարող է ծառայել որպես օրինակ հասկանալու ժամանակակից քաղաքական գործընթացի հնարավոր զարգացումները:

Թեմայի ուսումնասիրության նպատակն է գնահատել 17–18-րդ դարերի թուրք-պարսկական պատերազմների ունեցած ազդեցությունը տարածաշրջանի երկրների, մասնավորապես Հայաստանի համար, հետազոտել Արևելյան Հայաստանի քաղաքական և սոցիալ-տնտեսական վիճակը Նադիր շահի կառավարման տարիներին:

Ուսումնասիրության առարկան Արևելյան Հայաստանի նկատմամբ Նադիր շահի կողմից իրականացված քաղաքականության ուսումնասիրությունն է:

Ուսումնասիրության օբյեկտը Արևելյան Հայաստանը 18-րդ դարում:

Գրականության վերլուծություն. Թեմայի համակողմանի ուսումնասիրության համար հիմք է ծառայել է Մատենադարանի պարսկերեն հրովարտակներից պր. III-ը՝ որպես տվյալ պատմական ժամանակաշրջանը լավագույնս ներկայացնող պատմական սկզբնաղբյուր: Նադիր շահի կառավարման ընթացքում պարսկական արքունիքի և հայ մելիքական տների հարաբերությունների պատկերավոր նկարագրումը ներկայացված է Քրիստինե Կոստիկյանի «Ղարաբաղի հայ մելիքներ Նադիր շահ իշխանության տարիներին» հոդվածում: Նադիր շահի մինչև պարսկական գահաթոռի բազմելը հայ-իրանական ռազմական զինակցության մասին հետաքրքիր տեղեկություններ է հաղորդում Հակոբ Փափազյանի «Հայ-իրանական զինակցությունը 1726–1736թթ. և Արևելյան Հայաստանի քաղաքական իրավիճակը Նադիր շահի օրոք» հոդվածը:

Ուսումնասիրության մեթոդները. Թեման ուսումնասիրելիս պատմական աղբյուրները համակարգելիս կարևորվել է պատմավերլուծական, պատմահամեմատական, համադրական մեթոդները:

1722 թվականին Պարսկաստանում սկիզբ առած ներքին խռովությունը ու աֆղանական ապստամբությունը նպաստեց առանց այն էլ անկայուն թուրք-պարսկական հաշտության պայմանագրի խախտմանը, որը իր վերջնական հանգուցալուծումը ստացավ թուրք-պարսկական ռազմական գործողությունների վերսկսման արդյունքում [8; 39]։

Իրանի համար այս ճակատագրական պահին վճռորոշ նշանակություն ունեցավ թուրքմենական աֆշար ցեղին պատկանող Նադիրը (հետագայում՝ Թահմասպ Կուլի խան), ում 1729թ. նոյեմբերի 13-ին հաջողվեց պարտության մատնելով աֆղանական զորքերին մտնել գրավված Սպահան մայրաքաղաքը [8; 53]։

Հայ իշխանները ցանկանալով թոթափել թուրքական լուծն իրենց գործուն աջակցությունն են ցուցաբերում Նադիրին և Աբրահամ Երևանցու հաղորդմամբ 1732–1733 թթ. թուրք-պարսկական պատերազմում Նադիրի բանակում կռվում էր վեց հայկական զորախմբեր. «Եւ էին ի զօրս պարսից վեց քրիստոնեայք յազգէս մերմէ՝ որք էին հազարապետք Ղուլի խանին և ունէին զօրս հարիւրաւորս» [1; 75–76]։

1735թ. երբ Արևելյան Հայաստանը դեռևս գտնվում էր թուրքական տիրապետության ներքո Նադիրը Աբրահամ Կրետացուն հրամայեց կազմել Հայաստանի և նրա գյուղերի սահմանները նշող գրություններ։ Կաթողիկոսը անսալով Նադիրի հրամանին կատարում է հրամանը և Մայր Աթոռի իշխանության ներքո է ներկայացնում «յՕշական, Ֆուանկանոց, Մաստարայ, Քիրաշլու, Դիպակցու և Քէշիշքեանդ», որոնք որևէ կերպ ենթակա չէին օտարման [1; 148]։

Միաժամանակ շահի հրամանով Մայր Աթոռը, երկրի բոլոր վանքերը ու եկեղեցիները, այդ թվում և բոլոր հոգևորականները ազատված էին բոլոր տեսակի հարկերից [1; 175]։

Հայոց կաթողիկոսի հանդեպ ցուցաբերած Նադիր շահի բարյացակամ վերաբերմունքի պատճառը պարսից բանակում ծառայող հայ զինվորներին էին և հայ մելիքները։ Պարսից պատմագիր Մուհամմադ Քյազիմը նկարագրում է, թե ինչպես էր մելիք Եգանը Նադիր շահին ներկայացնում հայ եկեղեցու ու հայոց կաթողիկոսի ունեցած նշանակություն հայ ժողովրդի կյանքում [8; 56]։

Նադիր շահը գիտակցում էր, որ հայ ժողովրդին հպատակեցնելու միակ միջոցը հայոց եկեղեցին էր, և դա էր պատճառը, որ շահը ջանք ու եռանդ չէր խնայում հայոց եկեղեցու հետ հարաբերությունները կարգավորելու նպատակով։

1735թ. մայիսին պարսից պատմագիր Մուհամմադ Քյազիմը Մելիք Եգանի անունը հիշատակվում է Մայր Աթոռ Ս. Էջմիածնի ու Հայոց վեհափառի նկատմամբ Նադիրի բարեհաճությունը նվաճելու ուղղությամբ, ինչի արդյունքում շահը անձամբ է այցելում է Մայր Աթոռ Ս. Էջմիածին և 1000 թուման տրամադրում եկեղեցու վերանորոգման աշխատանքներին և վերականգնում է Մայր Աթոռ Ս. Էջմիածնի ու հայոց կաթողիկոսի իրավունքները [14; 257–258]։

Պատմագիր Մուհամմադ Քյազիմի հաղորդմամբ պարսից շահը Մայր Աթոռ Ս. Էջմիածնի տաճարը զարդարում 15 կգ կշռող ոսկե ջահով և ամենաշքեղ գորգերով [3; 167]։

1735 թվականի շարունակելով ռազմական գործողությունները Նադիր շահը Եղվարդի վճռական ճակատամարտում պարտության մատնեց թուրքական զորքին Աբդալլա փաշայի գլխավորությամբ։ Թուրքական բանակի խայտառակ պարտությանը հաջորդեց խուճապահար նահանջը, սակայն նահանջի ճանապարհը հսկում էին հայ աշխարհազորայինները ու հայտնվելով լիակատար շրջափակման մեջ թուրքական բանակը լիովին ջախջախվեց [7; 97]։

Հաջորդ կարևորագույն հենակետը Կովկասում Երևանի բերդն էր։ Հաջող ռազմական գործողությունների արդյունքում Երևանի թուրքական կայազորը հանձնվեց և 1735 թվականի սեպտեմբերի 22-ին ազատագրվեց Երևանը [13; 98]։

Նույն թվականին Նադիր շահն առաջնորդվել Շահ Աբասի վարած բռնագաղթի քաղաքականությամբ իրականացրեց հայ ժողովրդի հերթական բռնագաղթը՝ ինչի արդյունքում Արարատյան աշխարհից 300 հայկական ընտանիք բռնի տեղափոխվեց Պարսկաստան [9; 333]։

Այսպիսով, 1734–1735թթ. ռազմական գործողությունների ընթացքում Նադիր շահին հաջողվում է հաղթանակներ տոնել Օսմանյան կայսրության դեմ, ինչի արդյունքում պարսից շահը կրկին վերանվաճում է Արևելյան Հայաստանը, որը մնում է Սեֆյան Պարսկաստանի կազմում մինչև Նադիր շահի մահը՝ 1747թ.[14; 257]։

Ռազմական գործողություններում հաղթանակ տոնելուց հետո Աբդուլլա փաշային փոխարինած Ահմադ փաշան պատվիրակներ ուղարկեց Նադիրի մոտ հաշտություն կնքելու խնդրանքով։ Արդյունքում, 1736 թվականին կնքվեց պարսկա-թուրքական հաշտության պայմանագիր, ինչի արդյունքում Իրանին էին վերադարձվում Երևանի, Գանձակի ու Թիֆլիսի բերդերը, այսինքն այն բոլոր տարածքները, որոնք մինչև 1722

թվականը գտնվում էր պարսկական տիրապետության ներքո։ Պայմանագրի համաձայն թուրքերը նաև պարտավորվում էին դուրս բերել զորքերը Այսրկովկասից [7; 97]։

1736 թ. Նադիրի հրամանով Մուղանի դաշտում տեղի ունեցավ «ղուռուլթայ»՝ ժողով, որին մասնակցում էին Իրանի թե՛ հոգևոր և թե՛ աշխարհիկ վերնախավը։ Ժողովին ներկա էին գտնվում 20 հազարից ավելի մարդ, ովքեր շրջապատված լինելով Նադիրի հավատարիմ զինվորներով ստիպված ընդունեցին Նադիրին, որպես պարսկական գահի միակ արժանի իրավահաջորդի [7; 97], Նադիր շահի կողմից պարսկական գահաթոռի նվաճումը չընդունվեց միայն Գանձակի խաների կողմից, որոնք պնդում էին, որ պարսկական տերության գահին պետք է բազմի միայն Սեֆյանների արքայատոհմի ներկայացուցիչ [12; 39]։

Պարսկական նոր տարուն (նովրուզ) կայացավ Նադիրի թագադրման արարողությունը, ինչի արդյունքում Սեֆյանների արքայատոհմին փոխարինեց Աֆշարների նոր արքայատոհմը։ Նադիր շահը Իրանում իր իշխանությունն անսասան պահելու նպատակով հրամայում է սպանել Աբբաս Գ-ին, Թահմասպ Բ-ին և արքունական ընտանիքի բոլոր անդամներին [7; 97]։

Նադիր շահի թագադրմանը արարողությանը մասնակցում էին Նախիջևանի հայոց պատվիրակությունը և Հայոց կաթողիկոս Աբրահամ Կրետացին [8; 58]։

Ահա այսպես է անդրադարձել Հայոց կաթողիկոս Աբրահամ Կրետացին շահի հետ հանդիպմանը. «և յուշ արարին ինձ իշխանքն մեր՝ որք կային՝ ի բանակին, և Մէլիքշան քալանթարն, թէ հարկէ գալ քեզ ի՝ տեսութիւն Խանին ընծայիւք և պատրաստութեամբ» [2; 11–12]։

Նադիր շահը Երևանի խան է նշանակում Հերաթի Փիր Մուհամմադ խանին, ում հանձնարարվեց հոգատար լինել Հայոց կաթողիկոսի և հայ ժողովրդի նկատմամբ [2; 63]։ Նադիր շահը հայոց կաթողիկոսին օժտում է նոր իրավունքով, այդ թվում՝ հայոց կաթողիկոսը Երևանի խանին կարող էր դիմել ցանկացած խնդրանքով և խանը չպետք է մերժեր վերջինիս, սակայն եթե խանը մերժեր կատարել կաթողիկոսի խնդրանքը, ապա կաթողիկոսը կարող էր դիմել Նադիր շահի եղբորը՝ Իբրահիմ խանին, ով նստում էր Թավրիզում [2; 62]։

Նադիր շահի կառավարման օրոք ծնունդ է առնում վարչաքաղաքական մի նոր միավոր՝ Խամսայի մելիքությունները («Խամսա» արաբերեն բառ է, նշանակում է հինգ), որը կազմավորվել էր նախկին Գանձակի բեկլարբեկությանը ենթակա Գյուլիստանի, Խաչենի, Ջրաբերդի, Վարանդայի

և Դիզակի գավառների միավորումից։ Խամսայի կամ Արցախի մելիքությունների կենտրոնը հանդիսանում էր Տող ավանը, որի սահմանները տարածվում էին Գանձակի հարավից մինչև մինչև Արաքս [8; 64–65]։

1736թ. գարնանը Նադիր շահը Արցախի հինգ մելիքությունները մտցնում է «մահալ-ե խամսե» անունը կրող վարչական միավորի մեջ [11; 8], որը գտնվում էր Ատրպատականի փոխարքայի վերահսկողության տակ գտնվող վարչաքաղաքական միավորի կազմում [14; 258]։

Արցախի հինգ մելիքությունների գլխավոր ղեկավարը հանդիսանում էր Դիզակի Մելիք Եգանը, ով մեծ հեղինակություն էր վայելում պարսից արքունիքում և հայտնի էր որպես «բաբալըղ», որը նշանակում էր հոգևոր հայր։ Միաժամանակում Մելիք Եգանին էր հանձնարարված հավաքել հարկերը և հանձնել պարսից արքունիք [16; 195]։

Մելիք Եգանի ունեցած համբավի և իշխանության մասին տեղեկությունները հաստատում է Մելիք Եգանի տապանաքարը, որը տեղադրված է Տող գյուղում, տապանաքարի բովանդակությունը հետևյալն էր.

Այս է տապան քաջ իշխանին
Եկան անուն մեծ Մէլիքին,
Որ է որդին բարեպաշտին
Ղուկաս անուն վարդապետին.
Եղև սիրեցեալ ամենայնին,
Նատիր անուն թագաւորին.
Տիրապետեաց սա ի երկրին
Ի Աղուանից ի նահանգին,
Յոյժ պատուեցաւ Պարսից ազգէն
Քան զիշխանս Հայոց երկրին… ՌՃՂԴ (1744) [5; 178]։

Նադիր շահի արշավանքների հետևանքով 1735–1736 թվականներին ամբողջ Անդրկովկասում տարածվել էր սովը և դրամական միջոցների ծայրահեղ սակավությունը։ Հայաստանը այդ ծայրահեղ ծանր վիճակից դուրս բերելու նպատակով Նադիր շահը բացում է Երևանի փողերանոցը, որի կառավարումը հանձնվում է մելիք Հակոբջանին [8; 66]։

Այս դժվարին օրերին, 1737 թվականին վախճանվում է Աբրահամ Կրետացի կաթողիկոսը, ում հաջորդում է Ղազար Ջահկեցին։ Ղազար Ջահկեցին Նադիրի կողմից չստացավ այն դրական վերաբերմունքը, որը հասու էր Աբրահամ Կրետացուն և հենց նրա կառավարման օրոք էլ սկիզբ դրվեց հայ ժողովրդի նկատմամբ Նադիր շահի դաժան բռնությունները գործադրմանը [6; 226–227]։

Հյուծիչ պատերազմների արդյունքում ամբողջովին դատարկվել էր պարսկական արքունիքի գանձարանը և Նադիր շահը կրկին վերսկսում է ռազմական գործողությունները, նպատակ ունենալով գրավված տերությունները ավարի ենթարկելով լցնել արքունական գանձարանը: 1737 թվականին Նադիր շահը իրականացնում է արշավանք դեպի Աֆղանստան և գրավում Հերաթն ու Հնդկաստանին սահմանակից Ղանդահար քաղաքը: Այնուհետև, Նադիրը ներխուժում է Հնդկաստան և 1739 թ. փետրվարի 24-ին Կառնալ քաղաքի մոտ տեղի ունեցած ճակատամարտում ջախջախիչ հաղթանակ է տանում, իսկ մարտի 20-ին Նադիրի բանակը գրավում է Դելի քաղաքը: Քաղաքը գրավվելուց հետո ավարի և թալանի է մատնվում, որտեղից տարվում է մեծ քանակությամբ ոսկի և թանկարժեք քարեր: Ձեռք բերված թանկարժեք ավարի շնորհիվ Իրանի բնակչությունը երեք տարով ազատվում է հարկերից [8; 67]:

Միաժամանակ, Նադիր շահի 1738 թվականի հրովարտակում շահը վերականգնում է Երևանի մելիքներ Մկրտումի և Հակոբջանի իրավունքները, ովքեր մասնակցել էին 1734 թվականին թուրքերի դեմ մղվող ռազմական գործողություններին [11; 8]:

1739–1740 թվականներին Նադիր շահը առաջնություն էր տալիս Միջին Ասիայի գրավմանը, շահին հաջողվում է գրավել Բուխարան և Խորեզմը: 1737–1738 և 1741–1743թթ. Շահի նվաճողական արշավանքները դեպի Օսման ու Հարավարևելյան Արաբիա պսակվեցին անհաջողությամբ: 1741–1743թթ. Նադիր շահի իրականացրած անհաջող արշավանքները դեպի Դաղստան հանդիսացավ շահի առաջին անհաջողությունը ռազմական գործողությունների ընթացքում [7; 99]:

1742 թվականին Նադիր շահը հաջողվում է գրավել Միջին Ասիան, որից հետո շահը նպատակ ուներ գրավել նաև Դաղստանը:

Ռազմական գործողությունների վերսկսման համար Նադիր շահը սկսեց հարկերի հավաքումը կատարել բազմապատկած չափերով [17; 373]:

Հարկահանության քաղաքականությունում պարսից շահերի վարած հարստահարիչ գործունեության ապացույցն են 1725, 1728, 1734, 1742, 1752 թվականներին անցկացված աշխարհագիրները [13; 98]:

Նադիր շահի կողմից իրականացվող հարկային քաղաքականության արդյունքում հայ բնակչությունը հայտնվել էր ծայրահեղ վատթար վիճակում, և երկիրը այդ ծանր վիճակից դուրս բերելու համար Վարանդայի Մելիք-Միրզաբեկը հրաժարվում է պարսից արքունիքին հարկեր վճարելու պարտավորությունի: Շահը Վարանդայի Մելիք-Միրզաբեկին կանչում էր իր արքունիք վերջինիս ներում խոստանալով [10; 33–34], սակայն ինչպես

նշում է Միքայել Չամչյանցը «գրեթէ երբէք անվնաս ոչ թողոյր զոք գնալ» [15; 815] և Մելիք-Միրզաբեկը դաժանաբար սպանվում է։

Չնայած Նադիր շահի ջանքերին, նրա՝ Դաղստանում կրած պարտությունը և պարսից արքունիքում սկսված պալատական դավադրությունները, Շահին վերածվել էր դաժան բռնակալի [17; 84]։ Նադիր շահի դաժանությունը չափ ու սահման չէր ճանաչում, նրա հրամանով վերակացուները անասելի տանջանքների էին ենթարկում մարդկանց, ստիպելով ասել թաքնված գանձերի տեղը։ Նադիրի վայրագությունների զոհն էին դառնում և՛ տարեցները, և՛ երիտասարդները, և՛ անգամ երեխաները։

Ահա այսպես է նկարագրել Միքայել Չամչյացը Նադիր շահի վերը նշված վայրագությունները. «Ածին ի մեջ և զտղայս փոքրիկս, գիտելով՝ թէ նոքա յոյժ երկնչին ի գանից, և փութով յայտնեն զտեղիս թաքուցեալ ընչից։ Այլ նորա յոտս անկեալ նախարարին՝ թոթովայօդ բառով և յորդ արտասուօք աղերս արկանէին առաջի նորա. Խնայեա, ասեն ի մեզ և մի՛ սպանաներ գանիւք. Չունիմք մեջ և ծնողք մեր այլ ինչ ամենևին՝ բաց ի հանդերձից զոր զգեցեալս եմք» [15; 818]։

Հարկահանության ամենածանր խարանը կրեց Նոր Ջուղայի հայ բնակչությունը, որտեղ անգամ հարուստ ու բարեկեցիկ կյանքով ապրող հայ բնակիչները վերածվեցին ծայրահեղ աղքատների։ Ծայրահեղ աղքատության հետևանքով բնակչության մի մասը փախչում էր դեպի Լորեսթանի լեռները։

Բնակչության ծայրահեղ ծանր վիճակը նկարագրվում էր ավանդության միջոցով, ըստ որի ծայրահեղ աղքատության մեջ գտնվող Նոր Ջուղա է ուղարկվում Նադիր շահի հարկահանները, որոնց դիմավորում են Ջուղայի բնակիչները երգով ու պարով։ Այսինքն դա նշանակում էր, որ շահի հարկահանության արդյունքում հայ բնակչությունը զրկվել է ամեն ինչից ու այլևս կորցնելու ոչինչ չունի [4; 86]։

Այսպիսով, վակֆային և կալվածատիրական հողերի զավթումները մեծ դժգոհություն էին առաջացրել հոգևոր և աշխարհիկ հասարակության շրջանում, իսկ պետական հողերը բավական եկամուտը չէին ապահովում։ 1744 թվականին Նադիրը շահը արքունի գանձարանը լցնելու հույսով և Դաղստանում կրած անհաջողությունների հետևանքով կորցրած հեղինակությունը վերականգնելու համար, Նադիրը վերսկսեց ռազմական գործողությունները Թուրքիայի դեմ։ Ռազմական գործողությունները ուղեկցվում էին փոփոխակի հաջողություններով, որը շարունակվեց մինչև 1746 թվականը [17; 84]։

Սակայն, գործադրված ջանքերը բավարար չէին և երկրում սկիզբ առած ապստամբությունները ու ռազմական գործողություններում պարսկական կողմի կրած անհաջողությունները ավելի թուլացրեցին առանց այն էլ թուլացած երկիրը, ինչի արդյունքում 1747 թվականին Նադիր շահը դավադրաբար սպանվեց իր մերձավորների ձեռքով [17; 84]։

Այսպիսով, Նադիր շահը հանդիսանում էր շահ Աբասի գաղափարախոսության կրողը, որի հիմքում ընկած էր Այսրկովկասում ազդեցության ոլորտի ընդլայնումն ու ապահովումը։ Իշխանության ղեկին հայտնվելով ճիշտ ժամանակին Նադիրին հաջողվեց առժամանակ վերականգնել պարսկական տերության երբեմնի փառքը։ Միաժամանակ, Նադիր շահի քաղաքականությունը Արևելյան Հայաստանում հանգեցրեց հարկային բեռի աճին և վարչական վերահսկողության ուժեղացմանը՝ ծանրացնելով բնակչության դրությունը։ Կենտրոնական իշխանություն ստեղծելու միտումները սահմանափակեցին հայկական տեղային կառույցների ինքնուրույնությունը։ Պատերազմական գործողությունները խաթարեցին տնտեսական զարգացումը և նպաստեցին բնակչության նվազմանը, որը բացասաբար անդրադարձավ հայ ժողովրդի սոցիալ-տնտեսական կյանքի հետագա զարգացման վրա։

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Աբրահամ Երևանցի*, Պատմութիւն պատերազմացն 1721–1736թ., Եր., 1938, 108էջ։
2. *Աբրահամ Կրետացի*, Պատմագրութիւն, Վաղարշապատ, 1870, 129էջ։
3. *Բալայան Վ.* Արցախի պատմություն, Եր., 2002, 439էջ։
4. *Բայբուրդյան Վ.* Նոր Ջուղա, Եր., 2007, 154 էջ։
5. Դիվան հայ վիմագրության, պրակ V, Արցախ, կազմ. Ս. Բարխուդարյան, Եր., 1982, 347էջ։
6. *Լեո,* Երկերի ժողովածու, հ 3, գիրք երկրորդ, Եր., 1973, 638էջ։
7. Հայաստանի հարակից երկրների պատմություն, հ. 2, Եր., 2016, 596էջ։
8. Հայոց պատմություն, հ. III, գիրք առաջին,, ՀՀ ԳԱԱ Պատմության ինստիտուտի հրատ., Եր., 2010, 701էջ։
9. «Հանդես ամսօրեայ», Վիեննա,, № 5–7, 1934։
10. *Մաղալյան Ա.,* Վարանդայի Մելիք–Միրզաբեկի մահապատժի պատճառը // «Հայոց պատմության հարցեր», թիվ 7, Եր., 2006, էջ. 30–37։
11. Մատենադարանի պարսկերեն վավերագրերը, պրակ չորրորդ (1734–1797) // Կազմեց Ք.Պ. Կոստիկյան, Եր., 2008, 387էջ։
12. *Ներսեսով Մ. Յու.* Ճշմարտացի պատմություն, Եր., 2000, 360էջ։
13. *Կարապետյան Մ.* Բնակչության էթնիկ կազմը և էթնիկ պրոցեսները Երևանում 1724–1800 թվականներին // «Պատմա-բանասիրական հանդես», Եր., 1987, թ. 3, էջ. 95–104։
14. *Կոստիկյան Ք.* Ղարաբաղի հայ մելիքներ Նադիր շահ իշխանության տարիներին, Մերձավոր և Միջին Արևելքի երկրներ և ժողովուրդներ (XXVI), Եր., 2007, էջ. 257–278։

15. *Չամչյանց Մ.* Հայոց պատմություն, հ. Գ, Եր., 1984, 896էջ:
16. *Ղաֆֆի.* Երկերի ժողովածու, հ.10, Խամսայի մելիքությունները, Եր., 1959, 709 էջ:
17. *Փափազյան Հ.* Հայ-իրանական զինակցությունը 1726–1736թթ. և Արևելյան Հայաստանի քաղաքական իրավիճակը Նադիր շահի օրոք, Հոդվածներ, Հատոր Ա, Եր., 2020. էջ. 262–375:

ВОЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАДИРА ШАХА И ВОСТОЧНАЯ АРМЕНИЯ

Л. Хачатрян
Гаварский государственный университет

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению военной и политической деятельности Надира Шаха на Кавказе, в частности, в Восточной Армении. Надир был представителем афшарского происхождения, который взошел на престол в условиях глубочайшего политического и военного кризиса, когда Персия была ослаблена внутренними восстаниями и внешними вторжениями.

В начале XVIII века афганское восстание 1722 года нанесло серьезный удар по стабильности государства: мятежные силы захватили столицу Исфахан, поставив под угрозу существование государства. В этих сложных условиях Надир Шах смог реорганизовать военные силы, восстановить центральную власть и перейти в контрнаступление, постепенно восстанавливая территориальную целостность страны.

Его военные успехи, включая победу в сражении при Ехварде, существенно изменили баланс сил в регионе. В результате было подтверждено персидское господство в Восточной Армении, что в определенной мере дало возможность местным армянским силам реорганизовать свой военный и политический потенциал.

Ключевые слова: афганское восстание, Персия, Надир Шах, персидское господство, Восточная Армения.

MILITARY AND POLITICAL ACTIVITIES OF NADIR SHAH AND EASTERN ARMENIA

L. Khachatryan
Gavar State University

ABSTRACT

This article is dedicated to the study of Nadir Shah’s military and political activities in the Caucasus, particularly in Eastern Armenia. Nadir was of Afshar origin and ascended to the throne during a period of profound political and military crisis, when Persia was weakened by internal uprisings and external invasions.

At the beginning of the 18th century, the Afghan uprising of 1722 dealt a serious blow to the stability of the state: rebel forces captured the capital, Isfahan, endangering the very existence of the state. In this

challenging context, Nadir Shah was able to reorganize the military forces, restore central authority, and launch a counteroffensive, gradually reestablishing the country's territorial integrity.
His military successes, including the victory at the Battle of Eghvard, significantly shifted the balance of power in the region. As a result, Persian dominance in Eastern Armenia was reaffirmed, which to some extent allowed local Armenian forces to reorganize their military and political capacity.
Keywords: Afghan uprising, Persia, Nader Shah, Persian rule, Eastern Armenia.

РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АРХИВОВЕДЕНИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИИ

Э.М. Шафигуллин, Я.А. Перескоко

Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина, г. Саратов
eldarus04@gmail.com, ypereskoko@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Современные информационные системы активно используют искусственный интеллект для обработки и анализа больших объемов данных, в том числе и документированной информации. В статье исследуются практические области применения технологий искусственного интеллекта в архивоведении и документоведении и оцениваются перспективы их последующего развития и интеграции в профессиональную деятельность. Анализируется опыт внедрения проектов по распознаванию рукописных текстов с использованием информационных систем на основе искусственного интеллекта, выделяются требования к формированию электронных копий источников, подлежащих распознаванию. Отмечается потенциал использования алгоритмов машинного обучения и обработки естественного языка при оцифровке документного наследия, формировании электронных архивов и совершенствовании систем электронного документооборота. В том числе, отмечаются основные риски и ограничения в работе с искусственным интеллектом: непрозрачность алгоритмов, возможная предвзятость результатов, угрозы безопасности и целостности данных.
Ключевые слова: искусственный интеллект, документоведение, архивоведение, документ, документационное обеспечение управления.

Введение

Современные информационные системы все более активно используют технологии искусственного интеллекта для обработки и анализа больших объемов данных, включая документированную информацию. Для архивоведения и документоведения это означает не просто появление новых инструментов, а фактическое изменение способов работы с документами на всех стадиях их жизненного цикла от оцифровки и регистрации до поиска, анализа и предоставления пользователям. В этих условиях возникает необходимость осмыслить реальные практики применения искусственного интеллекта в документационной сфере, оценить перспективы дальнейшего развития таких решений и

обозначить риск, которые они несут для сохранности, достоверности и доказательности документов.

Основная часть

В современных системах электронного документооборота и электронных архивов технологии искусственного интеллекта используются не как дополнительные функции, а как ключевой слой смысловой обработки документированной информации. Их применение можно систематизировать по нескольким функциональным зонам, которые частично перекрываются, но в совокупности охватывают весь цикл работы с документами.

Первая зона – интеллектуальный захват и первичная обработка документов. Речь идет не только о классическом оптическом распознавание символов (OCR) электронных документов, но и о более сложных сценариях: распознавание плохо отсканированных документов, комбинированных форматов (таблицы, вложения, штампы, подписи), а также рукописных документов, хранящихся в архивах и использующихся в исторических исследованиях. Реализуется это благодаря системам интеллектуальной обработки документов (IDP), в которых используются модели компьютерного зрения и машинного обучения для сегментации изображения (выделение полей, таблиц, областей подписи), извлечения текстовых фрагментов и последующего автоматического заполнения ключевых реквизитов в карточке документов [1, 2]. Для каждого конкретного документационного массива систему искусственного интеллекта необходимо настраивать, фактически формируя для нее специализированную языковую модель. Процесс распознавания файла представляет собой последовательность взаимосвязанных этапов. Начинающиеся отбором материалов, подлежащих распознаванию, с последующей подготовкой этих материалов, формированием обучающей и тестовой выборки и последующей проверки качества работы модели. Завершает процесс собственно распознавание текста, при котором обученная модель преобразует графическое изображение текста в формате электронного документа [1].

Вторая зона – формирование, уточнение и сопровождение метаданных. В реальной практике один и тот же документ существует в нескольких проекциях: как файл электронного документа, как регистрационная карточка в системе электронного документооборота, как запись в учетных системах и как архивная единица хранения. Системы искусственного интеллекта здесь решают задачи тематического и видовой классификации, извлечения именованных сущностей (лица, организации, номера дела), выявления связей между до-

кументами и версиями. Алгоритмы обработки естественного языка (NLP) позволяют автоматически определять предполагаемый вид документов (договор, приказ, служебная записка), тему, участников процесса, а также предлагать индекс по номенклатуре дел или метку уровня конфиденциальности [3]. За счет этого уменьшается доля ручного ввода и снижается вероятность расхождений между различными представлениями одного и того же документа. Кроме того, искусственный интеллект используется для переводов текста на разные языки с достаточно высокой степенью точности, что может помочь с переводом текстов рукописных документов для исторических исследований. Например, Google Translate опирается на искусственный интеллект, способный обучаться на больших объемах данных и постепенно повышать качество выдаваемых результатов [4]. Важно отметить, что искусственный интеллект не должен бесконтрольно переписывать метаданные, а должен быть подконтролен и итоговые значения должны быть подтверждены человеком и юридически зафиксированы в системе.

Третья зона – поиск, аналитика и поддержка принятия решений. Здесь применяются семантический поиск по содержанию документов (по эмбеддингам и тематическим моделям), автоматическое аннотирование (краткие выжимки содержания), кластеризация по темам и построение графов связей между документами, делами, проектами. Для пользователя это означает возможность находить нужные материалы не только по формальным реквизитам, но и по смыслу запроса, даже если в запросе тексте документа используются разные формулировки. На этом же уровне работают аналитические функции: искусственный интеллект помогает выявлять типовые маршруты согласования, типы документов, чаще всего возвращающиеся на доработку и т.п. В электронных архивах аналогичные инструменты используются для тематического описания массивов, выявления связей между фондами и ускорения формирования научно-справочного аппарата.

Одним из наиболее показательных направлений применения искусственного интеллекта в архивоведении являются проекты по распознаванию рукописных текстов (HTR). Особенно актуально это для исторических архивов, где значительная часть фондов представлена рукописями. Так, на момент 1 ноября 2024г. в Московском Главархиве уже расшифровано 10 млн страниц старинных рукописных документов. Традиционный подход предусматривал создание поисковых средств преимущественно на уровне описаний дел, в лучшем случае – именных и тематических каталогов. Технологии HTR в сочета-

нии с языковыми моделями открывают возможность формирования полнотекстовых корпусов на основе рукописных источников, что принципиально расширяет доступность содержания [1–2, 5].

Практика реализации таких проектов показывает, что качество работы алгоритмов критически зависит от характеристик электронных копий. Для достижения приемлемого уровня распознавания предъявляются повышенные требования к разрешению, контрасту, цветопередаче и корректности сканирования. Важна не только техническая сторона оцифровки (разрешение не ниже определенного порога, отсутствие искажений, равномерность освещения), но и соблюдение принципов архивного воспроизведения: сохранение полей, маргиналий, всех рукописных помет, штампов и дефектов листа. Если электронная копия обрезана или «подчищена» чрезмерно агрессивной обработкой, это не только ухудшает качество распознавания, но и нарушает принцип аутентичности архивного документа.

Кроме того, для обучения и тестирования моделей требуется корректная разметка данных: привязка распознанного текста к конкретным фрагментам изображения, указание языков, особенностей орфографии и сокращений [1]. Это создает значительную дополнительную нагрузку на архивные учреждения и требует участия специалистов, знакомых как с источниковедением, так и с технической стороной HTR. Таким образом, успешное внедрение искусственного интеллекта в задачу распознавания рукописей возможно только при сочетании качественной оцифровки, методически выверенной разметки и последующей экспертной валидации результатов.

Помимо распознавания рукописей, алгоритмы машинного обучения и обработки естественного языка (NLP) находят широкое применение в задачах оцифровки документного наследия и функционирования современных систем документооборота. В цифровых коллекциях исторических документов искусственный интеллект может использоваться для автоматического извлечения именованных сущностей (персоналий, географических названий, организаций), построения тематических карт, выявления связей между документами разных фондов. Это повышает информативность справочно-поискового аппарата и облегчает работу исследователей [3, 4].

В управленческом контуре ИИ-алгоритмы решают иные, но родственные по логике задачи. При обработке современных управленческих документов системы искусственного интеллекта могут автоматически извлекать ключевые реквизиты (даты, суммы, контрагентов, предмет договора), определять вид документа и соответствующий маршрут согласования, сопоставлять текст с внутренними регламентами и шаблонами. В результате снижается нагрузка

на сотрудников служб делопроизводства, ускоряется регистрация и маршрутизация, повышается качество классификации документов, а, следовательно, и последующего поиска.

Особый интерес представляет использование генеративных моделей в качестве вспомогательного инструмента для подготовки управленческих решений. На основе уже согласованных и утвержденных документов искусственный интеллект может формировать краткие справки, подготавливать проекты ответов, выделять условия и риски в проектах договоров [6]. Однако здесь принципиальным становится вопрос документной доказательности: такие предложения могут рассматриваться только как черновой материал, который обязательно должен быть сопоставлен с исходными документами и проверен ответственным лицом.

Несмотря на высокий потенциал, использование технологий искусственного интеллекта в документной сфере сопровождается значимыми рисками и ограничениями. Одним из ключевых факторов рисков является непрозрачность алгоритмов [7]. Большинство современных моделей машинного обучения являются «черными ящиками» в том смысле, что их внутренние механизмы трудно интерпретировать. Для архивоведения и документоведения, где важна доказуемость и воспроизводимость результатов, это создает проблему: если система автоматически классифицировала документ или извлекла из него определенные сведения, специалист должен иметь возможность понять, на каких основаниях это сделано и можно ли этому доверять.

Второй фактор риска связан с возможной предвзятостью результатов. Модели обучаются на конкретных корпусах данных, которые отражают существующие практики и асимметрии: языковые особенности, типичную структуру документов, социальные и организационные стереотипы. При переносе таких моделей на новые массивы документов возможны систематические ошибки классификации или поиска, особенно в отношении материалов, отличающихся от «среднестатистических». В кадровых и контрольных процессах это может приводить к неравномерной строгости или ошибочной маркировке «подозрительных» кейсов, в архивном – к искажению атрибуции и тематического описания.

Третий фактор риска связан с безопасностью и целостностью данных [7]. Документные массивы неизбежно содержат персональные данные, служебную и коммерческую тайну, сведения ограниченного доступа. Использование ИИ подразумевает, как правило, построение поисковых индексов, создание производных представлений текста, иногда – обучение моделей на реальных

данных. При этом возникает риск несанкционированного доступа, утечки через внешние сервисы, неверной сегментации открытых и закрытых массивов. Для архивов особенно важен вопрос сохранения целостности и неизменности архивных единиц: любые автоматические «надстройки» в виде меток, резюме и связей должны четко фиксироваться как производные данные, не подменяющие сам документ.

Наконец, следует учитывать, что качество работы ИИ напрямую зависит от состояния исходных данных [1]. В реальной практике документы неоднородны по структуре, содержат ошибки, неполные реквизиты, написаны на разных языках, оцифрованы с разным качеством. Внедрение ИИ без предварительной нормализации форм, без единых справочников и требований к метаданным часто дает лишь локальный эффект при одновременном снижении управляемости системы в целом.

Заключение

Таким образом, использование технологий Искусственного интеллекта в архивоведении и документоведении открывает значительные перспективы для ускорения и углубления работы с документированной информацией. Практика проектов по распознаванию рукописных текстов, внедрения интеллектуальных модулей в системы электронного документооборота и электронных архивов показывает, что ИИ способен существенно снизить трудоемкость рутинных операций, улучшить полноту и качество поиска, расширить доступ к документному наследию. Поэтому перспективное развитие ИИ в документной сфере связано не только с совершенствованием алгоритмов, но и с разработкой методических, правовых и организационных рамок их применения. Для специалистов по архивоведению и документоведению важной задачей становится участие в формировании требований к интеллектуальным системам, критическая оценка их результатов и обеспечение того, чтобы новые технологии усиливали.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кисилев И.Н.* О применении искусственного интеллекта в распознавании текстов // «Вестник ВНИИДАД. Сер.: История и археология», № 1, 2024. СС. 84–86. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-primenenii-iskusstvennogo-intellekta-v-raspoznavanii-tekstov
2. *Мамедов Т.Р., Ершов Н.М.* Распознавание исторических рукописных документов с применением методов глубокого машинного обучения // «Системный анализ в науке и образовании. Сер.: Компьютерные и информационные науки», № 3, 2024. СС. 46–53. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/raspoznavanie-istoricheskih-rukopisnyh-dokumentov-s-primeneniem-metodov-glubokogo-ma-shinnogo-obucheniya

3. *Никитина О.А.* Сравнительный анализ методов NLP для классификации и кластеризации корпоративных документов // «Вестник науки. Сер.: Компьютерные и информационные науки», № 12 (93), 2025. СС. 1355–1360. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-metodov-nlp-dlya-klassifikatsii-i-klasterizatsii-korporativnyh-dokumentov
4. *Годжаева О., Сетдарбердиева А.* Применение искусственного интеллекта в лингвистике информационных систем // «Наука и мировоззрение. Сер.: Компьютерные и информационные науки», № 37, 2025. СС. 1–6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-lingvistike-informatsionnyh-sistem
5. *Унтерберг А.М., Пятаева А.В., Замыслова С.С., Рукосуева Е.Д., Богдановка К.В.* Распознавание рукописного текста исторических документов с применением технологий глубоких нейронных сетей// «Известия высших учебных заведений. Приборостроение». Т. 67, № 9, 2024. СС. 767–775. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=73160026
6. *Мирошниченко М.А., Абдуллаева А.А., Вовк М.А.* Тенденции развития технологий искусственного интеллекта в управлении документами организаций // «Естественно-гуманитарные исследования. Сер.: Компьютерные и информационные науки», № 1 (51), 2024. СС. 398–399. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-upravlenii-dokumentami-organizatsii
7. *Ковалева Н.Н.* Проблемы и перспективы использования искусственного интеллекта в системах электронного документооборота // «Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право, компьютерные и информационные науки», № 4 (55), 2023. СС. 87–91. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sistemah-elektronnogo-dokumentooborota

REALITIES AND PROSPECTS OF USING AI TECHNOLOGY IN ARCHIVOLOGY AND DOCUMENT STUDIES

E. Shafullin, Ya. Pereskocho
Yuri Gagarin Saratov State Technical University, Saratov
Socio-Economic Institute

ABSTRACT

Modern information systems actively use artificial intelligence to process and analyze large amounts of data, including documented information. The article explores the practical applications of artificial intelligence technologies in archival and documentary studies and assesses the prospects for their further development and integration into professional activities. It analyzes the experience of implementing projects for handwritten text recognition using artificial intelligence-based information systems and highlights the requirements for creating electronic copies of sources that need to be recognized. The potential of using machine learning algorithms and natural language processing in digitizing documentary heritage, creating electronic archives, and improving electronic document management systems is noted. In particular, the main risks and limitations in working with artificial intelligence are highlighted: the lack of transparency in algorithms, and the potential for bias.

Keywords: artificial intelligence, documentation studies, archival studies, document, documentation support for management.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

АРАБСКИЙ ЯЗЫК В РАБОТЕ ВОСТОКОВЕДА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РОСТ ИНТЕРЕСА В XXI ВЕКЕ

В.А. Воробьева[1]

Южный федеральный университет
vlavorobe@sfedu.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается роль арабского языка в современном востоковедении. Результаты исследования приводят к выводу о том, что арабский язык необходим для качественной востоковедческой работы, как научного, так и прикладного характера. Помимо этого, исследование приходит к выводу о тенденции роста значимости арабского языка не только в мусульманском мире, но и в других частях света.
Ключевые слова: арабский язык, востоковедение, тенденции.

Введение

В данном исследовании были использованы актуальные статьи российских и зарубежных востоковедов, затрагивающие актуальность и значимость изучения арабского языка в востоковедении. Были проанализированы как профессиональные преимущества, так и социокультурные причины изучения арабского языка в настоящее время. Арабский язык был рассмотрен не только с академической точки зрения, но и с позиции, близкой к аудитории, не имеющей востоковедческого образования.

Актуальность работы заключается в том, что уже продолжительное время имеет место быть плотная торговля, миграция и социокультурный обмен между арабским миром и другими регионами, включая постсоветское пространство. Знание арабского языка приобретает все больше актуальности как для международного рынка, так для и мировой политики. Для востоковедения арабский язык представляет собой необходимый инструмент для изучения тонкостей современного положения выбранного региона.

Цель работы: определить роль арабского языка в работе востоковеда.

В *задачи* этого исследования входит рассмотрение разностороннего перечня профессиональных путей, для которых характерно и актуально изуче-

[1] Научный руководитель: к.п.н. М.Г. Катичева

ние арабского языка. Будут рассмотрены не только причины строго академического характера, но также проанализированы социокультурные аргументы, выступающие за изучение арабского языка. Помимо этого, исследование ставит под собой задачу суммировать предложенные тезисы и предоставить публике возможность взглянуть на итоги не обособленно, а в общем контексте. Таким образом, исследование может повлиять на рост интереса к арабскому языку или, по крайней мере, предоставить весомые причины для его изучения.

Материалы и методы

Для исследования роли арабского языка в работе востоковеда требуется серьезная теоретическая база, заточенная на современную статистику роли арабского языка в мире, научную и прикладную значимость языка для современного востоковедения, а также рассмотрение более узких причин для изучения. Теоретическая база представляет собой работы ведущих российских и зарубежных востоковедов, социологическая статистика и итоговое прогнозирование будущих тенденций относительно арабского языка.

Перед началом исследования необходимо сделать пару первоначальных оговорок, поскольку востоковедение – это комплексная наука. Арабский язык и его значение будут ожидаемо рассмотрены в оптике Ближнего Востока и специфики исследования именно этого региона.

Чтобы разобраться, зачем востоковеду нужен арабский язык, достаточно подумать о будущей карьере специалиста-востоковеда. Здесь можно и нужно рассмотреть несколько наиболее часто выбираемых треков для будущей карьеры среди выпускников.

Сперва рассмотрим карьеру в **международных отношениях**. Арабский язык в этом поле – признанный приоритет. С 1973 года арабский язык является одним из шести рабочих языков ООН [1]. Также он является официальным языком в нескольких значимых региональных организациях, таких как Лига Арабских Государств и Организация Исламского Сотрудничества. Следовательно, его роль в мировой политике трудно недооценить. Как и трудно представить дипломатическую работу без знания иностранных языков. Владение иностранными языками – это ключевой навык любого дипломата, без него невозможна успешная дипломатическая карьера. В этой связи важно не только само знание языка, но и уровень владения, поскольку на уровне высоких дипломатических переговоров даже маленькие неточности или недопонимания могут привести к серьезным политическим проблемам. Язык – это не только про передачу слов и смыслов, это еще и пространство балансировки между идеями, ценностями и культурными нюансами двух или более интересантов

[2]. Такие вещи составляют основы дипломатии. Поэтому востоковед, владеющий самыми тонкими нюансами арабской культуры и языка, будет подходящей кандидатурой для карьеры в дипломатическом секторе.

Далее рассмотрим иную карьеру – **переводчик**. Принято считать, что перевод с арабского языка является одним из самых сложных из-за обилия диалектов, сложной грамматики и мало на что похожей структуры образования арабских слов. Однако опустим лингвистические сложности арабского языка. Рассмотрим показательный пример: согласно исследованию, в котором студентам переводческого факультета (носителям арабского языка) предложили перевести на английский арабский текст, наполненный арабскими культурными отсылками. Несмотря на то, что переводчики были носителями языка, им не удалось выполнить достаточно качественный перевод. Ввиду средних результатов участников исследования, в заключении было подведено, что на итоги перевода повлияло в том числе и незнание обеих культур, (арабоязычной и англоязычной соответственно) с которыми пришлось работать [3]. В этом свете переводчик с арабского с востоковедческим образованием выглядит более сильной кандидатурой, чем студенты-переводчики без знания культурных нюансов. В данном случае студент востоковед может выступить более подготовленным, чем даже сами носители языка, поскольку, помимо знания языка, он владеет и необходимыми культурными нюансами, которые могут ускользать от студента арабского происхождения, принявшего с рождения культурные нюансы как должное.

Еще одна карьера, которую стоит рассмотреть – это карьера, связанная с **бизнесом**. За последние несколько десятилетий некоторые страны арабского мира значительно поднялись в мировых рейтингах. Случилось это во многом из-за открытости определенных стран к сотрудничеству с зарубежными компаниями и грамотной дипломатической политике. Наиболее очевидный пример, хоть и теряющий свою привлекательность из-за текущих политических событий на Ближнем Востоке – это Объединенные Арабские Эмираты. Менее чем за полвека существования как независимое государство ОАЭ создали открытое пространство для инвестиций и постоянного потока капитала, но при этом сохранили и продолжают сохранять свою культурную и языковую идентичность [4]. Несмотря на стремительно меняющийся расклад в регионе, эксперты по Ближнему Востоку в сфере бизнеса все еще высоко ценятся именно потому, что лучше всех понимают, насколько динамичен этот регион и могут спрогнозировать дальнейшие события и риски для иностранного бизнеса. Не стоит забывать и тот факт, что для зарубежных финансовых потоков все еще остается открыта менее известная часть арабского мира – Северная Африка.

Например, Марокко. Это самая западная страна Северной Африки, которая с 2022г. демонстрирует стабильный рост ВВП, а также рост ВВП на душу населения [5]. Можно предположить, что в ближайшем будущем эта страна продолжить стабильно развиваться и станет привлекательной целью для иностранных инвестиций.

Неочевидной причиной изучения арабского языка может быть **академическая карьера**. Даже для человека, изначально не имеющего профильного востоковедческого образования. Простой пример: искусствовед, выбравший специализироваться на ближневосточном искусстве, вряд ли сможет добиться мастерства в теме без знания арабского языка. Согласно исследованию на тему роли языка в искусствоведении, отмечено, что язык играет ключевую роль не только в преподавании, но и в создании и потреблении материалов искусства [6].

Однако на сегодняшний день арабский язык является значимым активом не только для востоковеда. Интерес к арабскому языку растет и это отмечено уже не один раз. Более того, арабские страны это прекрасно осознают. Одним из наиболее амбициозных проектов на территории арабского мира на данный момент – это “Vision 2030”. Эту инициативу реализует Саудовская Аравия и одним из важных элементов ее политики – это сохранение и популяризация арабского языка. Языковая политика Королевства Саудовская Аравия предлагает всем заинтересованным в изучении арабского языка иностранцам двухгодичную очную программу. В рамках этой программы, лучшим студентам предоставляется повышенная стипендия и возможность продолжить образование на бакалавриате практически любого факультета [7].

Интерес к арабскому языку растет также в интернете, а если быть точнее – на образовательных платформах. Согласно данным за январь 2026 «Рынка изучения арабского языка», доход от изучения арабского стабильно растет, а эксперты прогнозируют значительный рост к 2032г. [8].

Report Attribute	Details
No. of Pages	191
Published	January 2026
Forecast Period	2026 - 2032
Estimated Market Value (USD) in 2026	$781.25 Million
Forecasted Market Value (USD) by 2032	$2120 Million
Compound Annual Growth Rate	17.9%
Regions Covered	Global
No. of Companies Mentioned	31

Важно отметить, что «Рынок изучения арабского языка» анализирует вполне конкретные данные, а среди исследованных компаний можно заметить такие крупные образовательные платформы, как Coursera, Italki и Udemy. А исследование проводится «…в ходе интервью с заинтересованными сторонами, включая институциональных покупателей, менеджеров по обучению и развитию, преподавателей и руководителей продуктовых проектов, а также дополнены опросами обучающихся и тестированием удобства использования» [8].

Из этого можно прийти к выводу, что растущий интерес к арабскому языку существует как на региональном, так и на глобальном уровне. И более того этот интерес активно поддерживается как политическими инициативами отдельных государств, так и заинтересованностью глобального интернет-пространства, в особенности на релевантных образовательных платформах.

В качестве заключительной части исследования соберем все рассмотренные процессы и попробуем спрогнозировать дальнейшие тенденции развития роли арабского языка, основываясь на исследованных материалах. Прогнозы будут предоставлены коротко, обращая внимание на стремительно меняющиеся правила игры в регионе.

1. **Языковая политика**. Политика арабских стран становится более направленной на популяризацию арабского языка и продвижение своих идеологических и политических нарративов через язык и культуру. Можно ожидать, что в этой связи арабский язык стремительно продолжит превращаться в инструмент международного влияния.

2. **Роль в мировой политике.** Как и было упомянуто ранее, арабский язык был и остается одним из ключевых языков в глобальной политике и в бизнесе. Современные геополитические сдвиги нисколько не уменьшают его

значимость. Более того, из-за динамичных изменений в ближневосточном регионе стоит ожидать, что в ближайшее время роль арабского языка в политическом дискурсе заметно возрастет для того, чтобы сконструировать новые основания и смыслы для объяснения текущих политических процессов на Ближнем Востоке.

3. **Цифровизация и развитие искусственного интеллекта**. Технический прогресс открывает новое пространство для арабистов на стыке арабского языка и IT. Для сохранения позиций языка в будущем. Например, Саудовская Аравия инвестирует в разработку национальных ИИ-моделей, особенно «Аллам» [7]. Если данный проект окажется успешным, то это создаст спрос на специалистов в области арабского языка, лингвистики и работы с текстом.

4. **Внутренний кризис арабского языка**. Особое внимание в некоторых арабских странах обращено на сохранение и поддержку арабского языка связан в том числе и с положением языка в этих самых странах. В январе этого года эмиратский миллиардер выступил с заявлением о том, что арабский язык в кризисе и что современное поколение его толком не знает [9]. Однако ОАЭ, как и некоторые другие государства, которых это касается, осознают эту проблему. Именно поэтому регулярно запускаются новые инициативы по продвижению арабского языка, что создает базу для его развития, а также спрос на преподавателей и лингвистов.

Таким образом, все изложенные процессы и явления выступают катализаторами увеличения спроса на арабский язык. На сегодняшний день арабский язык является стратегическим активом, необходимым для навигации в политике, экономике, а также академической деятельности. Он необходим как для теоретических исследований в рамках Академий Наук и университетов, так и на полях международных организаций и деловых встреч. Арабский язык выступает важным инструментом не только для людей, непосредственно связанных с Востоком, но и для любого другого индивида, который нашел что-то для себя в арабском языке и всем, что с ним связано. Более того, как уже было зафиксировано в пунктах выше, арабский язык представляет собой значимый актив для работы и коммуникации в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. ООН Женева. Всемирный день арабского языка. URL: https://www.ungeneva.org/ru/about/director-general/multilingualism/arabic-language-day
2. *Sahetgeldiyev B., Geldimyradov M., Orazov S.* The Importance of Learning Foreign Languages: Pathways to Global Communication and Understanding // “CyberLeninka”, 2025. CC. 139–140. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/foreign-languages-and-foreign-affairs-the-integral-role-of-language-proficiency-in-global-diplomacy/viewer

3. *Al-Hassn A.* Problems Encountered in Translating Cultural Expressions from Arabic into English // ResearchGate. C. 56. URL: https://www.researchgate.net/publication/27917-9826_Problems_Encountered_in_Translating_Cultural_Expressions_from_Arabic_into_English
4. Frontiers in Sociology. 2025. URL: https://www.frontiersin.org/journals/sociology/articles/10.3389/fsoc.2025.1641732/full
5. Enterprise Ireland. Doing Business in Morocco. 2022. C. 5. URL: https://www.enterprise-ireland.com/documents/doing-business-in-morocco-pdf-en-162342.pdf
6. UNT Digital Library. C. 12. URL: https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc663-643/m1/19/
7. *Shemyakina A.* Арабский язык в политике Королевства Саудовская Аравия // «Социально-политические исследования», № 4. 2024С.С. 87–88, 90. URL: https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/1925/1753
8. Research and Markets. Arabic Language Learning Market Report 2025–2032. 2025. URL: https://www.researchandmarkets.com/report/arabic-language-learning-market
9. Khaleej Times. “Arabic in Crisis”: Dubai Billionaire Says Language Must Be Taught “Properly” in Schools. 14 January 2026. URL: https://www.khaleejtimes.com/uae/dubai-billionaire-khalaf-al-habtoor-urge-arabic-teach-properly-schools

ARABIC LANGUAGE IN THE WORK OF AN ORIENTALIST: CURRENT TRENDS AND GROWING INTEREST IN THE 21ST CENTURY

V. Vorobieva
Southern Federal University

ABSTRACT

This study examines the role of the Arabic language in contemporary Oriental studies. The findings of the research lead to the conclusion that the Arabic language is essential for high-quality oriental studies, both of an academic and applied nature. Furthermore, the study concludes that there is a trend towards the growing importance of the Arabic language not only within the Muslim world but also in other parts of the globe.
Keywords: Arabic language, Oriental studies, tendencies.

НЕОСУФИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

И.О. Джумамурадова[1]

Российско-Армянский университет
e-mail: ipek.muradova2002@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Влияние суфизма на политическую культуру современной Турции представляет собой сложное и многослойное явление, уходящее корнями в османскую эпоху и продолжающее оказывать заметное воздействие на общественно-политические процессы в республиканский период.

В рамках данного исследования анализируется деятельность неосуфийских братств в социально-политической жизни современной Турции в период с начала 2000-х гг.по настоящее время. Особое внимание уделяется выявлению механизмов влияния неосуфизма и мистико-исламских мотивов на формирование государственной политики Турции, а также на процессы социального преобразования турецкого общества. Прослеживаются основные этапы взаимодействия суфийских братств с правящими элитами и определяется их роль в легитимации политического ислама. Отдельное место в работе занимает анализ суфийского братства Накшбандия, оказывающего значительное влияние на правящие круги современной Турции.

Методологической основой исследования является анализ современных турецких академических источников. В частности, используются труды известного турецкого политолога, специалиста по современному исламу, турецкой политике и национализму М. Хакана Явуза, а также работы одного из наиболее влиятельных турецких социологов и политологов Шерифа Мардина.

Результаты исследования показывают, каким образом неосуфизм трансформировался из мистического течения и важного сегмента религиозной традиции Турции в активный политический инструмент. Полученные выводы позволяют более аргументированно оценить дальнейшие перспективы государственно-религиозной политики Турции и правящей партии Adalet ve Kalkınma Partisi (Партии справедливости и развития).

Ключевые слова: неосуфизм, политический ислам, Турция, суфийские братства, ПСР (Партии справедливости и развития).

[1] Научный руководитель: к.ист.н., проф. В.А. Аракелова

Введение

Современная политическая сцена Турции представляет собой уникальный пример сосуществования светской республиканской модели и глубоко укорененных религиозных традиций, которые в последние десятилетия приобрели новую форму. В этом контексте неосуфизм выступает не просто как мистическое ответвление ислама, ориентированное на духовное совершенствование индивида, но и как мощнейший ресурс социально-политической мобилизации. Трансформация суфийских братств (тарикатов) из закрытых общин в активных участников общественной жизни стала возможной благодаря их способности адаптироваться к современным условиям и глобализации. Как отмечает выдающийся турецкий социолог Шериф Мардин, религия в турецком обществе исторически функционировала не только как вера, но и как фундаментальная «идеология», способная заполнить смысловой вакуум и обеспечить связь между государственным «центром» и народной «периферией» [1, сс. 82–84].

Основная часть

С приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 году влияние неосуфийских структур на политический курс страны приобрело институциональный характер. Ранее республиканский период истории Турции, ознаменованный жестким лаицизмом и законодательным запретом деятельности тарикатов в 1925г., вытеснил эти структуры в теневой сектор. Однако, как подчеркивает Мардин в своей ключевой работе «Религия и идеология», попытки полной секуляризации «сверху» столкнулись с сопротивлением глубокой социальной памяти народа, для которого исламские ценности оставались главным кодом идентичности [1, сс. 101–104]. В XXI веке мы наблюдаем процесс «выхода из тени»: неосуфийские братства, такие как Накшбандия, не просто легализовались через гражданские фонды и ассоциации, но и стали ключевыми партнерами правящих элит.

Важно подчеркнуть, что неосуфизм сегодня рассматривается как динамичное явление, объединяющее традиционную суфийскую этику и современные политические технологии. Анализ трудов Шерифа Мардина и Хакана Явуза позволяет выдвинуть гипотезу о том, что успех политического ислама в Турции напрямую зависит от поддержки этих неформальных, но крайне дисциплинированных религиозных сетей, которые обеспечивают власти не только избирательную поддержку, но и моральную легитимность в глазах консервативного большинства. Исследование этой взаимосвязи необходимо для понимания будущего турецкой государственности и вектора ее дальнейшей трансформации.

Методологически данное исследование опирается на глубокое прочтение тех социологических процессов, которые Шериф Мардин описывал как «социальные изменения». Вместо того чтобы рассматривать суфийские братства как застывшие реликты прошлого, мы анализируем их как живые, динамичные сети, сумевшие найти свое место в современном мире [5, сс. 35–37]. Понимание этих процессов невозможно без обращения к концепции «пространства возможностей», разработанной М. Хаканом Явузом. Именно через эту призму становится ясно, как демократические институты, вместо того чтобы подавить религиозность, невольно стали площадкой, где суфийские сообщества смогли легитимизировать свое присутствие в публичной сфере [2, сс. 102–105].

Интеллектуальный фундамент этого преображения во многом был заложен Саидом Нурси. В эпоху, когда молодая Турецкая Республика стремилась к полной секуляризации, наследие Нурси и его фундаментальный труд «Рисале-и Нур» предложили верующим альтернативный путь. Как отмечают Ахмет Даг и Низамеддин Дуран, Нурси совершил своего рода интеллектуальную революцию: он перевел исламский дискурс с языка слепой веры на язык разума и логики, созвучный духу времени [4, сс. 50–51, 7, сс. 174–176]. Шериф Мардин в своем анализе подчеркивает, что Нурси удалось создать уникальную систему коммуникации, которая позволила традиционным смыслам зазвучать понятно для современного городского жителя [4, сс. 49–50]. Это имело решающее значение для суфийских братств, и прежде всего для различных ветвей Накшбандия. Они переняли эту стратегию «рационализации» мистического опыта, что позволило им не просто выжить в условиях светского государства, но и успешно интегрироваться в его социальные и образовательные структуры. Таким образом, современные братства превратили накопленный интеллектуальный капитал в мощный инструмент общественного влияния, сделав духовную преданность фундаментом для активной социальной позиции.

Переход от чисто интеллектуальных дискуссий к реальным социально-политическим преобразованиям стал возможен благодаря уникальной способности суфийских братств адаптировать свою внутреннюю структуру к требованиям времени. В работах М. Хакана Явуза этот процесс описывается как возникновение «мусульманской демократии», где религиозные сообщества начали играть роль моста между традиционным обществом и современной политической системой [2, сс. 215–217]. Самым ярким примером здесь служит деятельность различных ветвей братства Накшбандия. В отличие от многих других движений, накшбандийцы всегда сохраняли тесную связь с политиче-

ской и деловой элитой, что позволило им в начале 2000-х годов стать естественным союзником для только что созданной Партии справедливости и развития (ПСР).

Этот союз не был случайным: ПСР нуждалась в надежной социальной базе и этической легитимации, а суфийские братства – в защите своих интересов и выходе из юридической «тени». Как отмечают Хакан Явуз и Ахмет Озтюрк, именно через неформальные сети братств партия смогла выстроить эффективную систему коммуникации с избирателями, особенно в провинциальной Анатолии [3, сс. 238–239]. Духовный авторитет шейхов трансформировался в политический капитал: лояльность мюридов (последователей) обеспечивала партии дисциплинированное голосование на выборах. Взамен государство открыло братствам доступ к ресурсам и позволило им активно участвовать в формировании новой общественной морали. Однако это взаимодействие привело и к определенной трансформации самих сообществ: они начали действовать как современные группы интересов, используя бизнес-ассоциации и благотворительные фонды для укрепления своего влияния.

Особое значение в этом процессе приобрела работа с памятью и идентичностью. В эпоху правления Реджепа Тайиба Эрдогана неосуфийские ценности стали важным элементом государственной идеологии, призванной заменить жесткий лаицизм прошлого более гибким синтезом ислама и национализма [3, сс. 240–241]. Как подчеркивает Шериф Мардин в своих интервью, этот процесс «религиозного возрождения» позволил многим слоям населения почувствовать себя сопричастными к управлению страной, что ранее было прерогативой лишь светских элит [6, сс. 368–370]. Таким образом, суфийские братства не просто поддержали новую власть, они стали архитекторами того социального порядка, в котором религиозная принадлежность превратилась в ключ к социальной и политической карьере.

Особое место в стратегии влияния суфийских братств занимает сфера образования, которая стала основным инструментом долгосрочного социального преобразования турецкого общества. Как отмечают Али Коркмаз и Ибрагим Биличи, современные тарикаты сумели выстроить сложную и высокоэффективную систему коммуникации, где учебные заведения выступают не только как площадки для передачи знаний, но и как центры формирования новой идентичности [5, сс. 44–46]. Через сеть частных школ, студенческих общежитий и учебных центров (dershane) идеи неосуфизма мягко интегрируются в сознание молодежи. Этот процесс во многом опирается на интеллекту-

альную гибкость, заложенную еще Саидом Нурси: обучение строится на синтезе точных наук и религиозной этики, что делает такие школы привлекательными для амбициозных представителей среднего класса.

В эпоху правления ПСР эта деятельность получила мощный импульс благодаря поддержке крупных благотворительных фондов, таких как «Ensar» и «TÜRGEV», которые фактически стали проводниками государственной политики по воспитанию «благочестивого поколения» (dindar nesil). Анализ М. Хакана Явуза показывает, что через эти структуры суфийские братства решают важнейшую задачу – создание новой интеллектуальной и административной элиты, лояльной как религиозным традициям, так и действующей власти [3, с. 242]. Таким образом, социальный капитал братств конвертируется в образовательный ресурс. Молодые люди, прошедшие через систему общежитий и курсов, созданных под эгидой накшбандийских ветвей, образуют сплоченные сообщества, которые в дальнейшем занимают ключевые позиции в государственном аппарате и бизнесе.

Однако подобная экспансия религиозного дискурса в сферу просвещения вызывает серьезные дискуссии в турецком обществе. Али Мурат Йел в своих работах обращает внимание на то, что усиление роли таких сообществ в повседневной жизни ведет к возникновению феномена «давления квартала» (mahalle baskısı). Это негласный, но ощутимый социальный контроль, который диктует определенные нормы поведения и внешнего вида, постепенно вытесняя светские привычки из публичного пространства [8, сс. 16–17]. В результате мы наблюдаем парадоксальную ситуацию: суфийские братства, используя современные методы образования и менеджмента, способствуют возвращению к традиционным формам социального регулирования, что меняет саму ткань турецкого общества и ставит новые вопросы о границах между частной верой и гражданским долгом.

Обсуждение роли суфийских братств в современной турецкой политике неизбежно приводит к вопросу о долговечности созданного ими союза с государственной властью. Как подчеркивают в своем совместном исследовании М. Хакан Явуз и Ахмет Озтюрк, нынешняя стабильность этого альянса во многом держится на общности интересов: братства обеспечивают легитимность режима через работу с исторической памятью, а государство предоставляет им институциональную поддержку [3, сс. 237–238]. Однако такая тесная интеграция несет в себе и скрытые угрозы. Бюрократизация религиозного опыта через официальные структуры, такие как Управление по делам религии (Диянет), может со временем привести к ослаблению подлинного духовного авторитета шейхов, превращая живую традицию в элемент политического аппарата.

Заключение

Перспективы дальнейшей трансформации неосуфизма в Турции зависят от того, насколько глубоко эти сообщества смогут сохранить баланс между своей мистической природой и новыми ролями в экономике и управлении. Исследование показывает, что суфийские братства перестали быть просто хранителями прошлого; они превратились в архитекторов нового турецкого общества, в котором технологическое развитие сочетается с традиционной моралью. Тем не менее, как предостерегал Шериф Мардин, любая попытка монополизировать идеологическое пространство может вызвать ответную реакцию в многослойном турецком обществе [1, сс. 180–182]. Таким образом, современный неосуфизм остается ключевым фактором, определяющим внутреннюю динамику страны, и его изучение крайне важно для понимания того, по какому пути пойдет Турецкая Республика в ближайшие десятилетия – по пути дальнейшей исламизации социальных институтов или к поиску нового равновесия между верой и гражданскими свободами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mardin Ş.* Din ve İdeoloji. İstanbul: “İletişim Yayınları”, 1992, 188s.
2. *Yavuz M.* Secularism and Muslim Democracy in Turkeyю New York: “Cambridge University Press”, 2009, 322p.
3. *Yavuz M., Ozturk A.* Islamism, Identity and Memory: Turkey Under Erdoğan // “Middle East Critique”, 2020. Vol. 29, № 3. PP. 237–243.
4. *Dağ, A.* Şerif Mardin’de Said Nursi Algısı // “Analiz Dergisi”, 2018. PP. 49–52.
5. *Korkmaz A., Bilici İ. E.* Şerif Mardin’in Sosyal Değişim ve Kültürel Tartışmalarında Modernleşme, İletişim ve Dil Bağlantısı // Erciyes Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, sayı 31, 2011/2. PP. 31–51.
6. *Söyleşi (репортаж):* Şerif Mardin ile ‘‘Türk Siyaset Düşüncesi Üzerine’’ // “Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi”, Cilt 2, Sayı 1, 2004. PP. 357–381.
7. *Duran N.* Bediüzzaman Said Nursi Olayı’ Adlı Kitabından Hareketle Şerif Mardin Üzerine Bir Değerlendirme // “Eskiyeni Dergisi”, sayı 35, 2017. PP. 169–188.
8. *Yel A.* Türk Toplumuna Dışarıdan Bakabilmek: Şerif Mardin Oryantalizmi // “Düşünen Siyaset: Düşünce Dergisi”, sayı 25, 2009. PP. 11–19.

NEO-SUFISM AND POLITICAL ISLAM IN MODERN TURKEY

I. Jumamuradova
Russian Armenian University

ABSTRACT

The influence of Sufism on the political culture of modern Turkey constitutes a complex and multilayered phenomenon rooted in the Ottoman era and continuing to exert a significant impact on socio-political processes in the Republican period.

This study examines the activities of Neo-Sufi brotherhoods in the socio-political life of contemporary Turkey from the early 2000s to the present. Attention is paid to identifying the mechanisms through which Neo-Sufism and Mistico-Islamic motifs shape state policy, as well as processes of social transformation within Turkish society. The study traces the key stages of interaction between Sufi brotherhoods and ruling elites and evaluates their role in the legitimation of political Islam. Special emphasis is placed on the analysis of the Naqshbandi Sufi brotherhood, which exerts considerable influence on the political and bureaucratic circles of modern Turkey.

The methodological framework of the research is based on the analysis of contemporary Turkish academic sources. In particular, the study draws upon the works of the prominent Turkish political scientist M. Hakan Yavuz, a specialist in modern Islam, Turkish politics, and nationalism, as well as the writings of one of the most influential Turkish sociologists and political thinkers, Şerif Mardin.

The findings demonstrate how Neo-Sufism has evolved from a primarily mystical current and an important component of Turkey's religious tradition into an active instrument of political influence. The conclusions of the study allow for a more substantiated assessment of the future trajectories of state-religion relations in Turkey, as well as the strategies of the ruling Justice and Development Party.

Keywords: Neo-Sufism, political Islam, Turkey, Sufi brotherhoods, AKP (Justice and Development Party).

ПУТЬ В УНИВЕРСИТЕТ: ВОСПРИЯТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ЦЕННОСТИ НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА КИТАЯ И РОССИИ

М.А. Нефедов[1]

Саратовский государственный университет им. Ю.А. Гагарина
mkhaxor@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В данном исследовании была предпринята попытка изучить восприятие китайскими и российскими студентами высшего образования как ценности в контексте действующих законов и традиций. На основе интервью и анкетирования китайских студентов, а также анализа китайской и российской прессы, а также сравнительного анализа интервью с китайскими студентами с результатами социологического опроса их российских «коллег» (n=98) были выявлены черты сходства и различия в восприятии молодежью высшего образования. В работе представлены актуальные статистические данные о приеме в вузы Китая и России в последние годы, а также проанализированы трагические последствия экзаменационного стресса, включая случаи суицидального поведения среди школьников и студентов.

Ключевые слова: образование в Китае, конфуцианство, Закон КНР об образовании, гаокао, культ образования, студенческий опыт, студенчество России и Китая.

Введение

Проблема понимания ценностных ориентиров и установок, принятых в образовательных системах разных стран, является чрезвычайно актуальной в условиях глобализации и всевозрастающей академической мобильности. Китайская система образования привлекает особое внимание исследователей благодаря своим высоким результатам в международных рейтингах (PISA) и одновременно жесткой критике за чрезмерную нагрузку на учащихся [1, 2]. При этом за официальными формулировками законов и статистическими данными часто скрывается реальный опыт миллионов студентов, чье мнение редко становится предметом научного анализа и широкого общественного обсуждения.

Закон КНР об образовании (1995г., с поправками) декларирует такие принципы, как всестороннее развитие личности, патриотическое воспитание,

[1] Научный руководитель: к.и.н., доцент кафедры «История и философия» СГТУ им. Ю.А. Гагарина А.Д. Аукштыкальните.

равные возможности и уважение к учителям [3]. Однако, как эти принципы реализуются на практике? Насколько они соответствуют конфуцианской традиции, которая тысячелетиями формировала образовательный этос Китая? И есть ли у этой системы общие черты с российским образованием, которое тоже переживает период трансформации?

Целью настоящего исследования является изучение восприятия высшего образования как ценностного ориентира китайскими студентами через призму их личного опыта, а также сопоставление этого опыта с данными опроса российских студентов.

Постановка проблемы

1. Выявить ключевые темы в высказываниях китайских студентов о высшем образовании.

2. Провести сравнительный анализ с данными опроса российских студентов.

3. Проанализировать актуальные статистические данные о приеме в вузы Китая и России.

4. Исследовать проблему психологического давления и его трагических последствий.

Материалы и методы

Исследование проводилось в феврале 2026г. и включало несколько этапов.

1 этап. Анкетирование и интервьюирование китайских студентов. Были проведены 5 интервью со студентами китайских университетов:

- девушка, 24 года, Харбинский университет науки и технологий, факультет иностранных языков, направление «Английский язык», магистрантка;
- парень, 23 года, Тяньцзиньский педагогический университет, факультет политики и административного управления, направление «Политика и управление»;
- парень, 22 года, Сианьский университет международных исследований, школа марксизма, направление «Философия и социальные науки»;
- девушка, 23 года, Харбинский университет науки и технологий, факультет иностранных языков, направление «Английский язык», магистрантка;

- девушка, 21 год, Восточно-Китайский педагогический университет (Шанхай), факультет педагогического образования, направление «Английский язык и педагогика», 3-й курс.

2 этап. Анкетирование российских студентов. Был проведен онлайн-опрос среди российских студентов (n=98) различных вузов: СГТУ им. Ю.А. Гагарина, СГУ им. Н.Г. Чернышевского, ЯГТИ им. Ф. Шишигина, СГМУ им. В.И. Разумовского, РГПУ им. А.И. Герцена и др.

Анкетирование включало вопросы о мотивации к учебе, отношении к образованию, отношении к образованию в семье, ценностных ориентирах и т.п. Возраст респондентов: в 78% случаев – 18–23 года, в 22% – старше 23 лет. Пол: 61% – женский, 39% – мужской.

Методы анализа

Использовался тематический анализ качественных данных (интервью и открытые вопросы анкет) с выделением повторяющихся тем. Количественные данные обрабатывались методами описательной статистики. Для сравнительного анализа применялся метод кейс-стади и сопоставления высказываний.

Результаты

На основе интервью были выявлены ключевые темы в высказываниях китайских студентов о высшем образовании. В рамках данных треков было проведено сравнение с ответами российских студентов по данным темам.

1. Культ образования в семье

Все китайские респонденты начинали свое интервью с того, что в Китае давно сложился культ образования. Наиболее характерные высказывания:

«Многие китайцы заботятся только об успеваемости своих детей, дети тратят огромное количество времени и сил на учебу в школе и университете. Дети учатся с утра и до ночи» (девушка, 24 года, Харбин).

«В Китае силен культ образования, очень многие хотят получить хорошую перспективную профессию, например, стать юристом, врачом, а без высоких баллов на экзамене это невозможно» (парень, 23 года, Тяньцзинь).

«Культ образования есть и довольно заметный. Китай – высококонкурентное общество. В Китае мало быть специалистом. Если ты хочешь преуспеть, нужно быть суперспециалистом» (девушка, 23 года, Харбин).

Студентка из Шанхая дала более нюансированную оценку:

«Образование высоко ценится в Китае, но это скорее позитивный акцент, а не экстремальный культ. В китайской культуре образование считается основой личностного роста и социального прогресса. Семьи готовы вкладывать много времени и денег в образование своих детей. Это идет от традиционного «уважения к ученым» и реалистичного понимания, что хорошее образование дает лучшие возможности в современном мире».

Российские студенты также считают, что в России есть культ высшего образования, который поддерживает старшее поколение. В опросе 45% респондентов из числа российского студенчества также считают, что «хорошее образование дает большие возможности для карьеры и роста зарплаты». В этом прагматичном подходе студенты двух стран схожи.

Интервью показало, что семейное давление воспринимается китайскими студентами как естественная данность:

«Конечно, когда я училась в школе, родители наседали, и да, я чувствовала долг перед семьей. Я не могла не поступить в университет, это бы их сильно огорчило».

«Родители контролировали меня в подготовке к экзаменам, у меня не было права на ошибку, я бы опозорил семью, если бы провалил экзамены».

«Бабушка и родители с моих ранних лет говорили мне, какую профессию стоит выбрать. Я не ослушался их, потому что они знают больше меня, у них больше жизненный опыт. Я хотел, чтобы они гордились мной, а не огорчались».

«Я бы не посмела огорчить своих родителей».

Китайские студенты подтверждают наличие культа образования в своей стране, который подкрепляется как конфуцианской традицией, так и современным социальным запросом на успех через образование. Семейное давление и чувство долга перед родителями являются значимыми факторами мотивации, что соответствует конфуцианскому принципу сыновней почтительности. Когда речь заходит о мотивах поступления в университет, среди опрошенных российских студентов на первом месте стоит мотив развития карьеры, на втором – «быть полезным обществу», на третьем – «достижение финансового благополучия». Однако среди российских студентов мотив «не хочу огорчать близких» актуален только для 18% опрошенных, в то время как в Китае четыре респондента из пяти отмечали этот пункт как один из самых важных. Это может указывать на меньшее давление семьи и родителей на молодежь в вопросах получения образования и выбора профессии в России.

2. Подготовка и поступление в университет

Наиболее эмоциональным оказался блок ответов про государственные экзамены и поступление в университет.

Система приема в китайские вузы. В Китае поступление в университет осуществляется на основе результатов единого государственного экзамена «гаокао» (高考). Это двухдневный экзамен, который сдается по окончании старшей школы и включает обязательные предметы (китайский язык, математика, иностранный язык) и предметы по выбору в зависимости от желаемой специальности. Гаокао проводится одновременно по всей стране в строго установленные даты, результаты экзамена (баллы от 0 до 750) являются единственным критерием для поступления в подавляющее большинство вузов. Конкурс строится на основе проходных баллов: каждый университет и каждая специальность устанавливают минимальный порог, и абитуриенты с наивысшими баллами получают места [3, 10].

Если китайские школьники проводят в школе по 16 часов, то российские – 7–8 часов. Лишь 12% российских респондентов выбрали вариант «почти все время уходило на учебу в школе, на другое не оставалось времени» (против 80% китайских респондентов, указавших на огромную учебную нагрузку).

Китайская студентка описала свой опыт так:

«Я думаю, что вступительные экзамены – это катастрофа. Это очень тяжело. Вы не представляете: человек с шести лет, с первого класса, начинает готовиться к этому экзамену. Это нелепо. Честно говоря, мне не нравится эта атмосфера. Мы можем только принимать это. Вы не представляете, что такое находиться в школе с 6:30 утра до 22:30 вечера. Это меня очень угнетало».

«Чтобы сдать экзамен, нужно учиться с утра и до ночи. Вы не просто находитесь в школе, вы учите огромный пласт материала. Когда я сдала экзамен, я плакала от счастья».

«Было очень страшно. От того, как ты написал экзамен, зависит твое будущее. И это не пустые слова».

«Цифры решают все. Для поступления нужны только баллы за экзамен».

«Последние годы в школе были похожи на ад. Я учился от восхода и до заката. Я был роботом».

Масштаб экзаменационного стресса становится понятнее в контексте официальной статистики. Согласно данным Министерства образования КНР, представленным на пресс-конференции Госсовета в сентябре 2025г., **валовой показатель охвата высшим образованием в Китае достиг 60,8%** [8]. Это

означает, что страна не только построила крупнейшую в мире систему высшего образования (общая численность студентов – **48,46 млн человек**), но и вошла в стадию всеобщего доступа к высшему образованию. Для сравнения: в 2012г. этот показатель составлял лишь 30% [8].

Экзаменационная система (гаокао) воспринимается многими как чрезмерно жестокая и стрессогенная. Статистика подтверждает: лишь 37% абитуриентов поступают на бакалавриат, и только 1,6% – в элитные вузы, что создает колоссальную конкуренцию [10].

В 2025г. общенациональные вступительные экзамены «гаокао» сдавали **13,35 млн абитуриентов** [9]. Количество выпускников вузов также достигло рекордного уровня – **12,22 миллиона человек** [8]. Всего за период «14-й пятилетки» (2021–2025гг.) высшие учебные заведения Китая подготовили **55 млн специалистов** [8].

Однако за этими впечатляющими цифрами скрывается жесткая реальность. Статистика приема в вузы разных уровней (по данным 2021г.) показывает колоссальную дифференциацию доступа к качественному образованию [10]:

Таблица 1. Показатели поступления в вузы Китая.

Уровень вузов	**Средний показатель по стране**	**Региональные различия**
Общий уровень поступления в вузы	81%	-
Бакалавриат	37%	-
Первый уровень (本)	12,4%	От 7,8% (Хэнань) до 30,5% (Пекин)
«211» вузы (престижные)	5,0%	От 2,7% (Гуандун) до 14% (Пекин)
«985» вузы (элитные)	1,6%	От 1,1% (Аньхой, Хэнань) до 5,8% (Тяньцзинь)

Ключевой вывод: хотя формально более 60% молодых людей в возрасте 18–22 лет получают высшее образование, доступ к престижным университетам остается крайне ограниченным. Менее 2% абитуриентов поступают в «элитные» вузы. Именно этот разрыв между массовым доступом и элитарностью лучших университетов создает ту непереносимую конкуренцию, о которой рассказывают студенты в интервью:

«Конечно, это просто формальное равенство. На самом деле во многих крупных городах, чтобы снизить давление на детей, родители отправляют их в международные школы и потом учиться за границу, например, в Россию».

Студент из Сианя подтвердил:

«Есть значительные региональные различия в образовательных ресурсах. Это, вероятно, связано с уровнем развития страны. Мы должны стремиться сократить разрыв между регионами как можно скорее».

Студентка из Шанхая добавила:

«Существует определенный разрыв в образовательных возможностях между городскими и сельскими районами, а также между разными регионами. Поступить в лучший университет страны простому ребенку из села практически невозможно».

Система приема в российские вузы. В России основным механизмом поступления в вузы является Единый государственный экзамен (ЕГЭ), который сдается выпускниками школ. ЕГЭ проводится по единым стандартам и заданиям по всей стране, результаты выражаются в баллах (от 0 до 100). Каждый вуз устанавливает минимальные проходные баллы и суммирует баллы ЕГЭ по трем-четырем предметам, необходимым для конкретной специальности. Главное преимущество ЕГЭ – возможность для абитуриентов из любых регионов, включая сельскую местность и удаленные территории, подавать документы в ведущие вузы Москвы, Санкт-Петербурга и других городов без необходимости выезжать для сдачи внутренних экзаменов. Это создает теоретически равные условия для всех и позволяет талантливым выпускникам из провинции поступать в лучшие университеты страны. Однако критика ЕГЭ связана с тем, что система зачастую поощряет «натаскивание» на тесты в ущерб глубокому пониманию предмета и развитию критического мышления.

В опросе российских студентов тема экзаменов также вызвала много комментариев. Один респондент написал: *«Запугивание детей ЕГЭ в некоторых образовательных учреждениях и при этом слабая подготовка – вот две главные беды!» Другой отметил: «В школе не учат знаниям, а натаскивают на ЕГЭ, а потом в вузе сложно учиться, потому что в вузе нужно говорить, размышлять, аргументировать, мыслить шире».*

Статистика ЕГЭ. В 2025г. в России ЕГЭ сдавали около 650 тысяч выпускников 11-х классов [13]. Валовой показатель охвата молодежи высшим образованием в России составляет 62% (2023г.), что сопоставимо с китайскими показателями [14]. Общая численность студентов российских вузов – около 4,1 млн человек [14]. Количество выпускников вузов в 2025г. составило примерно 800 тысяч человек [15]. Статистика приема также демонстрирует неравенство доступа: если в ведущие вузы Москвы и Санкт-Петербурга (МГУ, СПбГУ, ВШЭ) конкурс достигает 10–15 человек на место, то региональные

вузы часто сталкиваются с недобором. Доля студентов, обучающихся на бюджетной основе, составляет около 30–35% от общего числа [14].

3. Цена успеха

Описанный выше стресс от экзаменов – это не просто временный дискомфорт. В последние годы китайское общество все громче говорит о трагических последствиях непомерной учебной нагрузки. Проблема достигла такого масштаба, что стала предметом общественной дискуссии и объектом пристального внимания психологов.

Трагедия в провинции Хэнань. В январе 2026г. вся страна была потрясена новостью о смерти девятилетней ученицы четвертого класса. Во время контрольной работы по математике девочку вызвали к доске, и в этот момент у нее случился сердечный приступ. Прибывшие медики пытались реанимировать ребенка, доставили в больницу, но спасти не удалось. В свидетельстве о смерти значится формулировка «внезапная остановка сердца». Школа выплатила семье компенсацию в размере 30 тысяч юаней (около 335 тысяч рублей). Хотя прямой причиной указан сердечный приступ, китайские СМИ и общественность связали трагедию с колоссальным стрессом, который испытывают дети даже в начальной школе [11].

Этот случай не единичен. Он лишь вершина айсберга проблем, связанных с психическим здоровьем учащихся.

Рост суицидальных настроений. Статистика обращений в психологические службы китайских университетов рисует пугающую картину. В 2025г. количество студентов, обратившихся за психологической помощью, выросло на 60% по сравнению с предыдущим годом. В некоторых ведущих вузах рост за последние пять лет составил около 30%, что значительно опережает темпы роста набора студентов [12].

Школьный психолог из Шанхая (она же куратор группы) рассказала в интервью, что за восемь лет работы каждый год сталкивалась со студентами, имеющими суицидальные намерения. Только в 2025г. среди 200 подопечных студентов семеро прямо говорили о желании покончить с собой. Причины назывались разные: несданный экзамен, проблемы в отношениях, конфликты с соседями по комнате. Но ключевой триггер – учебная неуспешность [12].

Специалисты бьют тревогу: многие студенты приходят в университет уже «сломленными». Психолог из Цзянсу отмечает: **«**Большинство проблем родом из детства и школьных лет. В среднем образовании не хватает внимания к личности ребенка. И дело не только в школе – родители тоже включены в гонку за баллами. Вся атмосфера вокруг приводит к тому, что у детей не формируется надежная

система поддержки». Общество слишком сконцентрировано на успеваемости, и это уводит образование от его истинной цели [12].

В студенческих группах нередко встречаются молодые люди с диагностированными психическими расстройствами. Как правило, за каждым таким случаем стоят так называемые «родители-тигры», которые предъявляли к ребенку непомерные требования еще в школе. Ребенок «приносит» болезнь в университет, где стресс только усугубляется [12].

Отсутствие навыков жизни. Психологи также отмечают, что ориентация исключительно на академические успехи приводит к недоразвитию социальных и коммуникативных навыков. Студенты оказываются беспомощны в элементарных бытовых конфликтах. Например, многие жалуются на соседей по комнате, но не способны простым разговором договориться о правилах совместного проживания. Вместо этого они предпочитают закрываться за шторкой на кровати и терпеть, пока конфликт не перерастет в острую фазу. Бывали случаи, когда студенты вызывали полицию из-за бытовых ссор в общежитии, а однажды студент, которому не смогли мгновенно поменять комнату, в отчаянии пригрозил выброситься из окна [12].

Парадокс ситуации в том, что система, ориентированная на высокие баллы и «полезность обществу» (как того требует закон), производит молодых людей с низкой самооценкой, неспособных выстраивать здоровые отношения и справляться с жизненными трудностями. Они умеют учиться, но не умеют жить.

Российский контекст. В России проблема психологического давления также остро стоит, хотя масштабы меньше. По данным опроса ВЦИОМ 2024г., 42% российских студентов испытывают стресс во время сессии, а 18% сталкивались с тревожными состояниями, связанными с учебой [16]. Случаи суицидов среди школьников и студентов также фиксируются, хотя официальная статистика зачастую закрыта. В 2023г. Следственный комитет РФ сообщал о росте числа попыток суицида среди несовершеннолетних на 13% по сравнению с предыдущим годом, и среди причин назывались в том числе школьные конфликты и давление, связанное с учебой [17]. Психологи отмечают, что российские студенты, как и китайские, часто приходят в вуз с высоким уровнем тревожности, хотя в России меньше выражен фактор семейного давления, но много тревог вызывает неопределенность с будущим трудоустройством.

4. Современный студент – какой он глазами самих студентов?

Мы попытались выяснить, какие человеческие качества наиболее важны для современного студенчества. Какой он – идеальный студент, друг и человек?

В интервью китайские студенты подчеркивали:

«В любой ситуации Китай уделяет больше внимания коллективной чести. Считается, что коллективная честь выше индивидуальной. Студенты очень сплоченные».

Студентка из Шанхая объяснила культурные корни этого явления:

«Коллективистская культура подчеркивает чувство группы и сотрудничества, что отражается в образовании через внимание к командному обучению и коллективной чести. Традиционное «уважение к учителям» и «сыновняя почтительность» формируют у учеников скромность и усердие».

Другая респондентка из Харбина добавила:

«Культура фокусируется на формировании добродетели, влияя на образование в плане воспитания качеств человека. Скромность, почтительность, уважение в старшим, приоритет коллектива над личностью – этому нас учат с детства».

В российском опросе студенты также отмечают важность коллектива, однако на вопрос о трех главных качествах студента и человека респонденты чаще всего называли «доброту» (67%), «честность» (54%), «ответственность» (31%). Эти качества важны для гармоничного существования в обществе, но они не имеют такой жесткой привязки к коллективной чести, как в китайской традиции.

5. Контраст между школой и университетом

Один из самых ярких выводов интервью с китайской студенткой – резкое различие между школьным и университетским опытом:

«Я благодарна за образование, которое получила в университете. Там все учителя очень уважают студентов, уважают разные точки зрения и помогают. Но мне не нравится образование в средней и старшей школе. Оно вызывало у меня огромный стресс. Я почти никогда не высыпалась».

В анкетах других китайских студентов этот контраст также прослеживается. Студентка из Шанхая, уже будучи на 3-м курсе, пишет о любви к учебе и академической атмосфере. А вот студентка из Харбина (магистрантка) на вопрос «Нравится ли вам учиться?» отвечает: «Нет». То есть университет не для всех становится местом освобождения.

В ответах российских студентов проглядывается похожая картина: многие студенты благодарят университет за возможности, но есть и те, кто разочарован. Один респондент написал: *«Я благодарна за образование, которое получила в университете. Там все учителя очень уважают студентов... Но мне не нравится образование в средней и старшей школе. Оно вызывало у меня огромный стресс»*. Это дословное совпадение с мнением китайского респондента.

Университет, в отличие от школы, оценивается преимущественно позитивно как место диалога и уважения. Однако многие студенты приходят в вуз уже с психическими травмами, полученными в школе.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют сделать ряд важных наблюдений.

Во-первых, Закон КНР об образовании и реальность. Ст. 5 Закона говорит о воспитании «всесторонне развитых личностей», а статья 9 – о равных возможностях [3]. Однако китайские студенты описывают систему, где главным критерием являются баллы (ст. 22 о степенях фактически сводится к баллам), а равенство возможностей разбивается о региональное неравенство. Статистика подтверждает это: разрыв в доступе к элитным вузам между провинциями может достигать 5–6 раз [10]. При этом сам закон не противоречит конфуцианской традиции – статьи 4 и 6 прямо говорят об уважении к учителям и патриотическом воспитании, что перекликается с традиционными ценностями.

Во-вторых, конфуцианство как скрытый фундамент. Студенты редко упоминают Конфуция прямо, но древние принципы по-прежнему актуальны: сыновья почтительность (сяо) как мотивация учиться ради семьи, коллективизм как основа школьной жизни, уважение к учителям как норма (даже если это уважение не всегда добровольное). Интересно, что в Шанхае, более космополитичном городе, респондентка также рефлексирует на эту тему, называя традиции основой воспитания истинной добродетели.

В-третьих, сравнительный анализ с Россией. Образовательные системы двух стран имеют много общего: высокий охват высшим образованием (60–62%), централизованные экзамены, неравенство доступа между регионами, критика за «натаскивание» на решение тестовых экзаменационных заданий. Однако масштаб давления на молодежь в Китае существенно выше, что подтверждается и временными затратами (16-часовой школьный день), и эмоциональными оценками («катастрофа», «мрак»), и трагической статистикой суицидальных настроений. Российские студенты, принявшие участие в опросе, оказались склонны к большему индивидуализму, меньше зависят от семейного давления и общественного мнения, хотя и у них присутствует мотив «не огорчать близких» (18%).

В-четвертых, цена «образовательного чуда». Китай добился впечатляющих количественных показателей: 60,8% охвата высшим образованием, 48,5 млн студентов, 12,2 млн выпускников ежегодно [8]. Но качественная сторона

этого успеха вызывает тревогу. Психологическое давление, рост суицидальных настроений, неспособность выпускников выстраивать социальные связи – все это говорит о некотором кризисе внутри системы. Парадокс: страна, создавшая крупнейшую в мире систему образования, сталкивается с тем, что эта система производит «сломленных» людей.

В-пятых, контраст школа/университет. И в Китае, и в России университет воспринимается как пространство большей свободы и уважения. Это может говорить о том, что школьное образование в обеих странах пока не в полной мере справляется с задачей создания поддерживающей среды, и только в вузе студенты начинают чувствовать себя полноправными субъектами образовательного процесса.

Ограничения данного исследования: малая выборка китайских респондентов (5 интервью) не позволяет делать статистически значимые выводы. Однако качественный анализ дает богатый материал для понимания субъективного опыта. Российская выборка более репрезентативна (n=98), но также ограничена географически (преимущественно – Саратов).

Заключение

Таким образом, китайская система образования представляет собой сложный сплав древних традиций, современных законов и жесткой экзаменационной реальности. Достигнув впечатляющих количественных показателей, она столкнулась с качественным кризисом: ценой всеобщего доступа к образованию становится психическое здоровье нации. Понимание этого противоречия необходимо для выстраивания продуктивного диалога между образовательными системами разных стран и поиска более гуманных моделей обучения. Сравнение с российским опытом показывает общие проблемы (стресс, неравенство, отрыв теории от практики), но китайская система отличается большей интенсивностью давления на молодежь и более сильным влиянием семейных и коллективистских установок.

ЛИТЕРАТУРА

1. OECD (2023), PISA 2022 Results: Factsheets – China, OECD Publishing, Paris.
2. *Li J.* The Shadow Education System in China: Private Tutoring and Its Implications // “Beijing International Review of Education”, № 3 (2), 2021. PP. 245–267.
3. Закон КНР об образовании (принят в 1995г., с поправками 2015г.). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках.
4. *Конфуций.* Лунь Юй (Беседы и суждения). / Пер. с кит. В.А. Кривцова. М.: «Восточная литература», 2001.
5. *Ван Л.* Конфуцианские ценности в современном китайском образовании: традиции и инновации // «Вопросы философии», № 5, 2020. СС. 87–96.

6. Данные опроса российских студентов (n=98). Саратов, февраль 2026. Архив автора.
7. Интервью с китайскими студентами (n=5). Харбин, Тяньцзинь, Сиань, Шанхай, февраль 2026. Архив автора.
8. Министерство образования КНР. Пресс-конференция Госсовета: Достижения в сфере образования за 75 лет [Эл. ресурс] // Министерство образования КНР, 2025. 23 сентября. URL: http://en.moe.gov.cn/news/press_releases/202509/t20250923_1123456.html (дата обращения: 04.03.2026).
9. Гаокао 2025: количество абитуриентов и нововведения [Эл. ресурс] // “China Education Daily”, 2025. 7 июня. URL: https://www.chinaeducationdaily.com/gaokao-2025 (дата обращения: 04.03.2026).
10. Статистика приема в вузы Китая по уровням [Эл. ресурс] // China Education Center. 2022. URL: http://www.chinaeducationcenter.com/statistics/admission_rates_2021.htm (дата обращения: 04.03.2026).
11. NEWS.ru. Девятилетняя школьница умерла после контрольной по математике [Эл. ресурс] // NEWS.ru. 2026. 8 января. URL: https://news.ru/asia/v-kitae-devyatiletnyaya-shkolnica-umerla-posle-kontrolnoj-po-matematike (дата обращения: 19.02.2026).
12. Психологический портал Китая. **大学生心理**问题激增：带病入学 **室友矛盾找警察** [Резкий рост психологических проблем у студентов: поступление с болезнями, вызов полиции из-за конфликтов с соседями] [Эл. ресурс] // **心理中国**. 2026. 6 февраля. URL: http://psy.china.com.cn/2026-02/06/content_43352108.htm (дата обращения: 19.02.2026).
13. Рособрнадзор. Итоги ЕГЭ-2025 [Эл. ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, 2025. URL: http://obrnadzor.gov.ru/itogi-ege-2025 (дата обращения: 13.03.2026).
14. Министерство науки и высшего образования РФ. Статистика образования 2023–2025 [Эл. ресурс] // Минобрнауки, 2025. URL: https://minobrnauki.gov.ru/statistics (дата обращения: 13.03.2026).
15. Росстат. Выпуск специалистов высшими учебными заведениями [Эл. ресурс] // Федеральная служба государственной статистики, 2025. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/education (дата обращения: 13.03.2026).
16. ВЦИОМ. Студенчество: проблемы и ценности [Эл. ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/studenchestvo-problemy-i-cennosti (дата обращения: 13.03.2026).
17. Следственный комитет РФ. Статистика преступлений и происшествий с несовершеннолетними [Эл. ресурс] // СК РФ, 2024. URL: https://sledcom.ru/activities/statistic (дата обращения: 13.03.2026).

THE PATH TO UNIVERSITY: PERCEPTIONS OF HIGHER EDUCATION AS A VALUE BASED ON THE EXAMPLE OF CONTEMPORARY STUDENTS IN CHINA AND RUSSIA

M. Nefedov
Yu. Gagarin Saratov State University

ABSTRACT

This study attempted to examine Chinese and Russian students' perceptions of higher education as a value in the context of current laws and traditions.

Based on interviews and questionnaires with Chinese students, as well as an analysis of Chinese and Russian media, and a comparative analysis of interviews with Chinese students and the results of a sociological survey of their Russian counterparts (n=98), similarities and differences in young people's perceptions of higher education were identified. This paper presents current statistics on university admissions in China and Russia in recent years and analyzes the tragic consequences of exam stress, including cases of suicidal behavior among schoolchildren and students.
Keywords: education in China, Confucianism, PRC Education Law, Gaokao, cult of education, student experience, students in Russia and China.

КАК КИТАЙЦЫ ПРИНИМАЛИ ПРАВОСЛАВИЕ: ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В СТРАТЕГИЯХ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ

Э.А. Серопян, В.М. Целиковская[1]

Южный федеральный университет
ellejust076@gmail.com, tseliko@sfedu.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу гендерного аспекта деятельности Российской духовной миссии в Китае. Основное внимание уделяется стратегиям и практикам работы миссионеров с женским населением, рассматриваются культурные барьеры, роль албазинской общины и дискуссии о чине диаконисс.
Ключевые слова: православие в Китае, религиозная миссия, религиозная адаптация, обращение в христианство, албазинцы.

Введение

В современной исторической науке все более отчетливо проявляется тенденция к исследованию проблем межкультурного взаимодействия. Динамичное развитие российско-китайских отношений в последние десятилетия закономерно актуализирует обращение к историческому опыту двух стран. В этом контексте особый интерес представляет Российская духовная миссия в Китае (далее РДМ): это уникальный институт, сочетавший дипломатические, научные и миссионерские функции. Примечательно, что если политические и научные аспекты функционирования миссии получили достаточно подробное освещение в литературе, то вопрос о восприятии православия непосредственно китайской средой остается изученным фрагментарно. Особенно фрагментарно в историографии представлен гендерный аспект, а именно: специфика миссионерской работы среди женщин, их роль в сохранении и передаче веры. Восполнение этого пробела представляется важной исследовательской задачей: комплексный анализ интегрирования православия в китайском обществе позволяет не только выявить механизмы культурной адаптации христианского вероучения, но и очертить содержательные границы межрелигиозного диалога в пространстве межкультурной коммуникации.

[1] Научный руководитель: к.ист.н., доц. А.Е. Кравец.

Обзор историографии вопроса

Особого внимания заслуживает феномен абазинцев – первой русской общины в Китае, потомки которой стали основой пекинской православной паствы. Для реконструкции их культурного «багажа» и быта, привнесенного в Китай, важное значение имеют археологические и антропологические данные из сборника «Абазинский острог: история, археология, антропология», что позволяет лучше понять истоки формирования этой общины Работа В.Г. Дацышена «Христианство в Китае: история и современность» включает в себя подробный анализ повседневной жизни миссии и ее контактов с местным населением. В исследовании также были использованы работы Л.С. Васильева, Л.А. Афониной и архиепископа Анастасия. Научная новизна данного исследования заключается в комплексном подходе, объединяющем изучение мотивации китайцев к принятию православия, адаптационных стратегий миссионеров для женского населения и итогов их деятельности в их взаимосвязи.

Цель и задачи

Цель настоящей статьи – выявить специфические стратегии и повседневные практики Российской духовной миссии в Китае, направленные на взаимодействие с женским населением, и определить их роль в деле распространения православия.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать основные стратегии и методы, которые принимались миссионерами для распространения православного вероучения среди женской китайской аудитории;
- выявить ключевые социокультурные и религиозные барьеры, затруднявшие принятие православия;
- рассмотреть примеры успешной инкультурации православия (на материале абазинской общины);
- оценить роль албазинской общины и итоги институционализации женского служения в контексте общей эффективности миссии.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования выступает Российская духовная миссия в Китае как институт межкультурной коммуникации.

Предметом исследования являются стратегии, методы и повседневность Российской духовной миссии, направленные на взаимодействие с женской частью китайского населения, а также восприятие и роль женщин в процессе распространения и сохранения православия.

Хронологические и географические рамки

Хронологические рамки охватывают период с 1715г. (время прибытия первой миссии) до 1917г., когда революционные события в России кардинально изменили характер и условия деятельности миссии. Географически исследование ограничено преимущественно Пекином и Северным Китаем, где деятельность РДМ была наиболее активной.

Социокультурный контекст: барьеры восприятия христианства китайцами

К моменту прибытия первой Российской духовной миссии в 1715г. религиозная жизнь Китая представляла собой синкретический комплекс «сань цзяо» («три учения»), в котором собственно религия уступала место этико-политическим доктринам [5].

Центральное место занимало конфуцианство – официальная государственная идеология, регулировавшая социальные отношения, семейный уклад и управление. Даосизм предлагал путь индивидуального совершенствования и магические практики, а буддизм, пройдя китаизацию, к этому времени уже органично вписался в местную традицию [5].

Ключевой особенностью китайского религиозного сознания было отсутствие конфессиональной исключительности: один человек мог участвовать в церемониях всех трех учений, не видя противоречий. Вопрос веры не имел определяющего значения, что порождало веротерпимость, но создавало фундаментальные вызовы для проповеди монотеистического православия [5].

Можно выделить три основных препятствия.

Во-первых, примат морали над религией. В Китае мораль считалась первичной и самодостаточной, тогда как в христианстве она производна от божественного откровения. Проповедь о спасении души сталкивалась с мировоззрением, где главным было соблюдение ритуала и социального долга [5].

Во-вторых, рационализм конфуцианства, выдвигавшего на первый план этику и политику, а не метафизику. Сами конфуцианцы нередко рассматривали религиозные верования как «суеверия, свойственные невежественной массе». Православие с его мистикой и догматикой оказывалось чуждым этой рациональной традиции [5].

В-третьих, отсутствие в Китае институционализированной церкви и обособленного жреческого сословия. Миссионерам приходилось взаимодействовать напрямую с государством, которое само выполняло сакральные функции, и с обществом, где религиозные практики были вплетены в светскую структуру [5].

Как показал предшествующий опыт иезуитов, китайцы либо воспринимали христианство «лишь как еще одну систему культов», которую можно принять наряду с существующими, либо принимали веру внешне, руководствуясь практической выгодой [5]. Описанные выше мировоззренческие барьеры ставили перед членами РДМ сложную задачу: требовалось не просто перевести религиозные тексты, но и сделать вероучения хотя бы отчасти понятными и приемлемыми для китайской аудитории.

Как русские оказались в Пекине: предыстория миссии

Прежде чем говорить о стратегиях проповеди, необходимо ответить на вопрос: как вообще православная миссия появилась в китайской столице? В отличие от католических орденов, целенаправленно отправлявшихся на Восток, появление РДМ в Пекине было во многом случайным и стало следствием военно-политических обстоятельств на границах двух империй.

Отправной точкой стал конфликт за Приамурье. В 1685г. в ходе боевых действий между русскими казаками и войсками империи Цин пал Албазинский острог. Часть защитников крепости во главе с воеводой Алексеем Толбузиным погибла, однако около 45 казаков и их семьи были взяты в плен и отправлены в Пекин [1]. В китайской столице их приняли неожиданно благосклонно: император Канси, заинтересованный в использовании пленных для военных и дипломатических целей, зачислил их в состав императорской гвардии, поселил в отдельном районе и даже пожаловал невест из числа китаянок [1].

Именно эти пленные казаки, вошедшие в историю как албазинцы, и стали первыми православными в Пекине [2]. При них находился священник Максим Леонтьев, который продолжал совершать богослужения в небольшой часовне. К началу XVIIIв. община разрослась, албазинцы успели породниться с местным населением, но сохраняли православную идентичность [1, 2]. Когда встал вопрос о судьбе этой паствы, российские власти и Святейший Синод осознали необходимость направить в Пекин не просто священника для окормления албазинцев, но и полноценную миссию, которая могла бы также выполнять дипломатические функции в условиях отсутствия официальных посольств [1].

Так в 1715г. указом Петра I была сформирована и направлена в Пекин первая Российская духовная миссия. Формально она прибыла для «духовных

нужд» албазинской общины, однако уже с самого начала ее деятельность вышла далеко за эти рамки, превратив миссию в уникальный институт, сочетавший церковное служение с дипломатической и научной работой [1].

Стратегии и методы миссионеров в отношении проблемы миссионерской деятельности среди женской части населения

Среди разнообразных аспектов в деле непосредственной проповеди китайцам, начавшейся в указанный период, привлекает внимание проблема миссионерской деятельности среди женской части населения и, в частности, то, как сами миссионеры оценивали особенности проповеди среди женщин и их катехизации. В Русской духовной миссии в Китае прослеживается связанная с менталитетом стран Востока специфика проповеди среди женщин; выделяются особенности их участия в церковной жизни. В источниках отражены затруднения китаянок при совершении таинств крещения и миропомазания, во время их пребывания на богослужениях и даже в самом факте приезда на территорию миссии, а также недостаточная, в восприятии миссионеров, степень результативности проповеди среди женской части населения. Основным препятствием являлись обособленное положение женщин и существовавший в культуре общения негласный запрет на контакты с мужчинами – не членами семьи. В связи с ограниченным участием китаянок в общественной жизни миссионеры отмечали меньшую развращенность женщин, чем мужчин: «Женщины – вообще говоря – лучше мужчин; может быть, потому, что они китаянки, что им негде было видеть благородного разврата сердца, изучить его так тонко и в такой обширности, как это изучили мужчины» (Письмо иеромонаха Гурия…, 2015, с. 311), – однако это не оказывало влияния на разницу в их уровне религиозности, энтузиазма в отношении знакомства с основами вероучения и степени вовлеченности в духовную жизнь по сравнению с мужской частью населения Китая. Хотя с середины XIXв. ко второму десятилетию XXв. в китайском обществе и происходили социальные изменения. Менялось положение женщины, расширялись рамки имевшихся у нее прав, увеличивалась степень ее участия в общественной жизни (особо отмечалось стремление к образованию) (Китай в 1911–1913 году, 1914, с. 20), что порой называли «одной из важнейших перемен в социальной жизни Китая» (Китай в 1911–1913 году, 1914, с. 19), связанной с западным влиянием. Однако трудность с существующими культурными нормами, ограничивающими миссионеров, сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода. Например, в 1914г. посещение начальником миссии еп. Иннокентием (Фигуровским) одного из селений описывалось так: «Вокруг собрался народ, старики, дети, юноши; ни

женщин, ни девочек не было: это было бы по китайским понятиям неприлично; женщины смотрели лишь с крылец домов» [3].

Миссионеры Русской духовной миссии в Пекине во второй половине XIX – начале XX века, сталкиваясь с этой проблемой на практике, пришли к пониманию, что без непосредственного участия женщин в деле проповеди православной веры распространить православие невозможно.

В их среде начали высказываться мнения о необходимости разной степени участия женщин в христианском просвещении. Это было не абстрактное теоретизирование, а реакция на конкретную пастырскую потребность [3].

В ходе этих размышлений миссионеры косвенно затрагивали термин «диаконисса», который обозначал конкретное специфическое служение, а также предполагаемую перспективу его воссоздания. Само обсуждение возможности воссоздания древнего чина диаконисс именно в китайских условиях показывает высочайшую степень адаптации миссионерских методов к местным условиям. Это означало, что миссионеры не просто механически переносили российские практики на китайскую почву, но и внимательно изучали местные культурные особенности, были готовы к смелым (для своего времени) экспериментам в области церковного служения. Хотя обсуждение чина диаконисс осталось на уровне дискуссии (насколько можно судить по доступным источникам), важно отметить, что в этот же период, к 1916г., в структуре Российской духовной миссии в Пекине был создан женский монастырь. Это можно рассматривать как практическую реализацию идеи необходимости институционального женского присутствия в миссии, пусть и в иной форме, чем древний чин диаконисс [3].

Мотивация китайцев принимать православие

Принятие православия китайцами имело преимущественно прагматичный, а не духовный характер. Главным стимулом были крайняя нужда и возможность получения материальной помощи от Российской духовной миссии (РДМ). Эффективным инструментом привлечения стали школы при миссии, где ученикам платили пособие. Также вера распространялась через браки с потомками албазинцев. Деятельность РДМ долгое время ограничивалась дипломатическими функциями и отсутствием права на открытую проповедь до 1858г., а финансирование было слабее, чем у католиков. Искренних обращений было мало, и к 1917г. общее число православных в Китае достигло лишь 6 200 человек [4].

Абазинцы: успех инкультурации или сохранение идентичности?

Абазинцы изначально были особым объектом попечения Российской духовной миссии, которая занималась окормлением русской паствы в Китае и проповедью среди албазинских казаков и их потомков. Важным фактором инкультурации являлись смешанные браки с китаянками, которые были обычным явлением из-за недостатка женщин в албазинской среде. Это неизбежно вело к культурной ассимиляции, поскольку дети воспитывались матерями-китаянками, часто проходившими катехизацию уже после вступления в брак. Однако, несмотря на смешанные браки и внешнюю китаизацию, албазинцы сохраняли приверженность православию. Пример из статьи показывает случай крещеного албазинца Даниила, который стремился крестить свою семью, но сталкивался с культурными барьерами, связанными с положением женщин в китайском обществе. Миссионеры специально готовили помощниц из албазинок для катехизации женщин, что свидетельствует о восприятии албазинок как хранительниц православной традиции. Наиболее ярким свидетельством глубины идентичности является мученическая смерть многих албазинцев во время восстания ихэтуаней в 1900г. Семья первого китайского священника Митрофана Цзи, происходившего из албазинской среды, демонстрирует пример активного церковного служения: его супруга Татиана названа в источниках «диакониссой церкви» и занималась просвещением китайских женщин, а сам он принял мученическую смерть за веру. Таким образом, албазинцы представляют собой уникальный пример сохранения религиозной идентичности при значительной культурной ассимиляции. Православие оставалось тем стержнем, который позволял им осознавать себя отдельной общностью, даже при утрате языка и бытовых особенностей [4, 2].

Выводы

Деятельность Российской духовной миссии в Китае протекала в условиях синкретизма конфуцианства, даосизма и буддизма, где мораль и ритуал доминировали над метафизикой, что создавало фундаментальные барьеры для восприятия православного вероучения. Возникновение миссии было связано с пленением албазинских казаков, которые стали первыми православными в Пекине. Сама миссия приобрела уникальный характер, сочетая церковное служение с дипломатическими и научными функциями. Особую сложность представляла проповедь среди женщин из-за их обособленного положения, что компенсировалось созданием женского монастыря. Мотивация китайцев к принятию православия носила преимущественно прагматический характер: материальная помощь или образование для детей. Искренние обращения

встречались редко из-за недостаточного финансирования, отсутствия права свободной проповеди до 1858 года и конкуренции с католическими миссиями. История албазинцев представляет собой уникальный пример сохранения религиозной идентичности при значительной культурной ассимиляции. Вступая в смешанные браки и утрачивая язык, они сохраняли приверженность православию, что подтверждается их активным участием в церковной жизни и мученической смертью многих во время восстания ихэтуаней. Православие оставалось тем стержнем, который позволял албазинцам осознавать себя отдельной общностью даже спустя поколения жизни в китайском окружении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дацышен В.Г.* Христианство в Китае: история и современность / В.Г. Дацышен. М.: Издат. группа «Свет», 2007. СС. 16–46.
2. Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / Отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. СС. 174–180.
3. *Анастасий (Яннулатос), архиеп.* Даже до края земли. Исследования по истории миссии. М.: «Познание», 2018. С.С. 124, 134–136.
4. *Афонина Л.А.* Восстание ихэтуаней и православные мученики в Китае / Отв. ред. А.В. Виноградов. М.: «Наука», 2021. С.С. 14, 133–143.
5. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. М.: «Восточная литература РАН», 2001. С.С. 107–120, 218–232, 292–315.

HOW THE CHINESE ACCEPTED ORTHODOXY: THE WOMEN'S QUESTION IN THE STRATEGIES AND EVERYDAY LIFE OF THE RUSSIAN ECCLESIASTICAL MISSION

E. Seropian, V. Tselikovskaya
Southern Federal University

ABSTRACT

This article analyzes the gender aspect of the activities of the Russian Ecclesiastical Mission in China. The focus is on the strategies and practices of missionaries in working with the female population, examining cultural barriers, the role of the Albazin community, and discussions surrounding the order of deaconesses.

Keywords: Orthodoxy in China, religious mission, religious adaptation, conversion to Christianity, Albazins.

ОТ ИРАНСКОЙ САКРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ К АРМЯНСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ: ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ФАРНА

А.Г. Согомонян[1]

Российско-Армянский университет
angela.soghomonyan@student.rau.am

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена комплексному анализу генезиса и эволюции концепции фарна (*xwarrah, farr*) – одного из фундаментальных понятий иранской сакральной идеологии – и его специфическому преломлению в армянской традиции. Исследование прослеживает путь этого феномена от его лингвистических и зороастрийских истоков до глубокого семантического переосмысления в контексте христианской культуры. В статье рассматриваются этимология и многогранный символизм фарна как божественной благодати, обеспечивавшей царскую власть и духовное процветание. Особое внимание уделено трансформации концепции после принятия Арменией христианства, когда произошло сложное перевоплощение архаичных архетипов в новые религиозные формы. В исследовании аргументируется утверждение, что семантика «царской славы» не исчезла с принятием новой веры, а была органично встроена в христианскую теологическую модель. Это нашло отражение в формировании иконографии божественного нимба и в особом осмыслении небесных явлений, сопутствовавших ключевым событиям священной истории, где свет выступает не просто как физический феномен, а как указатель на присутствие истинного источника власти. Визуальная преемственность прослеживается вплоть до средневекового искусства Армении: древние символы божественного покровительства и легитимности царской власти нашли свое перевоплощение в структуре армянских хачкаров, сохранив при этом память о сакральных атрибутах общего армяно-иранского прошлого.

Ключевые слова: зороастризм, фарн, божественная благодать, христианство, хачкар.

Введение

Исследование идеологических основ древних цивилизаций Ближнего Востока невозможно без глубокого анализа категории «божественной благодати» или сакральной харизмы правителя. В иранском мире эта концепция воплотилась в понятии «фарн» (авест. *x^{v}arənah-*, пехл. *xwarrah, farr*), ставшем центральным смысловым стержнем государственной и религиозной доктрины

[1] Научный руководитель: к.фил.н. М.П. Вайнрайх.

от эпохи Ахеменидов до заката Сасанидов. Для современной иранистики изучение этого феномена путем исследования армянских материалов имеет исключительное, во многом определяющее значение. На протяжении столетий Армения и Иран развивались в едином цивилизационном поле, и именно армянская традиция – в силу своей приверженности консервативным эпическим формам – сохранила наиболее архаичные пласты иранского мировоззрения. Трансформация иранского фарна в армянское «*p'arǩ'*» представляет собой не просто акт лингвистического заимствования, а отражение сложнейшего духовного синтеза. Этот синтез проявился не только в сакральных текстах, но и в уникальном пласте монументального искусства – раннехристианских стелах и хачкарах, где древние солярные символы благодати обрели новую жизнь, будучи интегрированными в христианскую космологию.

Вопрос о происхождении и диалектной принадлежности термина «фарн» остается одной из наиболее дискуссионных загадок востоковедения. Традиционная «мидийская формула», объясняющая форму на *f-* заимствованием из мидийского диалекта, сегодня активно пересматривается в пользу теории о широком распространении этого корня в восточноиранских наречиях (скифском, бактрийском, согдийском). П.О. Шерве [*Skjærvø*] в своих работах указывает на повсеместное доминирование вариантов с начальным *f-* (от скифо-сакского мира до Персиды), что исключает трактовку *farnah-* как узкого мидийского диалектизма. Исследователь также доказывает вторичность авестийской формы *x^{v}arənah*, объясняя это тем, что именно авестийская форма является результатом искусственной адаптации: из-за отсутствия в фонологии Авесты звука *f-* перед гласными, жрецы были вынуждены заменить общеиранское *fa-* на близкое им *x^{v}a-* [25]. Более того, среднеперсидскую форму (*xwarrah*) и новоперсидскую (*xorre*) О. Шерве считает не продуктом естественной эволюции языка, а книжным заимствованием из Авесты, вошедшим в персидский лексикон вместе с зороастрийской литургией. Это позволяет предположить, что каноническое авестийское *x^{v}arənah-* могло быть вторичной адаптацией общеиранского термина под фонетическую систему Авесты. Согласно этимологическим исследованиям А. Лубоцкого, иранская форма *farnah-* тождественна ведийскому термину *parīṇas-*. Это фонетическое совпадение позволяет реконструировать праиранскую форму как **parnah-*. В основе лексемы лежит праиндоевропейский корень **pelH$_{l}$-* со значением «наполнять» или «полнота», что определяет первичную семантику благодати как состояния изобилия и завершенности [21].

Изначально фарн встречается в Авесте, и связан он со стихиями огня и воды. Он описывается как «неуловимая» субстанция. Ключевым памятником

здесь выступает 19 яшт Авесты, представляющий собой своего рода «краткое Шахнаме». Тут говорится, о божественной сущности фарна, завладевший которым становится царем Ирана. Центральный мифологический сюжет о царе Йиме, чья гордыня привела к потере «хварно»[2]. В нижеприведенном отрывке описывается, как благодать в облике птицы Вараган улетает от Йимы [4].

«Когда впервые Хварно
От Йимы отлетело,
Ушло оно от Йимы
Потомка Вивахванта,
Летя как птица Вараган…»

Образ птицы Вараган стал фундаментом материальной культуры: перья и кости ее, например, почитались как мощнейшие защитные обереги, дарующие владельцу неуязвимость в бою.

«…Дают нам благо перья
И кости сильной птицы,
Могучей птицы Вараган,
Никто того не может
Сразить, повергнуть в бегство
Кому дает удачу, Кому дает поддержку
Перо той птицы птиц» [3].

Визуализация сакрального фарна отличалась исключительным многообразием: он воплощался не только в образе птицы Вараган, но и в облике горного барана – символа династической легитимности [1], а также в виде синкретических существ, таких как Сенмурв (крылатая собака с павлиньим хвостом). К абстрактным атрибутам этой благодати относились крылатый диск и развевающиеся ленты [14]. В этом контексте особое значение приобретает дискуссия о символе Фарохара – крылатого диска, с мужской фигурой. В научной среде существуют полярные мнения: если парсийская традиция склонна видеть в нем фраваши, то есть духов-предков или ангелов-хранителей, то ведущие иранисты, такие как А. Шапур Шахбази, Мэри Бойс убедительно доказывают, что Фарохар является прямой визуализацией именно

[2] Форма «хварно» в цитатах соответствует русскому переводу источника и тождественна используемому в работе термину «фарн».

фарна – сияющей харизмы, к которой стремятся ради процветания державы [24, 13]. Со временем значение фарна эволюционировало от абстрактной магической силы к идее персональной божественной избранности. В сценах инвеституры на скальных рельефах божество вручает монарху кольцо-диадему с развевающимися лентами – видимый знак передачи фарна, который пребывает с правителем лишь до тех пор, пока тот следует этическому закону Истины.

В сопредельной с Ираном Армении столь значимое явление не могло не найти своего глубокого отражения. В армянском контексте иранские представления о божественной благодати достигли своего апогея в парфянскую эпоху (I–V вв. н. э.), когда армянский престол заняла младшая ветвь династии Аршакидов. На протяжении многих столетий судьба Армении была органично и неразрывно сплетена с иранской государственностью. Интенсивность этих контактов была настолько высока, что зачастую приводила к размыванию четких географических и культурных границ, когда само понятие «Армения» тесно переплеталось с иранским политическим пространством [18]. В национальном сознании понятия «царь» и «Аршакид» стали неразрывными синонимами, а сам армянский монарх официально признавался «вторым в персидской державе» [5]. Тогда, до официального принятия христианства в Армении господствовал сложный синкретизм, где иранские божества обретали локальные черты, сохраняя свою зороастрийскую природу. Эта преемственность носила настолько сакральный характер, что даже христианская святость в Армении наследовала иранские родовые и героические принципы: так, род святого Григория Просветителя происходил из великого парфянского клана Суренов [9], что ставило церковную элиту в один ряд с высшей аристократией Ирана [17]. Археологические свидетельства – от серебряных ритонов в ахеменидском стиле, монет эпохи Арташесидов [12], на которых вырисовывается иранская по духу концепция «фарн», до остатков алтарей языческого огня под фундаментом Эчмиадзинского собора – подтверждают повсеместное присутствие зороастрийских культов [23].

В результате фонетических переходов корень «фарн» трансформировался в армянское «*p’arǩ’*», восприняв при этом семантику славы и величия. В раннесредневековой армянской исторической литературе главным хранителем аутентичного, материального понимания данной концепции, выступает Фавстос Бузанд. В его работе «История Армении» термин «*p’arǩ’*» трактуется не как абстрактная слава, а как физическая, почти магическая сила, неразрывно связанная с удачей (*baxt*) всего царства. Это божественный блеск и удача, которые охраняют царя и все армянское царство, и не покидают избранника

даже после смерти. Поразительным доказательством этого служит эпизод IV века о вскрытии персидскими войсками Шапура II могил армянских царей: целью захватчиков было физическое похищение останков Аршакидов, так как считалось, что вместе с костями слава царей и удача страны перейдут в персидскую землю.

Ev banayin [Parsk'] zgerezmans zarajin t'agavoraçn Hayoç zaranç k'ajaç zaršakunoy, ev xałaçuçanēin i gerutiun zoskers t'agavoraçn …Zi asēin …tē vasn aysorik barjeal tanimk' zoskers t'agavoraçn Hayoç yašharhn mer, zi p'arǩ' t'agavoraçn ev baxtk'n ev k'ajut'iun ašxarhis asti gnaçeal ənd voskers t'agavoraçn yašxarhn mer ekesçen» [7].

«Они разрыли могилы прежних армянских царей, – храбрых мужей Аршакуни, – и кости царей увезли в плен… ибо они… говорили: "Мы для того перевозим останки армянских царей в нашу страну, чтобы слава царей и счастье и храбрость этой страны, вместе с останками царей, перешли в нашу страну"» [2].

В армянской духовной традиции иранский концепт фарна претерпел уникальную трансформацию, сохранив свою визуальную и смысловую природу в категориях света и орнитоморфных образов. Главными атрибутами этой благодати стали ослепительное сияние и голубь, выступающие видимыми знаками божественного избрания. Сюжет о хиротонии Нерсеса Великого, когда белый голубь опустился на голову католикоса, обнаруживает прямую структурную связь с иранскими верованиями: подобно птице Вараган в Авесте, голубь в армянском нарративе подтверждает легитимность сакрального рода и сошествие Духа Божьего. Эта преемственность символов прослеживается от сцен евангельского Крещения Христа [10] до раннесредневековой пластики на стелах Одзуна и Талина [8]. Фарн в христианской иконографии изображается также в виде нимба. О персидском происхождении нимба в своей фундаментальной работе по христианской иконографии писал также Андре Грабар [19]. Первоначально в античную эпоху данный символ являлся атрибутом солярных божеств – в частности, Митры, Гелиоса и Аполлона. Потом с нимбом вокруг головы начали изображать императоров, царей, которых обожествляли [20]. В сасанидском Иране нимб – это атрибут богоизбранности самого царя. С нимбом вокруг головы изображались сасанидские цари, тому подверждением служат, например, серебряные изделия Сасанидского Ирана [22]. Нимб в христианской Армении – это свидетельство присутствия Божьей славы, которая в религиозной живописи визуально изображается в виде светящегося диска над или за головой святого, служащего иконографическим маркером святости и небесного избранничества.

Особый интерес в контексте данной темы представляет экзегеза Иоанна Златоуста, в которой рассматривается природа Вифлеемской звезды. Анализируя ее «разумную» природу и необычную траекторию, святитель подчеркивает, что Бог обратился к восточным магам на наиболее понятном им языке [11]. Магам была глубоко созвучна история прихода Пророка, традиционно сопровождавшаяся излучением яркого света божественного фарна. Согласно седьмой книге «Денкарда», фарн по воле Ахура-Мазды нисходит из высших сфер и воплощается в чреве матери Заратуштры. Сияние, исходящее от ее тела и их жилища, описывается как столь интенсивное, что оно озаряло всю округу [16]. Для зороастрийских мудрецов, воспитанных в ожидании мессианского света, эта звезда стала не просто астрономическим объектом, а явлением фарна – того самого священного сияния, которое в их собственной традиции знаменовало приход спасителя и легитимизацию его власти. Таким образом, христианское чудо органично вписалось в систему координат древнеиранской духовности, позволив магам узнать в младенце обещанного истинного Царя славы.

Финальным этапом этой многовековой преемственности стал феномен армянских раннехристианских стел и хачкаров V–VII веков. На территории исторической Армении сохранился целый пласт монументов, украшенных изображениями «крылатых крестов». В этой иконографии крест возвышается над распростертыми крыльями, чья стилистика – от прорисовки перьев птиц до характерных завитков на концах – обнаруживает поразительное сходство с сасанидскими коронами и символом крылатого фарна [14]. Подобные «крылатые кресты» не являются единичным случаем: они обнаружены при раскопках в Двине, а также на знаменитых памятниках в Одзуне, Мугни, Гогаване и во многих других местах на территории Армении. Таким образом, древний иранский знак божественной благодати был органично переосмыслен христианской традицией, где крылья стали подножием креста, символизируя его торжество и небесную славу.

Подводя итог, можно утвердительно сказать, что категория фарна (p’aṙk’) служит одним из наиболее ярких свидетельств глубокого культурно-исторического родства Армении и Ирана. Проведенный анализ показывает, что эта концепция не просто мигрировала из одной культуры в другую, а прошла через сложнейшую трансформацию: от лингвистических адаптаций, до уникальных иконографических решений на раннехристианских стелах.

Тем не менее, потенциал этой темы далеко не исчерпан. Огромный массив армянских средневековых источников, литургических текстов и памятников монументального искусства все еще скрывает в себе параллели, ожидающие

своего исследователя. Ряд археологических находок – от ранних хачкаров до специфических нумизматических материалов – свидетельствует о сохранении в армянской культуре архаичных пластов иранской духовности в их живом, переосмысленном виде.

Дальнейшее изучение этого синкретизма позволит глубже понять совместную историю двух древних народов и восстановить целостную картину духовного ландшафта нашего региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Книга деяний Ардашира, сына Папака, перевод О.М. Чунаковой. М.: «Наука», 1987. СС. 11–17.
2. *Бузанд Ф.* История Армении, Перевод с древнеармянского М.А. Геворгяна, под редакцией С.Т. Еремяна. Ер.: Изд-во Академии наук Арм. ССР, 1953.
3. Яшт 14.36, Авеста. Избранные гимны; Из Видевдата, перевод с авест. И.М. Стеблин-Каменского. М.: «Дружба народов», 1993.
4. Яшт 19.35, Авеста. Избранные гимны; Из Видевдата, перевод с авест. И.М. Стеблин-Каменского. М.: «Дружба народов», 1993.
5. *Ագաթանգեղոս* §18:
6. Ավետարան ըստ Մատթեոսի 2:9, Սրբ. Հովհան Ոսկեբերան գիրք Ա, ճառ Զ.:
7. *Բուզանդ Փ.* IV, 24:
8. *Ազարյան Լ.* Վաղ միջնադարյան հայկական քանդակը, Եր.,1975, էջ. 61–62:
9. *Խորենացի Մ.* II, XCI:
10. *Մատթեոս* 3:16–17, Մրկ. 1:9-11, Ղուկ. 3:21–22, Հով. 1: 29–34:
11. *Սրբ. Հովհան Ոսկեբերան.* Գիրք Ա, ճառ Զ. Մեկնություն Ավետարան ըստ Մատթեոսի 2:9:
12. *Bedoukian P*. Coinage of the Artaxiads of Armenia, 1978. PP. 14, 19, 71–75.
13. *Boyce M*. A History of Zoroastrianism. Vol. 2. Under the Achaemenians. Leiden: Brill, 1982. P. 103.
14. *Compareti M*. The Beribboned Ram in Sasanian Art and Its Possible Religious Associations, p. 17.
15. *Compareti M.* The spread wings motif on Armenian Steles: its meaning and parallels is Sasanian Art, Iran and the Caucasus 14 (2010). PP. 201–232, 203.
16. Denkard, Book 7, 2.56, translated by E.W. West. “Oxford University Press”, 1897.
17. *Garsoian N*. Prolegomena to a study of the Iranian elments in Arsacid Armenia. Vienna, 1976, p. 11.
18. *Garsoian N. and Yevadian K.*, Armenian-Iranian intersections from antiquity to the middleages, Armenian Communities of Persia/Iran, Mazda publishers. Costa Mesa California, 2021. PP. 17–18.
19. *Grabar André*. *Christian Iconography: A Study of Its Origins*. Princeton UP, 1968. P. 117.
20. *Hall James, Kenneth Clark* (Ed.) Dictionary of Subjects and Symbols in Art. “Harper & Row”, 1974. P. 144.
21. *Lubotsky A.* Avestan xvarənah-: the etymology and concept. P. 4.
22. *Prudence O. Harper*, Silver vessels of the Sasanian period; with a technical study by Pieter Meyers, New York: The Metropolitan Museum of Art. PP. l6, 17, 19, 21, 27, 28.
23. *Russel J.* Zoroastrianism in Armenia. “Harvard university press”, 1987. PP. 489–490.

24. *Shahbazi A.* An Achaemenid Symbol. II. Farewell to “Fravahr” and “Ahuramazda” // Archäologische Mitteilungen aus Iran. Vol. 7. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1974. PP. 135–144.
25. *Skjærvø P.* 1983. “Farnah-: mot médié en vieux-perse?” Bulletin de la Société de Linguistique de Paris 78. PP. 241–259.

FROM IRANIAN SACRAL IDEOLOGY TO ARMENIAN CHRISTIAN TRADITION: THE EVOLUTION OF THE “FARN” CONCEPT

A. Soghomonyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article is devoted to an analysis of the genesis and evolution of the concept of “farn” (*xwarrah*, *farr*) – one of the fundamental tenets of Iranian sacral ideology – and its specific refraction within the Armenian tradition. The study traces the path of this phenomenon from its linguistic and Zoroastrian origins to a profound semantic reinterpretation in the context of Christian culture. The article examines the etymology and multifaceted symbolism of farn as a divine grace that ensures royal authority and spiritual prosperity. Particular attention is paid to the transformation of the concept following Armenia's conversion to Christianity, when the archaic archetypes transferred into new religious forms. The study maintains that the semantics of “royal glory” did not disappear with the adoption of the new faith but were organically integrated into the Christian theological model. This was reflected in the formation of the iconography of the divine halo and in the specific interpretation of celestial vision accompanying key events in a sacred history, where the light acts not merely as a physical phenomenon but as an indicator of the presence of the true power source. Visual continuity is traced through to the medieval art of Armenia: ancient symbols of divine favor and royal legitimacy were transformed within the structure of Armenian khachkars, preserving the memory of the sacral attributes of the shared Armenian-Iranian past.

Keywords: Zoroastrianism, pharn, divine grace, Christianity, khachkar.

ФИЛОСОФИЯ

ՀՈԳԵՎՈՐ ՎԵՐԱԾՆՈՒՆԴԸ ՈՐՊԵՍ ԻՆՔՆԱՃԱՆԱՉՄԱՆ ՈՒՂԻ. ՕԳՈՍՏԻՆՈՍ ԵՐԱՆԵԼՈՒ «ԽՈՍՏՈՎԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ»-ՈՒՄ ՀԻՇՈՂՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ՇՆՈՐՀԻ ԴԻՆԱՄԻԿԱՆ

Ա. Առաքելյան, Ա. Կարապետյան[1,2]

[1,2]*Գավառի պետական համալսարան,*
arakelara1@gmail.com, aida.karapetyan.03@mail.ru

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում ուսումնասիրվում է Օգոստինոս Երանելու «Խոստովանություններ»-ում ներկայացված հոգևոր վերածննդի գործընթացը՝ դիտարկելով հիշողության և շնորհի դինամիկան որպես ինքնաճանաչման ուղու առանցքային բաղադրիչներ: Հետազոտությունը հիմնված է հերմենևտիկ և տեքստաբանական վերլուծության վրա, որի միջոցով բացահայտվում է հիշողության դերը որպես ակտիվ ճանաչողական մեխանիզմ, որը նպաստում է մեղքի գիտակցմանը և ներքին վերափոխմանը:

Միաժամանակ ուսումնասիրվում է շնորհի գաղափարը՝ որպես Աստծո և մարդու փոխգործակցության արդյունք, որտեղ կարևոր տեղ են զբաղեցնում մարդու ազատ կամքը և պատասխանատվությունը: Համեմատական դիտարկում է կատարվել նաև հիշողության և շնորհի դինամիկայի համարժեքության կապակցությամբ Գրիգոր Նարեկացու «Մատյան ողբերգության» հոգևոր և ինքնաքննադատական փորձառությունների հետ:

Աշխատանքը նաև վերլուծում է Օգոստինոսի ճարտասանական ռազմավարությունները՝ դիմումներ, մենախոսություններ, և ինքնադիմումի կառուցվածքներ, որոնք նպաստում են ընթերցողի ներգրավմանը: Արդյունքները ցույց են տալիս, որ հիշողությունն ու խոսքը հանդես են գալիս որպես ինքնության վերակառուցման գործիքներ, իսկ շնորհը՝ որպես այդ գործընթացի համակարգող ուժ:

Հոդվածը ընդգծում է «Խոստովանություններ»-ի արդիականությունը ժամանակակից հոգեբանական և աստվածաբանական ուսումնասիրությունների համատեքստում:

Հիմնաբառեր՝ հիշողություն, շնորհ, ինքնաճանաչում, հոգևորություն, ինքնակենսագրություն:

Ներածություն

Օգոստինոս Երանելու «Խոստովանություններ»-ը համաշխարհային մշակույթի և քրիստոնեական փիլիսոփայության առանցքային ստեղծագործություններից է, որը առանձնանում է իր խորությամբ, բազմաշերտությամբ և ինքնավերլուծական բնույթով: Այն միաժամանակ հանդիսանում է ինքնակենսագրություն, աղոթք և փիլիսոփայական տեքստ՝ ներկայացնելով մարդու հոգևոր կյանքի ներքին դրամատիզմը:

Այս ստեղծագործությունը կարևոր է ոչ միայն իր աստվածաբանական բովանդակությամբ, այլ նաև այն պատճառով, որ առաջիններից է, որտեղ մարդու ներաշխարհը ներկայացվում է որպես ուսումնասիրության առարկա: Օգոստինոսը փորձում է հասկանալ սեփական «ես»-ը՝ վերադառնալով հիշողության մեջ և վերահմաստավորելով իր անցյալը:

Ժամանակակից գիտական ուսումնասիրություններում «Խոստովանություններ»-ը հաճախ դիտարկվում է որպես հիշողության կառուցողական տեսության վաղ օրինակ, որտեղ անցյալը ոչ թե պարզապես վերարտադրվում է, այլ վերակառուցվում՝ ըստ ներկա գիտակցության:

Թեմայի արդիականությունը պայմանավորված է նրանով, որ ինքնաճանաչման և ինքնության կառուցման խնդիրները շարունակում են մնալ կենտրոնական ժամանակակից հումանիտար գիտություններում՝ հատկապես հոգեբանության և փիլիսոփայության ոլորտներում:

Հետազոտության նպատակն է բացահայտել հիշողության և շնորհի փոխկապակցվածությունը Օգոստինոսի մտածողության մեջ և ցույց տալ դրանց դերը անձի հոգևոր վերածննդի գործընթացում:

Ներառվել է նաև համեմատական դիտարկում՝ ուշադրություն դարձնելով Գրիգոր Նարեկացու «Մատյան ողբերգության պոեմին,ինչը լայն համատեքստ է ստեղծում հիշողության և շնորհի դինամիկայի ուսումնասիրության համար:

Մեթոդներ

Սույն հետազոտությունը հիմնականում հիմնված է երկու միմյանց փոխլրացնող մեթոդների կիրառման վրա, որոնք հնարավորություն են տալիս համակողմանիորեն վերլուծել Օգոստինոսի «Խոստովանություններ»-ում ներկայացված գաղափարական համակարգը:

Առաջին հերթին կիրառվել է հերմենևտիկ մեթոդը, որի միջոցով ստեղծագործությունը մեկնաբանվել է որպես ինքնաբացահայտման և իմաս-

տային կառուցվածք ունեցող ամբողջություն: Այս մոտեցումը հնարավորություն է տվել բացահայտել հիշողության, մեղքի և շնորհի փոխկապակցվածությունը:

Կիրառվել է նաև համեմատական մեթոդ, որի շրջանակներում համեմատություն է անցկացվել Օգոստինոսի և Նարեկացիի գաղափարների միջև, դիտարկելով դրանց ազդեցությունը հիշողության և շնորհի դինամիկայի ընկալման վրա: Այս համեմատական վերլուծությունը թույլ է տալիս ընդգծել ինչպես ընդհանուր մոտեցումները հոգևոր վերածննդի և ինքնաճանաչման գործընթացում, այնպես էլ երկու մեծ հեղինակների ստեղծագործական առանձնահատկությունները՝ ժամանակակից ընթերցողի տեսանկյունից:

Արդյունքներ

Հետազոտության արդյունքները ցույց են տալիս, որ հիշողությունը Օգոստինոսի երկերում ունի բազմաշերտ կառուցվածք և կատարում է միաժամանակ մի քանի գործառույթ:

Առաջին՝հիշողությունը հանդիսանում է ինքնաճանաչման հիմնական գործիք: Օգոստինոսը իր անցյալը վերակառուցելով՝ բացահայտում է իր մեղքերը և դրանց պատճառները: Այս գործընթացը թույլ է տալիս նրան հասնել ներքին ճշմարտության:

Երկրորդ՝ հիշողությունը հանդես է գալիս որպես ստեղծագործ տարածք, որտեղ անցյալը վերաիմաստավորվում է: Այս առումով այն մոտ է ժամանակակից հոգեբանության կառուցողական մոտեցումներին:

Երրորդ՝ հիշողությունը կապված է լեզվի հետ: Խոսքը հնարավորություն է տալիս ձևակերպել ներքին փորձառությունները և հաղորդել դրանք, ինչի արդյունքում ինքնաճանաչումը դառնում է գիտակցված գործընթաց:

Շնորհի գաղափարը նույնպես ստանում է նոր մեկնաբանություն: Այն ներկայացվում է որպես դինամիկ գործընթաց, որը ներառում է ինչպես Աստծո ներգործությունը, այնպես էլ մարդու ակտիվ մասնակցությունը:

Այսպիսով, հիշողությունն ու շնորհը փոխկապակցված են և միասին ձևավորում են հոգևոր վերածննդի մեխանիզմը:

Օգոստինոսի մտածողության համակարգում մարդը ներկայանում է որպես հիշողության մեջ արմատավորված էակ, որի ինքնությունը ձևավորվում է ոչ թե որպես անփոփոխ և նախապես տրված էություն, այլ որպես դինամիկ, շարունակական և բաց գործընթաց: Այս գործընթացի առանցքում գտնվում է հիշողությունը, որը Օգոստինոսի մոտ ստանում է

ոչ միայն հոգեբանական, այլև խորապես գոյաբանական և աստվածաբանական նշանակություն։ Հիշողությունը դադարում է լինել պարզապես անցյալի փաստերի պահոց և վերածվում է ներքին «տարածության», որտեղ մարդը հանդիպում է ինքն իրեն, վերաիմաստավորում իր անցյալը և կառուցում իր ինքնության պատմությունը։

Օգոստինոսը հիշողությունը նկարագրում է որպես անսահման ներքին աշխարհ՝ ընդգծելով նրա խորությունն ու ընդգրկունությունը։

«Մեծ է հիշողության այս զորությունը, չափազանց մեծ, ով Տեր, հսկայական, անսահման մի խորխորատ։ (Գիրք 10-րդ,գլուխ 8,էջ 239)։

Այս ձևակերպումը ցույց է տալիս, որ հիշողությունը ոչ միայն պահպանում է փորձառությունները, այլ նաև պարունակում է մարդու ամբողջ ներքին կյանքի ներուժը։ Մարդը կարող է «մտնել» իր հիշողության մեջ և այնտեղ գտնել ոչ միայն իր անցյալը, այլև իր իսկական «ես»-ը։

Օգոստինոսը գրում է:

«Ես խոստովանում եմ Քեզ, որպեսզի իմ սիրտը բացվի, և ես ճանաչեմ ինձ»։ (Գիրք 1-ին,Գլուխ 1-ին, էջ 29)։

Խոսքը այստեղ հանդես է գալիս ոչ միայն որպես հաղորդակցման միջոց, այլ որպես ինքնության կառուցման գործիք։ Մարդը իր ինքնությունը ձևավորում է պատմելով, իսկ պատմելը հնարավոր է միայն հիշողության միջոցով։ Այսպիսով, հիշողությունը և լեզուն միասին ստեղծում են այն հիմքը, որի վրա կառուցվում է մարդկային «ես»-ը։

Սակայն ինքնությունը չի ձևավորվում առանց ներքին հակասության և ճգնաժամի։ Օգոստինոսի մոտ այդ ճգնաժամը արտահայտվում է մեղքի գիտակցման միջոցով,որը բաժանում է մարդուն իր իսկական էությունից և ստեղծում ներքին երկատվածություն։

«Ես դարձա ինձ համար ծանր բեռ, և չէի կարողանում կրել ինձ։ Ի՛նչեր ասես, որ չասացի ինձ, ի՛նչ մեղադրանքներով ասես չէի մտրակում իմ հոգին, որ նա հետեւեր ինձ՝ Քո հետեւից գնալու համար» (Գիրք 8, գլուխ 7, էջ. 191–192)։

Խոսքերը ցույց են տալիս այն ներքին վիճակը, երբ մարդը կորցնում է իր ամբողջականությունը և հայտնվում ինքն իր հետ հակասության մեջ։ Այս հակասությունը դառնում է ինքնաճանաչման շարժիչ ուժը, քանի որ հենց դրա միջոցով է մարդը սկսում որոնել իր իսկական էությունը։

Հիշողությունը այս փուլում ստանում է քննադատական գործառույթ. այն հնարավորություն է տալիս վերադառնալ անցյալին և բացահայտել սխալների խորքային պատճառները։ Օգոստինոսը ոչ միայն հիշում է իր գործած մեղքերը, այլ փորձում է հասկանալ դրանց ներքին դրդապատճառները.

«Ես սիրեցի իմ կործանումը, զազրելի հոգիս սիրում էր հենց անկումը…» (Գիրք 2, Գլուխ 4, էջ 56)։

Այս ինքնաքննադատական մոտեցումը հիշողությունը վերածում է բարոյական վերլուծության գործիքի, որտեղ անցյալը դառնում է ուսուցողական և վերափոխող փորձառություն։

Այնուամենայնիվ, Օգոստինոսը ընդգծում է, որ նույնիսկ ամենախոր ինքնաճանաչումը բավարար չէ իրական փոփոխության համար։ Մարդը կարող է հասկանալ իր վիճակը, սակայն չի կարող ինքնուրույն հաղթահարել իր սահմանափակումները։ Այստեղ է, որ առանցքային դեր է ստանում շնորհի գաղափարը, որը ներկայացվում է որպես աստվածային ներգործություն, սակայն ոչ թե արտաքին պարտադրանքի ձևով, այլ որպես ներքին փոխակերպման ուժ։

«Ուշ սիրեցի Քեզ, ո՛վ Գեղեցկություն այդքա՛ն հին և այդքա՛ն նոր, ուշ սիրեցի Քեզ։ Դու իմ մեջ էիր,իսկ ես դրսում էի փնտրում Քեզ» (Գիրք 10, Գլուխ 27, էջ 257)։

Այս խոսքերը ցույց են տալիս ոչ միայն ապաշխարության խորությունը, այլ նաև այն, որ ինքնաճանաչումը ժամանակի ընթացքում է հասունանում։

Հիշողությունը այստեղ կրկին ստանում է նոր դեր՝ այն դառնում է ոչ միայն մեղքի բացահայտման, այլ նաև շնորհի ճանաչման միջոց։ Մարդը սկսում է իր անցյալը տեսնել ոչ միայն որպես սխալների շարան, այլ որպես աստվածային ներգործության պատմություն։

«Դու ինձ առաջնորդում էիր, երբ ես չէի գիտակցում դա» (Գիրք 10, Գլուխ 27, էջ 274)։

Այս վերաիմաստավորումը ցույց է տալիս, որ հիշողությունը կարող է փոխել ոչ միայն անցյալի ընկալումը, այլ նաև մարդու ինքնության կառուցվածքը։

Ավելին, Օգոստինոսի մտածողության մեջ հիշողությունը սերտորեն կապված է ժամանակի ընկալման հետ։ Մարդը գոյություն ունի ժամանակի մեջ, սակայն այդ ժամանակը չի ընկալվում որպես արտաքին հոսք, այլ որպես ներքին փորձառություն։

«Անցյալը գոյություն ունի հիշողության մեջ, ներկան՝ տեսողության մեջ, ապագան՝ սպասման մեջ» (Գիրք 11, Գլուխ 21, էջ 299)։

Համեմատական գրականագիտությունը հնարավորություն է տալիս գիտականորեն դիտարկել Օգոստինոսի և Նարեկացու ստեղծագործական աշխարհները՝ ընդգծելով նրանց հոգևոր, փիլիսոփայական, ժանրային և խոսքային մոտեցումների համադրությունը։ Օգոստինոսի «***Խոստովանությունները***» և Նարեկացու «***Մատյան ողբերգության***» երկուսն էլ

արտացոլում են մարդկային հոգու ներքին աշխարհը, սակայն տարբեր ժամանակաշրջաններից և մշակութային պայմաններից, և յուրաքանչյուրն իր հատուկ միջոցներով բացահայտում է մարդու հոգևոր որոնումները:

Կիրառելով համեմատական մեթոդը՝ նկատվում է, որ երկուսն էլ օգտագործում են **հիշողությունը** որպես հոգևոր ինքնաճանաչման և մեղքի գիտակցման գործիք: Օգոստինոսը գրում է.

«*Ես մտնում եմ հիշողության սրահները, և այնտեղ հանդիպում եմ ինքս ինձ*» (Գիրք 10, գլուխ 8, էջ 238), որտեղ հիշողությունը ծառայում է դեպի ներս՝ աստվածային լուսավորության ճանապարհը բացելու համար: Նարեկացու մոտ հիշողությունը մշտապես կապված է մեղքի գիտակցման և հոգևոր տառապանքի հետ. «*Յիշեմ զչարութիւնս իմ, եւ դողամ առաջի Քո*» (***Մատյան ողբերգության***, Գլուխ 12, էջ 54): Համեմատական վերլուծության շրջանակում երևում է, որ Օգոստինոսի մոտ հիշողությունը վերականգնման և լուսավորության միջոց է, իսկ Նարեկացու մոտ՝ հոգևոր պայքարի և մարդու անընդհատ տատանման վառ արտացոլում:

Շնորհի գաղափարը երկուսի մոտ էլ արտացոլված է, բայց տարբեր ձևերով: Օգոստինոսը տեսնում է այն որպես ներսից բխող առաջնորդող ուժ, որն օգնում է մեղքը ճանաչելու և հոգևոր լուծման հասնելու համար. «*Տուր այն, ինչ հրամայում ես, և հրամայիր այն, ինչ կամենում ես*» (Գիրք 10, Գլուխ 29, էջ 259), իսկ Նարեկացին շնորհը շոշափում է աղոթքի միջոցով՝ սպասումով և ներքին առնական պայքարով. «*Դու ես ապաւէն մեղաւորաց, եւ Քո ողորմութիւնն է յոյս իմ*» (***Մատյան ողբերգության***, Գլուխ 2, էջ 15): Այս համադրությունը ցույց է տալիս, որ երկուսն էլ մեկ նպատակ ունեն՝ հոգևոր լուսավորություն, սակայն Օգոստինոսի մոտ շուտ է իրականանում, իսկ Նարեկացու մոտ՝ պայմանավորված անհատական հոգևոր տառապանքով:

Խոսքը որպես արտահայտչական միջոց ունենում է կարևոր դեր երկու հեղինակների մոտ: Օգոստինոսը խոսքը դիտարկում է որպես հոգևոր երկխոսություն Աստծո հետ. իր խոսքի միջոցով նա իր մեղքը բացահայտում է, հիշողությունը վերածում հոգևոր ուղեցույցի, և բառերը դառնում են ինքաճանաչման միջոց: Նարեկացու մոտ խոսքը միաժամանակ **աղոթք, մեղքի խոստովանություն և հոգևոր արտահայտություն է**.

Օրինակ՝ «Իմ հոգի՛, ձայն տուր Քո առաջ, խոստովանի՛ր և աղաչի՛ր» (***Մատյան ողբերգության***, Գլուխ 7, էջ 32): Համեմատական վերլուծության տեսանկյունից երևում է, որ երկու հեղինակներն էլ խոսքը դարձնում են հոգևոր ուժ, որը ստեղծագործականորեն վերածում է անձի ներքին պայքարի արտահայտման: Ժանրային առումով երկուսի մոտ էլ կիրառվում է

աղոթք-խոստովանության ժանրը: Օգոստինոսը կառուցում է խոստովանություն՝ ուղղված Աստծուն, իսկ Նարեկացին իր երհում ներկայացնում է մարդու հոգևոր ներաշխարհը՝ մեղքի գիտակցման, ներքին քննության և աղոթքի միջոցով:Համեմատական վերլուծության մեջ այս մոտեցումը բացահայտում է ժանրի նույն գործառույթը, սակայն խոսքի ինտենսիվությունն ու հոգևոր լարվածությունը Նարեկացու մոտ ավելի արտահայտիչ է, մինչդեռ Օգոստինոսի մոտ խոսքը որոշակի կառուցված, համակարգված, լուսավորող բնույթ ունի:

Փիլիսոփայական-աստվածաբանական շերտերում երկու հեղինակներն էլ օգտվում են **Պլատոնի և նորպլատոնական ուսմունքների** ազդեցությունից. Օգոստինոսը անմիջականորեն ներառում է դրանք քրիստոնեական ուսմունքին,իսկ Նարեկացին՝ Դավիթ Անհաղթի մեկնաբանությունների միջոցով (***Մատյան ողբերգության***, Գլուխ 30, էջ 145): Օգոստինոսը տեսնում է մարդու ու Աստծո հարաբերությունը որպես ուղի դեպի լուսավորություն, Նարեկացին՝ որպես մշտական հոգևոր պայքար, որտեղ մարդու հոգին տատանվում է բարու և չարի միջև:

Համեմատական վերլուծության համատեքստում հետաքրքիր հողում կարելի է գտնել նաև հին հունական ավանդույթում հիշողության աստվածուհի Մնեմոսինի մոտ: Մնեմոսինը չի սահմանափակվում անցյալի փաստերի պահպանումով, այլ ստեղծում է հնարավորություն դրանք վերաիմաստավորելու, ինչպես նաև խթանում է ստեղծագործական և մտավոր գործունեությունը: Մնեմոսինը ծառայում է որպես խորհրդանշական հղում, որը կապում է հին հունական գաղափարախոսությունը Օգոստինոսի կառուցողական ու Նարեկացու ինտենսիվ հոգևոր ճանապարհին, ընդգծելով հիշողության դինամիկ, ստեղծագործական և ներքին փոխակերպող բնույթը:

Այսպիսով, համեմատական մեթոդի կիրառությունը ցույց է տալիս, որ Օգոստինոսն իր ուղերձում ներկայացնում է **ապոլլոնյան՝ կառուցողական հոգևոր ճանապարհ**, իսկ Նարեկացին՝ **դիոնիսյան՝ խոր, տառապալից և հուզական**, որտեղ մարդը մշտապես կանգնած է իր ներքին հակասությունների առջև: Երկուսն էլ ունեն **հիշողության, շնորհի և խոսքի միջոցով արտահայտվող հոգևոր արտահայտչականության** ընդհանուր առաքելություն, ինչը ընդգծում է նրանց ստեղծագործությունների միջև ակնհայտ աղերսները:

Այնուամենայնիվ, հայ և արտասահմանյան գրականագիտության շրջանակներում մինչ այժմ դեռևս չի ուսումնասիրվել և չի քննարկվել **Օգոստինոս-Նարեկացի գրական հսկաների ստեղծագործությունների աղերսների** թեման, և այս համեմատական վերլուծությունը առաջին

փորձերից է, որը բացահայտում է նրանց մտավոր, հոգևոր և ստեղծագործական մոտեցումների փոխհարաբերությունները՝ համաշխարհային գրականության համատեքստում:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Երանելի Օգոստինոս* Խոստովանություններ, 2-րդ հրատարակություն, Եր., «Անկյունաքար», 2008, գիրք 1, գլուխ 1, էջ 29; գիրք 2, գլուխ 4, էջ 56; գիրք 8, գլուխ 7, էջ 191–192; գիրք 10, գլուխ 8, էջ 238; գիրք 10, գլուխ 27, էջ 257, 274; գիրք 10, գլուխ 29, էջ 259; գիրք 11, գլուխ 21, էջ 299:
2. *Նարեկացի Գրիգոր.* Մատյան ողբերգության // Մայր Աթոռ Ս. Էջմիածին հրատարակչություն, 2012, գլուխ 2, էջ 15; գլուխ 7, էջ 32; գլուխ 12, էջ 54; գլուխ 30, էջ 145:
3. *Առաքելյան Արա.* Համեմատական գրականության սկզբունքներ, Եր., 2022, էջ. 50–57:
4. *Թամրազյան Հ.* Գրիգոր Նարեկացին եւ նորպլատոնականությունը, Եր., 2004, էջ 19:
5. *Պլոտինուս.* Էննեադաներ, Եր., 1999, էջ 93:
6. *Бахтин М*. Вопросы литературы и эстетики. М.: «Художественная литература», 1975. С. 285.
7. *Стретерн П*. Блаженный Августин. М.: «АСТ-Астрель» 2005. С. 49.

ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ КАК ПУТЬ САМОПОЗНАНИЯ: ДИНАМИКА ПАМЯТИ И БЛАГОДАТИ В «ИСПОВЕДИ» БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА

А. Аракелян, А. Карапетян [1,2]

[1,2]*Гаварский государственный университет*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается процесс духовного возрождения в «Исповеди» Августина, с акцентом на динамике памяти и благодати как ключевых компонентов самопознания. Исследование основано на герменевтическом и текстовом анализе, раскрывающем роль памяти как активного механизма осмысления прошлого и осознания греха. Благодать представлена как результат взаимодействия Бога и человека, где важную роль играют свобода воли и ответственность личности.

Проведен сравнительный анализ, выявляющий параллели между динамикой памяти и благодати Августина и духовными, самокритическими практиками Григория Нерекци в «Матьяне скорбей». Особое внимание уделяется риторическим стратегиям Августина, способствующим вовлечению читателя. Результаты показывают, что память и речь выступают средствами внутреннего преобразования личности, а благодать – его направляющим принципом. Работа подчеркивает актуальность «Исповеди» в современных гуманитарных исследованиях.

Ключевые слова: память, благодать, самопознание, духовность, автобиография.

SPIRITUAL REBIRTH AS A PATH TO SELF-KNOWLEDGE: THE DYNAMICS OF MEMORY AND GRACE IN SAINT AUGUSTINE'S CONFESSIONS

***A. Arakelyan*[1], *A. Karapetyan*[2]**
[1,2]*Gavar State University*

ABSTRACT

This article explores the process of spiritual rebirth in Augustine's Confessions, focusing on the dynamics of memory and grace as central elements of self-knowledge. The study is based on hermeneutic and textual analysis, revealing memory as an active cognitive mechanism that enables the recognition of sin and inner transformation. Grace is interpreted as an interactive phenomenon between God and human beings, emphasizing free will and personal responsibility.

A comparative perspective highlights parallels between Augustine's dynamic of memory and grace and the spiritual and self-critical practices of Gregory of Narek in the ***Book of Lamentations***, illustrating the use of a comparative method. The paper also examines Augustine's rhetorical strategies, including monologues and direct addresses, which enhance reader engagement. The findings demonstrate that memory and language function as tools for reconstructing personal identity, while grace acts as a guiding and transformative force. The study highlights the relevance of ***Confessions*** in contemporary theological and psychological discourse.

Keywords: memory, grace, self-knowledge, spirituality, autobiography.

ՀԱՂԹԱՆԱԿԻ ԶԲՈՍԱՅԳՈՒ ՊԱՐԱԴՈՔՍԸ. ՀԱՆՐԱՅԻՆ ՏԱՐԱԾՔԻ ՍՈՑԻՈԼՈԳԻԱԿԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆ ԵՐԵՎԱՆԻ ՔԱՂԱՔԱՅԻՆ ՄԻՋԱՎԱՅՐՈՒՄ

Ա. Բաբաջանյան

Երևանի պետական համալսարան
alisa.babadzhanyan@edu.ysu.am

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածը նվիրված է Երևանի Հաղթանակի զբոսայգու սոցիոլոգիական վերլուծությանը՝ որպես քաղաքային հանրային տարածքի օրինակ։ Հոդվածում դիտարկվում է հանրային տարածքների դերը քաղաքային սոցիալական կյանքում և դրանց նշանակությունը քաղաքային ինքնության ձևավորման գործընթացում։ Հետազոտության նպատակն է բացահայտել, թե ինչպես է Հաղթանակի զբոսայգին գործում որպես հանրային տարածք և ինչպիսի սոցիալական գործառույթներ է իրականացնում ժամանակակից քաղաքային միջավայրում։

Հոդվածում կիրառվում են քաղաքային սոցիոլոգիայի մի շարք տեսական մոտեցումներ, մասնավորապես հանրային տարածքի տեսությունը, տարածության սոցիալական արտադրության հայեցակարգը և խորհրդանշական կապիտալի գաղափարը։ Վերլուծության արդյունքում բացահայտվում է այգու երկակի բնույթը՝ որպես միաժամանակ պատմական-խորհրդանշական և ֆունկցիոնալ-ժամանցային տարածք։

Ցույց է տրվում, որ առկա է հակասություն զբոսայգու բարձր խորհրդանշական արժեքի և դրա իրական սոցիալական օգտագործման միջև, որը դրսևորվում է տարածքի սոցիալական ակտիվության սահմանափակմամբ և դրա իմաստային շերտերի թուլացմամբ։

Հոդվածը եզրակացնում է, որ հանրային տարածքների արդյունավետ զարգացման համար անհրաժեշտ է համատեղել դրանց խորհրդանշական և ֆունկցիոնալ դերերը՝ ապահովելով ինչպես պատմական հիշողության պահպանումը, այնպես էլ ժամանակակից սոցիալական պահանջների բավարարումը։

Հիմնաբառեր՝ հանրային տարածք, քաղաքային սոցիոլոգիա, հավաքական հիշողություն, խորհրդանշական կապիտալ, Երևան, Հաղթանակի զբոսայգի։

Քաղաքային հանրային տարածքները ժամանակակից հասարակություններում ունեն կարևոր սոցիալական և մշակութային նշանակություն,

քանի որ դրանք ապահովում են մարդկանց միջև հաղորդակցության, փոխազդեցության և համայնքային կապերի ձևավորման հնարավորություններ: Քաղաքները ոչ միայն ֆիզիկական միջավայրեր են, այլ նաև սոցիալական հարաբերությունների կազմակերպման տարածքներ, որտեղ ձևավորվում են քաղաքային մշակույթը և հասարակական վարքագծի ձևերը:

Այս համատեքստում հանրային տարածքները հանդես են գալիս որպես այնպիսի միջավայրեր, որտեղ միաժամանակ համադրվում են սոցիալական, մշակութային և խորհրդանշական գործընթացները: Զբոսայգիները, հրապարակները և փողոցները հանդիսանում են քաղաքային կյանքի կարևոր բաղադրիչներ, քանի որ դրանք հասանելի են հասարակության տարբեր խմբերի համար և նպաստում են սոցիալական ինտեգրմանը [4]:

Երևանի քաղաքային միջավայրում Հաղթանակի զբոսայգին հանդիսանում է նման հանրային տարածքի օրինակ: Այն ունի ոչ միայն հանգստի և ժամանցի գործառույթ, այլ նաև կարևոր պատմական և խորհրդանշական նշանակություն: Այգու տարածքում գտնվող հուշարձանները և հատկապես «Մայր Հայաստան» հուշարձանը ձևավորում են ազգային հիշողության և պատմական ինքնության կարևոր տարրեր [5]:

Սոցիոլոգիական տեսանկյունից նման տարածքները կարելի է դիտարկել որպես հանրային տարածքներ, որոնցում ձևավորվում է հասարակական հաղորդակցության միջավայր: Հանրային տարածքի տեսության համաձայն՝ այդպիսի տարածքները ապահովում են քաղաքացիների միջև ազատ փոխգործակցություն և հանրային կարծիքի ձևավորում [2]:

Միևնույն ժամանակ քաղաքային տարածքները պետք է դիտարկել որպես սոցիալական հարաբերությունների արդյունք: Տարածության սոցիալական արտադրության տեսության համաձայն՝ տարածքի նշանակությունը ձևավորվում է ոչ միայն ֆիզիկական կառուցվածքով, այլ նաև այն սոցիալական պրակտիկաներով, որոնք տեղի են ունենում այդ տարածքում [3]:

Հաղթանակի զբոսայգին կարելի է բնութագրել որպես բազմաշերտ տարածք, որտեղ միաժամանակ առկա են տարբեր իմաստային շերտեր՝ պատմական հիշողություն, խորհրդանշական արժեքներ և առօրյա սոցիալական օգտագործում [5]: Սակայն վերջին տարիներին նկատվում է, որ այդ շերտերի միջև առաջանում է որոշակի անհամաչափություն:

Այգին, պահպանելով իր խորհրդանշական նշանակությունը, ավելի հաճախ օգտագործվում է որպես ժամանցի և հանգստի տարածք: Սա հանգեցնում է նրան, որ դրա պատմական և մշակութային իմաստը աստիճանաբար թուլանում է հասարակական ընկալման մեջ: Այս երևույթը կարելի

է բնութագրել որպես հանրային տարածքի ֆունկցիոնալ ռեդուկցիա, երբ տարածքը սկսում է ընկալվել միայն իր գործնական օգտագործման տեսանկյունից [4]։

Այս իրավիճակը ձևավորում է այն, ինչ կարելի է անվանել «Հաղթանակի զբոսայգու պարադոքս». տարածքը ունի բարձր խորհրդանշական արժեք, սակայն դրա սոցիալական ակտիվությունը և իմաստային ընկալումը չեն համապատասխանում այդ արժեքին։

Խորհրդանշական կապիտալի տեսության շրջանակում այս խնդիրը կարելի է բացատրել այն հանգամանքով, որ տարածքի արժեքը պահպանվում է միայն այն դեպքում, երբ այն ակտիվորեն օգտագործվում և վերաիմաստավորվում է հասարակության կողմից։ Եթե այդ գործընթացը թուլանում է, տարածքը կարող է կորցնել իր սոցիալական նշանակության մի մասը [1]։

Հետևաբար, հանրային տարածքների զարգացման համար կարևոր է ապահովել դրանց բազմագործառութային և բազմաշերտ բնույթը։ Դրանք պետք է լինեն ոչ միայն ֆունկցիոնալ միջավայրեր, այլ նաև պահպանեն իրենց մշակութային և խորհրդանշական արժեքները։

Հաղթանակի զբոսայգու դեպքում սա նշանակում է, որ անհրաժեշտ է ոչ միայն պահպանել դրա ֆիզիկական միջավայրը, այլ նաև ակտիվացնել դրա սոցիալական և մշակութային կյանքը։ Մշակութային միջոցառումների կազմակերպումը, հանրային մասնակցության խթանումը և պատմական շերտերի տեսանելի դարձնելը կարող են նպաստել տարածքի սոցիալական ակտիվության բարձրացմանը [4], [5]։

Այսպիսով, Հաղթանակի զբոսայգու ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ քաղաքային հանրային տարածքները հանդիսանում են բազմաշերտ սոցիալական համակարգեր, որոնցում միաժամանակ համադրվում են ֆիզիկական, սոցիալական և խորհրդանշական տարրերը [3], [1]։ Դրանց արդյունավետ զարգացումը պահանջում է հավասարակշռություն այս բոլոր բաղադրիչների միջև։

ՀԱՍԿԱՑՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՍԱՀՄԱՆՈՒՄՆԵՐ

- Հանրային տարածք – հասարակության բոլոր անդամների համար հասանելի սոցիալական միջավայր։
- Քաղաքային տարածք – քաղաքի ֆիզիկական և սոցիալական միջավայրերի ամբողջություն։
- Հավաքական հիշողություն – հասարակության ընդհանուր հիշողությունը անցյալի վերաբերյալ։

- Խորհրդանշական կապիտալ – հասարակության կողմից տրվող արժեք և ճանաչում:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Bourdieu P.* The forms of capital. New York: “Greenwood”, 1986.
2. *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere.
3. Cambridge: “Polity Press”, 1989.
4. *Lefebvre H. The production of space.* Oxford: “Blackwell”, 1974.
5. *Low S., & Smith N.* The politics of public space. New York: “Routledge”, 2006.
6. *Nora P.* Between memory and history: Les lieux de mémoire // “Representations”, № 26, 1989. PP. 7–24.

ПАРАДОКС ПАРКА ПОБЕДЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ ЕРЕВАНА

А. Бабаджанян[1]
[1]Ереванский государственный университет

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена социологическому анализу Парка Победы в Ереване как примера городского общественного пространства. В статье рассматривается роль общественных пространств в городской социальной жизни и их значение в процессе формирования городской идентичности. *Цель исследования* – выявить, каким образом Парк Победы функционирует как общественное пространство и какие социальные функции он выполняет в современной городской среде. В статье применяются ряд теоретических подходов городской социологии, в частности, теория общественного пространства, концепция социального производства пространства и идея символического капитала. В результате анализа выявляется двойственная природа парка – как одновременно историко-символического и функционально-рекреационного пространства. Показано, что существует противоречие между высоким символическим значением парка и его реальным социальным использованием, что проявляется в ограниченности социальной активности в данном пространстве и ослаблении его смысловых слоев. В статье делается вывод о том, что для эффективного развития общественных пространств необходимо сочетание их символических и функциональных ролей, обеспечивающее как сохранение исторической памяти, так и удовлетворение современных социальных потребностей.

Ключевые слова: общественное пространство, городская социология, коллективная память, символический капитал, Ереван, Парк Победы.

THE PARADOX OF VICTORY PARK: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF PUBLIC SPACE IN THE URBAN ENVIRONMENT OF YEREVAN

A. Babajanyan[1]
[1]*Yerevan State University*

ABSTRACT

This article is devoted to the sociological analysis of Victory Park in Yerevan as an example of urban public space. The article examines the role of public spaces in urban social life and their significance in the process of forming urban identity. The aim of the research is to reveal how Victory Park functions as a public space and what social functions it performs in the contemporary urban environment. The article applies a number of theoretical approaches from urban sociology, in particular the theory of public space, the concept of the social production of space, and the idea of symbolic capital. As a result of the analysis, the dual nature of the park is revealed – as both a historical-symbolic and a functional-recreational space. It is shown that there exists a contradiction between the high symbolic value of the park and its actual social use, which is manifested in the limitation of social activity within the space and the weakening of its semantic layers. The article concludes that, for the effective development of public spaces, it is necessary to combine their symbolic and functional roles, ensuring both the preservation of historical memory and the satisfaction of contemporary social demands.

Keywords: public space, urban sociology, collective memory, symbolic capital, Yerevan, Victory Park.

ГЕРАКЛИТ И ФИЛОСОФИЯ ИЗМЕНЕНИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ КОНЦЕПТА В ЭПОХУ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

М. Сакеян, Л. Агабабян

Российско-Армянский университет
milenasaqeyan2005@gmail.com, lusineaghababyan2005@gmail.com,

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается философия Гераклита Эфесского в контексте современных социальных и политических трансформаций. Анализируется центральный тезис гераклитовской онтологии: изменение как сущностная характеристика бытия, упорядоченная универсальным принципом логоса. Обосновывается тезис о том, что нестабильность не является отклонением от нормы, а представляет собой конститутивное условие существования любых сложных систем, природных, социальных и политических. Проводятся параллели между учением Гераклита и рядом современных концептуальных направлений: процессуальной метафизикой А.Н. Уайтхеда, теорией сложных систем И. Пригожина и И. Стенгерс, а также агонистической политической теорией Ш. Муфф. Делается вывод о том, что гераклитовская модель порядка через изменение и противоборство сохраняет значительный объяснительный потенциал для осмысления современной нестабильности.

Ключевые слова: Гераклит, философия изменения, логос, онтология, процессуальная философия, теория сложных систем, агонистическая демократия, нестабильность, античная философия, досократики.

Введение

Современная социальная и политическая реальность характеризуется нарастающей нестабильностью: трансформируются государственные институты, размываются коллективные и индивидуальные идентичности, ускоряется темп исторических изменений. Глобализация, цифровизация, геополитические сдвиги, климатические вызовы – все это формирует среду, в которой привычные категории порядка, устойчивости и предсказуемости утрачивают объяснительную силу. В этих условиях возникает насущный вопрос о концептуальных основаниях, позволяющих осмыслить нестабильность не как кризис, требующий преодоления, а как закономерное и, возможно, продуктивное состояние.

Обращение к античной философии, в частности, к учению Гераклита Эфесского (ок. 544–483 до н.э.), открывает возможность именно такого пере-

осмысления. Гераклит – один из наиболее радикальных мыслителей досократической традиции: разработал онтологию, в центре которой находится не бытие как устойчивая субстанция, а становление как непрерывный процесс. Его идеи, сохранившиеся преимущественно в виде фрагментов и свидетельств позднейших авторов, по-прежнему сохраняют философскую остроту и аналитическую ценность.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы реконструировать ключевые элементы гераклитовской философии изменения и соотнести их с рядом современных теоретических направлений, разделяющих схожие онтологические интуиции. Тем самым предполагается показать, что античное наследие не является лишь историческим документом, но продолжает «питать» актуальные концептуальные дискуссии.

1. Гераклит в истории философии: краткая характеристика

Гераклит Эфесский принадлежит к числу тех мыслителей, чьи идеи дошли до нас в крайне фрагментарном виде. Сохранившиеся свидетельства насчитывают около ста двадцати фрагментов, атрибуция и интерпретация которых по сей день остается предметом научных дискуссий [1]. Тем не менее, общий контур его учения поддается реконструкции с достаточной степенью достоверности.

Гераклит был современником Пифагора и Ксенофана, однако его философская позиция существенно отличалась от обеих традиций. Если пифагорейцы искали неизменный математический порядок за феноменальным миром, а элеаты (Парменид и его последователи) отрицали реальность изменения вовсе, то Гераклит настаивал на онтологическом приоритете движения, становления и противоречия. Аристотель относил его к «физикам», то есть мыслителям, искавшим первоначало мира в природных стихиях. Однако гераклитовский огонь является не просто физическим элементом, но символом вечного динамизма бытия [3, с. 65].

Особое место Гераклита в истории философии определяется не только его онтологическими тезисами, но и специфическим стилем мышления: афористичным, парадоксальным, намеренно многозначным. Его язык требует интерпретационного усилия, что само по себе является философски значимым: понимание логоса, универсального закона бытия, недоступно тому, кто ограничивается поверхностным восприятием.

2. Онтология изменения: логос, огонь и единство противоположностей

Центральный тезис гераклитовской онтологии может быть сформулирован следующим образом: изменение является не случайным или производным свойством мира, а его сущностной, неустранимой характеристикой. Наиболее известное выражение этой идеи это образ реки: «в одну и ту же реку нельзя войти дважды» [2, с. 146]. Река остается рекой не потому, что ее воды неизменны, а потому, что непрерывный поток есть именно то, что делает ее рекой. Идентичность здесь конституируется не через постоянство субстанции, а через устойчивость процесса.

Однако гераклитовская онтология не сводится к утверждению хаотической изменчивости. Универсальный принцип логоса это понятие, которое можно перевести как «слово», «разум», «закон» или «порядок», обеспечивает внутреннюю закономерность непрерывного становления [3, с. 65]. Логос не является внешней силой, управляющей миром извне; он имманентен самому процессу изменения и выражается в его структурной упорядоченности. Именно поэтому Гераклит упрекает большинство людей в том, что они живут, не понимая логоса, хотя и соприкасаются с ним постоянно.

Ключевым элементом гераклитовской онтологии является учение о единстве противоположностей. Противоположности не просто сосуществуют: они взаимно конституируют друг друга и порождают то, что Гераклит называет «скрытой гармонией»: «скрытая гармония лучше явной» [4, с. 187]. День и ночь, жизнь и смерть, война и мир – все они суть не отдельные сущности, а полюсы единого динамического процесса. Напряжение между противоположностями не разрушает мировой порядок, но является его необходимым условием.

Образ огня у Гераклита воплощает эту онтологию наиболее полно. Огонь – это не субстанция в аристотелевском смысле, а метафора непрекращающегося обмена и трансформации: «все обменивается на огонь, и огонь, на все, подобно тому как золото обменивается на товары, а товары, на золото» [2, с. 148]. Мир, по Гераклиту, не был создан ни богами, ни людьми; он есть «вечно живой огонь, мерами разгорающийся и мерами угасающий».

3. Гераклит и процессуальная философия А.Н. Уайтхеда

Наиболее прямая теоретическая параллель между гераклитовской онтологией и современной мыслью прослеживается в процессуальной философии Альфреда Норта Уайтхеда. В своем главном труде «Процесс и реальность» (1929) Уайтхед разработал систему, в которой базовыми единицами реальности являются не субстанции, а «события» или «актуальные случаи», моменты

переживания и становления [7, с. 35]. Реальность, по Уайтхеду, есть процесс, а не совокупность вещей; бытие производно от становления, а не наоборот.

Это онтологическое решение структурно воспроизводит гераклитовский сдвиг: порядок переносится с субстанции на процесс, устойчивость понимается не как неизменность, а как паттерн изменения. Уайтхед, безусловно, разрабатывал свою систему в иных интеллектуальных координатах, с опорой на математику, физику и теологию, однако базовая онтологическая интуиция остается общей. Оба мыслителя отвергают субстанциалистскую парадигму и утверждают первичность динамики перед статикой.

Различие между ними состоит прежде всего в степени систематичности: Уайтхед строит разветвленную категориальную схему, тогда как Гераклит говорит афоризмами. Тем не менее это различие стиля не отменяет глубинного концептуального родства.

4. Теория сложных систем и гераклитовская нестабильность

Второй значимой параллелью является теория сложных систем, развитая в работах Ильи Пригожина и Изабеллы Стенгерс, прежде всего, в книге «Порядок из хаоса» (1984). Пригожин показал, что в открытых неравновесных системах нестабильность является не патологией, а условием самоорганизации: именно вблизи точек бифуркации системы приобретают новые структуры и уровни сложности [6, с. 177]. Хаос здесь оказывается не противоположностью порядка, а его источником.

Эта идея прямо перекликается с гераклитовским тезисом о том, что война «отец всего и царь всего»: то, что на поверхностном уровне выглядит как разрушение и беспорядок, на более глубоком уровне является движущей силой обновления и структурирования. Подобно тому как Гераклит полагал, что противоборство производит мировую гармонию, теория сложных систем утверждает, что флуктуации и неустойчивость порождают новые упорядоченные состояния.

Важно, что в обоих случаях стабильность понимается динамически: не как отсутствие изменений, а как устойчивый паттерн, воспроизводящийся именно благодаря непрерывной трансформации. Это делает оба подхода релевантными для анализа современных социальных систем, в которых адаптация к изменению является условием выживания.

5. Агонистическая политическая теория Ш. Муфф

Третья параллель обнаруживается в политической теории Шанталь Муфф, разработавшей концепцию агонистической демократии. В работе «О политическом» (2005) Муфф критикует либеральные модели политики, предполагающие возможность достижения рационального консенсуса и устранения конфликта. По ее мнению, конфликт является конститутивным условием политического, а не отклонением от нормы, которое следует преодолеть [5, с. 52].

Ключевое различие, проводимое Муфф, между антагонизмом (отношением враждебности, исключающим противника из политического сообщества) и агонизмом (признанием противника легитимным участником политической борьбы). Здоровая демократия, по Муфф, основана не на консенсусе, а на агонистическом противоборстве: разногласия не устраняются, но анализируются в формы, совместимые с политическим плюрализмом.

Параллель с Гераклитом здесь очевидна: подобно тому как гераклитовская гармония рождается из напряжения противоположностей, муффовская демократия конституируется через признание неустранимости конфликта. В обоих случаях порядок не предшествует противоборству, а возникает из него, при условии, что противоборство структурировано и подчинено определенным правилам.

Заключение

Философия Гераклита предлагает концептуальный язык для осмысления нестабильности как нормы, а не как отклонения. Осуществленный им перенос порядка с субстанции на процесс, а конфликта из категории патологии в категорию продуктивной силы, сохраняет значительный объяснительный потенциал в контексте современных дискуссий о природе социальной и политической динамики.

Сопоставление гераклитовской онтологии с процессуальной метафизикой Уайтхеда, теорией сложных систем Пригожина и агонистической политической теорией Муфф выявляет устойчивый концептуальный паттерн: во всех трех случаях воспроизводится гераклитовская логика, порядок возникает не несмотря на изменение и противоборство, а благодаря им. Это сходство не является случайным совпадением; оно указывает на глубинную интуицию, которую различные теоретические традиции воспроизводят независимо друг от друга.

Вместе с тем, необходимо признать ограничения проведенного сопоставления. Гераклит работал в принципиально иных интеллектуальных условиях; его тексты фрагментарны и многозначны, а их интерпретация неизбежно

несет на себе отпечаток позднейших философских традиций. Тем не менее, именно эта «открытость» гераклитовского наследия делает его особенно продуктивным для философской рефлексии: он не дает готовых ответов, но задает вопросы, актуальность которых не утрачивается с течением времени.

Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется более детальный анализ рецепции гераклитовских идей в философии XX–XXI веков, а также их применение к конкретным проблемам современной политической теории и социальной онтологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гераклит*. Фрагменты / Пер. и коммент. А.В. Лебедева. М.: «Академический проект», 2012.
2. *Грэм Д.У.* Тексты ранней греческой философии. Кембридж: “Cambridge University Press”, 2019.
3. *Кан Ч.Х.* Искусство и мысль Гераклита. Кембридж: “Cambridge University Press”, 1979.
4. *Кирк Дж., Рэйвен Дж., Скофилд М.* Досократические философы. Кембридж: “Cambridge University Press”, 1983.
5. *Муфф Ш.* О политическом. Лондон: “Routledge”, 2005.
6. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / Пер. с англ. М.: «Прогресс», 1986.
7. *Уайтхед А.Н.* Процесс и реальность / Пер. с англ. М.: «Прогресс», 1929.

HERACLITUS AND THE PHILOSOPHY OF CHANGES. THE RELEVANCE OF THE CONCEPT IN AN ERA OF UNCERTAINTY

L. Aghababyan, M. Sakeyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article explores the relevance of Heraclitus of Ephesus’ philosophy of change in the context of contemporary uncertainty. A comparative analysis is conducted between Heraclitean ontology and Alfred North Whitehead’s process philosophy, Ilya Prigogine’s theory of complex systems, and Chantal Mouffe’s concept of agonistic democracy.

Keywords: Heraclitus, philosophy of change, logos, ontology, process philosophy, complex systems theory, agonistic democracy, instability, ancient philosophy.

АДДИКТИВНЫЕ РИСКИ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Н.Л. Фоменко, В.В. Покрышко

Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина
natafom10@mail.ru, viktoryapokryshko@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены виды аддиктивных рисков с вытекающими последствиями их возникновения и влияния на человека, проблематика в контексте социальной работы; обозначены ситуации, представляющие потенциальный риск и угрозу; рассмотрены направления социальной работы при контакте и взаимодействии с аддиктивными проявлениями.
Ключевые слова: аддикция, зависимость, девиант, потребитель услуг.

Введение

Зависимость (аддикция), как феномен, широко известна по всему миру – о ее опасности зачастую говорят в средствах массовой информации, предостерегают в школах. Однако, вместе с этим, лояльность к аддиктивному поведению и к аддиктам, в целом, также возрастает под влиянием ряда факторов. Популяризация происходит благодаря развитию информационных технологий, появлению доступности ко многим видам материалов, «романтизации» в современной культуре. *Актуальность данной проблемы* определяет тема статьи, которая является как бы анонсом предстоящих исследований и наработок при подготовке выпускной квалификационной работы по социальной работе в рамках направления «39.03.02 Социальная работа».

Целью работы является изучение аддиктивных рисков, как фактора, создающего условия для вмешательства социальной работы.

Объектом исследования выступает проблематика аддиктивных рисков, как составляющей социальной работы.

Предмет исследования – аддикты, как получатели социальных услуг.

Основная часть

Аддикты подвержены нестабильному поведению, которое провоцирует трудные ситуации, а аддиктивные риски имеют свойство возникать при многих жизненных аспектах, которые социальная работа берет под свой контроль.

В условиях непрекращающегося давления и эмоционального дискомфорта человек способен искать способы уйти от поступающих проблем («забыться»), что часто приводит к употреблению запрещенных веществ или развитию других видов аддиктивного поведения. Аддикт теряет связь с реальностью, так как зависимость дарит позитивные эмоции (эйфорию), помогает временно снизить уровень неудовлетворенности жизнью, но не решает основную проблему, а лишь маскирует ее.

В своем исследовании мы используем в качестве теоретической опоры работы А. Мишина [6] и А. Егорова [2], которые разработали системные представления об аддиктивном поведении, а также исследования А. Громовой [1], предложившей аспекты социальной поддержки личности, зависимой от наркотиков. Для понимания специфики аддиктивного поведения мы также опираемся на работы А. Лэнгле [3], рассматривающего экзистенциально-аналитический подход к пониманию зависимости, А. Мартыновой [4], изучавшей связь детских психотравм с алкогольной зависимостью, Г. Мурадовой [7], исследующей аддиктивное поведение в виртуальном мире, и Г. Матаевой [5], раскрывающей понятие аддиктивного поведения.

На первом этапе исследования мы рассмотрим специфику работы социального работника с клиентами, имеющими аддиктивные риски. В соответствии со своими исследовательскими интересами, мы выделяем две основные составляющие этой деятельности: *организационную* (системную) и *индивидуальную* (личностную). Влияние организационной составляющей мы рассмотрим на уровне системы социальной работы, ее норм, ценностей и правил, регламентирующих деятельность социального работника. На индивидуальном уровне, на уровне личности, мы рассмотрим взаимное влияние функционала социального работника и его личностного развития через профессиональное самосознание.

В результате анализа теоретических источников мы приходим к выводу о том, что в становлении социального работника, ориентированного на работу с аддикциями, формирование и развитие его профессионального самосознания является существенным признаком. Самосознание профессионала – это самосознание человека, активно участвующего в профессиональной деятельности и, тем самым, утверждающим себя в роли полноценного члена профессионального сообщества.

Таким образом, индивидуальный стиль деятельности социального работника соединяет в себе этические принципы и профессиональные стандарты организации социальной работы, а также развитие его профессионального самосознания, включающего осознание собственных ресурсов и ограничений в

работе с данной категорией клиентов. При этом слабость системы профилактики профессиональных деформаций, а также недостаточное внимание к профессиональному выгоранию социальных работников, зачастую оказывает существенное отрицательное влияние на уровень эффективности оказания помощи лицам, имеющим аддиктивные риски.

На втором этапе исследования мы рассмотрели профессиональную деформацию социального работника, работающего с аддикциями, в качестве психологического риска социально-правовой деятельности: в контексте базовых понятий и на уровне конкретных проявлений. В широком смысле, работа с аддикциями – отпечаток, который она накладывает на исполнителя. В узком смысле, профессиональная деформация в контексте работы с аддикциями – это проявления в личности социального работника под влиянием постоянного контакта с зависимыми такой профессиональной «настроенности», которая оказывает деструктивное влияние и на личность работника, и на эффективность его деятельности. Это может выражаться в цинизме, эмоциональном выгорании, ощущении бессилия, профессиональной беспомощности, а также в развитии специфических стереотипов и предубеждений в отношении аддиктивных клиентов. Такие деформации разрушают личность, снижают ее адаптивность, устойчивость, оказывают негативное влияние на производительность труда.

В представлении о мерах преодоления профессиональной деформации исследователи сходятся во мнении, что наилучшим способом является профилактика ее возникновения, что необходимы комплексные программы, целью которых является превентивная и терапевтическая работа. Целенаправленная психологическая помощь в этой области создаст необходимые предпосылки для формирования культуры самопомощи и заботы о своем личностном и профессиональном развитии у социальных работников, особенно тех, кто работает с категориями клиентов, требующих высокой эмоциональной вовлеченности и сочувствия.

На третьем этапе исследования, при разработке мер профилактики вредных последствий профессиональных деформаций личности социальных работников, работающих с аддиктивными рисками, мы исходим из ряда принципиальных позиций.

Во-первых, необходимо принять во внимание то, что уже сам выбор профессии социального работника, и особенно специализации по работе с аддикциями, предопределен особенностями и установками личности. В связи с этим, когда у социальных работников, работающих с аддиктивными клиен-

тами, заметны какие-то общие черты характера (эмпатия, сострадание, перфекционизм, потребность в помощи другим и пр.), это может быть обусловлено не столько влиянием профессиональной роли, сколько тем, что в большинстве случаев ее выбирают люди, исходно обладающие сходными личностными особенностями.

Заключение

В связи с этим представляется целесообразным ввести в программу обучения будущих социальных работников специализированные курсы, посвященные психологической подготовке к работе с аддиктивными клиентами, а также мероприятия, направленные на профилактику эмоционального выгорания и профессиональных деформаций. Таким образом, через обеспечение достаточного уровня знаний и соответствующих навыков в отношении потенциальных деформаций, можно в значительной степени снизить риск возникновения деструкций личности.

Во-вторых, психологическая профилактика и психогигиена на уровне внутренней работы сотрудника по саморазвитию предполагает своевременную диагностику, которая позволит оценить серьезность ситуации (например, наличие признаков эмоционального выгорания). Таким образом, для индивидуальной профилактики и психогигиены важно иметь доступ к источнику простых советов, диагностических приемов, психологических тестов. То есть необходимо создание и развитие соответствующих тематических ресурсов, в том числе, сетевых, предназначенных для самодиагностики и самопомощи социальных работников.

И, наконец, важно понимать, что в трудных случаях необходимо обращаться к специалисту, все самостоятельные действия уместны исключительно в обычных рабочих ситуациях. Следовательно, возможность обращения за качественной профессиональной помощью должна быть обеспечена наличием специалистов, профильных служб и подразделений, ориентированных на работу с персоналом социальной сферы, подверженным профессиональным рискам психологического плана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Громова И.А.* Исследование социальной поддержки личности, зависимой от наркотиков [Эл. ресурс].URL: https://elib.bspu.by/handle/doc/21289 (дата обращения: 13.11.25).
2. *Егоров А.Ю.* Поведенческие аддикции / А.Ю. Егоров // «Вестник Чувашского университета», № 2, 2005. СС. 56–69.
3. *Лэнгле А.А*. Согласие в зависимости. Экзистенциально-аналитический подход / А.А. Лэнгле // «Национальный психологический журнал». Т. 35, № 3, 2019. СС. 47–59.

4. *Мартынова А.А.* Связь детских психотравм с алкогольной зависимостью / А.А. Мартынова // «Наука молодых». Т. 5, № 1, 2017. СС. 34–41.
5. *Матаева Г.* Понятие аддиктивного поведения / Г. Матаева // “The Scientific Heritage”. Т. 3, № 45, 2020. СС. 50–52.
6. *Мишин А.А.* Особенности проявления аддиктивного поведения / А.А. Мишин // «Теория и практика социогуманитарных наук». Т. 2, № 2, 2018. СС. 115–119.
7. *Мурадова Г.Б.* Аддиктивное поведение в виртуальном мире / Э.Б. Эргашева // “Academy”, № 1, 2020. СС. 40–41.

ADDICTIVE RISKS AS A PROBLEM OF SOCIAL WORK

N. Fomenko, V. Pokryshko
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov

ABSTRACT

The article presents the types of addictive risks with the ensuing consequences of their occurrence and influence, their problems in the context of social work; situations posing potential risks and threats are identified; and areas of social work in contact and interaction with addictive manifestations are considered.
Keywords: addiction, dependence, deviant, service consumer.

ПСИХОЛОГИЯ

ПСИХОСОМАТИКА И ТРЕВОЖНЫЕ РАССТРОЙСТВА: ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХИКИ И ТЕЛА

М.А. Авагян, М.Ш. Григорян

Российско-Армянский университет
mariamgrigoryan002@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена взаимосвязи уровня тревожности и психосоматических проявлений у личности. Современная психологическая наука подтверждает, что психоэмоциональные состояния человека оказывают значительное влияние на функционирование организма, формируя целый спектр соматических симптомов. Актуальность темы обусловлена ростом распространенности тревожных расстройств и психосоматических жалоб, а также недостаточной систематизацией эмпирических данных о взаимодействии психики и тела, что затрудняет разработку эффективных методов психологической помощи.

В ходе исследования был проведен анализ взаимосвязи тревожности и психосоматических проявлений. Для этого использовались методики «Гиссенский опросник психосоматических жалоб (GBB)» и «Шкала тревожности Спилбергера-Ханина». Эти инструменты позволяют количественно оценить выраженность соматических симптомов и уровень тревожности как состояния и личностной черты.

Ключевые слова: психосоматика, тревожность, психоэмоциональное состояние, тело, симптомы.

Введение

В современном обществе наблюдается устойчивый рост распространенности тревожных расстройств и психосоматических заболеваний, что делает взаимосвязь психики и тела одной из актуальных проблем психологической науки. Ускоренный темп жизни, социальная нестабильность, высокие требования к адаптации и хронический стресс выступают основными факторами формирования тревожных состояний, которые нередко проявляются в виде соматических симптомов. Г. Селье определил стресс как неспецифическую реакцию организма на любое воздействие, тем самым продемонстрировав прямое влияние психоэмоциональных факторов на физиологические процессы [1]. Фрейд утверждал, что соматические проявления часто служат символическим выражением внутреннего психологического напряжения [2].

Несмотря на значительное количество исследований, проблема взаимосвязи тревожности и психосоматических проявлений сохраняет свою актуальность. Человек является центральным звеном данной проблематики, поскольку именно его психоэмоциональное состояние определяет характер телесного реагирования. В данном исследовании проанализированы особенности взаимосвязи уровня тревожности и выраженности психосоматических симптомов.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 31 человек. Выборка состояла из молодых респондентов (в возрасте 20–25 лет). В настоящем исследовании был использован корреляционный подход с целью выявления статистических взаимосвязей между исследуемыми переменными. Для диагностики уровня тревожности использовался метод оценки тревожности, разработанный К.Д. Спилбергером и Ю.Л. Ханиным.

Для оценки выраженности психосоматических симптомов использовался Гиссенский опросник – инструмент, предназначенный для выявления субъективных физических жалоб.

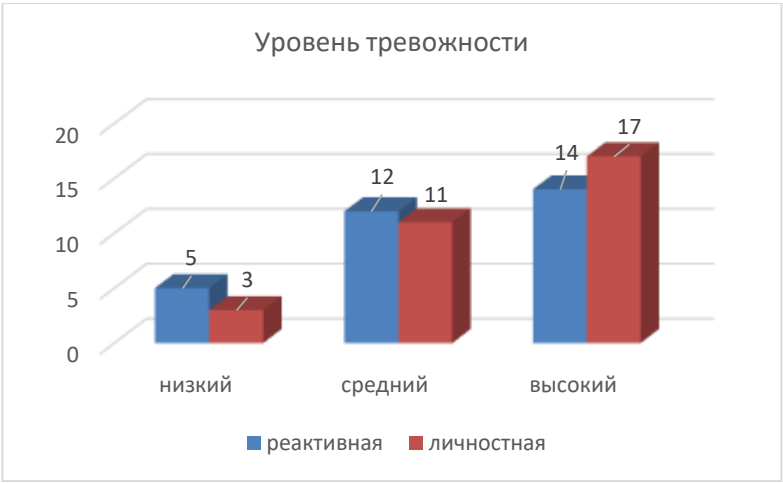
Рассмотрение взаимосвязи между уровнем тревожности и выраженностью психосоматических жалоб позволяет глубже понять, каким образом психологические особенности личности отражаются на соматическом состоянии человека. Тревожность, выступая значимым эмоциональным состоянием и устойчивой личностной характеристикой, способна влиять на восприятие стресса и формирование телесных реакций, проявляющихся в виде различных субъективных жалоб. Стресс связан с нарушением гомеостаза системы, а копинг – с усилиями по восстановлению этого равновесия [3].

Психосоматические симптомы, в свою очередь, отражают комплексное взаимодействие психологических и физиологических процессов, что делает их важным объектом эмпирического исследования. Понимание данных взаимосвязей позволяет не только описать особенности проявления тревожности в телесной сфере, но и выявить возможные направления психологической диагностики и профилактики психосоматических нарушений.

Последующий анализ распределения уровней реактивной тревожности выявил неоднородность выборки по данному показателю. Исследование показало, что у пяти участников наблюдался низкий уровень реактивной тревожности, у 12 – умеренный, а у 14 – высокий.

Результаты анализа личностной тревожности указывают на тенденцию к высоким показателям по этому критерию по сравнению с ситуативной тревожностью. Исследование показало, что низкий уровень черновой тревожности наблюдался у трех участников, умеренный – у 11 чел., а высокий – у 17 (Диагр. 1).

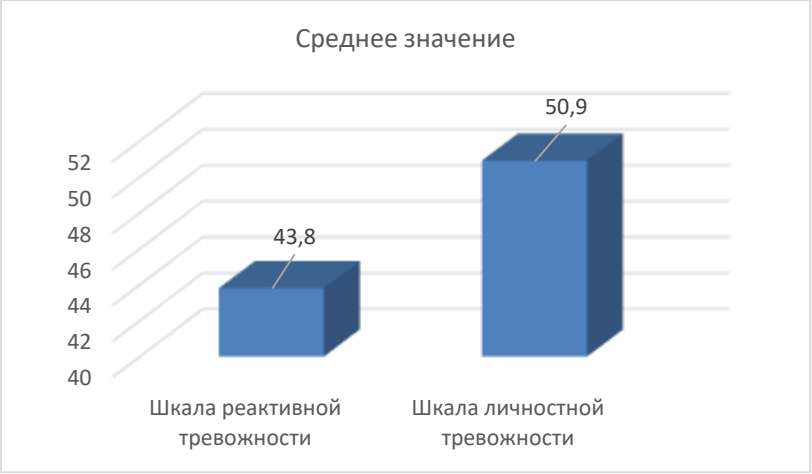
Диаграмма 1. Уровень тревожности у молодежи.

Сравнение показателей ситуативной тревожности и личностной тревожности выявляет отличительные особенности тревожности как ситуативного состояния и как стабильной личностной черты. Тщательный анализ распределения уровней и средних значений показывает, что личностная тревожность выражена сильнее, чем ситуативная: большее число участников демонстрирует высокий уровень личностной тревожности, а среднее значение также выше. Это соотношение свидетельствует о том, что тревожность, испытываемая большинством респондентов, носит не просто ситуативный характер, а является более стабильной. Подводя итог, склонность к переживанию тревоги можно рассматривать как стабильную личностную черту, определяющую особенности эмоциональной реакции и восприятия окружающей реальности.

Средний балл по тревожности как личностной черте составил 50,9 балла, при минимальном значении 24 и максимальном 69 (Диагр. 2).

Диаграмма 1. Среднее значение тревожности.

Этот результат свидетельствует о том, что в целом выборка демонстрирует высокий уровень тревожности как личностной черты. В отличие от ситуативной тревожности, которая зависит от конкретных обстоятельств, черта тревожности свидетельствует о постоянной склонности к переживанию тревоги и сопутствует индивидууму в самых разных жизненных ситуациях. Сравнение данных, полученных по двум типам тревожности, позволяет предположить, что у некоторых испытуемых высокая ситуативная тревожность усугубляется уже сформировавшейся личностной предрасположенностью к тревожным реакциям, что может способствовать более выраженным психоэмоциональным и психосоматическим проявлениям.

Тяжесть психосоматических жалоб оценивалась с помощью Гиссенского опросника, который включает шкалы для оценки истощения, желудочно-кишечных жалоб, ревматических факторов, сердечных жалоб, а также общий индекс, отражающий общий уровень психосоматических симптомов.

Анализ данных позволил получить следующие средние баллы по шкалам опросника. У испытуемых средний балл по шкале истощения составил 10,3, что свидетельствует об умеренно выраженном уровне усталости, снижении жизненных сил и общем истощении энергии. Средний балл по шкале желудочно-кишечных жалоб составил 4,5 балла, что указывает на относительно более низкую выраженность субъективных желудочно-кишечных симптомов по сравнению с другими шкалами. По шкале ревматических факторов средний балл составил 8,1 балла, что отражает более выраженные жалобы, связанные с болью и дискомфортом в опорно-двигательном аппарате. Балл по сердечным

жалобам составил 5,5 балла, что указывает на умеренный уровень субъективных ощущений, связанных с сердечно-сосудистой системой. Общий индекс психосоматических жалоб составил 28,5 балла, что в совокупности отражает умеренный уровень психосоматических симптомов в исследуемой выборке. Очевидно, что проявления истощения и ревматические жалобы вносят наиболее значительный вклад в структуру жалоб, тогда как желудочные и сердечные жалобы менее выражены. (Диагр. 3).

Диаграмма 3. Среднее значение психосоматических жалоб.

С целью выявления взаимосвязи между уровнем тревожности и выраженностью психосоматических жалоб был проведен корреляционный анализ.

Результаты

В результате анализа были получены следующие коэффициенты корреляции (Табл. 1).

Таблица 1. Коэффициенты корреляции.

	Шкала реактивной тревожности	**Шкала личностной тревожности**
Истощение	0,4	0,7
Желудочные жалобы	0,7	0,5
Ревматический фактор	0,4	0,6
Сердечные жалобы	0,6	0,3
Общее	0,5	0,7

Анализ данных выявил положительную корреляцию между уровнем тревожности и выраженностью психосоматических жалоб, что указывает на связь психоэмоционального состояния с соматическими проявлениями.

Реактивная тревожность наиболее тесно связана с желудочно-кишечными (r = 0,7) и сердечными жалобами (r = 0,6), что отражает усиление физических симптомов в условиях острого стресса. Связи с уровнем усталости и ревматическими проявлениями менее выражены (r = 0,4).

Личностная тревожность демонстрирует более устойчивые корреляции: наиболее сильные связи выявлены с истощением и общим уровнем жалоб (r = 0,7), а также с ревматическими (r = 0,6) и желудочными симптомами (r = 0,5). Связь с сердечными жалобами слабее (r = 0,3).

В целом, результаты показывают, что личностная тревожность оказывает более выраженное и стабильное влияние на психосоматическое состояние по сравнению с реактивной тревожностью, что согласуется с представлениями о значении устойчивых психологических характеристик в формировании соматических симптомов.

Выводы

Анализ показал, что в выборке преобладали повышенные уровни тревожности, при этом личностная тревожность была выражена сильнее ситуативной. Личностная тревожность отражала устойчивую склонность к тревожным реакциям, тогда как реактивная была связана с ситуативным стрессом.

Психосоматические жалобы в целом имели умеренную выраженность, с наибольшими показателями по истощению и ревматическим симптомам и наименьшими – по желудочным жалобам.

Выявлены положительные корреляции между тревожностью и психосоматическими показателями. Личностная тревожность наиболее тесно связана с истощением (r = 0,7) и общим уровнем жалоб (r = 0,7), а также с ревматическими (r = 0,6) и желудочными симптомами (r = 0,5). Реактивная тревожность сильнее связана с желудочно-кишечными (r = 0,7) и сердечными жалобами (r = 0,6).

Таким образом, устойчивый уровень тревожности оказывает более выраженное влияние на психосоматические проявления, тогда как ситуативная тревожность преимущественно связана с острыми функциональными реакциями организма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зигмунд Ф.* Психология бессознательного. М.: «Просвещение», 1990. С. 15.
2. *Александер Ф.* Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение / Пер. с англ. С. Могилевского. М.: «ЭКСМО-Пресс», 2002. С. 61.

3. *Ильин Е.П.* Психология страха. СПб.: «Питер», 2017. С. 18.

PSYCHOSOMATICS AND ANXIETY DISORDERS: THE INTERCONNECTION BETWEEN MIND AND BODY

M. Grigoryan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This study examines the relationship between anxiety levels and psychosomatic manifestations in individuals. Contemporary psychological research confirms that a person's psycho-emotional states have a significant impact on bodily functioning, giving rise to a wide range of somatic symptoms. The relevance of this topic stems from the increasing prevalence of anxiety disorders and psychosomatic complaints, as well as the lack of systematic empirical data on the interaction between the mind and body, which hinders the development of effective methods of psychological assistance.

The study analyzed the relationship between anxiety and psychosomatic manifestations. To this end, the "Gießen Questionnaire on Psychosomatic Complaints (GBB)" and the "Spielberger–Hanin Anxiety Scale" were used. These instruments allow for a quantitative assessment of the severity of somatic symptoms and the level of anxiety as both a state and a personality trait.

Keywords: psychosomatics, anxiety, psychoemotional state, body, symptoms.

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК НА УРОВЕНЬ САМООЦЕНКИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ АРМЕНИИ

М.Э. Авакян, А.А. Оганнисян

Российско-Армянский университет
marvolskaya@gmail.com, lina.fresk@bk.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье было изучено влияние ценностных особенностей на уровень самооценки у разных поколений. Был проведен теоретический анализ литературы, а в практической части основным методом исследования является тестирование.
Ключевые слова: самооценка, поколенческие установки, Армения, психологическое благополучие, культурный контекст, поколения X, Y, Z.

Введение

Проблема изучения самосознания личности в условиях активных социальных и культурных трансформаций является чрезвычайно актуальной. Несмотря на большой арсенал психологических теорий, исследователям не всегда удается в полной мере объяснить механизмы формирования самооценки у представителей разных поколений, особенно в обществах, где традиционный коллективизм сталкивается с современными глобализационными трендами. В связи с этим особую значимость приобретает изучение того, как ценностные ориентиры регулируют отношение человека к себе. Объектом нашего внимания являются представители разных поколений жителей Армении (от «бэбибумеров» до поколения Z). Из исследуемой литературы нам достоверно известно, что ценностные установки выступают важнейшими регуляторами поведения, а специфика армянского контекста накладывает уникальный отпечаток на процессы межпоколенческой социализации.

Ввиду вышесказанного, вполне целесообразным представляется эмпирическое исследование влияния ценностных особенностей на уровень самооценки у жителей Армении. Особенно интересны были различия в иерархии идеальных и реальных ценностей, а также характер их взаимосвязи с показателями самооценки в зависимости от возрастной когорты респондентов.

Материал и методы

В качестве метода исследования было выбрано тестирование. Для проведения исследования были использованы следующие методики: Опросник ценностей по методике Шварца, Тест-опросник «Определение уровня самооценки» (автор методики С.В. Ковалев)

Для определения поколений были добавлены вопросы касательно возраста по классификации У. Штраус и Н. Хау.

Первая методика – это «Опросник ценностей по методике Шварца».

Опросник состоит из двух частей: «Обзор ценностей» и «Профиль личности».

Первая часть опросника предназначена для изучения ценностей, идеалов и убеждений, оказывающих влияние на личность. *Список ценностей* состоит из двух частей: существительных и прилагательных, включающих 57 ценностей. Оценивается каждая из предложенных ценностей по шкале от 7 до -1 баллов.

Вторая часть опросника Шварца представляет собой профиль личности. Состоит из 40 описаний человека, характеризующих 10 типов ценностей. Для оценки описаний используется шкала от 4 до -1 баллов.

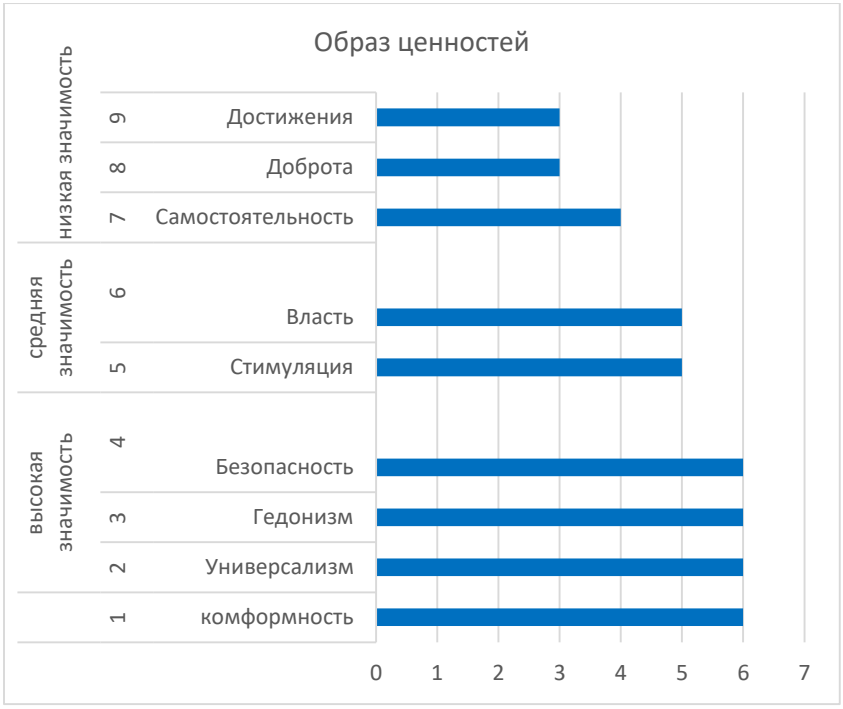
Результаты исследования

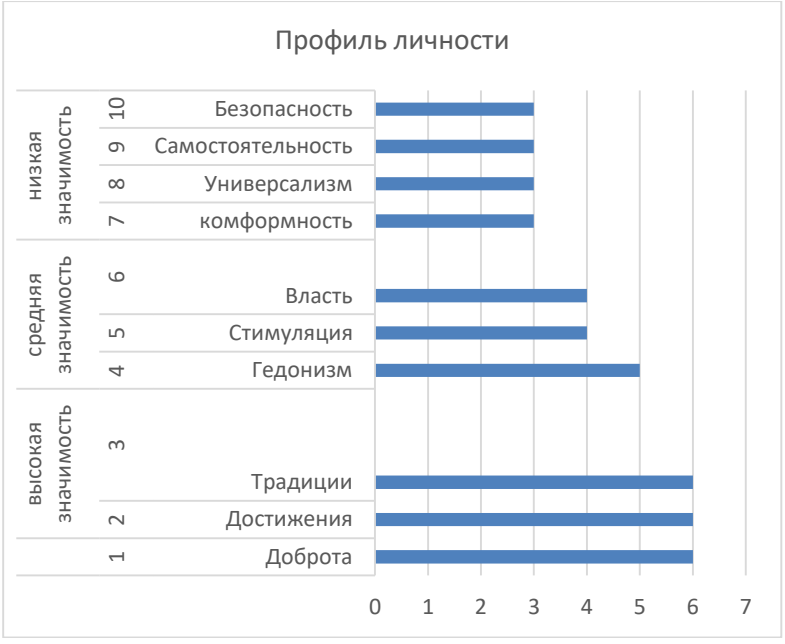
Анализ результатов исследования ценностных ориентаций показал существенные различия между «Образом ценностей» и «Профилем личности». В разделе «Образ ценностей» наибольшую важность для респондентов представляют ценности конформности, универсализма, гедонизма и безопасности (по 6 баллов). В то же время в «Профиле личности» лидируют ценности традиций, достижений и доброты (также по 6 баллов), что свидетельствует о расхождении между идеальными представлениями о себе и реальной самооценкой.

При анализе поколенческих различий выявлено, что поколение Z демонстрирует заметное расхождение между идеалом и реальностью: в «Образе ценностей» доминирует безопасность (7 баллов) и власть (6 баллов), тогда как в «Профиле личности» лидируют традиции, доброта и универсализм (по 6 баллов).

Поколение X показало абсолютное совпадение показателей для самостоятельности и стимуляции в обоих разделах, при этом ценности доброты и традиций занимают наиболее высокие позиции в реальной самооценке (8 баллов).

Представители старшего поколения (бэби-бумеры) демонстрируют высокую значимость самостоятельности и гедонизма (7–8 баллов) как в идеальном образе, так и в профиле личности.

Образ ценностей
низкая значимость
средняя значимость
высокая значимость
9 Достижения
8 Доброта
7 Самостоятельность
6 Власть
5 Стимуляция
4 Безопасность
3 Гедонизм
2 Универсализм
1 комформность
0 1 2 3 4 5 6 7

Профиль личности
низкая значимость
средняя значимость
высокая значимость
10 Безопасность
9 Самостоятельность
8 Универсализм
7 комформность
6 Власть
5 Стимуляция
4 Гедонизм
3 Традиции
2 Достижения
1 Доброта
0 1 2 3 4 5 6 7

Уровень самооценки по поколениям

Все поколения продемонстрировали средний уровень самооценки, находящийся в диапазоне 52–63 балла. Наиболее высокие результаты показало поколение X (63 балла), что может свидетельствовать о более уверенной самооценке у людей зрелого возраста, обладающих значительным жизненным опытом и профессиональными достижениями.

Корреляционный анализ выявил интересные закономерности. При анализе общей выборки статистически значимая связь между самооценкой и ценностями практически не прослеживается (коэффициенты корреляции от -0,2 до 0,2). Однако при анализе внутри отдельных поколений обнаруживаются выраженные корреляционные взаимосвязи.

Для поколения Z характерна сильная отрицательная корреляция в «Образе ценностей» между самооценкой и ценностями достижений (-0,8), самостоятельности (-0,6), доброты (-0,6) и гедонизма (-0,6). В то же время в «Профиле личности» наблюдается сильная положительная корреляция с достижениями (0,9), самостоятельностью, стимуляцией и властью (по 0,6).

Поколение X демонстрирует наиболее контрастные результаты: масштабная отрицательная корреляция в «Образе ценностей» (особенно в гедонизме, власти и безопасности -0,8) и резко положительная связь в «Профиле личности» с властью (0,9), традициями, стимуляцией, гедонизмом и безопасностью (0,6–0,7).

					Образ ценностей					
	Конформность	традиции	Доброта	Универсализм	Самостоятельность	Стимуляция	Гедонизм	Достижения	Власть	Безопасность
самоо	0,2	0,1	0,0	0,0	0,0	-0,1	-0,1	0,0	0,1	0,1
					профиля личности					
	-0,2	-0,1	-0,2	0,0	-0,2	0,3	0,1	0,0	0,2	-0,2

		Образ ценностей для всех поколений									
		Конформность	Традиции	Доброта	Универсализм	Самостоятельность	Стимуляция	Гедонизм	Достижения	Власть	Безопасность
самооценка											
	Z	-0,1	0,0	-0,6	-0,4	-0,6	-0,3	-0,6	-0,8	-0,5	-0,2
	Y	-0,1	-0,1	-0,4	-0,2	0,3	0,4	-0,4	0,4	-0,2	-0,3
	X	-0,1	0,2	0,2	-0,6	-0,7	-0,7	-0,8	-0,6	-0,8	-0,8
	BB	0,2	0,3	0,8	0,7	0,7	-0,3	0,4	0,2	0,4	0,6

		профиля личности для всех поколений									
		Конформ	традиции	Доброта	Универса	Самостоя	Стимуляц	Гедонизм	Достижен	Власть	Безопасность
самооценка											
	Z	0,5	-0,2	0,1	0,5	0,6	0,6	0,4	0,9	0,6	0,0
	Y	-0,4	0,4	0,5	0,4	-0,3	-0,4	0,7	-0,2	0,7	0,1
	X	-0,3	0,6	0,0	0,0	0,2	0,7	0,6	0,0	0,9	0,7
	BB	-0,6	-0,7	-0,8	-0,5	-0,4	0,6	-0,1	0,1	0,2	-0,6

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтверждают наличие взаимосвязи между ценностными ориентациями и самооценкой, однако ее характер существенно различается в зависимости от поколенческой принадлежности. Важным открытием стало выявление противоположной направленности корреляций между «Образом ценностей» и «Профилем личности»: для большинства поколений характерна отрицательная связь самооценки с идеальными ценностями и положительная – с реальными.

Это свидетельствует о том, что люди с высокой самооценкой не склонны идеализировать определенные ценности, но при этом признают их наличие у себя в реальности. Такая закономерность может отражать механизм психологической защиты и реалистичного самовосприятия, формирующийся по мере взросления и накопления жизненного опыта.

Наиболее выраженные взаимосвязи наблюдались у представителей поколений Z и X, тогда как у миллениалов и старшего поколения они были менее интенсивными. Это может быть связано с особенностями социализации: поколение Z находится в активной фазе формирования идентичности, а поколение X переживает период переоценки ценностей и подведения промежуточных жизненных итогов.

В армянском контексте полученные результаты приобретают особую значимость. Коллективистская культура, где личность неразрывно связана с семьей и родом, создает специфические условия для формирования самооценки. Для старших поколений семья выступала как безусловная опора, и самооценка формировалась через выполнение семейных обязанностей. Молодое поколение, подверженное влиянию глобальной культуры и социальных сетей, демонстрирует более сложную и противоречивую картину ценностных приоритетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: учебник для вузов / Г.М. Андреева. 5-е изд., испр. и доп. М.: «Аспект Пресс», 2018, 363с.
2. *Бернс Р.* Я-концепция и воспитание. М.: «Прогресс», 1986, 220с.
3. *Бороздина Л.В.* Что такое самооценка? // «Психологический журнал». Т. 16, № 4, 1995. СС. 23–32.
4. *Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию. М.: «АСТ», 2020, 350с.
5. *Джеймс У.* Основы психологии. М.: «Прогресс», 1991, 450с.
6. Caucasus Research Resource Centers (CRRC). Caucasus Barometer 2022: Armenia.

THE INFLUENCE OF VALUE ORIENTATIONS ON SELF-ESTEEM LEVELS AMONG DIFFERENT GENERATIONS OF ARMENIAN RESIDENTS

M. Avakyan, A. Ohannisyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This study examines the influence of value-based characteristics on self-esteem levels across different generations. A theoretical analysis of the literature was conducted, while psychological testing served as the primary method for the empirical part of the study.
Keywords: self-esteem, generational attitudes, Generations X, Y, and Z, Armenia, psychological well-being, cultural context.

ԻՆՔՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՈՐՊԵՍ «ՄԻՋԱՆՑՔ». ԼԻՄԻՆԱԼՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ՏՐԱՆՍՆԱՑԻՈՆԱԼ ԳՈՐԾԱԿԱԼՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀԱՅ-ՎՐԱՑԱԿԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Ա. Մ. Բալասանյան

Երևանի պետական համալսարան
arevik.balasanyan@edu.ysu.am

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածում քննարկվում է տրանսնացիոնալ անհատի ինքնության կառուցման գործընթացը՝ «միջանցքի» մետաֆորի և լիմինալության հայեցակարգի համատեքստում: Ավտոէթնոգրաֆիկ մեթոդի կիրառմամբ վերլուծվում է Ջավախքից Հայաստան տեղափոխված հետազոտողի անձնական փորձառությունը՝ լեզվական տագնապից մինչև սոցիո-մշակութային ակտիվիզմ և ապագայի անորոշության էկզիստենցիալ հարցադրումներ: Հետազոտությունը ցույց է տալիս, թե ինչպես է «միջանկյալ» տարածությունը վերափոխվում սիմվոլիկ կապիտալի՝ միաժամանակ մնալով որպես մշտական մտորումների և ներքին երկխոսության բաց հարթակ:

Հիմնաբառեր՝ ինքնություն, լիմինալություն, տրանսնացիոնալիզմ, միջանցք, ավտոէթնոգրաֆիա:

Ինքնության հետազոտության խնդիրը միգրացիոն գործընթացների և տրանսնացիոնալ տեղաշարժերի համատեքստում վերջին տարիներին ձեռք է բերել նոր գիտական արդիականություն: Ավանդական սոցիոլոգիական մոդելները հաճախ սահմանափակվում են ասսիմիլյացիայի կամ հիբրիդության տերմիններով, որոնք լիարժեքորեն չեն արտացոլում անհատի ներքին դինամիկան և երկակի պատկանելիության բարդ շերտերը: Հատկապես հետաքրքիր է Ջավախքի հայության փորձը, որտեղ ինքնությունը ձևավորվում է էթնիկ պատկանելիության և քաղաքացիական պետության միջև առկա լարվածության մեջ: Սույն աշխատանքի նպատակն է հիմնավորել «միջանցքի» հայեցակարգը՝ որպես ինքնության պահպանման և զարգացման դինամիկ, բայց նաև հակասական մոդել:

Հետազոտության հիմքում ընկած է ավտոէթնոգրաֆիկ մեթոդը, որը թույլ է տալիս հետազոտողին օգտագործել սեփական կենսագրական տվյալները որպես սոցիոլոգիական վերլուծության օբյեկտ: Սա հատկապես կարևոր է լիմինալության (միջանկյալ վիճակի) նուրբ հոգեբանական

և սոցիալական դրսևորումները հասկանալու համար: Տեսական վերլուծության համար կիրառվել են Վիկտոր Թերների լիմինալության տեսությունը [3] և Պիեռ Բուրդյոյի սիմվոլիկ կապիտալի հայեցակարգը [1]: Հատուկ ուշադրություն է դարձվել թվային տարածությունում (Facebook) ինքնության ներկայացմանը և լեզվական կոդերի տարբերակմանը:

Վերլուծությունը բացահայտեց, որ Ջավախքից Հայաստան տեղափոխությունը հետազոտողի համար դարձել է լիմինալության փորձառության սկիզբ: Չնայած էթնիկ ընդհանրությանը, լեզվական մակարդակում առաջանում է «օտարության» զգացողություն: Ջավախքի բարբառի և գրական հայերենի բախումը ստեղծում է լեզվական տագնապ, որն անհատին մշտապես դնում է սեփական խոսքի «սրբագրողի» դերում: Այս փուլում անհատը գտնվում է մի տարածքում, որտեղ հին (տեղական) ինքնությունը և նորը (ակադեմիական) դեռևս չեն գտել համակեցության հստակ եզրեր:

Լիմինալ վիճակի հաղթահարումը տեղի է ունենում սոցիալական ակտիվ գործունեության միջոցով: Վրացերենի կամավորական դասավանդումը և համալսարանում վրացական գրականության անկյան ստեղծումը հանդիսանում են «տարածության յուրացման» օրինակներ: Այս գործողությունները թույլ են տալիս անհատին իր տրանսնացիոնալ փորձը վերածել սիմվոլիկ կապիտալի: Ըստ Բուրդյոյի, սիմվոլիկ կապիտալը ճանաչված և լեգիտիմացված հեղինակությունն է [1]: Դիվանագիտական կառույցներից ստացված մասնագիտական առաջարկները և հասարակիցների կողմից ճանաչումը որպես «ոգեշնչման աղբյուր» փաստում են, որ լիմինալ վիճակը վերափոխվել է բացառիկ մասնագիտական առավելության:

Թվային հարթակները (Facebook) հանդիսանում են այդ «միջանցքի» պրոյեկցիան, որտեղ հետազոտողի երկլեզու գրառումները ծառայում են որպես կամուրջ երկու լսարանների միջև: Սա համապատասխանում է «կապակցված միգրանտի» (connected migrant) վարքագծին, ով պահպանում է տեսանելիությունը երկու սոցիալական դաշտերում միաժամանակ [5]: Միևնույն ժամանակ, էկզիստենցիալ անորոշությունը ապագա բնակության վայրի վերաբերյալ վկայում է «մշտական լիմինալության» մասին, որտեղ անհատը պատկանում է երկու վայրերին և միաժամանակ՝ ոչ մեկին լիարժեքորեն:

Եզրակացնելով՝ պետք է նշել, որ ինքնությունը որպես «միջանցք» ընկալելը թույլ է տալիս տեսնել տրանսնացիոնալ անհատի ստեղծագործական ներուժը: Հետազոտությունը հաստատեց, որ կրկնակի օտարումը կարող է դառնալ շարժիչ ուժ, եթե անհատը կարողանում է իր մշակութային «բեռը» վերածել ռեսուրսի: Մասնագիտական ճանաչումը հանդիսանում է

լիմինալության տրանսֆորմացիայի վերջնական կետը, երբ «տարբեր լինելը» դառնում է մասնագիտական անփոխարինելիության երաշխիք։

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Bourdieu P.* The forms of capital. In J. Richardson (Ed.) // “Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education”. Westport, CT: “Greenwood”, 1986. PP. 241–258.
2. *Hall S.* Cultural Identity and Diaspora. In J. Rutherford (Ed.), Identity: Community, Culture, Difference. “Lawrence & Wishart”, 1990. PP. 222–237.
3. *Turner V.* The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. “Aldine Publishing”, 1969. PP. 94–130.
4. *Ellis C., & Bochner A.P.* Autoethnography, Personal Narrative, Reflexivity. In N. Denzin & Y. Lincoln (Eds.) // “Handbook of Qualitative Research”. Thousand Oaks, California: “Sage Publications”, 2000. PP. 733–768.
5. *Diminescu D.* The connected migrant: an epistemological manifesto // “Social Science Information”, № 47 (4), 2008. PP. 565–579. DOI:10.1177/0539018408096447

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК «КОРИДОР»: ЛИМИНАЛЬНОСТЬ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ

А. Баласанян
Ереванский государственный университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается процесс конструирования идентичности транснационального индивида через метафору «коридора» и концепцию лиминальности. С использованием автоэтнографического метода анализируется личный опыт переезда из Джавахка в Армению, охватывающий путь от языковой тревоги до социально-культурного активизма и экзистенциальных вопросов о неопределенности будущего. Исследование показывает, как «промежуточное» пространство трансформируется в символический капитал, оставаясь при этом открытой платформой для постоянных размышлений и внутреннего диалога.

Ключевые слова: идентичность, лиминальность, транснационализм, коридор, автоэтнография.

IDENTITY AS A “CORRIDOR”: LIMINALITY AND TRANSNATIONAL AGENCY

A. Balasanyan
Yerevan State University

ABSTRACT

The article examines the process of identity construction of a transnational individual through the metaphor of a “corridor” and the concept of liminality. Using an autoethnographic method, the author analyzes the personal experience of moving from Javakhk to Armenia, ranging from linguistic anxiety to socio-cultural activism and existential questions about the uncertainty of the future. The study demonstrates how

the “intermediate” space is transformed into symbolic capital, while remaining an open platform for constant reflection and internal dialogue.

Keywords: identity, liminality, transnationalism, corridor, autoethnography.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ Н КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.С. Берберян, К.А. Абаджян

Российско-Армянский университет
aspsy@inbox.ru, abajyankaka@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с учебной мотивацией и копинг-стратегиями у студенческой молодежи. *Актуальность темы* обусловлена тем, что данные вопросы определяют качество образования и высокий уровень академической успеваемости у студентов.
Цель данной статьи – выявить взаимосвязь учебной мотивации и копинг-стратегий у студенческой молодежи.
Теоретико-методологическая база – научные труды по теме мотивации таких авторов, как А. Маслоу, Б. Скиннер и В. Врум, а также научные работы по копинг-стратегиям Лазаруса, Фолькмана, Р. Мосса и Р. Шефера и др. авторов.
Методы исследования – анализ научной литературы и тестирование, в том числе методики по копинг-стратегиям Лазаруса и методика учебной мотивации Ильина. Проведенное эмпирическое исследование со студентами выявило специфику проявления копинг-стратегий в зависимости от вида учебной мотивации.
Гипотеза – предполагается, что существует взаимосвязь между типами учебной мотивации и некоторыми видами копинг-стратегии у студентов.
Ключевые слова: учебная мотивация, копинг-стратегии, учебная деятельность, студенческая молодежь.

Введение

В современном мире высшее образование играет ключевую роль в формировании профессиональной и личностной идентичности молодежи. Студенческая жизнь, полная академических вызовов, социальных взаимодействий и личных изменений, часто сопровождается стрессовыми ситуациями, которые требуют эффективных механизмов адаптации. В этом контексте особый интерес представляет взаимосвязь между учебной мотивацией и копинг-стратегиями у студенческой молодежи. Учебная мотивация, определяемая как внутренний или внешний импульс к достижению образовательных целей, влияет на то, как студенты воспринимают и преодолевают трудности в обучении. В то же время копинг-стратегии – это поведенческие и когнитивные способы

справляться со стрессом, которые могут быть адаптивными (например, планирование и поиск поддержки) или дезадаптивными (избегание или отрицание проблемы).

Теоретическая часть

1. Характеристики учебной мотивации у студенческой молодежи

Проблема мотивации на протяжении десятилетий занимает одно из центральных мест в психолого-педагогической науке, поскольку именно мотивационная сфера личности определяет направленность, устойчивость и результативность ее деятельности. В самом общем виде, мотивация человека понимается как «совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, задают ее границы и формы, придают ей направленность, ориентированную на достижение определенных целей» [6].

Многочисленные исследователи дают различные толкования понятия «мотивация». Так, например, Р.С. Немов определяет мотивацию как «побуждающую силу, направленную на стремление к удовлетворению определенных потребностей, как отдельного сотрудника, так и всего рабочего коллектива». В учебно-методической литературе по психологии предлагается следующее значение термина: «Мотивация – это совокупность потребностей, влечений и желаний человека, которые направляют его деятельность».

В педагогической литературе мотивация рассматривается как «процесс или система, объединяющая в себе ряд методов и средств направляющих обучающихся к самостоятельному и активному освоению учебного материала». Для полноценного анализа необходимо представить трактовки научной дефиниции «мотивация» отечественными учеными. Так В.В. Сериков пишет, что «мотивация – это состояние личности, определяющее уровень активности и направленности действий человека в определенной ситуации» [7].

По мнению С.Л. Рубинштейна, «мотивация представляет собой совокупность внутренних условий, побуждающих и направляющих деятельность человека» [6]. Она выступает как динамическая система, в которой объединены потребности, интересы, цели и идеалы личности. А.Н. Леонтьев в рамках деятельностного подхода определял мотивацию как «систему факторов, определяющих выбор цели и средств ее достижения». По его мнению, «мотив – это то, ради чего совершается деятельность, то, что придает ей личностный смысл» [5].

Не менее известный российский ученый А.М. Сергеева рассматривает мотивацию с точки зрения некоего процесса и считает, что «мотивация – это процесс, обусловленный необходимостью, которая создает побуждение к действию или

активности». Мы видим, что отечественные исследователи выделяют два основных элемента в понятии – это некая деятельность, имеющая определенную направленность. Наиболее глубокой разработкой проблемы мотивации в отечественной науке занимались такие ученые, как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов [1]. В частности, Л.С. Выготский утверждает, что потребности человека определяются уровнями его развития – низким и высоким. Они развиваются внутри личности человека параллельно друг другу, то есть удовлетворение одних потребностей не происходит за счет удовлетворения других. Таким образом, согласно Л.С. Выготскому, «высшие и низшие потребности, развиваясь обособленно, управляют человеческой деятельностью».

2. Копинг-стратегии и виды

Копинг-стратегии – это способы, благодаря которым люди справляются со стрессом, вызывающими событиями или эмоциями. Они могут быть *эмоциональными*, *поведенческими* или *когнитивными*. Например, это может быть обсуждение проблемы с другом (эмоциональная стратегия), занятие спортом (поведенческая стратегия) или переоценка ситуации (когнитивная стратегия). Копинг-стратегии помогают людям адаптироваться к стрессу и справиться с ним, уменьшая его негативные последствия [2].

Аарон Лазарус – выдающийся американский психолог, который внес значительный вклад в изучение стресса, копинга и эмоциональной адаптации. Одним из его основных вкладов является теория копинга, которая изучает, как люди реагируют на стрессоры и какие стратегии они используют для справления с трудными ситуациями.

Лазарус и его коллега Ричард Фолкман разработали модель копинг-стратегий, в которой выделяются два основных типа копинга:

- проблемно-ориентированный копинг (“Problem-focusedcoping”): этот тип копинга ориентирован на изменение ситуации или проблемы; люди, использующие проблемно-ориентированный копинг, стремятся изменить факторы, вызывающие стресс, или найти пути решения проблемы [4];
- эмоционально-ориентированный копинг (“Emotion-focused coping”): этот тип копинга направлен на управление эмоциями, связанными с стрессором, а не на изменение самой проблемы; люди используют эмоционально-ориентированный копинг, когда считают, что изменить ситуацию невозможно или нежелательно, они стремятся изменить свои эмоциональные реакции на стресс.

Лазарус также выделял такие аспекты копинга, как перцепции контроля и оценки стрессоров. Таким образом, копинг-стратегии Лазаруса представляют

собой систему, которая помогает людям адаптироваться к стрессовым ситуациям путем изменения своих мыслей, эмоций и действий [3]. Лазарус и Фолкман выделили несколько конкретных копинг-стратегий в рамках своей модели:

- планирование действий (“Planning”): разработка конкретных шагов для решения проблемы или смягчения ее последствий;
- использование позитивного переосмысления (PositiveReappraisal): переоценка ситуации в более благоприятном свете или поиск позитивных аспектов в ней;
- избегание (“Avoidance“): отказ от мыслей о проблеме или попытка уйти от нее путем отвлечения или занятия другими делами;
- поиск поддержки (“Seeking Social Support”): обращение за помощью, советом или поддержкой к друзьям, семье или другими людьми;
- эмоциональное выражение (“Emotional Expression”): открытое выражение эмоций и чувств в ответ на стрессоры;
- пассивное принятие (“Acceptance”): принятие ситуации такой, какая она есть, без попыток изменить ее или бороться с ней.

Эти стратегии могут применяться индивидуально или в комбинации в зависимости от характера стрессора, ресурсов человека и его предпочтений.

Методологические основы

1. Опросник копинг-страрегий Р. Лазаруса

На втором этапе мы использовали опросник копинг-стратегий Лазаруса, который направлен на выявления особенностей поведения в проблемных и трудных для личности ситуациях, также для выявления факторов, которые влияют на психическую дезадаптацию в стрессовых ситуациях. С другими методиками опросник может применяться в целях оценки эффективности психокоррекционных мероприятий.

Опросник состоит из 8 шкал, которые отражают стратегии совладающего поведения.

Методика предлагает 50 утверждений, которые касаются поведения в сложной ситуации. Нужно оценить каждый из вариантов поведения по шкале; никогда – 0, редко – 1, иногда – 2, часто – 3. Методика может проводиться, как в группе, так и индивидуально. Среднее время заполнения опросника 20–25 минут.

2. Методика для диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой**)**

Методика разработана на основе опросника А.А. Реана и В.А. Якунина. К 16 утверждениям вышеназванного опросника добавлены утверждения, характеризующие мотивы учения, выделенные В.Г. Леонтьевым, а также утверждения, характеризующие мотивы учения, полученные Н.Ц. Бадмаевой в результате опроса студентов и школьников. Это – коммуникативные, профессиональные, учебно-познавательные, широкие социальные мотивы, а также мотивы творческой самореализации, избегания неудачи и престижа.

Инструкция: Оцените по 5-балльной системе приведенные мотивы учебной деятельности по значимости для вас: 1 балл соответствует минимальной значимости мотива, 5 баллов – максимальной.

Выборка включала лиц русской (15 человек) и армянской (15 человек) этнической принадлежности от 18 до 24 лет, разных полов (13 – муж. 17 – жен.), студентов, которые учатся в разных вузах, на разных направлениях.

Результаты исследования

В ходе применения первой методики оценки копинг-стратегий (опросник «Способы копинга» Лазаруса-Фолкман в русской адаптации или аналогичный инструмент) были получены следующие данные.

У большинства респондентов преобладающими способами совладания со стрессом оказались следующие стратегии.

1. **Конфронтационный копинг** – активные, нередко агрессивные попытки изменить стрессовую ситуацию, прямое противостояние проблеме, выражение эмоций и напора в отношении источника стресса.

2. **Дистанцирование** – когнитивные усилия отстраниться от проблемы, минимизировать ее значимость, попытки «отпустить» ситуацию или посмотреть на нее с иронией/отстраненно.

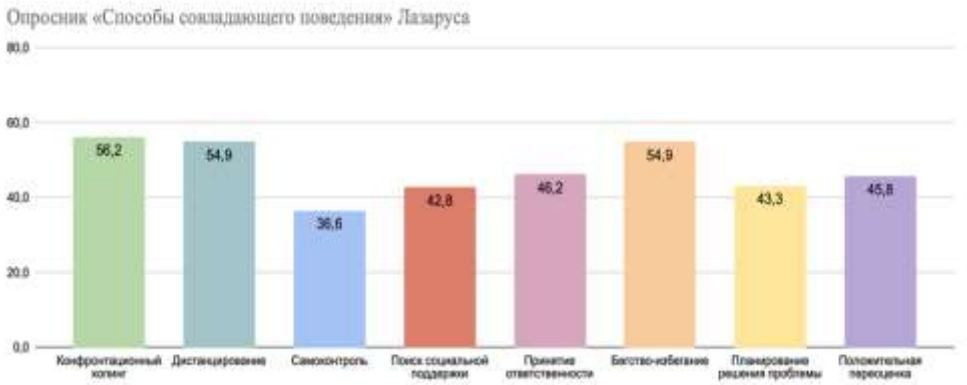
3. **Бегство-избегание** – поведенческое и когнитивное избегание стрессора: отказ думать о проблеме, отвлечение, фантазирование, чрезмерный сон, употребление психоактивных веществ или поиск «волшебных» решений.

Таким образом, доминирующей тенденцией является использование преимущественно **эмоционально-ориентированных** и **избегающих стратегий**, а не проблемно-ориентированных (планирование, поиск социальной поддержки, позитивная переоценка).

Полученные результаты свидетельствуют о преобладании у испытуемых малодатативных копинг-стратегий, которые в краткосрочной перспективе могут снижать эмоциональное напряжение, но в долгосрочной перспективе препятствуют эффективному разрешению стрессовых ситуаций и повышают

риск развития психоэмоционального истощения, тревожных и депрессивных расстройств.

График 1.

При использовании второй методики диагностики мотивации учебной деятельности (опросник А.К. Марковой, Т.А. Матис и А.Б. Орлова «Мотивы учебной деятельности школьников/студентов») были получены следующие данные:

У большинства респондентов в структуре мотивации учебной деятельности доминируют следующие группы мотивов (в порядке выраженности):

4. **Коммуникативные мотивы** – желание учиться ради поддержания и развития отношений с однокурсниками/одноклассниками, стремление быть частью группы, получать одобрение и признание со стороны сверстников, избегать конфликтов или одиночества в коллективе.

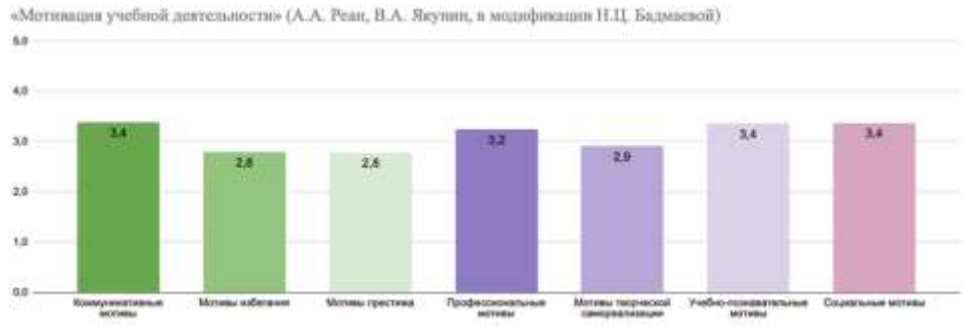
5. **Учебно-познавательные мотивы** – интерес к содержанию учебного материала, стремление к получению новых знаний, удовольствие от процесса познания, освоения сложных тем и интеллектуальной деятельности как таковой.

6. **Социальные мотивы** – широкие общественные установки: желание принести пользу людям и обществу, занять достойное место в социуме, оправдать ожидания значимых взрослых (родителей, педагогов), соответствовать социальным нормам и ценностям.

Внутренние (собственно познавательные) и внешние положительные мотивы (достижения, профессионального становления) выражены умеренно, тогда как мотивы избегания неудачи, престижа и материального вознаграждения занимают подчиненное положение.

Полученные результаты свидетельствуют о сформированности у большинства испытуемых внешней положительной мотивации, сочетающей социальную ответственность и потребность в принадлежности к группе, с достаточно выраженной внутренней учебно-познавательной мотивацией.

График 2.

Корреляция результатов

Для проверки нашей гипотезы мы провели корреляционный анализ данных показателей всех методик. Была использована встроенная функция CORREL в EXCEL.

Мы провели корреляционный анализ между показателями шкал «опросник копинг-стратегий» и «диагностики учебной мотивации».

В анализ были включены суммарные и шкальные показатели двух методик: опросника копинг-стратегий (первая методика) и диагностики мотивации учебной деятельности (вторая методика).

Среднее значение коэффициента корреляции по всем значимым парам переменных составило r = 0,62

Полученное среднее значение коэффициента корреляции r = 0,62 свидетельствует о наличии устойчивой положительной связи средней силы между особенностями копинг-поведения и структурой мотивации учебной деятельности. Это подтверждает теоретическое положение о том, что способы совладания со стрессом и ведущие учебные мотивы представляют собой взаимосвязанные компоненты общей системы саморегуляции личности в образовательной среде.

Доминирование внешних (коммуникативных и социальных) мотивов в сочетании с преимущественным использованием эмоционально-ориентированных и избегающих копинг-стратегий указывает на недостаточную сформированность внутренне-мотивированного и проблемно-ориентированного

стиля учебной деятельности. Подобная структура может обеспечивать кратковременную адаптацию, но создает риски снижения академической успешности и психологического благополучия в условиях повышения нагрузки или неопределенности.

Таким образом, результаты исследования подчеркивают необходимость целенаправленной психолого-педагогической работы по формированию более адаптивного профиля: усилению внутренних учебно-познавательных и достиженческих мотивов одновременно с развитием проблемно-ориентированных копинг-стратегий и навыков позитивной переоценки стрессовых ситуаций. Полученные данные могут быть использованы при разработке программ психологического сопровождения студентов, направленных на повышение устойчивости и автономности учебной мотивации.

Таблица 1.

	Коммуникативные мотивы	Мотивы избегания	Мотивы престижа	Профессиональные мотивы	Мотивы творческой самореализации	Учебно-познавательные мотивы	Социальные мотивы
Конфронтационный копинг	0.3	0,4	0,2	0,3	0,0	0,4	0,4
Дистанцирование	0,1	**0,7**	0,2	0,0	0,2	**0.5**	**0.5**
Самоконтроль	-0,1	0,3	0,1	**-0,5**	-0,3	0,0	-0,1
Поиск социальной поддержки	0,2	**0,5**	0,1	0,1	0.1	0,2	0,2
Принятие ответственности	0,0	**0,6**	0,2	-0,1	-0,4	**0.6**	0,3
Бегство-избегание	-0,1	**0,6**	0,0	0.4	0,0	0,2	0,2
Планирование решения проблемы	-0.4	0,4	0,2	**-0,6**	-0,3	**0.6**	-0,1
Положительная переоценка	-0,1	0,1	0,1	**-0.5**	**-0,5**	-0,1	-0,1

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить устойчивую взаимосвязь между структурой мотивации учебной деятельности и предпочитаемыми копинг-стратегиями студентов (средняя корреляция $r = 0,62$ при $p < 0,01$).

Ключевые выводы:

У большинства испытуемых доминируют внешние положительные мотивы (коммуникативные, социальные) и учебно-познавательные мотивы при относительно слабой выраженности внутренних мотивов достижения и профессионального самоопределения.

В арсенале совладания со стрессом преобладают эмоционально-ориентированные и избегающие стратегии (конфронтационный копинг, дистанцирование, бегство-избегание), тогда как проблемно-ориентированные копинги используются значительно реже.

Выявленные корреляционные связи подтверждают, что внешне мотивированные студенты чаще прибегают к избегающим и эмоционально-разряжающим способам совладания, тогда как лица с выраженной внутренней учебно-познавательной и достиженческой мотивацией значимо чаще используют адаптивные стратегии планирования, позитивной переоценки и поиска социальной поддержки.

Таким образом, сложившийся мотивационно-копинговый профиль можно охарактеризовать как недостаточно зрелый и потенциально уязвимый в условиях высокой академической нагрузки и неопределенности.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости целенаправленной психолого-педагогической работы по формированию более адаптивной системы саморегуляции: усилению внутренней мотивации достижения и профессионального самоопределения, развитию проблемно-ориентированных копинг-стратегий, навыков позитивной переоценки и конструктивного эмоционального регулирования.

Внедрение соответствующих тренинговых и консультативных программ будет способствовать повышению психологической устойчивости, академической успешности и общего благополучия студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский Л.С.* Психология. М.: «ЭКСМО-Пресс», 2010. С. 159.
2. *Голомидова Т.М.* Копинг-стратегии в психологии стресса // «Гуманитарные науки: сборник статей по материалам международной студенческой научно-практической конференции», № 12 (60). Новосибирск: изд-во «СибАК», 2017.
3. *Коломейцев Ю.А., Корзун С.А.* Основные научные подходы к копинг-поведению (совладающему поведению) // «Проблемы управления», № 2 (35), 2010.
4. *Лазарус Р.С.* Индивидуальная чувствительность и устойчивость к психологическому стрессу// «Психологические факторы на работе и охрана здоровья». М.-Женева, 1989. СС. 121–126.
5. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 11.
6. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: «Евразия», 2006. С. 97.
7. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии, 2-е изд. СПб.: «Питер», 2003. С. 685.

THE RELATIONSHIP BETWEEN ACADEMIC MOTIVATION AND COPING STRATEGIES AMONG UNIVERSITY STUDENTS

A. Berberyan, K. Abajyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article examines issues related to academic motivation and coping strategies among university students. The relevance of the topic lies in the fact that these factors determine the quality of education and contribute to a high level of academic achievement among students.
The aim of this article is to identify the relationship between academic motivation and coping strategies among university students. The theoretical and methodological framework is based on scholarly works on motivation by such authors as A. Maslow, B. Skinner, and V. Vroom, as well as studies on coping strategies by Lazarus, Folkman, R. Moos, R. Shafer, and other researchers.
The research methods included an analysis of scientific literature and psychological testing, including the Lazarus Coping Strategies Questionnaire and Ilyin's Academic Motivation Inventory. The empirical study conducted among university students revealed the specific characteristics of coping strategy use depending on the type of academic motivation.
Hypothesis: It is assumed that there is a relationship between types of academic motivation and certain coping strategies among university students.
Keywords: academic motivation, coping strategies, academic activity, university students.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И РОМАНТИЧЕСКАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ У МОЛОДЕЖИ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

А.С. Берберян, А.С. Авагян

Российско-Армянский университет
avagyanxxx@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта (ЭИ) и стиля романтической привязанности у студенческой молодежи. Выборку составили 38 человек в возрасте 18–25 лет. Для диагностики ЭИ использовался опросник Н. Холла, для определения стиля привязанности – методика Т. Гибсон. Корреляционный анализ (критерий Спирмена) выявил значимые положительные взаимосвязи между всеми пятью шкалами ЭИ и безопасным стилем привязанности. Наиболее выраженные связи обнаружены для эмоциональной осведомленности ($r = 0{,}534$, $p < 0{,}001$) и распознавания эмоций других ($r = 0{,}465$, $p = 0{,}003$). Управление эмоциями отрицательно коррелирует с тревожным стилем ($r = -0{,}329$, $p = 0{,}044$). Анализ детско-родительских отношений выявил, что негативные отношения с отцом в детстве значимо связаны с дезорганизованным стилем привязанности ($r = -0{,}429$, $p = 0{,}007$). Результаты подтверждают роль ЭИ как ресурса формирования безопасной привязанности и указывают на значимость фигуры отца в этом процессе.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, романтическая привязанность, студенческая молодежь, корреляционный анализ, безопасный стиль привязанности.

Введение

Проблема взаимосвязи эмоциональных компетенций и качества межличностных отношений приобретает особую актуальность в студенческом возрасте, в периоде, когда, согласно концепции Э. Эриксона, центральной задачей развития становится установление близких и доверительных отношений [4]. Неспособность решить данную задачу сопряжена с риском социальной изоляции и снижения психологического благополучия.

В научной литературе накоплены данные, свидетельствующие о связи эмоционального интеллекта с качеством романтических отношений [8; 12]. В то же время механизмы этой взаимосвязи применительно к студенческой молодежи остаются недостаточно изученными. Особый интерес представляет

вопрос о том, какие именно компоненты ЭИ (эмоциональная осведомленность, регуляция, эмпатия или распознавание эмоций других) связаны с конкретными стилями привязанности.

Теоретической основой работы выступают: модель ЭИ Н. Холла [3], теория привязанности Дж. Боулби и классификация типов взрослой привязанности Т. Гибсон [6]. Согласно Т. Гибсон, каждый стиль привязанности обладает специфическими «эмоциональными привычками», что предполагает его содержательную взаимосвязь с компонентами ЭИ.

Цель исследования: изучить взаимосвязь эмоционального интеллекта и стилей романтической привязанности у студенческой молодежи, а также проверить связь ранних детско-родительских отношений со стилем привязанности.

Гипотеза 1: предполагается что существует взаимосвязь между показателями эмоционального интеллекта и типами привязанности у студенческой молодежи.

Гипотеза 2: предполагается что существует взаимосвязь между выраженностью типов привязанности и дифференцированным отношением к родителям у студенческой молодежи.

Теоретические основы

Эмоциональный интеллект: ключевые модели

Понятие «эмоциональный интеллект» прошло длительный путь развития: от работ Ч. Дарвина о социальной функции эмоций до оформления в самостоятельный научный конструкт в 1990-х годах. В современной психологии выделяют два основных класса моделей: модель способностей (Дж. Майер, П. Саловей, Д. Карузо) и смешанные модели (Д. Гоулман, Р. Бар-Он) [8].

Модель способностей рассматривает ЭИ как когнитивную способность обрабатывать эмоциональную информацию через четыре иерархических ветви: восприятие эмоций, их использование для содействия мышлению, понимание и управление ими. Смешанные модели дополнительно включают личностные и поведенческие характеристики. В рамках данного исследования применялась модель Н. Холла, операционализирующая ЭИ через пять шкал: эмоциональная осведомленность, управление собственными эмоциями, самомотивация, эмпатия и распознавание эмоций других людей [3].

Теория привязанности и ее развитие

Теория привязанности Дж. Боулби обосновала привязанность как первичную биологическую потребность, независимую от физиологических нужд и сохраняющуюся на протяжении всей жизни. М. Эйнсворт выделила три паттерна привязанности у детей (надежный, избегающий, тревожно-амбивалентный), позднее М. Мэйн и Дж. Соломон добавили дезорганизованный тип. С. Хазан и Ф. Шейвер (1987) показали, что те же механизмы воспроизводятся в романтических отношениях взрослых. В данном исследовании используется модель Т. Гибсон, основанная на четырехтипной классификации К. Бартоломью и операционализированная для контекста романтических отношений [6].

Психологические особенности молодежного возраста

Студенческий возраст (18–25 лет) – период, в котором формирование ЭИ и становление стиля привязанности происходят одновременно и взаимообусловленно. Согласно Э. Эриксону, центральным новообразованием этого периода является способность к интимности; неудача в ее развитии ведет к изоляции [4]. Л.С. Выготский подчеркивал единство аффекта и интеллекта как фундаментальный принцип психического развития [1]. В.Т. Лисовский определяет молодежь как поколение, усваивающее профессиональные и социальные функции [2]. В этот период повышенные требования к эмоциональной компетентности обусловлены расширением социального круга и первыми серьезными романтическими отношениями; студенты с высоким ЭИ лучше справляются со стрессом и демонстрируют более высокое качество межличностных отношений [9; 5].

Взаимосвязь ЭИ и романтической привязанности

Связующим звеном ЭИ и привязанности выступает эмоциональная регуляция. Мета-анализ Walker et al. (2022) выявил значимую положительную корреляцию между надежной привязанностью и ЭИ ($r = 0{,}31$), а также отрицательные связи с тревожным ($r = -0{,}25$) и избегающим ($r = -0{,}36$) стилями [12]. Тревожный стиль характеризуется гиперактивацией эмоциональной системы и дефицитом саморегуляции, избегающий – подавлением эмоциональных сигналов и сниженной эмпатией [10].

Надежная привязанность создает «безопасную базу» для обработки эмоциональной информации: надежный стиль позитивно коррелирует с эмпатией и социальными навыками [11]. Borawski et al. (2022) показали, что ЭИ выступает медиатором между стилем привязанности и чувством одиночества, то есть развитие компонентов ЭИ способно смягчать негативное влияние ненадежной привязанности на межличностную адаптацию [5].

Методология

В исследовании приняли участие 38 студентов в возрасте от 18 до 25 лет (M = 20,8; SD = 2,1): 26 женщин (68,4%) и 12 мужчин (31,6%). Большинство (73,7%) находились в романтических отношениях на момент исследования; 65% имели опыт 1–2 значимых отношений в прошлом. Данные собирались посредством онлайн-опроса (Google Forms); участие было добровольным и анонимным.

Для диагностики ЭИ применялся опросник Н. Холла (30 утверждений, шкала −3...+3, 5 субшкал, максимум 90 баллов): эмоциональная осведомленность, управление эмоциями, самомотивация, эмпатия, распознавание эмоций других. Для определения стиля привязанности использовалась методика Т. Гибсон (60 утверждений «да/нет», 4 субшкалы: безопасный, тревожный, избегающий, дезорганизованный). Доминирующий стиль определялся по максимальной сумме баллов.

Дополнительно анализировалось качество ранних отношений с матерью и отцом (детство до 12 лет), а также отдельно после 12 лет. Применялись методы описательной статистики, статистической обработки и корреляционный анализ Спирмена (ввиду ненормального распределения ряда шкал).

Результаты

Распределение стилей привязанности и показатели ЭИ

По результатам методики Т. Гибсон распределение стилей привязанности в выборке составило: безопасный – 16 чел. (42,1%), тревожный – 14 чел. (36,8%), дезорганизованный – 7 чел. (18,4%), избегающий – 1 чел. (2,6%). Таким образом, более половины участников (55,2%) демонстрируют ненадежные стили привязанности.

Средний интегральный показатель ЭИ по выборке составил 34,5 балла (SD = 22,4), что соответствует низкому уровню (норма: низкий до 39 баллов). Наиболее проблемной оказалась шкала управления собственными эмоциями (M = −1,1; SD = 6,7), единственная с отрицательным средним значением. Шкала эмоциональной осведомленности соответствует среднему уровню (M = 11,2; SD = 5,5), как и эмпатия (M = 10,4; SD = 5,2). Самомотивация (M = 5,8) и распознавание эмоций других (M = 8,1) на уровне нижней границы нормы.

Корреляционный анализ: ЭИ и стили привязанности

Результаты корреляционного анализа Спирмена между шкалами ЭИ и стилями привязанности представлены в Табл. 1.

Таблица 1. Корреляции шкал ЭИ (Холл) и стилей привязанности (Гибсон).

Шкала ЭИ	Безопасный	Тревожный	Избегающий	Дезорг.
Эмоц. осведомленность	0,534***	0,033	–0,087	0,009
Управление эмоциями	0,435**	−0,329*	0,062	−0,278
Самомотивация	0,334*	−0,269	0,094	0,005
Эмпатия	0,345*	0,200	0,045	−0,082
Распознавание эмоций	0,465**	−0,051	0,059	−0,209
ЭИ общий	0,534**	−0,124	0,029	−0,212

*Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.*

Все пять шкал ЭИ обнаружили значимые положительные корреляции с безопасным стилем привязанности. Наиболее сильные связи зафиксированы для эмоциональной осведомленности ($r = 0,534$, $p < 0,001$) и общего ЭИ ($r = 0,534$, $p = 0,001$), а также для распознавания эмоций других ($r = 0,465$, $p = 0,003$) и управления эмоциями ($r = 0,435$, $p = 0,006$). Шкала управления эмоциями единственная обнаружила значимую отрицательную связь с тревожным стилем ($r = −0,329$, $p = 0,044$). Значимых корреляций с избегающим и дезорганизованным стилями не выявлено, что может объясняться малочисленностью данных групп.

Корреляционный анализ: отношения с родителями и привязанность

В ходе корреляционного анализа по критерию Спирмена для проверки второй гипотезы была исследована взаимосвязь между стилями романтической привязанности и качеством отношений с родителями, как в детстве (до 12 лет), так и в целом.

Анализ актуальных отношений с родителями не выявил статистически значимых корреляций ни с одним из стилей привязанности (r от −0,237 до 0,267 при $p > 0,05$). Результаты представлены в Табл. 2.

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа между стилями романтической привязанности и дифференцированное отношение к родителям.

	Избегающе-отвергающий	Тревожно-избегающий	Безопасный	Тревожный
Отношения с отцом	0.003	-0.152	0.267	-0.077
Отношения с матерью	-0.146	-0.237	0.155	-0.025

При анализе детских отношений с родителями была обнаружена статистически значимая положительная корреляция между качеством отношений с отцом в детстве и безопасным стилем привязанности (r = 0,425, p = 0,008). Это свидетельствует о том, что чем теплее были отношения с отцом в детском возрасте, тем более выражен безопасный стиль романтической привязанности. Значимой связи с отношениями с матерью в детстве выявлено не было (r = 0,039, p = 0,818). Результаты представлены в Табл. 3.

Таблица 3. Результаты корреляционного анализа между стилями романтической привязанности и дифференцированное отношение к родителям до 12 лет.

	Отношения с отцом в детстве (до 12 лет)	**Отношения с матерью в детстве (до 12 лет)**
Безопасный	0.425**	0.039
Тревожно-избегающий	-0.168	-0.058
Тревожный	-0.164	-0.048
Избегающе-отвергающий	-0.104	-0.042

Таким образом, вторая гипотеза подтвердилась частично: взаимосвязь между типами привязанности и дифференцированным отношением к родителям обнаружена только применительно к ранним отношениям с отцом.

Обсуждение и выводы

Полученные результаты согласуются с данными мета-анализа Walker et al. (2022) и подтверждают обе выдвинутые гипотезы. Гипотеза 1 подтверждена полностью: все компоненты ЭИ положительно связаны с безопасным стилем, и управление эмоциями отрицательно – с тревожным. Гипотеза 2 подтверждена частично: выявлены значимые связи качества детско-родительских отношений со стилями привязанности. Наиболее показательна роль отца, ранние (r = −0,429, p = 0,007) отношения с ним отрицательно связаны с дезорганизованным стилем. Это соответствует положениям теории Боулби о роли ранних детско-родительских отношений в формировании внутренних рабочих моделей и согласуется с данными о том, что отец выступает значимой фигурой привязанности, влияющей на паттерны романтических отношений во взрослом возрасте [10].

Особого внимания заслуживают два результата. Во-первых, отрицательное среднее по шкале управления эмоциями (M = −1,1) при одновременно выраженном тревожном стиле у 36,8% выборки свидетельствует о дефиците эмоциональной саморегуляции как ключевом уязвимом месте исследуемой группы. Во-вторых, высокая доля дезорганизованного стиля (18,4%) в сочетании с тревожным (36,8%) указывает на значительную долю молодежи, испытывающей серьезные трудности в сфере романтической привязанности.

Практические выводы: развитие эмоциональной осведомленности и навыков саморегуляции может выступать мишенью психологической работы по формированию более безопасного стиля привязанности у молодежи. Эти данные могут быть использованы при разработке программ психологической поддержки студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. М.: «Педагогика», 1982, 504с.
2. *Лисовский В.Т.* Советское студенчество: социологические очерки. М.: «Высшая школа», 1990, 304с.
3. *Холл Н.* Опросник эмоционального интеллекта / адаптация Г.В. Юсуповой // Сб. «Психодиагностика эмоциональных состояний». М., 2006.
4. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: «Прогресс», 1996, 342с.
5. *Borawski D., Zawadzka A.* Loneliness and attachment styles: the mediating role of emotional intelligence // “Current Psychology”. Vol. 41, 2022. PP. 6765–6774.
6. *Gibson T.* Attachment. A guide to overcoming insecurity and creating authentic connections. “Hay House”, 2022, 320p.
7. *Hazan C., Shaver P*. Romantic love conceptualized as an attachment process // “Journal of Personality and Social Psychology”. Vol. 52 (3), 1987. PP. 511–524.
8. *Mayer J., Salovey P., Caruso D.* Emotional intelligence: New ability or eclectic traits? // “American Psychologist”. Vol. 63 (6), 2008. PP. 503–517.
9. *Messina I., Grecucci A., Viviani R.* Neurobiological models of emotion regulation and their application to emotional disorders // “Frontiers in Psychology”. Vol. 14, 2023.
10. *Mikulincer M., Shaver P.* Attachment in adulthood: Structure, dynamics, and change. 2nd ed. New York: “Guilford Press”, 2019, 653p.
11. *Samadi M., Pour M.* The relationship between emotional intelligence and attachment styles in students // “Procedia – Social and Behavioral Sciences”. Vol. 84, 2013. PP. 630–634.
12. *Walker S., Double K. Kunst H., Zhang M., MacCann C.* Emotional intelligence and attachment styles: A meta-analysis // “Personality and Individual Differences”. Vol. 184, 2022. PP. 1–12.

EMOTIONAL INTELLIGENCE AND ROMANTIC ATTACHMENT IN YOUTH: AN EMPIRICAL STUDY

A. Berberyan, A. Avagyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article presents the results of an empirical study examining the relationship between emotional intelligence (EI) and romantic attachment style in student youth. The sample consisted of 38 participants aged 18–25. The Hall EI Questionnaire was used to assess EI, and the Gibson Attachment Questionnaire to determine attachment style. Spearman correlation analysis revealed significant positive relationships between all five EI scales and secure attachment style. The strongest associations were found for emotional awareness ($r = 0.534$, $p < 0.001$) and recognition of others' emotions ($r = 0.465$, $p = 0.003$). Emotion management negatively correlated with anxious attachment style ($r = -0.329$, $p = 0.044$). Analysis of parent-child relationships revealed that negative relations with the father in childhood were significantly associated with disorganized attachment style ($r = -0.429$, $p = 0.007$). The findings confirm the role of EI as a resource for developing secure attachment and highlight the significance of the father figure in this process.

Keywords: emotional intelligence, romantic attachment, student youth, correlation analysis, secure attachment style.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВНИМАНИЯ, ТРЕВОЖНОСТИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

А.С. Берберян, Г.К. Варданян

Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению взаимосвязи внимания, тревожности и интеллектуальных способностей у детей младшего школьного возраста. В исследовании приняли участие 30 учащихся 3–4 классов в возрасте от 8 до 10 лет. Для диагностики применялись: корректурная проба Бурдона (внимание), тест школьной тревожности Филлипса, прогрессивные матрицы Равена (интеллект) и проективная методика А.М. Прихожан. Результаты показали, что повышенная тревожность отрицательно связана с устойчивостью внимания, а уровень внимания положительно коррелирует с интеллектуальными показателями. Влияние тревожности на базовый интеллект не подтверждено, однако выявлено ее негативное воздействие на актуальную интеллектуальную продуктивность. Обосновывается необходимость комплексного подхода к психодиагностике и создания психологически безопасной образовательной среды.

Ключевые слова: тревожность, внимание, интеллект, младший школьный возраст, школьная тревожность.

Введение

Период младшего школьного возраста является одним из наиболее значимых этапов психического развития ребенка. Начало систематического обучения сопровождается изменением ведущей деятельности, усложнением социальных требований и возникновением новых форм взаимодействий. В условиях нарастающих требований со стороны школьной среды ключевую роль в учебной успешности начинают играть взаимосвязанные феномены – тревожность, внимание и интеллект.

Тревожность рассматривается как устойчивое или ситуативное эмоциональное состояние, проявляющееся в переживании напряжения и беспокойства (Спилбергер, 2002). Повышенная тревожность способна нарушать учебную деятельность, снижать концентрацию внимания и препятствовать успешному выполнению задач. Внимание является базовым когнитивным процессом, обеспечивающим возможность сосредоточиваться на учебной задаче; именно в младшем школьном возрасте происходят качественные изменения в

произвольном внимании (Выготский, 2005). Интеллект, в свою очередь, выступает свойством когнитивной сферы, определяющим способность ребенка понимать учебный материал и решать мыслительные задачи (Пиаже, 2002).

Актуальность исследования обусловлена тем, что в данном возрасте формируются ключевые познавательные процессы и эмоциональные реакции, определяющие успешность обучения. Несмотря на значительное число работ в этой области (Прихожан, 2000; Немов, 2016; Лурия, 1973), проблема совместного влияния всех трех факторов остается недостаточно изученной применительно к условиям современной образовательной среды.

Цель исследования – изучить особенности взаимосвязи тревожности, внимания и интеллекта у младших школьников.

Гипотезы исследования:

- повышенная тревожность отрицательно влияет на свойства внимания;
- повышенная тревожность снижает результаты интеллектуальных способностей;
- существует положительная взаимосвязь между показателями внимания и интеллектуальными способностями.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 30 младших школьников (15 мальчиков и 15 девочек) в возрасте от 8 до 10 лет, обучающихся в 3–4 классах общеобразовательной школы. Все диагностические методики предъявлялись в распечатанном виде в очной форме.

Корректурная проба Бурдона применялась для диагностики концентрации и устойчивости внимания, скорости и точности выполнения заданий. Испытуемым предлагалось последовательно просматривать строки символов и вычеркивать заданные буквы, отмечая выполненный объем через каждые 60 секунд.

Тест школьной тревожности Филлипса (1995) – опросник из 58 вопросов с ответами «да»/«нет» – использовался для определения уровня и особенностей тревожности, связанной с учебной деятельностью. Методика позволяет выделить восемь факторов школьной тревожности, в том числе: общую тревожность в школе, страх ситуации проверки знаний, страх не соответствовать ожиданиям окружающих, переживание социального стресса.

Прогрессивные матрицы Равена (детский вариант) применялись для оценки уровня общего интеллектуального развития и способности к абстрактному логическому мышлению. Интерпретация результатов осуществлялась на основе процентной системы и возрастных нормативов (I степень – 95% и выше; V степень – 5% и менее).

Проективная методика диагностики школьной тревожности А.М. Прихожан (1980–1982) предназначена для выявления скрытых форм тревожности у детей 6–11 лет с помощью 12 рисунков, отражающих типичные школьные ситуации. Применение данной методики наряду с вербальным опросником Филлипса обеспечивало комплексность диагностики.

Статистическая обработка включала корреляционный анализ для выявления взаимосвязей между исследуемыми показателями.

Результаты

Результаты корректурной пробы Бурдона выявили неоднородность уровня развития внимания. У части детей зафиксированы высокие показатели концентрации и устойчивости. Вместе с тем у значительной части испытуемых наблюдались признаки недостаточной устойчивости: повышенное количество пропусков и ошибок, снижение темпа работы к концу выполнения задания, что свидетельствует о быстрой утомляемости и повышенной отвлекаемости.

Тест Равена показал, что большинство испытуемых обнаружили средний уровень интеллектуального развития, соответствующий возрастной норме, часть учащихся – высокие результаты; у отдельных детей зафиксированы показатели ниже среднего. В процессе выполнения заданий дети с пониженными результатами испытывали трудности в анализе изображений и удержании внимания на задаче.

Результаты методики Филлипса показали наличие школьной тревожности у значительной части выборки. Наиболее выраженными оказались: страх ситуации проверки знаний, страх не соответствовать ожиданиям окружающих и общая тревожность в школе. У части учащихся выявлены признаки переживания социального стресса.

Проективная методика Прихожан показала более высокий уровень тревожности по сравнению с методикой Филлипса: у многих детей выявлены признаки внутреннего эмоционального напряжения и неуверенности, не проявившихся при вербальном опросе. Это объясняется тем, что младшие школьники не всегда способны осознавать и открыто сообщать о своих переживаниях, тогда как проективный формат снижает уровень сознательного контроля над ответами.

Корреляционный анализ выявил следующие тенденции: между уровнем тревожности и показателями внимания наблюдается отрицательная взаимосвязь – повышение тревожности сопровождается снижением устойчивости внимания и увеличением количества ошибок; между тревожностью и интел-

лектуальными показателями прослеживается тенденция отрицательной взаимосвязи; между уровнем внимания и интеллектуальными способностями выявлена положительная взаимосвязь.

Обсуждение результатов

Гипотеза 1 подтверждена частично. Связь тревожности с вниманием зафиксирована, однако она носит нелинейный характер: умеренная тревожность может мобилизовывать ресурсы, тогда как высокая – дезорганизовывать. Это согласуется с теоретическими положениями о роли эмоциональных состояний в регуляции когнитивной деятельности (Лазарус, 2004; Симонов, 1981).

Гипотеза 2 не подтверждена. Тревожность не определяет базовый уровень интеллекта, что соответствует современным представлениям об интеллекте как относительно стабильной когнитивной характеристике (Пиаже, 2002). Вместе с тем эмоциональное напряжение способно снижать актуальную интеллектуальную продуктивность в ситуациях тестирования, что подтверждает важность учета эмоционального состояния при интерпретации диагностических результатов.

Гипотеза 3 не подтверждена статистически, хотя тенденция положительной связи между вниманием и интеллектом прослеживалась. Ограниченность выборки (n = 30) не позволяет сделать окончательных выводов; данное направление требует дальнейшего изучения на расширенной выборке.

Особого внимания заслуживает значительное расхождение между результатами методик Филлипса и Прихожан. Полученные данные подтверждают необходимость комплексного применения вербальных и проективных методов при диагностике эмоционального состояния детей. Вербальные методики выявляют осознаваемую тревожность, тогда как проективные – скрытую, что принципиально важно для разработки коррекционных программ.

Практические рекомендации: исследователям следует расширить выборку до 40–50 человек; школьным психологам – включать проективные методики в диагностический комплекс; педагогам – организовывать учебный процесс с учетом уровня тревожности и произвольного внимания, снижать оценочный стресс и создавать психологически безопасную образовательную среду.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский Л.С.* Психология развития ребенка. М.: «Смысл», 2005.
2. *Давыдов В.В.* Типы обобщения в обучении. М.: «Педагогика», 1972.
3. *Лазарус Р.* Эмоции и адаптация. СПб.: «Питер», 2004.
4. *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М.: МГУ, 1973.
5. *Немов Р.С.* Психология. Книга 2: Психология образования. М.: «Владос», 2016.
6. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта. СПб.: «Питер», 2002.

7. *Прихожан А.М.* Тревожность у детей и подростков. М.: «Педагогика», 2000.
8. *Симонов П.В.* Эмоциональный мозг. М.: «Наука», 1981.
9. *Спилбергер Ч.* Тревожность как личностная характеристика. М.: «Смысл», 2002.
10. *Филлипс Б.Н.* Школьная тревожность и способы ее преодоления. М.: «Просвещение», 1998.

THE RELATIONSHIP BETWEEN ATTENTION, ANXIETY AND INTELLECTUAL ABILITIES IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN

G. Vardanyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article investigates the relationship between attention, anxiety, and intellectual abilities in primary school children. The study involved 30 pupils from grades 3–4 (ages 8–10). The following diagnostic tools were applied: Bourdon's proofreading test (attention), Phillips' school anxiety questionnaire, Raven's Progressive Matrices (intelligence), and Prikhozhan's projective method. Results indicate a negative relationship between heightened anxiety and attentional stability, and a positive correlation between attention and intellectual performance. The direct impact of anxiety on baseline intelligence was not confirmed; however, its adverse effect on current intellectual productivity was established. The findings highlight the importance of a comprehensive diagnostic approach and the creation of a psychologically safe educational environment.

Keywords: anxiety, attention, intelligence, primary school age, school anxiety.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И АДАПТАЦИЯ КАК ФАКТОРЫ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛГБТ-МОЛОДЕЖИ

А.С. Берберян, А.К. Григорян

Российско-Армянский университет
angelina.grigoryan@student.rau.am

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена взаимосвязи психологического благополучия и социально-психологической адаптации с самоактуализацией у ЛГБТ-молодежи. Выборку составили 40 респондентов в возрасте 18–64 лет. Применялись три методики: шкала психологического благополучия К. Рифф (адаптация Шевеленковой и Фесенко), опросник социально-психологической адаптации Роджерса–Даймонд и тест САМОАЛ (Лазукин–Калина). Корреляционный анализ показал, что дезадаптивность и эмоциональный дискомфорт устойчиво связаны с низкими показателями самопонимания и аутосимпатии. Ориентация во времени оказалась переменной, одновременно связанной с адаптивностью, внутренним контролем и эмоциональным комфортом. Все три гипотезы подтверждены частично.

Ключевые слова: самоактуализация, ЛГБТ-молодежь, психологическое благополучие, социально-психологическая адаптация.

Введение

ЛГБТ-молодежь сталкивается с хроническим стигматизирующим давлением, которое меняет сам характер адаптационных процессов – не их интенсивность, а структуру. Трудности с принятием идентичности, дефицит социальной поддержки, риск отвержения со стороны семьи и ближайшего окружения формируют психологический контекст, в котором вопросы самоактуализации стоят принципиально иначе, чем у гетеросексуальных сверстников.

Концепция меньшинственного стресса (Meyer, 2003) разграничивает дистальные стрессоры – дискриминацию, виктимизацию, микроагрессию – и проксимальные, встроенные в саму структуру самовосприятия: ожидание отвержения, сокрытие идентичности, интернализованную гомонегативность [1]. Последние особенно значимы, поскольку они напрямую деформируют самоотношение – то самое основание, на котором, по Маслоу и Роджерсу, только и возможна самоактуализация.

В отечественной психологии психологическое благополучие, адаптация и самоактуализация изучались преимущественно как отдельные конструкты. Их совместное влияние на самореализацию у психологически уязвимых групп

остается малоисследованным. Настоящая работа направлена на восполнение этого пробела применительно к ЛГБТ-молодежи.

Цель исследования: изучить взаимосвязь психологического благополучия и социально-психологической адаптации с самоактуализацией у ЛГБТ-молодежи.

Гипотезы: 1) показатели психологического благополучия связаны с показателями самоактуализации; 2) шкалы адаптации связаны с показателями самоактуализации.

Материал и методы

Выборку составили 40 добровольцев: 28 женщин, 10 мужчин, 2 – пол не указали (Диаграмма № 1). Возраст: 75% – 18–25 лет, 25% – 26–64 года (Диаграмма № 2). По сексуальной ориентации: 35% – бисексуальные, 30% – гетеросексуальные, 20% – лесбиянки, 15% – геи (Диаграмма № 3). По занятости выборка разделилась на три равные части: работающие, учащиеся, совмещающие.

Применялись три инструмента. Шкала психологического благополучия К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко) – 84 пункта, 6 шкал: положительные отношения с другими, автономия, управление окружением, личностный рост, цель в жизни, самопринятие; плюс интегральный показатель. Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса–Даймонд – 101 утверждение; шкалы: адаптивность/дезадаптивность, принятие/непринятие себя, принятие/непринятие других, эмоциональный комфорт/дискомфорт, внутренний/внешний контроль, доминирование, ведомость, эскапизм. Тест САМОАЛ (А.В. Лазукин, адаптация Н.Ф. Калина) – 100 пунктов, 11 шкал: ориентация во времени, ценности, взгляд на природу человека, потребность в познании, креативность, автономность, спонтанность, самопонимание, аутосимпатия, контактность, гибкость в общении.

Корреляции классифицировались следующим образом: до 0,4 – слабая связь, 0,5–0,6 – умеренная, 0,7–0,8 – сильная.

Результаты

По шкале Рифф у 45% респондентов зафиксирован низкий уровень психологического благополучия, у 35% – средний, у 20% – высокий (Диаграмма № 4). По методике Роджерса–Даймонд группа в целом демонстрирует достаточно высокий уровень адаптивности (65% – в норме, 30% – выше нормы) и выраженное принятие себя (60% – выше нормы) (Диаграмма № 5). Вместе с тем у половины респондентов заниженный внутренний контроль – показатель, который в дальнейшем оказался значимо связан с рядом шкал самоактуализации. По САМОАЛ

большинство шкал – в диапазоне 7–9 баллов (средний уровень); пиковое значение у креативности (10,4). Относительно снижены самопонимание (7,6), гибкость в общении (7,2) и аутосимпатия (7,1) (Диаграмма № 6).

Корреляционный анализ показал, что наиболее системно связанными с адаптационными трудностями оказались самопонимание и аутосимпатия. Дезадаптивность коррелирует с ними на уровне r = −0,7, эмоциональный дискомфорт – r = −0,8 и r = −0,7 соответственно. Ориентация во времени устойчиво связана с адаптивностью (r = 0,7), внутренним контролем (r = 0,7) и эмоциональным комфортом (r = 0,7). Внешний локус контроля сопряжен с низкой аутосимпатией (r = −0,7); ведомость отрицательно связана с автономностью, аутосимпатией и самопониманием (r = −0,7 по каждому).

Один из более неожиданных результатов: интегральный показатель психологического благополучия отрицательно коррелирует с креативностью (r = −0,7). Шкалы управления окружением, личностного роста и цели в жизни дают схожую картину (−0,5…−0,6). Высокие баллы по креативности в выборке сочетаются с повышенным внутренним дискомфортом (61,5% выше нормы по Роджерсу–Даймонд), низким самопониманием и сниженной контактностью.

Таблица 1. Ключевые корреляции между шкалами адаптации и самоактуализации.

Шкала адаптации	**Самопонимание**	**Аутосимпатия**	**Ориентация во времени**
Дезадаптивность	−0,7	−0,7	−0,6
Эмоц. дискомфорт	−0,8	−0,7	−0,5
Внутренний контроль	–	–	+0,7
Внешний контроль	−0,5	−0,7	−0,7
Ведомость	−0,7	−0,7	−0,5

Обсуждение

Гипотеза 1 подтверждена частично. Психологическое благополучие и самоактуализация пересекаются прежде всего в зоне автономии и ориентации во времени. Творческое и познавательное измерения самоактуализации с благополучием не коррелируют – более того, связь обратная. Это наводит на мысль, что у данной выборки креативность работает скорее как способ совладания с напряжением, чем как маркер психологического здоровья. Подобная

картина вполне объяснима: для ЛГБТ-молодежи в условиях меньшинственного стресса творчество нередко становится пространством, где можно «быть собой» тогда, когда в социальной среде это небезопасно.

Гипотеза 2 подтверждена частично. Сильные связи адаптации с самоактуализацией сосредоточены не в поведенческих шкалах, а во внутрирегуляторных – самопонимании, аутосимпатии, ориентации во времени. Это согласуется с позицией Роджерса, для которого принятие себя – условие психологического здоровья, а не его следствие [2]. С маслоуской точки зрения логика та же: не закрыв потребности в самоуважении и принятии, человек не выходит на уровень самоактуализации [10]. У данной выборки именно эти потребности структурно подрываются меньшинственным стрессом.

Ориентация во времени связана сразу с несколькими ключевыми переменными – адаптивностью, внутренним контролем, эмоциональным комфортом. С практической точки зрения это означает, что техники, направленные на включенность в настоящий момент (практики осознанности, АСТ-терапия), дают системный эффект. Работа с самопониманием и аутосимпатией – через аффирмативную и нарративную терапию, экстернализацию стигмы – актуальна для данной группы вне зависимости от других характеристик.

Психологическое неблагополучие и дезадаптация в этой выборке связаны с дефицитами самоотношения – самопониманием и аутосимпатией – которые выступают ключевыми переменными, опосредующими влияние адаптационных трудностей на самоактуализацию. Ориентация во времени оказывается сквозной переменной, связанной одновременно с адаптацией и с рядом самоактуализационных показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анн-Вилсон Л.Ф.* Социально-психологические особенности межкультурной адаптации российских студентов в Германии: Дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2003, 174с.
2. *Бандура О.О.* Влияние самоактуализации на формирование структуры компетентного стиля жизни личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2002, 19с.
3. *Гартман Г.К.* понятию бессознательного // «Новые идеи в философии». СПб., 1914.
4. *Грошев И.В.* Психология половых различий: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002, 49с.
5. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: «Питер», 2000, 508с.
6. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: «Питер», 2002, 544с.
7. *Калина Н.Ф.* Вопросник самоактуализации личности // «Журнал практического психолога», № 1, 1998. СС. 65–75.
8. *Лопухова О.Г.* Психологический пол личности в современных социальных условиях // Субъектность в современном образовательном пространстве / Под общ. ред. Л.М. Аболина. Казань: ИСПО РАО, 2001. СС. 169–181.

9. *Малышева Н.Г., Шаехов З.Д.* Об исследованиях психологического благополучия гомо- и бисексуалов в современной психологии: обзор литературы // «Вестник Московского университета. Сер.: 14. Психология», № 2, 2019. СС. 145–163.
10. *Маслоу А.* Психология бытия. М.: «Рефл-бук», 1997, 307с.
11. *Милославская И.А.* Роль социальной адаптации в условиях современной НТР // Философия и социальная психология: научный доклад. Л.: «Мысль», 1979.
12. *Налчаджян А.А.* Социально-психологическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ер.: АН АрмССР, 1988, 237с.
13. Освіторія. Как воспитывают толерантность к ЛГБТ в разных странах [Эл. ресурс] // Освіторія. URL: https://osvitoria.media (дата обращения: 15.01.2026).
14. *Осницкий А.К.* Определение характеристик социальной адаптации // «Журнал практического психолога», № 1, 1998. СС. 54–64.
15. *Платонов К.К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М.: «Высшая школа», 1984, 174.
16. *Саблин В.С.* Психология человека. М.: «Мысль», 2004, 250с.
17. *Фомин Н.А.* Физиология человека: учеб. пособие для студентов факультетов физического воспитания пед. ин-тов. М.: «Просвещение», 1982, 320с.
18. *Хохлова Л.П.* Исследование адаптирующей способности коллективов. Психологические основы формирования личности в условиях общественного воспитания // «Вопросы психологии». М., 1984.
19. *Buquiran J.L.B., Ciruelos A.J.A.F., Domingo M.E.A., Fernandez M.E.M., Valencia P.L.* Psychological Safety and Psychological Well-Being of LGBTQ+ Young Adults. Manila: Rizal Technological University, 2024.
20. *Camp J., Vitoratou S., Rimes K.A.* LGBQ+ Self-Acceptance and Its Relationship with Minority Stressors and Mental Health: A Systematic Literature Review // “Archives of Sexual Behavior”. Vol. 49, 2020. PP. 2353–2373.
21. *Chan A.S.W., Wu D., Lo I.P.Y., Ho J.M.C., Yan E.* Diversity and Inclusion: Impacts on Psychological Wellbeing Among Lesbian, Gay, Bisexual, Transgender, and Queer Communities // “Frontiers in Psychology”. Vol. 13, 2022. Article 726343.
22. *Espinol S.M.T., Maranan C.R.M., Manalo R.M.Q., Marcelo R.* Lived Experiences of Gay and Lesbian Adolescents on their Way to Achieving Self-actualization // “International Journal of Humanities and Social Sciences”. Vol. 13, № 2, 2021. PP. 1–32.
23. *Goldbach J., Gibbs J.* A developmentally informed adaptation of minority stress for sexual minority adolescents // “Journal of Adolescence”. Vol. 55, 2017. PP. 36–50.
24. National Centre for Social Research [El. resource]. 2019. URL: https://natcen.ac.uk (дата обращения: 15.01.2026).
25. *Rockman A.* Gay, Lesbian, and Bisexual Students on Community College Campuses: Coming-Out and Self-Actualization: дис. ... д-ра пед. наук. Rochester: St. John Fisher College, 2013.
26. Социологический институт Берлина [Эл. ресурс]. 2022.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Диаграмма № 1. Разделение респондентов по половому признаку.

Диаграмма № 2. Разделение респондентов по возрастному признаку.

Диаграмма № 3. Разделение респондентов по сексуальной ориентации.

Диаграмма № 4. «Шкала психологического благополучия» Рифф, средние значения.

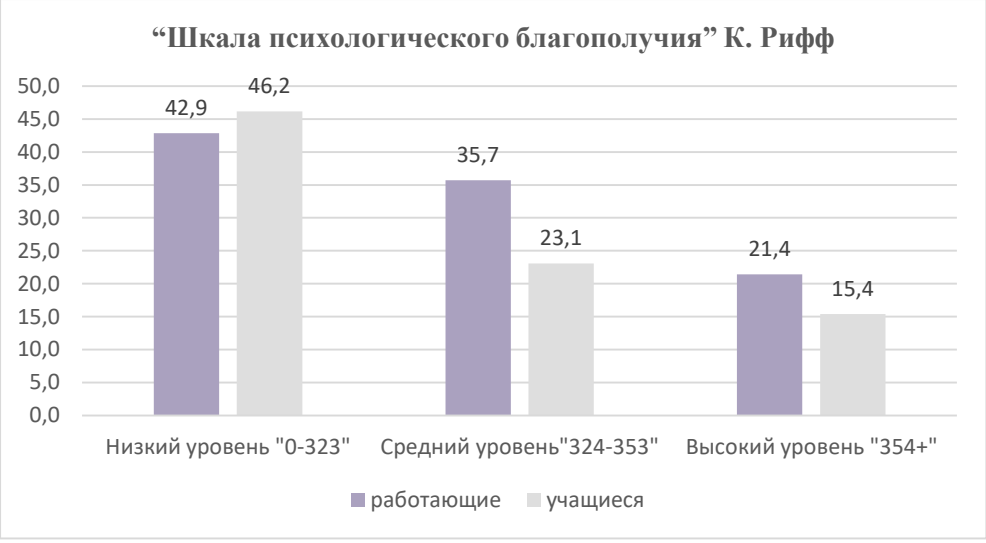
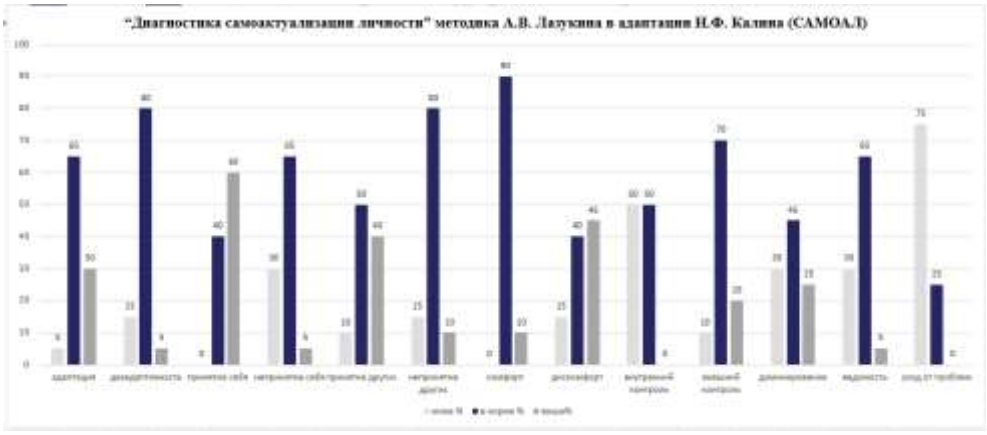

Диаграмма № 5. Результаты по «Методика диагностики социально-психологической адаптации» Роджерса-Даймонд.

Диаграмма № 6. Результаты по «Диагностика самоактуализации личности» методика А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина (САМОАЛ).

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AND ADAPTATION AS FACTORS OF SELF-ACTUALIZATION AMONG LGBT YOUTH

A. Berberyan, A. Grigoryan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the relationship between psychological well-being, social-psychological adaptation, and self-actualization in LGBT youth. The sample comprised 40 respondents aged 18–64. Three instruments were used: Ryff Psychological Well-Being Scales (adapted by Shevelenkova & Fesenko), Rogers–Diamond Social-Psychological Adaptation Inventory, and the SAMOAL questionnaire (Lazukin–Kalin). Correlation analysis showed that maladaptability and emotional discomfort are consistently linked to low self-understanding and autosympathy scores. Time orientation proved to be a variable simultaneously associated with adaptability, internal control, and emotional comfort. All three hypotheses were partially confirmed.
Keywords: self-actualization, LGBT youth, psychological well-being, social-psychological adaptation.

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ И СПОСОБНОСТЕЙ К САМОРАЗВИТИЮ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

А.С. Берберян, С.С. Марданян

Российско-Армянский университет
aspsy@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются особенности самореализации и способности к саморазвитию студентов. Актуальность исследования обусловлена тем, что студенческий возраст является важным этапом личностного и профессионального становления, в течение которого происходит раскрытие внутреннего потенциала личности, формирование жизненных целей и стремления к самосовершенствованию. *Цель исследования* – изучить особенности самореализации и способности к саморазвитию студентов. В исследовании приняли участие студенты Российско-Армянского университета, обучающиеся по направлению «Психология». Методы исследования – теоретический анализ научной литературы, тест суждений самореализации личности С.И. Кудинова и методика В.И. Андреева «Оценка способностей к саморазвитию». Результаты исследования показали, что большинство студентов обладают средним и высоким уровнем самореализации, а также высоким и выше среднего уровнем способности к саморазвитию, что свидетельствует об их готовности к личностному росту, самосовершенствованию и профессиональному развитию. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при разработке программ психологического сопровождения студентов, направленных на развитие их личностного потенциала и способности к саморазвитию.

Ключевые слова: самореализация, саморазвитие, студенческий возраст, сенситивный период.

Введение

Актуальность: изучение самореализации и способности к саморазвитию студентов обусловлена тем, что данный возраст представляет собой особый сенситивный период личностного развития. В этот период молодые люди формируют свою профессиональную идентичность, жизненные ценности и стратегии поведения, у них закладываются основы самостоятельного принятия решений и осознания собственной ответственности. Успешное прохождение этого этапа напрямую связано с эффективным раскрытием потенциала личности и готовностью к целенаправленному личностному росту.

Гипотезы:

- предполагается, что в студенческом возрасте самореализация и способность к саморазвитию характеризуются достаточной степенью выраженности, при этом у большинства студентов будет наблюдаться преобладание высокого и выше среднего уровня способности к саморазвитию, что отражает их готовность к самопознанию, самосовершенствованию и целенаправленному личностному росту;
- предполагается, что у большинства студентов будет выявлен средний и высокий уровень самореализации, что обусловлено процессом активного личностного и профессионального самоопределения в студенческом возрасте;
- предполагается, что у части студентов могут наблюдаться средние и низкие показатели самореализации и способности к саморазвитию, что связано с недостаточной сформированностью жизненных целей и мотивации к личностному развитию.
- **Цель исследования**: изучить особенности самореализации и способности к саморазвитию у студентов.

Методы исследования: теоретический анализ научной литературы, тестирование, в частности:

1) Тест суждений самореализации личности С.И. Кудинова;

2) Методика «Оценка способностей к саморазвитию» В.И. Андреева.

Проблема самореализации и саморазвития занимает важное место в современной психологии личности. Особый интерес к данной проблеме обусловлен тем, что в студенческом возрасте происходит активное формирование профессиональной идентичности, жизненных ценностей и представлений о будущем. Именно в этот период создаются благоприятные условия для раскрытия личностного потенциала и развития способности к осознанному самоизменению.

Студенческий возраст рассматривается многими исследователями как сенситивный период личностного развития. По мнению Л.С. Выготского, на определенных возрастных этапах создаются наиболее благоприятные условия для формирования новых психологических качеств и личностных новообразований. Э. Эриксон связывал данный возраст с решением задач самоопределения и формирования устойчивой идентичности. Б.Г. Ананьев рассматривал студенческий возраст как этап активного становления личности, когда человек начинает осознавать себя субъектом собственной жизнедеятельности.

Проблема самореализации получила широкое освещение в трудах представителей гуманистической психологии. А. Маслоу рассматривал самореализа-

цию как стремление человека к наиболее полному раскрытию своих способностей и возможностей. К. Роджерс связывал данный процесс с врожденной тенденцией личности к самоактуализации и личностному росту. В работах В. Франкла самореализация рассматривается через поиск и осуществление жизненного смысла.

Саморазвитие в психологической науке понимается как осознанный процесс личностных изменений, направленный на совершенствование собственных качеств, расширение возможностей и достижение поставленных целей. Способность к саморазвитию выступает важным личностным ресурсом, обеспечивающим успешную адаптацию к требованиям образовательной среды и готовность к дальнейшему профессиональному становлению.

Самореализация и способность к саморазвитию являются важнейшими характеристиками личности студента, определяющими эффективность его личностного и профессионального становления.

Выборка: в исследовании приняли участие 30 студентов Российско-Армянского университета, обучающихся по направлению «Психология» (бакалавриат, 1–4 курсы).

Результаты эмпирического исследования

По результатам теста суждений самореализации личности С.И. Кудинова было проведено распределение студентов по уровням самореализации (Рис. 1).

Анализ полученных данных показал, что наиболее многочисленную группу составили студенты со средним уровнем самореализации – 13 чел. (43,3%). Это свидетельствует о том, что большинство испытуемых находятся в процессе активного раскрытия собственного потенциала и формирования устойчивой жизненной позиции, однако возможности личности еще реализованы не в полной мере.

Высокий уровень самореализации был выявлен у 10 студентов (33,3%). Для данной категории характерны выраженная ориентация на достижение целей, стремление

к профессиональному и личностному развитию, высокая активность и способность эффективно использовать собственные ресурсы для реализации жизненных задач.

Низкий уровень самореализации обнаружен у 7 студентов (23,3%). Полученные результаты могут свидетельствовать о недостаточной сформированности жизненных целей, неуверенности в собственных возможностях, а также о необходимости дополнительной психологической и педагогической поддержки, направленной на развитие личностного потенциала.

Результаты первой методики позволяют сделать вывод, что большинство студентов обладают средним и высоким уровнями самореализации, что соответствует особенностям студенческого возраста как периода активного профессионального и личностного самоопределения.

Участник	Балл	Уровень самореализации
1	47	низкий
2	36	низкий
3	121	высокий
4	59	средний
5	122	высокий
6	178	высокий
7	91	средний
8	112	высокий
9	84	средний
10	99	средний
11	76	средний
12	94	средний
13	76	средний
14	94	средний
15	108	высокий
16	49	низкий
17	67	средний
18	20	низкий
19	38	низкий
20	42	низкий
21	87	средний
22	154	высокий
23	168	высокий
24	102	высокий
25	89	средний
26	180	высокий
27	30	низкий
28	118	средний
29	101	высокий
30	70	средний

Рисунок 1. Распределение студентов по уровням самореализации личности.

По результатам второй методики В.И. Андреева «Оценка способностей к саморазвитию» можно заметить следующее *(*Рис.2):

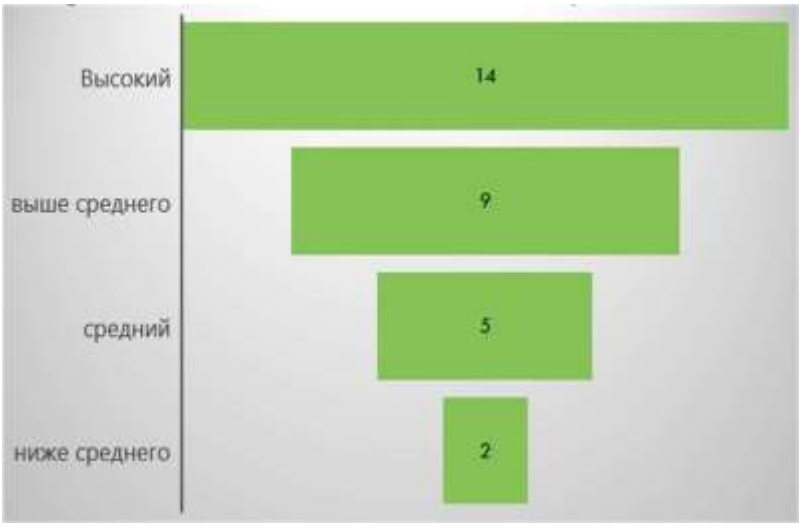

Рисунок 2. Распределение студентов по уровням способности к саморазвитию.

Анализ результатов показал, что высокий уровень способности к саморазвитию выявлен у 14 студентов (46,7%). Для данной группы характерны выраженная внутренняя мотивация к личностному росту, стремление к постоянному обучению, готовность к самоанализу и совершенствованию собственных качеств.

Уровень выше среднего был установлен у 9 студентов (30%). Эти студенты также обладают высокой готовностью к саморазвитию, однако отдельные компоненты данного процесса требуют дальнейшего совершенствования.

Средний уровень способности к саморазвитию выявлен у 5 студентов (16,7%). Это свидетельствует о наличии потенциала к личностному росту, который может успешно реализовываться при благоприятных условиях образовательной среды и высокой учебной мотивации.

Ниже среднего уровень обнаружен лишь у 2 студентов (6,6%), что может быть связано с недостаточно выраженной мотивацией к самоизменению, неопределенностью жизненных целей или недостаточной сформированностью навыков самоорганизации.

Результаты второй методики показывают, что подавляющее большинство студентов обладают высоким или выше среднего уровнем способности к саморазвитию, что свидетельствует об их готовности к личностному и профессиональному совершенствованию.

Анализ полученных результатов

Сопоставление результатов двух использованных методик позволяет сделать вывод о том, что самореализация и способность к саморазвитию являются взаимосвязанными характеристиками личности студента. Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство участников исследования обладают средним и высоким уровнем самореализации, а также высоким и выше среднего уровнями способности к саморазвитию. Это подтверждает предположение о том, что студенческий возраст представляет собой благоприятный период для раскрытия личностного потенциала и формирования устойчивой мотивации к саморазвитию.

Анализ результатов первой методики показал, что у большинства студентов преобладает средний уровень самореализации (43,3%), тогда как высокий уровень выявлен у 33,3% испытуемых. Это свидетельствует о том, что значительная часть студентов уже активно реализует свои способности, профессиональные интересы и жизненные цели, однако процесс личностного становления еще продолжается. Подобные результаты соответствуют возрастным особенностям студенческого периода, поскольку именно в это время происходит формирование профессиональной идентичности, развитие самостоятельности и осознание собственных возможностей.

Результаты второй методики показали более высокие показатели способности к саморазвитию. Так, почти половина участников исследования (46,7%) продемонстрировала высокий уровень способности к саморазвитию, а еще 30% – уровень выше среднего. Это свидетельствует о том, что большинство студентов обладают выраженной внутренней мотивацией к обучению, стремятся к самосовершенствованию, готовы анализировать собственные достижения и недостатки, а также ориентированы на дальнейшее профессиональное и личностное развитие.

Полученные результаты согласуются с положениями гуманистической психологии. Согласно концепции А. Маслоу, стремление к самореализации является высшей потребностью личности, проявляющейся в желании максимально раскрыть свои способности и возможности. Данное исследование показывает, что у большинства студентов уже сформирована потребность в личностном росте, однако уровень реализации собственного потенциала пока несколько уступает уровню готовности к саморазвитию. Это объясняется тем, что процесс самореализации требует не только внутренней мотивации, но и накопления жизненного опыта, профессиональных знаний и практических навыков.

Полученные данные также подтверждают идеи К. Роджерса о врожденной тенденции личности к самоактуализации и постоянному развитию. Высокие показатели способности к саморазвитию свидетельствуют о стремлении студентов к совершенствованию собственных качеств, расширению знаний и развитию профессиональных компетенций. Вместе с тем преобладание среднего уровня самореализации позволяет предположить, что процесс реализации личностного потенциала находится на стадии активного формирования.

Результаты исследования согласуются и с теорией Э. Эриксона, согласно которой студенческий возраст связан с решением задач самоопределения и построения жизненной перспективы. Именно в этот период молодые люди выбирают профессиональное направление, формируют систему жизненных ценностей и определяют собственные цели. Поэтому преобладание среднего уровня самореализации является закономерным и отражает естественный процесс личностного становления.

Следует отметить, что у части студентов были выявлены низкие показатели самореализации и ниже среднего показатели способности к саморазвитию. Эти результаты могут быть обусловлены недостаточной сформированностью жизненных целей, низкой учебной мотивацией, неуверенностью в собственных возможностях или трудностями профессионального самоопределения. Данная категория студентов нуждается в психологическом сопровождении, направленном на развитие внутренней мотивации, формирование позитивной самооценки и создание условий для раскрытия личностного потенциала.

В целом результаты исследования подтверждают, что студенческий возраст является сенситивным периодом для формирования самореализации и способности к саморазвитию. Большинство студентов обладают достаточными внутренними ресурсами для личностного роста, стремятся к самосовершенствованию и профессиональному развитию, что создает благоприятные условия для успешной реализации их потенциальных возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Б.Г.* К психофизиологии студенческого возраста // Современные психологические проблемы высшей школы. Л., 1974.
2. *Божович Л.И.* Психологические основы развития личности. М., 1990.
3. *Выготский Л.С.* Психология. М.: Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2000.
4. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: «Питер», 2014.
5. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: «Питер», 2010.
6. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: «Эксмо», 2018.
7. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: «Педагогика», 1996.

FEATURES OF SELF-REALIZATION AND SELF-DEVELOPMENT ABILITIES IN STUDENT AGE

A. Berberyan, S. Mardanyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the features of self-realization and self-development abilities among students. The relevance of the study is determined by the fact that the student period represents an important stage of personal and professional development, during which an individual's inner potential is revealed, life goals are formed, and the aspiration for self-improvement develops. The aim of the study was to investigate the features of self-realization and self-development abilities among students. The study involved students of the Russian-Armenian University majoring in Psychology. Research methods included a theoretical analysis of scientific literature, S. I. Kudinov's Self-Realization Judgment Test, and V. I. Andreev's Assessment of Self-Development Abilities methodology. The results of the study showed that the majority of students demonstrated medium and high levels of self-realization, as well as high and above-average levels of self-development abilities, indicating their readiness for personal growth, self-improvement, and professional development. The practical significance of the study lies in the possibility of applying the obtained results to the development of psychological support programs aimed at enhancing students' personal potential and self-development abilities.

Keywords: self-realization, self-development, students, student age, personal development.

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ И ОТНОШЕНИЕ К СВОЕМУ ЗДОРОВЬЮ У СТУДЕНТОВ, СОВМЕЩАЮЩИХ РАБОТУ И УЧЕБУ

А.С. Берберян, С.А. Марданян

Российско-Армянский университет
suzannamardanan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается проблема стрессоустойчивости и субъективного отношения к своему здоровью у студентов, совмещающих работу и учебу, что обусловлено повышенной нагрузкой и риском развития стрессовых состояний. Теоретические положения исследования опираются на работы, посвященные стрессу и стрессоустойчивости (В.А. Бодров, Г. Селье, Р. Лазарус и др.), отношению личности к своему здоровью (Р.А. Березовская), а также концепциям психологического здоровья и развития личности (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл). В исследовании приняли участие 44 студента (N = 44). С целью выявления взаимосвязей между стрессогенными реагированиями и компонентами субъективного отношения к здоровью был проведен корреляционный анализ (коэффициент Пирсона). Результаты показали отсутствие статистически значимых взаимосвязей у работающих студентов, тогда как у неработающих студентов выявлены умеренные отрицательные корреляции между интеллектуальными и познавательными компонентами (r = –0,5), поведенческими и поступочными компонентами (r = –0,4), эмоциональными реагированиями и эмоциональными компонентами (r = –0,5), а также физиологическими реагированиями и практическими компонентами (r = –0,4). Полученные данные свидетельствуют о наличии частичной взаимосвязи между особенностями стрессового реагирования и субъективным отношением к здоровью у неработающих студентов.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, отношение к здоровью, студенческая молодежь, работающий студент.

Введение

Современные студенты все чаще совмещают учебу и работу, что увеличивает нагрузку и повышает риск психоэмоционального напряжения. В таких условиях возрастает потребность в понимании факторов, влияющих на их способность справляться со стрессом. Стрессоустойчивость становится ключевым механизмом адаптации, определяющим успешность совмещения учебной и профессиональной деятельности. Не менее важно и отношение к соб-

ственному здоровью, которое играет значимую роль в поддержании внутреннего баланса и профилактике негативных последствий стресса. Изучение связи стрессоустойчивости и отношения к здоровью у работающих студентов позволяет выявить особенности их адаптации и возможные риски, связанные с повышенной нагрузкой.

Актуальность исследования. Тема является актуальной, поскольку имеет высокую социальную значимость. Современный человек постоянно сталкивается со стрессовыми и экстремальными ситуациями и необходимостью быстрого принятия решений. Особенно это характерно для работающих студентов, совмещающих учебу и работу, что усиливает психоэмоциональную нагрузку. Это приводит к негативным эмоциональным последствиям, отражающимся на здоровье. В связи с ростом социально-психологического напряжения и распространенностью кризисных состояний важно формировать осознанное и ответственное отношение к своему здоровью и развивать стрессоустойчивость как значимый личностный ресурс. Данная проблема изучалась в научных исследованиях, однако остается недостаточно разработанной. Рассматривались такие аспекты, как стресс, психосоматика и здоровье, в то время как отношение к стрессу и его влияние на поведение и здоровье работающих студентов изучены в меньшей степени.

Гипотеза исследования

1. Предполагается, что существует взаимосвязь между стрессогенными интеллектуальными и поведенческими реагированиями и познавательными и поступочными компонентами интенсивности субъективного отношения к здоровью.

2. Предполагается, что существует взаимосвязь между стрессогенными эмоциональными и физиологическими реагированиями и эмоциональными и практическими компонентами интенсивности субъективного отношения к здоровью.

Цель исследования. Изучение стрессоустойчивости и отношения к своему здоровью у студентов,совершающих работу и учебу.

Методологическая база. Теоретические положения исследования опираются на работы, посвященные стрессу и стрессоустойчивости (Г. Селье, Р. Лазарус и др.), отношению личности к своему здоровью (Р.А. Березовская), психологическому здоровью и развитию личности (А. Маслоу, К. Роджерс., В. Франкл).

Методы исследования: теоретический анализ научной литературы, анкетирование (авторская анкета), тестирование, методы математической статистики.

Методики исследования

1. Методика изучения уровня стрессоустойчивости (В.Ю. Щербатых).

2. Методика по выявлению индекса отношения к здоровью (С. Дерябо, В. Ясвин).

Основная часть

Канадский физиолог Ганс Селье (1907–1982) – основоположник учения о стрессе. Он описал неспецифическую реакцию организма на любые вредные воздействия как общий адаптационный синдром. Стресс, по Селье, – постоянный спутник жизни, возникающий как при негативных, так и при позитивных событиях. Он разделил его на эустресс (полезный, мобилизующий) и дистресс (вредный, истощающий) [12].

Модель Селье включает три фазы:

- тревоги (мобилизация ресурсов, выброс гормонов стресса);
- сопротивления (адаптация, повышенная устойчивость);
- истощения (исчерпание резервов, «болезни адаптации») [12].

Ричард Лазарус развил когнитивно-транзакционную теорию стресса. Он считал, что психологический стресс возникает не от самого события, а от субъективной оценки ситуации: превышает ли она ресурсы человека и угрожает ли его благополучию. Ключевую роль играет когнитивная оценка (первичная – угроза/вызов, вторичная – свои ресурсы) [8].

Современные исследователи выделяют три основных вида психологического стресса. Эмоциональный стресс представляет собой реакцию на сильные переживания, угрозы или обиды; по определению Е.В. Кузнецовой, это ярко выраженные психоэмоциональные состояния в конфликтных ситуациях, которые ограничивают удовлетворение важных потребностей человека [7]. Информационный стресс возникает при перегрузке информацией, затрудняющей принятие решений; согласно В.А. Бодрову, он проявляется как чрезмерное психическое напряжение при взаимодействии с техникой, что приводит к дезинтеграции систем организма и снижению работоспособности. Организационный стресс связан с условиями труда, высокой нагрузкой и особенностями организационной среды [3].

Б.Г. Ананьев студенчество впервые выделил как особую возрастную категорию, представляющую собой начальное звено зрелых возрастов, а не завершение детства. В этот период активно формируются ценности, идеалы и профессиональные мотивации [1]. И.А. Зимняя определяла студенчество как время целенаправленного овладения знаниями и культурой при высокой познавательной мотивации [5]. Возрастные рамки юности и студенчества варьируются у различных авторов (чаще всего, 18–23 года или 15–25 лет, в том

числе по В.С. Мухиной), однако именно в этот период психологические новообразования наиболее ярко проявляются у студентов [10].

По Р.А. Березовской, отношение к здоровью – это система индивидуальных связей личности с факторами окружающей среды, которые влияют на здоровье, а также представляют собой субъективную оценку своего физического и психического состояния. Оно включает когнитивный, эмоциональный, поведенческий и мотивационный компоненты. Адекватное отношение к здоровью формирует ответственное поведение и является важным условием психологического благополучия [2]. В гуманистической психологии психологическое здоровье рассматривается как естественное состояние, связанное с реализацией внутреннего потенциала и успешной адаптацией. А. Маслоу видел идеал здоровой личности в самоактуализации – полном раскрытии способностей и доверии своей внутренней природе. Это приводит к эмоциональному благополучию, альтруизму и правильным жизненным выборам, включая заботу о здоровье как о ресурсе развития [9]. К. Роджерс подчеркивал важность следования голосу Самости – внутренней инстанции, направляющей человека к подлинным потребностям. Доверие себе обеспечивает конгруэнтность и гармоничное отношение к своему здоровью [11]. Виктор Франкл считал ключом к психическому здоровью обретение смысла жизни («воля к смыслу»). Смысл можно найти через творчество, переживания или осмысленное отношение к страданию. Отсутствие смысла приводит к экзистенциальному вакууму и неврозам. В контексте здоровья поиск смысла превращает заботу о себе в осмысленную часть жизненного пути [4].

По данной теме мы рассмотрели исследование «Образ жизни, отношение к здоровью и поведенческие привычки в условиях психосоциального стресса сотрудников общеобразовательных школ Москвы», в котором были выявлены следующие результаты.

Сотрудники школ, находящиеся в состоянии стресса, чаще оценивают свое здоровье как удовлетворительное или плохое и демонстрируют менее благоприятные поведенческие привычки. Они реже используют медицинскую информацию о способах укрепления здоровья, меньше придерживаются принципов здорового образа жизни и склонны обращаться за советом, в первую очередь, к близким. Учителя начальных классов оказались наиболее подвержены стрессу. В отличие от них, сотрудники без стресса чаще контролируют свои физические и умственные нагрузки и эффективнее управляют эмоциями. Наличие стресса в целом снижает заинтересованность работников школ в улучшении здоровья и формировании здоровьесберегающего поведения [6].

Выборка. В исследовании приняли участие 44 студента в возрасте от 18 до 22 лет, по программам различныхнаправлений бакалавриата различных вузов РФ и РА: РАУ, филиал МГУ в г. Ереван, РНИМУ имени Н.И Пирогово, Финансовый университет при Правительстве РФ и др. Участие было добровольным и анонимным.

В рамках исследования были изучены особенности стрессоустойчивости и отношения к здоровью у работающих и неработающих студентов с использованием методик Щербатых и Дерябо.

По результатам методики Щербатых, установлено, что у работающих студентов средние показатели по интеллектуальной и поведенческой шкалам составляют по 3,5 балла, эмоциональной – 5,8 балла, а физиологической – 6,9 балла.

У неработающих студентов интеллектуальный показатель равен 3,8 балла, поведенческий – 2,8 балла, эмоциональный – 7,1 балла, физиологический – 5,1 балла.

Таким образом, у работающих уровень стрессоустойчивости является **низким**, а у неработающих – **средним**.

Сравнение групп показывает, что неработающие студенты характеризуются более выраженным эмоциональным напряжением, тогда как у работающих сильнее проявляются физиологические реакции на стресс. При этом работающие студенты демонстрируют более высокую поведенческую активность в совладании со стрессом.

Результаты по методике Дерябо показали, что у работающих студентов наиболее выражены эмоциональный показатель – 10 баллов и поступочный – 9,5 балла; практический составляет 8,5 балла, познавательный – 6,3 балла.

У неработающих студентов эмоциональный показатель равен 9,2 балла, познавательный – 7,4 балла, практический – 8,6 балла, поступочный – 7,5 балла.

Таким образом, работающие студенты в большей степени ориентированы на практическую реализацию заботы о здоровье, тогда как у неработающих студентов более выражен познавательный компонент и эмоциональные реакции.

	Интеллектуальные	Поведенчес	Познаватель	Поступочные
Интеллектуальные	1			
Поведенческие	0,7	1		
Познавательные	-0,09	0	1	
Поступочные	0	0,2	0,6	1

В рамках исследования был проведен корреляционный анализ (коэффициент Пирсона) с целью проверки выдвинутых гипотез о взаимосвязи стрессогенных реагирований и компонентов субъективного отношения к здоровью у работающих и неработающих студентов.

Проверка первой гипотезы показала, что у работающих студентов статистически значимые взаимосвязи отсутствуют: между интеллектуальными и познавательными компонентами выявлена слабая отрицательная корреляция (r = –0,09), между поведенческими и поступочными компонентами – слабая положительная корреляция (r = 0,2). Полученные значения не достигают уровня статистической значимости, что свидетельствует об отсутствии выраженной связи. Таким образом, первая гипотеза для работающих студентов не подтверждается.

	Эмоц. реагирования	Эмоц. компонент	Физиологические	Практические
Эмоц. реагирования	1			
Эмоц. компонент	-0,5	1		
Физиологический	0,6	-0,4	1	
Практические	-0,5	1	-0,4	1

У неработающих студентов по первой гипотезе обнаружены умеренные отрицательные корреляции: между интеллектуальными и познавательными компонентами (r = –0,5) и между поведенческими и поступочными компонентами (r = –0,4). Это указывает на наличие обратной взаимосвязи средней силы, что позволяет говорить о частичном подтверждении гипотезы в данной группе.

	Интеллектуальные	Поведенчес	Познаватель	Поступочны
Интеллектуальные	1			
Поведенческие	0,8	1		
Познавательные	-0,5	-0,5	1	
Поступочные	-0,4	-0,4	1	1

Проверка второй гипотезы показала, что у работающих студентов также отсутствуют статистически значимые взаимосвязи: между эмоциональными реагированиями и эмоциональными компонентами (r = 0,1), а также между физиологическими реагированиями и практическими компонентами (r = –0,1).

Связи носят слабый характер и не являются значимыми, что не подтверждает гипотезу для данной группы.

	Эмоц. реагирования	Эмоц. компонент	Физиологические	Практические
Эмоц. реагирования	1			
Эмоц. компонент	0,1	1		
Физиологический	0,2	0,3	1	
Практические	0,2	0,2	-0,1	

У неработающих студентов выявлены умеренные отрицательные корреляции: между эмоциональными реагированиями и эмоциональными компонентами (r = –0,5), а также между физиологическими реагированиями и практическими компонентами (r = –0,4). Это свидетельствует о наличии обратной взаимосвязи и позволяет считать вторую гипотезу частично подтвержденной.

В целом, результаты исследования показывают, что взаимосвязи между стрессогенными реагированиями и компонентами отношения к здоровью более выражены у неработающих студентов, тогда как у работающих студентов они носят слабый и статистически незначимый характер.

Выводы

Таким образом, изучение литературы подтвердило значимость стресса и отношения к здоровью как ключевых факторов психологического благополучия студентов, формирующихся под влиянием когнитивной оценки, условий деятельности и личностных особенностей.

1. Полученные корреляционные данные показали, что у работающих студентов статистически значимые взаимосвязи между интеллектуальными и поведенческими стрессогенными реагированиями и познавательными и поступочными компонентами отношения к здоровью отсутствуют, что не подтверждает гипотезу в данной группе. У неработающих студентов обнаружены умеренные отрицательные взаимосвязи, что позволяет считать гипотезу частично подтвержденной.

2. У работающих студентов взаимосвязи между эмоциональными и физиологическими реагированиями и соответствующими эмоциональными и практическими компонентами отношения к здоровью носят слабый и статистически незначимый характер, поэтому гипотеза не подтверждается. У неработающих студентов выявлены умеренные отрицательные связи, что указывает на частичное подтверждение гипотезы во второй группе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Б.Г.* К психофизиологии студенческого возраста // «Современные психологические проблемы высшей школы», № 2, 1974.
2. *Березовская Р.А.* Исследования отношения к здоровью: современное состояние проблемы в отечественной психологии // «Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология», 2011. СС. 221–226.
3. *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006, 528с.
4. *Франка В.* Психотерапия на практике. СПб.: «Ювента», 1999, 256с.
5. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология. М.: МПСИ, МОФЭК, 2013, 448с.
6. *Котова М.Б., Розанов В.Б., Александров А.А.* Образ жизни, отношение к здоровью и поведенческие привычки в условиях психосоциального стресса сотрудников общеобразовательных школ Москвы // «Профилактическая медицина». Т. 16, № 5, 2013. СС. 20–29.
7. *Кузнецова Е.В., Петровская В.Г., Рязанцева С.А.* Психология стресса и эмоционального выгорания: учеб. пособ. Куйбышев, 2012.
8. *Лазарус Р.* Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под ред. Л. Леви. Л.: «Лениздат», 1970. СС. 178–208.
9. *Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.
10. *Мухина В.С.* Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М.: «Академия», 1999, 456с.
11. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994. С. 247.
12. *Селье Г.* Стресс без дистресса / Пер. с англ., под ред. Е.М. Крепса. М.: «Прогресс», 1979.

STRESS RESILIENCE AND ATTITUDES TOWARDS HEALTH AMONG STUDENTS WHO WORK WHILE STUDYING

S. Mardanyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the problem of stress resilience and subjective attitudes toward health among students who combine work and study, due to the increased workload and the risk of developing stress-related conditions. The theoretical framework of the study is based on works devoted to stress and stress resilience (V. Bodrov, H. Selye, R. Lazarus, and others), attitudes toward personal health (R. Berezovskaya), as well as concepts of psychological health and personality development (A. Maslow, C. Rogers, V. Frankl). The study involved 44 students (N = 44). To identify relationships between stress-related responses and components of subjective attitudes toward health, a correlation analysis (Pearson's correlation coefficient) was conducted. The results showed no statistically significant relationships among working students, whereas among non-working students moderate negative correlations were found between intellectual and cognitive components (r = –0.5), behavioral and action-related components (r = –0.4), emotional responses and emotional components (r = –0.5), as well as physiological responses and practical components (r = –0.4). The obtained

data indicate the presence of a partial relationship between the characteristics of stress responses and subjective attitudes toward health among non-working students.
Keywords: stress resilience, attitude to health, student population, working students.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И УСТАНОВОК НА АЛЬТРУИЗМ И ЭГОИЗМ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.С. Берберян, М.А. Никогосян

Российско-Армянский университет
mikhail.nikoghosyan@student.rau.am, asya.berberian@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение взаимосвязи смысложизненных ориентаций и установок на альтруизм и эгоизм у студенческой молодежи и проверены две сопутствующие гипотезы. Статистически значимая взаимосвязь между смысложизненными ориентациями и альтруистическими установками не выявлена
Ключевые слова: смысложизненные ориентации, альтруизм, эгоизм, студенческая молодежь.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что сам по себе вопрос о том, как обдумывается «смысл жизни», связан ли он с ориентацией на других людей, остается малоизученным: работы, посвященные смысложизненным ориентациям (Д.А. Леонтьев, Е.Ф. Ященко) и исследования установок на альтруизм и эгоизм (И.Г. Лаверычева, О.Ф. Потемкина, Е.В. Якимова) существуют раздельно, а между тем понимание взаимосвязи этих категорий личности может помочь отследить нравственное развитие и личностный рост человека, к тому же студенческий возраст является сензитивным периодом для формирования смысложизненных ориентаций и нравственных установок, которые влияют на всю дальнейшую жизнь человека, потому крайне важно было рассмотреть именно эту возрастную категорию.

Цель исследования – изучить взаимосвязь смысложизненных ориентаций и установок на альтруизм и эгоизм у студенческой молодежи.

Гипотезы:

1) предполагается, что существует взаимосвязь между показателями СЖО и установками на альтруизм/эгоизм;

2) предполагается, что существует взаимосвязь между общим уровнем смысла жизни и реальной помощью (поведенческий компонент);

3)предполагается, что существуют половые различия в осознании помощи другим как части смысла жизни.

Был проведен теоретический анализ трудов З. Фрейда, А. Фрейд, А. Адлера, Э. Фромма, В. Франкла, А. Маслоу, Б. Ананьева, Д. Леонтьева и др. Изучались работы, в которых рассматривались концепции таких категорий, как смысл жизни, смысложизненные ориентации, альтруизм, эгоизм, установки личности. Из изученной литературы мы выяснили, что смысложизненные ориентации представляют собой динамическую систему ценностей и убеждений, свойственных только данной личности, определяющих направленность личности и включающих в себя как малые смыслы, так и главный смысл жизни, своего рода ядро смыслов. Они различны у каждого человека, хотя могут иметь схожие черты, меняться с возрастом. В то же время, альтруизм – это одновременно поступок, мотив и ценностная ориентация, то есть явление многоуровневое. Вместе с тем большинство исследователей сходятся в том, что, даже при наличии биологических предпосылок, решающую роль в формировании альтруистических или эгоистических тенденций играют условия воспитания и социальная среда.

Также были сделаны выводы из теоретической и эмпирической частей исследования.

Исходя из теоретической можно сказать, что установки на альтруизм и эгоизм – это устойчивые психологические образования, выраженность которых имеет связь с психологическим благополучием личности. Формируются они преимущественно под влиянием социума и, хотя некоторые половые различия имеют место, социальная группа, в нашем случае студенческая, вероятно способна сглаживать эти различия, формируя общегрупповую идентичность. В то же время на формирование смысложизненных ориентаций влияют Личность, как субъект деятельности, Ближайшее социальное окружение и Общественные системы. Сами по себе смысложизненные ориентации в этом студенческом возрасте только формируются и, вероятно, из-за этого крайне неустойчивы. Основной вывод заключается в том, что эти явления формируются в основном под влиянием социума.

Из эмпирической же части, можно сделать выводы, что студенты из нашей выборки в целом не очень удовлетворены текущим моментом жизни, а также будущее для них характеризуется неопределенностью, что, как мы считаем, характерно для данного возраста. При этом большинство студентов считают себя готовыми оказать помощь другим и многие считают помощь другим важной частью смысла своей жизни, хотя среди девушек оказалось намного больше студентов с альтруистической установкой, чем среди юношей. Также стоит отметить, что, по-видимому, студенты, участвовавшие в исследовании, довольны уже прожитым периодом жизни, считают, что имеют некоторую

степень контроля над своей жизнью в настоящем, однако не контролируют ее всецело и сильно зависят от обстоятельств, что снова нас относит к их ощущению неопределенности в отношении будущего.

Материал и методы

В исследовании приняли участие 51 студент в возрасте 17–23 лет: 25 юношей и 26 девушек. Все испытуемые обучаются на различных направлениях бакалавриата и магистратуры. Данный возрастной период соответствует понятию «студенческий возраст» по Б.Г. Ананьеву и является сензитивным для жизненного самоопределения личности [1].

Применялись следующие диагностические инструменты: Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева – адаптированная версия Purpose-in-Life Test, позволяет оценить шесть показателей: «Цели в жизни», «Процесс жизни», «Результат жизни», «Локус контроля-Я», «Локус контроля-Жизнь» и общий показатель осмысленности жизни [4]; методика «Выявление установок, направленных на альтруизм – эгоизм» О.Ф. Потемкиной (20 вопросов); авторская анкета, включающая вопросы о субъективной оценке частоты помощи другим и осознании ее связи со смыслом жизни. Данные обрабатывались методами описательной статистики и корреляционного анализа (коэффициент Пирсона). Сбор данных осуществлялся дистанционно.

Результаты

Смысложизненные ориентации. Общий показатель осмысленности жизни у обеих групп существенно превышает нормативное значение Д.А. Леонтьева (юноши – M = 134,44, девушки – M = 139,42). По шкалам «Цели в жизни» и «Процесс жизни» оба пола показали значения ниже нормы, что отражает характерную для данного возраста неопределенность будущего и недостаточную удовлетворенность текущим моментом. Шкала «Результат жизни» превысила норму у обеих групп, что указывает на позитивную ретроспективную оценку прожитого. «Локус контроля-Я» также превысил норму, тогда как «Локус контроля-Жизнь» оказался ниже нормативного, что говорит об ощущении личной силы при недостаточной уверенности в контроле над жизненными обстоятельствами. Половые различия по шкалам СЖО незначительны.

Установки на альтруизм и эгоизм. По методике Потемкиной выявлены выраженные половые различия (Табл. 1).

Таблица 1. Распределение испытуемых по установкам на альтруизм и эгоизм.

Установка	Юноши (n=25)	Девушки (n=26)
Альтруизм	48% (n=12)	73% (n=19)
Эгоизм	52% (n=13)	27% (n=7)

Среди девушек альтруистическая установка выражена значительно сильнее (73% против 48% у юношей). Диапазон индивидуальных значений у юношей – от 2 до 20 баллов, у девушек – от 5 до 18 баллов.

Авторская анкета. На вопрос «Любите ли Вы помогать людям?» утвердительно ответили 81% девушек и 68% юношей. Средние оценки частоты помощи составили 3,60 у юношей и 3,96 – у девушек (шкала 1–5). Среди мотивов помощи доминирует «желание помочь человеку» (≈65% ответов), на втором месте – «воспитание» (≈20%).

Осознание помощи другим как части смысла жизни. Средние оценки по вопросу «Считаете ли Вы помощь другим важной частью смысла своей жизни?» представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Средние оценки осознания помощи другим как части смысла жизни (шкала 1–5).

Группа	Среднее значение (шкала 1–5)
Юноши	3,60
Девушки	3,38

Юноши в среднем несколько выше оценивают помощь другим как часть смысла жизни, чем девушки, несмотря на более низкие показатели по методике Потемкиной.

Обсуждение результатов

Гипотеза 1 не подтвердилась: коэффициенты корреляции между общим показателем СЖО и баллом по методике Потемкиной оказались статистически незначимыми ($r = 0{,}035$ у юношей; $r = -0{,}176$ у девушек). Это означает, что высокий уровень осмысленности жизни не обусловливает ориентацию на другого человека. Полученный результат согласуется с позицией В. Франкла, указывавшего, что смысл уникален для каждой личности и не задается единой ценностью: альтруизм является лишь одним из возможных «путей к смыслу» [5].

Гипотеза 2 получила частичное подтверждение. Девушки, показавшие более высокий общий балл СЖО, оценивают частоту собственной помощи

также несколько выше. Вместе с тем данная тенденция основана лишь на межгрупповом сравнении и требует проверки на индивидуальных данных.

Гипотеза 3 подтвердилась: юноши в среднем выше оценивают помощь другим как часть смысла своей жизни (M = 3,60 против M = 3,38 у девушек). Это может объясняться тем, что для юношей, у которых альтруистическое поведение не является нормативно ожидаемым, выбор помогать воспринимается как личностно значимый акт. У девушек помощь другим, по всей видимости, воспринимается как самоочевидная практика, не требующая специального осмысления.

Полученные данные согласуются с рядом теоретических положений. Отсутствие прямой связи между осмысленностью жизни и альтруизмом подтверждает, что ценностно-смысловая и просоциальная сферы личности относительно автономны и могут пересекаться разве что опосредованно. Выраженные половые различия в установках на альтруизм согласуются с данными И.Г. Лаверычевой [2, 3], тогда как реальная частота просоциального поведения в обеих группах оказалась сопоставимой, что указывает на разрыв между установкой и поведением у юношей. Высокий уровень осмысленности жизни при сниженной выраженности целевой перспективы типичен для периода интенсивного самоопределения, описанного в концепции Б.Г. Ананьева [1].

Ограничения исследования: неоднородность выборки по направлениям обучения, относительно небольшой объем (n = 51), дистанционный формат сбора данных. В дальнейших исследованиях целесообразно расширить выборку, включить методики диагностики эмпатии и психологического благополучия как возможных медиаторов изучаемой взаимосвязи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды: в 2 т. М.: «Педагогика», 1980.
2. *Лаверычева И.Г.* Альтруизм и эгоизм как основа нравственной определенности // «Вестник СПбГУ. Сер. 6.». Вып. 1, 2008. СС. 196–208.
3. *Лаверычева И.Г.* Альтруизм и эгоизм с естественнонаучной точки зрения // «Биосфера». Т. 8, № 3, 2016. СС. 338–361.
4. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: «Смысл», 2000, 18с.
5. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: «Прогресс», 1990.

THE RELATIONSHIP BETWEEN LIFE-MEANING ORIENTATIONS AND ALTRUISM-EGOISM ATTITUDES IN STUDENT YOUTH

M. Nikoghosyan, A. Berberyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article presents the results of an empirical study aimed at studying the relationship between life orientation and attitudes towards altruism and egoism among students, and two related hypotheses were tested. No statistically significant relationship was found between life orientation and altruistic attitudes.
Keywords: life orientation, altruism, egoism, students.

ПОНЯТИЕ О МЕТОДАХ ОБУЧЕНИЯ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

А.С. Берберян, Г.М. Орлова

Российско-Армянский университет
galinagosha@mail.ru, asya.berberian@rau.am

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу понятия метода обучения и существующих подходов к его классификации в дидактике. Рассмотрены традиционная и инновационная парадигмы обучения, а также деление методов на пассивные, активные и интерактивные, в том числе кооперативные методы обучения. Представлены основные классификации методов: по характеру познавательной деятельности учащихся (по И.Я. Лернеру и М.Н. Скаткину), по источнику знаний, по этапам учебного процесса, по дидактической цели, а также деление на продуктивные и репродуктивные методы. С целью выявления предпочтений обучающихся проведено эмпирическое исследование методом анкетного опроса среди 30 студентов Российско-Армянского университета. Установлено, что наибольшее предпочтение студенты отдают частично-поисковому и интерактивному методам обучения, тогда как объяснительно-иллюстративный метод остается наиболее распространенным в реальной практике преподавания. Полученные результаты подтверждают значимость смещения образовательного процесса в сторону активных и интерактивных форм обучения.

Ключевые слова: методы обучения, классификация методов обучения, активные методы обучения, интерактивные методы обучения, продуктивное и репродуктивное обучение, педагогическая психология, предпочтения студентов.

Введение

Метод обучения рассматривается как способ взаимодействия преподавателя и обучающихся, направленный на достижение учебной цели – усвоения знаний, формирования умений и навыков. Современная система образования требует от преподавателя не только глубоких знаний в своей предметной области, но и владения эффективными методами обучения. От правильного выбора методов зависит качество усвоения учебного материала, развитие познавательных интересов и самостоятельности студентов.

Актуальность темы заключается в том, что в современных условиях перед системой образования стоит задача повышения эффективности и индивидуализации обучения. Это требует осмысления сущности методов обучения, их классификации и возможностей применения в педагогической практике.

Цель исследования – рассмотреть понятие метода обучения и подходы к их классификации, а также на основе эмпирического исследования среди студентов Российско-Армянского университета определить, какие методы обучения являются наиболее предпочтительными в современных условиях. История методов обучения уходит корнями в глубокую древность, когда младшие члены общества обучались на примере старших. Классифицировать методы обучения можно по-разному: со стороны деятельности учителя и деятельности ученика, по применяемым приемам, по источнику получения знаний и другим основаниям, что и обусловливает многообразие существующих классификаций.

Традиционная и инновационная парадигмы отличаются подходами к целям процессу и ролям участников. Традиционная парадигма ориентирована на передачу знаний и навыков в готовом виде, с пассивной ролью ученика и акцентом на результат обучения. Инновационная парадигма фокусируется на процессе, «учении учиться», активной роли ученика и консультативной роли педагога, с акцентом на развитие критического мышления и индивидуальных потребностей.

Сравнительная таблица

Характеристика	Традиционная парадигма	Инновационная парадигма
Фокус	Результат (усвоение знаний)	Процесс (научить учиться)
Роль ученика	Пассивная	Активная
Роль учителя	Передающий знания	Консультант
Методы	Передача знаний в «готовом виде»	Активное взаимодействие, применение технологий

Пассивные методы – лекции, объяснение, демонстрация (обучающийся в основном слушает и воспринимает).

Активные методы – дискуссии, семинары, решение задач, групповые формы работы.

Интерактивные методы – ролевые и деловые игры, моделирование ситуаций, тренинги, работа в малых группах, использование мультимедиа и цифровых технологий.

К активным и интерактивным методам также относятся кооперативные методы. Данные методы основаны на совместной деятельности учащихся в малых группах. Главная идея – студенты учатся не только у преподавателя, но и друг у друга, решая общие задачи, обсуждая материал, помогая своим товарищам понять тему. Некоторые исследования показывают, что кооперативные методы обучения имеют эффект около d = 0,64(d Коэна), который выше, чем средний результат учащихся, использующих другие методы. d- Коэна – это мера, которая показывает разницу между средними значениями двух групп, выраженную в единицах отклонения:

$$d = \frac{M_1 - M_2}{s_p},$$

где M_1– среднее значение первой группы, например использующей кооперативный метод,

M_2– среднее значение второй группы (контрольной, использующей традиционные),

s_p– объединенное стандартное отклонение.

Методы обучения классифицируются по разным признакам.

По характеру познавательной деятельности учащихся (Лернера–Скаткина):

- объяснительно иллюстративный метод – смысл метода состоит в том, что преподаватель передает уже готовую информацию различными средствами, а учащиеся пассивно воспринимают и фиксируют в памяти эту информацию;
- репродуктивный метод – по заранее определенному алгоритму, учащиеся воспроизводят учебные действия: данный метод эксплуатируется для приобретения учениками(студентами) умений и навыков;
- метод проблемного изложения изучаемого материала – смысл данного метода состоит в том, что преподаватель ставит перед учащимися какую-то проблему и сам показывает способ ее решения, по пути раскрывая появляющиеся противоречия. Метод используется для демонстрации образца процесса познания.

Одним из ярчайших примеров проблемно–ориентированных методов является серия Jasper (Jasper Woodbury Problem Solving Series). Разработана в США в Вандербильтском университете. Основана на погружении учащихся в видеосюжет с реалистичной проблемной ситуацией, требующей самостоя-

тельного анализа, поиска информации и нахождения решения. Однако некоторые исследователи указывают, что при неправильной реализации этот подход может иметь негативные последствия. Например, отсутствие педагогического сопровождения или чрезмерная сложность проблемной ситуации могут привести к перегрузке учащихся, снижению мотивации и фрагментарному усвоению информации.

Частично-поисковый метод (эвристический). Преподаватель дробит одну большую задачу на несколько подзадач, а учащиеся предпринимают различные шаги поиска ее решения. В каждом шаге присутствует творческая деятельность, но решение проблемы пока отсутствует.

Исследовательский метод – в данном методе учащимся предъявляют задачу, которую они должны решить самостоятельно, без помощи, подбирая необходимые инструменты ее решения. Метод развивает у учащихся творческие способности.

- **По источнику знаний**

Словесные методы – рассказ, лекция, объяснение, беседа, работа с учебником.

Наглядные методы – демонстрация, иллюстрация, наблюдение.

Практические методы – упражнения, практикумы, лабораторные работы.

- **По этапам учебного процесса**

Метод усвоения новых знаний – лекция, рассказ, наблюдения объяснение.

Метод закрепления – упражнения, повторение, тренировка.

Методы проверки знаний – тестирование, опрос, контрольные работы.

Методы практического применения знаний – лабораторные и практические занятия, проектная деятельность.

- **По дидактической цели**

Методы мотивации и стимулирования учебной деятельности.

Методы организации и осуществления учебно-познавательной деятельности

Методы контроля и самоконтроля.

Продуктивные и репродуктивные методы обучения

Репродуктивные методы обучения предполагают воспроизведение полученной информации по образцу, например через лекции и выполнение заданий по инструкции, в то время как продуктивные методы направлены на самостоятельный поиск решений, творческий подход и получение новых, нестандартных результатов. Продуктивное обучение предполагает, что ученики

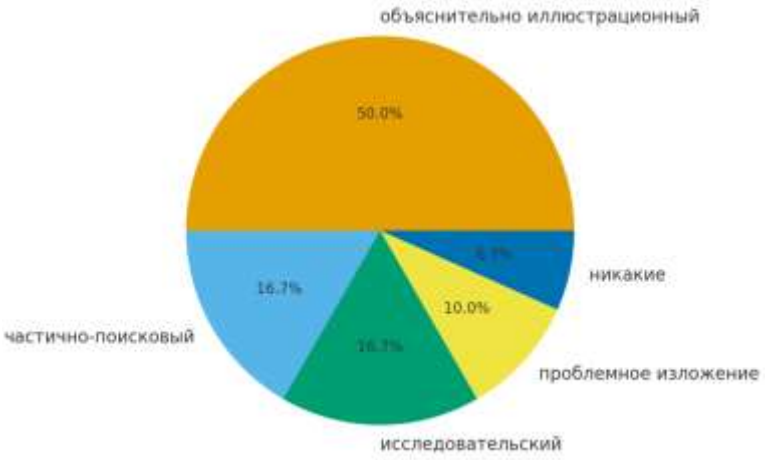
сами ищут ответы, а репродуктивное – усваивают и применяют знания по шаблону.

Предпочтения студентов по методам обучения.

На представленном графике отражены результаты опроса студентов, целью которого было выявление наиболее предпочтительных методов обучения в образовательном процессе. Было опрошено суммарно 30 человек.

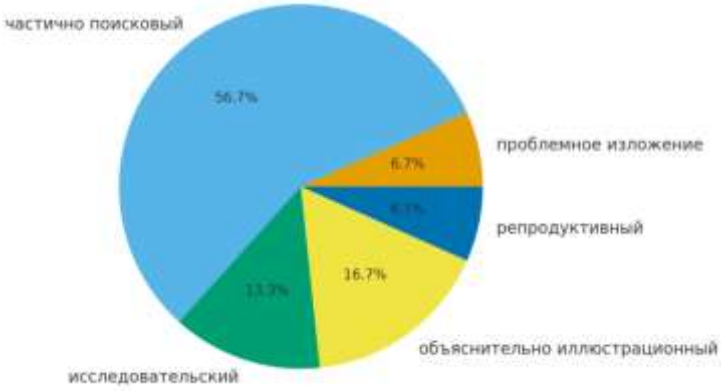
Респондентам предлагалось оценить несколько распространенных методов: объяснительно-иллюстративный, репродуктивный, проблемное изложение, частично-поисковый метод, интерактивный, а также онлайн-обучение.

1) Какие методы обучения вы знаете?

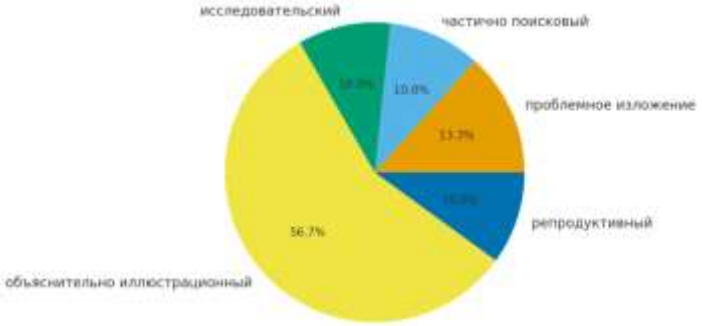
Как видно из результатов, доминирует объяснительно-иллюстрационный метод.

2) Какой из следующих методов обучения вам больше всего нравится?

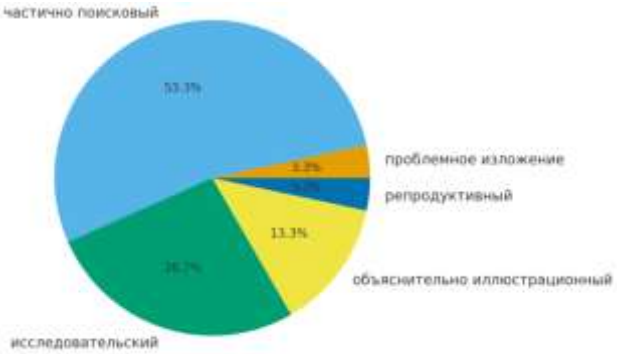
Исходя из результатов ответа на данный вопрос респонденты выбирают как понравившийся метод обучения частично-поисковый.

3) В процессе ваших занятий какой из методов используется чаще всего?

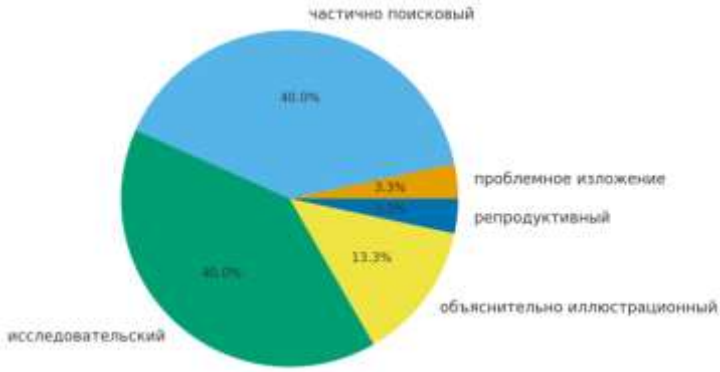
Как видно по результату опроса, преподаватели выбирают объяснительно-иллюстрационный метод.

4) Какой из методов вы считаете наиболее эффективным для усвоения знаний?

Респонденты выбирают частично-поисковый метод как наиболее эффективный для усвоения знаний.

5) Какие методы вы порекомендуете преподавателям чаще использовать?

Как видно по результатам опроса, первенство разделяют частично-поисковый и исследовательский методы.

6) Какие эмоции вы испытаете в процессе использования преподавателем этих методов?

Результаты

По результату опроса студенты не сильно вовлечены в процесс учебы при использовании преподавателем традиционных методов.

Наибольшую поддержку студентов получил частично-поисковый и интерактивный методы. Это свидетельствует о том, что большинству обучающихся комфортна структура, при которой учащиеся под руководством преподавателя самостоятельно проводят исследовательскую работу. Такой выбор может быть обусловлен желанием студентов проявлять инициативу в процессе обучения, собственное мышление и креативность, когда такие методы, как объяснительно-иллюстрационный, не позволяют студенту в полной мере проявить эти качества.

Остальные предпочтения распределились между другими методами. Часть обучающихся проявили интерес к проблемному изложению, предполагающим активное интеллектуальное участие, анализ, формирование гипотез и поиск решений. Минимальное количество голосов получил метод онлайн обучения. Возможной причиной низкой популярности является опыт студентов во время пандемии 2019-20гг., когда данный метод активно использовался. Скорее всего причиной низкой популярности выступают недостаток живого взаимодействия, сложности самоорганизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берберян А.С.* Психология высшего образования в контексте гуманизации. Прага: “Vědecko vydavatelské centrum Sociosféra-CZ”, 2014.
2. Психология высшей школы. /под. ред. М.И. Дьяченко. Минск: «Харвест», 2006.
3. *Смирнов С.Д.* Педагогика и психология высшего образования. М.: «Академия», 2003.
4. *Souvignier E., Gold A.* Wirksamkeit von Lehrmethoden. Berlin: “Springer”, 2006.

THE CONCEPT OF TEACHING METHODS AND THEIR CLASSIFICATION

G. Orlova, A. Berberyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article analyzes the concept of teaching methods and existing approaches to their classification in didactics. The traditional and innovative paradigms of education are examined, along with the division of methods into passive, active and interactive, including cooperative learning methods. The main classifications of teaching methods are presented: by the nature of students' cognitive activity (according to I. Lerner and M. Skatkin), by source of knowledge, by stages of the learning process, by didactic purpose, and by the division into productive and reproductive methods. An empirical survey of 30 students of the Russian-Armenian University was conducted to identify learners' preferences. It was found that students give the greatest preference to the partially exploratory and interactive methods, while the explanatory-illustrative method remains the most widespread in actual teaching practice. The findings confirm the importance of shifting the educational process toward active and interactive forms of learning.
Keywords: teaching methods; classification of teaching methods; active learning methods; interactive learning methods; productive and reproductive learning; educational psychology; student preferences.

КЛЮЧЕВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПЕДАГОГА

А.С. Берберян, С.Г. Павлюк

Российско-Армянский университет
svetlaap6868@gmail.com, asya.berberian@rau.am

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение ключевых компетенций современного гуманистического педагога, учитывая студенческий опыт выпускников ведущих технических вузов города Москва, а ныне молодых сотрудников промышленно-коммерческой компании города Москвы. Выявлена важность всех групп ключевых компетенций современного гуманистического педагога.
Ключевые слова: гуманистический педагог, ключевые компетенции, гностические, коммуникативные, эмоционально-рефлексивные, проектировочные компетенции.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что современный гуманистический педагог, владеющий всеми ключевыми компетенциями, выстраивает продуктивные отношения со студентами, эффективен как профессионал в передаче знаний и опыта и получает удовлетворение от работы. Роль ключевых компетенций гуманистического педагога в образовательном процессе только возрастает, ведь каждое время приносит новые вызовы, и поиск новых подходов и инструментов позволит быть эффективными в работе и получать желаемые результаты.

Цель исследования – определить, как молодые специалисты предприятия оценивают ключевые компетенции педагогов в период своего обучения в высшем учебном заведении.

Гипотезы:

- предполагается, что молодые специалисты высоко оценят все четыре группы ключевых компетенций преподавателей;
- предполагается, что студенты оценят выше других компетенции гностической группы, так как это молодые специалисты технических направлений, которые работают на предприятии со студенческих лет и высоко ценят профессиональные знания.

Был проведен теоретический анализ трудов В.А. Сухомлинского, Я. Корчака, А.К. Марковой, А. Маслоу, К. Роджерса, А.С. Берберян и др. Изучались

работы, в которых рассматривались концепции таких категорий, как компетенции и компетентность. Из изученной литературы мы выяснили смысл и важность гуманистического подхода в образовательном процессе, какими бывают и как классифицируются ключевые компетенции современного гуманистического педагога. Было установлено, что принципы гуманистической педагогики формировались на протяжении нескольких столетий, отражая признание ценности каждого человека, уважение к его личности и стремление к развитию. Эволюция гуманистических идей тесно связана с культурными, философскими и социальными изменениями в обществе. Теоретические основы гуманистической педагогики формировались постепенно, объединяя идеи разных эпох и научных направлений. В центре внимания этой педагогической традиции всегда находился человек – его свобода, достоинство, стремление к самореализации и природная способность к развитию. Классики гуманистической мысли заложили фундамент ключевых концепций, ориентированных на поддержку личности, а современные исследователи расширили эти идеи, добавив психологическую глубину, акцент на индивидуальный опыт и развитие субъектности учащегося.

Изучая компетентность и компетенции установлена абсолютная важность всех четырех групп компетенций (гностических, коммуникативных, эмоционально-рефлексивных и проектировочных), и этот вывод подтвержден проведенным эмпирическим исследованием.

Также были сделаны выводы из теоретической и эмпирической частей исследования. Исходя из теоретической части можно сказать, что компетентность – это профессиональная характеристика педагога, а компетенции – это общая способность, основанная на знаниях, ценностях, опыте и склонностях, приобретенных благодаря обучению. Сегодня рассматриваются четыре вида профессиональной компетентности по А.К. Марковой (специальная, социальная, личностная и индивидуальная), и введено новое понятие экстремальной компетентности – это способность быстро адаптироваться и эффективно работать во внезапно усложнившихся условиях. В соответствии с подходом А.С. Берберян, компетенции можно представить в виде четырех взаимосвязанных групп: **гностической, коммуникативной, эмоционально-рефлексивной и проектировочной**. Каждая группа отражает определенный уровень профессионализма и личностной зрелости педагога. Все четыре группы ключевых компетенций гуманистического педагога образуют взаимодополняющую систему. Гностическое знание направляет выбор методов, коммуникация делает обучение диалогичным, а эмоционально-рефлексивная группа создает атмосферу доверия, обеспечивая развитие как студента, так и самого педагога, в

дополнение проектировочные компетенции формирует пространство, где ученик может расцвести. Компетенции гуманистического педагога оказывают непосредственное влияние на качество обучения и воспитания студентов.

Из эмпирической же части сделаны выводы, что гуманистические компетенции преподавателей напрямую влияют на комфортность обучения, мотивацию студентов и развитие критического мышления. Особенно ценными оказались умение слушать и уважать мнение учащихся, создавать атмосферу доверия, открытость, справедливое отношение.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать описанные компетенции как ориентиры для профессионального развития педагогов и инструмент для оценки образовательного процесса с точки зрения гуманизации.

Материал и методы

Методологической базой послужила классификация ключевых компетенций гуманистического педагога (Берберян А.С.). Метод исследования – анализ научной литературы и анкетирование по созданной авторской анкете, состоящей из 15 вопросов. Вопросы в анкете были заданы не по группам, а вразброс. К гностической группе относятся вопросы 7, 9 и 10, к коммуникативной относятся вопросы 6, 8 и 13, к проектировочной – 3, 5, 11 и 15, к эмоционально-рефлексивной группе – 1, 2, 4, 14 и 15.

В исследовании приняли участие 28 молодых специалистов, бывших студентов ведущих технических вузов России МФТИ, МИЭТ, МГТУ им. Баумана, окончивших вузов не более пяти лет назад.

Результаты опроса 28 молодых специалистов

№	Вопрос	Средний балл
1.	Уважение мнений	3.8
2.	Комфортная атмосфера	3.9
3.	Поощрение инициативы	3.7
4.	Толерантность к ошибкам	3.4
5.	Поддержка самостоятельности	4.2
6.	Методы сотрудничества	3.5
7.	Мотивация к развитию	3.6
8.	Культура общения	3.9
9.	Цифровые инструменты	3.3
10.	Развитие критического мышления	3.5

№	Вопрос	Средний балл
11.	Развитие творчества	2.8
12.	Уважение индивидуальности	3.4
13.	Открытость	3.9
14.	Справедливость	3.9
15.	Формирование уверенности	3.3

При анализе анкет 28 молодых специалистов предприятия (8 из которых – девушки и 20 – молодые люди) получены следующие результаты по группам компетенций: гностическая – 3.5, коммуникативная – 3.8, проектировочная – 3.5, эмоционально-рефлексивная – 3,7.

Наивысший средний балл 4,2 в исследовании получен по поддержке самостоятельности, что подтверждает важность самостоятельной работы и для студентов, и для преподавателей.

Самый низкий средний балл 2,8 получен на вопрос о развитии творчества.

Высокие балл 3,8 и 3,7 получены соответственно по коммуникативной и эмоционально-рефлексивной группе компетенций. Что очень неожиданно и одновременно радостно. Студенты технических вузов зачастую интроверты. По гностической и проектировочной группе компетенций получены одинаковые средние баллы 3,5, то есть стоят на третьем месте. Это говорит о том, что студенты очень требовательно относятся к получению знаний и считают, что полученный объем знаний недостаточен. Проектировочные компетенции могут быть развиты более сильно у педагогов современного образования. Возможно, многое дала практика на предприятии и работа с наставниками. Это вид индивидуального обучения и возможно студенты многое почерпнули от преподавателей- практиков, что конечно очень ценно.

Выпускники выше среднего оценивают гуманистические качества своих преподавателей, ниже оценены цифровые инструменты, которыми владеют преподаватели и поощрение инициативы. Общий уровень ключевых компетенций преподавателей вузов выше среднего.

Обсуждение результатов

Гипотеза 1 подтвердилась, выпускники вузов, а ныне молодые специалисты достаточно высоко (от 3,5–3,8) оценили ключевые компетенции педагогов.

Гипотеза 2 не подтвердилась, коммуникативные компетенции оценены выше гностических.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асмолов А.Г.* Психология достоинства: Искусство быть человеком. М.: «Альпина Паблишер», 2019, 336с.
2. *Берберян А.С.* Психология высшего образования в контексте гуманизации. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014, 312с.
3. *Корчак Я.* Как любить ребенка. М.: «Педагогика», 1990, 496с.
4. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: «Знание», 1996, 308с.
5. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: «Питер», 2019, 400с.
6. *Роджерс К.* Становление личности. Взгляд на психотерапию. М.: «Психотерапия», 2007, 416с.
7. *Сухомлинский В.А.* Сердце отдаю детям. Киев: «Радянська школа», 1974, 288с.

KEY COMPETENCIES OF A MODERN HUMANISTIC EDUCATOR

S. Pavlyuk, A. Berberyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article presents the results of an empirical study aimed at examining the key competencies of a modern humanistic educator, taking into account the student experience of graduates of leading technical universities in Moscow, now young employees of an industrial and commercial company in Moscow. The importance of all groups of key competencies of a modern humanistic educator is revealed.
Keywords: humanistic educator, key competencies, gnostic, communicative, emotional-reflective, and design competencies.

МЕТОД АССОЦИАТИВНЫХ КАРТ (МАК) В ИССЛЕДОВАНИИ ИМПЛИЦИТНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А.В. Богатырева, А.В. Шорина[1], Е.В. Оганиссян

Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина
sovabenjamina@yandex.ru, shorinaav@sstu.ru, Elena-85-02@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлен теоретико-методологический анализ возможностей метода метафорических ассоциативных карт (МАК) в исследовании имплицитной сферы личности. Рассматриваются исторические предпосылки возникновения метода, его связь с классическими проективными техниками и психоаналитической традицией. Особое внимание уделяется социально-психологическому механизму работы МАК, включая феномены проекции, метафоризации и ассоциирования/диссоциирования. Автором предложена авторская классификация диагностических возможностей метода при работе с неосознаваемыми компонентами личности, а также обозначены перспективы его валидизации в качестве строгого научного инструмента.

Ключевые слова: метафорические ассоциативные карты (МАК), имплицитная сфера личности, проективные методы, психологическая диагностика, личностные смыслы.

Проблема доступа к глубинным, неосознаваемым структурам личности традиционно является одной из наиболее сложных в психологической науке. Имплицитная сфера – область скрытых убеждений, вытесненных переживаний, невербализованных смыслов и неосознаваемых мотивов – составляет фундамент, на котором выстраивается эксплицитное, демонстрируемое вовне поведение человека. Классические методы ее исследования, от психоанализа до проективных техник, либо требуют длительной временной затраты, либо сталкиваются с проблемой стандартизации и интерпретации [3].

В последние десятилетия в психологической практике активно развивается метод метафорических ассоциативных карт (МАК), который позиционируется как эффективный инструмент доступа к имплицитным содержаниям психики. Несмотря на растущую популярность в прикладной психологии и

[1] К. пед. н., доцент кафедры «Политология и социология» Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина.

психотерапии, теоретическое осмысление МАК как научного метода исследования личности остается фрагментарным. Большинство публикаций носят описательно-методический характер и не предлагают строгого анализа механизмов, лежащих в основе работы с картами.

Цель данной статьи – теоретико-методологический анализ возможностей метода ассоциативных карт в исследовании имплицитной сферы личности, выявление его психологических механизмов и определение перспектив научной валидизации.

Возникновение метафорических ассоциативных карт относится к середине 1980-х годов и связано с именем канадского искусствоведа и художника Эли Рамана. Первоначальная цель создания карт не имела психотерапевтической направленности: Э. Раман стремился популяризировать искусство, создавая миниатюрные репродукции картин, которые можно было носить с собой [2]. Однако в процессе использования обнаружился важный феномен: рассматривание одних и тех же изображений вызывало у разных людей различные эмоциональные состояния и смысловые интерпретации.

Дальнейшее развитие метод получил благодаря сотрудничеству Эли Рамана с психотерапевтом Морицем Эгетмейером, который предложил использовать карты в психотерапевтической практике. Так появилась первая психотерапевтическая колода «OH-Cards» («О-карты»), название которой отражало характерную реакцию удивления клиентов, сталкивавшихся с неожиданными инсайтами в процессе работы [4].

Методологически МАК опирается на несколько теоретических традиций. Во-первых, это психоаналитическая концепция проекции, разработанная З. Фрейдом. Согласно этой концепции, человек склонен приписывать внешним объектам собственные неосознаваемые содержания, что позволяет исследовать бессознательное через анализ интерпретаций стимульного материала. Во-вторых, важную роль играет юнгианская теория архетипов и символов, рассматривающая образы как универсальные носители коллективного бессознательного.

Особое значение для понимания механизмов МАК имеет концепция метафоры как когнитивного механизма. В отличие от прямой ассоциации, метафора предполагает перенос значений на основе сходства, доступный для понимания в рамках определенной культуры, но сохраняющий индивидуальные смысловые оттенки. Это создает уникальную возможность диалога между универсальным (культурным) и уникальным (индивидуальным) в процессе психологической работы.

Анализ психологической литературы позволяет выделить структуру социально-психологического механизма, лежащего в основе работы с метафорическими ассоциативными картами. В.В. Пирогова предлагает рассматривать данный механизм как многоуровневую систему, включающую когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты [5]. Центральным элементом механизма является феномен проекции. При работе с картами клиент сталкивается с визуальным стимулом, обладающим высокой степенью неопределенности. Эта неопределенность активизирует процесс приписывания стимулу собственных смыслов, причем данные смыслы зачастую не осознаются клиентом вплоть до момента вербализации. Важной особенностью МАК по сравнению с классическими проективными методиками (такими как тест Роршаха) является большая структурированность и эстетическая оформленность стимульного материала, что снижает защитные реакции и облегчает процесс коммуникации [1].

Вторым значимым компонентом выступает метафоризация – когнитивный механизм, позволяющий переводить сложные, травматичные или слабоструктурированные переживания в образную форму. Метафора выполняет функцию «когнитивного моста» между неосознаваемым содержанием и сознанием, делая возможным процесс инсайта [3]. В контексте работы с МАК метафора позволяет клиенту говорить о себе в безопасной, опосредованной форме, что особенно важно при исследовании имплицитной сферы.

Существенную роль играет также механизм диссоциации – способности клиента временно отделять интерпретируемое содержание от собственного «Я». Как отмечается в литературе, работа с МАК строится на принципе «говорить не о себе, а о карте» [6]. Это создает психологически безопасное пространство, в котором снижается действие защитных механизмов и становится возможным доступ к вытесненным переживаниям.

На основе анализа практики применения МАК можно выделить следующие направления исследования имплицитной сферы личности:

1. Диагностика актуального эмоционального состояния. Выбор карт и характер их описания позволяют выявить доминирующие эмоциональные переживания, которые могут не осознаваться клиентом или скрываться в процессе прямой вербализации. Особую диагностическую ценность представляют невербальные реакции при первом контакте с изображением (О.Н. Ракитская, Е.С. Глебова, А.Г. Козлова, З.А. Аксютина).

2. Выявление имплицитных убеждений и когнитивных схем. При работе с тематическими колодами (например, «Денежные сценарии», «Из сундучка

прошлого») клиент проецирует на изображения устойчивые паттерны мышления, сформированные в процессе жизненного опыта. Эти паттерны часто не рефлексируются и проявляются лишь в опосредованной форме (И.А. Чайковская, Е.В. Казанцева, О.В. Чурсинова).

3. Исследование личностных смыслов и ценностных ориентаций. Процесс выбора карты, отвечающей на вопрос «Что для меня важно?», позволяет операционализировать ценностно-смысловую сферу личности, переводя абстрактные понятия в конкретные образы (И.Г. Кочетков, М.А. Козлова, А.В. Козлов).

4. Работа с вытесненным опытом и психологическими защитами. Специфика метода позволяет обходить механизмы психологической защиты, поскольку клиент взаимодействует не с собственным травматичным опытом напрямую, а с его символическим репрезентантом (С.В Толстая, Т.С. Пилипенко).

Критический анализ метода МАК неизбежно ставит вопрос о его соответствии критериям научности. Традиционные требования к психологическим методикам – стандартизация, валидность, надежность – вступают в определенное противоречие с природой МАК как инструмента, ориентированного на уникальность индивидуальной интерпретации.

Сторонники метода указывают, что МАК следует рассматривать не как тестовую методику в строгом смысле, а как «инструмент, основанный на принципах качественной методологии» [5]. В этом контексте критерием надежности выступает не воспроизводимость количественных показателей, а возможность получения глубинного материала, недоступного при использовании стандартизированных опросников.

Определенным решением проблемы валидизации может стать разработка протоколов анализа качественных данных, получаемых в процессе работы с МАК. Использование методов контент-анализа, нарративного анализа и феноменологического описания позволяет придать результатам работы с картами более строгий научный статус [3].

Метод ассоциативных карт обладает значительным потенциалом для включения в программу научных психологических исследований. Наиболее перспективными направлениями представляются:

1) исследование динамики личностных смыслов в процессе психотерапии;

2) изучение имплицитных компонентов самосознания в различных возрастных и социальных группах;

3) кросс-культурные исследования особенностей символизации и метафоризации;

4) анализ связи между характеристиками выбора и интерпретации карт и личностными чертами, измеряемыми стандартизированными методами.

Особую ценность метод может представлять в исследованиях с детьми и подростками, а также с респондентами, имеющими трудности вербализации переживаний [6].

Проведенный теоретико-методологический анализ позволяет сделать вывод, что метод ассоциативных карт (МАК) представляет собой перспективный инструмент исследования имплицитной сферы личности, основанный на синтезе классических проективных техник и современных представлений о метафорическом мышлении. Социально-психологический механизм работы метода включает процессы проекции, метафоризации и диссоциации, обеспечивающие доступ к неосознаваемым содержаниям психики.

Дальнейшее развитие метода в научном контексте требует разработки критериев и процедур качественного анализа получаемых данных, а также проведения сравнительных исследований, сопоставляющих результаты работы с МАС с данными стандартизированных методик.

При соблюдении этих условий метод может занять достойное место в арсенале не только практической психотерапии, но и академической психологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Voitkova A.N., Goncharova T.V.* Rendering as Basic Cognitive Mechanism to Form Students‘ Professional Linguo-Communicative Competence // “Philology. Theory & Practice”. Vol. 13, Issue 5, 2020.
2. *Аксютина З.А*. Метафорические ассоциативные карты: работа с метафорой // «Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Сер. Языкознание и литературоведение», № 1, 2023. СС. 4–15.
3. *Аксютина З.А*. Методолого-теоретические основы терапии метафорическими ассоциативными картами // Журнал «Психология и психотехника. Сер. Психотехника», № 3, 2023. СС. 200–206.
4. *Казанцева Е.В.* Метафорические ассоциативные карты как «магическая» психотерапевтическая практика // Журнал «Концепт. Сер. Психологические науки», № 1, 2017. СС. 1–7.
5. *Пирогова В.В.* К вопросу о понимании сущности социально-психологического механизма в работе с метафорическими ассоциативными картами (МАК) // «Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. Сер. Психологические науки», № 1, 2019. СС. 20–27.
6. *Чурсинова О.В.* Метафорические ассоциативные карты как эффективный инструмент педагога-психолога в работе с девиантными подростками // «Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Сер. Психологические науки», № 2, 2019. СС. 140–146.

METHOD OF ASSOCIATIVE MAPS (MAC) IN THE STUDY OF THE IMPLICIT SPHERE OF PERSONALITY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

A. Bogatyryova, A. Shorina, E. Ohanissian
Yuri Gagarin Saratov State Technical University

ABSTRACT

The article presents a theoretical and methodological analysis of the possibilities of the method of metaphorical associative cards (MAC) in the study of the implicit sphere of personality. The historical prerequisites for the emergence of the method, its connection with classical projective techniques and the psychoanalytic tradition are considered. Special attention is paid to the socio-psychological mechanism of MAC work, including the phenomena of projection, metaphorization and association/dissociation. The author offers an original classification of the diagnostic capabilities of the method when working with unconscious components of the personality, and also outlines the prospects for its validation as a rigorous scientific tool.

Keywords: metaphorical associative cards (MAC), implicit sphere of personality, projective methods, psychological diagnostics, personal meanings.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ВЕДУЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТНОЙ СИТУЦИИ СРЕДИ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГИИ

А.С. Будагян, А.А. Кургинян

Российско-Армянский университет
Anul.kurginyan@bk.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению взаимосвязи эмоционального интеллекта и ведущего поведения личности в конфликтной ситуации среди студентов психологии. В современной психологической науке особое внимание уделяется роли эмоционального интеллекта как важного фактора эффективного межличностного взаимодействия, саморегуляции и конструктивного разрешения конфликтов. В ходе исследования использовались методика диагностики эмоционального интеллекта Н. Холла и методика Томаса-Килманна для определения доминирующего стиля поведения в конфликте.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, стратегии поведения в конфликте, межличностные отношения, студенты.

Введение

Вопрос межличностного взаимодействия в контексте современного высшего образования имеет большое значение, поскольку студенты сталкиваются не только с академическими задачами, но и с необходимостью эффективного общения, что зачастую сопровождается конфликтами. В связи с этим эмоциональный интеллект приобретает особую важность, поскольку он определяет способность человека понимать и регулировать свои эмоции, а также учитывать эмоциональное состояние окружающих. Ее уровень развития решающим образом влияет на выбор поведенческой стратегии в конфликтной ситуации и на успех ее разрешения. Эта тема особенно важна для студентов-психологов, которые развивают профессиональные навыки для работы с людьми. В этом контексте представляется целесообразным рассмотреть взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и поведением в конфликтных ситуациях, а также возможности его развития в образовательной среде.

Материал и методы

В исследовании приняли участие 30 респондентов разного пола в возрастной категории 18–21 лет, проживающих в Ереване. Для выявления уровня эмоционального интеллекта была использована методика диагностики уровня

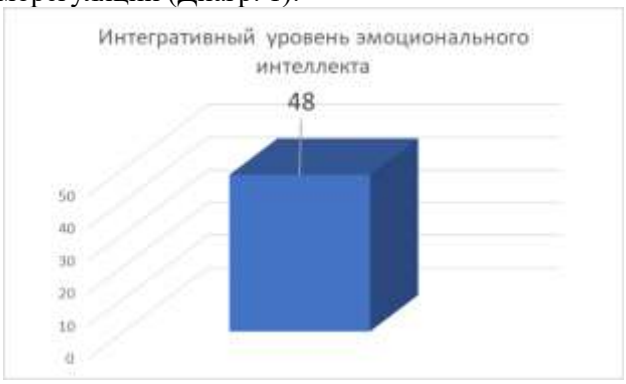
эмоционального интеллекта Н. Холла. Для исследования ведущего стиля поведения в конфликтной ситуации была использована методика Томаса-Килмана.

Основная часть

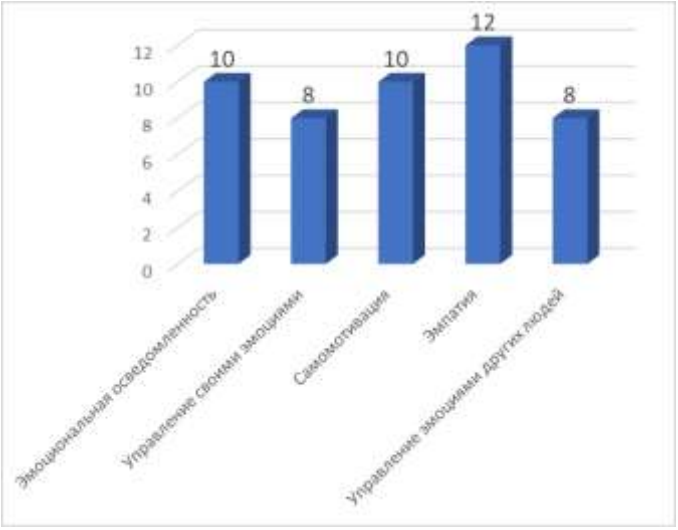
Анализ взаимосвязи между эмоциональным интеллектом и поведенческими особенностями в конфликтных ситуациях позволяет лучше понять, как эмоциональные и личностные особенности студентов-психологов проявляются в межличностном общении. Являясь важнейшей способностью к восприятию, пониманию и регулированию эмоций, эмоциональный интеллект влияет на восприятие конфликтных ситуаций и выбор стратегий их разрешения. В образовательной среде, характеризующейся высокой учебной нагрузкой и насыщенной общественной жизнью, эта способность приобретает особое значение, поскольку определяет степень конструктивности индивидуального поведения.

В свою очередь, поведение в конфликтных ситуациях отражает сложное взаимодействие эмоциональных, когнитивных и поведенческих компонентов, что делает его важной темой исследований в психологии. Понимание этого взаимодействия позволяет не только выявить специфику реакций студентов в конфликтных ситуациях, но и определить потенциальные направления развития эмоционального интеллекта, способствующие формированию эффективной коммуникации и профессиональных компетенций будущих специалистов.

Интегративный уровень эмоционального интеллекта у студентов-психологов составил 48. В соответствии с интерпретацией методики, значение соответствует среднему уровню эмоционального интеллекта. Следовательно, можно утверждать, что среди респондентов – студентов-психологов – выявлен средний уровень эмоционального интеллекта. Это свидетельствует о достаточном, но не высоком уровне развития способности к пониманию, регуляции и использованию эмоциональных состояний в межличностном взаимодействии и саморегуляции (Диагр. 1):

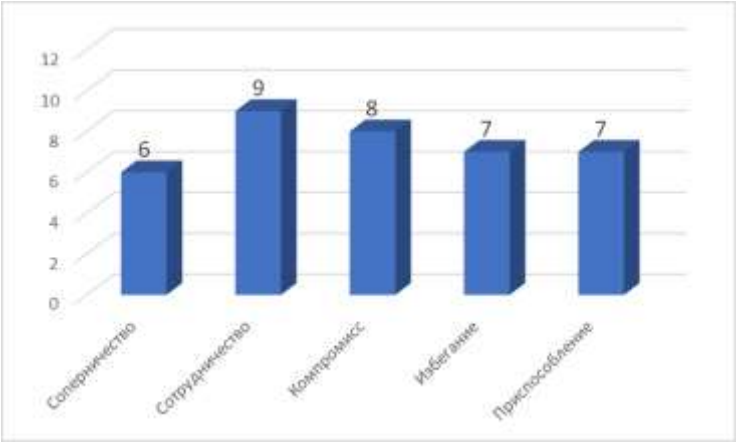

В данной методике структура эмоционального интеллекта включает 5 шкал: эмоциональная осведомленность, управление своими эмоциями, самомотивация, эмпатия и управление эмоциями других (Диагр. 2).

Наивысший балл был получен по шкале «Эмпатия», что свидетельствует об умеренно выраженной способности понимать других и проявлять к ним сочувствие. По шкалам «Эмоциональное самосознание» и «Личная мотивация» были получены средние значения, что отражает достаточное понимание собственных эмоций и способность регулировать свое поведение. Наименьшие значения были зафиксированы по шкалам «Управление собственными эмоциями» и «Управление эмоциями других», что указывает на менее развитые навыки эмоциональной регуляции. В целом, эмоциональный интеллект определяется как способность понимать и контролировать собственные эмоции и эмоции других людей для обеспечения эффективного взаимодействия.

Результаты исследования на определение ведущего стиля поведения указаны на Диагр. 3.

Преобладающей поведенческой стратегией среди студентов-психологов в конфликтных ситуациях является «сотрудничество», которое отражает стремление отдавать предпочтение конструктивному взаимодействию и учитывать интересы обеих сторон. На втором месте находится «компромисс», подразумевающий взаимные уступки и частичное удовлетворение потребностей конфликтующих сторон.

Стратегии «избегания» и «приспособления», которые служат для снижения напряженности или сохранения отношений, когда трудно разрешить конфликт, менее распространены. Наименьший балл присваивается «соперничеству», что указывает на слабую склонность студентов к конфликтному поведению, и к тому, чтобы ставить свои интересы выше интересов других.

Поскольку мы предполагаем, что существует связь между интегративным показателем эмоционального интеллекта и стилями поведения в конфликтной ситуации среди студентов-психологов, была проведена корреляция, которая изображена на таблице (Табл. 1):

	Конфронтация	Сотрудничество	Компромисс	Уклонение	Приспособление
Уровень ЭИ	-0,5	0,6	0,5	-0,3	-0,3

Взаимосвязь интегративного уровня эмоционального интеллекта со стилем поведения «соперничество» составила -0,5, со стилем поведения «сотрудничество» 0,6, со стилем поведения «компромисс» 0.5, со стилем поведения «избегание» -0,3 и со стилем поведения «приспособление» -0,3.

Полученные коэффициенты корреляции указывают на наличие умеренной взаимосвязи. Также, дополнительно, была проведена корреляция между шкалами эмоционального интеллекта и копинг-стратегиями в конфликте. Результаты указаны в таблице (Табл. 2):

	Конфронтация	Сотрудничество	Компромисс	Избегание	Приспособление
Эмоциональная осведомленность	-0,3	0,6	0,6	-0,2	-0,6
Управление своими эмоциями	-0,6	0,5	0,4	-0,3	-0,2
Самомотивация	-0,4	0,5	0,3	-0,2	-0,5
Эмпатия	-0,5	0,7	0,7	-0,3	0,3
Распознавание эмоций других людей	-0,5	0,7	0,5	-0,3	-0,5

Наиболее сильная взаимосвязь была обнаружена следующими показателями: управление своими эмоциями и конфронтация (r = -0.6), эмоциональная осведомленность и сотрудничество (r = 0,6), эмпатия и сотрудничество (r = 0,7), эмоциональная осведомленность и компромисс (r = 0,6), эмпатия и компромисс (r = 0,7) и эмоциональная осведомленность и приспособление (-0,6). Это говорит нам о том, что определенные шкалы эмоционального интеллекта влияют на выбор стратегии в конфликтной ситуации у студентов.

В целом, результаты корреляционного анализа показали, что между эмоциональным интеллектом и копинг-стратегиями в конфликтных ситуациях имеется умеренная взаимосвязь.

Выводы:

1. С помощью количественного и корреляционного анализа в ходе исследования были выявлены следующие тенденции: высокий уровень эмоционального интеллекта повышает вероятность выбора более конструктивной поведенческой стратегии.

2. В результате корреляции каналов эмоционального интеллекта и стилей поведения в конфликтной ситуации обнаружены относительно высокие положительные корреляции между: эмпатией и сотрудничеством (r=0,7), эмоциональной осведомленностью и сотрудничеством (r=0,6), эмоциональной осведомленностью и компромиссом (r=0,6), эмпатией и компромиссом (r=0,7). И умеренно выраженные отрицательные корреляции между эмоциональной осведомленностью и приспособлением (r=-0,6), самомотивацией и приспособлением (-0,5), распознаванием эмоций других и приспособлением (-0,5).

3. Результаты подтверждают необходимость включения в процесс обучения студентов-психологов специальных программ, направленных на развитие эмоционального интеллекта, навыков саморегуляции, эмпатии и конструктивного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева И.Н.* Эмоциональный интеллект: исследования феномена // «Вопросы психологии», 2006.
2. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. М.: «АСТ», 2009.
3. *Лукин Ю.Ф.* Конфликтология: управление конфликтами: учебник для вузов. М.: «Академический Проект»; «Гаудеамус», 2007, 799с.

THE RELATIONSHIP BETWEEN EMOTIONAL INTELLIGENCE AND LEADING BEHAVIOR IN CONFLICT AMONG PSYCHOLOGY STUDENTS

A. Budagyan, A. Kurginyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This study examines the relationship between emotional intelligence and leading behavior in conflict situations among psychology students. Contemporary psychological science places particular emphasis on the role of emotional intelligence as an important factor in effective interpersonal interaction, self-regulation, and constructive conflict resolution.

The study utilized N. Hall's emotional intelligence assessment method and the Thomas-Kilmann method to determine the dominant behavioral style in conflict.

Keywords: emotional intelligence, conflict strategies, interpersonal relationships, students.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА НА ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ УРОВНЕМ АГРЕССИИ И ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТЬЮ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

А.С. Будагян, Т.К. Погосян

Российско-Армянский университет
ani-budagyan@rambler.ru, tatevik.poghosyan03@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что существуют различные факторы, влияющие на уровень агрессии и личностной тревожности в юношеском возрасте. Одним из них является гендерный фактор, который рассматривается в данной работе. Актуальность этой проблемы заключается в необходимости более глубокого понимания формирования агрессии и тревожности у юношей и девушек. Теоретическую основу составляют работы С. Бем, И.С. Клецина, К. Хорни, А. Бандуры, Л. Берковица. Для эмпирического исследования были использованы методики С. Бем для оценки гендерной идентичности, Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина для оценки уровня тревожности и А. Басса и А. Дарки для диагностики агрессивных и враждебных реакций. В работе был проведен анализ показателей агрессии и личностной тревожности, а также были выявлены особенности их взаимосвязи с гендерными характеристиками.

Актуальность исследования обуславливается ростом уровня агрессии и личностной тревожности среди молодых людей, а также необходимостью изучения, как и в какой мере гендерный фактор влияет на характер взаимосвязи данных явлений.

Ключевые слова: личностная тревожность, агрессия, гендерный фактор, юношеский возраст.

Введение

Проблема агрессии и личностной тревожности является одной из наиболее актуальных в современной психологии на фоне нарастающей социально-экономической напряженности, особенно затрагивающей молодежь, поскольку юношеский возраст – период активного становления личности и перехода к «взрослой жизни». Как отмечает М.Р. Гинзбург, несформированность целостной картины будущего порождает внутреннее напряжение, проявляющееся в различных формах психологического неблагополучия. Агрессия понимается как поведение, намеренно наносящее вред окружающим, агрессивность – как устойчивая готовность к враждебному реагированию

даже без объективных провокаций. По словам Н.И. Корытченковой, в кризисные периоды жизни уровень агрессии закономерно возрастает вместе с внутренним напряжением, требующим разрядки. Тревожность рассматривается через разграничение Ч.Д. Спилбергера между ситуативной тревогой, как актуальным состоянием, и личностной тревожностью, как устойчивой чертой, определяющей склонность воспринимать ситуации как угрожающие. Именно личностная тревожность выступает предметом изучения, поскольку в юношеском возрасте она часто связана с неопределенностью жизненных перспектив. Теоретической предпосылкой для изучения взаимосвязи агрессии и тревожности служит модель Л. Берковица, согласно которой негативные аффективные состояния, включая тревогу, способны активировать агрессивные когниции. Немаловажную роль играют и гендерные особенности. Р. Бэрон и Д. Ричардсон указывают, что мужчины чаще демонстрируют прямые и физические формы агрессии, тогда как женщины – косвенные и реляционные, объясняя это гендерной социализацией. С. Мартин отмечает, что связь агрессии с эмоциональным неблагополучием, включая тревожность, может различаться у мужчин и женщин, что обусловливает необходимость раздельного анализа этой взаимосвязи у юношей и девушек в настоящем исследовании.

Цель исследования: Целью исследования является изучение влияния гендерного фактора на взаимосвязь уровня агрессивности и личностной тревожности в юношеском возрасте.

Объект и предмет исследования: Объектом исследования являются психологические особенности юношеского возраста, а предметом – гендерные особенности, уровень агрессивности и личностной тревожности в юношеском возрасте.

Гипотеза 1. Существует взаимосвязь между гендерным фактором и уровнем агрессивности в юношеском возрасте.

Гипотеза 2. Существует взаимосвязь между гендерным фактором и уровнем личностной тревожности в юношеском возрасте.

Гипотеза 3. Существует взаимосвязь между уровнем агрессивности и личностной тревожности в юношеском возрасте.

Методы исследования: Опросник полоролевой идентичности С. Бем.

Опросник исследования уровня агрессивности Басса-Дарки.

Методика оценки тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина.

Основная часть

Обработка результатов: в исследовании приняли участие 60 респондента (30 девушек и 30 юношей) в возрасте от 18 до 24.

Результаты исследования по первой методике – Полоролевой опросник Сандры Бем.

Рисунок 1. Опросник полоролевой идентичности С. Бем.

На Рис.1 представлено распределение всех респондентов по типам гендерной идентичности. Преобладающим оказался андрогинный тип личности (72%), за которым следуют маскулинный (15%) и феминный (13%) типы.

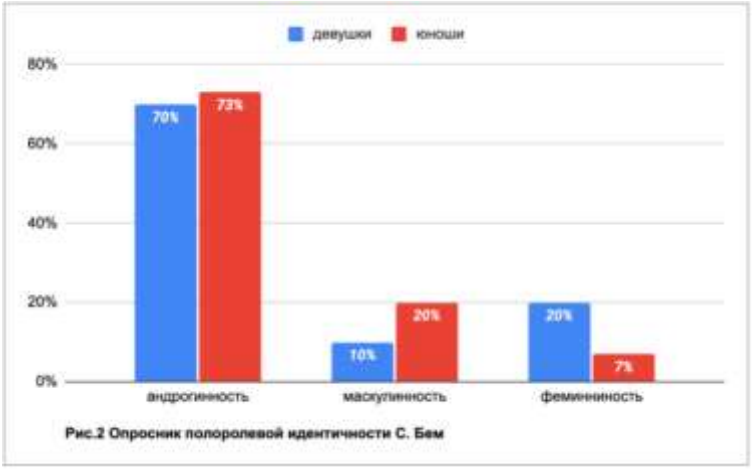

Рисунок 2.

На Рис. 2 представлено распределение типов гендерной идентичности среди девушек и юношей. В обеих группах преобладает андрогинный тип (70% и 73%, соответственно); ярко выраженные маскулинность и феминность не представлены. Среди юношей несколько чаще встречается маскулинный тип (20% против 10% у девушек), тогда как среди девушек – феминный (20% против 7% у юношей).

Результаты исследования по второй методике – Опросник исследования уровня агрессивности Басса-Дарки.

Таблица 1. Средние значения агрессивных и враждебных видов реакций у девушек и у юношей (по опроснику исследования уровня агрессивности Басса-Дарки).

	девушки	юноши
Физическая агрессия	50,3	62
Негативизм	44	60,0
Вербальная агрессия	68,9	81,9
Угрызения совести, чувство вины	53,9	67,1
Обида	34,2	34,2
Подозрительность	45	53
Косвенная агрессия	30,4	33,6
Раздражение	57,6	68,2

По большинству шкал юноши демонстрируют более высокие показатели, чем девушки: вербальная агрессия (81,9 против 68,9), физическая агрессия (62 против 50,3), негативизм (60,0 против 44), подозрительность (53 против 45) и раздражение (68,2 против 57,6). Исключение составляет шкала обиды, где показатели совпадают (34,2 у обеих групп), что говорит о гендерной неспецифичности данного переживания.

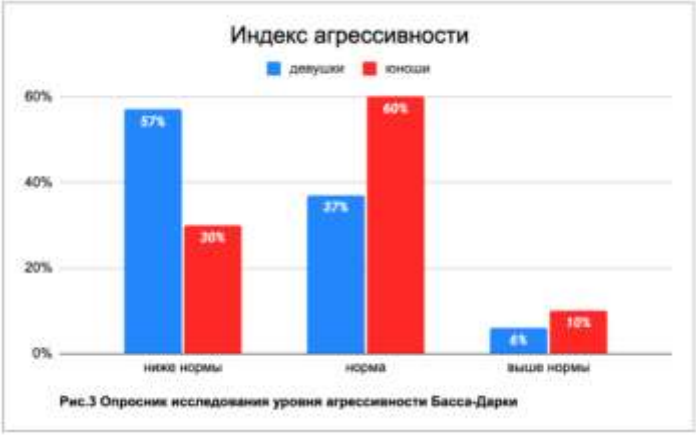

Рисунок 3.

На Рис. 3 представлено распределение по уровням индекса агрессивности: у большинства девушек (57%) он ниже нормы, у большинства юношей (60%) – в ее пределах, выше нормы – лишь у 6% и 10%, соответственно. Юноши в целом

демонстрируют более высокий уровень агрессивности; преобладание пониженных значений у девушек может отражать подавление агрессивных реакций при отсутствии выхода для внутреннего напряжения.

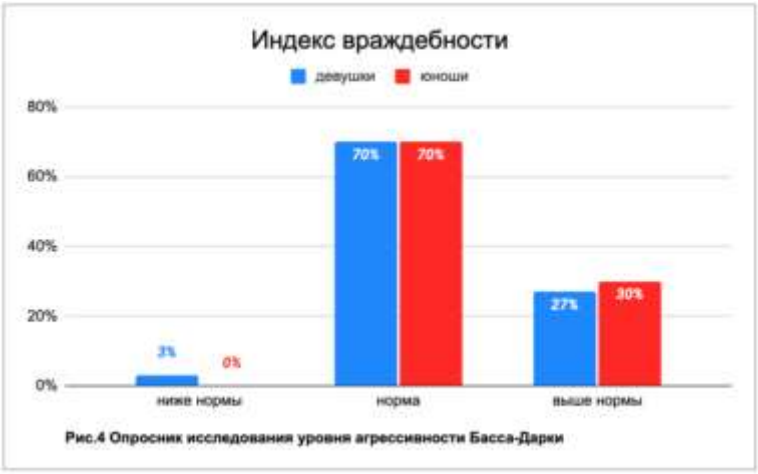

Рисунок 4.

На Рис. 4 распределение по уровням индекса враждебности у девушек и юношей практически идентично: у 70% обеих групп показатель в пределах нормы, выше нормы – у 27% и 30%, ниже нормы – лишь у 3% девушек. Это говорит о гендерной неспецифичности негативного отношения к окружающим и о способности переживать внутреннее напряжение без его перехода в устойчивую враждебность.

Результаты исследования по третьей методике – Методика оценки тревожности Спилбергера–Ханина.

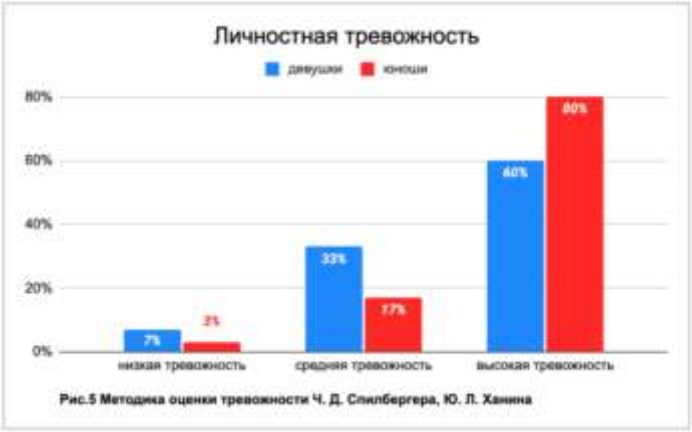

Рисунок 5.

На Рис. 5 представлено распределение уровней личностной тревожности: высокий преобладает в обеих группах (60% у девушек, 80% у юношей), средний – у 33% и 17%, низкий – у 7% и 3%. Более высокая тревожность у юношей неожиданна и может объясняться тем, что в силу гендерных ожиданий они реже открыто выражают тревогу, вследствие чего она закрепляется как устойчивая черта.

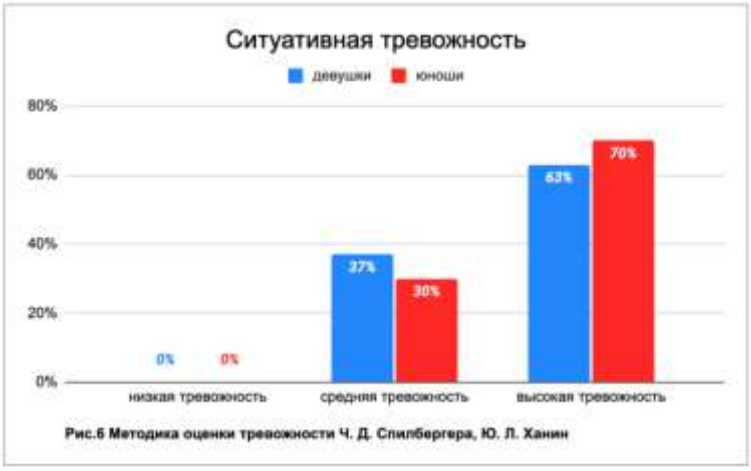

Рисунок 6.

На Рис. 6 представлено распределение уровней ситуативной тревожности. Низкий уровень не выявлен ни у одного респондента, высокий преобладает в обеих группах (63% у девушек, 70% у юношей), средний – у 37% и 30%, соответственно. Таким образом, ситуативная тревожность у юношей несколько выше, что согласуется с результатами по личностной тревожности, а высокий фон, в целом, закономерен для юношеского возраста – периода высокой учебной и социальной нагрузки.

Корреляционный анализ между полоролевым опросником С. Бем и опросником Басса–Дарки не выявил значимых связей ни у девушек, ни у юношей. Это может быть связано с преобладанием андрогинного типа в выборке, из-за чего показатели гендерной идентичности недостаточно различаются между респондентами. Гипотеза 2 не подтвердилась. Аналогичная картина наблюдается и при анализе связи между полоролевым опросником С. Бем и методикой Спилбергера–Ханина: значимых корреляций также не выявлено ни у девушек, ни у юношей.

Таблица 2. Данные корреляционного анализа между опросником исследования уровня агрессивности Басса-Дарки и методикой оценки тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина у девушек.

	Ситуативная тревожность	Личностная тревожность
Физическая агрессия	0,3	0,4
Косвенная агрессия	0,1	0,4
Раздражение	0,5	0,5
Негативизм	-0,1	0,1
Обида	0,7	0,7
Подозрительность	0,4	0,3
Вербальная агрессия	0,1	0,3
Угрызения совести, чувство вины	0,3	0,5
Индекс агрессивности	0,3	0,5
Индекс враждебности	0,7	0,6

Таблица 3. Данные корреляционного анализа между опросником исследования уровня агрессивности Басса-Дарки и методикой оценки тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина у девушек.

	Ситуативная тревожность	Личностная тревожность
Физическая агрессия	-0,3	-0,2
Косвенная агрессия	0,3	0,2
Раздражение	0,1	0,5
Негативизм	0,2	0,0
Обида	0,5	0,4
Подозрительность	0,4	0,6
Вербальная агрессия	0,0	-0,2
Угрызения совести, чувство вины	0,3	0,5
Индекс агрессивности	-0,1	0,1
Индекс враждебности	0,5	0,6

У девушек выявлены сильные связи между агрессивностью и тревожностью: обида (0,7) и индекс враждебности (0,7/0,6) – с обоими видами тревожности; раздражение, индекс агрессивности (0,5), физическая и косвенная агрессия (0,4) – преимущественно с личностной. Тревожность здесь выступает психологической почвой агрессивности. У юношей значимые связи выявлены в основном с личностной тревожностью – подозрительность (0,6), раздражение, угрызения совести, индекс враждебности (0,5–0,6); обида, как и у девушек, связана с обоими видами тревожности (0,5 и 0,4). При этом индекс агрессивности и физическая агрессия значимой связи не показали, что говорит об их независимости – агрессия у юношей обусловлена скорее социальными факторами.

Заключение

Исследование показало, что у большинства респондентов обеих групп преобладает андрогинный тип гендерной идентичности, что характерно для юношеского возраста. Юноши в целом демонстрируют более высокий уровень агрессивности и личностной тревожности по сравнению с девушками. При этом взаимосвязь между агрессивностью и тревожностью имеет разную природу у представителей разного пола: у девушек эти явления тесно переплетены, у юношей – относительно независимы. Значимой связи гендерного типа личности с агрессивностью и тревожностью в данной выборке выявлено не было.

Выводы:

Гипотеза 1 подтвердилась – взаимосвязь между агрессивностью и тревожностью существует, но ее характер различается у девушек и юношей.

Гипотезы 2 и 3 не подтвердились в связи с особенностями выборки. Проблематика требует дальнейшего изучения на более широкой и разнородной по гендерному типу выборке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. СПб.: Издательский дом «НЕВА», 2001, 512 с.
2. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб.: «Питер», 1997.
3. *Бем С.* Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004, 352с.
4. *Гинзбург М.Р.* Психология юношеского возраста. М.: «Академия», 1994, 208с.
5. *Корытченкова Н.И., Ахвердова О.А., Смагина С.С.* Интегральные характеристики агрессивности личности // «СибСкрипт», № 4 (68), 2016.
6. *Спилбергер Ч.Д.* Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги // Стресс и тревога в спорте. М.: «Физкультура и спорт», 1983.
7. *Martin S.* Examining Gender Differences in Aggression as a Predictor of Anxiety, Depression, and Suicide in a Cross-Sectional French Sample // “Health Science Reports”. Vol. 8, № 1, 2025.

THE INFLUENCE OF GENDER FACTOR ON THE RELATIONSHIP BETWEEN AGGRESSION LEVEL AND PERSONAL ANXIETY IN ADOLESCENCE

A. Budaghyan, T. Poghosyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

There are various factors influencing the level of aggression and personal anxiety in adolescence. One of them is the gender factor, which is examined in this paper. The relevance of this issue lies in the need

for a deeper understanding of how aggression and anxiety develop in young men and women. The theoretical framework is based on the works of S. Bem, I. S. Kletsina, K. Horney, A. Bandura, and L. Berkowitz. For the empirical study, the following instruments were used: the S. Bem Sex Role Inventory to assess gender identity, the Spielberger–Hanin State-Trait Anxiety Inventory to assess anxiety levels, and the A. Buss–A. Durkee Hostility Inventory to diagnose aggressive and hostile reactions. The study analyzed indicators of aggression and personal anxiety and identified specific features of their relationship with gender characteristics.
Keywords: personal anxiety, aggression, gender factor, adolescence.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ НАВЫКИ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ У СТУДЕНТОВ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

М.С. Вартанян, И.Р. Меликсетян

Российско-Армянский университет
inesaa.melik24@gamil.com

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты эмпирического исследования, посвященного изучению взаимосвязи между отношением студентов к цифровым технологиям, уровнем развития навыков самостоятельного обучения и степенью удовлетворенности качеством образования. Исследование проводилось на базе различных университетов Армении (N = 40). Применялись три стандартизированные методики: опросник отношения к цифровым технологиям (Солдатова, Нестик), методика саморегуляции учебной деятельности ССУД-М (Моросанова) и опросник образовательного опыта студентов ООС (Лызь). По результатам корреляционного анализа установлено, что навыки саморегуляции учебной деятельности являются значимым предиктором субъективной удовлетворенности образованием ($r = 0,57$, $p < 0,05$), тогда как отношение к цифровым технологиям оказывает лишь точечное влияние на отдельные компоненты саморегуляции.

Ключевые слова: цифровизация, саморегуляция, самостоятельное обучение, качество образования, студенты.

Введение

Современное высшее образование переживает масштабную трансформацию под влиянием цифровых технологий. Цифровизация образовательного пространства меняет форматы взаимодействия участников учебного процесса и принципиально перестраивает его содержание и организацию. В педагогической психологии накоплен значительный массив данных о факторах, определяющих учебную успешность. Вместе с тем роль цифровых технологий как самостоятельного предиктора удовлетворенности образованием и уровня самостоятельного обучения изучена недостаточно.

Особый интерес представляет вопрос о том, является ли активное использование цифровых технологий условием более высокого уровня самостоятельного обучения и учебной удовлетворенности или же главную роль играют иные психологические факторы, в частности, развитые навыки саморегуляции учебной деятельности [1, 5, 8].

Цель исследования – выявить характер взаимосвязи между отношением студентов к цифровым технологиям, уровнем навыков самостоятельного обучения и показателями удовлетворенности образованием.

Гипотеза: студенты, активно использующие цифровые технологии в обучении (с выраженной технофилией и технорационализмом), имеют более высокий уровень навыков самостоятельного обучения и удовлетворенности качеством образования по сравнению со студентами, демонстрирующими менее конструктивное отношение к цифровым технологиям.

Теоретическую основу работы составляют: концепция саморегулируемого обучения (self-regulated learning), деятельностный подход А.Н. Леонтьева, концепция зоны ближайшего развития Л.С. Выготского, компетентностный подход А.К. Марковой и теория когнитивной нагрузки Дж. Свеллера [2, 3, 9].

Материал и методы

Исследование проводилось в 2025–2026 учебном году на базе различных университетов (г. Ереван). В нем приняли участие 40 студентов различных направлений подготовки в возрасте от 18 до 23 лет (M = 19,4 года). По направлениям: «Дизайн» – 11 чел. (27,5%), «Психология» – 10 чел. (25,0%), «Менеджмент» – 6 чел. (15,0%), «Экономика» – 4 чел. (10,0%), прочие специальности – 9 чел. (22,5%). По курсу обучения: первый курс – 7 чел. (17,5%), второй – 23 чел. (57,5%), третий – 5 чел. (12,5%), четвертый – 5 чел. (12,5%).

Сбор данных осуществлялся с помощью единой онлайн-анкеты. Заполнение занимало в среднем 15–20 минут; участие было добровольным и анонимным. Для статистической обработки использовался корреляционный анализ. В качестве диагностического инструментария применялись три стандартизированные методики.

1. Опросник отношения к цифровым технологиям Г.У. Солдатовой и Т.А. Нестика. Методика измеряет эмоционально-когнитивное отношение к цифровым технологиям по четырем шкалам: технофилия, технорационализм, технофобия и технопессимизм. Ответы даются по пятибалльной шкале Лайкерта [7].

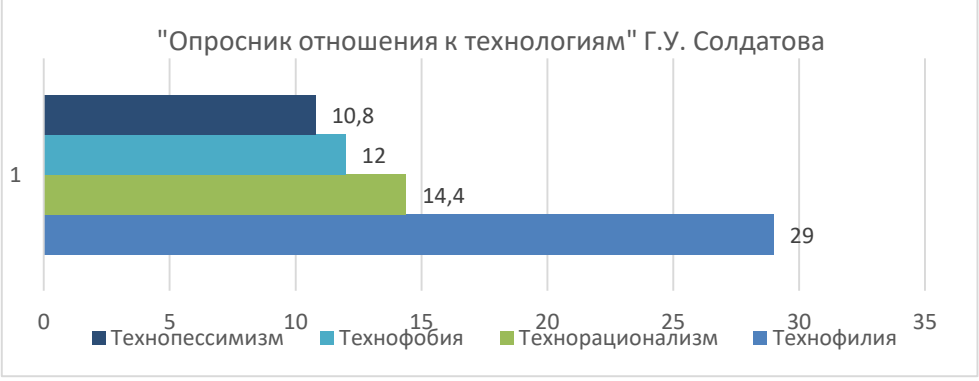
2. Опросник саморегуляции учебной деятельности ССУД-М В.И. Моросановой. Диагностирует профиль осознанной саморегуляции по восьми шкалам: планирование, моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость, ответственность, надежность и инициативность. Ответы – по четырехбалльной шкале [6].

3. Опросник образовательного опыта студентов ООС Н.А. Лызь. Оценивает субъективный образовательный опыт по пяти шкалам: удовлетворенность образованием, интенция к расширению опыта, самоэффективность и

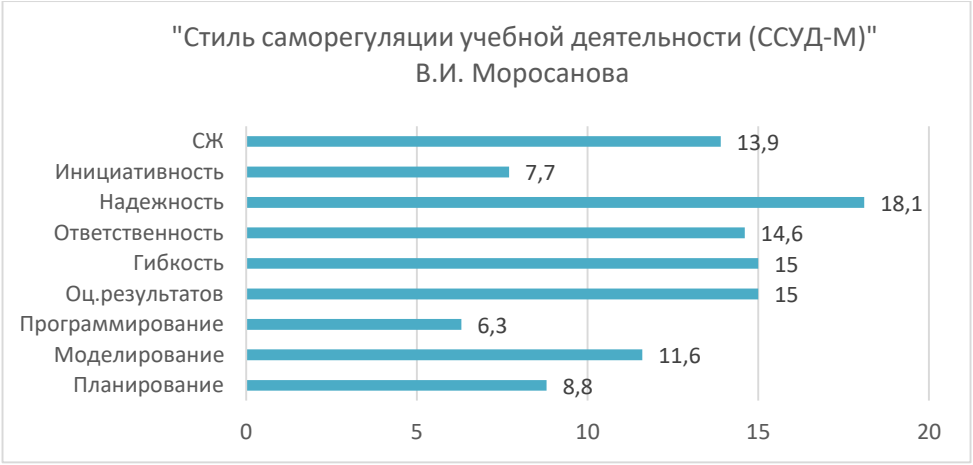
поддержка, опыт саморегулируемого обучения, вовлеченность. Ответы – по пятибалльной шкале [4].

Результаты

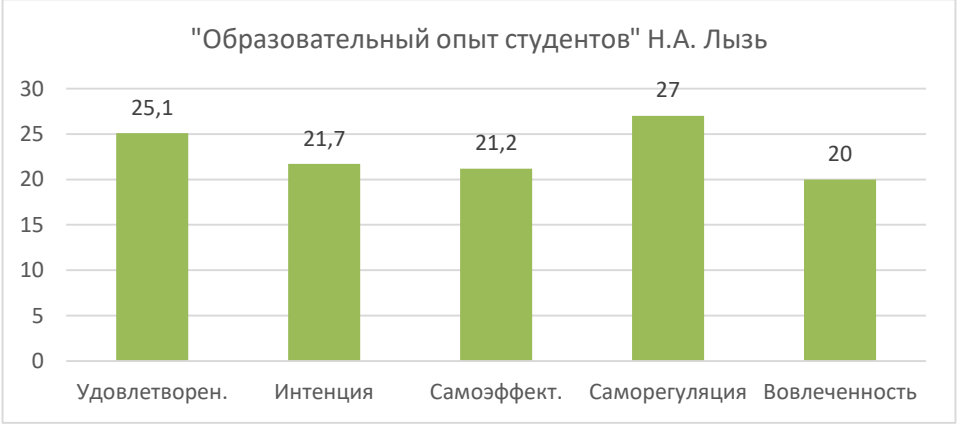
Результаты по методике Солдатовой/Нестика. Наиболее выраженной шкалой является технофилия (M = 29,02), что свидетельствует о высоком уровне позитивного отношения студентов к цифровым технологиям. Технорационализм (M = 14,43) отражает умеренно прагматичную ориентацию. Показатели технофобии (M = 11,97) и технопессимизма (M = 10,75; SD = 2,13) находятся на умеренном уровне. Более высокое стандартное отклонение по шкале технофобии указывает на выраженную индивидуальную вариативность.

Результаты по методике ССУД-М. Общий балл саморегуляции составил M = 97,03, что соответствует среднему уровню осознанной саморегуляции. Наиболее высокие значения по шкалам надежности (M = 18,10) и гибкости (M = 15,03). Шкалы планирования (M = 8,80; SD = 1,96) и программирования (M = 6,30) демонстрируют относительно более низкие значения, что указывает на преобладание ситуативной реактивности над стратегическим планированием.

Результаты по методике ООС. Общий балл образовательного опыта составил M = 114,90, соответствующий умеренно высокому уровню субъективной удовлетворенности образованием. Наиболее высок показатель опыта саморегулируемого обучения (M = 27,02). Вовлеченность (M = 19,98) демонстрирует наименьшие значения, что может свидетельствовать о недостаточной включенности части студентов в активную академическую жизнь.

Корреляционный анализ: отношение к технологиям и саморегуляция. Статистически значимые корреляции выявлены по ряду отдельных шкал. Технофилия демонстрирует положительную связь с оценкой результатов ($r = 0,35$, $p < 0,05$). Технофобия отрицательно связана с моделированием ($r = -0,35$, $p < 0,05$) и программированием ($r = -0,36$, $p < 0,05$). Технопессимизм отрицательно коррелирует с программированием ($r = -0,32$, $p < 0,05$). По общему баллу

ССУД-М значимых связей ни с одной шкалой Солдатовой обнаружено не было. Данные представлены в Табл. 1.

Таблица 1. Корреляционный анализ: отношение к цифровым технологиям (Солдатова/Нестик) и саморегуляция (ССУД-М), N=40.

Шкалы	Планир.	Модел.	Прогр.	Оц. рез.	Гибк.	Ответств.	Надежн.	Инициат.
Технофилия	0,07	0,04	-0,26	0,35*	0,29	-0,14	-0,04	0,02
Технорационализм	0,04	0,11	-0,27	0,18	0,18	-0,17	0,03	0,20
Технофобия	0,10	-0,35*	-0,36*	-0,21	-0,06	-0,04	0,10	-0,18
Технопессимизм	-0,01	-0,02	-0,32*	0,06	0,23	0,07	0,08	0,17

Корреляционный анализ: отношение к технологиям и образовательный опыт. При анализе взаимосвязи между отношением к цифровым технологиям и показателями образовательного опыта статистически значимых корреляций выявлено не было (все r в диапазоне от -0,25 до 0,28). Это свидетельствует о том, что характер отношения к цифровым технологиям не оказывает прямого значимого влияния на субъективную удовлетворенность образованием. Данные представлены в Табл. 2.

Таблица 2. Корреляционный анализ: отношение к цифровым технологиям (Солдатова/Нестик) и образовательный опыт (ООС Лызь), N=40.

Шкалы	Удовл.	Интенция	Самоэфф.	Саморег.	Вовлеч.
Технофилия	0,15	0,07	-0,00	-0,22	-0,01
Технорационализм	0,23	0,10	0,06	-0,00	0,23
Технофобия	0,09	-0,11	0,05	-0,25	-0,03
Технопессимизм	0,28	0,06	0,15	-0,06	0,15

Корреляционный анализ: саморегуляция и образовательный опыт. Выявлено значительное количество статистически значимых связей. Общий балл ССУД-М положительно коррелирует со всеми показателями ООС: удовлетворенностью ($r = 0,34$, $p < 0,05$), интенцией к расширению опыта ($r = 0,42$, $p < 0,05$), самоэффективностью ($r = 0,45$, $p < 0,05$), опытом саморегулируемого обучения ($r = 0,51$, $p < 0,05$), вовлеченностью ($r = 0,46$, $p < 0,05$) и общим баллом ООС ($r = 0,57$, $p < 0,05$). Данные представлены в Табл. 3.

Таблица 3. Корреляционный анализ: саморегуляция (ССУД-М Моросановой) и образовательный опыт (ООС Лызь), N=40.

Шкалы ССУД	Удовл.	Интенция	Самоэфф.	Саморег.	Вовлеч.	Общий
Планирование	0,40*	0,54*	0,05	0,45*	0,48*	0,53*
Моделирование	-0,05	0,09	0,22	0,33*	0,16	0,18
Программирование	-0,02	0,28	-0,05	0,43*	0,17	0,21
Оц. результатов	0,15	0,18	0,16	0,03	0,14	0,17
Гибкость	0,05	0,01	0,47*	-0,07	-0,04	0,08
Ответственность	0,43*	0,33*	0,20	0,39*	0,40*	0,48*
Надежность	0,21	0,10	0,36*	0,06	0,16	0,23
Инициативность	0,13	0,26	0,05	0,56*	0,36*	0,36*

Обсуждение результатов

Полученные данные позволяют выстроить следующие выводы: позитивное отношение к цифровым технологиям (технофилия) связано с более высокой оценкой результатов учебной деятельности, тогда как тревога перед технологиями (технофобия) и технопессимизм снижают отдельные компоненты саморегуляции. В свою очередь, развитые навыки саморегуляции системно связаны с более высокой удовлетворенностью образованием по всем ее измерениям. Таким образом, саморегуляция выступает весомым предиктором субъективного качества образования студентов.

Основная гипотеза подтвердилась частично. Прямой значимой связи между общим отношением к цифровым технологиям и суммарным уровнем самостоятельного обучения или удовлетворенностью образованием обнаружено не было. Это согласуется с позицией Е.С. Полат [8] и других исследователей, считающих, что технологии сами по себе не гарантируют повышения качества обучения: ключевым является то, насколько осознанно они используются студентом и насколько развиты его навыки саморегуляции учебной деятельности.

Среди других шкал наиболее широкий спектр значимых связей с образовательным опытом демонстрируют планирование и ответственность. Особого внимания заслуживает инициативность, имеющая наиболее высокую корреляцию с опытом саморегулируемого обучения ($r = 0,56$, $p < 0,05$), что указывает на значимую связь проактивной учебной позиции с развитыми практиками самостоятель-

ного управления обучением. Шкала гибкости значимо связана с самоэффективностью (r=0,47), что свидетельствует о взаимосвязи адаптивности к меняющимся условиям с верой в собственные учебные возможности.

Примечательно, что технопессимизм обнаруживает умеренную, хотя и незначимую, положительную тенденцию в связи с удовлетворенностью образованием (r=0,28), что может потребовать проверки на более широкой выборке. Полученные результаты имеют практическую значимость: для повышения качества образования и удовлетворенности студентов важно не просто насыщать образовательную среду цифровыми инструментами, но целенаправленно развивать навыки учебной саморегуляции – планирования, ответственности и инициативности [5, 6].

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением выборки, включением студентов из разных вузов и направлений подготовки, а также с изучением динамики взаимосвязей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беспалько В.П.* Образование и обучение с участием компьютеров. М.: Изд-во МПСИ, 2017, 352 с.
2. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М.: «АСТ», 2020, 496с.
3. *Гаспарович Е.О., Донгаузер Е.В.* Цифровизация образования: ключевые тренды и риски // «Педагогическое образование в России», № 1, 2023. СС. 7–15.
4. *Лызь Н.А., Лызь А.Г.* Образовательный опыт студентов: методика исследования // «Психология обучения», № 7, 2014. СС. 46–60.
5. *Малошонок Н.Г.* Студенческая вовлеченность в учебный процесс: методология и результаты исследования // «Вопросы образования», № 4, 2016. СС. 93–115.
6. *Моросанова В.И.* Самосознание и саморегуляция поведения. М.: Изд-во ИП РАН, 2007, 214с.
7. *Солдатова Г.У., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: «Смысл», 2017, 375с.
8. *Полат Е.С.* Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: «Академия», 2019, 368с.
9. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: «Знание», 1996, 308с.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON EDUCATION QUALITY AND THE DEVELOPMENT OF SELF-DIRECTED LEARNING SKILLS AMONG STUDENTS: AN EMPIRICAL STUDY

M. Vardanyan, I. Meliksetyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article presents the results of an empirical study examining the relationship between students' attitudes toward digital technologies,

the level of self-regulated learning skills, and satisfaction with education quality. The study was conducted at various universities in Armenia (N = 40) using three validated instruments: the Digital Technology Attitude Questionnaire (Soldatova, Nestik), the Self-Regulation of Learning Activity scale (Morosanova), and the Student Educational Experience Questionnaire OOS (Lyz). Correlation analysis revealed that self-regulation skills are a significant predictor of subjective educational satisfaction ($r = 0.57$, $p < 0.05$), while attitudes toward digital technologies have only selective effects on specific components of self-regulation.

Keywords: digitalization, self-regulation, self-directed learning, education quality, students.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И УРОВНЯ ЭМПАТИИ В ЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

Э.Б. Гегамян, А.С. Саргсян

Российско-Армянский университет
ranza0895@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что в условиях интенсификации межличностных отношений и возрастающих требований к коммуникативной компетентности личности проблема эмоционального интеллекта и эмпатии приобретает особую актуальность. Юношеский возраст является сензитивным периодом для формирования устойчивых паттернов межличностного взаимодействия. Данное исследование посвящено выявлению характера и особенностй взаимосвязи между эмоциональным интеллектом и степенью развития эмпатии у представителей юношеского возраста в процессе коммуникации. В ходе исследования были были проанализированы теоретические подходы к понятиям эмоционального интеллекта и эмпатии, проведено психодиагностическое тестирование выборки участников юношеского возраста с применением стандартизированных методик, а также осуществлен корреляционный анализ полученных данных.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмпатия, личностная коммуникация, юношеский возраст, коммуникативные умения.

Введение

Актуальность исследования: проблема эмоционального интеллекта (ЭИ) и эмпатии занимает одно из центральных мест в современной психологии личности. Юношеский возраст представляет собой особый период интенсивного личностного и социального самоопределения, в котором коммуникация выступает ключевым инструментом познания себя и мира. Исследование взаимосвязи между данными конструктами в период юности способно стать теоретической и практической основой для совершенствования психологического сопровождения молодых людей.

Активное изучение феномена ЭИ связано с именами Дж. Майера, П. Сэловея, Д. Карузо, Д. Гоулмана, Р. Бар-Она, Х. Гарнера, И.Н. Андреевой. Проблема эмпатии получила серьезное теоретическое обоснование в концепции В.В. Бойко, выделившего шесть взаимосвязанных каналов эмпатийного реагирования.

Гипотеза исследования: преполагается, что сфера личностной коммуникации требует определенного уровня эмпатии и других составляющих элементов ЭИ, а именно: эмоциональная осведомленность, управление собственными эмоциями, самомотивация и разпознание чужих эмоций.

Цель исследования: выявление особенностей взаимосвязи эмоционального интеллекта и уровня эмпатии в личностной коммуникации юношеского возраста.

Методологическая база: Теоретико-методологическю основу составили: теория эмоционвльного интеллекта Дж. Майера, П. Сэловея, Д. Карузо; концепция эмоционально-социального интеллекта, Р. Бар-Она; теория множественного интеллекта Х. Гарнера; интегративная модель эмоционального интеллекта И.Н. Андреевой; концепция многоканальной эмпатии В.В. Бойко; оложения о психологических особенностях юношеского возраста возраста (И.С. Кон, Д.Б. Эльконин, Э. Эриксон); деятельностный подход к пониманию коммуникации.

Методы исследования: теоретический анализ психологической литературы, психологическое тестирование, статистический и корреляционный анализ.

Основная часть

Исследование проводилось в 2025–2026 учебном году на базе Российско-Армянского университета (г. Ереван). В нем приняли участие 30 студентов различных направлений подготовки в возрасте от 18 до 23 лет, среди которых 22 девушки и 8 юношей. Сбор данных осуществлялся с помощью единой онлайн-анкеты. Заполнение занимало в среднем 15–20 минут; участие было добровольным и анонимным. Для статистической обработки использовались корреляционный анализ. В качестве диагностического инструментария применялись три стандартизированные методики.

1. Тест эмоционального интеллекта Н. Холла – диагностика уровня ЭИ и его компонентов (5 субшкал: эмоциональная осведомленность, управление эмоциями, самомотивация, эмпатия, распознование эмоций других людей).

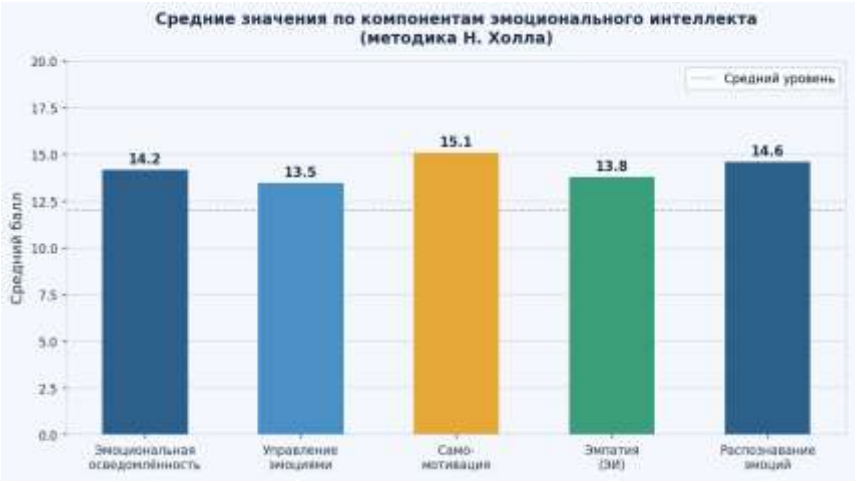
2. Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко – оценка 6 каналов эмпатии: рационального, эмоционального, интуитивного, установок, проникающей способности, идентификации.

3. Тест коммуникативных умений Михельсона (адаптация Ю.З. Гильбуха) – выявление ведущего типа коммуникативного поведения (компетентный, агрессивный, зависимый).

Результаты

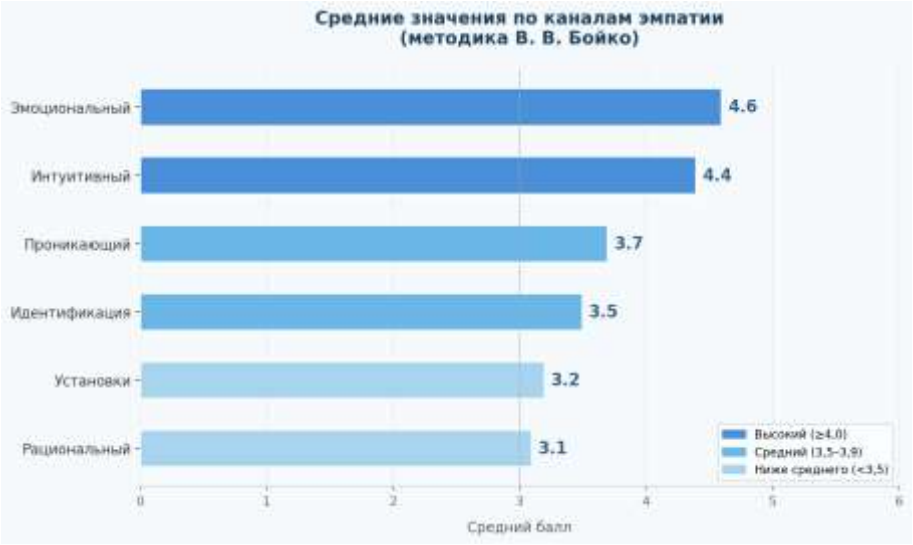
По тесту эмоционального интеллекта Холла

Интегральный уровень эмоционального интеллекта у большинства испытуемых (53,3%) находится на среднем уровне, у 28,9% – на высоком, у 17,8% – на низком. Наиболее развитым компонентом оказалась самомотивация (М (среднее з = 15,1 балла), наименее выраженным – управление эмоциями (М = 13,5 балла), что закономерно для юношеского возраста, когда навыки эмоциональной саморегуляции еще находятся в процессе формирования. Эмоциональная осведомленность составила М = 14,2 балла, распознавание эмоций других людей – М = 14,6 балла, эмпатия в структуре эмоционального интеллекта – М = 13,8 балла. Компоненты ЭИ демонстрируют относительную сбалансированность: разброс между минимальным и максимальным значением невелик.

По методике диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко

Профиль эмпатии группы характеризуется доминированием аффективных и интуитивных форм понимания другого человека при относительно слабом развитии рационально-аналитического компонента. Наиболее выражен эмоциональный канал (М = 4,6 балла) и интуитивный канал (М = 4,4 балла). Проникающая способность составила М = 3,7 балла, идентификация – М = 3,5 балла, установки – М = 3,2 балла. Наименее развит рациональный канал (М = 3,1 балла), что типично для юношеского возраста: аффективные формы сопереживания опережают когнитивно-аналитические.

По тесту коммуникативных умений Михельсона

У большинства испытуемых преобладает компетентный тип поведения в общении – 26 человек (58%). Зависимый тип выявлен у 11 человек (24%), агрессивный – у 8 человек (18%). Наличие зависимого и агрессивного типов у значительной части выборки (42%) указывает на то, что у части испытуемых коммуникативные умения нуждаются в дополнительном развитии.

Корреляционный анализ

Компоненты ЭИ (Холл) и каналы эмпатии (Бойко), N = 30

Субшкала ЭИ	РК	ЭК	ИК	У	ПС	ИД
Эм. осведомленность	0,24	0,32	0,34	0,11	0,18	0,31
Управление эмоциями	0,19	0,22	0,44	0,08	0,38	0,36
Самомотивация	0,36	0,21	0,32	0,15	0,20	0,17
Эмпатия (ЭИ)	0,31	0,18	0,25	0,12	0,37	0,22
Распознавание эмоций	0,28	0,25	0,43	0,09	0,37	0,41

*Примечание. РК – рациональный канал; ЭК – эмоциональный канал; ИК – интуитивный канал; У – установки; ПС – проникающая способность; ИД – идентификация. * p < 0,05.*

Корреляционный анализ: интегральные показатели ЭИ, эмпатии и коммуникативного поведения, N = 30

Переменная	Эмпатия (итого)	Компетентный тип
ЭИ (интегральный)	0,35	0,06
Эмпатия (итого)	–	−0,10
ИК Бойко	–	0,43
ПС Бойко	–	0,40

Обсуждение результатов

Полученные данные позволяют выстроить следующие выводы. Управление эмоциями – наименее развитый компонент ЭИ в выборке – обнаруживает значимые связи с интуитивным каналом эмпатии (r = 0,44) и проникающей способностью (r = 0,38). Это психологически обоснованно: произвольная регуляция собственных эмоций освобождает ресурсы для тонкого считывания состояния партнера и создания атмосферы доверия в общении. Таким образом, даже относительно слабое развитие навыков эмоциональной саморегуляции в юношеском возрасте оказывается значимо связанным с ключевыми каналами эмпатийного взаимодействия.

Основная гипотеза подтвердилась частично. Первое предположение о прямой зависимости качества коммуникации от общего уровня эмпатии не нашло подтверждения (r = −0,10 с компетентным типом), однако отдельные

каналы эмпатии – интуитивный (r = 0,43) и проникающая способность (r = 0,40) – оказались значимыми предикторами компетентного коммуникативного поведения. Это согласуется с позицией В.В. Бойко о том, что эмпатия реализуется через систему взаимодополняющих каналов, и общий ее уровень не отражает в полной мере специфику межличностного восприятия.

Третье предположение о том, что управление эмоциями выражено слабее по сравнению с проявлением эмпатии, подтвердилось полностью: управление эмоциями получило наименьший средний балл среди компонентов ЭИ (М = 13,5), тогда как эмоциональный (М = 4,6) и интуитивный (М = 4,4) каналы эмпатии выражены значительно выраженнее. Данная закономерность вполне характерна для юношеского возраста, в котором аффективная чувствительность опережает развитие произвольной эмоциональной регуляции.

Примечательно, что интегральные показатели ЭИ и эмпатии не обнаружили значимой связи с типом коммуникативного поведения, тогда как отдельные каналы – интуитивный и проникающая способность – такую связь демонстрируют. Это подчеркивает важность дифференцированного, а не суммарного подхода к диагностике изучаемых конструктов при анализе их роли в коммуникации.

Полученные результаты имеют практическую значимость: для развития коммуникативной компетентности студентов важно целенаправленно работать не столько с общим уровнем эмоционального интеллекта, сколько с конкретными его компонентами – прежде всего, с произвольной регуляцией эмоций, и развивать интуитивное считывание партнера по общению, а также навыки создания доверительной атмосферы взаимодействия. Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением выборки, включением гендерного сравнительного анализа, а также изучением динамики описанных взаимосвязей в процессе обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева И.Н.* Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополоцк: ПГУ, 2011, 388с.
2. *Bar-On R.* The Emotional Quotient Inventory (EQ-i): Technical Manual. Toronto: “Multi-Health Systems”, 1997.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: «Педагогика», 1982.
4. *Гарднер Г.* Структура разума. Теория множественного интеллекта. М.: «Вильямс», 2007, 512с.
5. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2009, 478с.
6. *Кашкин В.Б.* Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000, 175с.
7. *Кон И.С.* Психология ранней юности. М.: «Просвещение», 1989, 254с.
8. *Бойко В.В.* Психоэнергетика. СПб.: «Питер», 2008, 416с.

9. *Бойко В.В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: «Филинъ», 1996, 472с.
10. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: «Аспект Пресс», 2011, 363с.
11. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: «Прогресс», 1996, 344с.
12. *Эльконин Д.Б.* Психология развития. М.: «Академия», 2001, 144с.
13. *Salovey P., Mayer J.* Emotional Intelligence // "Imagination, Cognition and Personality". Vol. 9, 1990. PP. 185–211.
14. *Теплов Б.М.* Психология музыкальных способностей. М.-Л.: АПН РСФСР, 1947, 355с.

FEATURES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN EMOTIONAL INTELLIGENCE AND THE LEVEL OF EMPATHY IN PERSONAL COMMUNICATION IN ADOLESCENCE

A. Sargsyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

With interpersonal relationships becoming more intense and demands on individual communicative competence increasing, the issue of emotional intelligence and empathy is particularly relevant. Adolescence is a sensitive period for the formation of stable patterns of interpersonal interaction. This article examines the nature and characteristics of the relationship between emotional intelligence and the degree of empathy development in adolescents during communication. The study analyzed theoretical approaches to the concepts of emotional intelligence and empathy, conducted psychodiagnostic testing on a sample of adolescent participants using standardized methods, and performed a correlation analysis of the data obtained.

Keywords: emotional intelligence, empathy, personal communication, adolescence, communication skills.

ОСОБЕННОСТИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У СОТРУДНИКОВ В МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Д.Р. Маклакова, О.Г. Грачева

Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина
Центр современной психотерапии и соматической патологии доктора Д.А. Евстафьевой
mdr.sar@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что в ходе изучения выбранной тематики было проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление взаимосвязи между проявлениями аддиктивного поведения у сотрудников медицинских учреждений и качеством оказания медицинской помощи.
Ключевые слова: психолог, аддикция, здравоохранение.

Введение

Актуальность. Личностные качества медицинского персонала прямо влияют на качество медицинской помощи, уровень взаимодействия с пациентами и коллегами, а также на удовлетворенность пациентов лечением. Медицинские работники постоянно сталкиваются с тяжелыми рабочими ситуациями, стрессами, ответственностью за жизни пациентов, большими эмоциональными нагрузками. Все это способствует формированию зависимостей как способа снятия напряжения и облегчения переживаний.

В медицине распространены зависимость от алкоголя, наркотиков и других вредных привычек. Изучение личностных факторов риска позволяет своевременно выявлять предрасположенность к аддикциям и предотвращать их развитие.

Аддиктивное поведение среди медицинских сотрудников отражается не только на их собственном здоровье, но и на качестве медицинской помощи, безопасности пациентов и репутации лечебных учреждений. Как правило, во всех психологических теориях пытаются объяснить причины формирования аддиктивного поведения, однако предложенные методы избавления от зависимости на практике часто оказываются менее эффективными, чем предполагалось теоретически.

Психологическое консультирование играет ключевую роль в профилактике и лечении аддикций среди медицинских сотрудников. Психолог помогает выявить причины и триггеры зависимости, формирует мотивацию к отказу от нее,

разрабатывает индивидуальные программы реабилитации и сопровождения. Работа психолога направлена на повышение стрессоустойчивости, развитие навыков саморегуляции и профилактику эмоционального выгорания.

Таким образом, психологическое консультирование становится неотъемлемой частью комплексной поддержки медицинских работников, способствуя сохранению их здоровья, повышению качества профессиональной деятельности и предотвращению опасных последствий деятельности от аддикций.

Цель: изучить взаимосвязь личностных качеств и склонность к аддиктивному (зависимому) поведению в психологии у работников медицинских учреждений.

Состояние проблемы определяется неизученностью данной темы в сфере здравоохранения и необходимостью решения последствий влияния аддиктивного проявления у сотрудников сферы здравоохранения на качество оказываемой помощи пациентам больниц, поликлиник, а также частных клиник, оказывающих услуги в амбулаторном и стационарном режиме.

Постановка задач исследования:

- определить особенности аддикции у медицинского персонала;
- выявить роль личностных качеств медицинского персонала в формировании и развитии аддикций.

Эмпирическая часть

В ходе изучения проблематики личностных особенностей аддикции у медицинских работников было организовано и проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 106 сотрудников нескольких медицинских организаций: Саратовская городская клиническая больница № 2 имени В.И. Разумовского, Саратовская городская поликлиника № 14, а также сотрудники частной клиники «Центр современной психотерапии и соматической патологии доктора Евстафьевой» в городе Саратове.

Участие принимали врачи следующих областей: хирургия, травматология, эндокринология, гинекология, реаниматология, терапия, рентгенология, ревматология, неврология, ортопедия, кардиология, а также сфера психиатрии и клинической психологии. В том числе, в исследовании принимали участие представители младшего медицинского персонала: операционные медицинские сестры, санитары и санитарки, медицинские регистраторы.

Сбор данных проводился анонимно, испытуемые проходили «батарею» психологических методик в виде бумажной анкеты под руководством студентки магистратуры и действующим клиническим психологом Центра совре-

менной психотерапии Дарьей Маклаковой. Обработка полученных результатов по указанным ниже психологическим методикам была произведена с помощью подсчета сырых баллов по ответам, выбранным испытуемыми в бланках ответов.

Для проведения исследования были подобраны следующие эмпирические методики:

1) 16-факторный личностный опросник Р. Кетелла;

2) тест аддиктивных установок МакМаллана-Гайлхар;

3) Шкала тревоги Спилбергера-Ханина.

Анализ и результаты исследования

В результате проведенного эмпирического исследования были получены следующие среднегрупповые значения по методике «16-факторный личностный опросник» Р. Кетелла.

Был получен психологический профиль личности работника медицинского учреждения, выявлены преобладающие личностные особенности: хорошо развитые интеллектуальные способности, эмоциональная стабильность, подозрительность, тревожность, уравновешенность. Выделяя некоторые особенности стоит ответить, что они напрямую связаны с некоторыми переменными: полом, возрастом, склонностью к аддикции и уровню тревожности.

В процессе выполнения подсчета результатов исследования по методике «Тест аддиктивных установок» МакМаллана-Гайлхар были получены среднегрупповые значения по выборке.

У работников медицинских организаций, которые составили выборку проведенного нами эмпирического исследования прослеживается определенный уровень склонности к аддикции, а также ситуативной и личностной тревожности. У большинства испытуемых склонность к аддикции прослеживается при взаимосвязи с высоким уровнем общительности.

В подтверждение гипотезы о наличии взаимосвязей между личностными особенностями и феноменом склонности к аддикции у сотрудников медицинских организаций был проведен корреляционный анализ по методу Спирмена.

Полученные результаты

В ходе проведения корреляционного анализа по результатам исследования были выделены две корреляционные взаимосвязи:

- существует прямая взаимосвязь между общительностью и склонностью к аддикции, что свидетельствует о том, что люди, обладающие высоким уровнем общительности, могут находиться в окружении, где

присутствие зависимых моделей поведения (например, употребление алкоголя или наркотиков) увеличивает риск формирования аддикций. Социальное давление и стремление соответствовать определенным стандартам могут подталкивать;

- в ходе исследования была обнаружена взаимосвязь между показателями доминантности и уровнем личностной тревожности. На основе данного соотношения можно сделать некий вывод о том, что высокие показатели доминантности, как правило, коррелируют с пониженными уровнями личностной тревоги.

Результаты анализа демонстрируют определенные результаты, которые могут оказаться полезными как в практическом, так и в теоретическом контексте. Эти выводы подчеркивают значимость данного исследования и его вклад в изучение рассматриваемой темы.

Предлагаемым методом решения проблемы проявления аддикции у сотрудников сферы здравоохранения является разработка программы психологического тренинга для преодоления тенденций к аддиктивному образу.

Выводы

В научной работе было проведено эмпирическое исследование с целью выявить взаимосвязь личностных особенностей и аддикции у сотрудников медицинских организаций.

Исследовав понятия аддикции и подходы к определению ее сущности, было установлено, что аддикция – это неконтролируемое и стереотипное поведение, связанное с попыткой ухода от реальности, способствующее разрушению здоровья и социальной жизни человека. Все аддикции подразделяются: на химические аддикции (алкоголизм, табакокурение, наркомания, фармацевтическая зависимость); нехимические (поведенческие) аддикции (шопинг-мания, интернет-зависимость, игровая, сексуальная зависимость, трудоголизм и зависимость от азартных игр); а также пищевые аддикции (тяга к шоколаду, пицце, чипсам, выпечке и другим высококалорийным продуктам).

Аддикция у медицинского персонала – это серьезное заболевание, характеризующееся физическим и психологическим привыканием к психоактивным веществам, пагубно влияющим на здоровье и профессиональную деятельность. Причины аддикции у медицинского персонала разнообразны: профессиональная усталость, эмоциональное выгорание, легкий доступ к медикаментам, стремление снять стресс и усталость. Симптомы аддикции у медицинского персонала могут быть физическими, поведенческими и психологическими.

Последствия аддикции у медицинского персонала носят разрушительный характер: повреждение репутации врача, разрушение семьи, потеря здоровья и профессиональных навыков, ухудшение качества медицинского обслуживания и угроза жизни пациентов.

Диагностика и лечение аддикции у медицинского персонала предусматривают комплекс мер: индивидуальные и групповые терапии, общественную поддержку, коррекцию стрессоустойчивости и эмоционального здоровья, жесткий контроль отпуска медикаментов медицинским работникам. Своевременное выявление и лечение аддикции позволяет специалисту восстановить трудоспособность, вернуть хорошее самочувствие и снова достойно выполнять профессиональные обязанности.

Медицина – профессия, предъявляющая высокие требования к личностным качествам специалистов. Благополучие и эффективность работы медицинских сотрудников напрямую зависят от их эмоциональной устойчивости, доброжелательности, ответственности, организованности и способности к рефлексии. Однако идеального сочетания всех этих качеств достичь непросто. Стресс, сложная рабочая обстановка, высокие нагрузки и тревожность способны ослабить психику даже опытных профессионалов, что увеличивает риск развития аддикций.

Именно поэтому важно уделять внимание личностным особенностям медицинского персонала. Поддержка психологов, комфортные условия труда и своевременная диагностика эмоциональных проблем могут существенно снизить вероятность появления зависимостей. Таким образом, работа над личностными качествами медицинских работников – необходимое условие для их профессионального успеха и сохранения здоровья.

Специфика работы психолога в медицине заключается в тесном взаимодействии с медицинскими работниками, регулярно сталкивающимися с сильными стрессорами и эмоциональными нагрузками. Такая работа требует от психолога высокой чувствительности и компетентности в вопросах диагностики и поддержания психологического здоровья сотрудников.

Психологическое сопровождение в медицине способствует следующим важным результатам:

- повышению эффективности профессиональной деятельности сотрудников;
- снижению уровня эмоционального выгорания и стресса;
- предотвращению формирования зависимостей и хронических заболеваний;
- повышению качества взаимодействия с пациентами и коллегами;

Процесс консультационной работы психолога с медицинскими сотрудниками, страдающими от аддикции, включает три этапа: диагностику зависимости, формирование мотивации для отказа и разработку индивидуальной программы реабилитации. Психологи используют различные тесты и опросники для оценки химического, эмоционального и профессионального состояния сотрудников. Такая работа позволяет эффективно диагностировать, мотивировать и реабилитировать медицинский персонал.

Итак, консультационная работа психолога с медицинскими сотрудниками, страдающими от аддикции, чрезвычайно важна, так как помогает предотвратить серьезные последствия для здоровья и профессиональной деятельности. Регулярная психологическая поддержка позволяет сотрудникам развить навыки саморегуляции, обрести уверенность в себе, преодолеть страх осуждения и стабилизировать эмоциональное состояние. Благодаря такой работе медицинские работники возвращаются к полноценной жизни и продолжают эффективно выполнять свои профессиональные обязанности, сохраняя здоровье и душевное равновесие.

Таким образом, эмпирическое исследование стало важным этапом в изучении и понимании феномена аддикции. Полученные результаты служат основой для дальнейших исследований и разработок в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вакнин, Е.Е.* Психология реабилитации зависимых: учебное пособие для вузов / Е.Е. Вакнин, В.В. Белоколодов. 2-е изд., доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2025. 232с.
2. Психология зависимостей: учебник для вузов / В.А. Дереча. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2025, 217с.
3. *Змановская Е.В.* Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.В. Змановская. М.: Издательский центр «Академия», 2003, 288с.
4. *Клейберг Ю.А.* Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов / Ю.А. Клейберг. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2025, 287с.
5. *Колесникова Г.И.* Девиантология: учебник и практикум для вузов / Г.И. Колесникова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2025, 161с.
6. *Котляров А.В.* Освобождение от зависимостей, или школа успешного выбора / А.В. Котляров. М.: Изд-во Института психотерапии, 2005, 448с.
7. *Менделевич В.Д.* Психология девиантного поведения: Учебное пособие / В.Д. Менделевич. 5-е изд., перераб. и доп. СПб.: «Городец», 2025, 448с.
8. *Решетников М.М.* Психоанализ: учебник для вузов / Под редакцией М.М. Решетникова. М.: Изд-во «Юрайт», 2025, 317с.
9. *Тигунцева Г.Н.* Психология отклоняющегося поведения: учебник и практикум для вузов / Г.Н. Тигунцева. М.: Изд-во «Юрайт», 2025, 336с.
10. *Фетискин Н.П.* Психология аддиктивного поведения. Научно-методическое издание / Н.П. Фетискин. Кострома: КГУ, 2005, 272с.

FEATURES OF ADDICTIVE BEHAVIOR AMONG EMPLOYEES IN MEDICAL ORGANIZATIONS

D. Maklakova
Saratov State Technical University named after Gagarina Yu. A.
Center for Modern Psychotherapy and Somatic Pathology by Dr. D. Yevstafyeva

ABSTRACT

In the course of studying the chosen topic, an empirical study was conducted aimed at identifying the relationship between the manifestations of addictive behavior among medical staff and the quality of medical care.

Keywords: psychologist, addiction, healthcare.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭКСТРАВЕРСИИ–ИНТРОВЕРСИИ И УРОВНЯ ЭМПАТИИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

З.А. Малоян, К.Г. Варданян

Российско-Армянский университет
katrinvardanyan4@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи между экстраверсией/интроверсией и уровнем эмпатии среди молодежи.

Исследование проводилось среди молодежи, проживающей в городе Ереван. Для диагностики использовались методика Г.Ю. Айзенка (EPI) для определения уровня экстраверсии/интроверсии и методика В.В. Бойко для оценки эмпатических способностей. Для выявления взаимосвязи между показателями был применен корреляционный анализ Пирсона. Результаты исследования показали преобладание амбивертного типа личности у респондентов и средний уровень эмпатических способностей. Корреляционный анализ выявил слабые и статистически незначимые связи между экстраверсией/интроверсией и различными компонентами эмпатии.

Полученные данные свидетельствуют об отсутствии выраженной взаимосвязи между исследуемыми переменными у молодежи.

Ключевые слова: экстраверсия, интроверсия, эмпатия, личность, молодежь.

Введение

В современном обществе развитие эмпатии у молодежи является важнейшим вопросом, поскольку она играет решающую роль в построении межличностных отношений и социальной адаптации. В научной литературе эмпатия понимается как способность понимать и разделять эмоциональные состояния других людей, а также как многогранная черта личности. Одним из факторов, которые могут быть связаны с уровнем эмпатии, являются индивидуальные психологические характеристики, в частности, экстраверсия и интроверсия. Эти концепции были введены К.Г. Юнгом и впоследствии развиты в работах Г.Й. Айзенка. В ряде исследований изучалась возможная связь между типом личности и эмпатическими способностями, однако эта тема до сих пор изучена недостаточно и требует более детального эмпирического анализа.

Актуальность исследования обусловлена тем, что современная молодежь сталкивается со значительными социальными и личными изменениями: новыми формами коммуникации, стремительным темпом жизни, переменами в сфере образования и труда, а также растущим эмоциональным и психологическим давлением. В этих условиях эмпатия играет ключевую роль в межличностных отношениях и социальной адаптации. В то же время некоторые черты личности, такие как экстраверсия и интроверсия, могут быть связаны с ее интенсивностью, что подчеркивает необходимость более глубокого изучения этой взаимосвязи.

Гипотеза исследования. Предполагается, что существует взаимосвязь между уровнем экстраверсии/интроверсии и выраженностью эмпатии среди молодежи.

Цель исследования – определить особенности взаимосвязи между уровнем экстраверсии/интровесии и уровнем эмпатии.

Состояние проблемы

В психологии вопрос об индивидуальных различиях в личности и их влиянии на межличностные взаимодействия остается одной из наиболее активно изучаемых областей, хотя до конца он еще не изучен. Особое внимание исследователей традиционно привлекают такие личностные характеристики, как экстраверсия и интроверсия, которые считаются важными факторами, определяющими поведение и межличностные взаимодействия.

В работах Карла Густава Юнга эти черты интерпретируются как различные типы психологической ориентации личности, в то время как Ганс Айзенк рассматривает их как непрерывную личностную черту, степень проявления которой варьируется по степени выраженности [1; 8].

Также в других научных исследованиях, в частности, в факторных теориях личности Рэймонда Кэттелла экстраверсия рассматривается как стабильный поведенческий фактор [5].

Изучение эмпатии как способности человека понимать и разделять эмоциональные состояния других людей представляет собой самостоятельную область научного интереса. Несмотря на большое количество исследований, посвященных этому явлению, его структура и механизмы по-прежнему остаются предметом споров. В работах В.В. Бойко и Карла Роджерса эмпатия рассматривается как многокомпонентное образование, охватывающее эмоциональные и когнитивные аспекты [2; 7].

Таким образом, вопрос о взаимосвязи между экстраверсией/интроверсией и эмпатией пока изучен недостаточно и требует дальнейшего углубленного исследования.

Задачи исследования:

- рассмотреть теоретические основы экстраверсии и интроверсии, а также их проявления в молодежной среде;
- проанализировать понятие эмпатии и ее влияние на социальное взаимодействие и личностное развитие;
- провести эмпирическое исследование, направленное на выявление уровня экстраверсии/интроверсии и эмпатии среди молодежи;
- проанализировать полученные данные и выявить взаимосвязь между типом личности и уровнем эмпатии;
- определить влияние индивидуально-психологических особенностей личности на проявление эмпатии и особенности социального взаимодействия.

Методологическая база. Исходя из поставленных целей и задач, методологическая база исследования представлена трудами таких авторов, как К.Г. Юнг, Г.Ю. Айзенк, В.В. Бойко, Р.Б. Кэттел, К. Роджерс, Г. Олпорт и др.

Методы исследования: анализ научной литературы, тестирование, методы математической статистики.

Методики исследования:

1) методика диагностики экстраверсии/интроверсии Г.Ю. Айзенка;

2) методика В.В. Бойко для определения уровня и структуры эмпатических способностей личности.

Выборка. В исследовании приняли участие 32 респондента юношеского возраста, разного пола. Исследование проводилось среди молодежи города Ереван. Участие было добровольным и анонимным.

Результаты исследования

Результаты исследования выраженности экстраверсии/интроверсии по методике Г.Ю. Айзенка. Данные показали, что среднее значение составило 11,4, что отражает умеренный уровень выраженности данного личностного параметра. По результатам исследования установлено, что в выборке представлены интроверты (n=11), экстраверты (n=10) и среди респондентов были выявлены и амбиверты (n=11). Полученные результаты отражают относительно равномерное распределение типов личности в выборке при равной представленности амбивертов и интровертов и несколько меньшем числе экстравертов.

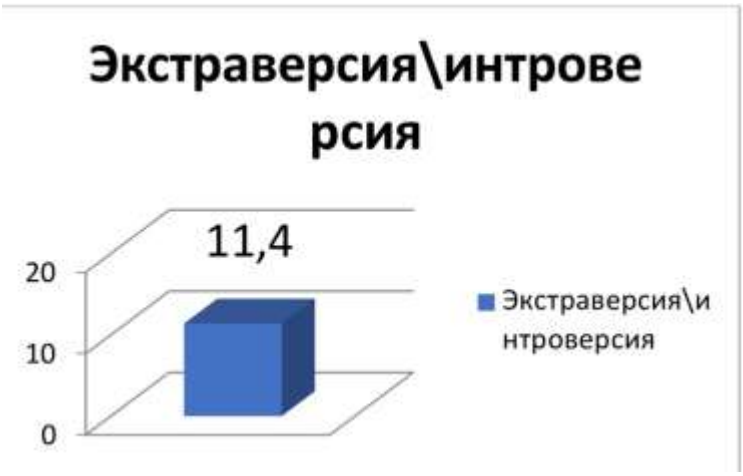

Рисунок 1. Показатели методики для диагностики экстраверсии/интроверсии.

Результаты исследования эмпатических способностей по методике В.В. Бойко

Данные показали, что наиболее выраженными аспектами были эмоциональный канал эмпатии (M ≈ 3,3), а также способность к проникновению в эмоции другого человека и установки, способствующие эмпатии (M ≈ 3,4). Это указывает на преобладание эмоциональной реактивности, эмпатической способности и внутренней готовности к эмпатическому взаимодействию.

Интуитивный канал эмпатии (M ≈ 3,2) и показатель идентификации (M ≈ 3,2) характеризуются средним уровнем выраженности, что указывает на умеренную способность понимать эмоциональное состояние другого человека на основе интуитивных механизмов, а также на частичное отождествление с человеком, с которым происходит взаимодействие.

Наименьшее значение было выявлено по рациональному каналу эмпатии (M ≈ 3,0), что может свидетельствовать о относительно менее развитой способности когнитивно анализировать и интерпретировать эмоциональные состояния других людей. В целом структура эмпатических способностей характеризуется преобладанием эмоциональной и поведенческой составляющих, тогда как когнитивная составляющая оказывается менее развитой.

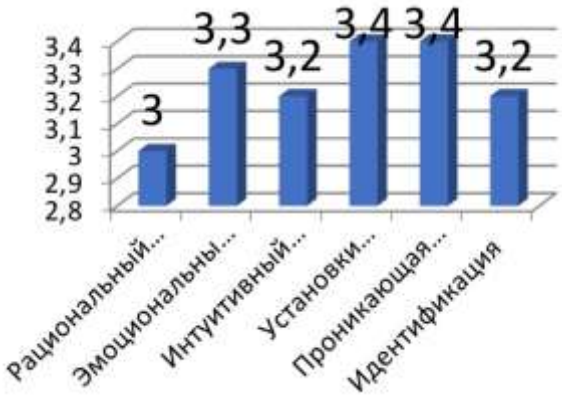

Рисунок 2. Показатели методики диагностики эмпатических способностей.

С целью выявления взаимосвязи между показателями «экстраверсии-интроверсии» и эмпатическими способностями, был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Пирсона.

Анализ показал, что связи между измерением «экстраверсия-интроверсия» и рациональным каналом эмпатии» отсутствует (r = 0). Была выявлена слабая положительная связь с «эмоциональным каналом эмпатии» (r = 0,1). Между показателем экстраверсии-интроверсии и интуитивным каналом эмпатии (r = –0,1) обнаружена слабая отрицательная связь.

Также были обнаружены слабые отрицательные связи с установками, способствующими эмпатии (r = –0,2) и идентификации (r = –0,2). Взаимосвязь с проникающей способностью отсутствует (r = 0).

Таблица 1. Результаты корреляционого анализа по коэффициенту Пирсона.

	Рациональный канал	Эмоциональный канал	Интуитивный канал
Экстраверсия\ интроверсия	0	0,1	-0,1
	Установки, способствующие эмпатии	Проникающая способность	Идентификация

Гипотеза исследования не получила подтверждение.

Выводы

1. Анализ научной литературы показал, что экстраверсия и интроверсия рассматриваются как устойчивые личностные характеристики, определяющие направленность активности человека и особенности его взаимодействия с окружающими. Эмпатия, в свою очередь представляет собой многогранное явление, включающее когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты и формируется под влиянием различных факторов.

2. Результаты эмпирического исследования показали, что уровень эмпатических способностей у молодежи не зависит напрямую от уровня экстраверсии или интроверсии. Корреляционный анализ не выявил значимой связи между исследуемыми показателями, в связи с чем выдвинутая гипотеза не подтвердилась.

Данное исследование имеет практическую значимость и может быть использовано в психологической практике и работе с молодежью, а также при дальнейшем изучении факторов, влияющих на развитие эмпатии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айзенк Г.Ю.* Структура личности. СПб.: «Питер», 2004, 248с.
2. *Бойко В.В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: «Филинъ», 1996, 472с.
3. *Гаврилова Т.П.* Понятие эмпатии в зарубежной психологии // «Вопросы психологии», № 2, 1975. СС. 147–158.
4. *Гончарова Е.В.* Эмпатия личности и ее роль в возникновении ситуаций затрудненного и незатрудненного общения // «Форум молодежной науки», № 2, 2021. СС. 17–21.
5. *Кэттелл Р.Б.* Теория личности. СПб.: «Питер», 2001, 720с.
6. *Олпорт Г.* Личность: психологическая интерпретация. М.: «Смысл», 2002, 560с.
7. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: «Прогресс», 1994, 480с.
8. *Юнг К.Г.* Психологические типы. М.: «АСТ», 2019, 608с.

A PSYCHOLOGICAL STUDY OF THE RELATIONSHIP BETWEEN EXTROVERSION AND INTROVERSION AND THE LEVEL OF EMPATHY AMONG YOUNG PEOPLE

Z. Maloyan, K. Vardanyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article presents the results of an empirical study examining the relationship between extraversion/introversion and levels of empathy among young people.

The study was conducted among young people living in the city of Yerevan. For the assessment, G. Eysenck's method (EPI) was used to determine the level of extraversion/introversion, and `V. Boiko's method

was used to evaluate empathic abilities. Pearson's correlation analysis was used to identify the relationship between the indicators. The results of the study showed a predominance of the ambivert personality type among the respondents and an average level of empathic abilities. Correlation analysis revealed weak and statistically insignificant relationships between extraversion/introversion and various components of empathy.

The data obtained indicate the absence of a pronounced correlation between the studied variables among young people.

Keywords: extraversion, introversion, empathy, personality, youth.

РОЛЬ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ К СЛУЖБЕ

Л.Ю. Мкртумян, И.Г. Патваканян

Российско-Армянский университет
ilinapatvakanyan@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению роли военно-патриотического воспитания в формировании ценностно-смысловых ориентаций современной молодежи. *Актуальность* исследования обусловлена трансформацией системы ценностей молодого поколения под влиянием социальных, культурных и информационных изменений. *Цель исследования* заключалась в выявлении особенностей взаимосвязи между смысложизненными ориентациями и военно-патриотическими ценностями у армянской молодежи. В исследовании приняли участие молодые люди мужского пола. Для диагностики использовались тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, методика ценностных ориентаций Ш. Шварца и авторский опросник, направленный на изучение отношения к Родине и военно-патриотическим ценностям. Результаты показали преобладание гуманистических ценностей – таких, как универсализм, доброта и безопасность, при относительно невысокой значимости военно-патриотических установок. Корреляционный анализ не выявил статистически значимой взаимосвязи между смысложизненными ориентациями и военно-патриотическими ценностями. Полученные данные свидетельствуют о необходимости совершенствования программ гражданско-патриотического воспитания молодежи.

Ключевые слова: военно-патриотическое воспитание, молодежь, ценностные ориентации, смысложизненные ориентации, патриотизм.

Введение

В современных условиях вопросы формирования гражданской ответственности, национального самосознания и патриотических ценностей приобретают особую актуальность. Процессы глобализации, развитие цифровой среды и изменение социальных ориентиров оказывают существенное влияние на мировоззрение молодежи. В связи с этим возрастает значение военно-патриотического воспитания как одного из факторов формирования личности, способной осознавать свою ответственность перед обществом и государством.

Современные исследования показывают, что военно-патриотическое воспитание способствует развитию гражданской идентичности, нравственных

качеств и готовности к выполнению общественного долга. Вместе с тем, остается недостаточно изученным вопрос взаимосвязи военно-патриотических ценностей со смысложизненными ориентациями молодежи. Это определило цель настоящего исследования – выявить особенности взаимосвязи между смысложизненными ориентациями и военно-патриотическими ценностями современного молодого поколения Республики Армения.

Материал и методы

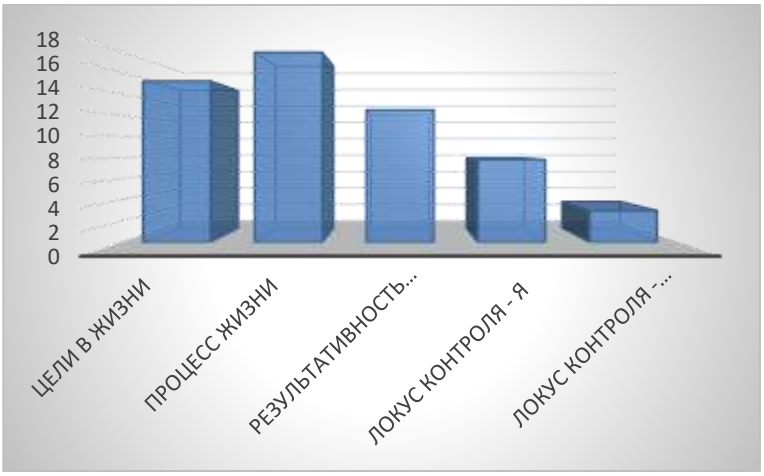
В исследовании приняли участие молодые люди Республики Армения в возрасте от 18 до 22 лет. Для изучения ценностно-смысловой сферы личности использовались следующие методы: тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, методика изучения ценностных ориентаций Ш. Шварца, авторский опросник, направленный на выявление отношения к Родине и военно-патриотическим ценностям.

Обработка результатов осуществлялась с использованием методов математической статистики. Для проверки гипотезы о наличии взаимосвязи между исследуемыми показателями применялся корреляционный анализ Пирсона.

Результаты

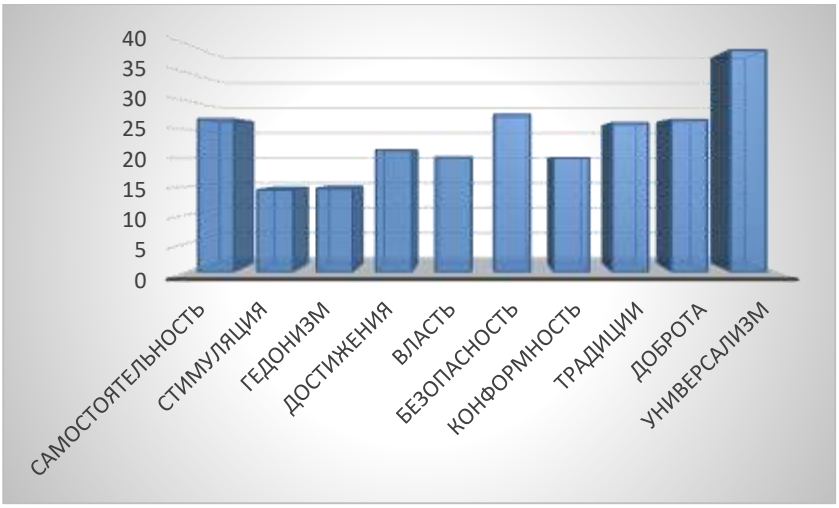
Результаты исследования показали, что большинство участников характеризуются средним уровнем выраженности смысложизненных ориентаций. Молодые люди обладают определенными жизненными целями и представлениями о будущем, однако их жизненные установки отличаются недостаточной устойчивостью и не всегда сопровождаются высоким уровнем внутреннего контроля (Диагр. 1).

Диаграмма 1. Результаты методики СЖО.

Анализ ценностных ориентаций выявил преобладание таких ценностей, как универсализм, доброта, безопасность и самостоятельность. Данные результаты свидетельствуют о выраженной ориентации молодежи на гуманистические и личностно значимые ценности (Диагр. 2).

Диаграмма 2. Результаты по методике ЦО.

Исследование отношения к Родине и военно-патриотическим установкам показало, что для значительной части респондентов данные ценности не занимают ведущего места в структуре жизненных приоритетов. Многие участники рассматривают вопросы патриотизма как важные, однако не относят их к числу основных личностных ценностей (Диагр. 3).

Диаграмма 3. Результаты по авторской методике.

Проведенный корреляционный анализ не выявил статистически значимой взаимосвязи между показателями смысложизненных ориентаций и военно-

патриотическими ценностями. Полученные коэффициенты корреляции оказались низкими и статистически незначимыми (Табл. 1).

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа Пирсона.

	Локус контроля Я	Локус контроля жизни	Результативность	Цели в жизни	Процесс жизни	Самостоятельность	Смысловые	Гедонизм	Достижение	Власть	Безопасность	Конформность	Традиции	Доброта	Универсализм
Локус контроля Я	1														
Локус контроля жизни	0,2	1													
Результативность	0,4	-0,3	1												
Цели в жизни	0,1	0	0,4	1											
Процесс жизни	0,2	0,3	0,1	0,2	1										
Самостоятельность	0,7	0,2	0,1	0,3	0,2	1									
Стимуляция	0,2	0,2	0,2	0,2	-0,1	0,4	1								
Гедонизм	0,1	-0,2	0,1	0,4	0,1	0,6	0,6	1							
Достижение	0,3	0	0,2	0,1	0,2	0,7	0,4	0,6	1						
Власть	0,1	0,2	0,1	-0,2	0,1	0,8	0,5	0,5	0,3	1					
Безопасность	0,1	-0,2	0	-0,04	0,1	0,7	0,7	0,6	0,7	0,6	1				
Конформность	0,2	0	0,1	0,1	0	0,5	0,7	0,5	0,4	0,6	0,5	1			
Традиции	0	0,1	0	0,1	0,2	0,5	0,6	0,3	0,5	0,4	0,6	0,7	1		
Доброта	0,2	0,3	0,1	0,2	0,4	0,6	0,5	0,5	0,5	0,4	0,7	0,6	0,6	1	
Универсализм	0	0,2	0,1	0,3	0	0,6	0,6	0,5	0,5	0,7	0,5	0,7	0,6	0,5	1

Полученные результаты позволяют предположить, что формирование военно-патриотических ценностей определяется не только индивидуальными жизненными смыслами личности, но и широким комплексом социальных факторов. Существенное влияние могут оказывать семья, образовательная среда, культурные традиции, общественно-политическая ситуация и личный жизненный опыт.

Отсутствие статистически значимой взаимосвязи между смысложизненными ориентациями и военно-патриотическими ценностями свидетельствует о сложности механизмов формирования патриотических установок в молодежной среде. В современных условиях военно-патриотическое воспитание должно учитывать особенности ценностной структуры молодого поколения и опираться на современные формы взаимодействия с молодежью.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить особенности ценностно-смысловой сферы современной молодежи Республики Армения. Было установлено, что ведущими являются гуманистические ценности, тогда как военно-патриотические установки не занимают центрального места в системе личностных приоритетов большинства респондентов. Гипотеза о существовании статистически значимой взаимосвязи между смысложизненными ориентациями и военно-патриотическими ценностями не подтвердилась. Полученные результаты могут быть использованы при разработке программ гражданско-патриотического и военно-патриотического воспитания молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ярославцева Е.В.* Военно-патриотическое воспитание молодежи – теория и практика // Материалы научно-практической конференции, 2017. С. 105.
2. *Закирова А.Б., Валишина Ю.В.* Патриотическое воспитание молодежи // «Бюллетень науки и практики». Т. 4, № 1, 2018. СС. 347–351.

3. *Гарашкина Н.В., Дружинина А.А.* Включение студентов вуза в социальные проекты по гражданско-патриотическому воспитанию детей и молодежи // «Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки». Т. 26, № 193, 2021. СС. 134–140.
лименко П.В. Интеграция традиций и инноваций как ресурс патриотического воспитания курсантов военного вуза: дис. канд. пед. наук / Клименко П.В. Краснодар, 2019.

THE ROLE OF MILITARY-PATRIOTIC EDUCATION IN THE FORMATION OF YOUTH VALUE AND LIFE-MEANING ORIENTATIONS

I. Patvakanyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the role of military-patriotic education in the formation of value and semantic orientations of modern youth. The relevance of the research is due to the transformation of the value system of the younger generation under the influence of social, cultural and informational changes. The purpose of the study was to identify the features of the relationship between the life orientations and military-patriotic values of the youth of the Republic of Armenia. The study involved young men. A test of D.A. semantic orientations was used for diagnosis. Leontieva, the methodology of value orientations of S. Schwartz and the author's questionnaire aimed at studying attitudes towards the Motherland and military-patriotic values. The results showed the predominance of humanistic values such as universalism, kindness and security, with a relatively low importance of military-patriotic attitudes. Correlation analysis did not reveal a statistically significant relationship between life-meaning orientations and military-patriotic values. The data obtained indicate the need to improve the programs of civic and patriotic education of young people.
Keywords: military-patriotic education, youth, value orientations, meaningful life orientations, patriotism.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ

А.Р. Мурадян, Л.А. Арутюнян

Российско-Армянский университет
armine_43@mail.ru, lyubharut@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются психологические факторы, определяющие склонность подростков к виктимному поведению. Исследование направлено на изучение личностных и социально-психологических особенностей, способствующих формированию уязвимости в поведении и взаимодействии со средой. Особое внимание уделяется роли инфантильности, эмоциональной незрелости и низкого уровня волевой регуляции как внутренним предпосылкам дезадаптации. Важным аспектом анализа является соотношение личностной зрелости и способности к конструктивному преодолению трудных жизненных ситуаций. Отдельно рассматриваются характеристики социальной адаптации, самопринятия и уровня внутреннего контроля как психологических механизмов, связанных с проявлениями ведомости, агрессивности, а также склонностью к зависимому и самоповреждающему поведению. Представленные материалы могут быть полезны при разработке профилактических программ, направленных на формирование психологической устойчивости и повышение уровня адаптации у подростков.

Ключевые слова: виктимность, дезадаптивность, инфантилизм, девиантное поведение, ведомость.

Введение

Актуальность. Проблема виктимного поведения подростков приобретает особую значимость в современных условиях, поскольку именно в этом возрасте формируются ключевые личностные и социально-психологические механизмы, определяющие способность защищать свои границы, противостоять рисковым ситуациям и выстраивать безопасное взаимодействие с окружающими. Исследователи отмечают, что подростковая уязвимость усиливается под влиянием таких факторов, как эмоциональная незрелость, зависимость от внешних оценок, недостаточность рефлексии и слабость волевой регуляции. Эти особенности создают благоприятную почву для формирования различных типов виктимного поведения – от зависимого и пассивного до агрессивного и самоповреждающего [2; 3].

Современные исследования подчеркивают многокомпонентный характер виктимности, связывая ее не только с индивидуальными чертами, но и с особенностями межличностных отношений, уровнем социальной адаптации и способностью подростка ориентироваться в сложных ситуациях. В условиях социальной нестабильности, информационной перегрузки и возросшего давления со стороны сверстников подростки нередко сталкиваются с повышенными требованиями к эмоциональной устойчивости и самостоятельности, что при наличии личностных дефицитов может приводить к развитию виктимных стратегий поведения [1; 4].

Определение психологических факторов, способствующих возникновению виктимности, имеет важное практическое значение. Понимание роли инфантильности, уровня самопринятия, внутреннего контроля и особенностей девиантного поведения позволяет глубже раскрыть механизмы формирования уязвимости и определить ключевые направления профилактической работы с подростками. Это особенно актуально в связи с возрастающей потребностью образовательных и социально-психологических служб в научно обоснованных подходах к поддержке подростков, находящихся в зоне риска.

Объект исследования: личностные особенности и поведение подростков в процессе социальной адаптации.

Предмет исследования: психологические факторы, включая особенности инфантильности и социальной адаптации, способствующие формированию виктимного поведения у подростков.

Задачи исследования

1. Рассмотреть социальные и психологические факторы, влияющие на состояние и поведение подростков.
2. Выделить психологические отличительные особенности подростков, склонных к виктимному поведению.
3. Провести эмпирическое исследование с использованием четырех методик, осуществить сравнительный и корреляционный анализ полученных результатов.

Цель исследования: выявление взаимосвязи между уровнем виктимности, личностными особенностями и показателями социальной адаптации подростков.

Гипотезы исследования

- *Генеральная гипотеза* – существует взаимосвязь между склонностью к виктимному поведению и уровнем инфантилизма у подростков.

- *Гипотеза № 1* – существует взаимосвязь между социально-психологической адаптацией и склонностью к виктимному поведению у подростков.
- *Гипотеза № 2* – существует взаимосвязь между склонностью к девиантному поведению и склонностью к виктимному поведению у подростков.

Использованные методики: методика исследования склонности к виктимному поведению О.О. Андронниковой, методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) А.Н. Орел, «Уровень инфантилизма» А.А. Серегиной, методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд в адаптации А.К. Осницкого (опросник СПА).

Теоретическая значимость заключается в обобщении теоретических данных и углублении знаний о взаимосвязи личностных особенностей, инфантильности и социальной адаптации подростков, склонных к виктимному поведению.

Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов для совершенствования профилактической и коррекционной работы с подростками, проявляющими склонность к виктимному и девиантному поведению.

Обработка результатов

Для исследования были использованы четыре методики: опросник О.О. Андронниковой для оценки склонности к виктимному поведению, методика А.Н. Орла для выявления склонности к отклоняющемуся поведению, методика «Уровень инфантилизма» А.А. Серегиной, а также опросник социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд в адаптации А.К. Осницкого. В исследовании приняло участие 50 подростков – 30 девочек и 20 мальчиков. Средний возраст респондентов составил 16 лет (возрастной диапазон 15–17 лет).

Методика исследования склонности к виктимному поведению О.О. Андронниковой. Здесь представлены результаты по семи шкалам методики, полученные на общей выборке из 50 подростков. Все показатели отражают средние арифметические значения (в стенах) и представлены на Рис. 1.

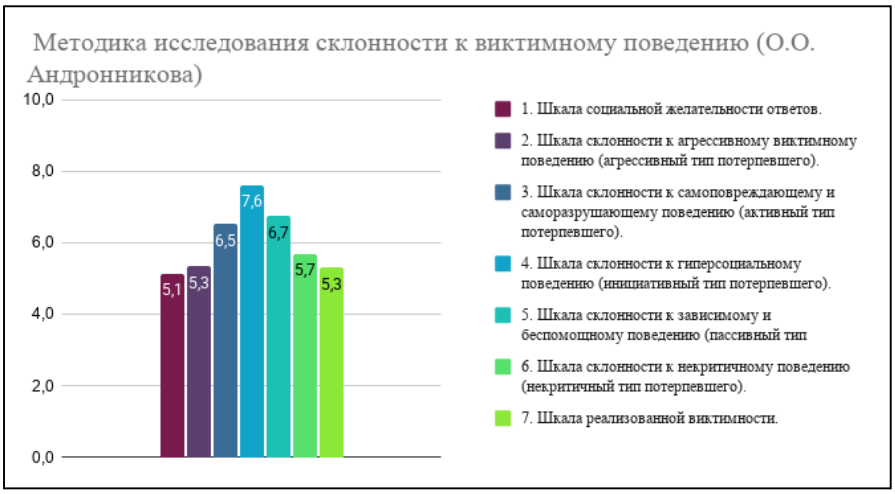

Рисунок 1.

Наиболее высокие значения получены по шкале гиперсоциального (инициативного) поведения – 7,6 стена, что указывает на выраженную склонность к социально одобряемому, но рискованному реагированию в конфликтных ситуациях. Подростки с такими показателями готовы вмешиваться в происходящее, защищать слабых, даже если это угрожает их собственной безопасности. Показатели по шкале зависимого и беспомощного поведения – 6,7 стена, отражая наличие пассивных стратегий, ролевой установки жертвы, ожидания помощи от окружающих и неспособности к самостоятельному противостоянию давлению. Средние значения по шкале самоповреждающего и саморазрушающего поведения – 6,5 стена, что соответствует умеренной выраженности склонности к рискованным действиям, которые могут привести к негативным последствиям для собственного здоровья и жизни. Шкала некритичного поведения – 5,7 стена, что свидетельствует о том, что в целом подростки способны достаточно критично оценивать опасность, однако у части респондентов может наблюдаться излишняя доверчивость и неосмотрительность. Реализованная виктимность и склонность к агрессивному поведению – по 5,3 стена. Показатель социальной желательности – 5,1 стена, что подтверждает достоверность данных.

Итоговые значения демонстрируют неоднородный профиль виктимного поведения, включающий как инициативные, так и пассивные формы реагирования. Полученная картина может быть связана с сочетанием повышенной готовности подростков вмешиваться в социальные ситуации и одновременно выраженной потребностью в поддержке, осторожности и избегании прямых конфликтов.

Методика «Уровень инфантилизма» (А.А. Серегина). Результаты представлены на Рис. 2. Общий показатель инфантилизма составил 68,3 балла (при

максимуме 144), что в соответствии с авторскими нормами (61–90 баллов) соответствует уровню средне инфантильной личности. Наиболее выраженными оказались: позиция иждивенчества, зависимости и безответственности (14,2 из 27 возможных баллов), что указывает на устойчивую потребность в опоре на других, перекладывание ответственности на родителей или значимых взрослых; неупорядоченность и хаотичность поведения (8,0 из 15), что может свидетельствовать о трудностях в самоорганизации, планировании и следовании намеченным целям; а также незрелость эмоционально-волевой сферы (9,3 из 21), проявляющаяся в импульсивности, слабости волевого усилия и неспособности длительное время удерживать произвольное внимание. Показатель преобладания материальных ценностей составил 8,8 (при максимуме 21), что находится в верхней границе средних значений и может отражать ориентацию подростков на внешние, материальные атрибуты успеха. Слабая рефлексия (7,0 из 18) и неразвитое преодолевающее поведение (9,6 из 18) находятся в зоне умеренных значений. Трудовая мотивация (6,2 из 12), ориентация на развлечения и гедонизм (5,3 из 12) имеют среднюю выраженность. В целом полученный профиль свидетельствует о сохранении у значительной части подростков зависимой позиции, недостаточной структурированности поведения и ситуативности волевых усилий, что создает предпосылки для реализации виктимных паттернов.

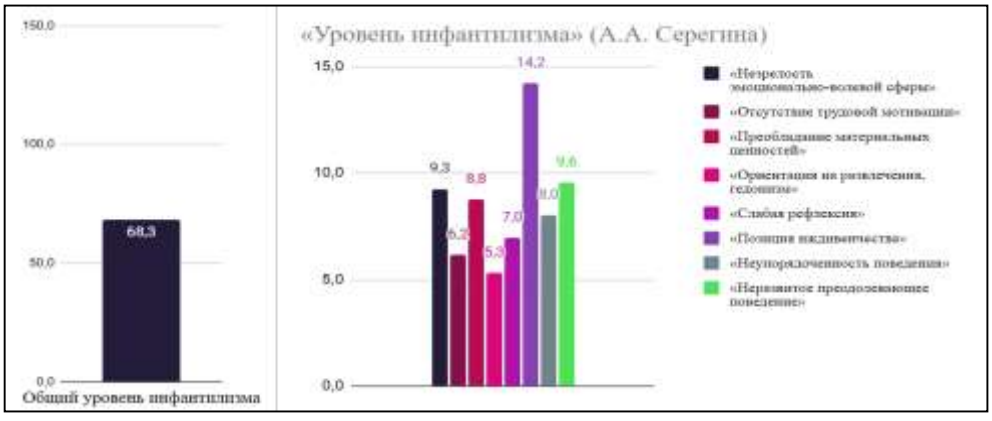

Рисунок 2.

Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд в адаптации А.К. Осницкого. Ниже представлены средние значения по интегральным показателям (Рис. 3), а также результаты по факторным шкалам (Рис. 4).

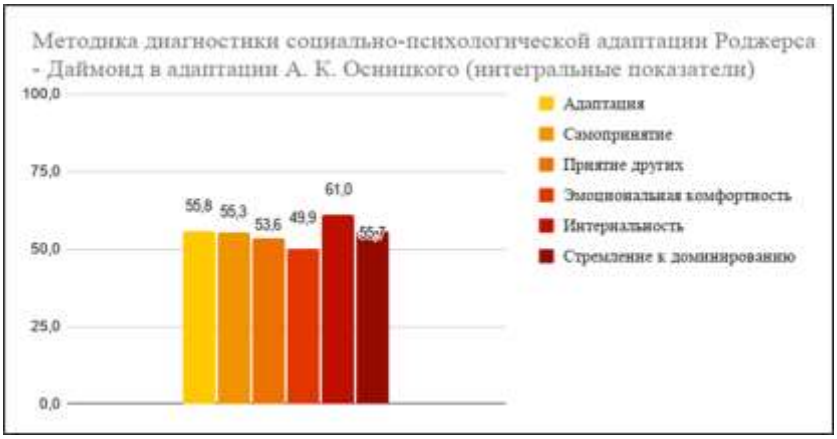

Рисунок 3.

Интегральные показатели. Адаптация – 55,8, преобладание адаптивных проявлений; подростки в целом успешно справляются с требованиями среды. Самопринятие – 55,3, позитивное, но не абсолютное отношение к себе. Принятие других – 53,6, доброжелательное, хотя и избирательное. Эмоциональная комфортность – 49,9, несколько ниже, что говорит о закономерной для подросткового возраста неустойчивости настроения. Интернальность – 61,0 (самый высокий показатель), отражает склонность принимать ответственность за свою жизнь. Стремление к доминированию – 55,7, в умеренном диапазоне.

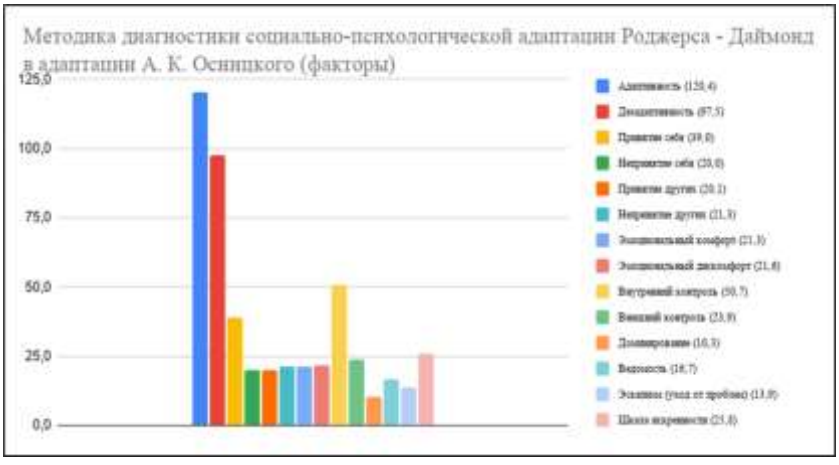

Рисунок 4.

Факторные показатели. Адаптивность (120,4) заметно преобладает над дезадаптивностью (97,5), что подтверждает благополучность адаптационного

профиля. Принятие себя (39,0) выше непринятия (20,0), что говорит о сформированной, хотя и не абсолютно устойчивой, позитивной самооценке. Принятие других (20,1) и непринятие других (21,3) почти равны, что может указывать на избирательность и настороженность в отношениях, свойственную подростковому возрасту. Эмоциональный комфорт (21,3) и дискомфорт (21,6) сбалансированы, небольшое превышение дискомфорта не является отклонением. Внутренний контроль (50,7) доминирует над внешним (23,9), что согласуется с высокой интернальностью и свидетельствует о зрелости в принятии решений. Доминирование (10,3) и ведомость (16,7) в норме, преобладание ведомости отражает возрастную тенденцию к ориентации на значимых взрослых. Эскапизм (13,9) умеренно выражен, избегание не является основным способом совладания с трудностями. Шкала искренности (25,8) в норме, данные достоверны. Таким образом, адаптация в целом благополучна, но умеренная выраженность эмоционального дискомфорта и ведомости указывает на зоны, требующие внимания.

Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) А.Н. Орла. Данные (в Т-баллах) на Рис. 5. Шкала социальной желательности (63,1), что позволяет считать ответы достоверными. По содержательным шкалам значения в пределах нормы или на нижних границах риска. Преодоление норм и правил – 46,5 (ниже порога), говорит об ориентации на соблюдение социальных норм. Аддиктивное поведение – 45,7 (ниже среднего), свидетельствует об отсутствии устойчивой потребности в уходе от реальности. Самоповреждающее поведение – 49,6 (нижняя граница), выраженной готовности к аутоагрессии нет, но близость к порогу требует внимания к отдельным случаям. Агрессия – 50,5, указывает на отдельные агрессивные тенденции. Волевой контроль эмоций (обратная шкала) – 55,2, говорит о некотором снижении контроля. Делинквентность – 51,7, наличие «делинквентного потенциала». Принятие женской роли – 57,1 (средний уровень). В целом ярко выраженных склонностей к отклоняющемуся поведению в группе не выявлено.

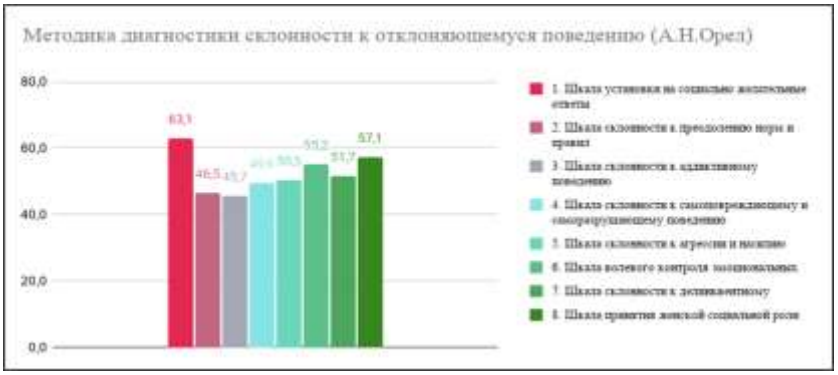

Рисунок 5.

Корреляционный анализ. Для проверки выдвинутых гипотез был выполнен корреляционный анализ с использованием коэффициента линейной корреляции Пирсона (r). Вычислены средние коэффициенты корреляции между шкалами виктимного поведения и каждой из трех групп переменных (инфантилизм, социально-психологическая адаптация, склонность к отклоняющемуся поведению). Результаты представлены в Табл. 1, 2 и 3.

Таблица 1.

$r = 0,4$	Шкала склонности к агрессивному виктимному поведению (**агрессивный тип потерпевшего**).	Шкала склонности к самосохраняющему и саморазрушающему поведению (**активный тип потерпевшего**).	Шкала склонности к непросоциальному поведению (**инициативный тип потерпевшего**).	Шкала склонности к зависимому и беспомощному поведению (**пассивный тип потерпевшего**).	Шкала склонности к некритичному поведению (**некритичный тип потерпевшего**).	**Шкала реализованной виктимности.**
«Наличие эмоционального волевой сферы»	0,4	0,6	-0,7	0,4	0,0	0,8
«Отсутствие трудовой мотивации»	0,0	0,0	-0,1	0,0	-0,1	0,0
«Гипертрофирование материальных ценностей»	0,7	0,2	0,0	0,7	0,3	0,2
«Ориентация на развлечения, удовольствия»	0,7	0,6	0,6	-0,1	-0,5	0,3
«Слабая рефлексия»	0,8	0,7	0,1	0,6	0,8	0,5
«Позиция неудачника»	-0,8	0,5	0,4	0,5	0,6	0,5
«Неустойчивость поведения»	0,7	0,8	0,3	0,5	0,5	0,0
«Неразвитие предусмотрительности поведения»	0,7	0,5	0,5	0,5	-0,1	0,2
Общий уровень инфантилизма	0,8	0,8	0,5	0,0	0,8	0,5

Таблица 2.

$r = -0,4$	Шкала склонности к агрессивному виктимному поведению (**агрессивный тип потерпевшего**).	Шкала склонности к самосохраняющему и саморазрушающему поведению (**активный тип потерпевшего**).	Шкала склонности к непросоциальному поведению (**инициативный тип потерпевшего**).	Шкала склонности к зависимому и беспомощному поведению (**пассивный тип потерпевшего**).	Шкала склонности к некритичному поведению (**некритичный тип потерпевшего**)	**Шкала реализованной виктимности.**
Интегральный показатель адаптации	-0,6	-0,6	0,2	-0,6	-0,6	-0,7
Интегральный показатель самопринятия	-0,8	-0,7	0,4	-0,5	-0,5	-0,5
Интегральный показатель принятия других	-0,6	-0,8	0,2	-0,3	-0,6	-0,4
Интегральный показатель эмоциональной комфортности	0,1	0,1	0,0	-0,1	-0,3	-0,1
Интегральный показатель интернальности	-0,7	-0,4	0,0	-0,5	-0,5	-0,8
Интегральный показатель отношения к доминированию	-0,1	0,1	-0,4	-0,1	-0,1	-0,7

Таблица 3.

r = 0,5						
	0,8	0,6	0,0	0,1	0,2	0,4
	0,8	0,6	0,4	0,5	0,5	0,6
	0,7	0,6	-0,1	0,2	0,6	0,4
	0,7	0,6	-0,2	0,4	0,6	0,6
	0,5	0,4	0,2	0,2	0,6	0,5
	0,7	0,5	0,2	0,6	0,6	0,7

Наиболее сильные положительные корреляции выявлены между шкалой «Слабая рефлексия» и склонностью к агрессивному (r=0,8), самоповреждающему (r=0,7), некритичному (r=0,8) виктимному поведению, а также с реализованной виктимностью (r=0,5). «Незрелость эмоционально-волевой сферы» коррелирует с реализованной виктимностью (r=0,8), а «Общий уровень инфантилизма» – с агрессивной, самоповреждающей и некритичной формами (r=0,8). Средний коэффициент между виктимностью и инфантилизмом – r = 0,4 (умеренная положительная связь). Таким образом, генеральная гипотеза подтверждена частично.

Отрицательные корреляции зафиксированы между самопринятием и агрессивным виктимным поведением (r= –0,8), а также между интернальностью и реализованной виктимностью (r= –0,8). Средний коэффициент между виктимностью и адаптацией – r = –0,4 (обратная связь умеренной силы). Следовательно, гипотеза № 1 частично подтверждается.

Наиболее выраженные положительные связи: между преодолением норм и агрессивным виктимным поведением (r=0,8), между аддиктивным поведением и реализованной виктимностью (r=0,6), между делинквентностью и реализованной виктимностью (r=0,7). Средний коэффициент между виктимностью и девиантностью – r = 0,5. Гипотеза № 2 получила эмпирическое подтверждение.

Все три гипотезы получили эмпирическое подтверждение (две – частичную, одну – полную). Связь виктимности с инфантилизмом и девиантностью положительная, с адаптацией – отрицательная. Полученные данные могут служить основой для содержательной интерпретации психологических факторов виктимного поведения у подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобровская А.А.* Виктимность как форма девиантного поведения: критический подход // «Виктимность и виктимологическая профилактика». Материалы круглого стола по

дисциплине «Психология отклоняющегося поведения». Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. СС. 7–10.
2. *Малкина-Пых И.Г.* Психология поведения жертвы / Справочник практического психолога). М.: «Эксмо», 2006, 1008с.: ил.
3. *Одинцова М.А.* Многоликость «жертвы», или немного о великой манипуляции. М.: «Флинта», 2010.
4. *Сахаутдинова Н.Н.* Виктимность как предпосылка проявления буллинга у подростков // «Теория и практика современной науки», № 6 (48), 2019. СС. 627–630.
5. *Шпаковская Е., Токарь О.* Социально-психологические особенности подростков, склонных к виктимному поведению // «Мир науки. Педагогика и психология», № 1, 2025. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-podrostkov-sklonnyh-k-viktimnomu-povedeniyu (дата обращения: 04.03.2026).

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE EMERGENCE OF VICTIM BEHAVIOR IN ADOLESCENTS

A. Muradyan, L. Harutyunyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article explores the psychological factors underlying adolescents' predisposition to victim behavior. The study focuses on identifying personal and socio-psychological characteristics that contribute to behavioral vulnerability and difficulties in interaction with the social environment. Particular attention is given to infantilism, emotional immaturity, and low volitional regulation as internal prerequisites for maladaptation. An important aspect of the analysis concerns the relationship between personal maturity and the ability to cope constructively with challenging life situations. The paper also examines social adaptation, self-acceptance, and the level of internal control as psychological mechanisms associated with submissiveness, aggressiveness, and tendencies toward dependent or self-destructive behavior. The theoretical and empirical framework of the study allows victimization to be viewed not as an isolated phenomenon, but as the outcome of the interaction between personal deficits and the social environment. The findings may be useful for developing preventive programs aimed at strengthening adolescents' psychological resilience and enhancing their adaptive functioning.

Keywords: victimization, maladaptation, infantilism, deviant behavior, submissiveness.

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ И СТИЛЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

А.Р. Мурадян, Д.Г. Атанесян

Российско-Армянский университет
armine_43@mail.ru, dianaatanesyan7@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению влияния семейных отношений и особенностей воспитания на формирование девиантного поведения подростков. Проблематика семейного воздействия рассматривается через призму психологического развития личности в период становления социальных и моральных норм. Особое место занимает феномен агрессивности как одного из центральных проявлений деструктивного поведения, отражающего внутреннее напряжение и трудности адаптации подростка в социуме. В контексте исследования внимание уделяется тому, как характер взаимодействия между родителями и подростками, а также стиль воспитания, влияют на формирование поведенческих реакций, уровень устойчивости и способы выражения агрессии в данной возрастной категории. Осмысление данных аспектов позволяет рассматривать девиантность не как отдельный феномен, а как результат формирования отклоняющихся особенностей подростка и системы семейных отношений. Результаты работы могут быть полезны специалистам, занимающимся профилактикой девиантного поведения подростков.

Ключевые слова: девиантное поведение, агрессивность, склонность к делинквентному поведению, директивность, воспитательные функции семьи.

Введение

Подростковый возраст является одним из наиболее сложных этапов психосоциального развития личности. В этот период происходят значительные изменения в системе ценностей, формируется самосознание и личностная идентичность. Повышенная эмоциональная чувствительность, стремление к самостоятельности и потребность в признании со стороны значимых взрослых и сверстников могут сопровождаться внутренними противоречиями и трудностями социальной адаптации.

Актуальность исследования обусловлена распространенностью различных форм девиантного поведения среди подростков, что подтверждается современными психологическими и социологическими исследованиями. В

научной литературе девиантное поведение определяется как устойчивое нарушение социальных норм, проявляющееся в форме агрессии, нарушения правил, аддиктивного или самоповреждающего поведения [1]. Формирование девиантности рассматривается как результат взаимодействия различных факторов, среди которых важную роль играют социальное окружение, влияние группы сверстников, индивидуально-психологические особенности личности и особенности семейного воспитания.

Особое место среди факторов социализации подростка занимает семья. Семейная среда формирует базовые модели взаимодействия, ценностные ориентиры и механизмы саморегуляции поведения [2]. Эмоциональная атмосфера в семье, характер родительского отношения и стиль воспитания оказывают значительное влияние на формирование поведенческих стратегий подростка [3]. Неблагоприятный семейный климат, дефицит эмоциональной поддержки, высокий уровень конфликтности и непоследовательный родительский контроль могут повышать вероятность возникновения поведенческих девиаций [4]. В то же время доверительные и поддерживающие отношения рассматриваются как важный фактор профилактики отклоняющегося поведения. Ряд исследований также указывает на то, что характер внутрисемейного взаимодействия и степень эмоциональной поддержки со стороны родителей выступают значимыми факторами профилактики девиантного поведения в подростковом возрасте [5].

Цель исследования – выявить особенности влияния семейной среды и стилей семейного воспитания на склонность подростков к девиантному поведению, а также определить характер взаимосвязи между родительскими воспитательными стратегиями и показателями девиантности.

Объект исследования: подростки как носители социально и психологически обусловленных форм поведения.

Предмет исследования: влияние семейной среды и стилей семейного воспитания на склонность подростков к девиантному поведению.

Задачи исследования

- Проанализировать теоретические подходы к изучению девиантного поведения подростков и классификации стилей семейного воспитания.
- Исследовать влияние семьи и стилей воспитания на склонность подростков к девиантному поведению на основе их субъективного восприятия.
- Провести корреляционный анализ эмпирических данных для выявления взаимосвязей между особенностями семейного воспитания и показателями девиантности.

Гипотезы исследования

Генеральная гипотеза – существует взаимосвязь между особенностями семейной среды, применяемыми родителями стилями воспитания и формированием девиантного поведения подростков.

Гипотеза №1 – неблагоприятный семейный климат и неэффективные модели воспитания связаны с повышением риска девиантного поведения подростков, тогда как эмоциональная поддержка и конструктивные отношения в семье способствуют снижению вероятности его проявления.

Использованные методики: методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) А.Н. Орел; методика «Подростки о родителях» (ПОР/ADOR) Е. Шафера в модификации З. Матейчика и П. Ржичана; методика «Шкала семейного окружения» (ШСО/FES) Р. Мус, В. Мус в модификации С.Ю. Куприянова.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении представлений о влиянии семейной среды и стилей воспитания на формирование девиантного поведения подростков.

Практическая значимость связана с анализом семейных факторов, потенциально связанных с проявлениями девиантного поведения. Эмпирическая часть исследования направлена на сопоставление особенностей семейного воспитания и показателей склонности к девиантному поведению у подростков образовательного комплекса «Мхитар Себастаци» и подростков из социально уязвимых семей, участвующих в программах поддержки, включая программы Красного Креста.

В исследовании приняли участие 100 подростков 13–17 лет: 50 учащихся образовательного комплекса «Мхитар Себастаци» (группа 1) и 50 подростков из социально уязвимых семей, участвующих в программах Красного Креста (группа 2).

Обработка результатов

Анализ результатов по методике ПОР/ADOR выявил различия в восприятии родительского поведения подростками двух групп. В группе 2 при оценке материнского поведения наиболее высокий показатель наблюдается по шкале позитивного интереса (POZ = 1.89), при этом фиксируются относительно повышенные значения по шкалам враждебности (HOS = 1.39) и директивности (DIR = 1.15). Показатель непоследовательности составляет NED = 0.77, автономности – AUT = 0.43. Интегральный показатель близости составляет POZ/HOS = 3.27, а соотношение DIR/AUT = 1.58. Оценка отцовского поведения характеризуется более низкими значениями: DIR = 0.88, HOS = 0.77, AUT

= 0.39, NED = 0.25, POZ = 0.23. Показатель близости составляет POZ/HOS = 1, коэффициент DIR/AUT = 1.27.

В группе 1 показатели имеют более благоприятный характер. При оценке материнского поведения наиболее выражены показатели непоследовательности (NED = 1.34) и позитивного интереса (POZ = 1.34). Уровни директивности (DIR = 0.46) и враждебности (HOS = 0.46) ниже, автономность составляет AUT = 0.35. Показатель близости равен POZ/HOS = 1.7, коэффициент DIR/AUT = 0.81. При оценке отцовского поведения показатели составили: DIR = 0.61, HOS = 0.63, AUT = 0.49, NED = 0.89, POZ = 0.91, показатель близости – POZ/HOS = 1.53, коэффициент DIR/AUT = 1.1.

Анализ результатов по методике ШСО/FES показал, что в группе 2 показатели сплоченности (5.1) и экспрессивности (5.13) находятся на среднем уровне, при конфликтности 4.29 и низком уровне независимости (2.98). Показатели ориентации на достижения составляют 4.44, интеллектуально-культурной ориентации – 4.73, активного отдыха – 3.29, морально-нравственных установок – 3.85. Показатели организации и контроля составляют 4.58 и 3.88, соответственно.

В группе 1 показатели сплоченности (5.4) и экспрессивности (5.38) выше, уровень независимости значительно выше (4.83). Также более выражены ориентация на достижения (4.92) и активный отдых (4.81). Показатель морально-нравственной направленности составляет 4.06, уровень контроля – 6.23.

Результаты методики СОП показали, что в группе 2 склонность к преодолению норм и правил составляет 7.9, склонность к аддиктивному поведению – 9.4, к самоповреждающему и саморазрушающему поведению – 10.48, к агрессии и насилию – 10. Показатель социально-желательных ответов равен 5.74. склонность к делинквентному поведению – 9.28.

В группе 1 показатели значительно ниже: склонность к преодолению норм и правил – 4.28, к аддиктивному поведению – 4.28, к самоповреждающему поведению – 5.54, к агрессии и насилию – 3.28. Показатель социально-желательных ответов составляет 8.76, уровень волевого контроля эмоциональных реакций – 7.78, склонность к делинквентному поведению – 5.27.

Корреляционный анализ в группе 1 показал умеренную отрицательную связь между показателями девиантности и характеристиками семейного климата (r = -0.37). Корреляция СОП с оценкой матери и отца составила r = -0.28. Средняя корреляция по всем трем методикам равна r = -0.31.

В группе подростков 2 корреляция между шкалами СОП и показателями семейного окружения составила r = -0.55. Средний коэффициент корреляции

между шкалами ПОР/ADOR и показателями девиантности для оценки отцовского поведения составил r = -0.48, для материнского – r = -0.36. Средняя корреляция между показателями всех трех методик составила r = -0.46.

Корреляционный анализ объединенной выборки (N = 100) с предварительной z-стандартизацией показателей подтвердил паттерны подгруппового анализа. Все коэффициенты статистически значимы ($p < 0,05$).

По блоку СОП × ШСО (Табл. 1) средний r = –0,38; наиболее выраженные корреляции – по шкале независимости (r = –0,46), наименее выраженные – по шкале конфликтности (r = –0,31). Среди шкал СОП наиболее сильные связи с семейным климатом демонстрируют «Социально желательные ответы» и «Самоповреждающее поведение» (r до –0,48).

Таблица 1.

Шкала СОП	Сплоч.	Экспр.	Конфл.	Незав.	Ор. Дост.	Инт-Культ.	Акт. Отд.	Мораль	Орг.	Контр.
Соц. жел. ответы	-0.45	-0.46	-0.32	-0.48	-0.41	-0.45	-0.42	-0.40	-0.38	-0.47
Преодоление норм	-0.37	-0.41	-0.26	-0.39	-0.34	-0.38	-0.40	-0.35	-0.31	-0.41
Аддиктивное пов.	-0.30	-0.33	-0.25	-0.37	-0.25	-0.32	-0.32	-0.33	-0.28	-0.34
Самоповреждающее пов.	-0.41	-0.46	-0.30	-0.48	-0.40	-0.44	-0.45	-0.38	-0.36	-0.46
Агрессия	-0.38	-0.40	-0.35	-0.47	-0.32	-0.34	-0.34	-0.37	-0.38	-0.38
Волевой контроль	-0.39	-0.41	-0.35	-0.48	-0.34	-0.36	-0.37	-0.36	-0.38	-0.39
Делинквентное пов.	-0.40	-0.43	-0.32	-0.51	-0.37	-0.39	-0.40	-0.34	-0.39	-0.42
Женская роль	-0.41	-0.43	-0.32	-0.51	-0.38	-0.39	-0.40	-0.34	-0.39	-0.43
Среднее	**-0.39**	**-0.42**	**-0.31**	**-0.46**	**-0.35**	**-0.38**	**-0.39**	**-0.36**	**-0.36**	**-0.41**

По блоку СОП × ПОР/ADOR-отец (Табл. 2) средний r = –0,35; ключевой предиктор – шкала непоследовательности Ned (r до –0,47), тогда как позитивный интерес Poz обнаруживает наиболее слабые связи (r до –0,37).

Таблица 2.

Шкала СОП	DIr	Hos	Aut	Ned	Poz	Poz/Hos	Dir/Aut
Соц. жел. ответы	-0.29	-0.25	-0.30	-0.29	-0.27	-0.30	-0.29
Преодоление норм	-0.25	-0.32	-0.30	-0.32	-0.28	-0.35	-0.29
Аддиктивное пов.	-0.41	-0.27	-0.34	-0.37	-0.28	-0.36	-0.41
Самоповреждающее пов.	-0.34	-0.35	-0.30	-0.41	-0.34	-0.41	-0.35
Агрессия	-0.35	-0.33	-0.29	-0.43	-0.34	-0.40	-0.35
Волевой контроль	-0.38	-0.35	-0.34	-0.43	-0.36	-0.42	-0.39
Делинквентное пов.	-0.36	-0.38	-0.33	-0.47	-0.37	-0.44	-0.38
Женская роль	-0.37	-0.39	-0.33	-0.44	-0.36	-0.41	-0.37
Среднее	**-0.34**	**-0.33**	**-0.32**	**-0.39**	**-0.33**	**-0.39**	**-0.35**

По блоку СОП × ПОР/ADOR-мать (Табл. 3) средний r = –0,30; позитивный интерес матери Poz также дает наиболее слабые корреляции (r до –0,20), тогда как Ned остается ведущим предиктором (r до –0,42), а интегральные показатели Dir/Aut и Poz/Hos сохраняют значимость. Полученные результаты согласуются с представлениями о стабильности воспитательного поведения как протективном факторе.

Таблица 3.

Шкала СОП	DIr	Hos	Aut	Ned	Poz	Poz/Hos	Dir/Aut
Соц. жел. ответы	-0.30	-0.31	-0.21	-0.29	-0.19	-0.33	-0.32
Преодоление норм	-0.33	-0.23	-0.20	-0.28	-0.19	-0.31	-0.33
Аддиктивное пов.	-0.28	-0.30	-0.29	-0.37	-0.17	-0.33	-0.38

Самоповреждающее пов.	-0.31	-0.29	-0.32	-0.35	-0.20	-0.34	-0.39
Агрессия	-0.23	-0.28	-0.35	-0.42	-0.16	-0.32	-0.40
Волевой контроль	-0.26	-0.28	-0.36	-0.38	-0.17	-0.33	-0.40
Делинквентное пов.	-0.23	-0.31	-0.33	-0.40	-0.18	-0.33	-0.35
Женская роль	-0.26	-0.29	-0.33	-0.38	-0.17	-0.34	-0.36
Среднее	**-0.28**	**-0.29**	**-0.30**	**-0.36**	**-0.18**	**-0.33**	**-0.37**

Сравнительный анализ корреляционных данных по группам и объединенной выборке выявил устойчивые отрицательные взаимосвязи между показателями семейной среды, родительского поведения и склонностью к девиантности во всех подвыборках. В группе 2 средний коэффициент корреляции составил r = –0,46 (СОП×ШСО: r = –0,55; СОП×ПОР-отец: r = –0,48; СОП×ПОР-мать: r = –0,36), в группе 1 - r = –0,31 (СОП×ШСО: r = –0,37; СОП×ПОР-отец и мать: r = –0,28), на объединенной выборке (N = 100) средний коэффициент составил r = –0,34. Ключевыми предикторами девиантности во всех группах выступают шкала независимости семейного климата (ШСО) и непоследовательность родительского поведения (Ned), тогда как корреляции с поведением отца последовательно превышают аналогичные показатели для матери (Рис. 6).

Рисунок 6. Сводные коэффициенты корреляции по группам и методикам.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило значимую роль семейной среды и родительских воспитательных стратегий в формировании склонности подростков к девиантному поведению. Полученные результаты свидетельствуют о том, что благоприятный семейный климат, эмоциональная поддержка и последовательность воспитательных требований связаны со снижением выраженности девиантных тенденций. В то же время неблагоприятные характеристики семейной среды –конфликтность, недостаточная эмоциональная вовлеченность родителей и дефицит поддерживающего взаимодействия – могут выступать факторами риска формирования отклоняющегося поведения. Корреляционный анализ показал устойчивые отрицательные взаимосвязи между показателями семейной среды, родительского отношения и уровнем девиантности, что подтверждает выдвинутые гипотезы исследования. Полученные данные подчеркивают важность учета семейных факторов в профилактике девиантного поведения подростков и могут служить эмпирической основой для дальнейших исследований данной проблематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Змановская Е.В.* Девиантология: психология отклоняющегося поведения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: «Академия», 2004, 288с.
2. *Клейберг Ю.А*. Психология девиантного поведения. М.: «Академический проект», 2018, 304с.
3. *Выготский Л.С.* Педология подростка: психологическое и социальное развитие ребенка. СПб.: «Питер», 2022, 320с.
4. *Карабанова О.А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: «Гардарики», 2005, 384с.
5. *Реан А.А*. Психология девиантного поведения. СПб.: «Питер», 2018, 352с.

THE INFLUENCE OF FAMILY AND PARENTING STYLE ON THE FORMATION OF DEVIANT BEHAVIOR IN ADOLESCENTS

A. Muradyan, D. Atanesyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article is devoted to the study of the influence of family relationships and parenting styles on the development of deviant behavior in adolescents. The issue of family influence is examined through the lens of psychological development during the formation of social and moral norms. Particular attention is paid to the phenomenon of aggressiveness as one of the central manifestations of destructive behavior, reflecting the adolescent's internal tension and difficulties in social adaptation. Within the context of the article, attention is focused on how

the nature of parent–adolescent interactions and parenting styles affect the formation of behavioral responses, the level of resilience, and the ways in which aggression is expressed at this developmental stage. Understanding these aspects allows deviance to be viewed not as an isolated phenomenon, but as the result of the formation of maladaptive personality traits and family relationship patterns. The findings may be useful for professionals engaged in the prevention of adolescent deviant behavior.

Keywords: deviant behavior, aggressiveness, propensity for delinquent behavior, directivity, parenting functions of the family.

ВЛИЯНИЕ ЭКЗАМЕНАЦИОННОГО СТРЕССА НА УЧЕБНУЮ МОТИВАЦИЮ СТУДЕНТОВ

А.Р. Мурадян, И.К. Торосян

Российско-Армянский университет
torosyaninesa50@gmail.com, armine.muradyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема влияния экзаменационного стресса на учебную мотивацию студентов вуза. На основе теоретического анализа охарактеризованы феномены экзаменационного стресса и учебной мотивации, раскрыта их взаимосвязь. В эмпирической части исследования приняли участие 40 студентов Российско-Армянского университета. Для диагностики применялись: методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера (адаптация Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда), Шкала личностной и ситуативной тревожности Спилбергера-Ханина и Опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-25) Т.В. Корниловой. Установлено, что в выборке преобладает экстернальный локус контроля; уровень ситуативной и личностной тревожности соответствует высоким значениям. Корреляционный анализ выявил значимую отрицательную связь между ситуативной тревожностью и общей интернальностью ($r = -0,5$), а также между личностной тревожностью и интернальностью в сфере межличностных отношений ($r = -0,5$).

Ключевые слова: экзаменационный стресс, учебная мотивация студентов, учебная деятельность, тревожность, локус контроля.

Введение

Актуальность исследования. В период экзаменационной сессии большинство студентов сталкиваются с интенсивным стрессовым напряжением, под влиянием которого экзамен нередко утрачивает свою основную функцию – объективную оценку знаний – и превращается в испытание психической устойчивости. Это негативно сказывается на профессиональном становлении будущих специалистов и препятствует формированию устойчивой учебной мотивации. Значимость студенческого возраста как сензитивного периода для развития мотивационно-личностной сферы подчеркивается в работах отечественных исследователей (Е.П. Ильин, А.К. Маркова, М.В. Матюхина и др.), а в рамках теории контроль-ценностных эмоций Р. Пекруна показано, что тревога и стресс непосредственно связаны с мотивацией и академической успешностью [1]. Согласно данным мониторинга ACHA-NCHA (весна 2025г.; N = 65 950), 35,8% студентов отметили, что стресс ухудшил их успеваемость, 29,5% отметили аналогичное влияние тревоги; 44,5% указали на негативное

влияние прокрастинации [2]. Экзаменационный стресс снижает эффективность рабочей памяти и произвольного внимания [3], нарушает сон [4], а его взаимосвязь с мотивацией носит двусторонний характер: высокая мотивация усиливает значимость экзамена и уровень стресса, тогда как избыточный стресс деформирует мотивационную структуру [5]. Все это определяет актуальность настоящего исследования.

Цель исследования: выявить изменения учебной мотивации студентов вуза, возникающие под влиянием экзаменационного стресса.

Объект исследования: мотивация учебной деятельности студентов вуза.

Предмет исследования: изменения учебной мотивации студентов, возникающие под влиянием экзаменационного стресса.

Гипотеза исследования: предполагается, что существует взаимосвязь между влиянием экзаменационного стресса и структурой учебной мотивации, под влиянием которых у студентов происходят изменения в учебной деятельности.

Подгипотеза 1: предполагается, что учебная мотивация студентов связана с уровнем субъективного контроля (локусом контроля).

Подгипотеза 2: предполагается, что учебная мотивация студентов связана с их индивидуальными личностными особенностями, а именно уровнем личностной тревожности, склонностью к рациональному поведению и готовностью к риску при принятии решений.

Задачи исследования

1. Проанализировать основные направления психологических исследований, посвященных проблемам мотивации учебной деятельности и экзаменационного стресса. На основе теоретического анализа выявить индивидуальные качества, способные повлиять на характер изменений учебной мотивации в стрессовой ситуации.

2. Исследовать изменения учебной мотивации студентов в ситуации экзаменационного стресса по сравнению с учебной мотивацией в условиях обычной учебной деятельности.

3. Выявить и описать факторы, влияющие на характер изменений учебной мотивации у студентов на экзамене.

4. Провести эмпирическое исследование, направленное на профилактику негативных изменений учебной мотивации студентов вуза, возникающих под влиянием экзаменационного стресса.

Материал и методы

Эмпирическое исследование проводилось на выборке из 40 студентов Российско-Армянского университета факультетов психологии, экономики и менеджмента. Возраст респондентов – от 18 до 22 лет. Среди участников: 32 девушки (80%) и 8 юношей (20%). Большинство – студенты второго курса (67,5%). Исследование проводилось в онлайн-формате.

В качестве методов исследования были выбраны тестирование, анкетирование и статистический анализ. Сбор практического материала проводился при помощи следующих методик:

1) «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера (адаптация Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда) – для оценки локуса контроля по семи шкалам: Ио, Ид, Ин, Ис, Ип, Им, Из;

2) Шкала личностной и ситуативной тревожности Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина – ситуативная тревожность использовалась как показатель экзаменационного стресса, личностная – как устойчивая индивидуальная характеристика;

3) Опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-25) Т.В. Корниловой – для диагностики рациональности и готовности к риску.

Для статистической обработки применялся корреляционный анализ.

Результаты

Результаты по методике УСК (Рис. 1).

Рисунок 1. «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера.

На Рис. 1 представлены средние значения по всем показателям. Как мы видим, у респондентов наиболее выражена интернальность в области межличностных отношений (Им) (5,4) и в отношении здоровья и болезни (Из) (4,8). По всем остальным шкалам фиксируется экстернальность: Ид = 3,9; Ин = 3,3; Ис = 3,7; Ип = 2,8. Наиболее ярко экстернальность выражена в Интернальность в области производственных отношений (Ип) (2,8). В целом группа демонстрирует преимущественно экстернальный тип локуса контроля: респонденты склонны перекладывать ответственность на внешние факторы, что подтверждается и показателем общей интернальности (Ио) (3,8).

Результаты по шкале тревожности Спилбергера–Ханина (Рис. 2).

Рисунок 2. Шкала личностной и ситуативной тревожности Ч.Д. Спилбергера.

На Рис. 2 представлены средние значения по показателям ситуативной и личностной тревожности. Как показывает Рис. 2, средний показатель ситуативной тревожности составил 48,3 балла, личностной – 46,5 балла. Оба значения превышают пороговый уровень в 45 баллов, что соответствует высокому уровню тревожности. Это свидетельствует как о выраженном экзаменационном стрессе в момент исследования, так и об устойчивой личностной предрасположенности к тревожному реагированию.

Результаты по опроснику ЛФР-25 Т.В. Корниловой (Рисунок 3).

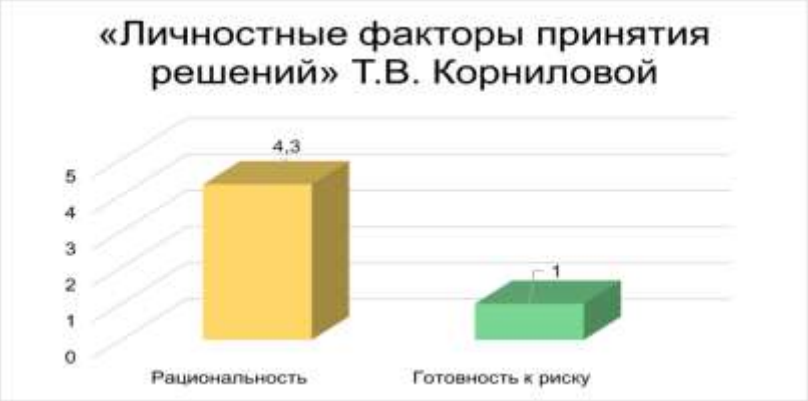

Рисунок 3. Опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-25) Т.В. Корниловой.

Рисунок 3 демонстрирует, что показатель рациональности составил 4,3 балла (средний уровень) – участники склонны к обдуманным решениям и стараются действовать при достаточной ориентировке в ситуации. Показатель готовности к риску – 1,0 балл (низкий уровень), что свидетельствует о высоком уровне саморегуляции и избегании неопределенности. Это сочетание согласуется с высокой тревожностью и недостаточным ощущением контроля над ситуацией.

Таблица 1. Корреляция между показателями УСК и ситуативной тревожностью по шкале Спилбергера.

	Общая интернальность (Ио)	**Интернальность в области достижений (Ид)**	**Интернальность в области неудач (Ин)**	**Интернальность в семейных отношениях (Ис)**	**Интернальность в области производственных отношений (Ип)**	**Интернальность в области межличностных отношений (Им)**	**Интернальность в отношении здоровья и болезни (Из)**
Ситуативная тревожность	−0,5	−0,3	0,2	0,1	−0,2	−0,4	0,0

Анализ Табл. 1 показывает, что значимая взаимосвязь подтвердилась лишь по шкале общей интернальности (Ио): r = -0,5 (средняя отрицательная

корреляция). Чем выше уровень ситуативной тревожности во время экзаменов, тем ниже уровень общего субъективного контроля. По остальным шкалам корреляции слабые (от -0,4 до 0,2) или отсутствуют.

Таблица 2. Корреляция между показателями УСК, личностной тревожностью и личностными факторами принятия решений (ЛФР-25).

	Ио	Ид	Ин	Ис	Ип	Им	Из
Личностная тревожность	–0,4	–0,3	0,1	0,0	–0,2	–0,5	0,1
Рациональность	0,0	0,1	–0,1	0,0	–0,1	0,1	0,2
Готовность к риску	0,2	0,0	0,1	–0,1	0,0	0,1	0,0

По данным Табл. 2, значимая взаимосвязь обнаружена только между личностной тревожностью и интернальностью в сфере межличностных отношений (Им): r = -0,5. Чем выше уровень личностной тревожности у студентов, тем ниже их уровень субъективного контроля в области межличностных отношений. Показатели рациональности и готовности к риску не обнаруживают значимых связей ни с одной из шкал УСК (значения в диапазоне от -0,1 до 0,2), в некоторых случаях взаимосвязь и вовсе отсутствует.

Обсуждение результатов

Результаты исследования показали, что у основной доли опрошенных преобладает экстернальный локус контроля: студенты склонны приписывать события своей жизни внешним обстоятельствам, а не собственным действиям. Параллельно с этим выявлен высокий уровень как ситуативной (M = 48,3), так и личностной (M = 46,5) тревожности, что свидетельствует о выраженном экзаменационном стрессе и устойчивой личностной предрасположенности к тревожному реагированию. По шкале принятия решений респонденты демонстрируют умеренную рациональность при низкой готовности к риску, что соответствует общей картине тревожности и недостаточного ощущения контроля над ситуацией.

Корреляционный анализ позволил частично подтвердить основную гипотезу исследования. Значимая отрицательная взаимосвязь обнаружена между уровнем ситуативной тревожности и общей интернальностью (r = -0,5): чем выше уровень экзаменационного стресса, тем меньше студент воспринимает себя как субъекта, способного влиять на собственную жизнь и ее результаты. Это косвенно указывает на снижение учебной мотивации в условиях стресса,

поскольку переживание утраты контроля снижает чувство ответственности за академические результаты.

Первая подгипотеза подтвердилась частично: значимая связь между личностной тревожностью и показателями УСК выявлена только в сфере межличностных отношений (r = -0,5), тогда как связи с другими шкалами оказались незначимыми. Вторая подгипотеза о связи учебной мотивации с индивидуально-личностными особенностями подтвердилась только в отношении личностной тревожности: обнаружена значимая отрицательная корреляция между личностной тревожностью и интернальностью в сфере межличностных отношений (r = -0,5). Рациональность и готовность к риску значимых связей с показателями локуса контроля не обнаружили, что позволяет рассматривать эти характеристики как относительно самостоятельные личностные образования, не оказывающие прямого влияния на учебную мотивацию в изученном контексте.

Тем самым, в ходе исследования установлено, что экзаменационный стресс связан преимущественно с общим снижением ощущения субъективного контроля над ситуацией, тогда как влияние личностной тревожности проявляется более избирательно – в сфере межличностного взаимодействия. Стиль принятия решений не выступает значимым предиктором изменений в учебной мотивации, измеренной через локус контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pekrun R.* The control-value theory of achievement emotions: Assumptions, corollaries, and implications for educational research and practice // “Educational Psychology Review”. Vol. 18, 2006.
2. PP. 315–341.
3. American College Health Association. ACHA–NCHA III: Reference Group Executive Summary Spring 2025. Silver Spring, MD: ACHA; 2025.
4. *Eysenck M., Calvo M.* Anxiety and performance: The processing efficiency theory // “ Cognition and Emotion”. Vol. 6, № 6, 1992. PP. 409–434.
5. *Lim J., Dinges D.* A meta-analysis of the impact of short-term sleep deprivation on cognitive variables // “Psychological Bulletin”. Vol. 136, № 3, 2010. PP. 375–389.
6. *Sabaliauskas S. et al.* The Relationship Between Stress, Academic Motivation, and Subjective Vitality Among Nursing Students // “Nursing Reports”. Vol. 15, № 8, 2025. PP. 300.

THE IMPACT OF EXAMINATION STRESS ON THE ACADEMIC MOTIVATION OF STUDENTS

I. Torosyan, A. Muradyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article examines the problem of examination stress and its impact on the academic motivation of university students. Based on a theoretical analysis, the phenomena of examination stress and academic motivation are characterized and their interrelationship is explored. The empirical part of the study involved 40 students of the Russian-Armenian University. The following diagnostic tools were employed: the Locus of Control Scale (LCS) by J. Rotter (adapted by E. Bazhin, S. Golynkina, and A. Etkind), the Spielberger-Khanin State-Trait Anxiety Inventory, and the Personal Factors of Decision Making Questionnaire (PFDM-25) by T.V. Kornilova. The study found that an external locus of control predominates in the sample, and that levels of both state and trait anxiety correspond to high values. Correlation analysis revealed a significant negative relationship between state anxiety and general internality ($r = -0.5$), as well as between trait anxiety and internality in the domain of interpersonal relations ($r = -0.5$).

Keywords: examination stress, students' academic motivation, academic activity, anxiety, locus of control.

ПРИРОДА – УГРОЗА ИЛИ ЗАЩИТА ЧЕЛОВЕКА И ЭТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЕ

И.Н. Николаева, Л.А. Раднаева

Российско-Армянский университет
radnaeva02@mail.ru, irina.nikolaeva@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной работе были исследованы те проявления экологического сознания человека, которые обуславливают его отношение к окружающей среде (ОС), его понимание процессов в ОС и его поведение в ОС.
Ключевые слова: экологическое сознание, положительное и отрицательное взаимодействия с Природой, правильное и неправильное отношение к ОС, потребительское и этическое отношение к ОС.

Введение

В XX веке экологические проблемы имеют глобальный характер. Хотя многие люди считают, что они знают и понимают законы экологии, но на самом деле это не так. Даже самые кажущиеся безвредными для ОС поступки, могут привести к серьезным последствиям.

Так, заведующий отделом геоботаники и экологической физиологии Института ботаники РА доктор биологических наук, профессор Георгий Файвуш в статье, опубликованной в газете «Голос Армении» (февраль 2026г.) привел много таких примеров, рассмотрим один из них, самый безобидный. Для озеленения городов Армении из Китая было завезено дерево айлант. Его массово высаживали на Кольцевом бульваре, у Дома камерной музыки, на перекрестке улиц Московской и Налбандяна. Кора и листья айланта обладают антибактериальным, антивирусным и др. полезными свойствами. Это дерево дает много семян, которые прорастают везде – на газонах, в асфальте, трещинах домов; его корни разрушают дороги, тротуары, фундаменты зданий и сами здания. В районах Алаверди и Ванадзора айлант вытесняет местные леса, которые состоят из дубов и буков.

Меняется флора, меняется и фауна, поскольку для животных семена айланта несъедобны. Бороться с айлантом очень трудно, т.к. на месте вырубки вырастает обильная корневая поросль.

Таким образом, казалось бы, полезная инициатива привела к экологической проблеме – нарушению биоразнообразия. Экологически грамотные люди

знают, что биоразнообразие – основа устойчивости биосферы, что проблемы в местных экосистемах приведут к их глобализации, ведь «все связано со всем» (один из законов экологии), что попытки восстановления экосистем зачастую приводят к еще большему их разрушению.

Основная часть

Продолжая наши исследования по изучению уровня экологического сознания, на это раз мы попытались выяснить уровень понимания правильного взаимодействия с окружающей природной средой. Мы провели тест «Экологические угрозы» со студентами психологического факультета РАУ первого курса (всего 25 человек). Этот тест взят нами из журнала «Психологическая диагностика» [1]. Тест содержит вопросы о силе и частоте воздействия Природы на человека и человека на Природу.

Не все осознают, в чем проявляется воздействие Природы на человека. Самочувствие, поведение, настроение – это все связано с природными явлениями. На физическое состояние влияют радиация (повышенная или в норме), солнечный свет (достаточно его или нет), загрязнение воздуха и воды, стихийные бедствия различного происхождения (в том числе инфекционные заболевания) и др. На психическое самочувствие влияют красота пейзажей, чистота воздуха, воды, звуки природы (пение птиц, журчание ручья), морской прибой и многое другое.

Воздействие человека на Природу более всем понятно, оно также может быть и отрицательным, и положительным. К отрицательным воздействиям относятся: вырубка лесов, загрязнение ОС, охота на диких животных, в принципе любая хозяйственная деятельность человека. К положительным воздействиям человека на Природу относятся многие воздействия, которые ограничивают его желания и его комфорт, и это вызывает у многих протесты. Положительные воздействия – это посадка лесов, переработка отходов, безотходные технологии, отказ от роскоши (т.е. экономия ресурсов), ограничение собственных автомобилей, яхт, самолетов и пр.

Для того, чтобы подсчитать среднюю силу положительного воздействия Природы на человека (NP+) мы сложили баллы по следующим шести вопросам: пение птиц, прогулки в лесопарке, очищение воздуха зелеными насаждениями, воздействие солнечного света, грибной дождик, морской прибой и разделили эту сумму на 6 (т.е.6 вопросов). Минимальное значение NP+ равно одному баллу, максимальное – девяти баллам (по условиям теста).

Для того, чтобы посчитать среднюю силу отрицательного воздействия Природы на человека (NP-) мы сложили баллы следующих шести пунктов:

лесной пожар, эпидемия гриппа, наводнение, землетрясение, засуха, гроза и молния и разделили на 6.

Для того, чтобы посчитать среднюю силу положительного воздействия человека на Природу (HP+) мы сложили оценки следующих пунктов: отказ от меховой одежды, участие в судьбе бездомных животных, кормление птиц, вторичная переработка отходов, посадка лесов, благоустройство территории и разделили на 6.

Для того, чтобы посчитать среднюю силу отрицательного воздействия человека на Природу (HP-) мы сложили ответы на следующие вопросы: вырубка лесов, автомобильные пробки, мусорные свалки, промышленное загрязнение воздуха, охота на диких животных, загрязнение рек химическими удобрениями и разделили на 6.

Затем просчитали среднюю частоту положительного воздействия природы на человека (NF+), ответы на те же вопросы, так же по девятибалльной шкале, разделили на 6, минимальное значение равно 1, максимальное 9. Аналогично посчитали среднюю частоту отрицательного воздействия Природы на человека (NF-). Среднюю частоту положительного воздействия человека на Природу (HF+) и отрицательного воздействия человека на Природу (HF-) рассчитали по той же методике.

Для того, чтобы оценить комплексное взаимодействие природы и человека, оценки по силе и частоте были умножены друг на друга. Таким образом, согласно двумерной модели взаимодействия человека и Природы, получили четыре значения, каждое из которых имеет минимальное значение, равное одному баллу (если по силе воздействия и по частоте ответы равнялись 1), и максимальное значение, равное 81 баллу (если по силе воздействия и по частоте воздействия ответ был максимальным 9 баллов). Затем посчитали эти 4 параметра в среднем по группе.

N+ положительное воздействие природы на человека;

N- отрицательное воздействие природы на человека;

H+ положительное воздействие человека на природу;

H-отрицательное воздействие человека на природу.

Подсчитав, мы получили у студентов N+ в среднем 34 балла. При этом, разброс ответов находился в интервале 20–40 баллов.

N-студенты в группе оценили в среднем в 42,7 баллов. При этом разброс ответов находился в интервале 30–60 баллов.

H+ студенты оценили в 32 балла. Разброс ответов 28–58 баллов.

H- студенты оценили в 59,5 балла. Разброс ответов 50–75 баллов.

Таким образом, студенты считают, что отрицательное влияние и природы на человека, и человека на природу больше, чем положительное.

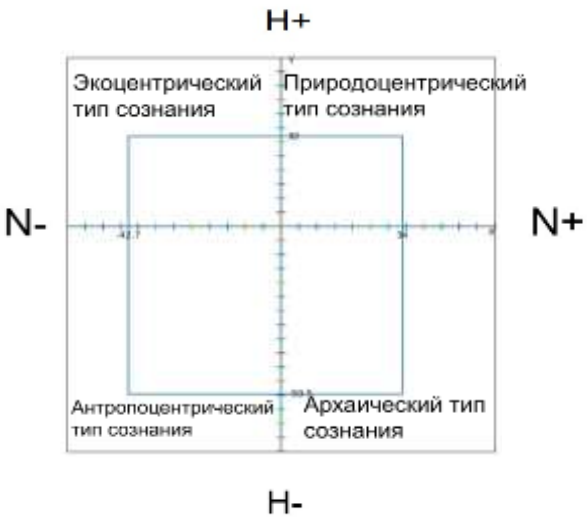
Положительное влияние природы на человека и человека на природу 34 и 32 балла, весьма средние значения. Т.е. студенты считают, что человек на природу и природа на человека положительно влияют слабо.

В итоге:

N+ =34 H+=32

N- =42,7 H- =59,5

График 1.

Как следует из графика самые большие значения баллов говорят о том, что отрицательное влияние человека на природу самое сильное (самый большой квадрат), а это означает, что мы продолжаем жить в антропоцентрическом обществе, что студенты понимают верно. Еще недавно (несколько лет назад) в прессе, и в литературе, и в науке считалось, что мы уже перешли в экоцентрический тип сознания, а некоторые страны в природоцентрический тип экологического сознания. Но в последние годы в связи с обострением противоречий между разными странами, вопросы экологии отодвинулись на второй, третий и т.д. план, и сейчас резко возросла эксплуатация природных ресурсов.

А вот то, что опрошенные считают, что Природа оказывает на человека больше отрицательное, чем положительное влияние, говорит об остатках архаического мышления у человека, т.е. страх перед Природой, непонимание ее функционирования, а, может быть, и обожествление ее?

Второй тест, который мы провели с опрошенными называется тест Байера «Окружающая среда и этические нормы человека» [2]. Ниже приведены утверждения, на которые опрошенные могут дать три ответа: не согласен – 1 балл; затрудняюсь ответить – 2 балла; согласен – 3 балла.

1. Человечество имеет право на комфортную жизнь, даже, если его деятельность направлена на достижение этой цели, ведет к загрязнению окружающей среды.
2. Каждый человек вправе потреблять столько товаров и услуг, сколько он в состоянии оплатить.
3. Прибыль корпораций более важна, чем контроль над отходами человечества.
4. Для промышленных предприятий допустимо сбрасывание отходы в реки, если установка очистных сооружений слишком дорога.
5. Право частной собственности преобладает над проблемами общества и окружающей среды.
6. Успех определяется производством и потреблением материальных благ.
7. Как гражданин, я имею гарантированное право на все блага, которые пожелаю, даже за счет других людей на Земле сейчас или в будущем.

Как житель страны, я имею право считать удобства необходимостью.

Были опрошены студенты первого курса психологического факультета РАУ, а также студенты и специалисты в области IT-технологий, всего 36 человек.

Те, кто набрали 8–12 баллов относятся к ОС правильно, 13–20 баллов – неправильно, а кто набрал 21–24 балла имеют потребительское отношение к ОС.

Все ли понимают, что значит правильное отношение к окружающей среде? Трудно представить себе, что Человек ради чистоты ОС вернется обратно жить в пещеры (призыв Жан Жака Руссо), откажется от света, тепла, других удобств, в том числе транспорта, от примата частной собственности, прибыли корпораций и прочего.

Впрочем, когда говорят о правильном экологическом отношении к ОС так далеко не заходят, ведь решение экологических вопросов лежит на пути компромисса между экологией и экономикой. Имеется в виду, что в любой деятельности необходимо учитывать законы экологии, минимизировать отрицательной воздействие на окружающую природную среду, проводить ресурсосбережение, использовать отходы в качестве вторсырья и т.п.

Всего 2 человека из опрошенных набрали по 22 балла, т.е. являются чистыми потребителями. 1 человек мужского пола, одна девочка, оба айтишники.

17 человек имеют неправильное отношение к ОС, т.е. они набрали 13–18 баллов. Но, к сожалению, а, может быть, к счастью, слишком много в данной группе ответов «затрудняюсь ответить» – 2 балла, что отражает колебания. 8 человек мужского пола и 8 – женского, 1 тест не подписан. 10 чел. – работники IT-сферы, 6 чел. – психологи, 1 тест не подписан.

17 человек имеют правильное отношение к ОС, т.е. они набрали 8–12 баллов. В этой группе опрошенных 1 человек мужского пола, 15 чел. – женского, 1 тест не подписан. 7 человек работники IT-сферы, 10 – психологи, 1 тест не подписан.

По тесту Байера можно сделать некоторые обобщения. Мужской пол и айтишники более склонен к прагматизму, психологи относятся с большим пониманием к вопросам экологии, и готовы к самоограничению, причем большинство из них женского пола.

В итоге:

- правильное отношение к окружающей среде – 17 человек;
- неправильное отношение к окружающей среде – 17 человек;
- потребительское отношение к окружающей среде – 2 человека.

А.А. Горелов – доктор философских наук. Ведущий научный сотрудник сектора эволюционной эпистемологии института философии РАН считает, что сегодняшнее общество превыше всего ставит материальное благополучие, а материальные потребности могут расти беспредельно, в то же время возможности их удовлетворения биосферой ограничены и конечны. Это приводит к экологическим кризисам. Им способствует агрессивно-потребительская идеология, низкий духовный и нравственный уровень населения.

Можно вспомнить слова М. Горького: «Человек – это звучит гордо». Это, конечно, так, однако не надо забывать, что сегодня в соответствии с Этикой Земли или Универсальной этикой мы должны относиться к окружающим объектам Природы также с уважением. Иначе мы придем к теории «золотого миллиарда», т.е. смогут выжить лишь немногие, а что же будет с остальными?

Тест Байера показывает, что правильное отношение к ОС вроде бы ущемляет право человека на благополучную жизнь, но, если мы хотим, чтобы все человечество выжило, мы должны делиться, делиться ресурсами с другими людьми и Природой, а иначе мы можем самоуничтожиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Психологическая диагностика. Научно-методический и практический журнал. М., Обнинск, № 1, 2012, с. 71.
2. httpe://eor.dgu.ru/lectures_fЭОР

NATURE AS THREAT OR PROTECTION FOR HUMANITY: ETHICAL PERSPECTIVES ON THE NATURAL ENVIRONMENT

L. Radnaeva, I. Nikolaeva
Russian-Armenian University

ABSTRACT

In this study, we examine the manifestations of human ecological consciousness that shape individual's attitudes toward the environment, their understanding of environmental processes, and their environmental behavior.

Keywords: ecological consciousness; positive and negative interactions with nature; appropriate and inappropriate attitudes toward the environment; consumerist and ethical attitudes toward the environment.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ С ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ СОСТОЯНИЕМ СПЕЦИАЛИСТОВ

В.Р. Папоян, М.М. Айрумян

Российско-Армянский университет
mariahayrumyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена эмпирическому изучению взаимосвязи между эмоциональным выгоранием, личностными особенностями и психологическим состоянием специалистов различных профессий. Исследование проведено на выборке 70 респондентов восьми профессиональных групп с применением опросника В.В. Бойко, шкалы DASS-21 и личностного опросника «Большая пятерка». Установлено, что 37,1% специалистов имеют высокий или критический уровень выгорания. Корреляционный анализ по Спирмену выявил значимые положительные взаимосвязи между показателями выгорания и психологического дистресса ($r_s = 0{,}77–0{,}83$, $p < 0{,}001$). Наибольший уровень выгорания и дистресса зафиксирован у сотрудников полиции и психологов; наименьший – у руководителей организаций. По данным «Большой пятерки», высокий нейротизм выступает предиктором уязвимости к выгоранию. Полученные результаты подтверждают гипотезу о профессиональной обусловленности синдрома и создают основу для разработки дифференцированных программ психопрофилактики.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, профессиональный стресс, DASS-21, Большая пятерка, нейротизм.

Введение

Синдром эмоционального выгорания является одной из наиболее актуальных проблем современной организационной психологии. В условиях интенсификации профессиональной деятельности, цифровизации и постпандемических изменений рабочей среды проблема сохранения психологического здоровья специалистов приобретает принципиальное значение как для индивидуального благополучия, так и для эффективности организаций.

Концептуальной основой изучения феномена служат трехкомпонентная модель К. Маслач, включающая эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений [1], а также динамическая фазовая модель В.В. Бойко, описывающая последовательное прохождение

стадий напряжения, резистенции и истощения [2]. Модель требований и ресурсов А.Б. Баккера и Е. Демероути рассматривает выгорание как следствие дисбаланса между рабочими требованиями и доступными ресурсами [3].

Несмотря на значительный массив зарубежных исследований, сравнительные данные по различным профессиональным группам в отечественном контексте остаются немногочисленными. Цель настоящего исследования – эмпирически верифицировать взаимосвязь уровня выгорания с показателями психологического дистресса и личностными характеристиками у специалистов восьми профессий и выявить группы наибольшего риска.

Гипотеза: существует значимая положительная взаимосвязь между уровнем эмоционального выгорания и показателями депрессии, тревоги и стресса; специалисты правоохранительной сферы и помогающих профессий демонстрируют более высокие значения по обоим конструктам по сравнению с представителями других профессиональных групп.

Материл и методы

Выборку составили 70 специалистов (8 профессиональных групп): психологи (n = 5), руководители-CEO (n = 3), сотрудники полиции (n = 3), IT-специалисты (n = 5), юристы (n = 4), врачи (n = 15), учителя (n = 15), работники технической поддержки (n = 20). Данный объем соответствует нормативному минимуму для корреляционного исследования с применением непараметрических критериев.

Диагностический комплекс включал три инструмента. Опросник В.В. Бойко (84 пункта) оценивает выраженность выгорания на трех фазах – «Напряжение», «Резистенция» и «Истощение» – с итоговой классификацией: низкое (до 99 баллов), среднее (100–149), высокое (150–199), критическое (200+) [2]. Шкала депрессии, тревоги и стресса DASS-21 в адаптации А.А. Золотаревой оценивает выраженность трех субшкал по 21 пункту [4]. Опросник «Большая пятерка» (Big Five, 60 пунктов) диагностирует нейротизм, экстраверсию, открытость опыту, дружелюбие и добросовестность [5].

Данные собирались методом индивидуального анонимного анкетирования. Статистическая обработка проводилась с помощью описательной статистики и рангового корреляционного анализа по Спирмену (N = 70). Непараметрический критерий выбран ввиду ненормального распределения ряда переменных и малого объема отдельных групп.

Результаты

Психологическое состояние по DASS-21

Средние показатели по всей выборке соответствуют умеренному уровню дистресса. Наиболее выражена субшкала стресса (M = 7,1), что отражает хроническое нервное напряжение как доминирующий симптом в исследуемой совокупности. Высокий уровень выявлен у значимой доли респондентов: по стрессу – 24,3%, по депрессии – 22,9%, по тревоге – 15,7% (Табл. 1).

Таблица 1. Описательная статистика показателей DASS-21 по выборке (N = 70).

Субшкала	M	SD	Min	Max	Доля высокого уровня
Депрессия	5,5	4,4	0	16	22,9%
Тревога	4,9	3,3	0	13	15,7%
Стресс	7,1	4,7	0	17	24,3%

Наиболее неблагополучная психологическая картина зафиксирована у сотрудников полиции: депрессия M = 8,3; тревога M = 7,0; стресс M = 10,0. Психологи также демонстрируют повышенные показатели (депрессия M = 7,2; стресс M = 8,2). Руководители организаций показали наиболее низкие значения по всем субшкалам (депрессия M = 2,0; тревога M = 3,3; стресс M = 5,3), что объясняется протективной ролью ощущения контроля над профессиональной ситуацией и наличием управленческих ресурсов.

Эмоциональное выгорание по опроснику В.В. Бойко

Суммарная доля специалистов с высоким и критическим уровнями выгорания составила 37,1% (высокий – 31,4%; критический – 5,7%). Лишь у 25,7% выявлен низкий уровень. Межгрупповое сравнение представлено в Табл. 2.

Таблица 2. Средние показатели фаз выгорания по профессиональным группам (опросник Бойко).

Профессиональная группа	Напряжение (M)	Резистенция (M)	Истощение (M)	Итог (M)	Уровень
Психологи (n=5)	52,6	63,8	40,0	156,2	Высокое
Руководители (n=3)	26,7	25,3	20,7	72,7	Низкое
Полиция (n=3)	52,3	66,3	55,0	173,7	Высокое
IT-специалисты (n=5)	48,2	44,0	33,4	125,6	Среднее
Юристы (n=4)	40,8	51,3	32,0	124,0	Среднее

Профессиональная группа	Напряжение (М)	Резистенция (М)	Истощение (М)	Итог (М)	Уровень
Врачи (n=15)	40,3	51,1	36,0	127,3	Среднее
Учителя (n=15)	48,9	44,4	36,9	130,1	Среднее
Тех. поддержка (n=20)	46,0	46,6	36,4	129,0	Среднее

Наибольший итоговый балл зафиксирован у сотрудников полиции (М = 173,7) и психологов (М = 156,2) – оба значения соответствуют высокому уровню. У полицейских особенно выражена фаза «Резистенция» (М = 66,3), что превышает критерий сформированности фазы (61 балл), и фаза «Истощение» (М = 55,0). Для большинства групп доминирующей является фаза резистенции, что указывает на широкое распространение стратегий эмоциональной защиты. Руководители демонстрируют низкий уровень выгорания (М = 72,7), ни одна из фаз не достигает порога сформированности.

Личностные особенности по «Большой пятерке»

Наиболее выраженная межгрупповая вариативность обнаружена по фактору нейротизма: от М = 6,3 у руководителей (эмоциональная стабильность) до М = 21,0 у сотрудников полиции (средняя нестабильность). Высокий нейротизм также характерен для юристов (М = 18,8) и психологов (М = 18,4). Добросовестность наиболее выражена у руководителей (М = 37,7), что согласуется с протективной ролью данного фактора. Дружелюбие наиболее высоко у психологов (М = 34,8), что соответствует требованиям помогающей профессии. Остальные факторы по всей выборке соответствуют умеренному диапазону (экстраверсия М = 30,0; открытость М = 29,1; дружелюбие М = 30,8; добросовестность М = 31,4).

Корреляционный анализ

Ранговый корреляционный анализ по Спирмену (N = 70) выявил систему значимых взаимосвязей высокой силы между показателями выгорания (Бойко) и психологического дистресса (DASS-21) (Табл. 3).

*Таблица 3. Коэффициенты корреляции Спирмена между показателями выгорания (Бойко) и дистресса (DASS-21)*** p < 0,001.*

Фаза выгорания (Бойко)	Депрессия (rs)	Тревога (rs)	Стресс (rs)
Напряжение	0,60***	0,60***	0,70***
Резистенция	0,80***	0,77***	0,82***

Фаза выгорания (Бойко)	Депрессия (rs)	Тревога (rs)	Стресс (rs)
Истощение	0,63***	0,65***	0,63***
Итоговый балл	0,79***	0,77***	0,83***

Наиболее тесная взаимосвязь установлена между итоговым баллом выгорания и субшкалой стресса (rs = 0,83), что подтверждает центральную роль хронического нервного напряжения в генезе выгорания. Фаза «Резистенция» обнаруживает наибольшую корреляцию с показателями депрессии (rs = 0,80) и стресса (rs = 0,82), что свидетельствует о тесной связи активации психологических защитных механизмов с субъективным переживанием дистресса. Связь выгорания и психологического дистресса носит взаимоусиливающий характер.

Обсуждение результатов

Полученные данные в целом согласуются с результатами зарубежных и отечественных исследований. Высокий уровень выгорания у сотрудников правоохранительных органов соответствует литературным данным о специфике профессии, связанной с воздействием травматических стрессоров и высокой личностной ответственностью [6]. Сходный профиль у психологов объясняется хронической эмпатической нагрузкой и высокими требованиями к самоконтролю, характерными для помогающих профессий.

Доминирование фазы «Резистенция» в большинстве профессиональных групп свидетельствует о том, что специалисты находятся в стадии активного психологического сопротивления стрессорам. Это согласуется с концепцией Бойко о формировании защитных механизмов как промежуточного этапа выгорания [2]: в долгосрочной перспективе данная стратегия ведет к нарастанию фазы истощения и деградации профессионального функционирования.

Протективная роль низкого нейротизма и высокой добросовестности у руководителей объясняется рядом факторов: наличием управленческих ресурсов, возможностью делегирования задач и ощущением контроля над ситуацией. Это согласуется с моделью требований и ресурсов, согласно которой доступность ресурсов компенсирует воздействие рабочих стрессоров [3].

Выявленная взаимосвязь нейротизма с уровнем выгорания и дистресса соответствует результатам метаанализов, показывающих, что данный фактор является наиболее последовательным предиктором эмоционального выгорания среди черт личности [7]. Это указывает на необходимость включения

скрининга по нейротизму в системы ранней диагностики профессионального стресса.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу: между уровнем эмоционального выгорания и показателями депрессии, тревоги и стресса существует значимая положительная взаимосвязь ($rs = 0,77–0,83$, $p < 0,001$). Специалисты правоохранительной сферы и помогающих профессий демонстрируют наиболее высокие показатели выгорания и дистресса.

Результаты обосновывают необходимость дифференцированных программ психопрофилактики. Для специалистов групп высокого риска приоритетными направлениями являются: развитие навыков эмоциональной саморегуляции, когнитивно-поведенческая работа с перфекционистскими установками, организация регулярной супервизии и балинтовских групп. На организационном уровне необходимы оптимизация рабочей нагрузки, устранение ролевой неопределенности и внедрение поддерживающего стиля руководства.

Ограничения исследования связаны с неравномерным распределением объема профессиональных групп и отсутствием лонгитюдного компонента. Дальнейшие исследования целесообразно направить на изучение динамики выгорания в продольных выборках с включением объективных показателей профессионального функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Maslach C., Jackson S.* The measurement of experienced burnout // “Journal of Organizational Behavior”. Vol. 2, № 2, 1981. PP. 99–113.
2. *Бойко В.В.* Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб.: «Питер», 1999, 105с.
3. *Bakker A., Demerouti E.* The Job Demands-Resources model: State of the art // “Journal of Managerial Psychology”. Vol. 22, № 3, 2007. PP. 309–328.
4. *Золотарева А.А.* Диагностика психологического благополучия личности. М.: «Смысл», 2020, 140с.
5. *Хромов А.Б.* Пятифакторный опросник личности. Курган: КГУ, 2000, 23с.
6. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: «Питер», 2005, 336с.
7. *Alarcon G., Eschleman K., Bowling N.* Relationships between personality variables and burnout: A meta-analysis // “Work & Stress”. Vol. 23, № 3, 2009. PP. 244–263.

EMOTIONAL BURNOUT IN PROFESSIONAL ACTIVITY: AN EMPIRICAL STUDY OF THE RELATIONSHIP WITH PERSONALITY TRAITS AND PSYCHOLOGICAL STATE OF SPECIALISTS

M. Hayrumyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article presents an empirical study of the relationship between emotional burnout, personality traits, and psychological well-being in specialists of various professions. A sample of 70 respondents from eight professional groups was examined using the Boyko burnout inventory, the DASS-21 scale, and the Big Five personality questionnaire. Results show that 37.1% of respondents demonstrate high or critical levels of burnout. Spearman correlation analysis revealed significant positive associations between burnout indicators and psychological distress ($r_s = 0.77–0.83$, $p < 0.001$). Police officers and psychologists showed the highest burnout and distress levels; managers showed the lowest. High neuroticism emerged as a key predictor of burnout vulnerability. The findings confirm the hypothesis of professional determinism in burnout syndrome and provide a basis for differentiated prevention programs.

Keywords: emotional burnout, occupational stress, DASS-21, Big Five, neuroticism.

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ, ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И УЧЕБНАЯ МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В.Р. Папоян, В.А. Шекоян

Российско-Армянский университет
veronikashekoyan1005@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению взаимосвязи копинг-стратегий, жизнестойкости и учебной мотивации студентов с учетом гендерного фактора. В исследовании приняли участие 60 студентов Российско-Армянского университета (30 юношей и 30 девушек). Применялись три методики: опросник копинг-стратегий Лазаруса – Фолкмана, методика изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной и тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева. Проведен корреляционный анализ раздельно для мужской и женской выборок. Установлено, что в обеих группах преобладают адаптивные стратегии совладания и внутренняя учебная мотивация. Выявлены значимые гендерные различия: у юношей жизнестойкость преимущественно отрицательно связана с формальной мотивацией и дезадаптивными стратегиями; у девушек – положительно коррелирует со всеми аспектами учебной мотивации. Общей закономерностью является отрицательная связь жизнестойкости со стратегией принятия ответственности у обоих полов.

Ключевые слова: копинг-стратегии, жизнестойкость, учебная мотивация, студенты, гендерные различия.

Введение

Период обучения в вузе является одним из наиболее психологически насыщенных этапов жизни человека. Он сопровождается интенсивными личностными изменениями, адаптацией к новым социальным условиям, возросшей учебной нагрузкой и стрессом в период экзаменационных сессий. Все это требует от студентов эффективных механизмов совладания со стрессом – копинг-стратегий [1]. Под копингом понимается совокупность осознанных стратегий, направленных на преодоление внутреннего напряжения и разрешение конфликтных ситуаций; они формируются в ходе социализации и являются важным регулятором поведения в условиях стресса [2].

Наряду с копинг-поведением, существенную роль в успешности обучения играют жизнестойкость как личностный ресурс устойчивости [3] и учебная мотивация, определяющая направленность и интенсивность познавательной активности студента [4]. Несмотря на значительное количество исследований,

посвященных данным феноменам по отдельности, их взаимосвязь в контексте студенческого возраста с учетом гендерного фактора остается недостаточно изученной.

Цель исследования – выявление взаимосвязи между копинг-стратегиями, жизнестойкостью и учебной мотивацией студентов с учетом половых различий. Гипотеза: копинг-стратегии и жизнестойкость находятся во взаимосвязи со структурой учебной мотивации, при этом характер данных взаимосвязей различается в зависимости от пола.

Материал и методы

В исследовании приняли участие 60 студентов Российско-Армянского университета: 30 юношей и 30 девушек. Распределение по курсам: 1 курс – 17,9% (10 чел.), 2 курс – 25,0% (14 чел.), 3 курс – 55,4% (31 чел.), 4 курс – 8,9% (5 чел.).

Использовались три психодиагностические методики:

1) опросник способов копинга Р. Лазаруса и С. Фолкман – диагностика восьми стратегий совладания: конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения проблемы, положительная переоценка;

2) методика изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной – три шкалы: «Приобретение знаний» (макс. 12,6 балла), «Овладение профессией» (макс. 10 баллов), «Получение диплома» (макс. 10 баллов);

3) тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева – компоненты вовлеченность, контроль, принятие риска [3].

Статистическая обработка включала корреляционный анализ (коэффициент Пирсона) раздельно для мужской и женской выборок. Значимыми считались коэффициенты $r \geq 0,4$ при $p < 0,05$.

Результаты

Анализ средних значений по трем методикам показал, что профили копинг-стратегий у юношей и девушек в целом схожи (Табл. 1). Наиболее высокие значения зафиксированы по шкалам «Положительная переоценка» (юноши – 12,0; девушки – 11,8) и «Планирование решения проблемы» (11,9 и 11,7 соответственно) – обе стратегии относятся к адаптивным. Вместе с тем высокими оказались показатели по шкале «Бегство-избегание» (≈10,8), что свидетельствует о смешанном репертуаре совладания. Гендерные различия по всем шкалам не превышают 0,2 балла.

Мотивационный профиль характеризуется преобладанием шкалы «Приобретение знаний» (юноши – 6,4; девушки – 6,6), отражающей внутреннюю мотивацию. Минимальные значения – по шкале «Получение диплома» (≈3,9), что указывает на слабую выраженность формальной мотивации. Показатели жизнестойкости в обеих группах совпали: вовлеченность – 34,9; контроль – 32,5; принятие риска – 16,5 балла.

Таблица 1. Средние значения копинг-стратегий, учебной мотивации и жизнестойкости у юношей и девушек.

Шкала	Юноши (n=30)	Девушки (n=30)
Конфронтационный копинг	8,8	8,7
Дистанцирование	6,8	6,8
Самоконтроль	10,0	10,0
Поиск социальной поддержки	10,9	10,7
Принятие ответственности	5,8	5,6
Бегство-избегание	10,9	10,7
Планирование решения проблемы	11,9	11,7
Положительная переоценка	12,0	11,8
Приобретение знаний	6,4	6,6
Овладение профессией	5,9	5,7
Получение диплома	3,9	3,8
Жизнестойкость: Вовлеченность	34,9	34,9
Жизнестойкость: Контроль	32,5	32,5
Жизнестойкость: Принятие риска	16,5	16,5

Обсуждение результатов

Результаты корреляционного анализа в мужской выборке представлены в Таблицах 2–3. Анализ взаимосвязи мотивации и копинг-стратегий у юношей (Табл. 2) выявил следующие значимые результаты. Шкала «Получение диплома» положительно связана с «Самоконтролем» (r = 0,6), «Бегством-избеганием» (r = 0,6), «Конфронтацией» (r = 0,5) и «Принятием ответственности» (r = 0,5), что свидетельствует о том, что формально-ориентированные юноши склонны сдерживать эмоции, избегать решения проблем и проявлять агрессивные реакции. Шкала «Приобретение знаний» положительно связана с «Дистанцированием» (r = 0,5), «Самоконтролем» (r = 0,5), «Конфронтацией» (r = 0,4) и «Принятием ответственности» (r = 0,4).

Таблица 2. Корреляционный анализ: мотивация × копинг-стратегии у студентов-юношей.

	Конфронт.	**Дистанц.**	**Самоконтроль**	**Соц. поддержка**	**Принятие ответств.**	**Бегство-избег.**	**Планирование**	**Полож. переоценка**
Приобретение знаний	0,4	0,5	0,5	-0,1	0,4	0,3	0,4	0,1
Овладение профессией	0,3	0,1	0,1	0,1	0,1	0,3	0,3	0,3
Получение диплома	0,5	0,4	0,6	0,0	0,5	0,6	0,4	0,2

Примечание: жирным выделены коэффициенты $r \geq 0,4$ ($p < 0,05$).

Анализ взаимосвязи жизнестойкости и мотивации у юношей (Табл. 3) показал, что наиболее выраженной является отрицательная корреляция между «Принятием риска» и «Получением диплома» ($r = -0,6$), а также «Вовлеченностью» и «Получением диплома» ($r = -0,5$). Психологически устойчивые юноши в значительно меньшей степени ориентированы на формальный диплом.

Таблица 3. Корреляционный анализ: жизнестойкость × мотивация у студентов-юношей.

	Вовлеченность	**Контроль**	**Принятие риска**
Приобретение знаний	-0,3	-0,3	-0,3
Овладение профессией	0,2	0,2	0,2
Получение диплома	-0,5	-0,3	-0,6

Взаимосвязь жизнестойкости и копинг-стратегий у юношей (Табл. 4) демонстрирует наиболее богатую картину. «Контроль» отрицательно связан с «Принятием ответственности» ($r = -0,6$), «Бегством-избеганием» ($r = -0,5$) и «Дистанцированием» ($r = -0,5$). «Принятие риска» отрицательно связано с «Принятием ответственности» ($r = -0,6$), «Дистанцированием», «Самоконтролем» и «Бегством-избеганием» (по $r = -0,5$). «Вовлеченность» отрицательно связана с «Дистанцированием», «Самоконтролем» и «Бегством-избеганием» ($r = -0,4$–$0,5$) и положительно – с «Положительной переоценкой» ($r = 0,4$). В целом психологически устойчивые юноши реже прибегают к пассивным и избегающим стратегиям.

Таблица 4. Корреляционный анализ: жизнестойкость × копинг-стратегии у студентов-юношей.

	Конфронт.	**Дистанц.**	**Самоконтроль**	**Соц. поддержка**	**Принятие ответств.**	**Бегство-избег.**	**Планирование**	**Полож. переоценка**
Вовлеченность	-0,1	-0,5	-0,4	0,3	-0,3	-0,4	0,1	0,4
Контроль	-0,2	-0,5	-0,4	-0,2	-0,6	-0,5	-0,1	0,2
Принятие риска	-0,3	-0,5	-0,5	0,0	-0,6	-0,5	-0,4	0,1

Примечание: $r \geq |0,4|$ считается значимым ($p < 0,05$).

Результаты корреляционного анализа в женской выборке представлены в Табл. 5–6. При анализе взаимосвязи мотивации и копинг-стратегий у студенток (Табл. 5) выявлено: «Овладение профессией» положительно связано с «Бегством-избеганием» (r = 0,4) и «Планированием» (r = 0,4). «Получение диплома» отрицательно связано с «Бегством-избеганием» (r = −0,4). «Приобретение знаний» обнаруживает отрицательную связь с «Принятием ответственности» (r = −0,4): познавательно-ориентированные студентки реже склонны к самообвинению.

Таблица 5. Корреляционный анализ: мотивация × копинг-стратегии у студенток.

	Конфронт.	**Дистанц.**	**Самоконтроль**	**Соц. поддержка**	**Принятие ответств.**	**Бегство-избег.**	**Планирование**	**Полож. переоценка**
Приобретение знаний	-0,2	-0,1	-0,1	-0,1	-0,2	-0,3	-0,1	0,0
Овладение профессией	0,2	-0,1	0,0	0,3	0,2	0,4	0,4	0,1
Получение диплома	-0,2	-0,3	-0,2	0,1	-0,2	-0,4	0,0	0,1

Примечание: $r \geq |0,4|$ считается значимым ($p < 0,05$).

В отличие от мужской выборки, в группе студенток все корреляции между жизнестойкостью и учебной мотивацией имеют положительный знак (Табл. 6). Наиболее выраженной является связь «Вовлеченности» с «Овладением профессией» (r = 0,4). «Контроль» положительно связан со всеми тремя шкалами мотивации (r = 0,3). Данные результаты свидетельствуют о том, что

жизнестойкость выступает у студенток ресурсом, поддерживающим учебную мотивацию по всем ее аспектам.

Таблица 6. Корреляционный анализ: жизнестойкость × мотивация у студенток.

	Вовлеченность	**Контроль**	**Принятие риска**
Приобретение знаний	0,3	0,3	0,2
Овладение профессией	0,4	0,3	0,2
Получение диплома	0,2	0,3	0,1

Взаимосвязь жизнестойкости и копинг-стратегий у студенток (Табл. 7) также демонстрирует значимые результаты. «Контроль» и «Принятие риска» отрицательно коррелируют с «Принятием ответственности» ($r = -0,5$ для обоих), что совпадает с результатами мужской выборки и подтверждает общую закономерность: высокая жизнестойкость снижает склонность к самообвинению вне зависимости от пола. «Контроль» положительно связан с «Планированием» ($r = 0,4$). Жизнестойкие студентки реже используют пассивные стратегии и чаще ориентированы на конструктивное совладание.

Таблица 7. Корреляционный анализ: жизнестойкость × копинг-стратегии у студенток.

	Конфронт.	**Дистанц.**	**Самоконтроль**	**Соц. поддержка**	**Принятие ответств.**	**Бегство-избег.**	**Планирование**	**Полож. переоценка**
Вовлеченность	-0,1	-0,1	-0,1	0,2	-0,4	-0,2	0,3	0,3
Контроль	-0,1	-0,3	0,0	0,1	-0,5	-0,3	0,4	0,3
Принятие риска	0,0	-0,1	-0,2	0,1	-0,5	-0,3	0,2	0,1

Примечание: $r \geq |0,4|$ считается значимым ($p < 0,05$).

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что у студентов преобладают адаптивные копинг-стратегии и внутренняя учебная мотивация при среднем уровне жизнестойкости и низком принятии риска. Гипотеза исследования подтверждена: взаимосвязь копинг-стратегий и жизнестойкости с учебной мотивацией установлена, однако ее характер существенно различается в зависимости от пола. У юношей жизнестойкость связана преимущественно с подавлением дезадаптивных стратегий и снижением формальной мотивации; у девушек – выступает ресурсом поддержания всех

форм учебной мотивации. Общей закономерностью является отрицательная связь жизнестойкости со стратегией «Принятие ответственности», что согласуется с теорией С. Мадди [3] и свидетельствует о сниженной склонности к самообвинению у психологически устойчивых студентов вне зависимости от пола.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исаева Е.Р.* Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. СПб.: СПбГМУ, 2009, 136с.
2. *Lazarus R.S., Folkman S.* Stress, Appraisal, and Coping. New York: “Springer”, 1984, 445p.
3. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: «Смысл», 2006, 63с.
4. *Ильина Т.И.* Методика изучения мотивации обучения в вузе / Практикум по психодиагностике. М.: МГУ, 1989.
5. *Eschenbeck H., Kohlmann C., Lohaus A.* Gender differences in coping strategies in children and adolescents // “Journal of Individual Differences”. Vol. 28 (1), 2007. PP. 18–26.

COPING STRATEGIES, HARDINESS, AND ACADEMIC MOTIVATION OF STUDENTS: INTERRELATIONS AND GENDER DIFFERENCES

V. Shekoyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the interrelationship between coping strategies, hardiness, and academic motivation of students, considering gender differences. The study involved 60 students (30 male, 30 female). Three psychodiagnostic methods were applied: the Lazarus–Folkman Coping Strategies Questionnaire, the Ilyina Academic Motivation Scale, and the Maddi Hardiness Survey adapted by Leontiev. Correlation analysis was conducted separately for male and female subsamples. Results show that adaptive coping strategies and intrinsic motivation predominate in both groups. Significant gender differences were identified: in male students, hardiness negatively relates to formal motivation and maladaptive coping; in female students, hardiness positively correlates with all aspects of academic motivation. A universal pattern is a negative correlation between hardiness and the self-blame coping strategy in both genders.

Keywords: coping strategies, hardiness, academic motivation, students, gender differences.

ОСОЗНАННОСТЬ КАК ФАКТОР СУБЪЕКТИВНОГО ОЩУЩЕНИЯ ОДИНОЧЕСТВА И БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ

И.А. Саргсян, М.Т. Саргсян

Российско-Армянский университет
inna.sargsyan@rau.am, mariasargsyan878@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В современных условиях студенчество сталкивается с повышенным уровнем психологической напряженности, что нередко сопровождается усилением субъективного ощущения одиночества и снижением уровня благополучия. Осознанность, как способность к безоценочному восприятию текущего опыта, выступает важным ресурсом регуляции эмоционального состояния и адаптации личности. В данной работе исследуется взаимосвязь осознанности, субъективного ощущения одиночества и субъективного благополучия у студентов. Использованы методики: «Дифференциальный опросник переживания одиночества» (Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев), «Шкала субъективного благополучия» (Г. Перуэ-Баду, адаптация М.В. Соколовой) и «Пятифакторный опросник осознанности». Результаты позволяют уточнить роль осознанности в переживании одиночества и уровне благополучия студентов.

Ключевые слова: осознанность, субъективное одиночество, субъективное благополучие, эмоциональная регуляция.

Введение

Актуальность исследования обусловлена ростом субъективного ощущения одиночества среди современной молодежи на фоне расширения коммуникационных технологий и одновременного дефицита содержательных межличностных контактов [1; 2]. Анализ научной литературы последних лет показывает, что одиночество рассматривается как сложный многоуровневый феномен, включающий эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты и связанный не столько с объективным количеством социальных контактов, сколько с субъективной оценкой их качества [3]. Согласно теории потребности в принадлежности Р. Баумейстера и М. Лири, хроническая фрустрация потребности в устойчивых межличностных связях ведет к снижению субъективного благополучия личности [4]. При этом остается недостаточно изученным вопрос о роли осознанности – способности к безоценочному восприятию актуального опыта как ресурса, смягчающего негативные последствия одиночества и поддерживающего благополучие [5].

Цель работы – выявить взаимосвязь между уровнем осознанности, субъективным ощущением одиночества и субъективным благополучием личности у студентов, в том числе с учетом гендерных различий.

Задачи исследования:

1) провести теоретический анализ литературы по проблеме осознанности, субъективного одиночества и благополучия;

2) эмпирически изучить выраженность данных феноменов у студентов;

3) выявить корреляционные связи между показателями;

4) проанализировать гендерную специфику полученных взаимосвязей.

Гипотезы исследования:

1) существует взаимосвязь между уровнем осознанности и субъективным ощущением одиночества у студентов;

2) существует взаимосвязь между уровнем осознанности и уровнем психологического благополучия личности;

3) выраженность данных взаимосвязей различается в зависимости от половой принадлежности студентов.

Материал и методы

Состояние проблемы. Осознанность в современной психологии определяется как состояние сфокусированного, безоценочного внимания к происходящему в настоящий момент. Трехкомпонентная модель Шапиро (намерение – внимание – отношение) и когнитивный подход, акцентирующий механизм децентрации, объясняют, каким образом осознанность способствует психологической дистанции по отношению к автоматическим мыслям и эмоциональным реакциям. Субъективное благополучие традиционно рассматривается в рамках двухкомпонентной модели Э. Диенера, включающей аффективный и когнитивный (удовлетворенность жизнью) компоненты. Многочисленные эмпирические работы показывают, что осознанность положительно связана с субъективным благополучием через механизмы эмоциональной регуляции, самосострадания и децентрации. Вместе с тем взаимосвязь осознанности и одиночества, особенно с учетом гендерных различий у студентов, остается менее изученной, что определяет постановку эмпирической задачи данной работы.

Организация и выборка. В исследовании приняли участие 60 студентов Российско-Армянского университета (30 девушек и 30 юношей) в возрасте от 18 до 24 лет.

Инструментарий. Использовались три методики. Пятифакторный опросник осознанности (ПФОО; адаптация Н.М. Юмартовой, Н.В. Гришиной) включает пять шкал: «Наблюдение», «Описание», «Осознанность действий»,

«Безоценочность», «Нереагирование». Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО-3; Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев) включает шкалы «Общее переживание одиночества», «Зависимость от общения», «Позитивное одиночество». Шкала субъективного благополучия (Г. Перуэ-Баду, адаптация М.В. Соколовой) содержит 10 утверждений; более высокие баллы по методике соответствуют более выраженному субъективному неблагополучию. Обработка данных включала описательную статистику и корреляционный анализ (коэффициент r), проведенный раздельно для групп юношей и девушек.

По данным ПФОО общий уровень осознанности сопоставим у юношей и девушек, однако обнаружены качественные различия: юноши превосходят девушек по шкалам «Наблюдение» (24,9 и 22,1 балла) и «Осознанность действий» (22,6 и 21,2), тогда как девушки демонстрируют более высокий уровень «Безоценочности» (23,0 и 21,6 балла). По шкалам «Описание» и «Нереагирование» значимых различий не обнаружено.

По ДОПО-3 общее переживание одиночества у обеих групп находится на умеренном уровне (юноши – 17,8; девушки – 17,2 балла). Юноши демонстрируют более выраженную зависимость от общения (16,4 против 14,7 – у девушек), тогда как показатели «Позитивного одиночества» высоки и сопоставимы в обеих группах (29,6 и 29,8 балла соответственно), что свидетельствует о способности воспринимать уединение как ресурсное состояние.

По Шкале субъективного благополучия оба показателя превышают среднюю норму (юноши – 72,3; девушки – 75,1 балла), что в данной методике соответствует умеренно выраженному субъективному неблагополучию, несколько более выраженному у девушек.

Корреляционный анализ выявил гендерную специфику связей (Табл. 1). У юношей субъективное неблагополучие положительно связано с «Нереагированием» ($r = 0,7$) и отрицательно – с «Осознанностью действий» ($r = –0,4$); у девушек значимых связей между осознанностью и благополучием не обнаружено. Между показателями осознанности и одиночества у юношей выявлены отрицательные корреляции «Общего переживания одиночества» со шкалами «Описание» ($r = –0,4$) и «Осознанность действий» ($r = –0,5$), положительная – с «Нереагированием» ($r = 0,6$); наиболее сильная связь обнаружена между «Нереагированием» и «Зависимостью от общения» ($r = –0,7$). У девушек «Общее переживание одиночества» отрицательно связано с «Описанием» ($r = –0,4$), «Осознанностью действий» ($r = –0,5$) и «Безоценочностью» ($r = –0,3$), положительно – с «Нереагированием» ($r = 0,5$).

Таблица 1. Ключевые значимые корреляции между показателями осознанности (ПФОО), одиночества (ДОПО-3) и субъективного благополучия (ШСБ).

	Юноши, r	**Девушки, r**
Нереагирование – Субъективное благополучие	0,7	0,0
Осознанность действий – Субъективное благополучие	–0,4	0,0
Описание – Общее переживание одиночества	–0,4	–0,4
Осознанность действий – Общее переживание одиночества	–0,5	–0,5
Нереагирование – Общее переживание одиночества	0,6	0,5
Нереагирование – Зависимость от общения	–0,7	0,0
Общее переживание одиночества – Субъективное благополучие	0,8	0,0

Наконец, между шкалами ДОПО-3 и субъективным благополучием у юношей выявлена сильная положительная связь «Общего переживания одиночества» с неблагополучием (r = 0,8) и отрицательная – с «Зависимостью от общения» (r = –0,5); у девушек значимых связей по данной паре методик не обнаружено, что позволяет предположить более многофакторный характер формирования их субъективного благополучия.

Заключение

Полученные результаты в целом подтверждают выдвинутые гипотезы: осознанность связана как с переживанием одиночества, так и с уровнем субъективного благополучия, однако характер этих связей различается у юношей и девушек, что подтверждает и частную гипотезу исследования. У юношей ключевую роль играют осознанность действий, снижающая выраженность как одиночества, так и неблагополучия, и нереагирование – эмоциональная дистанцированность, которая, вопреки ожиданиям, ассоциируется с усилением и одиночества, и неблагополучия. Это согласуется с данными о том, что эмоциональное подавление и избегание переживаний не тождественны продуктивной эмоциональной регуля-

ции и могут сопровождаться внутренним напряжением [3]. У девушек осознанность связана с переживанием одиночества – прежде всего через способность описывать и безоценочно принимать собственные переживания, – но не с общим уровнем благополучия, что указывает на более многофакторную природу благополучия девушек, вероятно, опосредованную качеством межличностных отношений и уровнем социальной поддержки [4].

Практическая значимость результатов заключается в возможности их использования при разработке программ психологического сопровождения студентов, направленных на развитие осознанности и эмоциональной регуляции с учетом гендерной специфики: для юношей – на формирование конструктивных, а не избегающих стратегий совладания с трудными переживаниями; для девушек – на укрепление навыков самопринятия и построения качественных социальных связей.

Ограничения исследования связаны с небольшим объемом и локальным характером выборки, что ограничивает возможность широких обобщений и требует дальнейшей проверки полученных закономерностей на более представительных выборках, а также с использованием лонгитюдного дизайна для уточнения причинно-следственных связей.

Выводы

1. Уровень осознанности у студентов в целом достаточно высок; юноши в большей степени ориентированы на внешнее наблюдение и поведенческую регуляцию, тогда как девушки – на безоценочное принятие внутреннего опыта.

2. Большинство студентов демонстрируют умеренный уровень переживания одиночества и высокий уровень позитивного отношения к уединению.

3. Показатели субъективного благополучия у обеих групп указывают на умеренный уровень эмоционального напряжения, несколько более выраженный у девушек.

4. Осознанность заметнее связана с субъективным одиночеством и благополучием у юношей, чем у девушек, что подтверждает гипотезу о гендерных различиях в характере данных взаимосвязей и определяет направление дальнейших исследований и практической работы со студентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лабиринты одиночества / под ред. Н.Е. Покровского. М.: «Прогресс», 1989, 624с.
2. *Чуешкова А.Е.* Сравнительный анализ зарубежных и российских психологических подходов к исследованию феномена одиночества // «Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Сер.: педагогика, психология», 2017. СС. 168–173.

3. *Hawkley L., Cacioppo J.* Loneliness matters: A theoretical and empirical review of consequences and mechanisms // "Annals of Behavioral Medicine". Vol. 40, № 2, 2010. PP. 218–227.
4. *Баумейстер Р., Лири М*. Потребность принадлежать: желание межличностных привязанностей как фундаментальная человеческая мотивация // "Психологический обзор". Т. 117, № 3, 1995. СС. 497–529.
5. *Кабат-Зинн Дж.* Куда бы ты ни шел – ты уже там: медитация осознанности в повседневной жизни / Пер. с англ. М.: «Открытый мир», 2001, 368с.

MINDFULNESS AS A FACTOR OF SUBJECTIVE LONELINESS AND PERSONAL WELL-BEING IN STUDENTS

I. Sargsyan, M. Sargsyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

In contemporary conditions, students face an increased level of psychological tension, which is often accompanied by a heightened subjective sense of loneliness and a decline in well-being. Mindfulness, as the capacity for non-judgmental awareness of present experience, serves as an important resource for emotional regulation and personal adaptation. This paper examines the relationship between mindfulness, subjective loneliness, and subjective well-being among students. The following instruments were used: the "Differential Loneliness Experience Questionnaire" (E. Osin, D. Leontiev), the "Subjective Well-Being Scale" (G. Perrudet-Badoux, adapted by M. Sokolova), and the "Five Facet Mindfulness Questionnaire". The results help clarify the role of mindfulness in the experience of loneliness and the level of well-being among students.

Keywords: mindfulness, subjective loneliness, subjective well-being, emotional regulation.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ

Р.В. Силкина, О.В. Грачева

Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина
r.kni@bk.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются гендерные аспекты профессионального самоопределения личности в контексте сохраняющегося влияния традиционных представлений о «мужских» и «женских» профессиях. Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного на выборке из 62 респондентов (мужчины и женщины в возрасте от 18 до 50 лет) с использованием дифференциально-диагностического опросника Е.А. Климова и методики «Якоря карьеры» Э. Шейна. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью t-критерия Стьюдента. Выявлены статистически значимые различия в профессиональных предпочтениях и карьерных ориентациях мужчин и женщин. Установлено, что женщины обнаруживают устойчивую ориентацию на профессии типа «Человек–Человек» и ценность стабильности, тогда как мужчины предрасположены к системам «Человек–Техника» и «Человек–Знак», а также к карьерному «Вызову». Делается вывод о том, что профессиональный выбор продолжает следовать векторам гендерной социализации, что обосновывает необходимость перехода к индивидуально-психологическому подходу в профориентационной работе.
Ключевые слова: гендер, профессиональный выбор, карьерные ориентации.

Введение

В современном обществе, характеризующемся динамичными социально-экономическими изменениями и стремлением к построению справедливого и равноправного мира, вопросы гендерного равенства приобретают все большую значимость. Одним из ключевых аспектов гендерного равенства является обеспечение равных возможностей для профессиональной самореализации. Однако, несмотря на позитивные изменения, традиционные представления о «мужских» и «женских» профессиях, укоренившиеся в культуре и обществе, продолжают оказывать существенное влияние на профессиональные предпочтения и возможности людей. Как отмечает Н. Чодороу, даже такие глубокие явления, как «влечение материнства», являются не биологическим инстинктом, а продуктом социализации женщин, что подчеркивает роль социальных норм в формировании жизненных сценариев [1].

Актуальность исследования гендерных особенностей выбора профессии обусловлена рядом факторов. Во-первых, неравномерное распределение мужчин и женщин по различным профессиональным нишам ограничивает возможности личностного роста и снижает общий уровень удовлетворенности жизнью. Во-вторых, гендерная сегрегация на рынке труда приводит к экономическим потерям, так как не позволяет в полной мере использовать трудовой потенциал общества. В-третьих, гендерные стереотипы часто не соответствуют реальным способностям и интересам людей. Даже в условиях, когда женщины численно превосходят мужчин среди выпускников вузов, они по-прежнему значительно менее представлены в таких дисциплинах, как математика и инженерия, что указывает на сохраняющееся гендерное неравенство в выборе профессиональных направлений [2].

Цель исследования – выявить и проанализировать значимые различия в профессиональных предпочтениях и карьерных ориентациях у мужчин и женщин.

Материл и методы

Эмпирическая часть исследования была реализована на базе предприятий и образовательных учреждений города Саратова. В состав выборки вошли 62 респондента, разделенных на две равные группы по половому признаку (31 мужчина и 31 женщина). Возрастной диапазон участников составил от 18 до 50 лет, что позволило охватить различные этапы профессионального пути – от стадии выбора до периода стабильного функционирования в профессии.

В качестве исследовательского инструментария были применены:

1. **Дифференциально-диагностический опросник (ДДО) Е.А. Климова**. Методика позволяет соотнести интересы респондента с пятью основными типами профессиональных систем: «Человек-Природа», «Человек-Техника», «Человек-Человек», «Человек-Знак» и «Человек-Художественный образ».

2. **Методика «Якоря карьеры» Э. Шейна**. Опросник направлен на выявление карьерных якорей – системы ценностных ориентаций, побуждений и способностей, которые направляют и стабилизируют карьеру человека.

Сбор данных осуществлялся с помощью платформы “PsyTest”. Для проверки гипотезы о наличии различий между группами применялся метод сравнительного анализа с использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок.

Результаты

В результате первичной обработки данных были получены средние значения по всем шкалам используемых методик. Для наглядности представим

сравнительный анализ результатов по методике ДДО (Табл. 1) и «Якоря карьеры» (Табл. 2).

ДДО (по Е.А. Климову)

Таблица 1. Сравнительный анализ результатов по методике ДДО (средние значения).

Шкала	Женщины (n=31)	Мужчины (n=31)	Т-критерий	Значимость
Человек–Природа (Ч–П)	4.2	2.5	**2.0**	$p \leq 0.05$
Человек–Техника (Ч–Т)	2.0	6.0	**3.5**	$p \leq 0.01$
Человек–Человек (Ч–Ч)	6.4	2.8	**4.5**	$p \leq 0.001$
Человек–Знаковая система (Ч–З)	2.5	5.2	**3.8**	$p \leq 0.01$
Человек–Худ. образ (Ч–Х)	4.8	2.2	**2.0**	$p \leq 0.05$

Анализ данных, представленных в Табл. 1, показывает наличие статистически значимых различий по всем пяти типам профессий. Наиболее выраженное различие зафиксировано по шкале «Человек–Человек» ($t=4.5$). Женщины значимо чаще выбирают профессии, связанные с общением, обучением, воспитанием и помощью людям, что коррелирует с традиционными представлениями о социальной роли женщины и ориентацией на эмпатию. Мужчины, напротив, демонстрируют ярко выраженную склонность к сферам «Человек–Техника» ($t=3.5$) и «Человек–Знаковая система» ($t=3.8$), что говорит о предрасположенности к инженерным, аналитическим и IT-специальностям, требующим абстрактно-логического мышления.

Карьерные ориентации (по Э. Шейну)

Сравнительный анализ средних баллов по шкалам «Якоря карьеры» представлен в Табл. 2.

Таблица 2. Средние показатели карьерных ориентаций в гендерных группах.

Карьерный якорь	Мужчины (ср. балл)	Женщины (ср. балл)
Профессиональная компетентность	**8,4**	7,1
Менеджмент	4,9	3,8
Автономия (независимость)	5,6	6,7
Стабильность работы	6,2	**8,6**
Служение	4,2	5,9
Вызов	**7,9**	5,1
Интеграция стилей жизни	5,8	**8,2**
Предпринимательство	6,1	4,3

У мужчин наиболее выражена ориентация на профессиональное мастерство и преодоление трудностей (якорь «Вызов»). У женщин доминирует стремление к безопасности (якорь «Стабильность») и потребность интегрировать карьеру в общий контекст жизни (якорь «Интеграция стилей жизни»).

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что профессиональное самоопределение продолжает следовать векторам гендерной социализации.

Ориентация женщин на работу в системе «Человек–Человек» и ценность «Стабильности» может объясняться социальной ролью женщины как хранительницы очага, для которой важен нормированный график и отсутствие рисков. Высокий балл по «Интеграции стилей жизни» у женщин (8,2) подтверждает, что карьера для них является частью более широкой жизненной задачи, включающей семью и личностное развитие. Однако рост показателей по шкале «Автономия» (6,7) свидетельствует о том, что современные женщины все больше стремятся к самостоятельности и освобождению от жестких организационных рамок.

Для мужчин характерна ориентация на инструментальный успех. Якорь «Вызов» (7,9) указывает на то, что работа воспринимается как поле для борьбы и доказательства собственной состоятельности. При этом низкий интерес к «Менеджменту» в обеих группах (особенно у женщин – 3,8) отражает проблему дефицита управленческих амбиций. Это может быть связано с тем, что руководство ассоциируется с чрезмерной ответственностью и стрессом, что конфликтует как с мужским стремлением к профессиональной свободе, так и с женским стремлением к балансу.

Преодоление выявленных диспропорций требует перехода от «полового» подхода в профориентации к индивидуально-психологическому, где во главу угла ставятся компетенции и способности, а не гендерная принадлежность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чодороу Н.* Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола // «Антология гендерной теории». Минск, 2000. СС. 29–76.
2. *ЮНЕСКО.* Cracking the code: Girls' and women's education in science, technology, engineering and mathematics (STEM) / UNESCO. Paris: UNESCO Publishing, 2017, 89с.
3. *Климов Е.А*. Психология профессионального самоопределения. М.: «Академия», 2010, 304с.
4. *Шейн Э*. Организационная культура и лидерство. СПб.: «Питер», 2012, 336с.

GENDER CHARACTERISTICS IN CAREER CHOICE

R. Silkina
Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin

ABSTRACT

This article examines the gender aspects of professional self-determination in the context of the persistent influence of traditional notions of “male” and “female” professions. It presents the results of an empirical study conducted on a sample of 62 respondents (men and women aged 18 to 50) using E.A. Klimov's differential diagnostic questionnaire and E. Schein's “Career Anchor” methodology. Statistical data processing was performed using Student's t-test. Statistically significant differences in the professional preferences and career orientations of men and women were identified. It was found that women exhibit a stable orientation toward “Human-Human” professions and value stability, while men are predisposed to “Human-Technology” and “Human-Sign” systems, as well as to a career “Challenge”. It is concluded that professional choice continues to follow the vectors of gender socialization, which justifies the need for a transition to an individual psychological approach in career guidance work.
Keywords: gender, career choice, career orientations.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ГРАЖДАН СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Н.В. Сорокина*[1]*, О.Д. Усова

Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина
sorokinanv@sstu.ru, usovaoksana08.26@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлено некоторое видение социальной интеграции пожилых людей на примере взаимодействия граждан старшего поколения и культурно-досуговых организаций, оказывающих социальной услуги, обозначены направления и виды деятельности для обеспечения вовлеченности людей. Также представлены научные разработки авторов, которые были изучены в процессе обучения по направлению подготовки 39.03.02 «Социальная работа».
Ключевые слова: интеграция, адаптация, терапия, изменение.

Введение

Социальная интеграция граждан старшего поколения представляет собой комплекс факторов, влияющих на развитие общества и общественной жизни, а также на улучшение качества жизни самого человека. Аспекты социально-демографического, экономического, психологического и культурного характера, таким образом оказывают значительное воздействие на процесс включения пожилых людей в социальную общественную жизнь.

При наступлении пожилого возраста происходят изменения в повседневной жизни человека. Наличие большого количества свободного времени и отдыха позволяет людям старшего поколение сконцентрировать внимание на своем самочувствии и реализации жизненного опыта в других сферах общества.

Пожилые люди могут адаптироваться к новым условиям жизни путем вовлеченности в общественную жизнь, взаимодействия с различными объединениями по интересам, помощи уязвимым группам населения и успешному продолжению трудовой деятельности.

Теоретическая база исследования определяется следующими научными трудами и теориями: теория развития личности немецко-американского психолога Э. Эриксона, которая базируется на исследовании развития личности от рождения до последних дней жизни; научные труды А. Шюца о социальной повседнев-

[1] к. соц. н., доцент кафедры «Политология, Социология»

ной реальности, также концепция активного старения И. Григорьевой и Е. Богдановой, которая помогает рассмотреть проблемы пожилого населения с различных сторон. Основа новой идентичности В.Н. Ярской-Смирновой иллюстрирует особый образ жизни пожилых людей, обращая внимание на культуру старения, как на актуальную проблему современной социальной теории.

Целью исследования является разработка программы социологического исследования социальной интеграции старшего поколения в практике социальной работы.

Основная часть

Задачи исследования

1. Разработка стратегии и плана сбора эмпирических данных о социальной интеграции и адаптации граждан пожилого возраста в практике социальной работы.

2. Реализация пилотажа интервью со специалистом по социальной работе.

В исследовании основываемся на суждении о том, что повышение социальной активности граждан пожилого возраста будет способствовать улучшению качества их жизни и увеличению ее продолжительности. Социальная интеграция релизуема путем повышения доступности к образовательным, досуговым и трудовым мероприятиям и приводит к успешной социальной интеграции и взаимодействию с социумом. Таким образом формируется ресурс для повышения осведомленности людей старшего поколения о существовании различного рода занятий для них вне зависимости от уровня жизни и личного дохода.

Полуструктурированное интервью было проведено со специалистом по социальной работе, курирующим процесс по социальной интеграции граждан и являющегося заведующей отдела по социально-досуговому развитию, второе – с пожилым человеком, ведущим активный социальный образ жизни. Метод сбора информации интервью был выбран для более глубокого исследования темы.

Данный метод позволяет лучше понять реакцию и эмоции информанта. Подбор первого респондента проводился на основании специализации и места работы, второго исходя из образа жизни и причастия к различным общественным объединениям. Главный акцент при разработке гайда интервью был сделан на возможность развития интеграции у людей старшего поколения. Также возможность успешной адаптации в реалиях постоянно видоизменяющегося современного общества.

В целях видоизменения вопросов в процессе качественного исследования был выбран метод полуструктурированного интервью. Выбор был сделан на

основе более комфортного взаимодействия во время беседы, а также в целях гибкости сбора информации интервьюером и изменения порядка, количества и формулировки вопросов, а также возможности при необходимости добавлять новые, исходя из предыдущего ответа информанта. Вопросы для интервью с социальным работником составлялись исходя из ценности уточнения точки зрения специалиста о необходимости улучшения социальной интеграции пожилых людей, а также ее значимости. В качестве информанта был выбран человек, работающий в сфере социальной работы более 10 лет, также активно занимающийся вопросом социальной адаптации пожилых людей. Основное внимание было направлено на получателей социальных услуг и посещение общественных мероприятий, связанных с обучением пожилых людей новым технологиям и поддержанием навыков бытового обслуживания.

Предполагалось уточнить позицию специалиста с точки зрения необходимости в социальной интеграции и методике успешной адаптации. Данная информация позволит сделать актуальные выводы о наличии различных проблем среди людей пожилого возраста, наметит пути их решения, также подтвердит существование методик по улучшению качества социальной жизни граждан.

Заключение

Результаты исследования: оценивая актуальную ситуацию на основе анализа полученных данных путем проведения качественного исследования, мы можем сделать вывод о том, что создание образа активного человека не является трудным для пожилого человека. Анализируя все затронутые моменты интервью, можно предположить то, что существует большое количество способов для социальной интеграции, но необходимо рассмотреть вопрос о достаточном информировании пожилых людей об их возможностях.

Пожилое население сталкивается с рядом проблем в повседневной жизни – экономическими, психологическими и физиологическими, одиночество, ограниченность социальных контактов, ухудшение здоровья, отсутствие поддержки. Также на основе интервью можно сделать вывод о том, что пожилые люди могут самостоятельно найти пути решения своих проблем, обратиться в организации и значительно улучшить уровень своей жизни.

Пилотаж полуструктурированных интервью представляет нам действительные данные о проведении работы с пожилыми людьми, включение их в социум путем занятий и мероприятий, включая методы арт-терапии, трудотерапии и обучению их полезными для жизни навыками. Также исследование показало, что не все люди пожилого возраста обращаются за помощью, а успешно интегрируются

самостоятельно в различные сообщества и объединения, что помогает самостоятельно преодолеть все трудности социальной адаптации

ЛИТЕРАТУРА

1. *Астоянц М.* Социально-демографические факторы мотивации социального участия пожилых россиян / М. Астоянц // «Журнал исследований социальной политики», № 22 (4), 2024. СС. 641–658.
2. *Галеева Е.В., Столбова Т.В., Гурьянова И.Н.* Психологические аспекты социальной работы с пожилыми людьми в комплексном центре социального [Эл. ресурс]/ Е.В. Галеева, Т.В. Столбова, И.Н. Гурьянова// «Форум молодых ученых», № 11–1 (27), 2018. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-sotsialnoy-raboty-s-pozhilymi-lyudmi-v-kompleksnom-tsentre-sotsialnogo-obsluzhivaniya-naseleniya (дата обращения: 16.12.2025).
3. *Григорьева И. Богданова Е.* Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19/ И. Григорьева, Е. Богданова // «Журнал социальных исследований», № 12 (2), 2020. СС.187–211.
4. *Дудина В.И., Смирнова Е.Э.* Методология и методы социологического исследования: учебник / В.И. Дудина, Е.Э. Смирнова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014, 388с.
5. *Колесов С.Г.* Теория Э. Эриксона основных стадий жизненного пути личности и формировние законопослушного поведения [Эл. ресурс]/ С.Г. Колесов // «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук», № 4, 2012. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-e-eriksona-osnovnyh-stadiy-zhiznennogo-puti-lichnosti-i-formirovnie-zakonoposlushnogo-povedeniya (дата обращения: 01.12.2025).
6. *Ростовская Т.К., Григорьева И.А.* Старшее поколение современной России / Т.К. Ростовская, И.А. Григорьева. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021, 779с.
7. *Штейнберг И.Е.* Неформализованные данные: Методы сбора и анализа / И.Е. Штейнберг // «Социология», № 38, 2014, 71с.
8. *Щюц А.* Смысловая структура повседневного мира / А. Щюц. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003, 332.
9. Социальная политика в Российской Федерации / В.Н. Ярская-Смирнова, С.А. Григорьева // «Вестник Поволжского института управления». Том 20, № 3, 2020, 8с.

SOCIAL INTEGRATION OF OLDER GENERATION CITIZENS IN SOCIAL WORK

N. Sorokina, O. Usova
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

ABSTRACT

The article presents a certain vision of professional personality deformations on the example of the work of the personnel of the primary contact of socio-law organizations, outlines the directions and principal positions of joint research and development of the authors during the training in the magistracy in the direction of preparation 04.37.01 Psychology.

Keywords: personality, profession, activity, deformation, risk.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА И УРОВНЯ ПРОКРАСТИНАЦИИ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

С.Г. Шакарян, И.Г. Даниелян

Российско-Армянский университет
danielyanilona2005@gmail.com, silva.stepanyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи мотивации достижения и уровня академической прокрастинации у студентов. Теоретической основой работы выступила дихотомия мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудачи (Дж. Аткинсон, Х. Хекхаузен). В исследовании приняли участие 56 студентов в возрасте 18–25 лет. Применялись методики диагностики мотивации к успеху и к избеганию неудач Т. Элерса, а также шкала академической прокрастинации К. Лэя в адаптации Т.Ю. Юдеевой, Н.Г. Гаранян и Д.Н. Жуковой; статистическая обработка проводилась с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Выявлена значимая отрицательная связь умеренной силы между мотивацией к успеху и прокрастинацией ($\rho = -0{,}336$; $p = 0{,}011$): чем выше мотивация к успеху, тем ниже склонность к откладыванию учебных задач. Связь мотивации избегания неудач с прокрастинацией не достигла уровня статистической значимости ($\rho = 0{,}020$; $p = 0{,}882$). Результаты указывают на самостоятельный характер двух видов мотивации достижения и позволяют рассматривать мотивацию к успеху как ресурс академической саморегуляции.

Ключевые слова: мотивация достижения, академическая прокрастинация, мотивация к успеху, избегание неудач, студенты.

Введение

Академическая прокрастинация приобрела в современной психологии статус одной из наиболее значимых проблем студенческой среды. Подавляющее большинство студентов периодически сталкиваются с откладыванием учебных задач, а около половины испытывают его на систематической основе [7, 13]. При этом прокрастинация влечет за собой не только снижение успеваемости, но и нарастание тревоги, чувства вины, снижение самооценки и нарушение психологического благополучия, что делает ее изучение теоретически значимым и практически востребованным.

Одним из ключевых регуляторов учебной деятельности в студенческом возрасте выступает мотивация достижения: академическая среда систематически создает ситуации оценивания и соотнесения результатов с внешними

стандартами – те самые условия, в которых данная мотивация актуализируется в наибольшей степени [3]. В классической традиции мотивация достижения операционализируется через дихотомию двух противоположных тенденций – стремления к успеху и стремления избежать неудачи, задающих принципиально различные стратегии поведения в ситуациях достижения [10, 11]. Несмотря на обширную теоретическую базу, характер взаимосвязи каждого из двух видов мотивации с прокрастинирующим поведением, и прежде всего их сравнительный вклад как самостоятельных предикторов, остается недостаточно изученным.

Теоретический анализ показывает, что именно мотивация избегания неудач теоретически обоснованно связывается с прокрастинацией: человек, воспринимающий ситуацию достижения как угрозу, склонен откладывать начало деятельности как защитное поведение [1, 4]. Мотивация к успеху, напротив, рассматривается как ресурс саморегуляции, снижающий вероятность откладывания. Эмпирические данные в целом подтверждают эти положения, однако результаты отдельных исследований расходятся в оценке силы и устойчивости связи мотивации избегания неудач с прокрастинацией [2, 6, 8].

*Цель исследовани***я** – изучение взаимосвязи между мотивацией достижения и уровнем академической прокрастинации у студентов. **Объектом** исследования являются мотивация достижения и уровень академической прокрастинации, **предметом** – взаимосвязь между мотивацией к достижению успеха, мотивацией к избеганию неудач и уровнем академической прокрастинации.

Гипотезы

Главная гипотеза: существует взаимосвязь между мотивацией достижения и уровнем академической прокрастинации.

Частная гипотеза 1: между мотивацией к достижению успеха и уровнем академической прокрастинации существует отрицательная взаимосвязь.

Частная гипотеза 2: между мотивацией к избеганию неудач и уровнем академической прокрастинации существует значимая взаимосвязь.

Методы

Выборка

В исследовании приняли участие 56 студентов в возрасте от 18 до 25 лет, из них 38 женщин (67,9 %) и 18 мужчин (32,1 %). Социально-демографические характеристики собирались с помощью авторской анкеты.

Материал и методы

Сбор данных осуществлялся методом онлайн-анкетирования с использованием трех методик.

1) «Методика диагностики личности на мотивацию к успеху» Т. Элерса (41 утверждение, итоговый балл до 32);

2) «Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач» Т. Элерса (30 рядов слов-качеств, итоговый балл до 30).

Обе методики операционализируют дихотомию, теоретически обоснованную Дж. Аткинсоном и Х. Хекхаузеном [10, 11], и приводятся по [9]. (3) Шкала академической прокрастинации К. Лэя в адаптации Т.Ю. Юдеевой, Н.Г. Гаранян и Д Н. Жуковой [2, 12] (20 пунктов по 5-балльной шкале Лайкерта, итоговый балл от 20 до 100).

Статистическая обработка. Для проверки гипотез применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ), не требующий нормальности распределения данных. Статистически значимой считалась корреляция при $p < 0,05$.

Результаты

Описательная статистика по трем методикам представлена в Табл. 1. Средние значения по обеим методикам Элерса (M = 16,43 и M = 16,52) располагаются на верхней границе среднего уровня, среднее по шкале прокрастинации (M = 59,52) находится в диапазоне среднего уровня, приближаясь к его верхней границе.

Таблица 1. Описательная статистика по методикам исследования.

Показатель	**Мотивация к успеху**	**Избегание неудач**	**Прокрастинация**
Среднее значение (M)	16,43	16,52	59,52
Стандартное отклонение (SD)	3,80	4,94	13,30
Минимальный балл	5	4	25
Максимальный балл	25	26	87
n	56	56	56

Распределение по уровням мотивации к успеху (рис. 1) показало преобладание среднего уровня – 26 человек (46,43 %); умеренно высокий уровень выявлен у 20 студентов (35,71 %), слишком высокий – у 7 (12,50 %), низкий – у

3 (5,36 %). Таким образом, большинство студентов ориентированы на успех, однако эта ориентация носит преимущественно умеренный характер.

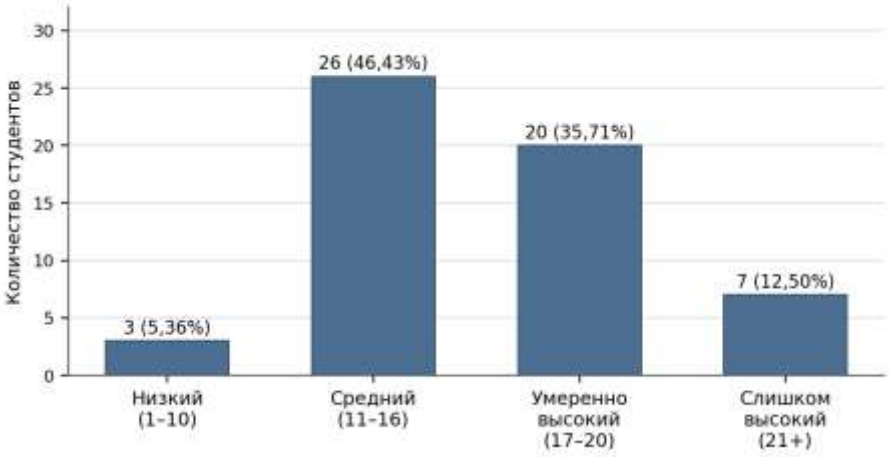

Рисунок 1. Распределение студентов по уровням мотивации к успеху (методика Т. Элерса, n = 56).

По мотивации к избеганию неудач распределение оказалось более равномерным (рис. 2): средний уровень – 21 человек (37,50 %), высокий – 13 (23,21 %), слишком высокий – 14 (25,00 %), низкий – 8 (14,29 %). Суммарная доля высокого и слишком высокого уровней составила 48,21 % – почти половину выборки, что свидетельствует о преобладании защитной мотивационной ориентации у значительной части студентов. Более высокое стандартное отклонение по этой шкале (4,94 против 3,80) указывает на большую вариативность данного показателя.

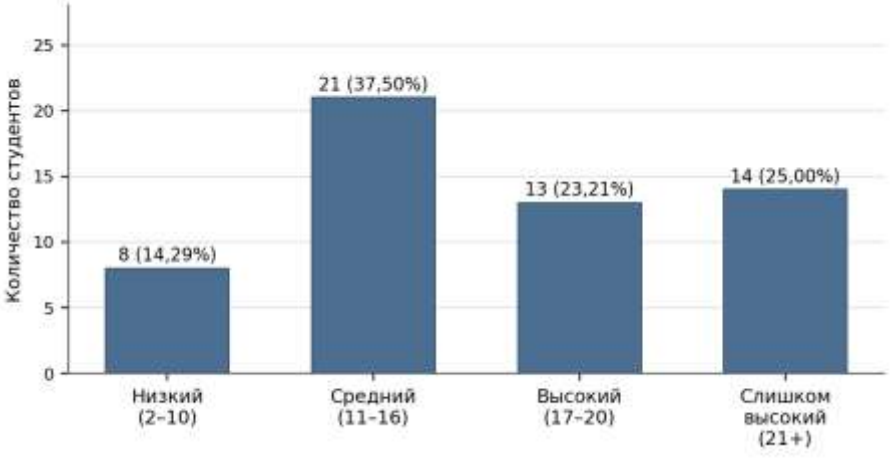

Рисунок 2. Распределение студентов по уровням мотивации к избеганию неудач (методика Т. Элерса, n = 56).

По шкале академической прокрастинации преобладал средний уровень – 38 человек (67,86 %); высокий уровень выявлен у 14 студентов (25,00 %), низкий – у 4 (7,14 %) (Рис. 3). Значительный разброс баллов (от 25 до 87) отражает выраженную неоднородность выборки по склонности к откладыванию.

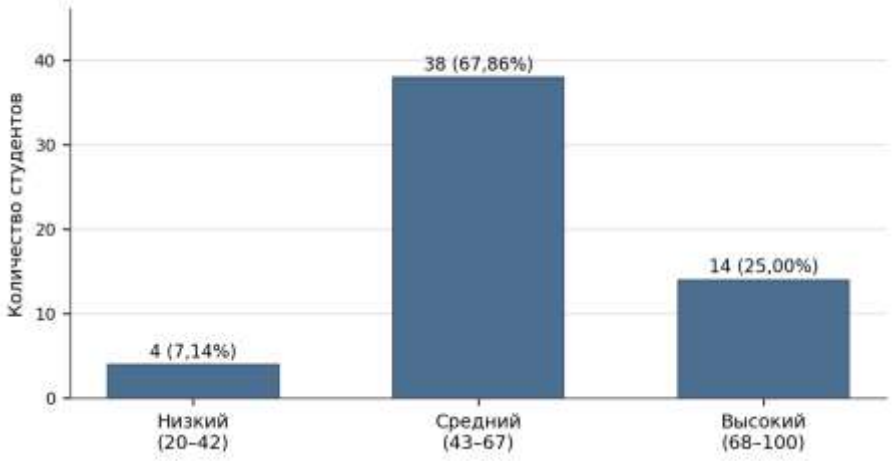

Рисунок 3. Распределение студентов по уровням академической прокрастинации (шкала К. Лэя, n = 56).

Результаты корреляционного анализа представлены в Табл. 2. Между мотивацией к успеху и прокрастинацией выявлена статистически значимая отрицательная корреляция умеренной силы (ρ = −0,336; p = 0,011), что подтверждает частную гипотезу 1.

Связь мотивации к избеганию неудач с прокрастинацией оказалась статистически незначимой (ρ = 0,020; p = 0,882) – частная гипотеза 2 не подтвердилась. Корреляция между двумя видами мотивации также незначима (ρ = −0,049; p = 0,722), что свидетельствует об их концептуальной независимости в данной выборке.

Таблица 2. Корреляционная матрица (коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Пара переменных	**ρ**	**p**	**Значимость**
Мотивация к успеху × Прокрастинация	−0,336	0,011	p < 0,05
Избегание неудач × Прокрастинация	0,020	0,882	н/з
Мотивация к успеху × Избегание неудач	−0,049	0,722	н/з

Примечание: н/з – корреляция статистически незначима.

Обсуждение результатов

Выявленная отрицательная связь между мотивацией к успеху и прокрастинацией согласуется с теоретическими положениями психологии мотивации достижения: студенты, ориентированные на успех, чаще проявляют настойчивость, планируют деятельность и своевременно приступают к заданиям [3, 5]. Мотивация к успеху выступает ресурсом академической саморегуляции, снижающим вероятность откладывания, что соответствует данным ряда отечественных исследований [2, 8].

Отсутствие значимой связи между мотивацией к избеганию неудач и прокрастинацией представляет самостоятельный научный интерес. Возможное объяснение состоит в двойственной природе этой мотивации: страх неудачи у одних студентов побуждает к откладыванию задач, у других, напротив, стимулирует их своевременное выполнение из опасения негативных последствий. Противоположные поведенческие стратегии взаимно компенсируются в выборке, давая близкий к нулю суммарный эффект. Этот результат согласуется с представлением о двух видах мотивации достижения как самостоятельных, независимых конструктах, что дополнительно подтверждается отсутствием значимой корреляции между двумя шкалами Элерса.

Расхождение с исследованиями, фиксирующими положительную связь избегающей мотивации с прокрастинацией [1, 2, 6], может быть обусловлено особенностями выборки и опосредующей ролью волевой саморегуляции, не учитывавшейся в настоящей работе. Это указывает на перспективное направление дальнейших исследований – включение саморегуляции и личностной тревожности в качестве переменных-медиаторов.

Практическая значимость результатов состоит в том, что они применимы в работе психологической службы вуза для ранней диагностики студентов с неблагоприятным мотивационным профилем. Целесообразны программы поддержки мотивации к успеху (постановка целей по принципу SMART, дробление задач, ведение дневника достижений), своевременная обратная связь и структурирование крупных заданий промежуточными дедлайнами со стороны преподавателей, а также тренинговые и психообразовательные мероприятия по снижению академической тревожности.

Таким образом, главная гипотеза исследования подтверждена частично. Установлена значимая отрицательная взаимосвязь умеренной силы между мотивацией к достижению успеха и уровнем академической прокрастинации ($\rho = -0{,}336$; $p = 0{,}011$); связи между мотивацией к избеганию неудач и прокрастинацией не выявлено. Полученные данные подтверждают роль мотивации к успеху

как защитного фактора в отношении прокрастинирующего поведения и свидетельствуют о независимом характере двух видов мотивации достижения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богомаз С.Л., Циркунова Н.И., Гущина Е.А.* Психологические особенности студентов, склонных к прокрастинации // «Научные труды ВГУ им. П.М. Машерова». Т. 12, № 5, 2022. СС. 60–65.
2. *Гончарова Е.В., Венгренюк М.М.* Взаимосвязь мотивации достижения и академической прокрастинации студентов // «Электронный научный журнал ТОГУ». Т. 9, № 2, 2018. СС. 43–47.
3. *Гордеева Т.О.* Психология мотивации достижения. М.: «Смысл»; «Академия», 2006, 336с.
4. *Заец Ю.С., Локтева А.В.* Взаимосвязь мотивации достижения и жизненных ценностей у студентов с разным уровнем прокрастинации // «Актуальные проблемы и перспективы практической психологии образования». Белгород: НИУ «БелГУ», 2023. СС. 106–110.
5. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: «Питер», 2000, 512с.
6. *Марьина М.Н., Гурова О.П.* Особенности прокрастинации подростков с разным уровнем мотивации к достижению / избеганию неудач // «Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова». Т. 11, № 3, 2022. СС. 146–151.
7. *Попова Д.И., Беликова М.Е.* Академическая прокрастинация: аспекты откладывания студентами выполнения учебных заданий // «Северо-Кавказский психологический вестник». Т. 19, № 1, 2021. СС. 61–77.
8. *Прокопенко В.С., Жидкова Д.С.* Взаимосвязь мотивации достижения и прокрастинации среди студентов. Белгород: НИУ «БелГУ», 2024. СС. 35–39.
9. *Райгородский Д.Я.* Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара: «Бахрах-М», 2001, 672с.
10. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность / пер. с нем. СПб.: «Питер»; М.: «Смысл», 2003, 860с.
11. *Atkinson J.* Motivational determinants of risk-taking behavior // “Psychological Review”. Vol. 64, № 6, 1957. PP. 359–372.
12. *Lay C.* At last, my research article on procrastination // “Journal of Research in Personality”. Vol. 20, 1986. PP. 474–495.
13. *Steel P.* The nature of procrastination: A meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure // “Psychological Bulletin”. Vol. 133, № 1, 2007. PP. 65–94.

RELATIONSHIP BETWEEN ACHIEVEMENT MOTIVATION AND THE LEVEL OF PROCRASTINATION IN STUDENTS' LEARNING ACTIVITY

I. Danielyan, S. Shakaryan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The paper presents the results of an empirical study of the relationship between achievement motivation and the level of academic procrastination in students. The theoretical basis of the work is the dichotomy of the motivation to achieve success and the motivation to avoid failure

(J. Atkinson, H. Heckhausen). The study involved 56 students aged 18–25. The T. Ehlers methods for diagnosing the motivation for success and the motivation to avoid failure were used, as well as the C. Lay academic procrastination scale adapted by T.Yu. Yudeeva, N.G. Garanyan and D.N. Zhukova; statistical processing was carried out using the Spearman rank correlation coefficient. A significant negative correlation of moderate strength was found between the motivation for success and procrastination ($\rho = -0.336$; $p = 0.011$): the higher the motivation for success, the lower the tendency to postpone academic tasks. The relationship between the motivation to avoid failure and procrastination did not reach the level of statistical significance ($\rho = 0.020$; $p = 0.882$). The results indicate the independent nature of the two types of achievement motivation and allow us to consider the motivation for success as a resource of academic self-regulation.

Keywords: achievement motivation, academic procrastination, motivation for success, avoidance of failure, students.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ И СТИЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ

С.Г. Шакарян, Г.С. Долгов

Российско-Армянский университет
zykov.dreamer@gmail.com, silva.stepanyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи стрессоустойчивости и стилей поведения в конфликте у студентов. Стрессоустойчивость операционализирована через концепцию жизнестойкости (hardiness) С. Мадди. В исследовании приняли участие 56 студентов Российско-Армянского университета. Использованы тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой) и опросник стилей поведения в конфликте К. Томаса – Р. Килманна; статистическая обработка проводилась с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Установлено, что более половины выборки демонстрируют низкий уровень жизнестойкости, а доминирующим стилем поведения в конфликте является компромисс. Выявлены статистически значимые отрицательные корреляции между показателями жизнестойкости и стилем «избегание»; наиболее выраженная – между компонентом «контроль» и избеганием. Связи жизнестойкости с конструктивными стилями (сотрудничество, компромисс) и со стилем «соперничество» оказались статистически незначимыми. Результаты подтверждают роль жизнестойкости как ресурса, снижающего склонность к пассивному уходу от конфликта, и могут быть использованы в работе психологической службы вуза.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, жизнестойкость, конфликт, стили поведения в конфликте, студенты.

Введение

Студенческий период традиционно рассматривается в психологии как один из наиболее напряженных этапов жизни: высокая учебная нагрузка, адаптация к новым социальным условиям, процессы личностного самоопределения и неизбежные межличностные конфликты создают устойчивый фон психологического напряжения [2, 9]. В этих условиях стрессоустойчивость выступает необходимым ресурсом личности, во многом определяющим качество жизни и эффективность деятельности студента [4]. Конфликт же является неотъемлемой частью социального взаимодействия и в студенческой среде возникает регулярно, при этом выбор стиля поведения в конфликтной ситуации во многом обусловлен индивидуально-психологическими особенностями личности.

Учение о стрессе восходит к работам Г. Селье, описавшего общий адаптационный синдром как неспецифическую реакцию организма на разнообразные воздействия [14]. Принципиальный шаг сделала когнитивно-трансакционная модель Р. Лазаруса и С. Фолкман, перенесшая акцент с объективных характеристик стрессора на субъективную оценку ситуации и наличие ресурсов совладания [11]. В русле этих представлений сформировалось понятие стрессоустойчивости как интегративного свойства личности, обеспечивающего сохранение эффективности деятельности в условиях напряжения [5]. Однако данное понятие описывает преимущественно результат, но не механизм устойчивости. Ответ на вопрос о психологической природе этой способности предлагает концепция жизнестойкости (hardiness) С. Мадди, включающая три компонента – вовлеченность, контроль и принятие риска [12].

Поведение личности в конфликте описывается рядом типологий [3], среди которых наибольшее распространение получила двумерная модель К. Томаса и Р. Килманна, основанная на измерениях настойчивости и кооперации и выделяющая пять стилей: соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание и приспособление [6]. Выбор стиля детерминирован не только ситуативно, но и устойчивыми личностными характеристиками – тревожностью [10], локусом контроля [13], эмоциональным интеллектом, стрессоустойчивостью [7]. Особый интерес представляет компонент жизнестойкости «контроль», содержательно пересекающийся с конструктом локуса контроля Дж. Роттера [1, 13]. Вместе с тем прямых исследований взаимосвязи жизнестойкости по С. Мадди со стилями конфликтного поведения по модели Томаса–Килманна в литературе представлено крайне мало, что и определяет научную новизну настоящей работы.

Цель исследования – изучение взаимосвязи между уровнем стрессоустойчивости (операционализированным через показатели жизнестойкости) и стилями поведения в конфликте у студентов. **Объект** – стрессоустойчивость и стили поведения в конфликте у студентов; **предмет** – взаимосвязь между уровнем жизнестойкости и стилями конфликтного поведения.

Гипотезы

Главная гипотеза: существует значимая взаимосвязь между уровнем жизнестойкости и выбором стилей поведения в конфликте.

Частная гипотеза 1: существует значимая отрицательная взаимосвязь между компонентом «контроль» и стилем «избегание».

Частная гипотеза 2: существует значимая положительная взаимосвязь между компонентом «контроль» и стилем «сотрудничество».

Частная гипотеза 3: существует значимая положительная взаимосвязь между компонентом «контроль» и стилем «соперничество».

Материл и методы

Выборка: в исследовании приняли участие 56 студентов Российско-Армянского университета в возрасте от 17 до 26 лет, из них 40 женщин (71,4%) и 16 мужчин (28,6%). Методологической базой выступили транзактная модель стресса Р. Лазаруса и С. Фолкман, концепция жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой и двумерная модель стилей конфликтного поведения К. Томаса и Р. Килманна.

Методики. Сбор данных осуществлялся методом анкетирования с использованием двух методик. Тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой) [8] предназначен для диагностики жизнестойкости как системы личностных установок и позволяет вычислить три субшкалы (вовлеченность, контроль, принятие риска) и общий показатель. Для общего показателя использовались нормативные границы: менее 72 баллов – низкий уровень, 72–89 – средний, 90 и выше – высокий. Опросник стилей поведения в конфликте К. Томаса–Р. Килманна [15] (адаптация Н.В. Гришиной) включает 30 пар утверждений и позволяет определить выраженность пяти стилей конфликтного поведения и доминирующий стиль респондента.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена (ρ), не требующего нормального распределения данных. Статистически значимой считалась корреляция при уровне значимости $p < 0,05$.

Результаты

Среднее значение по общему показателю жизнестойкости составило M = 70,07 (SD = 19,57), что находится ниже нормативной границы среднего уровня. Распределение студентов по уровням жизнестойкости представлено в Табл. 1 и на Рис. 1.

Таблица 1. Распределение студентов по уровням жизнестойкости (N = 56).

Уровень	Общий балл, n (%)	Вовлеченность, n (%)	Контроль, n (%)	Принятие риска, n (%)
Высокий	9 (16,0%)	7 (12,5%)	7 (12,5%)	20 (35,7%)
Средний	16 (28,6%)	7 (12,5%)	26 (46,4%)	20 (35,7%)
Низкий	31 (55,4%)	42 (75,0%)	23 (41,1%)	16 (28,6%)

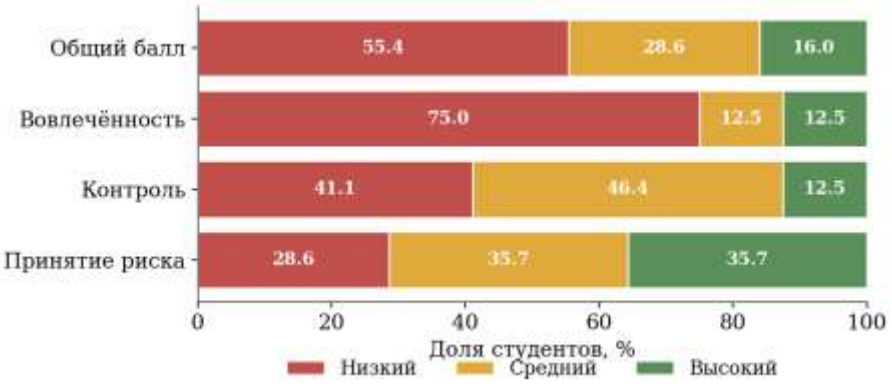

Рисунок 1. Распределение студентов по уровням жизнестойкости (N = 56).

Как видно из Табл. 1 и Рис. 1, более половины студентов (55,4%) демонстрируют низкий уровень жизнестойкости. Наиболее сниженным оказался компонент «вовлеченность» (75,0% – низкий уровень), что свидетельствует о склонности значительной части студентов к ощущению отчужденности и сниженной включенности в учебную и межличностную деятельность. По шкале «контроль» преобладают средние (46,4%) и низкие (41,1%) значения. В целом выборку можно охарактеризовать как группу с преимущественно низкой и умеренной стрессоустойчивостью.

Анализ стилей поведения в конфликте показал, что наибольшее среднее значение отмечено по шкале «компромисс» (M = 7,46; SD = 1,77), несколько ниже – «сотрудничество» (M = 6,80) и «избегание» (M = 6,73); наименьшее – по «соперничеству» (M = 3,59). Распределение респондентов по доминирующим стилям представлено в Табл. 2 и на Рис. 2.

Таблица 2. Распределение испытуемых по доминирующим стилям поведения в конфликте (N = 56).

Доминирующий стиль	**n**	**%**
Компромисс	18	32%
Избегание	14	25%
Сотрудничество	14	25%
Приспособление	6	11%
Соперничество	4	7%

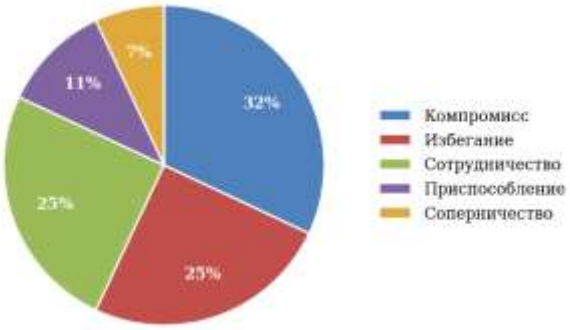

Рисунок 2. Распределение испытуемых по доминирующим стилям поведения в конфликте (N = 56).

Наиболее распространенным доминирующим стилем является компромисс (32%); избегание и сотрудничество делят второе место (по 25%), реже всего ведущим стилем оказывается соперничество (7%). Дополнительно проанализированы уровни выраженности каждого стиля. Особого внимания заслуживает стиль «избегание»: его ярко выраженный уровень (8–12 баллов) обнаружен у 22 студентов (39,3%) – наибольшая доля среди всех стилей (Рис. 3).

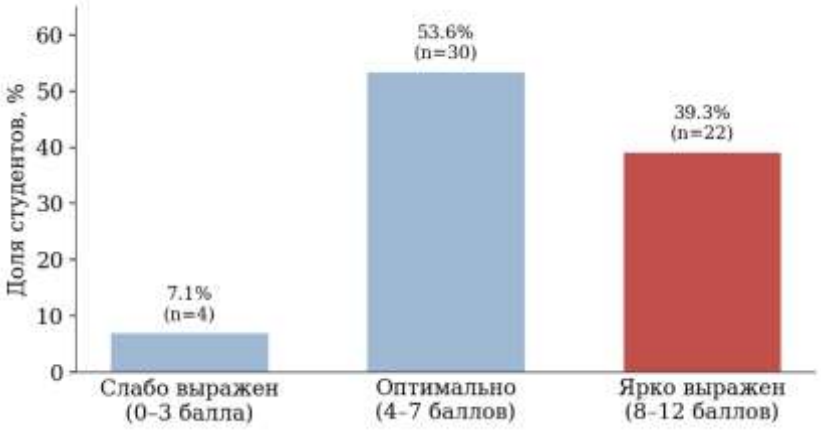

Рисунок 3. Распределение студентов по уровням выраженности стиля «избегание» (N = 56).

Результаты корреляционного анализа между показателями жизнестойкости и стилями поведения в конфликте представлены в Табл. 3.

Таблица 3. Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между жизнестойкостью и стилями поведения в конфликте (N = 56).

Шкала жизнестойкости	Соперничество	Сотрудничество	Компромисс	Избегание	Приспособление
Вовлеченность	0,093	0,005	−0,062	−0,276*	0,129
Контроль	0,233	0,076	−0,124	−0,363**	0,066
Принятие риска	0,131	−0,091	−0,108	−0,246	0,210
Общий балл	0,150	−0,049	−0,079	−0,285*	0,141

*Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$ (корреляция статистически значима).*

Из Табл. 3 видно, что статистически значимые корреляции выявлены только со стилем «избегание». Наиболее выраженная связь обнаружена между компонентом «контроль» и стилем «избегание» ($\rho = -0,363$; $p = 0,006$) – отрицательная корреляция умеренной силы. Значимые отрицательные связи получены также между «вовлеченностью» и «избеганием» ($\rho = -0,276$; $p = 0,039$) и между общим баллом жизнестойкости и «избеганием» ($\rho = -0,285$; $p = 0,033$). Связи показателей жизнестойкости с конструктивными стилями (сотрудничество, компромисс) и со стилем «соперничество» статистически незначимы ($p \geq 0,05$).

Обсуждение результатов

Полученные результаты согласуются с теоретическими представлениями о жизнестойкости как ресурсе активного совладания со стрессом: жизнестойкие студенты не избегают сложных ситуаций, а воспринимают их как поддающиеся контролю и потенциально содержащие возможности для развития. В контексте конфликтного взаимодействия это проявляется в меньшей выраженности стратегии избегания: чем выше у студента чувство контроля над собственной жизнью, тем менее он склонен уходить от конфликта. Таким образом, главная гипотеза о наличии взаимосвязи между уровнем жизнестойкости и стилями поведения в конфликте подтвердилась, равно как и первая частная гипотеза об отрицательной связи компонента «контроль» со стилем «избегание».

Вместе с тем вторая и третья частные гипотезы не получили статистического подтверждения. Связь компонента «контроль» со стилем «сотрудничество» оказалась незначимой ($\rho = 0,076$; $p = 0,578$), как и связь со стилем «соперничество» ($\rho = 0,233$; $p = 0,084$). Вероятным объяснением выступает многопричинный характер конструктивных стилей конфликтного поведения: сотрудничество и компромисс определяются не только личностной стрессо-

устойчивостью, но и уровнем коммуникативных навыков, групповыми нормами и особенностями конкретных ситуаций, в результате чего вклад жизнестойкости «размывается» другими влияниями. Выбор соперничества, по-видимому, в большей степени связан с иными характеристиками (агрессивность, доминантность, темперамент), не входившими в предмет настоящего исследования. Вклад жизнестойкости в конфликтное поведение проявляется прежде всего в снижении выраженности пассивной стратегии избегания, а не в прямом предсказании конструктивного поведения.

Практическая значимость результатов состоит в возможности их использования психологической службой вуза. Целесообразно проводить скрининговую диагностику жизнестойкости на первом курсе, организовывать тренинговые программы ее развития с акцентом на формирование чувства контроля, а также выявлять признаки систематического уклонения студентов от групповой работы как возможного маркера сниженных ресурсов жизнестойкости. Перспективой дальнейших исследований является изучение роли других личностных характеристик (эмоционального интеллекта, эмпатии, самооценки) в формировании конструктивных стилей конфликтного поведения у студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаева А.С., Бусырина Л.Ю.* Локус контроля и стратегии поведения в конфликтных ситуациях студентов-медиков // «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования». Т. 12, № 5А–6А, 2023. СС. 180–186.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: «Питер», 2001, 288с.
3. *Анцупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология: учебник для вузов. М.: «ЮНИТИ», 1999, 551с.
4. *Бодров В.А*. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: «ПЕР СЭ», 2006, 528с.
5. *Водопьянова Н.Е*. Психодиагностика стресса. СПб.: «Питер», 2009, 336с.
6. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: «Питер», 2008, 544с.
7. *Круглова К.С., Данилова М.В.* Выявление взаимосвязи стрессоустойчивости, конфликтности и стиля поведения подростков в конфликтной ситуации // «Мир науки. Педагогика и психология». Т. 8, № 6, 2020.
8. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: «Смысл», 2006, 63с.
9. *Назырова В.Р.* Формирование стрессоустойчивости студентов вузов // «Современные проблемы науки и образования», № 3, 2016.
10. *Романенко О.Н., Шихматова Е.Б.* Личностные детерминанты стратегий конфликтного поведения обучающихся вуза // «Национальная Ассоциация Ученых. Проблемы психологических наук», № 58 (2), 2020. СС. 31–35.
11. *Lazarus R., Folkman S.* Stress, Appraisal, and Coping. N.Y.: “Springer”, 1984, 445p.
12. *Maddi S.* The story of hardiness: Twenty years of theorizing, research, and practice // “Consulting Psychology Journal: Practice and Research”. Vol. 54, № 3, 2002. PP. 173–185.
13. *Rotter J.* Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // “Psychological Monographs”. Vol. 80, № 1, 1966. PP. 1–28.
14. *Selye H.* Stress. Montreal: “Acta Inc.”, “Med. Publ.”, 1950.

15. *Thomas K., Kilmann R.* Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument. Mountain View, CA: CPP, 2007.

INTERRELATION OF STRESS RESILIENCE AND CONFLICT BEHAVIOR STYLES

G. Dolgov, S. Shakaryan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article presents the results of an empirical study of the interrelation between stress resilience and conflict behavior styles among students. Stress resilience is operationalized through S. Maddi's concept of hardiness. The study involved 56 students of the Russian-Armenian University. The Hardiness Survey by S. Maddi (adapted by D.A. Leontiev and E.I. Rasskazova) and the Thomas–Kilmann Conflict Mode Instrument were used; data were processed with Spearman's rank correlation coefficient. It was found that more than half of the sample show a low level of hardiness, while the dominant conflict behavior style is compromise. Statistically significant negative correlations were revealed between hardiness indicators and the avoidance style, the strongest being between the control component and avoidance. The associations of hardiness with constructive styles (collaboration, compromise) and with the competing style proved statistically non-significant. The findings confirm the role of hardiness as a resource reducing the tendency toward passive withdrawal from conflict and can be used in the work of the university psychological service.

Keywords: stress resilience, hardiness, conflict, conflict behavior styles, students.

ՎԵՐԱՀՍԿՈՂՈՒԹՅԱՆ ՈՒՂՂՎԱԾՈՒԹՅԱՆ ՏԻՊՈՎ ՊԱՅՄԱՆԱՎՈՐՎԱԾ ՊԱՏԱՆԻՆԵՐԻ ԴՐԴԱՊԱՏԱՃԱՌԱՅԻՆ ՈԼՈՐՏԻ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Ա.Դ. Առաքելյան, Մ.Գ. Մելիքբեկյան

Խ. Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարան

araqelyananna23@aspu.am, meliqbekyanmaneg-6@aspu.am

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննարկվում են պատանիների վերահսկողության ուղղվածության տիպերի և մոտիվացիոն ոլորտի հարցերը: Հոդվածի նպատակն է եղել ուսումնասիրել վերահսկողության ուղղվածության տիպով պայմանավորված պատանիների դրդապատճառային ոլորտի առանձնահատկությունները: Այդ նպատակով կազմակերպվել է փորձարարական հետազոտություն, որին մասնակցել է 17-18 տարեկան 40 անձ: Հոդվածում ներկայացված է պատանիների շրջանում իրականացված հետազոտության արդյունքները, որից պարզ է դարձել, որ պատանիների դրդապատճառային ոլորտի դրսևորման առանձնահատկությունները պայմանավորվում են նաև վերահսկողության ուղղվածության տիպերի արտահայտվածությամբ:

Հիմնաբառեր՝ դրդապատճառ, վերահսկողության ուղղվածություն, անվտանգության պահանջմունքներ, սոցիալական պահանջմունքներ, ինքնադրսևորման պահանջմունքներ:

Ներածություն

Հիմնախնդիրն արդիական է, քանի որ պատանեկան տարիքում տեղի են ունենում մոտիվացիոն ոլորտի փոփոխություններ և առկա է մոտիվացիայի կարգավորման, ուղղորդման, ակտիվացման և գործունեության արդյունավետության բարձրացման խնդիր: Այս ոլորտի կարգավորման, դրա վրա ազդեցության գործոններից են համարվում անձնավորության տիպերն ու հատկությունները: Քանի որ վերահսկողության ուղղվածությունը նաև ինքնագիտակցության բաղադրամաս է, որը կապում է պատասխանատվության զգացումը, գործունեության պատրաստակամությունը, ապա վերջինս կարող է առանցքային դառնալ պատանիների սեփական գործողությունների համար պատասխանատվություն ստանձնելու, ակտիվության խթանման, իրենց ներուժն ու հնարավորությունները օգտագործելու համար: Վերահսկողության ուղղվածության տիպերի և

դրդապատճառային ոլորտի առանձին բաղադրամասերի փոխհարաբերության առանձնահատկությունների ուսումնասիրություններ կատարվել են մի շարք հեղինակների կողմից: Ուսումնասիրված են վերահսկողության ուղղվածության տիպերի և ձգտումների, նվաճումների, հաջողության հասնելու մոտիվացիայի, արժեքային կողմնորոշումների, կյանքի իմաստի միջև առկա փոխհարաբերությունները: Միևնույն ժամանակ, վերահսկողության ուղղվածության տիպերի և դրդապատճառային ոլորտի այլ բաղադրամասերի, մասնավորապես պահանջմունքների խմբերի, իմաստների կատեգորիաների, ինքնաիրացման առանձնահատկությունների հետ փոխկապակցվածության ուսումնասիրություններ չկան, ինչն էլ հիմք հանդիսացավ թեմայի ընտրության համար:

Վերահսկողության ուղղվածությունը սոցիալական ուսուցման տեսության կենտրոնական հասկացություններից է, որտեղ վերահսկման կենտրոնը ներկայացված է որպես ընդհանրացված ակնկալիք, թե որքանով մարդիկ կարող են վերահսկել իրենց կյանքը: Ըստ Ջ. Ռոտերի՝ կա վերահսկողության ուղղվածության երկու տիպ՝ էքստերնալ և ինտերնալ: Ինտերնալներն իրենց վրա են վերցնում իրենց կյանքում տեղի ունեցող իրադարձությունների պատասխանատվությունը՝ դրանք բացատրելով սեփական վարքով, բնավորությամբ և կարողություններով: Իսկ էքստերնալները հակված են պատասխանատվությունը վերագրել այլ մարդկանց, ճակատագրին կամ պատահականությանը [5, էջ 61]: Դրդապատճառային ոլորտը անձնավորության առանցքն է, որը դրսևորվում է այնպիսի բաղադրամասերով, ինչպիսիք են արժեքային կողմնորոշումները, պահանջմունքները, իմաստները, սոցիալական ակնկալիքները, ձգտումները և այլ սոցիալ-հոգեբանական բնութագրեր: Այս տեսանկյունից՝ անձնավորության ուսումնասիրությունը, ըստ էության, հանգեցվում է նախ և առաջ դրդապատճառային ոլորտի ուսումնասիրության:

Մեր հետազոտության **նպատակն է** եղել ուսումնասիրել վերահսկողության ուղղվածության տիպով պայմանավորված պատանիների դրդապատճառային ոլորտի առանձնահատկությունները:

Հետազոտության խնդիրներն են՝

1. Ուսումնասիրել գիտական գրականության մեջ վերահսկողության ուղղվածության և դրդապատճառային ոլորտի փոխկապվածության վերաբերյալ առկա մոտեցումները,

2. Պարզել պատանիների մոտ վերահսկողության ուղղվածության տիպերի դրսևորման առանձնահատկությունները,

3. Բացահայտել պատանիների դրդապատճառային ոլորտի առանձնահատկությունները,

4. Բացահայտել պատանիների դրդապատճառային ոլորտի և վերահսկողության ուղղվածության տիպի փոխկապակցվածությունը:

Մաթերիալ ու մեթոդներ

Հետազոտության նպատակին և խնդիրներին համապատասխան կիրառվել են հարցաթերթիկի, թեստավորման էմպիրիկ մեթոդները, իսկ քանակական տվյալների մշակման համար՝ վիճակագրական վերլուծության մեթոդներ: Կիրառվել են հետևյալ մեթոդիկաները՝

1. Է.Ֆ. Զեերի, Գ.Ա. Կարպովայի «Վերահսկողության ուղղվածության ախտորոշման» մեթոդիկան [6]:

2. Դ.Պ. Կրաունի և Դ. Ա. Մարլոունի «Հավանության արժանանալու պահանջմունքի գնահատման» մեթոդիկան [1, էջ 109]:

3. Վ.Վ. Սկվորցովի «Հիմնական պահանջմունքների բավարարվածության աստիճանի ախտորոշման» մեթոդիկան [1, էջ 85]:

4. Վ.Յ. Կոտլյակովի «Կյանքի իմաստների համակարգի ուսումնասիրության» մեթոդիկան [3]:

5. Ջոնսի և Քրանդալի «Ինքնաիրացման գնահատման» հարցարան [2, էջ 205]:

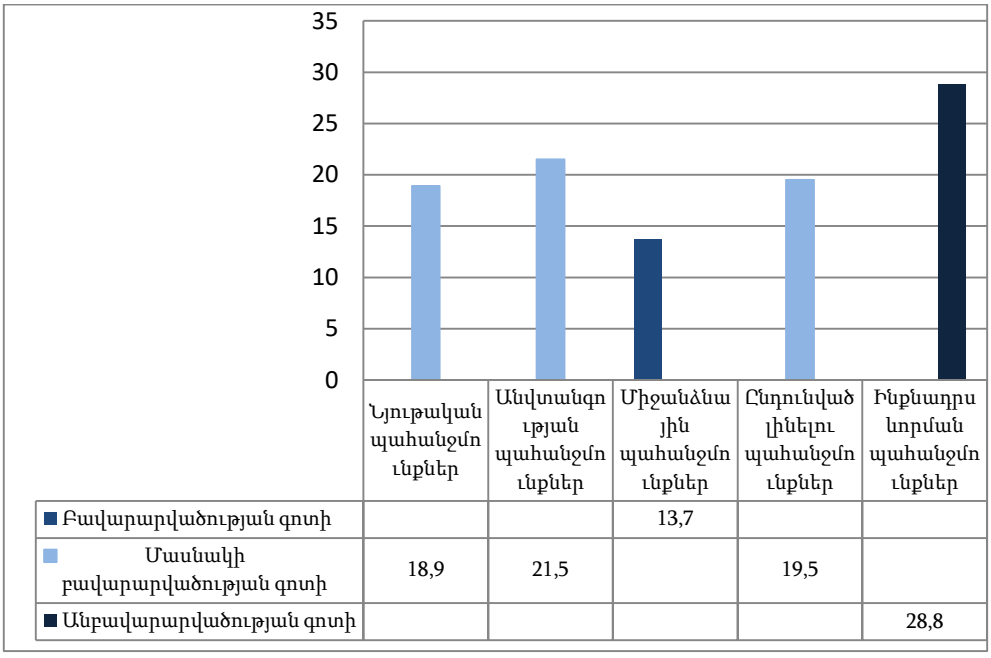
Արդյունքներ

«Վերահսկողության ուղղվածության ախտորոշման» մեթոդիկայի կիրառումից ստացված արդյունքներից պարզ է դարձել, որ պատանիների 15%-ի մոտ արտահայտված է վերահսկողության ուղղվածության էքստերնալ տիպը: Նրանք հակված են պատասխանատվությունը վերագրել այլ մարդկանց, ճակատագրին կամ պատահականությանը, շրջակա միջավայրին: Նրանց կարծիքով՝ արտաքին հանգամանքները մեծ դեր են խաղում իրենց գործունեության մեջ: Հետազոտությանը մասնակցած պատանիների 32.5%-ի մոտ արտահայտված է ինտերնալ տիպը: Նրանք ավելի պատասխանատու են, հետևողական, հուզականորեն կայուն և կարծում են, որ իրենց հետ տեղի ունեցող իրադարձությունները հիմնականում կախված են իրենց անձնային որակներից: Իսկ 52.5%-ի մոտ արտահայտված է ամբիվալ տիպը:

«Հավանության արժանանալու պահանջմունքի գնահատման» մեթոդիկայի կիրառումից ստացված արդյունքներից պարզ է դարձել, որ հետազոտությանը մասնակցած պատանիների 22.5%-ի մոտ արտահայտված է հավանության արժանանալու պահանջմունքի ցածր, 30%-ի մոտ՝ միջին,

47.5%-ի մոտ՝ բարձր մակարդակ: Կարող ենք եզրակացնել, որ պատանիների մոտ գերակշռում են հավանության արժանանալու պահանջմունքի արտահայտվածության միջին և բարձր մակարդակներ: Դա վկայում է, որ պատանիները խմբից անկախ չեն, նրանց համար թանկ չեն սեփական համոզմունքները, կոնֆլիկտային չեն, ենթակա են սոցիալական ազդեցությանը, չեն ձգտում լինել յուրօրինակ և կախված են շրջապատի կարծիքից:

«Հիմնական պահանջմունքների բավարարվածության աստիճանի ախտորոշման» մեթոդիկայի կիրառումից ստացված տվյալները ներկայացված են գծապատկեր 1-ում:

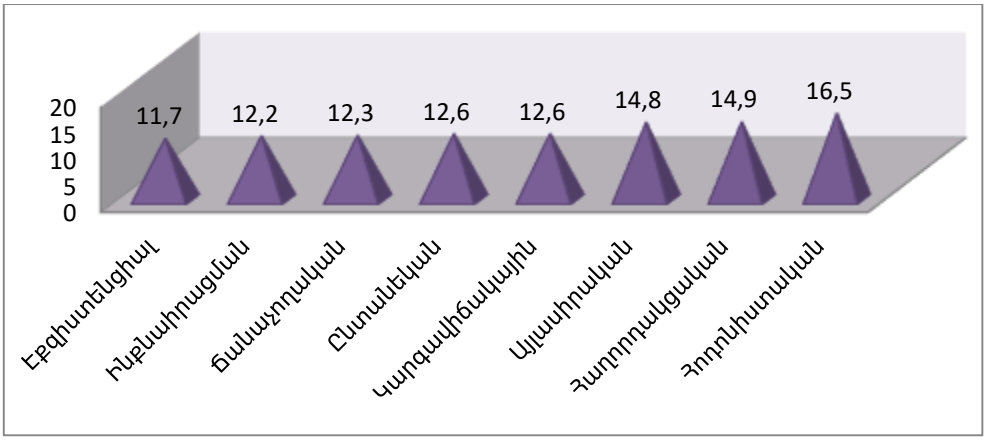
Գծապատկեր 1. Պահանջմունքային 5 խմբերի արտահայտվածության միջին թվաբանական ցուցանիշներ:

Պահանջմունքային խմբերի միջին թվաբանական ցուցանիշների ներկայացված պատկերում տեսնում ենք, որ պատանիների մոտ նյութական(18.9 միավոր), անվտանգության(21.5 միավոր) և ընդունված լինելու պահանջմունքները(19.5 միավոր) գտնվում են մասնակի բավարարվածության գոտում, սոցիալական (միջանձնային) պահանջմունքները՝ բավարարվածության գոտում(13.7 միավոր), իսկ ինքնադրսևորման պահանջմունքները(28.8 միավոր) գտնվում են անբավարարվածության գոտում: Կարելի է ենթադրել, որ պատանիների մոտ ինքնադրսևորման

պահանջունքներն առավել ակտուալ են: Սա պայմանավորված է նրանով, որ պատանին կազմում է կյանքի պլաններ, հեռանկարներ, սկսում է լրջորեն զբաղվել իր մասնագիտության ձեռքբերման հարցերով, ձգտում է խորացնել իր գիտելիքները որոշակի բնագավառում, այդ իսկ պատճառով ցանկանում է անընդհատ ինքնադրսևորվել, ցուցաբերել ակտիվություն և ինքնուրույնություն:

Պահանջմունքային բաղադրամասերի ընտրական միջին ցուցանիշների համեմատությունից պարզ է դառնում, որ պատանիների մոտ ամենաակտուալ պահանջմունքներն են՝ իմ ուժերն ու ընդունակությունները զարգացնելու, նորին ու անհայտին ձգտելու, նվիրում պահանջող գործով զբաղվելու բաղադրամասերը: Վերջիններս ներկայացնում են ինքնադրսևորման պահանջմունքների խումբը: Պատանիների ընտրակազմում ակտուալ չեն և վարքի մոտիվացիայում կարգային ցածր դիրք են զբաղեցնում լավ զրուցակիցներ, մարդկանց հետ ջերմ հարաբերություններ ունենալու բաղադրիչները: Դրանք սոցիալական պահանջմունքների խմբում են:

«Կյանքի իմաստների համակարգի ուսումնասիրության» մեթոդիկայի արդյունքներից պարզ է դարձել, որ պատանեկան տարիքում կյանքի իմաստների համակարգում գերակա են կյանքի էքզիստենցիալ, ինքնաիրացման և ճանաչողական իմաստները, իսկ հեդոնիստական իմաստները պակաս նշանակալի են: Այսինքն՝ պատանիների համար առաջնային են կյանքը հասկանալու, արժևորելու, ընտրության ազատություն ունենալու, անհատականությունը բարելավելու, սեփական կարողությունները գիտակցելու իմաստները: Տվյալ իմաստների գերակայությունը պայմանավորված է նաև տարիքային առանձնահատկություններով: Պատանիները ձգտում են սահմանել իրենց կյանքի, ապագա գործունեության կոնկրետ պատկերը, ընտրել ապագա մասնագիտություն: Այս տարիքում են հաստակեցվում և կայունանում պատանիների հետաքրքրությունները տարբեր գիտությունների, գիտելիքների եւ գործունեության բնագավառներում: Այդպիսի հետաքրքրությունները խթանում են որոշակի բնագավառում գիտելիքները խորացնելու, ընդլայնելու ձգտմանը:

Գծապատկեր 2. Պատանիների կյանքի իմաստների կատեգորիաների միջին թվաբանական ցուցանիշների կարգային տվյալները:

«Ինքնաիրացման գնահատման հարցարանի» կիրառումից ստացված արդյունքները մշակվել են տոկոսային ցուցանիշներով: Հետազոտությանը մասնակցած պատանիների 80%-ի մոտ արտահայտված է ինքնաիրացման միջին, 20%-ի մոտ՝ բարձր մակարդակ: Ինքնաիրացման ցածր ցուցանիշներ պատանիների ընտրակազմում չեն արձանագրվել: Այս տվյալները համահունչ են նախորդ մեթոդիկայի կիրառումից ստացված տվյալներին: Պատանեկան տարիքում ապագայի հեռանկարներում, պլաններում առանցքային են ինքնաիրացումն ու անձի կայացումը:

Պատանիների վերահսկողության տիպով պայմանավորված դրդապատճառային ոլորտի առանձնահատկությունների բացահայտման նպատակով համար կիրառվել է համահարաբերակցման մեթոդը: Համահարաբերակցային բացասական կապ է բացահայտվել հավանության արժանանալու պահանջմունքի և ինտերնալության ցուցանիշների միջև ($r=-302$, երբ $p\leq0.05$), ինչը ենթադրում է, որ որքան բարձր է ինտերնալությունը, այնքան ցածր է հավանության արժանանալու պահանջմունքը: Դա պայմանավորված է այն հանգամանքով, որ ինտերնալները ավելի անկախ են, կախված չեն շրջապատի կարծիքից, նրանց համար թանկ են սեփական համոզմունքները և ունեն ադեկվատ ինքնագնահատական:

Ինտերնալության սանդղակի ցուցանիշների և էքզիստենցիալ իմաստների միջև բացահայտված նշանակալի բացասական կապը ($r=-0.383$, երբ $p\leq0.01$) ցույց է տալիս, որ որքան բարձր է ինտերնալության մակարդակը, այնքան կարգային առաջնային դիրքերում են էքզիստեն-

ցիալ իմաստները, և հակառակը: Վերջինիս համապատասխան կապ արձանագրվել է էքստերնալության և էքզիստենցիալ իմաստների միջև (r=0.302, երբ p≤0.05), որը ենթադրում է, որ որքան բարձր է էքստերնալությունը, կարգային վերջին դիրքեր են զբաղեցրել էքզիստենցիալ իմաստները: Սա պետք է բացատրել հետևյալ կերպ. ինտերնալները, ի տարբերություն էքստերնալների, հիմնված են կյանքը արժևորելու, հաջողության և ճանաչման հասնելու անհրաժեշտության վրա, իրենց համար առաջնային են մարդու ներաշխարհը, զգացմունքները, այդ իսկ պատճառով էքզիստենցիալ իմաստները առաջնային են նրանց համար: Ճանաչողական իմաստների ցուցանիշների և էքստերնալության սանդղակի ցուցանիշների միջև բացահայտվել է բացասական համահարաբերակցային կապ (r=-0.305, երբ p≤0.05), իսկ ինտերնալության սանդղակի և ճանաչողական իմաստների ցուցանիշների մեջ բացահայտվել է դրական, հավաստի, ուժեղ կապ(r=0.619, երբ p≤0.001): Նշված կապերը վկայում են այն մասին, որ որքան բարձր է էքստերնալությունը, այնքան ցածր են ճանաչողական իմաստները և հակառակը՝ արքան բարձր է ինտերնալությունը, այնքան բարձր են այդ իմաստները: Դա նշանակում է, որ էքստերնալների մոտ կարգային առաջնային դիրքերում են գտնվում ճանաչողական իմաստները, ինտերնալների մոտ՝ կարգային վերջին դիրքերում: Այս կապը կարելի է մեկնաբանել այն հանգամանքով, որ ինտերնալները իրենց կյանքում, գործողություններում տեղի ունեցող իրադարձությունների պատասխանատվությունը տեսնում են իրենց վարքում և գործողություններում, իսկ էքստերնալները միշտ որոնում են տեղի ունեցածի իմաստն ու պատճառները և այդ որոնումները լինում են արտաքին ուժերի, պատահականության, հանգամանքների և այլ մարդկանց մեջ:

Ինտերնալության ցուցանիշների և ընդունված լինելու պահանջմունքների՝ ազդեցության, իշխանությանդրություն ապահովելու բաղադրամասի մեջ բացահայտվել է բացասական համահարաբերակցային կապ (r=-308, երբ p≤0.05), ինչը նշանակում է, որ որքան բարձր է ինտերնալությունը, այնքան ցածր է ազդեցության, իշխանության դրություն ապահովելու ցանկությունը: Սա կարելի է բացատրել հետևյալ կերպ. ինտերնալները ավելի անկախ են, չունեն մարդկանց միասնության և մեկուսացման հաղթահարման, պայմաններ թելադրելու, իշխելու, ուշադրության արժանանալու ձգտում, այդ իսկ պատճառով նրանց մոտ ցածր է արտահայտված ազդեցության, իշխանության դրություն ապահովելու ցանկությունը:

Էքստերնալության ցուցանիշների և ինքնադրսևորման պահանջմունքների՝ նորին ու անհայտին ձգտելու բաղադրամասի ցուցանիշների

միջև բացահայտվել է բացասական համահարաբերակցային կապ (r=-298, երբ p≤0.05), իսկ ինտերնալության ցուցանիշների և տվյալ բաղադրամասի մեջ՝ դրական համահարաբերակցային կապ (r=0.294, երբ p≤0.05): Այսինքն՝ որքան բարձր է արտահայտված ինտերնալությունը, այնքան բարձր է արտահայտված նորին ու անհայտին ձգտելու ցանկությունը և հակառակը՝ որքան բարձր է արտահայտված էքստերնալությունը, այնքան ցածր է արտահայտված այդ պահանջմունքը: Սա կարելի է բացատրել հետևյալ կերպ. քանի որ ինտերնալներն ունեն ինքնաճանաչման և ինքնազարգացման ցանկություն, խնդրի և իրավիճակի ավելի մեծ իրազեկում, դրանով է պայմանավորված, որ ինտերնալները ձգտում են նորին ու անհայտին, ցանկանում են հնարավորինս իրացնել իրենց ընդունակությունները, տաղանդն ու ներուժը:

Եզրակացություն

1. Վերահսկողության ուղղվածության տիպերի և ձգտումների, նվաճումների, հաջողության հասնելու մոտիվացիայի, արժեքային կողմնորոշումների, կյանքի իմաստի միջև առկա փոխհարաբերություններ կան: Իսկ վերահսկողության ուղղվածության տիպերի և դրդապատճառային ոլորտի այլ բաղադրամասերի փոխհարաբերության առանձնահատկությունները թույլ են ուսումնասիրված:
2. Պատանիները հիմնականում պատկանում են վերահսկողության ուղղվածության ինտերնալ և ամբիվալ տիպերին, իսկ էքստերնալության ցուցանիշները ցածր են արտահայտված:
3. Պատանիների մոտ արտահայտված է ինքնաիրացման միջին և հավանության արժանանալու պահանջմունքի բարձր մակարդակ: Նյութական, անվտանգության, ընդունված լինելու պահանջմունքները գտնվում են մասնակի բավարարվածության գոտում, սոցիալական պահանջմունքները՝ բավարարվածության, իսկ ինքնադրսևորման պահանջմունքները՝ անբավարարվածության գոտում: Պատանիների համար գերակա են կյանքի էքզիստենցիալ, ճանաչողական, ինքնաիրացման իմաստները:
4. Պատանիների դրդապատճառային ոլորտում՝ պահանջմունքների խմբերի, կյանքի իմաստների կատեգորիաների, հավանության արժանանալու մոտիվացիայի դրսևորման առանձնահատկությունները պայմանավորվում են նաև էքստերնալության և ինտերնալության արտահայտվածությամբ:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Առաքելյան Ա.Դ.* Պահանջմունքներ; ՀՊՄՀ-Եր.: «Հեղինակային հրատարակություն», 2024. 156 էջ:
2. *Бонкало Т.И., Полякова О.Б.* Психологические основы профессиональной деятельности: учебно-методическое пособие для обучающихся по направлениям медицинского образования. М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2021. 326 с.
3. *Котляков В.* Сибирская психология сегодня: Сборник научных трудов. Вып. 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003.
4. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции // Психология мотивации и эмоций / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М., 2009.
5. *Реан А.А.* Психология личности. СПб.: «Питер», 2013, 288с.: ил. (Сер. «Мастера психологии»).
6. *Зеер Э.Ф., Карпова Г.А.* Педагогическая диагностика личности учащегося СПТУ. Свердловск, 1989.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ У ЮНОШЕЙ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ТИПОМ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ

А.Д. Аракелян, М.Г. Меликбекян

Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются виды локуса контроля юношей и вопросы мотивационной сферы. Целью исследования было выявление особенности мотивационной сферы у юношей, обусловленные типом локуса контроля. С этой целью было организовано экспериментальное исследование, в котором приняли участие 40 человек в возрасте 17–18 лет. В статье представлены результаты исследования, проведенного среди юношеского возраста, из которого выяснилось, что особенности проявления мотивационной сферы определяются выраженностью типов локус-контроля.

Ключевые слова: мотивация, локус-контроль, потребности в безопасности, социальные потребности, потребности в самовыражении.

CHARACTERISTIS OF THE MOTIVATIONAL SPHERE OF YOUTHS DETERMINED BY THE TYPE OF LOCUS OF CONTROL

A. Arakelyan, M. Melikbekyan

Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan

ABSTRACT

The article discusses the issues of the types of locus of control and the motivational sphere of youths. The purpose of the research was to identify the characteristics of the motivational sphere of youths determined by the type of locus of control. For this purpose, an

experimental study was organized, which involved 40 people aged 17 to 18 years. The article presents the results of the research conducted among youths, from which it became clear that the characteristics of the manifestation of the motivational sphere of youths are determined by the expression of the types of locus of control.
Keywords: motivation, locus of control, security needs, social needs, self-expression needs.

ՈՒՍԱՆՈՂՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱԿԱՆ ՄՈՏԻՎԱՑԻԱՅԻ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ԱՆՁՆԱՅԻՆ ԱՐԺԵՔՆԵՐԻ ԵՎ ՀԱՄՈԶՄՈՒՆՔՆԵՐԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Ա. Կ. Ղանադյան, Տ.Ա. Ոսկանյան, Տ.Զ. Մալումյան

Վանաձորի պետական համալսարան
aghanadyan@inbox.ru, tatevvoskanyann@gmail.com, malumyant@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում ներկայացված են ուսանողների շրջանում ակադեմիական մոտիվացիայի, անձնային արժեքների և բազիսային համոզմունքների ցուցանիշները, ինչպես նաև ակադեմիական մոտիվացիայի տեսակների և անձնային արժեքների ու համոզմունքների միջև առկա համահարաբերակցական կապերը: Հոդվածի շրջանակներում վերլուծվել և մեկնաբանվել են էմպիրիկ հետազոտության միջոցով ստացված տվյալները և համահարաբերակցական վերլուծության արդյունքում հայտնաբերված կապերը:

Հիմնաբառեր՝ ակադեմիական մոտիվացիայի տեսակներ, արժեքային համակարգ, բազային համոզմունքներ:

Ներածություն

Ուսանողների ակադեմիական մոտիվացիայի ուսումնասիրությունը նրանց անձնային արժեքների և բազային համոզմունքների համատեքստում չափազանց արդիական թեմա է: Չնայած բազմաթիվ ուսումնասիրություններին, դեռևս պարզ չէ, թե ինչպես են արժեքային կողմնորոշումներն ու բազային համոզմունքները կապված ուսանողների ակադեմիական մոտիվացիայի հետ: Հետևաբար, շարունակվում են այն գործոնների ուսումնասիրությունները, որոնք կապված են ուսանողների ակադեմիական առաջադիմության, մոտիվացիայի և անձնային բնութագրերի հետ: Հաշվի առնելով վերոնշյալը, նպատակահարմար է ուսումնասիրություն իրականացնել ակադեմիական մոտիվացիայի և ուսանողների անձնային արժեքների ու բազային համոզմունքների միջև եղած կապերի հայտնաբերման վերաբերյալ: Մեր կողմից իրականացված հետազոտության արդյունքները հնարավորություն են տալիս պատկերացում կազմել ուսանողների ակադեմիական մոտիվացիայի և նրանց անձնային արժեքների ու բազային համոզմունքների միջև եղած կապի մասին, ինչպես նաև հանդես են գալիս որպես հիմք կրթական հոգեբանության ոլորտում հետագա ուսումնասիրությունների իրականացման համար: Հոդվածի նպատակն

է՝ ուսումնասիրել ակադեմիական մոտիվացիայի կապը անձնային արժեքների և բազային համոզմունքների հետ, ինչպես նաև բացահայտել ուսումնասիրվող երևույթների դրսևորվածությունը ուսանողների շրջանում: Հոդվածի վարկածն է՝ ենթադրվում է, որ ակադեմիական մոտիվացիայի և անձնային արժեքների ու բազային համոզմունքների միջև առկա են համահարաբերակցական կապեր:

Մեթոդիկաների և ընտրակազմի նկարագրություն

Ուսանողների շրջանում ակադեմիական մոտիվացիայի ուսումնասիրության համար կիրառվել է Տ.Օ. Գորդեևայի, Օ.Ա. Սիչևի և Ե.Ն. Օսինի «Ակադեմիական մոտիվացիայի կարճ սանդղակ» մեթոդիկան: Մեթոդիկան բաղկացած է 16 պնդումներից, որոնցից յուրաքանչյուրի համար պետք է ընտրել պատասխանի 5 տարբերակներից որևէ մեկը: Անձնային արժեքների ուսումնասիրության համար կիրառվել է Շ. Շվարցի կողմից ստեղծված հարցարանը Վ.Ն. Կառանդաշևի ադապտացմամբ: Մեթոդիկան կազմված է 2 մասից, առաջին մասը ներառում է 30, իսկ երկրորդը 27 արժեքներ: Հետազոտվողների խնդիրն է գնահատել ներկայացված արժեքներից յուրաքանչյուրի կարևորությունը իր կյանքում: Արժեքների գնահատումը իրականացվում է 1-ից մինչև 7 միավորանոց համակարգով: Ուսանողների շրջանում հիմնական համոզմունքների ուսումնասիրության համար կիրառվել է Ռ. Ջանոֆ-Բուլմանի «Բազիսային համոզմունքների սանդղակ» մեթոդիկան Մ.Ա. Պադունի և Ա.Վ. Կոտելնիկովայի ադապտացմամբ: Մեթոդիկան կազմված է 32 պնդումներից, որոնցից յուրաքանչյուրի համար պետք է ընտրել պատասխանի 6 տարբերակներից մեկը: Հետազոտության շրջանակներում կիրառված բոլոր մեթոդիկաները հետազոտվողներին են ներկայացվել ռուսերեն տարբերակով:

Մեր կողմից իրականացված էմպիրիկ հետազոտությանը մասնակցել են բակալավրի կրթական ծրագրում սովորող 1-ից 4րդ կուրսի 50 ուսանողներ: Հետազոտության շրջանակներում հետազոտվողներին ծանոթացրել ենք մեթոդիկաների լրացման կարգին և կիրառման նպատակին:

Տեսական հետազոտություն

Մոտիվացիան գործոնների համակցություն է, որը խթանում է մարդու ակտիվությունն ու գործողությունները: Այն ներառում է տարբեր դրդապատճառներ, պահանջմունքներ, խթաններ և իրավիճակային պայմաններ, որոնք ձևավորում ու կարգավորում են վարքը: Մոտիվացիան ազդում

է կյանքի բոլոր ասպեկտների վրա՝ սկսած կրթությունից և ինքնագնահատականից մինչև նպատակների իրականացում և ներքին բավարարություն:

Ակադեմիական մոտիվացիայի հետազոտության կարևորությունը բխում է ուսուցման ընթացքում անձի մոտիվացիոն համակարգի ձևավորման անհրաժեշտությունից: Զ.Մ. Ախմադովայի կարծիքով՝ ակադեմիական մոտիվացիան դրդապատճառների համակարգ է, որը պայմանավորում է սովորողի ակտիվությունն ու գիտելիքներն ու հմտությունները յուրացնելու ձգտումը [3]:

Տ.Վ. Սեմյոնովան ակադեմիական մոտիվացիայի հասկացությունը ներկայացնում է որպես ուսումնական գործունեության պատճառ կամ նպատակ՝ այն բնութագրելով որպես «հավաքական կերպար»: Նրա մեկնաբանությամբ՝ այն ձևավորվում է անձնային հատկանիշների, գնահատողական դատողությունների, պահանջմունքների, նպատակային կողմնորոշումների և ինքնակառավարման համադրությունից [1]:

Մոտիվացիոն ոլորտի կարևոր բաղադրիչ են արժեքները և դիրքորոշումները: Արժեքները ցանկալի նպատակներ են, որոնք չեն սահմանափակվում կոնկրետ իրավիճակներով և ունեն տարբեր կարևորության աստիճաններ: Դրանք ծառայում են որպես մարդկանց կյանքի առաջնորդող և ուղղորդող սկզբունքներ [7]:

Արժեքը ցանկալիի վերաբերյալ պատկերացում է, որը կարող է լինել արտաքին և բացահայտ կամ ներքին ու թաքնված: Արժեքները հատուկ են ինչպես անձին, այնպես էլ՝ որոշակի խմբի [6]:

Ռ. Իգլհարթը, հենվելով Ա. Մասլոյի տեսության վրա, առանձնացրել է երկու տեսակի արժեքներ՝ «մատերիալիստական» և «հետմատերիալիստական»: Դրանց գերակայությունը յուրաքանչյուր հասարակությունում ցուցիչ է տնտեսական և սոցիալական զարգացման մակարդակի համար

Վերլուծելով այս արժեքների առանձնահատկությունները, ձևավորվել են երկու տեսակի հիպոթեզներ. առաջինը՝ «բավարարության պակասի հիպոթեզը», ենթադրում է, որ արժեքները զարգանում են՝ պայմանավորված մարդկանց ցածր նյութական ապահովվածությամբ: Երկրորդը՝ «սոցիալականացման հիպոթեզը», նշում է, որ արժեքները ձևավորվում են հասունության տարիքից առաջ և հետագայում հարաբերականորեն կայուն են: Հետագա ուսումնասիրություններում արժեքները բաժանվել են ավանդական արժեքների և գոյատևման արժեքների երկու հիմնական խմբերի [4]:

Համոզմունքը հաղորդակցման գործընթացում կիրառվող ազդեցության ձև է, որի միջոցով մեկը փորձում է ներազդել մյուսի մտածողության

վրա: Այն հենվում է տրամաբանական հիմնավորումների վրա և միտված է մարդուն մղել որոշակի գործողության: Համոզմունքը կայուն ձևավորված կարծիք է, որևէ բանի նկատմամբ հստակ և հաստատուն տեսակետ [5]:

Ըստ Ս.Ի. Դենիսենկոյի՝ համոզմունք, որպես անձի աշխարհայացքի կարևոր տարր, տալիս է նրան հավատարմություն և վստահություն սեփական տեսակետների նկատմամբ՝ շրջապատող իրականության մեջ: Համաձայն նրա, համոզմունքը հանդիսանում է անձի կենտրոնական «միջուկը», որը հիմք է հանդիսանում նրա կյանքի բոլոր որոշումների համար: Իրականում կյանքի բոլոր սկզբունքները, ինչպես նաև մարդու պատկերացումները, ձևավորվում են հիմնարար համոզմունքների վրա [2]:

Այսպիսով, մոտիվացիան, արժեքները և համոզմունքները միասին ձևավորում են մարդու վարքի և գործունեության հիմքը: Մոտիվացիան արտահայտում է ներքին դրդապատճառներն ու արտաքին խթանները, արժեքները ծառայում են կյանքի առաջնորդող սկզբունքների ձևավորմանը, իսկ համոզմունքները ապահովում են վստահություն սեփական տեսակետների նկատմամբ: Այս երեք տարրերը համատեղ ուղղորդում են մարդուն, ձևավորում նրա գործողությունների համակարգը և հանդիսանում կյանքի որոշումների և նպատակների կայուն հիմք:

Էմպիրիկ հետազոտություն

Ստորև կներկայացնենք էմպիրիկ հետազոտության արդյունքում ստացված տվյալները, ինչպես նաև դրանց վերլուծությունը և մեկնաբանումը:

Աղյուսակ 1. Ուսանողների շրջանում ակադեմիական մոտիվացիայի, անձնային արժեքների և բազային համոզմունքների միջինացված ցուցանիշներ:

	Միջինացված ցուցանիշ (միավորով)	**Միջինացված ցուցանիշ (տոկոսով)**
Ճանաչողական մոտիվացիա	17 (20մ.-ից)	85% (100%-ից)
Հաջողության հասնելու մոտիվացիա	15,28 (20մ.-ից)	76,4% (100%-ից)
Ներքնայնացված մոտիվացիա	12,8 (20մ.-ից)	64% (100%-ից)
Արտաքին մոտիվացիա	8,52 (20մ.-ից)	42,6% (100%-ից)
Աշխարհի բարյացկամություն	3,73 (6մ.-ից)	62,17% (100%-ից)

	Միջինացված ցուցանիշ (միավորով)	Միջինացված ցուցանիշ (տոկոսով)
Մարդկանց բարություն	3,71 (6մ.-ից)	61,83% (100%-ից)
Աշխարհի արդարություն	3,27 (6մ.-ից)	54,5% (100%-ից)
Աշխարհի կառավարելիություն	3,83 (6մ.-ից)	63,83% (100%-ից)
Պատահականությունը որպես սկզբունք	3,48 (6մ.-ից)	58% (100%-ից)
Սեփական «Ես»-ի արժեքավորություն	4,16 (6մ.-ից)	69,33% (100%-ից)
Ինքնատիրապետման աստիճան	4,15 (6մ.-ից)	69,17% (100%-ից)
Հաջողակության աստիճան	3,8 (6մ.-ից)	63,33% (100%-ից)
Աշխարհի բարյացկամության նկատմամբ ընդհանուր վերաբերմունք	3,71 (6մ.-ից)	61,83% (100%-ից)
Աշխարհի իմաստալիցության նկատմամբ ընդհանուր վերաբերմունք	3,54 (6մ.-ից)	59% (100%-ից)
Հավատ սեփական արժեքավորության նկատմամբ	4,01 (6մ.-ից)	66,83% (100%-ից)
Խթանում	4,48 (7մ.-ից)	64% (100%-ից)
Զեռքբերումներ	4,85 (7մ.-ից)	69,29% (100%-ից)
Անվտանգություն	4,98 (7մ.-ից)	71,14% (100%-ից)
Կոնֆորմություն	4,22 (7մ.-ից)	60,29% (100%-ից)
Իշխանություն	3,76 (7մ.-ից)	53,71% (100%-ից)
Ունիվերսալիզմ	4,77 (7մ.-ից)	68,14% (100%-ից)
Բարություն	4,81 (7մ.-ից)	68,71% (100%-ից)
Ինքնուրույնություն	4,95 (7մ.-ից)	70,71% (100%-ից)
Ավանդույթներ	3,73 (7մ.-ից)	53,29% (100%-ից)
Հեդոնիզմ	4,58 (7մ.-ից)	65,43% (100%-ից)

Արդյունքների վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ ակադեմիական մոտիվացիայի կառուցվածքում գերակշռում է ճանաչողական մոտիվացիան (17մ. կամ 85%), ինչը վկայում է ուսուցման գործընթացի նկատմամբ բարձր ներքին հետաքրքրվածության և գիտելիքի յուրացմանը՝ որպես ինքնուրույն արժեք վերաբերվելու մասին։ Հաջողության հասնելու մոտիվացիան նույնպես բնութագրվում է բարձր մակարդակով՝ (15,28մ. կամ

76,4%) արտացոլելով հետազոտողների ձգտումը ուղղված արտադրողականության բարձրացմանը, արդյունքի ստացմանը և անձնական ձեռքբերումներ գրանցմանը: Ներքնայնացված (ինտրոյեկտված) մոտիվացիան ունի միջինից բարձր ցուցանիշ (12,8 կամ 64%), ինչը մատնանշում է արտաքին պահանջների մասնակի ինտերնալիզացիա: Արտաքին մոտիվացիան արտահայտված է համեմատաբար թույլ (8,52մ. կամ 42,6%), ինչը թույլ է տալիս ենթադրել, որ վարքի կարգավորումը հիմնականում իրականացվում է ներքին մոտիվների ազդեցությամբ:

Աշխարհի մասին բազային համոզմունքների վերլուծությունը ցույց է տալիս աշխարհի չափավոր դրական ընկալում: Աշխարհի բարյացկամության (3,73մ. կամ 62,17%) և մարդկանց բարության (3,71մ. կամ 61,83%) վերաբերյալ համոզմունքները գտնվում են արտահայտվածության միջին մակարդակում: Աշխարհի կառավարելիության վերաբերյալ համոզմունքը (3,83մ. կամ 63,83%) մի փոքր բարձր է, քան արդարության նկատմամբ հավատը (3,27մ. կամ 54,5%): Պատահականությունը՝ որպես աշխարհի կազմակերպման սկզբունք ընդունելու ցուցանիշը (3,48մ. կամ 58%) վկայում է կյանքի իրադարձությունների հավանական բնույթի ընդունման մասին: Աշխարհի բարյացկամության (3,71մ. կամ 61,83%) և իմաստալիցության (3,54մ. կամ 59%) նկատմամբ ընդհանուր վերաբերմունքի ցուցանիշները հաստատում են չափավոր դրական ճանաչողական պատկերի առկայությունը:

Սեփական «Ես»-ի նկատմամբ վերաբերմունքը արտացոլող ցուցանիշները վկայում են բավարար ձևավորված դրական «Ես»-կոնցեպցիայի մասին: Սեփական «Ես»-ի արժեքավորությունը (4,16մ. կամ 69,33%), ինքնատիրապետման մակարդակը (4,15 կամ 69,17%), սեփական նշանակության նկատմամբ հավատը (4,01մ. կամ 66,83%) և սուբյեկտիվ հաջողակության գնահատականը (3,8մ. կամ 63,33%) գտնվում են միջինից բարձր մակարդակում, ինչը մատնանշում է անձնային կոմպետենտության և ներքին կայունության ձևավորված զգացման առկայությունը:

Անձնային արժեքների վերլուծությունը ցույց է տվել, որ առավել նշանակալի են անվտանգությունը (4,98մ. կամ 71,14%), ինքնուրույնությունը (4,95մ. կամ 70,71%), ձեռքբերումները (4,85մ. կամ 69,29%), բարությունը (4,81մ. կամ 68,71%) և ունիվերսալիզմը (4,77մ. կամ 68,14%): Համեմատաբար ավելի քիչ արտահայտված են իշխանությունը (3,76մ. կամ 53,71%) և ավանդույթները (3,73մ. կամ 53,29%): Այսպիսով, հետազոտվողների արժեհամակարգային պրոֆիլը բնութագրվում է ինքնավարության, անձնային զարգացման, սոցիալական պատասխանատվության և

անվտանգության վրա ուղղվածությամբ՝ իշխանության և պահպանողական միտումների համեմատաբար նվազ կարևորությամբ:

Ընդհանուր առմամբ, ստացված տվյալների համակցված վերլուծությունը թույլ է տալիս խոսել այնպիսի հոգեբանական պրոֆիլի մասին, որը բնութագրվում է վարքագծի ներքին կարգավորմամբ, չափավոր դրական բազիսային համոզմունքների համակարգով և կայուն դրական «Ես»-կոնցեպցիայով, ինչը նախադրյալներ է ստեղծում կառուցողական ուսումնական և սոցիալական ակտիվության համար:

Աղյուսակ 2. Ակադեմիական մոտիվացիայի և բազային համոզմունքների միջև համահարաբերակցական վերլուծության արդյունքներ:

	Ճանաչողական մոտիվացիա	**Հաջողության հասնելու մոտիվացիա**	**Ներքնայնացված մոտիվացիա**	**Արտաքին մոտիվացիա**
Աշխարհի բարյացկամություն	0,31367**	0,36001**	0,05342	-0,1102
Մարդկանց բարություն	0,24163*	0,03899	-0,06441	-0,28656**
Աշխարհի արդարություն	0,027953763	0,149046472	0,328657612**	0,034140127
Աշխարհի կառավարելիություն	-0,0086	0,07188	0,16124	0,0558
Պատահականությունը որպես սկզբունք	-0,17752	-0,2557*	-0,13742	0,14282
Սեփական «Ես»-ի արժեքավորություն	0,20413	0,22178	0,09477	-0,1426
Ինքնատիրապետման աստիճան	0,15277	0,44865***	0,26167*	0,06297
Հաջողակության աստիճան	0,16842	0,35115**	0,11613	-0,18534
Աշխարհի բարյացկամության նկատմամբ ընդհանուր վերաբերմունք	0,32399**	0,24956*	-0,00105	-0,21523
Աշխարհի իմաստալիցության նկատմամբ ընդհանուր վերաբերմունք	0,08724	0,09604	0,22098	-0,01005

	Ճանաչողական մոտիվացիա	Հաջողության հասնելու մոտիվացիա	Ներքնայնացված մոտիվացիա	Արտաքին մոտիվացիա
Հավատ սեփական արժեքավորության նկատմամբ	0,23818*	0,44077***	0,19457	-0,12954

-P<0,10, **-P<0,05, *-P-<0,01*

Ճանաչողական մոտիվացիայի և հաջողության հասնելու մոտիվացիայի ու բազային համոզմունքներից աշխարհի բարյացկամության միջև հայտնաբերված չափավոր, դրական կապերը կարող են պայմանավորված լինել նրանով, որ աշխարհը որպես անվտանգ և աջակցող ընկալելը նվազեցնում է անհանգստությունը և ձախողման վախը: Նման պայմաններում մարդիկ ավելի հակված են զբաղվելու հետազոտական գործունեությամբ, ավելի պատրաստակամ են ընդունելու մարտահրավերները և հավատում են, որ իրենց ջանքերը կհանգեցնեն արդյունքների: Սա ուժեղացնում է գիտելիք ստանալու և նվաճումների գրանցելու ձգտումը: Ճանաչողական մոտիվացիայի և մարդկանց բարության վերաբերյալ համոզմունքի միջև թույլ, դրական համահարաբերակցական կապը կարող է պայմանավորված լինել նրանով, որ երբ մարդը մյուսներին ընկալում է որպես բարի և աջակցող, նվազում է սոցիալական լարվածությունն ու անվստահությունը: Անվտանգ սոցիալական միջավայրն էլ իր հերթին խթանում է ճանաչողական ակտիվությունը: Արտաքին մոտիվացիայի և մարդկանց բարության վերաբերյալ համոզմունքի միջև թույլ, բացասական համահարաբերակցական կապը կարող է բացատրվել նրանով, որ արտաքին խթաններով առաջնորդվող անձը մարդկանց ավելի հաճախ ընկալում է որպես վերահսկող կամ գնահատող: Դա նվազեցնում է վստահությունը և թուլացնում մարդկանց բարության ընկալումը: Ներքնայնացված մոտիվացիան հիմնված է պարտքի, մեղքի և ամոթի զգացումների վրա, այդ պատճառով աշխարհի արդարության վերաբերյալ համոզմունքի և ներքնայնացված մոտիվացիայի միջև առկա չափավոր, դրական կապը կարելի է բացատրել հետևյալ կերպ, եթե մարդը հավատում է աշխարհի արդար լինելուն, դա ուժեղացնում է նրա ներքին նորմատիվությունը: Այլ կերպ ասած, արդար աշխարհի նկատմամբ հավատը նպաստում է ներքին վերահսկողությանը և ինքնապարտադրմանը, ինչը կարող է բացատրել դրական կապը ներքնայնացված մոտիվացիայի հետ: Պատահականության որպես սկզբունք ընդունման բազային համոզմունքի և հաջողության հասնելու մոտիվացիայի միջև առկա թույլ, բացասական կապը կարելի է

բացատրել նրանով, որ եթե մարդը հավատում է, որ աշխարհում տեղի ունեցող իրադարձությունները պատահական են և անկանխատեսելի, ապա նա ավելի քիչ է հակված հավատալ, որ գործադրված ջանքերը հաջողությամբ կպսակվեն: Այս դեպքում հաջողության հասնելու ուղղված ջանքերը և փորձերը նվազում են, քանի որ դրանք թվում են անիմաստ և ապարդյուն: Բազային համոզմունքներից ինքնատիրապետման աստիճանի և հաջողության հասնելու մոտիվացիայի միջև հայտնաբերվել է դրական, չափավոր կապ, որը կարող է պայմանավորված լինել անձնական պատասխանատվության զգացումով: Այսինքն, որքան ուժեղ է անձի համոզմունքը, որ ինքը կարող է կառավարել սեփական վարքագիծը և կյանքում տեղի ունեցող իրադարձությունները, այնքան ավելի մեծ է նրա պատրաստակամությունը՝ հավակնոտ նպատակներ սահմանելու և դրանց հասնելու: Ինքնատիրապետման աստիճանի վերաբերյալ համոզմունքի և ներքնայնացված մոտիվացիայի միջև կապը կարելի է բացատրել ներքին հարկադրանքի մեխանիզմով: Ներքնայնացված մոտիվացիան հիմնված է պարտականության զգացման և մեղքի զգացումից խուսափելու ցանկության վրա, որը հաճախ պահանջում է, որ մարդը գործի իր իրական ցանկություններին հակառակ: Այս ներքին դիմադրությունը հաղթահարելու և պարտականության պահանջները կատարելու համար, անձը պետք է հենվի իր ինքնատիրապետման նկատմամբ ամուր հիմքային հավատի վրա, այսինքն՝ իր վարքը խստորեն վերահսկելու և իրեն գործել ստիպելու իր ունակության վրա: Հաջողակության աստիճանի վերաբերյալ համոզմունքի և հաջողության հասնել մոտիվացիայի միջև չափավոր, դրական կապի առկայությունը կարելի է բացատրել այն հանգամանքով, որ եթե անձը համոզված է իր հաջողակ լինելու մեջ, ապա նա ավելի մոտիվացված կլինի օգտագործել իր հաջողակ լինելու առավելությունը և քայլեր ձեռնարկել հաջողության հասնելու համար: Աղյուսակում նշված վերջին 3 սանդղակների արդյունքները ստացվում են վերևում նշված 8 սանդղակների արդյունքների միջոցով: Աշխարհի բարյացկամության նկատմամբ ընդհանուր վերաբերմունքի սանդղակի ցուցանիշը ստացվում է աշխարհի բարյացկամության և մարդկանց բարության սանդղակների ցուցանիշների միջինացման միջոցով: Աշխարհի իմաստալիցության նկատմամբ ընդհանուր վերաբերմունքի սանդղակի ցուցանիշը ստացվում է աշխարհի արդարության, աշխարհի կառավարելիության և պատահականությունը՝ որպես սկզբունք սանդղակների ցուցանիշների միջինացման միջոցով, իսկ հավատ սեփական արժեքավորության նկատմամբ սանդղակի ցուցա-

նիշը կազմվում է սեփական «Ես»-ի արժեքավորության, ինքնատիրապետման աստիճանի և հաջողակության աստիճանի սանդղակների ցուցանիշների միջինացման արդյունքում:

Աղյուսակ 3. Ակադեմիական մոտիվացիայի և անձնային արժեքների միջև համահարաբերակցական վերլուծության արդյունքներ:

	Ճանաչողական մոտիվացիա	**Հաջողության հասնելու մոտիվացիա**	**Ներքնայնացված մոտիվացիա**	**Արտաքին մոտիվացիա**
Խթանում	0,1965	0,02167	-0,04957	-0,21736
Ձեռքբերումներ	0,30012**	0,35620**	0,14297	-0,1894
Անվտանգություն	0,3582**	0,20101	0,25338*	0,00584
Կոնֆորմություն	-0,10072	-0,16908	0,24077*	0,22921
Իշխանություն	0,06938	0,11821	0,15994	0,02068
Ունիվերսալիզմ	0,39743***	0,26617*	0,19781	-0,05648
Բարություն	0,10798	0,08304	0,39516***	0,16371
Ինքնուրույնություն	0,16154	0,35948**	0,10069	-0,10018
Ավանդույթներ	-0,22645	-0,31721**	0,21038	0,35143**
Հեդոնիզմ	0,06018	0,01176	-0,06809	-0,18079

-P<0,10, **-P<0,05, *-P-<0,01*

Ճանաչողական մոտիվացիայի և արժեքներից ձեռքբերումների միջև հայտնաբերվել է չափավոր, դրական կապ, որը կարելի է բացատրվել այն հանգամանքով, որ ճանաչողական մոտիվացիայի առկայությունը հիմք է հանդիսանում նոր գիտելիքների և հմտությունների ձեռքբերման համար ինչն էլ անձին թույլ է տալիս գրանցել բարձր արդյունքներ և ունենալ նորանոր ձեռքբերումներ: Չափավոր, դրական համահարաբերակցական կապ է հայտնաբերվել նաև հաջողության հասնելու մոտիվացիայի և ձեռքբերումների միջև, այս կապը կարելի է բացատրել այն հանգամանքով, որ հաջողության հասնելու մոտիվացիան ձեռքբերումների և հաջողությունների գրանցման կարևորագույն նախապայման է հանդիսանում, առանց որի դժվար է պատկերացնել արդյունավետ գործունեությունը: Չափավոր, դրական համահարաբերակցական կապ է հայտնաբերվել նաև արժեքներից անվտանգության և ճանաչողական մոտիվացիայի միջև: Հայտնաբերված կապը կարելի է բացատրել այն հանգամանքով, որ անվտանգության ապահովումը թույլ է տալիս կենտրոնանալ ավելի բարձր մակարդակի վրա գտնվող պահանջմունքների բավարարման վրա: Այսինքն, եթե անվտանգությունը հանդիսանում է անձի համար կարևոր արժեք, ապա

այդ արժեքի առկայությունը հնարավորություն է տալիս անձին զբաղվել ինքնիրացման և այլ պահանջմունքների բավարարմամբ, որոնք էլ իրենց հերթին առաջ են բերում ճանաչողական մոտիվացիան։ Ներքնայնացված մոտիվացիայի և անվտանգության արժեքի միջև հայտնաբերվել է թույլ, դրական կապ։ Հայտնաբերված կապը կարող է պայմանավորված լինել այն հանգամանքով, որ ներքնայնացված մոտիվացիան և անվտանգությունը որպես արժեք հիմնված են ռիսկից խուսափելու ներքին անհրաժեշտության վրա։ Երբ անվտանգությունը կենտրոնական տեղ է զբաղեցնում անձի արժեհամակարգում անձը հակված է գործել պահպանելով կայունությունը, ապահովությունը և խուսափել հնարավոր բացասական հետևանքներից։ Այս դեպքում ներքնայնացված մոտիվացիան հանդես է գալիս որպես անվտանգության զգացումը պահպանելու միջոց՝ ինքնատիրապետման և ներքնայնացված նորմերին հետևելու միջոցով։ Կոնֆորմության և ներքնայնացված մոտիվացիայի միջև հայտնաբերված թույլ, դրական կապի առկայությունը կարելի է բացատրել այն հանգամանքով, որ կոնֆորմությունը որպես կարևոր արժեք ընդունող անձը հակված է ընդունելու հասարակության կողմից պարտադրված պահանջները, գնահատականները և նորմերը, որոնք էլ ընկած են ներքնայնացված մոտիվացիայի հիմքում։ Արժեքներից ունիվերսալիզմի և ճանաչողական մոտիվացիայի միջև հայտնաբերվել է դրական, չափավոր կապ։ Ունիվերսալիզմն ու ճանաչողական մոտիվացիան կարող են դրական կապ ունենալ, որովհետև ունիվերսալիզմը որպես արժեք ենթադրում է բացություն տարբեր տեսակետների հանդեպ, հետաքրքրվածություն մարդկանց և մշակույթների բազմազանությամբ, աշխարհը սեփական սահմաններից ավելի լայն ընկալելու ցանկություն։ Ճանաչողական մոտիվացիան նպաստում է հենց այս ամենին՝ նոր գիտելիքների ձեռքբերմանը, աշխարհի պատկերի ընդլայնմանը և այլն։ Ինչքան ուժեղ է մարդկանց և աշխարհը հասկանալու ձգտումն ու ցանկությունը, այնքան ավելի ուժեղ կարող է լինել ներքին հետաքրքրությունը նոր բան սովորելու նկատմամբ։ Ունիվերսալիզմի և հաջողության հասնելու մոտիվացիայի միջև հայտնաբերվել է թույլ, դրական կապ։ Այդ կապը կարող է դրսևորվել այն դեպքում, երբ հաջողության հասնելու ձգտումը դիտարկվում է աշխարհին և մարդկությանը օգուտ տալու համատեքստում։ Բարության և ներքնայնացված մոտիվացիայի միջև հայտնաբերվել է չափավոր, դրական համահարաբերակցական կապ, որը կարող է պայմանավորված լինել, այն հանգամանքով, որ մարդը ձգտում է բարի լինել ոչ միայն ելնելով սեփական ազատ ընտրությունից, այլ նաև պարտավորության, մեղքի զգացումից կամ նշանակալի ուրիշների սպասումները բավարարելու ցանկությունից։ Այսինքն՝ բարությունը

որպես արժեք կարող է մասամբ պայմանավորված լինել անձի յուրացրած նորմերով, ինչն էլ կապ է ստաղծում ներքնայնացված մոտիվացիայի հետ: Չափավոր, դրական կապ է հայտնաբերվել նաև անձնային արժեքներից ինքնուրույնության և հաջողության հասնելու մոտիվացիայի միջև: Այդ կապը կարող է պայմանավորված լինել այն հանգամանքով, որ ինքնուրույնությունը հանդիսանում է այն կարևորագույն նախապայմաններից մեկը, որը պայմանավորում է անձի ձեռքբերումները, նվաճումները և հաջողությունները, բայց միևնույն ժամանակ այս ամենը հնարավոր չէ նաև առանց հաջողության հասնելու մոտիվացիայի առկայության, հենց այստեղ էլ տեսանելի է դառնում ինքնուրույնության և հաջողության հասնելու մոտիվացիայի կապը: Արժեքներից ավանդույթների և հաջողության հասնելու մոտիվացիայի միջև հայտնաբերվել է չափավոր, բացասական կապ: Ավանդույթների և հաջողության հասնելու մոտիվացիայի միջև բացասական կապը կարող է պայմանավորված լինել այն փաստով, որ ավանդույթների վրա կենտրոնանալը ենթադրում է կայուն նորմերի և կարգուկանոնի պահպանում, մինչդեռ հաջողության հասնելու մոտիվացիան կապված է անձնական հաջողության, նորարարության և անհատական առաջընթացի ցանկության հետ: Այս դեպքում ավանդույթների և կայունության շեշտադրումը կարող է նվազեցնել անձնական հաջողության հասնելու ցանկության ինտենսիվությունը: Ավանդույթների և արտաքին մոտիվացիայի միջև հայտնաբերվել է չափավոր, դրական կապ: Այդ դրական կապը կարող է բացատրվել այն փաստով, որ ավանդույթները հիմնված են սոցիալական սպասումների, նորմերի և նշանակալի ուրիշների գնահատականների վրա: Հետևաբար, անձի վարքը ավելի հաճախ կարգավորվում է արտաքին պահանջներով և գնահատականներով, ինչն էլ ուժեղացնում է արտաքին մոտիվացիան:

Եզրակացություն

Հետազոտության արդյունքները ցույց են տալիս, որ ուսումնասիրվող խմբի ակադեմիական մոտիվացիոն կառուցվածքում գերակշռում են մոտիվացիայի ներքին ձևերը՝ հատկապես ճանաչողական և հաջողության հասնելու մոտիվացիաները, մինչդեռ արտաքին մոտիվացիան արտահայտված է համեմատաբար թույլ: Սա վկայում է, որ ուսումնական գործունեությունը հիմնականում պայմանավորված է գիտելիքի նկատմամբ ներքին հետաքրքրությամբ, ինքնազարգացման և անձնական արդյունավետության ձգտմամբ:

Բազային համոզմունքների համակարգը բնութագրվում է աշխարհի չափավոր դրական ընկալմամբ և բավականաչափ ձևավորված դրական

«Ես»-կոնցեպցիայով: Աշխարհի բարյացկամության, կառավարելիության և սեփական արժեքավորության նկատմամբ հավատը դրականորեն կապված են ճանաչողական և հաջողության հասնելու մոտիվացիաների հետ, ինչը ընդգծում է հոգեբանական անվտանգության և վերահսկելիության զգացման կարևոր դերը անձի ակտիվության և նպատակասլացության ձևավորման գործընթացում: Միաժամանակ, կյանքի իրադարձությունները պատահական ընկալելու միտումը կարող է նվազեցնել ձեռքբերումներին ուղղված ջանքերի ինտենսիվությունը:

Արժեքային համակարգի վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ առավել նշանակալի են անվտանգությունը, ինքնուրույնությունը, ձեռքբերումները, բարությունը և ունիվերսալիզմը: Ինքնավարության և զարգացմանն ուղղված արժեքները նպաստում են ճանաչողական ակտիվության և հաջողության հասնելու մոտիվացիայի բարձրացմանը, մինչդեռ ավանդույթների վրա կենտրոնացումը կարող է սահմանափակել անձնական առաջընթացին միտվածությունը՝ միաժամանակ ուժեղացնելով արտաքին կարգավորմամբ պայմանավորված վարքը:

Արդյունքները վկայում են, որ արժեքները, բազային համոզմունքները և մոտիվացիոն ցուցանիշները ձևավորում են փոխկապակցված, համակարգային ամբողջություն, որտեղ հոգեբանական անվտանգության զգացումը, ինքնուրույնության արժեքավորումը և աշխարհի նկատմամբ դրական վերաբերմունքը հանդես են գալիս որպես ներքին մոտիվացիայի զարգացման կարևոր նախադրյալներ: Միաժամանակ, սոցիալական նորմատիվության և պահպանողական արժեքների ազդեցությունը պայմանավորում է վերահսկվող մոտիվացիայի որոշ դրսևորումներ:

Մոտիվացիայի զարգացմանը նպաստելու համար կարևոր է ստեղծել այնպիսի կրթական և սոցիալական միջավայր, որը խթանում է սովորողների ներքին ակտիվությունը, հետաքրքրասիրությունը և անձնական ներգրավվածությունը ուսումնական գործընթացում: Առանձնահատուկ կարևորություն ունի ճանաչողական հետաքրքրության զարգացմանը նպաստող մեթոդների կիրառումը, ուսումնական նյութի գրավչության բարձրացումը և ստեղծագործական խնդիրների լուծման հնարավորությունների ապահովումը, որոնք ուժեղացնում են ճանաչողական մոտիվացիան և հաջողության հասնելու ձգտումը: Միևնույն ժամանակ կարևոր է աջակցել սովորողների մոտ աշխարհի բարյացկամության, կյանքում ձեռքբերումների նշանակության գիտակցման, ինչպես նաև սեփական գործողությունների և վարքի նկատմամբ ինքնակառավարման վերաբերյալ համոզմունքների ձևավորմանը: Նման համոզմունքների զարգացումը, համակցված այնպիսի արժեքների խթանման հետ, ինչպիսիք են ձեռքբերումների

և անձնական անվտանգության կարևորումը, մարդասիրության և համընդհանուր սկզբունքների նկատմամբ հարգանքը, ինքնուրույնության արժևորումը, կարող է զգալիորեն բարձրացնել ուսումնական գործունեության մեջ ուսանողների ներգրավվածությունը և նպաստել նրանց մոտիվացիայի առավել արդյունավետ և կառուցողական ձևերի զարգացմանը:

Այսպիսով, կարելի է եզրակացնել, որ ուսումնասիրվող խումբը բնութագրվում է հարաբերական հոգեբանական կայունությամբ, ներքին ռեսուրսների գերակայությամբ և զարգացմանն ուղղված արժեքային կողմնորոշմամբ, ինչը բարենպաստ հիմք է ստեղծում արդյունավետ ուսումնական և սոցիալական գործունեության համար:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Гордеева Т.О.* Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития [Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора психологических наук]. М.: Московский государственный университет, 2013.
2. *Денисенко С.И.* Убеждения в системе современного образования // «Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки», № 5 (813), 2018. СС. 45–53.
3. *Ермакова Е.С.* Мотивация учебной деятельности и личностные характеристики студентов // «Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина», № (2), 2024. СС. 270–287. https://doi.org/10.35231/18186653_2024_2_270.
4. *Инглхарт Р.Ф.* [Эл. ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М., 1993–2019 URL: https://www.hse.ru/org/persons/26435728#other.
5. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2007, 944с.
6. *Рокич М.* Природа человеческих ценностей. М.: Изд-во «Психология», 2005, с. 56.
7. *Schwartz S.* Universal in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M. P. Zanna (Ed.) // “Advances in experimental social psychology”. Vol. 25, 1992. PP. 1–65). San Diego, CA: “Academic Press”, 1992.

ИССЛЕДОВАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И УБЕЖДЕНИЙ

А.К. Ганадян, Т.А. Восканян, Т.З. Малумян
Ванадзорский государственный университет

РЕЗЮМЕ

В статье представлены показатели академической мотивации, личностных ценностей и основных убеждений студентов, а также корреляционные связи между типами академической мотивации и личностными ценностями и убеждениями. В статье анализируются и интерпретируются данные, полученные в ходе эмпирического исследования, и выявленные в результате корреляционного анализа взаимосвязи.

Ключевые слова: типы академической мотивации, система ценностей, основные убеждения.

A STUDY OF STUDENTS' ACADEMIC MOTIVATION IN THE CONTEXT OF PERSONAL VALUES AND CONVINCEMENT

A. Ghanadyan, T. Voskanyan, T. Malumyan
Vanadzor State University

ABSTRACT

The article presents indicators of academic motivation, personal values, and core beliefs among students, as well as the correlational relationships between types of academic motivation and personal values and beliefs. The article analyzes and interprets the data obtained through empirical research and the relationships identified as a result of correlational analysis.

Keywords: types of academic motivation, value system, core beliefs.

ЛИНГВИСТИКА

ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА, ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И КАК ОДИН ЯЗЫК МОЖЕТ ВЛИЯТЬ НА ДРУГОЙ

Л.Д. Дадаян, Л.А. Асатрян

Российско-Армянский университет
liadadayan2006@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В лингвистике термин «ложные друзья переводчика» используется для обозначения слов в разных языках, которые имеют сходную форму или звучание, но при этом отличаются по значению. Ложные друзья переводчика могут приводить к неправильному пониманию и переводу текста. Ложные когнаты – это пары слов, которые кажутся когнатами из-за схожего звучания, написания и значения, но имеют разную этимологию; они могут быть в пределах одного языка или из разных языков, даже в пределах одной языковой семьи. В статье приведены конкретные примеры английских и французских слов.

Ключевые слова: Ложные друзья, ложные когнаты, интерференция.

Введение

При изучении второго языка люди могут извлечь пользу из знаний своего родного языка. Родственные слова могут ускорить усвоение лексики и облегчить задачу понимания прочитанного. С другой стороны, студенту необходимо обращать внимание на пары слов, которые являются ложными друзьями и частичными когнатами.

В лингвистике термин «ложные друзья переводчика» используется для обозначения слов в разных языках, которые имеют сходную форму или звучание, но при этом отличаются по значению. Сам термин «ложные друзья переводчика» был предложен французскими исследователями Maxime Koessler и Jules Derocquigny в их работе "*Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais*", опубликованной в 1928г. Например, английское слово *parents*, которое означает «родители», против португальского *parentes* и итальянского *parenti* (последние два означают «родственники»). Например, слово *gift*, которое по-английски означает подарок, дар (в том числе в значении «талант», «одаренность»), а по-немецки – яд, отрава. Соответственно *gifted*, на английском это «одаренный», а по-немецки *giftig* означает ядовитый.

Ложные друзья переводчика могут приводить к неправильному пониманию и переводу текста. Часть из них образовалась из-за того, что после заимствования значение слова в одном из языков изменилось, в других случаях заимствования вообще не было, а слова происходят от общего корня в каком-то древнем языке, но имеют разные значения.

Заимствования между языками часто сопровождаются явлением интерференции. Под интерференцией обычно понимается влияние одного языка на другой, возникающее в процессе их контакта. Такое влияние может проявляться на различных уровнях языка: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, семантическом и лексическом. Наиболее заметно оно проявляется на лексико-семантическом уровне, где и возникают многие случаи ложных друзей переводчика. Некоторые исследователи отмечают, что интерференция является естественным этапом взаимодействия языков. Она может рассматриваться как источник ошибок, однако одновременно способствует развитию языков и расширению их словарного состава. Вейсбергс предполагает, что «интерференция неизбежна. Это начальный этап языкового обмена, обогащающий и активизирующий языки, находящиеся в контакте». Интерференция чаще всего рассматривается как ошибка. Если влияние одного языка на другой рассматривается положительно, это, безусловно, будет называться переносом, но, если оно отрицательное, это становится интерференцией. Возможно, негативное восприятие связано с коннотацией слова «вмешиваться», означающего «вмешиваться, пытаться повлиять на ситуацию».

Многие заимствования распространяются благодаря переведенной литературе, средствам массовой информации и международному общению, нередко через посредничество третьего языка. Со временем такие слова закрепляются в языке и начинают функционировать самостоятельно, иногда вытесняя ранее существовавшие обозначения. Особенно активно этот процесс происходит в сфере технологий и цифровой коммуникации, где появляются новые термины и реалии. Распространение интернета и социальных сетей значительно ускоряет подобные процессы языкового взаимодействия (кликбейт, cookie, фид, стриминг). С наступлением цифровой эры каждый гражданин может участвовать в коммуникации с помощью интернета, социальных сетей и других платформ. Таким образом, например, если носитель латышского языка будет переводить, интерпретировать или резюмировать определенную идею, текст или концепцию с английского на латышский, это, скорее всего, будет подвержено заметному влиянию английского языка. Это создает большое количество заимствований и стилистических структур; чем чаще они используются, тем большее распространение они приобретают в языке.

Если язык А заимствовал слово из языка В, или оба языка заимствовали слово из третьего языка или унаследовали его от общего предка, и впоследствии значение слова изменилось, или оно приобрело дополнительные значения хотя бы в одном из этих языков, то носитель одного языка может столкнуться с ложным другом при изучении другого. Иногда, предположительно, оба значения присутствовали в языке-предке, но родственные слова приобрели разные ограниченные значения в языке А и языке В.

Значение одного и того же слова из праязыка в языках-потомках может развиваться в различных направлениях, что в итоге приводит к расхождениям в его лексическом значении в различных близкородственных языках.

Иногда в одном из языков то или иное слово становится архаизмом, а в другом оно продолжает активно употребляться.

Само слово *friend* имеет родственные слова в других германских языках, но скандинавские (например, шведское *frände,* датское *frænde*) преимущественно означают «родственник». Первоначальное прагерманское слово означало просто «тот, о ком заботятся», и поэтому могло относиться как к другу, так и к родственнику, но в скандинавских языках значение сместилось в сторону «родственник», тогда как в английском закрепилось значение «друг».

"Réaliser un plan" переводится как «выполнить план», а не «реализовать». Также слово *publication* можно перевести не «публикация», а «издание, выпуск». Более того, слову «паника» соответствует *panique*, но «впадать в панику» передается глаголами *paniquer* или *s'affoler, être pris de panique*.

Abilities в английском языке означает талант, способности, силу, а *habilidad* в испанском означает умение или сообразительность.

Попав в другой язык в каком-либо одном значении, заимствованные слова со временем приобретают все новые и новые значения, которые уже не являются интернациональными. Яркий пример тому – слово бланк, восходящее к фр. *blanc* («белый» или белый чистый лист), которое в русском языке стало обозначать «формуляр для заполнения», в английском – «пробел», «пустой», а в немецком – «начищенный», «выбритый», «пустой», «голый».

Слово *actual*, которое в английском языке обычно является синонимом слова *real,* имеет другое значение в других европейских языках, где оно означает «текущий» или «актуальный», и образует производный глагол, означающий «делать актуальным» или «обновлять». *Actualise* (или *actualize)* в английском языке означает «воплотить в реальность».

В двуязычных ситуациях ложные друзья часто приводят к семантическому изменению – появлению нового реального значения, которое затем широко используется в языке. Например, португальское слово *humoroso*

(«капризный») изменило свое значение в бразильском варианте португальского языка на «юмористический» из-за английского поверхностно-родственного слова *humorous*.

Эстонский и финский языки родственны, что приводит к появлению ложных друзей, таких как поменявшиеся местами формы слов «юг» и «юго-запад».

Итал. *cravatta*, нем. *Krawatte* («галстук», а не «кровать»).

Иногда слово может иметь противоположное значение. Чешское и словацкое *čerstvý* переводится на русский язык не как черствый, а, наоборот – свежий. Еще один пример из родственных языков: слово польск. *Zapomnieć* означает забыть, то есть значение слова противоположно значению созвучного ему русского слова.

Исследователи дополнительно классифицировали явление «семантические ложные друзья» на полные и частичные ложные друзья. Полные ложные друзья (*faux amis complets*) – это слова, значения которых сильно различаются в разных языках. Частичные ложные друзья (*faux amispartiels*) – это слова, имеющие множество значений, некоторые из которых встречаются в обоих языках, а другие – нет.

Выделяют четыре основных типа ложных друзей переводчика.

К первому типу относятся слова исходного языка, схожие по звучанию и написанию со словами переводящего языка, но имеющие абсолютно разное значение.

Например, *genial* – не гениальный, а добрый; *magazine* – не магазин, а газета.

Ко второму типу относятся многозначные слова исходного языка, часть значений которых совпадает со значением их звукобуквенных аналогов в переводящем языке, а часть значений различается. То есть одному слову в исходном языке соответствуют несколько слов в переводящем языке.

Например, *fruit* – плод (в широком смысле), фрукт.

К третьему типу относятся слова исходного языка, совпадающие с одним из значений их многозначных аналогов в переводящем языке, при этом остальные значения не имеют ничего общего со словом в исходном языке. То есть нескольким словам в исходном языке соответствует одно слово в переводящем языке.

Например, *football* – футбол (американский), а европейский футбол – *soccer*; *rock* – рок-музыка, а рок (судьба) – *fate*.

К четвертому типу относятся названия величин измерения, похожие по звучанию и написанию в нескольких языках, но не совпадающие по количеству.

Например, *decade* – 10 лет, а декада в русском языке равна 10 дням.

Чамисо-Домингес и Нерлих (2002) классифицировали ложных друзей по двум группам: случайные ложные друзья и семантические ложные друзья. Первая группа относится к словам, которые похожи или эквивалентны в двух или более языках, но не имеют никакой семантической или этимологической связи. Например, итальянское слово *burro* «масло» и испанское *burro* «осел, олень» можно рассматривать как примеры этого типа ложных друзей. В противоположность этому, вторая группа относится к словам, которые фонетически и/или графически похожи и имеют одинаковое этимологическое происхождение в разных языках, но имеют разные значения (***fabric*** – фабрика).

Помимо создания совершенно ложных друзей, использование заимствованных слов часто приводит к использованию слова в ограниченном контексте, что может затем привести к появлению новых значений, отсутствующих в исходном языке. Например, *Angst* в немецком языке означает «страх» в общем смысле (а также «тревога»), но когда оно было заимствовано в английский язык в контексте психологии, его значение было ограничено определенным типом страха, описываемым как «невротическое чувство тревоги и депрессии». Также греч. *Gymnasion* (позднее лат. *Gymnasium*) означало как «место обучения», так и «место для упражнений», но в немецком языке его значение сузилось до первого, а в английском – до второго, что сделало эти выражения ложными друзьями в этих языках.

Ложные друзья переводчика в системах письма могут послужить причиной неправильного произношения либо неправильного транскрибирования иноязычных собственных имен, неправильного заучивания правил чтения на других языках и прочих орфоэпических ошибок.

По-разному в разных языках читается и диграф CH: в испанском и галисийском – как «ч», во французском, португальском и бретонском – как «ш», в немецком, нидерландском, литовском, польском, чешском, словацком, валлийском, ирландском и гэльском – как «х», а в итальянском, каталанском, румынском – как «к»; в английском языке он читается как «ч» в исконных английских словах, а также заимствованиях из испанского, как «к» – в большинстве заимствований, в первую очередь, из греческого, латинского и немецкого, и как «ш» – во французских заимствованиях.

Одна и та же грамматическая форма в разных языках может иметь совершенно разные функции.

Так, например, *perfect* в английском языке (*I have done it*) обозначает действие, совершившееся в прошлом и имеющее непосредственное влияние на момент речи, то есть неразрывно с ним связанное (в отличие от простого прошедшего времени (*I did it*), которое обозначает действие, полностью от-

носящееся к прошлому и не имеющее никакой связи с моментом речи). В то время, как немецкий *perfect* (*Ich habe das gemacht*) обозначает разговорную форму прошедшего времени (в отличие от книжного *imperfect* – *Ich machte das*, – обозначающего прошедшее повествовательное время). С другой стороны, в английском языке такой же порядок слов; как и в немецком *perfect* обозначает косвенное пассивное действие: *I have this article translated* обозначает «Мне перевели эту статью» – в отличие от *I have translated this article*, то есть «Я (сам) перевел эту статью». Отрицательная форма английского модального глагола must (*You must not do it*) обозначает запрет, а не отсутствие необходимости (*You need not do it*), в то время как отрицательная форма немецкого глагола *müssen* обозначает именно отсутствие необходимости, а не запрет.

Служебное слово *la* в западно-романских языках, кроме португальского, обозначает определенный артикль женского рода единственного числа. С другой стороны, в балкано-романских языках это – предлог, обозначающий направление («куда?»). Поэтому итал. *la casa* обозначает «дом» в определенном состоянии, а рум. *la casa* – «в дом», «к дому».

Ложные когнаты (*false cognate*) – слова, похожие по форме, но не связанные происхождением – часто путают с *false friends*.

Ложные когнаты – это пары слов, которые кажутся когнатами из-за схожего звучания, написания и значения, но имеют разную этимологию; они могут быть в пределах одного языка или из разных языков, даже в пределах одной языковой семьи. Например, английское слово *dog* и слово *dog* из языка мбабарам (вымерший австралийский язык) имеют совершенно одинаковое значение и очень похожее произношение, но по чистой случайности. Аналогично, английское *much* и испанское *mucho* получили свои схожие значения через совершенно разные протоиндоевропейские корни, и то же самое относится к английскому *have* и испанскому *haber*. Это отличается от ложных друзей, которые являются похожими по звучанию словами с разными значениями и могут быть или не быть когнатами. Основные термины родства «мама» и «папа» представляют собой особый случай ложных когнат.

Словацкое слово *mesto* созвучно русскому слову место, хотя его перевод на русский язык – город.

Хотя французский и английский языки принадлежат к разным ветвям индоевропейской семьи языков, их словарный запас имеет много общего. Большинство этих похожих слов проникли во французский и английский языки благодаря географическим, историческим и культурным контактам между двумя странами на протяжении многих веков – и здесь мы говорим о заимствованиях.

Большинство заимствований изменили свою орфографию, следуя различным орфографическим правилам, и, скорее всего, свое значение.

Теперь представим примеры французского и английского языков по некоторым группировкам.

*Таблица 1. Слова, которые **похожи по написанию** (orthographic similarity).*

Англ.	**Франц.**	**Значение**
sensible	sensible	sensible = разумный, здравомыслящий; sensible = чувствительный
pain	pain	pain = боль; pain = хлеб
robe	robe	robe = халат; robe = платье
fabric	fabrique	fabric = ткань, материал; fabrique = фабрика, производство
attend	attendre	attend = присутствовать, посещать; attendre = ждать

*Таблица 2. Слова, которые **похожи по звучанию** (phonetic similarity).*

Англ.	**Франц.**	**Значение**
rest	reste	rest = отдыхать / отдых; reste = остаток, то, что остается
resume	résumé	resume = продолжить; résumé = краткое изложение
resume	résumé	resume = продолжать; résumé = краткое изложение, резюме

*Таблица 3. Слова, которые **частично совпадают по значению** (semantic false friends).*

Англ.	**Франц.**	**Значение**
intelligent	intelligent	intelligent = умный; intelligent = умный (но также может означать понимающий ситуацию)

grand	grand	grand = величественный / грандиозный; grand = высокий / большой / великий
history	histoire	history = история; histoire = история / рассказ
figure	figure	figure = цифра / фигура / силуэт; figure = лицо / цифра / математическая фигура

ЛИТЕРАТУРА

1. *Koessler M., Derocquigny J.* Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais: 1928.
2. False friends // Wikipedia: 28.01.2026.
3. Interference (linguistics) // Wikipedia: 10.02.2026
4. Angst // Wikipedia: 10.02.2026
5. Gymnasium (school) // Wikipedia: 15.11.2025
6. Digraph CH // Wikipedia: 15.11.2025
7. False friends in English // Study-English.info: 15.11.2025
8. *Chamizo-Domínguez P., Nerlich B*. False friends: their origin and semantics in some selected languages // Asp: 01.12.2002.
9. Ложные друзья переводчика в английском языке // English for Sciences (ЮФУ): 2015
10. Ложные друзья переводчика: проблемы перевода и интерференции // SciPress: 28.04.2017
11. Ложные друзья переводчика // Megaobuchalka: 20.11.2015
12. Ложные друзья переводчика // Руниверсалис: 02.03.2023

FALSE FRIENDS

L. Dadayan, L. Asatryan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

In linguistics, the term “false cognates” is used to describe words in different languages that have similar forms or sounds but differ in meaning. False cognates can lead to misunderstandings and mistranslations. False cognates are pairs of words that appear to be cognates due to their similar sounds, spellings, and meanings, but have different etymologies. They can be from the same language or different languages, even within the same language family. The article provides specific examples of English and French words.

Keywords: False friends, false cognates, interference.

DEVELOPING AI LITERACY IN ELT

***M. Ivanova*[1], *D. Pervakova*[2]**

[1]*Moscow City University*
[2] *Higher School of Economics*
ivanovama03maria@yandex.ru, dasha.pervakova.d@mail.ru

ABSTRACT

This study addresses the need for concrete pedagogical approaches to developing critical AI literacy in language learners. Drawing on Warschauer's AI literacy framework and Moorhouse and Wong's pedagogical recommendations, four task clusters targeting linguistic standardisation, formulaic outputs, embedded bias, and hallucinations were designed and piloted. The study demonstrates that AI-generated texts, while lacking traditional authenticity, can support methodologically authentic critical engagement when embedded in structured pedagogical tasks that employ comparative analysis and experiential discovery.

Keywords: generative AI, critical AI literacy, comparative analysis, authenticity, ELT.

Introduction

It was not until the public release of ChatGPT by OpenAI in November 2022 that a watershed moment in education was heralded, ushering in what has been described as a period of "intense wonder, surprise, excitement, concern, and worry" about GenAI tools [7, p. 1]. While providing hitherto unseen possibilities in the ELT setting, GenAI has also entailed new pedagogical challenges by blurring traditional concepts of authenticity and introducing four key problems: linguistic standardization [7, p. 53], formulaic outputs [7, p. 54], embedded biases stereotypes [2], and hallucinations [9].

In response to these challenges, scholars proposed a five-part AI literacy framework including competencies of understanding, accessing, prompting, corroborating, and incorporating [10]. Moorhouse and Wong developed "professional-GenAI-competence" for language teachers, emphasizing that teachers should “help learners think critically about how AI shapes and changes society” [7, p. 1]. Although language teachers' digital competencies have increased since the Covid-19 pandemic [4], the complex and diverse uses of GenAI tools necessitate unique competencies. However, a gap remains regarding concrete pedagogical strategies addressing these specific threats. As Moorhouse and Wong note, teachers need “evidence-informed professional use of GenAI” [7, p. 1], requiring practical class-

room activities that develop AI literacy competencies while confronting problems of standardization, formulaic expression, bias, and inaccuracy.

This study addresses this gap by developing and piloting tasks to cultivate critical AI literacy, drawing on the principle that "determining significance is the methodological apparatus used by the teacher, not the material itself" [1, p. 156]. Tasks employ comparative analysis, metacognitive reflection, and position AI as an exploration tool rather than authority [7].

Methods

The research proceeded in two phases: 1) development of a task-based framework grounded in literature on GenAI and critical pedagogy 2) pilot implementation through eight individual 60-minute sessions with one English learner over four weeks.

Task development drew on Warschauer's AI literacy competencies (understanding, prompting, corroborating, incorporating) [10] and Moorhouse & Wong's pedagogical strategies (comparative analysis, metacognitive reflection, positioning AI as exploration tool) [7]. The study reconceptualized authenticity through Solovova's principle that "determining significance is the methodological apparatus used by the teacher, not the material itself" [1, p. 156]: AI-generated texts, though lacking traditional authenticity [5], become methodologically authentic through critical pedagogical engagement.

Four task clusters addressed key challenges:

1) Linguistic standardization; comparing AI-standardized texts with regional varieties [8];

2) Formulaic outputs; identifying AI patterns in reviews and personal writing [7, 10];

3) Embedded bias; analyzing stereotypes in AI-generated scenarios against lived experience [2, 3];

4) Hallucinations; verifying AI-generated citations and claims [9].

Each task employed comparative analysis (juxtaposing AI outputs with authentic alternatives), metacognitive reflection (questioning assumptions about AI authority), and positioned AI as exploration tool.

The participant was Valeria, a 19-year-old female undergraduate with upper-intermediate English (B2) who regularly used ChatGPT but lacked critical literacy. Data included task artifacts, observational field notes, and transcribed reflections for Warschauer competencies.

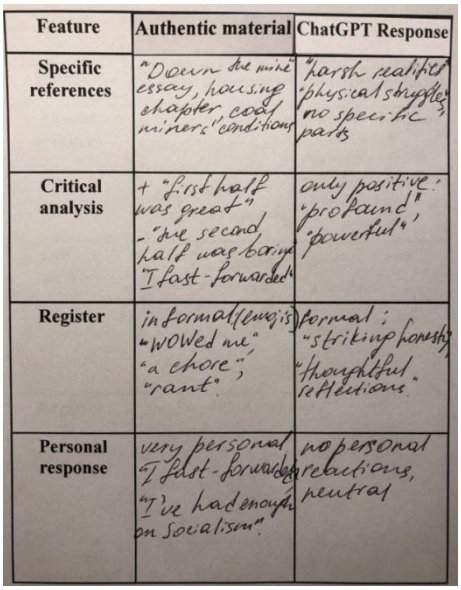
Results

Results are organized by task cluster, highlighting key developments in Valeria's critical AI literacy.

Table 2. Challenge 1: Formulaic outputs.

Phase	Time	Procedure	Student Response
1. Initial Generation	5 min	Student reads both reviews and identify which sounds "better" and discuss reasons*: Which review sounds "better" to you? Why?*	Valeria identified Review B (AI) as superior: *This one looks fancier and it has advanced vocab like "profound" and "striking honesty". Review A is a bit too casual.*
2. Identification task	15 min	Student uses guiding questions to determine which review is AI-generated while completing comparison table: *Which review tells you about the writer's personality? Which includes specific details? Which uses emotional language?*	Upon systematic comparison student noted specific details in review A (*"Down the mine")* and mixed feelings *("what an eye-opener!" "...the second half was more of a chore"*) while Review B used vague phrases (*"the second half shifts" "forces that shape it"*).
3. Reveal & reflection	5 min	Teacher reveals the answer. *Were you surprised? Why did you initially choose review B as a "better" one?*	Valeria expressed surprise: *Oh interesting, the one with formal language chunks is AI? I thought 'better' meant a more formal and academic register. But yeah, I see. Review A is less cliched and I can feel the author's personal touch to it.*
4. Pattern analysis	10 min	Student identifies "AI fingerprints" in (B): formulaic descriptors, vague language, generic structure.	Valeria highlighted generic phrases that *could be about any book if you change the title.* Observed*: AI wouldn't say "I fast-forwarded" or use "WOWed me inside out",* "*aka signature rant*" *or use "😂". It's always polished and fake.*

Phase	Time	Procedure	Student Response
5. Application	15 min	Student prompts ChatGPT to review a book they've read; compare with how they would actually write and complete reflection: *To make it sound like my review, I would need to...*	Valeria generated an AI review of a book she'd read, noting*: It used "compelling narrative" and "thought-provoking themes" which is a bit generic, I don't think it conveyed my impression accurately.* Reflection: *To make it sound like my review, I would include my actual thoughts however jumbled they are, not this academic lingo.*

Feature	Authentic material	ChatGPT Response
Specific references	"Down the mine" essay, housing chapter, coal miners' conditions	"harsh realities" "physical struggles" no specific parts
Critical analysis	+ "first half was great" - "the second half was boring" "I fast-forwarded"	only positive: "profound" "powerful"
Register	informal (emojis) "WOWed me" "a chore" "rant"	formal: "striking honesty" "thoughtful reflections"
Personal response	very personal "I fast-forwarded" "I've had enough on Socialism"	no personal reactions, neutral

Figure 1. Formulaic outputs: student's comparison table of ChatGPT response and authentic review.

Table 3. Challenge 2: Linguistic Standartisation.

Phase	Time	Procedure	Student Response
1. Initial Generation	10 min	Student receives context: *You're preparing to visit the UK and want to understand pub culture. Ask ChatGPT to roleplay as a British person telling you about their night out.* Student writes prompt, receives AI response and listens to generated audio.	Valeria's initial reaction: *This is lovely! It sounds very British. It even has slang like "pint" and "bank balance in pain" which is a bit ironic.*
2. Initial Analysis	10 min	Student analyses the response*: Where is this person from? What accent do they have? What's missing - emotion, chaos, specific people, unexpected details? What makes it feel slightly flat?*	Valeria observed: *It sounds like a news presenter telling a funny story. Very clear and smooth pronunciation. And the story has a clear structure. But I don't think real nights out are like that tbh.*
3. Authentic Video	10 min	Student watches Instagram video of Brummie recounting night out. Guiding questions while watching: *What words/phrases do you not recognise? What makes it sound regional? How is storytelling different?*	Valeria's reaction: *I understood maybe 60%! She says "dead nice" and 'he's gonna batter you all' – I didn't know these. And it feels as if I'm actually there.* Noticed regional markers: *"dead nice," "lads," "heart-to-heart".*
4. Comparison Analysis	10 min	Side-by-side comparison of ChatGPT text vs. authentic video transcript. Student completes a table: 1) accent markers 2) dialect markers 3) vocabulary register 4) sentence structure.	Valeria's completed table revealed stark contrasts: 1) RP vs. northern accent; 2) generic British terms vs. regional dialect 3) semi-formal vs. informal 4) linear structure vs. long and rambling structure.

Phase	Time	Procedure	Student Response
5. Rewriting	15 min	Using authentic video as reference, student re-writes or expands ChatGPT response to include regional vocabulary, non-linear structure, specific cultural references and wide emotional range.	Valeria's rewrite introduced: "*dead*" as intensifier *("dead cold outside"*). Reflected: *I can make it messier and more real by adding more emotions and cultural references.*
6. Reflection	5 min	Written reflection: *What does the AI version/ authentic video tell me about pub culture? Which gives a real glimpse into culture?*	Valeria wrote: *ChatGPT gave me London RP whereas the video showed me a real person from Birmingham. I now know what "lads", and "dead nice" stand for and some features of northern accents.*

Table 4. Challenge 3: Embedded Bias

Phase	Time	Procedure	Student Response
1. Initial Generation	10 min	Student receives scenario: *You're writing to an English-speaking friend about Russian New Year traditions. Use ChatGPT to help you write a letter.* Student generates prompt and receives AI response describing matryoshka dolls on table, prjaniki, kissel and tvorog desserts.	Valeria's initial reaction: *This looks nice overall! It mentions Russian food like prjaniki and kissel which is not mainstream.*
2. Reality Check	15 min	Student reads AI letter comparing to own experience: *Does this feel like your actual New Year? What do you and your family actually do? What foods do you actually eat?*	Valeria identified problems immediately: *Lol, we don't serve kissel for New Year... and neither do we have prianiki – it's not the New Year thing, really. Matryoshka dolls on the table sound absolutely ridiculous.* Listed what her family actually does: Olivier salad, herring under fur coat, champagne at midnight, watching Soviet comedies and tons of tangerines.

Phase	Time	Procedure	Student Response
3. Analysis	10 min	Systematic comparison: *What did AI include that's stereotype/cliché? What did AI miss that's actually important to your celebration? Why does AI know tourist Russia but not real Russia?*	Valeria's analysis: *ChatGPT mixed everything up – prjaniki, matryoshka, kissel – these are "Russian things" but not New Year things. Seems like AI doesn't know the difference between "Russian" and 'Russian New Year.* She noted AI completely missed the specific timing (midnight champagne), cultural films and actual foods that matter.
4. Cultural Authority	10 min	Reflection: *Why did you initially think the AI version* "*looked good*"*? What does this tell you about AI and cultural knowledge?*	Valeria reflected*: I thought it looked good at first because it had culturally-specific Russian words. And I trusted it because it sounded confident. Apparently ChatGPT was just trained on English texts about Russia written by foreigners... That's why it's full of stereotypes. Thank god I didn't simply copy-past the letter, it'd be very embarrassing.*
5. Reflection	5 min	*Will you use ChatGPT differently now for cultural information, research or homework?*	*I don't think I'll take ChatGPT responses for granted anymore... I'd better ask real people and find authentic sources, not AI.*

Table 5. Challenge 4: Hallucinations.

Phase	Time	Procedure	Student Response
1. Initial Generation	10 min	Student receives scenario: *You're writing an article about linguocultural competence development. Use ChatGPT to find 3–4 academic sources to cite.* Receives citations with authors, years, journal names, titles.	Valeria received 4 citations that looked professionally formatted. Initial reaction: *These look just perfect! Specific journals, volume numbers, page numbers.*

Phase	Time	Procedure	Student Response
2. Verification	15 min	Student checks each citation using Google Scholar: *Does the journal/author/article exist?* Creates verification table.	Valeria discovered: 2 out of 4 citations were completely fabricated. Dervin, F. (2016) – *"Language Learning Journal"exists, volume 44 exists, but this article doesn't. I checked the entire issue. Zhang & Yang (2021): "Language Teaching Research" is a real journal, but no article with this title in 2021. I searched authors too and found nothing. But they looked so real..*
3. Quote Request	10 min	For one fabricated source (Dervin, 2016), student asks ChatGPT: *Can you provide a quote from this article about the study's results?* Student attempts to verify quote by searching exact text online.	AI provided quote: *Language learners are often faced with the challenge of reconciling linguistic competence with cultural competence, with many teachers focusing predominantly on the former, neglecting the importance of cultural context in the learning process.* Valeria searched the exact phrase in academic databases and found zero results. *The article doesn't exist, so obviously the quote doesn't exist. But then it's perfectly formatted with quotation marks and everything…*
4. Challenge	5 min	Student asks ChatGPT: *What page is this quote on?* Observes whether AI admits fabrication or retraces steps.	ChatGPT retraced its steps*: You're right to question that. I should not have formatted that sentence as a direct quote...* Valeria's reaction: *Lol, so it knows it made it up? But why does it only admit it when I challenge it? This is downright wrong.*
5. Second Verification	10 min	To test if AI hallucinates with real texts, student asks about Macbeth (Penguin Books 1994): *Which page has Lady Macbeth's line: 'Here's the smell of the blood still...'?*	AI response: *it appears on page 19 of the text section.* Even provided a fake URL. Valeria checked her actual book: page 94, not page 19. *The difference is 75 pages! And it gave me a fake website link to 'prove' it. AI cited 'Shakespeare – the man who pays the Rent. Judi Dench' as a source. That's not even a Shakespeare edition, it's an autobiography!*

Phase	Time	Procedure	Student Response
6. Pattern Analysis	10 min	Student reviews findings: *What types of hallucinations appeared? How confident was AI's tone?* Creates summary.	Valeria identified three hallucination types: 1) fabricated sources 2) fabricated quotes 3) fabricated evidence. Key insight: *AI never says "I don't know". It always gives an answer. Confidence level is one hundred percent whether the information is real or completely made up. The fake quote sounded more academic than some real quotes I've read lol.*
7. Reflection	5 min	Written reflection: *What would have happened if you'd used these sources without verifying? How will this change your ChatGPT use?*	Valeria wrote: *If I had used the Dervin quote without checking, I would be plagiarising a text that doesn't exist. My academic supervisor wouldn't be terribly impressed I believe. Feels like you've always got to verify AI responses, whether it's quotes, pages or even articles. I will only use ChatGPT to generate ideas or help with grammar, not for fact-checking.*

Discussion

Across all four challenges, the comparative analysis strategy proved essential. Whether comparing AI-standardized text with regional varieties, AI-polished writing with authentic voice, AI cultural descriptions with lived experience, or AI citations with verified sources, Valeria's insights emerged from noticing concrete differences rather than being told about AI limitations.

This supports Moorhouse and Wong's recommendation that "teachers might guide students in critically analysing AI-generated texts, comparing them with regional or cultural variations" [7, p. 53]. The strategy's effectiveness lies in experiential discovery. When Valeria counted gender patterns, recognized tourist-brochure Russia, or found fabricated citations, the evidence became undeniable in ways didactic instruction could not achieve.

The pedagogical value emerged not from AI texts themselves but from the critical work surrounding them. As Solovova (2005) argues, "determining significance is the methodological apparatus used by the teacher, not the material itself" (p. 156). Though AI texts lack traditional authenticity - human authorship, communicative purpose, cultural grounding – Valeria's systematic analysis of stand-

ardization patterns, formulaic expressions, cultural stereotypes, and factual fabrications constituted methodologically authentic intellectual work.

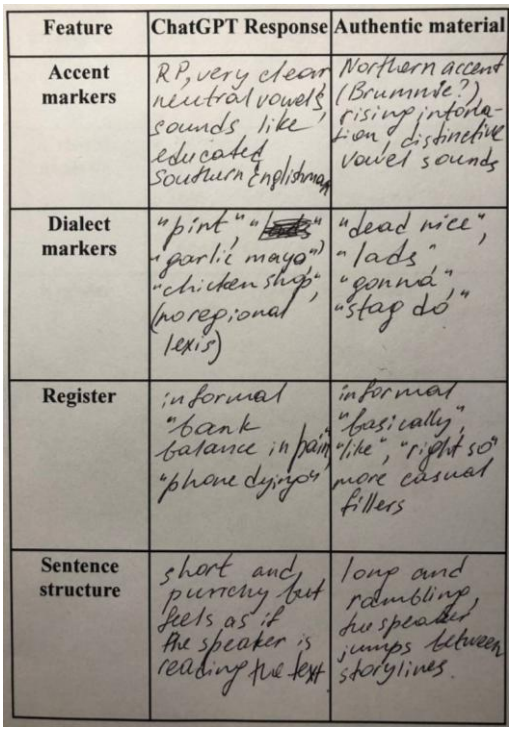
The pedagogical value emerged not from AI texts themselves but from the critical work surrounding them. As Solovova argues, “determining significance is the methodological apparatus used by the teacher, not the material itself” [1, p. 156]. Though AI texts lack traditional authenticity– human authorship, communicative purpose, cultural grounding –Valeria's systematic analysis of standardization patterns, formulaic expressions, cultural stereotypes, and factual fabrications constituted methodologically authentic intellectual work.

Conclusion

This study addressed the need for concrete pedagogical strategies that move beyond uncritical AI adoption or blanket rejection. Three findings merit emphasis. First, learners do not spontaneously develop critical AI perspectives since Valeria's baseline deference (*“if it says something is wrong, I just change it”*) required intentional pedagogical intervention. Second, comparative analysis proved particularly powerful: when Valeria juxtaposed AI outputs with authentic alternatives, limitations became concrete through experiential discovery. Third, GenAI texts, though lacking traditional authenticity, became sites of methodologically authentic work, supporting Solovova's principle that “determining significance is the methodological apparatus used by the teacher, not the material itself” [1, p. 156].

Moorhouse and Wong assert that “teachers are essential to effective and holistic learning, and they will not be replaced by artificial intelligence” [7, p. 1]. This study extends this claim: teachers are essential precisely because of GenAI – their role shifts to critical guide helping learners navigate AI-mediated landscapes.

Valeria's transformation exemplifies the agency education must cultivate: from assuming *“it knows English better than me”* to recognizing *“I'm the smart one because I can think about context and meaning.”* Her insight captures the core principle: “*I thought 'real English' meant sounding like AI – perfect and neutral and formal. Now I think my Russian-English is actually more interesting and more real because it's mine. AI English is nobody's English.”* Authenticity resides in human particularity, not algorithmic standardization. In helping learners recognize this, we affirm education's commitment to developing not efficient text producers but thoughtful, critical, and authentically human participants in a complex world.

Feature	ChatGPT Response	Authentic material
Accent markers	RP, very clear neutral vowels, sounds like educated Southern Englishman	Northern accent (Brummie?) rising intonation, distinctive vowel sounds
Dialect markers	"pint" "[illegible]" "garlic mayo" "chicken shop" (no regional lexis)	"dead nice", "lads" "gonna" "stag do"
Register	informal "bank balance in pain" "phone dying"	informal "basically", "like", "right so" more casual fillers
Sentence structure	short and punchy but feels as if the speaker is reading the text	long and rambling, the speaker jumps between storylines.

Figure 2. Linguistic standartisation: student's comparison table of ChatGPT response and authentic reel.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соловова Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: учеб. пособие. М.: «Просвещение», 2005.
2. *Al-khresheh, M.* Bridging technology and pedagogy from a global lens: Teachers' perspectives on integrating ChatGPT in English language teaching // "Computers and Education: Artificial Intelligence", 2024.
3. *Kasneci E., Seßler K., Küchemann S., Bannert M., Dementieva D., Fischer F., Kasneci G.* ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education // "Learning and Individual Differences", 2023, 103p.
4. *Lee S., Jeon J.* Enhancing pre-service EFL teachers' TPACK through chatbot-integrated lesson planning projects // "Language Learning & Technology", № 28 (1), 2024. PP. 1–20.
5. *McGrath, I.* Materials Evaluation and Design for Language Teaching: Edinburgh University Press. 2016.
6. *Moorhouse B., Wan Y., Ho T., Lin A.* Generative AI-assisted, evidence-informed use of L1 in L2 classrooms // "ELT Journal", № 78 (4), 2024. PP. 453–465.
7. *Moorhouse B.., Wong, K.* Generative Artificial Intelligence and Language Teaching. UK: "Cambridge University Press", 2025.
8. *Smith, G., Fleisig E., Bossi M., Rustagi I., Yin X.* Standard language ideology in AI-generated language. 2024.
9. *Walters, W., Wilder E.* Fabrication and errors in the biblio-graphic citations generated by ChatGPT // "Scientific Reports", № 13 (1), 2023.

10. *Warschauer M., Tseng W., Yim S., Webster T., Jacob S., Du Q., Tat T.* The affordances and contradictions of AI-generated text for writers of English as a second or foreign language // "Journal of Second Language Writing", 2023.

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ (ИИ) В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

***М.В. Иванова*[1], *Д.Н. Первакова*[2]**

[1]*Московский городской педагогический университет*
[2]*Высшая школа экономики*

АННОТАЦИЯ

Данная статья обусловлена необходимостью разработки конкретных педагогических подходов к формированию критической AI-грамотности у изучающих иностранный язык. В результате исследования были разработаны и апробированы четыре блока заданий, нацеленных на такие преодоление лингвистической стандартизации, шаблонности ответов, предубеждений и «галлюцинаций». Исследование демонстрирует, сгенерированные ИИ тексты, хотя и не обладают традиционной аутентичностью, могут способствовать методологически аутентичному критическому анализу при включении в задания с использованием сравнительного анализа и эмпирического наблюдения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая грамотность, сравнительный анализ, аутентичность, преподавание английского языка.

ՍԱՆԱՍԱՐ ԵՒ ԲԱՂԴԱՍԱՐ ԴԻՑԱԶՆԱՊԱՏՈՒՄԸ. ԼԵԶՈՒԱԲԱՆԱԿԱՆ, ԴԻՑԱԲԱՆԱԿԱՆ ԵՒ ՊԱՏՄԱՍՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԴԻՏԱՐԿՈՒՄՆԵՐ

Ա. Ա. Կասեան[1]

[1] *Ռուս-հայկական համալսարան*
Akasyan31@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Յօդուածը նուիրուած է Սանասար եւ Բաղդասար դիւցազնների կերպարների ծագման, լեզուաբանական կառուցուածքի եւ դիցաբանական նշանակութեան ուսումնասիրմանը։ Քննարկուում են նրանց առնչութիւնները հայոց նախաքրիստոնէական հաւատալիքների, տեղանունների, ինչպէս նաեւ հնդեւրոպական արմատների հետ։ Յատուկ ուշադրութիւն է դարձուում Սիմ լեռան անուան մեկնաբանութեանը, որը ներկայացուում է ոչ թէ բիբլիական Սէմի հետ կապուող, այլ լոյսի գաղափարական շերտ ունեցող տեղանուան։ Վերլուծուում են նաեւ Սանասար եւ Բաղդասար անունների հնարաւոր ստուգաբանութիւնները՝ դրանք կապելով լոյսի, փայլի եւ լեռնային խորհրդանիշների հետ։ Աշխատանքում վիճարկուում են այն տեսակետները, որոնք փորձում են դիւցազներին ներկայացնել որպէս եկուոր կերպարներ կամ Սէմական ծագում ունեցող նախնիներ՝ ցոյց տալով նման պնդումների լեզուաբանական եւ հնագիտական թոյլ հիմքերը։ Եզրակացուում է, որ այս դիցազնները ներկայացնում են տեղական մշակութային շերտի խորքային արտայայտութիւն եւ մարմնաւորում են ազգային ինքնութեան, դիւցազնական գաղափարատիպի (idéal) եւ տիեզերաբանական պատկերացումների միաձուլումը։

Հիմնաբառեր՝ Սանասար, Բաղդասար, դիցաբանութիւն, ինքնութիւն։

Ներածութիւն

Հայոց վաղ շրջանի պատմագրական վկայութիւններն ու դիցաբանական պատումները կրում են բազմաշերտ բնոյթ՝ միահիւսուած առասպելական յօրինուածքներով եւ գաղափարական նպատակներ հետապնդող վերաշերտաւորումներով։ Տարբեր ժամանակաշրջաններում ձեւաւորուած զոյգ կամ երկուորեակ կերպարները, ինչպիսիք են Երուանդն ու Երուազը, Սանասարն ու Բաղդասարը, Գիսանեն ու Դեմետրը, կարեւոր

դեր են խաղացել ազգային ինքնութեան խորհրդանշական հիմնաւորման եւ իշխանական տոհմերի օրինականացման գործընթացներում, որոնց առաւել արտայայտիչ օրինակներից են Սանասարն ու Բաղդասարը։

Հայոց հին պատմագրական եւ դիցաբանական աւանդոյթները ձեւաւորուել են բազմաշերտ մշակութային միջավայրում, որտեղ առասպելը, պատմութիւնը եւ գաղափարական մեկնաբանութիւնները փոխադարձաբար ներգործել են միմեանց վրայ։ Այս համատեքստում երկուորեակ կամ զոյգ դիւցազուների կերպարները առանձնայատուկ տեղ են զբաղեցնում՝ ծառայելով ոչ միայն դիւցազնագրական պատումների կառուցուածքային տարր, այլեւ ազգային ինքնութեան խորհրդանշական հիմնաւորում։ Սանասարն ու Բաղդասարը այդպիսի կերպարներից են, որոնց պատմութիւնը միաւորում է բնապաշտական հաւատալիքները, տոհմական յիշողութիւնը եւ դիցաբանական աշխարհընկալումը։ Նրանց կերպարների ուսումնասիրութիւնը հնարաւորութիւն է տալիս բացայայտելու հայոց վաղ պատկերացումները տիեզերքի, իշխանութեան եւ նախնեաց ժառանգութեան մասին, ինչպէս նաեւ վերաիմաստաւորելու այն մեկնաբանութիւնները, որոնք յետագայ դարերում ձեւաւորուել են արտաքին գաղափարական ազդեցութիւնների պայմաններում։

Մեթոդներ

Ուսումնասիրութիւնն իրականացուած է համադրական-վերլուծական մեթոդաբանութեամբ, որը ներառում է.

- պատմագրական աղբիւրների քննութիւն
- լեզուաբանական ստուգաբանութիւն
- դիցաբանական համեմատական վերլուծութիւն
- տեղանունների եւ դիցանունների հնչիւնաբանական ուսումնասիրութիւն
- էպիկական տեքստերի մեկնաբանում

Օգտագործուել են ինչպէս գրաւոր աղբեւրներ, այնպէս էլ լեզուաբանական արմատների համեմատական տուեալներ։

Քննարկում

Սանասարի եւ Բաղդասարի պատմութիւնը սկիզբ է առնում Տարօն աշխարհի Սիմ լեռան մերձակայքից։ Տարօնի տարածքում յիշատակուող Սիմ լեռը, ըստ Մովսէս Խորենացու, կապուած է Նոյի որդի Սէմի հետ. պատմահայրը այն ներկայացնում է իբրեւ Սէմի բնակութեան վայր ջրհեղեղից յետոյ։ Խորենացին գրում է, թէ Սէմի սերունդները իբր բնակութիւն են հաստատել Տարօնի լեռնաշղթայում, եւ լեռը ի պատիւ նրա անուա-

նուել է Սէմ, ապա՝ Սիմ[1]։ Զուգահեռաբար, այլ աւանդազրոյցների համաձայն, այս լեռը մի ժամանակ հանդիսացել է Լուսնի պաշտամունքային վայր։ Այսպիսով, Սանասարն ու Բաղդասարը, բնակութիւն հաստատելով Սիմ լեռան շրջակայքում եւ հիմնելով Զոջանց տունը, ոչ միայն շարունակում են բնապաշտական ու բիբլիական աւանդոյթների հետ կապը, այլեւ դառնում են հայոց էպիկական պատումների կենտրոնական դէմքերից։ Այս կերպարները խորհրդանշում են հայ ժողովրդի ինքնութեան խարսխումը պատմական ու առասպելական միաձուլման միջոցով։

Աւելի վաղ արուած դիտարկումները որոշ մեկնաբանների մղել են եզրակացնելու, թէ հայ ժողովրդի ակունքները Սէմական են՝ հիմնուելով երկու պնդման վրայ.

1. Զրհեղեղից յետոյ Սէմը, ըստ Խորենացու, հաստատուել է Տարօնում։

2. Սանասարն ու Բաղդասարը, որոնք կապուած են Սիմ լեռան հետ, դիտարկուել են որպէս եկուորներ։

Սակայն վերոնշեալ պնդումները խոցելի են եւ գիտական քննադատութեան չեն դիմանում։ Նախ՝ հնագիտական պեղումները Տարօնի շրջանում մինչ այժմ չեն բացայայտել շերտեր, որոնք կարելի լինէր վերագրել մերձաւորարեւելեան Սէմական կամ յստակ եբրայացիների ծագման գաղթականութեան [2]։ Առաւելեւս՝ լեզուաբանական եւ տեղանունի վերլուծութիւնները չեն աջակցում այն պնդմանը, թէ «Սիմ» (կամ «Սէմ») տեղանունը անպայման առնչուում է բիբլիական Սէմի հետ։

Երկրորդ՝ Սանասարն ու Բաղդասարը հայ դիցաբանական համակարգում ներկայացուած են որպէս նախահայրեր, եւ նրանց կերպարները ունեն տեղական արմատներ։ Դրանց եկուորային բնութագրումը աւելի յետագայ քրիստոնէական շերտաւորում է, քան պատմաառասպելական իրական տուեալ։

Լեզուաբանական տեսանկիւնից «Սիմ» ձեւի մեկնաբանութիւնը կարեւոր բացատրութիւն ունի։ Հնդ. եւրոպ. լեզուներում արմատային *sāwel-, *s(u)wel-, *sṷel-ձեւերը տալիս են «արեւ», «լոյս» իմաստները [3]։ Julius Pokorny-ի եւ այլ լեզուաբանների տեսակետների համաձայն՝ այս արմատից ծագում են բառեր ինչպիսիք են՝ անգլ. sun, լատին. sol, հին հնդ. surya, եւ այլն [4]։ Ուստի Սիմ-ը կարող էր սկզբնապէս նշանակել լուսաւոր վայր, լոյսի կամ Արեւի դիցաբանական վայր, իսկ հետագայում ենթարկուել է վերիմաստաւորման։

Հայերէնի «շեմ» բառը, որը նշանակում է մուտք, սկիզբ, սահման, հաւանաբար կրում է նոյն հնդեւրոպական արմատը՝ նոյնութեամբ ար-

ձանագրուած Ս. Մալխասեանցի ակադեմիական բառարանում [5]։ Այդ եզրով «Սիմ լեռ» հասկացութիւնը կարելի է մեկնաբանել ոչ թէ որպէս Սէմի անունից ծագող, այլ բնիկ արմատից սերմանուած տոպոնիմ, որը մատնանշում է մի վայր՝ իբրեւ սրբավայրի մուտք կամ սկիզբ։

Վանի բեւեռագիր արձանագրութիւններում Լուսնի դիցուհին նշուում է ᴰSIN գաղափարագրով, ինչը համապատասխանում է Մելարդի (me-e-la-ar-di-e) դիցանունին։ Նախկինում Մելարդի անուանը առաջարկուել է այլ ընթերցում՝ Շելարդի (ši-e-la-ar-di-e), սակայն այժմ ընդունուած է, որ այդ տեսանկիւնը սխալ է, եւ ճիշտ է Մելարդի ընթերցումը [6]։ Այս համատեքստում ᴰSIN անունը պատկերացուում է Լուսնի դիցուհու այլ անուն կամ մակդիր։ Այսպիսով գրաբարի «մեղարդ» բառը հաստատ ուղղակիօրէն նշանակում է «Լուսին»։ Այս համատեքստում հնչիւնային եւ բառագիտական համընկնումներ են նկատուում Մելարդի ու Մեղարդ բառերի միջեւ։

Վերադառնանք Ջոջանց տան պատմութեանը։ «Սասնա Ծռեր» դիւցազներգութեան առաջին ճիւղում մեզ է փոխանցուում Սանասարի եւ Բաղդասարի պատումը։ Ըստ էպոսի՝ Սանասարի ու Բաղդասարի մայր Ծովինարը, կէնաց աղբեւրից մի բուռ լիքը եւ մի բուռ էլ կիսատ ջուր խմելով, յղիացաւ։ Եղբայրները հիմնադրում են նոր բնակավայր, կառուցում ամրոց, անունը դնում Սասուն եւ դառնում երկրի առաջին պաշտպանները [7]։ Սանասարը կերպարային առումով ունի առաւել վառ ընդգծում՝ որպէս ուժեղ, վճռական եւ առաջնորդող դիւցազն։ Բաղդասարը, մինչդեռ ներկայացուում է որպէս ծուռ[8], աջակցող եղբայր՝ իբրեւ հավասարակշռող ուժ Սանասարի կողքին։ Այս եղբայրների կերպարները՝ իրենց համատեղ գործողութիւններով եւ փոխլրացմամբ, դառնում են հիմք այն արժէքային համակարգի, որտեղ խիզախութիւնը, համերաշխութիւնը եւ հայրենաշէն միտքը դառնում են առաջնային։ Սանասարն ու Բաղդասարը ոչ միայն նախահայրերն են Սասունցի Դաւթի, այլեւ նախանշան՝ հայ ազգի վերածնման, միասնութեան եւ դիմադրութեան ոգու։

Դարերի ընթացքում Սանասար–Բաղդասար դիւցազնապատումը համեմատուել է բիբլիական Սարասար–Ադրամելէք զոյգի հետ։ Վերջիններս ներկայացուում են որպէս Սենեքերիմի հայրասպան որդիներ, որոնք փախչում են Արարատեան երկիր։ Ադրամելէքը ասորական միջավայրում եղել է Արեւի աստուածութիւն, իսկ քրիստոնէական մեկնաբանութեամբ՝ սատանայական կերպար։ Սարասարի անունը տարբեր աւանդոյթներում հանդիպում է Շարեցէր ձեւով, որը լեզուականօրէն սկզբնական տարբերակն է։

Բիբլիական եւ հարակից աղբիւրներում փախստեան երկիրը կոչուում է Արարատ/Արարադ, իսկ որոշ քաղդէական ու բաբելոնեան աւանդոյթներում՝ Կարդու, որը կապուում է Կորդուքի լեռնաշխարհի եւ Ջուդի լեռան հետ[9]: Ժամանակի ընթացքում այս տեղանունները ձուլուել են «Արարատեան երկրի» միասնական պատկերում՝ դառնալով Հայկական լեռնաշխարհի ինքնութեան հիմնասիւներից մէկը:

Խորենացին, հիմնուելով բիբլիական տեքստի վրայ, Ադրամելէքին եւ Սարասարին ներկայացնում է որպէս Հայք տեղափոխուած գործիչներ եւ նրանց դարձնում է հայկական նախարարական տոհմերի նախնիներ: Թովմա Արծրունին այս գիծը զարգացնում է՝ նրանց կապելով Սիմ լեռան շրջանին եւ Սանասնեաք կոչուող սերունդներին[10], սակայն միեւնոյն ժամանակ յստակ բաժանում է նրանց Հայկեան ծագումից:

Այս համադրութիւններում անտեսուում է էական հակադրութիւնը. Սարասար–Ադրամելէքը կործանարար, հայրասպան եւ քրիստոնէականօրէն դատապարտուած կերպարներ են, մինչդեռ Սանասար–Բաղդասարը ստեղծագործ, գերբնական ծնունդ ունեցող եւ ազգային իդեալի մարմնաւորում են: Այդ պատճառով Սանասար եւ Բաղդասարին բիբլիական քողի տակ ներկայացնելը ոչ թէ բացատրութիւն է, այլ նախաքրիստոնէական դիւցազնապատումի նուաստացման եւ օտարացման փորձ:

Որոշ հայագէտները համակարծիք են այն փաստի հետ, ըստ որի՝ էպոսում առկայ է կոսմոգոնիական դիցաբանական մարմնաւորումներ: Յայտնի է, որ երկուորեակների մայրը Ծովինարն է: Ծովինարը (Նուրին, Նար, Նուրի-Նուրի) հայոց դիցաբանութեան մէջ ամպրոպի եւ ջրեի դիցուհին է: Նրա կերպարը միաժամանակ կապուում է ջրի, ծովի եւ փայլակների հետ: Մանուկ Աբեղեանը Ծովինարին անուանում է «ամպրոպային աստուածուհի», որը, ամպերում պարելով կամ հրեղէն ձիուն վարելով, կայծ եւ ամպրոպ է առաջացնում: Ըստ որոշ աղբեւրների հրեղէն ձիերը բնակուել են ե՛ւ ջրերում, ե՛ւ քարանձաւներում [11]: Էպոսի վերջում Սանասարի ժառանգ Փոքր Մհերը Քուռկիկ Ջալալիի հետ փակուում են Վանայ բերդից ոչ հեռու գտնուող «Ագռաւի քար», սրբազան քարաժայռում: Սա պատահականութիւն չէ: Իրողութիւնը հասկանալու համար հարկաւոր է հասկանալ, թէ ով է Սանասարը: Ըստ էպոսի՝ Սանասարը ծովի մէջ մտաւ եւ ձեռք բերեց Ծովային ձին. Քուռկիկ Ջալալին եւ Թուր Կեծակին [12]: Ահաւասիկ խօսուն փաստ առ այն, որ Սանասարը նոյնպէս կայծակի ու ամպրոպի հետ է առնչուում: Նա իր յատկանիշները ժառանգել էր մօրից, իսկ ընտանեկան ձին՝ հաւանաբար հօրից:

Հայոց մէջ կայ աւանդոյթ. ընտանիքներում առաջնեկ տղային յաճախ անուանում են իր պապի (հօր հօր) անունով, որը բացառութիւն չէր նաեւ

էպոսում: Սա կապուած էր տոհմական յիշողութեան պահպանման, նախնեաց շարունակականութեան եւ ժառանգական իշխանութեան խորհրդանշական փոխանցման հետ: Այս սկզբունքը յայտնի է թէ՛ ազգագրական նիւթերից, թէ՛ միջնադարեան գրաւոր աղբեւրներից եւ, որպէս կանոն, արտացոլուում է նաեւ դիւցազնագրական միջավայրում: Սակայն «Սասնա ծռեր» էպոսում նկատուում է այս աւանդոյթի խախտում. Սանասարի որդին չի կրում իր պապի՝ Սենեքերիմի անունը, այլ կոչուում է Միհր:

Այս շեղումը դժուար է բացատրել միայն պատահականութեամբ, քանի որ էպիկական անուանակարգը սովորաբար խիստ պահպանողական է: Ակնյայտ է, որ այստեղ գործ ունենք ոչ միայն տոհմական-իրաւական, այլ դիցաբանական անուանակրման շերտի հետ, երբ դիւցազնի անունը պայմանաւորուում է նրա կերպարային եւ պաշտամունքային նոյնացմամբ: «Միհր» անունը հնչիւնաբանական (հաւանաբար Mihr → Mhr → Mher) եւ իմաստաբանական առումով առնչուում է «Միհր» դիցանուանը, որը հին հայկական եւ իրանական կրօնական համակարգերում արեւային, արդարադատական եւ ուխտապահպան ոյժի մարմնաւորումն էր:

Ուշագրաւ է նաեւ, որ թէ՛ Միհրը, թէ՛ Միհրը առնչուում են ամպրոպային-երկնային ուժերի, լեռան, քարի եւ այլ իրեղութիւնների հետ: Փոքր Միհրի՝ «ժայռի մէջ փակուած» լինելը յիշեցնում է Արեւ-դիցի ցիկլային անհետացման եւ վերադարձի հնագոյն առասպելաբանութիւնը, մինչդեռ Միհրը հին աւանդոյթներում յաճախ կապուած է լեռնային սրբավայրերի եւ ժայռափոր մեհյանների հետ (հմմտ. Միհրի դուռը Վանում): Այս համընկնումները վկայում են, որ էպոսում պահպանուել է նախաքրիստոնէական մի խոր շերտ, որտեղ դիւցազնը ոչ միայն պատմականացուած նախնեաց ժառանգ է, այլեւ տեղային պաշտամունքային դիցի վերաիմաստաւորուած կերպար:

Ըստ հնագոյն հաւատքի՝ աշխարհը կը ներկայացնէր աղի ծովու մը (Վանա լիճը), որու մէջ կայ ժայռ, եւ երբ երկինքը պատում է, լոյս է ընկնում ժայռի վրայ, եւ քիչ ժամանակ յետոյ կը ծնի արարչագործ Միհրը՝ մերկ, գլխին՝ հայկական գլխարկ, աջ ձեռքին՝ դաշոյն, որով կը պահպանէ զարդարութիւն երկրին վրայ, ձախ ձեռքին՝ ջահ, որմով կը լուսաւորէ աշխարհը: Միհրը, սպանելով ցուլը, անոր մասերէն կ'արարէ աշխարհը եւ կը հաստատէ Արարչական օրէնքը [13]: Սա նման է Սանասարի ծնունդին [14].

«Մտածելով ծովու բերան վէ գնաց.

Գնաց, կայնեց մէկ քարափ տեղ.

Նայեց, տեսաւ, որ ծովին ծեր չկայ:
. . . .
– Էս ծովի ջուր շատ աղի է (Վանա լիճը):
Ա՛խ, երանի՛ մէկ կաթ ջուր ըլներ,
Ես խմէի, սրտի սպասկն անցնէր:
Քեռմերըն շատ ֆըռաց, ջուր չգտաւ,
Էն ժամանակ Ծովինար ասաց.
– Աստուած, դու մէկ աղբուր էատեղ բուսցես,
Մէկ էլ ինձի մէկ լուս ու ճար անես:
Աստուծու հրամանով, ծովըն բացուաւ,
Մի շատ համեղ ջուր դուրս էկաւ:
Նայեց, տեսաւ՝ մէկ ջոջ քար կա ծովու պռուկ,
Սիպտակ աղբուր մի էդ քարից կը թալի.
Ջուրն էլ էդ քարի չորս բոլոր բռներ էր.
Մարդ չէր կարնայ առանց հալաւ հանելու,
Էդ աղբուր էրթայ, որ ջուր խմի:
Ինքն իր շորեր էհան, գնաց էդ աղբուր,
Բուռ էտու էդ անմահական աղբըրի մէջ,
Մի բուռ լիք ջուր խմեց,
Սէկ էլ՝ մի բուռ կիսատ:
Սղբուրըն ցամաքաւ:
Էդ էրկու բուռ ջրից հղացաւ»:

Այսպիսով կարելի է ենթադրել, որ Սանասարի հայրը Միհրն է: Սանասարի անունը ինքին խօսում է իր կապի մասին հօր հետ: Առաջարկում ենք Սանասար անունը դիտարկել որպէս երկու բնիկ հայկական ձեւոյթների՝ «սան» + «սար»: «Սար» բառը հայերէնում նշանակում է «լեռ»: Անուան մէջ «սար»-ը յստակօրէն ցոյց է տալիս «լեռնային ծագումը», ինչպէս Գանձասար (գանձ + սար), Ակնասար (ակն + սար): Շումերերէնում առկայ (šen) [նշանակում է՝ փայլուն, լուսաւոր, յստակ, որոշ, պայծառ] բառը [15], որը դիցաբանական տեսանկիւնից կարող էր կապ ունենալ Սանասարի անուան հետ, սակայան սա լոկ նմանութիւն է եւ հաւանաբար կապ չունի այս անուան հետ: Իսկ հայերէնում «սան» բառը հանդիպում է՝ (ša2-ni /šani/մետաղէ աման, կաթսա) [16], ձեռնկախ, աշակերտ, հոգեզաւակ [17] եւ տղայ իմաստներով: Կարելի մտածել, որ Սանասար անունը մակդիր է: Այս երեւոյթը բացառութիւն չէ հայկական դիցաբանութիւնում՝

Արամազդ – «Մեծ», «Ամենակարող»,
Անահիտ – «Ոսկեմայր», «Ոսկեծամ», «Տիրուհի»,

Վահագն – «Վիշապաքաղ», «Քաջ», «Հուրաչք»,

Աստղիկ – «Գեղեցկուհի», «Վարդամատն» եւ այլն։

Սանասարը, ծնուած լինելով «լեռից», չի բացառուում, որ ստանար Լեռան Զաւակը մակդիրը։ Վերեւում արդէն նշուած է Միհրի եւ Միհրի նմանութեան մասին։ Կարեւոր է նաեւ նշել, որ Միհրի հայր Արամազդը եւս կապ ունի ամպրոպի հետ, քանի որ նրա պաշտամունքը Teišeba-ի պաշտամունքի շարունակութիւնն է։ Հետեւաբար, Սանասարի որդու անուան ընտրութիւնը կարող է դիտուել ոչ միայն որպէս միտումնաւոր «դիցականացում» այլեւ ընտանեկան աւանդոյթների պահպանում։

Վերադառնանք Բաղդասարին։ Բաղդասարը աւանդաբար կապուած է բիբլիական Բելշազարի հետ (Belshazzar, աքադ. 𒂗𒃻𒆠𒌨 (EN-LUGAL-ÙRU), հին բաբելոն. Bēl-šarru-uṣur «Բալը պաշտպանում է թագաւորին») [18]։ Սակայն հայկական աւանդութեան մէջ հնարաւոր է անուան կառուցուածքի սեփական մեկնաբանութիւնը։ Չի բացառուում, որ «Բաղդասար» անունը կարող է ձեւակերպուել որպէս հին հայկական բառ կազմուած *bʰel- արմատից. PIE *bʰel- արմատը նշանակում է «վառ, պայծառ, վառել, վառուել», եւ նրա թարգմանական հետքերը առկայ են բազմաթիւ լեզուներում (օր.՝ յուն. φλέγω «վառել» եւ լատ. fulgur «կայծակ»)։ Հայերէնում բալ «մառախուղ» բառը ծագում է հենց PIE *bʰl̥H-i արմատից, որը ունի «փայլուն, սպիտակ» իմաստ։ Այստեղ ուշագրաւ է, որ սանսկրիտում կայ «հալ» կամ «բհալ» (bhāla) բառը՝ «փայլ, շող» իմաստով։ Կարելի է ենթադրել, որ հայերէն հին «բալը», թէեւ դարերով կրել է «մառախուղ» (հակափայլուն) իմաստը, ի սկզբնէ կրել է «փայլուն, լուսաշող» իմաստը։ Հետեւաբար՝ «Բաղդասար» անունում կարող է յայտնուել «bal > bał» (լուսաւոր) արմատը եւ մի երկրորդ մաս, որը վերոնշեալ «լեռնային» իմաստն է կրում։ Դիցաբանական տեսանկիւնից Բաղդասարը եւս ունի ուղիղ կապ ամպրոպի, փայլակի եւ լեռան հետ։

Կարեւոր նկատառում։ Սանասարը եւ Բաղդասար անունները ստուգաբանելով ստացանք կապ լոյսի հետ։ Դժուար է ասել, որ լոկ պատահականութիւն է։ Յայտնի է այն փաստը, որ հայերի պաշտամունքը կապուած է եղել կենաց լոյսի հետ, եւ ուստի հայոց դիցերի, դիւցազների անունների կապը լոյսի հետ շատ տրամաբանական է։

Եզրակացութիւն

Ուսումնասիրութիւնը ցոյց է տալիս, որ Սանասար եւ Բաղդասար կերպարները պէտք է դիտարկել որպէս տեղական դիցաբանական համակարգի արդիւնք, այլ ոչ թէ արտաքին ծագման ներմուծումներ։ Նրանց անունների, առասպելների եւ խորհրդանիշների լեզուաբանական ու

դիցաբանական քննութիւնը վկայում է լոյսի, լեռան եւ երկնային ուժերի հետ կապուած հնագոյն գաղափարաշերտերի գոյութեան մասին: Այս դիւցազները հանդէս են գալիս ոչ միայն որպէս էպիկական նախահայրեր, այլեւ որպէս մշակութային յիշողութեան կրողներ, որոնք միաւորում են տոհմական շարունակականութիւնը, բնական տարրերի պաշտամունքը եւ ազգային արժէքային համակարգը: Ուստի նրանց մասին պատումները պէտք է գնահատել որպէս հայկական հոգեւոր ժառանգութեան ինքնուրոյն եւ խորքային դրսեւորում, որը պահպանել է նախաքրիստոնէական մտածողութեան կարեւոր հետքերը եւ նպաստել ազգային ինքնագիտակցութեան ձեւաւորմանը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹԻՒՆ

1. *Մովսիսի Խորենացւոյ*, Պատմութիւն Հայոց, ի Վենետիկ, ի Սուրբ Ղազար, ՌՄՀԶ, էջ 43:
2. *Kosyan A.* Ecology and Civilization of the Armenian Highland, 2020:
3. The College of Liberal Arts, The University of Texas at Austin: https://lrc.la.utexas.edu/lex/master
4. Julius Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, 1948:
5. *Մալխասեանց Ս.* Հայկական ՍՍՌ Պետական Հրատարակչութիւն, Եր., 1945, էջ 200:
6. *Հմայակյան Ս.* Վանի թագավորության պետական կրոնը: Եր., 1990, էջ 48:
7. *Գրիգորյան Ռ.* «Սասնա Ծռեր»: ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատարակչություն, Եր., 2000:
8. Նույն տեղում:
9. *Մովսիսյան Ա.* Հայոց պատմության աշխարհակալությունները:
10. *Թ. Արծրունի և Անանուն*: [Աշխատության անվանումը]: Եր., 1978, էջ 32:
11. *Աբեղեան Մ.* Երկեր, հ. է: Եր., ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1975, էջ 83:
12. *Գրիգորյան Ռ.* «Սասնա Ծռեր»: ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատարակչություն, Եր., 2000:
13. *Մովսիսյան Ա.* Նեմրութ. Արև-արքայի մեծ սրբավայրը:
14. *Գրիգորյան Ռ.* «Սասնա Ծռեր»: ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատարակչություն, Եր., 2000:
15. ePSD2:
16. *Ղափանցյան Գ.* Ուրարտուի պատմությունը: Եր., Պետհամալսարանի հրատ., 1940, էջ 38:
17. Բառգիրք հայերէն լեզուի: Անդրանիկ Վրդ. Կոռանեան, Պէյրութ, 1998, էջ 405:
18. ePSD2:

ЭПОС О САНАСАРЕ И БАГДАСАРЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

А.А. Касян[1]
[1]*Российско-Армянский университет*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию происхождения образов эпических героев Санасара и Багдасара, их языковой структуры и мифологического значения. Рассматриваются их связи с дохристианскими верованиями армян, топонимами, а также с индоевропейскими корнями. Особое внимание уделяется толкованию названия горы Сим, которое представляется не связанным с библейским Симом, а имеющим семантический слой, связанный с идеей света. Анализируются также возможные этимологии имён Санасар и Багдасар, связывающие их с символикой света, сияния и гор. В работе оспариваются точки зрения, пытающиеся представить героев как пришлых персонажей или предков семитского происхождения, показывая слабость лингвистических и археологических оснований подобных утверждений. Делается вывод, что эти герои представляют глубокое выражение местного культурного слоя и воплощают синтез национальной идентичности, героического идеала и космологических представлений.
Ключевые слова: Санасар, Багдасар, мифология, идентичность.

THE EPIC OF SANASAR AND BAGHDASAR: LINGUISTIC, MYTHOLOGICAL, AND HISTORICAL-CULTURAL OBSERVATIONS

A. Kasian[1]
[1]*Russian-Armenian University*

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the origin of the epic heroes Sanasar and Baghdasar, their linguistic structure, and mythological significance. Their connections with pre-Christian Armenian beliefs, toponyms, and Indo-European roots are examined. Special attention is given to the interpretation of the name of Mount Sim, which is presented not as related to the biblical Shem but as a toponym possessing a semantic layer associated with the idea of light. Possible etymologies of the names Sanasar and Baghdasar are also analyzed, linking them with symbolism of light, radiance, and mountains. The work challenges views that attempt to present these heroes as foreign figures or ancestors of Semitic origin, demonstrating the weak linguistic and archaeological foundations of such claims. It is concluded that these heroes represent a profound expression of a local cultural stratum and embody a synthesis of national identity, the heroic ideal, and cosmological concepts.
Keywords: Sanasar, Baghdasar, mythology, identity.

THE IMPACT OF STRESS LEVEL AND TYPES OF NEURODYNAMICS ON THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES AT A UNIVERSITY

O. Mkrtchian, A. Simonyan

Russian-Armenian University
Institute of Philology and Intercultural Communication
mkrtchian.olia@student.rau.am, armine.simonyan@rau.am

ABSTRACT

This article examines the relationship between students' stress levels and their speech activity. It analyses the mechanisms underlying language anxiety, the impact of emotional hyperactivity on cognitive functions, and the role of personality types in overcoming communication barriers. Particular attention is paid to the neurodynamic aspects of speech inhibition in stressful situations and the transition from distress to eustress.
Keywords: foreign language anxiety, speech activity, cognitive functions, personality types

In the 21st century, chronic stress has emerged as a pervasive phenomenon, with academic pressure ranking among the leading stressors for young adults. Students are particularly vulnerable to this pressure, as they must continuously process, analyze, and synthesize large volumes of information under strict time constraints. Within the educational context, foreign language learning presents a distinct neuropsychological challenge. Research consistently demonstrates that learners experience elevated anxiety during oral production tasks – a phenomenon termed Foreign Language Anxiety (FLA). From a neuroscientific perspective, speech production is a highly complex process involving the coordinated activation of Broca's and Wernicke's areas, the motor cortex, and prefrontal cognitive networks. In psycholinguistics, this process requires the seamless integration of four sequential levels of speech processing: phonological (identifying phonetic units), lexical (mapping phonemes to the mental dictionary), semantic (determining meaning), and syntactic (analyzing grammatical structures).

However, all of these interconnected cognitive and neural networks are highly susceptible to disruption under conditions of acute stress. While Attentional Control Theory posits that anxiety redirects cognitive resources from task performance to self-evaluation, the precise manner in which stress-induced physiological changes impair specific psycholinguistic stages remains insufficiently integrated. Current literature widely documents that elevated levels

of cortisol – a primary biomarker of the stress response – impair working memory and attentional control, thereby reducing a learner's linguistic fluency and spontaneity. Yet, there is still a significant knowledge gap regarding how these neurobiological shifts directly trigger phonetic, lexical, and structural breakdowns during real-time speech activity. Furthermore, existing research often treats the psychological and neurobiological dimensions of FLA in isolation, leaving a critical need for integrated, evidence-based coping frameworks tailored for acute educational settings.

To address these limitations, the aim of this article is threefold: first, to provide a comprehensive outlook of the neurobiological and psychological mechanisms underlying foreign language anxiety; second, to evaluate how stress hinders the specific phonological, lexical, semantic, and syntactic levels of speech activity; and third, to evaluate evidence-based intervention strategies for learners. Ultimately, this study proposes a practical framework for delivering structured psychological support during periods of acute emotional dysregulation. By bridging the gap between neurobiology and psycholinguistics, this research enhances the theoretical understanding of stress-induced language deficits and offers actionable pedagogical and psychological tools to mitigate the debilitating effects of FLA in the classroom.

Speech production is a neurologically complex process requiring the coordinated interaction of cortical speech centres – principally Broca's area for syntactic encoding and motor planning, and Wernicke's area for lexical-semantic processing – alongside subcortical motor pathways and top-down emotional regulation mediated by the prefrontal cortex (PFC). Under conditions of acute stress, the hypothalamic-pituitary-adrenal (HPA) axis is activated, triggering the release of glucocorticoids (primarily cortisol) and catecholamines (adrenaline and noradrenaline), which collectively initiate the phylogenetically conserved fight-flight-freeze response. From a neurophysiological perspective, there is a redistribution of activity from the hippocampus (responsible for memory and learning) to the amygdala (the fear centre). This leads to: impairment of any cognitive process; limited attention; difficulty finding words; and a breakdown in the connection between the primary utterance program and its implementation. As a result, automatic feedback control is impaired, disrupting speech fluency, tempo, and intonation. Numerous empirical studies have been conducted to identify changes in students' emotional states during exams, oral retelling of texts, and, in general, during speech activity. English language learners often express feelings of nervousness, stress, and anxiety, as well as having a "mental block" or "blank

mind" when it comes to demonstrating their fluency and English language knowledge.

Anxiety is a psychological construct, commonly described by psychologists as a state of apprehension, a vague fear that is only indirectly associated with an object. Anxiety has been found to interfere with many types of learning, but when associated with learning a second or foreign language, it is termed "second/foreign language anxiety." Anxiety is the result of a struggle between opposing drives and a compromise [7]. According to Freud, anxiety is an emotional state that reflects a person's experiences under external threat (the ego function). This function helps warn a person about a threat and, with the likelihood of avoiding it, helps a person act rationally in extreme situations [5]. Defence mechanisms such as repression, substitution, rationalisation, reaction formation, projection, regression, sublimation and isolation act as a way of releasing unpleasant, difficult experiences associated with anxiety [7].

The psychological component plays a decisive role in students' communicative competence. According to MacIntyre's concept, the level of language anxiety is a key predictor of academic success in second language acquisition [11]. This is supported by a number of empirical data: students with low levels of stress demonstrate higher scores on speaking skills assessments [6]. The destructive impact of stressful conditions on the cognitive level manifests itself in a decline in the quality of speech production. Specifically, research shows that under stress, students tend to simplify syntactic constructions, use complex subordinations less frequently, and produce shorter utterances [12]. This negative correlation between anxiety and speech quality (fluency, accuracy, and complexity) remains consistent in both classical and contemporary studies [14].

K. Horney believed that anxiety stems from a lack of security in interpersonal relationships. Horney compared fear to anxiety. Fear is a reaction proportional to the existing danger, while anxiety is interpreted as an incommensurate reaction to an imagined danger [8]. The theory of differentiated emotions notes that anxiety involves the dominant emotion of fear, which interacts with certain fundamental emotions such as anger, guilt, shame, and interest. The anxiety syndrome, depending on the combination of effects included, varies among individuals: fear is combined with guilt, fear with shame and guilt, fear with suffering, fear with anger, fear with suffering and anger, but the dominant emotion in all these cases is fear [10].

In modern research, anxiety is examined through psychological and physiological criteria. In terms of its psychological manifestations, anxiety is characterized by a number of specific characteristics: agitation and tension, worry, preoccupation with the problem, nervousness, a feeling of helplessness and

inability to solve the problem, irascibility, etc. Physiological manifestations of anxiety include insomnia, increased heart rate, rapid breathing, fluctuations in blood pressure, and decreased sensitivity thresholds.

The term “anxiety” encompasses not only physical, mental, and behavioral indicators, but also the changes that occur in response to threats, extreme situations, and danger. Our brain registers a perceived threat and sends signals to the nervous system and the body's hormones to trigger the “fight or flight” response. This manifests itself in increased breathing and heart rate, as well as changes in blood flow throughout the body – preparing it for movement. Other accompanying physiological reactions include dizziness, nausea, and sweating. The fight-or-flight response appears to be beneficial in response to a specific threat. However, when exposed repeatedly or for a long time to perceived stress – for example, the fight-or-flight response is an inappropriate response to a seemingly stressful situation that poses no real danger – it leads to unhealthy levels of anxiety [1].

Undoubtedly anxiety and stress have a predominantly destructive effect on speech performance during English or any other foreign language learning, triggering “foreign language anxiety, ” which reduces academic performance, motivation, and the ability to speak spontaneously. High levels of stress inhibit the left hemisphere, which is responsible for speech control, and lead to vocabulary loss, phonetic errors, and avoidance of practice. However, it is common to distinguish between the constructive and destructive aspects of stress. In other words, not all stress is harmful. Stressful activation is often a positive force, enriching a person with an awareness of their true potential. H. Selye called positive stress eustress, and debilitating and destructive stress distress. In the early stages of stress, overall well-being and health typically improve. However, as stress continues to mount, it reaches its peak. This point can be called the optimal stress level, because if stress continues to escalate, it becomes harmful to the body [3].

A recent study by Wang et al. (2025), published in Brain Sciences, applied an innovative network analysis method to examine the influence of anxiety on speech characteristics.

Participants: 316 students (mean age 20.3 years).

Scenario: An oral exam in a foreign language (description of a picture in English), acting as a natural stressor.

Groups: Participants were divided into low-anxiety (n = 119) and high-anxiety (n = 197) groups based on self-reports.

- Analyzed parameters: Jitter, fundamental frequency (F0) (which represents the rate of vocal cord vibration and corresponds to perceived pitch, has

been consistently identified as a primary indicator of stress), formant frequencies (F1/F2) (serve as crucial indicators of vocal tract resonance and articulation patterns).

- Research has shown that stress-induced changes in muscle tension and breathing patterns can affect formant characteristics, speech intensity and rate.

The authors departed from the traditional study of isolated parameters, demonstrating that "anxiety may fundamentally restructure the relationships among vocal parameters under stress". A key finding was that jitter is the only parameter directly related to anxiety levels across all groups. A consistent negative correlation was observed: increasing anxiety levels led to a decrease in jitter, which may be caused by laryngeal muscle tension under stress. Furthermore, high anxiety was found to induce a specific relationship between vocal intensity and formant frequencies (F1/F2), which may serve as an objective marker of the body's compensatory mechanisms under stress. Research has also found that anxiety fundamentally alters the structure of connections between sound parameters. In the high anxiety state, a strong relationship was found between intensity (loudness) and formants (articulation), indicating compensatory efforts to maintain speech clarity. In the low anxiety group, the network is sparser and there is no connection between loudness and articulation. Thus, this study expands our understanding of how anxiety manifests through a complex system of interconnected vocal parameters through real-world stressors, such as oral examination that captures authentic anxiety responses. The study confirms that "these speech changes arise from increased sympathetic nervous system activation, subsequently affecting breathing patterns, vocal fold tension, and articulatory precision, eventually leading to synchronized shifts in pitch, loudness, and speech pacing. Thus, this chain of relationships reflects how stress modifies vocal behavior holistically" [13].

However, to comprehensively evaluate student coping mechanisms under stress, it is imperative to differentiate between personality types. These classifications facilitate the identification of cognitive frameworks, consistent interpersonal dynamics, motivational drivers, and orientations toward academic freedom. Furthermore, understanding these developmental archetypes is essential for the implementation of pedagogical strategies that transcend rote knowledge transfer, fostering psychological well-being and the holistic self-actualization of the individual student.

The impact of language anxiety on speech quality manifests itself differently among individuals with different personality types. Various theories help

systematize the various personality types, their characteristics, and differences. For example, drawing on Carl Jung's theory of psychological types, Howard Gardner's theory of multiple intelligences, and other concepts, A.V. Davtyan identifies eight basic personality types: exploratory, pragmatic, existential, spiritual, civic, social, constructive, and religious. To ensure a highly focused and rigorous analysis, this study delimits its scope to the *exploratory*, *pragmatic*, *existential*, and *social* dimensions of this typology. These are then examined in terms of their interaction and development in the educational environment. Particular attention is paid to how certain personality types can be harmoniously integrated into the educational process, and how educators can adapt their methods based on the needs and characteristics of these types.

1. Thus, people with an **exploratory** personality type have a deep desire to learn and understand the world around them. They are interested in abstract ideas, concepts, theories, and philosophical questions. They are inclined toward self-knowledge and the pursuit of knowledge in various fields. In the educational process, it is important to provide these students with the opportunity to independently analyze and find solutions. There are two subtypes of the exploratory personality type:

a) the analytical-logical subtype, which focuses on the exact sciences, constructing logical schemes, and identifying patterns;

b) the theoretical-philosophical subtype, which is interested in meaning, abstract concepts, and the structure of the world.

For students with the exploratory personality type, it is recommended to encourage essay writing on abstract topics during foreign language lessons, participation in competitions and projects where they will have the opportunity to present their research and experiments and development of argumentation and analytical skills [2].

2. The **pragmatic** personality type is focused on the practical application of knowledge. Pragmatic people value concrete results and achievements, prefer to solve problems with a clear goal, and move forward based on logic, functionality, and efficiency. They strive to ensure that their efforts yield tangible benefits. When working with such personality types, it's important to create conditions in which they can see the direct value of their actions and apply their knowledge in real-world situations. Pragmatic individuals are particularly sensitive to the applicability and productivity of information in their everyday and professional lives. The subtypes of the pragmatic type are:

a) the technical-executive subtype, who prefers to act according to clear instructions and prides themselves on the precision of results;

b) the goal-oriented-organizational subtype, who seeks the best ways to achieve goals and enjoys systematization.

For students with the pragmatic type, it is recommended for teachers to encourage project work, and business games that focus on solving specific problems where the results are immediately visible, as well as training time management and planning tools [2].

3. The **existential** personality type of students seeks the meaning and purpose of their existence. They are prone to deep introspection and often ask questions about life, death, morality, and spirituality. It is important to support such individuals in their search for inner harmony, providing space for self-expression and reflection on personal mission and purpose. They are often sensitive, deeply empathetic, and inclined toward philosophical reflection. The subtypes of the existential type are:

a) the moral-reflective subtype, which addresses questions of justice, duty, and moral guidelines;

b) the empathic-humanistic subtype, which is deeply empathetic and cares for people, animals, and nature.

For students with an *existential* type, teachers are advised to organize philosophical and ethical discussions and select texts that touch on profound issues of life to stimulate self-reflection [2].

4. **Social** personalities value mutual understanding and interaction with others. They strive to create harmonious relationships, help others, and are capable of showing empathy and support. In the educational process, they can serve as a connecting link in a group, promoting cohesion and effective interaction. Social personalities value communication, mutual understanding, and collaborative activities. They maintain relationships and are good team players. The subtypes of the social type are:

a) the communicative-harmonizing subtype, who is able to easily find common ground, resolve conflicts, and unite a group;

b) the empathetic-helpful subtype, who enjoys helping, caring, and being considerate of others.

For students with the social type, teachers are recommended to organize role-playing games, trust circles, and joint projects where they can demonstrate their communication skills. Teachers should encourage the development of empathy and conflict resolution, as well as support leadership qualities aimed at collaboration and helping others [2].

Personality rarely manifests itself as a single dominant type. In real life, we often see combinations and intersections of various personality types, which can

change with maturation, self-discovery, and life experience. The application of a typological approach in education facilitates:

- the adaptation of curricula to the diverse needs of students;
- the development of individual educational trajectories;
- reducing stress and increasing motivation for learning;
- the development of key 21st-century competencies – critical thinking, cooperation, creativity, and empathy.

Thus, synergy is achieved not through equalization, but through mutual complementarity – when each personality type retains its uniqueness while simultaneously integrating into the overall system based on respect, collaboration, and shared values [2].

Based on this principle, in order to reduce foreign language anxiety (FLA) and develop communicative competence, the following evidence-based interventions are recommended:

1) *Rhythmic Speech.* This technique utilizes external rhythmic stimuli, such as a metronome, to provide a structured temporal framework for speech production. By physically tapping the rhythm for each stressed syllable, the speaker synchronizes neural processing with the articulatory system, preventing the adrenaline-induced acceleration that often leads to phonological "swallowing" of word endings.

2) *Strategic Semantic Pausing.* This method involves the deliberate insertion of approximately two-second intervals after complete thought units or preceding linguistically complex lexical items. These pauses facilitate cognitive offloading for the working memory, allowing for efficient retrieval from the "mental dictionary" and reducing the reliance on "fillers" (e.g., "uh," "well"), which create background noise and increase anxiety.

3) *Vowel Hyperarticulation*. Stress causes the jaw to tighten, leading to slurred speech. "Pre-speaking warm-ups", involving the exaggerated pronunciation of the vowels [a], [o], [u], [i] in a clearer way than usual, serve to relieve muscle tension and send a signal to the brain that the situation is under control, reducing overall anxiety

4) *Discourse Markers*. Prepared "automatic" phrases (clichés) (e.g., "That's a very interesting point, let me think for a second…" or "How should I put this…") allows the speaker to maintain verbal flow while undergoing high cognitive load. These rehearsed markers function as a "linguistic buffer", preserving executive control resources for complex vocabulary retrieval and preventing panic during silence.

5) *“Box / Square” Breathing (4-4-4-4)*. To regulate the phonological level and eliminate vocal tremor, it is effective to employ the following pattern: inhale for 4 counts – hold for 4 – exhale for 4 – hold for 4. This practice directly stimulates the vagus nerve, effectively lowering cortisol levels and transitioning the autonomic nervous system from a sympathetic "fight or flight" response to a parasympathetic state of calm.

This study demonstrates the significant influence of Foreign Language Anxiety (FLA) on both cognitive and physiological dimensions of speech production in students at a university. Under stress, a neurobiological shift from the hippocampus to the amygdala leads to notable impairments in memory, lexical retrieval, and articulatory precision. Nevertheless, the research indicates that stress is not solely detrimental, as the transition from distress to eustress can be facilitated through targeted interventions.

The findings suggest that a typological approach, recognizing distinct personality types, is essential for creating supportive educational environments. By integrating evidence-based strategies, educators can help students mitigate the “fight-or-flight” response. Ultimately, fostering communicative competence requires a synergy between pedagogical adaptation and psychological support, ensuring that students can transcend emotional barriers to achieve linguistic fluency.

REFERENCES

1. *Берберян А.С.* Эмоции и стресс в курсе общей психологии: теоретические основы и практикум. Ер.: Изд-во РАУ, 2025. СС. 224–225.
2. *Давтян А.В.* Типология личности и педагогика гармонии. Ер.: авторское издание, 2025г. СС. 27–42.
3. *Марютина Т.М.* Психофизиология: общая, возрастная, дифференциальная, клиническая: учебник. М.: «ИНФРА-М», 2021. СС. 90–189.
4. American Psychological Association. (2023). Stress in America 2023: A nation grappling with psychological impacts of collective trauma. URL: https://www.apa.org/news/press/releases/stress/2023/collective-trauma-recovery (accessed: April 21, 2026).
5. *Arbiser S. & Schneider J.* (Eds.). On Freud's Inhibitions, Symptoms and Anxiety (1st ed.). Routledge. 2013. doi.org/10.4324/9780429477836.
6. *Cheng Y., Horwitz E. & Schallert D.* Language Anxiety: Differentiating Writing and Speaking Components. Language Learning, 49. 1999. PP. 417–446. doi.org/10.1111/0023-8333.00095.
7. *Freud S.* The Ego and the Id. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XIX (1923–1925): The Ego and the Id and Other Works. 1923. PP. 1–66.
8. *Horney K.* The neurotic personality of our time. New York: “Norton”, 1937, 291p.
9. *Horwitz E., Horwitz M. & Cope J.* Foreign Language Classroom Anxiety. The Modern Language Journal, 1986. 70(2). PP. 125–132. doi.org/10.2307/327317.

10. *Izard C.* The Psychology of Emotions. New York, NY: "Plenum Press", 1991. doi.org/10.1007/978-1-4899-0615-1.
11. *MacIntyre P.* Language Anxiety: A Review of the Research for Language Teachers. In D. J. Young, (Ed.), Affect in Foreign Language and Second Language Learning // "A Practical Guide to Creating a Low-Anxiety Classroom Atmosphere", 1999. PP. 24–43.
12. *Phillips E.* The effects of language anxiety on students' oral test performance and attitudes. Modern Language Journal, 76(1). 1992. PP. 14–26. doi.org/10.2307/329894.
13. *Wang Q., Xu F., Wang X., Wu S., Ren L., Liu X*. How Anxiety State Influences Speech Parameters: A Network Analysis Study from a Real Stressed Scenario. Brain Sci. 2025. DOI: 10.3390/brainsci15030262.
14. Woodrow L. Anxiety and Speaking English as a Second Language // "RELC Journal", 37. 2006. PP. 308–328. doi.org/10.1177/0033688206071315.

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ СТРЕССА И ТИПОВ НЕЙРОДИНАМИКИ НА ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ

О.Т. Мкртчян, А.А. Симонян
Российско-Армянский университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается взаимосвязь между уровнем стресса и эффективностью речевой деятельности студентов. В частности, анализируются механизмы возникновения языковой тревожности, влияние эмоциональной гиперактивности на когнитивные функции и роль типов личности в преодолении коммуникативных барьеров. Особое внимание уделено нейродинамическим аспектам «зажима» речи в стрессовых ситуациях и переходу от дистресса к стрессу.

Ключевые слова: языковая тревожность, речевая деятельность, когнитивные функции, типы личности.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ГОДИЧНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
20–26 апреля 2026г.
Том I.

Главный редактор РНИ – *М.Э. Авакян*
Редактор – *Н.Б. Бадалян*
Редактор – *А.С. Есаян*
Компьютерная верстка – *А.С. Бжикян*

Editor-in-Chief of the RNI – *M.E. Avakyan*
Proofreader – *N.B. Badaljan*
Proofreader – *A.S. Esayan*
Computer layout – *A.S. Bzhikyan*

ԳՀԽ գլխավոր խմբագիր – *Մ.Է. Ավագյան*
Խմբագիր – *Ն. Բ. Բադալյան*
Խմբագիր – *Ա.Ս. Եսայան*
Համակարգչային էջադրում – *Ա.Ս. Բժիկյան*

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
тел./факс: (+374 12) 77-57-75 (внутр.: 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am
Address of the Editorial Board of Scientific
Publications of the Russian-Armenian University:
0051, Yerevan, st. Hovsep Emin, 123
tel./fax: (+374 12) 77-57-75 (ext. 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am
Հայ-ռուսական համալսարանի Գիտական
հրապարակումների խմբագրության հասցե՝
0051, ք. Երևան, փող. Հովսեփ Էմին, 123
հեռ./ֆաքս՝ (+374 12) 77-57-75 (ներքին՝ 392)
էլ.փոստ՝ maria.avakian@rau.am

Заказ № 19
Подписано к печати 24.08.2026г.
Формат 70x100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1.
Объем 51.9 усл. п.л.

Order No. 19
Signed for publication on Juie 24, 2026
Format 70x100$^{1}/_{16}$. Offset paper No. 1.
Volume 51.9 conv. p.l.

Պատվեր № 19
Ստորագրված է հրապարակման՝ 24.08.2026թ.:
Չևաչափ՝ 70x1001/16. Օֆսեթ թուղթ No1.
Ծավալ՝ 51.9 պայմանական տ.թ.

ISBN 978-9939-67-421-6

